

**ЛЕГЕНДЫ
СОЕДИНЕННОГО
КОРОЛЕВСТВА
МИР СВЕТА**

12+

**ВЛАДИМИР
АШХМЯН**

Annotation

Что обычно нарушает спокойную и размеренную жизнь героев? Конечно, приключения! Калебу Шаттибралю, талантливому и обожающему шутки чародею, выпал жребий стать главной фигурой на сцене вселенских событий. Загадочная и тернистая тропа поведёт Калеба и его друзей навстречу опасности. Головокружительные сражения, непостижимые тайны, кошмарные и комичные чудачества судьбы, а также, куда уж без неё, любовь — всё это и многое другое ждёт Калеба впереди. Удастся ли ему не сломаться на полпути? Сможет ли он преодолеть круговерть неприятностей? Получится ли у него достигнуть запечатанной на все замки цели? Чтобы узнать это отправляйтесь в путешествие вместе с Калемом! Сотни волшебных страниц, наполненных человеческими чувствами и переживаниями, раскроют перед вами эпическую и донельзя прекрасную историю. Здесь выбор — это не пустой звук. Тонкая прорисовка характеров и мира захватывает воображение с первых секунд. «Легенды Соединённого Королевства» — это яркий образец современного фэнтези.

Посвящается моим родителям, а также детскому геологическому музею «Волшебная

Пещера», под сводами которого была написана эта книга.

Глава 1. Избранник Вселенной

— Уууу главввноггто вхооода васссс ожддддает гоннеец, — зомби с трудом выговаривал слова.

А что поделаешь? Бегло говорить не всякому дано, особенно если ты мёртв — это вообще сложно становится. Сухожилия и связки портятся, гниют и теряют эластичность. Мускулатура лица дрябнет, а язык распухает и отваливается. Правда стоит сделать пометочку, это всё поправимо. В известных пределах, конечно. Почему я так уверенно об этом рассуждаю? Потому что я...

— Мааассстттееррр Кааа каааа кааа!

— Да не надрывайся ты, я уже иду!

— Вассссс ожиииддаааает гоннееццц...

Отложив книгу, которую читал, я спустился во двор. На белом уставшем коне сидел рослый детина. Я быстро оценил его взглядом: высокие скулы, приподнятые брови, солдатская осанка. Под кольцами кольчуги проглядывался меховой жилет. За спиной висел серый дорожный плащ. На поясе у незнакомца болтался палаш, а у согнутого колена развивался флаг Соединённого Королевства — вытканые на пурпуре сокол, лев, кабан, краб, лось и ворон, поддерживающие корону.

— Ты Калев Шаттибраль? — напыщенно спросил бугай, не слезая с коня.

— Я.

— Её Королевское Величество передаёт тебе Это.

Гонец ткнул мне письмо чуть ли не в нос. Я нахмурился и исподлобья глянул на небритую физиономию.

— Неучтиво передавать послания, не слезая с лошади, — проворчал я, хватая его за протянутую руку чуть повыше локтя.

Рывком я стащил наглеца из седла. Бамс! Ему не посчастливилось плюхнуться в заколдованную лужу.

Пока он пытался выбраться из неестественно вязкой жижи, я рассматривал синий конверт с золотым ободком. На красном сургуче стояла отметина королевского дома. Я разломал печать и достал вчетверо сложенный листок. Витиеватым размашистым почерком королева срочно требовала меня в столицу. Она настаивала, чтобы я не мешкал и отправлялся в путь сразу, как только получу в руки эту бумагу. Я вздохнул. Как будто у меня своих дел нет? Не люблю, когда не указывают причину приглашения. Вообще не люблю, когда что-то происходит незапланированно хотя бы за месяц или два!

Я перевёл взгляд на гонца. Он кое-как освободился из грязевого плена и теперь перепугано на меня тарацился. Нет, ну а что он ожидал от своего некрасивого поведения? Неужели приглашения на чашечку чая? Глупо, очень глупо так себя вести во владениях некроманта. Впрочем, несмотря на изначальную заносчивость, гонцу хватило ума перенести непредвиденное падение молча. Видимо он наконец смекнул, что к чему.

— Скажи королеве, что я получил её весть.

Порывшись в кармане, я вынул сушёную лапку горной ящерицы. Она уже успела покрыться пушистой бахромкой плесени.

— Вот, продень через неё верёвочку и ходи, не снимая три месяца.

— Зачем?

Вопрос прозвучал надтреснуто.

— Затем, что иначе сделаешься зомби, как и все, кто до тебя имел радость искупаться в Чёрном Источнике Преображения!

— Я... я... мне...

Такой здоровенный и так забавно заикается.

— Бу!

Я взмахнул пальцами — посыпались разноцветные искры. Этого хватило. Гонец судорожно вцепился в протянутую лапку, вскочил на коня и понёсся к воротам. Когда пыль от копыт рассеялась, я позволил себе сменить мрачный вид на ухмылку. Конечно, эта лужа просто лужа, а не какой-то там Чёрный Источник Преображения. Я наложил на неё чары запутывания, чтобы вычислить, кто из мертвяков не может отказать себе в удовольствии пройтись по ней, а потом по моим чистым коврам. Удачно она подвернулась! Само собой, орасина не обратился бы никаким зомби, но я далеко не зануда, хорошие шутки — моя пламенная страсть. Кстати, лужу всё-таки придётся засыпать... Ладно, это потом.

Давненько я не покидал свой замок. И ехать мне, честно говоря, сильно не хотелось. Чем старше я становлюсь, тем больше меня прельщает проводить жизнь таким затворником. Однако королевская депеша немедленно требовала меня во дворец, а значит, могло случиться что-то серьёзное. Последний раз я был при дворе Манфреда Второго. Перед смертью король желал вытянуть пару лишних дней. Он оступился на лестнице и сломал себе позвоночник. Тогда меня вызвали в Шальх, и я смешивал для умирающего монарха эликсиры, которые, к сожалению, только оттягивали неизбежный конец. Алхимия, как, впрочем, и магия Света, не всегда способна сотворить невозможное. Я бы мог сделать из Манфреда Второго зомби, но он и сам понимал, что это не выход. Кому нужен такой экстравагантный правитель?

Как только Манфред Второй отошёл к праотцам, Братство Света немедленно обвинило меня в его убийстве. Видите ли, по мнению достопочтенных пономарей это из-за моих отваров он скончался, а скользкий пол и ненадёжные перила здесь вовсе ни при чём. На моё счастье, за меня заступилась королева Элизабет Тёмная. Она вразумила взбесившееся духовенство, а мне тайно наказала вернуться, если я понадобится вновь. Конечно, это не первый случай, когда королевская семья пользуется моими услугами. Иногда я выполняю для неё кое-какие щекотливые поручения. В обмен на это монархи не дают Братству Света объявить на меня открытую охоту. Я, так сказать, никого не трогаю, и меня никто не трогает. Коронованные особы всегда мудро подходят к выбору своих советников, в кругу коих изредка появляюсь и я. Хотя обычно меня не беспокоят чаще, чем два три раза в столетие. Да-да, я вовсе не так и юн. Не стоит заблуждаться, только благодаря магии я по-прежнему прекрасно выгляжу.

Манфред Второй почил лет сорок, а то и пятьдесят назад. Сейчас правит его сын Вильгельм Тёмный. Поговаривают, что он неплохо справляется со своими обязанностями. Я видел его совсем мальчишкой. Теперь же, как я полагаю, Вильгельм успел вырасти во взрослого мужчину. Ах, как быстро летит время, даже не замечаешь, как и что меняется в мире.

Я задержался у ворот, чтобы сорвать пробивающийся из-под камня сиреневый цветок гортензии. Повертев его в руке, я стал подниматься на смотровую башню. Мне всегда как-то лучше думается при созерцании природы. Преодолею последнюю ступеньку ветвистой

лестницы, и мне открылся чудесный вид. Каждый раз поражаюсь, насколько красиво вокруг! Мой замок находится на крутой возвышенности посередине маленького горного кольца; такое расположение даёт великолепный обзор на многие мили вокруг. К северу от крепости берег лениво обнимает холодное неприветливое море.

Попасть ко мне во владения получится только с южной стороны, через узкий проход между двумя остроконечными горными пиками, которые, как каменные великаны, стерегут небольшой, хорошо укреплённый форт Нави. От Нави дорога вьётся ввысь, пока не доходит до ворот замка. С уверенностью можно сказать, что мой дом является надёжной крепостью. Выгодное расположение даёт массу преимуществ при обороне. Не то чтобы я кого-то боялся, просто мне нравится держать ситуацию под контролем. Особенно, когда это касается моей личной безопасности. Я давно разгадал главную тайну — большинство человеческих болезней появляются из-за нервов, а спокойный сон — это залог физического и умственного здоровья. Я знаю, что за высокими стенами мне ничто не угрожает. Поэтому я высыпаюсь, и как следствие этого, чувствую себя превосходно.

— Итак, мы отправляемся!

За моим плечом, как тень, появился молодой долговязый вампир. С недавних пор он стал моим учеником. Зовут его Грешем. Он любит подкрадываться сзади и замирать как статуя, ожидая, когда я его увижу. Частенько я не замечаю его. Я поворачиваю голову и нос к носу сталкиваюсь с улыбающимся клыкастым лицом. Подобные встречи заставляют моё тело непроизвольно вздрагивать. По-видимому, такая игра в прятки доставляет кровопивцу большую радость, а мне преподносит щепотку адреналина. Его обучение только начинается. Учу я его всему понемногу: магии, зельеварению, читать знаки по небу, как прилично вести себя за столом и красиво говорить. Грешем оказался способным учеником, и многое схватывает на лету. Правда надо отметить, что не всё и не всегда. Он имеет склонность к лени, которая нередко перечёркивает все мои старания вбить в его голову что-то новое. Легкомысленное отношение Грешема к чужому труду меня изрядно раздражает, и я частенько грохусь познакомить его сердце с осиновым колом. Я подозреваю, что вампир избирательно подходит к тому, что, по его мнению, нужно запоминать, а что нет. Однако кое в чём он меня определённо превосходит. А именно во владении клинком. Грешем предпочитает пользоваться двумя короткими мечами, которые всегда носит с собой. Иногда я с удивлением наблюдаю, как он нарочито небрежно подбрасывает несколько яблок, а затем с кошачьей ловкостью перерубает фрукты прямо в воздухе. Грешем никогда не забрасывает тренировку с оружием, уделяя ей по возможности хотя бы часок в день.

До меня вампир вёл разбойничий образ жизни. Он грабил путников на дорогах и питался кровью случайных жертв. Я принял его — руки помощника подчас оказываются нелишними. Хотя я до сих пор не понимаю, почему Грешем решил изменить свою жизнь и начать обучаться магии. Может, сказывается его природная любознательность? Вампиры любят совать свои бледные носы во все интересное. Вернёмся же к нашей беседе.

— А кто сказал, что ты пойдёшь со мной? — Я насмешливо выгнул бровь. — У тебя полным-полно незаконченных дел.

— Каких это?

— Как — каких? Кто ещё на той неделе мне клятвенно обещал сварить ромашковый отвар? Кто должен был нарезать сотню крысиных хвостов? Кто, я спрашиваю, собирался наловить пиявок и пауков? Кто он?

— Кто? — притворно удивился Грешем.

Я ткнул пальцем в кожаный нагрудник.

— Ты!

— Я?

Вампир прикрыл рот когтистой ладонью.

— Ты думаешь, прохвост, я про всё забыл? И не надейся! К тому же, если я и возьму тебя с собой, то ни к чему хорошему это не приведёт.

— Почему?

— Представь — ты в столице Соединённого Королевства, а вокруг тебя крестьяне, купцы, солдаты, старухи. И дети! Вообразил?

— Да.

— Теперь пораскинь мозгами — что будет дальше? Тебе приветливо помашут рукой и позовут на совместный ленч? Или закричат: «Караул! Вампир! Вампир! Несите вилы!». Что-то мне подсказывает, что второй вариант более правдоподобен.

— Тогда вопрос — будут ли рады видеть вас? — смущённо осведомился Грешем.

Я пожал плечами.

— Клыков у меня нет.

Грешем ощупал два длинных выступающих зуба.

— Как будто они помешают мне слиться с толпой.

— Поверь, помешают.

Я сощурился.

— Подожди, ты в зеркало хоть раз заглядывал?

— Я — красавчик!

— Напротив. Любой храбрец, повстречавшись с тобой, умрёт от страха. Этого ты хочешь? Ах да, здесь я дал маху, разве вампир откажется от пищи, которая сама себя подаёт на стол?

— Ну, это вы загнули! Что я, по-вашему, тяну в рот всё, что не попадя? — фыркнул Грешем, закатывая к небу красные глаза. — Чтобы попасть ко мне на обед, у человека непременно должна быть чистая шея! Знаете, сколько развелось грязнуль? Иногда в темноте не разглядишь, надкусишь, а потом ходишь, отплёвываешься! В Шальхе так вообще, поди, каждый второй закоренелый пачкун. Так что не беспокойтесь — даю слово — я ни на кого не польщусь. А ваши задания я обязательно выполню, как только вернёмся обратно!

К моим колкостям Грешем всегда относился с долей иронии. Он и сам мог ответить шуткой на шутку. Это качество мне в нём нравилось.

Я задумался — в пути одному скучно, а тут такой своеобразный собеседник будет... В довершении всего — он мой ученик... Пусть посмотрит, как работает мэтр.

— Ну ладно, уговорил, иди со мной. Расширишь свой кругозор — побываешь в Шальхе. Обратное зелье выпьешь, временно будешь не вампир. Но твой рацион не подвергнется преобразованию, так что на всякий случай придумай легенду, почему у тебя в рюкзаке столько бутылок с брусничным соком, и ты ничего не ешь и не пьёшь, кроме него.

— Не сок, а специальная настойка, прописанная мне знахарем от язвы желудка, — поправил меня Грешем. — Так более правдоподобно звучит, не находите?

— Надеюсь, что тебе не придётся ни перед кем оправдываться, — отозвался я, постукивая пальцами по перилам.

Мой взгляд задумчиво упёрся в заснеженные горы. Для чего же я потребовался королеве?

Насладившись видом величественных скал, мы вместе спустились внутрь башни. Каждая шторка, каждая дверка и подоконник здесь излучали уют. Такие ощущения обычно посещают человека перед длительной разлукой с домом. Сразу все кажется таким родным и таким твоим. Не успел я покинуть замок, а уже принялся грустить. Ничего не поделаешь, надо собирать вещи в дорогу. Я глубоко вздохнул и огляделся — с чего бы начать?

Я прошёл по главному залу — основному месту моей научной работы. Здесь всегда царит небольшой творческий беспорядок: то тут, то там громоздятся ингредиенты для зелий, пустые склянки, черепа и кости, свитки, книги, древние кинжалы, кольца, блестящие камни и многое другое. Посередине комнаты висит пузатый котелок. В нем я варю укрепляющие настои или ядовитые микстуры. Я погладил его заскорузлые бочка. Когда я вновь разожгу под тобой огонь? Эх, прощаюсь, как навсегда! Что со мной? Надо взять себя в руки! Я прошёл мимо начерченной мелом пентаграммы и подошёл к окну. По стеклу барабанил мелкий дождик с песчинками снега.

Я снял с вешалки кожаную сумку и начал складывать в неё то, что мне могло пригодиться в путешествии. На самое дно я кинул парочку сушёных «Пальцев Грешников», сверху уместились ступка и пестик, затем настала очередь тройке разноцветных зелий, фляге, книге «Прикладная магия. От новичка до мастера» и кульку с орехами. Что-то ещё забыл?

Я посмотрел на зомби, слоняющихся по залу. Традиционно они всегда по мелочи помогают мне во время опытов и экспериментов: то канделябр подержать, то угли поворошить, то поручение передать. Мои сборы не стали исключением. Смешно наталкиваясь друг на друга, мертвяки глупо водили глазами, словно пытаюсь понять, как так произошло, что столкнулся лбом со своим товарищем. Они подносили мне предметы, а я говорил, нужно мне это или нет. Вернее, я произносил только слово «нет», но это меня не огорчало, а наоборот смешило. Вот чем руководствовался этот кривобокий зомби, протягивая мне прогнивший кусок бочки? Он решил, что я успешно скроюсь под ним от мороси или ливня? Хотя... Что это я вижу? Вон тот согнувшийся скелет тащит ко мне Хиловису — увядающую веточку загадочного дерева. Как он умудрился снять её с антресоли? Я принял Хиловису из трясущейся руки, завернул её в тряпочку и спрятал в сумку — на счёт неё у меня появились кое-какие соображения.

Я поискал глазами Грешема, чтобы узнать, как продвигаются сборы у него. Вампир сидел на стуле, перекинув ногу за ногу. На столике перед ним лежала открытая котомка, из которой поднимался целый ряд алых бутылок. Чтобы тара не побилась, мой ученик предусмотрительно обложил бутылки новыми носками и носовыми платками. Эти атрибуты личной гигиены также играли не последнюю роль в его походном наборе. Грешем зарекомендовал себя знатным чистюлей. После еды он всегда вытирал рот салфеткой, а если не было салфетки, то мог утереться краешком скатерти или рукавом.

Разделавшись с упаковкой вещей, я решил оглядеть карту, чтобы вспомнить, как лучше всего добираться до столицы. Огромная, она весела на стене, занимая почти всё пространство от пола до потолка. Я начертил на ней все известные мне земли с подробным описанием ландшафта. Там, где я хоть раз бывал, границы очерчивала синяя краска. На самом верху я нашёл свой замок, отмеченный маленькой точкой «Шато». Оттуда взгляд скользнул вниз, к лесу, что назывался Лунные Врата. Я собирался пройти через него, а дальше найти прямую дорогу на юг, которая выведет аж до самого Шальха. Из-за моей спины Грешем тоже рассматривал карту. Она постоянно притягивала его и отвлекала от

повседневных дел. Я много раз замечал, как вампир останавливался перед ней, чтобы поводить своими белесыми пальцами с длинными когтями по цветным полям. При этом он всегда что-то тихонечко нашёптывал. Сейчас мой ученик выглядел задумчивым. Мы обменялись взглядами и, не стовариваясь, кивнули друг другу. Настало время ужина, а мы старались есть примерно в одни и те же часы. Говорят, что принимать пищу по расписанию полезно для пищеварения. К тому же, когда в твоём распоряжении практически вечность, волей-неволей привыкаешь к распорядку дня.

Так вот, к моему обеденному столу стекалась всегда одна и та же компания. Хочу заметить, что все очень достойные личности!

Во главе стола бессменно сижу я. По правую руку располагается Грешем, по левую капитан замковой стражи Катуб. Наполовину зомби, наполовину человек — он был продуктом моего не слишком удачного опыта. Соображает Катуб вполне сносно. В прошлом он входил в состав рыцарского ордена плютеранцев, и как-то раз нелегкая занесла его ко мне в замок. Маленькое сражение окончилось моей победой, и Катуб остался доживать свой век у меня под крылышком. Он следит за порядком, а по вечерам играет со мной в карты. Сбоку от Катуба сейчас нетерпеливо ёрзает Птикаль. Краснощёкий, всегда весёлый малый. Он единственный человек в Шато помимо меня. От рождения Птикаль умственно отсталый, однако это меня несколько не смущает. Я люблю с ним поболтать. Серьёзно, дурачок — отличный собеседник. Я что-то рассказываю, а он увлечённо пускает слюни — такое общение меня вполне устраивает. Я подобрал его несколько лет назад. Ободранный, болезненно худой, он бродил у подножья гор, жалобно зовя на помощь. Нынче Птикаль отъелся и выглядит хорошо. Я обнаружил, что Грешем посматривает на него как-то по-особому. Неужели мой ученик замышляет что-то недоброе? Да нет, мне кажется, зачем ему это? Возле вампира, на подушке из красного ситца, уместился мой любимец — огромный чёрный таракан Снурф. Он для меня что-то вроде верного компаньона. Куда я — туда и он. Снурфи знает пару сотен слов и умеет смешно шевелить усиками. Мы частенько гуляем с ним по холмам и долам. Таракан отлично чувствует моё настроение. Как только я начинаю хмуриться, он бежит ко мне со всех лап и, словно добродушная свинуха, карабкается на коленки. Ну как тут не улыбнуться? В общем, он замечательный.

Теперь о том, что каждый из нас ел на ужин в этот день.

Я лопал олений окорок с горошком. Нет, я не ем детей, не стоит верить всем дурацким рассказам о некромантах. Я предпочитаю обычную человеческую еду, а не человечину! Грешем потягивал из бокала густую красную жидкость, естественно, не сок. Катуб жевал плохо проваренную капусту с кусочками неочищенного картофеля и свёклы. Я полагаю, что повару Тине — громадной жабе не нравится капитан стражи. Уж почему, не знаю. Еда Катуба всегда оставляет желать лучшего. А так как Катубу, по-видимому, всё равно, что есть, то Тина готовит для него из рук (пardon, лап) вон плохо, даже не скрывая этого. Я едва сдерживаю смех, смотря на то, как капуста произвольно вываливается изо рта полу-зомби. У Снурфа на тарелочке лежали несколько толстых крыс. Довольно шипя, таракан держал в двух лапках по серому крысиному тельцу. Мертвяк, который нас обслуживал, предложил на блюде Снурфу взять добавки, на что услышал — «патибо!» Птикаль уплетал баранью отбивную с горячим пюре, иногда тонкая струйка слюны стекала по его подбородку. Голубые глаза смотрели радостно. Его все устраивало! Приятного нам аппетита!

Я поднял бокал и постучал по нему десертной ложечкой, призывая к вниманию.

— Сегодня, господа мои разлюбезные, я и Грешем отбываем в Шальх на

незапланированную встречу с королевой. Прежде чем мы уйдём, я бы хотел оставить вам несколько поручений, а именно: занимайтесь тем же, чем и всегда — питайтесь вовремя, спать ложитесь не позднее десяти вечера и почаще пейте кисель. Я постараюсь вернуться как можно скорее. Обещаю, что вы даже оглянуться не успеете, как я уже буду тут как тут. Каждому из вас я, конечно, привезу по столичному сувениру. Ведите себя пристойно и не обижайте друг друга. Обо всех ваших шалостях я непременно узнаю, и если потребуется, то по-отцовски накажу. Люблю вас и целую! Пока, пока!

После слова «сувенир» Птикаль дальше меня уже не слушал. Он принялся издавать губами радостные трели и кружиться на стуле. Катуб, удивлённый моей речью, раскрыл рот, и из него посыпалась капуста. Она опала ему на руки, но он этого не замечал. Снурф слез с подушечки и подполз ко мне.

— Братъф Снурфа с софой! — громко прошипел мой любимчик, заглядывая мне в глаза.

— Прихватить тебя с собой, братец? Ну, уж нет! Там слишком опасно! Вдруг кто-то захочет тебя украсть? Как я потом буду жить?

Я погладил таракана по бронированной спине.

— Нет — братъф, нет — братъф, нет — братъф!

Он так страшно шипел, просясь в дорогу, что это тронуло моё сердце. Ну, куда я без него? Хозяин же не бросит свою собаку дома, если ему предстоит длительная прогулка на свежем воздухе? Вот и я не смог.

— Хорошо, Снурфи, ты меня уговорил, только не отходи от меня ни на шаг! Договорились? Если я потеряю твои усы из поля зрения хоть на секундочку, то задам тебе трёпку! У меня намечается серьёзная работа, и я не хочу отвлекаться от неё по пустякам!

Я повернулся к Птикалю.

— И ещё, мой дорогой друг! Пока меня не будет, я разрешаю тебе иногда забираться на мою Башню Заката и баловаться с волшебной палочкой погоды. Разумеется, это не заменит тебе наших увлекательных бесед, но хоть как-то скрасит одиночество.

Я подмигнул дурачку.

— Ну, как тебе мой прощальный сюрприз?

Захлопав в ладоши, Птикаль запрыгал в диком танце. Тарелки затряслись в такт бившихся об стол кулачков. Один из стеклянных стаканов, слетев со своего места, разбился вдребезги. На счастье!

— Мастер очень щедр! Я буду с нетерпением ждать его возвращения! Привези что-нибудь вкусного из столицы! Привези мармеладных червячков!

Я пообещал. Доев обильный ужин, мы приготовились покинуть Шато. Я закрепил свою сумку на спине Снурфа. По виду ему это не слишком понравилось, но он смолчал. Однако, когда Грешем попытался проделать то же самое, таракан лишь увернулся и прошипел:

— Нетъф!

Вампиру пришлось тащить свой рюкзак на плечах. Так как он нёс бутылки, его сумка была не в пример тяжелее моей. Я усмехнулся, глядя на его расстроенные красные глаза. Из оружия я взял длинный меч Альдбриг и посох Ночь Всех Усопших. Грешем, облачившийся в полный комплект кожаной брони, по обыкновению заткнул за пояс два коротких клинка. Опыт подсказывает мне, что дороги не так безопасны, как об этом говорят королевские следопыты. Разбойники, а иногда и кое-кто похуже, с радостью лишат жизни зазевавшегося путника только из-за пары приглянувшихся сапог. У меня хорошие сапоги, поэтому я решил вооружиться.

Когда мы покидали Шато, к нам вышли все его немногочисленные обитатели. Пару десятков зомби махали подгнившими руками (это у кого они были), а кто конечностей не имел — просто кивал нам в след. По щекам Птикаля катились слёзы. Дурачок достал из кармана красный платок и с ожесточением принялся тереть им пухлую физиономию. Он непрерывно всхлипывал и сопел. Катуб в свойственной ему манере открыл рот. Прощаясь, капитан ударил рукой по своим чёрным доспехам. Даже Тина соблаговолил вылезти из кухни, чтобы напоследок засвидетельствовать нам своё почтение. Он вытер испачканные в муче лапки о грязный передник и громко квакнул пару раз.

По моему плану наш путь лежал через Лунные Врата. В этом лесу жила моя старая подруга Эмилия Грэхольм; я намеривался её навестить. Колдунья увлекалась приготовлением различных ядов и любила заманить к себе какого-нибудь недалёкого лиходея. Она поила и кормила его, а потом смотрела как... ну, как он отправлялся в мир иной. Когда я сказал Грешему о том, как мы пойдём, то он расстроено вздохнул.

— Понимаете, — проговорил мой ученик, — сравнительно не так давно, да вот прямо перед приходом к вам, меня занесло в Лунные Врата. Я побродил по чаще и вышел на прекрасную полянку, где моему взору предстала очень аппетитная девушка! Ножки, ручки, бочка и розовая шейка — всё это моментально пленило меня! Я поддался чарам и как шмель на цветок полетел к ней. Тогда я и не подумал — как все это странно и подозрительно! Почему молодая девушка живёт одна среди мрачного леса? Она сидела на порожках милого домика, и я остановился пожелать ей хорошего дня, а заодно перекусить её кровушкой. Разговорившись с девушкой, я получил любезное приглашение на чай, которое тут же принял. Внутри дома меня ждал накрытый стол с горячими пирожками.

Сглотнув комок в горле, Грешем продолжил:

— Румяные, с зажаристой корочкой и восхитительным ароматом, таких не испекут ни в одной пекарне Соединённого Королевства! Я взял пирожок исключительно из вежливости, но лучше б я этого не делал! Кто же знал, что она окажется колдуньей? Только я откусил маленький кусочек, как меня стошнило прямо на чистый пол. Не будь я вампиром, то клык даю — умер бы в мучениях. Надо сказать, колдунья тоже весьма удивилась, что я не покрылся страшными язвами и не развалился по частям. Расстались мы с ней не самыми близкими друзьями. Я цапнул её когтями за руку, а она огрела меня половником и наподдала тростью. Всюду сыпались искры, клубился зелёный пар, да такой густой, что я чуть не задохнулся. Чихая и кашляя, я из последних сил выбил дверь и был таков. Потом я три дня в себя приходил, а есть вообще не мог — организм не принимал ни белок, ни зайцев — думал помру, — на такой ноте Грешем окончил свой небольшой рассказ о знакомстве с Эмилией.

— Вот так хохма! Значит, вы не смогли поделить друг друга? Ай-ай-ай, от этого пикантного нюанса встреча станет только более приятной! Я уже предвкушаю, как посмотрю на ваши счастливые лица!

Я искренне расхохотался:

— Вампир, колдунья и некромант, отличная компания получится! Раскупорим бутылочку мухоморного вина!

Я почесал подбородок.

— Да! Моя подруга великолепно готовит не только еду — быстродействующие яды всегда были её фирменной карточкой. В алхимии она мне сто очков форы даст, причём профессиональный отравитель — это всего лишь одна из сторон её личности. Эмилия — мудрая женщина, искусная колдунья и надёжный друг. А такие очевидные вещи, как

сногшибательная красота и острый ум я вообще в расчёт не беру. Уверен, узнай ты её поближе, то влюбился бы по уши.

Последние слова я сказал безотносительно к Грешему. Тем не менее, они произвели на него впечатление. С изумлением я проследил за реакцией ученика. Он быстро вздохнул, поджал губы и отвернулся. Готов поклясться, что если бы вампиры могли краснеть, то кое-кто был бы сейчас пунцовый. Значит, ему понравилась колдунья? Ну и ну! Стоп. А что я так поражаюсь? Эмилия — очаровашка, обычно мужчины тают, когда видят её.

Мы миновали ворота Шато и пошли по тропинке вниз. Луна высоко поднялась на небосклоне. Её свет хорошо освещал путь. Я зевнул. Мне хотелось очутиться в своей тёплой постельке. Вот уж мне эта королева со своим непонятным вызовом. Тащись теперь к ней, тролль знает сколько. Хотя, с другой стороны, я слишком засиделся дома. Лёгкое приключение мне совсем не повредит. Разомну косточки, пообщаюсь с людьми, узнаю последние сплетни, проведу, так сказать, время с пользой.

Снурф, разгребая мокрый снежок лапками, полз первым, а мы топали за ним. Цепляясь за неровности дороги, панцирь таракана едва слышно поскрипывал. Наверное, стоит удивиться, почему мы идём, а не мчимся на лошадях. Причины просты: во-первых, лошадей у меня нет, а во-вторых, для здоровья намного полезнее ходить, нежели ездить. Последний пункт скорее утешительный, и, если по правде, то, конечно, я бы предпочёл скакать верхом, чем преодолевать многие мили на своих двоих. Я собирался раздобыть экипаж, как только представится подходящий случай. Опираясь на посох, я почти бессознательно обходил бугры и припрятанные камни.

Что же представляет собой мой Большой Дом?

Замок называется Шато, а местность вокруг него из-за обилия грибов — Весёлые Поганки. Это край наполнен маленькими чёрными деревьями. Их толстые корни цепко держатся в твёрдой почве, а иногда прорываются прямо через камень, давая понять, что они отлично приспособлены к выживанию в горах. Кое-где попадаются небольшие полянки. Летом я собираю на них травы для изготовления настоев и бальзамов. Природа этого места богата множеством целебных и ядовитых растений, некоторые являются редкими, и найти их непросто. Иногда я могу часами бродить по пригоркам в надежде отыскать нужный цветок или кустарник. Сейчас, когда наступила поздняя осень, мир приобрёл свойственный только этой поре шарм. Морской воздух, перемешиваясь с горной свежестью и ароматом мокрых листьев, создаёт неповторимый букет запахов. Совсем недавно тонкий снежный покров укрыл большую часть опавшей листвы. Дышаться стало теперь как-то по-особому.

Большую часть года в Весёлых Поганках властвует холод. Многие месяцы здесь нельзя увидеть ни зелени, ни самой земли. Зима приходит рано, а весна никогда не спешит забирать у неё бразды правления. На севере владения выходят к морю, но поплескаться в нём не получится. Даже летом есть риск простудиться от непрерывного ветра, который дует на побережье с завидной силой. На древнем языке это вечно беспокойная громада солёной воды называется Море Призраков. Своё имя оно получило из-за того, что если смотреть на него издали, то изредка чудится, будто на тёмных просторах то проявляются, то исчезают некие подобия людей или иных невообразимых существ. Голосами чаек они зовут подойти поближе и окунуться в ледяной омут. Но стоит лишь приблизиться к берегу и миражи преобразуются во всполохи мутной пены и клочки тумана. Я пока не раскрыл загадку этих видений. Души ли это погибших моряков, оптическая ли иллюзия — когда-нибудь я докапаюсь до истины.

Животных в Весёлых Поганках водится мало, и это не потому, что я их всех извёл. Нет. Неприветливые погодные условия и скудный корм отпугивают зверей больше, чем стонущие зомби. Кстати, мертвяков у меня всего около сотни. Я никогда не нуждался в огромной службе. Мои потребности скромны, и мыслей захватить весь свет у меня тоже не возникает. Взятые из небылиц стереотипы о некромантах, желающих все разрушить и испепелить, не более чем выдумка сказителей. Я люблю порядок и созидание. В изолированном скалистом кольце я создал свой идеальный мир. Гармония — вот к чему я стремлюсь всю сознательную жизнь. Недолгое лето и продолжительная зима, в этом весь я.

Спустя несколько часов ходьбы впереди замаячил форт Нави. Издалека его трудно рассмотреть. Он сливается с каменными отрогами и кажется, что прохода через горы нет, но это не так. Форт располагается крайне удачно — защищать его сможет даже горстка людей, в данном случае зомби. Высокие башенки с маленькими бойницами венчают зубчатые стены. Из них удобно обстреливать врага из арбалета или лука. На крыше Нави ждёт своего часа баллиста. Это чудо инженерной мысли я собрал сам. Чтобы пользоваться баллистой большого ума не надо. Накидал ядер в ложку, прицелился и — бабах! После чего сломленный противник бежит с поля боя, поджав трусливый хвост! Форт выступает в качестве своеобразного буфера между размеренной жизнью Весёлых Поганок и бесчинствами, что творятся за их чертой. Ко мне сложно пробраться незамеченным, поэтому я чувствую себя в полной безопасности. К тому же кто захочет сражаться с воинами, не знающими страха? Денно и ночью мёртвые солдаты стоят на посту, охраняя границы моих владений. Навеки скованные волшебством, зомби представляют грозную силу для неподготовленного врага.

Мы вплотную подошли к воротам, и я постучал по ним посохом. При ударе из-под красного кристалла Ночи Всех Усопших посыпались искры. Тяжёлые, высеченные из камня створы со скрипом раздвинулись — мы вошли вовнутрь темноты. Я хлопнул в ладоши, и колдовские факелы пронзили тьму вспышками синего пламени. Мы миновали узкий коридор и спустились в зал, который был вырыт прямо под Нави. Здесь, в две шеренги с одной и другой стороны, стояли зомби в тяжёлых доспехах. У каждого из них имелся меч и щит, за спиной мощный складной лук. Чеканя шаг, ко мне двинулся капитан крепости Марципан. Этот крепкий и мускулистый мертвяк обладает некоторым тактическим опытом. Если того требует ситуация, его ума вполне хватает для своевременной отдачи приказов о перегруппировки подначальных ему войск. Улучшая боевые навыки Марципана, я провёл с ним кучу экспериментов. Капитан поднял вверх кривую саблю, а затем прижал к груди. Отсалютовав мне, он развернулся и вновь занял своё место в строю. Мы торжественно прошли сквозь колонну вечной стражи. Хорошо иметь солдат, которые не жалуются. Их не нужно кормить, занимать досугом и платить за службу деньги. Они идеальны.

Мы преодолели подземный проход, и вышли через внешние ворота Нави. Ставни закрылись — Весёлые Поганки и родной Шато остались позади. Впереди черно-зелёным пятном возвышался лес. Утекло много воды с того дня, когда я последний раз видел Эмилию. Я скучал по ней и собирался восполнить пробел в наших дружеских отношениях.

У двери форта находился удобный уступочек. Присев на него, я откинулся спиной на холодный гранитный камень. Я объявил короткий привал, и мы развязали сумки со снедью. Грешем не глядя достал бутылку и сделал пару больших глотков. Я довольствовался орехами, которые взял с собой в большом количестве.

— Куфать! — услышал я шипение Снурфа.

Таракан показывал лапкой на рот. Я вынул из рюкзака свёрток с мышами и протянул угощение.

— Знаете, я всегда стараюсь быть с вами откровенным. Сейчас у меня плохое предчувствие. Будто назревает что-то нехорошее.

Грешем внимательно всматривался в лес:

— Оно вот-вот лопнет и зальёт нас всех страшной бедой. Почему-то мне кажется, что королева Элизабет послала за вами именно из-за этого.

— Короли и королевы никогда не обращаются ко мне по пустякам, — важно ответил я. — Может, ты прав на счёт своих чувств, а, может, и нет. В любом случае мы должны быть очень осторожны. Для таких, как мы, путешествие вглубь Соединённого Королевства таит в себе множество опасностей. Если монахи Братства Света опознают во мне некроманта, а в тебе вампира, то гореть нашим косточкам на озорном костре. Представляешь, сколько потехи будет для всех этих деревенских простачков? И то, что меня вызвала сама королева Элизабет Тёмная, не станет преградой для инквизиции, уж поверь мне. Посему предлагаю выработать два жизненно важных правила — держаться теней и не показывать свой нос кому не следует. Запомнил? А теперь пойдём, навестим Эмилию. Думаю, она обрадуется не сколько старому другу, сколько твоему визиту.

Я подмигнул ученику.

Грешем осуждающе посмотрел на меня. Я сделал вид, что не заметит этого. Насвистывая песенку, я завязал узелок на сумке и зашагал в сторону Лунных Врат. Вампир поплёлся следом.

Глава 2. Камень камню рознь

У самой опушки леса нас встретило солнце. Придя на смену ночи, оно понемногу, набирая уверенности, стало подниматься вверх. Его маленькие лучики коснулись земли и разогнали сумерки уходящей темноты. Грешем поморщился. Ему не страшно солнце, как многие ошибочно думают про вампиров. Оно не оставляет ожогов на его бледной коже, и он не корчится в агонии, попав под его воздействие. Однако восторга начинающийся день у Грешема тоже не вызывал. Мои веки постепенно слипались. В это время я уже должен был бы просыпаться на зарядку. Ночь без сна негативно сказывается на настроении и работе моего мозга. По моим расчётам мы доберёмся до дома Эмилии не раньше вечера. Там, под одеялом и на подушке я хорошенько высплюсь. Возможно, по дороге мы где-нибудь поспим часок-другой, и то если найдём удобную пещеру или ложбинку, но пока про это рано думать — надо двигаться вперёд.

Уже совсем близко замелькали осины, дубы и вязы. Мы не спеша входили в Лунные Врата. Воздух наполнился хвойными нотками. Несомненно, это заслуга ёлок, сосен и пихт, которые в изобилии населяли лес. Я прикрыл глаза и глубоко вдохнул запах свежести.

— Когда разные деревья растут вместе на одной территории, вид такого леса называется «смешанным», — на ходу объяснил я своему ученику.

Вампир глубокомысленно почесал когтями нос. Грешем не интересовался знаниями о природе. По пути я старался научить его, чем пихта отличается от ели, но по отсутствующему взгляду понял, что напрасно трачу время, поэтому бросил эту затею. Я ворошил ногами листву и вспоминал, что мне известно о Лунных Вратах.

Несомненно, это старое местечко. Про Лунные Врата ходит парочка занимательных

легенд. Одна из них повествует о том, что в чаще обитают два волшебных существа, охраняющих целостность края от посягательств дровосеков и охотников. Горе тому, кто окажется жертвой бесчестного судилища этих созданий. Враждебные по своей натуре, они убивают не только тех, кто пришёл за древесиной и вкусным мясом. Солдаты, лекари, странствующие кудесники, заблудившиеся купцы, королевские гонцы — любой может остаться здесь лежать навеки с разорванным горлом под каким-нибудь валуном. Нет никакой разницы, пришёл ты с добрыми намерениями или злым умыслом, ведёт ли тебя долг или личная нужда. Если ты чужак, то поспеши покинуть лес прежде, чем он заберёт твою жизнь.

В моей библиотеке есть книга, написанная друидом Аверином, она называется «Истоки Лунных Врат». На её жёлтых страницах имеются зарисовки здешних таинственных стражей. Один, Смоктумайт, похож на огромного бурого медведя, настолько большого, что если он встанет на задние лапы, то достанет когтями до макушки среднего дерева. Так ли это, или у страха глаза велики? У меня ответа нет, остаётся только предполагать. Смоктумайт бережёт покой леса весной и летом, что в принципе предсказуемо. Ведь осенью и зимой любой нормальный косолапый мишка впадает в спячку. Хотя вот вопрос — касается ли этот обычай волшебного хранителя?

Второго стража Лунных Врат, Дромбильхваля, Аверин изобразил в виде дымящейся фигуры с горящими глазами. Про него автор написал грустную историю. Вроде бы на сбившегося с пути монаха напала ватага разбойников. Это случилось у самой кромки леса. Коня Дромбильхваля ранили, и он сбросил своего седока на землю. После короткой погони разбойники окружили монаха у крохотной речушки и попытались взять в заложники. Но не тут-то было. Дромбильхваль не собирался сдаваться. Он нашёл свою смерть как мужчина, с кинжалом в руке. Магия Лунных Врат воскресила то, что уцелело от монаха после сражения. Когда дух Дромбильхваля осознал, что он вновь жив, то первое, что сделал — догнал своих убийц. Жестоко расправившись с ними, Дромбильхваль развесил их тела на стволах клёнов вдоль дороги. Вернувшись обратно в чащу, он поклялся служить защитником природы. Аверин отмечает, что дух сменяет на посту медведя при первых заморозках. Его пора — это поздняя осень и зима.

Другое предание, записанное друидом, касается главной изюминки леса и его названия. Лунные Врата — это феерическое событие, которое происходит строго каждый пятый високосный год. Ровно на один день вся чаща переполняется нимфами. Эти крошечные создания с прозрачными крыльями, маленькими головками и острыми, как бритва, зубками пробуждаются из-под корней деревьев, где спят до этого в подобии летаргического сна. Жужжащим роем они собираются в центре рощи на мистической поляне Вервете. Нимфы берутся за ручки и водят долгие хороводы, распевая тонкими писклявыми голосами песни на загадочном языке. Этот праздник жизни продолжается пока светило не сядет за горизонт. Как только луна застывает посередине ночного неба, нимфы сжимаются в Лихмирру, светящееся облако с очертаниями оленя. Лихмиррой рой облетает все уголки Лунных Врат и оставляя повсюду золотистую пыльцу. Аверин, ссылаясь на рассказы рейнджеров и друидов, говорит о почти осязаемой мощной энергии, исходившей из сверхъестественной Лихмирры. К моему сожалению, ни одну из легенд «Истоков Лунных Врат» мне не довелось увидеть своими глазами. При всём при том, что факты этих летописей имеют большое значение для хронологического порядка массы достоверных событий. Однако даже если не принимать легенды к рассмотрению, лес все равно остаётся опасным. Здесь водятся медведи, волки и

дикие кабаны. Человек, предпочитающий спокойно проследовать к Морю Призраков или, наоборот, к Шальху, может потратить несколько лишних дней пути и обогнуть Лунные Врата вокруг. Таким образом, он избежит неоправданного риска и выйдет туда, куда собирался. Сейчас у меня этого времени нет, да и Эмилию я видел, стыдно сказать, когда. Так что совмещу приятную встречу с вынужденными заботами.

Грешем, слушая мои рассуждения о Лунных Вратах, заметил, что не хотел бы сталкиваться ни с духом, ни с медведем, ни, тем более, с Эмилией. Говоря о моей подруге, глазки вампира быстро забегали. Значит, я попал в яблочко? Воспоминания о колдунье не дают покоя моему ученику? Ох, уж мне эти впечатлительные молодые сердца! Я хмыкнул и подобрал раздавленный каштан.

Поздняя осень давала о себе знать. Чаща украсилась яркими узорами. Деревья, как девушки на королевском балу, надели причудливые платья всевозможных оттенков. Их наряды перемежались от буро-красного и жёлто-коричневого до тёмно-зелёного и чёрного. Сверху тихо падали листья. Они пытались забираться за шиворот и устилали ковром тропинки под ногами. Пока мы шли, Снурф успел схватить какого-то мелкого, нерасторопного зверька. Таракан возбуждённо шипел, обдумывая, съесть его сразу или попозже. По хрусту костей и визгу я понял, что время обеда настало.

Тропинки петляли, пересекались и скрещивались. Я не ходил по Лунным Вратам многие годы и теперь с трудом разбирал, в каком направлении надо идти. Через пять часов безуспешных скитаний мне так и не удалось обнаружить верной дороги к Эмили. С непривычки мои ступни предательски ныли. Мы решили подыскать подходящее место для привала и немного отдохнуть. Ветер нещадно трепал мою тунику, капюшон то и дело срывало с головы; начинался сильный дождь. В мгновение ока я промок и стал замерзать. Мои товарищи не были такими восприимчивыми к холоду как я. Им просто не нравилась слякоть и сырая одежда. Снурф тяжело продвигался по рыхлой земле. Его усики подрагивали в такт подающим с неба каплям. Грешем озадаченно смотрел на свои хлюпающие сапоги.

Наконец нам повезло, и мы наткнулись на пещеру. Точнее сказать её обнаружил Снурф. Таракан потащил меня лапкой к замаскированному входу. Мы обошли замшелые мхом булыжники и оказались под каменным сводом. Внутри было сухо и тепло. Я с облегчением вздохнул — непогода сюда не забиралась. Пещера оказалась достаточно вместительной и высокой. Я вполне мог ходить не пригибая голову — это меня порадовало. На стенках я обнаружил наросты кварца. Скопление кристаллов причудливо объединялись в строгие вытянутые пучки. Меня, как человека не чуждого наукам, сразу заинтересовал процесс их возникновения. Вероятно, где-то под нами есть разлом, по которому из недр земли поднимаются горячие вещества. Они-то и породили эту пёструю семью кварцев. Я выбрал самый большой кристалл горного хрусталя и отделил его заклинанием, после чего осторожно обернул в кусок холста и положил в сумку — пригодится.

Распрямившись, я с грустью посмотрел на набежавшую с меня лужу. Одежду было хоть выжимай. Туника и штаны противно прилипли к телу. Я поспешил скинуть их на каменный пол. Когда на мне осталось только исподнее бельё, мои зубы сами собой принялись выстукивать барабанную дробь. Пока я осматривал камни, Грешем деловито собирал то, из чего получилось бы развести костёр. В пещере валялось много обломанных палок и сучьев. Принесённые ветром, они оказались как нельзя кстати. Вампир собрал ветки в кучу и соорудил из них шалашик. Используя трут и огниво, он быстро высек искорку. Огонёк весело затрещал, поедая предложенное угощение. Он потрескивал и шкворчал. Тепло, которое от

него поднималось, давало нам возможность просушиться. Снурф подполз к самому краю костра. Он намеревался погреть своё чёрное бронированное брюшко. Весёлые язычки пламени едва не касались его трепещущих усов. Ветер все продолжал выть, а дождь усиливаться. Непроглядная стена воды с ожесточением гнула кроны деревьев. Ах, как хорошо найти укромное местечко и переждать в нём склочный нрав осени!

— Вы точно знаете, куда нам следует идти?

Грешем стянул с себя мокрые сапоги и поставил возле костра. Пальцы его ног венчали длинные когти. Ради гигиены не помешало бы их состричь!

— Я имею в виду, что знать-то вы знаете, но мы заблудились, я так думаю, — пробормотал вампир, внимательно наблюдая за Снурфом, который решил обнюхать его обувь.

Если честно, мы шли наугад, однако меня это не пугало. Лунные Врата подвержены непрерывным изменениям. Та тропка, что пять лет назад вела к опушке, в этом году приведёт совсем в другое место. Поэтому я доверился чутью, а не памяти. Я бывал в лесу много раз и не сомневался, что кривая, в конце концов, вывезет меня в правильном направлении.

— Отчасти ты прав, — согласился я. — Это только на карте просто добраться из пункта «А» в пункт «Б». На деле же все оказывается совсем иначе. Хочу напомнить, что я тебя за собой не тянул, так что расслабься и получай удовольствие от нашего увлекательного путешествия.

Я улыбнулся.

— Знаешь, это даже хорошо, что ты отправился со мной. По крайней мере, отучишься от своей дурацкой привычки — менять носки по три раза на день. Будешь обходиться без чистых носовых платков, выглаженных рубашек и накрахмаленных воротничков. Почувствуешь себя настоящим искателем приключений!

— Смеяться уже можно? Вы хоть предупреждайте, чтобы я успел вставить своё «ха-ха», — отозвался Грешем.

Он как раз натягивал на себя сразу две новые пары красных носков. Коготь большого пальца с успехом проделал дырку в одном из них.

— Между прочим, мне не понаслышке знакома жизнь без всего того, что вы сейчас описали.

— Значит, привыкать не придётся, — усмехнулся я, откидываясь спиной на огромный бурый валун.

Мои глаза расслабленно осматривали интерьер пещеры. Где-то глубоко в подсознании забился тревожный звоночек. Что это за белые трубочки вон в той выемке? Постепенно до меня стало доходить, что вокруг нас не только кристаллы кварца и ветки деревьев. То, что я принял за трубочки, на самом деле были кости! Поначалу их так и не заметишь, подумаешь: мало ли что ветром сюда занесло? Теперь же я все отчётливее видел черепа животных и, по-видимому, людей. Последнее открытие меня насторожило. Я не первый год живу и знаю, что человеческие останки случайно в таких местах не появляются. Пещера имеет свободный вход и из неё легко выбраться. Скорее всего, это чьё-то логово, но чьё? Печально, что ответ не заставил себя долго ждать. В костре стрельнула мокрая веточка. Кусочек горящего дерева упал рядом со мной. Внезапно место падения вспыхнуло! О, Вселенная, это мех! Следом я почувствовал неприятный запах горелой кожи! Валун, на котором я так уютно устроился, был живым! Я отскочил от него и повернулся боком. На меня злобно уставились два

больших жёлтых глаза. Я почему-то сразу понял, кому они принадлежат. Медведь-исполин предстал передо мной во всем своём величии. Именно таким Аверин и зарисовал Смоктумайта в своей книжке. Как говорится в народной пословице — не поминай лихо, а то накличешь! По воле судьбы мы разбудили древнего стража Лунных Врат. Сейчас каждый из нас горько жалел, что это произошло. Лучше бы мы мокли под дождём и мёрзли под ветром! Не имея возможности как следует сконцентрироваться, я попытался поднять кости тех бедолаг, что лежали ближе всего ко мне. Наверное, они когда-то, так же как и я, имели неосторожность присесть на бурый камень, чтобы перекусить. Однако вместо того, чтобы унять свой голод, они уголяли чужой. Ко мне в раскорячку зашаркали четыре скелета. Неуверенно покачиваясь, они остановились между мной и просыпающимся чудовищем. Я оглянулся. Снурф и Грешем пятились к выходу.

— Бегите! Я постараюсь его задержать! — крикнул я.

Медведь страшно зарычал. Из его рта полетела белая пена. Он медленно поднялся и, взмахнув лапой, играючи смёл хилую нежить. Грузно переступая, страж Лунных Врат двинулся ко мне.

Хриплый раскатистый голос пронзил тишину:

— Я чую в твоём мешке Купель Сна! Как посмел ты, ничтожество, похитить у меня камень, коим каждую осень я обретаю спокойствие?! Я разорву тебя на части! Раздеру и разметая в клочья! Ты никогда не покинешь мою нору!

— Зачем ты так категоричен? Может, договоримся? Я с радостью верну Купель Сна на её место! Ээээ... Вроде бы оно было там!

Смоктумайт приближался, а я отступал назад.

— Нет! Смерть тебе!

Ну вот, кажется, я вляпался в кое-что пренеприятное... Ужасный рык подтвердил мою догадку. Дальнейшие события стали развиваться очень быстро.

В годы юности я периодически сражался с волшебными чудищами и одерживал над ними верх. Но те славные времена давно минули... Сейчас, я предпочёл бы ринуться наутёк, но за моей спиной были друзья, и мне пришлось перебороть себя. Медведь прыгнул, и я, ещё не полностью осознавая, насколько прыткий передо мною враг, едва уклонился от его, вне всяких сомнений, сокрушительной атаки. Повезло, да не совсем... Под неудобным углом, но Смоктумайт боднул меня лбом. Потеряв равновесие, я упал. Надо мной взвилась его лапа. Уходя от неминуемой гибели, я крутанулся и достал Альдбриг. Ночь Всех Усопших, к сожалению, остался лежать у костра. Меч звякнул об ужасающие когти. Смоктумайт взревел и ринулся вперёд, но его клыки остановили два скрестившихся клинка. Грешем не покинул меня. Он спружинил и, исполнив в воздухе пируэт, рубанул по мощному загривку страшилища. Страж Лунных Врат тут же переключился на новую жертву.

— Выродок тьмы! — громогласно рявкнул Смоктумайт, тесня Грешема к глухой стенке.

Вампир оценил своё положение, и оно показалось ему шатким. На шею моего ученика обрушились когти. Но до цели они не достали. Пригнувшись, Грешем резко ушёл вправо, а потом рубанул мечами наискосок — с туловища врага заструилась кровь, но также она потекла и за бледным ухом — Смоктумайт незначительно поранил вампира. Между тем я добрался до Ночи Всех Усопших.

— Отойти от него, а не то я опалю тебе хвост!

Взбешённый столь вульгарной угрозой Страж Лунных Врат повернулся ко мне.

— Ой, прости, забыл! У медведей нет хвостов! Ну, ничего! Я всё равно подпалю тебе

зад!

С этими словами я выпустил из посоха струю пламени. Огонь лизнул оскаленную морду. Смоктумайт взвыл и кинулся на меня. Впрочем, я этого и добивался. Альдбриг стремительно и почти неуловимо пролетел у носа стража Лунных Врат. Это была обманка, медведь инстинктивно убрал пасть в сторону, где её настиг раскалённый посох. Бум! Магическим взрывом Смоктумайту выбило парочку зубов. Он взревел пуще прежнего, когда в его шкуру вонзились клинки Грешема. Мы побеждали, и вместе с тем не могли победить, уж слишком жуткий нам попался противник. Изогнувшись и вырвав из себя мечи, Смоктумайт задней лапой припечатал Грешема к земле.

— Смерть тебе!

Казалось бы что тут вампиру и конец, потому как создать заклинание для Ночи Всех Усопших я не успел, а Альдбриг не пробил бы мощную спину... Я лихорадочно думал, что могу еще сделать и... В бой вступил Снурф. Дотоле прятавшийся за камнями, он с шипением приземлился на макушку стража Лунных Врат. Серповидные лапки вонзились в жёлтые зрачки. С мерзким хлюпаньем глаза отделились от ревущей туши и пропали во рту моего любимца. Ах, до чего же он преданный! Мой Снурфи! Пришёл на подмогу, да так вовремя! Смоктумайта сотрясли судороги. Боль заставила его взвыть так, что с потолка пещеры посыпались мелкие сталактиты. Пока медведь сбрасывал с себя Снурфа, Грешем, воспользовавшись ситуацией, перекатился к бревну и, вновь заимев в руках клинки, приготовил их к действию. В ту же самую секунду на моей перчатке заструилась фиолетовая сфера замедления. Спустя мгновение она уже летела в стража Лунных Врат. В надежде поймать одного из нас ослеплённый Смоктумайт заметался, но тягучие линии всё прочнее опутывали его невероятно мощное тело. В конце концов, он стал двигаться так вяло и неповоротливо, что Альдбригу не стоило труда по рукоять войти в пустую глазницу. Довершили всё мечи Грешема. Вампир, отменный специалист по строению горла, перерубил ими главные артерии монстра.

Грешем озорно подмигнул мне, после чего вытер клинки о шкуру Смоктумайта.

— Я не нахожу в этом ничего забавного, — выдохнул я, устало опираясь на Ночь Всех Усопших.

— Да я тоже, — пожал плечами вампир. — Оцарапал меня, гадина.

— Ничего серьёзного, — отозвался я, осмотрев ссадину. — Только кожу чуть зацепило.

— Мужчины не плачут, — хихикнул мой ученик, подставляя губы к кровавому фонтану, что бил из-под подбородка Смоктумайта.

— Тёпленькая! Ух, хороша!

По скулам и щекам вампира хлынули алые ручейки.

— Война войной, а обед по расписанию? — спросил я, презрительно наблюдая за непредвиденным застольем.

— Угу! — только и смог промычать занятый Грешем. Внезапно он оторвался от пиршества и сбегал за полупустой бутылкой.

— Подержите его голову, пожалуйста, мне надо долить, а то одна бутылка уже неполная, — попросил вампир, поднося зелёную тару к кровавому потоку.

— Если ты настаиваешь...

— Вот так вот значительно лучше, — кивнул мой ученик после того, как бутылка наполнилась доверху. Он закупорил её пробкой и спрятал обратно в сумку.

— Запасы надо делать своевременно. Подумай о желудке раньше, чем он сам напомнит

о себе! — поднимая указательный палец, изрёк Грешем. — Мне так мой старик говаривал.

— Которого ты потом съел? — ухмыльнулся я, осматривая перепачканного кровью ученика.

Грешем помрачнел, или мне показалось?

— Наверное, я никогда не привыкну к тому, как вы, вампиры, принимаете пищу, — продолжил я. — Вот скажи, ты один в семье не научился правильно держать ложку или у вас это передаётся по наследству? Что касается одежды — ты эталон для подражания, однако с едой не из графина или бокала ты управляешься, как варвар. Подумай на досуге о правилах поведения и нормах приличия! Людям рядом с тобой, может быть, неприятно видеть, как ты безобразно присасываешься к ранам. Подобные картины способны отбить аппетит даже у тех, кто ещё не ел, не говоря о тех, кто уже начал трапезу.

— Вам просто не понять, что мне жалко переводить столь ценный продукт впустую, — обиженно отозвался Грешем.

— Посмотрите, она льётся на пол как из рога изобилия! Этот подарок даже разогревать не надо! Ну как тут устоишь? К тому же я сильно проголодался!

Вампир небрежно отёр лицо рукавом.

— Простите, я забыл заправить за ворот салфетку и помыть перед едой руки. Но не переживайте, в другой раз я обязательно учту ваши невероятно важные пожелания.

Пока мы беседовали, Снурф тоже время даром не терял. Он забрался медведю в пасть своими тонкими, но твёрдыми лапками. Видимо мой фамилляр решил добраться до мозга Смоктумайта. Черепная коробка лопнула, и из неё послышался влажный звук хруста — хрум-хрум-хрум. Таракан всегда думает о том, как бы набить своё брюшко. Что же касается меня, то я, конечно, не разделял восторга своих спутников от глыбы кровоточащего мяса. Есть мне совершенно не хотелось. Отчасти я обладаю тонкой душевной организацией, и видеть, как кто-то полностью отдаётся первобытным инстинктам мне не нравится. В каком бы шикарном платье ты не ходил — природу не переиначишь. Она всегда проявится в таких мелочах, как совместный ленч или ведение светского разговора. Я исподлобья глянул на Грешема, который самозабвенно обсасывал пальцы. Меня брезгливо передёрнуло. В моей голове произвольно сложились слова клятвы — «Грешем, я обещаю, что сделаю невозможное, но заставлю тебя следовать главным принципам этики и этикета». Разве это норма, когда высасываешь юшку из-под когтя?

Чтобы оторваться от нравственных мыслей я решил осмотреть срезанный мною минерал, который Смоктумайт назвал Купель Сна. Размером с рукоятку Альдбрига, изумительно ровный, с заострёнными гранями, он приятно охлаждал ладонь. Казалось, что горный хрусталь преобразует пламя костра в собственный мягкий свет. Я осторожно повертел его в руке. Так значит, ты не просто красивый кристалл, а нечто намного большее? Благодаря тебе такое огромное чудовище как этот медведь обретал покой и погружался в сон на всю осень и зиму. А распространяется ли твоё магическое влияние и на другие создания? Вполне вероятно, что да, необходимо только подобрать верный ключ к тому, как тебя использовать. Наверное, чтобы волшебство сработало, нужно совершить с Купелью Сна определённые манипуляции, например, отдать мысленный приказ или сфокусироваться на её ауре. Мой взгляд пал на Грешема, который что-то недовольно выговаривал Снурфу. Невольно моих губ коснулась улыбка — иногда полезно держать ученика ради подобных экспериментов. Сонные чары ему не повредят. Максимум проспипит полгода, да разве это плохо? Хоть выспится по-человечески, а то вечно куда-то торопится. Я опустил глаза на

прозрачный камень. У меня теперь есть полезная штука, и я с удовольствием изучу её, как только представится подходящий случай. Я аккуратно обвернул Купель Сна холстом и положил в сумку. Как и все маги, я люблю собирать зачарованные вещи и никогда не упускаю okazji пополнить свою коллекцию каким-нибудь новым приобретением.

Пока мы сражались со Стражем Лунных Врат, солнце собралось отправиться на боковую. Оно опустилось за горизонт и погрузило нас в сумерки наступающей ночи. Сегодня дальше идти уже не имело смысла. Мы устали и собирались хорошенько отдохнуть. Однако спать разом всем троим я позволить не мог. Мало ли ещё, какой сюрприз приготовила нам эта пещерка! Чтобы мои товарищи не ворчали, я вызвался нести вахту первым. Как только с распределениями дежурств было покончено, таракан завалился возле костра, а вампир вытянул ноги и положил голову на его панцирь. Не прошло и минуты как они захрапели. Снурф сопел как-то цокая — «црап-црап-црап», а Грешем слегка посвистывая, как летучая мышь — «фьють-фьють-фьють». Их безмятежный вид вызвал у меня чувство умиления. Когда твои подопечные ладят друг с другом и делят кров — разве это не прекрасно?

Я присел на корягу и поворошил палочкой горячие угольки. Глаза сами собой устремились к свинцовому небу. Очертания луны едва виднелись из-за низколетящих облаков. Я грел руки у огня и думал о том, что легенды не всегда бывают обманчивы. Иногда в них есть смысл... Смоктумайт, надо же... В мире есть ещё много того, что мы не знаем, того, что сокрыто от нас. Я люблю загадки... Соединённое Королевство — это тоже некая своеобразная загадка. Какова, собственно говоря, его история?

Всем известно, что Соединённое Королевство занимает земли от Моря Призраков и Великого Леса аж до Железных Гор и Абрикосового Моря. Но мало кто помнит, что так было не всегда. Эта невероятно огромная держава сформировалась далеко не сразу. Кусок за куском, под звуки скрепящейся стали она со скрипом склеивалась в единое целое. Подлая борьба за власть, бунты и предательства лежат несмываемым пятном на мрачных страницах летописей страны. Чтобы лучше разобраться в хронологическом порядке тех дней, необходимо развернуться и направить свой взор на тысячелетия назад.

В незапамятные времена, когда божий свет праздновал свою юность, из неоткуда возникли порталы. Мы, маги, называем их червоточинами — окнами в другие измерения. Странные существа перешли через границу врат и провозгласили наш мир своим домом. Некоторых из них мы знаем по сказаниям, других не знаем совсем. Сколько их было? Точно никто не скажет, но одного мы не забудем никогда! Его звали Нолд Тёмный. Он в совершенстве владел всеми видами оружия и совершил несчётное количество подвигов, защищая человечество от порождений тьмы.

Впрочем, прославиться Нолду Тёмному было суждено не только как истребителю чудовищ.

Однажды между народами развязалась кровавая война. Нужно ли упоминать о её причинах, которые стары и банальны? Чужое золото, богатые наделы, драгоценные камни, скот, женщины — список можно продолжать до бесконечности. Война была такой долгой, такой ужасной и опустошающей, что Нолд Тёмный не смог остаться в стороне. Первое, что он сделал, — это отправился в Шальх. Там, на центральной площади, герой древности держал речь о государстве, где нет жестокостей и страданий. Он призывал забыть прежние распри и вступить с соседями в переговоры, дабы раз и навсегда соединиться под общим флагом.

Посулами благоденствия и всеобщего процветания Нолд Тёмный убедил старейшин выбрать его мировым посредником между Шальхом и другими вольными городами. Путешествуя от селения к селению, он повторял свои слова. Однако каждый раз они пропадали втуне невежественного страха. Из-за боязни утратить свою независимость вожди отказывались принять предложенный им союз. Сражения продолжались и становились все более яростными. Пожары, голод, болезни и смерть захлестнули простых людей, как никогда прежде. Герой понял: чтобы река крови пересохла, он должен вмешаться в ход событий иначе — вышибить клин клином.

С мечом в руке и с верой в сердце он насильно объединил разрозненные народы в одно крепко сшитое Соединённое Королевство. Как итог, ему на голову возложили венец и нарекли первым королём. Спустя годы мудрого правления Нолд Тёмный посчитал свой долг выполненным. Он передал трон своему преемнику Харальду, перенявшему прозвище Тёмный, и отправился странствовать.

Главным символом монархов принято считать венец Нолда Тёмного. Он передаётся от отца к старшему сыну на праздник весеннего равноденствия. Шесть идеальных алмазов, обрамляющих волнистый, заключённый в золото пульсар, — так выглядит это творение. Кое-кто поговаривает, что в нём заключена большая магия, и я склонен верить слухам. Венец носит имя «Корона Света» и без сомнения является самым красивым и узнаваемым головным убором в стране.

Нолд Тёмный поделил королевство на шесть провинций — Иль Градо, в ней испокон веков высится непреступная столица Соединённого Королевства Шальх, Карак, Плавень, Вельдз, Хильд и Керан. На севере, омываемый Морем Призраков, находится Иль Градо. Из всей шестёрки он самый маленький. Его территория включает в себя Лунные Врата и Палантиновые Холмы.

Ниже Иль Градо, в центре, располагается провинция Плавень. Будучи наиболее большой и густонаселённой, она пестрит множеством приветливых рощ и плодородных полей. Из достопримечательностей провинции стоит отметить Узел Благополучия, Терракотовые Бурьяны, Житницу Солнца, Яму Сибиллы и Говорящие Менгиры.

Слева, к Плавеню прижался Карак, а справа Вельдз. Первый граничит с Великим Лесом и Горами Заботы, а владения второго выходят к Лесу Скорби. Обе эти части королевства окутывает дурная слава. Из чащоб в их земли приходят страшные твари. Зелёные гуманоиды с чёрными глазами и длинными когтями, ядовитогубые причмокиватели, великаны, безволосые обезьяны, трупоеды, гоблины, оморы — эти и другие разномастные выродки зла, за причинённые ими беды и крайнюю жестокость были прозваны «живорезами». Твари поклоняются пантеону чумазных идолов — Хрипохору и приносят ему человеческие жертвоприношения. Существует старинное предание, что где-то есть место — Червонное Капище, где высшие жрецы Хрипохора, откинув вечную междоусобную грызню, собираются вместе, дабы под аккомпанементы эзотерических песнопений и дурманных окуриваний вершить самые грязные и нечестивые ритуалы. На протяжении столетий живорезы, нуждающиеся в утолении кровавого голода, атакуют рубежи Соединённого Королевства. Однако благодаря мужеству солдат Карака и Вельдза их безумный хохот частенько сменяется воплями страха.

Внизу от Плавеня протянулись Хильд и Керан. Отсутствие потенциальных врагов даёт провинциям мирную и относительно спокойную жизнь. Холмистая местность, десятки мелких озёр и речушек определяют быт и нравы местного населения. В основном здесь

встречаются молчаливые и выносливые люди. Они имеют более светлой оттенок кожи, чем остальные жители страны. Их главными занятиями издревле значатся рыболовство, разведение животных и работа с металлом. В последнем свою непосредственную роль сыграли гномы Железных Гор. Величественные горные хребты, которые низкорослый народец на своём языке именует Будугай, огибают Хильд с юга и запада, а на востоке проходят вдоль всего Керана и упираются в Абрикосовое Море. Гномы прибывают в дружественных отношениях с высокими и нескладными соседями. Следуя давним традициям, тот или иной клан изредка берёт детей из провинций к себе в ученичество, оказывая тем самым огромную честь семье ребёнка. Годы воспитания у подгорного народа дадут человеку стать настоящим профессионалом во множестве ремёсел и во многом определяют его дальнейшую судьбу. Не сложно догадаться, что различные гильдии идут на всяческие уловки, чтобы заручиться таким специалистом вперёд других.

Что-то ещё забыл упомянуть? Если так, то припомню потом. О Соединённом Королевстве можно думать часами, а время моего дежурства вроде бы уже успело пролететь. Я потёр слипающиеся глаза ладонями и толкнул таракана — настала его очередь нести вахту. Снурф фыркнул, в его заспанных чёрных бусинках стоял протест. Нехотя, он размял лапки и засеменил к выходу из пещеры. Всем своим видом таракан старался показать, как ему не хочется сторожить наш сон. Я лёг туда, где только что спал мой питомец. Место ещё хранило тепло нагретое его брюшком. Я положил голову на Грешема и практически сразу уснул. Оставшуюся ночь меня ничто не тревожило.

Я проснулся с первыми лучами солнца. Они робко проникли через полог тумана и коснулись моего лица. Было холодно, и я сильно озяб. Грешем прибывал в хорошем настроении, сказывался сон и плотный ночной перекус. Вампир пытался надеть свой ранец на таракана, но тот лишь шипел:

— Нит! Нит! Нит!

В конце концов, терпение Снурфи лопнуло, и он тяпнул Грешема за лодыжку. Под его укусом образовался лиловый синяк.

— Так тебе и надо, — подметил я, пытаюсь расшевелить затёкшие конечности. — Он тебе не носильщик.

Грешем что-то обиженно пробубнил, слов я не разобрал. Прикладывая к ране платок, он рассеянно чесал когтями нижнюю губу.

Мы не спеша позавтракали и вышли из пещеры. Тело могучего Смоктумайта мы оставили на совести природы. Она позаботится о том, чтобы из него получилось приличное удобрение или корм для мелких падальщиков. Наша дорога лежала вглубь леса. По пути стали попадаться воистину гигантские вязы и дубы. Их обхват достигал двух или трёх моих широко расставленных рук, вот так исполины! Тропинки, по которым мы шли, никак не собирались помогать нам в поиске Эмилии. Они то появлялись, то исчезали, то петляли в разные стороны. Это раздражало. Иногда я был готов поклясться, что мы уже проходили мимо тех елей пару часов назад. Мне казалось, что наш маленький отряд ходит по кругу. Остановившись, я внимательно осмотрел высокоствольник. Где мне найти хоть какую-нибудь подсказку как выйти к домику подруги? Я задумчиво опёрся на посох. До моих ушей донеслась заливиная птичья трель. Что-то щёлкнуло, и на меня снизошла идея. Крадучись я направился к её воплощению.

Пташка, что пела ту песенку, празднично сидела на самой нижней ветке дуба. Я дал знак оставаться спутникам на месте, а сам медленно, стараясь не привлекать к себе внимания,

обошёл дерево с другой стороны. Изогнувшись, моя рука ловко схватила пернатое тельце. Птичка этого не ожидала. Отчаянно пытаясь вырваться на волю, она забилась в ладони, как крошеное мягкое сердечко. Чтобы успокоить её трепыхания, я слегка сжал кулак. Помогло. Головка опустилась вниз, жалобное «ко-ко-ко» оповестило меня о конце борьбы. Я разжал один из пальцев, чтобы получше рассмотреть свою пленницу. Серенькая, с пёстрым нахохленным гребешком и загнутым клювиком. Мне она показалась страшенькой. Глазки смотрели затравленно. Наверняка птичка неправильно истолковала свою судьбу.

— Я тебя не обижу, — мысленно шепнул я. — Знаешь, где живёт Эмилия Грэхольм, прекрасная колдунья этого леса?

Ответом мне стала возбуждённое треньканье. Я растолковал его как — «да».

— Я тебя сейчас отпущу, и ты лети в сторону её дома. Но предупреждаю, если попытаешься ускользнуть или приведёшь в западню, то тогда непременно станешь обедом для вот этого, вечно голодного таракана.

Дабы подтвердить свою угрозу я поднёс руку с птицей к морде Снурфа. В ожидании угощения таракан радостно защёлкал зубками. Когда я убрал пленницу из пределов досягаемости его лапок, то услышал расстроенный вздох.

Почему я сразу не додумался спросить верную дорогу у животных? Старею. На близком расстоянии, если мысли зверя просты, я могу вклиниться в его разум и установить телепатическую связь. Если кратко, то это происходит так: я одеваю свои слова в зрительные образы и передаю их в сознание. Для этого способа общения идеально подходят мелкие птицы и грызуны. С лисами, к примеру, я уже не могу найти общий язык. Их мозги выставляет мощный защитный барьер, и я бьюсь об него, как муха о стекло.

Я выпустил птицу и побежал за ней. Грешем бросил на меня тяжёлый взгляд. Бегать он не любил, да и я тоже! Быстро шлёпать по мокрой от вчерашнего дождя земле было трудно. Сапоги завязли в грязи, и мы вскоре выдохлись. Пташка пропала из виду, и я досадливо шмыгнул носом. Горячий пот капельками стекал по моей шее вниз. Только я собрался присесть, чтобы перевести дух как наша проводница появилась вновь. Опустившись на ветку ясеня, она терпеливо ждала, когда мы сможем идти дальше. Вероятно, страх очутиться у таракана в желудке оказался сильнее её желания сбежать. Кстати, все, что попадает Снурфу в лапы, оттуда не возвращается, конечно, если это дело касается еды, а не вашего тапка.

— Эгей! Тут наш честный воробушек! — облегчённо улыбнулся я.

— Я надеюсь, он не заведёт нас в логово к монахам, паладинам и прочим, излишне просветлённым особам, — скептически отозвался Грешем. — Я слышал, что друиды и рейнджеры специально пользуются услугами братьев наших меньших, чтобы заманить бандита или, ну там, вампира в ловушку. Я лично не хочу, чтобы меня всего утыкали стрелами вон из-за того дерева.

Иногда я удивляюсь подозрительности моего ученика. В его годы я кидался в приключения сломя голову! Грешем же имеет сугубо прагматический взгляд на жизнь, который, ну никак не вяжется с его молодостью. Наверное, всему виной горький опыт прожитых лет.

— Ты посмотри на неё. Разве этому милому созданию знакомо, что такое подлость? Нет, она выполнит наш маленький уговор и станет свободна. Уже этой ночью она забудет все неприятные моменты и сладко уснёт в своём гнездышке.

Я протянул палец и погладил по мягкому брюшку птички.

— Лети, мы постараемся не отстать.

Крылышки затрепетали, и мы двинулись за разноцветным хохолком. Перед взором мелькали живописные пейзажи Лунных Врат. Постепенно день уступал место сумеркам. Когда длинные тени стали сливаться в однородную кляксу мы, наконец, достигли своей цели.

Передо мной стоял домик Эмилии. Аккуратный и приветливый — именно таким я хранил его в своих воспоминаниях. Основательный каменный фасад обрамлял густой слой коричневой краски. Яркая зелёная дверь так и манила подойти к ней поближе. За окошками висели элегантные синие шторы со всевозможными небесными узорами из золотистых звёзд. Вот такие домишки любят усталые путешественники. От него дивно пахло пирожками, ветчиной и свежим хлебом. Желание постучаться и попросить об ужине настойчиво подталкивало меня к порогу. Я встряхнулся, и на моих губах заиграла улыбка. Сколько злодеев попало на эти чары я не знаю, но думаю, что немало.

Я осмотрелся. Вокруг домика раскинулся миниатюрный сад. В нём чувствовался порядок и влияние женской руки. Как жаль, что зомби в Шато способны устраивать только кавардак! Ровные выемки грядок были заполнены разнообразными растениями. Откуда в конце поздней осени здесь такое изобилие жизни? Так мог бы подумать человек незнающий, что большинство культур в дендрарии Эмилии являются морозостойкими и, как факт, крайне ядовитыми. Если сорвать вон тот нежный голубой цветочек с желтоватой каймой у самого стебля и невзначай поднести его к носу, то жить после этого останется десять минут. Пыльца фелистуса мгновенно разъест лёгкие и вызовет кровавый кашель. Последующая за этим смерть станет настоящим освобождением от короткой, но яркой агонии.

Мои мысли прервало тоненькое пение. Это наша лесная проводница деликатно напоминала о себе. В этот раз она села на мшистый камень, который находился достаточно далеко от меня и уж тем более от Снурфа. Переминаясь с лапки на лапку, птица смотрела настороженно. Она собиралась взлететь при первой опасности. Таракан, как и я, обратил внимание на птичку. Зарывшись для маскировки в мокрую листву, он потихоньку, с грацией толстячка-боровичка, пополз в сторону пернатого комочка.

— Я тебя больше не держу, лети куда хочешь и помни, что Калёб Шаттибраль всегда держит своё слово.

Пташка молниеносно взмыла в небо и растворилась в ночи. Мы с Грешемом переглянулись.

— Может, вы сами зайдёте в гости к Эмилии, учитель? Ну, то есть, я имею в виду без меня. Потолкуете за жизнь, а я пока подожду снаружи. Мне же необязательно с ней видаться, правда? Да и к чему вам третий лишний? У вас там свои секреты, магия и все такое, а я буду только мешать, — пятясь от двери, предложил вампир.

— Ни в коем случае! Ты пойдёшь со мной и вежливо поздороваяешься с Эмилией! Так вести себя, как ведёшь себя ты, некрасиво! Прояви учтивость! Ты же не хочешь сегодня ночевать в саду?

Поджав губы, я схватил небольшую медную колотушку и постучал в дверь. С видом мученика Грешем стал ждать неминуемой встречи.

Глава 3. Лесная ярость

Дверь плавно открылась. На пороге показалась Эмилия. Она была все так же неувядающе красива, как и раньше. С нашей последней встречи колдунья ничуть не

изменялась. Длинные каштановые волосы, открытые плечики, большие зелёные глаза, изогнутые линии бровей — эта девушка могла свести с ума любого мужчину в королевстве! Чудесное фиолетовое платье с вырезом подчёркивало идеальную фигурку. Я уверен, что Грешем влюбился в неё с первого взгляда и только поэтому не хотел явиться сюда вновь. Позволительно предположить и другой, более скучный вариант — вампир остерегался встречи с колдуньей, потому что оцарапал её и сам чуть не погиб, объевшись пирожков. Причина в этом? Хотя, что ему бояться? Что мёртво — умереть во второй раз не сможет. Это одна из чёрных шуточек, понятных только людям моей профессии. Украдкой взглянув на ученика, у меня не осталось сомнений, по какой причине он опустил свои красные глаза вниз. Видеть смущённого вампира забавно.

— Ого! Ничего себе, какие гости к нам пожаловали! Калед Шаттибраль! Своей собственной персоной на моём пороге!

В мягком голосе Эмилии я услышал неподдельную радость. Она широко улыбнулась нашей компании.

— Ну, входите же скорее, ах, вы такие голодные на вид! Я вас мигом чем-нибудь вкусненько угощу! Как на счёт брусничного пирога с корицей или вам больше по душе рулет с курицей? Что за грязь на плаще? Признавайся, сутулый гриб, ты что — катался по листве?

При слове «вкусненько» Снурф решительно прополз вперёд через дверной проем.

— Я очень рад снова тебя видеть Эмилия, примешь на ночлег старого друга?

— Когда тебе было нужно особое приглашение, чтобы посетить мой дом? — вскинула бровь Эмилия.

Я слегка поклонился.

— Ну а это Грешем. Он мой ученик. Ты, наверное, уже имела удовольствие видеть его когда-то. Вы мельком встречались на одном светском рауте, где, по мнению сего, пытающегося скрыться за моей спиной господина, подавали чудесные пироги.

— Конечно, я помню этого джентльмена.

Эмилия нахмурилась.

— У нас с ним возникли некие разногласия по поводу предлагаемого меню, но я о них уже забыла.

Колдунья примеряющее улыбнулась вампиру.

— Вы войдете или так и будете стоять на пороге? Мне, между прочим, холодно!

С этими словами Эмилия затащила нас в дом. Кровопивец чувствовал себя крайне скованно, и я улыбался его застенчивости.

Оставляя за собой мокрые следы, мы проследовали в гостиную. По стенам висели гротескные картины. Мебель была проста, но функциональна — стулья, шкафы, комоды — всё подбиралось с большим вкусом и стояло там, где и должно! Ничего лишнего! Эмилия явно следила за своим интерьером, и ощущение домашнего уюта окутывало с первых секунд. Самым ярким местом в доме был, конечно же, стол. Заставленный множеством яств он восхитительно благоухал. Аромат разносился по комнате и выходил далеко за её пределы. Снурф кинулся к утке на блюде, но едва понюхав её, откатился обратно.

— Гадафсть! — прошипел он.

— Прошу располагайтесь, как вам удобно, и накладывайте с горочкой! Всего есть добавки!

— Эмилия, от твоего внимания не ускользнуло, что мы сильно проголодались и не против были бы отведать горячего супа с грибочками. Однако твоё пристрастие добавлять в

еду яд делает это невозможным. Не знаю, как Грешем, а я хочу сохранить свой желудок, да и остальные органы в целости. Спасибо за предложение, конечно!

— Ну, ты и противный! — рассмеялась колдунья. Повернувшись к вампиру, она добавила:

— Может ма-а-а-аленький кусочек пирожка, а, Грешем, не желаешь?

Мой ученик засопел, но ничего не ответил.

— Да ладно, я шучу, думаете, я стала бы вас этим кормить? Калерб, сутулый гриб, какого ты обо мне мнения? Этой едой я собиралась угостить разбойников, которые устроили свой схрон у устья Песчанки. Они пришли в Лунные Врата с молодой девушкой. Я намеревалась пригласить их на ужин, а потом освободить невинное дитя, но не успела... её больше нет. На днях я позабочусь о том, чтобы виновные были наказаны.

Набежавшая на лицо Эмилии мрачноватая ухмылка сменилась улыбкой.

— Но давайте сейчас не об этом. Я отправлюсь на кухню и съешу чего-нибудь неопасное для голодных друзей. То, что не испортит ваши драгоценные кишочки, ну разве что са-а-а-а-амую малость!

Заливисто хохоча, колдунья отправилась в кладовую, а мы тем временем присели на чудесный красный диван. Раньше я его у Эмилии не видел. Наполнитель под обивкой был удивительно мягким. Я с удовольствием подставил спину под объятия квадратной подушки. Не успел я, как следует расслабиться и вытянуть уставшие ноги, как под столом раздалось душераздирающее шипение таракана. Снурф, словно ужаленный, вылетел из-под скатерти, а за ним вприпрыжку погнался огромного размера кот. Эмилия души не чает в этом усатом разбойнике. Как бы его описать?

Она завет его Мурчиком. Он толстый, серо-жёлтый в полоску. У него зелёные глаза сильно похожие на глаза хозяйки. Кот является обладателем любопытного характера с тремя углами. Его пушистое «Я» находится между сварливостью, игривостью и плутовством. Не буду говорить, что он учудил с моими сапогами, когда я имел неосторожность разуться не на коврик в прихожей, скажу лишь, что теперь я обувь у Эмилии не снимаю, как бы чисто у неё не было.

Колдунья вернулась с серебряным подносом, на котором лежали румяные булочки и стояла бутылка бордового вина. Я взял сдобу, словив при этом взгляд Грешема. Он умолял: «только не трогай булку, только не кусай». От наблюдательной Эмилии подозрительность вампира, естественно, не ускользнула.

— Не бойся, хватит! Если бы я хотела отравить твоего учителя, то сделала бы это лет так... Тогда на приёме у одного импозантного лорда он умудрился пролить стакан гранатового сока на моё белоснежное платье.

Колдунья повернулась ко мне.

— Как понимаю, ты пришёл не потому, что стосковался по мне? Тебя калачом из Шато не выманить. Выкладывай, старая перечница, куда ты на этот раз путь держишь.

Эмилия села на стул и томно подпёрла голову рукой. Небрежно откинув ниспадающие на декольте волосы, она слегка приоткрыла губы. Колдунья много тренировалась, чтобы так театрально усаживаться. Каждое движение несло красоту и грацию. Эта лиса взмахом пушистых ресниц могла околдовать кого угодно, но на меня её чары не действуют. Наливая бокалы, я добродушно улыбнулся женскому обаянию подруги. Пригубив вина, я отметил, что букет, вероятно, настаивался на селезёнках диких жаб. Только истинные ценители способны восхититься терпким послевкусием, следующим за первым впечатлением. Те, кто не

разбирается в напитках, пьют «сладкое», те, кто умудрён опытом — «полусладкое», знатоки — «сухое», а те, кто познал жизнь, предпочитают изыск и выбирают нечто подобное, что в данный момент плещется у меня в фужере.

— Пару дней назад я получил письмо от королевы Элизабет Тёмной, знаешь такую?

Я серьёзно посмотрел на Эмилию.

— Ты издеваешься? — удивилась колдунья. — Она вдова Манфреда Второго, как её можно не знать?

— Что-то случилось, Элизабет срочно потребовала меня в столицу.

Я помахал письмом перед носом Эмилии.

— А так как дорога пролегает через твой лес, то я решил соединить приятное с полезным и сделать тебе сюрприз! Мы давно не виделись, и хоть ты так не думаешь, но я успел соскучиться, как и вот этот вампир!

Тем временем громадный кот тёрся о ноги Грешема, так что последний испытывал явное неудобство.

— Ты понравился Мурчику, погладь его по голове. Погладь, говорю, а то он тебя цапнет за ляжку!

Эмилия не просто так предупредила, у Мурчика имелись очень даже нехилые клыки, да и сам он выдался размером со взрослую собаку. Грешем нервно стал чесать коту за ухом, а Снурф при этом издевательски прошипел:

— Мехофой Мефок!

«Мурррр-мурррр-мурррр», — неслось по комнате. Мурчик вполне оправдывал своё имя.

Еда и питьё разморили меня. Сказывалось время, проведённое без качественного сна, да и сражение с медведем отняло много сил. Я собирался заночевать у Эмилии и сообщил ей об этом. Она оказалась только рада и просто ответила мне.

— Конечно, дорогуша, я и не отпустила бы тебя никуда. Твоя комната — как всегда, а вот этот вампирчик разместится в апартаментах для гостей.

Грешем собирался что-то ответить, но наш разговор неожиданно прервали. В окно ударился чёрный комок. Это угольная птица, чуть не расшибла стекло своим телом. Отодвинув ставню, Эмилия бережно взяла на руки запыхавшегося ворона. Он раскрыл клюв и, проглатывая окончания слов, протяжно прокаркал:

— Ты вытащила из огня моих птенцов, и я отплачу тебе той же монетой. Знай, что твои друзья — лиходеи и святотатцы — привели за собой беду — они убили Смоктумайта! Берегись! К твоему дому собираются звери и с ними Дромбильхваль! Он в ярости, что ты укрываешь беглецов! Всюду летит молва, что ты предательница Лунных Врат! Тебе грозит расправа! Беги пока есть возможность! Беги на юг!

Ого! Как все неожиданно повернулось!

— Что же вы наделали, хорьки облезлые!

Эмилия пошла красными пятнами гнева. Она схватила меня рукой за ворот мантии и скинула на пол. О, колдунья сильная женщина! Грешему прилетело в ухо Ночью Всех Усопших, который я ранее облокотил к стене. И без того светлое, ухо вампира стало значительно белее.

— Вы хоть понимаете, что это значит?! Из-за вас мне придётся покинуть дом! Шаттибраль, чем ты думал, дурья башка, когда вспарывал брюхо Смоктумайта?! Шляпой?! Ну, спасибо! Нечего сказать — удружил! Жила себе спокойно и тут на голову нежданно-негаданно свалился ты! Мне уже давно пора привыкнуть, где ты — там

неприятности! Куда мне теперь податься?! Зверьё мне продоху не даст!

— Стой-стой, не паникуй! Безусловно, вышло и правда, неприятно, но разве нельзя эту маленькую неурядицу решить полюбовно? Сейчас к нам заявится негодующий Дромбильхваль, а мы его удивим и встретим в лучших традициях гостеприимства — нальём чайку и предложим крекеры! Вот увидишь, после этого он сразу смягчится и поубавит пыл. Мы выпьем по кружечке, и я объясню ему, что произошла досадная ошибка — ведь Смоктумайт сам прыгнул на меч, и мы очень сожалеем об этом! Дромбильхваль покивает, согласится и уйдёт восвояси. Так что стоит ли так нервничать?

Эмилиии видимо мой юмор по душе не пришёлся. Она рассердилась пуще прежнего, и теперь посохом прилетело мне. Я ощутил, как на лбу начала расти шишка. Дотронувшись до ноющего места, я заметил, как Мурчик пытался процарапать крепкий панцирь Снурфа.

— Перестань нести полоумную чушь! Нам грозит серьёзная опасность! Если не хочешь, чтобы нас растерзали тысячи зверей, то надо уходить как можно скорее! — наконец совладав с собой, выдохнула Эмилия. — Но не обольщайся, Калев, я обещаю, что прибью тебя, как только мы выберемся из этой передраги!

Не теряя больше ни секунды, колдунья кинулась к выходу. Перекинув свою дорожную сумку через плечо, она рывком открыла дверь и выбежала в ночь, посох Людвирбинг в её зажатой руке сыпал колючими искрами. Хватая на бегу снаряжение, мы кинулись следом за ней. Я и не думал, что все так неудачно обернётся с этим гадким медведем! Мы едва поспевали за кружевным платьем. Моя подруга, не в пример мне, прекрасный бегун на длинные дистанции. Без сомнения Эмилия знает каждый уголок леса, недаром же она прожила тут всю жизнь. Туда, сюда, направо, налево. Было темно, и я не понимал, куда мы несёмся. В Лунных Вратах что-то происходило. Можно было подумать, что лес двигается рядом с нами. Он шевелился, и я отчётливо видел целое скопище глаз, следующих за мной по пятам. Мне казалось, что могучие стволы деревьев перешёптываются, суля нам проклятья. Я все острее чувствовал, как погоня дышит мне в спину. Любопытно, почему за нами не стали гнаться сразу после сражения с медведем? Я подозреваю, всё дело в том, что тело Смоктумайта нашли всего пару часов назад. А когда это случилось, то какой-нибудь волк моментально взял наш след. Уверен, что мы оставили после себя клубок непонятных запахов и сыскать, откуда тянется ниточка, не составило труда. Чаща кипела яростью отмщения. Нас хотели поймать и разорвать, но мы не собирались так легко сдаваться, поэтому улепётывали, как говорится, так, что пятки сверкали.

В боку непрестанно кололо. Мою одежду изорвали ветки деревьев. Они, как нарочно, появлялись из неоткуда и цеплялись за карманы, пуговицы и капюшон. Я много раз падал, споткнувшись о корень или камень, вставал и продолжал бежать дальше. Снурф и Грешем испытывали те же трудности. Казалось, что наш непредвиденный забег никогда не закончится. Мы убежали ещё часа два, прежде чем поняли, что нам все же не удастся уйти от преследователей.

Эмилия вывела нас на крутой склон, где мы и остановились. Я рухнул прямо на землю и закрыл глаза. Сердце бешено колотилось и его биение отдавалось болезненными ударами в голове.

— А вы знали, что быстрый бег не только сжигает лишний жир, но ещё и травмирует мышцы, суставы и позвоночник? — спросил я, скривившись в болезненной ухмылке. — Организму вредно так перенапрягаться!

— Ты выбрал не самое подходящее время, чтобы чесать нам уши!

Настороженный взгляд Эмилии метался от дерева к дереву. Сама она запыхалась, но выглядела намного бодрее меня. Её платье, изодранное в нескольких местах, открывало вид на мягкие белые подштанники, Грешем с интересом их осмотрел.

С каждой минутой гомон леса нарастал все сильнее. Мой ученик обнажил два коротких меча, которые до этого болтались у него на поясе. Он встал на уступе недалеко от колдуньи и приготовился её защищать. На секунду мне показалось это обидным, вампир решил умереть не за меня, а за пару стройных ножек. В глазах Грешема застыло необычное сочетание эмоций — испуг и решительность. Однако мне показалось, что Эмилия не замечает его героизма. Она высоко подняла Людвирбинг над головой. Колдунью обволол мягкий зелёный свет, у её ног растопырил когти Мурчик. Сейчас кот походил на настоящего боевого тигра. Снурф жался ко мне и нервно перебирал лапками.

— Прорвёмся! — ободрил я его. — С хозяином не пропадёшь!

Забравшись как можно выше, я занялся концентрацией сил. Ночь Всех Усопших озарился красным сиянием. Я вбирал в себя мощь Вселенной.

Внизу косогора показалась высокая дымящаяся фигура в рваной ризе монаха, за ней шли: волки, лисы, кабаны, медведи и прочие населяющие Лунные Врата животные. Так же я увидел лопоухих лепреконов. В раскачку ковыляли облезлые лешие, и даже парочка оживших ото сна древних деревьев волочили корни по земле. Но не это поразительно: шатаясь, к нам тянулись мёртвые, сотни мёртвых, это были те бедолаги, что нашли своё последнее пристанище в Лунных Вратах. Объяснение этому у меня имелось только одно — Дромбильхваль, как и я, тоже некромант. Приведя на бой нежить, он совершил грубейшую ошибку. Теперь у нас появился шанс выстоять. Страж Лунных Врат вышел вперёд. В его руках из стороны в сторону покачивался амулет Ураха, бывший некогда золотым, — теперь он отливал болотной зеленцой. Дромбильхваль обвёл нашу маленькую компанию слепыми бельмами и кажется, им овладело недоумение — как мы смогли победить Смоктумайта? Я прервал его размышления выкриком с уступа:

— Эй, тухлятина, а Бог Света знает, что за утренники ты тут устраиваешь?

Рот мёртвого монаха перекосялся от гнева.

— Фу! Какие у тебя отвратительные зубы! Все гнилые!

Синеватая рука потянулась к палице, закреплённой на ветхих доспехах. Подняв оружие над головой, Дромбильхваль дал отмашку в нашу сторону. Все, кто хоть когда-нибудь участвовали в битвах, знают, что это своеобразный сигнал к нападению. Подчинить себе столь могучую нежить как страж Лунных Врат я, конечно, не мог, поэтому сосредоточился на мертвецах вокруг нас. Я воздел Ночь Всех Усопших к небу и вызвал заклинание «Сфера Подчинения». Невидимыми линиями оно опутало нежить и привязала ко мне.

В тот момент, когда на нас накиннулись звери, на них с тыла напали мёртвые. Это стало неприятным сюрпризом для Дромбильхваля. В его расчётах такого пунктика уж точно не было. Не могу сказать, что схватка длилась долго. Когда в крови кипит жар, время попросту останавливается. На меня набросилось сразу с десятков волков и лис. Снурф агрессивно застрекотал, не зная кого бы цапнуть первым. Его выбор пал на упитанную лисицу, подобравшуюся ко мне слишком близко. Челюсти сомкнулись, и рыжий мех приобрёл бурый окрас. Под воздействием магии ко мне стали слетаться призраки — это самая расторопная и прыткая нежить. Они окружили меня кольцом полупрозрачных тел, не давая животным кусить моей сладкой плоти. Грешем, полностью отдавшись кровавому бою, рубил мечами направо и налево. Сейчас он сам походил на зверя, его клыки так же служили ему оружием.

Краешком глаза я заметил, как вампир впился ими в чью-то шкуру. Эмилия швырялась из Людвирбинга зелёными огоньками. Один из шариков попал в ревущего лося, тот моментально покрылся ужасными нарывами, упал и испустил дух. Мурчик прыгал взад и вперёд, не позволяя близко подойти к своей хозяйке. Кот так сильно шипел, что сбил с панталыку нескольких волков. Эмилии этого промедления вполне хватило — её посох размазал черепа псин и пошёл молотить врагов дальше. Однако животные, несомненно, брали верх. Они подбирались к колдунье со всех углов, окружали и отрезали пути к отступлению. Возможно, этого Эмилия и ждала. Она крутанула Людвирбингом, и из земли вырвалось изумрудное пламя. Испепеляющий магический круг не оставил зверью даже малейшей надежды на спасение. Отчаянный визг недвусмысленно оповестил о том, куда клонятся весы победы.

Преисполненный ярости Дромбильхваль посредством колдовства вновь обрёл контроль над десятком скелетов, находившихся возле него. Теперь он лично решил разделаться с нами. Медленно поднимаясь со своей свитой, страж Лунных Врат буравил меня злобным взглядом. Однако его планы о мести сбыться уже не могли — исход боя был предreshён. Звери, завидя как под моей магией оживают их мёртвые сородичи и уничтожают живых, бежали со склона вглубь чащи. Ухмыльнувшись, я отметил, что лесная братия кинула своего полководца на волю судьбы. Моя маленькая армия нежити смыкалась вокруг Дромбильхваля. Он оказался достаточно слабым некромантом. Поднять сотню другую скелетов несложно, а вот удержать их в своей воле, да к тому же когда рядом есть ещё один маг, умеющий это делать, совсем другое дело. Зомби окружили стража Лунных Врат и изрубили его, фигурально выражаясь «в капусту». Я обессилено опустил на колени, умышленно потеряв при этом контроль над большей половиной войска — огромное напряжение держать силой воли такое количество мертвяков без предварительной подготовки. В голове стучала мысль — я справился. Мне досталось лишь несколько синяков и царапин, чего не скажешь о моих товарищах. На руках и бёдрах Эмилии виднелись глубокие следы укусов. Волосы колдуньи стали мокрыми от пота и висели спутанными, грязными прядями. Быстро дыша, она привалилась к ближайшему дереву. С Грешемом все обстояло хуже, будь он человеком в полном смысле этого слова, то не миновал бы смерти. Нога вампира была изрядно повреждена, не хватало нескольких рёбер, не говоря уже о множестве порезов по всему телу — кожаные доспехи так себе защита. Он лежал, растянувшись на мокрой земле лицом вниз и не шевелился. Панцирь Снурфа покрывала плёнка липкой крови, хорошо, что она принадлежала не ему — тараканы его вида имеют внутренности синего цвета. Мурчик пытался отскрести из-под огромных когтей чужую шерсть с остатками кожи. Половины усов на морде ему кто-то выдрал, он прихрамывал на одну лапу и злобно скалился.

Я тяжело встал и огляделся — поле боя усеивали десятки тушек, запах горелой плоти витал в воздухе клубами тошнотворного дыма. Мысленно я отдал приказ нежити, что ещё находилась под моей властью, расположиться внизу холма, однако чувствовал, что это лишнее — сегодня нас никто больше не потревожит. Эмилия прикладывала к ссадинам какие-то листья из своей сумки. Её кровотечение постепенно останавливалась. Что до Грешема, то такие повреждения для него не смертельны. Первым делом я подыскал зомби так сказать «посвежее», оторвал у него несколько костей и подошёл к своему ученику.

— Я знаю, что один зубастый мальчик хорошо вёл себя весь год! Он слушался маму, рано ложился спать и не ввязывался в сомнительные авантюры! Такое поведение всегда

нужно поощрять! У меня для тебя есть несколько подарков! — весело сказал я, переворачивая вампира на спину.

— Но я хочу вернуть свои ребра, а не потроха того парня, что совсем недавно так мило улыбался мне без нижней челюсти, — запротестовал Грешем, едва шевеля языком.

— Тогда сходи и разыщи их тут! Думаю, ты потратишь на это какое-то время. Я деловито обвёл взглядом тысячи костей, валявшихся вокруг.

— Возможно, к следующему полнолунию управишься.

Выбор у Грешема был невелик, и ему пришлось согласиться на мои услуги некроманта. Хочу заметить, что я педант, поэтому ремонт грудной клетки и разодранной ноги занял у меня не меньше часа. Однако результат кропотливого труда оправдал все ожидания — вскоре вампир уже смог ходить, а покалеченные бедро и голень выглядели практически как раньше. Тот, кто говорит, что некромантия не полезная магия — весьма заблуждается. Ковыляя, Грешем стал тихо напевать под нос мотивчик избитой песенки:

Кто любит хлеб, а кто — морковку,
Вампиры же предпочитают кровку!
Не надо лука нам, и творога не надо,
А знаешь, что? Ты спрячь-ка чадо!
Дочурка у тебя уж слишком хороша,
Не устоит моя вампирская душа!
Кусну за шейку — и привет,
Какой же это вкусенький обед!

В общем, настроение моего ученика заметно улучшилось.

Пока я занимался починкой Грешема, Эмилия ворошила носком ботинка останки монаха, она что-то искала. На мой вопросительный взгляд колдунья пожала плечами.

— В руках Дромбильхваль держал амулет Ураха, я не могу его найти. Может ты видел? Он светился во время боя наподобие наших посохов. Я хочу забрать его как воспоминание о жизни, проведённой в Лунных Вратах.

Эмилия глубоко вздохнула и отвернулась.

Не надо обладать повышенной остротой ума, чтобы понять — с гибелью двух мистических стражей весь лес возненавидел Эмилию и теперь покоя ей не видать. Она больше не сможет остаться в своём чудесном коричневом доме, не подвергаясь постоянной опасности. Мне стало искренне жаль подругу. Моё появление принесло ей одни неприятности. Как загладить вину? Да и получить ли? Раз Эмилия сейчас некуда идти, то может она отправиться со мной в Шальх? А потом все вместе мы вернёмся в Шато! Кстати, её переселение ко мне обговаривалось нами уже не один раз. Каждую трапезу она будет разбавлять наш сугубо мужской коллектив своей неотразимой красотой! Представляю, как Птикаль обрадуется её появлению!

Думая над этим вопросом, я перебирал пальцами кости оставшиеся от Дромбильхваля.

Едва различимый блеск... Вот он. Амулет представлял из себя круг, в котором извивалась пятиконечная звезда — по бокам от её волнистых линий петляли миниатюрные соцветия, а в середине сидело крошечное перекрестие с цветным камушком. По контуру амулета шли нацарапанные иероглифы Загробного Мира — их, извратив символ Ураха, нанёс, видимо, сам Дромбильхваль.

— На, держи на память, — сказал я, передавая амулет колдунье.

Молча она взяла его из моей руки и спрятала в дорожную сумку.

— Эмилия?

— Что?

— Я знаю, что ты немного расстроена неудачно сложившимися обстоятельствами...

— Немного? Калекб, для тебя потеря дома — это «немного расстроена»?! — гневно воскликнула колдунья.

— Да, это не то слово, что я хотел сказать.

— Ты никогда не умел подбирать слова!

— Ты права. Поверь, я не хотел тебя обидеть.

Я вздохнул.

— Куда ты сейчас?

— Не знаю.

— Составишь нам компанию? Я, Снурфи и Грешем будем очень рады твоему обществу! Обещаю, что это не будет очередное приключение нашей молодости! Навестим старушку Элизабет, сделаем, что нужно и двинемся в Шато. Мой замок — навсегда в твоём распоряжении! Я выделю для тебя целый зал, который ты сможешь забить платьями хоть до самого потолка! В подвале мы обустроим алхимическую лабораторию, а в западном крыле создадим оранжерею! Помнишь, сколько мы обсуждали твой переезд ко мне, и ты всегда соглашалась, что когда-нибудь это случится? Вот и настал тот самый момент!

— Ты забыл про Мурчика.

— Вот и нет. Все самые лучшие мясные вырезки будут доставаться исключительно ему.

Эмилия почесала кота за ухом.

— А если нам у тебя не понравится, то что тогда? Я знаю, как выглядит твой, с позволения сказать, замок — сплошная чернота и унылость! Ещё зомби вечно мычащие ходят кругом! Это совсем не женское местечко!

— Эмилия, я позволю тебе кое-что обустроить по своему вкусу, — осторожно отозвался я. — В рамках разумного, конечно.

— Тогда хорошо, мы согласны на такие условия, — серьёзно кивнула колдунья. — Только одно условие!

— Какое?

— Нет, скажи вначале, что выполнишь его!

— Как я могу такое сказать, если не знаю, что ты попросишь? — изумился я.

— Тогда разговор окончен! Мы с Мурчиком прощаемся с вами!

Я закатил глаза — девушки, что с них взять.

— Ну хорошо, сдаюсь! Я сделаю то, что ты хочешь! Теперь огласи, что меня ждёт.

— Ты попробуешь моё овощное рагу из кабачков, брокколи, патиссонов и консервированных баклажанов!

— Ты решила испытать меня огнём и мечом? Ладно, ради тебя я съем эту гадость, но только один единственный раз! Не рассчитывай, что это станет моим любимым блюдом!

— Договорились!

Смеясь, колдунья протянула мне руку, которую я от души пожал. В это мгновение у меня с сердца упал пудовый камень.

Перекусив тем, что у нас имелось, мы кое-как спустились с косогора и двинулись в сторону окраины леса. Нежить по моему приказу шла на почтительном расстоянии, прикрывая тыл от возможного нападения. Эмилия предложила пойти через деревню, которая находилась совсем рядом с Лунными Вратами, оттуда иногда к ней в гости

забрели охотники и заблудившиеся дровосеки. Я помнил эту деревушку. В ней жили обычные работяги, которые добывали себе кусок пищи, рубя лес и охотясь в нем. Мы собирались нанять в деревне повозку и доехать оставшийся путь до столицы с комфортом.

До конца опушки мы не встретили ни одного зверя, все вокруг казалось неживым и безмолвным. Листья, опадающие хлопьями, добавляли какую-то особенную торжественность нашему походу. Я думаю, Лунные Врата скорбели о своей утрате, одной легендой, написанной в книгах, стало меньше. Мир меняется — это естественный ход природы. Вполне вероятно, что вместо погибших хранителей волшебный лес выберет себе новых и история повторится вновь. Никто не знает, что будет дальше. Пока я придавался философским мыслям, деревья стали редеть и вдаль показались огоньки маленьких домиков. Эмилия остановила нас.

— Стойте, вы что так и собираетесь туда вот так вот пойти?

Она смотрела на нас как на сумасшедших.

— А что с нами не так? — спросил я, с сомнением осматривая себя и ученика. — Вроде две руки и две ноги есть. Нам, правда, не помешало бы помыться, но прости, у тебя ванну мы не успели принять.

Взгляд колдуньи говорил — это же так очевидно, почему ты не видишь? Я хлопнул себя по голове, ну конечно, со всеми этими погонями я совсем забыл, что Грешем — вампир, и как только он войдёт в деревню, его голова окажется на колу у ближайшего храма. Я достал пузырёк с обратным зельем, которое захватил специально для него. Открыть туго посаженную пробку пальцами не удалось, и я применил зубы. Жидкость запенилась, задымилась и побежала через край. По запаху она напоминала клубнику, то, что надо! Грешем взял бутылочку и одним глотком осушил её содержимое. Хочу заметить, что перестройка из одного тела в другое проходит достаточно мучительно. Грешем, скрючившись от боли, наглядно подтверждал это: его худой торс принялся раздаваться вширь, а кожа стала приобретать нежный розовый оттенок. Лицо вампира деформировалось, клыки проваливались в череп, а глазки уменьшались и меняли цвет — теперь они стали карими. Не выдержав натяжения, на Грешеме лопнула кожаная броня. Эмилия смущённо отвела взгляд от открывшейся наготы. Хорошо, что ступня осталась того же размера, что и раньше, сапоги можно оставить те же. Глядя на Грешема, я расхохотался. Нельзя предугадать, как подействует настой, меняющий внешность. Вампир обернулся толстяком с рыжей бородой, не так уж и плохо! Грешему повезло, он не трансформироваться ни в трухлявого старикашку, ни в новорождённого младенца, ни в лысеющего карлика. Не то, чтобы я имел что-то против старости, детских криков или низкого роста. Загвоздка в другом: меняется облик — частично меняются и силы, которыми владеешь. Бегать теперь вампир сможет с трудом. Контроль в зелье поддается лишь одно, а именно: продолжительность действия. Я поделюсь секретиком. Все очень просто. Чем больше тёртого корня вирды добавишь к остальным ингредиентам, тем дольше останешься в новой личине. Готовя зелье для вампира, я отмерил вирды примерно на месяц-два.

Тем временем огромные пятерни попытались почесать спину — не вышло, ногти имели обычную длину, а руки слишком короткие. До лопаток не дотягивались! Раздосадованный этим открытием, вампир наконец спохватился, что стоит в одних сапогах. Краснея как помидор на грядке, Грешем прикрылся порванной рубашкой. Мурчик потёрся о толстую ногу. Кот давал понять — его не проведёшь, он знает, кто перед ним.

— Думаешь, это всё?

Эмилия снова повернула голову к Грешему и ткнула в него пальцем.

— Теперь ему нужно во что-то одеться, да и тебе тоже!

Я посмотрел на себя более внимательно, нежели чем в первый раз. Мой наряд составляли простые и одновременно удобные вещи: чёрная туника с серебряной брошью, вельветовые штаны, замшевые сапоги и накидка с изображением благородного черепа. Всё это, естественно, чистым не назовёшь. Брызги крови и следы грязи сделали своё дело. Я стал похож на вылезшего из гроба вурдалака. Эмилия права — так дальше идти нельзя. Придётся подыскать что-то менее приметное.

— У вас прямо на лбу написано: вот этот сумрачный человек не прочь съесть вашу бабушку, а это рыжий здоровяк — закоренелый убийца. Я схожу в деревню и найду что-нибудь из одежды. Ждите меня на той прогалине.

Колдунья легко зашагала в сторону домов. Грешем проводил её стан зачарованным взглядом.

— Нечего пялиться!

Вампир понуро опустил голову.

— Я смотрел, не следит ли за ней кто-нибудь!

— Ты это серьёзно? Кроме тебя за ней тут никто не следит, — усмехнулся я.

Чтобы не быть случайно кем-то замеченными мы, как и советовала Эмилия, отошли вглубь леса и уселись на поваленные деревья. Я развёл небольшой костерок из собранных вокруг веток. Снурф и Мурчик мирно сидели по разные стороны нашего импровизированного лагеря, но очевидно, что будь они вдвоём, тут же сцепились бы в серьёзной схватке. Мой любимец изредка шипел что-то про «Меховой Мешок», а Мурчик демонстративно точил огромные когти об похожий на таракана камень. Наши фамильяры — старые друзья, но каждый раз они как будто знакомятся заново. Забывают, что ли, друг друга?

— Пока есть парочка свободных минут, не грех потренироваться в магическом искусстве. Надеюсь, ты не думал, что в путешествии мы перестанем заниматься? Что ты запомнил из того, что мы проходили на прошлом занятии?

Я критически посмотрел на порыжевшего вампира.

Наверное, я выбрал не самое удачное время для обучения, ну и что с того? Это поможет нам скоротать ожидание и разогнать скуку. Под моим твёрдым взглядом Грешем отошёл от Снурфа на пару шагов, широко расставил ноги и вытянул руки вперёд. Его карие глазки стали сосредоточенными, с пальцев слетело несколько маленьких искорок. Он намеревался продемонстрировать мне магию Стихий. Эта школа колдовства одновременно и самая простая, и самая сложная. Для вызова заклинаний нужно иметь хорошо развитую силу воли. Чтобы явить первозданную мощь разрушения, надо, прежде всего, сконцентрироваться на форме магии — будь то огонь, лёд или молния. Затем отдать мысленный приказ с указанием, куда заклинание должно ударить. Вроде бы и всё, ан нет — вот тут и есть заковырка! Если колдун не обладает достаточным потенциалом, то с его пальцев, как сейчас у Грешема, упадут лишь жалкие жёлтые мушки. Но когда маг не первый десяток лет совершенствует навыки и давно научился управлять потоком силы, его разряд будет способен пробить кирпичную стену насквозь. Ограничений нет, барьером выступает только упорство и труд. Силу воли, как и силу мышц, так же как и силу характера, необходимо научиться вырабатывать. Будучи хилым колдуном, надо заставлять себя постоянно тренироваться, чтобы спустя тысячи неудачных попыток вначале загорелась свеча, а потом

поджарились все те, кто раньше сомневался в вашей способности владеть магией.

— Не так! Больше концентрируйся! Этими молниями ты не напугаешь даже улитку! В любом волшебстве нужно применять силу воли! Вкладывай мысленный приказ! Собирай энергию! Сколько раз тебе это повторять?

Встав рядом с вампиром, я взял его руку. Вместе мы начали подготавливать заклинание. Я всегда показывал своим примером, как именно надо. Спустя полминуты с пальцев Грешема вылетела яркая белая дуга. Очень хорошо! Как я уже говорил, мой ученик ленив, но не лишён таланта, и планомерные занятия сделают из него достойного чародея.

Попрактиковавшись с молниями, мы перешли к левитации. Любой маг, чтобы называть себя магом, должен знать набор основных заклинаний. Левитация относится к разряду базовых чар. Этот урок Грешем выучил хорошо, мы уже много раз практиковали его ранее. Поднимая камешки на разную высоту, вампир, в конце концов, окрылённый своим успехом, попытался пролевитировать Мурчика, но не получилось. Едва оторвавшись от земли, кот издал жуткое «мяу» и вцепился когтями в ближайшее дерево. Может, Мурчик боится летать? Снурф весело зацокал. Таракану пришлось по вкусу такое развлечение. Наверняка он решил, что пока нет Эмилии, мы решили разделаться с «Меховым Мешком».

— Ещё раз вы будете издеваться над моим солнышком, и я обещаю, что вместо заварки в вашем чае будет нечто менее удобоваримое!

Это разъярённая Эмилия, появившись из-за деревьев, застала самый конец магического урока. Она пришла к нам в лисьем тулупчике и башмачках в клеточку, на голове у колдуньи красовался замысловатый розовый бант, под рукой у неё болталась плетёная корзина. Эмилия всем видом хотела показать, как мы вывели её из себя. Подойдя к Грешему вплотную, она ткнула в него пальцем.

— Я считала тебя хорошим парнем! Как оказывается зря! Обижаешь беззащитного кота! А если бы ты остался у меня дома, что тогда? Совершил бы поджог? Ограбил бы меня? Или того хуже — убил?

Эмилия гневно топнула ножкой и притянула к себе мохнатого любимца. Вампир выглядел таким подавленным, что я решился вступить за него.

— Послушай, красотка, это всё я. Мы осваивали левитацию, а полосатый тёрся рядом. Грешем всего-то чуть-чуть поднял его над землёй! Я тебе скажу, что это даже полезно! Мурчик немного растрясся! Да и вообще, кто из нас не мечтал научиться летать? Он просто не понял своего счастья!

По взгляду Мурчика я понял, что кот свой полет ещё нам припомнит. Взгляд Эмилии говорил о том же.

— Стоит лишь отойти, и вы уже мучаете бедное животное! Вдруг, упав вниз, он бы разбился? Сломал бы лапу или хвост? А если вас так поднять в воздух и кинуть об землю, то что? Думаете вам бы понравилось?

Мурчик, прижавшись к ноге хозяйки, всем своим видом показывал, как жестоко мы с ним обходились, пока она пропадала неведомо где. Выглядывая из-за юбки Эмилии, кот высунул Грешему розовый язычок.

— Обещаем, что больше такое не повторится.

Я посмотрел на ухмыляющуюся усатую морду, после чего примиряюще сложил ладони на груди.

— Как только доберёмся до Шальха я куплю Мурчику кулёк корма. Какой ему больше нравится? Со вкусом индейки или говядины?

— Ни тот, ни другой. И пока вы занимались глупой ерундой, я достала вам переодеться! Колдунья бросила корзину мне под ноги.

— Надевайте и не забудьте сказать — «большое спасибо, Эмилия»! Я, между прочим, подошла к выбору вещей очень серьёзно!

Моя подруга ещё сердилась, однако её пылкость уже сходила на нет. Она одна из тех девушек, что могут за секунду воспламениться и так же неожиданно остыть. Проще говоря — отходчивая и незлопамятная.

Я открыл крышку корзины и занялся делёжкой тряпичного комка. Мне достались зелёные штаны, клетчатая рубашка и грубого покроя шуба из меха кролика, что пришлось кстати, так как под осенним ветром мне всё это время было холодно. Грешему повезло меньше. Ему перепали огромные красные штаны и такого же цвета свитер, пальто, подбитое мехом, имело разноцветные полосы, такие иногда носят клоуны в городах. Я попросил Эмилию отвернуться, чтобы мы могли переодеться. На что колдунья закатила глаза и проговорила:

— Чего я там не видела?

Моя одежда была мне немного велика, но в целом села неплохо.

Грешем долго смотрел на то, что ему принесли и наконец, сказал:

— Я это не надену, даже и не думайте! Разве я говорил, что желаю походить на попугая? Пускай, кто хочет — тот и носит это! Можно было бы раздобыть для меня что-нибудь менее красное и пёстрое!

— Нет нельзя! Я не нашла ничего другого более подходящего под размер твоего живота! Живо надевай, что дают. Отныне мы с вами укротители волшебных зверей! Я наткнулась возле деревни на цирковых гастролёров. Они путешествовали из одной провинции в другую, и думаю их никто не хватится.

Грешем внимательно посмотрел на Эмилию.

— Ты случайно не догадалась захватить мне кого-нибудь на обед из того цирка? Я проголодался!

— Ещё чего? Ты, видно, позабыл, что клыков у тебя уже нет, так что пей из бутылки. Или ты хочешь пирожок? Я припасла один как раз на такой случай. Будешь?

Помня про тот злосчастный пирог, который едва не погубил его, Грешем скорчил недовольную мину.

— Я, пожалуй, воздержусь от столь вкусного угощения, — кисло промямлил он, натягивая на себя растянутую одежду.

Я расхохотался — вампир выглядел как заварное пирожное. Эмилия, наконец, первый раз за этот час улыбнулась.

— Я предположила, что красный твой любимый цвет, и, как оказалось, не ошиблась — тебе идёт!

— Что стало с теми гастролёрами, у которых ты позаимствовала эти роскошные наряды? — поинтересовался я.

— О, не стоит переживать, — уклончиво ответила колдунья. — Я наложила на них маленькое безобидное заклинание. Проспят до весны, а там как раз потеплеет, и они смогут двинуться выступать дальше. Думаю, когда люди придут в себя, никто ничего не вспомнит, а если и вспомнит — моя подруга развела руки в стороны — то такова жизнь! Надо быть более осторожными с Эмилией Грэхольм!

И в этом она права! Эмилия не только обладала милым личиком, но и огромным

опытом в магии. Если она выберет кого-то своим врагом, то скажу точно, что бедолага может сразу прощаться со всем своим окружением. Моя подруга достанет даже из могилы. В дни нашей безрассудной молодости мы вместе пускались во всевозможные приключения и хочу заметить, что частенько только благодаря Эмилии моя шкура оставалась целой.

Отдохнув у костра и подкрепившись орехами, колдунья ещё раз внимательно окинула нас взглядом. Её бровки сошлись над переносицей. Постучав себя по подбородку, Эмилия удовлетворённо кивнула. Мы выглядели как обычные бродячие актёры. Закинув походные мешки на плечи, мы направились в сторону деревушки. Лунные Врата оставались позади. Я не подозревал, что желание навестить подругу так кардинально перевернёт её жизнь. Эмилия шла со мной рядом, легонько опираясь на посох. С виду она была спокойна, но я чувствовал, что это лишь внешняя оболочка, внутренне колдунья страдала — потеря дома сильно давила на неё. За приподнятым носом скрывалось глубоко-подавленное настроение. Я хотел утешить подругу, но не мог, не знал подходящих слов и это грызло меня. Однако, не скрою, во мне довольно потирал ладошки маленький эгоист. Я радовался, что колдунья идёт с нами и не только потому, что она являлась блестящим магом, она, эта красивая девушка, мой лучший друг. Я люблю путешествовать с ней. Эмилия всегда найдёт выход даже из самой невообразимой ситуации. Сейчас, конечно, приключений никаких не намечается, съездим к королеве, решим её проблему, навестим Бертрана и Альфонсо, да подадимся назад в Шато.

Впереди замелькали огоньки домов. В принципе сложностей возникнуть не должно — наймём лошадь и вперёд! Никто даже не узнает, что деревеньку посещала такая интересная компания, как наша. Я прибавил шагу, скоро будем на месте.

Глава 4. Смерть любви не помеха

В Соединённом Королевстве любят выступления диких животных. Когда огромная саламандра заглатывает факел с огнём, а затем выпускает жаркое пламя из алого нутра — толпа ликует. Или взять тот же трюк с кроликом и цилиндром — никогда не надоедает. А трио синицы, льва и крокодила? И того пуще! Весело и красочно! Однако за кулисами всё совсем не так. Прежде, чем подать свежий номер на сцену, укротитель долго тренирует своих ухающих и воющих подопечных. Это муторно и подчас губительно. Стоит ему зазеваться и — оп! — рука или нога пропадает в пасти пленённого существа. Впрочем, такое случается и на отрететированных представлениях. Кое-кого это вовсе не смущает, а даже наоборот — радует. Во многих людях живёт жажда крови, и подобные эксцессы дают ей шанс вырваться на волю. Но поговорим сейчас не об этом. Так как мы собираемся выдать наших любимцев за цирковых зверей, будет по-честному немного о них рассказать.

Такие гигантские тараканы, как Снурф, целыми колониями обитают в Железных Горах. Они забираются в заброшенные шахты гномов и устраивают там гнёзда. Тараканы предпочитают откладывать яйца в сырых и тёмных местах. У них бронированные спины и цепкие крючковатые лапки. Питаются эти насекомые всем подряд. Считается, что приручить и уж тем более чему-нибудь научить таракана невозможно. Как по мне, это утверждение в корне ошибочно. Мы отлично ладим со Снурфи. Он прекрасно понимает речь и даже сам может немного говорить, при этом шипя с завалом на «ф». Примеры — «крыфа», «рыбфа», «куфать». Живут тараканы долго, обычно пока их кто-нибудь, фигурально говоря, не прихлопнет.

Что же касается Мурчика, то он экзотичен для всех провинций. Пищащим котёночком Эмилия подобрала его у Великого Леса. Я подозреваю, что Мурчик может вести свою родословную из Бархатных Королевств, но доказательств этого у меня, конечно, нет. Очевидно, что хвостатый обладает гибким интеллектом, который держится либо на уровне Снурфа, либо ненамного превосходит его. С тараканом, кстати, они практически одинаковых размеров. Мне кажется, кот вполне способен изъяснять свои мысли не мяукая. Иногда я готов поклясться, что он что-то тихонечко шепчет Эмилии. Когда я спрашиваю её об этом, она отмахивается — мол, придумал же такое! При первой встрече с Мурчиком создаётся впечатление, что он противный парень, но это не так. Да, у него занозистый нрав, острые когти и презрительный взгляд, однако он всё-таки милый и пушистый шалун. Мурчик всё ещё любит играть с бантиком и гоняться за бабочками в саду.

Вот и сейчас, когда мы подошли к красной выгоревшей табличке с надписью «Подлунные Пеньки», кот бросился за какой-то мелкой зверушкой. Я хмыкнул — подходящее название для этой деревеньки. Вероятно, оно когда-то было дано из-за непосредственной близости к Лунным Вратам.

Мы вошли через распахнутые створы ворот рано утром. Заспанный стражник лениво проводил нас взглядом. Казалось, его не удивило, что по бокам от меня вальяжно шествуют кот и таракан. Кто только нанял этого оболтуса нести вахту? На улице ещё никого не было, и мы спокойно смогли осмотреться. Думаю, осенний холод играл немалую роль в нежелании людей вылезать из дома и заниматься привычными делами.

Единственными достопримечательностями в Подлунных Пеньках были трактир и храм Бога Света. Обитель Ураха нас совершенно не интересовала, поэтому мы отправились в таверну. Там мы собирались перекусить и разузнать, у кого можно арендовать лошадь с повозкой. Следуя вверх по главной улице, мы увидели то, что искали. Питейное заведение когда-то выстроили в классическом стиле. Оно имело два этажа: на первом обычно предлагалось выпить, поесть, поиграть в карты и послушать местные сплетни, а на втором путник мог выспаться перед дорогой. Над покосившейся дверью красовалась вывеска «Хмельной Лунар».

Я уверенно переступил порог. Внутри тёмного зала находилось несколько человек. Осоловелый трактирщик за стойкой тёр кружки из-под пива. Под моим прямым взглядом он соблаговолил открыть свой рот.

— Меня звать Крикс. Я тут шеф.

— Я Калёб.

Криксу моё имя было не интересно.

— Хоть Калёб, хоть хлеб, хоть графиня Альба, мне всё равно. Прежде чем соберётесь сделать заказ — покажите деньги. Потому что если вы припёрлись сюда, рассчитывая на дармовщинку, то скажу сразу — ничего не выйдет, можете разворачиваться и проваливать! Я задарма не кормлю и не наливаю!

Это заявление ввело меня в ступор. Кроме единственной счастливой монетки, которую я всегда ношу с собой, денег больше у меня не было. Думаю, в карманах Грешема так же гулял ветер. Как только я мог забыть взять с собой немного золота на подобные расходы? На самом деле достаточно легко. Когда под рукой есть личный замок то привыкаешь к тому, что платить никому не надо. Я собирался, что-то ответить, но меня опередила Эмилия.

— Мы обязательно заплатим, но только после выступления, — промурлыкала колдунья, подходя к трактирщику. — Видишь ли, мы странствующие артисты, зарабатываем на жизнь,

показывая трюки с животными.

Только тут до Крикса дошло, что в Хмельном Лунаре также присутствуют таракан и кот. Я увидел, как его глаза округлились и приняли более осмысленный вид.

— Я думаю, что если ты нас сразу обслужишь, то в самом конце дня тебе непременно достанется не только золото, — прошептала Эмилия. — Есть ещё один сюрприз, с которого ты потом сможешь снять подарочную обёртку.

Лицо трактирщика приобрело пунцовый оттенок, впрочем, как и большая рыжая голова Грешема. Не могу сказать, кто стал из них более красным после слов колдуньи.

— Так вы актёры? Вообще-то со скотиной у меня нельзя!

— Подумай хорошенько: допустимо ли для нас маленькое исключение.

Эмилия кокетливо повела плечами, так, что её декольте оказалось у самого носа простачка. Этот последний штрих попал точно в цель. Трактирщик, зачарованный женской прелестью, смог кое-как промямлить: «будьте как дома».

Мы сели за большой ободранный стол. Крикс принёс нам графин вина, чаю, холодной картошки, ветчины, сыра и хлеба. Сам сел поближе к Эмилии. Мой ученик буравил усатое лицо ревнивым взглядом. Глядя на сжатые кулаки Грешема, я подумал: а не убьёт ли вампир этого червяка за то, что Эмилия пустила в ход своё обаяние? Я взял в руки вилку и накинулся на еду.

Крикс бросил подозрительный взгляд на Грешема.

— Чего не ешь, толстяк? У меня всё свежее и вкусное. Это моя мать стряпает.

— Я на днях сильно отравился плохо прожаренным куском мяса. Очень сочным куском, практически сырым, — процедил мой ученик через плотно сжатые зубы. — Теперь лечусь вот этой настойкой.

Вампир достал из рюкзака бутылку и налил немного себе в стакан.

— То-то даже и хорошо, что так вышло! Такому толстому мешку муки как ты просто необходимо немного сбросить жирку! Наверняка ты заядлый любитель булочек, шоколада и сладкого рулета. Я угадал, да? Завязывай с этим, понял? Иначе в дверь скоро не пролезешь.

Грешем промолчал, но его маленькие глазки налились злобой. Откинувшись на спинку стула, он принялся разглядывать жёлтое пятно на потолке.

Крикс не солгал, еда действительно оказалась сносной. Под столом Снурф и Мурчик жевали кости, которые в изобилии валялись по всем углам. Наверное, убирали тут редко. Иногда шипение и писк перекрывали наши голоса. Делёжка куриных и свиных останков проходила с боем. Тем временем трактирщик снова обратил своё внимание на Эмилию. Меня это не удивило, колдунья не может не понравиться, если уж вампир в неё влюбился, что уж говорить об обычном смертном.

— Расскажи-ка мне, куколка, когда у вас намечено выступление? Чем будете удивлять? Нас давненько уже никто не посещал. Знаешь, ведь ваш приезд — это целое событие для Подлунных Пеньков. Уверен, что на шоу соберутся поглазеть все, кому не лень. А не лень будет никому!

Крикс пододвигался к моей подруге все ближе. Эмилия при этом нарочито отстранялась. Я ухмыльнулся. На самом деле колдунья не испытывала дискомфорта от близкого дыхания этого недалёкого парня. Наоборот, ей даже нравилось его внимание. Много раз мужчины сами того не ведая, попадали в паутину её шарма.

— О! Это случится сегодня. Ближе к вечеру. Мы собираемся показать, на что способен зверь, когда его приручили. Я обещаю, что такого тут ни разу не видели. Кот и таракан

пощекочут всем нервы умопомрачительными, смертельными трюками.

Неожиданно Эмилия сама потянулась к Криксу, да так что их носы едва не коснулись друг друга.

— Однако ничего может не состояться. И знаешь почему? Произошла грандиозная беда. В дороге наша лошадь повредила ногу, а от повозки отлетело колесо. Весь багаж необходимый для представления остался внутри этого разломанного корыта! Я прямо вне себя от печали! Не знаю, что и делать! Вот подскажи, красавчик, где можно нанять экипаж? Я хочу забрать свой наряд, чтобы выглядеть во всей красе.

Колдунья кокетливо провела пальчиком по подбородку Крикса.

— У! Экипаж?

Пока Крикс окутанный сетью женских чар соображал, я осматривал заведение. С пошарпанных стен свисали обрывки старых обоев. Затёртый стульями пол не видел свежей краски по-видимому уже не один десяток лет. Вся мебель кренилась и скрипела. Несмотря на утро, в зале царил полумрак. Ставни окон были прикрыты, а других источников света кроме нескольких канделябров в трактире не имелось. Я обратил внимание на человека, сидевшего в самом дальнем углу. Он, не мигая смотрел на нашу компанию, совершенно позабыв о недопитой чашке. Поймав мой взгляд, человек поднялся со своего места и подошёл к занятому нами столу. Длинная ряса и чётки выдавали в нём монаха Братства Света.

— Будь любезен, дорогой, оставь нас наедине, — промолвил монах, вставая за спиной трактирщика.

Крикс недовольно глянул через плечо. Ему явно не понравилось, что его милую беседу с колдуньей так бесцеремонно прерывали. Однако суровое, не терпящее оговорок лицо убедило Крикса не препираться. Он пожал плечами и молча уступил свой стул служителю Ураха. Всем своим видом трактирщик излучал разочарование. Он уже успел себе представить, как женился на Эмилии и живёт счастливо, не зная никаких забот. Отойдя к стойке, Крикс продолжал пожирать мою подругу глазами.

— Моё имя Джокс, а твоё — Нечестивый.

Мягкий голос имел южный оттенок выговора. Скорее всего, монах родился где-нибудь в Керане или Хильде. Я дал бы ему около шестидесяти лет. Внешне он походил на хмурую благообразную ворону.

— Приятель, в твоём кофе было слишком много бренди. Я назвался Криксу совершенно другим именем.

— Не отрицай! С детства я наделён особым даром провиденья! Стоило тебе переступить порог «Хмельного Лунаря», как я почувствовал присутствие Тьмы. Я уверен, что ты — чернокнижник или кто-то вроде того. Нить скверны тянется за тобой, словно холера за прокажённым. Я слышу, как привязанные души молят об освобождении. Огонь костра, дым поленьев и истошные крики, вот что очистит твои грехи перед Урахом. Мне следовало бы поднять на уши всю деревню...

Джокс запнулся и облизнул белёсые губы.

— Но? — подтолкнул его я.

— Это мой долг, и я все ещё могу исполнить его...

— Ты ходишь по кругу.

— Мне необходима помощь в одном щекотливом деле, — выпалил Джокс. — Ты понимаешь, о чем идёт речь?

— Пока нет, — с улыбкой ответил я.

Монах сощурился.

— Сделай кое-что для меня, и я буду держать язык за зубами.

— О том, что как ты выразился, я нечестивый?

— Верно.

— Ты точно перебрал.

— Если откажешься, то попадешь в смертельную передрагу.

— Пытаешься шантажировать меня?

— Мне видно, кто ты.

Я расхохотался, Крикс бросил на меня взгляд полный презрения. Как можно смеяться, когда с тобой говорит брат света?

— Ладно, старик, ты раскусил меня, но тебе от этого мало проку. В моём кармане лежит бумага, заверенная личной печатью королевы Элизабет Тёмной. Я обладаю статусом неприкосновенности.

Я улыбался, смотря на осунувшееся лицо Джокса.

— Ты действительно имеешь при себе официальный документ?

— Можешь не сомневаться.

Я показал краешек письма из выемки шубы.

— Если по твоей милости меня что-то задержит в этом захолустье, и я не прибуду ко двору в срок, то ты наверняка отправишься гнить в самую сырую клетку королевского каземата. Там ты познакомишься с такими забавными вещами как «колыбель» и «груша». Никогда не сидел на деревянной пирамидке со спущенными штанами? Нет? Тюремщик с радостью восполнит этот досадный пробел в твоей жизни. Подумай — надо оно тебе?

— Моё положение безвыходно. Мне нечего терять, и я готов рискнуть испытать гнев Её Величества. Пусть на кону моя жизнь — это неважно, я подниму тревогу и выдам тебя, нет, вас всех людям деревни. Даже если вы успеете меня убить, скраться вам все равно не получится. Уже через пять минут каждая собака в Подлунных Пеньках будет лаять о шайке богомерзких колдунов, поклоняющихся Назбраэлю. За вами отправится погоня. Вас поймают и сожгут у ворот храма по всем правилам и ритуалам.

Джокс твёрдо посмотрел на меня, однако ответа не дождался. Я невозмутимо и чуть насмешливо его разглядывал. Спустя секунды, которые для моего оппонента наверняка показались вечностью, старик, несколько стусевавшись, продолжил:

— Ни ты, ни я не хотим отступать от своих принципов. Значит, кому-то из нас надо пойти на компромисс. Пусть это буду я. Мне послышалось, что вашей компании нужна повозка? Выполни маленький уговор, и я даром отдам тебе свою вместе с лошадьёю.

— Ого, теперь подкупаешь?

Монах вновь подбоченился.

— По рукам, или я кричу на весь «Хмельной Лунарь», что у меня под боком чернокнижник?

Взбалтывая в бокале дешёвое вино, я оценивал угрозу, исходившую от слов Джокса. Он не выглядел глупым. Наверняка Джокс понимал, что такая рыбка, как я, ему не по зубам. Взять меня будет крайне непросто, а скорее всего, даже невозможно. Впрочем, то, что мне предлагали сделку, подстёгивало мой интерес. Я люблю игру.

— Хватит угроз, дорогуша, скажи уже, какая помощь тебе нужна, — спокойно проговорила Эмилия.

Брат света повернул к ней своё обветренное лицо, потом его взгляд снова устремился ко мне. Он хотел вести разговор только со мной.

— Моя жена, сестра прихода... Моя Изабель умерла, неделю назад... Я не могу пережить этой утраты. Она была для меня всем смыслом жизни. Я знаю, что тебе под силу её вернуть... Пусть и не совсем такую как раньше.

Джокс опустил взгляд на стол.

— И за это ты дашь нам лошадь с телегой? — уточнил Грешем.

— Да, дам и ещё вывезу вас в ней без лишних глаз, — просто ответил наш новый знакомый.

Я потёр руки. Ситуация выдалась презабавная и вполне выгодная — как нам, так и Джоксу. Ему несказанно повезло, что я остановился в «Хмельном Лунаре» — во всем Соединённом Королевстве никто лучше меня не смог бы выполнить его просьбу. Наверняка Джокс думал о гальванизации супруги с того самого дня как она почила. Удачный билет!

Я постучал пальцами по посоху и принял решение.

— Пойдём, покажешь мне свою Изабель.

Я встал из-за стола и задвинул стул. Друзья и Джокс последовали моему примеру. Всё так же меланхолично протирая кружки, Крикс проводил удаляющуюся Эмилию пламенным взором.

Выйдя из трактира, мы миновали нескольких деревянных домов и свернули на узкую улицу. Многие жители уже проснулись. Занимаясь своими повседневными делами, они бросали любопытные взгляды нам вслед. Преодолев тройку извилистых проулков, мы подошли к конусообразному зданию с мощными белыми стенам — обители Бога Света. Монах снял с калитки тяжёлый амбарный замок и пропустил нас вперёд. Внутри было светло. Множество разноцветных слюдяных стёклышек в окнах придавали убранству храма нарядный вид. Посередине зала высился каменный алтарь. На его основании возлежали букетики малиновки. Подсвеченные пробивающимися с купола лучами, они выделялись сочным красным цветом. По углам, в ожидании прихожан, выстроились лавочки. На их подлокотниках застыли миниатюрные статуэтки Ураха. Вырезанные из алебаstra, они представляли собой человека с огненной головой. В одной руке он держал сердце, а в другой меч. Проследовав за Джоксом, мы остановились в самом конце помещения. За неприметной ширмочкой пряталась дверка в погреб. На её белоснежной краске вились прожилки трещин и рисунки лилий.

— Она там. Я отнёс Изабель в катакомбы сразу после её смерти, — тихо проговорил Джокс, раздвигая створы в стороны.

Я внимательно посмотрел на монаха — уж не ловушку ли он мне готовит? Его глаза говорили обратное. Он не врал. За свою достаточно продолжительную жизнь я хорошо научился распознавать скрытую угрозу.

— Надеюсь, это случилось недавно, а то кое-что могло и... немножко залежаться.

Повернувшись к друзьям, я добавил:

— Попрошу вас не расходиться. Я скоро вернусь.

— Ладно, дорогой, мы посидим и помолимся о выздоровлении Изабель, — отозвалась Эмилия.

Поправив волосы, колдунья умастилась на краешек лавочки возле алтаря. Грешем расположился справа от неё. Мой ученик поджал ноги под себя и склонил голову набок. Такая ненавязчивая поза давала ему возможность улавливать аромат духов, исходящий от

Эмилии.

Джокс вынул свечу из продолговатого сундучка. Запалив фитиль, он потопал по ступенькам вниз. Я отправился за ним. Источником света мне служил посох. Вечно капающие свечи никогда меня не привлекали. Они исключительно коварны. Стоит чуть-чуть наклонить свечку и — блямс — горячая восковая клякса уже застывает на руке. Прежде чем нащупать ногой пол, я насчитал сорок ступенек. Не представляю, как Джокс стащил сюда тело в одиночку. Конечно, спустить труп с горки легче, чем тянуть его ввысь, но все же — такое физическое упражнение, достаточно выматывающее. Воображаю, как ему пришлось попотеть. А вдруг он корпел не один? Впрочем, это неважно. Ведь у большинства людей есть знакомые, готовые оказать содействие в перетаскивании износившейся мебели. Наверняка он воспользовался их добросердечными услугами.

Я поднял Ночь Всех Усопших повыше — по сводам заплясали красные блики. Мы оказались в маленькой сырой комнатке, из которой шли два коридора. По стенам змейкой ползли линии грубых полок. Доверху забитые круглыми урнами, они стали последним пристанищем почивших монахов. Кое-где под потолком перемигивались шарики колдовского света. Унылая обстановка склепа меня ничуть не смутила.

— Хорошее местечко, чтобы припрятать жену. Кстати, как тебе это удалось? Я знаю, что членов Братства Света, если только они не помазанные рыцари, практически всегда сжигают. Поведай, Джокс, как ты провернул тёмное дельце прямо под носом у всего монастыря?

Старик повернул ко мне своё мрачное, испещрённое морщинами лицо. На нем отразилась боль, приправленная стыдом и злостью.

— Я сказал им, что сам хочу отправить Изабель в последний путь. Когда наступила ночь, братья оставили меня. Как только они ушли с сакральной поляны в опочивальни, я снял Изабель с погребального костра и подменил заранее заготовленной куклой. Потом я запалил огонь, а жену украдкой перенёс в храмовые катакомбы. Чтобы не возникло подозрений, я набил урну Изабель прахом свиньи, а после чего отнёс её к себе домой. По обычаю запечатанный сосуд должен год стоять у вдовца под кроватью.

Джокс тяжело вздохнул, и по его щеке покатила слеза.

— Я не в силах с ней расстаться. Все это время я думал о магии способной возвращать жизнь, молился и... тут появился ты. Возможно, это не то колдовство, что одобряет Урах, но я устал страдать... Если бы мы снова были вместе, это — главное.

— Я постараюсь помочь тебе.

Я заставил свой голос звучать участливо. Отчасти меня тронуло горе Джокса. То обстоятельство, что он искренне любил свою супругу и не хотел с ней расставаться, пробудило во мне возвышенные чувства. Скверно, когда любящих людей разделяет такая штука, как смерть.

Мы пошли извилистыми коридорчиками. Иногда мне приходилось пригибать голову, чтобы не стесать макушку об потолок. То там, то сям на пол капала вода. В погребке царила Её Величество Влажность. Смолянистая грязь окончательно запачкала мои сапоги. Из-за тяжёлого воздуха плохо дышалось. Видимо за вырытым когда-то проходом никто не следил. Чем глубже мы заходили в склеп, тем больше пушистой плесени попадалось мне на глаза. Наконец, после того как мы миновали несколько крутых поворотов, перед нами возникла каменная плита, на которой растянулась престарелая женщина. Я наклонился, и чуть не сшиб рукой погребальную вазу, притаившуюся в тени. Возможно, Изабель некогда слыла

красавицей в Подлунных Пеньках. Меж седых прядей проглядывали рыжие пучки. Слегка курносый нос с сеточкой морщин немного распух. Зрачки закатились — за веками я увидел только белки. На всем теле цвели следы разложения. Полагаю, что в таком образе уже нельзя показываться на люди. Хотя в целом ещё не всё потеряно. Есть некие косметические средства; им под силу придать Изабель прежний приятный вид. Из раздумий меня выдернул жалобный голос Джокса:

— В том году, зимой, она сильно простыла. Болезнь не покидала её долгие месяцы. Бедняжка догадывалась, что умирает. Клирик храма применил все своё умение, но не исцелил её. Он развёл руками и сказал, что на то есть воля Всевышнего.

Джокс расплакался.

— Я на коленях просил Ураха сжалиться надо мной и не забирать её. Однако Всеотец решил, что я недостойн этого.

— Богам неинтересны наши мелочные желания, теперь ты понял это.

Монах погладил жену по волосам.

— Верни мне мою звёздочку, чернокнижник, без неё моя жизнь потеряла всякий смысл. Я с мягкой улыбкой посмотрел на Джокса.

— Мне нужно немного времени, чтобы сосредоточиться. Будь готов к тому, что Изабель не сразу узнает тебя, когда очнётся от... сна. Воспоминания о прошлой жизни вернуться к ней чуть позже. Это небыстрый процесс. Надо полагать, пройдёт несколько дней прежде, чем она осознает кто ты. Наберись терпения, обычно люди постепенно обретает утраченную память.

Нервно стуча зубами, Джокс встал у меня за спиной. Его горячее дыхание касалось моего затылка. Я не из тех людей, кому чужой взгляд мешает делать работу, но непрерывные вздохи и ахи монаха меня смущали. Я стукнул Ночью Всех Усопших по земле, заставляя его разгореться поярче. Конечно, не о каком возвращении к жизни и речи быть не могло. Я собирался поднять зомби и подчинить его своей воле. Я провёл рукой над заплывшими глазами. «Встань» — мысленно повелел я. Подобное заклинание я творил тысячи раз. Через пару секунд, зомби, поднимаясь с каменного ложа, заскрипел суставами.

— Изабель, о Изабель! Мой рыжик!

Джокс оттолкнул меня и кинулся обнимать то, что раньше приходилось ему женой. Мертвяк медленно повернул голову на голос. Мутные бельма уставились на старика. Выгнув бровь, я смотрел на то, как монах страстно прижимает к себе подгнившую руку.

Дав Джоксу немного поворковать над Изабель, я, протерев платком кристаллическое навершие посоха, торжественно произнёс:

— Отныне и да конца веков, да не разлучитесь вы более. Думаю, при благоприятном стечении обстоятельств Изабель может даже пережить тебя.

— Она! Со мной!

— Я выполнил свою часть сделки, теперь очередь за тобой. Как говорит один мой знакомый — договор дороже денег.

— К внешней стороне восточной башни прилегает пристройка — это конюшня храма. Ты найдёшь моего коня в стойле. Там же стоит и телега. Иди, бери, забирай всё что хочешь, мне это больше не нужно.

Джокс неотрывно смотрел на свою красавицу. Его глаза сияли счастьем.

— Так дело не пойдёт, — не согласился я. — Если я так сделаю, то люди обвинят меня в воровстве. Неужели ты решил, что твою лошадь никто не узнает? Какое там по закону

полагается наказание за конокрадство? Подвешивание за ребро? Нет, сударь, ты проводишь меня до выхода из деревни. Кстати, вот ещё вопрос — а почему в обители ты один? Если мне не изменяет память, то обычно приход состоит из десяти — пятнадцати жрецов. Где твои братья?

— Они все отправились в Шальх. В это время года мы всегда совершаем паломничество. По жребию мне выпало остаться смотрящим за храмом.

Под моим испытывающим взглядом старик затравленно икнул, что-то мне подсказывало, что он не договаривает всей правды. Нехотя, Джокс заставил себя оторваться от Изабель, встать и пойти со мной к началу катакомб. Зомби проводил нас негромким воем. Монах остановился в проходе и горячо прошептал:

— Я скоро вернусь, моя любовь! Ночью мы убежим в Лунные Врата — там нас никто и никогда не найдёт!

Снова стон. Джокс воспринял его по-своему.

— Я мигом! Мне надо отдать плату за твоё пробуждение. Ты проспала целую неделю, и я очень испугался! Но болезнь отступила, и ты вновь здорова!

Наблюдая такое нежное прощание, я думал — а правда ли он верит в то, что она что-то соображает? Ведь Изабель абсолютно все равно: вернётся к ней Джокс или нет. Чтобы мертвец хоть как-то обрёл утраченный разум необходимо совершить самый сложный ритуал, который, причём, не всегда срабатывает. При этом существует большая вероятность того, что в тело, находящееся под воздействием призывающих чар, вселится какой-нибудь посторонний дух, а это приведёт к непоправимым последствиям. Как бы там ни было времени на этот обряд у меня нет. Пусть я сыграл не очень честно, однако я же воскресил Изабель? Она ходит, бродит и мычит, разве старик рассчитывал на большее? Нет, он явно доволен результатом!

Джокс спешил передать мне лошадь и воротиться к любимой, поэтому на обратном пути мы чуть ли не бежали. Поворот налево, направо, а затем снова налево, определённо монах мог и в полной темноте вывести нас из катакомб. Я едва поспевал за шустрим стариком. Мы миновали низкий коридор, и вышли к лестнице, по которой поднялись наверх. Яркий свет ударил мне в глаза. Я щурился и одновременно снимал налипшую на голову паутину. От моего внимания не ускользнуло разочарованное лицо Грешема. Похоже, вампир был совсем не против, если бы я задержался в погребке подольше. Ему нравилось в компании Эмилии, и он всю старался завоевать её благосклонность. Когда я показался из склепа, мой ученик как раз говорил колдунье о том, какие у неё удивительные глаза. Эмилия хихикала в кулачок, а Снурф плевался и шипел. По-видимому, таракан не переносил любовных серенад. Они раздражали его.

— Здравствуйте, это я! Всё прошло как нельзя лучше. Изабель вновь бодра и весела!

— Какая прелесть! Бывают же в мире чудеса! — хохотнул Грешем.

— Именно! Но все чудеса должны оплачиваться.

— Как я и сказал, лошадь отныне принадлежит вам, — кивнул Джокс.

— Очень благородно с твоей стороны сдержать данное обещание, — отметила моя подруга.

— Давайте поторопимся, — проворчал старик.

— Конструктивные предложения мне по душе, — хмыкнул я.

Когда мы вышли из храма день уже перевалил за середину. Джокс шёл впереди и указывал дорогу, а я разглядывал улицу. Маленькие домики Подлунных Пеньков сиротливо

жались друг к другу. Огибая обитель, я заметил две лавки с повседневными товарами. Продавцы скучающе оглядывали проходивших мимо людей. Мы свернули к замшелой башне. К её рябому боку примыкало вытянутое деревянное здание без окон. Внутри конюшни пахло навозом. Все стояла в ней за исключением одного оказались пусты. Завидев нас, лошадь радостно заржала. Я погладил её по шелковистой гриве.

Джокс показывал и говорил на ходу:

— Лучшая кобыла во всей округе! Её зовут Перчик. Телега вон там.

— Спасибо.

— Я сейчас пойду в трактир и сообщу всем, что сдаю вам лошадь в аренду, так что никаких проблем с отъездом у вас не возникнет.

Монах направился к двери.

— Желаю счастливого пути.

Я ухватил Джокса за шиворот.

— Это все замечательно, но у меня осталась маленькая просьба.

— Какая ещё просьба?!

— Уж не такая, как была у тебя. Сейчас мы займёмся повозкой, а ты, раз всё равно идёшь в «Хмельной Лунарь», захвати для нас там немного еды.

— Но...

— Не переживай, — мягко перебил я разглаживая ладонью помятый воротничок, — едоки мы неприхотливые — корзинка с овощами, мясом и сыром нас вполне устроит.

Джокс смерил меня волчьим взглядом. Его рот протестующе раскрылся. Он перевёл глаза на Ночь Всех Усопших и понуро выдавил:

— Постараюсь, что-нибудь придумать.

— Умничка, — сказала Эмилия, одобрительно хлопнув монаха по округлому брюшку.

Пока Джокс отсутствовал, мы решили познакомиться с Перчиком. Её пегие бока изрядно исхудали. Вероятно, лошадь так отошала за последние дни. После смерти жены Джокс совсем не следил за ней. Хорошо хоть в корыте была вода, а то бы Перчик повторила судьбу Изабель. Грешем нашёл мешок овса и от души насыпал в кормушку. Лошадь радостно накинулась на угощение. Когда желудок Перчика набился, её стало клонить в сон. Мы дали ей немного подремать, а сами занимались осмотром телеги. Колёса были сколочены из качественного дерева, скорее всего сосны. Добротный каркас скрепляли тугие пластины железа. Имелась даже импровизированная крыша из какой-то материи. Проверяя устойчивость, вампир покачал повозку. В целом она нас устраивала.

Через полчаса явился Джокс. На плече у него висела увесистая сумка. Он швырнул мне её с порога и, не попрощавшись, исчез из проёма конюшни. Его манеры оставляли желать лучшего, но я не обиделся на запальчивую выходку. Наверняка Джокс торопился к Изабель, чтобы восполнить досадный пробел общения, и я был совсем не к месту со своими поручениями.

Я развязал узелок котомки. Внутри лежала буханка хлеба, холодный окорок, круг сыра и бутылка вишнёвого вина — для начала совсем неплохо!

Мы вывели Перчика из стойла и прицепили телегу. Вампир при этом искоса поглядывал на Эмилию. Я вздохнул — с недавних пор он думает только о ней. Как будто колдунья дала ему повод начать ухаживать за собой. Нет, и еще раз нет! Возможно, Грешем принял дружеское отношение Эмилии за симпатию? Тешить себя ложными надеждами — гиблая затея. При случае я собирался серьёзно поговорить с учеником.

Грешем уселся на козлы, и мы тронулись по мостовой. Перчик легко семенила вперёд. Люди кидали на нас любопытные взоры, но остановить телегу никто не пытался — это успокаивало. В надежде увидеть цирковых животных многие зеваки пытались заглянуть в кузов. Мы им такое удовольствие не доставили. Мурчик притаился у ног Эмилии, а Снурф залез под нашу немногочисленную поклажу. Ворота открылись, и мы покинули Подлунные Пеньки. Тропа стала виться на юг. Среди деревьев мелькала речушка. За крутой норой народ прозвал её Бойкая Шалунья. Мелодично шумя, она навеивала на меня приятные мысли о днях юности. Когда-то я сплавлялся здесь на лодке вниз по течению. Если следовать вдоль реки на запад, непременно достигнешь Туманной Пляски, там, кстати, берёт своё начало провинция Карак.

Перегнувшись за борт повозки, Эмилия сорвала пару цветков длиннохвостика, который в изобилии рос у заезженной колеи. Жёлтый, с коричневыми ворсами на стебле, он практически никогда не пах. Его бутоны распускаются только осенью. Если растереть длиннохвостик в ступке и смешать с настоем мать-и-мачехи, то получится отличный настой от головной боли. Эмилия покатила цветки меж ладоней, а затем заплела их себе в волосы. Женщина остаётся женщиной даже в путешествии. Моя подруга всегда старается ухаживать за собой и изящно выглядеть.

Колдунья весело подмигнула и указала пальчиком на мои перепачканные руки.

— Думаю, поросята, никто из вас не откажется немного искупаться и смыть с себя грязь безумного дня.

— Тебе не кажется, что в это время года вода чуть более тёплая, чем лёд зимой?

— Отнюдь.

— У меня и мыла-то с собой нет, — ворчливо отозвался я.

Под взглядом колдунии я понял, что принять ванну в реке мне всё-таки придётся! Это непрактично, ведь я могу простыть! Неужели нельзя немножко потерпеть запах пота? Какие мы нежные! Кто меня воскресит, если я умру от воспаления лёгких? Она? Старина Джокс? Вряд ли! Иногда некоторые дамы думают лишь о своих чувствительных носиках!

По настоянию Эмилии Грешем свернул с вымощенной камнем дороги и стал искать, где бы остановиться для всеобщего омовения. Бойкая Шалунья недаром носит своё имя. Она имеет сильное течение и беспрерывно петляет от одного маленького обрыва к другому. Поток несётся поразительно быстро, и человеку, плохо умеющему плавать, входить в него опасно. Утонуть здесь проще простого.

Найдя подходящую полянку, вампир натянул поводья. Перчик затормозила, и Грешем похлопал её по морде, на что лошадь отозвалась тихим ржанием. Мой ученик удивительно хорошо чувствует животных, наверное, это потому, что сам отчасти имеет звериные корни. Некоторые древние вампиры умеют превращаться в летучих мышей, но Грешем — вампир молодой и пока не овладел всеми особенностями своего вида. К тому же, чувствую, что без моей поддержки ему этим навыком и не овладеть. Придёт время, я попробую обучить его природной трансформации.

Кряхтя, я вылез из телеги. Меня всегда немного укачивает в таких поездках. Разминая затёкшие ноги и руки, я смотрел, как Эмилия скидывает с себя одежду. На миг мне показалось, что она разденется совсем, однако на ней остались лёгкие белые панталоны и длинная сорочка. Разбежавшись, колдунья рыбкай плюхнулась в речку. Брызги полетели во все стороны. Я отёр мокрое лицо и покачал головой. Грешем не сводил глаз с моей подруги; так наблюдать за женщиной неприлично! Где твой такт, парень?

— Давайте, грязнули, залазайте ко мне! Что может быть лучше, чем искупаться в осенней речке? Кaleb, старый гриб, ты что трусишь? Живо снимай сапоги, и бегом чистить грязные перья!

Звонкий голос Эмилии приобрёл повелительные нотки.

Мы обменялись с Грешемом понимающими взглядами. Спорить с колдуньей выйдет себе дороже. Я вздохнул и принялся расстёгивать пуговицы. Защищённые от холода только исподним бельём, мы по одному стали заходить в Бойкую Шалунью. Эмилия смеялась и посылала на нас руками россыпь жгучих капелек. От этого баловства предстоящее закаливание для меня становилось только противнее.

Стоя по пояс в воде, я мялся и всё никак не решался окунуться с головой. Неожиданно мою ногу схватили и резко потянули вниз. Не удержав равновесия, я свалился в ледяной омут. По внутреннему ощущению я моментально превратился в сосульку. Отчаянно барахтаясь, я кое-как всплыл на поверхность, где меня встретил задорный смех Эмилии. Конечно, кто же ещё меня мог уволочь на дно, как не она? Ради того, чтобы колдунья от меня отстала, я вновь окунулся в Бойкую Шалунью и бегом бросился обратно на берег. Схватив мешок из-под зерна, который нашёл на дне телеги, я стал бешено вытираться, мои мысли были только о тепле. Пока я этим занимался, Эмилия заставляла Грешема натирать себя илом.

Чуть поодаль от нас Снурф и Мурчик времени тоже даром не теряли. Они, кажется, вспомнили, что некогда прекрасно ладили и теперь сообща ловили рыбу. Таракан залез в Бойкую Шалунью по самые усы. Он гнал рыбин на кота, а тот их ловко ловил когтями. Молодцы мальчики! Возле Мурчика уже лежало десять большущих карпов. Снурф вылез из течения и засеменял ко мне. В его лапах бултыхался серебристый хвост.

— Вотьф, — прошипел он, скидывая возле меня свой улов.

Я благодарно погладил таракана по панцирю и его длинные усики довольно задёргались. Демонстративно повернувшись спиной, кот сделал вид, что не замечает наших нежностей. Однако, когда из воды показалась Эмилия, он схватил зубами самую крупную рыбину и положил возле её ног. Колдунья улыбнулась и почесала своего добытчика за ушком, в ответ послышалось грудное мурчание. Грешем вылез из реки последним. Совсем красный он присел возле наскоро разведённого огня.

Наконец, как следует просушившись и одевшись, мы занялись приготовлением обеда. По правде сказать, кулинар из меня средненький, как, впрочем, и из вампира. Мы ели всегда то, что подавал в Шато мой жабий повар Тина, однако сейчас с нами находилась женщина и мы стали её помощниками. Колдунья строго распределила, кому и что выполнять. Я чистил мечом чешую (что крайне неудобно) и вспарывал брюшки, Грешем вынимал внутренности и насаживал тушки на палочки, а сама Эмилия, как главная кухарка, зорко следила за нашей работой. Каждого карпа она посыпала травками, которые достала из своей сумки. Постепенно от костра потянулся великолепный аромат печеной рыбки. Обжигая пальцы, мы наинулись на еду, даже Грешем решил попробовать кусочек и очень хвалил, но думаю, делал он это исключительно для того, чтобы показать какая Эмилия хорошая хозяйка. Мне угощение тоже показалась вкусным, но костлявым, а это портило всю картину. В детстве мама выбирала мне из рыбы кости, и я всегда осуждающе смотрел на неё, если мне всё-таки попадалась мелкая, нечаянно пропущенная косточка. Где те беззаботные времена?

Наши любимцы тоже трапезничали. После рыбалки их дружба вновь растаяла. Таракан хрустел плавником и настороженно поглядывал на своего полосатого соседа, который

отвечал ему не менее подозрительным взглядом. Съев свою долю, Мурчик нагло протянул лапу за остатками Снурфа. Завязалась драка, которая окончилась ничьей. Я оттащил таракана, а Эмилия кота, при этом каждый из нас получил свою порцию синяков и ссадин.

Разнимая шипяще-мяукающий клубок, я краем уха уловил какой-то мерный звук, который теперь становился слышан все более отчётливо.

— Это стук копыт, — сообщил Грешем, который обладал более острым слухом, чем мы. Его два клинка уже лежали в руках, и я с любопытством подумал, так ли хорошо он будет управляться ими в новом теле или его незамедлительно изрежут на кусочки?

— Их скачет не менее двенадцати, — продолжал мой ученик. — Несутся во весь опор.

— Кто бы это мог так торопиться со стороны Подлунных Пеньков? — протянул я, нащупывая Ночь Всех Усопших.

— Калерб, ты тоже видишь это? — испуганно воскликнула Эмилия, прикладывая к глазам ладонь.

На горизонте уже вовсю искрились золотистые точки. Когда я разглядел, кто скачет по дороге, то сердце моё упало. В полной боевой броне, поднимая за собой клубы пыли, к нам неотвратимо приближались монахи. Меня моментально обуяла злость — готов поклясться, что это Джокс предал нас! Братья Света не совершали никакого паломничества в Шальх, по каким-то причинам их просто не было в тот момент, когда в храме находились мы. Теперь, натравив на меня весь светоносный приход, Джокс легко ускользнёт в лес со своей ненаглядной Изабель. Я улыбнулся его находчивости и удачному стечению обстоятельств! Ох, старикашка, когда я буду возвращаться в Весёлые Поганки, то на обратном пути обязательно заверну в Лунные Врата, а там я разыщу тебя и заставлю горько пожалеть о том, что ты обманул моё доверие.

Вдали затрубил рожок, который очистил разум от посторонних мыслей и вернул меня к надвигающейся угрозе. Пора позаботиться об обороне!

— Быстрее, давайте на вон тот уступ! — гаркнул я. — Да пошевеливайтесь, а то к вечеру непременно окажемся на костре в честь Бога Света!

Слома голову мы бросились к каменистому руслу Бойкой Шалуни. На ходу я подбирал наиболее удобное место для сражения. Я собирался дать бой там, где нас не смогли бы окружить все монахи разом. Доспехи Братства Света, несомненно, прочные, но тяжёлые. Я собирался подпустить преследователей поближе, а потом по одному скинуть в реку, где они непременно бы захлебнулись. Когда наш маленький отряд занял боевую позицию, я уже хорошо различал сверкающие шлемы-маски. Мы разместились над небольшим обрывом, где Бойкая Шалунья круто петляла в другую сторону. Такое положение давало нам массу стратегических преимуществ, однако кое-что я не учёл, а именно того факта, что у братьев Света имелись арбалеты. Они не собирались рисковать жизнями и подходить к нам близко, расстрел с безопасного расстояния — вот что нас ожидало. Отличный план, если бы его придумал я!

Что делать в такой ситуации? Единственное, что мне пришло в голову, это выставить защитный барьер. Эта магия требует исключительной концентрации. Колдун, создающий подобное заклинание, становится чем-то вроде сосуда с энергией, которая оберегает его от воздействия физического урона. Самое интересное в этом то, что сила воли вступает в прямое единоборство с грубыми мускулами. Если маг окажется выносливее война, то меч нападающего ударится об экран как об стену. Но стоит только ролям поменяться и вот уже клинок пробивает выставленную защиту и сносит у хилого волшебника с плеч его

перезрелый арбуз. Пару раз за жизнь я наблюдал и тот, и тот вариант развития событий.

— Все прижмитесь ко мне как можно плотнее! — закричал я.

Долго упрашивать моих спутников не пришлось. Эмилия прильнула ко мне с левого бока, а Грешем со спины обнял нас обоих. Между ног вампира жалась наши фамильяры.

— Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь, дорогой? — прошептала Эмилия мне в самое ухо.

— Разве я тебя когда-нибудь подводил? — тихо отозвался я, пытаюсь сосредоточиться должным образом. В итоге мне это удалось, и я принялся сплетать чары, под действием которых вокруг нас стал формироваться небольшой голубой шар. Он как колпак накрыл голову и опустился до самых пят. Когда его колышущееся линия коснулась земли, в нас угодила первая стрела. Она с глухим стуком отскочила от магического щита и полетела в реку. После этого на нас обрушился целый град из смертоносной стали. Сам процесс противостояния очень похож на игру с мячом. Вы держите в руках мяч, а кто-то изо всех сил пытается его выбить, так и здесь: я удерживал барьер, а стрелы одна за одной пытались его прорвать. Я редко применяю такой вид колдовства и скажу честно — сейчас мне приходилось худо. От напряжения мой лоб покрылся холодным потом, колени задрожали, а глаза полезли из орбит.

Энергия уходила из меня с пугающей скоростью, казалось, что ещё чуть-чуть и в мой нос врежется смертельный болт. Я был близок к тому, чтобы погибнуть самому и погубить друзей, но именно в этот последний момент монахи решили изменить тактику нападения. Еле держась на ногах, я заметил, как они сложили громоздкие арбалеты у лошадей, а потом грузно затопали по направлению к нам. Значит, наконец-то будем биться по старинке? Сойдёмся в кровавой сече и узнаем, кто кого? С этого и надо было начинать, ребята! О, Вселенная, как же я устал! Мне бы теперь полежать, да поспать часок-другой, а не вот это вот всё! братья Света подходили всё ближе. Они держали в латных перчатках внушительные палицы, увенчанные рядами треугольных зубчиков.

— Мне нужно немного отдохнуть, чтобы восстановить силы, — проговорил я, едва дыша от напряжения. — Подержите их хотя бы минут пять.

Я немощно схватился за плечо вампира и сполз по нему на каменное плато. Земля подо мной кружилась, я находился в полной прострации, но каким-то чудом сохранял зрение и слух. Настало время друзьям заслонить меня от надвигающегося врага. Яркое зелёное пламя с треском разгоралось над верхушкой Людвирбинга. Эмилия перекинула посох из одной руки в другую и многозначительно посмотрела на Грешема.

— Ну что, толстячок, зададим жару этим самодовольным дурням? Да?! Они даже не подозревают, с кем им придётся сейчас столкнуться! Мы и без Калеба прекрасно справимся! Ату, болванов!

Эмилия развернулась, резко взмахнула Людвирбингом и ударом в челюсть, отправила первого добежавшего до нас монаха тонуть в Бойкой Шалуны. Крик отчаяния сменился громким бульканьем. Сражаться на крошечном пятачке могли сразу не более пяти человек. Места было так мало, что только три монаха могли одновременно атаковать стоящих бок о бок вампира и колдунью. Остальные послушники Братства Света толпились внизу и ждали, когда наступит их очередь вступить в танец смерти.

К моему удовлетворению преобразованное тело Грешема не позабыло, как правильно владеть клинками. Его новые руки финтили так же быстро, как и раньше. Два меча сошлись на горле служителя света — отрубленная голова со скрежетом покатила вниз. Шлемы нападавших на нас воинов блестели в лучах садящегося за горизонт солнца.

Эмилия в последний миг увернулась от палицы и послала в противника напалм изумрудного огня. Держась рукой за камень, я медленно встал. Я чувствовал себя выжитым лимоном, который должен ещё раз выдавить в кружку свой сок. Концентрируясь на Ночи Всех Усопших, я вкладывал в него последние крупички ещё находившейся во мне энергии. Из моего посоха слетел белый зигзаг. Бззац! Из-под доспеха монаха стали выбираться молнии. Истошный вопль разорвал воздух... Ночь Всех Усопших стрельнул вновь, но... я допустил ошибку. Серьёзные заклинания требуют серьёзного подхода — их нельзя применять плохо сосредоточившись...

Импульсом магии меня откинуло в противоположную сторону. Я полетел с обрыва и упал на острые камни.

На меня снизошла страшная, пронзающая боль... Как будто издалека я услышал вскрик Эмилии. Подо мной стала набираться тёплая лужица крови, значит ли это, что я повредил позвоночник или пробил себе печень Альдбригом? Повернув голову вправо, я смутно различил пять золотых фигур. Они быстро спускались ко мне и возбуждённо переговаривались — слов я не разбирал. Постепенно меня окутывал серый туман. Кто-то громоздкий приземлился рядом со мной. Он тряс меня, я узнал лицо — это Грешем! Потом до меня донеслись жалобные звуки скрепяющегося металла. Стон и проклятия слились в единый унисон. Моё сознание уходило, я провалился во тьму и отдался на милость её липким щупальцам.

Глава 5. Скорпионы

Вначале я решил, что умер, потому что темнота вокруг меня была непроглядной. Затем пришла боль и осознание жизни. Каждая частица моего тела беззвучно вопила о том, как ей плохо. Я попытался открыть глаза, и это получилось сделать. На секунду я увидел хмурое ночное небо. В жутком танце оно закружилось по часовой стрелке и упало, придавив меня своим невообразимым весом. Я почувствовал, как на мой лоб легла мокрая повязка. Меня тошнило, и я не мог пошевелить даже пальцем. Казалось, что время замедлило свой темп, неужели я навсегда буду скован железными тисками страдания и беспомощности? Не знаю, сколько часов, дней и лет прошло прежде, чем я вновь осмелился открыть глаза. В этот раз все сложилось более удачно, мир не вертелся, и я приподнял голову.

Серые надутые тучи низко летели над землёй. Они недвусмысленно обещали, что скоро польётся дождь. Я опёрся руками о нечто твёрдое и постарался сесть. От этих трепыханий облака неестественно близко приблизились к моему лицу, однако я совладал с собой и осмотрелся. К глубочайшему сожалению, я не понимал, где нахожусь. Это не было то место, где мы приняли бой. Я отодвинул бережно накинутый на меня плащ и встретился взглядом с Эмилией.

— Эй, дорогуша-хрюша, что это ещё за подсакивания с кровати? Ну-ка ложись обратно! Тебе пока противопоказано много шевелиться! — не терпящим возражений тоном отругала меня подруга. Она сидела под раскидистым деревом, держа в руках мою ступку и пестик. Шустро постукивая пестиком по дну чашки, колдунья что-то методично превращала в порошок.

— Кстати это лекарство для тебя, осталось совсем немного, и оно будет готово.

— Если оно горькое, то я принимать его не буду.

— Это мазь.

— Будет щипаться?

Моя подруга устало улыбнулась.

— Ты нас сильно напугал, Калед. Когда я отделалась от надоедливых мальчиков и спустилась к тебе вниз, то первое, что я подумала — о, Вселенная, он сломал себе шею! Лужа крови, неестественная поза, ну ты понимаешь, как обычно выглядит погибший на скалах человек?

— Представляю, — отозвался я, опускаясь на спину. Под затылком у меня, как оказалось, лежал набитый листьями мешок. Я аккуратно повернул голову влево, чтобы видеть подругу.

— Грешем жив?

— Конечно, жив! Ему досталось, но не сильно. По правде сказать, я удивлена тем, что неповоротливые братья Света так хорошо дрались.

— Что вообще произошло после того, как я отключился?

Помешав содержимое ступки, Эмилия добавила туда три оранжевые капельки из маленького флакона. Понюхав то, что получилось, она продолжила своё монотонное занятие.

— Когда ты упал, Грешем спрыгнул следом за тобой. Он, как и я, решил, что ты мёртв, и это наполнило его звериной яростью. Вампир ринулся в бой, совершенно не заботясь о собственной безопасности. Им двигало только желание отомстить. Я видела, что оно плескалось в его глазах как расплавленный огонь. Грешем набросился на монахов и безжалостно перекромсал всех, кто был в его досягаемости. Руки и ноги он отделял так, как повар на кухне режет связку сосисок. В общем зрелище ещё то.

Моя подруга добавила в вязкую смесь шепотку белой пыли.

— У меня же выдался поединок посерьёзнее. После того как ты отвлек на себя большую часть братьев Света, а Грешем кинулся тебя защищать, я осталась сражаться против боевого жреца и двух клириков. На мою голову обрушилась ледяная волна энергии. Из ушей у меня тут же полилась кровь и всего за секунду я практически ослепла. Если бы в этот момент меня не прикрыли Мурчик и Снурф, то всё бы могло закончиться плачевно. Кое-как оклемавшись от оглушающего заряда, я вступила в колдовской поединок — воля жреца против моей. Как ты, наверное, догадался, победитель сидит перед тобой, а останки того парня кормят рыб в Бойкой Шалуны. Как только я покончила с ним, позади оставшихся монахов появился Грешем, и мы зажали их как между молотом и наковальней. Разделавшись с последним сверкающим болваном, мы поспешили к тебе, чтобы оказать первую помощь... если таковая ещё требовалась. Ты был без сознания, но определённо жив! Я ощупала тебя и поняла, что ты родился в рубашке, причём застёгнутой на все пуговицы — твой позвоночник был цел, а внутренние органы не повреждены. Только парочка костей треснуло и на этом всё, если не считать неглубоких порезов об острые края камней.

Эмилия удовлетворённо кивнула тому, что находилось в ступке.

— Теперь все твои травмы мы обмажем мазью, которую я для тебя сделала. Поворачивайся на живот, сейчас будем лечиться.

Скрепя как ржавый замок, я перевернулся спиной кверху. Моих рёбер коснулась холодная густая паста, спустя мгновение, кожу стало нестерпимо жечь.

— Я, конечно, благодарен за твоё внимание к моей скромной персоне, однако всё же хочу спросить: ты уверена, что эта дрянь не проделает во мне дырку? — простонал я плаксиво.

— Терпи, не все лекарства снимают боль, некоторые из них наоборот её усиливают. Это связано с активными компонентами, из которых состоит та или иная целебная настойка. Твоя, например, сделана из надбровных желёз панцирной змеи. Яды не всегда убивают, иногда они помогают нам прийти в прежнюю форму. Прошу тебя не дёргайся, дай я закончу начатое.

Завершив неприятную процедуру, Эмилия снова укутала меня в меховой плащ.

— Теперь отдыхай, тебе нужен покой. Баю-баюшки-баю, спи, мой Калерб, мой дружок, ты — мой сладкий пирожок.

Я попытался поблагодарить колдунью, но она, продолжая монотонно напевать, приложила палец к моим губам. Под её незатейливый мотив я вскоре провалился в сон. Проснулся я уже только на следующее утро. Я чувствовал себя намного лучше и хотел есть. Рядом со мной, привалившись к телеге, лежал Грешем. На холодном воздухе его кожа вновь приобрела сероватый оттенок, свойственный больше вампирам, нежели людям. Из-под рыжей бороды доносились трели витиеватого храпа. Снурф и Мурчик, выпрашивая чего-нибудь вкусненького, тёрлись возле Эмилии, которая стояла чуть поодаль от вампира и кипятила воду в небольшом котелке. Интересно, откуда она взяла его? Колдунья, заметив, что я очнулся и смотрю на костёр, моментально прочла мои мысли.

— У монахов было много нужных в путешествии вещей, тех, которые ты не взял по глупости, а я, потому что срочно пришлось покинуть дом.

Колдунья укоризненно цокнула язычком.

— Я даже помады не захватила с собой! Не говоря уже о других женских штучках, которыми привыкла пользоваться каждый день!

Моя подруга страдальчески сжала губы, потом глубоко вздохнула и переменяла тему разговора:

— Мазь действовала всю ночь, думаю твоё здоровье определённо пошло на поправку. Можешь подниматься, но только медленно, а то голова снова закружится.

— Твоя красная помада всегда привлекает слишком много мужского внимания, которое нередко оканчивается дуэлью, а так как список твоих поклонников пополнился вот этим вампиром, то, наверное, даже хорошо, что ты её забыла в Лунных Вратах, иначе в Шальхе могла бы случиться беда, — улыбнулся я, осторожно вставая с лежанки. Наши голоса пробудили Грешема. Он пошевелился, а затем открыл глаза.

— Как же хорошо увидеть своего учителя стоящим на ногах, а не лежащим в луже крови!

Кровопивец радостно заключил меня в объятия.

— Эмилия выходила вас. Каждый час она протирала вам раны и делала компрессы, а Мурчик и Снурф так вообще не отходили ни секунду. Мы все страшно переживали!

Чувство жгучей благодарности поднялось у меня в душе. Вот что значит иметь настоящих друзей.

— Спасибо, я никогда этого не забуду!

Я хотел сказать больше, чем простое «спасибо», но как-то растерялся и поэтому по-дурацки растянул рот в улыбке.

— Слово «никогда» слишком длинное даже для бессмертных, — лукаво подметила Эмилия. — Мы с тобой путешествуем вместе уже... давненько, и уж поверь моему опыту, случай отплатить мне той же монетой у тебя ещё представится. Так что либо спасёшь мне жизнь, либо купишь коробку шоколадных конфет, но только тех, которые продаются в

Гельхе, ты ведь помнишь, какие я люблю?

— Хорошо, с меня конфеты, — рассмеялся я.

По взгляду Грешема я понял, что он непременно хочет знать, что это за конфеты и где именно их продают в Гельхе.

Сели завтракать. Эмилия сунула мне в руки дымящуюся кружку с настоем из каких-то трав, которую я должен был выпить перед едой. По запаху пошло напоминало еловые шишки, по вкусу кстати тоже. После сражения с Братством Света наш рацион пополнился чаем, грибами, отварной курятиной и бурым хлебом. Огромные запасы этих продуктов Грешем снял с рюкзаков, которые везли лошади монахов. Теперь мы легко сможем доехать до Шальха, не испытывая голода. Помимо провизии у нас так же появился и новый спутник. Молочно-белый конь с удовольствием присоединился к нашей компании. Не имея не малейшего представления о его старом имени, Грешем окрестил животное Чесночком. Перчик, которая до этого скучала, восприняла хвостатого товарища залившимся ржанием. Вдвоём им будет не только веселее, но и проще волочить нашу повозку.

Я разместился у костра и с удовольствием уплетал запечённые грибки. Запивая их чаем, я с интересом наблюдал, как Грешем никак не мог решить из какой бутылки ему откусать. Беря в руки то одну, то другую он доставал пробки и нюхал содержимое. Все его тары были наполнены до краёв, я не сомневался, что вампир их долил буквально накануне. Видимо кто-то из жрецов услужливо подставил под горлышко свою перерезанную артерию. Дождавшись, когда тары должным образом нагреются, Грешем понемножку отлил из каждой себе в кружку. Он помешал содержимое ложкой и сделал большой глоток, а потом ещё один, на лице моего ученика показалась блаженная улыбка.

— Великолепный букет! В общей сложности его выдержке лет восемьдесят!

— Ты возвестил это как заправский сомелье!

— Сыр, кстати, тоже ничего, — согласилась Эмилия, протягивая Мурчику кусочек лакомства.

Неспешно позавтракав, мы решили обсудить, как дальше поедem к Шальху. Имелось две дороги, первая более длинная и идущая в обход населённых пунктов, вторая тянулась через городок с симпатичным названием Силь. Эмилия голосовала за то, чтобы отправиться более долгим, но безопасным путём, обосновывая это тем, что мало ли кто мог нас видеть сражающимися с братьями Света. Сейчас, по её мнению, нам надо было залечь на дно. Я приводил доводы в пользу короткого путешествия. Королева с нетерпением ждала меня, а большой крюк, только отдалит нашу, несомненно, важную встречу. Грешем, слушая наши рассуждения, утвердительно кивал, но чему он мог кивать? Разве его морда знала эту местность? Наконец он с самым умным видом изрёк примерно следующее: «Эмилия права и нам нечего лишней раз светиться перед горожанами». Ну что за клещ! Уверен, что он так сказал только для того, чтобы лишней раз угодить колдунье! Впрочем, я не сильно расстроился.

— Один голос против двух, — отметила Эмилия.

Я пожал плечами.

— Хорошо, трогаемся по вашему направлению!

Грешем уселся на козлах телеги, остальные забрались вовнутрь. Натягивая поводья и похлопывая лошадей по бокам, вампир уводил их с нашей стоянки. Мы выбрались на мощёную дорогу и покатали в сторону Шальха. Чесночок и Перчик отлично слушались своего управляющего. Они ладно отзывались на его команды и скакали практически в одну

ногу. Я отметил, что из моего ученика мог бы получиться недурной конюх! Вполне вероятно, что в нём пропадает талант! По возвращению в Шато, я обязательно прикуплю парочку лошадей и карету. Хочу, чтобы Грешем вёз меня по улицам столицы, и знатные дамы видели, как я машу им из окна рукою в белой перчатке. Я надеюсь, что королева Элизабет не поскупится и выделит мне на этот каприз небольшую сумму денег. А пока мне приходится обходиться без роскоши и трястись в обычной повозке, которую продувают все ветра мира. Я поплотнее закутался в тёплую шубу. Осень должна скоро закончиться. Я отчётливо ощущал это своими продрогшими пальцами ног. Наступает время Большого холода. Как отражение моих мыслей с серого неба повалил густой снег. Падая, белые хлопья скатывались по брезенту телеги и тут же таяли под нажимом колёс. Тяжёлые и мокрые, они частично попадали к нам через дырки хилой крыши. Один из таких комков упал Мурчику на голову. Недовольно фыркнув, кот потёрся ободранными усами о мой сапог. Его взгляд устремился на пустой мешок из-под зерна. Недолго думая, Мурчик прыгнул в scomканное отверстие. Одна половина полосатого разбойника скрылась под мешком, а вторая стала подметать пол коротким хвостом. Какого бы размера не был кот, он всегда остаётся котом. Если поблизости есть пакет или коробка, он непременно туда заберётся. Я легонько прихватил кончик виляющего хвоста, и из мешка послышалось недовольное мяуканье. Задние лапы заскребли по деревянному настилу, Мурчик пытался выбраться, а я поднимал кулёк всё выше, чтобы он целиком оказался в западне.

Эмилия, наблюдавшая за нашей игрой с видом умудрённой летами женщины, промолвила:

— Сколько мужчина живёт — ровно столько длится его детство. Вот скажи, Калёб, зачем ты это делаешь? Я же велела тебе не перенапрягаться.

— Мне показалось, он заскучал, и маленькое жизненное препятствие ему не повредит! — пыхтя, отозвался я.

Под весом кота мешок медленно, но верно рвался по швам. Вдруг телега налетела на камень, и нас сильно качнуло. Я вместе с ношей шмякнулся на пол. Не успел я толком сообразить, что произошло, как ощутил на груди мягкие лапки Мурчика. Его глаза азартно горели. Он хотел продолжения. Сжимая и разжимая когти, кот невольно оставлял порезы на моей шубе. Эмилия стянула его с меня, подтащив за мохнатые штаны к своим коленкам. Все это время Снурф сидел под лавкой и обиженно шипел — как так его хозяин нянчится с чужим питомцем? Я потянулся погладить его панцирь, но он демонстративно отполз за пустую бочку. Животные совсем как люди: могут ревновать, обижаться или радоваться, и нам надо всегда проявлять к ним заботу, ведь они всё чувствуют и подчас страдают не меньше нашего.

За день, проведённый в пути, мы несколько раз останавливались, чтобы поесть и передохнуть. Дважды Эмилия подменяла Грешема на козлах. Мне было велено находиться в «горизонтальном» положении как можно дольше. Колдунья продолжала мазать мне спину жгучей мазью, от которой на коже появилось раздражение. Сыпь чесалась и зудела, но к вечеру стала спадать. Боль же и вовсе прошла. Я смог ходить практически как раньше.

— Очень хорошо.

Эмилия смотрела как я, подбрасывая сапогами листья, ковыляю вокруг костра.

— Ещё денёк помажем, и будешь как новенький.

— Из тебя вышел прекрасный целитель, — подметил я.

— Несомненно. Алхимикус Деторум прекрасно меня выучил.

— Когда ты вспоминаешь про свою академию, мне сразу приходит на ум день нашего знакомства. Неестественно жаркое лето в Эльпоте. Пыль и топот. Мозаичная площадь. Лавочка. Ты сидела на ней среди кучи книг и ела мороженое.

— Ты обратил на меня внимание только потому, что подумал, будто я денно и ночью корплю над фолиантами! Ха! Как ты ошибался!

— Это всего лишь твоё предположение. Я не устану повторять, что меня просто что-то толкнуло к тебе.

— Судьба?

— Наверное.

Я улыбнулся.

— Как бы там ни было, проходя мимо, я специально наступил тебе на подол платья. Я собирался рассыпаться в извинениях и узнать твоё имя, но тут...

— Заколдованное мороженное шмякнулось тебе в нос! — рассмеявшись, перебила меня Эмилия. — Видел бы ты свою моську! Вся в шоколаде!

— Шоколадом забрызгало и мою белоснежную мантию!

Колдунья откинулась на ствол дерева.

— Я так хохотала, что не заметила, как ты заложил мне за ухо красную розу. Почему-то вслед за этим милым фокусом я как-то сразу прониклась к тебе симпатией и предложила пропустить по стаканчику.

— Да, после того вечера мы с тобой и подружились, — усмехнулся я. — Правда я ещё тогда не знал, что очень скоро из-за тебя моя жизнь превратится в бурлящий вулкан. Характер никогда не позволял тебе копить обиды и... Сколько же проблем из-за этого у нас было! Вот скажи, ты никогда не задумывалась, почему у тебя нет мужа и детей? А я отвечу! Круговорот неприятностей, следующий за тобой по пятам, совершенно не оставлял места для чего-то другого!

— Ну почему ты так категоричен?

— Бертрана в счёт не берём.

Эмилия спрятала лицо в тень.

— Пусть так, но я всё равно с тобой не соглашусь. У меня был на примете мужчина, который мне нравился, и к которому я испытывала чувства, но он этого не видел, и я даже иногда подумывала его отравить, чтобы не мучить себя пустыми надеждами. Несчастливая любовь, а вовсе не странствия — вот что стало преградой для всех моих ухажёров. Я никого к себе не подпускала и как дура ждала, когда он разглядит во мне не только друга.

Колдунья подкинула в костёр сухих веток и немного помолчав, добавила:

— Он так никогда и не узнал о том, что он для меня значил, потому что я струсилась и не открылась ему. Я отпустила его, и он ушёл в неизвестность.

Мои брови удивлённо поползли вверх.

— Почему ты рассказала мне об этом только сейчас?

Эмилия улыбнулась уголком рта.

— Ты наверное думал, что уже все обо мне знаешь? Как бы ни так.

— Кто он?! Кто этот слепец!

— С тех пор утекло много воды...

— И всё же!

— Это мой... самый сокровенный секрет.

— Раскрой мне его!

— Тише, тише, мой герой, не заводишься. Возможно, если так сложатся звёзды, я удовлетворю твою просьбу.

— Звёзды, — пробурчал я.

Подруга положила мне руку на коленку.

— Девичье сердце все ещё бьётся в моей груди, и подчас мысли сами собой уносят меня в те далёкие дни. В радостные и грустные...

— Но больше в радостные?

— Конечно.

Грешем, делающий вид, что роется в мешке, на самом деле внимательно нас слушал. Ему отчаянно хотелось, чтобы Эмилия была не занята.

— Хрмф!

— Что?

— Мне... то и да! А сейчас у тебя кто-то есть?

В срывающемся голосе вампира скользило волнение. Он пытливо всматривался в красивую мордашку. Прежде чем ответить, Эмилия томно откинула тяжёлую прядь волос.

— С какой целью ты спрашиваешь, мистер Рыжий Морж?

— Я? Я спрашиваю? Я... вот... я...

Колдунья почесала под подбородком подошедшего к ней кота.

— У меня есть Мурчик — он мой мужчина, других нет и пока не нужно.

— Тю! Именно! Это правильно! Ну, то есть, я так, просто спросил! Без всякой задней мысли!

Лицо Грешема стало похоже цветом на редиску. Чтобы сгладить неловкость, мой ученик принялся разливать по кружкам только что закипевший чай. Заварка с запахом кардамона и мелиссы подкупающе щекотала ноздри. Я с удовольствием прихлёбывал обжигающий напиток и вдыхал ароматы леса. Вскоре наша беседа возобновилась вновь. Мы обсуждали отрицательные свойства крапивного корня и соляного крема, в состав которого входила выжимка из двустворчатых моллюсков. Вампиру наш нескончаемый спор о той или иной особенности ингредиентов быстро надоел. Он поточил о камень свои клинки и лёг спать. Мы присоединились к нему через час. Ночь выдалась снежная, ветер завывал и теребил полог телеги. Начало зимы — не самая приятная пора, если вы находитесь далеко от дома. Я улёгся между Мурчиком и Снурфом. Один грел меня мохнатым пузом, а другой тёплым панцирем. Иногда лапы кота дёргались и награждали мои коленки царапинами. Пока я засыпал, о стенки моего сознания колотился надоедливый сверчок — кто все эти годы нравился Эмилии? Ради кого она осталась одинокой? Что за незнакомец жил в её мечтах? Почему мне кажется, что я упускаю нечто очень важное? Под эти вопросы я опустил во тьму снов.

Наутро я обнаружил, что нас изрядно замело. Спину Перчика и Чесночка покрывал тонкий слой инея, который я смахнул перчаткой. Под моими прикосновениями лошади вздрагивали и трясли ушами.

Позавтракав, мы тронулись в путь. Трусца разогрела животных, они больше не выглядели несчастными. Грешем залихватски дёргал поводья. Смотря на его большие скулы через прорезь, я спросил себя — а пробовал ли он когда-нибудь кровь коня и если да, то насколько она отличается от человеческой? Надо будет поинтересоваться у него на досуге об этом. К обеду мы добрались до развилки. Я прочёл указатель на выцветшей табличке. Левая стрелочка — «Силь», правая — «Затяжной Тракт».

— В нашем плане всё по-старому?

— Нет смысла рисковать понапрасну. Не хочу, чтобы меня в Силе встретил вооружённый отряд солдат, который вежливо попросит надеть кандалы и проследовать в суд. Убийство братьев Света — это тебе не воровство шарфика. В лучшем случае отправимся напрямиком на рудники Присыпок, а в худшем — думаю, ты догадался: твоей гербовой бумаге никто не поверит, и мы вспыхнем, как свечи на алтаре, — повторила мне свой ответ Эмилия, меняя Грешема на скамеечке кучера. — Мы прибавим лишние полнедели, ну от силы неделю, согласишься — это не так много. Для Элизабет Тёмной такая заминка вряд ли станет заметна. Ты же не птица, чтобы долететь до неё за день? Мудрая королева обязана это понимать и не требовать невозможного от такого отшельника, как ты. Тем более, что в дороге всякое бывает.

Я кивнул. Моя подруга права. В конце концов, зачем лишний раз испытывать судьбу и подвергать себя неоправданной опасности?

Внутри проёма забрался Грешем. Он широко зевнул и вытянул ноги напротив меня.

— Через час твоя очередь вести экипаж, красавчик! — крикнула колдунья через плечо.

Надеюсь, это она не ко мне обращалась. Я люблю, когда возят меня, а не когда всё происходит наоборот. Затяжной Тракт, по которому мы катили, становился все более заснеженным. Небольшие дубовые рощи сменяли покатые холмики. Неровные, они укрывали свои спины белыми одеялами. Я представил, что еду среди пирожных, посыпанных сахарной пудрой. Спустя какое-то время усиливающийся холод поменял их в моём воображении на шарики мороженого.

— О чем это вы так задумались?

Грешем перебрался поближе ко мне. Видимо, он уже давно наблюдал за моим взглядом, прикованным к одной точке.

— Меня посещают мысли о природе магии, мироздании и небесной механике, — соврал я, напущено морща переносицу.

— Знаете, о чём думаю я?

Я закатил глаза.

— Догадываюсь.

Вампир потеревил застёжку на жилете.

— Об Эмилии. Она не такая, как все.

— И так понятно, что твои раздумья неотрывно витают вокруг Эмилии. Пойми, Грешем, нам предстоит выполнить секретную работу.

Я в упор посмотрел на ученика.

— Ухаживания и романтика могут отвлечь тебя, а как следствие и меня от королевского задания. Какие проблемы это за собой повлечёт? Да любые! Поэтому, я прошу тебя, дождись, покуда мы со всем разберёмся, а потом действуй.

— Я вас понял, — буркнул своим усам вампир. — Так я насчёт действия... Мне бы знать, с чего начать?

— Ты настроен серьёзно? Точно? Ну ладно, так уж и быть: дам тебе подсказку.

Я улыбнулся.

— После того как мы установим в Шато алхимическую лабораторию, отвечающую запросам Эмилии, попробуй уговорить колдунью поучить тебя изготовлению зелий. Если тебе повезёт, и она согласится, то ты получишь возможность побыть с ней наедине и наладить отношения в нужном направлении.

— Отличная идея! На каждом уроке я буду приносить ей по букетику полевых цветов! Стихи, красивые закаты и все такое? Да? Главное выработать принцип — вперёд к цели и ни шагу назад! Потихонечку, пядь за пядью, я завоюю её расположение!

Щеки Грешема взволнованно тряслись.

— Мы станем великолепной парой, вот увидите! Она и я, мы созданы друг для друга!

О, Вселенная, как же он самоуверен! Такие высказывания свойственны неоперившимся подросткам! Я желаю ему счастья и уж тем более желаю его Эмилии, но есть ли у Грешема хоть один призрачный шанс на успех? Вряд ли. Особенно, если учесть, что моя подруга безответно страдает по какому-то простаку! Что за треугольник душевных терзаний повис над дорогими мне людьми? Я обязан предостеречь вампира о последствиях неудачи.

— То, что ты намерен делать сюрпризы и всячески оказывать знаки внимания, это хорошо и похвально, только я тебя предупреждаю: любовь — это не всегда обоюдное чувство! Водить даму на балы и кормить зефиром подчас бывает недостаточно для того, чтобы разжечь искорку в её груди. Иной раз, как не бейся, ничего не выходит — спросишь, почему? А из-за того, что изначально не пришёлся по нутру. Такое бывает, и с этим надо смириться, иначе начнётся «игра в одни ворота». Это такая штука, когда один любит, а другой, хоть ты тресни — нет, и оба при этом мучаются. Я говорю об этом, потому что Эмилия старше тебя и лучше разбирается в своих чувствах. И ещё потому, что хочу уберечь тебя от боли и дурацких попыток спрыгнуть с крыши замка.

— И всё-таки я попробую! — упрямо подвёл черту Грешем. — Вдруг она всю жизнь ждала такого славного вампира, как я?

— Может и так, я лишь надеюсь, что твоё сердце не будет разбито.

Я похлопал ученика по массивной спине.

— Ты прав, она — необыкновенная девушка, и, окажись я на твоём месте, то тоже бы никого не слушал и боролся за неё, не жалея сил. Она того стоит.

Телега затормозила, и к нам перебрался предмет разговора. Красные руки Эмилии недвусмысленно намекали на ледяной ветер. На побледневшем лице отчётливо прорисовались алые губки.

— Пора меняться, старый гриб, я совсем замёрзла, — вежливо попросила меня колдунья, забираясь холодными ладонями мне под шубу. От студёного прикосновения я вскрикнул не хуже куницы. Вздыхая и ахая, я слез с насиженного места и забрался на маленькую скамеечку в изголовье повозки. Я дёрнул поводья, и мы двинулись дальше. Перчик и Чесночок беспечно трусили по разбитой дороге. Слаженно работая, они выглядели настоящей командой. Людям в отличие от лошадей часто не хватает умения действовать сообща.

Холмы сменялись холмами, куда не глянь — один и тот же пейзаж. С того самого момента, как мы отбились от послушников Братства Света, нам не встретилось ни одной живой души. И это неудивительно. Подлунные Пеньки — маленькая захолустная деревенька, угнездившаяся на отшибе мира. В неё редко кто заезживает и летом, не говоря уже о зимней поре.

Преодолев крутой подъём, мы скатились в низину. Я натянул упряжь и сбавил ход, чтобы получше рассмотреть то, что открылось моему взору. От края до края всю местность покрывала жёлтая пелена. Чем ближе я к ней подъезжал, тем лучше осознавал, что это непомерно огромное поле высоченной пшеницы! Откуда оно могло взяться, здесь, в это время года? Я остановил экипаж и кликнул друзей. Их челюсти изумлённо отпали, а затем

захлопнулись.

Дороги не было!

— Разве сбор урожая не закончился два сезона назад? Не нравится мне это! — проворчал Грешем.

Эмилия молча водила головой. Она, как и я, пыталась понять, есть ли где-нибудь конец у загадочной нивы. Но его не было. Насколько хватало глаз, всюду стелились бескрайние просторы колосющегося моря.

— У кого какие мысли? — проворчал я, нахмуривая лоб. — Лично я думаю, что возвращаться смысла нет, прорубим магией проход, да и дело с концом.

— Чем, скажи на милость, ты собираешься выкашивать посев? — озадаченно спросила Эмилия. — Кристаллами льда тут ничего не добьёшься, а уничтожающую силу шаров огня и разрядов молний невозможно контролировать — не успеешь оглянуться, как пламя обратит тут всё в пепел. Пожарище будет страшный, но это не главная причина воздержаться от разрушения. Вполне вероятно, что перед нами неподдельное чудо! Да-да, именно чудо! Вдруг кто-то догадался, как выращивать культуры посреди зимы? Представляешь, что это значит? Голод навсегда исчезнет из памяти людей!

Я скривился в улыбке.

— Звучит и правда потрясающе, однако твоё изречение никак не приблизило нас к разрешению сложившейся ситуации.

— Ты хочешь конкретики?

Колдунья сжала губы в тонкую струнку.

— Ждёшь, чтобы я сказала — давайте повернём в Силь и оставим тут все как есть? Ну уж нет, потому что ты мне тогда ответишь, что у нас нет на это времени. Я знаю тебя, как облупленного! Так что не спихивай на меня ответственность за то, что собираешься сделать!

— Почему нельзя пройти через поле без применения колдовства? — вклинился в диалог Грешем. — Отсюда видно, что оно широкое, но какова его длина, нам неизвестно. Может, поле вовсе не такое огромное, как кажется. Помашем клинками малость, и уже через милю мы вновь выйдем на дорогу.

— В принципе твоё предложение не лишено смысла, — задумчиво отозвался я. — С помощью стали мы без труда выкосим небольшую тропинку.

— Погодите. Вот почему никому из вас не пришло в голову, что перед нами может быть западня? Что, если это волшебный мираж, который создал сумасшедший чародей для того, чтобы заманивать в свои сети рассеянных путешественников?

— От диковинно-созданного урожая ты перескочила к ловушке? Как работает твоя голова?

— Я всего лишь высказываю предположения, противный гриб.

Я усмехнулся.

— Да ну, брось, Эмилия, это уже за гранью фантастики! Ой, или нет?

Я скорчил гримасу ужаса.

— Злобная пшеница проткнёт нас своими корнями и высосет всю кровь. Она даст жизнь новым побегам, но мы этого уже не увидим, потому что наши осушённые тела превратятся в зомби. Мы будем бродить по холмам и громко реветь. А-а-а-а! Ну вот, ты добилась своего! Я в панике и хочу спрятаться к маме под крылышко!

Колдунья наградила меня колючим взглядом.

— Перестань паясничать, Калед! Твои кривляния совсем не смешны.

— Ты действительно чувствуешь, что нас там ждут неприятности? — моментально посерьёзнев, спросил я.

— Осторожность не повредит.

— Тогда давайте просто подъедем поближе и посмотрим, что там к чему, — подытожил Грешем.

— Твоя правда, — согласился я. — Трогай лошадей, мы с Эмилией пойдём рядом.

Лошади медленно подались вперёд. Минут через двадцать мы упёрлись в непроглядную стену колосьев. Казалось, что наступившая зима не влияет на то, как они растут. Я поднял руку, но мои пальцы не достали их верхушек. Вот это размер! Под ногами вымощенный камень дороги прерывался и смешивался с клубнями вздыбленной земли. Моего плеча коснулся вздутый стебель. Я ухватил его и потряс. На ладонь посыпались большие зёрна. Казалось, что они только и ждут, когда твёрдый круг мельницы сделает из них муку. Сколько хлеба может получиться! Эмилия права, этим посевом можно накормить полпровинции! Такое жалко уничтожать! Пока я осматривал злаки, подошвы моих сапог успели изрядно нагреться. Это показалось мне странным. Я опустил на колени и коснулся почвы — она была горячая! Что за мистическая энергия не даёт промёрзнуть этому месту? Сам по себе ожил мой научный интерес. Что там в глубине?

— Будь поблизости, подружка.

— Как всегда.

Я вынул меч и принялся прорубаться через тугие заросли. Освобождая дорогу для телеги, я внимательно оглядывал растения. Что я собирался найти? Не знаю, но что-то манило меня к себе. Я как зачарованный шёл на притягательный зов тайны. За спиной я услышал вздох Эмилии и скрежет колёс, друзья последовали за мной. Поначалу я с воодушевлением накинулся на жёлтое препятствие, однако силы быстро покинули меня, а энтузиазм заметно поубавился. Взмахи Альдбригом довались мне всё тяжелее, предплечье заныло, и я пожалел, что последние годы уделял мало внимания боевой подготовке. Наконец я совсем выбился из сил и присел на корточки.

— Пять минут, и я снова в строю! — крикнул я.

Пар изо рта поднимался к вечернему небу. Только сейчас я обратил внимание, что практически стемнело. Эмилия легонько спрыгнула с подножки повозки и подошла ко мне. Её рука как бы невзначай утёрла пот с моего виска.

— Я подменю тебя, дорогой.

Колдунья опустила Людвирбинг на уровень живота и стала водить им вдоль стеблей. Издавая тихий писк, они целыми охапками опадали вниз. Моя усталость моментально улетучилась. Я подскочил к Эмилиии и пытливо уставился на её покос.

— Эй, ты должна научить меня этому трюку! Кто тебе его показал? На чем происходит фокусировка силы воли? Только на кристалле или на всем посохе? Ты формируешь предварительное заклинание или опираешься исключительно на разум?

— Вот все тебе скажи, да покажи, да укажи, как работает и где нашла, — отозвалась моя подруга, не прерывая своего занятия. — Что, если я тебе в этот раз откажу и ничегошеньки не расскажу?

Эмилия повернулась и показала мне кончик языка:

— Вот так вот прям и не расскажу?

Я удивлённо почесал голову рукояткой меча.

— Мы же с тобой друзья!

— И что с того? Я не только твой друг, но ещё и девушка, а так как я девушка, то мне свойственно вредничать! Бу-бу-бу, ничего не расскажу! Кусай локти, любопытная ворона! Ха-ха-ха!

— Ну и противная же ты девица, только и можешь, что смеяться, — пробурчал я, надувая щеки. Хмурясь, я шёл за смеющийся Эмилией и непроизвольно вынашивал план, как по-хитрому выведать её секрет. Я выжду благоприятное время, например, когда мы будем в таверне. Словно паук, дождусь, пока мушка расслабится за стаканчиком вишнёвого пунша, а потом ненавязчиво так спрошу: «Помнишь, душка, тот день, когда мы пробирались по странному полю? Что за магию ты тогда использовала?» Она заулыбается и всё мне выложит на тарелочку с голубой каёмочкой. Я удовлетворённо кивнул своим мыслям и посмотрел на прямую спину подруги. Мне сразу стало ясно, что на постном масле её не проведёшь, и я ничего не узнаю, пока она сама того не захочет. Да, это так, и это немножко обидно!

Неожиданно колдунью что-то дёрнуло и поволокло вниз. Буквально за пару секунд Эмилия ушла в рыхлую землю практически по пояс. В два прыжка я оказался возле неё и схватил за руку, а подоспевший Грешем ухватил за вторую. Мы потянули, и моя подруга болезненно застонала.

— Что-то сцапало меня там! — испуганно завопила Эмилия. На её губах выступили капельки крови, глаза расширились. Состязаясь с подземным врагом, мы напрягли все силы. Грешем побагровел от напряжения. Его рыжая борода воинственно топорщилась, я, наверное, выглядел не лучше. От натуги мои вены вспухли тугими верёвками и грозились вот-вот лопнуть. Мы тащили и всё-таки не могли вытащить. Эмилия медленно, но верно опускалась в горячий чернозём. В какой-то момент я понял, что ещё мгновение, и все пропало.

— В бездну треклятую безопасность! — закричал я, хватая Ночь Всех Усопших.

— Что вы собираетесь делать?!

— Просто держи её!

Вцепившись в побледневшие руки колдуньи, Грешем исступлённо заревел.

Я заставил себя медленно выдохнуть и досчитать до трёх. Концентрация — это самый важный аспект в любой магии, это никогда нельзя забывать. Собрав энергию внутри себя, я переложил её в посох, который стал проводником для моих мертвящих чар. Красный луч вырвался из навершия и, едва не опалив мне штанину брызгами пламени, вошёл в землю. Из глубин до нас донёсся жуткий гул, поле затрясло, и спустя секунду моя потерявшая сознание подруга уже была в объятиях вампира. Выпущенная стрела попала точно в яблочко!

Не успели мы опомниться, как показался тот, кто так хотел завладеть Эмилией. Из своего укрытия выбирался исполинского размера скорпион! Его две клешни жадно щелкали, пытаясь достать утерянную пленницу. Увенчанный жалом хвост непрерывно дёргался и скручивался в дугу. В пасти у страшилища имелись розовые щупальца с присосками, которыми, по всей видимости, и была сцапана колдунья. В туловище существа зияла прореха от моего смертоносного заряда, шипя и пенясь, из неё наружу хлестала кровь. Скорпион вылез на поверхность и теперь выбирал, с кем разделаться в первую очередь. Бросив на Эмилию беглый взгляд, я перегородил ему путь. Зазубренный хвост метнулся в мою сторону. Лишь по счастливой случайности мне удалось увернуться от молниеносного тычка, который скошил целый участок пшеницы! Перекинув Ночь Всех Усопших в левую руку, а другой выхватив Альдбриг, я с разворота рубанул ими двумя по клешне монстра. Раздался звук треснувшего кувшина, одна из лап упала мне под ноги. Я отпрыгнул и задом натолкнулся на

запыхавшегося Грешема. Он дотащил раненую Эмилию до телеги и вернулся назад. Вместе мы принялись кружить перед разъярённым существом. Шаг вперёд и два назад, — вампир отбивался от щупалец, но уклониться от жала у него не получилось — ядовитый шип вошёл в плечо. Спустя мгновение Грешем отрубил его клинками и повалился на колени. Страх и ярость охватили меня. Я перескочил через валяющийся хвост и вонзил Ночь Всех Усопших промеж глаз чудовища. Дикая злоба помогла мне не только проткнуть крепкую броню скорпиона; вместе с ударом, я, не сосредотачиваясь, послал в него импульс магии, влившийся в меня из бездны Назбраэля. От мощного взрыва внутренности членистоногой твари вылетели через зубастый рот и забрызгали все вокруг вонючей жижей. Как только Смерть окончательно прибрала к себе новую душу, я опустил рядом с умирающим учеником. Грешем был абсолютно белым, его губы судорожно хватали воздух, он не мог дышать. Вампир прижимал к ране скрюченные пальцы, я осторожно разжал их и осмотрел прокол. Крови почти не было. Под действием яда она сворачивалась отвратительной зелёной массой. Соображая, как облегчить страдания Грешема, я ощутил подземные толчки.

— Они сзади, — прошептал вампир.

Резко обернувшись, я увидел, как неподалёку шустро выкарабкиваются три скорпиона. Посмотрев за телегу, я понял, что нас окружают. Возле колёс почва поднималась кверху. Вот так перевес оказался на стороне врага. Один против пяти. Я лихорадочно думал, как мне выстоять. Подбежав к поверженному чудищу, я провёл над ним перчаткой, мутные глаза уставились в ожидании приказа. Я запрыгнул на спину мёртвого скорпиона и как на коне понёсся к его живому собрату, который уже наполовину успел выползти из дыры. Единственной сохранившейся клешней зомби-скорпион схватил отвратительную морду противника. На секунду в воздухе повис треск ломающегося хитина. Пригибаясь от боли, скорпион уцепил серповидными лапами за каркас моего мертвяка и швырнул нас через себя. Больше он ничего сделать не смог. Кровь вперемешку с фрагментами мозга фонтаном выплёскивалась из-под растерзанных зрачков. Тело чудовища затрясли волны предсмертных конвульсий, после которых оно застыло навсегда.

Поднявшись, я попытался оценить ситуацию. Ко мне медленно подбирались оставшиеся четыре гадины. Вероятно, увидев погибель одного из своих, они не спешили кидаться в бой поодиночке, предпочтя тактику командной игры. В этом был смысл. У меня практически не оставалось шансов на победу, хорошо, что чудища не стали преследовать лошадей, которые от испуга сбежали вместе с Эмилией к началу поля. Я надеялся, что она спасётся. Грешем лежал лицом вниз, не подавая признаков жизни. Сконцентрировавшись, насколько это было возможно в данный момент, я призвал заклинание «Щита», которое недавно спасло нас от арбалетов Братства Света. Шар заключил меня в прозрачную серовато-розовую капсулу. Первый же удар клешни о выставленную защиту оказался настолько мощным, что линии моих чар едва не распались. Скорпионы окружили сферу тесным кружком. Царапая её хищными жвалами, они толкались и только мешали друг другу завершить начатое. Я ощутил, как сверху энергетического буфера грохнулось пудовое жало. Оно не смогло пробить искрящийся купол и, скользнув по нему, как по льду, воткнулось между пластин ближайшего монстра. Разразившись трелью агонии, пострадавший скорпион бросился наутёк, но, не пробежав и десяти шагов, значительно замедлился, а затем и вовсе обмяк.

По моим щекам и подбородку текли струйки ледяного пота. Сжимая Ночь Всех Усопших до хруста костей, я не мог позволить себе расслабиться. Вдруг зелёный свет ослепил мои глаза. Двое скорпионов загорелись ярким пламенем. Из-под их панцирей

потекли расплавленные потроха. Последний оставшийся в живых монстр кинулся куда-то влево, откуда я полагаю, только что произошла атака на его сородичей. Дрожа от бешенства, он быстро отдалялся от меня. Скинув оболочку заклинания, я непослушными пальцами ощупал камень на посохе. Он был едва тёплым. Из последних сил я направил Ночь Всех Усопших в зад удаляющегося гада, после чего выстрелил сгустком огня. Я промазал, сжигающий вихрь пролетел мимо. Чудовище, озадаченное сверкнувшей рядом вспышкой, повернулось ко мне и агрессивно защёлкало передними конечностями. Мгновение, и вал изумрудной лавины испепелил скорпиона дотла. Всё, конец. Я измученно упал на утопанную пшеницу. Моё лицо обратилось к ночному небу, с которого сыпались комочки слипшегося снега. Я высунул пересохший язык и поймал белую звездочку. Она тут же растаяла и скатилась по горлу вниз. Её прохлада стала возвращать меня из чёрного ступора усталости. Предприняв несколько неудачных попыток подняться, я всё-таки кое-как встал на четвереньки. Ко мне, прихрамывая, шла Эмилия. Разутая, она ступала по земле, оставляя за собой кровавые следы. Её голень и ступни покрывала воспалённая тесьма шрамов. Колдунья приложила Людвирбинг к трупам скорпиона, а потом помахала им в воздухе. Она творила чары «Обнаружения», чтобы узнать, есть ли поблизости подобные создания. Завершив ритуал, она склонилась надо мной.

— Калёб, ты цел? Вижу, что да. Их больше нет, мы всех разбили, — проговорила колдунья. Она попыталась подхватить меня под локоть, но не вышло; пошатнувшись, Эмилия упала сверху, и я почувствовал её дыхание на своей коже.

— Вставай, мухомор, это — плохое место для пикника, — прошептала она. — Я пойду к Грешему, а ты посмотри, нет ли около нас червоточины в другое измерение.

И тут до меня дошло, почему пшеница наперекор природе восходит зимой. Возможно, где-то поблизости есть червоточина, через которую залетели семена и пролезли скорпионы. Пользуясь бесконечной мощью Вселенной, она создала вокруг себя уникальную среду обитания. Конечно, между «сопредельными» мирами случаются разрывы материи, но это происходит так редко, что книги и мудрецы признают доказанными всего тройку таких событий. Неужели здесь мы столкнулись именно с этим уникальным явлением, и предположение Эмилии верно? Превозмогая тупую боль во всем теле, я тяжело выпрямился и подал колдунье руку.

— Считаешь, что мы стоим у порога червоточины? Я-то думал, что мы уже всё повидали на своём веку.

Я ткнул пальцем в сторону оплавившихся туш.

— Грешем лежит там, — говоря это, моё сердце сжалось, я не хотел видеть своего ученика мёртвым.

— Я позабочусь о нём, — печально отозвалась моя подруга.

Шатаясь, мы разошлись в противоположных направлениях. Ноги плохо слушались меня. Они заплетались о стебли и в итоге, споткнувшись в очередной раз, я повалился на землю. Инстинктивно выставив ладони перед собой, я шлёпнулся о раскалённый камень. Перчатки задымались, и я поспешил их убрать. Передо мной был невысокий круг, напоминавший колодец, из которого тянулись струйки обжигающего пара. Я сел на корточки и настороженно заглянул вовнутрь. Как в волшебном зеркале я увидел песок и незнакомое голубое солнце, вдалеке маячили фигурки снующих туда-сюда скорпионов.

Из червоточины подул ветер, и мне пришлось срочно отскочить, чтобы не опалить любопытного носа. Вместе с песком на мои волосы посыпались зерна пшеницы. Пожалуй,

что моя гипотеза о том, как выросла эта пашня, получила годное доказательство. А что же касается незваных гостей с ядовитыми иглами, то, скорее всего, их затянуло сюда вихрем пограндиознее. Я осмотрел землю вблизи себя и сделал вывод, что скорпионы зарывались в неглубокие лунки, пытаясь спрятаться от холода. Притаившись вблизи поверхности, они поджидали жертву, накидывались на неё скопом и съедали. Что же — каждый выживает, как умеет. Но почему у созданий не получилось вернуться домой? Видимо портал работал только в одном направлении. Проще говоря, к нам — добро пожаловать, а обратно вход закрыт. В подтверждение этой мысли я бросил подвернувшийся булыжник в дышащее жерло. Он долетел до середины, затормозил и со свистом швырнулся обратно к звёздам. Я отпрянул и почесал затылок. Как открылся проход? Что его открыло? Кто это сделал? Почему именно здесь? Что за мир там? Я задавался тысячами вопросов, на которые не имел ответа. Однако сейчас главной задачей было не докопаться до истины, а закрыть портал, точнее ликвидировать его. Основание каменного круга покрывали загадочные символы, вполне вероятно, что эта штукавина обладает резистентностью к любому нежелательному воздействию, но не попробуешь — не узнаешь! Я постучал посохом по краю колодца. Каким заклинанием лучше всего попробовать его разломать? Стихийным? Увядающим? Развоплощающим? Я чувствовал, как силы постепенно возвращаются ко мне. Я становился бодрым. Несомненно, магия этого места восстанавливала мою недавно потраченную энергию. Это надо использовать! Я постарался настроиться на пульсирующую жилу волшебного потока. Распахивая разум, я целиком отдавался, только одной цели — поглотить как можно больше тепла исходившего из потусторонних врат. В моё сознание, в котором царил полный штиль, ворвался грозовой шторм. С благоговейным трепетом я наполнялся им, пока не ощутил, что готов лопнуть и в буквальном смысле разорваться по швам. Раздираемый изнутри бурей, я со всей мочи обрушил Ночь Всех Усопших на портал.

Вспышка ярче тысячи солнц выжгла мои глаза. Я ничего не видел и не слышал. Я завис между пропастью и небесами. Казалось, прошла вечность, прежде чем ко мне стало приходить осознание того, что я все ещё живой. Из ноздрей тягучей струёй сочилась кровь. Она заливалась мне за шиворот и щекотала шею, но мне было всё равно. Наверное, лопнул сосуд — безучастно подумал я, перекатываясь на бок. Там, где только что находилась червоточина, теперь зияла чёрная дыра. Значит, я — молодец?

Да плевать, Грешема это не вернёт. Я, поганый учитель, не сумел защитить своего ученика, а ведь всегда строил из себя эдакого архимага! Я проклинал себя снова и снова за то, что взял вампира с собой. Останься он в Шато, все бы сложилось по-другому. Или нет? Возможно, его смерть была предрешена Судьбой, богами или запланирована Вселенной. Он не мог её избежать и должен был погибнуть именно так. Мы никогда не узнаем, что нас ждёт впереди и что будет дальше. Сегодня ты жив, а завтра мёртв, все пути ведут только в одном направлении, и от финала не уйти.

Приподнявшись на локтях, я пополз туда, где вроде бы оставил Эмилию. Сила, которую я сейчас применил для закрытия врат, вывернула меня наизнанку и выбросила, словно рыбу на мель. Мой организм твердил, чтобы я прекратил насиловать его и перестал двигаться. Не обращая внимания на мольбы тела, я принудил себя разогнуться и встать на ноги. Проходя мимо поверженных скорпионов, я не нашёл ни Эмилии, ни Грешема. Вероятно колдунья перетащила вампира к телеге. Интересно, что бы он предпочёл: костёр или погребение? А что бы выбрал я? Предаваясь грустным мыслям, я наконец добрёл до повозки. Лошади испуганно жались друг к другу, а возле них, как ни в чем не бывало, сидел Снурф и

ощупывал усиками разбросанные вещи. Я обрадовался, что таракан не пострадал. По-видимому, он даже толком не понял, что произошло. Завидев меня, Перчик заржала, а Снурфи возбуждённо прошипел:

— Вернуфся! Вернуфся! Такф долгфо!

Я улыбнулся и пожал его лапку.

— Конечно, вернулся, старину Шаттибраля не возьмёшь голыми руками.

— Раз ты здесь, то сделай милость залезай поскорее сюда. Мне понадобится твоя помощь, — прозвучал напряжённый голос Эмилии из-за полога телеги.

Я залез вовнутрь и увидел на полу частично раздетого Грешема. Его кожа цветом напоминала папирус. Белки глаз закатились в череп. На теле хорошо выделялась свежая рана. Сине-зелёная, она прожилками оплетала всё плечо и переходила на бок. Эмилия, держа в руках чашку с приятно пахнущим средством, склонилась над ней. Её ноги сковывала кровавая корка, но она казалась пустяковой царапиной по сравнению с тем, как выглядело увечье моего ученика.

— Быстрее, сейчас будем доставать жало!

Колдунья схватила меня за рукав и подтащила поближе к Грешему. Мурчик тихонечко мяукнул из-под лавки.

— Он не умер, но к этому близок. Я отодвину края пореза, а ты вытащишь осколок, обломившийся от скорпиона.

Эмилия сунула мне, раскалённые её магией, щипцы. Она натянула кожу Грешема, давая мне залезть туда инструментом. По центру воспалённого нарыва торчал чёрный фрагмент костяной иглы. Я аккуратно потянул его вверх. С большой неохотой и противным хлюпающим звуком прощальный подарок покинул тело вампира. Эмилия тут же смазала все плечо своей мазью. Видя, что операция закончилась, Мурчик выбрался из убежища и уткнулся носом в голову Грешема. Эмилия почесала его за ухом.

— Теперь все во власти Судьбы. Либо он пойдёт на поправку, либо умрёт к восходу солнца. Будем надеяться на благополучный исход. Сейчас мы больше ничего не сможем для него сделать.

Колдунья, устало облокотилась на лавку.

— Дай я осмотрю твои ноги.

Я сел рядом с ней. Эмилия молча закинула ножки мне на колени. Раны были неглубокими, но рваными. Я с содроганием вспомнил щупальца скорпиона, которые росли у него из пасти. На пальцах не хватало пары ногтей, но в целом жизни ничего не угрожало. Эмилия передала мне мазь, которой только что обработала Грешема.

— На, помажь, пожалуйста, дорогой, а то мне больно сгибаться. У неё шикарный целебный потенциал, что-то сродни прополису, но поэфффективнее.

Наблюдая, как я втираю лекарство, она морщилась, а потом вдруг нахмурилась.

— Ну и каким лаком мне теперь красить ногти, чтобы эти дефекты не так бросались в глаза?

— Чего? Каким-таким лаком? — удивился я. — Какой-то заживляющий бальзам?

Эмилия прыснула:

— Иногда я не знаю смеяться или плакать над твоими вопросами. Калёб, лак — это краска, которой девушки красят ногти, чтобы выглядеть красивыми.

— Ах, ты про этот! Зачем вообще красить ногти на ногах, если целый день их никто не видит, из-за того что ходишь в носках и сапогах? Глупо же!

— Вот ради такого случая, который предоставляется раз в тысячу лет.

Эмилия растопырила свои окровавленные пальцы.

— Посмотри, нравится тебе мой лак?

— Но я ничего не вижу!

— Присмотрись получше, он там есть.

Я подвёл нос к самым кончикам пальцев. И правда, края целых ногтей покрывал тонкий слой розовой краски.

— Думаю, ты можешь красить их в такой же цвет, что и сейчас.

Эмилия тяжело посмотрела на меня, но через секунду уже захохотала.

— Я так и знала, что ты скажешь как настоящий мужчина, который далёк от всего женского.

Колдунья улыбнулась.

— Настала моя очередь осмотреть твои травмы, снимай всё с себя.

Я покраснел не хуже спелого помидора.

— Прямо всё?

— Ты вполне можешь остаться в нижнем белье, если, кхм, там всё цело.

— Эмилия!

— Да? Тогда немедленно стягивай рубашку и показывай подруге, где надо подлатать. И вообще: чего ты каждый раз стесняешься, Калев? Я тебя сто раз видела без брюк!

— И что с того, что видела? — пробормотал я, раздеваясь до нижнего белья.

На груди у меня обнаружился здоровенный синяк. На животе имелись две царапины, которые Эмилия сочла пустяковыми, но в целях безопасности все равно их обработала. Сочтя моё состояние здоровья сносным, колдунья разрешила мне одеться.

— Что там с порталом? Тебе удалось его найти, или моя догадка оказалась неверной? — поинтересовалась колдунья, перебинтовывая свои ноги лоскутками порванного платья, которое теперь стало значительно выше колен. Я смущённо отвёл взгляд.

— Ты оказалась, как всегда, права! Это был сопредельный разрыв, портал между реальностями. Исключительно редкий феномен. Я обязан написать об этом научный труд. Мне удалось уничтожить врата, черпая энергию непосредственно его мира. Такая мощь чуть не разорвала меня пополам, но я справился.

— Значит, вот оно, как.

Я поднял бровь.

— Поражаюсь, как ты быстро соединила паззлы и сообразила, с чем мы столкнулись. Мне бы твою природную чуйку.

— Вопрос не в чуйке, а в том, что это явление спровоцировало? Как ты думаешь, окно в тот мир появилось случайно? Это прорыв древней магии, спавшей длительное время? Единственный ли он, или рядом есть нечто подобное?

Эмилия подхватила Мурчика под верхние лапы и прижала к себе.

— Загадка на загадке, — согласился я. — И самое главное, что узнать ответы уже не получится. От портала ничего не осталось, взрыв стёр его начисто. Нам остаётся только гадать да строить предположения. Однако я почему-то чувствую, что он появился не к добру.

— Я так устала, что у меня нет сил, о чем-либо думать сегодня, — призналась Эмилия. — Давай поедим и ляжем спать, а завтра все обсудим на свежую голову.

— Разрешите обслужить вас, миледи? — кивнул я стёсаным подбородком.

— Разрешаю, милорд, — улыбнулась моя подруга.

Я нарезал хлеб и сыр, сверху накидал холодного мяса птицы, а затем поставил поднос между нами. Мы принялись ужинать, глядя то на ночное небо, то на вампира. Я прислушивался к его неровному дыханию и прикидывал, какие у него шансы выкарабкаться. Иногда я или Эмилия кидали что-нибудь вкусненькое нашим фамильярам, которые в этот раз вели себя очень хорошо и даже делились друг с другом угощениями. Таракан отдал коту кусочек мяса, а тот ему предложил сыру, такая галантность вызвала мой смех.

— Посмотри на этих джентльменов! Они знают, как вести себя в высшем обществе! Особенно вот этот господин с длинными усами, — сказал я, ловя чёрный ус, которым Снурф трогал мою шубу. Таракану такое обращение показалось вульгарным и он, зашипев, отполз от меня за бочку. Мурчик проследил за ним взглядом и не спеша стал царапать когтями деревянный пандус. Покончив с этим занятием, кот потянулся и улёгся рядом с тараканом. Похоже, они зарыли топор войны и, как то бывало не единожды в прошлом, нашли общий язык. Приятно, когда твои питомцы ладят друг с другом, а не кусаются, не скребут когтями по панцирю, не обзываются «меховыми мешками» и не занимаются прочими глупостями. Эмилия прижавшись ко мне согласно кивала. Накопившееся переутомление безумного дня обрушилось на наши веки со страшной тяжестью. В полусидячем положении сон принял нас в свои добрые объятия и на короткий период избавил от боли и холода...

— Да что с тобой, в самом деле? Что ты кричишь? Что случилось?

Озадаченный голос Эмилии прорвался сквозь пелену сновидения. Она, не переставая, трясла меня за плечи. Открыв глаза, я уставился на колдунью ничего непонимающим взглядом. Тело нестерпимо ныло.

— Мне приснился страшный сон.

Моя рубашка была мокрой, вероятно я вспотел во сне. Стряхнув остатки смутных грёз, я обхватил себя двумя руками, чтобы согреться. Зубы стучали от холода, а слабость поселилась во мне, как у себя дома. Мне стало стыдно перед Эмилией — она уже встала, а я лежу как тюфяк, хотя ей вчера досталось намного больше моего.

— Фу, дурак, ты напугал меня! Я подумала, что скорпион всё-таки успел пырнуть тебя жалом, а мы этого не заметили. Больше не корчись так, смотри свои сны молча.

Колдунья потрогала мой лоб.

— Да у тебя жар! Ты простудился, негодный боровик! Закутайся получше в шубу, я быстренько приготовлю тебе одно замечательное средство.

Моя подруга деловито закопошилась в сумке. Пока она перебирала разнообразные травы, на её бровки опускалась хмурая туча.

— К сожалению, у меня есть не все составляющие. Придётся положиться на то, что ты обладаешь хорошим иммунитетом, потому что микстуру сделать не получится. Надеюсь, это не воспаление лёгких.

— Похоже на то, — прокашлял я.

Эмилия ободряюще хлопнула меня по коленке.

— Уверена, что это не оно, а если оно, то я прибью тебя раньше, чем это сделает болезнь! Только попробуй мне разболеться!

— Спасибо, ты настоящий друг! Всегда мечтал умереть от твоей изящной ручки, — хмыкнул я, качаясь подходя к Грешему. Несомненно, жизнь ещё теплилась в нем, и было непонятно, стало ему лучше или хуже. Бледный и изрядно похудевший за ночь, он лежал, приоткрыв посиневший рот. Вампиры отличаются повышенной сопротивляемостью к ядам и большинству недугов, к холоду и даже к продолжительному голоду. Я надеялся, что он

выкарабкается. Погладив его по густой рыжей шевелюре, я с сожалением думал о бренности Бытия.

— Я уже покормила лошадей, поэтому мы не станем тратить времени на пустые разговоры. Нам необходимо как можно скорее добраться до Шальха. Теперь от этого зависит не только твоя миссия, но и жизнь твоего ученика, который нуждается в самом опытном целителе. Перекуси и смотри за ним в оба глаза; если ему станет совсем худо, кричи — я постараюсь что-нибудь придумать.

Эмилия с трудом опустила на край телеги. Её обмотанные рваным платьем ноги выглядели ужасно, вчера вечером они не казались такими израненными как сейчас. Кровавые подтёки тянулись от бёдер до самых пяток. Я чуть не поперхнулся, когда увидел, как она босая прыгнула в налетевший снег.

— погоди, сумасшедшая, надень мои сапоги!

— Не надену. Они мне не по размеру и наверняка пахнут грязными стельками.

Предупреждая волну негодования, которую я собирался на неё обрушить, Эмилия зататорила:

— И не волнуйся, со мной ничего не будет. Я знаю маленькое тёплое заклинание на такую погоду. Всё, всё, дорогуша, я ушла!

Подруга послала мне воздушный поцелуй, а затем села на козлы.

— Как только ты окажешься в пределах моей досягаемости я скручу тебя и напялю вонючие сапоги, хочешь ты того или нет!

— Вот это испугал! Ах, мой мармеладный жук, дрожу, дрожу, — рассмеялась колдунья трогая поводья.

Мы поехали через изрядно пожухлую пшеницу. Лишившись магии портала, её защита от зимы испарилась, колосья пригнулись к земле. Стали видны конец поля и дорога на Шальх. Повозку слегка потрясывало от попадающих под колеса камней и случайных коряг. Я, как мог, завернулся в кокон одежды. Говорят, если болеешь, надо обнять кота, и все пройдет.

— Кыс-кыс-кыс.

Я поводил пальцами перед носом Мурчика.

Смерив меня презрительным взглядом, полосатый разбойник демонстративно уткнулся в подмышку Грешема. Он не отходил от вампира с того самого момента, как Эмилия обработала ему рану на плече. Лапка кота иногда трогала рыжие волосы. Видимо, Мурчик надеялся, что мой ученик откроет глаза и скажет, что всех разыграл. Увы-увы, возможно, Грешем уже никогда не очнётся. Надо морально подготовить себя к этому. Я перевёл взгляд на Снурфа, который сидел подле меня. Казалось, что мой любимец прибывает в глубокой задумчивости или дремлет. Я коснулся его панциря. Он был холодным, даже ледяным. Интересно, а впадают ли тараканы его вида в спячку при неблагоприятных условиях? Я бы не удивился, если бы Снурфи обладал таким свойством. Недаром он относится к отряду древнейших насекомых, которые приспособляются практически к любым условиям окружающей среды.

Эмилия притормозила возле одного из поверженных скорпионов. Я перегнулся через борт, чтобы посмотреть, зачем мы совершили остановку. Колдунья достала из сумки маленькую бутылочку и поднесла её к жалу. Надавливая у основания хвоста, она заставляла яд стекать через горлышко тары, покуда та не наполнилась.

— Пригодится, — проговорила Эмилия, закупоривая бутылку. — Таких тварей у нас не водится, и их железы могут иметь ряд уникальных особенностей, которые я непременно

изучу. Вдруг на основе этой слизи я создам нечто чудодейственное?

— Консистенция жирновата.

— Думаю, это будет крем или растирка, а может и микстура, не знаю пока. Кстати, красавчик, ты не хочешь поучаствовать в моих экспериментах?

— О, нет! Я, пожалуй, откажусь! Лучше побереги отраву для особо важного события в твоей жизни.

— Для какого же?

— Для свадьбы, естественно! Вот представь ситуацию: ты стоишь вся такая из себя прекрасная и смотришь вдаль, вдруг с грохотом раскрывается дверь и я кидаю к тебе того тёпу, что некогда из-за слепоты не разделил твоих чувств. Он раскаивается и молит об узаконивании отношений. Ты нехотя прощаешь его и в назначенный час, во время праздничного застолья, родственникам новоиспечённого жениха подают вино, смешанное со скорпионьим ядом. Все падают замертво, и твой муж понимает, что обиды так просто не забываются, и что злить тебя себе дороже. Кстати, как имя того мерзавца?

Лицо Эмилии побагровело. Видимо моя остроумная шутка её не рассмешила.

— Его зовут Калёб Старый Сморщенный Гриб, и если я когда-нибудь стану твоей невестой, то ты у меня заквакаешь почище, чем твой жабий повар Тина. Такой ответ тебя устроит? Родственников у тебя нет, поэтому, как ни крути, весь яд достанется тебе. В зельях, в растворах или еде, это уж как я решу. Однако на этом твои испытания не закончатся, а наоборот только начнутся. Я тебя выхожу, а затем начну обустривать наше семейное гнёздышко. На правах супруги я выгоню всех твоих зомби и украсу Шато в розовые и голубые тона. Вместе мы выкинем всю громоздкую старомодную мебель и заменим её на модные новинки. Это то, что касается замка, а вот, что затронет тебя лично. С момента моего замужества ты будешь постоянно носить с собой расческу, и укладывать ею свои лохмы. В твоей одежде не останется чёрного цвета, тебе больше подходит синий или коричневый. Ты избавишься от привычки засиживаться за пыльными манускриптами и станешь чаще посещать сад, который я выращу там, где у тебя находится склад со всевозможной рухлядью. Её мы, кстати, тоже вышвырнем.

Всё это Эмилия выпалила на единой ноте. Сделав глубокий вдох, она продолжила:

— Но и это ещё не все. Ты будешь домыывать за мной кусочки надоевшего мне мыла, доедать мою остывшую пищу и томиться у примерочных, пока я выбираю платье. Ах да, чуть не забыла: я буду звать тебя «пупсиком» перед всеми незнакомыми людьми.

Я ошарашенно уставился на колдунью. Её остроты показались мне очень обидными.

— Теперь ты знаешь, что шутки должны быть смешны всем, а не только одному тебе.

Эмилия постучала Людвирбингом по каркасу телеги.

— Я хотела показать тебе, что иногда нужно сдерживать себя и не быть грубым. Женщины не такие, как мужчины. Мы тоже любим хороший юмор, но не тот, что касается личной жизни. Не надо это высмеивать. Тем более, когда у человека это большая тема.

— Хорошо, прости меня, я больше никогда в жизни не буду шутить над тобой.

— Что ты обижаешься, как прыщавый юнец? Я сказала тебе правду и не жалею об этом. Вернее не так, я говорю тебе её в разных формах уже энное количество лет, а ты меня как не слышишь.

— Я понял.

Видя, что я надулся как индюк, Эмилия пожала плечами. Она спрятала всё ещё находящуюся в её руках бутылочку в сумку, и мы двинулись дальше. Повозка вновь

зашаталась, и я подумал о том, что колдунья правильно сделала, устроив мне нагоняй. Ирония, сарказм, насмешка или даже дружеская издёвка всегда должна быть к месту. Я нажал на плохо сшитый душевный шов и перегнул палку дозволенного. Вышло так не нарочно, но меня это, конечно, не извиняет. Я частенько подшучиваю над Эмилией, однако при этом никогда не задумываюсь — а воспринимается ли мой юмор так, как вижу его я, или он копится горькими чернилами и прячется за улыбкой? Мне надо переосмыслить своё поведение и за многое попросить у неё прощения.

Я пожевал головку зачерствелого сыра и попытался уснуть. Озноб и мерное покачивание телеги постепенно убаюкали меня. Я свернулся калачиком и закрыл глаза. Казалось, что не прошло и секунды, как Эмилия сильно пихнула меня под ребра.

— Вставай, вставай быстрее! О, Вселенная, заклинаю тебя, Калёб, просыпайся! Да вставай уже, наконец!

Не понимая в чем дело, я, как стрела, вскочил с нагретой лежанки. От резкого движения у меня закружилась голова и я, чтобы не упасть, упёрся руками в коленки.

— Уже поздно, можешь расслабиться.

Меня трясло, как в лихорадке. Вероятно, я всё-таки подхватил воспаление лёгких, и оно прогрессировало с незавидной быстротой. Моё сознание помутилось. Кое-как я рассмотрел, что происходит. Эмилия стояла возле телеги, а сзади неё толпились люди, много людей, некоторые держали луки, другие топоры и мечи. Зелёные плащи, кожаные доспехи и маски, скрывающие лица. Перед нами были либо королевские разведчики, либо бандиты. Вероятно, нам устроили засаду, и мы в неё попались. Прискорбно. Человек в тёмном шлеме бесцеремонно оттолкнул Эмилию в сторону, а затем схватил меня за лодыжку и стащил на землю. Я рухнул на промёрзшую почву, больно ударившись копчиком. В мою грудь уткнулось остриё клинка. Ни о какой концентрации или фокусе из рукава в таком состоянии и речи быть не могло. К ногам моей подруги приземлился оскаленный Мурчик. Он собирался отдать за хозяйку одну из девяти жизней, но его намеренья живо пресекли. Кто-то схватил Эмилию за волосы и приставил к её горлу кинжал.

— Утомони своего ручного тигра, если не хочешь, чтобы я заставил тебя улыбаться от уха до уха!

Колдунья судорожно замахала рукой, и кот отступил. Краешком глаза я увидел, как выползал из-под мешка Снурф. Он готовился к прыжку.

— Капитан, у них посохи источают свет! — воскликнул мужской голос. — Мы сцапали волшебников! Вдруг это по их вине расцвело демоническое поле, из которого к нам пожаловали скорпионы?

Человек поднял Ночь Всех Усопших и протянул её здоровенному бугаю.

— Разберёмся! Тут по Затяжному Тракту всегда всякий сброд якшается, от дороги до...

Закончить свою мысль бугай не смог, на его шлем наскочил шипящий Снурф. Я дёрнулся вперёд, но на этом все и закончилось. Мне на голову опустился молот, и я вновь погрузился во тьму, в которой недавно находился.

Чёрное безвременье. Что-то холодное сковывает мои запястья. Неприятное ощущение означает, что я жив? Не смея пошевелиться, я плавал на границе сознания. По-видимому, я лежал на ледяном полу в крайне неудобной позе. Подобно шторму, на меня нахлынули тревожные мысли. Я постарался отогнать их и сосредоточиться на уплывающем восприятии. От попыток собрать себя воедино моё и без того плачевное положение только ухудшилось. Горло сдавили рвотные позывы, и с натяжным воем из меня потекла густая слюна. Стоило

мне закрыть рот и короткие спазмы снова задёргали желудок, призывая освободить его от оставшейся гадости. Когда меня перестало тошнить, я отважился открыть глаза. Все вокруг плыло и заворачивалось в спираль. Частичная потеря зрения не дала мне понять, где я нахожусь. Подобно червяку, которого предусмотрительно раздавили ногой, я закопошился на сырых плитах. Моего носа коснулся слабый аромат духов. Он сочетал в себе весенние цветы с горьковатым шоколадным оттенком. Я рассеяно отметил, что букет запахов достаточно необычен.

Меня подняли и посадили на подобие струящегося стула. Всё время, пока я находился в отключке, за мной зорко наблюдали и ждали, когда я приду в себя. Я различил светлое пятно лица. Оно наклонилось, что-то тихо прошептало мне на ухо и вместе с благовонием отдалилось назад. Его контуры приобретали законченность линий. Мутная пелена, застилающая взор, постепенно сходила. По телу прокатилась волна жгучего тепла. Мне стало легче дышать, мучивший меня озноб прекратился. Хотелось кашлять, и я не видел причины себя сдерживать. Через минуту я уже мог рассмотреть все до мельчайших подробностей.

Крохотная тюремная камера, а в ней я. К серым стенам прибиты скобы цепей, а в них мои запястья. На самом верху — окошко с решёткой. Через него тоненькие лучики солнца робко заглядывали в мрачное помещение. Единственный стул сейчас находился подо мной. Низкий и без спинки, он не предполагал никакого удобства.

У массивной двери застыла хрупкая девушка в белоснежной одежде. Её белые прямые волосы струями ниспадали на плечи и терялись в белизне мантии. Ещё совсем юная, она смотрела на меня совершенно не по-детски, оценивающе. Таким взглядом покупатель осматривает мясо на прилавке, думая при этом: «этот окорок так себе, не лучше ли для супа взять вон тот». Руки в тонких, отливающих металлическим блеском перчатках, перекрещивались на поясе. У бедра вместе с цепочкой амулета Ураха висела булава с острыми зубчиками. Я предположил, что эта дама о себе высокого мнения, и пригласить её на чашечку кофе вряд ли удастся.

— Мне ведомо, кто ты. Некромант, убийца и осквернитель сущего. Ты — грязь и разложение, именующее себя Калепом Шаттибралем.

Пронзительный и ясный как бушующая волна голос заполнил меня до самых глубин.

— Я позаботилась о том, чтобы ты исцелился от лихорадки и заново обрёл зрение и слух. Но не обольщайся, нечисть, если потребуется, я с удовольствием снова сделаю из тебя калеку.

Прежде чем ответить, я обвёл кончиком языка стиснутые зубы. Они оказались все на своих местах, уже неплохо! Осталось потрогать череп и удостовериться, что он тоже в относительном порядке. Жаль, запястья скованы.

— Я смотрю, молодое поколение, когда характеризует меня, пользуется все тем же заезженными титулами. Что же, отчасти это лестно, мне импонирует постоянство. Скажи, ты пришла поиграть со мной без разрешения взрослых?

— Ты, видно, не понял.

Я по-родительски зацокал.

— Ай-ай-ай! Так хорошие девочки не поступают, одна, да ещё с очень злым дядей. Подозреваю, что дома тебя ждёт отцовский ремень.

Резким движением девушка отвесила мне добротную пощёчину. Мою измученную голову пронзил взрыв боли. Безвольно дёрнувшись, я опрокинул стул и словно кукла повис

на железных путях. Из разбитой губы потекла струйка крови.

— Я научу тебя проявлять уважение, тварь.

Мой подбородок оказался зажатым между стальных пальцев.

— Меня зовут Серэнити. Я — Великий инквизитор Иль Градо и примас Братства Света. Знай, что только благодаря моей милости солдаты не забили тебя до смерти.

Вот это поворот! Я прекрасно помнил предыдущего Великого инквизитора Иль Градо. Касиус Млут по прозвищу «Яростный» служил Ураху при Манфреде Втором. Однако как полагаю, он умер, раз его место заняла эта малышка. Ох, какой же это был разносторонний человек! Касиус обладал обширными знаниями и духовной силой, великолепно владел топором и играл на флейте. Однажды мы столкнулись с ним нос к носу на нейтральной территории. Тогда Великий инквизитор в пух и прах разнёс моих мертвяков и поставил меня в крайне неловкое положение, из которого я, правда, с блеском выкрутился. После этого он долгие годы охотился за мной и пытался взять живьём. Касиус мечтал затащить меня на суд, считая, что вначале я непременно обязан дать еретические показания, а уже потом попарить косточки на благословлённых поленьях. Последний раз из его цепких лап меня спасла королева Элизабет. Как же Касиус Млут тогда негодовал и притопывал козлячей ножкой — меня до сих пор смех разбирает, сколько в нём было «ярости»!

Впрочем, оставим весёлые воспоминания и перейдём к фактам. Думаю, не солгу, если скажу, что великие инквизиторы — это самые одарённые и опасные последователи Света. Бесконечные тренировки с оружием делают из них непревзойдённых мастеров битвы, а слепая вера в святость Ураха добавляет к этому ещё и фанатизм. Эти люди — религиозные лидеры, сочетающие в себе тяжелейшую форму безумия и отточенные до автоматизма рефлексy. Они обладают громадной властью и всю пользуясь ею в своих амбициозных целях. Всего великих инквизиторов шесть, то есть по одному на каждую провинцию. Их избирают единожды и на всю жизнь. То, что меня удостоила вниманием столь высокопоставленная особа Братства Света говорило о многом, но, к сожалению, только о плохом.

— Ты Великий инквизитор? Фу ты ба! Ты уверена? Тебе бы цветочки собирать на лугу, да с мальчишками в салочки гонять! Ладно-ладно, подожди, а что тогда случилось со стариной Касиусом? Постой! Не отвечай! Дай мне угадать! Его загрыз волк, когда он возвращался из таверны? Нет? О, я знаю! Он бросил всё и подался в цирюльники! Да? Я буду скучать по его лысой голове. Она мне всегда напоминала переспевшую дыню. Такую сочную, мягкую...

Вторая пощёчина оказалась гораздо крепче первой. Она заставила меня пожалеть о своём праздном любопытстве. Я отлетел к стене и приложился челюстью об шершавый камень. Противный хруст возвестил меня о том, что обломался зуб. Я выплюнул его на пол и широко улыбнулся. Чего горевать? Я же всё равно им никогда не жевал! Серэнити с лёгкостью подняла меня за плечи и усадила на стул. После чего приблизилась вплотную, так что я ощутил её мятное дыхание.

— Ты зря испытываешь моё терпение, некромант, поверь, его осталось не так много, как ты думаешь. Вероятно, тебя удивляет, почему ты до сих пор жив. Отвечу — это ненадолго. Я с огромной радостью подвешу тебя на ближайшем столбе, как только ты перестанешь быть нужным.

Серэнити сделала паузу, а затем с заметным отвращением добавила:

— Тебя ожидает королева. Не понимаю правда, зачем такое мерзкое существо, как ты,

понадобилось ей. Твоё место на костре или на колу, ну уж никак не на аудиенции у Её Величества.

— Ох уж мне эти личные суждения, — отозвался я, закатывая глаза. — Вначале суп научись стряпать, а потом говори, кто кого и куда должен приглашать.

Пропустив колкость мимо ушей, Великий инквизитор повернулась к двери и три раза постучала. Послышался лязг отпирающихся засовов, в проем протиснулось двое рослых стражников, одетых в доспехи со львом на груди. Значит ли это, что я достиг Шальха или мне предстоит ехать дальше? Сколько я был в отключке? Неделю? Две? Или всего пару часов?

— Предупреждаю тебя, любое, даже самое малейшее твоё неповиновение я расценю как потенциальную угрозу. Стоит тебе дёрнуться, и наказание последует незамедлительно. Каким оно будет? Только одно. Смерть. Я тебя уничтожу и даже глазом не моргну. Чтобы ты лучше понимал, вот тебе авансом небольшой презент.

Для подкрепления своих слов Серэнити с удовольствием проехала ладонью по моему лицу. Ухмыляясь, стражники принялись отделять меня от стены. Им явно нравились манеры великого инквизитора. Цепи с лязгом грохнулись об пол. Взамен на мои вывернутые за спину руки надели крепкие кандалы. На голову мне бесцеремонно напялили мешок из-под картошки. Будучи грязным и мокрым изнутри, он неприятно пах гумусом. Ударом локтя меня согнули в три погибели и потащили вперёд. Моё слабое тело не видело смысла сопротивляться. Пока меня волокли, я размышлял над тем, что стало с моими друзьями. Где они? Живы ли? Я боялся, что Грешема и Эмилию постиг более плачевный исход, нежели меня. Их ко двору никто не звал, а значит щадить вампира и колдунью необязательно. У меня засосало под ложечкой от мысли, что мои товарищи уже давно преданы огню, а их пепел развеян по воздуху. Снурфи и Мурчика мне было жалко ничуть не меньше. Наверняка они теперь готовятся к перерождению или среди звёзд гоняются за небесными бабочками.

Трудно сказать, сколько мы шли, и сколько тычков я получил по пути, знаю одно — всё в этой жизни когда-нибудь заканчивается. Так и здесь, в определённый момент, пнув ногой по животу, меня грубо затормозили. Дыхание сбилось, и я бухнулся на коленки. На плечи мне навалились две мозолистые руки — встать, по-видимому, было совсем необязательно. Терпеливо дожидаясь какой-нибудь развязки, я собирал энергию для заклинания, которое позволило бы мне снова обрести свободу. Перебирая в уме известную мне магию, я остановил свой выбор на чарах «Пагубного Тумана». Это волшебство призывается для оглушения и деморализации нерасторопного врага. Думаю, что Серэнити как-то уловила мои мысли, потому что в темечко мне убийственно жახнул её кулак. Словно трухлявое дерево я распластался на полу и рассыпался кровавыми опилками. Ну нельзя же так, в самом деле! При каждом ударе по голове мозг человека шарахается о стенки черепа. Это травмирует его и надолго выводит из равновесия. Для меня, привыкшего много думать, такие потрясения совсем не к чему. Припоминая угрозу великого инквизитора, я понял, что стою на краю могилы. Мне крайне не хотелось знакомиться с её колючей булавой, поэтому я затих и перестал шевелиться. В ушах звенело, но я всё-таки услышал испуганный старушечий возглас:

— Это он?! Зачем вы его связали? Немедленно снимите с него балахон!

С моей головы стянули мешок. После длительного нахождения в темноте свет резанул по воспалённым глазам огненной вспышкой. Пришлось зажмуриться. Меня приподняли, и я, как слепой крот, уставился на обладательницу голоса. Наконец я смог разглядеть того, кто

стоял передо мной.

— Я очень рад видеть Вас, Ваше Величество. Надеюсь, что я не сильно опоздал. Я весело улыбнулся, попутно выплёвывая ещё один выбитый зуб.

Глава 6. Приоткрывая завесу тайны

Город Шальх располагается на естественной возвышенности с гордым названием Ночные Небеса. Окружённая несколькими рядами толстых стен столица Соединённого Королевства, вероятно, является одним из самых укреплённых мест в мире. За надёжными воротами и оборонительными башнями днём и ночью не переставая кипит жизнь. Она крутится по четырём кварталам, которые льнут к выстроенному на горе замку. О, этот тысячеокий замок! Внутри него веками творится история и определяется политика. В нём короли устраивают пышные балы, пропитанные интригами придворной знати. Сюда стягиваются послы провинций для заключения выгодных договоров. На светских раутах торговые соглашения лендлордов обретают фактическую силу и разрываются на мелкие кусочки. В цитадели бьётся главная артерия Соединённого Королевства, и монарх неотрывно держит руку на её пульсе. Его гонцы, везущие официальные указы во все уголки страны, покидают золотые покои и, миновав бдительную стражу, попадают в первый район города. Необычайно красивый, он принадлежит родовитым аристократам и верхушке социальной элиты. Здесь роскошные кареты, запряженные мастистыми лошадьми, курсируют от ломящихся товарами лавок до дворцов наслаждений. Всё покупается и всё продаётся, ну а также проигрывается. Каждодневно желторотые юнцы в карточных клубах просаживают состояния влиятельных отцов, но те этого не замечают; их карман так полон монетами, что вот-вот треснет. Сами отцы в свободное от службы и семьи время, посещают театры, за ширмами которых всегда царит весёлый ажиотаж. Лакеи в белых панталонах подносят охлаждённое шампанское, а прекрасные девушки со сцены показывают мастерство драматургии. Блеск! Кто-то аплодирует стоя!

Поднимая пыль, гонец проскочит мимо мраморных статуй и попадёт во вторую часть Шальха, которая полностью принадлежит Братству Света. Ровная брусчатка ведёт через ряды одинаковых пятиэтажных зданий и выводит на громадную площадь Вилика Ура Светелик. На ней посреди цветущего сада располагается величественный храм Ураха. Возведённый в форме пирамиды, его чертоги, вмещающие в себя различные Ордена и службы, лишь немногим уступают самому замку. По преданию Урах лично зажёг в нём огонь и возложил на алтарь меч.

Используя рожок, гонец разгонит толпы людей и доберётся до разделяющей стены. Возле неё стоят часовые Канцелярии Правосудия. За поднятой решёткой ждёт клубок из улиц и переулков. Они принадлежат всевозможным ремесленникам и людям среднего достатка. Проспекты расширяются и выводят к центру, где рынок Шальха — Толкучка, черпая вдохновение в сутолоке, гудит как переполненные улей. Чего тут только нет: оружие, специи, кружева, шелка, деликатесы, драгоценности. Плати и получишь то, что желаешь.

Напротив Толкучки отбрасывает тень грозная башня Магика Элептерум. Постоянно изменяющаяся, древняя академия тонет в дымке синеватого марева. Грозовые тучи и всполохи молний кружат над её обсидиановым шпилем. Бывает, из горстки студентов, набираемых со всего Соединённого Королевства, обучение заканчивают единицы. Дорога мага тяжела и опасна. Большинство учеников гибнет задолго до того, как с их пальцев

слетит первая искорка. Пробуя подчинить себе энергию Вселенной, их неподготовленные тела не выдерживают титанических нагрузок и буквально взрываются. Казалась бы, что такая незавидная участь должна была бы отпугнуть новых кандидатов, но нет, раз за разом жажда мистических знаний оказывается сильнее страха смерти.

Преодолев суматоху и шум переполненного базара, гонец окажется в Мышиной Дыре. Внушительные бастионы отделяют этот грязный квартал от остального города. Чёрные маленькие лачуги, серые закоулки и худые измученные лица заставляют вспомнить, что такое выживание. Преступность и проституция, наркотики, воровство и контрабанда здесь не вызывают удивления. Жестокая действительность тут оголяет худшие из своих пороков. Хочешь жить — умей вертеться! Рассчитывай только на себя и жди удара в спину. Принципы просты, следуй им и останешься на плаву.

В бессознательном состоянии меня провезли под конвоем через весь Шальх и доставили в темницу, а оттуда приволокли в Зал Совета. Круглый, он предназначался для заседаний благородных лордов и леди. Солнечный свет лился через большие от пола до потолка окна. У изголовья овального стола высился изысканный трон короля. Сейчас он пустовал. Я сидел на коленях перед королевой Элизабет Тёмной. С нашей последней встречи она сильно состарилась, я даже не представлял, что время так властно над людьми. Глубокие морщины сетью покрывали лицо и дряблую шею. Волосы поседели и истончились, а ведь когда-то они тяжёлыми коричневыми прядями спускались ниже поясницы. Сколько ей теперь лет? Восемьдесят или девяносто? Элизабет обтягивало чёрное матовое платье из шерсти. На ней не было никаких украшений, кроме небольшого золотого венка и кольца с рубином. Казалось, прошла вечность, прежде чем она, поражённая мой внешним видом, подала знак гвардейцу. Усевшись на краешек услужливо пододвинутого стула, Элизабет тихо промолвила:

— Поднимите и развяжите его.

Ещё недавно давившие и раздающие тумачи руки принялись меня освобождать от оков. Посмотрев в глаза королевы, я отчётливо увидел в них застывшую мольбу и горе. Что же произошло? Я потёр затёкшие запястья и искоса глянул на Серэнити. Великий инквизитор, совершенно не скрывая отвращения к моей персоне, застыла возле Элизабет. Скривив губы, она сложила латные перчатки на груди и вперила в меня враждебный взгляд. Стараясь не обращать на неё внимания, я повторил свои слова:

— Я добрался так быстро, как смог, Ваше Величество. Надеюсь, что Вам не пришлось слишком долго ждать.

Элизабет Тёмная тяжело вздохнула и, поведя тремя пальцами, приказала:

— Оставьте нас все.

Низко поклонившись, солдаты один за другим покинули зал, но Серэнити не двинулась со своего места и таким образом мы остались втроём. Я осторожно прикоснулся к голове. Кровавая корка застыла вспученными бугорками. Вполне возможно, что молот того человека в тёмном шлеме подарил мне сотрясение мозга.

— Ваше Величество, могу я обратиться?

Элизабет устремила на меня выцветшие, но всё ещё пронизательные глаза и коротко кивнула.

— Со мной путешествовали несколько друзей. Вероятно, они, как и я, имели честь познакомиться с гостеприимством Братства Света. Пожалуйста, помогите мне выяснить, что с ними. Я очень переживаю за них.

Королева вопросительно посмотрела на Серэнити:

— Если они в казематах, выпусти и приведи сюда. Исполняй.

— Как я могу оставить Вас наедине с некромантом?! Это неприемлемо!

— Не волнуйся, мы старые знакомцы, со мной ничего не случится.

Элизабет Тёмная пошамкала губами.

— И позови сюда генерала Кирфа Маяна и Ингри Звёздного Плаща. Они понадобятся. И Констанцию. Её тоже. Ах, да. Она в городе. Пошли за ней. А пока Кирфа и Ингри.

Гневно раздувая ноздри, Великий инквизитор слегка поклонилась и вышла через позолоченные дубовые двери. Её белые одежды вместе с приятным ароматом летели вслед за ней. Когда створки закрылись, Элизабет, немного помолчав, стала тихо излагать, зачем меня позвали ко двору.

— В том письме, которое ты получил от меня, я не обозначила причину вызова и это неспроста. Сейчас я всё расскажу.

Королева Элизабет судорожно вздохнула.

— Мой сын мёртв. Его жестоко убили. Вильгельма нашёл слуга, убирающий по вечерам его покои. Пронзённый кинжалом в горло, он всё ещё был жив, но парализован. Мой бедный мальчик мучился и не мог произнести не слова. Я не успела попрощаться... Урах принял его в свои милостивые объятия до того, как я поднялась к нему.

Элизабет достала маленький расшитый цветочками платок. Сделав два быстрых движения, она утёрла хлынувшие слезы и снова продолжила:

— Рядом с Вильгельмом были начертаны странные знаки, похожие на руны живорезов из Великого Леса. Я практически не сомневаюсь, что корни лиходейства тянутся именно оттуда. Я чувствую это материнским сердцем!

Королева всхлипнула.

— Но это ещё не все печальные новости. Корона Света пропала, а вместе с ней исчез наследник королевства, мой внук Фабиан. Никто не видел, чтобы он выходил в тот день из замка. Когда к нему пришли сообщить, что отец убит, в его комнате обнаружили лишь распахнутое настежь окно. Чтобы шумиха не захлестнула улицы Шальха, я и моя невестка Констанция попытались скрыть трагедию до выяснения всех обстоятельств, но нам это не удалось. Верхушка оппозиционной аристократии пронюхала о нашем несчастье, и дело приняло серьёзный оборот. Как акулы, почуявшие кровь, они действовали стремительно. Очень быстро, птицей, ко мне пришло послание из Плавеня. Оно гласило: законного короля нет в живых, наследник пропал, а потому провинция больше не видит смысла находиться в составе Соединённого Королевства и отделяется от него. Под письмом стояли подписи командующего военными силами Индванцио Гнобиля, Великого инквизитора Шарлиз Орик и моего алчного племянника, наместника Гильберта Энтибора. Через неделю до меня дошли сведения, что провинции Хильд и Керан так же поддержали мятеж, заявив о своей независимости.

Элизабет положила морщинистые руки ладонями вверх, как бы читая, что написано на них. Я молча слушал, что говорила старая женщина.

— Страна расколосась. Вот-вот грянет гражданская война. Карак и Вельдз пока с нами, но бонзы из Плавеня уже прекратили к ним поставки зерна, их земли бедны, а голод, как известно лучшее средство заставить покориться чужой воле. Не знаю, долго они выдержат или нет, но вполне возможно, что скоро все шесть провинций не будут Соединённым Королевством уже никогда. К довершению всех неприятностей и смертей до меня доходят

донесения о первобытных порталах, которые проснулись ото сна. Из их утробы, уничтожая всё на своём пути, выползают страшные демоны, те из них, что могут говорить жутко и омерзительно воют всего одну фразу — Десница Девяносто Девяти Спиц. На их зловещих шпандартах трепыхается рдяное колесо, так что, скорее всего они выкрикивают имя своей нечестивой орды. Если раньше нам доставляли хлопоты только границы Вельдза и Карака, то теперь опасность разъедает королевство изнутри. Люди не могут спокойно спать. Целыми семьями они кочуют в Шальх и другие крупные города, рассчитывая на защиту. Пока мы можем её предоставить, но что будет дальше?

Старая королева облизнула пересохшие губы, давая себе немного отдохнуть. Я всё так же молчал.

— Калеп Шаттибраль, ты здесь, потому что я нуждаюсь в тебе. Никто из ныне живущих не обладает твоим опытом и силой. Я знаю это. Я не преувеличиваю. Ты и я, мы связаны уговором предков. Как твоя королева, я призываю тебя выполнить его. Найди того, кто убил моего сына. Разыщи Фабиана и Корону Света. Осмотри порталы и попытайся их закрыть. Изгони Десницу Девяносто Девяти Спиц обратно в бездну. Заданий много, но я предполагаю, что все они связаны, потяни за одну ниточку и вылезет вторая. Сделай это ради меня и ради будущего.

Все это время я слушал Элизабет Тёмную слегка прикрыв глаза. То, что она мне рассказала, ввергло меня в шок. Судьба Соединённого королевства повисла на волоске. Богатые провинции долго ждали своего шанса снова войти в игру независимыми государствами, и вот он им представился. Какая удача — Вильгельм убит, принц и корона украдены, а порталы из легенд вновь открыты. Десница Девяносто Девяти Спиц... Кто они? Скоро, очень скоро кровь польётся рекой и берегов её будет не увидеть. Хорошенькое приключение мне уготовила Вселенная под старость лет. Я даже не знал, с чего начать. Как бы в ответ на мои мысли дверь распахнулась. Первой в зал вошла Серэнити. За ней, опираясь на белую трость, следовал низенький старичок Ингри Звёздный Плащ. Я слышал о нём. После кончины Альбараха Красного он стал придворным магом Шальха. За Ингри прихрамывая, ковылял дюжего размера мужчина в тяжёлой, стилизованной подо льва броне. Он, скорее всего, являлся генералом Кирфом Маяном. Из-за его спины прорисовывались силуэты моих друзей, которые едва волочили ноги. Снурф полз на шаг впереди Эмилии, а Грешем, держащий Мурчика на руках, чуть отставал. Лапы и морду кота покрывали свежие отметины ожогов. Завидев меня, таракан, радостно шипя, бросился к моим сапогам. Я нагнулся и погладил его панцирь кончиками пальцев. По приказу Элизабет с вампира и колдуньи сняли кандалы, и целый полк стражников, конвоировавший их, удалился.

Мои глаза и глаза Эмилии встретились, секунду спустя моя подруга отвела свои в сторону. Что ей пришлось перенести в тюрьме? Какие издевательства она терпела? Прости меня, родная! Если бы я знал, как всё обернётся, то никогда бы не навестил тебя в Лунных Вратах. Во что только я тебя ввязал? Чтобы загладить вину, апельсинов и мороженого будет явно недостаточно.

После того как каждый из новоприбывших поклонился Её Величеству, мы по её указанию заняли места за столом. Невольно я улыбнулся — картина, достойная кисти хорошего художника. У левого угла примостились некромант, вампир и колдунья, все в синяках и ссадинах, посередине, как буфер между враждующими лагерями, расположилась сморщенная, как печёное яблоко, королева, а с правого края, сияя чистотой и свежестью, уселись: генерал, придворный маг и Великий инквизитор. Миниатюру можно было бы смело

назвать «Противостояние сил Света силам Тьмы». Я бы заплатил пару золотых, чтобы получить хотя бы карандашный эскиз.

— Пока вас не было, я ввела Калеба в курс дела.

Элизабет переводила глаза с нашей компании на своих доверенных советников, как будто оценивая, можем мы кинуться друг на друга или нет.

Ингри Звёздный Плащ первым нарушил повисшее в воздухе молчание.

— Калев Шаттибраль? Тот самый маг смерти? Ну-ну, и что он предлагает? Мы готовы выслушать его без сомнения умные речи.

— Я ещё ничего не предлагал. Думаю, вначале мне нужно осмотреть комнату убитого короля. Надеюсь, вы всё оставили в нетронутном виде?

Серэнити гневно посмотрела на меня, а потом на Элизабет.

— Уж не собираетесь ли вы, Ваше Величество, допустить, чтобы некромант спокойно разгуливал по замку и совал нос в королевские покои?

— Да, собираюсь. Он должен найти улики, которые укажут на убийцу Вильгельма. Как я тебе и говорила — я считаю, что это дело рук живорезов.

— Ваше Величество, почему вы не слышите меня? В тот день я не ощутила никаких колебаний скверны. Это были не последователи Хрипехора, а ваши вероломные подданные. Кто-то подкупил слуг, и те впустили наёмных убийц, которые потом вышли через чёрный ход. Не живорезы, а обыкновенные люди начертили парочку корявых рун у тела, чтобы запутать следы и пустить нам пыль в глаза. Если бы вы доверили расследовать происшествие мне, а не префекту Канцелярии Правосудия, я бы быстро докопалась до истины.

Великий инквизитор сжала кулаки.

— Этот индюк Канахес, привыкший только подписывать красивые бумажки, да пить вино с вульгарными девицами, схватив возможных свидетелей злодеяния, совершенно бездумно заточил их всех в самой ветхом каземате, расположенном над глубокой выгребной ямой! И что? Допрос состоялся? Нет! Пол внезапно обрушился! И люди, упав вниз переломали себе шеи или захлебнулись! Теперь нам никогда не узнать, кто стоял за этим печальным во всех смыслах душегубством. Спасибо, что не пригласили Канахеса сюда, иначе я бы оторвала ему уши за халатность.

— Ты очень мягко указала на мою ошибку, Серэнити. Её не исправить, потому что Канахес и правда подвёл нас и, возможно, это будет стоить нам дорого.

Элизабет вздохнула.

— Но как объяснить загадочную пропажу Фабиана и Короны Света? А порталы? Они пульсируют не только на нашей земле! Плавень, Хильд, Керан! Всё Соединённое Королевство охвачено ими! Я считаю, что это пряжа одного мотка, и Калев выяснит, права я или нет.

— Да что может выяснить грязное пятно Тьмы?! Его присутствие порочит наше собрание! Прошу Вас: выдворите его или отдайте Ордену Инквизиции. Поймите, я хочу уберечь вас от нового промаха!

— Умерь свой пыл, Великий инквизитор. Не забывай, с кем ты говоришь.

В тоне Элизабет Тёмной проскользнули стальные нотки.

— Прошу Вашего прощения, Ваше Величество.

Казалось, что Серэнити абсолютно не раскаивается в своих словах.

— Моя королева, — подал голос Кирф, — я человек военный и от магии далёкий, буду говорить, как солдат. Несомненно, что исчезновение Фабиана подстроено. Не случись этого,

страна бы не раскололась. Возможно, он убит, а возможно его украли одна из провинций, чтобы шантажировать нас. Вы знаете, что с каждым днём обстановка накаляется всё больше, уже сейчас на границах с Плавенем происходят локальные конфликты, армия напряжена, в войсках чувствуется разлад, и Десница Девяносто Девяти Спиц вносит в него свою немалую лепту. Сейчас нам необходимы все имеющиеся у нас союзники, пусть они злые или добрые, неважно. Я думаю так: пускай Калёб вместе с Ингри займутся порталами, а поиски принца Фабиана оставит нам.

Кирф Маян в упор посмотрел на Серэнити.

— Не сомневаюсь, что Великий инквизитор присмотрит за ними обоими.

— Спасибо за доверие, генерал, — улыбнулся я. — Однако прежде, чем начать ими заниматься, я всё же хочу увидеть место, где был убит король. Как я понял, своими неумелыми действиями префект Канахес смешал все карты, и Серэнити утверждает, что никаких зацепок не осталось. Мне надо удостовериться в этом лично.

— Посмотри-посмотри, ты ничего не найдёшь там, кроме знаков, не имеющих никакого смысла, — насмешливо прокричал Ингри Звёздный Плащ. — Да, они схожи с рунами жрецов Хрипыхора, но не более того. Грубая подделка! Даже отдалённо не пахнет магией. Нет, я, как и раньше, заявляю — злоумышленники не обладали волшебной силой и не прибегали к ней, но постарались представить все именно в таком свете.

— Ингри придерживается мнения Серэнити, а ты, Калёб, составь своё. Пользуйся всем, что есть в замке, ходи, куда сочтёшь нужным, допроси, кого потребуется — со стороны закона тебе не будет препятствий, это моё слово. Прошу лишь об одном — поспеши. Я буду ждать твоего доклада.

Обращаясь ко мне, Элизабет выглядела усталой, на секунду она показалась мне дряхлой старухой, огонь давно угас в ней. Я обратил внимание на своих друзей. Вампир, не шелохнувшись, держал спящего кота, а Эмилия, наблюдая за собравшимися у стола людьми, высоко подняла голову. Лиловые подтеки под глазами делали её похожей на летучую мышь.

— Сейчас я хочу, чтобы вы поели и хорошенько отдохнули. Скажите дворецкому, чтобы проводил вас в столовую.

Королева повернула голову к Серэнити.

— До того, как наши гости уйдут, залечишь их раны.

Казалось, что Элизабет вот-вот заснёт, едва начавшийся совет подошёл к своему концу. По взгляду, кинутому на Великого инквизитора, я понял, что она скорее отрежет себе палец, чем дотронется до пропитанной злом кожи.

— Спасибо, Ваше Величество.

Я встал и насколько мог низко поклонился королеве. Следом за мной поднялись все остальные, находившиеся в комнате.

— Я буду ждать тебя, — сонно промолвила Элизабет Тёмная, глотая последние окончания слов.

Подбородок королевы опустился на грудь, и она задремала. Ещё несколько секунд все постояли молча. Переглянувшись с друзьями, я направился в сторону двери. Не успел я сделать и пары шагов, как мой локоть схватила Серэнити. Снурф зашипел на великого инквизитора, однако она не предала этому никакого значения.

— Её Величество сильно рискует, пуская в замок такую змею, как ты. Урах свидетель, что я не спущу с тебя глаз. Ты будешь находиться под постоянным контролем двадцать четыре часа в сутки. Если попробуешь творить чёрную магию, я сразу узнаю об этом и с

удовольствием лишу тебя жизни.

Не отпуская моей руки, Серэнити брезгливо обратилась к Эмили и Грешему:

— Вас это тоже касается. Не думайте, что избежите судьбы вашего сгнившего дружка — смерть последует незамедлительно.

— Очень хорошо, дорогуша, мы тебя поняли, а теперь дай нам пройти в столовую, я правда очень сильно хочу есть, — проговорила колдунья, отцепляя меня от железной хватки великого инквизитора. — И раз уж ты собралась следить за нами, проследи, чтобы к нам вернулись наши вещи, посохи и всё такое.

— Твой язычок колюч, ведьма, но вот сохранишь ли ты его в целости, мы узнаем достаточно скоро, — кипя от злости, процедила Серэнити, возвращаясь к спящей Элизабет. Кирф Маян и Ингри Звёздный Плащ, казалось, уже забыли о нашем присутствии. Они негромко спорили о стычках вблизи сторожевых постов и подлых набегах солдат Плавеня.

Выйдя из Зала Совета, мы обнаружили дворецкого, стоявшего недалеко от двери. Выслушав распоряжение королевы, он отвёл нас на кухню, где посередине комнаты, словно дирижёр, высился исполинский повар с половником в одной руке и пакетом специй в другой. Он успевал делать всё сразу — пробовать закипающий бульон, мешать поварёшкой мясо, которое тушилось на сковороде, замешивать соус и раздавать задания и оплеухи снующим в белых фартучках поваряткам. Подвешенные за крюки, с потолка свисали разделанные туши оленей, косуль, кабанов и зайцев. По углам громоздились пузатые бочки. На некоторых с боков имелись краники, полагаю для того, чтобы не утруждать себя подниманием крышки. Сушёные грибы гроздьями висели вдоль одной из стен.

В королевской кухне всё скворчало, жарилось, тушилось и подпрыгивало на сковородках, однако при всей неразберихе нельзя было не заметить, что кругом было чисто, — ни пятен жира на полу, ни грязи возле очага. Хорошо, когда шеф-повар соблюдает санитарные нормы.

Дворецкий подтолкнул нас в спины и в двух словах разъяснил вспотевшему повару, что по указанию королевы нас нужно кормить не по расписанию, а когда мы того захотим, и неважно — день на дворе или ночь. Оставив нашу компанию на чужой совести, он, подобрав фалды испачканного в муке фрака, манерно удалился. Дав поварёнку, опустившему пальцы в варенье плоской по голове, повар кивнул на лавку возле одной из бочек. В нашем распоряжении оказались пинтовые кружки, которые мы тут же наполнили янтарным элем. Сдувая пену с пива, мы наблюдали, как пространство вокруг заполнялось разнообразными блюдами. Нам подали суп из куриных ножек, маленькие пирожки с кабанятиной и зеленью, жаркое из мяса с тушеной капустой, запеченного судака с соусом из белых грибов и печёночный салат с овощами. На десерт полагались крупные зелёные яблоки и сливовый пирог с заварным кремом. Единственное условие, которое повар поставил перед трапезой, было, чтобы гигантский таракан не переступил порога его кухни. Пришлось Снурфа, а заодно и Мурчика, дабы товарищ не скучал, оставить за дверями, но их тоже не обидели съестным — принесли свежие кости с остатками мяса и жил.

Грешем попросил себе телячьей крови, сославшись на язву желудка, которую лечат употреблением этой отвратительной жидкости. Выдержав удивлённый взгляд повара, вампир всё же получил алый кувшин. Сделав глоточек, он удовлетворённо икнул, и, чтобы не вызывать подозрений, тут же напущено скривился, показывая, как ему противна данная процедура. Накинувшись на еду, мы надолго погрузились в молчание, челюсти с усилием работали, а желудок радостно урчал. Некоторое неудобство доставляли мне выбитые зубы.

Пища попадала в ранки, я чувствовал жгучую боль, но останавливаться не собирался. Только сейчас я понял, как давно не ел ничего горячего. Утолив первый голод, я узнал, что было до того, как я получил черепно-мозговую травму, и что случилось после. Оказывается, Эмилия проехала поле скорпионов и вывернула на дорогу, ведущую к столице. Там нас встретила засада солдат, выслеживающих тварей из червоточины. Сомнения в том, что мы — тёмные колдуны, повинные в призыве чудовищ, если и были, то по вине Снурфа быстро развеялись. От неминуемой казни без суда и следствия нас спасла Серэнити, которая проезжала с немногочисленной свитой по Затяжному Тракту к обители монахов-отшельников. Увидев меня в луже крови, она оттолкнула солдат и распорядилась покрепче связать нас, после чего свернула со своего первоначального пути и проследовала в Шальх. Ехали мы около недели, всё это время Серэнити держала руку над моей головой. Эмилия думает, что именно магия Великого инквизитора не дала мне умереть, слишком страшная рана зияла в черепе, заставляя кровь литься чуть ли не ручьём. Приехав в город, кортеж Серэнити незамедлительно проследовал в замок, где всех пленников развели по разным камерам. Прежде чем оказаться в Зале Совета, мы провели в темнице не меньше дня. Выслушав рассказ, я поведал друзьям о том, что услышал от королевы до их прихода.

— Какие у кого мысли в сложившейся ситуации? — спросил Грешем, трогая разбитую губу.

— Для начала осмотрим место преступления. Если пустоголовы Канцелярии Правосудия всё не перевероросили, то вполне вероятно, могли остаться какие-нибудь намёки, которые укажут в каком направлении нам двигаться. Так же уделим внимание самому очевидному — знакам. Ингри говорит, что они намалёваны «от балды», но так ли это? Мне показалось, что для придворного мага он соображает как-то уж очень однобоко. А тебе, Эмилия?

Моя подруга кивнула:

— Какой-то он жиденский, не чувствую я в нём ни энергии, ни интеллекта.

— Чего не скажешь про Серэнити, — подметил Грешем. — Мне при ней страшно.

— Она — Великий инквизитор, беспощадный и искусный воин, наделённая силой Ураха. От неё стоит держаться подальше, в особенности, таким, как мы, — согласился я.

— Да, злить Серэнити попусту не надо, однако давайте сейчас не о ней.

Эмилия посмотрела на свои пальцы.

— Так как мы поели, предлагаю найти дворецкого и попросить его провести нас туда, где можно помыться. Если мы будем разгуливать по замку в таком виде, нас примут невесть за кого.

— Мыло и вода — наши лучшие друзья, — подхватил Грешем.

— Давайте их навестим, — улыбнулся я.

Поблагодарив повара и захватив с собой кулёк только испечённых пирожков и сдобных булочек, мы отправились на поиски человека в запачканном мукой фраке. Мило беседующий с горничной, он сыскался возле центральной лестницы. Раздосадованный тем, что его отвлекли, дворецкий всё же выслушал нашу просьбу. С коротким вздохом он распрощался с обаятельной особой и повёл нас в бани для слуг. Вооружившись тазиками, мы с вампиром и фамильярами проследовали в секцию для мужчин, а Эмилия — для женщин. Набрав горячую воду, я с удовольствием воспользовался куском пахучего зелёного мыла, выданного банщиком. Намылив себя с головы до пят, я блаженно ополоснулся. Посмотревшись в зеркало, висевшее над перегородкой, я обнаружил множество лиловых

подтёков и ссадин, на груди виднелся фиолетовый синяк, никак не собирающийся проходить, но на голове красовалась лишь длинная поблёкшая царапина. Магия Света исцелила мой череп! Спасибо тебе за то, что вернула меня с порога смерти, белобрысая химера. Заглянув за ширму к Грешему, я увидел, как он, весь в пене, трёт живот грубой мочалкой. Потоки из пузырей и комочков грязи текли по его спине мутным водопадом. Вампир, как и я, решил основательно подойти к водным процедурам. Выйдя из парилки, я наткнулся на краснолицего банщика, который молча вручил мне свежую одежду. Она представляла собой серые фланелевые штаны и такого же цвета рубашку с белым воротом. Сапоги мне оставили мои. Вычищенные, они стояли возле лавочки, где я раздевался. Ожидая товарищей, я решил заняться Мурчиком и Снурфом. Не могу сказать, что мыльная вода пришлась им по вкусу. Пока я натирал губкой мягкие лапы и твёрдый панцирь, меня дважды оцарапали. В конце я вылил по половине таза на кота и таракана. С визгом и шипом животные разбежались по углам. К такому повороту событий они готовы не были. Встревоженный жалобными воплями, показался голый Грешем. Разобравшись в чем дело, он рассмеялся. Банщик выдал ему такую же одежду, как и мне, и что главное, она подошла по размеру его весьма крупного тела. Через минут сорок из-за перегородки женской секции высунулась голова Эмилии.

— Ты что так долго? Я успел сто раз помыться уже! — спросил я, не сумев скрыть нетерпения в голосе.

— Я голову мыла. А это знаешь ли тебе не три минуты потерять вашу мужскую макушку, у меня посмотри, их вон сколько.

Чтобы я убедился, «вон их сколько», колдунья откинула мокрую прядь волос.

— Скажи спасибо, что их сушить тут нечем, иначе бы встретились к вечеру.

Заметив Эмилию, и без того красный банщик покраснел пуще прежнего. На вытянутой руке он подал колдунье её новое платье, в которое она сразу переделалась. Коричневое, оно прекрасно подходило к осиной талии и подчёркивало самые выгодные места. Грешем и банщик невольно засмотрелись.

Эмилия прикрыла отвисшую челюсть вампира.

— Если рот долго держать открытым, в него обязательно залетит муха, а ещё и кто похуже.

Освежившись, перекусив и переодевшись, я чувствовал себя практически таким, как раньше. Узнав у скучающего стражника, как добраться до спальни Вильгельма, мы двинулись по многочисленным переходам и лестницам. Попадавшиеся на пути обитатели замка не обращали на нас никакого внимания. Здесь привыкли к многочисленным гостям из других провинций. Проходя по овальному холлу, я заметил статую Нолда Тёмного, основателя Соединённого Королевства. Я остановился, чтобы лучше его разглядеть. Выполненный из куска цельного мрамора покровитель королей держал в руках зазубренный меч и щит. На голове у него покоилась репродукция Короны Света. Интересно, статую сделали при правлении Нолда Тёмного или уже после, чтобы увековечить его память?

— Я читала, что Нолд Тёмный пришёл в наш мир по зову самого Ураха, который и подарил ему Корону Света в качестве своего особого расположения, — проговорила Эмилия, задумчиво крутя влажный локон.

Я нагнулся к выцветшей табличке и стёр с неё пыль. Старыми иероглифами первых народов были выведены простые слова: «Нолд Тёмный, защитник и вечный правитель Соединённого Королевства».

— Неказисто, но со вкусом, — оценил Грешем, проводя пальцем по серой бахrome, покрывавшей мрамор. — Почему он такой пыльный? Неужели никто не удосужится хотя бы протереть мокрой тряпкой по статуе? Местная челядь, видать, совсем обленилась.

— В ком-то проснулась белоручка? — хмыкнул я. — Скучаешь, небось, по выглаженным воротничкам?

— Не без этого, — пожал плечами мой ученик. — Чистота и аккуратность — залог здоровья, это все знают.

— В кого ты только такой чистооплотный вампир?

— Вы говорите это так, как будто это плохо, — насупился Грешем.

— Нисколечко. Я просто подшучиваю, — улыбнулся я, отходя от монумента.

Оставив в покое Нолда Тёмного и поднявшись по нескольким винтовым лестницам, мы оказались перед толстыми золотыми дверями, похожими на те, что находились в Зале Совета. Два стражника сидели прямо на порожках возле них. Завидев нас, оба поднялись и настороженно выслушали цель нашего визита. Наконец один из них неохотно буркнул:

— Заходите.

Ключ повернулся в замочной скважине, и мы прошли в просторную комнату. На полу лежал замечательный узорчатый ковёр, а по стенам были развешаны шкуры диких животных, различные трофеи и картины. Парочка роскошных кожаных кресел раскинули деревянные подлокотники возле камина. Напротив них разместились массивный стол и книжные шкафы, забитые не только литературой, но и безделушками. В самом дальнем углу, за балдахинном, стояла кровать. Отодвинув перегородку, я увидел засохшее кровавое пятно, возле которого неровным кругом тянулись красные руны с вязью из закорючек и переплетения линий. Ингри Звёздный Плащ явно ошибся в своих суждениях, передо мной были самые настоящие знаки Хрипохора, и я немного понимал их смысл. Две палочки с зигзагами и шипами — этот символ гласит «Смерть», у ножки кровати три волны, прямая и шар — «Последний». Задумчиво рассматривая кривые щупальца, пересечённые лучом и кругом, я услышал за спиной голос Эмилии — «Врата».

Всего мы насчитали десять пентаграмм. Я перерисовывал их карандашом в малюсенький блокнотик, позаимствованный мною со стеллажа, а Грешем тем временем осматривал разбросанные вокруг фолианты. Он водил пухлыми пальцами по их обложкам и медленно читал названия. Подобрал с пола толстый том в синем кожаном переплёте, вампир протянул его мне:

— По виду он тут самый древний.

Я принял находку, и мои глаза заскользили по потрёпанным страницам. Фолиант повествовал о конце времён и смерти королей. У меня в руках оказалось некое предсказание, написанное тысячелетия назад. Сунув том подмышку, я пообещал себе ознакомиться с ним поближе.

В дверь тихонечко постучали. Настороженно переглянувшись с друзьями, я потянул ручку на себя. На пороге стояла женщина лет пятидесяти-пятидесяти трёх, в серебристом переливающимся платье. У неё были светлые волосы и немножко пухлые губы. Рядом с незнакомкой топтались два мальчика-пажа, державшие в руках наш скарб, оружие и посохи. Они тяжело дышали, но старались всем видом показать, что готовы тащить свою ношу хоть на край света.

Женщина тепло улыбнулась нам.

— Здравствуйте, мастер Калев, здравствуйте, Эмилия, здравствуйте Грешем. Я —

Констанция, супруга Вильгельма. Наверное, вы меня не помните, мастер Калев? Я из рода Демеев, мой отец лорд Говард Демей, был большим поклонником ваших головокружительных историй. Последний раз, когда вы навещали нас... на его похоронах... я была ещё совсем ребёнком. Я хорошо запомнила вас: с тех пор вы совсем не изменились.

Королева слегка обернулась.

— Я принесла вещи, которые у вас... нетактично позаимствовали.

Пажи, как по команде, шагнули вперёд и положили сумки у моих ног. Констанция при этом опустила глаза. Она дала понять, что ей неудобно за то, как круто с нами обошлись. Я и Грешем низко поклонились, Эмилия сделала реверанс — у неё получилось довольно изящно.

— Голубые глаза? Золотые локоны? Вы — та милая фея? Простите мне мою неблаговоспитанность. Для меня большая честь вновь познакомиться с Вами, Моя Королева. Ваш отец был замечательным человеком, и его утрата до сих пор берedit моё сердце.

— Да. Сначала — он, теперь муж и сын...

— Вы знаете, что я уже встречался с королевой Элизабет? Она всё мне рассказала. Мне искренне жаль, что судьба так распорядилась. Я скорблю по Вашей утрате и сделаю все, чтобы разыскать убийцу.

— Вильгельма не вернёшь. Разыщите Фабиана, он — вся моя жизнь, я не могу больше плакать и страдать, зная, что моё дитя сейчас неизвестно где, — отозвалась Констанция Демей, с усилием сдерживая слёзы.

— Обещаю, что приложу к этому все усилия. Прежде чем я приступлю к поискам, позволите ли Вы задать Вам несколько вопросов.

— Спрашивайте, мастер Калев, я расскажу вам всё, что знаю.

Я поклонился.

— В последнее время Вы не замечали за супругом что-нибудь странное в поведении? Может быть, было недомогание? Может, он что-то рассказывал вам или занимался чем-то, ему несвойственным?

— Я понимаю, о чём вы. За неделю или за две до своей смерти Вильгельм стал каким-то иным — задумчивым, раздражительным и скрытным. Его перестала заботить политика, он перекинул большую часть придворных забот на меня, а сам стал засиживаться допоздна в библиотеке. Ночью ему снились кошмары, и он нередко метался во сне. Как-то раз Вильгельм проснулся и принялся неистово молиться Урагу. Он был буквально одержим ужасом, он говорил, что мы обречены и надежды нет. Тогда я очень испугалась и не знала, что мне делать. К счастью, Вильгельм быстро успокоился и сказал, что он просто переутомился и волноваться не стоит. Я заварила ему облепиховый чай, и мы заснули, а спустя день его разум помутился. Вильгельму чудились демоны, и он то жутко хохотал, то плакал, а к следующему вечеру его не стало.

— Вы можете мне сказать, где находился принц, когда это произошло?

— Нет. Я видела его утром, за завтраком. Потом мне пришлось отправиться в суд для разбирательства постыдного дела одного влиятельного лорда, которое прервалось, только когда я получила страшное известие. Покинув распростёртого Вильгельма, я отправилась к Фабиану, но вместо него через открытые ставни окна по комнате гулял ветер. Стражник у двери клялся, что после обеда мой сын не покидал покоев.

— Где сейчас этот стражник? Я могу с ним побеседовать?

— Боюсь, что нет. Его и остальных подозреваемых забрали в Канцелярию Правосудия, где Канахес Илька... Всех потерял. Префект действовал не по уму. Мы с королевой очень

недовольны им. Однако мне, так же как и вам, ясно, что даже если совершившие злодеяние люди мертвы, верхушка заговорщиков цела и невредима.

Констанция сжала пальцами оборку платья:

— Впрочем люди ли виной всему этому? Мне почему-то кажется, что здесь замешено нечто иное, нечто большое и грязное. Такое чувство, что тучи собираются над королевством и скоро грянет гром.

— Его раскаты слышны уже очень хорошо, — пробормотал я себе под нос, а потом более громко спросил:

— Ваше Величество, не могли бы Вы проводить нас до библиотеки, в которой занимался Ваш покойный Супруг? Я хотел бы выяснить, что он читал, и что его так тревожило.

— Мне будет приятно исполнить вашу просьбу, мастер Калев, — просто ответила Констанция Демей, направляясь к выходу.

Я перекинул через плечо сумку и поднял Ночь Всех Усопших. Под прикосновениями моих пальцев красный камень на его навершии отозвался серией цветных миганий. Он увеличил мою концентрацию и успокоил разум. Вот, чего мне не хватало в этот день! Посох — вещь сугубо индивидуальная, человек делает его исключительно под себя. Для создания такого уникального предмета требуется не только талант и опыт ваяния, но и мастерство плетения энергетических струн, которые впоследствии образуют задуманные чары.

Основой для заготовки посоха чаще всего является кристалл. Каким он должен быть? Критериев как таковых нет, все упирается в предпочтения, которыми волшебник руководствуется при отборе своего камня. Цвет, форма, твёрдость, предрасположенность к воздействию волшебной силы, температура плавления и другие свойства минерала способствуют раскрепощению его дремлющего потенциала. Если по душе огонь — выбирай рубин, если вода, то бери аквамарин, ну а если твоя стихия — молния, то халцедон станет тебе верным другом.

Кристалл в кармане? Значит, пора переходить к не менее важной составляющей — к древку будущего посоха. Оно может быть выполнено: из дерева — отлично подойдут дуб, клён и ель, из металлов — ну, тут, что позволит кошелёк — золото, серебро, железо или медь; из кости животного — предпочтительно, чтобы это был олень, медведь или лось. Вот материал подобран. Допустим, это — осина. Теперь надо его подготовить — определить удобную длину, зачистить и выровнять бугорки, покрасить или покрыть лаком. Готово? Тогда настал час соединить магические атрибуты между собой. Это — самое сложное. Колдун, пользуясь волей и эфирными потоками, буквально сплавляет части в единое целое. Посторонняя мысль при концентрации может привести к непоправимым последствиям. В лучшем случае недоделанный посох просто взорвётся, в худшем — взорвётся маг.

Однажды в молодости я набрёл на залежи красного граната, и он сразу пленил меня. До того, как алмаз оказался в моей ладони, я изрядно потрудился, доставая его молотом из пустотелой руды. Соединив гранат с почерневшим дубом, я получил посох, которым пользуюсь до сих пор. Естественно я часто колдую и без его помощи. Через Ночь Всех Усопших я направляю лишь самые могучие заклинания. Надо отметить, что посохи могут принадлежать к определённой специализации, а не как мой — к «универсальному чародейству». Есть «защитные» посохи и посохи, «создающие иллюзии»; есть «накладывающие погодные чары» и наоборот, рассеивающие их; есть «испепеляющие всё кругом» и «восстанавливающие целостность» — как говорится, на любой вкус. Такие посохи

неимоверно сильны в чём-то конкретном и практически бесполезны в остальном волшебстве. В общем, они очень специфичны и индивидуальны.

Существует так же некая альтернатива посохам — магические жезлы. Они в два раза меньше по размеру своих собратьев и служат лишь для увеличения мощности и стабильности творимого заклинания. Обычно жезлами пользуются либо выдавшие виды мастистые чародеи, либо богатенькие новички, пытающиеся прыгнуть выше своей головы. Последним это на пользу не идёт, так как начинающий маг должен сам научиться, без какой-то поддержки, как правильно облекать мысли в спиритические действия.

Помимо посохов и жезлов имеются ещё и волшебные палочки. Чаще всего они выглядят как засохшие ветки или куски сплющенного стекла. Это редкие артефакты, наделённые энергией Вселенной, которая даёт возможность пользоваться ею даже людям, далёким от магии. Достаточно держать палочку на вытянутой руке и думать о надлежащем колдовстве. И — вуаля! Работает! Вода превращается в вино, а графит — в алмазы! Просто и легко, а главное без всяких усилий! Восхитительно? Ну, ещё бы! Жаль только, что палочки хранят ограниченный запас залпов, а также направлены исключительно на одно заклинание, на которое изначально были зачарованы. Мы не знаем, откуда волшебные палочки появились в Соединённом Королевстве. Споры о том, кто их изготовил, не утихают по сей день. Хмурый человек с копной седых волос скажет: их создали вымершие эльфы, а щеголеватый мужчина в остроконечном колпаке возразит — не эльфы, сударь, а безликие тени сотворили их из собственного субстрата пустоты. Оба приведут кучу доводов и неоспоримых фактов, но до истины так и не докопаются, подерутся и сядут играть в шахматы. Уже за партией, переставляя фигуры, они согласятся в одном — любой из них не пожалел бы целую тележку драгоценностей, чтобы иметь в своём арсенале «палочку огня», которая в сражении непременно спасёт вертлявую жизнь странствующего мага.

— Кaleb, что ты пялишься, как сова на солнечный день? Пошли уже!

Эмилия потащила меня следом за удаляющейся Констанцией Демей.

— Я что-то призадумался, — ответил я, поспешно подходя к двери.

Завидев королеву, сидевшие на ступеньках стражники мигом вскочили, а та ласково им кивнула. Мы прошли вдоль длинного коридора и спустились на два этажа вниз. Миновав картинную галерею, посвящённую творчеству минималистов, мы вышли к библиотеке. Там нас встретили ряды шкафов, доверху наполненных книгами. Они поднимались практически до самого потолка. Площадь, выделенная под библиотеку, удивила меня — с моего последнего визита сюда её явно расширили. Я успел насчитать двадцать восемь пролётов прежде, чем Констанция указала на один из книжных шкафов.

— Я несколько раз замечала, как Вильгельм рылся в нём. Обычно он набирал охапку манускриптов и садился за столик вон у того окна. Не знаю, поможет вам эта информация или нет, но я на всякий случай расскажу. Однажды я пришла сюда, чтобы посоветоваться с ним о торговых пошлинах Карака, но он только отмахнулся. Уходя, я заглянула ему через плечо и не смогла ничего понять, вместо слов всю страницу испещряли мелкие иероглифы. Мне кажется, они были сильно схожи с теми, которые остались после его смерти.

Я поклонился.

— Вы поступили правильно, сообщив об этом. Мы приступим к осмотру прямо сейчас. Если что-то будет стоить Вашего внимания, я сразу сообщу.

— Да благословит вас, Урах, мастер Кaleb. Я буду молиться о вашем успехе.

Королева покинула нас, тихо шурша подолом платья. Подойдя к массивному резному

шкафу, я потрогал его толстые полки — мощные, они могли выдержать большое количество литературы. Осмотрев стеллаж, я пришёл к выводу, что он содержит в себе книг двести, может триста. Забравшись при помощи передвижной лестницы наверх, я снял первые восемь томов и передал в протянутые руки Грешема, следующую охалку получила Эмилия. Пригибаясь под тяжестью книг, я осторожно спустился на пол.

— Сегодня нам несказанно повезло — мы выиграли бесплатный абонемент в королевский клуб любителей чтения! — сказал я, широко улыбнувшись друзьям.

Отнеся книги к столу, за которым занимался король, я вручил каждому по первому попавшемуся фолианту.

— Вильгельм точно что-то искал, и мы непременно должны найти это что-то. Думаю, можно начать с расшифровки рун живорезов, которые мы видели на полу в его комнате. Я перерисовал их в блокнотик, вот, посмотрите.

Выложив зарисовку посередине стола, я подпёр подбородок кулаком и постарался вспомнить, имеются ли на бумаге, кроме трёх опознанных символов, другие, известные мне. Здесь точка, здесь кривая, две точки плюс зигзаг и шар? Кажется знакомым, но — нет, не припоминается. Эмилия покачала головой в разные стороны. Видимо колдунья думала о том же самом, что и я.

— Тоже ничего не идёт на ум?

Моя подруга зевнула.

— Пока нет. Мне всегда было тяжело воспринимать исковерканную символику Хрипохора. У шаманов ядовитогубых причмокивателей это перекрестие может обозначать дорогу, но если текст составлял гоблин, то эта линия сверху и волна совершенно переиначивает смысл, который я могу перевести как — «сахарный прыщ». Думаю, что мой перевод неверен и надо обратить свой взор внутрь этих наверняка скучных талмудов.

— Зароемся в них по самую макушку, — поддакнул Грешем, как бы невзначай пододвигаясь к Эмилии. Я бросил на него суровый взгляд и назидательно проговорил:

— Руны могут попасться в описаниях обрядов, хроник, легенд и всяческий старинных небылиц, будьте внимательны, господа и дамы!

Я откинулся на спинку мягкого кресла и, перекинув ногу за ногу, приготовился к приятному времяпрепровождению. Я не читал книг с того самого момента, как зомби доложил о прибытии королевского гонца. Моя библиотека не идёт ни в какое сравнение с той, где я сейчас находился. Может всей жизни не хватить, чтобы изучить все знания, накопленные здесь. Чтение — это целый ритуал, к которому нельзя подойти так, как свинопас подходит к норовистому хряку, хватая его за короткий хвостик. Книга — это мир, где каждая страничка — труд многих часов, дней, а то и месяцев или даже лет. Научные изыскания, записанные для будущих поколений, впрочем, как и фольклор, основанный на реальных событиях, всегда казались мне бесценным багажом, который я жаждал заполучить в свои сети. Особенно меня интересовали теории, относящиеся к строению Вселенной и структуре заклинаний, а также теории о природе их возникновения и трактаты о метафизическом единстве энергетических потоков, из которых мы черпаем силу для порождения магии. Но разве я один такой любопытный? Вовсе нет! Кто из волшебников откажется узнать, как совместить жар огня и холод мороза, так, чтобы их негативные начала не боролись, а дополняли друг друга? Вот именно, что никто! И никто бы не рассказал товарищу о своём открытии! Не скрою, я хотел бы быть единственным обладателем данной информации. Как говорит Эмилия, «секретик только тогда хорош, когда ты приберегаешь»

его для себя». Сейчас мне выдался шанс покопаться в королевской библиотеке, и я не собирался его упускать. Жаль только, что очень мало времени я могу уделить на свои собственные аппетиты. Однако я не расстроен: пентаграммы Хрипехора, коими мне предстоит заняться первоначально, тоже увлекательная вещь, умение разбираться в оккультных знаках ещё никому не стало лишним.

На моих коленях лежал древний фолиант, поднятый Грешемом. Название разобрать было невозможно — обложка истёрлась, и на ней остались лишь едва различимые очертания букв. С трудом разбирая язык прошлых тысячелетий, я принялся читать эпическую сагу, повествующую о возникновении Бытия и его конце, после которого на земле не останется ничего, кроме пепла. Листая страницу за страницей, я все глубже проникал в смысл написанного.

Помимо бесконечного восхваления подвигов Ураха, который представлен как элементаль чистейшей энергии, не имеющий определённой формы, я обнаружил в книге коротенький список его самых преданных последователей. Стоит отметить тех, кому Бог Света благоволил особенно: Нолд Тёмный — будущий основатель Соединённого Королевства, Эмириус Клайн — первый из рода вампиров, Цхева — Владычица Вод, и вот ещё интересно — Джед Хартблад — маг и кудесник. Интересно, потому что про последнего я никогда и ничего не слышал. Между тем, на вылинявших строчках безымянный автор предполагал, что для этой четвёрки наш мир стал своеобразным подарком, который Урах преподнёс им за прошлые заслуги.

Дальше в тексте шло по маленькому фрагменту о каждом из них. После долгих скитаний вампир поселился в заоблачной горной выси, предпочтя бесконечный сон ночи яркому дню утра. Цхева окунулась в океаны и больше никогда не выходила на сушу. Нолд Тёмный отправился странствовать, и именно для него Урах спустя годы привёл первых гномов, среди которых тот жил долгое время, обучая их кузнечному делу. Значит, если верить этой летописи, низкорослый народец появился до людей и даже раньше эльфов? Занимательно! Что же Джед Хартблад? А он углубился в бескрайний лес, где построил для себя величественный замок. Сидя на его порожках, Джед Хартблад творил первозданную магию и показывал бродившим в округе существам, как пользоваться ею. Под его руководством существа переняли человеческую речь и стали служить ему. Вот это да! А не он ли приходится отцом всех живорезов, населяющих в данный момент Великий Лес? Вполне вероятно, что в пантеоне кривобоких идолов Хрипехора есть искажённое олицетворение или прообраз загадочного кудесника. Я сделал пометку на полях книги, чтобы не забыть возвратиться к этой мысли.

Пропустив три главы, отведённые под незначительные происшествия, я добрался до картинок с эльфами. На зарисовках утончённые создания гордо выходили из порталов и встречались с почтительно стоящими гномами. Вязь из слов под иллюстрациями сообщала о том что «альвы», как они сами себя называли, избрали своим домом ствол гигантского дерева, Тумиль'Инламэ, который вскоре, по неведомым причинам, покинули, а после вообще исчезли из нашего мира. Непонятно, куда они делись, или что их уничтожило. При всём при том автор перестаёт упоминать о них практически сразу после череды крупных катаклизмов, поэтому позволительно допустить, что пожар, землетрясение, извержение вулкана или что-то иное в равной доле могло поставить крест на удивительной расе.

Как бы там ни было, эльфы прожили достаточно долго для того, чтобы увидеть, как поднимаются первые города и вспыхивают первые людские войны. Нолд Тёмный к той поре

уже оставил гномов и всюду участвовал в эпицентре племенных конфликтов. Спустя поколение настал долгожданный день всеобщего благоденствия. За прекращение междоусобицы и за образование Соединённого Королевства Бог Света наградил Нолда Тёмного символом своего вечного расположения — Коронай Света. Урах сделал это в присутствии многочисленной толпы. Ради такого судьбоносного события он принял человеческий облик, в котором его и сейчас изображают в храмах Света. Коронованный на престол Нолд Тёмный получил длинное наставление от Всеотца. Один отрывок из речи Бога Света, озаглавленный «Пророчество Полного Круга», был недавно обведён красными чернилами.

Я тихо пробормотал его себе под нос:

«Сие услышь Моё провиденье, связующее тебя и твоих избранников со Мной и тремя верными Мне. Когда последний король умрёт, когда брат пойдёт на брата, когда земля задрожит под ногами тварей, знай, конец близок. Четверо, соединишь воедино, дабы призвать Меня. И глас отмеченных Мною смертных должен вторить вам. Тогда появлюсь Я в мощи Своей. Мой Дух остановит бесчинство, успокоит и низвергнет Тьму, восстановит справедливость и законную власть. Так должно, и так тому быть».

Прежде чем дочитать книгу до конца я наткнулся ещё на дюжину упоминаний о небесных карах и изменениях, грозивших разрушить всё и вся в пух и прах. Закрыв фолиант, я надолго задумался о предсказании Ураха. Несомненно, что его выделил Вильгельм, но зачем? Что он в нём разглядел такого особенного? Имеет ли эта легенда отношение к его убийству? Неужели король как-то догадался о том, что его ожидает? В моей памяти всплыла парочка примеров, как подобные манускрипты являлись пророческими. Где-то внутри меня стало зарождаться подозрение о том, что ниточка, ведущая к клубку, про которую говорила Элизабет Тёмная, находится у меня под носом. Я положил трухлявую книгу себе в сумку и пообещал вернуться к ней, как только все ещё раз хорошенько обдумаю.

Затянув узелок, я посмотрел на Эмилию. Сосредоточенно водя глазами по строчкам огромного фиолетового альманаха, она очень мило прикусила губу. Перед ней лежал листочек с перечерченными знакам Хрипехора. С головой погрузившись в свои мысли, я не заметил, как колдунья дополнила его перевод словами «Начало» и «Да».

— Ого! Молодчина! — похвалил я подругу. — Пять из десяти! Такими темпами у нас скоро будет целое предложение! Где, кстати, ты раскопала их транскрипцию?

Не отвлекаясь от своего занятия, колдунья приподняла том, над которым корпела, и я вслух прочитал его название:

— Редкие руны и их назначение. Бадон Ги.

Эмилия подмигнула мне и снова взялась за чтение. Я пощупал за лапку дремлющего под моим стулом Снурфа, а затем перевёл взгляд на Грешема. Переплетя замочком пухлые пальцы, вампир изучал что-то про целебных пиявок провинции Вельдз. Иногда его одутловатое лицо перекашивалось в правую сторону, усы дёргались, а брови сдвигались. Мой ученик не мог спокойно находиться рядом с Эмилией и поэтому украдкой наблюдал за ней. Вот совсем не тем ты сейчас занят, дружок! Я же вижу тебя насквозь! Зря ты так штурмуешь алхимические сборники, ведь щегольнуть новыми сведениями перед колдуньей практически нереально, все, что касается зельеварения, она знает лучше меня и уж подавно лучше тебя как минимум в тысячу раз! Недовольно поёрзав карандашом по столешнице, я вновь обратился к штудированию рукописей, книг и свитков, которые горой громоздились подле меня. Не знаю, сколько часов я провёл среди всевозможных текстов, охотясь за символами

из блокнота, но, когда до моего плеча робко коснулась чья-то рука, я понял, что на сегодня с меня хватит. Передо мной стоял один из тех мальчиков, которые недавно, по поручению Констанции, притащили наши пожитки. Как он так бесшумно подкрался? Вот это я зачитался!

От силы пажу было лет девять. Нервно раскачивался на носочках, он обтирал потные ладони о бежевые штаны, на которых от этого оставались едва заметные мокрые полосочки. Я подумал, что мальчишка мог уже давно ждать, когда кто-то из нас обратит на него внимание. По-видимому, изначально он стоял намного дальше и не решался подойти ближе, опасаясь кота или таракана. По сжатым от волнения кулакам, я понял, что паренёк сильно жалеет о своей храбрости, так как Мурчик принялся обнюхивать его маленькие ботиночки.

— Не бойся его, малыш, он не кусается, — мягко проговорила Эмилия. — Расскажи, что привело тебя сюда?

Юный паж низко поклонился, а затем выпалил скороговоркой:

— Лорды и леди, королева Констанция Демей просит вас разделить с ней ужин, если только вы не имеете более важных дел.

— Мы с удовольствием составим компанию Её Величеству, — отозвался я. — Проведёшь нас, куда полагается?

— Конечно, милорд.

Мальчик развернулся и, довольный тем, что его никто не укусил, вприпрыжку помчался по мраморным плитам. Время за литературой летит быстро, вроде только пообедали, а уже ужинать зовут. Широко ставя шаг, мы последовали за притким мальчишкой. Покидая библиотеку, я прощался с ней как с возлюбленной, обещая вернуться, так скоро, как только смогу. Спустившись по лестнице, мы пошли вдоль коридора, облагороженного серыми и жёлтыми гобеленами. Стражники подняли алебарды, открывая путь к овальному залу с фонтаном, в котором апатично плавали толстенькие золотые рыбки. Они лениво перебирали плавниками, не подозревая о нависшей над ними опасности. Снурф остановился возле каменной розы, выплёскивающей воду, и нетерпеливо посмотрел на меня.

— Мофно скуфать?

Мурчик выразил полное согласие с вопросом таракана. Его мягкая лапка коснулась пузырящейся глади.

— То не про твои когти, кто там живёт, мистер полосатые брючки, — воскликнула Эмилия, хватая кота за шкуру и оттаскивая от ничего не подозревавших рыбок.

— Мнеф мофно однуф? Яф голофен!

— Нет, Снурфи, и тебе нельзя, и мне нельзя и даже Грешему нельзя! погоди немножко, я обязательно найду тебе что-нибудь пожевать.

— Тофко побыфстрее! Яф голофен!

— Хорошо-хорошо, я постараюсь набить твоё ненасытное брюшко в кратчайшие сроки!

Если замороченные придворные, снующие туда-сюда, не обратили внимание на эту сценку, то мальчик, провожающий нас, испуганно ждал, как будут развиваться события дальше. Возможно, он даже успел представить, как одна из рыбок оказывается в лапах злобного кота или страшного таракана. Когда опасность для рыб, по его мнению, миновала, паж облегчённо вздохнул и потопал вперёд. Преодолев с десятков переходов и постов охраны, мы оказались в небольшой, но уютной комнате. Нарядные обои с изумрудными лягушками и золотистыми стрекозами прекрасно сочетались с низким восьмиугольным столом, расположенным так, чтобы сидящие за ним люди могли любоваться великолепным видом на

лучшую часть города. Констанция Демей, облачённая в новое белое с бирюзой платье, приветствовала нас тёплой улыбкой. Жестом она пригласила нашу компанию разделить с ней трапезу. Я и Эмилия решили занять места по бокам от королевы. О, позор! Грешем кинулся к моей подруге, чтобы отодвинуть для неё стул! Словив весёлый взгляд королевы Констанции, он отчаянно покраснел, потому что догадался, какую ошибку допустил: в первую очередь нужно обслужить августейших особ, а потом уже всех остальных дам. Пробормотав извинения, вампир отпустил спинку стула колдуньи и попытался помочь сестре королеве, но та легонько отстранила его, сказав, что мы не на приёме и можно вначале поухаживать за дамой сердца. Тут уже настала очередь Эмилии нещадно краснеть и заверять, что они с Грешем просто друзья. Наконец мы все расселись, но нож и вилку никто из нас взять не успел. В дверях показалась Серэнити. Источая нежный цветочно-шоколадный аромат, она проследовала к столу. Великий инквизитор сдержанно извинилась перед Констанцией Демей за опоздание и с превеликой брезгливостью села по правую руку от меня. В стальных глазах Серэнити плескался огонь отвращения. Она, хоть и старалась, однако не смогла скрыть испорченного настроения, несомненно, вызванного моим присутствием. Усмехнувшись, я, как ни в чём не бывало, приготовил свои столовые приборы к действию.

Теперь о том, что мы ели на королевском ужине у Констанции Демей. Яства имелись различные, прямо скажем, на любой, даже сильно избалованный вкус. Перечислю те, что стояли ближе всего ко мне: на длинном синем блюде возлежала стерлядь, запечённая в сметане, поданная с листьями салата, помидорами, лимоном и зеленью; по соседству дымилась отбивные из нежного барашка с хрустящими овощами; левее уместилось большое блюдо печёного картофеля, фаршированного трюфелями, почти прозрачной Каракской ветчиной и Керанским сыром. Обжаренные во фритюре целыми, белые грибы были окружены маленькими жареными лисичками и выложены на пахучую, как бы лесную, зелень. Грибное блюдо занимало достойное место рядом с парфе из телячьей печени с тимьяном и апельсином. В тонком фарфоровом салатнике напротив расположился салат из морепродуктов. Устрицы и крохотные креветки перемежались в нем со слоями икры, крабового мяса и кальмаровой стружкой. Салат был обильно заправлен густым нежным соусом, самую чуточку отдававшим водорослями, что добавляло ему пикантности. Верх салата с белой рыбой, авокадо, артишоками и шпинатом представлял собой цветущие ветви, выполненные из спаржи, полные маленьких розочек, свёрнутых из малосольной форели. Чудный галантин из утки был украшением стола.

На десерт нас ждали фруктовый торт, вишнёвое желе с застывшими в нем абрикосами, ещё одно желе, наполненное небольшими дыньки, на дне которых виднелись земляника и половинки персиков, корзиночки с кремом и фруктами, и меренги. Виноград, персики, абрикосы и крупный инжир наполняли бледные вазы, стекло которых отсвечивало тусклым, лунным светом.

На подносе с кривыми ножками уместились малюсенькие бутербродики из хрустящих булочек, поверх которых на масле умещались тонкие рыбки, дольки лимона и петрушка — этими очень-преочень вкусными малютками, как и трубочками с черной икрой, отлично закусывались крепкие напитки.

Кстати, о них: вино, которым угощала нас королева Констанция, я оценил самым высоким баллом. Надо отметить, что Серэнити вообще не притронулась к нему и пила холодный гранатовый сок. Да и самой королеве слуги в основном наливали то

малиново-мятный напиток, то черешневый сок. Отпивая из бокала, я обратил внимание на Грешема, который единственный за столом испытывал явное неудобство. Вампиры могут есть человеческую пищу. Тем не менее, она не только не насыщает их, но и вызывает длительное несварение желудка. Порой эта хворь способна вывести из строя даже самого стойкого кровопивца. Мой ученик отщипывал крошечные кусочки от единственной лежащей перед ним варёной морковки и изредка запивал их глоточком вина. Констанция Демей заметила это, но промолчала, её несколько смутило то, что Грешем ест без аппетита. Ситуацию прояснила Серэнити, бесцеремонно посмотрев в начале на вампира, а потом на королеву, она спросила:

— Ваше Величество знает, почему блюда, которые приготовил лучший повар Шальха, пришлись не по вкусу этому... м-м-м, с позволения сказать, существу?

Серэнити перегнулась через край, чтобы лучше видеть того, о ком говорит. Её тонкие пальцы, с бесподобным синим лаком, сжали белоснежную скатерть. Интересно — под светлыми сапогами ногти у Серэнити тоже синие или какие-нибудь другие? Из раздумий меня вырвал всё тот же голос полный злобы.

— Я говорила королеве Элизабет, а теперь скажу Вам — я — великий инквизитор и меня не провести жалкой магией! Он не тот, за кого себя выдаёт! Перед Вами самый настоящий вампир, облачённый в фальшивую личину, и это не шутка. Его клыки опасны, а голод неукротим. Представляете, каких бед это может нам стоить? Сколько людей он способен в одночасье обратить во тьму? А кто его привёл к нам под крышу? Некромант! Осквернитель! Еретик, бессовестно попирающий ногами блаженный лик Всеотца! Ради Ураха, прошу Вас, пока не случилось непоправимого, снимите королевский запрет и вверьте этих тварей моим заботам!

В воздухе повисла тишина, Грешем сжался, как ребёнок, над которым навис подросток вдвое старше него. Эмилия подалась немного вперёд, отгораживая моего ученика от сверлящего взгляда Серэнити. Я заметил, как колдунья готовится создать заклинание. О, да! Она — лиса с острыми зубками! Мне показалось, что обстановка накалилась и столкновение неизбежно, однако невозмутимое лицо королевы развеяло мои страхи.

— Серэнити, Вы, верно забываете, как должно вести себя с гостями, особенно с теми гостями, которых пригласила корона. Шальх всегда славился своим радушием, поэтому давайте не будем сейчас нарушать добрых традиций. Эти люди оказались здесь сегодня небеспричинно. Я уважаю Братство Света, а особенно Вас, но за моим столом собираются только друзья; оставьте свои подозрения. Кaleb, Эмилия и Грешем хотят помочь нам, и мы должны сдерживать негативные эмоции, если таковые у кого-то из нас имеются.

Констанция Демей нахмурилась, но её тон остался приветливым.

— И вот что. Если после этой или любой другой ночи мне принесут известия о несчастном случае, произошедшем со спящим худым человеком, с прекрасной девушкой или с огненно-рыжим мужчиной, то я незамедлительно приму меры. От меня к верховному понтифику Братства Света в Ильварет отправится птица с призывом немедленно вернуться в столицу для того, чтобы проинспектировать Орден Инквизиции, а в особенности — Великого инквизитора, дабы вынести вердикт о её компетенции к занимаемой должности. Надеюсь, я доходчиво выразила свою мысль?

Серэнити, бесстрастно слушавшая королеву, чуть заметно дёрнула углом рта. Я мило улыбнулся ей и предложил выпить вина, но Великий инквизитор сделала вид, что не услышала. Она самостоятельно наполнила бокал соком и демонстративно отвернулась.

— В моем доме никто не должен чувствовать себя ущемлённым и тем более голодать. Я не знала, что вы — вампир. Иначе бы уже давно отдала кухне соответствующие указания. Кровь какого животного вы предпочитаете? — вежливо обратилась Констанция Демей к крайне смущённому Грешему.

— Мне подойдёт любая, — запинаясь, пробормотал мой ученик. — Можно свиную или телячью, да какая найдётся — мне все равно. Только, Ваше Величество, когда будете делать распоряжение, уточните, что это — для человека с язвой, повар поймёт.

Констанция Демей печально вздохнула.

— В самом деле? Вы страдаете этим недугом?

— Моя королева, Грешем только хочет сказать, что его вымышленная желудочная болезнь послужит ему щитом от ненужных пересудов и толков. Так всем будет спокойнее, — внёс ясность я. — Да и Вам слухи о связях с вампирами совсем ни к чему. Нам лучше не привлекать излишнее внимание. Что же касается «обращения людей во тьму», как сказала Серэнити, то могу клятвенно заверить Вас, что ничего такого не произойдёт. На язык Грешема не упадёт ни одной капли человеческой крови. Он — мой ученик, и я ручаюсь за него своей честью и своей жизнью.

— Я прослежу, чтобы твоя клятва непременно сдержалась, некромант, — сквозь плотно сжатые зубы прошипела Великий инквизитор.

Я покосился на неё, и вдруг мне стало ясно как день, что при малейшем поводе она незамедлительно исполнит свою угрозу и вырвет мой грешный язык прямо с корнем. Остаётся лишь надеяться, что судьба такой оказии ей никогда не предоставит.

— Ваши доводы и предосторожности, мастер Калерб, так же как и Ваши благочестивые порывы, Серэнити, достойны похвалы. Пусть будет так, как ныне обговорено.

Королева Констанция встряхнула бронзовый колокольчик, и через секунду возле неё оказался мальчик-паж. Выслушав приказ королевы принести самой лучшей крови, которая сыщется в столовых закромах, он обескуражено поклонился, а затем вышел выполнять поручение.

— Вам удалось понять, что Вильгельм искал в библиотеке? — спросила королева.

— Пока в точности сказать нельзя, но книги, которые он изучал, повествуют о событиях прошлого и возможном развитии туманного будущего. Предсказания, теории о мироздании, сочинения безумцев и прочее — всё в том же духе. У меня есть догадка, что Вильгельм видел некие предзнаменования, предвещающие наступление Апокалипсиса. Нам удалось перевести пять символов, начертанных возле его кровати. Другую половину ещё только предстоит расшифровать. Вероятно, узнав их все, мы составим подобие предложения, от которого будем дальше отталкиваться и строить гипотезы.

— Зачем кому-то оставлять знаки, которые можно прочесть? Ингри Звёздный Плащ не перестаёт уверять королеву Элизабет, что они лишены смысла, и в них нет магической составляющей, присущей пентаграммам Хрипохора, что встречаются в Великом Лесу и в Лесу Скорби. Вы считаете, что они не поддельные? Их оставили живорезы?

— Да, они настоящие, и, наверное, являются частью ритуального убийства. Я пока не могу доказать, что руны изобразили именно живорезы, но отрицать это тоже глупо. Мне нужно время, чтобы ответить Вам более подробно.

— Продолжайте свои поиски, мастер Калерб. Восставшие провинции, смерть мужа, порталы, как много свалилось на меня...

Констанция Демей горестно всхлипнула.

— Но это всё второстепенно! Мне нужно знать, где мой сын! Найдите его живым или мёртвым! Я не могу думать ни о чем другом, кроме моего любимого мальчика! О, Фабиан, дай мне знать, что с тобой все хорошо... Оказывается, змее так легко попасть в замок и ужалить в самое сердце.

Королева осеклась и поднесла салфеточку к краешку глаза.

— Она проползла под самым носом у охраны и братьев Света, Ваше Величество, и если мне удастся выяснить, что за лиходейством стояли именно фанатики Хрипехора, то назреет законный вопрос — почему Великий инквизитор допустила проникновение живорезов в самое святое место Соединённого Королевства?

Я сказал так специально, намереваясь задеть Серэнити в отместку за её неоправданную ненависть к нашей компании. К моей досаде Великий инквизитор не выглядела уязвлённой, напротив; после моих слов она, встав со стула в глубокой задумчивости, подошла к окну.

— Как такое возможно? И возможно ли? Урах благословил меня прозреть Тьму, когда она рядом. В тот день я не видела её. Именно поэтому я уверена, что убийца или убийцы не были приспешниками потустороннего зла, людского — да, но не потустороннего. Если живорезы появятся в Шальхе, я узнаю об этом первой.

В дверь тихонечко постучали, и на пороге показался паж, держащий в руках прозрачный кувшин, наполненный на две трети густой алой жидкостью. Поставив его возле Грешема, он ловко подхватил кубок и налил вампиру долгожданный ужин. Серэнити передёрнулась от омерзения и отвернулась, чтобы не видеть, как Грешем с удовольствием пьёт кровь. Королева Констанция тоже предпочла не смотреть на это. Сделав вид, что занята салатом в своей тарелке, она ела его мелкими аккуратными кусочками. Чтобы отвлечь собравшихся от неловкого момента, я задал новый вопрос:

— Давайте порассуждаем и предположим, что Великий инквизитор права и Вильгельма убили не живорезы, а обычные люди, которые помимо этого похитили Корону Света и наследного принца. Через замок каждый день проходят сотни вельмож, послов и аристократов, и это я не говорю о муравейнике из слуг и солдат. Неужели никто из них не заметил хотя бы что-то подозрительное? Нет, так не бывает. Здесь замешана серьёзная магия. Возможно «Массовый гипноз» или чары «Помутнения рассудка». Подобное колдовство ещё какое-то время оставляет после себя обрывки спиритических связей, которые, если провести соответствующий обряд, обнаружат свои следы и выведут к создавшему их колдуну. Меня вот что удивляет, почему Ингри не прощупал мистерию энергетических струн? Почему из-за него мы топчемся в кругу сомнений?

Прежде чем ответить, Констанция Демей ненадолго задумалась.

— Ингри Звёздного Плаща уважает Элизабет, и, смею полагать, что не так давно он действительно был стоящим кудесником, однако пару месяцев назад придворный маг, после возвращения из длительного путешествия, переболел какой-то странной болезнью и теперь... Как бы грубо это ни звучало, но он стал практически бесполезен в хитросплетениях волшебства. Нам нельзя следовать по пути ложных выводов, поэтому я до вашего появления, обойдя наставления свекрови, доверила Серэнити заниматься делами, которые, так или иначе, касаются сверхъестественных сил.

Меня поразило то, что королева решила открыто поделиться с присутствующими своими домыслами и решениями. Казалось, королева Констанция прочла мои мысли.

— Я хочу спасти свою страну и сына, и у меня сейчас нет причин притворяться, что Ингри Звёздный Плащ может как-то помочь мне в этом... Мастер Калев, вы один из

немногих людей, способных понять, насколько близко мы стоим к краю пропасти. Мне нужны действия. Именно поэтому Элизабет, по моей просьбе, послала за вами. Мы нуждаемся в ответах не меньше, чем в урегулировании сложившегося положения.

Констанция Демей встала с высокого кресла и встряхнула колокольчик. Из-за двери тотчас же появился знакомый мальчуган.

— Сегодня нам всем пора спать, чтобы завтра начать новый день. Если вам что-нибудь понадобится, просто скажите дворецкому, и вы это получите. Рики проводит вас в отведённые опочивальни. Доброй ночи.

Дождавшись, покуда каждый из нас поклонится, королева направилась к выходу из зала. Рики мышкой прошмыгнул мимо её великолепного платья и встал позади Грешема.

— Серэнити, — обратился я к главе Ордена Инквизиции, — скажи, ты знаешь, отчего королева Элизабет так ценит Ингри? Разве она не видит в нём удручающих перемен? Почему его не заменят на более... э-э-э... достойного чародея? Я ни за что не поверю, что в Магика Элептерум перевелись опытные, наделённые знаниями волшебники. Взять хоть того же Бертрана Валуа...

Великий инквизитор расправила изящные плечи и в упор посмотрела на меня.

— Считай, что на его место пригласили тебя, но, честно сказать, — я сомневаюсь, что твоё появление приведёт к чему-то хорошему. Позвать в Шальх некроманта — это точно не та идея, которую я могу одобрить. Запомни, если я почувствую, как Тьма распространяет своё влияние, то я знаю, кого первого допросят с пристрастием.

— Волков бояться — в лес не ходить, — ответила вместо меня Эмилия. — Мы уже порядком устали от твоих угроз. Когда ты, наконец, успокоишься? Пойми, Калерб не собирается поднимать скелеты на кладбищах, а Грешем не имеет намерений плодить вампиров. Ради Вселенной, умерь свою кровожадную фанатичность, перестань нам надоедать и займись чем-нибудь полезным.

— Что за птенчик это только что пропел? — хмыкнула Серэнити, надевая стальные перчатки. — Дай мне повод и твои яркие губки больше никогда не смогут прикрывать зубы.

С этими словами великий инквизитор отошла от окна и, пренебрежительно глядя в нашу сторону, покинула апартаменты. Я подцепил вилкой персик, плававший в густом сиропе, и откусил от его бочка. Восхитительно! Обожаю персики!

— Снурфи, Снурфи, Снурфи, беги ко мне маленький проказник, плохая тётя ушла! Папочка тебе кое-что вкусненькое приготовил!

Мой зов, конечно, был услышан. Из-под вазы с шипением вылетел таракан, а следом за ним и полосатый разбойник Эмилии. Я протянул любимцам оставшиеся на столе отбивные; котика ещё угостили куском стерляди. Когда фамильяры откушали, мы попросили Рики отвести нас на ночлег. С моего позволения мальчишка прихватил со стола «корзиночку» с кремом и, откусывая её на ходу, повёл нас за собой. В этот раз петлять по переходам особо долго не пришлось. Поднявшись на три этажа и, оставив позади длинный коридор, мы остановились возле трёх незапертых дверей. Толкнув каждую по очереди, Рики оповестил, кому какая комната принадлежит. Пожелав нам сладких снов, он вприпрыжку отправился по коридору заниматься дальше своими детскими обязанностями. Эмилия подхватила Мурчика под задние лапы и, послав нам с Грешемом по воздушному поцелую, удалилась к себе. Вампир очарованно приложил пухлую ладонь к щеке и коротко вздохнул. Я похлопал его по плечу и, подозревая Снурфа, зашёл в спальню. Она имела всего одно окно, выходящее на презентабельный район Шальха. Заснеженная улица тихо перешёптывалась стуком копыт.

Я сонно потянулся и принялся раздеваться. Освободившись от брюк и рубашки, я повесил их в шкаф. Для меня стало приятным сюрпризом обнаружить в нём чудесную мантию и комплект зимней одежды моего размера. Выдвигая маленькие ящички, я, помимо множества вещей подходящих больше лорду, нежели магу, наткнулся на пухлый мешочек перевязанный красным шнурком. Развязав узелок, я улыбнулся: здравствуй, бранный металл, здравствуй, золото. Я поднял мешочек на вытянутой руке и убедился в его несомненной тяжести. За тебя можно купить добротный дом с парочкой поросят и ещё с лихвой оставить кое-что на безбедную старость. Я равнодушен к деньгам, но в городе без них никуда, так что подобный презент очень кстати. Я поворошил монеты пальцами, на их гравировке мне хмурил брови все тот же Манфред Второй. Эх, старина! Ты и представить себе не можешь, что стало со страной после твоей смерти. Отодвинув баснословное богатство в сторону, я поднёс к носу флакон парфюма. В композиции скомпоновались нотки мускусной амбры, ладана и горного кедра. Откуда привезли эти духи? Из Плавеня? Они божественны! Вот, что значит — жить в королевском дворце! Завтра непременно побрызгаюсь, да так, чтобы от меня шёл такой же шлейф как от Серэнити, когда она проходит мимо. Снурф тоже интересовался флакончиком. Сунув к усам бутылочку, я терпеливо ждал, пока таракан удовлетворит своё любопытство. Наконец чихнув, он заполз под полог кровати. Хорошая идея, дружище! Я лёг на упругий матрас и укрылся красным шерстяным одеялом. О, Вселенная, как же я устал! День, начавшийся в темнице, заканчивался на уютной постели. Я называю такие перемены положительной динамикой. Никаких тебе сражений, ни капризов природы, ни холодной пищи. Можно прийти в себя и малость отдохнуть от безумного путешествия. Я вытянул ноги, и где-то глубоко внутри меня заскрёбся червячок сомнения. Почему-то я знал, что очень скоро мне придётся покинуть Шальх и отправится в земли, полные враждебности. Подтолкнув одеяло по бочкам, я провалился в сон.

События прошедшей недели ярко отозвались в моих грёзах, которые сильно походили на осознанное сновидение. Постоянный стресс, нервное и физическое напряжение погрузили меня в состояния пограничного бодрствования. Я спал и понимал, что сплю. При этом я мог управлять своими действиями. Сейчас я находился на перепутье дорог, ведущих в неизвестные дали. Одна, петляя, уходила к морю, другая — в сумрачный лес, третья — в заоблачные выси. Рядом со мной стоял высокий, мускулистый человек. Его искажённые очертания периодически то сходились в фигуру, то распадались на рябые волны. Нолд Тёмный держал в руках горящий меч и молча взирал на горы. Немногим погодя, он поднял клинок и, так же не произнеся ни слова, указал им направление к их вершинам. На небе тысячами огней вырисовывались символы Хрипохора. Один за другим, они проступали пульсирующими опухольями, сводя меня с ума. Я повалился на колени и истошно закричал. Меня поглощало безумие и его щупальца терзали мой разум иглами нестерпимой боли. Казалось, что Нолд Тёмный не замечает моих страданий. Безразлично посмотрев на меня, он мигнул вспышкой света и растворился в воздухе. Страшная мигрень тут же отступила. Вокруг меня мерцали колдовские знаки живорезов. Совершенно отчётливо я понял, что могу их прочитать. В начале структура из чёрточек и кривых не имела никакого смысла, но чем пристальнее я всматривался, тем больше осознавал написанное. Наконец, как громом поражённый, я перевёл все слова и поставил их в правильном положении. «Сему есть начало, смерть последнего короля да отверзнет Врата Бездны».

Меня закрутило как юлу и кинуло в ночные небеса. Ускоряясь до невероятных скоростей, я понёсся к ослепительным звёздам. Вывернутый наизнанку и в горячем поту,

я проснулся от настойчивого стука в дверь. В голове звенел обретённый смысл тошнотворных рун. Я кубарем скатился с кровати и схватил блокнотик. Быстро работая карандашом, я перерисовал их на свободный лист. Не может быть! Они точь-в-точь сходятся с теми, что мы нашли у тела Вильгельма! Стук повторился с удвоенной силой, и я поспешил открыть замок. На пороге стояла Эмилия. Увидев меня не одетым, она бесстыдно ухмыльнулась.

— Вставай, давай, старый гриб! Рики ждёт уже больше часа, когда твоё высочество соблаговолит отпереться. Время завтракать: так-то!

За спиной колдуньи нетерпеливо топтался мальчуган. Вероятно, забота о нашем перемещении в замке легла на его юные плечи. Расчёсанный на прямой пробор, он со смешанными чувствами заинтересованности и испуга, заглядывал через приоткрытую дверь, одновременно надеясь и боясь увидеть огромного таракана.

— Послушай, Эмилия, я разгадал, что значат символы Хрипохора, покрывающие комнату короля! — сбивчиво заговорил я.

— Я так и знала, что сон тебе не станет преградой. Значит, ты ночью ходил в библиотеку? И что ты там разнюхал?

Прежде чем я успел ответить, колдунья приложила указательный палец к моим губам.

— погоди с рассказом, вначале оденься. Мне, конечно, нравятся атлетично-сложенные мужчины, но ты в их категорию никак неходишь, хлюпик.

— Я — поджарый!

Эмилия хихикнула, пихнула меня одной рукой обратно в комнату, а другой закрыла дверь. Натянув брюки и накинув мантию, я наклонился, чтобы разбудить Снурфа. В уютной подкроватной темноте таракан чуть слышно посапывал. Я схватил его за лапку и потянул к себе. Мой любимец зашипел, но все же покинул нагретое лежбище. Побрызгавшись одеколоном, я вышел из комнаты и нос к носу столкнулся с друзьями, которые, дожидаясь меня, подпирали стенку коридора. Завидев мою персону, Рики вприпрыжку двинулся к лестничному маршу. По пути к столовой я поведал товарищам о том, что мне приснилось и показал зарисовки.

— Всё это очень странно, Калёб. Разве раньше с тобой случалось нечто подобное? — поинтересовалась моя подруга, легко переступая со ступеньки на ступеньки. — Прямо похоже на какое-то божественно откровение! Или нет, вспомнила — это называется «Отклик Мощи» — очень редкое метафизическое явление. Оно проявляется, когда творимая магия столь сильна, что невольно отпечатывается в континууме пространства, а потом отблеском входит в восприимчивое сознание. Чаще всего таким проникновениям, по понятным причинам, подвержены волшебники, пребывающие во снах.

Эмилия резко остановилась, и я ткнулся в копну её волос.

— Пусть так, — между тем соглашалась моя подруга. — Пусть ты непонятным образом настроился на нить Вселенной, и теперь мы знаем транскрипцию рун, но что нам это даёт? Я имею в виду, что завеса тайны продолжает покрывать их смысл.

— Может это как-то связано с предсказанием, записанным в той книге, которую Грешем нашёл в комнате Вильгельма? В ней есть упоминание о смерти короля!

Я достал фолиант из сумки и ткнул мизинцем в строчку.

— Если перефразировать текст, то в Пророчестве Полного Круга — так его обозначил автор, Урах повелевает Нолду Тёмному собрать трёх героев ради предотвращения неминуемой катастрофы! Тут ещё посмотрите — «бездна» и «земля задрожит под ногами

тварей» — как по мне имеют схожее значение. Неужели речь идёт о порталах, которые открылись по всему Соединённому Королевству? Может приход Десницы Девяносто Девяти Спиц есть ни что иное как козни жрецов Хрипохора? Гляньте так же и сюда — «когда брат пойдёт на брата», не намёк ли это на назревающую войну между провинциями? Что это значит? Вероятно, загадка символов лежит где-то совсем близко!

— Почему вы говорите о трёх героях, когда в предвидении упоминается о четверых? — спросил Грешем, поправляя ремень. — Вы же сами вчера сказали, что главными чемпионами Ураха были Нолд Тёмный, Джед Хартблад, Цхева и Эмириус Клайн, или ; неправ?

— Точно так, — подтвердил я. — Но, если поверить сновидению, Нолд Тёмный недосыгаем, я не чувствовал его в нашем мире. Это сложно объяснить. Мне кажется, он хотел предупредить меня и показать путь, куда нужно двигаться, чтобы избежать того, что может вскоре случиться. Впрочем, пока так категорично заявлять всё же рано. У меня есть одна мыслишка, которую надлежит проверить, так что после завтрака снова вернёмся в библиотеку!

— Странно, я думала ты поведёшь нас на дворцовую площадь, а потом угостишь мороженым, — пошутила Эмилия, невинно хлопая ресницами.

— У меня, между прочим, важное дело, а тебе лишь бы гулять да хохотать, — пробурчал я.

— Да туфли примерять, — попала в рифму колдунья, беря меня под руку. — Право, какой же ты занудный мухомор.

— Я так не считаю!

Эмилия страдальчески возвела глазки к потолку.

— Ну кто бы сомневался! За что только Вселенная навязала мне тебя? И это не риторический вопрос!

Я обнял подругу за плечи.

— Как за что? За то, что я хороший и люблю тебя как сестру! Разве этого мало?

— Как сестру... — эхом отозвалась Эмилия, выскользывая из моих объятий и ускоряя шаг.

Не понимаю, что это на неё нашло?

Следуя за Рики, я вспомнил, как проходил здесь вчера. Возможно, ещё пару таких походов и я смогу самостоятельно добираться до кухни. Остановившись возле уже знакомой двери, наш провожатый вытер потные ладони о штаны и легонько постучал. Открыл нам дверь поварёнок примерно одного с ним возраста. Увидав нас, он щербато улыбнулся молочными зубами и пригласил войти. За труды я сунул Рики в кулачок мелкую монетку из кошелька. Схватив сокровище, мальчуган с радостным криком понёсся по коридору. Но не прошло и секунды, как он споткнулся о топорщившийся краешек ковра и растянулся на полу, словно толстая жёлтая гусеница. Однако падение не сбilo его пыл. Рики тут же поднялся и побежал дальше.

— Откуда это у нас денежки появились, а, красавчик? — спросила Эмилия, шаловливо толкая меня локтем под ребра. — купишь девушке новые зимние сапожки? И ещё тройку платьев, а то мне ходить совсем не в чем.

Моя подруга стала загибать пальчики, перечисляя необходимые, по её мнению, вещи.

— Так же мне не мешает пальто, изумрудные серёжки, колечко к ним в комплекте, бархатные перчатки, шёлковый платочек, тушь — реснички подкрасить, красная и розовая

помадка, пудра ...

— Пстой-пстой, — прервал я все разрастающийся список колдуньи. — Я нашёл мешочек вчера в своём шкафчике, а у вас разве такого не было?

— Ничего подобного, — заверил вампир. — Наверное, золото предназначается исключительно для вас.

— Разумно, что оно досталось только мне, ведь тебе, я полагаю, монеты вообще не нужны, а этой женщине, сколько их не дай, она все потратит.

— Вы только послушайте, как он заговорил! — обиженно воскликнула моя подруга. — Я, значит, всё бездумно истрачу, а Грешему в принципе не пристало иметь хоть какие-то гроши! Калевб, жадный клоп, вот какого ты, оказывается, о нас замечательного мнения!

Я посмотрел на надувшуюся Эмилию, а затем на не менее раздосадованного Грешема. Мои опрометчивые слова задела друзей за живое. Во мне нет ничего от скряги, и я вовсе не собирался их хоть как-то обделить или пустить «по миру». Просто иногда мой язык по неведомым причинам сам собой произносит то, о чём я потом сильно жалею.

— Калевб?

— Что?

— Что молчишь?

— Думаю, где взять два пустых кошелёчка.

— Для чего? — пряча улыбку, спросила Эмилия.

— Вот когда найду, тогда узнаешь.

— Скажи сейчас.

— Отстань, прилипала.

— Ну ладно, пусть твоя щедрость станет для нас приятной неожиданностью, — рассмеялась колдунья, пересекая кухню в поисках повара.

Мы обнаружили его у плиты. Он готовил мясной гуляш, предназначавшийся для обеда. Мужчина быстро поздоровался и, не отрываясь от закипающей подливы, распорядился, чтобы нас сытно накормили. Усевшись кружком за знакомый столик, мы обзавелись кружками с горячим зелёным чаем. Пока я размешивал ложечкой сахар, поварята подносили разноцветные тарелки. Передо мной плюхнулась миска дымящейся молочной каши, а рядом с ней сыр, ветчина, каракские сосиски, прекрасный телячий паштет, брикет сливочного масла, варёные яйца, горячие булочки, маленькие мясные пирожки, профитроли с грибками и кувшин густой крови для Грешема. Всё стояло так близко друг к другу, что яблоку негде было упасть. Когда белая волна колпачков отлила от нас, я заметил, как круглолицей мальчишка, отдуваясь, понёс таз с куриными потрошками. Вскоре он стремглав вернулся обратно — видимо, Снурфи или Мурчик несколько напугали мальчика. С утра у меня не всегда есть аппетит, обычно он приходит часам к десяти, но сейчас, несмотря на то, что настенная гарпия прохрипела всего восемь раз, я решил заставить себя подкрепиться как можно плотнее: неясно, сколько времени мне придётся провести в библиотеке. Вполне вероятно, что теперь я поем только вечером. Я взял бутерброд с сыром и ветчиной и поглядел на колдунью, которая положила себе профитроли, пару мясных пирожков, а ещё сделала себе несколько сэндвичей и теперь уплетала их с варёным яичком. Вот бывает — посмотришь, как вкусно ест человек, и сразу самому захочется. А Эмилия ела так вкусно! Ну и я положил себе и пирожков, и профитролей, и пару сосисок, совершенно позабыв о выбитых накануне зубах. Грешем же попивал кровь из стеклянной тары, предназначенной скорее для пива.

Разделавшись с едой и поблагодарив повара, который в ответ лишь мотнул головой, мы

направились в библиотеку. Выйдя из кухни, я обнаружил, что Рики куда-то запропастился. Вероятно, совершенно позабыв про нас, он выменивал свой медяк на шоколадку. Придётся самим искать дорогу. Надо отметить, что замок размеров не просто внушительных, а колоссально огромных! Даже если всю жизнь провести здесь и наизусть знать каждодневный маршрут, все равно можно задуматься и свернуть не туда, вследствие чего потеряться и долго плутать в бесконечных переходах.

Однажды, на рынке в Гельхе, я приобрёл презабавную брошюрку, выпущенную преимущественно для аристократов. В ней, помимо описания всех ритуалов, какие высшая знать должна оказывать августейшей особе, была схема цитадели Шальха. Так вот, если мне не изменяет память, она состоит из двенадцати ярусов, восьмидесяти пяти больших залов и ста семидесяти девяти малых. Так же в ней насчитывается около тысячи комнат, предназначенных для различных занятий и досуга. Конечно же не все помещения в замке эксплуатируются, на большинстве дверей висят замки, некоторые из которых обвиты толстым слоем паутины, зато активно используется центральный бастион, и его вполне хватает для любых торжеств и мероприятий.

Пройдя двумя длинными коридорами и поднявшись на этаж выше, я решил, что мы вышли не туда, куда следовало. Пришлось спрашивать дорогу у одного из стоящих на посту стражников. Решив проявить бдительность в связи с последними печальными событиями, солдат задержал нас до выяснения двух главных вопросов — кто мы такие и почему с нами ползает гигантский таракан и ходит не менее крупный полосатый кот. Он кликнул капитана стражи, которого пришлось ждать под чуткими взглядами троих охранников, оставленных при нас. Когда пришёл капитан, оказалось, что он естественно не в курсе о поручениях королевы Элизабет Тёмной и королевы Констанции Демей. Конвоем, состоящим уже аж из пятнадцати вооружённых человек, мы проследовали на два лестничных пролёта ниже и пошли через просторный холл, пока не остановились у статуи Нолда Тёмного. Я глянул поверх закованного в латы плеча на табличку — старые буквы блестели, мраморного правителя отчистили от пыли. Капитан куда-то ушёл, и стражники обступили нас плотным кольцом — Мурчику это не понравилось. Прижав уши, он показал острые клыки и стал издавать глухие рычащие звуки. Люди занервничали и обнажили клинки, что само собой только накалило обстановку. Наконец из-за колонны показался целый полк офицеров, впереди которых шествовал генерал Кирф Маян. Отодвинув солдат медвежьими лапами, он пробормотал, что времена нынче тяжёлые и лишняя подозрительность не повредит. Даже не извинившись за то, что нас удерживали не меньше часа, он развернулся и гулко потопал противоположную сторону. Его свита двинулась за ним. Оставшийся капитан меланхолично посмотрел на огорошенных подчинённых и жестом указал им возвращаться к несению караула. Убедившись, что его приказ исполняется, и стражники расходятся в заданных направлениях, капитан, во избежание подобных казусов, вызвался проводить нас до «книгосклада», что и сделал самой кротчайшей из дорог. Достигнув точки назначения, он отсалютовал и, по-военному чеканя шаг, удалился восвояси.

Библиотекарь, которой вчера почему-то не было на месте, оказалась очень дружелюбной молодой девушкой. Тепло улыбаясь, она попросила, чтобы мы вымыли руки, а уж после этого трогали книги. Представив себе, какой путь придётся проделать до уборной, Грешем недовольно подбоченился. По его шее градом катился пот — если есть излишний вес, то ходить долго становится трудновато. Однако опасения моего ученика оказались напрасными. Библиотекарь показала на маленькую дверь напротив стойки, и мы облегчённо

вздыхнули, увидев символику текущей из-под крана воды. Ополоснувшись душистым хвойным мылом, мы, преодолев все сложности утра, добрались наконец до окна, за которым сидели прошлым днём. Груды принесённых нами вчера фолиантов так никто и не тронул. Я сел на мягкое кресло и, вынув блокнот, облокотил его на скрученный свиток.

Меня не покидало ощущение, что приснившийся накануне сон есть не что иное, как предзнаменование Вселенной. Вспомнив направление меча Нолда Тёмного, я стал искать информацию про горные хребты и подземные народы. Вокруг Хильда и части Керана на протяжении сотен миль раскинулись Железные Горы, а на севере Карака высятся Горы Заботы, которые дотягиваются практически до границы с Иль Градо. Из-за действующего вулкана Вугу в Горах Заботы никто не селится и не живёт. Пожалуй, исключением этому можно считать лишь сосланных заключённых и бесстрашных шахтёров, обслуживающих каменный рудник Присыпки, расположенный под сенью грозного гиганта. Раз в несколько сотен лет лава вырывается из жерла Вугу и уничтожает всё на своём пути. Извержение вулкана вещь сама по себе занимательная, и я бы с радостью почитал про это явление природы, однако о нём ли мне хотел сообщить Нолд Тёмный? Проходя от стеллажа к стеллажу, я внимательно осматривал тома. Есть такая поговорка в Керане — «кто ищет, тот находит», и мне повезло. Проводя пальцами по истёртым корешкам, я наткнулся на обложку с названием «О Железных Горах и о населяющих их гномах». Её автор, некий Мальт, будучи королевским посланцем и хронистом, довольно нудно и скрупулёзно описывал своё путешествие по заснеженным вершинам. Из его записей мне стало ясно, что Железные Горы когда-то населяло четырнадцать больших гномьих кланов, самым именитым и многочисленным из которых являлся «Караз». В своей книге Мальт долго восхищается убранством и красотой подземных городов. Его поразило отсутствие гари в кузницах и чистый воздух, который по вентиляционным ходам попадает даже в самые глубокие шахты. Листая страницы, я остановился на отрывке, где Мальт, направляясь к восточным твердыням, сильно сбился с пути из-за продолжительной снежной бури. Измученный, он, вместе с провожатым из клана Караз по имени Гугодун, за несколько недель обогнул длинную горную цепь и вышел не в том месте, что изначально планировал. Погода утихомирилась, и в непреодолимой дали Мальт смог рассмотреть тонкую, почти отвесную вершину похожую на воткнутый в скалы меч. Сопровождавший его Гугодун поведал, что это Пик Смерти, где по преданию состоялась знаменитая битва между старейшим вампиром и королём Булем Золотобородым. Кровопивец веками устрашал гномов ночными налётами, и король пришёл убить его, но проиграл и с невероятной высоты был сброшен вниз. Так как Буль не имел наследника, то после его смерти среди кланов разразился ожесточённый спор — кто должен занять трон Каменного Королевства? За доводами пошли гневные слова, а за словами последовала непримиримая вражда, которая обескровила подгорный народ, однако так и не привела к выбору нового правителя. Те смутные времена были названы Порой Слез и Предательств. Каменное Королевство распалось и больше уже никогда не обрело целостность. Желая отомстить за смерть короля, отважные герои несколько раз пробовали забраться на Пик Смерти, но у них ничего не получилось. Когда кто-то предпринимал попытку ступить на Проклятые Порожки, поднималась жуткая метель, и смельчак под градом снега и льда поворачивал назад, так и не приблизившись к своей цели. На этом моменте я с хлопком закрыл книгу и тем самым приковал к себе удивлённые взгляды друзей. Усевшись на краешек квадратной тумбочки, я принялся излагать мысли, которые даже мне казались фантастическими.

— Незадолго до своей смерти Вильгельм стал замечать знаки, говорившие ему о преждевременном закате его владычества. Округлилась ли не вовремя луна или телёнок родился с двумя головами — я не знаю, но уверен, что они были и заставили Вильгельма насторожиться. В конце концов, обеспокоившись этим не на шутку, он принялся искать ответ в библиотеке, где ему попала книга со скорбным Пророчеством Полного Круга, повествующим о гибели короля, демонических тварях и всеобщем упадке. В один из дней Вильгельма жестоко убивают, оставляя вокруг него отметины Хрипыхора. Фабиан и Корона Света пропадают при крайне подозрительных обстоятельствах. Во всех уголках Соединённого Королевства открываются порталы. Война раскалывает страну на враждующие осколки. Слова предсказания сходятся. Помимо этого, надо учесть Отклик Мощи, посетивший меня во сне. Я практически уверен, что Нолд Тёмный воспользовался им, чтобы разъяснить мне пентаграммы и указать направление, в котором нужно двигаться, дабы предотвратить начинающийся Армагеддон. Опираясь на то, что его клинок смотрел в сторону горных хребтов, я принялся рыться на полках и кое-что нашёл, а именно мемуары о Железных Горах. В них автор описывает легенду гномов, связанную с очень старым вампиром, который живёт на высокой обрывистой скале, прозванной Пик Смерти. А кто, согласно хроникам, является древнейшим кровопивцем? Да-да, Эмириус Клайн! Думаю, мы должны отправиться к нему, чтобы разбудить от грёз и рассказать, что настало время исполнить волю Ураха.

— Кaleb, почему ты сам не видишь, сколько белых пятен в твоей невероятной догадке? — отозвалась Эмилия. — Допустим, что Отклик Мощи и впрямь сделал кое-что нам понятным, но где доказательство, что в найденной тобою книге описан Эмириус Клайн? Это имя встречается в тексте? Вот именно, там просто сказано о многовековом вампире и нет ни одного упоминания о том, что он был первым в своём роде! По большому счёту даже необязательно, что какой-то кровосос вообще там когда-то жил! Может король гномов неудачно оступился и сорвался с уступа, а потом, дабы возвеличить его смерть, подгорный народ придумал басню об эпическом сражении, в которую спустя столетия все и поверили!

Моя подруга критически приподняла бровь.

— Кaleb, дорогой, ты сложил свой сон с тысячелетней сагой и получил схожие, однако совершенно случайные результаты. Неужели ты хочешь, чтобы мы прошли через весь Иль Градо, Плавень и Хильд, а после взобрались на Железные Горы и протопали аж до самого Пика Смерти, который мог оказаться не более, чем миражем для уставших путников? Ты, правда, этого желаешь? Да? Ладно, давай тогда пофантазируем и предположим, что где-то там есть вампир и он на самом деле древний, но откуда такая уверенность, что это будет Эмириус Клайн, который нам нужен?

— Я чувствую, что он там.

Эмилия покачала головой.

— Ты действительно сумасшедший колдун, Кaleb.

Грешем, внимательно слушавший нас, гладил Мурчика между ушек:

— У Ночного Племена есть предание, в котором говорится, что именно на Пике Смерти началась заря всех алчущих крови, там наши праотцы пробудились и вкусили живительные соки теплокровных.

Вампир глубокомысленно переводил взгляд с Эмилии на меня.

— Кому, как не предвестнику Ураха, мы обязаны своим существованием? Может, он всё ещё спит там, среди неприступных вершин?

— И всё же, — не унималась колдунья, — даже если на Пике Смерти обитает сам Эмириус Клайн, то думаете, он выслушает нас и решит все проблемы? Найдёт Фабиана? Закроет порталы? Остановит кровопролитие?

— Эмириус Клайн должен быть в курсе Пророчества Полного Круга и своей роли в нём поэтому наши вести послужат ему сигналом к действию. Он соберёт героев и вместе они совершат «Ритуал призвания», а когда это произойдёт, Урах снизойдёт в мир и своим явлением предотвратит разорение королевства и запечатает червоточины Десницы Девяносто Девяти Спиц, а там, может, и принц сыщется.

Эмилия задумалась, да так глубоко, что не заметила, как вместо кота рука Грешема стала гладить её плечо. Я с трудом подавил рвущуюся наружу улыбку. Выйдя из оцепенения, колдунья сбросила с себя толстую кисть моего ученика.

— Что это ты делаешь, толстопуз? — без особого протеста в голосе осведомилась моя подруга.

— Это я прилипшую паутинку убирал, наверное, уцепилась как-то ненароком, — моментально переключаясь на Мурчика, отвечивал вампир.

Между тем Эмилия вновь повернулась ко мне.

— Но нам не нужна помощь, чтобы убирать червоточины — у тебя получилось это сделать самому. Вероятно, получится и у меня, — говоря это, колдунья нервно накручивала каштановые локоны на пальчик.

— Это так, я умудрился уничтожить межпространственную связь, но её мощь чуть не разорвала меня напополам, а снующие возле червоточины скорпионы едва не лишили нас жизни. Возможно, мы смогли бы закрыть два, ну три портала, а потом что? Умрём под жалом или зубами Десницы Девяносто Девяти Спиц? По сведениям королевы Констанции порталов очень много, и я сомневаюсь, что пока мы сейчас говорим, в мироздании не появляются новые прорехи. Нет, так проблему нам не решить. Даже если бы вся армия Иле Градо путешествовала с нами по всему королевству, то к чему бы это привело? Скоро провинции затрясутся в агонии мечей, и мы не сможем так просто перемещаться по раздроблённым кусочкам ранее целой страны. Поэтому надо поступить иначе. Маленьким отрядом добраться до Пика Смерти, а там передать инициативу Эмириусу Клайну.

Колдунья посмотрела мне прямо в глаза, и я не отвёл взгляда.

— А если его там нет?

— Тогда каждый сам определит, где и как ему встретить неотвратимую судьбу. Выбор, правда, невелик — можно пасть на поле брани, сражаясь с Десницей Девяносто Девяти Спиц или окочуриться под кроватью, до последнего уповая, что все образумится само собой. Мы стоим на тонком льду переломного, исторического момента, и от того, в какую сторону ступит сапог, будет зависеть наше будущее. Если все обернётся хорошо, то туманное русло реки времени и дальше останется сокрытым от глаз, а если удача отвернётся от нас, то наступит Конец Света. Для меня действие предпочтительнее бездействия, поэтому я отправляюсь в Железные Горы.

— Ты вечно любил втянуть меня неизвестно во что, делая при этом вид, что так и должно быть.

Улыбка Эмилии была бледной:

— Я с тобой, как и всегда. Мне все равно больше некуда идти, а ты мой старый, противный друг, которого я... Которого я никогда не брошу.

— Я с вами! Вы мой учитель, так что куда я без вас? — утвердительно кивнул Грешем.

— Я другого от вас и не ждал!

— Мне вот какая сейчас идея в голову пришла, — продолжал вампир, — а давайте прогуляемся в Шальх? Нам необходимо проветрить мозги и сделать запасы перед предстоящим путешествием. Вы говорили, что в Торговом Квартале всегда полным-полно народу и есть самые разные безделушки. Мне кажется, поход туда — это то, что нам нужно! Подышим воздухом, послушаем сплетни, а заодно расслабимся и набьём мешки.

— Я — за, у Калеба как раз появились денежки, которые он не знал, на что пустить, — поддержала колдунья.

Эмилия отодвинула от меня холмик непечатых книг.

— Вставай, милый, нам предстоит закупить целую кучу важных вещей!

— Может, вы сами сходите на рынок, а я пока посижу здесь, почитаю? Покопаюсь в былинах и небылицах, сравню то да сё. Очень многое мне только предстоит выяснить! Спросите — что? Вот, например, каким образом происходит формирование червоточин? Что такое Десница Девяносто Девяти Спиц? Как во всём этом замешан Хрипехор? Где конкретно в Железных Горах находится Пик Смерти? Какими дорогами к нему добираться? Вероятно, какие-то ответы я сыщу ещё до заката.

Я картинно опустил глаза на свиток с голубой ленточкой.

— Более того, в мои планы входит обследовать комнату Фабиана и хранилище, где ранее покоилась Корона Света. Нет, это ещё не конец моих сегодняшних забот; в довершении всего мне следует обдумать доклад, который я преподнесу королевам.

Я развернул пожелтевшую бумагу и небрежно добавил:

— Видите сколько у меня неотложных дел? Так что — идите, идите, встретимся вечером!

— Калев, ты издеваешься надо мной? Это всё легко подождёт до завтра, и, если идти, то идти всем вместе! Давай, давай, сальный гриб, твоей голове надо сделать передышку, а то она лопнет от перенапряжения.

Эмилия потащила меня за рукав.

— К тому же, вдруг меня кто-нибудь в городе обидит? Неужели ты не будешь волноваться за меня? Не станешь переживать: как там Эмилия? Я же красивая девочка, а к красивым всегда липнут всякие плохие мальчики. А ты — мой защитник! Как я без тебя? Так что идём без разговоров!

— Эмилия, кому ты кладёшь на уши клейкий сыр из Хильда? — рассмеялся я. — Во-первых, с тобой будет Грешем, а во-вторых, ты сама кого угодно обидишь! Ты же опаснее любого самого матёрого головореза!

— Я беленькая и пушистая, — невинно прочиркала колдунья, подталкивая меня к выходу из библиотеки. — Знаю, что ты хочешь сидеть и сидеть, читать и читать, но пойми, родной, я не могу больше находиться в четырёх стенах! Выведи уже девушку в свет! Клятвенно обещаю, что потом помогу тебе разобраться со всеми накопившимися «как так может быть», «как так произошло» и «отчего и почему».

— Ты же не отстанешь, верно? Хорошо, хорошо, я иду, но только при одном условии! Ты не станешь таскать меня по магазинам с одеждой!

— Фу, Калев, ну ты и бука! Я и без тебя справлюсь!

Я лишь улыбнулся симпатичному носику Эмилии.

Глава 7. Досадное падение

Мы попрощались с улыбочивой девушкой за библиотечной стойкой и отправились искать наше спальное крыло, чтобы накинуть зимние вещи. Я надеялся, что увижу Рики, который проведёт нас, но его опять нигде не было видно. Напоминая о краткости зимнего дня, солнце перевалило за середину. Его красные лучи мягко стелились на полу, проникая через окна, подсвечивая невесомую пыль, клубившуюся в воздухе. Как миновать лабиринт из коридоров, мне подсказало красочное панно, которое я заметил вчера, переходя с одного этажа на другой. Наткнувшись на изображение знатного мужчины, восседающего на лошади и окружённого сворой охотничьих собак, я вспомнил, что тут надо повернуть налево и топтать до самого конца, а там уже будет совсем близко. Доверившись зрительной памяти, я не прогадал. Вот и фонтанчик для питья, а вон и наши комнаты. Завидев бегущую струю воды, таракан не преминул замочить в ней свои длинные усы. Фыркая и скрипя, он пил до тех пор, пока не раздулся как бронированный шар. Посоветовавшись, мы решили не брать Мурчика и Снурфа в город. Нам привлекать лишнее внимание нам ни к чему. А уж с ними внимание было бы нам обеспечено!

Сняв с вешалки меховой плащ, я покрутился возле зеркала. Чёрный, с добротной подкладкой из шиншиллы, он мог защитить от сильного мороза. Плащ был явно не из дешёвых, в нём я как-то сразу стал выглядеть более солидно и аристократично. Прямо как титулованный герцог или лендлорд! Моя дверь открылась, и в комнату крадучись прошествовал Мурчик. Грешем, стоявший в дверном проёме, уже успел облачиться в плотное пальто. Между тем, кот, обнюхав новое место, осторожно заполз под полог кровати. Через секунду тишину пронзило громкое мяуканье. Под матрасом затевался дружеский поединок. Игрища начались! Пока мы будем отсутствовать, эти ребята не дадут друг другу заскучать, а если и случится загрузить, то принесённые нами вкусности сгладят углы вынужденного расставания. С этими мыслями я закрыл дверь на ключ и вместе с Грешем и Эмилией устремился к центральной лестнице, по которой спустился вниз на шесть этажей. Подойдя к воротам, ведущим на улицу, я сообщил стражникам, когда мы собираемся вернуться. Рябой солдат без шлема, видимо сержант, предупредил нас, что по приказу начальника караула от сего дня позже десяти вечера в замок никого не пустят. Мы заверили его, что придём раньше, после чего, оставив позади пост охраны, вышли на мостовую, ведущую в роскошный квартал знати. Узорчатая плитка вильнула через парк, и на нас обрушился гвалт людей, снующих по широкому проспекту, заставленному многоярусными домами. Один богаче другого, они были выполнены из серого дикого камня, что лишь добавляло внушительности их виду. Кто же жил в них? Конечно, самые влиятельные люди королевства, имеющие деньги и звучные, но ни к чему не обязывающие должности. Некоторые особняки напоминали маленькие замки. С круглыми башнями и крепкими стенами, они содержали под своим кровом не только владельца с его семьёй, но и нанятую охрану с хорошим вооружением. Джентльменов, которые попробуют тайком пробраться на территорию их нанимателя, скорее всего, будет ожидать незавидная участь.

Оторвав взгляд от хмурого лица у золотистой изгороди, я перевёл его на ряд магазинов с благолепными вывесками. Хотя качество товара, предлагаемого на их прилавках, выше всяких похвал, цена, однако, была ещё выше, чем похвалы, поэтому мы не стали заглядывать вовнутрь и пошли дальше, вернее поплыли в потоке слуг всех возрастов и рангов. Одетые в разноцветные утеплённые ливреи, они шныряли по всему кварталу, словно нахохлившиеся пчёлы. Беспрерывно болтая, мальчишки бегали с письмами и поручениями, подростки мяли

в кулаках списки покупок, люди среднего возраста занимались ремонтом или другими ремёслами, а пожилые, умудрённые опытом камердинеры следовали за расфуфыренными дамами, придерживая полы их длинных шуб или держа на руках миниатюрных горностаев. Кивнув двум молодым кокеткам, я поравнялся с Коллегией Бардов. Это престижное заведение основал король Рамир Пятый Красногосый для талантливых певцов, арфистов, виолончелистов, духовиков и прочей музыкальной братии. Рамир Пятый обладал прекрасным бархатным баритоном и частенько на торжествах сам исполнял то или иное произведение. Будучи человеком, повёрнутым на искусстве, он беспрестанно одаривал всех, по его мнению, достойных писателей, художников, скульпторов и других себе на уме индивидов. Поощрение и щедроты короля были столь велики, что казна едва не опустела. В те года Соединённое Королевство внешне сильно преобразилось, однако за лоснящейся красотой последовал голод, который завершился уже после смерти утончённого монарха.

Обойдя палисадник Коллегии Бардов, мы вывернули на бульвар, где находился комплекс зданий Высшего Сословного Суда и Коллегии Целителей. Чуть поодаль от них разместилась Торговая Палата и Школа Благородных Девиц. Три перекрёстка ниже начиналась Театральная Площадь, после которой вились проулки из жилых домов, гостиниц и трактиров. Рассматривая столицу, Грешем вертел головой, как ветряная мельница. Я улыбнулся его растерянной физиономии. Да, парень, я и сам когда-то, как и ты ходил здесь с открытым ртом. Этот блеск поражает, но Шальх не весь такой.

Впереди показались массивные ворота, разделяющие районы. Преодолев их, мы оказались там, где Серэнити чувствовала себя как дома. Жёлтый отполированный песчаник под ногами уводил нас на улицу, всем известную как Дух Святости. Облагороженная линиями карликовых деревьев и фонарей, она буквально кишмя кишела мирянами и монахами всевозможных Орденов Братства Света. Чаще всего ризы на людях попадались чёрные, пурпурные и синие, зелёную я увидел всего раз, а белую — как у великого инквизитора мне заметить не довелось. Одежания для последователей Ураха являются отличительной чертой. Они обозначают принадлежность к определённому Ордену, статусу и роду занятий. Я попытался вспомнить, в какие цвета был облачён Джокс. В серые? Нет. В Коричневые? Тоже нет, но что-то тёмное — точно. Как я не силился воскресить его образ в памяти, сделать это у меня не получилась, только мучнистое лицо чётко колыхалось перед глазами. О, да! Приятель, я обязательно навещу тебя в Лунных Вратах и взыщу должок за гнусное предательство. Возможно, ты со своей супругой станешь одного поля ягодкой, а может и нет, я пока не решил.

Продвигаясь по Духу Святости, я неосознанно испытывал некий трепет, и он беспокоил меня не потому, что вокруг «маршировали борцы со злом», а оттого, что надо мной как гора возвышался храм Ураха. Его величественная кладка, грандиозные статуи по бокам, флаги и кадила внушали смирение и заставляли покориться воле Всеотца. Прибывая в тени монумента, я в сотый раз оценил мощь, которую он из себя источал. Сбросив охватившее меня наваждение, я кое-как протолкнулся сквозь толпу неистово молящихся паломников и направился вниз, подальше от блестящей площади Вилика Ура Светелик. Песчаная брусчатка провела нас вдоль ротонд, а затем перекинулась через подвесной мост и упёрлась в мощную заставу. Видимо за последние годы фортификация перенесла ряд серьёзных перестроек, так как сдвоенных башенок и арочного прохода раньше не было. У выхода из Квартала Света я рассказал Грешему, что перед тем, как мы попадём в Торговый Квартал, надо будет произвести традиционное священнодействие. Как того требовал ритуал, мы

остановились у жреца с декоративным жезлом и подули вначале на одно плечо, а потом на другое, после чего проделали тоже самое со сложенными ладонями, которыми провели над лицом. Жрец благословил нас, и мы покинули блокпост.

— В чем суть этих обдуваний? — поинтересовался вампир, топая рядом со мной.

— В символизме, принятым века назад, — ответствовала Эмилия. — Выдуваемый тобою воздух олицетворяет бестелесный дух Ураха. Когда ты касаешься им левого плеча, то каешься в содеянных грехах, когда дотрагиваешься до правого, то отвергаешь их, а в конце, — колдунья провела пальцами вверх по щекам и у корней волос развела руки в стороны, — вот этот жест означает очищение и обновление через милость ниспосланную Всеотцом.

— О, как! — глубокомысленно промычал мой ученик. — Но вот обязательно ли...

— Обязательно. Если бы мы не сделали эти дурацкие три выдоха, то у инквизитора, который стоял в тени позади всех жрецов, возник бы логичный вопрос — а не язычники ли они? И знаешь ли, что после этого бы последовало?

— Видимо ничего хорошего?

Эмилия серьёзно кивнула:

— Именно так. Лучше лишний раз соблюсти формальности, потому что непочтение к Богу Света для этих фанатиков действует хуже, чем красная тряпка на быка.

— Я запомню это.

— Запомни. Эмилия плохому не научит, — поддержал я.

— Но и хорошему тоже, — рассмеялась колдунья, ущипнув меня за подбородок.

— Так, подожди, ты меня сбиваешь, куда здесь дальше идти?

— Калерб, ты что неместный? Вон Стела, а прямо за ней начинается Толкучка.

— Точно, точно, я просто давно не посещал это место, тут всё так переиначили.

Эмилия огляделась.

— Да ладно? Мне кажется, всё по-старому, тебе надо почаще выбираться из своей норы. Так как ты радушно пригласил меня пожить в Шато, то я, будь уверен, прослежу, чтобы это периодически случалось.

— Спасибо большое, я знал, что ты не дашь мне покрыться плесенью.

— Это сарказм, Шаттибраль? Я его чувствую!

Я улыбнулся подруге.

— Ну что ты, что ты, в мыслях не имел над тобой шутить!

Мы прошли чудный фонтанчик и, потеряв кудряшки гранитного купидона, оказались на рынке. Нет, рынок — это не то слово. Его официальное название — Торговое Лицензированное Учреждение Королевства, а сокращённо — Толкучка. Так вот, архитекторы Шальха поделили Толкучку на двадцать четыре равные секции, расположенные строго по отраслям предлагаемого товара. Лавки тянутся ряд к ряду, образуя правильный четырёхугольник, в центре которого находится громадная арена Лепесткового Поля. По праздникам на ней проводят спортивные состязания и ставят спектакли, пользующиеся неслыханным успехом у публики, не имеющей денег на дорогие театральные представления. Я остановился возле башенки с часами и, развязав тугой мешочек, честно поделил его на три равные части.

— Чтобы не тянуть друг друга в разных направлениях, предлагаю разделиться. Да, Эмилия я не пойду с тобой выбирать шарфики и прочую ерунду. Можете тратить свою долю хоть на колпачки с перьями, хоть на носки. Встречаемся здесь. Так-так, сейчас шесть

тридцать две, вот в половину девятого у этой самой скамеечки, и не опаздывайте!

— Ой, что ты так кричишь, как будто мы уже опоздали? — прошептала колдунья, засовывая золото во внутренний карман шубки. — Разве я когда-нибудь приходила не вовремя?

— Постоянно, поэтому и напоминаю!

— Тю, ну ты и квакша! Когда ты уже поймёшь, что девушкам неприлично приходиться по расписанию?

— Эмилия! Если бы речь шла о двадцати минутах, я бы смолчал, но как-то помнится я прождал тебя полдня под проливным дождём и — да, подобных случаев потом была ещё целая уйма!

— Ой, ну всё, ты опять заканючил про тот день, когда мы договорились пойти на оперу, а у меня просто причёска из-за влажности не задалась?

— Про него! И никуда тогда мы не попали!

— Сколько раз ты будешь вспоминать мне эту маленькую задержку? Как будто на ней свет клином сошёлся! Да, я хотела выглядеть красивой! Чтобы с тобой сидела не абы кто, а конфетка!

— Мне кажется, ты всегда красивая, — смущённо вставил Грешем.

Эмилия поцеловала вампира в щеку.

— Спасибо, дорогой, ты почему-то в отличие от него это видишь.

Резко развернувшись, моя подруга растворилась в толпе. Вот она была, и вот её уже нет. Грешем, ошарашенный прикосновением женских губ, медленно, но верно краснел. Мой ученик дотрагивался до рыжей бороды, и его глаза говорили о том, куда он сейчас потратит все выделенные королевой деньги. Подхватив вампира под локоть, я решил дать ему парочку советов, которые хоть как-то, если он ими воспользуется, сэберегут его от глупостей.

— Да, это приятно, и ты, конечно, можешь кинуться к ювелиру и приобрести ей украшение с бриллиантами, неподъёмный букет цветов, самых лучших мятных леденцов из Карака или всего того, что сам уже себе напридумывал. Подожди немного, не беги, послушай опытного кавалера. Если желаешь сделать девушке приятное, то купи ей то, что она хочет. Это удержит твой кошелёк от ненужных расходов, и, что главное, поможет тебе неожиданно и мило удивить её.

— Что же она хочет? — тут же спросил Грешем.

— Чего хотят все девушки без исключения? Да, золото, серебро, платина, драгоценные камни и эклеры — это хорошо, но больше всего они нуждаются во внимании. Если ты действительно намерен доставить ей удовольствие, которого она, вероятно, давно не получала, то тебе придётся разыскать её в Толкучке и предложить пройтись по швейным галантереям, чтобы оказать поддержку в выборе обновок. Уверяю тебя, такие приглашения девушки ценят, ни одна прелестница не устоит перед возможностью покрасоваться в зеркале, спрашивая мнение мужчины — идёт ей это платье, или лучше примерить то зелёное, с кружавчиками. Вот увидишь — это сработает. Ещё можешь поискать бакалею, специализирующуюся на редких алхимических ингредиентах. Когда найдёшь, спроси у продавца тёртый корень семилистника. Он выглядит как голубой порошок. Это любимая составляющая ядов Эмилии, которая, по её словам, всегда очень быстро заканчивается. Кстати, надо полагать, что при первом знакомстве с моей подругой ты был отравлен как раз семилистником.

Я усмехнулся.

— Так что протянешь ей баночку со словами: Эмилия, я возвращаю тебе то, что было потрачено на меня впустую.

— Вот не можете вы обойтись без маленькой шуточки в конце! Без неё вам совет советом не покажется, — улыбнулся Грешем.

— Порассуждай мне тут!

Я подтолкнул вампира.

— Беги уже, а то она уйдёт — не сыщешь!

— Спасибо, учитель!

Наблюдая, как рыжая шевелюра пропадает среди многоголосного люда, я отряхивал забрызганную грязью штанину. Эх, юные сердца, всё-то вам нужно на пальцах изъяснять, да показывать. Я думал, что уроков магии будет достаточно, но, как оказалось, приходится делиться ещё и знаниями иного плана, вот, например, как обращаться со слабым полом. Раздумывая над этим, я внезапно ощутил себя старым. Это чувство стало откровением. Казалось, буквально вчера я кружился в танце с Эмилией под весёлую музыку. На мне — прелестный чёрный костюм и синий в звёздах плащ, все взгляды прикованы к нашей паре. Я — молод, моя улыбка светится счастьем, весь мир в моих ладонях, все возможно, и нет никаких преград. В молодости есть свой непередаваемый шарм, загадка, которую изо всех сил пытаешься разгадать. Достигая одной вершины, сразу ставишь перед собой новую и мчишься вперёд, забывая обо всем на свете. Эта самая волшебная пора в жизни каждого человека, и только со временем понимаешь, как стремительно она проходит. «Как в окно посмотрел», сказал мне однажды о своей жизни согнутый годами рыбак. Теперь я понимаю его. Мой возраст не определить по внешнему виду, магия наполняет моё тело энергией и не даёт ему состариться. Я выгляжу едва за тридцать, но внутри я — старик. Я осознал это сейчас, глядя на Грешема, только познающего удивительную сладость и невыносимую горечь любовных переживаний. Я завидовал его трогательной опрометчивости, его желанию броситься в омут и познать неизведанное. Однако печаль так же проникла в моё сердце, ведь не надо становиться предсказателем, чтобы по небесному кругу прочесть будущее, которое и так ясно: Эмилия и Грешем никогда не будут вместе. Хотя... Никто не знает, что будет дальше. Я искренне желал счастья полюбившемуся мне вампиру.

Взвесив на руке изрядно исхудавший мешочек, я двинулся вдоль прилавков и зазывных вывесок. Мясо, окорока, птица, рыба, картофель, сыры, колбасы и прочая снедь меня оставили равнодушным. Я завернул за угол и очутился у цепочки мелких переносных палаток. Здесь торговали приезжие алхимики, целители и шаманы.словно шахматный конь, я перемещался от тента к тенту: вот тут целая кипа душистых листов куманики, напротив — стопка толстеньких стручков волчанки, а вон там, фу, сбывают несвежую, но замаскированную под таковую, грибницу верестяника — меня не проведёшь! Побродив туда-сюда, я перебрался в военную секцию. Кузнецы, кузнецы и ещё раз кузнецы. От их труб столбом валит дым, а внутри слышны удары молота — в раскалённых горнах куётся смертоносная сталь. Мощногрудый бородатый мужик в фартуке смачно сплюнул себе под ноги и опустил алое лезвие меча в бочку с маслом. Шипение новорождённого оружия настроило меня на философский лад. Поверхностно осматривая клинки, я думал — а чему они послужат? Добру или злу? Защитят ли они невинного или поспособствуют совершению преступления? В чьи руки они попадут? Как скоро оружие попробует вкус крови?

Мои пространные рассуждения прервались, когда за стойкой с алебардами я увидел тюрбаны и амулеты. Нас с Эмилией хлебом не корми, а дай пощупать магические

безделушки. На всех парах я залетел в колдовской переулочек. Наверное, с полчаса я пролазил по его закоулкам. Хотя выставленный ассортимент был достаточно велик, представленное меня не впечатлило: самопришивающиеся пуговицы — таких пруд пруди, ножницы, стригущие только под каре — странно, что не под горшок; перья с бесконечными чернилами — такими легко заляпать что угодно; молниеносно растущие семена тыквы (наверняка полны токсичных примесей. Съев такой плод, только язву получишь); вяжущая сама по себе узлы верёвка (ага, на шею и затянется, и поминай, как звали); колокольчик дождя — жутко раздражительная штука, умолкнет только когда на земле высохнет последняя капля.

В конце концов эти и похожие предметы привели меня на самые задворки рынка, где я, поведя носом, узрел кое-что особенное. Прямо у мусорной кучи возвышался холмик, больше напоминающий собою дом зажиточного крота, нежели магазин. Между тем над холмом висела лакированная табличка с надписью: «Анонимный Делец». Ну и ну, а как попасть вовнутрь? Только стоило мне подойти поближе, как часть мусора отъехала в сторону, и показался проход. Как любезно, хорошо, так и быть — зайду. Я миновал короткий коридорчик, после чего спустился по лесенке. Тусклое освещение магических шариков обрисовывало силуэт круглой комнаты, в её стенах имелись неглубокие ниши, наполненные всяческим хламом и утварью. По центру помещения разместился низкий стол из чёрного дерева, а за ним восседал тролль с зелёной кожей, длинными когтями, в изящном костюме и очках в роговой оправе. Он что-то увлечённо писал на полях альбомного листа, и казалось, совсем не замечал меня. Слегка кашлянув в кулак, я решил обратить на себя внимание.

— Это ты Анонимный Делец?

Тролля оторвался от своего занятия и поднял на меня голубые, ничего не выражающие глаза. Секунду спустя улыбка тронула его тонкие землистые губы, обнажив под ними ряд клиновидных зубов.

— Можешь называть меня Безымянный. Анонимный Делец — это название моей лавки.

— Главное правило здесь — никаких имён?

— Я предпочитаю оставаться в тени.

— У тебя отлично получается это делать. Не каждый день увидишь тролля в Шальхе, — согласился я.

— Могу сказать тоже самое и о тебе — не каждый день увидишь чернокнижника, свободно разгуливающего по городу.

— Остроумно, — ухмыльнулся я. — Как ты узнал, кто я?

Безымянный слегка постучал когтём по душе очков.

— Вот это подсказало мне, с кем имею дело. К тому же мою лавку видят только те, кто занимается тёмными началами и ищет игрушки себе под стать.

— Как на счёт Братства Света? Не боишься, что к тебе нагрянут с облавой?

— Не настолько, чтобы сворачивать прибыльный бизнес, — гортанно рассмеялся тролль. — Пройдя рядом с моей землянкой, паладины заметят лишь кучу вонючих отбросов, которая заставит их сморщить нежные пяточки и бежать в более приятные места.

— Ты используешь иллюзию, заточенную под распознавание человеческих аур? Кто создал для тебя столь экзотичный коктейль заклинаний? Проходимец Валуа?

— Это неважно. У каждой порядочной лисы есть свои уловки.

— Да, но я почему-то сомневаюсь, что ты шибко порядочный, — вновь улыбнулся я.

— Может и так, — не стал отрицать Безымянный, переходя на деловой тон. — Так что тебя интересуется, маг?

— Ничего конкретного, хожу туда-сюда, подбираю, что взять собой в длительное и возможно опасное путешествие.

— Вот как? У меня как раз припасена одна вещица, которая может пригодиться в подобном походе.

Тролль встал из-за стола, и я убедился в его высоком росте, зелёная макушка доставала мне практически до плеча.

— И что же это за вещица?

Лукавый смешок противно резанул мои уши.

— Золото у тебя при себе?

— Будь уверен.

— Это замечательно, потому что ты наверняка догадался, что я не барахольщик, оптом бусы не реализую и предоставляю исключительно эксклюзивные и больше того, уникальные изделия, за которые расплатиться серебром не получится.

Торговаться мне не слишком нравится. Обычно, если у меня водятся деньги, я не забочусь о стоимости и соглашаюсь на условия продавца, который за мой счёт выручает парочку лишних монет. Однако иногда бывают случаи, когда вести торг жизненно необходимо. Сейчас передо мной стоял не просто жадный тролль, а жадный тролль-лавочник! Если предлагаемый им товар будет по-настоящему стоящим, и я захочу его приобрести, то долгого спора за приемлемую цену мне не избежать.

Между тем Безымянный мерил меня испытывающим взглядом. Голубые глаза пробежались по торсу и остановились на поясе. Всего мгновение всевидящие очки буравили мой плащ, под которым на ремне висел кошелёк. Убедившись в моей состоятельности, тролль удовлетворительно кивнул, а я кивнул ему в ответ.

— То, что я хочу тебе представить, требует небольшого предварительного рассказа.

— Я слушаю.

— Пару лет назад ко мне пожаловал странник, измученный некоей болезнью. Весь в бугристых нарывах, он прятал обезображенное лицо в складках красного шарфа. Приближающаяся смерть и желание напоследок пожить на широкую ногу толкнули его продать мне колечко, украденное им из заброшенной часовни по ту сторону Великого Леса. Я много отдал за него, но как оказалось, несколько не прогадал. Вне всякого сомнения, это то, что ты ищешь, мой добрый друг. Пойдём, я покажу его тебе.

Тролль поманил меня костлявой лапой, и я последовал за ним. Мы прошли через скрытый проход, ведущий под землю, и оказались в овальном хранилище, целиком состоящем из металлических дверок и тумбочек. Пока я заинтриговано осматривал испещрённые замками стены, мой спутник перебирал связку с разнообразными ключами.

— Да где же отпиралка?

— Что ты там бормочешь?

— Ничего. Вот он, попрыгунчик.

Наконец подобрав нужную «отпиралку», похожую на раздвоенный рожок, Безымянный отворил крохотный сейф. Внутри него оказалась миниатюрная подушка, на которой лежало металлическое колечко жёлтого цвета. Надев бархатную перчатку, тролль вынул его из заточения. В отблеске матовых сгустков света кольцо заиграло багровыми оттенками.

— Тот закутанный парень сказал, что оно называется «Узилище Ярости». Приклонив к нему разум, маг способен один единственный раз сотворить волшебство грандиозного размаха, а именно: вызвать голема из сопредельного мира огня. Элементаль будет сражаться

на стороне призывателя до тех пор, пока не погаснет его пылающее сердце. Что ни говори, а такого защитника тебе больше нигде не сыскать, так что покупай кольцо и смело вступай в самый тяжёлый бой. Враги узнают о твоём коварном жале, только когда раскалённый добела кулак разобьёт их головы.

Приподняв бровь, я сделал вид, что возможности кольца меня не впечатлили, однако это было не так. Сказать, что я был удивлён — это ничего не сказать. Чтобы волшебник смог выдернуть существо из сопредельного мира ему необходимо основательно подготовиться — выложить пентаграмму, дожидаться энергетической гармонии тела, поместить в жаровню кусочки элементарных составляющих. Например, если желаешь подчинить импа, то будь любезен, добудь где-нибудь в начале фрагмент его кожи или когтей. Затем положи их в огонь и прочитай соответствующий заговор. Трудно? Конечно! Ещё и очень опасно! Неправильно произнесённое слово или посторонний волосок в жаровне — и всё полетит коту под хвост — призванный сможет переступить через ограждающие черты пентакля, что, естественно, поставит жизнь вызывающего под серьёзную угрозу. Кто там знает, что будет дальше? Да, иногда опытный колдун намеренно вытаскивает потустороннюю сущность за разделяющую пентаграмму, и тогда игра принимает совершенно иной оборот. Теперь покорность призванного будет полностью зависеть не от охранного круга или звезды, а от постоянного напора силы, которым маг будет принуждать «гостя» делать то, что ему нужно. Когда запас энергии у вызывающего иссякает, существо либо развоплотится, отправляясь в свой сопредельный мир, либо... либо остаётся в нашем уже без надзора. Во избежание всяческих бед этого допускать ни в коем случае нельзя, необходимо не переоценивать себя и вовремя зачитать соответствующее заклинание изгнания. В Шато у меня есть Круг Призвания. Периодически с помощью него я, тщательно проверив пред этим защитные покровы, ненадолго овладеваю тем или иным созданием. Прежде всего, подобные опыты я провожу ради знаний. Беседуя с «бестиями», я узнаю о материи, разговаривая с «лириками душ», постигаю смысл магических парадигм. Впрочем, так происходит не всегда. Частенько водный дух молчит как пробка, а пикси поют неприличные песни про барсуков, смеются и дразнятся, в общем, делают всё лишь бы вывести меня из себя. Я нервничаю, метафизические струны расшатываются, и пикси, под мигание магического пламени затухающей жаровни, с победным визгом рассеиваются в воздухе.

Троль предлагал купить мне феноменальную вещь — кольцо с заключённым внутри огненным големом, который будет готов немедленно прийти на зов без всяких заблаговременно произведённых волшебных обрядов и, что не менее кучеряво, без последующего энергетического контроля со стороны призывающего! Класс! Либо троль меня наглým образом обманывает, либо передо мной — бесценный образец Высшей Магии.

— Сколько ты хочешь за эту безделицу?

— Мне будет вполне достаточно кошелек, всеящего у тебя на поясе, — ухмыльнулся Безымянный.

— Губа у тебя не треснет? Даю половину.

— В «Анонимном Дельце» не заведено торговаться. Цена, оглашаемая мной, всегда окончательная.

Глаза Безымянного остановились на моей сумке.

— Кстати... У Узилища Ярости есть ещё одна особенность.

— Какая же?

— Её я открою лишь за красивый кристалл, который ты носишь с собой.

Всевидящие очки на зелёном носу подсказали Безымянному, что у меня есть при себе помимо денег. Купель Сна, доставшаяся мне как трофеем после сражения со Смоктумайтом, само-собой, не могла не заинтересовать алчного тролля. Вдруг во мне заскреблось сомнение — что, если Безымянный специально выдумал «последний секрет», чтобы ободрать меня как липку.

— Откуда я знаю, что Узилище Ярости может хотя бы то, что ты мне тут напел? Отдать монеты и камень просто за воздух обещаний — это глупо.

Тролль задумчиво поскрёб когтями макушку.

— Заряд в кольце всего один. Демонстрировать его магию, не истратив запала, не получится. Однако ты и без того сумеешь убедиться, что я не лгу. Возьми Узилище Ярости в руки.

Безымянный протянул мне свою лапу в перчатке.

— Даже тот, кто не обладает предрасположенностью к чародейству, почувствует его мощь, а что уж говорить про тебя?

Секундочку я помедлил, но все же подставил ладонь разжимающимся пальцам тролля. Тяжёлое, несмотря на свой маленький размер, кольцо упало в руку, словно бульжник средних размеров. По кисти прошла волна жара. Теперь я понял, почему Безымянный не прикасался к нему голой кожей. Узилище Ярости не оставляло никаких сомнений в своей подлинности. Пульсирующими волнами оно нещадно прожигало мою плоть. Подержав кольцо несколько мгновений, я положил его сверху декоративного шкафчика. Красный след лёгкого ожога между линиями судьбы и жизни болезненно дёргал. Я подул на него, и тролль, наблюдавший за мной, хищно заулыбался.

— Выкладывай, что тебе ещё известно об Узилище Ярости, — медленно проговорил я.

— Во всех магазинах правила одинаковы: вначале оплаты покупку — потом забирай её.

Я отцепил кошелек от штанов, а затем положил его тумбочку. Рядом я неохотно водрузил Купель Сна. Быстро схватив выменянные сокровища, тролль пихнул их в закрома сейфа. Шустрый поворот ключа, и они исчезли за непроницаемой створкой.

— Отлично, теперь перейдём к делу. Как я сообщил тебе ранее, прокажённый достал кольцо из позабытой богом часовни. Среди завалов и паучьих сетей, оно лежало на постаменте в кругу двух сюрреалистических панорам. Часть зарисовок на истрескавшихся стенах повествовала о светлом рыцаре, который спрятался за спину тёмно-красного гиганта, отражающего удары копий и стрел. Другие, не менее испещрённые трещинами вертикали, преподносили этого же рыцаря в ином ракурсе — тёмный, с черепом на груди, на фресках он без оглядки убегал от преследующего его голема. На обеих панорамах кольцо было представлено расколотым надвое. «Как это всё понимать?» — спросил я тогда у завернутого в балахон чесоточника. Вот тебе его дословный ответ: «Всякий враг кольцом будет разбит, однако не без оговорки. Будь кудесник или его сподвижники обременены дыханием тьмы, то не избежать кары и им, пламя поглотит их, так же как и тех, против коих оно восплает по принуждению. Будь осторожен с Узилищем Ярости, Безымянный».

— Ясно. Яблочко с кислинкой.

Я завернул Узилище Ярости в платок и убрал сумку. Перекинув её через плечо, я поджал губы и внимательно посмотрел на Безымянного.

— Если кольцо не сработает как надо, я обязательно вернусь за своими деньгами и Купелью Сна.

— Всё-таки сомневаешься?

— С троллями иначе никак.

— Разумный вывод. В случае неудачи даю слово: я возвращу всё до последней монетки.

— Надеюсь, что нам не придётся встретиться при таких обстоятельствах.

— И я. Всего доброго.

Я повернулся и, пройдя земляным коридором, оказался перед выходом из «Анонимного Дельца». Толкнув дверь, я вышел на свежий морозный воздух. Большие башенные часы, висевшие над площадью, показывали восемь ноль-ноль. Не торопясь, я пошёл в сторону оговорённого места встречи. От природы я исключительно пунктуален и никуда, и никогда в жизни не опаздываю. Этот небольшой пунктик моей личности заставляет меня испытывать негодование и неприязнь к людям, приходящим куда бы то ни было не вовремя. Исключением этому правилу я могу назвать лишь Эмилию; её я готов ждать хоть целую вечность, что частенько и происходит.

Когда я подошёл к уже знакомой лавочке, в запасе у меня оставалось ещё двадцать минут. По-другому и быть не могло. Чтобы скоротать ожидание я прислушался к разговорам горожан, проходивших мимо меня. Как я и полагал, обсуждали гибель короля, ставшую официально известной не так давно. Второй главной темой являлась назревающая война с отделившимися провинциями. Многие женщины утирали слезы, рассказывая подругам, как генерал Кирф Маян призвал в армию их сына или мужа для укрепления беспокойных рубежей. Порталы и исчадия Десницы Девяносто Девяти Спиц практически не упоминались. Лишь изредка кто-нибудь вскользь сетовал на большое количество напуганных беженцев, наводнивших Мышиную Дыру. Здесь, под толстыми стенами Торгового Квартала, не шибко верили в то, что демоны способны доставить серьёзные неприятности.

До меня долетел обрывок диалога двух медленно ковыляющих женщин преклонного возраста. Одна из них, неся корзинку с грушами, безутешно рыдала:

— Лучше бы всех этих отщепенцев из Мышиной Дыры поставили на военную службу! Какой от них все равно прок? Никакого! Нет, им нужен был мой Ойл! Мой сыночек! Он так хорошо научился работать с драгоценностями! Ты бы видела, Марта, какое у него получилось ожерелье для дочери Ларри Кукка! Блеск!

— Ой-ой-ой, подумать страшно, Дона, сейчас его тонкие искусные пальцы держат грубый меч! Я буду молиться Ураху, чтобы он уберёт его от гибели!

Женщина споткнулась, плоды покатались на дорогу. Нагнувшись, я помог охающей старушке собрать её корзинку обратно, за что был награждён пахучей грушей. Что за сорт? Зимой? Я повертел фрукт в руке. Зелёный, твёрдый и душистый. Конечно, это каашан, он созревает только к самому приходу зимы. Протерев его полой плаща, я с удовольствием впился в гляцевый бочок. Ой, какой вкус! А сколько полезных веществ содержится в сладкой мякоти — и не передать! Кстати о пользе. Секрет молодости не всегда обусловлен магической составляющей, не менее важно есть много овощей и фруктов, не забывая при этом пить изрядное количество воды.

Доедая грушу, я увидел пробирающуюся сквозь толпу рыжую шевелюру Грешема. Под руку вместе с ним шла улыбающаяся Эмилия. Мой ученик выглядел настроенным, готовым защищать свою спутницу от любых неприятностей. Я ухмыльнулся. Дружок, это она тебя, если что, в обиду не даст, а не ты её. Поравнявшись со мной, колдунья принялась весело щебетать о проведённом времени:

— Представляешь, Калерб, не успела я дойти до Крытого Павильона, как меня догнал вот этот молодой человек.

Моя подруга кивнула в сторону вампира.

— Он предложил вместе пробежаться по магазинам, и, надо сказать, я вначале засомневалась, будет ли ему интересно ходить со мной выбирать одежду, однако моё беспокойство быстро прошло. Грешем — просто лапушка! Никогда ещё мужчина так чутко не чувствовал гармонию цвета! Два часа пролетели, как одно мгновение! Я успела перемерить полрынка и услышать о себе столько комплиментов, сколько ты мне за всю жизнь не говорил!

Эмилия поднесла пакет к моим глазам.

— Кстати это чёрное платье меня очень стройнит, одену его сегодня перед ужином, и ты непременно увидишь, как оно преобразует меня в кошечку! Р-р-р-р!

Колдунья поскребла накрашенными ногтями в воздухе.

— Да у тебя выдался отличный денёк!

— Это ещё не всё.

В узкой ладошке появилась колба с голубым порошком.

— Грешем подарил мне корень семилистника! Даже не знаю, как он угадал! Сегодняшний поход за покупками был самым лучшим за последний год!

Эмилия светилась от счастья, и я тоже заулыбался. Всем необходимо внимание, а девушкам — так особенно. Когда они чувствуют себя нужными и красивыми, то сразу расцветают, и в благодарность за заботу, их тепло согревает наши чёрствые мужские души не хуже бренди. Украдкой посмотрев на ученика, я всё-таки не смог поверить, что пристальное изучение передников и юбок доставило ему большое удовольствие, однако его усы то и дело топорщились, а на щеках проявлялись ямочки. Конечно, он радовался, что, как того и хотел, побыл с Эмилией наедине. Думаю, ему всё равно, чем заниматься с ней, только бы она была рядом. Сейчас Эмилия держала его под руку, и я гадал, как скоро Грешем осмелится рассказать ей о своих чувствах. Наверняка долго ждать не придётся. Отчасти, смотреть на это со стороны горько, ведь исход очевиден, не так ли? Я в конце концов надеюсь лишь на то, что трепетное нутро Грешема не будет разбито на миллионы осколков. Поживём — увидим! Пора приготовить маленькую поддерживающую речь, которую я произнесу, когда он придёт ко мне в слезах и со жгучей обидой на весь женский род. Ему надо будет понять, что сердцу не прикажешь. Получиться ли у меня мягко объяснить это?

Эмилия по-свойски пихнула меня в бок.

— Ты как сходил за покупками? Нашёл, что поможет нам в пути?

— В отличие от вас я тряпки не примеривал, — хмыкнул я. — Кое-что я действительно отыскал. Теперь у меня есть маленький козырь в рукаве.

— Как всегда, говоришь загадками? Как это похоже на тебя, нудный гриб.

Колдунья показала мне язык.

— Нам не пора возвращаться в замок? — обеспокоенно напомнил Грешем. — Если не успеем прийти к десяти, то будем ночевать на улице, а это как по мне не очень приятно.

— Ты прав, надо торопиться, — согласился я.

— Ой, что вы так разволновались? Заночуем в гостинице, если что, ты же не все свои денежки потратил, Калёб?

— Как раз-таки все, и вы, по-видимому, тоже.

— Ну ты и мот, мог бы оставить монетку другую, — рассмеялась Эмилия. — Давайте и правда тогда поспешим.

Повернувшись спиной к часам, показывающим восемь сорок восемь, мы направились к

началу Толкучки. Многие лавки уже были закрыты, а некоторые торговцы ещё только сворачивали свои палатки. Громадный базар ложился спать, чтобы завтра снова продолжить бесконечный торг. В домах загорались огоньки свечей, людей на дороге практически не встречалось. Солдаты с факелами зажигали масляные фонари. Я поднял голову на звёздное небо — в ночи есть своя неповторимая красота и шарм. По пути я наслаждался видом города, его отсветами и тенями, кружащимися фигурами на фасадах зданий, увитых неувядающим плющом. Промерзающий воздух щекотал ноздри, призывая прибавить шагу, так я и сделал. Через бастионные ворота, ведущие в Квартал Света, проникал жёлтый луч гарнизонного костра. На одной створке уже висел огромный замок в форме изгибающейся звезды, последние влиятельные горожане и миряне просачивались сквозь усиленный отряд охраны. Нам преградили вход четыре монаха в полной боевой броне. Их насторожили наши посохи. Недоверчиво выслушав заверения о том, что мы новые подмастерья из Магика Элептерум они нас всё же пропустили.

Храм Ураха на Вилика Ура Светелик искрился всеми цветами радуги. Отблески пирамиды хорошо освещали скользкий отполированный песчаник. Морозец прихватил сырость, превратив её в тонкую корочку льда. Чтобы не растянуться, нам приходилось судорожно хвататься друг за друга.

Неудачно поскользнувшись, Эмилия громко вскрикнула и брякнулась на мостовую вверх тормашками. Из её сумки, полетевшей в сторону, посыпались многочисленные вещи. Паладин, проходивший мимо, решил проявить благородство и помочь, как и я недавно бабуле, собрать барахло колдуньи. Эх, как не вовремя она упала. Взревев как дикий кабан, паладин поднял заржавевший амулет Ураха, который достался Эмилиии на память о Лунных Вратах. На его поблёскивающих волнистых линиях отчётливо различались извращённые руны Дромбильхваля.

Зычный рык паладина, обнажающего двуручный меч, пронзил тишину засыпающего проулка.

— Держите чернокнижников!

Находящийся неподалёку гвардейцы Канцелярии Правосудия в мгновение ока откликнулись на громогласный призыв. Спереди, сзади, слева, справа показались вооружённые люди. Бежать было некуда, кошки отрезали мышкам все ходы и выходы. Использовать Узилище Ярости или магию? Нет. Плохая идея. За это нас наверняка убьют, а тут ещё, может, есть шанс всё истолковать в нашу пользу. Не успела Эмилия подняться на ноги, как вокруг нас образовалось кольцо из ощеренной стали. К нам стягивалось всё больше и больше народу. Паладин, нашедший амулет, схватил колдунью за волосы и с силой кинул обратно на землю. Увидев это, Грешем жутко завращал глазами и выхватил короткие клинки. Его озлобление едва не стоило нам жизнью. Сразу пятёрка палашей упёрлась ему в горло. Он рухнул на колени, а за ним и я. Мозолистая рука уткнула меня лицом в холодную мостовую. После того как мои запястья туго перевязали, прозвучал приказ волочить нас к инквизиторам. В полусогнутом положении мы поплелись в казематы. В просторном помещении, являющимся пыточной камерой, нас приковали цепями к скобам, торчавшим из кирпичной кладки. Всюду громоздились изошрённые орудия дознания, коими братья света активно пользовались, дабы узнать правду у неразговорчивых грешников. Сейчас узников кроме нас здесь не было, но кровавые следы на дыбе подсказывали мне, что совсем недавно тут кипела оживлённая деятельность. Для начала каждый из нас получил несколько крепких ударов по жизненно важным органам. Поджарый инквизитор с прядью седых волос

наверняка хорошо знал своё ремесло дознавателя. Он сел на стульчик спинкой вперёд и не спеша стал рыться в нашем имуществе. Каждая находка заставляла его брови ползти всё выше и выше. Наконец найдя мою книгу «Прикладная магия. От новичка до мастера», дополненную в конце моей рукой записками о тёмных обрядах, инквизитор чуть слышно присвистнул. Видимо при всём моём красноречии оправдаться нам теперь вряд ли получится.

— Я так понимаю, самые настоящие чернокнижники каким-то образом проникли в сердце Шальха. За всю мою службу я не встречал такой наглости ещё ни разу. Вероятно, вы считаете, что раз король мёртв, вам теперь всё можно и дозволено?

Дознаватель покачал на цепочке амулет Ураха.

— Не буду спрашивать, кому принадлежал сей амулет, всё равно этому бедняге уже не помочь, однако я сделаю так, чтобы его смерть и нечестивое осквернение, коему подвергся Символа Свет, были отомщены вашей болью. Я заставлю вас раскаяться в содеянном. Уж поверьте мне, я имею некоторый опыт в таких делах.

— Ты ошибаешься, — прохрипел я. — Мы...

— Молчать!

Инквизитор поднялся и обвёл глазами орудия пыток. Недолго покумекав, что уготовить нашим бранным телам, он остановил свой взгляд на маленьком металлическом сапожке со стягивающимися винтиками.

— Эй, Бак, сбегай к великому инквизитору и доложи, что у нас на крючок попалась толстенькая рыбка. Она сейчас в замке.

Услышав приказ дознавателя, молодой монах сорвался с места в сторону дверей. Как я и предполагал, первой жертвой стала Эмилия. Я судорожно думал, как выкрутиться из сложившейся ситуации, и ничего лучше, чем ждать Серэнити, мне в голову не приходило. Она придёт и освободит нас. А если нет? Вдруг вместо того, чтобы прекратить истязания она, наоборот, подкинет дровишек под разгорающийся костерок? Я явственно помню, что великий инквизитор ни один раз грозилась при удобном случае разделаться с нами, а тут на тебе, такой привлекательный шанс подвернулся. Всегда потом можно сказать, что нас обнаружили в склепе, полном пляшущих и злобно-хохочущих мертвецов. Увы, при задержании мы сопротивлялись и нас, к сожалению, пришлось отправить на небеса, точнее в бездну. И ей поверят, я уверен, что слово великого инквизитора неприкосновенно, Констанция Демей доверяет Серэнити и не заподозрит её во лжи.

Я закрыл глаза и попытался сконцентрироваться на Эмилии. Её ногу как раз засунули в металлический сапожок. Поедая сухое дерево, под ним вовсю трещало озорное пламя. Колдунья словно пребывала в трансе. Подозреваю, что она не верила в то, что это происходит именно с ней. Крепко связанные цепью, руки Эмилии заметно побелели, а под глазом набирал краски синяк, подаренный одним из ретивых послушников Ураха. Грешем все это время рвался из оков, дюжая сила вампира была столь велика, что стальные петли, удерживающие его, постепенно стали прогибаться. По указанию дознавателя пыл моего ученика резко охладили. Дежуривший паладин нанёс ему сокрушительный удар в нос деревянной палицей, предназначенной специально для успокоения особенно буйных грешников. Послышался противный хруст костей. Мелкие красные брызги окропили доспех паладина и пол под ним. Грешем потерял сознание и, обмякнув, сполз по стене окровавленным мешком.

— Как тебя звать?

— Эмилия.

— Полное имя!

— Эмилия Грэхольм!

Мерзкое лицо опустилось к уху моей подруги.

— Сознаться, где укрыт твой ведьмовской шалман?

— Никакого ведьмовского шалмана у меня нет!

— Есть! На нём ты испоганила амулет, предварительно погубив его обладателя!

— Я не понимаю, о чём ты говоришь! Клянусь Всеотцом, я ни в чём не виновата!

Амулет принадлежал моему дедушке, славному воину Карака! В знаменитой зачистке Логова Серого Паука он отнял его у почитателя богомерзкой Рифф! После смерти дедушки я храню его как память, только и всего! — жалобно захныкала Эмилия.

— Я мог бы поверить твоему сладкому голоску, если бы не нашёл у вашей шайки яды, гримуары, сушёные крысиные хвосты и магические посохи.

Кулак инквизитора несколько раз проехался по красивому лицу колдуньи.

Схватившись за цепи, как за ниточки, я работал магией — оплетал тело Эмилии чарами. Мне в голову пришёл самый простой, но вместе с тем действенный вариант. Я мог защитить ногу колдуньи от огня, лишь приняв её боль и увечья на себя, что я и сделал. Здесь важна не только концентрация, но и сила воли. За мою жизнь я трижды находился в камерах пыток и каждый раз с содроганием вспоминаю о муках, перенесённых в их застенках. Я настроился на мерное тиканье маятника, стоявшего на столе, и, всецело погрузив себя в его движение, приготовился терпеть страдания моей дорогой подруги хотя бы до прихода Серэнити, а там будь, что будет! По мере того, как сапжок нагревался, моя нога становилась все более красной. Наконец я ощутил жжение металла от ступни до голени. Кожа пузырилась и лопалась маленькими шариками, я прикусил губу, чтобы не закричать. Наряду с этим инквизитор был явно удивлён тем, что Эмилия ещё не умоляет остановить мытарства. Поворошив прутом алые угли, он вновь вернулся к допросу.

— Почему ты не колдуешь, ведьма? Попытайся высвободиться, обещаю, я не буду тебе мешать, — пробасил дознаватель, опираясь о стул, на котором до этого сидел. С каждой секундой его лицо становилось все более хмурым, а моё все более потным. В итоге, не выдержав боли, я страшно закричал. Тут же повернувшись на мой крик, инквизитор окинул меня опытным взглядом. Единым махом, он схватил меня за трепыхающееся в конвульсиях бедро и сорвал сапог. Под ним он обнаружил жутко обожжённую ногу.

— Ну-ка вытащите ножку красавицы из тепла.

Когда нога Эмилии показалась из алого сапога, она была едва розовой. Наградив колдунью парочкой пощёчин, отозвавшихся во мне взрывами ослепительных вспышек, инквизитор велел приковать её к стенке. Подойдя ко мне поближе, он задумчиво почесал бороду.

— Вот оно как, значит, да? Жарим её, а припекаешься ты? Дай спрошу, может, ты любишь, когда тепло обнимет тебя со всех сторон, а колдун? Стеснялся попросить меня об этом? Ну ничего, я, так и быть, тебя уважу.

Дознаватель поднял мою обессилившую голову, чтобы я посмотрел в нужном ему направлении. Открыв слипшиеся от слез глаза, я увидел здорового медного быка, я точно знал, что он из себя представляет. Это хитроумное устройство предназначалось для медленной и невероятно жестокой смерти. Через отверстие человека засовывают в полого быка и разводят под ним огонь, с помощью специальных труб, проведённых из нутра к

ноздрям, вопли истязаемого превращаются в вой, схожий по интонации на бычий. Радости испытать на себе всё это я естественно не ощущал.

— Мы не те, за кого ты нас принял! Мы всего лишь ученики Магика Элептерум! Спроси у мастера Бертрана Валуа, он подтвердит!

Я попытался сделать глупое лицо.

— Ага, конечно, зубы мне заговариваешь.

Дознаватель состряпал язвительную гримасу.

— Ни один ученик из Свихнувшейся Башни не станет таскать с собой трактат по оккультной магии. Я думаю, что ты — чёрный маг, и твоя жизнь полна мерзких убийств и богохульных ритуалов. Поверь, очень скоро я узнаю от тебя всю правду. Хочешь расскажу, как это произойдёт? Вначале ты завизжишь, а потом во всём сознаешься. Но будет уже поздно!

Инквизитор махнул на фигуру почерневшего от копоти быка.

— Тащите его в печь.

После того как звякнули засовы цепей, меня потянули к выпавшему жребию. Страх сковал мышцы, я весь скукожился, голова отказывалась меня слушать, ноги и руки обмякли, как у ватной куклы. Спротивляться не было никаких сил. Я поймал направленный на меня взгляд Эмилии. Эх, подружка, я всегда говорил, что холод переносу лучше, чем жару! Подталкиваемый в бока мечами паладинов, я стал забираться в недра медного быка. Изнутри его стенки покрывал толстый слой сажи, смешанный с фрагментами зубов, ногтей и костей. Меня передёрнуло и едва не стошнило. Неожиданно сзади послышался щелчок открывающейся двери, и руки, запикивающие меня в отверстие, прекратили жать на тело.

— Немедленно выньте его оттуда! Я сама хочу посмотреть на чернокнижника, прежде чем его зажарят.

Голос принадлежал Серэнити. Ну наконец-то ты пришла! Как говориться — лучше поздно, чем никогда! Меня достали и посадили на колени подле великого инквизитора. За её спиной толпилось клевреты в латных доспехах. Наши глаза встретились. Едва заметная улыбка победителя тронула губы Серэнити. Я без труда догадался, о чем она думает. Борясь с искушением запечь меня как рыбу, она сжала полы своего белоснежного платья.

— В чем он обвиняется? — требовательно спросила Серэнити у инквизитора. Отвечая, он вытянулся по струнке.

— Его и вот этих двоих поймал паладин Брекс из Ордена Праведного Гнева.

Дознаватель протянул Серэнити исчерканный языческими рунами амулет Ураха.

— Он выпал у ведьмы из сумки. Помимо этого, в их вещах я обнаружил книги по чёрной магии, сушёные хвосты крыс и жабы потроха. Прикажете подготовить костёр или в начале побалуем их «колыбелью»?

Великий инквизитор в упор смотрела на Эмилию.

— Нет, дурак, ты чуть всё не погубил. Я знаю этот амулет. Я сама дала его ей.

— Вы, наверное, ошибаетесь, миледи. Девка уверяет, что это реликвия её семьи.

Серэнити выглядела разозлённой.

— Ты испытываешь моё терпение? Я же сказала, что знаю, откуда он у неё. Снять их с цепей, а этого поднимите с колен.

Монахи кинулись выполнять поручение великого инквизитора.

— Но посмотрите на её ступню? — не унимался дознаватель. — После «огненного сапожка» она осталась цела и невредима! Его же нога — обуглилась!

Серэнити грубо схватила инквизитора за челюсть, заставляя его так замолчать.

— Ты не понимаешь с одного раза? Я знаю, кто эти люди и, да будет тебе известно, они не имеют никакого отношения к чёрной магии. Эта девушка — святая, Урах благословил её плоть своим дыханием. Все повреждения за неё терпит этот брат света.

Серэнити положила руку мне на голову, чтобы не осталось сомнений о ком идёт речь.

— Дав тайный обет молчания о том, кто они такие, эти, отмеченные Всеотцом служители Света, изучают нечестивые книги и орудия колдовства, чтобы лучше понимать нашего общего врага — ересь, с которой мы боремся.

— Я... я... простите... мне ясно, миледи...

— Приведи мне Брекса, — обронила великий инквизитор, отпуская дознавателя. Он тотчас поспешил выполнять её указание.

Откинув тонкие пряди волос за плечи, Серэнити потеснее закуталась в накидку, отороченную белоснежным песцом. Пока она прихорашивалась, инквизиторы усадили нас на низенькие стульчики, а Грещема привели в чувство. Одного взгляда ему хватило, чтобы понять, кому мы обязаны чудесным спасением. Он сжал зубы и молча переносил прикосновения монаха, который прикладывал ему мокрую тряпку к разбитому носу. От увечья, нанесённого вампиру, обычный человек мог погибнуть. Сломать нос палицей это вам не шутки.

— Урах послал вам новое испытание, которое вы прошли, — мягко, почти нежно промолвила Серэнити.

Я искоса переглянулся с вампиром, нога страшно болела, заставляя меня тихонечко скулить — огненные раны нещадно терзали моё тело. Я хотел заговорить, но не осмеливался. Серэнити полностью контролировала ситуацию. О, Вселенная, почему мы не идём в замок? Неужели нельзя потом разобраться с этим Брексом?! В каземат зашёл дознаватель, три доспешных инквизитора, а за ними паладин, недавно схвативший нашу компанию. Брекс держа шлем под мышкой, неуклюже плюхнулся на одно колено перед великим инквизитором.

— Миледи!

Серэнити ласково подняла кучерявую голову.

— Из-за тебя едва не лишили жизни ни в чем не повинных людей. Ты знаешь, какое наказание за это ждёт паладина Света?

Глаза Брекса расширились от ужаса, он наверняка знал, что ему грозит.

— Смерть, — тихо произнёс он.

— Я оставляю твою жизнь на решение тех, кого ты чуть не опрокинул в могилу.

Серэнити посмотрела мне в глаза.

— Жизнь или смерть?

Я сглотнул комок, подступивший к горлу. Серэнити так просто вложила чужую судьбу в мои руки. Неужели её совсем не заботят жизни подчинённых? Или она так тонко блефует? Я надеялся, что нас отпустят и на этом всё закончится, но великий инквизитор предпочла разыграть свой сценарий. Мы не должны забывать, на чьей территории находимся, и кто решает здесь — кому жить, а кому умереть. Сила и власть покоятся на этих, хрупких на первый взгляд, плечах. Я посмотрел на Брекса, он дрожал, липкие щупальца страха пустили корни в его душу, ах, как хорошо я его понимал. Наверняка он не сомневался в приговоре, который я уготовил для него.

— Жизнь.

Развернувшись, Серэнити отвесила паладину сильнейшую пощёчину. Как тюфяк он отлетел к стойке со щипцами.

— Это тебе за ту боль, что по твоей непреднамеренной ошибке довелось испытать этим, из жалости простившим тебя, приверженцам храма. Помимо того, я, как примас Братства Света, налагаю на тебя епитимью. Её снимет духовник твоего Ордена, когда сочтёт нужным. На этом всё.

— Я раскаиваюсь в содеянном, миледи, — держась за щеку, облегчённо выдохнул выпрямившийся Брекс. Он обежал нас глазами, а затем чувственно добавил глядя в пол:

— Благослови Вас Урах за милосердие.

Серэнити поманила пальцем лысого монаха с перекрещённой вышивкой косы и розы.

— Работа старшего инквизитора требует проверки. Пусть он расскажет тебе, почему проводил допрос без служки-секретаря, и что поторопило его использовать смертельные орудия в столь необычных обстоятельствах до прихода высшего чина Ордена. Отчёт предоставь инквизитору-судье Лилии Мрани.

Низко склонив, голову брат света несколько раз кивнул.

— Забирайте свои вещи, мы уходим, — сказала мне Серэнити, грациозно направляясь к выходу.

Схватив со стола посохи и сумки, я передал Эмили и Грешему их пожитки, после чего пройдя через строй расступившихся монахов, мы покинули подземелье. У казематов стояла запряжённая тройкой лошадей карета расписанная звёздами Ураха, мы залезли в неё все вместе. Возничий тронул поводья.

— Спасибо большое, Серэнити — искренне поблагодарила Эмилия. — Ещё чуть-чуть, и Калек испёкся бы в печке, как ванильная булочка.

Великий инквизитор промолчала, а колдунья повернулась и поцеловала меня в лоб.

— Спасибо тебе, дорогой, я обязательно вылечу твою ногу, дай только до замка доберёмся. Там я её внимательно осмотрю и подберу необходимые травы.

— Давай лучше я.

Серэнити склонилась над моими ожогами и, слегка проводя по ним пальцами, принялась нараспев читать заклинание. Я стал чувствовать покалывание и приятный холодок, болевые ощущения уменьшились, а вздувшаяся кожа приобрела более здоровый вид. Я изумлённо приоткрыл рот.

— Твоя магия творит чудеса! Спасибо! — сказал я, осматривая повреждённую конечность. Она стала выглядеть значительно лучше, но рану все же следовало ещё разок обработать.

— На какой-то миг я подумал, что ты разрешишь дознавателю закончить начатое.

— Я с удовольствием бы так и поступила, однако как бы мне того не хотелось, сейчас я не могу пожертвовать твоей чёрной душонкой в угоду моего удовлетворения, — честно ответила Серэнити.

Великий инквизитор вздохнула, а затем внезапно схватила меня за больную ногу. Я вскрикнул и попытался вырваться, но не вышло. Серэнити навалилась на меня и зашептала:

— Королевы верят, что ты являешься ключом к нашему спасению, поэтому смотри — не подведи их. Ты понял, о чём я? Моё обещание убить тебя по-прежнему остаётся в силе. Сверни не туда, и я сверну тебе шею.

— Я рад, что ты не изменяешь своим принципам, — пошутил я, вдыхая аромат шоколадных духов. — Но тебе незачем волноваться, мы с тобой в одной лодке.

— Нет, некромант, лодки у нас разные, — проговорила Серэнити, наконец разжимая руку. Она отвернулась к окну и до самого замка больше не проронила ни слова. Карета затормозила, и мы, ковыляя за великим инквизитором, зашли за каменные ворота. Идя впереди нас, она завернула за угол, а там остановилась. Такой манёвр едва не спровоцировал с нею столкновение. Грешем налетел на меня, а я в свою очередь на Эмилию. Колдунья не упала на Серэнити лишь благодаря тому, что в последний момент ухватилась за вазу. Пышный, расписной сосуд рухнул на пол, раскрасив зал калейдоскопом осколков. Видя наше общее замешательство, Серэнити даже глазом не моргнула.

— Через час королева Констанция Демей ждёт вас в Оранжевом Зале.

— Мне кажется, я где-то видел указатель. Это на шестом или четвёртом этаже? — спросил Грешем.

— На том, где Оранжевый Зал.

Произнеся это, великий инквизитор величаво двинулась к аркам замковой часовни.

— Я знала, что ты не бросишь меня в беде.

Эмилия ещё раз поцеловала меня в лоб.

— И тебе спасибо, Грешем.

Поцелуй теперь достался пухлой щеке вампира.

— Не стоит благодарности, так, парочку синяков останется на память.

Я уныло улыбнулся подруге.

— Однако хочу заметить, что шлёпнулась ты не вовремя. Применять атакующую магию не имело смысла, поэтому я сделал все что мог.

— Ты сделал намного больше! О, Калеб! Я так испугалась! У меня до сих пор поджилки трясутся!

— Всё хорошо, что хорошо заканчивается, пойдёмте перекусим, а потом сразу к королеве, — сказал Грешем, ощупывая свой раздувшийся до размеров груши нос. — Посидим на приёме, а вечером навестим Мурчика и Снурфа, у меня, кстати, для них кое-что припасено.

Мой ученик раскрыл сумку и продемонстрировал кусок колбасы и сладкий рулет.

— Есть я не буду, — отрицательно замотала головой Эмилия. — У меня ещё стоит перед глазами железный сапожок, и как Калеба ведут к быку.

— Да уж, без парочки бокальчиков дешёвого вина это не забудешь, — согласился я.

— Ты говоришь дело, — поддержала колдунья. — Сбродивший виноград — это то, что мне сейчас необходимо.

Прихрамывая, мы добрались до кухни, двери открыл маленький поварёнок. С сомнением посмотрев на наши раны, он предложил хотя бы помыть руки перед едой. После того как мы ополоснулись в уборной, нас допустили к столу. Печёная картошка с телячьими котлетами, хлеб, бекон и хрустящая квашеная капуста горкой взгромоздились на наших тарелках. По обыкновению Грешему достался графин крови. Вино было кислое и сильно вязало рот, но это не помешало мне дважды опорожнить оловянный кубок. Опустошив бутылку напополам с Эмилией, я, по её настоянию, закатал разодранную штанину.

— До свадьбы заживёт. Болеть, правда, будет долго, но тут уж ничего не поделаешь, — сказала моя подруга, смазывая ожог мазью, которую сегодня приобрела на рынке. — Ты видел, что умеет Серэнити? Думаю, она специально не стала полностью тебя исцелять. Могла, но не стала.

— Чтобы я помучился? Да, возможно. В великом инквизиторе заключены

поразительные силы, и я уверен, что залатать мою голень ей ничего не стоило.

— К моему носу она вообще не притронулась, — прогнусавил вампир.

— Ой— ой, подожди, я мигом.

Эмилия скатала из ватки валики и, смочив их все той же мазью, вставила затычки в ноздри моего ученика.

— Ходить с ними не очень удобно, но лучше так, чем нос загноится и отпадёт совсем. Тебе повезло, рыжик, что перелом небольшой. Срастётся и будет служить лучше, чем прежде!

Обняв вампира двумя руками, колдунья прижала его к себе.

— Ты такой смелый, Грешем! Кинулся на гнусных паладинов, чтобы защитить меня! И ты, Калев! Вы такие храбрые мальчишки! Я вами горжусь!

Я закатил глаза к потолку.

— Ну будет тебе уже.

Впрочем, слышать, как тебя хвалит красивая девушка всегда приятно. Грешем так и вообще не мог произнести ни одного слова, весь его вид говорил о том, что ради Эмилии он пойдёт на всё и даже больше. Парочка ласковых фраз, и мужчина готов отдать жизнь за даму сердца. Однако Эмилия этого точно достойна.

Поблагодарив поварёнка за еду, мы отправились на встречу с Констанцией Демей. По пути к Оранжевому Залу наши уши ловили обрывки фраз перешёптывающихся слуг. Обсуждали нападение демонических существ на один из небольших городков Иль Градо. В ожидании дурных новостей я толкнул двери апартаментов. Внутри царило практически осязаемое напряжение. Две королевы спорили с генералом Кирфом, Серэнити что-то выговаривала Ингри Звёздному Плащу, а в самом уголке сидел усталый юноша в кожаном доспехе. Его замшевые сапоги покрывала дорожная пыль.

— Явились, значит! — вскричал Ингри Звёздный Плащ. — Пока нас атакует Десница Девяносто Девяти Спиц, они шаркают по городу, ища веселья праздной жизни!

— Не знаю, что ты называешь весельем, старик, однако побывать в казематах инквизиции, та ещё радость! — выпалил Грешем.

Призывая к молчанию, королева Констанция подняла тонкую руку вверх.

— У нас тревожные вести, мастер Калев. Город Эрменгер в осаде. Как вы уже поняли по восклицанию Ингри Звёздного Плаща, виновником этому стал портал. Тысячи человекоподобных монстров затопили своей кровью оборонительные стены, но так и не пробрались за черту укреплений.

Королева указала в сторону паренька.

— К нам прибыл гонец с просьбой о помощи. Отважным гражданам Эрменгера удалось отбиться, однако долго они не протянут, их теснят и с каждым часом положение только ухудшается. Пока я — королева, мои люди не останутся без защиты. Я хочу, чтобы вы прервали своё расследование и вместе с Кирфом Маяном отправились в Эрменгер. Генерал с войском отвлечёт на себя внимание демонов, а вы тем временем подберётесь к воротам и посмотрите, что можно предпринять для их закрытия. Насколько мне известно, один раз вы уже совершили нечто подобное на ржаном поле.

Прежде чем начать говорить, я многозначительно посмотрел на гонца. Поняв мой намёк, Констанция Демей позвонила в колокольчик, и в ту же секунду в зал зашёл паж в фиолетовой ливрее.

— Подойдите ко мне, Фуг из Эрменгера. Вы отлично послужили Соединённому

Королевству. Теперь идите, отдохните. Дворецкий проводит вас в столовую и бани.

— Благодарю, Моя Королева.

Молодой человек низко поклонился и в сопровождении слуги покинул покои.

— Насколько я помню, Эрменгер находится у самой границы с Плавенем? — спросил я.

— Да, это так, — подтвердил Кирф. — И что?

— То, что это очень кстати.

Я повернулся к королевам.

— За два дня, проведённых в Шальхе, я пришёл к некоторым выводам, которые должен озвучить перед тем, как направлюсь в Эрменгер. Вы мне позволите?

— Да, Калев, мы тебя слушаем, — прохрипела королева Элизабет.

— Перейду сразу к сути. Я практически уверен, что необходимо сделать для того, чтобы избавиться от сопредельных разрывов — врат в иные миры и их Десницы Девяносто Девяти Спиц. Как я и думал, убийство короля не было случайным событием. Его убили, чтобы поставить точку отсчёта.

— Что ты мелишь? О какой такой точке говоришь? — осёк мою речь придворный маг.

— Не перебивайте, Ингри, когда я захочу узнать, есть ли у Вас вопросы, то спрошу, — строго проговорила королева Констанция. — Прошу вас, мастер Калев, продолжайте.

— Спасибо, Моя Королева. Моё расследование показало, что незадолго до смерти король Вильгельм обнаружил Пророчество Полного Круга. Данное самим Урахом, оно повествует о конце правящего рода и великих невзгодах, которые обрушатся на Королевство сразу после того, как последний монарх сложит голову. Однако среди страниц, полных горя, есть надежда на спасение. Бог Света дал ясные указания, как мы должны поступить, когда наступит Чёрный День. Вернее, не мы, а его самые близкие и преданные последователи. Его чемпионы обязаны объединить усилия и совершить некий Ритуал Призвания. Призвания Ураха. Где бы ни был Всеотец, он услышит зов и придёт, чтобы навести порядок в зарождающемся хаосе. Я думаю, если мы найдём хотя бы одного из легендарных героев, то сможем, как минимум, заручиться серьёзным союзником в войне против Десницы Девяносто Девяти Спиц, а как максимум — стать свидетелями божественного явления, которое очистит мир сразу от всех демонических врат.

— Неслыханно, неслыханно! — вновь не сдержался Ингри Звёздный Плащ. Не обращая на него внимания, я чуть повысил голос:

— Покопавшись в библиотеке, я нашёл место, где, по моему предположению, и поныне находится один из этих героев. Путь лежит в Железные Горы. Если мои королевы разрешат мне, то я, после того как сделаю все возможное для людей Эрменгера, не вернусь в Шальх, а попробую добраться до заснеженных кряжей гномов. Между тем у меня есть подозрения, что по ходу путешествия мне удастся пролить свет и на то, куда пропал принц Фабиан, какое место во всём этом действе занимают живорезы, и что происходит в восставших провинциях. Моя дорога растянется на сотни миль, и, как говорится, — видящий, да увидит, слышащий, да услышит. Отголоски сплетен, слухи и разговоры народа в конечном итоге выведут меня на призрачный след загадочных событий.

Серэнити грозно сверкнула глазами.

— Что за бред сумасшедшего ты только что выдал? О каких героях ты вообще говоришь?! Никто не смог бы прожить столько времени! Урах поднялся на небо тысячи и тысячи лет назад, все, кто видел его вживую, не оставили от себя ничего, кроме праха.

— Я говорю о бессмертном Эмириусе Клайне, о первом вампире. Наверняка для нег

века тянутся не так, как для нас. Основываясь на знаниях, известных мне о Племени Ночи, смею предположить, что в состоянии сна он вполне способен просуществовать чуть ли не вечно.

Серэнити едва сдержалась, чтобы не кинуться на меня. Её стальные перчатки сжались в кулаки.

— Как ты смеешь, некромант, обвинять Ураха в связях с отрепьем Назбраэля?!

— Тихо! — прикрикнула королева Элизабет, шлёпнув ладонью по подлокотнику стула. Когда воцарилось молчание, заговорила Констанция Демей.

— Мы должны рассматривать все зацепки, которые имеем сейчас. Если есть даже самый невероятный, самый крохотный шанс вернуть всё на круги своя, то его надо использовать. В Соединённом Королевстве всё очень и очень плохо. Здесь, в столице, люди ещё не знают этого, но другие, более удалённые отсюда регионы уже всю ощущают на себе липкие пальцы смерти, голода и мора. Мне постоянно приходят тревожные сообщения из Карака и Вельдза. Активность живорезов в Великом Лесу и Лесу Скорби значительно повысилась. Гарнизоны терпят поражения за поражением. К этому ещё прибавились мятежные солдаты, стягивающиеся к приграничным землям Иль Градо под предводительством наместника Плавеня Гильберта Энтибора. Моё королевство стоит на грани распада, и вездесущие порталы только подливают масла в огонь. Пока они не главная наша проблема, но где гарантии, что они не станут ею? Сегодня жгут Эрмингер, а завтра что? Завтра будут жечь Шальх. И если мы сами себя не уничтожим в братской войне, то это сделают незваные гости, исчадья бездны.

Королева встала и подошла ко мне.

— Мастер Калев, ваши предположения фантастичны и подтвердить их можно лишь проделав все то, о чем вы сказали. Вы отбудете в Эрмингер, а оттуда направитесь в Железные Горы с целью отыскать Эмириуса Клайна. Найдите его и поведайте о наших бедствиях и нуждах. Коль будет на то воля Ураха, неожиданная радость спасения озарит небеса его благодатью.

— Моя Королева...

— Это не всё. Идти во тьму, не имея в руках света, — значит пренебрегать мудростью. Я хочу, чтобы в походе к вам присоединилась Серэнити. Она стоит десятка самых лучших бойцов и целителей. С нею вы пробьёте завесу зла и достигнете поставленной цели.

На всегда бледном лице Серэнити появились красные пятна. Кинув на меня испепеляющий взгляд, она быстро заговорила:

— Ваше Величество, я нужна здесь! Покинь я Шальх, кто станет руководить Орденом Инквизиции? Кто будет печься о том, чтобы еретические мысли не проникали в умы Ваших подданных? Кто останется оберегать вас от всё разрастающейся скверны? Тучи живой тьмы опустились на землю, и кому, как не мне, надлежит встретить их у нашего порога мечом и щитом? Вы верите некроманту, и я, стиснув зубы, приняла это! Однако что из этого вышло? Чем он потчует нас? Ложью! Никогда Бог Света не являлся с вампирами, выкидышами Назбраэля!

Великий инквизитор с вызовом оглядела Грешема.

— Урах уничтожал их и нам велел делать то же самое! Мой долг вывести вас из заблуждения! Посмотрите, какую змею вы пригрели на груди! Что она шепчет? Ересь!

Королева Элизабет недовольно поглядела на Серэнити.

— Сейчас я полностью поддерживаю Констанцию, она права. В сложившейся ситуации

нам требуется хвататься за любую, даже сомнительную соломинку. Пусть слова Калеба кажутся несколько... как бы это сказать? Кажутся построенными на гипотезах, не имеющих под собой твёрдой почвы, но чем они хуже прочих? Я потеряла мужа, сына и внука, а скоро потеряю ещё и любимую страну. Тебе что-нибудь это говорит? Да? Я хочу, чтобы кто-то предпринял попытку всё исправить, и Калёб дал мне то, что я хочу.

Элизабет махнула платком и её тон изменился.

— Серэнити, ты нужна нам, очень нужна, ты — практически единственная, кому мы можем по-настоящему довериться. Без тебя тоненький лучик надежды, проросший из домыслов тёмного мага, обречён на затухание. Я не приказываю, я прошу тебя: отправляйся с Калёбом, дабы найти ответы и спасти мой народ.

Старая королева улыбнулась.

— За нас с Констанцией не беспокойся. Здесь останется Ингри Звёздный Плащ. Пока тебя не будет, он позаботится о нашей безопасности.

— Королева Элизабет Тёмная просит, а я приказываю.

Королева Констанция выпрямила спину.

— Вы — мой фаворит, Серэнити, и никого другого из Братства Света я не могу послать на столь ответственное задание.

— Я рождена служить, и если таково Ваше Королевское решение, я подчиняюсь. Да направит Урах мой путь через Тьму.

Великий инквизитор поднесла сжатый кулак к своей груди.

Не может быть! Нет! Серэнити пойдёт со мной?! Такая перспектива меня не устраивает!

— Моя королева, Серэнити во многом права! Неразумно оставлять Вас сейчас без зоркого ока великого инквизитора. Подумайте, совсем недавно ваш муж погиб под клинком живорезов, а сын пропал — остались лишь Вы и королева Элизабет! Нам нельзя Вами рисковать! Что случится с Соединённым Королевством, если, не дай Урах, Вас найдут неживой? Крах! Катастрофа! Гибель! Поберегите себя и нас! Прошу Вас! Сохраните надежду в наших сердцах.

Я сложил руки вместе.

— Отмените свой указ. Я не доверяю магическим способностям Ингри Звёздного Плаща! Он проворонит Вас, так же как и короля Вильгельма, принца Фабиана и Корону Света! Оставьте Серэнити в Шальхе!

— Сморчок зелёный! О моих способностях он тут твякает! Давай, выходи на середину, устроим поединок!

Растерявший силу маг, как ужаленный, подскочил на стуле. С его дрожащих пальцев слетели красные искры. Попав на ватную подкладку мантии, они загорелись язычками пламени. Огонь резво пробежал по воротнику и запрыгнул на бороду, которую Ингри Звёздный Плащ принялся с остервенением катать между ладоней.

— Я же говорю, что с него взять? Я развёл руки в сторону.

— Никаким энергетическим контролем и концентрацией здесь и не пахнет. Нам не избежать неприятностей, пока замок будет прибывать под его надзором.

Королева Элизабет погрозила мне пальцем.

— Ну-ну! Ты глубоко заблуждаешься, Калёб. Ингри Звёздный Плащ — опытный чародей, не единожды доказавший свои умения и исключительные дарования. Уж я знаю, чего он стоит, так что не надо при мне поливать его грязью. Ты понял?

Я склонил голову.

— Да, Ваше Величество.

Уголки губ королевы Констанции тронула мимолётная улыбка.

— Я ценю вашу заботу о нас, мастер Калев, но моё повеление в отношении Серэнити останется прежним. У вас намечается неимоверно трудное предприятие, в котором добиться успеха не менее важно, чем сохранить жизни двух женщин. Не беспокойтесь, не только Ингри Звёздный Плащ и Серэнити стоят на страже нашего покоя. Помимо них в Шальхе имеется много опытных радетелей: главы Орденов Света, боевые монахи, друиды и рейнджеры Энгибара, рыцари-плютеранцы, солдаты Канцелярии Правосудия, паладины, высшие офицеры, регулярная армия и колдуны из Магика Элептерум. Мы точно выстоим до вашего возвращения.

Констанция Демей выглядела решительной.

— Время, однако, господа и дамы, играет против нас. Мастер Калев, вы отбываете завтра на рассвете. Подготовьтесь, возьмите все, что вам нужно. Я же отдам распоряжение собрать для вас провизию и тёплые вещи.

— Ваше Величество, разрешите мне заметить, — подала голос Эмилия. — Нам будет разумно двигаться к Эрменгеру без вояк генерала Кирфа. Не трясясь в солдатских обозах, мы быстрее доберёмся до осаждённого города.

— Леди дело говорит, — согласился генерал со словами моей подруги. — Военная машина движется медленно. В лучшем случае я с ребятами прибуду в Эрменгер только на день Святого Эльмеко, к этому моменту от его стен могут остаться лишь разбитые булыжники. Пускай попробуют решить дело магией, а если не получится, то я доделаю мечом оставшуюся работу.

Немного подумав, королева Констанция кивнула.

— Хорошо, пусть так. У вас в запасе вся ночь, чтобы собрать войска и привести их в боевую готовность. Теперь идите, генерал, и да прибудет с вами Урах.

— Да озарит Его Свет наши сердца! — откликнулся Кирф Маян, хватаясь за рукоятку меча. Поклонившись королевам и коротко попрощавшись с Серэнити и Ингри Звёздным Плащом, он поспешил к бастионным казармам.

— Королева Констанция? — сконфуженно обратился вампир.

— Да, господин Грешем?

— Когда мы ехали в Шальх, при нас было две лошади, но потом... потом они пропали. Если они не ушли на рынке с молотка и всё ещё находятся в дворцовых конюшнях, то хорошо бы нам отправиться в дорогу на них. Они покладисты и, по правде говоря, я с ними очень сдружился.

— Я распоряжусь о вашей просьбе.

Констанция Демей села возле уснувшей в кресле Элизабет Тёмной.

— Все слова сказаны, мастер Калев, я не держу вас более. Возвращайтесь с победой. Благослови вас Урах.

— Я сделаю все, что в моих силах, миледи.

На этой ноте мы покинули Оранжевый Зал. Серэнити вышла вслед за нами. Прикрыв за собой дверь, она, в окружении дожидавшихся её высокопоставленных инквизиторов с эмблемами косы и розы на рукавах, вальяжно спустилась по лестнице. Провожая её взглядом, я подумал, что это путешествие мне запомнится надолго. Очень скоро я узнаю, чем живёт великий инквизитор, каковы её повадки, какая она в обиходе. Первый раз в моей жизни я буду коротать недели со жрицей Света. Не могу сказать, что подобная перспектива

вызывала у меня неудержимую радость. Напротив, мною постепенно овладевала тоска. Шагая по ступенькам на свой этаж, я всё больше и больше мрачнел. Грешема видимо чувство тревоги тоже не оставляло.

— Не уверен, что из этого выйдет что-то хорошее. Скорее всего, она просто убьёт нас и скинет в ближайшую сточную канаву, а сама потом вернётся в Шальх и скажет, что по дороге в Железные Горы мы бросили её посреди поля, а сами ушли в неведомые дали. Да, так и будет! А когда мы всплывём по весне, то мутный поток прибьёт наши распухшие тела к опушке леса, где ими от души полакомятся вороны.

— Ну-ну! Что за пессимистичные настроения в наших бравых рядах? Вдруг Серэнити не так плоха, как кажется? Может за алмазным фасадом скрывается доброе и отзывчивое сердце? К тому же, согласитесь, она невероятно красива.

Эмилия подмигнула нам.

— Красива, как снежная статуя, — отрицательно затряс щеками мой ученик. — И сердце у неё сделано полностью из льда.

Колдунья скрестила руки на груди.

— Что, если попытаться его растопить?

— То оно станет лужей воды, — отозвался я. — Эмилия, что ты прицепилась? Никто из нас не питает к ней возвышенных чувств. Она ещё более кровожадна, чем Грешем. Только он пьёт кровь по нужде, а она пускает её ради удовольствия. Разница существенная, не находишь?

— И что? Это сегодня она с нами ведёт себя, как мегера, а завтра мы подружимся, и кто-нибудь из вас, мужчин, обязательно положит на неё глаз.

— Ты издеваешься?

Я остановился под портретом бородатого мужчины с повязкой на глазу.

— Нет, подожди! Ты ревнуешь?! Да, Эмилия, ты ревнуешь! Ха-ха! Ты, что серьёзно обеспокоена, что с нами поедет Серэнити, потому что она — красотка, а не потому, что пару часов назад она чуть не уступила место своим патологическим инстинктам и не испекла из меня мясной пирог? Так? Ну, ты даёшь!

— Я?! Ревную?! — заливаясь краской, отозвалась моя подруга. — Я совершенно не ревную.

— Поверь, я лучше жабу поцелую, чем прельщусь её белыми волосами.

— Какую ещё жабу ты собрался целовать?

— Как, какую? Ту, которая у меня в Шато супы варит. Тину.

— Фу, Калерб, опять эти твои шуточки дурацкие, — рассмеялась Эмилия.

— Твои шуточки порой не менее дурацкие, чем мои, — откликнулся я, подходя к своей комнате. — Сейчас проверим, как там наши любимчики.

Только стоило мне отпереть дверь, как под ноги бросился Мурчик. Ощутимо цапнув меня за лодыжку здоровой ноги, он устремился наградить тем же подарком и Грешема. Снурф же, едва завидев мои сапоги, обиженно забрался под кровать. Оставив фамильяров в комнате на целый день, мы только под вечер явились обратно. Конечно, они были недовольны нами. Перекинув мне рулет, вампир пытался вернуть расположение кота вкусно пахнущим куском колбасы. Я поймал липкую выпечку и засунул её под свисающее одеяло. Влажные чавкающие звуки оповестили меня о том, что подношение принято. В это время Эмилия чесала Мурчика за ухом. Кот тёрся головой о подол платья, издавая грудное мурлыканье. Колбасу он съел и теперь выпрашивал добавки, которой, к сожалению, у нас не

было. Смекнув, что угощения больше не видать, Мурчик недовольно поскрёб когтями по обоям. Скучность принесённого рациона возмущала его до глубины души. В зелёных кошачьи глазах застыл вопрос: «Я же не ел целый день! Хозяйка, почему так мало?!». Грешем пожелал всем доброй ночи и отправился спать, Эмилия покинула мою комнату вслед за ним. Пошарив рукой под кроватью, я нащупал тёплый панцирь своего питомца.

— Что, старина? Завтра утром придётся покинуть подкроватный уют и попрощаться с вкусными косточками из кухни. С восходом отправляемся в Железные Горы.

— Нихафу!

— Так и я — не то чтобы хочу.

— Тофда зафем ифти?

— Затем, что, если мы не пойдём, то во всём мире закончатся кексы, сосиски и мыши, которых ты так любишь.

— Нит!

— Что нет? Ты знаешь кто такая королева?

— Нит!

— Она самая главная, даже главнее меня.

— И фто?

— Что, что? Она приказала мне и тебе иди в Железные Горы.

— А кофу?

— И ему.

— А Фрефему?

— И Грешему, и Эмилии, и Мурчику, всем. Все пойдут.

— Нихафу!

— Хорошо. Завтра я передам королеве твои протесты. Пусть она рассмотрит их и в кратчайшие сроки решит всё так, как будет угодно тебе. В самом деле, что ты не важный таракан? Разве ты не толстый? Разве ты не любишь тёмные углы и спелые абрикосы? Вот именно, ты отвечаешь всем тараканьим требованиям, так почему бы ей не сделать для тебя исключение и оставить жить у себя за тумбочкой. Хочешь так?

— Нит!

— Ну тогда, Снурфи, придётся тащиться в Железные Горы.

Из-под полога вылезли чёрные усы. Они грустно пострекотали у меня над ухом и скрылись обратно.

— И тебе спокойной ночи, Снурфи.

Закрыв глаза, я прислушался к звукам природы. Снег мокрыми хлопьями бился в окно, тщетно пытаюсь попасть в комнату через закрытые ставни. Зарывшись в перину, я с раздражением ощутил ожоги ноющей ноги. Без колдовства Серэнити и мазей Эмилии, вероятно, я не смог бы ходить ещё недели две. Выбивая подчас неправдивые признания, инквизиторы не задумываются о последствиях своих изощрённых пыток. Как самостоятельная ветвь Братства Света, инквизиция возникла в эпоху правления Касадраса Сомневающегося. Тогда в Соединённом Королевстве объявился жрец, обладающий даром убеждения и называющий себя Вестником Истины. Тайно проповедуя среди нищих и асоциальных личностей о Древних Богах, он взбаламутил целый пласт общества. Постепенно, из-за недосмотра, иноверие переросло в острую заразу. Вопреки соблюдениям канонических обрядов Света, люди стали придаваться жутковатым животным пляскам и начертанию пентаграмм, свойственным Великому Лесу. Когда религиозный раскол и

смятение храма достигло своего пика, Касадрас Сомневающийся, до конца надеявшийся, что всё как-нибудь утрясётся само собой, в определённый момент увидел, что медлить дальше нельзя. Он издал указ на поимку Вестника Истины. В Братстве Света было учреждено новое монашеское отделение, направленное на обличение распространяющейся ереси. Поначалу инквизиторы не вели допросы с пристрастием. В обязанности им вменялось лишь найти слушников и провести с ними беседы, наложить штрафы или назначить тюремные сроки. Понятно, что столь мягкий подход имел незначительный успех, и большинство последователей Вестника Истины лишь смеялись и даже не думали отречься от своих убеждений. Так как язычники чаще всего не желали по доброй воле следовать в казематы, то инквизиторов, сопровождающих их, ради безопасности стали вооружать кнутами и палицами. После чего оные предметы войны не раз пускались в дело. Инквизиторы смекнули, что если человека обработать до суда нагайкой и припугнуть, что подобное непременно повторится, то он намного охотнее осмыслит своё поведение и изменит его в угоду храма. На смену кнуту пришла дыба, а за ней и остальные «весёлые» инструменты, помогающие заблудшей душе отречься от идолопоклонничества и заново возлюбить Ураха.

Первый великий инквизитор, Тибольд Ган, закончил свою жизнь печально. Его экипаж, проезжавший из Плавеня в Керан, подстерёг отряд последователей Вестника Истины, который на тот момент был уже сожжён на церемониальном костре посреди площади Гричинга, главного города провинции Вельдз. Стражу Тибольда Гана перебили, а его самого заставили попробовать на себе большинство из изобретённых инквизицией орудий. Этот случай научил всех последующих великих инквизиторов готовить своё тело и дух к похожим неприятностям. Как уверяет Констанция Демей, и я склонен доверять ей в этом, Серэнити является не только целителем, но ещё и отличным воином. Почему-то я чувствую, что шанс проверить её мастерство представится уже очень скоро... Я не хотел, чтобы великий инквизитор шла с нами, но выбора мне никто не предоставил. Повернувшись на другой бок, я пообещал себе, что не буду злить Серэнити и постараюсь доказать ей, что не все некроманты одинаковы... Вместе нам предстоит пройти сотни миль и... конфликтов наверняка не избежать.

Я не верю, что Урах существует в той ипостаси, что мы себе представляем, но может быть есть сила, что стала его прообразом. Я собираюсь найти Эмириуса Клайна, чтобы высвободить эту силу. Мы нуждаемся в ней. Либо она придёт, либо всё пропало.

Поворочавшись, я накинул на голову одеяло и крепко уснул.

Глава 8. Прожорливая семейка

Мучительная боль в лодыжке заставила меня открыть глаза. Солнце ещё не взошло, и полумрак окутывал комнату тенями. Вынув ногу из-под одеяла, я сконцентрировал заклинание «Света». Густой каплей сиреневый шарик сполз с ладони и повис в воздухе. Рассматривая раны, я заметил следы нагноения. О, чудо! Порыскав в сумке, я нашёл крем, оттягивающий гной, приготовленным мною ещё в Шато. Маленький тубик завалился на самое дно, и я чуть не упустил его из виду. Смазав ногу тонким слоем, я положил остатки лекарства обратно. Рука в сумке коснулась завернутой материи. Подержав её в кулаке, я ощутил тепло проходившее сквозь ткань. Аккуратно развернув свёрток, я достал Узилище Ярости и, помедлив, надел на указательный палец. Волна жара пронеслась по телу, словно меня окунули в горячую ванну, я ощутил мощь, таящуюся в кольце. Палец нестерпимо жгло,

и я поспешил снять Узилище Ярости. На фаланге остались красные воспалённые полосы. Вероятно, при освобождении силы, скрывающейся внутри кольца, можно легко лишиться умения ковырять в носу. Хм? Мизинчиком или безымянным пожертвовать в критической ситуации?

Я встал с кровати и, чтобы не потревожить спящего таракана, тихо вышел из спальни. Замок замер в преддверии нового дня. В коридоре было пусто и темно. Я склонился над питьевым фонтанчиком и ополоснул заспанное лицо, затем облокотился на каменный остов. Струйка едва слышно булькала маленькими пузырями. Рябь, проходящая по водной поверхности, искажала изображение, делая меня лишь расплывчатым пятном.

— Не думала, что ты так рано встанешь.

От неожиданно прозвучавшего у самого уха голоса я едва не упал в воду. Медленно повернувшись, я обнаружил за своей спиной Серэнити. В простой серой тунике и с подвязанными волосами, она выглядела как самая обычная прихожанка небогатого монастыря.

— Я — ранняя пташка.

— Буди своих друзей, некромант, нам нужно выйти до восхода солнца. Лошади и провизия уже снаряжены. Поторопись, я буду ждать у боковых ворот, у тех, что напрямую ведут к Королевскому Парку.

Не удосужившись услышать мой ответ, великий инквизитор растворилась за строем белых колонн с продольными канелюрами. Она могла бы стать отличной наёмной убийцей, так бесшумно подкрадываться сзади дано не каждому. Если Серэнити захочет перерезать мне во сне горло, то, вероятнее всего, я этого даже не замечу. Надо быть начеку. Вздохнув, я постучал в соседние двери. Почти одновременно открывшись, они явили за собой две пары сонных глаз.

— Пора вставать. Серэнити ждёт нас снаружи.

— Ого, сколько мне выпало чести! Великий инквизитор Иль Градо дожидается у калитки спящего вампира! Где бы это записать?

Грешем почесал рыжую бороду.

— Кружечку крови она мне прихватила? Я всегда с утра кушать хочу.

— Она прихватит горящих поленьев и подсунет тебе их под дверь, если ты сию же минуту не натянешь штаны, — сумрачно отозвался я.

— Ой, простите.

Мой ученик смущённо оправил спальные шорты.

— Я мигом.

— Я тоже, — широко зевнула Эмилия. — Три минуты, и я готова. Мне накраситься нужно.

— У вас есть пять минут.

— Ой, да ладно тебе, Калерб, — вздохнула колдунья. — Без нас она никуда не уйдёт.

— Тоже верно, — согласился я. — Просто не люблю заставлять людей ждать.

Быстро одевшись, растолкав кота и таракана, покидав за плечи сумки и взяв в руки посохи, мы поспешили к боковому выходу из замка. Миновав длинный коридор и спустившись по главной лестнице на первый этаж, мы прошли через всё правое крыло и уткнулись в небольшие овальные дверцы. Два стражника в чёрных доспехах молча открыли их перед нами. Снег хлопьями летел с тёмного неба. Пикируя на лицо, он оставлял маленький горячий укус и капелькой тёк дальше. Порожки с балюстрадным бортиком

провели нас по трём оледеневшим за ночь площадкам и вывели прямо в сад. Среди разлапистых деревьев и фиолетовых кустарников стояла отличная повозка с крепкой деревянной крышей. Знакомые лошади, бодая друг дружку лбами, нетерпеливо били копытами по ухоженной тропинке. Фигура, сидящая возле них на приступочке, откинула капюшон. Белая прядь волос Серэнити выбилась из общей копны и, как сосулька с флигеля, повисла у неё над бровью. Я переборол желание улыбнуться. Ну не дать-не взять — Королева Зимы. Если великий инквизитор при нашем появлении не испытывала тёплых чувств, то Перчик и Чесночок напротив очень даже радовались старым знакомым. Они звонко заржали, и Грешем по очереди потрепал их по мордам. Сделав кислую мину, Серэнити велела нам забираться в повозку. Исполнив её поручение, мы тут же тронулись в путь. Внутри повозки было совсем нехолодно. Наше старое средство передвижения, подогнанное Джоксом, не шло ни в какое сравнение с этим. Толстые деревянные балки над головами для надёжности были обиты меховыми шкурами, с такой защитой никакая метель не страшна. Горка аккуратно сложенных ящичков у дальнего борта имела бирки с маркировками. Я осмотрел их. По большей части они все являлись провизией. Вкусной я её назвать не мог. Овсяные лепёшки, вяленое мясо, сухари, сухофрукты. Покопавшись, я достал бутылку сливового вина.

Видя, как я достаю пробку, Эмилия покачала головой.

— С утра пьют либо аристократы, либо сам знаешь, кто.

— Хочу промочить горло и отпраздновать наш отъезд, — весело ответил я, поднося горлышко ко рту.

— Стойте!

Грешем вырвал из моих рук стеклянную тару.

— Что это с тобой?

Я недовольно нахмурился.

— Что ты себе позволяешь, ученик?

— Моё обоняние не в пример лучше вашего. В бутылке вовсе не вино, как вы подумали.

Вампир отхлебнул.

— Свеженькая, свиная!

— Ну и ну! Вовремя ты меня опередил.

— Кстати, а какая кровь самая вкусная на твой взгляд? — спросила Эмилия.

— Знамо, какая! Конечно человеческая!

— Ох, я-то думала она вся одинаковая по вкусу.

— Разумеется нет, ведь хлеб не может всегда иметь один и тот же вкус, верно? Его делают из муки, но у каждого пекаря свои добавки и секреты изготовления. Вот эта свинушка, — Грешем стукнул ногтем по матовому стеклу, — очень любила капусту и яблоки, она хороша, но люди... люди лучше...

Грешем печально вздохнул, обводя глазами улицы Шальха. Смотря, как он грустит по вкусной трапезе, я рассмеялся:

— Мой дорогой, можешь так не осматриваться в поисках селянки, желающей накормить тебя своими жизненными соками. Ни одна из них не подставит шею под твои затупившиеся зубки.

— И вообще пока с нами путешествует великий инквизитор, можешь забыть про соблазнительный вкус людей, — поддержала меня колдунья. — Почему бы тебе не попробовать питаться овощами?

Эмилия ещё говорит, что у меня шутки так себе. Эгей, подруга? Кровопивец, с аппетитом жующий лук порей или кабачки — где ты такое видела? Между тем Грешем ответил вполне серьёзно:

— Когда я трансформировался в вампира, мой желудок перестал принимать подобную пищу. Иногда я скучаю по яичнице с сыром и жареным помидорам, но если их съесть, потом целый день будет болеть живот и меня непременно стошнит. К тому же вкусовые ощущения стали совсем другими, яйца и сыр похожи на резину, морковь на вату. Удовольствия никакого.

— Как насчёт алкоголя? Я видела, как ты пил его на приёме у королевы Констанции.

— Спиртное не возбраняется, только я от него пьянею намного больше, чем вы. Налейте мне два стакана виски, и я перестану соображать, что происходит вокруг.

— Ты, наверное, на праздниках в основном предпочитаешь «детское шампанское»? — прыснула Эмилия.

— Первый раз слышу про такое, — пожал плечами вампир. — Разве для детей делают шампанское?

— О, ещё как делают! Я приобрету тебе бутылочку, как увижу, — ухмыльнулся я.

— И себе не забудь одну купить, — расхохоталась колдунья.

— Ну тогда уж и тебе за одно.

— А что? Мне нравится идея.

Моя подруга откинула волосы.

— Устроим вечеринку а-ля «мне двенадцать лет». Черничное варенье, пирожные, все дела.

— Кто придумал — тому и карты в руки!

— Хорошо, для антуража я всем куплю миленькие костюмчики. Хочешь узнать, старый гриб, какой перепадёт тебе?

— Боюсь даже представить.

— Синие башмачки, чёрные штанишки и рубашка с якорями — вот, как я тебя одену.

— Не так-то и плохо! — А себя во что нарядишь?

— Ой, я буду в розовом платье, диадеме и туфельках!

— Значит, моряк и принцесса?

— Да! Ты пригласишь меня на танец, а потом украдёшь... И мы будем жить долго и счастливо.

— Пока сахарная вата не разлучит нас! — поддержал я.

— Калёб!

— Что?

— Нас ничто не разлучит!

— И даже заварное пирожное?

— Да.

— И шоколадное мороженое?

— Да.

— Я бы так утверждать не стал. Я люблю шоколадное мороженое.

— Нет, в моей игре ты любишь больше меня, а не мороженное!

— Почему?

— Потому что я устанавливаю правила.

Я обнял подругу.

— Ладно, мы всегда будем вместе!

— Умничка, боровичок.

Повозка легко шла по мощёной дороге города. Несколько раз миновав квартальные ворота, мы выехали в Мышиную Дыру. То тут, то там на грязных улочках мелькали торговые караваны. Под бдительной охраной наёмников они, доверху нагруженные, везли в Мышиную Дыру дешёвые товары. Вдоль обочины следовало довольно много мирян. Кидая мелкие монетки беднякам, они шли поклониться Главной Святыне страны. За нашей повозкой увязалась целая стайка чумазых детишек. Вымаливая хоть корку хлеба, они тянули ручки к бортику телеги. Эмилия, будучи самой добросердечной из нас, кинула им горсть круглых пряников, за что получила тысячи благодарностей и пожеланий народить не меньше пяти младенцев. От последнего напутствия уши колдуньи заметно зарделись. Она отвернулась к Мурчику и сделала вид, что совсем не смущена. Выкатив из Мышиной Дыры, мы преодолели подвесной мост и оказались за стенами города. Куча домиков и фермерских пастбищ раскинулись по пологим холмам Ночных Небес. Проехав по Королевскому Тракту примерно миль десять, мы свернули чуть в сторону и остановились на короткую передышку. Серэнити слезла со скамеечки.

— По моим подсчётам, делая привал не чаще чем два-три раза за день, мы к концу четвёртой луны будем возле Эрменгера. Если не брать во внимание грабителей, поджидающих беспечных странников, то можно сказать, что путь относительно безопасен. Держась Торгового Тракта, мы, вероятно, избежим незапланированных встреч и прибудем на место чуть менее быстро, чем почтовые вороны.

Серэнити облизнула губы.

— Надо мной висит Королевский Приказ, и я не могу ему не подчиниться... однако знайте — между нами пропасть. Хорошего отношения от меня не ждите.

— Никто его и не просит. Думаешь, нам приятно ехать с тобой? — с вызовом спросила Эмилия.

Великий инквизитор посмотрела на мою подругу, как сокол на зазнавшегося зайца.

— Давеча я вытащила ваши шкуры из огня, второй раз я этого не сделаю.

— Тогда и от нас того же не жди! — выкрикнул Грешем, сжимая громадные кулаки.

Серэнити вплотную приблизилась к моему ученику.

— Кроме твоей смерти мне ничего и не нужно.

— Посмотрим, кто ещё кого переживёт!

— Вот именно, посмотрим!

Не успели мы толком покинуть Шальх, а ситуация в наших рядах уже уподобилась закипающей кастрюльке. Я громко прокашлялся, обращая внимание на себя.

— Я понимаю коллективную неприязнь, но нам как-то нужно ехать вместе и выполнять общую задачу. Давайте на время забудем о враждебности? Серэнити, если ты хочешь убить нас, то, пожалуйста, я дам тебе такой шанс, но только после того, как мы разберёмся с порталами Десницы Девяносто Девяти Спиц и прочей кутерьмой. А до этого момента я буду спать спокойно и не побоюсь подставить спину под твою смертоносную булаву, идёт?

Я протянул великому инквизитору руку, дабы скрепить наш договор неприкосновенности, однако она не притронулась к моей ладони.

— Я не стану заключать с тобой никаких сделок, некромант. Меня ведёт лишь слово, данное мною королеве. Можешь не дрожать, пока оно действует.

— И на том спасибо.

Я отвесил небольшой поклон, который на бледном лице отозвался брезгливостью. Ну и пусть кривляется, мне всё равно, пускай только держит свою агрессию при себе.

Мы перекусили и двинулись дальше. Теперь лошадьми правил Грешем. По его тихим возгласам я понял, что он рад возможности вновь оказаться рядом с животными. Скорее всего, большую часть пути рулевым будет именно он. Серэнити практически не разговаривала с нами, а если и говорила, то коротко и только по делу. Как ни странно, но таракан и кот отнеслись к новому товарищу вполне лояльно. Ни шипений, ни подкрадываний с целью схватить за ляжку я не усмотрел. Снурф осторожно ощупал усиками подол плаща великого инквизитора, когда она этого не видела. Пострекотав и пощёлкав, мой любимец сделал вывод, что бояться Серэнити не стоит и закатился под её лавку. Мурчик же, верный Эмилии, лишь несильно прижимал уши, когда Серэнити оказывалась слишком близко от его хозяйки.

К середине первого дня мы оставили позади большую часть сельских угодий и покатали по редколесью. Навстречу нам попадались целые вереницы людей, идущих в Шальх. Неся на спинах своё имущество, держа за руки маленьких детей и ведя под уздцы скот, они, как птицы при миграции, бежали от беспокойных границ под крепкие щиты столицы. Из шума голосов я улавливал не только настроение беженцев, но и случайные реплики, обращённые к порталам и грабежам. Многие мужчины шли с оружием наперевес. Не приходилось сомневаться, что они уже хлебнули горя и не хотят делать горький глоток повторно.

До самого вечера, покуда все шествовали на север, мы одни неуклонно продвигались на юг. Опустившееся за горизонт солнце вынудило нас повернуть на огни крохотного придорожного трактира. Обочина, у которой он разместился, шла в разрез с основными линиями движения, поэтому на сегодняшнюю ночь мы стали единственными его посетителями. Владелец трактира оказался маленьким человеком с горбинкой на носу. За небольшую плату он вынес незамысловатой, но вкусной пищи — отварной картошки, солёных огурцов, хлеба, сыра и целую миску жирного тушёного мяса. Наполнив наши кружки пивом, он за медную монетку согласился отвести в стойло лошадей и накормить их. Трактирщик не возражал, чтобы кот и таракан находились при нас, однако мы всё же получили предупреждение, что если на полу или мебели появятся свежие царапины, то по утрам придётся расплатиться ещё и по прейскуранту испорченных вещей. Предусмотрительно притащив бочонок с пенным напитком, трактирщик со словами «а вдруг вам захочется добавки?» удалился к себе в комнатку. Выпив несколько пинт «ячменного», мы все заметно расслабились. Даже Серэнити, державшая себя обособленно, улыбнулась, когда Мурчик с наслаждением поскрёб когтями стул.

— Перестань, а ну перестань, я сказала!

Схватив кота за полосатый загривок, Эмилия оттащила его от облюбованной когтеточки.

— Вы заметили, как много людей направляется в Шальх? Они явно не на ярмарку туда спешат. Такое чувство, что на границах и впрямь все плохо, — заметил Грешем, пригубив пива.

— Так и есть, — неожиданно ответила Серэнити. — Хотя владения Иль Градо весьма скромных размеров, мы все равно не можем контролировать их полностью. Основная армия разделена. Часть солдат сконцентрирована на известных нам демонических вратах, часть на отдалённых населённых пунктах. Из-за угрозы вторжения соседних провинций гарнизоны все больше приходится делить и растягивать. Естественно, это сказывается на качестве

предоставляемой нами защиты. Местное население в панике.

Великий инквизитор сцепила пальцы.

— Вероломство Плавеня очень болезненно отзывается на экономике и всем нашем достатке в целом. Зерно и прочие товары больше не поступают на рынки, и нам приходится изворачиваться. Пока получается, но это «пока» всего-навсего продлится до первых боевых действий. Стоит нам сойтись в открытой войне и — всё, всему конец! По численности войско Плавеня значительно превышает наше. Конечно, взять Иль Градо штурмом предателям ещё не по зубам. Однако это лишь вопрос времени. Всё упирается в то, когда Гильберт Энтибор, дрянной племянник Элизабет Тёмной, сможет договориться с новоявленными правителями Хильда и Керана о нанесении совместного удара. Не приходится сомневаться, что, объединившись, они, пускай и с трудом, но всё же свергнут законную королевскую власть.

— Ты говоришь так, как будто участь Соединённого Королевства уже предрешена.

Я озабоченно поковырял вилкой варёную картошку.

— Как же Вельдз и Карак? Они верны королеве Констанции. Их дружины закалены в боях и имеют огромный опыт, которого нет у солдат центральных провинций, привыкших больше горланить песни и пить эль, нежели, чем сражаться. К тому же в Вельдзе, насколько я знаю, расквартирована самая великолепная конница. Кто устоит перед ней? Один приказ — и от Плавеня камня на камне не останется!

— Думаешь так всё просто и легко? Да, мы могли бы попробовать атаковать Плавень совместными усилиями и скорее всего бы одержали победу. Но! Здесь есть крупное «но»! Во-первых, передислокация воинов выведет из тени легионы живорезов, что таятся в Великом Лесу и Лесу Скорби. Несдерживаемые сталью, они вылезают из убежищ, что, как следствие, неизменно ужесточит набег на и без того находящиеся под постоянным давлением, приграничные города Запада и Востока. Сколько их падёт без должного надзора? Два? Три? Пять? Вот именно, никто не знает. Обречь их на гибель жестоко, и тут выходит на передний план моё «во-вторых». Вернее, не моё, а королевы Констанции. Уповая на мирный путь решения всё разрастающихся проблем, она не хочет проливать кровь своего народа. Её позиция — это выжидание, поэтому у Кирфа как и у прочих генералов связаны руки. Всё, что они могут сделать — это метаться по стране и хоронить погибших. Лапы Десницы Девяносто Девяти Спиц и мечи трусливых сепаратистов режут нас со всех сторон, и мы истекаем кровью!

Серэнити с силой опустила пустую кружку на стол, а затем вновь наполнила её в бочке. Бесконечное напряжение и раздумья не давали Великому инквизитору ни секунды покоя и сейчас она, наконец, решила отдохнуть и выпустить пар. Странно, что Серэнити так глупо позволяет себе увлечься спиртным. Неужели она не боится того, что я могу воспользоваться случаем и... избавиться от неё? Я, разумеется, так не поступлю, но всё же... забавно, забавно.

— Краем уха я слышала, что Великий инквизитор Плавеня поддержал дворцовый переворот, почему? — спросила Эмилия. — Почему вместо того, чтобы выдернуть корень Смуты, он, наоборот, ей способствовал? Разве у великих инквизиторов мало власти? Разве мирская политика вас хоть как-то интересует?

— Вот именно! Политика, колдунья, политика! Шарлиз Орик всегда стремилась подчинить себе все сферы влияния! Гражданские, духовные, военные, все! До сих пор не понимаю, почему только я одна голосовала против её выдвижения на пост великого

инквизитора? Это же сразу было очевидно — девочка с амбициями! Выскочка и карьеристка, умеющая только обольстительно махать ресницами перед верховным понтификом Братства Света! И что? Куда смотрели глаза Алана Вельстрассена, когда он призывал нас, Великих инквизиторов, принять её кандидатуру? Известно, куда! В небо!

Допивая кружку, Серэнити хмыкнула:

— Теперь Алан Вельстрассен кусает локти, его протеже всех перехитрила. Отныне она во всём Плавене, а в особенности в его небезызвестной столице Гельхе, считается не только Великим инквизитором, но и непогрешимым верховным понтификом Братства Света. А как Шарлиз этого добилась? Просто. Вытатуировала себе звёзды на ладонях и под шумок распустила слухи среди прихожан о том, что Урах попрали слабого и старого Алана, который не уберёт разум королевы от всепожирающей Тьмы, поселившейся в Шальхе, и благословил её быть главой Братства Света.

Серэнити надменно изогнула губу.

— Хотя, возможно, она нечаянно попала в цель, а, некромант? Что за ересь ты наплёл Констанции Демей про Ураха и Эмириуса Клайна, будь проклято его имя! Только за одно лживое упоминание о Всеотце ты должен на коленях молить о быстрой смерти!

Я нахмурился.

— Серэнити, я не собираюсь никого ни о чем молить. Королева верит мне, и тебе этого должно быть достаточно.

— Кто ты такой, чтобы говорить, что мне достаточно, а что нет?!

Великий инквизитор гневно посмотрела на меня, пиво сделало её более грубой, чем обычно. Инстинктивно я взялся за рукоятку Альдбрига.

— Зато я скажу, кто ты! Ты — самый отъявленный еретик, которого я колесую при всем честном народе!

— Неее наааадоо угрожжжать моему учитеееелю! — осоловело пробасил Грешем, поднимаясь во весь рост.

— Ну-ка сядь, пока я тебе клыки не выдрала!

Серэнити залпом допила остатки ячменного и, брякнувшись лбом о стол, тихонечко засопела.

— Вот так новость, — залилась пьяным смехом Эмилия. — Бум, и наш великий и непобедимый инквизитор напилась, как последний сапожник! Блондинке больше не наливать!

— Предлагаю за плохое поведение оставить её лежать здесь всю ночь, — усмехнулся я, поднимая палец вверх. — Завтра очнётся с красным пятном на весь лоб.

Моя мысль пришлась всем по душе. Предоставив возможность великому инквизитору посмотреть сновидения на столешнице, мы стали подниматься в спальню. Подошедший трактирщик, заметив следы когтей на стуле, с криком погнался Мурчика и Снурфа ночевать в конюшни. Я жутко хотел спать, ничего не понимал и топал в направлении хоть какой-нибудь кровати. Глаза слипались, и я едва переставлял обмякшие ноги. Ступенька, две, три, запоздалое чувство опасности колокольчиком затеребило моё меркнувшее сознание. Страшная боль пронзила мне левое плечо. С трудом повернув голову, я, будто одурманенный, увидел воткнутую в меня столовую вилку, а также трактирщика, который спустя секунду выдернул её из меня. Его розовый язык с упоением облизал алые зубчики.

— Понравилось пивко? Знаю, не отвечай! Я сам сварил его, по фирменному рецепту!

Размахнувшись, трактирщик двинул кулаком мне в нос, и я упал, словно колода карт под

порывом ветра. Заклинания! Мне необходимо сосредоточиться! Интерьер перед взором плыл и раздваивался, меня тошнило. Все усугубилось, когда я ощутил, как радушный трактирщик принялся волочить меня за ноги вниз по лестнице. Гулко стуча о порожки, мой многострадальный череп активно знакомился с ними — многочисленными, деревянными, выщербленными. Спротивляться я не мог. Вероятно, в пиво был подмешен сильнодействующий наркотик. Он впитался, и теперь я походил на безвольного соломенного болванчика, готового подчиниться всем прихотям злого рока.

— Тяжёлый какой, зараза! — недовольно проворчал мой носильщик, стаскивая меня в погреб.

Тугая верёвка затянула мои запястья и щиколотки. Ох, как она впилась в кожу! Где-то над ухом раздался щелчок, и моё тело поползло к потолку. Да, теперь я точно у самого верха, пятки касаются влажных сводов. Меня подвесили как рыбу за хвост! Прилившая к темечку кровь немного развеяла муть перед глазами, предметы обзавелись очертаниями, и я смог рассмотреть отдувающегося трактирщика. Не жалея своего округлого брюшка, он, пыхтя, волочил моих друзей. В начале Эмилия, а затем и Грешем закачались в воздухе рядом со мной.

— Фу, ну я и уморился! А так ведь и не скажешь, что они такие упитанные! Кто молодец? Я — молодец! Наверное, белобрысую трогать без толку, скорее всего она уже умерла, столько выпить-то! Ну, право, как водохлеб какой-то, хе-хе, вернее, пивохлеб! Эй! Мара, Нура, выходите-выходите, папочке нужна ваша помощь!

Дурнота подступила к горлу, и чтобы не потерять сознания, я прикрыл воспалённые веки. Между тем послышался незнакомый девичий голос.

— Ого, какой толстый, ты посмотри, мама! Нам на всю зиму хватит! Сделаешь мне холодец?

— Сделаю! И голубцов, и тефтелей! Видишь, какой у тебя папа добытчик? Голодными никогда не оставит. Иди сюда, Ральфи, мамочка тебя поцелует!

— Всё для вас мои хорошие, всё для вас! Теперь давайте быстренько разделаем их на кусочки и запихаем по бочкам! Вы их того-этого, а я пока насыплю в бадью соли!

Ну вот, видимо из моей печени состряпают недурное жаркое — посетил меня светлячок печального вывода. Я должен сконцентрироваться, должен! Или нам всем конец! Что это такое острое сейчас дотронулось до меня чуть пониже пупка? Кто-то разрезал мою одежду ножом пытаясь добраться до живота. Когда холодное лезвие надавило на бок, я приготовился к боли, но её не последовало, вместо меня душераздирающе закричала женщина, только что хвалившая Ральфи. Вопль повторился, и что-то брызнуло на мою грудь. Тугая струйка дошла до шеи, а потом и до рта. Привкус железа не оставлял сомнений — меня оросили кровью.

— Что ты делаешь?! О, моя Мара! О, Нура! Остановись! Ради Ураха отпусти меня Пожалуйста! Я не хочу так! — жалобно запричитал Ральфи. — Я могу всё объяснить! Честно! Это какая-то ошибка!

— Естественно объяснишь, тебе исключительно повезло, изъясняться ты будешь Великому инквизитору, то есть мне! Не ожидал? Вот так удача! — фыркнула Серэнити. Её абсолютно трезвый голос ясно прозвучал в погребе. — Неужели, червяк, ты, и правда, вознамерился лишить меня жизни всего лишь отравленным пивом? Да я тебя...

Ральфи запищал. Его удивлённое и горькое хныканье переросло в нечто истошно-завывающее. Послышалась серия глухих хлопков. Подключив фантазию, я легко

смог себе представить, как железные перчатки молотят по одутловатому лицу Ральфи. Совсем недавно я имел радость попробовать их силу на своей шкуре, поэтому был уверен, что трактирщик сейчас сильно страдал. Вдруг стоны и визг резко прекратились. Запах шоколада и весенних цветов заполнил мои ноздри. Мелодичный напев чар вливался в меня и принуждал глаза видеть. Вместе с тем слабость не проходила. Секунду спустя я рухнул на пол, и обрубленный край верёвки хлестнул меня по голени. Неподалёку упали Эмилия и Грешем. Направив взор чуть повыше их распластанных тел, я обнаружил светлые сапожки Серэнити.

— Уложить вас в кровати? Пожалуй, нет. Приходите в себя здесь, авось красных пятен завтра на лбу у вас не окажется.

Великий инквизитор открыла дверь, после чего скрылась в лучах трактирных свечей. Спасибо тебе большое, ты честно отплатила нам той же монетой, коей и мы наградили тебя. Я уже немножко узнал Серэнити, поэтому не сомневался, что она могла снять с нас весь негативный эффект токсичного пойла, но не стала этого делать, чтобы мы помучились. Лёжа на стылых плитах, я ухмыльнулся: хорошо хоть висеть не оставила, а то могла бы. Я закрыл глаза и провалился в сон.

Проснувшись, я не сразу понял, где нахожусь. Плечо свербело неутихающей резью, нога ныла, а всё остальное невероятно затекло. Кое-как я смог приподняться на локтях. Эмилия привалилась спиной к огромной бочке. Она явно хворала не меньше, чем я.

— Отличное пиво! Я прямо молодость вспомнила! Выпьешь пару пинт в весёлой компании, а потом поутру так голова болит, и пить хочется, что лежишь, умираешь как последняя пьянчужка, — хрипло пошутила колдунья.

— Ага, — согласился я. — Конкурсы вчера были на диво интересные!

Кряхтя, я встал и, по липкому от крови полу, поковылял к подруге. Ухватившись за протянутую руку, она покинула свой насест. В полутьме хорошо различались два небольших силуэта, застывших в неестественной позе. Кормилец семьи, как и я пару часов назад, раскачивался на проржавевшем крюке. От его горла до солнечного сплетения тянулся широкий разрез. Жестокость, с которой Серэнити наказала Ральфи, внушила ужас даже в мои выдавшие виды глаза. Чтобы не лицезреть сей картины, я заторопился к Грешему, возлежащему на куче прелой соломы.

— Когда вампир собирается перекусить человеком — это нормально, но когда человек хочет закусить вампиром — это противоестественно! — проворчал мой ученик, растирая опухшие коленки.

— Тяжёлые нынче времена пошли, рыжик, — наставительно проговорила Эмилия. — Хотя я с тобой согласна, людоедство — вещь из ряда вон выходящая.

— Вампироедство, — поправил Грешем. — Пойдёмте, поблагодарим ту, без которой мы бы на протяжении зимы составляли рацион династии Ральфи.

Поддерживая друг друга за рукава камзолов, мы насилу выбрались из злосчастного погреба. В зале перед нами предстала чистая и умытая Серэнити. Она сидела на мягком креслице и с удовольствием уплетала бутерброд с сыром, периодически запивая его горячим чаем. У её серого подрясника крутились Мурчик и Снурф. Две полупустые чашки с молочной кашей говорили о том, что фамильяры уже накормлены. Завидев нас, великий инквизитор сдвинула брови.

— Не возражаешь, если мы присядем рядом? — спросил я.

— Я привыкла, чтобы подобные вам стояли в моём присутствии.

Подавив в себе желание колко ответить, я, вымученно улыбнувшись, опустился на табуретку за соседним столом.

— Когда мы зашли в трактир, я уловила присутствие зла, скрывающегося под его крышей. Я знала, что оно именно тут, но не представляла, в какой форме оно себя проявит. Я чувствовала, что это не живорезы и не скверна Назбраэля, и как оказалась, моё чутьё меня не подвело. Мы попали в логово каннибалов. Подобное отребье иногда встречается у Великого Леса, но возле Шальха я вижу это зверьё впервые. Однако, так или иначе, досаждать оно больше никому не будет. Я позаботилась о том, чтобы их души попали напрямиком в Мир Тьмы.

Грешем растянул губы в стороны.

— Спасибо, что опять спасла нас!

— Оставь свои любезности при себе, вампир, я сделала это не потому, что вы мне дороги. При иных обстоятельствах я бы лично приговорила каждого из вас к аутодафе.

— Так значит, ты пила специально, чтобы разыграть маленький спектакль? — спросил я. — Почему же ядовитое пиво на тебя не подействовало?

— Милость Ураха бережёт меня — это всё, что тебе нужно знать, некромант.

Серэнити отпила из дымящейся кружки.

— Через тридцать минут выдвигаемся, советую позавтракать перед отправкой, но мясо не употребляйте. Все остальное есть можно.

Великий инквизитор поднялась и пошла в сторону выхода. Когда дверь за ней закрылась, Эмилия указала на таракана.

— Что бы о ней мы не думали и не говорили, а всё-таки она умница. Не только утихомирила Ральфи, но и накормила наших оборотов.

Моя подруга почесала по хвосту подошедшего к ней кота.

— Это да. Если бы ещё Серэнити отпустила свою маниакальность, с которой она желает нам скорой смерти, то цены бы ей не было, — отозвался я.

— Что же получается? Та тушёнка, которую вам подавал Ральфи, она приготовлена из таких же путников, как и мы с вами? — осведомился вампир.

— Я не хочу даже думать об этом! — хватаясь за рот, прошептала Эмилия. — Будь любезен, Грешем, больше никогда не упоминай при мне о Ральфи и его кулинарных секретах, хорошо? Я сейчас пойду на кухню и поищу, то, что изготовлено не из фарша...

— Ну тогда пока вы тут будете с учителем чаёвничать, я... это..., навещу наших э-э-э... почивших друзей... Что добру пропадать? Я всё-таки не вегетарианец.

— И то правда! — хохотнул я. — Ральфи думал, что ты ему станешь ужином, ан нет, судьба-проказница решила по-другому.

Мой ученик скрылся в подвале, а я развалился там, где только что восседала Серэнити. Спустя какое-то время показалась Эмилия. На подносе у неё покачивался кофейник, сахарница и золотистые булочки. Пожелав подруге приятного аппетита, я накинута на вкусную сдобу. Когда желудок набился, я предоставил к осмотру своё повреждённое плечо. Водя по нему кончиками пальцев, колдунья цокала язычком и сетовала на мою удачу.

— Тебе прямо не везёт, то ногу из-за меня ошпарил, то теперь пострадал от кухонного прибора. Что же будет дальше? Ухо пробьёшь или глаз потеряешь?

— Не знаю, — пробурчал я, терпя обработку раны очередной противно пахнущей мазью. — Вилка, однако, коварный противник — удар один, а дырки четыре.

— Это тебя ещё шампуром не протыкали, там дырка хоть и одна, зато побольше этих.

— Только этого мне не хватало.

Моя подруга наложила на рану марлевую повязку.

— Ну, всё — готово. У кошечки — боли, у собачки — боли, а у Калеба — сморщенного мухомора — заживи.

— Спасибо, красотка, это заклинание всегда помогает.

— Да, но исключительно, когда его тебе наговариваю я.

Как зомби из проёма погребца выбрался наевшийся Грешем. Его оранжевые усы приобрели багровые оттенки и застыли торчащими кисточками. После того как он умылся в бадье, мы вышли из горемычного трактира. Возле крыльца с резным синим петушком стояли запряжённые в повозку лошади. Пора продолжить наше путешествие в Эрменгер.

Серэнити, облокотившись на дверь, держала в руках белёсый шарик. Поначалу принятый мною за обыкновенный снежок, он отливал серебром и дымкой струился по узкой ладони. Уловив мой удивлённый взгляд, великий инквизитор подбросила шарик на крышу постоянного двора. Прыгая по брёвнам, он поджигал их не хуже колдовского огня!

— Плоть к плоти, прах к праху. Сие пламя да ниспровергнет нераскаявшихся грешников, и да вознесёт невинно-умерщвлённых праведников. Отец наш Урах, смилуйся, благослови и защити от зла.

Произнеся коротенькую молитву, Серэнити поцеловала свой амулет. Сев на скамеечку, она дёрнула поводья, и экипаж тронулся вперёд. Я знал, что высшие монашеские чины нередко обучаются чародейству, которое отдалённо похоже на моё. Какова же его этимология? Для того чтобы сформировать заклинание, мне нужно предварительно сосредоточиться и вложить мысленный приказ, побуждающий магию работать, а каков процесс чаросплетения у жрецов? Надо ли им концентрироваться, или ворожба происходит моментально? Затрагиваются ли при этом Вселенские струны, или сила черпается из иных источников энергии, например, непосредственно из Божественной Благодати? Эти, и похожие на них мысли, птицами кружились в моей голове, неизменно оканчиваясь знаком вопроса. Ласточки, трясогозки, сычи... великий инквизитор наверняка знает ответы на все ваши щебетания. Возможно, ради новых знаний стоит попытаться подружиться с ней? Заманчиво. Главное, чтобы желание убить меня не взяло верх над Серэнити раньше, чем мы заключим мировую.

Вывернув на дорогу, телега через несколько миль достигла перекрёстка. Выбрав на указателе верную стрелку, мы затряслась по совершенно безлюдной местности. Значит ли это, что все, кто мог покинуть Эрменгер, уже покинули его? От полудня солнце стало клониться к закату. За проведённый в пути день мы несколько раз устраивали стоянки. Сейчас, к вечеру, Перчиком и Чесночком правил я. Задирая голову к небу, я то и дело посматривал на хмурые тучи. До отказа наполненные снежинками, они летели так низко, что их надутые бочка цепляли наиболее высокие деревья. Тракт, по которому мы ехали, накинута на себя белоснежное одеяло и копыта лошадей оставляли на нём отчётливые следы.

То тут, то там сквозь редкие стволы вязов и осин проглядывал ещё не отцветший холодноцвет. Из его нежных оливковых листьев знахари изготавливают пасту для чистки зубов. Чтобы сохранить здоровье всей полости рта достаточно пользоваться ей всего один раз, с утра. Для улучшения результатов пасту применяют ещё и перед сном. Белоснежная улыбка и свежее дыхание — это прекрасно, но переусердствовать с экстрактом холодноцвета тоже нельзя. Неверно выверенная дозировка воспалит десны и покроет язык незаживающими нарывами. В худшем случае, ко всему этому зубная эмаль обзаведётся сетью трещин, что в

конце приведёт к поражению корней, а как итог — и к их удалению.

Рассматривая дикие посадки целебного растения, я вдыхал чистый морозный воздух. Ах, как дышится! Прямо как у меня в Весёлых Поганках. Как там интересно поживает Птикаль? Скучает ли он по мне? А Катуб? Так же ли ему достаётся испорченная пища или противный Тина перестал кормить его совсем? Мысленно я перенёсся в свой рабочий кабинет. Вот шкаф, наполненный внушительной коллекцией книг, собранных мной со всех уголков Соединённого Королевства и не только. Вот стол, весь в засечках и оспинах. Мне его вырезал краснодеревщик из городишка Леро, что находится близ Гричинга. Тёмные, с медным отливом, шторы и ковёр, за которым выложен Круг Призвания — всё такое родное, всё так зовёт меня вернуться. Я люблю свой дом и очень надеюсь, что нынешнее предприятие меня надолго не задержит. Хотя, что это я говорю? Железные Горы невероятно далеко и в ближайший месяц мне Шато точно не видать. Позвольте, но кто сказал, что я вообще возвращусь из этого похода? Видимо, я стал мнительным и старым. Вселенная, сколько ты отмерила мне? А сколько Эмилии, Грешему и Серэнити? Молчишь? Да и что ты, судя по всему, можешь ответить? Всё в твоих руках. Неведенье — вот спасение наших пытливых умов. Нужно жить здесь и сейчас, радоваться каждому дню и не задумываться о том, что завтра может и не наступить.

Окутанный такими думами, я потянул ремешок вправо и направил лошадей в маленькую лоцинку. Пора устроиться на ночлег. Грешем и я занялись заготовкой валежника, а Эмилия принялась расчищать полянку от корочки инея. Надо отметить, что Серэнити тоже участвовала в наших приготовлениях. Она распаковала еду и разделила её на три равные части. Когда ветки для костра были собраны, я соорудил шалашик и попросил Грешема разжечь его при помощи заклинания. Grimаса отвращения озарило лицо Великого инквизитора. Наблюдать за тем, как некромант учит вампира, постигать азы магии, ей явно не нравилось. У нас не было уроков с того момента как мы покинули Лунные Врата. И вот, представился удобный случай восполнить сей досадный пробел. Мой ученик согнулся в три погибели и, зажав рыжую шевелюру в пятерне, приклонил волю к вызову стихии огня. Тем, кто только познает ремесло кудесника, плетение колдовских линий кажется занятием невыносимо сложным, но уверяю, стоит только начать хорошо понимать сам процесс и этому уже нельзя будет разучиться. Как-то ради забавы я попробовал поднатюреть в таком экстравагантном виде спорта, как бег на ходулях. Так вот, поначалу я лишь падал да набивал себе шишки на мягкие места. Однако спустя пару недель я уже всю носился по двору, сбивая нерасторопных зомби. Этот пример хоть и не имеет никакого отношения к магии, но суть тут одна. Терпение и труд — все перетрут. Главное, не сдаваться и верить в себя. Шмякнулся? Поднимайся, отряхнись и иди дальше!

— Давай, у тебя практически получилась, — подбадривал я вампира. — Вон искорка мигнула! Пробуй ещё!

Грешем кряхтел и тужился, наконец его унылый вид подсказал мне, что он выдохся. Горько вздохнув, я взял его за пухлую руку. Настраивая нас обоих на концентрацию приемлемую для возгорания сырой древесины, я мимолётно коснулся открывшегося мне разума. О, ужас! Поток фантазий, совершенно не связанный с чарами, едва не увлёк меня на самое дно. В своих грёзах Грешем подносил Эмилии розочки, карамельки и украшения. Она, естественно, не отказывалась и охотно принимала подарки, за которые расплачивалась восторженными признаниями любви и страсти. Эти видения меня немало разозлили. Отдёрнув пальцы от запястья, я холодно посмотрел в карие глаза ученика.

— В магию нельзя впускать чувства! Разве ты не видишь, что они мешают тебе учиться? Лишь откинув эмоции можно погрузиться в гармонию, которая станет отправным пунктом к познанию метафизических вершин. Вожделение, тревога, страх, ненависть, ярость — всё это сбивает с толку и не даёт творить. Ты не преодолешь порог этих жалких искр, покуда будешь думать о посторонних вещах! Я отказываюсь тебя учить до тех пор, пока ты не созреешь к этому. Принимая мои наставления, ты должен впитывать их, а не пропускать мимо себя. Когда будешь готов, скажи: учитель, я выбил всю дурь из головы, дайте мне попробовать снова.

— Хорошо, — коротко ответил мой горе-ученик. — Но знайте, я не нарочно, оно само так выходит.

— Я верю тебе, — чуть смягчая тон, сказал я. — Разберись в себе, тогда мы продолжим. Отчасти мне было жалко Грешема и я понимал его душевные переживания. Однако будучи в первую очередь учителем, я не мог позволить ему колдовать без полной отдачи. Магия не принимает половинчатых стараний. Сделай всё или не делай ничего. После того как Грешем остался не у дел, Серэнити, не скрывая удовольствия от его неудачи, ехидно заулыбалась. Это открытое сверкание ликующих глаз меня несколько зацепило. Радуйся, радуйся, ты ещё увидишь, как плаваются камни под его мощью. Впрочем, надо признать, увидишь ты это не скоро... Проведя рукой над ветками, я вызвал каплю пламени. Она прыгнула с пальцев и жадно затрещала на мокрых сучьях. Когда костёр разгорелся, Эмилия повесила над ним котелок с чистым снегом, который, превратившись в воду, наполнил наши кружки горячим чаем. Покидая трактир Ральфи, мы прихватили котомку с его снедью. Яблоки, хлеб, картошка и варёные яйца достойно набили мой урчащий желудок. Как только последний из нас покончил с трапезой, а им оказался Мурчик, подозрительно принюхивавшийся к овсяной лепёшке, мы обсудили график ночного дежурства. Так как нас было пятеро, то каждому предстояло отстоять на вахте примерно по часу, не так уж и много. Как ни странно, спать меня не тянуло, поэтому я изъявил желание покараулить первым. Возражений не последовало, и я, примостившись на бугорке чуть правее телеги, занял, по моему мнению, хорошую позицию для наблюдения. Поджав коленки к подбородку, я проводил глазами Эмилию. Она только что перемыла за всеми посуду и теперь последней забиралась в телегу. Оставшись один, я прислушался к звукам опустившейся темноты. Где-то неподалёку глухо переговаривались два филина. Безветренная тихая погода нарушалась лишь перемигиванием редких снежинок. Я откинулся спиной на дуб и, надвинув капюшон, уставился на высокий холм, из-за вершины которого выглядывала застенчивая луна.

Итак, проанализируем ситуацию. Сейчас провожатым является Серэнити. В отличие от меня, не бывавшего в этих краях много лет, она отлично знает, какой из дорог лучше всего добраться до Эрменгера. Примерно через два-три дня, как думает великий инквизитор, наша компания будет под стенами осаждённого города. Там, если так соизволит Вселенная, мы закроем портал и двинемся дальше. Перчику и Чесночку предстоит намотать немало миль. На повозке мы пересечём всю огромную провинцию Плавень, а затем и Хильд, от которого до Железных Гор будет рукой подать. Издревле там живут гномы.

Ту-ду-ду, что же я о них помню? Этот низкорослый народец, несомненно, обладает большим самомнением и, кроме жителей Хильда, подозрительно относится ко всем людям Соединённого Королевства. Их предмет гордости — оружие и доспехи. Прочность кирас, шлемов и нагрудников была воспета бардами, а острота топоров, кинжалов и мечей вошла в легенды. За всю историю существования двух бок о бок совершенно различных рас

широкомасштабных военных конфликтов практически не возникало. Почему? Да потому что по извилистым горным перевалам, крупной армии перемещаться крайне трудно. На заре истории это доказал Сарах Бесславный — юный и инфантильный брат короля Гюнтри Третьего Самонадеянного. Посчитав себя великим полководцем, он без должного согласования с короной, исподтишка, двинул личную армию на клан Гхургх. Ступив на их земли, Сарах столкнулся с лютым холодом, снежными обвалами и узкими проходами. Запоздало узнав про наступление, гномы преисполнились гнева и, снарядив добрую тысячу воинов, вышли встретить захватчика. Однако сражению состояться было не суждено. Когда сверкающие отряды Гхургх вплотную подошли к арьергарду Сараха, то увидели, что от него осталась всего-навсего жалкая горстка трясущихся и замерзающих солдат, брошенных, отступившим под лавинами, братом короля Гюнтри. Не сопротивляясь, они сдались на милость главе клана, который впоследствии нагнал обезумевшего от страха Сараха у заваленных отрогов. Брыкающегося горе-агрессора побрили наголо, что является у гномов наивысшим бесчестьем, а затем принудили подписать позорный мирный договор, по которому Соединённое Королевство обязывалось передать клану баснословную сумму денег. Взяв в заложники гаранта выплат, — юную дочь короля, опрометчиво ввязавшуюся в авантюру, Гхургх с улюлюканьем и насмешками спустили Сараха с гор верхом на дряхлом осле. Гюнтри Третий Самонадеянный от всего этого происшествия ещё долго был зол на своего глупого брата. После этого постыдного и жалкого прецедента больше никто и никогда не предпринимал попыток овладеть заоблачными вершинами. Здесь надо подчеркнуть, что гномы, в отличие от своих беспокойных соседей, вообще не питали интереса к территориям Соединённого Королевства. И это опять же только потому, что не считали их попросту пригодными для житья. Равнины, луга и леса не привлекали подземный народ. Где на них соорудишь достойную крепость? Где прорубишь защищённый камнем коридор? Вот именно, нигде. «Торговать с ними давайте, а спать я у себя дома буду» — старая избитая поговорка, некогда придуманная обитателями Железных Гор, говорит сама за себя.

Мысленно отойдя от бранных рассуждений, я перенёсся к более спокойной тематике, к той, с которой нужно было начинать, а именно к описанию гномов и их быту. Роста они такого же, как оморы и тролли, то есть среднему человеку будут примерно где-то по грудь. Обладая окладистыми бородами и рассудительными, хотя порой и не очень, характерами, гномы редко покидают родные пенаты. Их женщины немного ниже и шире мужчин. Они носят цветастые юбки и укладывают волосы в невообразимые причёски, которые для лоска смазывают бараньим жиром. Так как продолжительность жизни у подгорного народа достаточно велика, некоторые долгожители переваливают за отметку двести пятьдесят лет. Гнома до сорока одного года принято считать ребёнком. С младых ногтей и до гробовой доски в гномах горит неослабевающий пламень — рыть, копать, махать киркой и извлекать из руды всё, что блестит. Слабость, питаемая ими к золоту известна, наверное, почти каждому. Иногда она доходит до абсурда и приводит к печальным последствиям. Знаменитая длинная песня, написанная Фирфиром о «Жадном Ругдургхфуре» отлично характеризует и высмеивает некоторые черты подгорного народа. При исполнении её простенького мотивчика обычно принято отбивать ногой такт. Как там поётся? Наверно я смогу припомнить лишь малюсенький отрывок.

Жил под горою Ругдургхфур по кличке жадоба.

Ни с кем не водился и не знался он.

Мотыгой махал он до озноба,
Золото бренное искал и день, и ночь,
Копаясь в грязи и саже.
Ругдургхфур пытался богатством пленить соседскую дочь,
Но вышло же всё иначе!
Алмазы, сапфиры и изумруды захотела красотка в задаток.
За верность, за честность и за любовь
Он должен был дать ей в подарок
Свои самородки, часы и зелёную брошь.
Ругдургхфур посмотрел и окстился –
Зачем мне такая супруга нужна?
Зачем на змею я польстился?
Она хоть красива, но очень жадна –
Зачем расточать мне богатства?
Не лучше ль мне кружечку выпить до дна?
Я брошу все эти жеманства!
Мне одному жить — не тужить хорошо и пригоже,
Так что пойду и скажу я этой миленькой роже,
До свидания, ищи дурачка!
Не получишь от меня и тумана клочка!

Дальше идёт ещё сорок шесть куплетов, очень тонко описывающих недостатки Ругдургхфура и других гномов. За эту балладу, дошедшую до ушей Брингрида, короля Каменного Королевства, Фирфира выгнали из клана и последние годы он доживал в Соединённом Королевстве при дворе лорда Руже из Керана. Кстати, Мальт, написавший книгу о Железных Горах, где-то на страницах упоминает эту историю. Пока луна не достигла кроны вон того ясеня, я могу почитать его мемуары и скоротать оставшееся время.

Встав с нагретого местечка, я дошёл до телеги и, стараясь никого не разбудить, вынул из своей сумки потрёпанный фолиант. Я зажал его под мышку и, вернувшись обратно на наблюдательный пост, принялся просматривать пожелтевшие листы.

Моё внимание привлёк раздел, посвящённый расположению городов и их коммерческой взаимосвязи. Больше всего Мальт уделял внимание почтенному клану Караз. Вот кусочек из его записей:

«... Наблюдая за караванами и бесконечно тянущимися обозами через врата Трузда, мною не перестаёт владеть чувство чего-то величественного. Грузёные до отказа экипажи везут на гигантский базар диковинные товары, коих не увидишь ни на одном рынке Соединённого Королевства. Соседствующие с Караз кланы Надургх, Шлух, Брелах, Гурхгр и Взольты поставляют на его прилавки примерно одинаковый ассортимент. Зато отдалённые Лхиварх, Шазун'Дараат и Ирги предоставляют вещицы, которые уникальны даже для Железных Гор. Именно к ним, к восточным и южным племенам мне и нужно попасть в первую очередь. Заключённый контракт мог бы обогатить как Соединённое Королевство, так и эти, находящиеся на периферии, подгорные семьи. Выгода должна быть обоюдосторонней — это главный закон всех деловых людей, и к гномом, кстати, его тоже можно отнести — виноград и персики солнечного края притягивают бородатых негоциантов ничуть не меньше, чем нас пленят их алмазы и изумруды...».

Пробегая глазами от абзаца к абзацу, я всё больше качал головой. Информация,

собранный королевским послом за прошествием веков, уже не имела никакого смысла. Места, по которым ходил Мальт разрушены, а десятки ранее всемогущественных общин сейчас обратились в пыль, и их гербы остались только на бумаге. Однако насколько я знаю, клан Караз не обмельчал и существует до сих пор. Его столицей является твердыня Трузд. Разместившаяся под одноимённой горой, она находится практически по центру Железных Гор и, без сомнения, считается важнейшей торговой точкой для всех гномов. Я надеялся добраться до Трузда и там вызнать путь к Пику Смерти, ведь, именно из клана Караз был Гугодун, указавший Мальту на обиталище Эмириуса Клайна, где состоялся его поединок с королём Булем Золотобородым. А в библиотеках Трузда ещё хранятся сведения или схемы, которые укажут мне, в каком направлении двигаться дальше.

Я задумчиво постучал пальцами по обветшалому переплёту книги. Над всем этим мне надо ещё хорошенько покумекать, а пока пора и поспать. Я отряхнул прилипшие к плащу листья и направился к повозке, чтобы разбудить Серэнити — её очередь дежурить была следующей после меня. Не прошёл я пяти шагов как меня кто-то дёрнул за руку. От неожиданности я едва не прикусил язык.

— Тихо, некромант, не кричи, я уже давно не сплю.

Негромкая речь, принадлежащая Серэнити, несколько успокоила меня.

— Я услышала, как ты рылся в вещах, и решила встать.

Великий инквизитор поджала губы.

— Из тебя никудышный дозорный. Случись беда, так благодаря тебе нас бы всех перерезали за милую душу.

— Спасибо за комплимент, — буркнул я. — Раз ты уже здесь, то я пойду.

— Подожди.

Серэнити чуть прищурившись, спокойно смотрела на меня.

— Я думаю, ты обязан поделиться со мной всем тем, что тебе известно о порталах.

— Почему я должен это делать посреди ночи? Неужели нельзя отложить разговор до утра?

— Возможно, утром я не захочу рассказывать тебе то, что о демонических вратах знаю я.

Подобное предложение в корне меняло дело. Подкрадывающийся к векам сон мгновенно улетучился. Великий инквизитор изъявила желание обменяться знаниями, причём не с кем-то, а как она не могла не заметить, с некромантом. Наверняка Серэнити ведомо о червоточинах много того, о чём я даже не подозреваю. В какой-то период моей молодости я был обуреваем навязчивым стремлением пробраться в главный храм Ураха. В кругу «Грозной Четвёрки», в которую я входил и поныне вхожу, нередко трепались басни о заклинаниях невиданной силы, надёжно укрытых в древнем архиве Бога Света. Сейчас, я, не отдавая себе отчёта, алчно потёр ладони. Что она мне скажет? Скорее всего, мой вид выдал то, о чём я думал, так как Серэнити насупилась. Она свела белёсые бровки домиком и я, чтобы сгладить угол неловкого молчания, заговорил первый:

— Магические порталы появились на заре времён. По мифологии Урах стал их первооткрывателем. Он вступил в наш мир из сферы, наполненной чистой энергией, и привёл за собой последователей, которые впоследствии вошли в легенды и сказания. За историю нам доподлинно известно несколько глобальных прорывов материи, повлёкших за собой появление людей, гномов и не прижившихся эльфов. Червоточины, как принято называть их у колдунов, столетиями вызывают у нас жаркие споры. Что они такое? Мы не

знаем, но точно можно сказать одно — это дыры, проходящие сквозь пространство и соединяющие два, а вполне вероятно, и более противоположных континуума, через которые существа способны перебраться в чужую реальность. Как происходили эти массовые переходы? Какие было необходимо создать условия для их свершения? Для нас это тайна, покрытая мраком. Так как силы, удерживающие порталы, вероятно неустойчивы, то, раздираемые невиданной мощью, они, по-видимому, в конце концов, обращаются в прах. Это не более чем теория, потому что доказать её некому, по крайней мере, мне никогда не встречалось записей, повествующих о том, что кто-то нашёл подобное место, изучил его и составил монографию. Здесь надо отметить, что, кажется, я стану первым, кто напишет об этом трактат, основываясь на личном опыте. В свете недавних событий мне посчастливилось или лучше сказать наоборот — не посчастливилось — воочию лицезреть портал Десницы Девяносто Девяти Спиц в действии, и кое-что о нём мне стало понятно. Если ты не видела, как выглядят червоточины, то я опишу ту, что попалась мне — каменный круг размерами около десяти футов напоминал по своему строению колодец. Испещрённая огненными рунами, прозрачная субстанция, похожая на воду, неспешно плескалась в жерле, внутри которого отчётливо различалось параллельное мироздание. В моём случае это была пустыня, наполненная скорпионами. Под порывами ветра, а пожалуй, что и сами, они подползали к краю червоточины, после чего их против воли затягивало к нам. Моя попытка бросить бульжник на ту сторону успехом не увенчалась. И что это значит? А то, что к нам добро пожаловать, а к ним вход закрыт! Портал работал только в одном направлении, и это удивительное открытие наталкивает меня на миллион вопросов, но сейчас не о них. При осмотре пульсирующего колодца я ощутил, как исходящая из него магия штормом проходит по моему телу. Задержав её в себе, я собрал такой элементарный заряд, что после того, как обрушил его на портал, едва не погубил себя вместе с ним.

— Твой рассказ подтвердил кое-что из моих догадок.

— Тебе есть, чем его дополнить?

— Да.

Скрестив руки, Серэнити прислонилась к стволу дерева.

— Не все порталы исчезли бесследно. Тот, через который прошли первые люди, был найден братьями света. Четыреста лет тому назад монах из Плавения следовал в отдалённую деревню, но разыгравшаяся не на шутку метель вынудила его свернуть с пути. Близ Оленьей реки он забрёл в лесную чащу, где спустился вглубь низинного оврага. Каково же было его удивление, когда возле небольшого родника он обнаружил развалины с непонятными светящимися символами. Каменные арки лежали, не сильно утопая в воде, а колонны, почти не тронутые временем, источали притягательную силу. Позже адепты Братства Света исследовали это место и пришли к выводу, что перед ними реликвия, сотворённая самим Урахом, а именно Великое Людское Окно Перехода. Составив подробные очерки, комиссия направилась в Шальх, где все её члены умерли от холеры, которая в тот год разразилась над Соединённым Королевством. Их свитки затерялись на полках библиотеки, и портал был забыт. Целенаправленно ища информацию о червоточинах, я по случайности наткнулась на записи той комиссии. Помимо описания самой реликвии, в них так же указывается её точное месторасположение.

— Ты смогла бы отвести нас туда? Если Великое Людское Окно Перехода действительно существует, то его надо непременно обследовать! Я уверен, что сделав это, мы отыщем множество отгадок связанных с червоточинами. Вполне вероятно, что там я

найду ключ к тому, как закрывать порталы, не подвергая себя риску быть разодранными их бушующей энергией.

Задумавшись, великий инквизитор слегка прикусила нижнюю губу.

— Как я сказала, портал находится недалеко от Оленьей реки, но за четыреста лет ориентиры, ведущие к нему, могли пропасть. Впрочем, если двигаться вдоль русла с севера на юг, к Хильду, то вероятно я отыщу его по приведённому описанию.

Серьёзно посмотрев на меня Серэнити добавила:

— Однако думать про это пока рано. Нужно сосредоточиться на первостепенном приказе королевы. Освободить Эрменгер или хотя бы помочь тем, кто ещё не погиб от лап звероловцев — вот что на сегодняшний день нас должно заботить. Если благодать Ураха снизойдёт на наши помыслы, и мы справимся с этим, то потом можно будет двигаться к Великому Людскому Окну Перехода, а затем и в горы к Эмириусу Клайну. Там, на Пике Смерти, я докажу тебе, что ты ошибался в своих суждениях и, во имя Бога Света, вырву мерзкому вампиру его клыки и отправлю в Мир Тьмы, где Назбраэль будет вечно пытать своё плешивое отродье.

— Но почему ты так уверена, что Эмириус Клайн не может быть слугой Ураха? Только потому что он вкушает кровь вместо картошки? Что с того? Откуда мы знаем, какие клятвы связывают его с Всеотцом? И почему ты все время хочешь всех убить и предать огню? Попей отвар из валерьяны. Он успокоит нервы и снимет постоянно весящее над тобою напряжение.

— Некромант, выгораживающий вампира, разве следовало ожидать чего-то другого?

Я вздохнул.

— Пойми, мы идём к Эмириусу Клайну не чтобы сражаться с ним, а чтобы заручиться его поддержкой. Если ты накинешься на него, то непременно проиграешь, ведь его сила наверняка не в пример выше твоей.

Серэнити состроила гримасу презрения.

— Вам всем одна дорога — в преисподнюю своего разложившегося хозяина. Я тебя сразу предупреждаю — если ты выкинешь на Пике Смерти какую-нибудь глупость с тёмной магией, то я скину тебя вниз знакомиться со скалами.

— Ты меня как будто не слышишь.

— Я тебя отлично слышу, поди прочь с моих глаз.

Я пожал плечами, встал, и пошёл в сторону повозки. Серэнити обладала крутым нравом и частенько грубила, но я решил держаться намеченного курса и не лаяться с ней по пустякам. Взаимные оскорбления могут перерасти в драку, а тут уж, как понятно, всегда побеждает тот, кто лучше владеет кулаками, а я не уверен, что смогу совладать с великим инквизитором.

Забравшись под одеяло, я спиной прижался к Грешему, а носом уткнулся в сопящего Мурчика. Тёплая шерсть кота залезла в ноздри, и я чихнул. Мурчик недовольно открыл зелёный глаз, после чего придавил моё ухо лапкой — мол, лежи себе молчком и не мешай спать. Так я и сделал.

Всю оставшуюся ночь мне снилось, как я танцую с котом и тараканом. Держась с ними за лапки, я весело отплясывал на бирюзовой лужайке, полной самых разнообразных, чудесно пахнущих цветов. Накружившись, мы завалились на свежую травку и смотрели как пестрые птички, весело чирикавая, летают в чистом голубом небе. Мурчик лениво пытался поймать дразнившую его птицу за хвост, но каждый раз она в самый последний момент ускользала из-под его растопыренных когтей. Вдруг мир посерел и осунулся. Яркие краски исчезли, и

всё приобрело черно-белые тона. Смешавшаяся картинка вновь прояснилась.

Я стоял на побережье моря. Побуждаемый неведомой волей, я плёлся вдоль прибоя. Вязкий песок мешал мне идти. Делая новый шаг, я утопал в нем все глубже. Он тянул меня вниз и затягивал в своё нутро. В какой-то момент я сдался и, остановившись, стал ждать, когда зыбучая трясина поглотит меня целиком. Прибывая в апатии, я наблюдал, как поднимается невиданных размеров волна. Она накрыла меня с головой, после чего бушующий поток поволок моё неповинующееся гуттаперчевое тело по кругу водоворота. Уносясь всё дальше от берега, я оказался в центре гигантской воронки, уходившей корнями на чёрное дно. Я захлёбывался, но сопротивляться стихии не имело смысла. Как муха может противостоят смерчу? Неожиданно линии энергии подхватили меня и я, как барахтающийся щенок, задёргал ногами в воздухе. Я висел в небесах, а вокруг меня разгорались ледяные символы Хрипыхора. Их блеск слепил и выжигал глазницы. Кружась словно юла, я был принуждён прочесть их. Произнося руны в правильном порядке, я ловил отблеск мощи, создавший эту изначальную магию. Как молния, она вбивала в меня крупички своего естества, заставляя чувствовать каждую клеточку этого мира. Я был всем: звуками, отблесками, дыханием, рождением, слезами, дуновением ветра, лучами солнца, муравьём и берёзовым соком. Все нити Бытия сосредоточились во мне и дошли до своего апогея. Мною пела Жизнь, и я понимал её смысл и предназначение. Как стрела я вылетел в непроглядную темноту и там завис. Я ощутил присутствие. За мной наблюдали. Ко мне присматривались.

Глава 9. Роковая встреча

Запах разогревающейся еды оповестил меня о приближающемся завтраке. Я скинул с себя одеяло и, протерев заспанные глаза, спрыгнул с телеги. Весело трещащий костерок всюду лизал горку толстых веток.

— Мы как раз собирались вас разбудить, — сказал Грешем, держа миску, в которую Эмилия наливала овощную похлёбку.

— Кто рано встаёт, тому Вселенная еды вкусной подаёт! — подмигивая мне, нараспев проговорила колдунья.

Я отпил из протянутой чашки. Бульон из фасоли и моркови с добавлением пряных трав был восхитительным! Авторитетно заявляю, кому такая жена, как моя подруга, достанется, тот в накладе не останется! Она поразительно вкусно стряпает. Как-то Эмилия участвовала в конкурсе на звание «лучший повар Плавления» и с блеском выиграла аж третье место! Её фазан под персиками пришёлся по вкусу всем председательствующим судьям, и не победила она лишь потому, что среди конкурсантов были королева и её дочь.

— Мне опять снился сон с символами Хрипыхора, — пожаловался я.

— Тот же самый или новый? — спросила Эмилия, передавая Серэнити её порцию кушанья.

— Новый. Я водил хороводы с Мурчиком и Снурфом, а потом оказался на берегу моря, где меня чуть не затянуло в водоворот. Силой меня вырвало в облака, где проявились руны. Они плыли вокруг меня и принуждали читать их.

— Ты смог это сделать? — настороженно задала вопрос великий инквизитор.

— Да, во сне я легко осознал их смысл. Вот как они звучат: «Море душ стремится выйти на волю, объединиться в одну». Что это может значить? До того, как мы не прибыли в Шальх, я никогда не грезил так правдоподобно.

Серэнити делала маленькие глоточки из пиалы и водила свободной рукой по опавшим листьям. Наконец она спросила:

— Сила, что вытащила тебя в небо, была злой?

Я поставил горячую чашку в снежок, давая ей немного остыть.

— Нет, она казалась безразличной, по крайней мере, я не уловил враждебности.

— Если бы в нашем Ордене прослышали о твоих сновидениях, то тебя бы сочли за одержимого. Однако в сложившейся ситуации подобные видения могут многое значить. Наблюдай за ними и всегда рассказывай мне всё, что ты чувствуешь и видишь во время сна.

Я утвердительно хрюкнул. Мощь, с которой я встретился, тянула и отталкивала одновременно. Что значат эти символы? Кто или что демонстрирует мне знаки природной власти? Что или кто пытается мне через них что-то донести? Я надеюсь, что не погибну, находя ответы на эти вопросы.

Накормив лошадей и закидав походный костёр снегом, мы тронулись по дороге в сторону Эрменгера. Лесополоса стала редеть, сквозь ветки деревьев проглядывались поля. Укрытые на время холодов белыми шапками, они сливались с низколетящими тучами. По пути мы мало разговаривали. Отчасти потому, что каждый прибывал в своих думах, а отчасти из-за того, что Серэнити медитировала, и нам не хотелось прерывать её духовное самопознание. Я выдохнул облачко белого пара. Мороз праздновал начало правления, зима обещала быть суровой. меховые вещи, подаренные нам в Шальхе, хорошо грели, но, часто снимая перчатки, я умудрился обморозить руки. Сухая кожа, покрывшись маленькими кровавыми трещинками, неприятно зудела. С губами дело обстояло не лучше. Когда я открывал рот, то заставлял тонкую кожу натягиваться и нещадно болеть. Чтобы смягчить её, я облизывал уголки губ, но подобная практика быстро привела к ещё более гнусным последствиям. Видя мои страдания, Эмилия посоветовала намазать воспалённые места густым кремом, по её уверениям купленным специально для таких вот дел. Подставив уста под заботливые пальцы колдуньи, я жутко пожалел о своём поспешном согласии. У всех людей есть какой-нибудь пункт, который выводит из себя и заставляет подпрыгивать от негодования. У меня этот пункт жир. Я терпеть не могу, когда что-то сальное касается моего лица или рук. Даже капелька жира на подбородке может заставить бежать меня в уборную, где я с остервенением буду отмывать запачканную физиономию. Больше всего меня раздражает есть куриную ножку, держа её в руках. Кто-то скажет, что я эстет или чистоплюй, и все едят куриные ножки руками, ну а я не могу; я предварительно отделяю мясо ножом и вилкой, прежде чем съесть, да, я не такой, как все! После обработки губ именно жирным, и уж никак не густым кремом, я почувствовал себя крайне несчастным. Хотелось спрыгнуть с телеги и тереть лицо снегом, покуда не сойдёт вся эта гадость. Моя подруга, заметив, что я верчусь, как ужаленный, порекомендовала обрабатывать губы только на ночь, подчеркнув при этом, что, по её мнению, это надо делать не меньше трёх раз в день. Уверен, что Серэнити могла бы в два счёта избавить меня от напухших волдырей, но в её планы подобные глупости входили меньше всего. Насмешливо поглядывая на мои губы, она пилкой ровняла свои безупречные синие ногти.

От цепкой стужи щеки великого инквизитора лишь слегка порозовели. Практически такая же бледная, как и прежде, она выглядела очень симпатично. Серая одежда прекрасно сидела на её фигуре, а волосы, заплетённые в длинную толстую косу, были перекинута за спину. Острый носик, льдистые глаза, ушки с серьгами-жемчужинами. Я уверен, что любой мужчина скажет, что она милашка и красотка. Однако если этот мужчина узнает, кем

является Серэнити, и какие у неё наклонности, то всё желание знакомиться с ней у него сразу отпадёт. Ещё вчера я слышал душераздирающие вопли умирающего Ральфи, жуть берёт, когда понимаешь, что за человек сидит перед тобой. Людей никогда нельзя судить по внешности — она обманчива. Барышня, на первый взгляд миловидная, может оказаться монстром, а страшная кривая бабёнка иметь прекрасную добрую душу. Серэнити — яркий пример моего сравнения. Хрупкая, молодая девушка с великолепными внешними данными на самом деле прячет под своей личиной жёсткого волевого командира, обладающего огромной физической и магической силой, а так же манией к убийствам и насилию, что не так странно, потому что занимать должность великого инквизитора может лишь садист, любящий пытки и мытарства.

Серэнити водила тонким пальчиком по ободку телеги, собирая в квадратики опадающий снег. Уловив мой рассматривающий взгляд, она приподняла бровь и брезгливо отвернулась. Я незаметно улыбнулся её манерам. Нам ещё долго катить вместе и либо мы подружимся, либо... ну, либо не подружимся, что толку гадать, правда?

Чесночок и Перчик бодро цокали вперёд, приближая нас к окраинам Иль Градо. Мы достигли развилки и повернули на указатель с надписью «На Эрменгер». Теперь Торговый Тракт, который шёл где-то в нескольких милях от нас, будет уходить влево, покуда не обогнёт пашни и не вывернет прямо под стены сопротивляющегося города. В это время мы станем двигаться направо и по кратчайшей, но более разбитой дороге доберёмся до поставленной цели.

Проезжая по накатанной колее, мы продолжали встречать редкие кортежи, странников и разрозненные семьи, хватающиеся при нашем появлении за оружие. Притормозив возле уставшего старца, сидевшего у обочины, мы решили разведать свежие слухи. Серэнити изящно перепрыгнула через борт телеги и опустилась на камень рядом со стариком.

— Благослови тебя Урах, отец. Куда путь держишь в такую погоду?

Подслеповатые глаза старца обрамляли большие синие мешки отёчности. Кожа, изрезанная сотнями морщин, походила на шкуру ящерицы. Он дрожал. Шапка и промокший тулуп служили ему плохим прикрытием от бесконечной колючей мороси. Я подозревал, что если дедуля в ближайший день-два не найдёт прибежища, чтобы обогреться, то не переживёт своего путешествия. Простуда перетечёт в воспаление лёгких, а там уже и конец.

— Как, куда, дочка? Конечно в Шальх! Хочу защищать нашу королеву!

Голос старика был хриплым, каркающим. В доказательство своих слов он постучал кулаком по засунутому под ремень ржавому мечу.

Смешно ли мне было, когда я услышал это? Нет. Пусть он дряхлый и кое-как плетётся по тропинке, зато его верность и любовь к своей стране, в которую пришла беда, вызывает восхищение. Простой народ, не ведающий о политических распрях, всегда с трепетной нежностью относился к королевской семье. Великий инквизитор взяла сморщенную руку в свои ладони. Я видел, как, едва шевеля губами, она шепчет слова заклинания. Через минуту озноб отпустил, и старец расправил сгорбленные плечи.

— А от чего защищать? — ласково спросила Серэнити.

— Знамо от чего, дочка! Урах гневается, король убит, а Тьма и Сера заявили свои права на человеческие души! Мрак обрушился на наши головы, но ему будет нелегко забрать то, чем мы дорожим!

Неожиданно старик вскочил и, выдернув клинок из ножен, потряс им в ту сторону, из которой шёл. Немного постояв в боевой стойке, он спрятал оружие и, кряхтя, опустился

обратно, затем натужено заговорил:

— Эрменгер дрожит под когтями зверолоудей. Мне бы хотелось, чтобы армия покарала этих тварей. Только я не верю в то, что у неё получится это сделать. Их легион, а нас все меньше и меньше. Когда пробьёт последний час, я намереваюсь быть подле королевы и умереть с её именем на устах!

— Ты говоришь, Эрменгер в осаде?

— Я видел всё, вот этими самыми глазами.

Старик двумя пальцами показал на выцветшие зрачки.

— Я жил на пригорке недалеко от города. Ночью меня разбудили доносившиеся со стороны Эрменгера звуки колокола. Я поднялся с кровати, чтобы посмотреть, в чём дело. Открыв дверь, я чуть не упал в обморок — возле центральных ворот, прямо в воздухе, мерцало облако, из которого ордами выплёскивались жуткие твари. С волчьими головами, полуголые, с зазубренными ятаганами, они выли свой проклятый клич — Десница Девяносто Девяти Спиц и пытались прорваться через передний бастион, ведущий к жилым кварталам. Я схватил вот этот самый меч и ринулся вниз, но потом передумал. И не потому, что испугался, нет, я уже пожил, и терять мне нечего, просто многие годы назад я поклялся лично Манфреду Второму, что ни болезнь, ни возраст не станут мне преградой к тому, чтобы грудью заслонить любого из монархов от грозящей ему гибели. Сейчас для меня настало время исполнить свой долг. Я должен быть рядом с королевой Констанцией и умереть за неё и ради неё. Попомните мои слова, юноши и девушки, — грядёт Буря, о которой мы и слыхивать не слыхивали. Она уже тут. Она за порогом и стучит в свои костяные бубенцы, призывая демонов насладиться кровью падших витязей.

Помолчав, старик перевёл взгляд с Серэнити на меня, затем на Эмилию и Грешема.

— Чудная у вас компания, не похожи вы на солдат. Торговцы, да? Разворачивайте обратно, там Смерть, — прошамкал старый вояка, махнув рукой на полуденное солнце.

— Не беспокойся за нас, отец, мы пройдем через неё.

Серэнити забралась в повозку и с неё проговорила:

— Да пребудет с тобой Урах, и да поможет он в твоём праведном деле. Прощай.

Эмилия подстегнула лошадей, и мы покинули старика, который в молчании провожал наш экипаж печальным взглядом.

— Ты была когда-нибудь в Эрменгере? Каковы его укрепления? Долго ли он может держать оборону? — спросил мой ученик.

Великий инквизитор не повернула к нему головы, но все же ответила:

— Эрменгер один из старейших городов Соединённого Королевства. Первоначально он строился как небольшой форт на границе Иль Градо, чтобы предвидеть возможное нападение с земель Плавеня. После объединения провинций в единую страну, его караульная функция не отпала, а наоборот только расширила сферу своего влияния. Проложенный близ Эрменгера Торговый Тракт требовал постоянного надзора, и гарнизон, расквартированный в замке, с доблестью справлялся с этим ответственным делом. Бандиты и мародёры, находясь на подконтрольных Эрменгеру территориях, боялись приблизиться к проезжающим караванам. Купцы знали об этом, и перед тем как двинуться на север или юг частенько останавливались на маленьком базарчике города, чтобы отдохнуть да малость побарышничать. Со временем базарчик перерос в крупную коммерческую точку. Он обзавёлся трактирами и гостиницами. Открылись магазины и лавки, через город потекли деньги, на которые построили двойное кольцо каменных стен и три башни. Численность

воинов Эрменгера при этом тоже возросла, на данный момент под началом бургомистра содержится порядка полутысячи воинов различных подразделений и около тысячи резервистов — ветеранов, вышедших в отставку. Плюс гражданское население, по переписи состоящее из пяти тысяч человек; из них две тысячи — мужчины среднего возраста, способные при необходимости держать оружие в руках.

— Сколько дней сможет подобное число людей сдерживать лобовую атаку Десницы Девяносто Девяти Спиц? — осведомился вампир.

— Не представляю, слишком уж много сторонних факторов играют здесь немаловажную роль. Я не люблю гадать. Скоро мы всё узнаем.

Слова Серэнити погрузили меня в раздумья и они, как ни странно, больше касались Торгового Тракта, нежели Эрменгера. Экономика Соединённого Королевства издревле держится на широченной, вымощенной крепким камнем дороге и на пятёрке могучих рек с шустрыми судами-баржами. Серебрянка, Оленья река, Шелковица, Туманная Пляска и Земляничный Звон пересекаются в месте под названием Узел Благополучия. На этом удобном природном устье стоит Жемчужный Двор — огромный складской город-пристань. От многоголосного Гельха его отделяют всего каких-то двадцать миль.

Что же откуда приходит, и что куда уходит?

Керан. Имеющий крупные порты на Абрикосовом Море, он славится своей изысканной рыбой. Тачанки с тунцом, осетром, лососем и сёмгой отправляются в замки лордов, а на рыночные прилавки выкладывают кильку, селёдку, горбушу и окуней. Однако не только глубоководные дары доставляют матросы ко двору знати. Преодолевая множество опасностей и невзгод, по тонкой чёрточке проходящей среди водоворотов и затаившихся рифов Моря Призраков, отважные суда доплывают до Бархатных Королевств, находящихся за Великим Лесом. Оттуда, из земель прямоходящих котов, именующих себя мягкошерстами, очень-очень редко в Соединённое Королевство попадает лунный песок, эфирные масла, дурманский табак и эссенция гигантских цветов вистулума. Ещё реже капитаны приводят корабли из-за Железных Гор, за которыми вечно стынут Ледяные Топи, поделённые между крошечным Рунным Королевством виалов — безголовых, пепельно-белых гуманоидов с лицами на груди и магами Минтаса, витающего в облаках города-государства. За Ледяными Топями рдеют мистические тенета Ноорот'Кхвазама, запруженные разумными паукообразными существами эндоритами. Злобные от природы, кланы эндоритов предпочитают есть людей, а не вести с ними дела, поэтому добытые с их тёмных зарослей ларцы с пищащими жуками, нервущийся молочный шёлк и сверхпрочные каркасы с линияющих эголоцепов стоят неимоверно дорого. Самые же эксклюзивные товары приходят с севера. Из-за Моря Призраков загадочное Островное Королевство, дрейфующее на волнах Океана Безнадёжности, присылает в Керан мрачные, никогда не входящие в порт, галеры. С них закутанные в шали немые люди с чёрными глазами на лодках переправляют легковесные сундуки, забитые фосфоресцирующими водорослями, продляющими молодость, газообразными веерами, делающими при взмахе любой воздух ледяным, коробочками с не выцветающими красками и иной, невообразимой утварью.

Вскользь затронув импорт из практически недостижимых далей, обратим взор к Плавеню. Самый большой и благоприятный для жизни край кормит всё Соединённое Королевство хлебом. С его бескрайних полей и бесчисленных мельниц обозы развозят цельное зерно и муку во все уголки страны. Помимо этого, провинция является главным поставщиком крупного рогатого скота и свиней. А какой виноград собирают в Житнице

Солнца! Наливной, сочный — просто загляденье! Вино — фирменная карточка Плавеня.

Пряности, оружие, руду и драгоценности поставляют из Хильда. Обозы, запряжённые выносливыми мулами, тянут из холодного края всевозможные изделия и поделки гномов. Далеко не каждому зажиточному человеку будет по карману их приобрести, однако на всякий цветок найдётся свой хоботок, так молодые и родовитые вертихвостки не пожалеют россыпи рубинов за утончённые духи или румяна, а их высокопоставленные кавалеры не задумываясь отдадут и того больше, если им предложат приобрести карманные часы или компас.

Теперь о Караке. Из него везут лучшие сорта древесины, которую добывают прямо из Великого Леса. Берясь за топор, человек осознает, что может уже никогда не вернуться домой. Труд дровосека тут очень опасен. Живорезы, таящиеся в сумерках древних растений, так и ждут, чтобы в их силки попала неосмотрительная жертва. Призревая страх смерти, люди срубают стволы, а затем тащат их к деревообделочникам. Под пальцами искусного мастера дерево приобретает влагоотталкивающие и водонепроницаемые свойства. Мебель, наделённая такими качествами, всегда пользуется огромным спросом. Не жалея денег, аристократы заказывают её для своих роскошных дворцов целыми партиями. Помимо перечисленного, из Карака иногда привозят диковинных животных, пойманных у опушки Великого Леса. Зверей дрессируют, а потом показывают номера с их выступлениями на праздниках и крупных ярмарках. Ещё надо обратить внимание, что в провинции расположен гигантский каменный карьер, прозванный из-за частых обвалов «Присыпки». Поток заключённых, а также крепких мужчин, желающих помахать киркой за тугой кошель серебра, к нему никогда не иссякает. Стоит только горняку поднять из недр очередную выработку чёрного мрамора, как она тут же уходит на возведение загородных вилл и поместий.

Что же касается Иль Градо, то ему не получится похвастаться особыми морскими или сельскохозяйственными изысками. Пашня урожаями не блещет, а из-за клыкастого Рыбьего Остова, испещрившего всю прибрежную воду Моря Призраков каменными сколами, у основной резиденции королей нет портов. Впрочем, Иль Градо всё же есть, чем похвалиться. Его стеклодувы прекрасно знают своё ремесло и великолепно ваяют как узорчатые бутылки с расписными цветами, так и тонконогие бокалы, пригодные для торжественных мероприятий. Выдавленная на сервизах печать Иль Градо сразу делает фарфор в разы дороже. Ушлые дельцы других провинций приловчились подделывать гербовое клеймо, и если неопытные хозяйки ведутся на обман, то наметанному глазу качество посуды видно сразу. Хотя так тоже бывает не всегда. Поэтому чтобы точно удостовериться, что перед тобой не абы что, а тарелка из Иль Градо, достаточно лишь проверить на практике заезженную поговорку, издавна блуждающую по столице. Звучит она так: «Разбил кружку? То наверное чужая была, не наша, нашу попробуй расколоти». И действительно, столкни со стола две похожие маслénки, и та, на которой после падения не останется царапин, и будет из Иль Градо. Хотя в регионе хорошо делают не только гусятницы, лоханки и прочую столовую утварь. Одежда, которую здесь шьют, выделяется своей мягкостью, удобством в ношении и долговечностью. Не хочешь потеть летом под палящим солнцем? Купи у лавочника сорочку из Иль Градо. Желаете не замёрзнуть в жуткую зиму? У того же лавочника приобретите доставленные из Иль Градо штаны с начёсом, а если есть монетки, то лучше взять сразу весь комплект верхнего и нижнего белья, в последствии это решение окупит себя сторицей.

Перечислив все части Соединённого Королевства, мы подошли к Вельдзу. Чем он славен? Ну, во-первых, племенными лошадьми. Здешние меринки неутомимы, а кобылицы быстры, как ветер. По преданию, дух святого Щоса покровительствует провинции и особенно отмечает тех его жителей, кто уродился с копытами. Вымысел это или истина, я не знаю, но почему-то даже ослы, вскормленные травой из этих мест, куда работоспособнее своих собратьев, выросших за пределами Вельдза.

Второе, из чего регион извлекает прибыль, — это боевые трофеи. Из-за частых столкновений с волшебными обитателями Леса Скорби у солдат, одержавших над ними победу, появляются зачарованные кольца, амулеты, диадемы, печатки и многое другое. Подобные находки вояки перепродают казарменным старшинам, а те, в свою очередь, завышая ценник, сдают их в купеческие гильдии, из которых уже с десятикратной накруткой они попадают в специализированные магазины. Конечно, подавляющее большинство магических побрякушек не представляет особой ценности. Но бывает, что с мёртвых когтистых тел снимают и уникальные вещи. За примерами далеко ходить не надо; стоит только вспомнить короля Ульто, который собрал армию шести провинций и вторгся в Лес Скорби. Намереваясь раз и навсегда уничтожить загадочных ворожей, он дошёл до Оплота Ведьм и осадил его со всех сторон. Ход жестокой сечи переломился в сторону врага, только когда на помощь чёрным искусительницам подошли силы живорезов. Медленно, но верно отступая под давлением противника, воины Соединённого Королевства порубили несчётное количество тварей и вернулись к безопасным рубежам. Как оказалось, после завершения неудачной военной компании их карманы не были пусты. Множество артефактов, прихваченных с поля боя, вначале попали на Толкучку, а через неё распространились по базарам всей страны. Знаменитый Тигровый Глаз бога-идола Вилисивиликса привезен как раз из того похода.

Мои размышления о сбыте и обороте хозяйственных достояний Соединённого Королевства по большому счёту в настоящее время уже не актуальны. Ранее целое, а ныне разбитое на осколки, государство утеряло прежние торговые соглашения, и теперь благосостояние сотен тысяч людей повисло на тонком волоске, который вот-вот оборвётся. Это печально. Кризис, нависший грозным облаком, прольёт свой дождь и оставит после себя голод, болезни, братоубийство и длинные ряды могил.

Из задумчивости меня вырвал взволнованный возглас Эмилии.

— Смотрите, вон там, вон он!

Колдунья остановила лошадей и, спрыгнув с подножки, встала возле телеги. Мы остановились на крутом пригорке, откуда открывался довольно неплохой вид на близлежащие окрестности. Погода стояла ясная, и, присмотревшись получше, я разглядел то, что так привлекло внимание моей подруги. Эрменгер. От города к небу поднималась едва различимая серая дымка. Возможно, он горит, или там идёт сражение. Мы все всматривались вдаль, стараясь понять, что там происходит.

— Отсюда до него ещё скакать и скакать, — сказал Грешем, обладающий более острым зрением, чем мы.

— Тогда не будем понапрасну терять драгоценные минуты. Каждое мгновение может стоить чьей-то жизни, — отозвалась Серэнити, забираясь на место Эмилии. — До ночи поведу я.

Великий инквизитор была права, промедление часто влечёт за собой смерть. Я это точно знаю. Жизни невинных людей зависели от нашего появления, и хотя я и практикую

некромантию, она не делает из меня бессердечного, жаждущего крови, безумного чародея. Толки о некромантии — это всё не более чем миф. Магия, которую изучаешь, никогда не обратит в тебя монстра, не пожелай ты этого сам. Всё зависит от наклонностей человека. Зачастую мне жалко существ, страдающих совершенно ни за что. Однако я предпочитаю не вмешиваться в естественный ход событий, если только не вижу в этом крайней необходимости. Природа сама уравнивает весы, только ей известным способом. Сейчас ей было угодно, чтобы мы восстановили нарушенный баланс сил. Я чувствовал это и поэтому желал добраться до Эрменгера не меньше, чем Серэнити. С помощью меня природа излечит раны, нанесённые загадочной и ужасной Десницей Девяносто Девяти Спиц.

От быстрого темпа, взятого Серэнити, наша повозка тряслась и скрипела. Скорость, с которой Великий инквизитор гнала Перчика и Чесночка, выходила за рамки допустимого. К вечеру лошади настолько утомились, что пришлось их перевести на шаг. Когда двигаться дальше уже не имело никакого смысла, мы съехали в лощину у крошечного озера. Покрытое изрядной коркой зеленоватого льда, оно тускло поблёскивало под светом звёзд. Пособирав вокруг веточки, мы разожгли огонь. Эмилия поставила котелок вскипятить чаю. Витающий в воздухе запах гари, приходивший со стороны Эрменгера, смешивался с ароматом хвои. Я потянул его носом и громко чихнул. Вампир, накрывая вместе с колдуньей нехитрый стол, пожелал мне здоровья. Намазывая сухие лепёшки паштетом, он, чтобы не испачкать продукты, передавал угощение каждому в руки. Серэнити предпочла не брать предложенный бутерброд. Пожав плечами, Грешем протянул его мне, и я естественно не отказался. Люблю поесть, чего уж там греха таить, если бы Великий инквизитор отдала мне свою часть еды, то я бы и её съел тоже.

Между тем Эмилия отрешённо смотрела на зависшую в небе жёлтую луну. Её мысли блуждали вдали от этого места. О чём думает моя подруга? Зная её без малого... много лет, я так и не научился понимать её полностью. Иногда мне кажется, что я не замечаю в ней чего-то очень важного, того, что увидел бы каждый дурак. Что ты скрываешь в себе, моя дорогая Эмилия? Почему меня порой не покидает ощущения, что в наших отношениях не так все просто? Неужели я проворониваю нечто очевидное? Глупости? Наверное. Мы друзья-не разлей вода, так было и так будет всегда.

Я перевёл взгляд на Серэнити. Она сидела немного вдали от нас и медленно пережёвывала кусочек хлеба. Рядом с ней, в телеге дремал Снурф. Я накормил его, и он, зарывшись под одеяло, скрылся под лавку. Мурчику же в отличие от товарища спать пока не хотелось. Он крутился подле костра, намереваясь выбрать себе цель для выпрашивания лишнего кусочка. Не знаю, чем кот руководствовался в своих рассуждениях, но его мишенью стала Великий инквизитор. Подойдя к ней со спины, Мурчик деликатно ткнулся в неё полосатой мордой. От неожиданности Серэнити вскрикнула и, отпрыгнув, треснула кота локтем по носу. Прижав уши, больше от причинённой обиды, нежели чем от боли, кот зашипел, а затем развернулся и затрусил к своей хозяйке. Его хвост гневно подёргивался.

— А если тебя так? Зачем ты его стукнула? Он не хотел ничего дурного!

Моя подруга не на шутку разозлилась таким обращением с её любимцем. К тому моменту Серэнити пришла в себя и уселась обратно. Впервые я увидел её сконфуженной.

— Как его? Мурчик? Он испугал меня, я не нарочно ударила твоего кота.

Выдержав недолгую паузу Серэнити добавила:

— Извини.

Слышать слова раскаянья от Великого инквизитора приходится не каждый день. Это

поняла даже Эмилия, потому что её брови тут же перестали хмуриться. Она сдержанно кивнула, а потом, схватив вальяжно идущего кота за лапу, бесцеремонно притянула к себе.

— Нельзя пугать людей! Ты не такой котёнок, каким хочешь себе казаться! Ах, ты моя свиношшка-хрюшка! Мой тигрёнок-ягнёнок! Подожди, сейчас мамочка тебя угостит.

Эмилия почесала Мурчика за ухом, а затем подсунула ему к усам половину своей лепёшки. Кот понюхал предложенный хлебушек, но довольствовался лишь паштетом, который начисто слизал шершавым языком. Одарив Серэнити злобным взглядом, он запрыгнул в телегу. Шурша одеялами, Мурчик забрался к своему спящему другу. Спустя какое-то время я прервал царящее молчание и завёл с Эмилией беседу об удивительных свойствах красного лишайника. Наблюдая за нашим диалогом, Грешем расслабленно попивал из бутылки. Вдруг глаза вампира стали настороженными.

— Мне кажется, я что-то слышал. Похоже на шаги тихо пробирающегося человека.

Мы прислушались. Ночь выдалась неснежная, но поднявшийся ветер заставлял ветки соседних деревьев качаться, а жёсткие кусты без листьев под его порывами прогибались к земле.

— Вероятно, показалось, — изрёк мой ученик.

Эмилия поднесла палец к губам.

— Шшшшш! Не одному тебе это показалось. Сидите так, как будто ничего не заметили.

Нарочито небрежно колдунья поднялась. Сняв котелок с затухающего костра, она внезапно выплеснула остатки горячей воды за ближайшее дерево. Страшный крик огласил ложбину. Это засада! Один за другим люди в белых одеждах выскакивали из своих укрытий. Разбойники, грабившие караваны, сейчас явно испытывали недостаток в проходящих по дороге торговцах. Не могу сказать, что мы могли сойти за богатых путешественников, но в нашем распоряжении имелось две лошади, телега, еда, а возможно, и другие ценности, поэтому нами брезговать не стали. Экипировка у нападающих была не ахти какая. Лёгкие клинки и топоры, доспехов я на них не заметил, видимо ставка делалась на быстроту и внезапность. Из нас оружие у пояса имели только двое — Серэнити и Грешем. Булава великого инквизитора с противным хрустом проломила череп ближайшего бандита. Он рухнул в костёр, тем самым погрузил поле сражение в лунную полутьму. Я сделал рывок к телеге, надеясь добраться до Альдбрига или Ночи Всех Усопших, но не успел — мощный тычок в грудь заставил меня отлететь в противоположную сторону. На мгновение осветив всех зелёной вспышкой, Эмилия насадила врага на могутный сук ели. Увернувшись от просвистевшего над моей головой лезвия, я что есть мочи пнул ногой в толстенный живот. Согнувшись пополам, разбойник выронил секиру и я, не растерявшись, подхватил её. Отразив с помощью неё направленную на меня саблю, я поднялся и принял оборонительную позицию. Ко мне подбиралось сразу три головореза. Два юнца лет по семнадцать и матёрый волк — так я их себе охарактеризовал. Волк держался позади юнцов, предоставляя им возможность вымотать меня, чтобы в нужный момент ворваться в поединок и нанести решающий удар. Сейчас, видя опасность перед собой, и зная, с кем имею дело, я смог сконцентрироваться.

— Вы такого ещё не видели! — крикнул я.

Оплетая топор чарами, я покрыл его заострённые края ручейками жидкого пламени. Капая на землю, оно воспламеняло мокрую листву. От сего представления три пары глаз удивлённо расширились и стали похожи на блюда.

— Не бойтесь, что он колдун! Кровь у него такого же цвета, как и у вас! — гаркнул

матёрый волк, подталкивая юнцов ко мне. — Давайте уже, прибейте его, а не то я укокошу и его, и вас!

После такого понукания двое молодых людей с воплями ринулись на меня. Не могу сказать, что хорошо владею топором, но на то, чтобы сформировать «Элементарную Стрелу» у меня бы попросту не хватило времени. Я парировал направленный мне в шею меч. Топор скользнул по стали и отсёк запястье одного из парней. Подставив второму подножку, я приложил огненное лезвие к его лицу. Думаю, подобное прикосновение можно сравнить с жутко разогретой сковородкой, от такого пылкого поцелуйчика потом точно красавчиком не останешься. Оттолкнув визжащего бандита, я сошёлся в поединке с тем опытным воином, до сей минуты прятавшимся позади юных спин. Мы затоптались по снегу в боевом танце. Определённые тактические преимущества были как у меня, так и у него. Мускулистый, резкий, ловкий, он не сомневался в исходе поединка. В его ухмылке я прочитал уверенность в победе. Я ослабил в ответ. Не хочется тебя расстраивать, волк, но ничего не получится. Я старше тебя и опытнее, ты больше никогда не увидишь восход солнца. Уж я позабочусь об этом.

— Тебе конец!

— Чмокни меня в зад! — со смехом отвечивал я.

Выманивая противника подойти поближе, я отступил назад. Матёрый волк с рыком бросился вперёд.

— После твоей смерти горящий топор будет принадлежать мне! — пробасил грабитель, делая обманный финт.

— Вот наивный! Он потухнет на твоей селезёнке! — отозвался я, уклоняясь от стремительного выпада. Следом я отбил новую атаку. Скрывшись за дерево, я заставил себя успокоиться. Со свистом воткнувшись в кору, вражеский клинок зацепил моё ухо. Кровь струйкой полилась мне за шиворот, но это уже не имело значения — в руке проснулся шар огня. Резко выскочив из укрытия, я запустил кипящий сгусток в темечко грабителя. Ставлю золотой, что он даже не осознал своей участи. Его туловище обуглилось и пеплом разлетелось по ночным просторам. Я даровал ему безболезненную смерть, это немного незаслуженно, ну да ладно.

— Зараза.

Приложив пальцы к рассечённой мочке, я оглянулся в поисках друзей. Силуэт Эмилии неестественно прижался боком к телеге, запрокинутая голова смотрела на небо. Подавляя в себе нарастающее чувство отчаяния, я побежал не к ней, а к скоплению светлых фигур, мельтешивших у самой кромки озера. Именно оттуда доносились ругательства и стоны. В три прыжка я добрался до места сражения. Одна против шести, Серэнити, тем не менее, удерживала противников на почтительном расстоянии. Грабители окружили великого инквизитора, но никак не решались, кому нападать на неё первому. Выкрикивая сальные оскорбления, они провоцировали Серэнити поддаться гневу и ослабить оборону. Заставляя себя погрузиться в течение энергии, я медленно досчитал до семи. По моей перчатке заплясали голубые всполохи молнии. Сделав два больших шага по направлению к бандитам, я громко спросил:

— Эй, оболтусы, а вам мама в детстве не говорила, что девочек обижать нехорошо?

Все головы сразу повернулись в мою сторону. Секундное замешательство подарило одной из этих голов огромную дыру в затылке. Не обращая внимания на предсмертный вой, три разбойника кинулись ко мне, но, увы, учинить расправу им было не суждено. Белая

вспышка магии отразилась от замёрзшего озера и четверо из оставшихся пяти мужчин превратились в кучки золы. Последнего Серэнити убивать не стала. Точным ударом булавы она выбила колено стоящего возле неё бандита. Треск ломающихся костей страшным эхом повис в моих ушах. Схватив грабителя за горло, великий инквизитор швырнула его на камни.

— Потом поговорю с тобой, животное, — пообещала Серэнити скулящему от боли разбойнику.

— Где Грешем?! Ты видела его?! Куда он делся?!

Мои слова были обращены к удаляющемуся серому плащу. Серэнити бежала к крючковатым деревьям. Волшебство, питающее топор, уходило, но его приглушённое свечение не дало мне потерять из вида Великого инквизитора. Когда я наконец нагнал её, то увидел, что она стоит над Грешемом, вокруг которого громоздились тела поверженных людей. Полуприкрытые глаза вампира смотрели вдаль. Проклиная себя и весь мир, я потянулся к своему ученику. Руки Грешема сжимали два окровавленных меча. На животе вился глубокий порез, а в плечо по рукоятку был воткнут кинжал. Я склонился над ним собираясь, вытащить клинок, но Серэнити одёрнула меня.

— Не надо, ты только всё испортишь. Иди к Эмилии, я постараюсь сделать всё возможное.

— Нет, я должен быть рядом с ним!

В моем голосе поднималась ярость. Я хотел оттолкнуть Великого инквизитора и приблизиться к Грешему, но Серэнити увернулась от толчка и, нажав на ключицу, сделала мне подсечку. Я упал лицом в холодный снег.

— Иди к Эмилии, ты ей нужен! — с нажимом повторила Серэнити.

Схватив за плечи, она поставила меня на ноги и подтолкнула в сторону повозки. Как кукла, я побрёл в указанном направлении. Как так? Они оба мертвы? Так не бывает. Просто не может быть. Я не верю. Выйдя к берегу озера я, не помня себя от горя, двинулся к лежащей колдунье. Миновав затухший костёр с обгоревшим трупом, я присел возле подруги. Когда я коснулся холодной щеки, её брови дёрнулись, а глаза неожиданно открылись.

— Где я нахожусь?

— Как где? На королевском симпозиуме алхимиков! Ты так переволновалась, представляя своё зелье «Безудержной Чесотки», что грохнулась в обморок.

— Почему тогда на мне нет красивого платья? И более того — почему я лежу в грязи? Где публика?

— Я — твоя бессменная публика. Можно автограф, леди?

Моя подруга повращала глазами.

— Стой, я всё вспомнила!

— Слава Вселенной, поначалу я подумал, что ты умерла...

— А я оказалась жива! Один из гадких мальчиков совершенно не знаком с таким словом, как «галантность»!

Эмилия показала на здоровенную шишку посреди лба.

— Он приложил мне дубинкой между глаз.

— Так это всего лишь рог стал расти, я слышал, что у колдуний такое случается! — не удержался я.

— Ага. Смешно. Где Грешем и Серэнити? Мы победили? Где Мурчик?

Ответ на её последний вопрос пришёл сам собой. Потягивая лапы из телеги, показался кот. Сомнений не оставалось, эта морда прикорнула и под ворохом покрывал не слышала

ничего, что тут происходило. Следом выполз мой любимчик. Осматривая царящий беспорядок, Снурф озадаченно пошевелил усиками.

— Сони-засони! Пока хозяйка сражалась с плохими мальчиками, ты спал, грязнопятючник? — весело проговорила Эмилия, поманив кота к себе. — Ну так, а Грешем где? Что молчишь?

— Он с Серэнити. Она пообещала помочь ему, но... Я сомневаюсь, что у неё получится. Глаза моей подруги стали озабоченными.

— Ты же не хочешь сказать, что он...

— Я не знаю. Великий инквизитор прогнала меня.

— Дай мне руку, я хочу подняться.

После того как я это сделал, Эмилия, отдуваясь, встала на ноги.

— Ох, голова как кружится. Где ты их оставил, Калерб?

— Там.

— Что стоишь? Пошли!

— Подожди, я прихватчу посохи.

Я вытащил из телеги наше волшебное оружие, и мы поковыляли в ту сторону, откуда я только что пришёл. Обнимая Эмилию за талию, я следил, чтобы она не упала. Её ноги заплетались, она часто спотыкалась. Однако весь путь нам идти не пришлось. Навстречу нам бодро вышагивали Серэнити и Грешем. Я задохнулся от изумления. Ещё десять минут назад он лежал чуть живой, а сейчас скачет чуть ли не вприпрыжку! Поравнявшись с друзьями, я окинул вампира взглядом. Ни одной царапины. Даже синяков не осталось. Переведя выпученные глаза на Серэнити, я в ответ получил объяснения:

— Первый раз в жизни я применила магию Света, чтобы спасти... вампира.

Великий инквизитор смежила веки и, не обращая ни к кому, спросила:

— Всеотец, верно ли я поступила? Была ли на то твоя воля? Он — Смерть, а я — Жизнь. Он — Тьма, а я — Свет. Было ли это правильно? Что со мной? Почему я не прикончила его?

Грешем выглядел потрясённым.

— Спасибо тебе большое, что, как ты говоришь, не прикончила меня, а наоборот исцелила все мои раны! Я этого никогда не забуду! К тому же я теперь твой должник.

Мой ученик низко поклонился, а затем продолжил:

— Когда в меня вонзился меч, то всё вокруг так закрутилось, так завертелось, что я потерял равновесие, и моё сознание превратилось в узкий луч. Я покинул тело и полетел в туннель, на конце которого что-то нестерпимо блестело. Я чувствовал, что мне там будет хорошо. Я стремился туда, но в какой-то момент меня дёрнули, и я вновь оказался жив!

— Туннель? Блестело? Хорошо?

Серэнити перекосило от гнева.

— Так пасть Назбраэля принимает пособников мрака? В следующий раз я не стану вынимать клинок, а воткну его поглубже, чтобы ты точно попал в пекло к своему господину.

— Надеюсь, другого раза не будет, — нервно хихикнул вампир, отвечивая новый поклон. — Я очень благодарен тебе.

— Ты мне никто и звать тебя никак, перестань нагибаться и дай мне забыть о моей ошибке.

Великий инквизитор выдохнула и переменила противную ей тему:

— В тех снежных кустах лежит незаконченное дело. Пойдёмте, вам будет полезно посмотреть на то, что может ожидать вас в будущем.

Да, тот парень с перебитой ногой должен был предстать перед Великим инквизитором и понести ответ за действия всей шайки. Жестоко, но упрашивать Серэнити отпустить его, я не хотел. В конце концов, он бы не задумываясь прибил бы меня, почему я должен заступаться? Разбойник находился в том же месте, где мы его и бросили. Обширный кровавый подтёк говорил о том, что он даже не пытался отползти. Побелевшее лицо, закрытые глаза, ещё совсем молодой, лет двадцати пяти. Его судьба вынула ему незавидную карту. Я облокотился на Ночь Всех Усопших. Колено разбойника представляло собою страшную картину, и я старался не смотреть на него. Серэнити склонилась над раной и, возложив на неё тонкую руку, срастила кости и затянула кожу. Я понял её план. Она собиралась вначале вылечить мародёра, а потом допросить его с пристрастием. Глаза парня открылись. Растопыренные пальцы метнулась к поясу, где раньше висел кинжал, но его там конечно уже не было.

— Твоя жизнь сейчас зависит от того, как ты будешь отвечать на мои вопросы.

Голос Серэнити был холоднее льда.

— Если ты понял, то скажи «да, Великий инквизитор», если нет, то я досчитаю до пяти и начну отрезать тебе уши.

Жуткий страх объял парня, когда он осознал, кто стоит перед ним. Его поджилки затряслись, а губы задрожали им в такт. Сколько сожаления и раскаянья я прочёл в его поникшем лице. Промышляя неблагоприятными аферами, он и не подозревал, что лёгкий хлеб обойдётся ему так дорого.

— Да, Великий инквизитор, — заплетающимся языком проговорил бандит.

Я не думал, что он попытается бежать, но на всякий случай мы обступили его плотным кругом. Серэнити грубым рывком принудила парня встать на ноги.

— Как тебя зовут и откуда ты?

— Флич, я из Йордфильда.

— Где это?

— Керан, миледи.

— В налёте на нас участвовали вся ваша банда?

Серэнити приложила кинжал к бедру бандита.

— Вся. Кроме Марти и Пряничка, они охраняют... дом.

Затравленным взглядом парень обвёл пепельные круги, в которые моя молния обратила его друзей.

— Пленники у вас есть?

— Нет! Никого у нас нет!

Отвечая на поставленный вопрос, Флич трусил как в лихорадке. И было чего бояться — наказание за содержание людей в рабстве всегда одно — смерть.

Серэнити скривила губы и, схватив бандита за кадык, принялась его душить. Хрип задыхающегося человека ни с чем не спутаешь. Никакого милосердия в Великом инквизиторе не было и в помине. Чтобы выбить правду она, не поведя и бровью, применит все имеющиеся в её распоряжении инструменты дознания. Железные перчатки, оброненный кинжал и собственная сила — ей этого вполне достаточно для того, чтобы диалог не омрачился ложью. Хрип усилился, Флич отчаянно замахал руками, пытаясь что-то сказать, и ему дали такую возможность. С трудом раскрывая челюсти, он едва мог выговаривать слова.

— Я позабыл, что у нас живут две девушки.

— Если ты ещё хоть раз что-то забудешь при своих ответах, то я вырву тебе ноздри.

Серэнити сдвинула подбородок Флича в стальной хватке.

— Страшно даже подумать, что девушки могли натерпеться в логове жуликов, — печально проговорил Грешем.

— Странно, что об этом говорит такой, как ты, — брезгливо отозвалась Великий инквизитор. — Однако я с тобой согласна. Во имя Ураха их надо спасти.

— Далеко ли отсюда идти до вашего схрона?

— Не очень, — уклончиво ответил Флич.

— Сейчас ты тихо, и не привлекая внимания, поведёшь нас туда. Если при этом ты вознамеришься бежать, то знай, я догоню тебя, и уж тогда от смерти тебе никуда не деться. Я буду пытаться тебя, пока Урах не сжалится и не заберёт из моих рук твою жалкую жизнь. Ты понял это?

— Да! Как прикажете, Великий инквизитор!

Фличу выбирать было особо не из чего. Либо умереть сейчас, либо возможно выжить, сдав своих поделщиков. Конечно, грабитель решил по возможности пожить. Он повёл нас тропой, уходящей от основной дороги в бок. Спрятанная меж чёрных стволов вязов, она едва заметной линией петляла вдоль присыпанной снегом земли. Деревья становилось больше, мы входили в лес. Свернув у покатога холма, усеянного многочисленными шишками, Флич стал пробираться через кусты, миновав которые остановился у каменной насыпи. Наш провожатый показал пальцем на едва различимые огни, мерцающие за ней.

— Вот, это наше убежище. Госпожа Великий инквизитор, можно мне теперь уйти?

Казалось, что вопрос разбойника заинтриговал Серэнити.

— А куда ты пойдёшь?

— Эмм? Подамся в Шальх! Я отличный кожевенник! Куплю пару шкур, займусь ремеслом, организую маленький бизнес, так сказать!

Парень сложил ладони вместе.

— Клянусь Урахом, миледи, я покончу с преступным прошлым и начну жить с чистого листа!

Смотря в бегающие глаза Флича, я покачал головой. Неужели он решил, что Великий инквизитор поверит ему и отпустит на все четыре стороны?

— Правда? Если я тебя помилую, то ты перестанешь грабить и убивать? Заведёшь огородик и семью? — мягко спросила Серэнити. Её изменившийся тон успокаивал Флича и вселял надежду, но я-то уже знал, что он ничего хорошего для него не предвещает.

— Да! Сегодня я осознал, как неправильно и плохо...

Серэнити не дала договорить Фличу. Ударом кулака она отшвырнула его к ногам моего ученика.

— Как ты смеешь, ничтожество, лгать мне прямо в лицо?! Таких как ты, исправит только одно — это смерть!

Великий инквизитор медленно подошла к копошащемуся в земле бандиту и, поставив на него сапожок, посмотрела на Грешема.

— Давай, создание тьмы, покажи ему, что такое настоящая боль.

Секунду вампир глядел в льдистые глаза. После чего его руки метнулись к мечам и молниеносно рубанули крест-накрест по шее Флича. Отделившись, голова шмякнулась на чистый снег. Моему изумлению не было предела. Что это значит?! Как он посмел убить безоружного?! Почему он подчинился приказу Серэнити?! Мои мысли смешались и прекратили свой хор, только когда я увидел плотоядную улыбку Великого инквизитора.

— Почему ты это сделал?! — заорал я, хватая Грешема за ворот тулупа.

— Не надо так громко кричать, некромант, нас могут услышать. Вампир исполнил уговор, который я назначила ему за спасение жизни.

Серэнити подошла ко мне почти вплотную.

— Ах, как приятно, когда одно исчадье бездны уничтожает другое. Скверна поедает скверну, слушается Света и знает своё жалкое место. Я мечтаю, что когда-нибудь так будет всегда.

— Грешем?! — взревел я. — Немедленно объяснись!

— Учитель, я не успел вам рассказать!

Вампир отступил на шаг и быстро заговорил:

— Когда я умирал, Серэнити предложила мне выкупить жизнь за маленькое желание. Поэтому отрубить голову разбойнику, который нас чуть не уколошил, показалось мне хорошей возможностью выплатить ей долг.

— Как же это подло, Серэнити, — протянула моя подруга. — Что, если бы издыхающий от порезов Грешем не согласился бы исполнить твои условия? Что тогда? Ты бы дала перейти ему в мир иной?

— Этого не случилось, поэтому гадать нечего, — отрезала Великий инквизитор.

— Как ты мог так поступить? Нельзя убивать просто так! Жизнь слишком ценная вещь, чтобы обрывать её, когда вздумается! Скажи, ты дал ему жизнь, чтобы отнимать?

— Ой, а ты как будто вся такая безукоризненная? Разве ты никого не травила у себя в Лунных Вратах? Я на своей шкуре ощутил действие твоих ядов! — не выдержал Грешем. — И помимо этого — разве я стал первым? Я всё знаю про тебя, мне учитель рассказал о твоём миленьком хобби!

— Что?! Калеб?! —

— К тому же, кто знает, что там было на уме у этого Флича? — перебил колдунью вампир. — Может он завтра бы нас подкараулил и воткнул в спину нож!

— Он был зло, а зло должно быть обращено в прах, — кровожадно дополнила Серэнити. — Сегодня свершилось благое дело. Угодное Ураху.

— Шаттибраль?! — Эмилия поднесла Людвирбинг мне под нос. — Что ты наплёл про меня?!

Теперь настала моя очередь пятиться.

— Да ничего я не плёл! Разве это секрет, что ты выслеживаешь и травишь насильников и детоубийц?

— Тебе хорошо известна причина, по которой я это делаю! Ты озвучил её Грешему?

— Нет.

— Тогда потрудись рассказать ему, почему я хладнокровно убиваю одних лиходеев и ратую за сохранения жизней других.

Я вздохнул.

— Ты уверена, что сейчас для этого подходящее время?

— Да.

— Хорошо.

Я откашлялся и перевёл взгляд на вампира, который ошеломлённо нас слушал.

— У Эмилии был маленький брат Ансельм. Когда ему исполнилось шесть лет, его похитили с родительского крыльца. Семья Грэхольмов долго искала Ансельма и наконец вышла на одного пещерного омера, который указал им на место, где его укрывают. То был

притон извергов, поклоняющихся паукоподобному богу Рифф. К глубокому сожалению Ансельма спасти не удалось. Его принесли в жертву по обряду, который я не хочу упоминать.

Я посмотрел, как слёзы закапали по щекам моей подруги.

— После того дня Эмилия дала себе слово преследовать и мстить каждому, кто запятнал свои руки кровью детей.

— В тот день, когда ты пришёл ко мне на отравленные пирожки, я спутала тебя с магом-душегубом. Конфетками и шоколадками он приманивал маленьких ребятшек Подлунных Пеньков, а потом вершил отвратительные ритуалы. Уже после того, как ты покинул меня, я отловила его и заставила навсегда прекратить свою извращённую практику.

— Я понял.

Грешем опустил глаза.

— Прости мне мои слова, Эмилия.

Колдунья отёрла мокрые щеки.

— Ничего.

— Поэтому, если ты не давал подобных клятв, тебе не угрожает опасность, и ты не испытываешь голода, то без повода вонзать клинок в человека абсолютно недопустимо! Ведь даже звери не терзают себе подобных ради забавы, — строго сказал я. — Ты освободился от желания Серэнити, но пусть его осадок послужит тебе уроком.

— Не думала, что когда-нибудь услышу, как некромант бранит вампира, впрочем, как и историю о том, как ведьма истребляет злодеев. Хотя... Бог Света всевидящ и наказания от него приходят в разных формах и из разных рук.

Великий инквизитор отцепила булаву от бедра.

— Там, в том доме в рабстве томятся девушки. Они уповают на милость Ураха, и я собираюсь им её принести. Я отправляюсь вершить правосудие. Вы...

— Мы с тобой, — дополнила моя подруга.

Недолго подумав, Великий инквизитор кивнула.

— Тогда вперёд.

Серэнити накинула капюшон и двинулась к хибаре, мерцающей приглушённым светом фонарей. Эмилия стиснула посох и тихо проговорила ей в след:

— Всё же отчасти она права насчёт зла. Не думаю, что девушек держат лишь для того, чтобы они разносили напитки и готовили кашку по утрам. Что может быть хуже животного влечения мужчины и сопутствующих ему унижений? Вполне вероятно, что когда я увижу тех несчастных пленниц, то пожалею, что самолично не прихлопнула Флича.

— Да, и я тоже, — согласился я. — Пойдём, а то Серэнити уже вон, куда убежала.

Силуэт Великого инквизитора едва различался сквозь голые ветки деревьев. Споткнувшись о корягу, я подавил желание зажечь алмадин на Ночи Всех Усопших. Нужно незаметно подкрасться к оставшимся бандитам — напомнил я себе. Я подозревал, что их могло быть больше, чем двое. Огоньки становились всё ярче. Здание, принятое мною за хибару, на самом деле оказалось достаточно внушительных размеров, скорее всего оно некогда являлось трактиром. Вероятно, когда-то здесь проходила дорога, но её забросили, а ставшее невыгодным заведение закрыли. Место заросло лесом и покрылось кустарником. Скрытое от посторонних глаз, оно впоследствии стало притоном для грабителей. Издревле мародёрство числилось в пятёрке главных бичей Соединённого Королевства. Его территория так велика, что подчас даже для центральных трактов не хватает солдат, что уж говорить о

патрулировании глухих районов. Разбойники прекрасно знают эту истину, и поэтому, подстерегая путешественников, они зачастую совершенно не боятся того, что на них может обрушиться кулак государственного воздаяния. Сейчас, по случайности, мы выкорчевали один из преступных корней, но кто позаботится об остальных шайках, орудующих в королевстве? Вселенная. Она все уравнивает.

Серэнити крадучись подошла к окошку. Заглянув с самого уголка, она вновь прислонилась к стене. Я и Грешем держались чуть позади неё, а Эмилия, показав пальцем на тёмное пятно, направилась к запасному выходу. Вплотную прижавшись к Серэнити, я осторожно посмотрел через её плечо. В комнате ярко горел камин, его огонь хорошо освещал обстановку вокруг. Я проглотил слюну, подступившую комком к горлу — на вертеле коптился жирный поросёнок. Поодаль от него, за длинным столом сидел человек средних лет, он сонно прикладывался к кружке и крутил шампур, принуждая мясо пропекаться со всех сторон. Я переглянулся с Великим инквизитором. Она кивнула на дверь. Конечно, это самый простой способ. Так как нас в гости никто не ждёт, то он наверняка сработает. Я потянул Грешема, и мы втроём сблизили носы. Наша тактика была такова — вампир заходит первый, следом Великий инквизитор, а за ними, прикрывая тыл магией, я. В этот раз я выбрал чары льда. Я редко пользуюсь этой стихией, но сейчас мне захотелось внести немного холода в тепло этого злчного логова. Гуськом мы подошли к двери. Плотная, грубо сбитая, она могла оказаться очень крепкой. Снаружи замков не было, вероятно, изнутри имелась щеколда. Грешем слегка потянул ручку двери на себя. Как я и думал, заперта, но это не большая проблема, если ты маг. Пришлось распустить заклинание льда. Тонкой струйкой воды морозный шарик стек по пальцам вниз. Прислонив руку к двери, я вновь сосредоточился, чтобы нащупать имеющиеся внутри засовы. Телекинезом я отыскал стальной стержень, проходящий между дверных створок. Схватив стержень силой воли, я аккуратно потянул его в бок. Заржавевший от времени, он был тугим и в один момент издал протяжный скрип, но я не остановился, ещё секунда — и дверь открыта. Я кивнул Грешему и тот, рванув ручку, залетел вовнутрь, Серэнити вбежала следом за ним. Два коротких вскрика и тишина. Бой закончился, так и не успев толком начаться. Мой ученик двумя мощными ударами усадил подскочившего бандита с кружкой обратно на место. Его голова, больше не являясь частью тела, с хлюпающими звуками покатила под стол. По обыкновению Серэнити целью для булавы тоже выбрала голову. Опустив её на праздно стоящего рыжеволосого мужчину, она повергла его наземь. Магическое прикрытие больше не требовалось, поэтому я расслабился и осмотрелся. Кругом валялись бутылки, обглоданные кости, грязные сапоги и прочие предмета быта. На стойке, где раньше стояли напитки, теперь громоздилось всевозможное оружие, начиная от мечей и топоров, заканчивая изящными ятаганами с витиевато изогнутыми лезвиями. Я взял один из кинжалов. Рукоять, сделанная из кости, прекрасно ложилась в ладонь. Сделав парочку выпадов, я пришёл к выводу, что его выковал мастер своего дела. Проведя кинжалом по столу, я убедился в его безусловной остроте — там, где прошёлся клинок, остался глубокий порез. Без усилий и напряжения этим оружием может сражаться даже мальчишка!

— Определённо это работа гномов, — сказала Эмилия мне через плечо.

Я вздрогнул. Как они с Серэнити так бесшумно подкрадываются? Женские чары, или я стал глуховат на правое ухо?

— Мне кажется, что он сделан рукой человека, — всё же решил поспорить я. — В своё время мне встречались подобные кинжалы на рынках Хильда.

— Да, вот именно, подобные, чтобы убедиться, надо посмотреть на основание лезвия.

Эмилия взяла у меня кинжал и поднесла к глазам.

— Тут оно! Клеймо гномов, на, погляди!

Кинжал снова вернулся мне в руки. Приглядевшись, я рассмотрел едва заметный молот, бьющий по наковальне. Наверняка он довольно старый, раз даже клеймо выцвело. Я повертел кинжал под разными углами, ощущая его непревзойдённый баланс. Пожалуй, оставлю его себе. Я спрятал свою находку в сумку.

— Эй, идите сюда! Серэнити нашла погреб, но у нас не хватает сил поднять крышку! — донёлся голос Грешема из дальнего угла комнаты.

— Наши стальные мускулы спешат к вам на помощь! — крикнула Эмилия.

Великий инквизитор тянула за одну скобу каменного люка, а мой ученик за другую. Тонкие руки Серэнити дрожали от натуги. Я уверен, что сила, которую она сейчас прикладывала, чтобы открыть проход была просто нечеловеческая. Мой ученик тоже не халтурил. Широко расставив ноги, он надсадно пыхтел и рычал. Крышка не сдвигалась. Их титанические старания ни к чему не приводили. Наконец отпустив люк, Великий инквизитор решила передохнуть. Утерев со лба бегущую капельку пота, она села прямо на пол и обхватив колени уставшими руками, выдохнула:

— Твоя очередь, некромант.

— Обычно я думаю, а уже потом делаю. Дайте мне минутку.

Серэнити фыркнула, но промолчала, она явно не верила в меня. Что же попробую её удивить. Я ухмыльнулся.

Раньше, да и сейчас тоже, в зажиточных трактирах встречались двери, которые не поддаются рельефной мускулатуре. Посетитель может их дёргать сколько влезет — они не откроются. Хитроумное устройство, состоящее из тросов-пружин и подвешенного груза, пресекает любые попытки пробраться за дверные створки. Разблокировать механизм и отпереть засов способен только рычаг, обычно замаскированный под тот или иной незатейливый предмет. Подобные тросовые и цепные замки закупаются у гномов по очень и очень немалой цене, однако их дороговизна полностью себя окупает. Снабжая подсобки такими устройствами, трактирщики потом без всяких волнений хранят в них драгоценности, ценные бумаги и скопленные за жизнь деньги. Но помимо надёжного тайника от случайных воров, такие погреба могут использоваться и в качестве убежища от мародёров и прочих организованных разбойничьих банд.

Постукивая пальцем по подбородку, я принялся искать неприметную, но все же лежащую под самым носом вещь, которая может оказаться рычагом. Обходя круглые столики и валяющиеся стулья, я внимательно просматривал зашарпанные стены. Где же, где же? Ага! Моё внимание привлекли обломанные рога оленя. Они косо свисали из-под рваных обоев прямо над деревянными полочками. Приблизившись к ним, я не увидел следов пыли. Получается, вас недавно трогали? С победоносной улыбкой я сжал рога и повертел в разные стороны. Послышался приглушённый щелчок, а затем скрип натягивающихся тросов. Надо всегда помнить, что разум сильнее мышц, и интеллект — это главное оружие человека. Погреб открылся, и у Серэнити, всё ещё сидящей на полу, в глазах запрыгали злобные искры: как так, я додумался, а она — нет? Девочка, я был стар и мудр, ещё когда ты в куколки играла. Великий инквизитор сжала булаву и стала спускаться вниз, я поспешил следом за ней. Тут плохо пахло, воздух не был похож на тот, что облаком висел в катакомбах Братства Света. Там он просто затхлый, а здесь витал аромат давно немытого тела. Сотворив

заклинание «Освещения», я подкинул искрящийся шарик к потолку. Белое сияние мягко обволокло комнату. Большая, с сырыми каменными стенами, она имела соломенный настил. Пузатые бочки выстроились пирамидкой у низеньких ящичков доверху набитых разнообразными побрякушками. За ними толпились шкафы с кружевной одеждой, соболиными шубами и меховыми юбками. В стеклянных сервантах громоздились кольца, медальоны и фарфоровые вазы. Я присвистнул: если всё это продать, можно будет купить неплохой замок в Плавене. Среди всей этой роскоши, достойной королей, сидели два обтянутых кожей скелета. Они жались друг к другу и закрывали лица руками. Их вид был так ужасен, что я не мог с первого взгляда определить ни возраст, ни пол людей. Серэнити села перед пленниками на колени и, сняв перчатки, приложила руки к поникшим головам.

— Они живы, но сильно истощены, — коротко сказала мне великий инквизитор, направляя потоки исцеляющей магии в истерзанные тела.

Наконец одна из голов медленно приподнялась. Голубые глаза встретились с моими. Что я в них прочёл? Пытки, насилие, издевательства, ярость, бессилие и обречённость. Видимо этим очам уже никогда не избавиться от печати перенесённых страданий. Спутанные грязные волосы беспорядочными космами спадали на заострённые углы юношеских плечиков. Опухшие губы, синяки на скулах, царапины на лбу — многое пришлось пережить этой девушке прежде, чем мы нашли её. Воля случая. Повезло. Судьба выкинула счастливую монету этому созданию. Чем руководствуется Вселенная, когда решает, кого освободить от рабских оков, а на кого их надеть? Изменения в лучшую или худшую сторону есть всего лишь череда колебаний огромных весов предопределения, простоту коих нам постичь не дано.

— Как тебя зовут, дитя? — ласковым шёпотом спросила Серэнити.

— Лилит, — чуть слышно ответила девушка.

— Как зовут твою подружку?

Великий инквизитор продолжала держать руку над затылком другой пленницы, пока та не открыла глаза. В который раз я убедился, что магия Света творит чудеса. Интересно, есть ли предел её могуществу? И если да, то какой?

— Это моя сестра Касадия, но она не разговаривает, у неё больше нет языка.

Касадия приоткрыла ротик, чтобы показать, почему она молчит. Чёрные редкие зубы обрамляли белёсые десна. Вместо языка виднелся маленький розовый кусочек плоти.

— Это бандиты сделали с вами? — спросила Серэнити, садясь на одну из коробок с награбленным.

По лестнице спустилась Эмилия. От увиденного у моей подруги расширились глаза. Смотря на девушек, мы оба думали, что отрубить Фличу голову было и в самом деле чересчур милосердно.

— Касадия громко кричала, когда к ней приставал Чуй.

Лилит перевела взгляд на меня, а затем на Эмилию.

— Вы же не сделаете нам ничего плохого? Вы пришли освободить нас? Не молчите! Мне страшно!

Великий инквизитор взяла руки девушек в свои ладони.

— Больше вам ничего не угрожает. Все разбойники мертвы. Вы свободны. Сейчас я помогу вам подняться наверх, там дожаривается вкусный поросёнок. Сколько вы не ели?

Касадия показала пять пальцев, а затем, подумав, добавила ещё один. Лилит кивнула, соглашаясь со своей сестрой.

— Чуй сказал, что после того, как я его укусила, он заморит нас голодом. Вначале Чуй хотел мне вырвать зубы клещами, но передумал, сказал, что они сами скоро вывалятся.

Я видел, как Серэнити сжала кулаки. Она, как и мы, сожалела о быстрой смерти бандитов. По моему мнению, в характере великого инквизитора каким-то образом сочетались две несовместимые черты, первая — это острая любовь к справедливости, а вторая — это большая потребность в пытках и расправах. Со стороны подобный коктейль особенностей выглядит неестественно, ведь защищать невинных — это одно, а получать наслаждение от мучений — это совсем, совсем другое.

Выбравшись из затхлого погреба, я и вампир сняли с вертела приготовленную свинью. Эмилия, не найдя подходящий нож для разделывания туши, одолжила мой новый кинжал. Ловко водя им по румяным бочкам, колдунья отделяла жирные куски мяса на принесённые с кухни коричневые тарелки. У бандитов нашлось много хлеба, сыра, сушёных грибов и фруктов. Вскрыв один из покатых бочонков, Серэнити налила каждому по рубиновой кружке вина. Грешем от алкоголя отказался и под предлогом, что уберёт трупы с глаз долой, схватил почивших разбойников за ноги и потащил к подвалу. Свалив их вниз, он потом сам скрылся во тьме. Откусывая бекон, Лилит заволновалось: почему дяденька долго не вылезает из погреба, на что я, получив под столом осязаемый пинок от Серэнити сказал, что пойду, мол, посмотрю. И посмотреть было на что, словно комар мой ученик вцепился тупыми зубами в шею бандита и с хлюпаньем высасывал из неё содержимое к себе в желудок. При моём появлении он оторвался от своего занятия и, вскинув на меня глаза, утёр кровавый подбородок платком. На эту пантомиму я покрутил пальцем у виска и затопал обратно. Вернувшись за стол, я сказал, что Грешема заинтересовали сокровища и что он скоро вернётся.

— Он разве не хочет есть? Вот и Чуй всегда смотрел перед едой то, что награбил, а потом шёл к нам...

Тут голос девушки стих и она, потупив взор, сосредоточенно уставилась в свою тарелку.

— Это в прошлом, малышки, это в прошлом, постарайтесь забыть про это, — вздохнула Эмилия, накладывая на тарелки сестёр добавки.

Лилит и Касадия ели с поражающей быстротой, озираясь и осматриваясь, словно кто-то мог отнять предложенную пищу. Неожиданно Касадия побледнела. Она потянулась руками к горлу, её затошнило.

Первой отреагировала Серэнити. Великий инквизитор подскочила к девушке и, обхватив её за талию, помогла освободиться от непереваренной свинины. Только закончился припадок у Касадии, как Лилит повторила весь процесс. Позеленевшие девушки тряслись, словно в лихорадке, но Серэнити не произносила исцеляющие заклинания. Сейчас она просто сидела, поддерживая ослабевшие тела.

— Мы такие взрослые и такие дураки, забыли, что после длительного голодания нельзя сразу много есть. Желудок отвыкает от всего грубого и тяжёлого. Ну как только я не сообразила? — расстроено запричитала моя подруга. — Сейчас девочкам в первую очередь нужен покой и тёплая постель. Я видела, что наверху есть кровати, давайте уложим их туда.

Эмилия была права. При истощении набивать животы жиром строгойше воспрещено. Я взял на руки Лилит, а Серэнити, как пушинку, подняла Касадию. Переместившись на второй этаж, мы выбрали самую большую и чистую кровать. Уложив в неё сестёр, колдунья и Великий инквизитор накрыли их сверху одеялами. Пока женщины с удобством устраивали освобождённых пленниц, я сбегал на кухню и наполнил графин водой. Вместе со

стаканчиками я поставил его на тумбочку возле девушек. Вдруг они проснутся и захотят пить? Серэнити тем временем водила амулетом Ураха по ушкам уснувших подростков. Их дыхание, до этого неровное и прерывистое, унялось, и в нём послышались нотки умиротворённости.

— Им будут сниться хорошие сны, а проснувшись, они многое позабудут из тех несчастий, что выпали на их долю.

— Как ты это делаешь? — шёпотом спросила Эмилия.

Заботливо глядя ладошкой по спутанным волосам сестёр, Серэнити ответила:

— Весь мир окутан любовью Ураха. Его Светом. Его заботой. Я чувствую могущество Всеотца, я молюсь ему и черпаю из него силу для деяний во Имя Его. Я свободна от пороков и оков нечистых помыслов. Мною движет сострадание и непоколебимая вера.

Великий инквизитор встретилась глазами с колдуньей.

— Я предана Богу Света всей душой, и только поэтому мне удаётся наперекор Смерти явить длань Жизни. Для тебя мои слова непонятны, но ты не безнадёжна. Я вижу, что в тебе есть добро. Откинь свою чёрную дорогу, раскрой себя, покайся и твоему естеству станет намного легче.

С лестницы послышались грузные шаги. Скрип, скрип, скрип, в комнату вошёл перепачканный кровью Грешем. В эту минуту я подумал — хорошо, что Лилит и Касадия крепко уснули и не видят толстого рыжего мужика с падающими от усов алыми капельками. Даже меня почему-то пробрал холодок от пугающего облика моего ученика — ну сущий вурдалак.

Серэнити ткнула пальцем на Грешема,

— А вот в нём добра нет. Как ты только посмел явиться сюда в таком виде!

— Вытереться получше ему и правда не мешает, но зачем же об этом говорить на повышенных тонах? Да, он поел, а руки не вымыл, но разве с тобой это никогда не случается? — встал я на защиту Грешема.

— Я что, тебе задала вопрос? Хотя ты ничем не лучше, чем он.

— Что же ты такая хорошая с нами такими плохими до сих пор идёшь? — возмутился вампир.

— Только из-за приказа королевы Констанции, — багровея от гнева, прошипела Серэнити. — Будь моя воля, я бы так не сюсюкалась с вами!

— Знакомая песенка! — вздохнул я.

— Может, не будете сейчас затевать ссору? — вклинилась Эмилия в надвигающуюся бурю. — Давайте, по крайней мере, спустимся вниз, а то вы своими криками разбудите бедняжек.

Как ни странно, подобное увещевание на нас подействовало. Мы закрыли рты и, притворив дверь посапывающим девушкам, проследовали в зал. Там, мы вновь сели за стол. Я окунул кружку в бочонок, а затем поставил перед собой.

— Ты всегда так себя ведёшь? — брезгливо спросила Серэнити, с отвращением глядя как Грешем вытирает о штаны замаранные кровью пальцы.

— Я так ем! И, да, всегда! Что? Думала, после того как спасла мне жизнь, я буду молчать в тряпочку? Не дождёшься!

Мой ученик с вызовом облизал мизинец.

— Прямо как муха на навозе.

— На себя посмотрите.

Я, как актёр, театра всплеснул руками.

— Ах, это моё упущение. Мне не хватило времени разъяснить ему, как надо правильно держать вилку и нож при знатных дамах. Но уверяю тебя, не за горами тот день, когда он будет пользоваться всеми столовыми приборами намного лучше меня.

Серэнити сокрушённо взялась за голову.

— О, Урах, некромант говорит мне, что научит вампира правилам этикета! Он что — животное, чтобы не понимать того, как выглядит? Нет! Не отвечай! И ты молчи, выродец ночи!

Эмилия, наблюдающая за нами, чуть улыбнулась. За стеной резких слов моя подруга рассмотрела комичность, которая, конечно, была тут. Великий инквизитор Иль Градо сетует, что кровопивец неподобающе ведёт себя при трапезе, а некромант обещает ей, что исправит этот досадный нюанс. Ну, право же смешно! Или нет?

— Может быть, от этого пустого обсуждения перейдём к более насущной и важной теме?

Колдунья тоже зачерпнула себе вина и села передо мной.

— Что думаешь, Калерб, как поступим с девочками?

— Как поступить и так понятно. Сегодня они выспятся, а завтра проснутся. На кухне есть кладовая, а в ней полно еды. Питаясь разбойничьими запасами, сёстры вполне сносно проведут здесь зиму, а по весне двинутся в какой-нибудь городок, где и осядут. Драгоценности принесут им счастливую юность и безбедную старость. Всё плохое для них закончилось, начинается только хорошее.

— То есть мы не будем брать с собой Лилит и Касадию? — спросил Грешем.

— Чтобы ты их съел по дороге? Нет уж, изволь, — отозвалась Серэнити. — Мы сделали для них всё что могли, теперь судьбы девушек во власти Ураха.

— Да там есть нечего, — серьёзно ответил мой ученик, вытирая уголки рта краешком скатерти. — Я беспокоюсь, как бы кто сюда не заявился после нашего ухода. Вдруг мы перебили не всех бандитов, и они вновь заявятся в своё логово.

— Вряд ли, — покачала головой Эмилия. — Разбойники всегда подстерегают добычу всей шайкой — так шансы на успех выше. Вокруг других преступных группировок тоже быть не должно, так что сюда никто не придёт.

Моя подруга допила остатки вина.

— Пора возвращаться обратно, я волнуюсь за Мурчика, Снурфа и лошадей.

— Будем надеяться, что Десница Девяносто Девяти Спиц не доберётся до этого покосившегося трактира, — вздохнул я, вставая со стула.

Покидая схрон, я плотно закрыл за собой дверь.

— Прощайте Лилит и Касадия, — тихо прошептал я. — Пусть Вселенная не отвернётся от вас.

Подержав ладонь на изгибе дверной ручки, я двинулся за своими удаляющимися товарищами. Светало, и мне хотелось спать. Ночь, отнявшая много сил, не являлась весомым оправданием для продолжения стоянки. Дойдя до телеги, мы обнаружили кучу воронья и других пернатых, собирающихся полакомиться свеженькой мертвечиной. Для птиц это был настоящий праздничный обед. Когда я проходил мимо большого чёрного ворона, ковыряющегося в уже пустых глазницах бандита, то услышал обращённое ко мне громогласное «кар».

— Замолчи, пернатый носок, — отмахнулся я.

Глядя на трупы, я думал, как с ними поступить. Хоронить их времени у нас не было — это я точно знал. Я, конечно, мог бы прибегнуть к помощи некромантии и обратить всех убитых в зомби, потом построить их рядом и приказать рыть друг дружке могилы, но спровоцировать гнев Серэнити мне не хотелось, поэтому мы просто стащили мертвецов в кучу, накидали сверху веток и подожгли. Кружащие над погребальным костром птицы страшно негодовали. Они вопили и кричали — видимо, проклинали нас за отнятый обед. Белая капля шмякнулась мне на лоб и стекла на штанину. Спасибо, друзья, значит, буду богатым!

Грешем накормил озябших лошадей овсом, после чего дёрнул поводья и повёл повозку к выходу из лоцины. Вывернув на дорогу, мы продолжили нашу поездку в Эрменгер. Все, кроме вампира, сразу легли спать. Мерное покачивание успокаивало и навеивало сновидения. Зевая, я забрался под одеяло и, прижавшись спиной к Эмилии, встретился с глазками Снурфа. Мой любимец недовольно зашипел. Сегодня я уделял ему мало внимания, и от этого он немножко надулся. Я потрепал его по усам и пообещал поохотиться с ним на полевых мышей, как только представится подходящий случай. Такие посулы пришлись таракану по нраву. Он перестал дуться и завалился ко мне под бок. Тёплые пластины панциря согрели меня не хуже шерстяного свитера. Я закрыл глаза и открыл их уже ближе к полудню. Весь этот день мы ехали на юг, а под вечер отклонились к востоку. Проведя ночь в движении, мы к следующему утру практически добрались до осаждённого города.

Объехав холмы, наша телега вышла на Торговый Тракт. Отсюда Эрменгер был уже виден как на ладони. Его почерневшие башни молчали и казались слепыми. Тишина. Ни звуков битвы, ни криков, ни стонов — ничего. У меня закралось подозрение, что мы прибили слишком поздно. Направляя лошадей на горочку, Грешем вёл экипаж мимо пригородных домиков. Их настежь распахнутые двери смотрели на нас тысячами глаз, которые видели, как привычная размеренная жизнь обращалась в пепел. Все, кто мог, покинули это место, и весёлые разговоры ещё долго не зазвучат здесь вновь. Мы поднимались к сломанным бастионным воротам. Никакого портала, висящего в воздухе, как говаривал старик, над ними уже не было. Перебравшись через маленький мост с крохотной замёрзшей речкой, вампир остановил повозку у развороченных конюшен. Жуткое зрелище предстало нашему взору. Сотни полуразложившихся тел встретили нас у входа в город. У всех беспорядочно валявшихся защитников Эрменгера были отрублены головы. Насаженные на пики, они двойным рядом скорбно глядели с окровавленных стен. Удушающий запах гниющей плоти коснулся моих ноздрей. Я зажал нос рукавом. Даже морозная погода не могла скрыть царившую тут смерть. Меня, человека привыкшего иметь дело с трупами, сейчас пугало то, что я видел. Но мои ощущения страха притуплялись под действием куда более осязаемой вещи. Магия. Толстыми тугими линиями, она оплетала всё вокруг энергией первозданной Вселенной. Внутри меня закипала сила. Опьянённый ею я завертелся, пытаюсь понять, где находится источник этой бездумно выплёскивающейся мощи. Если уподобиться клещу и присосаться к нему, то можно творить заклинания невиданных масштабов!

— Ты тоже это чувствуешь, Калев? — спросила Эмилия, подходя ко мне. — Как будто мириады тонюсеньких иголок напитывают меня магией.

— Именно так, — отозвался я, прислушиваясь к чистому зову мистории, оплетающей мой разум и тянущей меня во внутрь покосившихся ворот. — Судя по всему, пока мы находимся под воздействием этого потока, нам не надо сосредотачиваться, чтобы сплести чары!

Дабы проверить только что родившуюся теорию, я, лишь подумав о молнии, выпустил вдаль белый зигзаг. Он пролетел над кустом и, вонзившись в булыжник, расколол его пополам. Рядом со мной Эмилия зажгла Людвирбинг. Его ярчайшее изумрудное пламя было так сконцентрировано, что закапало прямо на землю. Со свистом оно прожигало почву, оставляя после себя зелёные оспины колдовства.

— Пойдёмте посмотрим, всё ли здесь так печально, — негромко позвала Серэнити, берясь за рукоятку булавы.

Перешагивая через поверженных солдат, я наткнулся и на тех, кто стал виновником их гибели, на полуобнажённых людей с различными головами животных. Оскаленные морды с распухшими языками были перекошены, на них навсегда застыла гротескная маска агонии. Эрменгер яростно сопротивлялся захватчику, но видимо проиграл. На ходу я подобрал короткий зазубренный меч. Отливающий чернотой, он был тяжёлым. Его лезвие покрывала таинственная тесьма Десницы Девяносто Девяти Спиц. На одном из зубчиков застрял маленький розовый хрящ. Я с отвращением откинул клинок в сторону. Подойдя к проходной арке, мы осмотрели проломленный створ крепости. В его каменном, обитом железом полотне имелась громадная дыра от тарана.

— Какое-то время они держались.

Вампир сапогом перевернул спёкшуюся волчью пасть.

— Везде смола, первый штурм Деснице Девяносто Девяти Спиц точно вышел боком.

— Но какой ценой? — отметил я. — Те, кто внизу, все до одного в лёгких нагрудниках и кожаных поножах. Эти солдаты пожертвовали собой, чтобы город смог подготовиться.

Серэнити прижала руку к сердцу.

— Герои, я буду молиться о вас.

Снурф, семенивший подле меня, подполз к оторванному волосатому бедру. Усики таракана затрепетали, обстановка всеобщей гибели его ничуть не смущала, а вот Мурчик напротив, по пятам шёл за хозяйкой. Кот прижал уши и зорко следил, не появится ли откуда доселе притаившийся враг.

Зайдя в город, я уставился на мостовую, испещрённую калейдоскопом красных луж. Сколько погибших! Куда глаза не поведи, наткнёшься на оборванную жизнь. Как во сне мы двинулись по улицам Эрменгера. Каждый пройденный мною фут был наполнен отголоском беспощадной резни. Вот у длинного здания валяется опрокинутая тарелка с картошкой. Человек спокойно обедал и не подозревал, что эта трапеза станет для него последней. Вот и он сам, в руке — ложка, на горле — укус. Дорога провела нас сквозь три перекрёстка и потянулась к широкой лестнице, укреплённой оборонительными парапетами. Поднявшись на самый верх, мы перешли через подвесной пандус и, пройдя по оторванной железной решётке, вошли во вторую, центральную часть Эрменгера.

По пути стали попадаться люди в тяжёлых пластичных доспехах. У всех рыцарей были содраны шлема, а под ними отсутствовали глаза. Что это? Некая отметина или позорное клеймо? Мерзость. Ноги повели на площадь, и на ней нас поджидала ещё более отвратительная картина. Нет, её нельзя описать. Я поднял глаза и выдохнул. Даже мне, повидавшему на своём веку всякого, такое зверство показалось чрезмерным. Не сговариваясь, мы молча и очень быстро пересекли проклятое место. Не в силах не сделать этого, я оглянулся — вслед нам беззвучно кричал раскачивающийся звонарь. Его повесили прямо за язык пожарного колокола.

— Жуть, — содрогаясь, промолвила моя подруга, когда мы оставили лобное место

позади. — Это даже казнь назвать нельзя, дети, женщины, у меня нет слов.

— Безумно и беспощадно, — сдвигая брови, промолвила Серэнити.

— Если такое устроили на рынке, то, что же нас ждёт за стенами самого форта? — напряжённо спросил Грешем.

— Ты сам знаешь ответ на свой вопрос, вампир.

Узкий проулок сдвинулся и коридорчиком провёл наш отряд к донжону, выстроенному на плато. Вокруг донжона располагались все важные здания города. Непосредственно с этого плацдарма когда-то началась история Эрменгера. Суд, тюрьма, казармы, — проходя мимо остроконечной часовни Ураха, мы остановились. У её порога приход Братства Света встретил нападающих. Среди разорванных риз и опалённых животов мне на глаза попала золотая маска. Видимо человек, на котором она была надета, до последнего прикрывал собой юную девушку, держащую в белых руках хоругвь, ныне переломанную. Я подозвал Серэнити и показал ей свою находку. Нагнувшись над трупом, великий инквизитор провела пальцами по изгибам золотого лица.

— Аббат пал как достойный воин и без колебания принял свою смерть. Да вознаградит его Урах по ту сторону Черты.

Бережно сложив руки аббата крестом, Серэнити зашла вовнутрь часовни. Обстановка в ней отражала все то, что творилось на улицах Эрменгера. Разбитые стекла грудой осколков усыпали разноцветную плитку. Перекосившиеся алебастровые статуи были измалёваны углями и кровью. Хрустя черепками, мы подошли к осквернённому алтарю. В жертвенной мисочке, куда обычно кладут цветы, лежало человеческое сердце. Я отвернулся, чтобы не видеть ту боль, которая сейчас владела Серэнити. Возложив руки на алтарь, она тихо сказала:

— Клянусь Всеотцом: они заплатят за это. Даже если мне придётся дойти до Разделяющих Врат самого Назбраэля, я не отступлю. Именем Твоим и Твоей Плетью я воздам тем, кто повинен в этой резне.

Я позволил себе дотронуться до плеча Великого инквизитора.

— Я помогу тебе отомстить. Это не только твоя война, но теперь и моя тоже. Десница Девяносто Девяти Спиц жадно забирает жизни в ущерб равновесия. Я чувствую зов природы, её муку. Пока не поздно, я должен помешать ему, поэтому я с тобой, и можешь расценивать это, как хочешь.

Серэнити обернулась, и я пересёкся взглядом с её льдисто-серыми глазами. Они мерцали таким гневом и яростью, что я сделал шаг назад.

— Пусть Урах услышит о твоём желании.

По одному мы покинули разорённый храм. Опережая всех, Великий инквизитор, как дух возмездия, направилась к башням бастиона. Именно из него выплёскивалась та самая неукротимая магическая мощь. Я уже давно определил это и теперь готовился к худшему. Толкнув полуоткрытую дверь ногой, Серэнити уверенно зашла в холл. Тут грянул самый страшный бой. Между десятками упокоенных солдат и зверолодей валялась переломанная мебель. Арбалетные залпы здесь давались не раз и не два — всюду торчали гребешки стрел. Посередине зала была выстроена импровизированная баррикада. Её наспех соорудили из щитов и мешков с зерном, вероятно притащенных из амбара. Лестница, ведущая на второй этаж, некогда обрамлённая тонкой балюстрадой, теперь была начисто лишена перил. На каждой ступеньке, уходящей вверх, как и на стенах города, скорбно скалились отрубленные головы. Пол, липкий от крови, с сотнями отпечатков голых ступней, противно клеился к

сапогам. Эмилия взялась за лоб и медленно набрала в лёгкие воздух. Увиденное произвело на неё сильное впечатление. Мурчик жалобно мяукнул и спрятался за юбкой хозяйки. Серэнити, до этого воинственно настроенная, растерянно озиралась. Энергия Вселенной, проходящая сквозь моё тело, настойчиво звала меня подниматься. Не сопротивляясь принуждению, я двинулся на зов, а друзья, словно зачарованные последовали за мной. Наступая на порожки, я всматривался в лица убитых воинов Эрменгера. Молодые, старые, в шрамах, с бородой и без, с усами и щетиной, — у каждого из этих людей была своя жизнь, радости, горести, человеческие переживания, и всё это в одночасье трагически оборвалось. Прежде чем взойти на второй этаж, я насчитал сорок пять ступенек и втрое больше голов. Переступив крайний уступ, я оказался в длинном помещении, где в самом конце на помосте стоял трон, по-видимому, предназначенный для бургомистра. Бархатный ковёр широкой полосой тянулся к его основанию. Вдоль ковра в подставках горели факелы. В их отблесках и тенях я побрёл к трону, источнику магического сосредоточения. На мягкой фиолетовой подушке, расшитой золотыми львами, сидел козёл с человеческими руками. Растопыренными пальцами он держал не до конца ободраный череп, из которого высасывал мозг. Казалось, козёл ждал нас. Рабски согнувшись, мы приближались к нему. Жёлтые глаза козла светились неземной злобой. Его торс облегал доспех, содранный с одной из воительниц Эрменгера. Ветвистые рога, переплетались сложным узором, образуя восьмёрку. Я никогда не видел такого существа.

Голос похожий на бляные овцы зазвучал в абсолютной тишине:

— Так долго, я уже стал подумывать, что вы никогда не придёте, но — нет.

Серэнити вышла из колдовского транса всего на мгновение, однако ей хватило его, чтобы метнуть булаву в сторону рогов, но козёл был проворнее. Он выставил волосатую руку, и великий инквизитор уже окончательно застыла, как восковая фигура.

— Ах, девочка, я сделаю из твоих костей лютню и буду играть на ней при полной луне. Это позабавит твоего трусливого божка, как думаешь?

Напрягая всю волю, я старался вырваться из охватившего меня оцепенения, однако сделать этого мне не удавалось. Магия Вселенной до этого наполняющая силой, сейчас держала меня стальной хваткой и не давала пошевелиться. Я хотел что-то предпринять, но продолжал стоять на своём месте. Козёл тем временем заговорил вновь:

— Эрменгер лишь отправная точка. Здесь я утвердил свой приход. Всё предрешено. Я знаю, что, словно воробей, прячась от сапсана, Урах угнездился в этом мире. Я найду его, вырву ему шёлковое сердце, а после того съем!

Тут козёл встал с трона и, цокая копытцами, вразвалочку подошёл к моему ученику.

— Кто это у нас? Грешем? Вошь и сопляк. Ты не достоин моего внимания. Хотя, как сказать? Может, потом.

Гогоча и бляя, козёл направился к Эмилии.

— О! Грэхольм! Колдунья Лунных Врат, а вот ты его достойна! Ты такая прекрасная-распрекрасная, живёшь многие годы и совсем не стареешь. Что за несправедливость? Почему другие дряхлеют, а ты все так же хороша? Подожди, я приготовил для тебя кое-что особенное.

Проведя пятерней по лицу Эмилии, он злобно расхохотался демоническим смехом. Там, где прошла лапа козла, кожа сморщилась, как печённое яблоко. Обнажились бесчисленные морщины, проступили язвы. Из глаз моей подруги хлынули слёзы.

— Это тебе подарок в честь нашего знакомства. Нравится? На втором свидании я

обращу тебя полностью, и ты возляжешь со мной на ложе. Ты ревёшь от радости? Как мило, перестань, а не то я вырву тебе язык и оторву гланды.

Отшвырнув Эмилию, козёл приблизился ко мне. Его дыхание обожгло мой нос горячим смрадом.

— Калеб Шаттибраль. Сироточка собственной персоной. С тебя-то слизняка и надо было начинать, но нет, сладенькое же всегда подают на десерт. Передай королеве, той, что помоложе, и может ещё кое-как соображать, что Десница Девяносто Девяти Спиц объявляет ей войну. Очень скоро я доберусь до её вкусных кишок, уж они-то будут посочнее, чем у плешивых жителей Эрменгера. Ох, как же они кричали, когда я отрывал им головы одну за другой. Эта музыка по истине вдохновляет!

Козёл схватил меня за подбородок.

— Мотылёчком порхай в Шальх и исполни моё поручение. Ныне нам пора прощаться, впрочем, ненадолго.

Козёл откинул обглоданную голову и воздел руки к потолку. Взывшийся из ниоткуда, столб голубого света упал на него сверху и растворил в себе. Транс, в котором я прибывал, спал. Ощущение магического потока, дававшего мне энергию, исчезло. Я кинулся к колдунье. Эмилия стояла на коленях и плакала. Одна сторона её лица превратилась в сплошную уродливую язву. Серэнити и Грешем посадили её на трон, на котором только что восседала тварь из Десницы Девяносто Девяти Спиц. Приложив обе руки к лицу Эмилии великий инквизитор принялась громко читать заклинания Света. Я чувствовал, как Серэнити вкладывает всю свою силу, чтобы исправить порчу, но её усилия оказались тщетны. Проклятие не сошло.

— Оставьте меня, оставьте, не прикасайтесь ко мне! — запричитала Эмилия, отстраняя Серэнити.

Было жутко видеть, что моя подруга, прелестная и обольстительная девушка, теперь на правую часть головы являлась гниющей каргой. Мурчик запрыгнул на лежащие плетями руки Эмилии и стал лизать её изуродованное лицо. Кот мурлыкал и бодал в её грудь. Он как бы говорил: «мне всё равно, какая ты, я люблю тебя». Грешем старался не смотреть на колдунью. Та заметила это и в сердцах выпалила:

— Что? Я больше не нравлюсь тебе! Все дело в красоте, да? Вы все, мужчины, такие Ненавижу вас!

Грешем сжался, словно попал под град.

— Нет! Только не для меня! Красота — не главное! Главное душа! — закричал вампир. — Я убью его за то, что он сделал с тобой! Мне плевать! Я горы сверну, но вырву его копыта!

— Угомонись! Не вопи! Не обещай понапрасну! — истерично захныкала Эмилия. — Вселенная, за что мне это?! Я не хочу так жить!

Грешем сжал кулаки и исподлобья поглядел на меня. Его решительный взгляд сейчас о многом сказал мне. Если раньше он шёл со мной как ученик, то теперь вампир дал себе зарок, и я понял, что он не отступит от него, пока не выполнит или не умрёт, пытаясь снова и снова его исполнить. Я тоже горячо жаждал возмездия. Эмилия, моя самая дорогая и любимая подруга! Никто не смеет причинять ей страдания! Великий инквизитор смотрела на нас, и в её глазах стояла не только скорбь за колдунью, но и нечто другое. В сердце Серэнити заронила искорка понимания. Она увидела нашу неподдельную ненависть к Деснице Девяносто Девяти Спиц и на этой почве мы бессознательно сблизились.

— Кто-нибудь знает, что это за тварь? — прерывая молчание, спросила Серэнити.

— Нет. Во всех книгах, что попадались мне, никогда не встречалось упоминание о таком козле, — печально ответил я.

— Это животное обладает властью над великой магией. Всё моё искусство исцеления не сняло савана его чернокнижия.

Великий инквизитор ошеломлённо оглядела Эмилию.

— Он сказал, что следующей кто погибнет, станет Констанция Демей... Нам надо немедленно возвращаться в Шальх! Нужно во что бы то ни стало предупредить королеву! Собрать войска! Братство Света! Магов! Всех!

Пылая злостью, Грешем вплотную подошёл к Серэнити.

— Без меня! Он изуродовал Эмилию, я отправляюсь на поиски того, кто поможет мне найти козла и отрубить его косые рога! Я иду за Эмириусом Клайном!

— Он прав.

Я сел на корточки рядом со всхлипывающей колдуньей и погладил её по голове.

— Мы можем вернуться и предпринять какие-то меры по защите королевы, но насколько они будут эффективны? Уже сразу видно, что козёл — это не обычная тварь Десницы Девяносто Девяти Спиц. Как скоро он созреет для прямой атаки по Шальху? Какими силами он располагает? Как ему противостоять? Мы не знаем, поэтому единственным правильным решением сейчас будет продолжать следовать приказу королевы Констанции. Мы отправимся на юг, чтобы отыскать Эмириуса Клайна. Теперь я до конца уверился, что мой сон не был случайным. Мы должны объединить героев прошлого, чтобы призвать Ураха. Он остановит распространение Десницы Девяносто Девяти Спиц и тем самым спасёт Соединённое Королевство.

Я снял перчатки и отёр вспотевшие виски.

— Близятся роковые события, в которых без божественной поддержки людям просто не выстоять. Только Вселенское провиденье и удача отведут беду в сторону. Пусть я, и вы вместе со мной, станем теми, кто выведет на арену сражения достойный противовес жутким порождениям зла.

Эмилия приподняла своё страшное лицо.

— Я с тобой, Калев. Многие годы, ты и я, мы были вместе, пусть и ныне так будет.

— Я тоже.

Грешем положил свою массивную руку мне на спину.

— Ведите, учитель, я с вами.

— Но я обязана быть подле королевы, — упрямо повторила Серэнити. — Мой долг пресекать распространение скверны! Я...

— Вот и исполни его. Королева Констанция повелела тебе быть рядом со мной, и я признаю: ты нужна мне, — перебил я Великого инквизитора. — Без твоего врачевания есть большая вероятность того, что втроём мы не сможем дойти до Пика Смерти. Подумай, если сидеть, сложа руки за крепкими стенами днём и ночью охраняя королеву, то подобная тактика выжидания приведёт лишь к тому, что армия Десницы Девяносто Девяти Спиц явится в Шальх, и что тогда, я тебя спрашиваю? Он падёт, а с ним и остальные города Соединённого Королевства. Мы должны рискнуть изменить сложившуюся ситуацию. Да, Эмириус Клайн — не дитя Света, но он — наша ниточка к нему. Я уверен, что будь сейчас королева с нами, она бы одобрила всё то, что я сказал.

Серэнити молчала. Было видно, как она обдумывает мои слова. Не отрывая взора от

расколотой статуэтки Ураха, великий инквизитор заговорила сама с собой:

— На алтаре я дала клятву отплатить Деснице Девяносто Девяти Спиц за Эрменгер, но сколько таких клятв будет даваться повсеместно, если я не пойду с ними? Всеотец, ты ли избрал мой путь? Я верю, что да.

Серэнити перевела глаза на меня.

— Я — с вами, и да направит Урах мою ярость против его врагов.

Ночевать в городе пропитанному смертью не хотелось никому. Оставив похороны погибших людей на совесть солдат Кирфа Маяна, которые по моим расчётам должны были подойти через несколько дней, я печально окинул взглядом разорённый Эрменгер. Совсем недавно здесь кипела жизнь. На маленьком рынке шли торги за лучшую цену на сыр, кузнец подбивал подковы лошадям, мальчишки бегали, играли в снежки, дамы спорили, у кого из них лучше получается фирменный пирог с брусникой, но все это кануло в лету. Нежданно и нагадано вторгшаяся Десница Девяносто Девяти Спиц безжалостно погубила тысячи мужчин, женщин и детей. Докуда она зайдёт в своём уничтожении прежде, чем мы заберёмся на Пик Смерти? Мне неведомо это, знаю одно — останавливаться нельзя. Промедление и оглядки назад пойдут только на руку вечно голодной старухе с косой. Вселенная выбрала меня противостоять мерзости, пришедшей из бездны миров. Я ощущаю её призыв. Внутри меня природа требует восстановить утерянный баланс. Смогу ли я сделать это? Получится ли у меня? У ветра погоды не спрашивают. Впереди — длинная дорога, и от того, что я буду размышлять, она короче не станет. Вдохнув холодный воздух, я подошёл к бастионной лестнице, а затем стал спускаться вниз навстречу неизвестности.

Глава 10. С лица воду не пьют

Когда мы, наконец, добрались до наших лошадей, солнце уже практически опустилось за горизонт. Завидев нас, Перчик радостно заржала. Грешем потрепал кобылу по морде, после чего не преминул почесать за ушками Чесночка. Он тронул поводья, и телега со скрипом покатила в сторону границы, пролегающей между Иль Градо и Плавенем. Сжавшись в комочек, колдунья примостилась у открытого полога телеги. Снег хлопьями падал на её капюшон, накинутый поверх головы. Держа на руках Мурчика, она прижималась к нему постаревшей частью лица. Каждый из нас понимал, что сейчас ей нужно побыть одной, но, к сожалению, такой возможности у неё не было. Взгляд Великого инквизитора блуждал по заснеженным далям, где чёрными точками то тут, то там виднелись покинутые дома.

— Знаешь, Шаттибраль, я никогда не думала, что нечто подобное может случиться при моей жизни, — промолвила Серэнити.

Я отметил про себя, что Великий инквизитор впервые назвала меня в разговоре не «грязный некромант». Перемены к лучшему! Вероятно, на её мировоззрение повлияла наша пылкая решительность свернуть козлу его рога.

— Никто не выбирает, где и когда ему родиться, — ответил я философски. — Но не всё так безнадежно, как может показаться на первый взгляд. Пророчество Полного Круга было записано не просто так, я уверен, что надежда есть. Мы должны лишь не унывать и приложить максимум усилий к тому, чтобы оно исполнилось. Урах знал, что такое случится, а значит и предвидел реальную достижимость победы. Вот увидишь, у нас получится приструнить Тьму и вернуть господство Света.

— Когда некромант меня ободряет и уверяет, что вернёт миру мир, я чувствую себя не в своей тарелке, — горько усмехнулась Серэнити.

— Ещё чуть-чуть, и мы подружимся.

Серэнити нахмурилась.

— Ещё полдня назад я хотела убить тебя после завершения путешествия. Но теперь, когда я увидела, как ты, Эмилия и... и Грешем настроены остановить Десницу Девяносто Девяти Спиц, я перестала желать вам смерти... Пока.

— Великий инквизитор разъезжает по Соединённому Королевству вместе с вампиром и некромантом. Со временем её ненависть уходит, и она одаривает своих тёмных спутников добрым вниманием — небылица, достойная весёлой трактирной песенки, — пошутил я. — Любому более-менее сладкоголосому менестрелю за такую балладу может перепасть сочный окорок и парочка кружек эля!

— Тебе когда-нибудь говорили, что твой юмор тебя до добра не доведёт? — поинтересовалась Серэнити.

— Пару раз, — уклончиво ответил я.

— Всё хорошо в меру. Я не могу доверять порождениям Тьмы, ты понимаешь, о чем я?

— Конечно, уже то, что я могу спать спокойно, не ожидая, что твоя булава расколется мой череп, делает меня многократно счастливее.

— На том и сойдемся.

— Ты слышала, как козёл говорил о том, что собирается добраться до Ураха? Из его слов можно сделать вывод, что Бог Света среди нас. Ты как считаешь, это возможно? — спросил я, меняя скользкую тему разговора.

Серэнити сложила руки на коленях крест-накрест.

— Урах всегда с нами, иначе я не могла бы пользоваться магией Света. Это он даёт мне силы творить добро, через него проходят все наши молитвы. Иногда мне кажется, что Всеотец так близко, что я могу до него дотронуться.

Я был заинтригован откровенностью Серэнити.

— Но где он тогда? Ураха чувствуют только избранные?

— Где твой Бог Смерти?

— Я не поклоняюсь никаким богам.

— Я думала, все чернокнижники славят Назбраэля и приносят ему жертвоприношения.

Я расхохотался.

— Да, я режу кроликов, выливаю их кровь в жаровню и шепчу прошения о безграничной власти Тьмы. Ну, конечно, я так не делаю. Все люди разные. Лично я придерживаюсь иных взглядов. Гармония всего сущего — вот к чему я стремлюсь. В данный момент она нарушена, и я должен исправить это.

Серэнити, казалось, была искренне удивлена.

— Почему ты? Ты дал какой-то обет? Что толкает тебя на такую необычную для мага стезю?

— Это сложно объяснить. Вселенная любит порядок, и когда он нарушается, она ищет способы сдвинуть перегнувшуюся чашу весов обратно. В её руках я — инструмент. С детства я чувствую, как мне следует поступать, а как нет. Если брать конкретно этот случай, мне кажется, что через меня Мироздание хочет уровнять перевес разбушевавшихся сил.

— Мне кажется, что ты просто сумасшедший колдун, но твои мироощущения, если они, конечно, правдивы, могут пойти на пользу Соединённому Королевству.

— Калёб всегда был немножко того.

Это Эмилия повернулась к нам. Пальцами она придерживала капюшон, скрывая обезображенную щёку:

— Но он — добрый! Просто магия, которую мой друг изучает, очень специфична, и большинство рассказней о ней не отражают истины.

Лик Серэнити снова стал суровым.

— За практику некромантии в королевстве полагается смертная казнь. Гальванизация мёртвых претит всем канонам храма. Я до сих пор никак не могу осознать, как инквизиция не добралась до тебя ещё сто лет назад.

— О! Это долгая история, вернее, истории! На протяжении жизни я много раз сталкивался с вашей братией и зачастую всего один шаг разделял меня от костра, — улыбнувшись, ответил я. — Эх, и погонял меня великий инквизитор Касиус в своё время!

— Как вообще произошло, что я оказалась втянута в компанию еретиков? Непостижимо же.

Задавая этот риторический вопрос, Серэнити покачала головой.

— Вселенная не выбирает героев по масти. Когда требуется спасти мир, она просто берёт и кидает в бой всех, кого считает нужным, в надежде, что её чемпионы не поубивают друг друга раньше, чем достигнут поставленной цели.

Серэнити явно не понимала меня.

— Кто такая эта твоя Вселенная, о которой ты постоянно твердишь?

— То, что не даёт переступить дозволенную черту. Сила, изменяющая ход событий в нужном направлении. Волк, убивающий зайца, дабы содержать разрастающуюся популяцию в нужном количестве. Дождь, не дающий умереть посевам от засухи. Смерть, прибирающая увядшую траву, и Жизнь, дарящая новые плоды миру. Это равновесие, хранящее целостность природы, не позволяя чему-то одному доминировать над остальными.

— Но почему тогда ты не стареешь? Почему не умираешь? Разве ты не пережил свой срок много раз? Ты боготворишь равновесие, но собственным существованием попираешь его!

Я улыбнулся одними губами.

— Видимо, моё время ещё не настало; но не волнуйся, я обязательно уйду со сцены — это неизбежно. Рано или поздно мы все умрём и оставим после себя лишь голые кости. Вопрос в другом: будут ли нас вспоминать, и если — да, то за что именно, и как долго? Пахаря помянет его семья. Целителя помимо родных будут помнить те, кого он излечил от недуга. О короле поведают книги, а обо мне по осени распустится колхикум.

Эмилия приподняла бровь.

— Ядовитый безвременник с лиловыми лепестками? Да, что-то в этом есть.

— Он странный, — вздохнула Серэнити, обращаясь к колдунье. — Вы так с ним непохожи.

— Мой Калёб — он такой, а я — нет.

Эмилия вновь уставилась на снежную пелену.

— Мой загадочный и причудливый друг.

Рука колдуньи натянула уголок капюшона. Мне было очень жаль свою давнюю подругу. Внешность для девушки — это всё, а Эмилия всегда гордилась своей исключительной красотой. Что она теперь чувствует, будучи наделённой худшим из проклятий? Депрессия, словно камень, навалилась на Эмилию. Это заметно в каждом её движении. Она стыдится

себя и боится, что мы увидим порчу, позорное клеймо, пожравшее ранее бархатную кожу. Мне хотелось закричать: «Эмилия, для меня ты по-прежнему прекрасна!», но я почему-то предательски молчу. Что со мной? Наверное, подсознательно я догадываюсь, что мои уверения только усугубят боль её и без того обнажённой души. Как же снять чары козла? Мазь? Растирка? Наговоры? Что может подействовать? Ах, бедная моя подруга, даже магия Серэнити не исправила твоего недуга, что же тут поделаю я? Нет! Я должен! Как только Эмилия успокоится, я попрошу её дать мне возможность осмотреть лицо. Мало ли, авось, что-то, да придумаю.

С хмурого неба всё так же валил снег. Он кружился и танцевал. Я тоскливо смотрел на распухшие облака. Они становились все темнее. Уставшее солнце клонилось к закату, а мы все продолжали ехать. Грешем остановил лошадей, только когда на небосвод сошло мутное пятнышко луны. Из-за начинающейся метели покинутый город то появлялся, то пропадал. В конце концов, белая пелена скрыла его полностью. Костёр сегодня никто разводить не стал. В этом не было смысла. От разыгравшейся непогоды огонь всё равно долго не продержится. Чтобы за ночь Перчик и Чесночок не продрогли, я укрыл их двумя покрывалами. Скромно перекусив, мы составили график дежурства. Первой на вахту заступала Эмилия, моя очередь была после неё. Закутавшись в одеяла, я прижался носом к панцирю Снурфа. Тепло таракана успокаивало, и, наперекор сегодняшнему дню, навевало дрему без тревог и переживаний. Вскоре я заснул.

Из омота сновидений меня выдернул взволнованный голос Серэнити. Грешем грубо сдёргнул моё одеяло, и я был принуждён встать.

— Ну что случилось, — недовольно буркнул я. — Почему вы не спите? Я что, проспал своё дежурство? Но это не моя вина! Эмилия должна была разбудить меня в конце своей смены, — принялся я оправдываться ещё, не понимая в чём дело.

— Эмилия исчезла! Я проснулся, а её нет, — тихо, с отчаянием проговорил Грешем.

— Как нет?! А где она?

— Мы знаем не больше, чем ты, но я подозреваю, что произошло нечто нехорошее, — ответила Серэнити.

— Но Мурчик-то здесь, а значит, она где-то поблизости, ведь своего любимца она не бросит, — сказал я, посмотрев на сопящего кота, свернувшегося клубочком возле Снурфа. — Скорее всего, Эмилия решила побыть наедине с собой, принять то, что произошло с ней в Эрменгере.

Серэнити вопросительно подняла бровь.

— Разве на посту сидишь не в одиночестве? Зачем уходить, не пойми куда, и подвергать нас опасности?

— Вот следы, — оповестил Грешем, изучавший запрошенную землю вокруг. — Они практически не заметены, но это точно её ножка!

— Тут некому оставлять других следов! — крикнула великий инквизитор в спину удаляющегося вампира.

Мой ученик помчался за вереницей едва различимых отпечатков. Памятуя о недавней стычке с грабителями, я прихватил Ночь Всех Усопших и побежал за ним. Иногда Грешем приостанавливался, чтобы проверить, не сбился ли он с пути. Как опытный следопыт, вампир направил нас вниз по крутому склону. Сбегая по его неровной каменистой поверхности, я цеплялся за колючие ветки редких деревьев. Инерция гнала меня с всевозрастающей скоростью и в один момент, не удержавшись, я просто кубарем скатился к

подножие холма. Следом на меня рухнула Серэнити. Не извинившись, она опёрлась о моё плечо и понеслась дальше. Кое-как поднявшись, я различил тоненький силуэт на берегу застывшей речушки.

— Она там! — крикнул я, друзьям, обнаружившим Эмилию раньше меня.

Этой ночью я пожалел о том, что толком не умел хорошо бегать и никогда не обладал достаточной выносливостью. Драть пятки по насыпи — это одно, а вот устраивать кросс по колено в снегу — это совсем другое. Через десять минут сражения с покрывалом зимы в моём боку сильно закололо, дыхание сбилось и стало частым, я не мог надыхаться. В конечном итоге я всё-таки сдался. Привалившись к берёзе, я согнулся пополам, давая себе возможность передохнуть. Уф, как жарко! Я досчитал до семи, а затем заставил себя идти широким шагом.

Эмилия, прямая как стрела, застыла посередине ледяного русла реки. Грешем и Серэнити стояли неподалёку от неё. Ковыляя, как последний старик, я ступил на замершую гладь. Стоило мне только переставить ногу, как она соскользнула, и я шмякнулся головой об лёд. Разноцветные рыбки весело заплясали перед моими глазами. С грехом пополам я дошёл к тому месту, где находились все члены нашей маленькой компании.

— Эмилия, что ты тут делаешь? — начал было я, но Серэнити зажала мне рот рукой.

— Не стоит оно того, опусти свой посох, я уверена: есть другой выход.

Людвирбинг подрагивал над оледеневшей водой. Он горел. Его изумрудное навершие трещало искрами заряженного заклинания.

— Она хочет покончить с собой, — шёпотом поведал мне Грешем.

— Зачем? — тупо спросил я.

Ответ был очевиден, поражаюсь, как только я не предвидел такого поворота событий. Ну и болван же я! Эмилия слишком любила свою красоту, и её потеря сделала жизнь моей подруги невыносимой. Как я только мог себе позволить спокойно лечь спать и не задуматься — а почему Эмилия с такой охотой вызвалась постоять на часах первой, ведь её излюбленное время всегда было перед рассветом! Я корил себя самыми изощрёнными ругательствами. Моё сердце сжималось от того, что сейчас могло произойти. Мне было ясно, что она задумала. Чтобы свести счёты с жизнью, колдунья выбрала самый простой и, без сомнения, действенный способ. При ударе её посоха об лёд произойдёт взрыв, который повлечёт за собой магию «Вихря». Воронка подхватит Эмилию и утащит на дно, где она захлебнётся. Все случится одним мигом. Шанса на спасение у неё не будет. Я оценил ситуацию. Примерно тридцать футов разделяло меня и колдунью. Это много! При всём желании я не успею помешать ей сделать то, что она задумала. Что мне остаётся?

— Послушай, Эмилия, это я во всём виноват, — услышал я свой собственный сдавленный голос. — Это я пришёл к тебе в Лунные Врата, и я же привёл тебя в Эрменгер. Ради Вселенной, убей вначале меня! Ведь я не смогу без тебя жить. Разве тебе надо говорить, что ты для меня значишь?

Колдунья подняла на меня глаза. Страшная сторона её лица, как серая оскомина, протянулась от середины головы до подбородка. Я невольно содрогнулся.

— Я знаю, что я для тебя значу, Калерб, и ты ни в чём не виноват! Уходи! Уходите вы все! Я не хочу вас видеть! Никого из вас!

На последних словах голос Эмили сорвался на крик.

— Ты рано отчаиваешься.

Великий инквизитор медленно двинулась к моей подруге.

— Нет таких проклятий, что не падут перед силой Света. Тебе надо только чуть-чуть запастись терпением. Я даю тебе слово, что отыщу панацею и разорву нависшую над тобою завесу Тьмы. Выкинь из головы дурные мысли и подойди ко мне.

— Нет! Нет! Нет! — истерично запрочитала Эмилия. — Не отговаривайте меня! Я така теперь никому не нужна! Оставьте! Оставьте! Оставьте меня!

С жутким воем отчаянья моя подруга занесла Людвирбинг для того, чтобы поставить точку в своей длинной жизни. Но прежде, чем это произошло, Грешем, словно пузатый тюлень, сиганул вперёд и, плюхнувшись пузом на зеркальную поверхность, устремился к колдунье. Дальше всё развивались с головокружительной быстротой. Эмилия стукнула посохом по затвердевшей реке, в последний момент осознав, что теперь она утянет с собой в пучину и Грешема. Вероятно, именно это не дало ей высвободить залп Воздушной Стихии. Между тем, от соприкосновения с Людвирбингом, вся замёрзшая гладь разошлась узорами трещин. Спустя секунду колдунья и вампир оказались в объятиях стылой воды. Проснувшийся лёд вздыбился и затянул Серэнити под толстую корку своего белого покрывала.

— Разрази вас гром! — вскричал я.

Отбросив Ночь Всех Усопших в сугроб, я сконцентрировал шарик света и нырнул под наледь.

Я никогда не любил принимать холодные ванны. Знахари утверждают, что они укрепляют иммунитет и закаляют тело. Возможно это и так, но неподготовленным лезть зимой в омут категорически бесполезно. Переохлаждение таит в себе болезни и ампутацию конечностей. Погибнуть от него — это не шутка. Когда я погрузился в студёную воду, меня словно дубиной по голове ударили. Воздух в лёгких сжало стальными тисками; не выдержав напряжения, я вынырнул, чтобы сделать вдох, а потом снова вернуться обратно. Моё скудное колдовское освещение едва развеивало крошечную тьму. Я поплыл вперёд, полагаясь лишь на удачу. Как оказалось, река была неглубокой. Прочесав локтями по илу, я обнаружил серое пятно и устремился к нему. Схватив Великого инквизитора за талию, я изо всех сил стал грести наверх. Превозмогая усталость и скованность, я закинул уже не дышавшую Серэнити на снежный берег и повертел головой. Ни Эмилии, ни Грешема видно не было. Значит, они там, под водой. Моё горло сдавил страх. Спешно перевернув Серэнити на бок, я вновь ринулся в реку. Мои руки и ноги лихорадочно работали. Стараясь отыскать друзей, я, как обезумевший, метался из стороны в сторону, и наконец мне повезло. Я нашёл их.

Грешем лежал на дне, а Эмилия парила чуть выше. Колдунья явно пыталась его вытащить, но не могла. Её пальцы вяло стискивали ворот моего ученика. Я не силач, однако, в воде любой вес становится значительно легче, чем на суше. Подхватив вампира под спину, я принудил Эмилию лечь на него сверху. Как мне удалось вытащить их двоих? Что помогло мне? Запал? Любовь? Вера? Ума не приложу. Выволочив безжизненные тела из лап смертельной реки, я закашлялся. В висках колотил молоточек боли. Если я не умру от холода сию секунду, то откину копыта уже завтра. Затухающим взглядом я увидел, как ко мне подошла бледная, словно мел, Серэнити.

— Сейчас у меня нет сил на магию. Если умеешь, делай им искусственное дыхание, — проговорила она.

Притянув к себе голову ученика, я раскрыл его рот и принялся дуть. Великий инквизитор проделывала тоже самое с Эмилией. Лужа подо мной постепенно приобретала глянцевые черты льда.

— Не останавливайся! — повелительно крикнула Серэнити.

И я утроил усилия. Вдыхая и выдыхая, я отчаянно молил Вселенную помочь мне вновь услышать биение родных сердец. Я клялся, что заплачу за это любую цену, которую она мне назначит. Мигнула молния, и в моём сознании шевельнулось что-то потустороннее. Отчаянные мысли получили отклик, я понял, что теперь за мной будет должок. Из посиневших губ утопленников потекла вода. Они пришли в себя.

— Спасибо, — прошептал я, глядя в ночные небеса.

Жутко дрожа, я не мог вызвать даже крошечного заклинания огня. Мои пальцы одеревенели и не гнулись. Рыжие усы Грешема превратились в длинные сосульки. Он щурился и сопел. Эмилия ни на кого не смотрела. По её вине мы чуть не захлебнулись, и от этого она чудовищно страдала. Муки совести рвали её обнажённую душу. Серэнити опустилась на колени и обняла мою беззвучно плачущую подругу.

— Всё будет хорошо, успокойся, все прошло, — шептала Великий инквизитор. — Всё позади, ты — молодец, теперь ты знаешь цену жизни.

Серэнити мягко отстранилась от колдуньи и, глядя ей в глаза, проговорила:

— Я обещаю, что верну тебе красоту. Ты веришь мне?

— Да.

— Тогда для начала нам надо добраться до телеги.

Серэнити перекинула руку Эмилии себе за шею.

— Шаттибраль, идти можешь?

Я лишь кивнул.

— На тебе Грешем.

Холод синими щупальцами проморозил меня насквозь. Подобно оловянному солдатику я поднял ничего не сообщающего вампира и побрёл к истоптанному холму. Пробираясь по сугробам, мне вдруг страшно захотелось спать. Я представил себе кровать, пуховую перину, кружку горячего чая, дымящуюся на тумбочке. Мне стало хорошо! Дом, мой милый дом! Шато! Повинуясь возникшему желанию, я прилёг на белую простыню и свернулся клубочком.

Резкий голос прорвал нити сна.

— Совсем сдурел, некромант?! Вставай живо!

Тонкая рука вцепилась в мой башлык. Приподняв голову, я открыл сонные глаза. Точно, я лежу на снегу, а рядом со мной привалился Грешем. Что за восковая свечка поддерживает под руку Эмилию? А! Это же Серэнити!

— Вставай, Урахом тебя заклинаю! Если ты сейчас заснёшь, то больше не проснёшься!

Она была, конечно, права. У моего носа качалась ветка ели. Я протянул к ней ватную ладонь и сжал что есть мочи. Иглы вонзились в кожу, и это сняло моё оцепенение. Распихав вампира, я с большим трудом заставил его волочиться за мной. Подъём по холму показался мне настоящим кошмаром. То увязнем, то упадём, то скатимся. Набившие себе шишек и синяков, промёрзшие и едва живые, мы кое-как добрались до нашей телеги. Увидев издали четыре субъекта подозрительной наружности, Мурчик прижал уши и предупреждающе зашипел. Растопырив внушительные когти, он замахал ими по воздуху. Кот не узнал нас и не хотел подпускать к повозке.

— Да это мы, морда полосатая, пусти погреться, — сдавленно попросила Эмилия.

Признав в колдунье хозяйку, а в нас — её друзей, Мурчик вальяжно подвинулся, и мы залезли вовнутрь. Из пяти одеял Эмилии достались два. Рассевшись и укутавшись, мы все

громко застучали зубами. Слабость и озноб сломили мой организм. У меня начинался сильнейший жар. Так как мой ученик — вампир, холод и жара действует на него не так, как на людей. Уже минут через пятнадцать он перестал дрожать. Грешем вытер рыжую шевелюру и, не говоря ни слова, выбрался через полог. Характерный звук удара камня о камень сообщил мне, что он пытается высечь искру для костра. «Если бы он умел пользоваться магией, то в два счёта его разжёл!» — ядовито прошипело мне моё сознание. «Да, это так, — ответил я сам себе. — Но кто в первую очередь виноват, что он этому не научился? Я знаю ответ».

— Спасибо, что... пришли ко мне.

Эмилия говорила скорее своим коленкам, нежели нам. Накинутые горкой одеяла делали её похожей на оживший меховой валун.

— Калерб, мой любимый... друг... если бы не ты, то... то меня бы уже не было.

— С тебя причитается, лягушка — подружка, — пошутил я. — Теперь ты должна будешь спечь мне мой любимый шоколадный пирог с орехами! И на орехи не скупись!

Из вороха послышался приглушённый смешок.

— Ты страшно нас напугала, — сказала Серэнити, вся трясясь, как желе, на тарелке. — Не делай так больше никогда! Верь: всё будет хорошо. Десница Девяносто Девяти Спиц ничто против Благодати Ураха. Его Светом и состраданием я разрушу пагубные чары. Пусть не сразу, но я найду, как. Будешь сиять даже ослепительнее, чем прежде! Все мужчины королевства не смогут отвести от тебя глаз!

— Но, но! На меня это колдовство распространять необязательно! Не хватало мне ещё на старости лет драться с воздыхателями прекрасной Эмилии! Мне её с головой хватает как подруги! — весело добавил я.

— Твоя подруга — уродина, — вновь разрыдалась Эмилия. — Кому я такая теперь понравлюсь? Никто на меня больше не посмотрит! Я как болотная тина! Отныне я обречена прятаться от людей!

— Тише, тиши, дорогая.

Я просунул руку под одеяло и погладил колдунью по ноге.

— У тебя есть я и Мурчик, разве этого мало? Кто тебе ещё нужен?

— Ты... да, ты, Калерб, и Мурчик...

Освобождаясь от внутренней боли, Эмилия заплакала навзрыд. Её нежное сердце пылало, и я постарался его затушить.

— К тому же есть ещё кое-кто, готовый отдать за тебя жизнь, и я говорю не о дружеском одолжении и беспринципном героизме.

Сугроб из одеял зашевелился и через маленькое отверстие нос Эмилии повернулся в сторону пытающегося добыть огонь Грешема.

— Зачем я ему такая?

— Ты — сочная! Будь я вампиром, точно захотел бы тебя укусить, — подмигнул я.

— Ты можешь хоть сейчас ответить мне серьёзно?

— Хорошо. Он влюбился в тебя. Так лучше?

— Да.

Воцарилась тишина, которую нарушил проснувшийся Снурф. Он поскрёб лапкой по деревянной лавке, а после чего объявил:

— Куфать!

— Сובлаговони, пожалуйста, немножечко потерпеть, пока я не приду в себя, ладно? —

попросил я у шипящего подо мною таракана.

— Нит! Куфать! Куфать! Снурф голофен!

— Неужели ты не видишь, образина, что хозяину плохо, — заворчал я, вынимая мешок с продуктами.

Мой любимец сложил усы и, радостно стрекоча, вознамерился пролезть мордой в раскрывшийся пакет с сухофруктами.

— Фу, Снурф, это не для тебя! — завязывая пакет, прикрикнул я. — Тебе вот, лепёшка, извини, крыс у меня пока нет.

Серэнити недовольно поджала губы.

— Не могу сказать, что мне нравится, когда гигантский таракан обнюхивает мою еду и выбирает лакомый кусочек.

— Снурф — хорофый! — прошелестел мой любимец. — Снурф — лапуфка!

— Да уж.

— Не зазнавайся там, усатый, а то Великий инквизитор тебе сделает а-та-та и я, к твоему сведенью, заступаться не стану, — прохрипел я.

— Пофему?

— Потому что залазить грязными лапами в мешки неприлично!

— Ониф чифтые!

— Они грязные!

— Нит!

— Он так больше не будет, — неуверенно сказал я Серэнити. — Снурф — очень разумный, и понимает, что можно, а чего нельзя.

— Я — хорофый! — подтвердил мой любимец. — Всёф понифаю!

Видя как товарища потчуют лепёшками, Мурчик отошёл от Эмилии и ткнулся мордой в мои сапоги.

— Ваше Полосатое Высочество тоже желает устроить себе ночной перекус? Да? Милости просим! — хмыкнул я, доставая коту баночку с паштетом. Благодарно мяукнув, кот примостился возле таракана. Дружеское чавканье перемешивалось с урчанием и царапаньем когтей.

В темноте вспыхнуло пламя. Грешем натаскал веток, и теперь щедро подкармливал ими крохотный костерок. Постепенно красные язычки затрещали веселее. Вампир набил котелок снегом и, поставив его греться, залез к нам.

— Скоро вода закипит, и я заварю вам чайку.

Мой ученик достал кружки, на дно которых кинул по дольке лимона.

— И цитрусы сюда, они полезны при простуде, — так учитель говорит.

Эмилия скинула с себя одеяла и прямо посмотрела на Грешема своими пронзительными зелёными глазами.

— Сегодня ты совершил поступок, который много для меня значит. Ты рисковал своей жизнью, чтобы спасти мою, — спасибо тебе!

Колдунья подалась вперёд и, прикоснувшись молодой стороной лица к толстой щеке, поцеловала вампира. Отклонившись назад, она, немного помолчав, добавила:

— Ты — отличный парень, и поэтому я не хочу водить тебя за нос. Я никогда не полюблю тебя так, как хочешь того ты. За то короткое время, что мы путешествуем вместе, ты мне стал хорошим другом, и я хочу сохранить наши отношения в этих пределах. Не печалься, ведь дело совсем не в тебе, просто я люблю другого. Если можешь, не злись на

меня, потому что горькая правда лучше сладкой лжи.

Грешем замер. Лимон выпал из его рук и покатился ко мне. Губы моего ученика шевелились, повторяя слово «друг». Собравшись с силами, он криво улыбнулся.

— Да всё хорошо, не переживай! Главное, что ты цела и невредима — все остальное — чепуха. Впрочем, раз ты заговорила о правде, то и я скажу кое-что. Только слепой не увидит, что твоя душа уже определилась с избранником. Её взор ищет взаимности, но найдёт ли? Надеюсь, что да. Для меня огромная честь то, что ты назвала меня другом — пусть отныне я им буду всегда. Мои чувства больше не потревожат тебя. Прости меня за них, и спасибо за откровенность.

Договорив, мой ученик обернулся. Вспомнив о том, что он здесь не один, и что мы с Великим инквизитором слышали весь разговор, Грешем покраснел и выскочил из телеги, как ужаленный. После этого Эмилия свернулась клубочком, и я понял, что сегодня она больше не расположена вести беседы.

— Никогда не думала, что создания Тьмы могут испытывать любовные переживания, — удивлённо промолвила Серэнити.

— О, любовь не выбирает, к кому приходиться. Она просто появляется, и ты не знаешь, что с ней делать. Это искания, мучения, отрада, наслаждение, безрассудство и вечное балансирование на острие ножа. Любовь обитает не только в людях — каждый может стать рабом её чар. Мне жаль Грешема, но он должен перебороть свою тягу к Эмилии, чтобы жить дальше.

Слушая мои рассуждения, Серэнити тёрла ладони. Под пальцами великого инквизитора зашевелились тягучие белые капли. Наклонившись над колдуньей, она провела руками над её фигуркой. Капли попадали и, просочившись под одеяла, исчезли. На мой вопросительный взгляд Серэнити слегка пожалала плечами.

— Ей нужен духовный отдых. Этой ночью она будет спать без сновидений. Подсядь ко мне, у меня появились силы снять с тебя лихорадку.

Повинуясь просьбе великого инквизитора, я сел подле неё. Серэнити приложила мизинец к моему лбу и принялась монотонно читать заклинания Света. Меня обволокла теплота. Приятно разливаясь по телу, она возвращала конечностям чувствительность, проясняла голову, разогревала кровь. Я облегчено вздохнул:

— Ох, это превосходно! Я как заново родился! Прими от меня тысячи благодарностей!

Я улыбнулся.

— Кстати, нам бы не помешало сменить мокрую одежду. В том сундуке я видел второй комплект белья.

— С этого и надо было начинать, — согласилась Серэнити. — Переодевайся, я не буду смотреть, а потом вылезай, чтобы и я смогла сменить гардероб.

Великий инквизитор отвернулась, и я принялся сбрасывать с себя сырое одеяние. Быстренько нацепив сменные штаны и свитер, я выпрыгнул к костру. Поставив сапоги возле пламени, я сел на поваленное дерево и озадаченно посмотрел на ученика.

— Эй, Грешем, я принёс тебе жилетку и кальсоны. Снимай то, что на тебе.

— Спасибо за заботу, но я уже порядком обсох у огня.

Стараясь не встречаться со мной взглядом, вампир поднял закипевший котелок, затем плеснул в кружку кипятку и передал мне.

— Держите.

Я сделал маленький глоточек и со вздохом отставил предложенное угощение.

— Я знаю то, что ты сейчас чувствуешь, ведь я и сам когда-то был молодым. Я влюблялся, и далеко не всегда получал заветное «да». Это трудно и горько, обидно и больно слышать «нет», но так уж устроен мир. Мы нравимся не всем, и с течением времени я осознал, что это прекрасно, потому что жизнь ведёт нас к тому, кому мы действительно нужны. К тому, кто нас полюбит. К нашей судьбе.

— Но вы один.

— Я выбрал путь знаний.

Я ухмыльнулся.

— Ты ещё обязательно встретишь милашку, которая привяжется к тебе, а потом скажет три заветных слова, и поверь, в тот момент ты будешь на седьмом небе от радости. Доброта Вселенной безгранична и зачастую, чтобы мы обрели счастье, она ведёт нас самым тернистым путём. Спустя годы и годы, когда меня уже не будет рядом, ты вспомнишь наш разговор и возрадуешься, что колдунья выбрала не тебя.

— Эмилия поразительная девушка и я сразу догадался, что она любит...

Грешем прикусил губу.

— На что я только надеялся? Да и зачем? Вы удивительно правы, ведь Вселенная предназначала ей иного человека, не меня, поэтому я должен отойти в сторону. Я стану Эмилией тем, кем она меня назвала — другом.

— Вот это ты молодец! — одобрительно промолвил я. — Знать бы только, кого Вселенная ей уготовила?

— Я надеюсь, что вы когда-нибудь это выясните.

Вампир поковырял палочкой угли.

— Простите, учитель, но мне хочется побыть одному.

— Понимаю.

Грешем протянул мне две только что налитые горячие кружки.

— Возьмите для Эмили и Серэнити.

Молча взяв у вампира чай, я оставил его наедине со звёздами. Только время сгладит колючие углы его душевных переживаний. Забравшись в телегу, я протянул кружку великому инквизитору. Облачённая в новую тунику она сдержанно поблагодарила и приняла её двумя руками. Вторую я поставил возле посапывающей подруги. Под воздействием светлой магии Эмили крепко спала. Я накинул на себя одеяло и прикрыл глаза.

Внезапно на меня нахлынули воспоминания юности. Тогда кровь текла быстрее, а душа наполнилась весной. Кто была та леди, уста которой подарили мне первый поцелуй? Ни лица, ни имени моя память не сохранила, осталось лишь ощущение чего-то робкого и солнечного. Ах, эта пьянящая и своевольная песня женских чар, как часто ты толкала меня на глупые и поспешные шаги. Нет, по-настоящему я никогда и никого не любил. Увлекался, но не любил. Хотя так ли это? Почему мне сейчас кажется, что я — самый глупый человек на свете? Почему моё сердце так колотится? Чего я не осознаю? Вот-вот пазлы сложатся в картину! Ну же! Хватаясь за луч озарения, я провалился в глубокий сон.

Я проснулся с рассветом. Протерев кулаками глаза, я зевнул и с наслаждением потянулся. Снурф и Мурчик что-то ели из стальных мисок. Кот ел торопливо. Жадно поглядывая на порцию моего любимца, он решил помочь ему разделаться с ней. Таракан этого намеренья не замечал и безмятежно шевелил усами. Однако когда мягкая лапка дотронулась до его завтрака, он недовольно зашипел. Это Мурчика не остановило, и завязалась драка.

— Ну-ну, разбойники!

Я ухватил край миски и поднял над головой. Две пару глаз уставились на мои руки.

— Мурчик, ты же порядочный кот, дай Снурфику доесть.

По телеге прокатилось несогласное мяу. На звук громкого кошачьего протеста показалась Серэнити. Увидав меня, окружённого фамильярами и их трапезой на вытянутых ладонях, она приподняла бровь.

— Мне не нравятся подобные развлечения. Перестань отнимать у них еду и иди сюда, у нас тут возникла проблема.

Я послушно натянул сапоги и слез с повозки. Грешем и Эмилия стояли около лошадей и спорили.

— Я пойду и принесу его! — упирался вампир. — Вы меня не остановите!

Великий инквизитор грозно посмотрела на вампира.

— Я говорю, что это опасно! Раньше надо было думать!

Моя подруга подбоченилась.

— Не нужно меня опекать, я уже взрослая девочка! Это моя вещь, и я сама схожу за ней!

— Эй, кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит?

— Эмилия хочет выловить в реке свой беспечно утерянный посох, а исчадьё... твой ученик строит из себя невесть кого и собирается это сделать вместо неё.

Серэнити презрительно скривила личико.

— Разве жизнь стоит куска дерева?

Точно. Вытащив Эмилию из реки, я не прихватил её Людвирбинг. Он остался лежать на погибельном дне. Для колдуньи, как в принципе и для любого кудесника, потеря посоха — это крупное несчастье. Вдвойне плохо то, что Эмилия практически все свои заклинания направляет через Людвирбинг. Таким образом, если на неё нападут, она не сможет дать отпор.

— Посох необходимо достать, — уведомил я великого инквизитора. — И этим займусь я.

— Полезайте хоть все вместе, я вас второй раз исцелять не стану.

Вздёрнув изящный носик кверху, Серэнити отошла помешать варящуюся похлёбку. Грешем исподлобья глянул на меня.

— Пойду я, холод не так страшен мне, как вам.

— Ага, а плавать ты умеешь? Нет?

Я усмехнулся.

— То-то же. Не заставляй меня помимо Людвирбинга тащить ещё и тебя.

— Вы что, решили не спрашивать моего мнения?

Эмилия топнула ножкой и схватила меня ворот.

— Калерб, старый гриб, я этого не потерплю! Я заварила эту кашу и мне её расхлёбывать!

После десятиминутного препирательства мы решили отправиться втроём. Великий инквизитор идти с нами отказалась, аргументируя это тем, что кто-то должен выжить и продолжить миссию. Спускаться со склона во второй раз оказалось не проще, чем в первый. Единственным облегчением служила хорошая видимость. Осторожно держась за ветви деревьев, мы медленно сошли к подножию холма. Ступая цепочкой по вчерашним следам, наша троица добралась до русла реки. Зеленоватую гладь обрамлял тонкий лёд, схватившейся за ночь. Одно нажатие — и он треснет. Тут мы продолжили свои незавершённые дебаты. Мной и Эмилией было решено, что Грешему лезть в воду нельзя.

Вампир упорно сопротивлялся, но потом под двойным напором сдался. Применяя всё своё красноречие, я постарался уговорить подругу уступить мне возможность ополоснуться. Но мои речи не произвели на неё впечатления — она не соглашалась. Колдунья упиралась и скороговоркой твердила о том, что не позволит рисковать моей жизнью по такому поводу. Её упрямство я побороть не смог, поэтому предложил компромисс. Хмурый Грешем зажал в толстом кулаке две щепки — одну короткую, другую длинную. Первым тянуть щепку вампир предложил мне. Без зазрения совести я применил магию и определил, какая щепка с коротким хвостиком. Кто сказал, что я честный? Подруга одарила меня крайне подозрительным взглядом, но возражать перестала. Уговор есть уговор. Морозиться в реке мне ни капельки не хотелось, но позволить Эмилии вновь опуститься под воду я не мог. В этот раз у меня было больше времени подготовиться к тому, что меня ожидает. Закрыв глаза, я стал представлять, как становлюсь рыбой. Концентрируясь, я вызывал заклинание «Жидкого Дыхания». Скинув с себя одежду на снег, я, оставшись лишь в том, что закрывает причинное место, ступил на заледеневшую корочку. Она тут же лопнула, и моя нога опустилась на каменистый грунт. Мышцы голени свело судорогой. Ох, какие ощущения! Закачаешься! Да пропади все пропадом! Я выпустил воздух из лёгких и, вытянув руки вперёд, плюхнулся в реку, в которой заставил себя вдохнуть воду. Противно до жути, только захлебнуться не получится. Как же холодно! Покрываясь гусиной кожей, я поплыл туда, где по моим расчётам лежал посох Эмилии. Заклинания должно было хватить минут на семь-восемь, поэтому я торопился. Опустившись на глубину, я стал её осматривать. Чего тут только не было: ракушки, разноцветные камушки, обломанные палки, водоросли и даже парочка заржавевших монет. Я продвигался по заданному направлению и методично ощупывал руками каждую корягу. Нет, всё не то! Я уже практически отчаялся найти заветный предмет, но тут мои пальцы вдруг наткнулись на что-то твёрдое угловатой формы. Схватив находку, я ощутил магический всплеск. Это он! Волшебный изумруд на навершии Людвирбинга! Распираемый чувством гордости, я стал подниматься вверх, и тут произошло нечто неприятное: закончилось действие «Жидкого Дыхания». Внезапно вода пронзила лёгкие смертоносным кинжалом. Я запаниковал. Отчаянно барахтаясь, я стал терять сознание. И кто же меня спас? Конечно, Эмилия! Она увидела, как по спокойной глади забарабанили пузыри, и без промедления ринулась ко мне на помощь. Колдунья нырнула в реку и, отыскав меня, потащила на берег. Муть пеленой закрывала мне глаза, однако я ощутил, что нахожусь на снегу. Откашлявшись, я пришёл в себя и протянул подруге добытый Людвирбинг! В руках Эмилии посох запульсировал зелёными всполохами. Кое-как одевшись, я разлепил посиневшие губы:

— Кто-то должен мне теперь два шоколадных пирога!

Прикрываясь капюшоном, Эмилия улыбнулась. Магия Серэнити точно пошла ей на пользу.

— Ты что — обжора? Сомневаюсь, что ты столько съешь за один присест! Ну ладно, ты, конечно, заслужил! Два так два! — ответила колдунья, дрожа всем телом. — Пойдём скорее, а то чего доброго превратимся в две сосульки!

Мокрые и страшно замёрзшие, мы вернулись к Серэнити. В лагере ярко горел огонь, из котелка дымился пар, нашего возвращения явно ждали.

— Учитель сделал это! — оповестил Грешем великого инквизитора.

— Знаю, я смотрела со склона, — уклончиво ответила Серэнити, отводя глаза в сторону. Я улыбнулся. Великий инквизитор не умела лгать. Неужели она переживала за нас? Да,

это так! Похоже, что Серэнити незаметно спустилась вниз и следила, как бы с нами не случилось чего плохого. Однако гордость не дала ей сознаться в том, что мы становились ей небезразличны. Значительные перемены к лучшему!

Глава 11. Двойной удар опытных магов

Обогрившись и напившись обжигающего чая, мы тронулись к владениям центральной провинции пошатнувшегося Соединённого Королевства. До недавнего времени граница охранялась небольшим военным подразделением Иль Градо. Второй гарнизон, принадлежащий Плавеню, издревле располагался чуть ниже, ближе к Оленьей реке. Любопытно, как в нынешнее переломное время, там, у черты политических интересов, скальваются дела? Чувствую, что не гладко.

Телега, ведомая Серэнити, катила по ответвлению Торгового Тракта. Царившее затишье нарушила лишь вновь закружившаяся метель. Мокрый снег большими комьями хлестал по бокам повозки и через полог залетал вовнутрь. Снурфу это не нравилось. Он забрался под бочку и там чуть слышно шипел. Зима не относилась к любимым сезонам таракана. Вот позднее лето или ранняя осень — это другое дело. Снурфи обожает пожухлую листву и всегда тянет меня на прогулку. И практически каждый раз я иду у него на поводу. Собирая вокруг Шато травы для зелий, я с усмешкой отвергаю то, что таракан предлагает мне положить в мешок. То он притащит лист клёна, то еловую шишку, то нерасторопную птичку. Я качаю головой и говорю: «Нет, Снурфи, это не подойдёт для настоя от аллергии». Сейчас, держа путь в Железные Горы, я мечтал очутиться в одном из тех тёплых дней. Ещё недавно я до самого вечера бродил по полянкам Весёлых Поганок, занимался тем, чем хотел, плотно ужинал и ложился спать. Увы, эти деньки миновали. Как беззаботен я был.

Дорога уходила вбок. Предстоял длинный поворот направо. Какое-то время лошади двигались по дуге, давая мне возможность разглядеть проплывавшие мимо окрестности. Покатые холмы да деревья были спутниками нашего путешествия. Земля убаюкала свою спину серебристым покрывалом, сокрыв до прихода весны мириады растений. Этот бесконечный круговорот природы всегда восхищал меня. Равновесие, содержащееся в каждом сезоне, зачаровывает. Наступит пора, и из набухших почек вырастут листья. Под лучами благодатного солнца они будут зеленеть, а потом, набравши силы, станут кормом для травоядных животных. С приходом заморозков листья свернуться в трубочки, засохнут и пёстрым калейдоскопом устелют благодарную почву, которая примет их и в виде удобрений продолжит дарить новую жизнь взамен старой.

В наступающих сумерках стали видны две небольшие круглые башенки. Опоясанные каменным валом, они стояли по краям сузившегося пути. Это пост, за ним кончалась власть Иль Градо и начиналось правление ныне независимого Плавеня. Когда мы приблизились к фортификации, к нам никто не вышел. Ни одного караульного, никого. Грешем остановил лошадей напротив колодца.

— Странно всё это. Где часовые рубежа? — протянула Серэнити, внимательно оглядывая безжизненные окошки бойниц.

— Пойду посмотрю, что тут к чему, — откликнулся Грешем.

— Подожди, я с тобой, — сказал я, спрыгивая на булыжники мостовой.

Толкнув незапертую дверь сторожевой башни, я открыл вход в тёмный зал. Не переступая порог, я призвал парочку шариков света, которым приказал двигаться по кругу

над моей головой. Внутри нас ждало безмолвие. Пусто, людей здесь не было. В комнате имелся стол, несколько стульев и деревянные стойки с различным оружием. На стене висел штандарт Иль Градо — могучий лев с выпущенными когтями и раскрытой пастью. Поднявшись по лестнице на второй этаж, я обнаружил комнату отдыха, а в ней двухъярусные койки с небольшими тумбочками. Отодвигая ящик за ящиком, я убедился, что все личные вещи на своих местах, а это значит, что воины пропали совсем недавно. Задумчиво перебирая расчёски, нитки, ремни и куски мыла, я под ворохом платков нашарил крохотную медную шкатулку с надписью «Моему мужу Габриэлю от его Николь». Шкатулка была снабжена ромбовидной кнопкой, я нажал на неё и створ крышки распахнулся, под ним покоился локон золотистых волос и три засушенных лепестка розы. Вернув шкатулку обратно в тумбочку, я прошёл через ряд заправленных постелей и поднялся на третий этаж, который представлял из себя офицерский кабинет. В нём мне попался журнал пограничного капитана. Полистав его, я не заметил ничего подозрительного. Длинный список выплаты зарплат да несколько заметок о незначительных дисциплинарных взысканиях, вот и всё что содержали в себе страницы. Пока я читал, Грешем заинтересованно рассматривал на стене выцветшую фреску. На ней красивая дама прислонилась к мраморной колонне, её увенчанные кольцами пальцы нежно поддерживали щенка. Силуэт дамы едва узнавался, краска облупилась и обнажила под собой тёмный камень.

— Автор произведения — настоящий мастер, — заявил вампир. — Вы только посмотрите, как тонко выведены кисти рук! А лицо? Брови и глаза? Какие изгибы! Впечатляет!

— Немного диковато, что такой шедевр нарисован прямо на стене, — рассеяно отозвался я. — Может капитан этой башни в прошлом был художник?

Я провёл перчаткой по картине. Вместе с пылью на ладони остались фрагменты штукатурки. Ничего удивительного, сырость и сквозняки безвозвратно испортили некогда красивый портрет. Я вздохнул и подошёл к единственному окошку, через которое лился жёлтый свет луны. Переведя глаза вдаль, я увидел сияющую точку. То, разгораясь, то практически затихая, она мелькала среди деревьев короткими вспышками огня. Поманив Грешема, я указал ему на необычное мигание.

— Как думаешь, что это?

— Уместнее сказать то, чем это не может быть. Вряд ли это пилигримы или уставшие странники. От поста до туда меньше мили, так что если бы это был кто-то добропорядочный, то он бы заночевал здесь.

— Логично, — согласился я. — Надо предупредить Эмилию и Серэнити.

Вампир понимающе хмыкнул. За время путешествия мы уже привыкли к разного рода опасностям, а пляшущие в ночи языки пламени показались нам, как минимум, недобрым знаком. Спустившись к телеге, я рассказал подругам об увиденном.

— Пока вас не было, я сбегала на вторую башню. Внутри неё безлюдно и темно. Я чувствую, что тут произошло что-то страшное. Возле этого места клубится Тьма. Горьким туманом она расползается по моим жилам. Говоря это Серэнити держала наготове боевую булаву.

— Звучит зловеще, но ехать куда-то сейчас тоже смысла не имеет, — прошептала Эмилия, становясь возле меня. — Я предлагаю заночевать на заставе, а поутру двинуться дальше. Выставим часовых и поспим на кроватях, а не на деревянном полу телеги. Если кто-то к нам заявится, то окажем сопротивление. Как по мне, башню оборонять легче, чем

сражаться посреди поля.

Серэнити открыла рот, чтобы ответить, но её опередил жалобный крик. Не раздумывая, великий инквизитор, как серая тень, понеслась на призыв о помощи. Переглянувшись, мы кинулись следом за ней. Бежать пришлось недолго. Даже не запыхавшись, я нагнал Серэнити у могучего дуба. Среди всколоченных корней лежал молодой солдат со вспоротым животом. Его кишки спутанной массой вывалились наружу. Серэнити прижала амулет Ураха ко лбу умирающего.

— О, Всеотец! Кто это сделал с тобой?

Глаза солдата расширились, вероятно, боль под воздействием магии ушла из его тела.

— Там!

Солдат ткнул пальцем в сторону неярких вспышек.

— Там, звероподобные твари!

Судорожно втянув ртом воздух, умирающий продолжил прерывающимся голосом:

— Они напали на нас и выволокли, как скот, а теперь приносят в жертву.

— Кому приносят в жертву?!

Вопрос Серэнити остался без ответа. Остекленевшие глаза парня устремились в небеса. Склонившись, Эмилия прикрыла их рукой.

— Надо действовать! Возможно, ещё есть живые! Вы со мной?

Великий инквизитор выпрямилась в полный рост. Несомненно, что если бы мы отказались, то она бы отправилась сражаться с Десницей Девяносто Девяти Спиц в одиночку.

— Конечно с тобой, — заверил её я. — Разве ты сомневаешься в нас?

Последние слова я произнёс полам удаляющегося плаща. Серэнити каждый раз так поступает! Бесит! Мы — команда, в конце концов! Нельзя, как берсеркер, вламываться в сечу не дожидаясь товарищей! Я могу попросту не успеть прикрыть тыл! Обязательно выскажу ей это, когда подвернётся удобный случай, а пока ноги в руки и — вперёд! Низкие колючие кустарники то и дело цеплялись за крупную вязку моих штанов. Не обращая внимания на вонзившиеся в икру иглы, я преодолел небольшой овраг и выбежал к ивовой роще. Именно из неё исходил свет.

Мы пригнулись и медленно подкрались к прогалине. То, что я увидел, заставило меня покрыться испариной. Посередине поляны полыхал синий костёр. Вокруг него на коленях сидели солдаты гарнизона, человек двадцать-тридцать. Крепко связанные и с кляпами во рту, они не могли ни пошевелиться, ни закричать. За спинами воинов прыгали зверолюди. Каркая нечеловеческими голосами, они размахивали горящими факелами. Полуголые, с волчьими, птичьими и другими невообразимыми головами, демоны фанатично запрокидывали морды и выли на тусклые звёзды свою омерзительную, монотонную и явно сакральную песню из четырёх исковерканных, но удивительно понятных слов — Десница Девяносто Девяти Спиц! Моё внимание привлекла неподвижно стоящая фигура в длинном красном балахоне. Держа на вытянутых руках дымящийся кубок, она вставляла в песнопение своё протяжное хрюканье, которое самой своей гадкой интонацией походило на чтение древнего и очень тёмного наговора.

Неожиданно костёр замигал, и расплавленная капля плюхнулась на голову одного солдата. Жутко извивающегося, его затянуло прямо в огонь. Принимая жертву в свои объятия, пламя взвилось и затрещало. Зверье радостно загоготало и принялось танцевать и вопить с ещё большим остервенением. По костру прошла рябь. На его фоне стала

вырисовываться огненная арка. Фигура в красном балахоне упала на колени и, изводясь в безумном экстазе, молитвенно возвела руки с кубком над головой.

Я понял — вершился ритуал по открытию сопредельных врат — червоточины в иной мир. Медлить было нельзя. Увидев, как Серэнити подползает к крайнему стволу дерева, я кивнул друзьям. Грешем уже давно оголил два коротких меча, а Эмилия сформировала заклинание. Демонов много, нам придётся попотеть. Я сконцентрировал чары «Молнии Массового Воздействия». Приказав себе успокоиться, я дал знак атаковать.

Стремительно выскочив из укрытия, мы, как вихрь, нанесли удар по ничего не ожидающим тварям. Заряд смертоносной энергии сорвался с моих пальцев и рикошетом пролетел по шестёрке звероловдей. Первые три моментально превратились в горстку пепла, а остальные, жутко воя, упали дочерна обгоревшие. Грешем сиганул в самую гущу всклокоченных шкур. Его клинки, не зная пощады, разрубали тела и отсекали протянутые лапы. Эмилия, держа Людвирбинг наперевес, швырялась стуктами расплавленной магии. Попадая на шкуры, зелёные залпы обращали клыкастых существ в неугасимые свечи. Серэнити белым смерчем сбивала косматые головы, словно переспелые арбузы.

Победа? Нет. Оправившись от непредвиденного нападения, последователи Десницы Девяносто Девяти Спиц, похватав ножи, ятаганы, пики и топоры яростно набросились на нас. Рыча и повизгивая, ко мне рванулись четыре демона. Самое страшное было то, что они не боялись умереть. Ближайшего я изжарил Ночью Всех Усопших, а следующего за ним прибил Альдбригом. На этом моё ратное везение закончилось. Меня повалили на землю и принялись рвать когтями. Если бы в этот момент Серэнити не подоспела на выручку, то я бы наверняка погиб. Точным взмахом булавы, она расколола череп в начале одной волчьей голове, а потом второй. Ухватив за шиворот, великий инквизитор поставила меня на ноги, а сама стала пробиваться к окружённой Эмилии. Возбуждение бешено стучало в висках. В сумятице сражения я увидел, как фигура в красном балахоне вспарывает горла обречённым солдатам.

— Эй, туда! — завопил я, перекрикивая гвалт битвы.

Оттолкнув от себя собачью пасть, я довершил дело метким попаданием лезвия в глаз. К этому моменту мерзкая рука из-под балахона уже успела умертвить человек пять. После каждого убийства рождающийся портал языками пламени затаскивал труп в своё нутро. Сосредоточиться на бегу было практически нереально, но я смог создать заклинание «Замедления». Бросив его в ритуального шамана, я окутал его красные одежды фиолетовыми искрами. Теперь существо едва шевелилось. Мою преждевременную улыбку стёр дробящий удар в предплечье. Ну вот, чей-то молот подарил мне гематому. Развернувшись, я нахлёстом приложил посох к пернатой шее. Закаркав, получеловек рухнул на колени, где я прикончил его мечом. Рядом выпрыгнул не пойми откуда взявшийся Грешем. Его клинки прошли по торсу подбирающегося ко мне демона.

Пока я сражался, кинжал ритуального шамана практически добрался до артерии заиндевшего от ужаса пограничника. Благодарно кивнув вампиру, я что есть мочи стукнул кулаком по фигуре в красных одеждах. Тварь отлетела на землю, и чтобы она не встала, я несколько раз приложился ногами к её рёбрам.

Бой подходил к своему завершению. Несомненно, наибольшее количество врагов уничтожила великий инквизитор. Её красная от крови булава олицетворяла гнев Ураха. Всеотец не ошибся в своём выборе, я уверен, что ни один паладин Братства Света не способен на то, что сегодня продемонстрировала Серэнити. Эмилия, как и я, предоставила

добивать последних противников сильной половине нашего отряда. Работая сообща, мы оттаскивали от костра выживших солдат и перерезали им верёвки. Освободившиеся от пут войны принимались помогать нам.

Когда все уцелевшие пограничники были спасены, я занялся скулящим шаманом. Сорвав с его головы красный балахон, я увидел свиное рыло. Тварь, в отличие от своих сородичей, сражающихся с бездумным бешенством в глазах, выглядела напуганной. Издавая хрюкающие звуки, она пыталась вырваться из цепей моего чародейства. Никакой жалости к свинье я не испытывал, но убивать не торопился. Передо мной валялся ритуальный шаман и я хотел попытаться узнать у него о том, что он только что делал. Что ему ведомо о сотворении червоточин? Многое! Ко мне подошла Серэнити. Её серая накидка блестела от пролитой крови. Равнодушно занеся булаву над розовыми ушами, она собралась прикончить демона, и я едва успел перехватить её руку.

— Что ты делаешь?! Дай я раздавлю этого слизня!

— Нет, подожди, — пыхтя, ответил я.

Серэнити не переставала давить, и мне приходилось вкладывать всю имеющуюся силу, чтобы сдержать её оружие.

— Это не просто тварь Десницы Девяносто Девяти Спиц, а ритуальный шаман! Именно он сейчас готовил открытие портала! Возможно, ему известно не только как прорывать межпространственную материю, но и как латать уже созданные прорехи!

— Ты можешь объясняться более понятно?

— Я думаю, он знает, как можно запечатать демонические врата. Его нужно допросить!

— Но ты же сам умеешь закрывать порталы!

— Умею — это громко сказано. У меня получилось это провернуть один-единственный раз, и во время попытки бушующая энергия лишь чудом не изжарила мои мозги! Вероятно, существует более безопасный способ, которым можно удалять червоточины, и если он есть, то я хочу его знать!

Серэнити задумалась, а затем злобно осклабилась.

— Хорошо, я удовлетворю твою просьбу и даже более того — лично проведу дознание. Уверяю тебя, тварь выложит всё, что ей известно.

Великий инквизитор брезгливо сжала свиную морду.

— Ты держишь его под заклятием?

— Да, я наложил чары «Замедления», но они скоро рассеются.

К нам подошла Эмилия. За её спиной стояла кучка выживших солдат.

— Это капитан Снорен, — представила колдунья невысокого коренастого мужчину, который при упоминании своего имени низко поклонился.

— У меня не хватит слов, чтобы выразить всё, что я сейчас чувствую! Каждый из этих ребят обязан вам своей жизнью!

Снорен махнул на своих подчинённых.

— Не знаю, кто вы такие, но клянусь, я до конца своих дней буду молиться за вас!

— Перед тобой Великий инквизитор Иль Градо, капитан, — в свойственной ей величественной манере ответила Серэнити. — Я принимаю твою благодарность.

Услышав, кто его спаситель, Снорен шмякнулся на колени и склонил голову.

— Миледи! Сам Урах ниспослал вас на наш горемычный пост! Да светится лик Всеотца во веки веков!

— Так было и так будет, — скрепила хвалу великий инквизитор. — Встань, капитан.

— Я поймал последнего, больше никого нет, — это пробасил Грешем выходящий из кустов. С его клинков капала свежая кровь.

— Расскажи, пожалуйста, что здесь произошло, — попросила Эмилия у Снорена.

Капитан бросил нервный взгляд на костёр, всё так же полыхающий синим пламенем.

— Это случилось сегодня днём. Я как обычно сидел в своём кабинете. Через пост уже пару дней не проезжало ни одного каравана, и от этого я маялся от безделья. Тут заходит ко мне Карсон и говорит: мол, закутанные торговцы приехали со стороны Плавеня, а открывать полог телеги не хотят, просят капитана выйти, переговорить им надо. Ну, я и вышел. Стоило мне приблизиться к экипажу, как из кузова выпрыгнуло сразу с десятков этих тварей. Я даже меч вынуть не успел. Меня повалили и зажали рот. Потом из леса подоспели другие демоны. Разделившись на две ватаги, они заскочили в башни. Кто спал, кто обедал. Понимаете, мы не были готовы. Они повязали нас, но убивать не стали, надели нам на головы мешки и поволокли, ну а когда их сдёрнули, вы видели сами, что было.

— В башнях есть карцер или подвал, предназначенный для преступников? — поинтересовалась Серэнити.

— Конечно, Великий инквизитор, но сейчас там никого нет. Камеры пустые.

— Что из инструментов заплечного ремесла у вас имеется?

Вопрос смутил Снорена. Почесав голову, он глуповато посмотрел на Серэнити.

— Вы говорите про дыбы, клещи и тому подобное? У нас тут просто гарнизон, а не казематы, миледи.

Серэнити недовольно нахмурилась.

— Это что, по-твоему, ответ на мой вопрос?

— Только плети и колодки, миледи. Больше ничего, — поспешил исправиться Снорен. — Нет, простите, ещё ножной шип.

Я, конечно, догадался зачем Великий инквизитор спрашивала про подвал. Остаток ночи для ритуального шамана мог стать самым запоминающимся во всей его жизни. Насколько рьяно Серэнити оберегала невинных, ровно настолько же она любила пытаться виновных.

— Этого будет вполне достаточно.

— Я боюсь оставлять портал без присмотра, мало ли что из него полезет — вклинился в диалог я. — Давай лучше проведём допрос прямо здесь.

— Нет. Если хочешь, чтобы тварь заговорила, а не умерла от тычков твоего неумелого кинжала, то придётся дойти до башни, — усмехнувшись, ответила Серэнити.

Я видел, как её глаза наполнялись всепоглощающей жаждой насилия.

— Через полчаса, а может и раньше, знания будут у тебя в кармане.

Я неуверенно покосился на потусторонний огонь.

— Но как же портал?

— Поставим возле него часовых. Как только случится что-то из ряда вон выходящее, нам доложат, и ты сможешь вновь попробовать уладить неприятности своей магией.

Я пожал плечами. Идти до сторожевого поста было недалеко, и, в принципе, мы ничего не теряли. Видимо прервав жертвоприношение, я остановил формирование межпространственного прохода.

Грубо подняв человека-свинью, Серэнити лично потащила его к пограничным башням. Демон скулил, но попыток к бегству не предпринимал. Бежать было некуда. Окружив плотным кольцом Великого инквизитора, мы проследовали до темницы, где пленника приковали цепями к стене. Прежде чем начать вытягивать из ритуального шамана нужные

сведения, Серэнити осмотрела раны тех, кто нуждался в её помощи. Почти каждый из нас получил то или иное увечье. Подставив набухшее плечо под пальцы великого инквизитора, я ощутил, как спадает опухлость и стягивается содранная кожа.

— Думаю тебе лучше покинуть нас, — сказал я Снорену, показывая на свиное рыло. — Зрелище предстоит не из приятных.

Мрачно кивнув, пограничный капитан заспешил удалиться. Дверь подвала хлопнула, внутри остались только я и великий инквизитор. Вампир и колдунья пожелали вести наблюдение за порталом, и я знаю почему — смотреть на агонию живого существа и не испытывать при этом душевных мук просто невозможно, хотя кое-кто явно считал иначе. Одним резким движением, Серэнити разорвала красный балахон. Голым, ритуальный шаман выглядел отвратительно. На бесполом человеческом, розово-сером теле взбухли восемь сосков. Сзади дрыгался закрученный хвостик. Уши, пятак и строение головы — как у хряка. Сдавлив подбородок существа стальной перчаткой, великий инквизитор поднесла своё лицо к чёрным глазкам.

— Твоя смерть в твоих руках. Если будешь отвечать правду — умрёшь быстро. Станешь упираться или лгать — каждая секунда, проведённая со мной, покажется тебе вечностью. Итак, проверим, как ты меня понял.

Из сомкнутой пасти мыльными ручьями полилась слюна. Отодвинувшись, Серэнити отпустила руку, давая демону возможность говорить.

— Назови своё имя, тварь.

Уставившись на решётку темницы, получеловек-полусвинья гулко захрюкал. Серэнити свела брови к переносице. Схватив ритуально шамана за пухлую щёку, она болезненно наклонила его голову вниз и, придвинувшись к уху, стала шептать тягучие, сводящие с ума слова заклинания. Вдруг я вспомнил, как нечто подобное Серэнити проделывала со мной в тюрьме Шальха. С той только разницей, что тогда она лечила меня, а тут ни о каком лечении речи не шло. Я ощущал, как сейчас сознание существа выворачивается наизнанку. После того как Серэнити закончила читать наговор, она повернулась ко мне и проговорила:

— Теперь он может изъясняться на нашем языке.

Криво ухмыльнувшись, великий инквизитор отвесила ритуальному шаману хлётскую пощёчину.

— Твоё имя.

Моему изумлению не было предела. Свиный рот открылся, и демон совершенно отчётливо прохрюкал:

— Брахамба.

— Кому ты служишь?

— Ты сама знаешь кому, полукровка!

За такую реплику Брахамба получил серию ударов вдоль бёдер. Подобно змее, кнут Серэнити со свистом наградил свою жертву бурыми воспалёнными полосками.

— Я жду ответа.

— Я служу Деснице Девяносто Девяти Спиц!

— Что ты сегодня делал в той роще?

— Убивал! Убивал! Я убивал, слабых мягких людишек!

Серэнити охладила Брахамбу новой пощёчиной.

— Зачем ты убивал?

— Догадайся!

— Я не люблю отгадывать загадки.

Серэнити придирчиво осмотрела заржавевший ножной шип. Это простое устройство могло в два счёта развязать язык самому неразговорчивому грешнику. Выглядело оно так — металлическая пластинка с удерживающим ремешком, на основании которой имелся регулирующий по высоте трёхгранный гвоздь, а над ним педаль. Великий инквизитор засунула стопу брыкающегося Брахамба в скобу. Надавив сапожком на педаль, она опустила пятку демона на остриё гвоздя. Такого крика боли я не слышал даже у умирающих.

— Итак, зачем ты убивал?

— Затем! Затем! Чтобы легионы моих братьев заполнили ваш жалкий мир!

— Для чего?

— Для того! Чтобы захватить и разрушить! Сжечь! Выпотрошить! Свернуть! Стереть. Насытиться кровью!

— Ты знаешь, как закрывать порталы?

Педаль прогнулась к низу на целую треть.

— Нет!

Ступня вошла в гвоздь на две трети.

— Нет! Нет! Нет!

— Ты можешь нагреть свой посох и дать его мне?

Кнута и ножного шипа Серэнити было мало, ей хотелось чего-то большего. Например, огня. Я медленно кивнул и принялся концентрироваться на посохе. Постепенно кристалл на навершии раскалился до пурпурно-алого цвета. Я протянул Ночь Всех Усопших Великому инквизитору. Она взвесила его в руках, а затем приложила к животу ритуального шамана. Боль от ожога заставила человека-свинью завизжать пуще прежнего. Подержав посох на шкуре несколько секунд, Серэнити убрала его. Под воздействием жара соски Брахамба расплылись уродливыми кляксами.

— Если ты не расслышал в первый раз, я повторю: как закрывать порталы? Скажи, и я прекращу твои страдания.

Ритуальный шаман разразился злобным смехом.

— Я лучше умру в мучениях, чем хоть что-то скажу тебе, полукровка!

— Вызов принят. Посмотрим, как долго ты продержишься.

С этими словами Серэнити поднесла Ночь Всех Усопших к хвосту. Чтобы не видеть этого кошмарного зрелища я отвернулся. Всхлипы сменились непродолжительным визгом.

— Ещё?

Брахамба по-пороссячи захрюкал и оскалил ряд крупных зубов, однако когда ощутил палящий зной у самых глаз, он натянуто заскулил.

— Я просто не знаю, не знаю! Убери горячую палку!

— Лжёшь!

Пытая Брахамба, Серэнити получала сумасшедшее удовольствие. Прикасаясь посохом к разным местам, она играла его телом, выявляя допустимый болевой порог. Великий инквизитор была настоящим профессионалом своего дела. Мне было странно и жутко следить за происходящим действием. Я уже сто раз пожалел, что затеял этот кровавый спектакль и хотел, чтобы он побыстрее закончился. Наконец ритуальный шаман сдался. Перхая и надрывно дыша, он прерывисто заговорил:

— Подожди, подожди...

— Я тебя слушаю. Это твой последний шанс поведать мне то, что я желаю услышать, —

прорычала Серэнити, изгибая уголок рта. Она убрала Ночь Всех Усопших с обожжённой лодыжки и, намотав на кулак амулет Ураха, выжидательно уставилась на истерзанное существо. Брахамба облизал бледным языком пересохшие губы.

— Возможно, тебе будет интересно узнать, маг, что она такая же...

Закончить предложение ритуальному шаману не удалось. Великий инквизитор отцепила от пояса булаву и одним страшным молотящим ударом заставила Брахамба замолчать навсегда. Бело-красные костяные осколки засыпали пол фрагментами раздроблённого черепа.

— Что это значит, Серэнити?! Зачем ты его убила?!

— Он ничего не знал, поэтому я решила переступить через себя и даровать ему быструю и милосердную смерть, — вздёргивая носик, буднично ответила великий инквизитор.

— Как, ничего не знал? Он стал что-то говорить мне, а ты намеренно не дала ему этого сделать!

— Что за чушь ты несёшь? Тварь просто испытывала наше терпение, и оно у меня закончилось. Я сразу поняла, что в нём нет ни капли нужной нам информации. Он всего лишь маленький винтик в большой конструкции, и, если мы хотим докопаться до истины, потребуется выловить рыбёшку покрупнее.

Отдавая мне посох, Серэнити добавила:

— Тебе придётся уничтожить портал своими силами.

Я сумрачно посмотрел на великого инквизитора. Впускать в себя море необузданной энергии мне не хотелось, но иного выхода, видимо, не было. Расстроенный тем, что Брахамба не дал даже намёка на то, как закрывать червоточины, я глубоко задумался. Что собирался мне рассказать ритуальный шаман про Серэнити? Что значит «полукровка» и «она такая же»? Такая же, как кто? Как мы? Как они? Неужели здесь скрывается какая-то тайна? А может великий инквизитор права, и я зря накручиваю себя?

— Эй, что с тобой?

— Прости, я стал вспоминать каким аспектом эзотерической величины мне пришлось пользоваться в тот раз, чтобы развеять червоточину.

Серэнити сделала вид, что понимает, о чём я говорю.

— И каким?

— Квази-пространственным, — вздохнув, ответил я. — Пойдём, я попробую разорвать нарождающуюся связь между нашими мирами.

Оставив Брахамба висеть на цепях, мы поднялись по лестнице. Возле выхода стоял бледный Снорен. Наверняка крики слышали все, кто находился в башне.

— Капитан, там внизу немножко грязно, но, я думаю, уборка помещения станет не такой уж большой платой за ваши жизни, — криво усмехнулась Серэнити. — Пока нас не будет — распорядись, чтобы накормили лошадей и да, скажи, чтобы в кузов телеги никто не заглядывал, а то мало ли, что оттуда выпрыгнет.

Снорен поклонился.

— Как прикажете, миледи!

Мы обогнули башню и направились в сторону леса. Синие всполохи, пробивающиеся сквозь деревья, служили нам хорошим ориентиром. Пробравшись через полянку низких колючих кустов, я, изорвав штаны ещё в нескольких местах, вышел к неземному костру. Пять солдат с оружием наголо зорко глядели в колдовские переливы пламени. Поджав под себя толстую ногу, Грешем сидел на покато валуне, а Эмилия стояла за его спиной. Увидев

меня, колдунья нетерпеливо спросила:

— Есть новости, Калёб?

— Только одна — ритуальный шаман ничего нам не рассказал и Серэнити отправила его душу обратно бороздить бездну.

— Скверно.

Эмилия поправила локон, выбившийся из общей пряди.

— Однако в этот раз риск от закрытия портала мы разделим с тобой напополам. Думаю, что если объединить наши силы, то сделать это будет намного проще.

— Желаешь подсобить старому другу? — хмыкнул я, перекидывая Ночь Всех Усопших из одной руки в другую. — Тогда давай приступим! Я не люблю откладывать дела в долгий ящик!

— Вы только посмотрите, какой он торопливый гриб! — зацокала колдунья. — Придержи коней и растолкуй девушке «что», «зачем» и «куда».

— Наша стратегия предельно проста: заряжаем посохи, настраиваем их на центр портала и бабах-тарабах-бабах!

— Ого! Вроде бы несложно!

Грешем почесал рыжую бороду.

— Бабах-тарабах-бабах? Это что?

— Это наша с Калёбом фишка, ну своеобразная градация мощности творимого заклинания, — отозвалась Эмилия. — Бабах — это просто крепко шлёпнуть магией, тарабах-бабах — это шмякнуть так, чтобы земля задрожала, а вот бабах-тарабах-бабах — это значит: бегите все, кто может, потому что я за себя не отвечаю.

— Миленькие сравнения, — отметила Серэнити.

— Мы — колдуны — народ весёлый, — улыбнулся я.

Вместе с подругой я подошёл к мигающей синий арке. Я встал с одной стороны червоточины, а Эмилия с другой, напротив меня. Через стену пламени я смутно видел очертания подруги. Её контур плавал по рябой глади, то расширяясь, то сужаясь до размеров точки. Подняв Ночь Всех Усопших повыше, я закрыл глаза и начал концентрироваться на нераскрытой мощи сопредельного разрыва. Я давал ей найти меня и овладеть мною. Микроскопическая дырочка, толчок, и энергия лавиной придавило моё естество своим невероятным весом. О, Вселенная меня сейчас разорвёт на клочки! Судорожно хватая ртом воздух, я, как переполненный водой шар, задрожал перед занесённой надо мною иглой. Наконец я совладал с собой и устремил бурлящий во мне поток магии на посох. По моему лбу потёк пот. Подняв глаза, я увидел, как Эмилия дирижирует линиями зелёных чар.

— На счёт три, родная, на счёт три, — прошептал я.

Один, два... изумрудная вспышка пронзила синий огонь и потянулась к основанию арки. Через секунду я умножил её усилия красным лучом Ночи Всех Усопших. Под воздействием нашего колдовства, мерцающие своды затряслись и посыпались. Я надавил ещё сильнее. С глухим треском испещрённый рунами камень стал обваливаться вниз. Костёр отчаянно взвился, а затем взорвался, раскидав ударной волной находящихся вокруг него людей. Больно стукнувшись головой о дерево, я сполз по его стволу вниз. Стискивая в руках посох, я все ещё ощущал в нём неизрасходованные сгустки неукротимой стихии. Чтобы снять напряжение я выместил остатки энергии в заклинание «Освещения». Десяток шариков света запорхали по роце разноцветными бутончиками. Там, где только что находился портал, осталась лишь кучка обугленных и бесформенных кусков спёкшегося гранита. Поднявшись, я

поковылял к дымящемуся пепелищу.

— Ты ранен?

— Я в порядке. Спасибо, Серэнити.

Великий инквизитор окинула меня взглядом и, удостоверившись, что кровь из меня не хлещет, направилась к Эмилии. Моя подруга отлетела намного дальше, чем я. Поворошив ногой красноватую породу, я обнаружил две тонкие каменные пластинки с мерцающими рунами Десницы Девяносто Девяти Спиц. Я поднял осколки, но до лица их донести не успел, они рассыпались, и с подувшим ветром пеплом улетели сквозь пальцы. На один портал меньше. Это хорошо, есть повод гордиться собой. Эмилия тоже молодец, без неё я бы не справился так легко. Усталость сковывала каждую мышцу, но не было того жуткого чувства опустошённости, которое я испытал, закрывая червоточину кишашую скорпионами. Может, нам и правда не понадобится помощь Эмириуса Клайна? Вдруг мы способны сделать всё сами? Отгоняя эту фантастическую мысль, я потряс головой. В одиночку нам не справиться. То, что мы умеем запечатывать сопредельные проходы, не делает нас непобедимыми. Сила энтропии велика, и её очень трудно контролировать. Малейшая ошибка, и взбесившийся протуберанец энергии в мгновение ока изжарит меня или колдунью дотла. Этого я не хочу. Рукавом я вытер намокший лоб и, подзвав ближайшего солдата, сказал, что он и его товарищи могут возвращаться на сторожевой пост. Кликнув своих сослуживцев, пограничник с большой радостью покинул роковую лощину. Мне на волосы легла рука Эмилии.

— Калерб, это что-то с чем-то! Очень опасно! Тебя окутывали вихри из молний? И меня, да! Я даже в конце запаниковала! Ума не приложу, как ты тогда полуживой управился в одиночку.

— Тогда мне повезло, — искренне ответил я. — С тобой сейчас всё прошло куда спокойнее.

— Кто молодец?

Я похлопал колдунью по руке.

— Ты, конечно! Ты — большой огурец — молодец!

— Это ты огурец, а я кошечка!

Подруга впилась ноготками мне в кожу головы.

— Правда?

— Да, да ты кошка! Прошу не сдирай мой скальп!

К нам подошла Серэнити. Её взор скользнул по верхушкам вязов и, опустившись вниз, застопорился на одной точке.

— Как ты смеешь, нежить, делать это при мне!

Я оглянулся, и мне хватило всего одного взгляда, чтобы понять, чем занят мой ученик. Он ужинал... погибшим человеком. Великий инквизитор стрелой пронеслась меж раскиданных тел демонов и, очутившись возле вампира, пинком оттолкнула его от посиневшего солдата. Грешем охнул и кубарем завалился в снежную насыпь, по его усам текли красные ручейки.

— Ты! Вурдалак! Я не позволю тебе в моём присутствии осквернять усопших!

— Я голоден! Я хочу есть! Для жизни мне нужно питаться кровью, этим парням она уже всё равно ни к чему!

Серэнити как оглохла. Она схватила моего ученика за ворот и, упёршись коленом ему в плечо, занесла руку для удара. Я кинулся на защиту Грешема, но опоздал. Металлическая

перчатка проехала по одутловатому лицу. Прыгнув на великого инквизитора, я повалил её на снег.

— Во имя Вселенной держи себя в руках! — заорал я в самое ухо Серэнити.

Удостоив меня двумя точными ударами локтя по рёбрам, великий инквизитор легко вывернулась из моей хватки. Краем глаза я заметил, как она нацеливает булаву. Ноздри Серэнити раздувались от бешенства. Грешем стоял наготове, обнажив два коротких меча.

— Ну, давай, гадюка белобрысая, ты давно уже собираешься сделать это! — закричал вампир, рванувшись на великого инквизитора.

Эмилия опередила всех. Верно рассчитав момент, она кинула заклинание «Запутывания». Снег под ногами Серэнити и Грешема превратился в клейкую массу. Разгорячённые противники повалились на землю и там намертво прилипли. Выяснить отношения на ножах не получилось. Очень умно, подруга! Но я тоже оказался зажат в твоих силках!

— Я буду держать вас так, пока вы не успокоитесь! Тоже мне! Драку они решили затеять! Поубивайте ещё друг друга!

Великий инквизитор сделала попытку освободиться с помощью булавы. Её оружие описало дугу и шлёпнулось рядом с увязшим сапогом. Зубчики вошли в молочно-салатовую массу да там и остались. Рукоять обратно не выдёргивалась. Грешем рвался, как кабан, попавший в капкан. Дёргаясь туда-сюда, он только сильнее втягивался в заколдованный снег. Не видя иного выхода из сложившейся ситуации, Серэнити подняла руку в знак примирения.

— Обещаю, что не причиню ему вреда.

— Ты уже обещала это перед выездом из Шальха! — крикнул я все в таком же лежачем положении. — Как ты только не поймёшь, что мы здесь все заодно?!

— Он надругался над мёртвым!

— Нет, это называется «ел», и ты знала, с кем идёшь!

Серэнити гневно посмотрела на меня. Её глаза блистали как два алмаза в ночи, но голос стал ровным.

— Всему есть предел, некромант. Я — воин Света и в Соединённом Королевстве несу волю Ураха. Я смирилась с тем, что мне приходится находиться в походе с вампиром, однако сейчас он перешёл границу дозволенного. Будь то друг или враг, я никому не дам попирать устои моей веры! Тело принадлежит Всеотцу и только ему!

— Давайте тогда найдём компромисс, — примиряющее предложила Эмилия. — Грешем при тебе больше не притронется к покойникам, а ты в свою очередь начнёшь учтиво относиться к нему.

— А почему это вы всё решаете без меня?! Как, где и кого мне придётся есть! Почему мне нужно ограничивать себя? Почему я обязан идти на поводу у желаний её Высочества Великого Инквизитора? Чем я хуже неё? Она такой же член отряда, как и я! К тому же я и без того придерживаюсь компромисса, о котором ты говоришь, Эмилия! Путешествуя с Серэнити, я ни разу не соблазнился случайным мужчиной или женщиной, а горячая еда, надо заметить, намного вкуснее!

— Ах, ты еще про горячую еду запел!

Серэнити вновь перекошило от ярости.

— Тише!

Моя подруга предупреждающе вскинула Людвирбинг:

— Грешем, ты не чем не хуже Серэнити... просто вы разные. Ради сохранения мира в наших рядах, я призываю тебя какое-то время есть только из бутылки. Ты меня слышишь?

— Угу.

— Эмилия права, — подумав, согласился я. — Если мы хотим и дальше все вместе следовать к Пику Смерти, нам надо научиться избегать подобных конфликтов. Грешем, я как твой наставник, прошу тебя — не провоцируй Серэнити.

— И вы туда же?

— Дай мне слово, что кроме животных ты никого не тронешь.

— Хорошо.

— Серэнити, тебе этого достаточно?

— Насколько это возможно.

— И ты после этого перестанешь обзывать Грешема.

— Попробую.

— Можно ли надеяться, что ваша грызня не возобновиться, когда я сниму чары? — осведомилась колдунья.

— Да.

— Вполне.

Моя подруга наигранно вздохнула.

— Жаль, ведь действие волшбы продлится до завтрашнего вечера.

— Эмилия!

Я чуть повыше приподнял затёкший затылок:

— Мне такие шутки не нравятся!

— Ой, ну ладно! Не надо так страдальчески закатывать глаза, Калерб, мои подначки не идут ни в какое сравнение с твоими. К тому же щепотка безобидного юмора всегда разряжает накалённую обстановку.

— Это точно, — прокряхтел я.

— То-то же, — согласилась колдунья, возвращая снегу прежнюю консистенцию.

Волшебные путы упали, и мои товарищи сконфуженно задвигали руками и ногами. После этой ночи вид у нас оставлял желать лучшего. Ранее серая, одежда великого инквизитора приобрела пунцовый оттенок. Кровь врагов постепенно высыхала, и Серэнити становилась похожа на пятнистую промокашку. Грешем и Эмилия представляли из себя не менее жалкое зрелище, как, впрочем, и я. Полы моего дырявого плаща развевались на морозном ветру, и теперь я походил на пугало, сбжавшее с фермерской грядки. Прежде чем уходить из рощи, нужно было отдать долг памяти погибшим солдатам королевства. Расположив по указанию Серэнити всех мёртвых людей рядком, мы сложили у их ног оружие, найденное вокруг. Великий инквизитор пошла вдоль скорбной шеренги. Прикасаясь к головам амулетом Ураха, она читала молитвы и закрывала остекленевшие глаза. Завтра воинов похоронят со всеми почестями. Тварей Десницы Девяносто Девяти Спиц мы покидали в недавно горевший костёр. Образовавшуюся мясную кучу я поджёл шаром огня. Жёлтое пламя с удовольствием затрепетало над мохнатыми мордами. Вернувшись на сторожевой пост, я первым делом накормил проснувшегося Снурфа, а Эмилия приласкала обиженного кота, который успел вообразить, что его хозяйка отсутствовала несправедливо долго. Серэнити не стала залезать в телегу вместе с нами, а отправилась к капитану Снорену. Для безопасности все пограничники перешли в одну башню, оставив вторую совершенно пустой. Отыскав два свободных стойла в конюшне, Грешем повёл туда Перчика

и Чесночка. Надувшись из-за того, что мы поддержали Серэнити, вампир отказался идти с нами под кров гарнизона. Он улёгся на прелое сено и заявил, что оставшуюся ночь проведёт вместе с теми, кто не ведётся на поводу у «несправедливой альбиноски». Спорить сейчас с ним было бесполезно, поэтому взяв таракана и кота с собой, мы с Эмилией вошли в освещённую караулку.

Находившийся на посту солдат горячо поблагодарил нас за спасение жизни. Пожав ему руку и поднявшись на второй этаж, я увидел стол, заставленный нехитрой снедью. Снорен и Серэнити сидели посередине. Завидев нас, капитан весело гикнул:

— Вот вас то мы и ждём! А где рыжий господин с двумя мечами?

Я искоса глянул на Серэнити. Не обнаружив Грешема в нашей компании, она даже бровью не повела.

— Он остался на охране, — коротко ответила Эмилия.

— Не думаю, что сегодня кто-то сунется к нам в гости! С нами сама Великий инквизитор! Демоны бегут перед её ликом! Да здравствует Урах! Да здравствует королева Констанция и королева Элизабет! Да здравствует Соединённое Королевство!

Солдаты вторили командиру громкими возгласами. Я сел на маленькую табуретку. Наложив на тарелку телятины и картошки, я с жаром набросился на еду. Кубок возле меня стоял не слишком чистый, но я не стал обращать на это внимание и плеснул в него вина. Терпкое, с явным привкусом спирта, оно обожгло внутренности, и я немного захмелел. Сбрасывая с себя груз дня, я облегчённо вздохнул и вытянул под столом ноги. Снурф, испугавшись большого количества людей, забрался под ближайшую кровать и не хотел показывать носа. А вот Мурчик наоборот, устроился на руках Эмилиии и надменно осматривал горластых вояк кошачьими глазами. Один из солдат протянул руку, чтобы погладить его, после чего был болезненно укушен. Мурчик не такой кот, который позволяет всякому встречному-поперечному чесать ему за ушком, к тому же сейчас он был в плохом настроении, и кусочки телятины с тарелки хозяйки мало сглаживали углы его противного характера. Отужинав, я узнал какую койку можно занять. Завалившись на жёсткий матрац, я сразу же уснул.

Глава 12. Неосмотрительная ставка

Наутро я переоделся в чистую солдатскую форму погибшего повара. Утеплённые штаны с ватной подкладкой коричневого цвета и меховая шинель стали хорошей заменой моему жалкому тряпью. Грешему по размеру подошёл только капральский мундир, расшитый эмблемами львов. В нём он смотрелся очень представительно. Великий инквизитор и колдунья довольствовались лишь парой тулупов из овечьей шерсти. На тонких фигурках девушек все остальное сидело мешковато, и они предпочли не менять шило на мыло. Съев скромный завтрак, состоящий из яиц, хлеба и колбасы, я попросил капитана предоставить мне карту местности. Снорен незамедлительно открыл ящик стола и вытащил туго скрученный рулон. Я развернул его и принялся водить пальцем по плотному пергаменту бумаги.

— На данный момент мы находимся на самой границе между Иль Градо и Плавенем. Если вот здесь вывернуть и двигаться по Торговому Тракту, никуда не сворачивая, то доедем до Гельха дней через пятнадцать, а может и через все двадцать, путь неблизкий.

— Пока мы будем плестись две трети месяца, от королевства уже ничего не

останется, — пробормотал Грешем.

— Верно подмечено, но разве у нас есть крылья, чтобы перемещаться быстрее?

Я глубокомысленно обвёл взглядом собравшуюся компанию.

— Кто что думает?

— Мне кажется, Калерб, что, возможно, есть способ скоротать нашу дорогу, — задумчиво ответила Эмилия, постучав ноготком по карте. — Совсем недалеко от нас течёт Оленья река. В это время года она ещё не успевает застыть полностью. Имей мы корабль, могли бы преодолеть пол Плавеня, а там, через Узел Благополучия, спуститься по Шелковице аж до самых земель Хильда...

Великий инквизитор перебила колдунью:

— Это вздор. Реки зимой становятся слишком узкими для хорошего корабля, а на лодке мы не сможем преодолеть такое расстояние. Одна случайность, и стихия унесёт нас под воду. Это слишком рискованно, а сейчас нам нельзя ставить на кон всё сразу. Ни один здравомыслящий человек не станет сплавляться по Оленьей реке и Шелковице в период формирования ледяной корки. Предлагаю не менять курса, это конечно дольше, но безопаснее.

— Сколько нужно будет плыть до Хильда при самом лучшем раскладе? — спросил я у Эмилии.

— Если никаких приключений не произойдёт, то недели две. Потоки рек слишком быстрые.

— Ты говоришь так, как будто уже делала это когда-то? — нахмурилась Серэнити.

Колдунья улыбнулась уголком губ.

— Это было давно. Я бежала от одного слишком настойчивого человека.

— Мне кажется, или это совсем не скучная история? — рассмеялся я.

— Ничего такого, — сконфузилась Эмилия, натягивая капюшон на лицо. — Некий грубый и самонадеянный «лыщарь» решил, что мне суждено стать его благоверной, и, чтобы охладить его пыл, я, припёртая крайне некрасивыми обстоятельствами к стенке, была вынуждена подмешать ему в бокал парализующего яда. Но вопреки моим ожиданиям могучий «лыщарь» не окостенел, и если вначале, пылая сердцем, он хотел жениться на мне, то вкусив отравы, захотел убить, потому что после выпитого мужчиной остался только внешне.

— Это как? — заинтересовался Грешем.

— Ну, как-как? То, что было ниже пояса, отвалилось, словно гнилая морковка.

Вампир в ужасе посмотрел на колдунью.

— Ведь это неправда? Скажи, что с ним этого не произошло!

— Мы отступаем от темы, — уклончиво ответила Эмилия. — Мне пришлось бежать, и каким-то чудом я оказалась у маленького пирса близ Оленьей реки, где несколько лодок было вытащено на первый снег. Недолго думая, я схватила одну из них и устремилась вниз по протоку и, как видите, ныне сижу перед вами.

Вампиру хотелось знать концовку рассказа.

— А «лыщарь»? Что приключилось с ним?

— Ему повезло меньше. Тяжёлый доспех, сердце полное злобы, и поспешные действия привели его на дно реки.

— Так значит, ты не проплыла и половины пути? — осведомилась Серэнити.

— Нет, но зато знаю, что сделать это вполне осуществимо.

— Смотрите, — я указал пальцем на точку с подписью «Солёная Чешуя». — В одном дне пути отсюда, северо-западнее форта Плавеня, есть маленькое поселение. Оно стоит у самой кромки Оленьей реки. Наверняка у его жителей завалялись пару лишних лодок. Купим несколько.

— Разве у нас остались деньги? — спросил Грешем. — Вы разделили кошелёк на три части, я свою потратил, Эмилия вроде тоже.

— Кто Ральфи давал медяки за пиво? Не помните? Я припасла парочку монет, но их не хватит, чтобы оплатить даже половину лодки, — вздохнула Эмилия. — Кaleb, у тебя есть заначка на чёрный день?

— Ты имеешь в виду с собой или дома? — не понял я.

— Ау, Шаттибраль, проснись.

Колдунья похлопала в ладоши перед моим носом.

— Конечно, дома.

— Ну, в Шато у меня есть кое-какие сбережения, но разве они нам сейчас пригодятся?

— Теперь мне ясно, почему он не замечает очевидных вещей, — странно посмотрев на меня, отметила Серэнити.

— Так продолжается много лет.

Моя подруга отвернулась к стене.

— Эй, о чем это вы?

— Ни о чем!

Великий инквизитор насупилась.

— Я располагаю некой суммой, выделенной мне королевами на непредвиденные расходы, но мне ваша идея не нравится. Я против неё.

— Давайте проголосуем, — предложил я.

Три поднятых руки против одного недовольного лица. Конечно, плыть по рекам боязно, но ехать по дороге слишком долго. Двигаясь по рекам, мы значительно сократим путь, а добравшись до Хильда, возьмём новую телегу и двинем к горам. Как ни жалко нам было расставаться с полюбившимися Чесночком и Перчиком, но пришлось оставить лошадей на пограничной заставе. Напоследок вампир ласково потрепал морды наших хвостатых спутников. Грешем привязался к лошадям, и разлука с ними давалась ему труднее, чем остальным. Сложив все необходимое в большие солдатские мешки, мы около полудня двинулись в сторону Оленьей реки. Прощаясь с нами, капитан Снорен тяжело вздохнул. Он печалился, что надёжные защитники покидают подконтрольные ему башни. Снурф вновь стал мне незаменимым помощником; часть багажа легла на его спину. Таракан этим доволен не был. Сейчас, разгребая лапами снег, он досадливо шипел. Извилистая дорога не находила постоянства и уходила то вверх, то вниз. Опираясь на Ночь Всех Усопших как на простую палку, я мерно шагал, оставляя отпечатки на тропе, покрытой инеем. Больше всех на то, что поход стал пешим, злился кот. Морща розовый нос, он осторожно ступал на укрытую снежным саваном землю. Чтобы подбодрить Мурчика, Эмилия часто брала его на руки. Снурф, видя такую несправедливость, старался всем видом показать, как он на меня сердит. Почему кот ничего не тащит и сидит у колдуньи на руках, а он волочит мой мешок?! Я нагнал стрекочущего таракана и, схватив за бронированную ножку, побудил его остановиться.

— Я не могу никому кроме тебя доверить нести мою сумку, — постарался я объяснить Снурфу его важность. — Ты меня очень выручаешь. Без тебя мне было бы гораздо сложнее

преодолевать все препятствия! Ты — настоящий помощник! Самый лучший из всех известных мне тараканов! Пожалуйста, не дуйся на меня, я без тебя не справлюсь.

Снурф недоверчиво пощупал усиками мои руки. Маленькие глазки-бусинки таракана остановились на наглой полосатой морде Мурчика. Кот выглядывал из-за спины удаляющейся Эмилии. Смешно свесив задние лапки, он, увидев, что мы на него смотрим, задорно помахал нам хвостиком.

— Мехофой Мефок!

— Не обращай внимания! Он специально провоцирует тебя! К тому же, разве вы — не друзья?

Глядя на Снурфа, я усомнился в заданном мною вопросе. В данный момент таракан явно не испытывал дружеских чувств к своему полосатому приятелю. Вздохнув, я отстегнул походную сумку от панциря фамильяра. Повесив котомку себе через плечо, я укоризненно покачал головой, показывая как теперь тяжело мне будет идти. Таракан прижался к моей ноге. Усики затрепетали. Он благодарно дрожал, слегка издавая звуки, похожие на закипание чайника. Ну разве кто-то мог бы устоять перед таким? Я обнял Снурфа, а затем подтолкнул его вперёд, показывая, что нужно догонять опередивших нас друзей. По пути мы повстречали несколько обозов, вереницу паломников и какого-то вельможу, проехавшего с десятком рыцарей, а больше никого. Тишина, да белый снег, хлопьями ложившийся на волосы и плечи. Природа замерла в настороженном ожидании чего-то страшного. Видимая умиротворённость не вязалась с ощущением обречённости. Минуло полдня с того момента, как мы вышли из сторожевых башен. Солнце плавно садилось за горизонт. Его лучики мягко струились в опускающейся темноте. Добравшись до развилки, мы свернули влево, на тропу, уходившую к началу придорожного леса, который раскинулся голыми стволами, покуда хватало глаз. Грешем шёл первым, а мы тянулись за ним, маленькой вереницей ступая в его глубокие снежные следы. Забредя в сердцевину чащи, я призвал шарики света и, сверившись с картой Снорена, понял, что не могу соотнести местность с тем, что на ней нарисовано. Мы заблудились.

— Что, значит, ты не знаешь, куда идти? — рассердилась Серэнити.

— Тут все белым-бело, дороги больше не видно, — неуверенно попытался оправдаться я. — Наверное, если продолжать двигаться на восток, то лес скоро закончится, и мы выйдем, куда собирались.

— Дай посмотрю, — рявкнула Великий инквизитор, вырывая у меня из рук карту. Она повертела её так и эдак, а потом засунула в сумку. На мой вопросительный взгляд, Серэнити ответила:

— Из-за тебя толку от неё — ноль.

Делать было нечего, и мы продолжили пробираться по сумрачному лесу. Однообразие пейзажа и безмолвие действовали на меня благотворно. Сами собой мысли унесли меня к чему-то светлому. Топая практически машинально, я поглядывал на чистое небо. Проступающие звёзды постепенно складывались в созвездия. Я знал их все. Весы, Дракон, Купол, Кабан и другие. Когда все небеса покрылись узорами, мы решили устроиться на ночлег. Наскоро разбив у могучей сосны лагерь, каждый из нас занялся чем-то своим. Я разжёг костёр, а Эмилия вскипятила в котелке воду.

Наша компания села над пламенем плотным кружком и принялась греть заиндеветшие руки и носы. После длительного зимнего перехода горячий чай пришёлся очень кстати. Поговорив о том, о сём, мы все, кроме Мурчика, улеглись спать. Ему выпала честь нести

вахту в самом начале ночи. Засыпая, я увидел зелёные глаза кота, зорко осматривающие лес с ветки высокого дерева.

Казалось, я не проспал и секунды, а мягкие кошачьи лапы уже трогали моё лицо. Мокрый язык лизнул щёку, пришлось вставать, я дежурил вторым. Почесав Мурчика за подбородком, я завернулся в тёплое одеяло и сел у тлеющих остатков вечернего костра. Луна жёлтым блином смотрела через серые облака. Лёгкий снег падал на свернувшихся калачиком людей, маскируя их под заснеженные камни. Я стал рассматривать спящих. Толстая, отёчная физиономия Грешема, увенчанная спутанной рыжей бородой, мирно храпела — усы слегка подёргивались в такт вдыхаемому воздуху. Одна рука вампира была закинута под голову, а вторая лежала на коротком мече. Нелёгкая жизнь моего ученика научила его всегда быть готовым к опасности. Великий инквизитор, скрестив руки на груди, лежала чуть поодаль. Спокойное выражение лица делало её похожей на восковую куклу. На белой коже опадающий снег оставлял маленькие капельки воды, казалось, Серэнити была выточена из необыкновенного дерева. Совсем юная на вид, а сколько ей лет? Я не знал. Могло быть много. Магия Света значительно продлевала жизни Великих инквизиторов, однако при этом не делала их бессмертными. Прямо под боком Серэнити, откинув капюшон, сжалась Эмилия. Ко мне она была повёрнута частью головы, не повреждённой скверной Десницы Девяносто Девяти Спиц. Простая женская красота в своём самом естественном виде. Несомненно, колдунья была прекрасна. Многие мужчины, в том числе и наш друг Бертран Валуа, пали под чарами Эмилии, пытаюсь доказать, насколько сильна их любовь. Как же вернуть тебе былое благообразие? Я читал книги о могущественных заклятиях, обращающих мальчишек в глубоких старцев, но нигде мне не встречалось упоминаний о том, как их снять. Вероятно, может помочь магия Света, но у Серэнити не получилось вернуть её лицу молодость. Есть ли чары сильнее, чем у Великого инквизитора? Уверен, что есть, и я буду их искать. Мне многое пришлось пережить с Эмилией. Она никогда не унывала, а сейчас... Я обязательно что-нибудь придумаю! Обязательно!

Минута к минуте, час к часу, за неспешными размышлениями глаза слипались, но я не давал себе возможности потерять бдительность. Повсюду подстерегали неприятности. Малейшая оплошность, и цепкие лапы смерти сомкнутся на незащищённом горле. Десница Девяносто Девяти Спиц проникала в наш мир, подобно тонким щупальцам осьминога. Она выискивала слабые места, а потом набрасывалась стальными когтями, не зная жалости. Вечера я стал свидетелем нечестивого обряда. Людей приносили в жертву, предлагая кровь пламени, и если бы не счастливый случай, приведший нас вовремя, то демонический портал выпустил бы отвратительных тварей, таящихся в нём. Сколько червоточин уже открылось по всему королевству? Десять? Двадцать? А сколько ещё откроется? Нет ничего удивительно в том, что на дорогах так мало людей. Все, кто мог, скорее всего, давно спрятались под стены больших городов, а кто не успел, тот просто погиб. Песчинки драгоценных секунд уходят сквозь пальцы, они играют против нас. Успеем ли мы дойти до Эмириуса Клайна раньше, чем Десница Девяносто Девяти Спиц повергнет Соединённое Королевство в руины. Обратив взгляд на мерцающие угли, я глубоко вздохнул. Нельзя отчаиваться. Надо идти вперёд, неся надежду в сердце. Вселенная избрала меня, и я справлюсь. Нет ничего невозможного, нужно только захотеть. Время не выбирает момент, когда должна прийти беда, так и герои следуют по пути своей судьбы. Я спасу мир и стану легендой, о которой никто и никогда не узнает.

Я встал и, заставляя согреться затёкшие ноги, навернул пару кругов вокруг лагеря.

Склонившись над Грешемом, я аккуратно толкнул рыжего здоровяка. Мясистая рука инстинктивно сжала рукоять меча. Один глаз приоткрылся и, узнав меня, закрылся обратно. Вампир потянулся и сонно зевнул. Моё бдение подошло к концу, я лёг на нагретое тепло Грешема одеяло, укрылся сверху своим, а после отдался бессвязному потоку сновидений. Ночь прошла без неожиданностей. Проснувшись, я убедился, что все, кроме меня, уже на ногах. Протерев слипшиеся веки чистым снегом, я сел к костру возле Эмилии. Толкнув меня локтем под ребро, моя подруга проговорила в полголоса:

— Его развёл Грешем и не с помощью камня, а сам, магией.

Я удивлённо уставился на своего ученика, точившего мечи о маленький плоский камень. До сегодняшнего дня у вампира ещё ни разу не возникало желание разжечь огонь, используя колдовство, и тут — на тебе. Молодец! Значит, я не зря взялся его учить своему ремеслу. Подумав над этим, я тут же разозлился. Сотворить искру может каждый, даже самый захудалый подмастерье, а в Грешеме я чувствовал талант, но, по всей видимости, он не спешил его развивать. Опираясь на мою поддержку, у вампира получают вполне сносные заклинания. Однако стоит ему только взяться сплетать нити энергии без моей помощи, как сразу всё идёт наперекосяк.

— Грешем, мне птичка напела, что ты обуздал власть над огнём.

Застенчивая улыбка озарила лицо вампира.

— Я долго думал над тем, что вы мне сказали в прошлый раз.

— И что я сказал?

— Ну, что вы не будете заниматься моим обучением, пока я не выкину из головы всё лишнее. И, знаете, меня это задело. Я стал упражняться по ночам. Магия даётся мне медленно, это факт, но я не терял надежды и был настойчив. Сегодня, достигнув поставленной цели, я окончательно уверился в том, что любая спешка вредит моим результатам. Мне надо было оттачивать заклинание, как эти клинки, а вместо этого я пасовал и боялся.

— Ты справился, и я тебя хвалю, однако вместе с тем и ругаю. С твоими мозгами ты к этому выводу должен был прийти намного раньше.

— Так как я — вампир, моё мышление, как в принципе и жизнь, несколько отличается от того, к чему привык человек. У меня был некий запас времени, и я его использовал, чтобы осмыслить свои желания.

— Чего же ты желаешь?

— Чтобы вы учили меня дальше, но не делали это урывками. Мне нужно постоянство.

— Вы посмотрите, каков гусь лапчатый! — вскричал я. — Подожди три секундочки, я сейчас только доску наколдую и мелки разноцветные.

— И не забудь ещё парту, пергамент и перо, — расхохоталась Эмилия. — Кaleb, он же прав. Если показывать магические фокусы от случая к случаю, а объяснять их и того реже, то ученик ничему не научится.

— Ой, только не надо мне тут рассказывать о том, как мне преподносить свои знания подрастающему поколению! Он ленив! Да, ленив! Пусть его речи не обманывают вас! Сколько раз я показывал ему что-то, а он мух считал! Да я в его годы уже в магических поединках участвовал, а ведь меня никто и ничему не учил! Я сам до всего додумался и дознался!

— Не надо сравнивать себя и меня, недолговечного человека и вечного вампира, — насупил Грешем. — Не обрети вы бессмертие, то к моим летам вы бы уже обратились в

прах. Вами двигало стремление выжить, а меня направляет познание нового.

Я ухмыльнулся.

— Заковыристо, но принимается. Ты меня убедил. Как вернёмся в Шато, я тебе спуска не дам.

— От этого посула веет чем-то по-настоящему учительским, — улыbnулась моя подруга. — Кстати, Грешем, а как ты стал вампиром? Эту историю я ещё не слышала.

Мой ученик пожевал рыжие усы.

— Это сложный вопрос. Знаю точно, что родился я человеком. Меня подкинули под крыльцо двум дряхлым старикам, живущим на опушке Леса Скорби. По счастливой случайности они забрали меня и воспитывали как собственного сына. Своих детей у них не было. До десяти лет я рос как обычный мальчик, помогал по хозяйству, кушал кашу, пил молоко... Но вот после, в одну из тёмных безлунных ночей, я проснулся от ужасного кошмара. Мне приснилось, что я стал летучей мышью и закусал своих родителей. Поднявшись с кровати, я поспешил рассказать старикам о своём сновидении. Я зашёл в их комнату и как подкошенный упал на пол. Они были мертвы. Шеи разодраны. Везде кровавые лужи. Ничего не понимая, я схватился за голову руками. Волосы клеились к пальцам. Я поднёс кисти рук глазам и увидел, что они алые, а ногти сильно заострились. Дотронувшись до рта, я обнаружил два выпирающих клыка. Я убежал из дома прямо в ночной рубашке и больше никогда не возвращался обратно.

Серэнити внимательно посмотрела на Грешема.

— Разве так бывает? Насколько мне известно, вампиром нельзя стать за одну ночь, должен пройти определённый временной период, за который тело перестраивается и принимает иную форму.

— Знаю, что это невероятно, но я не вру. Я засыпал человеком, а проснулся уже не им.

— Странно, — протянула Великий инквизитор, поджимая губки.

Кивая в такт растяжным словам Серэнити, я решил пролить немного света на загадочную природу вампиров.

— Случай и правда специфичный. Однако такое вполне могло произойти, если у Грешема когда-то в роду водились вампиры. Признаки вампиризма могут фантомно проявиться спустя многие поколения. До поры они спят, но стоит чему-то потревожить их, и — бац, начинают лезть клыки. Возможно, перед злополучной ночью Грешем испытал сильный стресс или переволновался, никто в точности не скажет, что ведёт к такому стечению обстоятельств. Атавизм — вещь загадочная.

Великий инквизитор хищно улыbnулась.

— А ты мог бы пригодиться нашему Ордену. В тебе полно знаний о тёмных началах, которые можно было бы использовать для противостояния, таким, как ты. Не хочешь после завершения похода навестить радушную Обитель Света? Расскажешь, как выявить будущего вампира или скрытого некроманта. Вооружённые твоими сведениями мы добьёмся значительных успехов в борьбе с прихвостнями зла.

— Да?

— Не волнуйся, оплата будет достойная. Я даже распорядюсь, чтобы тебя угостили чаем и печеньем с шоколадной крошкой.

— Звучит заманчиво, но я, пожалуй, откажусь. Ведь любезные инквизиторы могут случайно позабыть, с какой целью я пришёл, и подать мне кипяток через воронку, а печенье на раскалённой лопате.

— Ты говоришь о пытке водой и истязании калёным железом? — догадалась Эмилия.

В первый раз при мне Серэнити залиvisto расхохоталась.

— Не очень-то и смешно, если ты имела в виду именно это, — насупилась моя подруга.

— Ничего подобного, это лишь ваши глупые предположения, — отсмеявшись, уверила великий инквизитор. Однако её глаза сузились, и мне стало не по себе.

Напившись чаю и перекусив кусочками вяленого мяса, мы закинули на плечи походные мешки и двинулись дальше — искать выход к Оленьей реке. Лес то редел, то становился густым, ноги по колено утопали в нетронutom снегу, заметно осложняя передвижение. Через несколько часов ходьбы промокшие носки противно зачавкали в сапогах. Не люблю, когда так происходит. Удручённо вздохнув, я остановился, чтобы пошевелить похолодевшими пальцами ступней. Вдруг совсем рядом промелькнуло рыжее пятно. Нагнув голову, я взгляделся за переплетение спутанных веток. Пушистый хвост подрагивал, красавица-лисичка охотилась. Высоко подпрыгивая, она окуналась в сугробы, пытаясь добраться до кроличьих норок. Не смея мешать её важному занятию, я побрёл за удаляющимися друзьями. К концу дня мы ступили на довольно крутой склон, с которого стало видно то, что нам так хотелось найти. Обменявшись торжествующими взглядами, наша компания, держась для надёжности за руки, спустилась к Оленьей реке. Идя следом за Эмилией, до этого расслабленная Серэнити резко затормозила. Ткнув меня рукой в плечо, она указала на проход в неприглядную лощину.

— Это там.

— Что — там? — не понял я.

Ответом великий инквизитор меня не удостоила, зато свернула с пути и зашагала в сторону этого загадочного «там». Пришлось отправиться за ней. Ступая по заледеневшему уклону, я нащупал под слоем снега ступеньку. Одна, вторая, третья! Здесь точно есть лестница! Гуськом мы сошли в хитроумно спрятанную полянку, и тут я обомлел. Передо мной лежали развалины массивного сооружения, похожего на круг. Серые колонны наполовину утопали в голубом льду. Неужели это Великое Людское Окно Перехода, о котором говорила Серэнити? В сумерках переливчато блестела застывшая вода замёрзшего подземного источника. Вероятно, некогда он был настолько тёплым, что мог сопротивляться зимней стуже. Превратившись в застывший ледяной столб, его струя невысоко поднималась над обломком краеугольной плиты. Трогая камни, я чувствовал, как во мне перешёптываются отголоски древней магии. Находясь под впечатлением от увиденного, мы задумчиво разошлись по руинам легендарных врат, ведущих в иные миры. Когда я приблизился к одной из прекрасно сохранившихся арок, в моей груди поднялось необъяснимое волнение. На её обсидиановой структуре проглядывались потускневшие символы. Призвав шарик света, я направил его лучи на идеально отполированную поверхность свода. За всю мою жизнь мне ещё не доводилось видеть подобных знаков. Они не принадлежали к пространному алфавиту Хрипехора, хоть и были похожи на него. Я потеревил пуговицу на воротнике. С чего бы начать расшифровку? Мне нужно хотя бы одна знакомая закорючка!

— Не у каждого мага есть столь обаятельный нос! Ты его наколдовал, или он сам такой вырос?

Мягкий голос прозвучал прямо за мной. На дрогнувших от неожиданности ногах я повернулся, чтобы отразить нападение неизвестного врага. В нескольких футах от меня, на одной из поваленных колон грациозно сидела удивительной красоты девушка. Её копна

тёмно-зелёных волос волной ниспадала за спину. Сообразив, что она не имеет на себе никакой одежды, кроме трёх тонких полосок коричневой кожи, закрывающих самые главные женские места, я поспешно отвёл взгляд. Между тем боковое зрение сообщило мне о намереньях друзей. Как призраки, они бесшумно скользили мне на выручку. Девушка добродушно рассмеялась, продемонстрировав белейшие жемчужные зубы.

— Мне не нужно вас видеть, чтобы знать, где вы находитесь, — не поворачивая головы, промурлыкала красotka. Её синие глаза на мгновение вспыхнули магическим светом.

— Меня зовут Нифиль. Я здесь хозяйка, и, если вы пришли с миром, то оружие вам не понадобится, опустите его.

— Рады познакомиться, Нифиль, меня зовут Калев. Как ты узнала, что я маг?

Улыбка озарила лицо девушки.

— Я многое знаю и, возможно, знаю кое-что, способное помочь вам в путешествии.

— О чем это ты говоришь, дриада? — спросила Серэнити, сверля взглядом прекрасное создание. Её рука сжимала булаву.

— Вы идёте к владениям Тьмы, туда, где старый вампир нашёл свой покой. Я прочитала это в вашем дыхании, когда вы спали сегодня ночью.

Эмилия, кажется, совсем не удивилась внезапному появлению дриады.

— И в чем же может заключаться твоя помощь?

— Вы хотите пренебречь своими жизнями и во что бы то ни стало добраться до огромного человеческого города. Знайте, что плыть по рекам придётся очень долго, и опасности течений могут перечеркнуть все ваши надежды. Но не отчаивайтесь. Есть другой путь, лёгкий и быстрый, который знаю только я.

— Как я понимаю, вот тут и кроется какой-то подвох? — вздохнул я.

— Услуга за услугу, — подмигнула дриада, перекидывая тяжёлую прядь зелёных волос за шею. — Я показываю скорую дорогу до вашей цели, а вы за это заберёте для меня одну вещь, которая до недавнего времени принадлежала мне.

— Что-то ты темнишь, Нифиль! Что это за вещь? Почему она больше не у тебя, и откуда мы знаем, что тебе вообще можно верить? Где гарантии, что ты нас не обманешь? — обрушилась с вопросами Великий инквизитор.

— Ох, это такая грустная история! Правда-правда! Вот послушайте! Совсем недалеко отсюда живёт мой давний сосед — большущий огр с двумя головами. Частенько, чтобы скоротать обоюдную скуку, мы играем с ним в карты, и вот перед самой зимой он ободрал меня, как липку, и не дал отыграться! Я потеряла свою самую большую ценность, Красный Камень, который грел мой источник! Круглый год вода оставалась тёплой, и я плескалась, радуясь вечному танцу жизни! Но теперь несговорчивый огр не хочет отдавать мне мой камень, он говорит, что если я хочу получить его обратно, то должна с ним обручиться! А я не такая! Я не могу выходить замуж с бухты-барахты! Ставить меня перед фактом было очень некрасиво с его стороны! Ему нужно было заранее оповестить меня о своих намереньях и дать мне время подумать! А он? Ну кто так поступает?

Нифиль грустно вздохнула и умоляюще посмотрела на моего ученика, который сразу заёрзал.

— Вы же не бросите девушку в беде? С приходом холодов я стала мёрзнуть и страдать. Помогите мне, и я обещаю вам, что покажу кратчайший путь до земель с гербом сокола.

— Не поддавайся её чарам, вампир, — рявкнула Серэнити, видя, как Грешем уже открыл рот, чтобы уведомить дриаду о своей готовности решить её проблему. Нифиль

печально перевела взгляд синих глаз на Великого инквизитора.

— Я знаю, что ты привыкла никому не доверять, но мне нет нужды лгать вам. Вернее, не так. Я не умею этого делать.

Нифиль сложила руки на коленях и опустила подбородок на грудь.

— До меня долетают обрывки ваших сиюминутных желаний. Они яркие и чистые. Твоё, колдунья...

Эмилия испуганно дёрнулась вперёд.

— Нет!

— Хорошо, — понимающе кивнула дриада. — Тогда твоё, маг? Ты хочешь узнать о моём доме, о портале, что когда-то сиял здесь. Я расскажу тебе о нём всё, что смогу, только молю, принеси мне мой камень!

Переглянувшись с друзьями, я улыбнулся прекрасной дриаде.

— В самом деле? Это становится интересным. Дай нам пару минут посоветоваться.

Поджав ноги под себя, Нифиль согласно тряхнула головой. Став тесным кружком так, чтобы нас не слышали красивые ушки, мы зашущукались. Предложение, сделанное дриадой, было заманчиво, и всего два минуса отчётливо маячили в этой ситуации. Первый. Огры — исключительно сильные создания. Наделённые большой сопротивляемостью к магии и имея толстую практически непробиваемую кожу, они являются серьёзными противниками в любом сражении. От природы больше подверженные влиянию зла, огры, однако не чужды и добру, поэтому у нас имелся шанс решить дело мирным путём. Второй заковыркой была сама Нифиль. Что помешает ей надуть нас, после того как она получит свой камень? Дриады создания — исключительно редкие, и описание их нравов разнится. Из-за скудности информации предугадать исход событий не получится. Впрочем, у всех, кроме Великого инквизитора, Нифиль вызывала симпатию. Искренность, с которой она поведала о своём горе, тронула наши сердца, и чаша весов склонилась в её пользу. Мы рассудили, что овчинка может стоить выделки. Если звезды сложатся удачно, то мы прихлопнем сразу двух зайцев: вернём дриаде утраченное счастье и обзаведёмся важными сведениями.

Повернувшись к Нифиль, я сообщил ей наш ответ:

— Мы постараемся выполнить твою просьбу.

— Ура, ура! Я так надеялась на это! Огра зовут Брубор. Чтобы добраться до его дома, надо подняться из лощины, свернуть направо и следовать до большущего дерева, после которого идти останется совсем чуть-чуть.

Дриада сложила ладошки вместе.

— Только прошу вас, не обижайте его! Он хороший! Просто заберите мой Красный Камень и возвращайтесь обратно, я буду ждать вас!

Послав воздушный поцелуй, Нифиль лёгкой дымкой растворилась в воздухе. Что это за магия? Я тоже хочу научиться так делать! Хоп — и тебя нет! Удобно!

Взобравшись по скользким ступенькам наверх, мы воспользовались инструкцией дриады. Достаточно быстро найдя разлапистую здоровенную ель, наша компания стала пробираться через спутанные ветки. Миновав колючее препятствие, мы оказались перед каменным домом. Вытесанный из цельного куска гранита, он имел слегка отталкивающий вид. В единственном окне горел свет. На двери я не обнаружил ни звонка, ни колотушки. Как гости должны заявить о себе? Не продумано! Я постучал посохом в основание замочной скважины. Никто не открыл. Может, огр не расслышал? Я заколотил сильнее, и посыпавшиеся искры снопом обдали мои сапоги. Тишина.

— Мне кажется, что он немного глуховат. Давайте вместе?

Забарабанив, что есть мочи, мы, наконец, услышали глубокий голос.

— Никого нет дома, уходите!

— Раз никого нет, то кто тогда говорит? — спросила Эмилия, подавляя улыбку.

— Никто не говорит!

— Нам нужно увидеть господина Брубора. Он дома?

— Говорят же, нет его!

— Ну раз его нет, то он и не узнает о том, что Нифиль думает на счёт их свадьбы! — отозвался находчивый Грешем.

Молчание. Практически отчаявшись услышать ответ, я вдруг различил щелчок засова. Дверь приоткрылась, приглашая нас войти. Держа руки на оружии, мы зашли в ярко освещённую комнату. Прямо под стать своему хозяину все предметы вокруг были в разы больше обычных. Брубор был одет в синие домашние штаны и вязаную бордовую кофту. Его левая голова имела один глаз, а правая два. Огр уселся на исполинский стул и продолжил заниматься тем, чем занимался до нашего прихода — выпиливанием деревянного единорога. В такт его движениям по рукам катались бугорки мышц. Отличная физическая форма с лихвой компенсировала нехватку интеллекта.

— Вас много! Кто будет говорить? Пускай говорит один! Когда много, я теряюсь.

Брубор остановил взгляд фиолетовых глаз на Снурфе:

— Я не люблю тараканов! Они едят мой хлеб!

Две головы говорили по очереди, когда замолкала одна, начинала говорить другая. Я улыбнулся гиганту.

— Говорить буду я. Меня зовут Калерб. Не обращай внимание на таракана, он очень хорошо воспитан и есть ничего не будет.

Огр недоверчиво скривил губы.

— Кто-то сказал, что Нифиль хочет свадьбу! Я согласен!

Я покачал головой.

— Немножко не так. Она думает о свадьбе, но с каждым днём её уверенность в тебе тает, ещё немного, и ты перестанешь ей нравиться.

— Почему так? Говори — почему?

— Это же очевидно! Ты не даришь ей подарков! Не носишь цветов! Не посылаешь конфет! Где твои ухаживания?

— Ухаживания?

— Да, забота и внимание! Где они? Всё очень плохо!

— Прямо всё?

Я почувствовал, как огр заглывает наживку.

— Ну, не совсем. Есть один сувенир, которым ты сможет вернуть себе расположение Нифиль.

— Говори, какой!

— Сушья безделица. Красный Камень, который она проиграла тебе в карты. Отдай его Нифиль, и всё станет очень хорошо!

Брубор поскрёб незаконченным единорогом макушку одной из голов.

— Нет, камень останется у меня пока Нифиль не станет моей женой! Я так сказал ей! Вначале она жена, потом камень!

— Но камень нужен ей, чтобы не замёрзнуть! Посмотри, как холодно на улице! Зима!

Дриада вся продрогла! Её источник превратился в лёд! — печально проговорил я, стараясь надавить огру на жалость.

— Я говорил ей! Может жить в каменном доме! У меня тепло! Когда свадьба?

— Нету камня — нету свадьбы!

Показав толстые корешки зубов, огр угрожающе запыхтел.

— Брубор думает, что ты его дуришь, маленький человек! Я не отдам тебе камня просто так!

— Постой, а что если мы сыграем с тобой в карты? Ты поставишь камень.

Было видно, что Брубор заинтересовался.

— Тогда ты что поставишь?

— А что ты хочешь?

Огр поводил глазами, похожими на фиолетовые блюдца.

— Я хочу кота! Брубор любит котов! Жил когда-то у Брубора кот! Таракана не надо! Ставь кота!

Когда я повернулся к Эмилиии, её взгляд говорил мне: «Ни за что на свете». Карточная игра священна для всех существ живущих на земле, злой ты или добрый, проигрался — отдавай долг.

— Я не подведу.

— Если ты опростоволосишься, и Мурчик останется в этом доме, то я убью тебя, Шаттибраль!

— Что вы там обсуждаете? Играем? У Брубора есть колода карт!

— Играем! Доставай свою колоду.

Взобравшись вместе с друзьями на огромный стул, я протянул огру руку, дабы скрепить наш уговор. Навстречу мне выпятились два пальца, которые я сразу пожал. Брубор достал из синих штанов потёртую колоду, после чего перемешал и раздал каждому по шесть карт.

— Играем в дурачка! — объявил огр.

— В подкидного?

— Что?

— Значит, в обычного. Понеслась!

Карты были более чем внушительных размеров. Я не мог держать их в руках, поэтому оставил лежать на столе, предварительно посмотрев, что мне досталось. Две красные шестёрки, тёмный принц Вельдза и два солдата с алебардами были сомнительной силой в предстоящей игре, но последняя карта с изображением короля Плавеня являлась самой значимой, что вселяло некую надежду. Начал огр. Он кинул мне десятку, которую я побил принцем Вельдза. Сняли по карте. Теперь я обрушил на противника сразу две шестёрки, которые были успешно отбиты близнецами-магами Хильда. Во время партии везло то мне, то Брубору, однако, когда подошёл заключительный момент сражения, у огра имелось явное преимущество. Я с треском проиграл, не побив его тройку козырей.

— Вот это хорошо! Теперь кот мой! Кыс-кыс-кыс!

Брубор попытался схватить Мурчика, но тот тяпнул его за палец и скрылся под столом.

— Ничего! У Брубора хорошо! Вкусно кормить рыбой! Как его зовут?

— Его зовут «Дай мне шанс отыграться!», — поспешил ответить я, стараясь не смотреть на Эмилию.

— Какое странное имя для кота? Я буду называть его Ёжиком! Так лучше! Кыс-кыс-кыс!

— Дай мне шанс, удвоим ставки! — взмолился я.

— А что у тебя есть ещё?

— Все, что есть в моей сумке, будет твоё!

Я кинул свою котомку на стол. Вначале огр с любопытством обнюхал её, а потом осторожно посмотрел одним глазом вовнутрь. Чихнув, Брубор отпихнул предложенную ставку.

— Нет, это мне не нужно! Поставь вот это!

— Что — вот это?

Брубор ткнул пальцем на Серэнити.

— Ну вот её! Правда она не такая красивая, как Нифиль, но и не такая страшная, как та рыжая женщина, — огр указал на Грешема.

Если бы положение не было столь отчаянным, то я бы от души посмеялся над тем, что вампира приняли за толстую бородатую даму. Я осторожно посмотрел на великого инквизитора, скривившись та кивнула. Получив сильный тычок под ребра от Эмилии, мы вновь пожали руки. Со стороны Брубора на кону Мурчик и Красный Камень, а с моей Серэнити. Равнозначная игра?

Теперь карты сдавал я. Мешать колоду было похоже на переключивания стопок книг из кучки в кучку. Не так-то и легко! Покончив с этим муторным занятием, я раздал по шесть потёртых картонок. В этот раз мне повезло намного больше. С самого старта я обладал недурным раскладом. Засыпая Брубора семёрками, восьмёрками и десятками, я принуждал его каждый раз снимать мелочь, а сам брал принцев, башни и королей. В конце концов я победил огра, оставив ему на погоны две королевы.

— Давай камень, как договаривались.

Я протянул руку в ожидании законного выигрыша, но Брубор не спешил расставаться с сокровищем Нифиль. Две головы начали спорить между собой на лающем языке. Сейчас казалось, что огр вмещает в себя сразу два совершенно разных существа. Наконец, выяснив отношения, головы повернулись ко мне.

— Дай теперь Брубору отыгаться, маленький человек.

Я не собирался играть с огром ещё раз, но ради интереса спросил, что он поставит на кон, если я дам ему такую возможность.

— У Брубора есть много, чего! Выбирай!

Огр заметался по дому, выкладывая свои ценности на стол. Расчёска с обломанными зубчиками, кости рыбин, катушки ниток размером с бочку, столовые приборы грубой работы, занятая рамка от зеркала, верёвка, помятый щит, морские ракушки, деревянная дудочка, фаянсовая кружка с ветвистой геральдикой Вельдза и даже кусок коричневого мыла. Всё это водрузилось немалой горой перед моим носом. Я хотел было вежливо отказаться от игры, даже все вместе эти вещи не могли тягаться с Мурчиком, но Серэнити дёрнула меня за рукав.

— Ты должен сыграть, — без обиняков заявила она.

Я непонимающе уставился на великого инквизитора, соображая, когда она успела удариться головой, чтобы предлагать такую глупость. Видя моё непонимание, Серэнити провела рукой по измятому щиту.

— Это стоит того. Объясню позже.

— Ну! Играем? Я хочу отыграть Ёжика! Мне нравятся коты!

— Последний раз!

Я коснулся великого инквизитора.

— Ставлю её, против этого старого щита!

— Нет! Брубор хочет, чтобы ты поставил кота!

— Либо она, либо не играем вообще!

Огр выглядел рассерженным, но все же протянул два пальца, которые я потряс двумя руками.

— Я сдаю! Кот лучше, но Брубору нужна жена! Стирать, убирать, гладить, а Брубор за это защищать! Всё по-честному! Я не обманываю!

Невольно я представил, как Серэнити готовит огру обед, а потом подметает и моет пол. Картина в моём воображении заставила меня улыбнуться. А что? Из них бы вышла отличная пара! Великий инквизитор Иль Градо и лесной огр! Идиллия!

— Что показываешь зубы? Хорошие карты достались? — боязливо спросил Брубор.

— Не такие, как хотелось бы! Раз ты был дурачком в тот раз, то я захожу первым!

Партия разыгрывалась сложно. У меня были неплохие карты, но мало козырей, а у огра наоборот одна чепуха, но крупные старшей масти. Фортуна баловала нас попеременно. В середине игры я не выдержал атаки огра и снял сразу пять карт. По очереди поднимая рубашки потёртых картонок, я выстраивал тактику, которая должна была привести меня к победе. Конечно, положение у Брубора было куда лучше, но перевес в мозгах по-прежнему оставался на моей стороне. Сделав несколько обманчивых ходов, я заставил огра поверить, что у меня закончились сильные карты. Это побудило его расслабиться и скинуть мне парочку козырей. С этого момента партия приняла совсем другой оборот. Теперь уже Брубор брал выдвигаемые мною изображения девяток и презрительно глядящих королей. В самом финале игры я придвинул к огру сразу четырёх принцев королевства и таким образом подвёл итог всего карточного поединка! Отчаянное выражение лиц двухголового гиганта заставило меня испытать жалость. Я сам мог оказаться на его месте и потерять тех, кем дорожу. Слезы брызнули из глаз огра большими каплями. Заплакав, он достал из кармана маленький красный камешек и бросил его мне. Ладони обожгло так, как будто я схватил раскалённый уголёк. Поспешно замотав камень в полу куртки, я прижал его к себе. Ох, как горячо! Серэнити взяла щит в левую руку и коротко кивнула.

— Нам было очень приятно навестить тебя, Брубор!

— Отняли всё и сделали меня несчастным! Теперь Брубору никогда не женится на Нифиль! Уходите! Навсегда!

Разразившись новым потоком слёз, огр обхватил головы руками и уткнулся в стол. Солёные капли падали на столешницу, а оттуда на пол. Мы вышли и тихо прикрыли за собой дверь. Жалостные всхлипы могли ранить даже самое чёрное сердце, не говоря уже о моём. Я чувствовал себя вором, укравшим надежду на светлое будущее. Может после того, как мы вернём Нифиль камень, она снова его проиграет, и Брубор получит ещё один шанс позвать её под венец? Вселенная уравнивает жизнь и подчас даёт изменить всё к лучшему. Мне бы хотелось, чтобы судьба вновь привела дриаду в дом её глупого, но доброго соседа.

— Что это за щит такой, который мог стоять твоего незапланированного замужества с Брубором, Серэнити? — поинтересовался я.

Великий инквизитор пропустила колкость мимо ушей. Рассматривая вмятины на овальной, не имеющей герба, поверхности, она любовно водила пальцами вдоль померкнувшей серебристой окантовки. Голубые и бирюзовые прожилки испещрили полотно у самой ручки. Почему мне кажется, что я уже где-то видел такой щит?

— Это не просто щит. Он принадлежал Нолду Тёмному. Первому среди первых

защитников Соединённого Королевства. Королю. Герою. Святому. Я его сразу узнала.

Точно! Я вспомнил! Именно его я видел в зале Шальха! Он был выполнен из мрамора и без вмятин, но вне сомнений имел форму и вид такой же, как у этого! Как это легендарный щит мог оказаться у огра? Загадка, вероятно, на которую вряд ли мы когда-нибудь узнаем ответ.

— Он может обладать магической силой?

Грешем с любопытством смотрел на приобретение великого инквизитора.

— Не знаю, но он должен быть очень прочным. Проверим?

Серэнити выставила щит перед собой и слегка оттолкнула вампира. Дважды просить моего ученика было не надо. Достав два клинка, он со всей дури обрушил их на серебристую поверхность. Взметнулись искры, однако великий инквизитор даже не покачнулась. Весь удар поглотился бугристой бронёй! Невообразимо! Вот это вещь! Фантастика! Серэнити удовлетворённо кивнула.

— Почему ты считаешь, что должна оставить его себе? Он такой же твой, как и мой! Я тоже хочу им пользоваться!

Грешем встретился с взглядом Серэнити.

— Только потому, что на тебя не играли в карты. Я рисковала своей жизнью, а не твоей.

Великий инквизитор ухмыльнулась.

— Или ты сожалеешь, что тебе не выпала честь стать женой огра? Да? Бедненький, надо было сразу изъявить желание, а то мы сами не поняли.

Вздёрнув носик, Серэнити оставила Грешема хлопать глазами. Направляясь за ней, я на ходу потрепал вампира по плечу.

— По-честному, она права. Серэнити первая заметила щит, и партия разыгрывалась на её свободу. Уверен, что, пользуясь им, она ещё не раз спасёт наши жизни!

Мой ученик нехотя согласился. Как опытный воин, он по достоинству оценил непревзойдённое качество волшебного артефакта. Надо же! Бруббор имел щит Нолда Тёмного и хранил его вместе с рыбьими костями как обычный хлам! Хотя, надо думать, узнай он об истинной ценности своего имущества, то вряд ли придавал бы этому особое значение. Огры не пользуются щитами в бою.

Спускаясь по замёрзшей лестнице к развалинам, я сразу заметил сжавшуюся в комочек Нифиль. Завидев нас, она тотчас протянула руки и по-детски заулыбалась.

— Я знаю, знаю! Он у вас! Отдайте мне его! Я хочу плескаться! Купаться! Радоваться и петь!

— Не так быстро, дорогуша, теперь твоя очередь держать слово. Расскажи все, что знаешь про портал и, самое главное не забудь поведать о коротком пути в провинцию Хильд, — сказала Эмилия, серьёзно смотря на дриаду из-под надвинутого капюшона.

— Ах! Ну естественно! Уговор!

Нифиль всплеснула руками.

— Вы заслужили это!

Дриада прыгнула с камня, на котором сидела и, обхватив плечики двумя руками, заговорила:

— С чего бы начать? Многие тысячелетия назад в этой изолированной части земли обитало мало существ, и совсем не было зла. Клочок суши, окружённый лесами, горами и морями пленил меня, и я бродила по его долам, пока не забрела на эту полянку. Укрывшись листьями клёна, я собиралась подремать и тут — бац! Прямо из воздуха появилось колесо!

Огромное, оно светилось разноцветными бликами и выпускало из своей глади людей! Да-Да! До этого я никогда не видела никаких людей и в тот день впервые узнала, как вы выглядите! Робкие! Застенчивые! Я смотрела на вас и не могла насмотреться! Тогда ко мне подошёл человек. Улыбнулся. Заговорил. Просил побыть здесь, чтобы никто не мог овладеть секретом магических врат, пока он не вернётся. Я, повинувшись силе привязанности, поселившейся у меня внутри, согласилась и осталась навек. Человек не явился.

— Значит, это не ты обратила портал в руины? — спросила Серэнити. — Но что же с ним произошло?

Печально вздохнув, дриада посмотрела на обломки древнего комплекса.

— О, нет! В этом нет моей вины. Земля разверзлась. Тряслась. Своды обвалились каменными обломками. Пробудились к жизни скрытые воды. Родник стал бить на месте волшебного круга. Я хотела уйти, но не смогла пересилить себя. Тайна стала смыслом моего бытия, она не отпустила меня, и я до сих пор её храню.

— Плохой из тебя вышел хранитель. Многие века назад Великое Людское Окно Перехода нашли братья света.

Серэнити чуть насмешливо оглядела дриаду.

— Твою тайну могли раскрыть ещё тогда.

— Я видела их. В золотых одеждах они приходили, смотрели, замеряли, чертили и выискивали. Я спряталась, боясь показаться. Люди пили воду из источника, и я нашла способ оставить тайну нетронутой.

Глаза великого инквизитора округлились.

— Так это была ты! Ты отравила адептов Братства Света и не только их! Заболевшие монахи распространили мор по всему королевству! Тысячи мужчин, женщин, детей и стариков погибли из-за твоей порчи!

Сделав молниеносное движение рукой, Серэнити попыталась схватить Нифиль, но не смогла, пальцы пролетели сквозь воздух. Дриада растворилась зеленоватым облачком и через секунду появилась у меня за спиной.

— Не злись, у меня не было выбора! Я не хотела, правда, не хотела, но не могла иначе! Я связана обещанием, и оно сильнее всего, что мне известно!

— А нас ты тоже ужокошишь, когда получишь свой камень? — злобно осведомилась Серэнити.

— Нет, нет! Клянусь, нет! Вам не нужна тайна моего дома, поэтому я никому не наврежу из вас!

Это уверение мало подействовало на великого инквизитора и она, раздувая ноздри, вновь направилась к дриаде, но я предупредительно выставил руку вперёд. У меня были вопросы, на которые я хотел получить ответы.

— Тот человек, что просил тебя остаться у магических ворот, каков он из себя?

— Ну!

Прекрасная Нифиль кокетливо намотала локон на пальчик.

— Красивый! Сильный! Обаятельный! Привлекательный! Больше ничего вспомнить не могу. Парень — мечта! А голос! Прямо танцевать хочется!

Дриада покрутилась на одной ноге.

— Сколько тебе лет, Нифиль? Из твоих слов ясно, что ты появилась раньше людей, но это же невозможно! Так долго никто не живёт!

— Неприлично у незамужней девушки спрашивать про её года! Я молода! Одну тысячу

раз мои глаза видели, как весна сменяет зиму или две тысячи, или пять, не всё ли равно?

Я посмотрел на улыбающуюся Эмилию. Все женщины одинаковы. Ни одна из представительниц женского пола не скажет точно, какого она возраста. Кстати, у Эмилии скоро должен быть юбилей. Я приготовил для неё замечательный подарок — рецепт Золотой Пыльцы! Она его долго искала, а я нашёл наперёд!

— Я так думаю, что всё, что могла рассказать про портал — ты уже рассказала, теперь давай перейдём ко второй части сделки, — осекла мои беспредметные выпрашивания колдунья.

— Мне нужен Красный Камень, без него не получится.

— А вдруг ты ускользнёшь от нас, когда получишь его? — рыкнула Серэнити.

Нифиль выглядела оскорблённой.

— Какие клятвы вы цените? Я дала вам слово, что ещё нужно сделать?

— Срезать ножом прядь волос, а потом пустить её на ветер, повторяя слова уговора, — это моими устами заговорил пикантный комизм. Иногда, он вырывается из меня сам по себе.

Недоумевающая, дриада протянула ладонь, ожидая, что ей подадут нож.

— Если у вас так принято, то я согласна...

Хлопнув по зеленоватой руке, Эмилия гневно посмотрела на меня.

— Он так шутит, ничего не надо. Слова достаточно.

— Странные у тебя шуточки, тебе говорили это? — осуждающе спросила Нифиль.

Мне пришлось отвести глаза в сторону.

— Это был просто безобидный юмор, — пробормотал я, отдавая дриаде горячий камень.

Однако Нифиль меня уже не слушала. Она выхватила своё сокровище и, танцуя голыми ногами по хрустящему снегу, полностью погрузилась в эмоции радости. Закружившись, как юла, дриада со всего размаха кинула Красный Камень в замёрзший источник. Взрыв на затвердевшей глади озарил ночные небеса яркой вспышкой. Сверху на нас посыпались острые ледышки и градины. Ветер обдал моё лицо горячим паром. Нифиль звонко расхохоталась. Повинуясь магии дриады, весь лёд превращался в воду. Оживший подземный родник выплёскивал из себя толстую струю кипятка. Спустя минуту я оказался по пояс в небольшом тёплом озере. Мяукая, Мурчик запрыгнул к Эмилии на руки, а отчаянно перебирающий лапками Снурф вцепился в мой сапог.

— Ура! Ура! Ура!

Дриада плескалась и хлопала в ладоши. Мне показалось, что она совершенно позабыла про нас.

— Нифиль, мы всё ещё ждём, кода ты расскажешь нам, куда надо идти! — закричал Грешем с трудом пробираясь к оттаявшей лестнице.

— О, да! Простите! Я так увлеклась! Я устрою вам путешествие в моих Лучезарных Скорлупках! В них я пошлю вас в недра этого источника, а там, следуя за бегущими водами, вы попадёте на завиток Шелковицы! Хорошо я придумала, правда?

— Стой, стой, стой! Что значит в Лучезарных Скорлупках? Как мы окажемся в нужном месте? Поподробнее нельзя рассказать? — стал спрашивать я.

— Сейчас все узнаешь, мой добрый красивоносый маг!

Нифиль возвела руки к звёздам и мелодичным голосом стала протяжно взывать к древним силам природы:

Милые мои, хорошие
Тени, искорки, лучи!
Оплетите, закрепите
Танцем огненной души!
Скорлупой укрой надёжно,
Спрячь в себе и принеси!
На конец лесной реки,
Что зовётся в честь шелков,
Быстрой ягодкой лети!

Звёзды моргнули, и на меня опустилась тонкая сетка, сотканная из света и частиц блестящей пыли. Она прилипла ко мне и подобно кокону обволокла всё тело. Я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, мне оставалось только смотреть на то, как белые шары поглощают членов нашей компании одного за другим. Магия оторвала меня от земли. Шесть мерцающих сгустков зависли над булькающим источником. Нифиль помахала нам рукой.

— Когда найдёте старого вампира и накрутите ему хвост — возвращайтесь назад!
Сходим поиграть в карты к Брубору!

Сделав неопределённый жест, дриада повелела Лучезарным Скорлупкам полететь прямо в кипящую воду.

Глава 13. Невинное желание

Я беззвучно закричал, не зная, что меня ожидает. Ударившись о водную гладь, мне показалось на секунду, что я превратился в чистый свет. Летя в тоннеле одной бесконечной линией огня, моё естество ощутило, как я преодолеваю сотни миль. Все длилось считанные мгновения. Плюющаяся струя выкинула меня на влажную землю. Волшебный кокон лопнул, а затем растворился в морозном воздухе. Рядом со мной товарищи потирали онемевшие бока. Пытаясь восстановить застывшее кровообращение, я нагнулся и увидел малюсенький родничок, который бил из-под треснутого камня. Нас принесло сюда через него. По всей видимости, мы находились в пещере. Снурф взобрался мне на мокрые колени и посмотрел прямо в глаза.

— Нихафу тафк больфе!

— Я полностью разделяю твоё мнение, старина!

Таракану подобное перемещение по вкусу не пришлось. Я осторожно положил его на пол, а сам стал осматриваться. Везде царил полумрак, единственным освещением служили точки звёзд на самом верху. Сконцентрировавшись, я создал парочку оранжевых шариков света. Они рассеяли тьму, и я понял, что мы находимся не в пещере, а в яме. Непредвиденная западня имела гладкие отвесные стены. На высоте около тридцати футов они смыкались в неровный квадрат. Переpravляя нас через пространство, Нифиль не учла того, что мы можем очутиться там, где нет выхода. Мышки угодили в мышеловку.

Я сел на корточки и, подперев руками голову, задумчиво уставился на Серэнити, которая всё больше наполнялась яростью.

— Мы попали в ловушку! Как теперь отсюда выбраться?! Клянусь, я убью дриаду собственными руками!

— Поднимись для начала наверх, — усмехнулась Эмилия.

— Я смотрю, ты находишь это забавным, колдунья?

Великий инквизитор вплотную подошла к моей подруге.

— Не надо ссориться, девочки, не всё потеряно, мы живы и даже возможно в землях Хильда, а это совсем не плохо!

— Да? А летать ты умеешь, некромант?

— Умею, и тебя попробую научить. Чары левитации знает любой уважающий себя маг, — ответил я с невозмутимым лицом. — Поможешь мне, Эмилия? Вместе мы поднатужимся и воспарим все к тому откосу.

Колдунья потупила взгляд, и я заподозрил нечто неприятное.

— Не может быть! Только не говори мне, что разучилась это делать! Вспомни, как мы с тобой витали над гнёздами гарпий, когда искали Громовое Перо в Рунном Королевстве!

— Я помню, это было в дни нашей юности.

Эмилия на секунду запнулась, потом продолжила:

— Но с тех пор многое изменилось. Сейчас я могу использовать только ограниченный набор заклинаний, другие для меня, увы, совершенно недоступны.

— Что за бред? Как такое может быть? Сплетай нити энергии и твори то, что захочешь!

— У меня не получится. Однажды, когда мы расстались с тобой на долгое время, я решила усилить свой магический потенциал, используя алхимию. Состав зелья был невероятно сложным и я...

— И что ты?!

Колдунья мяла складки шерстяного платья.

— И я его приготовила! Оно сработало, но криво! Мне стали проще даваться те заклинания, которые я часто практиковала и совсем перестала получаться та магия, которую я редко использовала! Так вот, на тот момент я не применяла левитацию уже несколько лет. Понимаешь, о чем я?

Я издал звук, похожий на стон. Без подготовки одному мне ни за что не поднять человека на тридцать футов. До этой минуты я не сильно переживал, что оказался заперт в четырёх стенах, но теперь ситуация принимала дурной оборот. Глубоко вдохнув и выдохнув воздух, я заставил себя расслабиться. Приведя мысли в порядок, я сосредоточился на Эмилии. Под воздействием чар ноги моей подруги отделились от пола. Фут, два, пять, пот полился мне в ноздри. Семь, восемь, десять, тринадцать, половина... Нет, ещё чуть-чуть, и я её уроню. Напрягая остатки сил, чтобы Эмилия не шлёпнулась, я кое-как поставил её обратно на камень.

— Не получается, — прошептал я.

— Но почему?! — удручённо спросила, Серэнити, садясь против меня. — Ты можешь являть молнии, огненные шары и вызывать мёртвых из могил, а это тебе не даётся! Ты же маг! Яви свою магию и перенеси нас за пределы этой конуры!

— Всё так, я — маг, и как маг тебе говорю: чтобы заклинания получались, их нужно днём и ночью практиковать! Я давным-давно ничего не левитировал тяжелее мешка муки и именно поэтому мне было так важно заручиться поддержкой Эмилии. На одной силе воли я тут не вывезу.

Видя непонимание в глазах великого инквизитора, я попробовал объяснить понятнее:

— Магию можно сравнить со спортом. Даже если у колдуна ярко развита сила воли, дающая ему власть над изменением мира, у него не получится ни с того ни с сего явить мистирию, в которой он давно не тренировался. Представь, что магия некромантии для меня подобна занятию с гантелями. Я часто поднимаю и опускаю руку, накачиваю мышцы, делаю

их более выносливыми и без труда могу погнуть стальной прут, а вот чары левитации — это уже иные упражнения, направленные на преодоления длинных дистанций. К чему я веду: обладая отличной мускулатурой, я не становлюсь при этом прекрасным бегуном. Ты только что видела, как я попытался левитировать Эмилию. У меня не вышло не потому, что я этого не хотел.

— Не сказать, что это то, что хочешь услышать от колдуна в критической ситуации! У тебя практически получилось! Ещё каких-то пять футов и Эмилия смогла бы ухватиться руками за край обрыва! Ты попросту не дождал!

— Я сделал всё, что было в моих силах! Умеешь лучше? Милости прошу попробовать!

Заносчивая манера Серэнити вывела меня из себя. Наши глаза пересеклись двумя горящими углями. Стараясь пересмотреть друг друга, никто из нас не хотел отступить и отвести взгляд первым. Грешем поспешил предотвратить наше столкновение.

— Эй, эй! Перестаньте! Я вот что скажу — нам просто нужно отдохнуть! Место здесь безопасное, мы выспимся, а там, авось, с утра всё как-нибудь само собой образумится! В любом случае обмозговывать сложившуюся ситуацию лучше со свежими силами.

Предложение, сделанное вампиром, было разумно. Я отвёл глаза от бледного лица Серэнити. Ухмыльнувшись, Великий инквизитор уселась на холодную землю. Она облокотилась спиной о камень и обхватила колени руками. Подозвав Снурфа, я крепко обнял его. Тепло панциря приятно грело моё продрогшее тело. Покрепче завернувшись в походное одеяло, я укрыл нас с головой. Хорошо, что в Лучезарных Скорлупках вместе с нами Нифиль не забыла переправила и наши вещи. Высморкавшись в платочек, я позволил себе отпустить сегодняшний день. В уставшей голове путались мысли. Они создавали картины дремотных иллюзий, и спустя минуту я погрузился в глубокий сон. Разбудил меня солнечный свет, лившийся из отверстия высоко наверху. Холодный зимний луч нехотя освещал яму, невольно ставшую нашей тюрьмой. Я потянулся и зевнул. Странно, но я проснулся первым, обычно всё происходит с точностью наоборот. Грешем спал, открыв рот. Скинув одеяло на перебравшегося под мой бок Снурфа, я щёлкнул пальцами. Идея спасения, пришедшая мне в голову, выглядела вполне реалистичной. Склонившись над учеником, я загнул один из его длинных рыжих усов так, чтобы кончиком можно было пощекотать ноздрю. Нос вампира задёргался, наконец, он громко чихнул и выпучил на меня осоловелые глаза.

— Эй, это вы сейчас меня нарочно щекотали?

— Ну что ты! Нет, конечно! Я тут покумекал и пришёл к выводу, что наше положение не так уж и безнадежно.

— Придумали, как нам выбраться отсюда? Значит, я правильно сказал: ночка пройдёт — решение придёт! Каков наш план действий?

— Вчера вечером я совсем забыл, что ты не просто вампир, а ученик мага, и вполне сносно под моим контролем применяешь чары левитации. Если я сделаю точку магической опоры, буду тебя направлять и свяжу нити нашей энергии в единый канат, то велика вероятность, что мы с тобой сможем поднять наверх хотя бы Эмилию и Серэнити, а они там где-нибудь разбудят верёвку или приведут помощь.

— Лучше, чем ничего, некромант! Попытаться стоит, — донёсся из-под одеяла глухой голос Великого инквизитора. Конечно, она не спала.

— Спасибо, что оценила, но вначале я умоюсь и поем! На голодный желудок у меня плохо получается сплетение метафизических струн.

— Как тебе будет угодно.

Ополоснув водой из маленького родничка лицо и шею, я распаковал сумку. Перед прощанием капитан Снорен пополнил наши запасы провизии из кладовой сторожевого поста. Теперь у нас в распоряжении имелись всякие разносолы: подкопчённый куриный окорок, хлеб, сыр, сушёные яблоки, спрессованные галеты, печенья, сосиски и ветчина. В качестве завтрака я предпочёл сыр, который закусил ломтём серого хлеба. Эмилия сделала себе и Серэнити несколько некрупных бутербродов. Проводя трапезу в молчании, мы все думали только об одном: получится или нет? Еда немного смазала мои переживания, а зимняя стужа, пробирающаяся под мокрую одежду, заставляла меня увериться в своих силах. Я мёрз, и от этого мне хотелось как можно скорее покинуть тридцатифутовую ловушку. Покончив с трапезой, мы с Грешемом объединили свои колдовские способности. Действуя через ученика, я делал его в некотором роде усиливающей призмой. Я пропускал сквозь него свою силу воли и тем самым приумножал энергию исходящего из нас столба заклинания. Выбрав первой для подъёма Эмилию, я сконцентрировался на левитации. С помощью Грешема это оказалось намного проще. Моя подруга оторвалась от земли и плавно полетела вверх. Напрягая силы, я чувствовал, как тяжело это даётся Грешему, таких магических нагрузок он ещё ни разу не испытывал. Пот струился по рыжим усам, усеивая каменный пол россыпью прозрачных капелек. Наконец Эмилия схватилась руками за край отверстия. Сделав рывок, она оказалась на свободе. Я отёр влажный лоб перчаткой. Колдунья исчезла из вида, но не успел я облегчённо вздохнуть, как она вновь показалась и помахала рукой.

— Молодцы, мальчики! Давайте сюда следующего!

— Нам нужно немножко отдышаться. Ты оказалась не такой худой, как обманчиво кажешься на первый взгляд, — с трудом промямлил я.

— Ничего я не толстая, это ты просто старый гриб, раз не можешь поднять такую пушинку без постороннего подспорья!

Эмилия показала мне язык и отошла от кромки ямы.

По истечению десяти минут, проведённых без шевеления, я открыл глаза и размял шею. Грешем слегка кивнул, давая понять, что готов продолжить левитировать остальных. Серэнити ждала своей очереди, скрестив руки на груди. Выражение лица Великого инквизитора было отрешённым и не изменилось, когда магия понесла её ввысь. Не будь я знаком с Серэнити, сказал бы, что это красивая девушка подобно духу добра взлетает к облакам, чтобы помолиться за наши грехи. Однако я её знал, и теперь подобные представления вызывали у меня только нервную улыбку. Сильные руки вцепились в протянутые объятия Эмилии и вот ноги Великого инквизитора уже пропали из поля зрения. Моя подруга — худышка с формами, а Серэнити, конечно, не дистрофик, но уж очень худосочная, возможно поэтому её левитировать было совсем несложно. Мы устроили небольшой перерыв, после которого подняли вначале Снурфа, а за ним Мурчика. В воздухе кот отчаянно перебирал мягкими лапами и мяукал, летать ему не нравилось. Мурчик успокоился лишь, когда оказался на руках у хозяйки. И прежде чем скрыться из отверстия, он напоследок одарил меня злобным кошачьим взглядом.

— Может, вы сами теперь попробуете взлететь? — крикнула вниз Эмилия.

— Сразу этого у нас точно не получится. Нам необходимо восстановить силы. Ты же сама знаешь, что бывает после длительного магического сеанса. Я сейчас чувствую себя раздавленной черешней.

— И сколько ты будешь приводить себя в порядок?

— Ну, час или два.

— Тогда, чтобы не терять времени даром мы пойдём поищем, чем вас можно вытащить оттуда. Вдруг что-нибудь подвернётся раньше, чем ты оклемаешься! Не скушайте!

— Погоди, а что там вообще?

Но колдунья не расслышала моего вопроса. Она послала воздушный поцелуй и ушла, оставив нас с Грешемом сидеть друг против друга. Минуты одна за другой отмеряли течение солнца в квадратике открытого неба. Маленько приободрившись, мы взяли за совместное левитирование, но, как я и предполагал, из этого ничего не вышло. Пролетев всего пять футов, мы потеряли взаимную связь и больно грохнулись обратно. Я предпринял попытку взлететь самому, однако скрепляющие нас струны энергии натянулись, а затем порвались. Я вновь упал на каменную твердь. Значит, остаётся надеяться на предприимчивость наших подруг. Я не представлял, как далеко от людей занесли нас Лучезарные Скорлупки Нифиль. Вполне вероятно, что рядом есть деревня, селение или город, где девушки раздобудут верёвку и вызволят нас из плена. Хотя почему я так самоуверен? Вдруг до ближайшего населённого пункта десятки миль? И что тогда? Как волны в море мои мысли разбивались о скалы неведенья. Самое страшное для меня — это неизвестность. Почему их нет так долго? Я ходил по яме и считал шаги. Двадцать вперёд, двадцать назад и снова двадцать вперёд, двадцать назад. Вампир молча наблюдал за моими хождениями из угла в угол. Миновал полдень, но ни Эмилия, ни Серэнити так и не объявились. Мы перекусили, и чтобы скоротать ожидание, я принялся набивать руку в позабытой левитации. Когда-то я мог воспарить на крышу Шато и не спеша спланировать обратно. Я намеревался вернуть утраченное мастерство, а Грешем, который учился вместе со мной, познать его впервые. Я поднимал и опускал наши рюкзаки, принуждая их то зависнуть в воздухе, то стрелой нестись к самому верху. Проведя за этим занятием все послеобеденные часы, я подумал, что через пару дней интенсивных упражнений мои ослабевшие навыки обретут силу, и мне не составит труда вытянуть нас из каменного кармана. Имея за плечами огромный магический опыт, я не сомневался в своём успехе. К закату у меня уже получалось левитировать сразу две сумки и кусок камня. Приподнятое настроение, однако, омрачалось тревогой за Эмилию и Серэнити. Впрочем, чтобы не селить удручающее настроения в Грешеме, я не подавал виду, что считаю их длительное отсутствие зловещим знаком.

— Странно, что за сутки никто не пришёл нас проведать. Может, они попали в беду? — задумчиво спросил мой ученик.

— Не думаю. Эти дамочки не так просты, как кажутся. Скорее мы пропадём здесь, чем они там. Выше нос, скоро выберемся, вот увидишь.

Хмыкнув рыжими усами, вампир повернулся на бок. Он собирался уснуть. Последовав его примеру, я свернулся калачиком и подложил под голову сумку. Сны не приходили ко мне этой ночью, а рассвет принёс пробуждение и трясучку зимнего холода. Продрогнув до костей, я скинул одеяло и, стуча зубами, принялся делать зарядку, чтобы размять застывшие мышцы. Наблюдая за мной, пробудившийся Грешем полез за своим завтраком. Откупорив бутылку, он дважды глотнул, после чего поднёс горлышко к глазу и посмотрел в нутро матовой тары.

— Скоро закончится, — грустно возвестил он. — Осталась последняя бутылка, и всё, запасы подошли к концу.

— Я мог бы предложить тебе отведать крови Серэнити, но боюсь, что тогда лишусь ученика, — печально пошутил я.

— Ничего, вылезем и я найду себе прокорм.

— Не сомневаюсь. Кто-кто, а ты голодным не останешься. Уверен, что в течение дня за нами придут, и мы окажемся на поверхности.

Но никто так и не пришёл. Я оттачивал искусство левитации и периодически заставлял тем же заниматься вампира, который решил посвятить всё свободное время военному ремеслу. Тыча короткими клинками во все стороны, он выделял удивительные па и комбинации ударов, доселе не виданных мною. После его очередной замысловатой восьмёрки с оборотом и приседом на одно колено, я поинтересовался, кто так научил его махать на клинках.

— Это долгая история, — отдуваясь, ответил вампир.

Мои губы растянулись в улыбке.

— Как видишь, я никуда не тороплюсь. Чего ещё я не знаю о тебе?

Грешем грузно уселся на булыжник. Вынув из рюкзака точило, он стал любовно водить одним из клинков по его гладкой поверхности.

— Помните, я рассказывал, что после того, как стал вампиром, убежал из дому?

Увидев мой утвердительный кивок, Грешем продолжил:

— Как испуганный зверь, я блуждал то здесь, то там, пока не наткнулся на сумрачных людей, сидевших у костра. Лес Скорби — опасное место, выжить в нём, не имея никаких представлений о его туманных куцах, а на тот момент у меня их не было, практически невозможно, вот я и прибил к шайке бандитов. Не могу сказать, что меня приняли с распростёртыми объятиями, но главарь увидел во мне хороший инструмент и быстро смекнул, как можно меня использовать. Поначалу я выходил на дорогу и ждал пока не появится торговый караван. Присмотрев маленького растерянного мальчика, купцы всегда останавливались. Небылицами и плаксивыми рассказами я притуплял их бдительность. Они слезали с лошадей, убрали арбалеты и шли ко мне. Тут — бац! Неожиданно из-за укрытия налетали разбойники и рубили всех в цветную капусту. Деньги меня не интересовали, моя законная добыча всегда была кровь. Я рос и учился овладевать разным оружием, однако лучше всего у меня получалось проворачивать трюки с короткими мечами, так и пошло, что я стал заниматься с ними постоянно, стараясь отточить технику до предела. Руперт — старый кузнец нашего немногочисленного отряда в прошлом был тренером в армии Вельдза. Вроде бы его выгнали с должности за какой-то серьёзный проступок. Так вот, он-то и показал мне большинство приёмов, которыми я пользуюсь и поныне. Кое-что из смертельных фокусов я переиначил, кое-что оставил как есть. С годами я понял, что одинаково хорошо владею как правой, так и левой рукой. Проходя через десятки сражений, я развивал свой талант и теперь с гордостью и лёгкостью держу два клинка одновременно.

— Совершенствуя себя в любом деле, мы приближаемся к гармонии и порядку в нашем внутреннем «я», — философски отозвался я. — Получается, ты грабил путников не один? Я всегда почему-то думал, что ты действовал в одиночку.

— Перед тем, как прийти к вам в ученики, я многие годы скитался, не нуждаясь в чьей-либо помощи.

— А как вышло, что ты покинул своё воровское окружение?

Грешем задумался. Казалось, он подбирал нужные слова.

— Понимаете, я возмужал и стал опытным воином. Моя физическая сила не шла ни в какое сравнение с человеческой. Из полезного гвоздика я превратился в катану, которая пугала всех. Со мной не хотели делить крышу над головой, но сказать об этом открыто никто

не осмеливался. Однако в один из осенних дней решила судьба моего пребывания среди тех людей. Седеющий главарь надумал, что я созрел для того, чтобы попытаться занять его место. Мне этого, конечно, было не нужно, но объяснений от меня не требовали. Влажное дыхание случайно долетевшего шёпота уведомило мои чуткие уши о готовящемся покушении на их целостность. Меня хотели убить все, кроме Руперта. После заката я лежал, твёрдо стискивая рукояти мечей, и когда над моей головой засверкала сталь, я нанёс удар первым. Их было двадцать. У каждого были мечты, надежды, желания. В ту ночь я оборвал это всё для девятнадцати из них. Кузнеца я оставил в живых и предложил путешествовать со мной, но он как оглох. Схватившись за голову, Руперт повалился на землю и стал неистово призывать Ураха, чтобы тот покарал мою чёрную душу. Я бросил его и как есть, один отправился исследовать плохо знакомый мир. Скитаясь по шести провинциям, я искал свою дорогу.

— И нашёл, — улыбнулся я. — Твоя книга состоит из трёх глав и десятка страниц. Она пуста и ждёт, когда ты напишешь её яркими чернилами.

— Так замысловато только вы можете говорить, — серьёзно ответил Грешем. — Вы не такой как все, с вами я многому научился и ещё большему научусь!

— Громкие слова для такого ленивого ученика, как ты!

Вампир скривился и ослабил небольшие желтоватые зубы.

— Конечно, учитель! Я буду прилагать больше усилий! Как скажете!

— Ты думаешь, что я настолько стар, что не могу различить сарказма в твоём голосе?

Я шутливо кинул в вампира свою сумку.

— Так вот: я всё слышу! Я научу тебя уважать старших! Весь оставшийся год ты посвятишь сбору грибов вокруг Шато! Да, да! Никаких занятий по магии, только грибы и их сортировка!

— Надеюсь, мы вернёмся обратно, — помрачнев, отозвался Грешем.

— Не сомневайся, — тихо сказал я глядя на лучи заходящего солнца.

Два дня минуло, как Эмилия и Серэнити ушли за помощью. Я очень переживал за них, и моё сердце прыгало в груди, как мячик. Между тем постоянная отточка левитации не прошла даром, я был уверен, что завтра покину опостылевшую яму. Долго ворочаясь, перебирая сонмище мыслей, я, в конце концов, заснул. Мягкий шлепок по носу вырвал меня из грёз. Верёвка! Я дёрнул за основание, проверяя её на прочность. Крепкая! Точно выдержит даже Грешема.

— Эй! Там! Мы вас сильно заждались! Почему так долго не появлялись? — крикнул я в высоту, будя вампира своим голосом.

На мой радостный возглас никто не откликнулся.

— Вы оглохли что ли? Мы поднимаемся!

Обмотав верёвку вокруг толстого тела ученика, я стал помогать ему забираться, используя чары левитации. Два дня упорного магического труда сейчас говорили сами за себя. Подталкиваемый моей силой воли, Грешем в три прыжка оказался наверху. Отвязавшись, он скинул верёвку обратно. Перемотав все сумки, а заодно и себя, я сосредоточился и, задрвав голову, заскользил ввысь. Держась за верёвку только ради страховки, я уже через пару секунд стоял на усыпанной снегом земле. Первое, что я увидел, были горы. Громадной цепью они тянулись от одного обозримого конца до другого. Их могучие вершины утопали в облаках и не давали угадать, какого размера они на самом деле. Очень величественно! Я повернул голову вправо, и моему взору предстала петляющая

Шелковица, её покрытый льдом поток уходил на Карак. Нифиль не солгала, Лучезарные Скорлупки принесли нас в провинцию Хильд! Отличная новость! Дриада существенно сократила наше путешествие! Только я открыл рот, чтобы поделиться с Грешем радостью, как вдруг меня кольнуло осознание того, что что-то не так.

Осмотревшись, я не увидел ни Серэнити, ни Эмилии. Верёвка, уходящая в яму, была узлом перетянута вокруг толстого ясеня. Но кто это сделал? В полутьме начинающегося дня я различил припорошённые снегом следы, уходящие в лесную рощицу. Несомненно, отпечатки принадлежали женским ножкам. Пройдя немного вперёд, я обнаружил придавленный снег с вереницей узоров, похожих на прутья, здесь полз Снурф. Грешем обнажил короткие мечи.

— Если они не вернулись оттуда, значит добра ждать глупо, — сказал вампир, внимательно всматриваясь в просветы меж деревьев.

Осторожность никогда не повредит. Предварительно проверив, как выходит из ножен Альдбриг, я поудобнее перехватил Ночь Всех Усопших и двинулся вперёд. Раздвигая ветки деревьев, мы вступили в лесной массив. С первых же шагов меня окутало чувство полного умиротворения. Хотелось расслабиться и просто посидеть под могучим дубом, посмотреть, как падают снежинки, помечать. Я потряс головой. Наваждение. Грешем, очевидно, ничего не ощущал. Его напряжённый взгляд рыскал от осины к липе, от ольхи к покатоному холму. Отметины следов не прерывались и, миновав застывший водопад, мы свернули к уютной прогалине, со всех сторон окружённой зелёно-коричневым забором разномастных стволов. Кое-где росли красные ягоды. Крупными гроздьями они, смело пробиваясь через снег, красиво гармонировали с благолепной природой. Посередине всего этого великолепия стоял маленький человечек в зелёном меховом костюме. Я сразу понял — это лепреккон. Толстые, широко расставленные ножки и улыбка от уха до уха на личике, похожем на печёное яблоко. Лепреккон упирался руками в бока. Подмигнув нам, он задорно произнёс:

— Меня зовут
Солнечный Лут!
Помощник я ваш,
А вовсе не плут,
Эту верёвку
Я вам привязал!
И выход из Тьмы
Тоже я показал!

Не могу сказать, что меня удивила манера речи этого существа. Я знал, что лепрекконы — любители слагать рифмы и стихи. Низенькие, жадные, но вовсе не злые, представители этого народца всегда славились вкусным крепким элем, спрятанными сокровищами и азартом ко всякого рода шардам. В другой раз я не стал бы с ним разговаривать, но сейчас он помог нам выбраться и возможно знал, где наши пропавшие подруги.

— Приятно познакомиться, Солнечный Лут! Я — Калерб. Спасибо, что поделился своей верёвкой. Ты случайно не видел здесь двух красивых девушек, а с ними таракана и кота? Следы ведут на твою поляну.

— Может быть, видел,
А может, и нет!
Солнечный Лут даст вам дельный совет!
Ответив на загадки лесные мои!

Найдёшь ты ответ на вопросы свои!

Припрыгнув, маленький человечек заплясал в неистовом танце, то и дело, подбрасывая свой колпак с зелёным клевером в воздух. Мне было хорошо. Хотелось пуститься в пляс вместе с этим приятным на вид карликом. Что со мной происходит? Я потёр глаза кулаком.

— Хорошо, господин Лут, давай поиграем, только, чур, не жульничать!

Улыбнувшись всеми зубками, лепрекон развёл пухлые ручки в стороны, после чего произнёс:

— Просто так всё не бывает,

Даже стих не заиграет.

Победишь — к твоим услугам!

Проиграешь — ты мне служишь!

Грешем ткнул меня под локоть и многозначительно посмотрел на Солнечного Лута.

— Они здесь, точно здесь! Попались, как мухи на липкое варенье, не ответив на загадки этой мелюзги. Думаю, Эмилия и Серэнити просили у него помощи, чтобы достать нас, но все вышло криво, если не сказать плохо.

Лепрекон оттопырил одно острое ушко, забарабанил чечётку, а затем залиvisto рассмеялся. Почему-то сейчас мне показалось, что Грешем несколько драматизирует ситуацию.

— Не волнуйся, мы не проиграем, и этот миленький человечек скажет нам, куда идти дальше, чтобы найти зеленоокою Эмму и буку Серэмму!

— Не лучшая идея ставить на кон свою независимость! Чуть Мурчика не оставили у Брубора, а теперь и сами можем угодить в кабалу! Давайте просто потрясём его немножко. Уверен, что встряхнувшись, он скажет всё, что знает и без этих вот загадочек! Я подозреваю, что Солнечный Лут использует какую-то магию, чтобы лишить нас здравомыслия, однако на меня она не так действует, как на вас!

Лепрекон затанцевал и протяжно запел. Попутно он обвинительно тыкал в Грешема пальцем.

— Толстый вампир, он так кровожаден!

И крови он хочет, так будь он не ладен!

Но шишка не главная он тут — это точно!

Ты, Калерб, реши, что же делать нам срочно!

Я миролюбиво улыбнулся Солнечному Луту, а затем добродушно похлопал по плечу Грешема. Что же он такой злюка, в самом деле? Поиграем-развлечёмся, мозги напряжём! Это полезно! Лепрекон точно ничего дурного не замышляет!

— Да я же сказал! Играем! Загадывай свои ребусы, глазированный сырок!

Стон моего ученика смешался с весёлым смехом человечка в пушистом комбинезоне.

— Выше гор и выше тучек

Светят, блещут и плывут,

Прогоняют солнца лучик,

Ночью снова тут как тут, —

возвестил лепрекон, подпрыгнув несколько раз.

— Амम्म! — промычал я.

Мысли путались в голове, на ум приходили миленькие зайчики с розовыми носиками. Я растерянно обвёл глазами пучки красных ягод.

— Мне нужно капельку подумать!

— А что тут думать-то! — голос Грешема почему-то звучал противно и резко — Это звезды!

Солнечный Лут бросил на вампира взгляд совсем не дружелюбный, или мне показалось? Как такой душка может злиться?

— Так! Одну мы отгадали, сколько ещё осталось? — спросил я, усаживаясь прямо на снег. — Хочется играть дальше!

— Ни много, ни мало,

Как раз в самый раз,

Загадка вторая слетает для вас!

Лепрекон подбоченился, и из его рта посыпались новые куплеты:

— Большим и маленьким

Бываю я. И долго я живу на свете.

Я — драгоценный и простой,

Я гладкий или весь рябой,

Земля мне мать, отец мне — ветер.

Ты неужели не заметил?

Я потёр лоб.

— Ого! Вот это ты загадал, так загадал!

Что это может быть? Ракушки? Мягкушки? Ватрушки? Погремушки? Лягушки? Что-то точно из этого!

— Это камень!

Карканье Грешема начинало меня раздражать! Я тут главный! Почему он лезет, когда его совершенно не спрашивают. Посмотрев на ученика, я сразу отвернулся. Толстый, весь в рваной одежде, плохо пахнет, фу! Молодчага Солнечный Лут, видимо, разделяет моё мнение. По мордочке видно.

— И снова верно, снова в точку!

А вот и новенькие строчки!

— Давайте, господин хороший! Мне не терпится узнать, что ещё мы не отгадали!

— Лишь стоит морозам уйти на покой,

А мышке — из норки наружу,

Отряд просыпается дружно, гурьбой,

Нелюбящий цепкую стужу.

Лежала под снегом она целый год,

Чтоб вновь потянуться весной в небосвод!

Солнечный Лут остановил свой танец и победоносно скрестил руки на груди. Он ожидал от меня ответа.

Ах, какие прекрасные снежинки падают сейчас с неба! Пёстрые, яркие, колючие! Мне кажется, я сам скоро заговорю, как этот расчудесный человечек! Ну, разве он не прелесть? И важно ли вообще, каков будет ответ на эту загадку? Хочется просто слушать его и слушать! А вот этот толстый отвратительный вампир мне совсем не нравится. Что он так нахохлился? Что смотрит так злобно? С самого начала, принимая его в ученики, я должен был рассмотреть, какой он мерзкий на вид! Простофиля и орясина!

— Это — трава, она прорастает, когда снег сойдёт! Травинки выходят из-под земли все разом, как зелёный отряд из земли!

Солнечный Лут выглядит озадаченным. Зачем Грешем сердит его своими неудобными

ответами? Мог бы подыграть и ответить неверно! Мы в гостях, в конце концов! Хозяина рощи нужно уважать!

— Галопом преодолевая блицтурнир,

Всё отвечает противный вампир!

— К делу, мой хороший, к делу!

— Я новый вопрос задаю вам теперь.

Попробуй, ответь мне, ехидный репей!

Лепрекон надвинул колпак глубоко на уши, так, что стал виден только один красный нос-помидорка. С каждой секундой этот задорный парень мне нравился все больше и больше! Почему я не познакомился с ним раньше? Кстати, как мы тут оказались, и куда шли? Всё это совсем неважные мелочи! Хочу услышать новую загадку!

Солнечный Лут театрально размахивал руками и сплетал слова прельстительным голосом. Мне хотелось, чтобы он никогда не перестал говорить!

— Любимый цвет мой отгадай!

Он весел, шумен, ярок!

Весна его пора и как красавец горностаи!

Он — всей земле подарок!

— Ну, если исходить из того, что на тебе всё зелёное, а весной всё так же бывает зелёным, то твой любимый цвет — зелёный!

Я посмотрел на непонятное рыжее существо, выкрикнувшее «зеленый»! Что за рычащие звуки вылетают из его утробы? Портит весь отдых своим присутствием. Неужели нельзя хоть чуть-чуть побыть наедине с прекрасным? Как зовут это чучело, вылезшее с огорода? Кто оно?

Я хотел прогнать образину, нахально мешающую наслаждаться моментом, но не мог встать — не хотел, так уютно мне было сидеть и слушать волшебные строфы, проникающие в самую душу. Этот человечек снова будет говорить! Я жду! Быстрее! Что-то расстроило Солнечного Лута, божественно звучит речь, но слышатся нотки печали. Почему?

— Чёрный, верный, говорящий

И на всех других шипящий.

Вспомни имя и скажи!

Лапки быстро покажи!

— Ну, наконец-то! Эта загадка мне по душе! Конечно, это Снурф!

Угольный большущий таракан раскопался прямо из-под сугроба! Вот так неожиданность! Какой симпатичный! Где-то я тебя уже видел, приятель! Что смотришь так, как будто мы знакомы? Я бы точно не забыл такого симпатягу! Можно погладить по панцирю? Какой ты необычный! Я обязательно возьму тебя в Шато! Я с трудом подумал:

— В Шато? В Ша-то? А где э-то?

Между тем декламировался новый великолепный стих! Как он читает! Настоящий актёр! Он создан для выступлений!

— Мягкий, вредный и игривый

Полосатый и красивый,

Ну же! Как его зовут?!

Отгадаешь — встретишь тут!

— Ха-ха! Ну, конечно, старина Мурчик-Огурчик! Давай его сюда, старая перечница!

Во имя Вселенной, вот это кот! Выпрыгнул с ветки того дерева! А глазища-то, глазища!

Настоящие изумруды!

— Кыс-кыс-кыс! У дядюшки Калеба для тебя есть вкусная сосиска!

Я поманил кота тремя движущимися пальцами.

— Ой, что за взгляд? У меня, правда, для тебя кое-что припасено, ты только подойди! Только, где? Я угощу тебя колбаской! Что ты любишь? Я просто хочу потискать тебя немножко! Ты такая лапушка!

Переведя взгляд на лепрекона, я отметил, как он побелел. Живот, может, разболелся? Такое бывает, если переешь фасоли с гороховым пюре. Надо посоветовать ему одно чудесное средство, неприятные ощущения как рукой снимет. Какой основной ингредиент, а? Вспомнил! Полынь! Вереск и полынь! Смешаю ему завтра в ступке! Или сегодня? А может вчера? Да какая разница?

— Красива однажды была, как алмаз.

Не скрыть теперь эти изъяны от глаз,

И сморщилась, словно осенний сморчок.

Попробуй распутать ты этот клубок!

— Эмилия! Прекрасней её нет и не будет! Быстрее отдавай колдунью, лесной демон! — загрохотал Грешем.

Из-за ветвей показалась девушка, одна сторона её лица нежная, привлекательная, почти детская, вторая — жуть, да и только — чёрная, вся в буграх, грибках и язвах. Что за чудовище сотворило с ней такое? Вдруг это заразно? Я попытался отползти от приближающейся ко мне девы.

— Не тронь меня своими пальцами! Я не хочу стать таким же, как ты! Нет! Не подходи!

Сделав шаг-другой, дева остановилась недалеко от меня. Что? Она плачет? Конечно, ревет! Быть такой никому не пожелаешь!

— Так и хорошо! Там и стой! Если прикоснёшься ко мне, я потом точно не отмоюсь! Что ты так смотришь? Тебе что, грустно? Но это не я тебя так изувечил! Почему не поёт песни наш зелёный лесной цветочек? Наш Лучик! Только он в этом месте достоин внимания!

— Закон, порядок и надежда

Её привычная одежда,

Сильна и сердцем, и душой.

Но любит пытки и разбой!

— Ну, насчёт разбоя ты загнул, зубастая морда! — зашипел кто-то с рыжей бородой вблизи меня. — Несомненно, это Великий инквизитор Серэнити! Думаю, она вскоре всё тебе припомнит и взгреет по первое число!

Я перевёл затуманенный взгляд на юную девушку. Видно, ещё совсем недавно она нянчила плюшевых медвежат, а тут что-то позабыла про них и закинула в самый дальний угол. Что за серьёзность? Она тебе не идёт! Ласточки-брови хмуришь над переносицей, чем ты недовольна-то? Сядь со всеми и слушай, другим не мешай!

— Защитник леса наблюдает

И фея каждая здесь знает:

Он ночью ловит, днями спит

Он тут, за ветками стоит!

Последние слова Солнечный Лут пропел не слишком приятным голосом. Я проводил взглядом его руку, указывающую за ветки деревьев. Глаза. Жёлтые. Десяток? Два или все

три? Постепенно дурман, заполняющий голову сотнями сумасшедших мыслей, сходил на нет. Лепреконе колдовство и морок! Если бы не Грешем, я бы так и остался до конца своих дней на этой фантазмагорической прогалине, думая про зайцев и сладкие ватрушки. Вскочив на ноги, я выставил посох впереди себя. Грешем встал рядом и, по-боевому заведя клинки за шею, приготовился к схватке. Из чащобы, злобно рыча и воя, один за другим выпрыгивали здоровенные волки. Пока я формировал заклинание, Серэнити успела разделаться с двумя близко подошедшими злобными четвероногими. Не ведая страха, она направилась в самую гущу мохнатого скопища. Оросившись кровью, светлая булава требовала добавки!

Отбив оскаленную морду Альдбригом, вторую я изжарил Ночью Всех Усопших, после чего еле отскочил от зубов, желающих попробовать мою лодыжку на вкус. Развернувшись, я рубанул приближающегося противника мечом. Алые брызги увлажнили мои одежды. Неподалёку Грешем серией выверенных взмахов уложил незаметно подбирающегося ко мне крупного кабана. Призывный клич побудил меня покинуть тандем с вампиром и кинуться на выручку Великому инквизитору, которую окружили пять волков и косматый медведь. Парируя выпад на левом фланге щитом Нолда Тёмного, она на секунду раскрылась и с свистом опустила булаву на серую голову. Противный хруст ломающегося черепа возвестил о смерти существа. Я стал за спиной Серэнити и через три секунды осветил поле сражения яркими вспышками молнии. Трое из четверых превратились в пепел. Последнего добила подоспевшая Эмилия. Кислотно-зелёный сгусток обволок шкуру медведя, превращая его в живой факел. Хищник заметался, поджигая собой деморализованных зверей. Мы победили! Поджав хвосты, лесная братия покидала лощину с большими потерями.

Писк и шип послышался с противоположной стороны окровавленной поляны. Мурчик и Снурф боролись против загнанного в угол лепрекона, вооружённого коротким резным ножом. Делая выпады, Солнечный Лут пытался достать остриём до незащищённого полосатого живота, но таракан всячески прикрывал товарища панцирем. Прячась за Снурфом как за щитом, Мурчик по— фехтовальному высовывал лапу и царапал сморщенное лицо острыми когтями. Пора положить конец этой затянувшейся игре. Размахнувшись, я шмякнул лепрекона посохом по голове. На миг, потеряв от удара сознание, он растянулся на снегу. Пользуясь моментом, кот запрыгнул сверху на Солнечного Лута, норовя дотянуться зубами до кадыка, скрытого под плотным воротником зелёного комбинезона. Жалобный писк возвестил о безоговорочной капитуляции сломленного врага. Подхватив Мурчика под рёбра, Эмилия оттащила его от изрядно помятого лепрекона. Серэнити схватила Солнечного Лута и рывком поставила его обмякшее тельце на ноги. Фиолетовые глаза, полные слез, и оттопыренная нижняя губа не смогли разжалобить великого инквизитора — стальная перчатка цепко держала человечка за шиворот.

— Я не хотел для вас плохого!

Я не задумывал дурного!

Пожалуйста, освободите

И в лес, на волю отпустите!

— Ах, не задумывал, говоришь, чума болотная?! Я два дня провела в дупле дерева, слушая твои сводящие с ума песни про волков, лисиц, яблоки и смены времён года! А если бы Грешем нас не спас, отгадав все твои загадки? Что было бы тогда? Я тебя спрашиваю?! Остались бы навсегда у тебя гостях, прислуживая семье барсуков за чаепитием?!

Серэнити трясла Солнечного Лута, как мягкую куклу, и не давала ему произнести ни

единого связного слова. Обмякнув в хватке великого инквизитора, лепрекон даже не пытался сделать попыток вырваться. Вероятно, он понимал, что ничего хорошего из этого не выйдет.

— Когда ты проиграл в загадки, то попытался скормить нас волкам, понадеявшись так решить возникшую проблему! Дай мне хоть одну причину, чтобы я не кинула твои потроха вот этому прожорливому таракану!

Серэнити подтащила Солнечного Лута прямо к морде Снурфа. Возбуждённо застрекотав, мой любимец ущипнул лапкой за холеную щёчку лепрекона.

— Знаю, знаю, провинился!

Сам такого я добился!

Но прошу понять меня!

Одинок уж очень я!

Я хотел друзей, подружек,

Строй на пире ярких кружек,

День рождения отметить

И несчастья не заметить!

Быть любимым, долгожданным

И в гостях всегда желанным!

Мною двигала идея:

Стать бы другом чародея!

С вами пел бы я, плясал

И на жизнь бы не роптал!

— Ого! Вот оно значит как? Другом? — рассмеялась Эмилия. — У тебя был день рождения и ты собирался устроить вечеринку? Но компания барсуков, сов и прочих животных тебя не устроила, и ты решил в качестве подарка преподнести себе парочку людей, так удачно попавших в беду. Однако к несчастью для тебя всё обернулось не слишком удачно. Презент оказался с характером и не захотел задерживаться на твоей радушной поляне.

— Мне особенно понравилась строчка про строй ярких кружек, — хмыкнул я. — Представляете, как было бы здорово, одурманенными лесной магией, водить хороводы под луной?

— Ничего смешного я в этом не нахожу, — рявкнула Серэнити. — Что будем делать с мерзавцем? Предлагаю подвесить его за лодыжку на самой высокой ветке. Чтобы думал другой раз над своими поступками.

Лепрекон скукожился и задёргал толстыми пальцами зелёный клевер колпака. Мне стало его жалко — попался, как рыба, в сеть и теперь ждёт, как решит судьба: казнить или миловать. Я обвёл друзей взглядом.

— Как-никак всё закончилось хорошо. Солнечный Лут скинул нам в ловушку верёвку, а это уже говорит о том, что зла он нам не желал. Просто немного переиграл. Я за то, чтобы отпустить лесного пройдоху.

— Конечно не желал, а то, что вокруг валяется с десятков мёртвых волков, ни о чем вам не говорит? — удивлённо спросил Грешем. — Может быть, на вас всё ещё действует лепреконе колдовство? Сейчас я согласен с Серэнити: прохвоста нужно наказать.

— Я в отличие от них пока не определилась, что с тобой делать, и небольшое подношение может повлиять на моё решение. Что у тебя есть дать мне, чтобы выкупить свою жизнь? — спросила Эмилия, с интересом разглядывая маленького человечка.

— Хочешь чайник или ложку?

Может, новенькую плошку?

Котелок большой имею!

Предложить его посмею!

Есть орехи, сладкий мёд

И Сухой холодный Лёд.

Есть ватрушки, калачи!

Все что хочешь, получи!

Скороговоркой зачитав стишок, лепрекон с надеждой посмотрел на Эмилию. Колдунья рассмеялась:

— Вот это настоящие сокровища! Хотя, если ватрушки вкусные, то, может быть, я и соглашусь.

— Что это за Сухой Лёд? Это ты для рифмы вставил, чучело? — спросила Серэнити.

Солнечный Лут отрицательно помотал головой, потом, подумав, медленно заговорил, искоса поглядывая на мою подругу:

— Она страшна сейчас, как лужа,

Ей в помощь — Ледяная Стужа.

Ту часть фиала я имею,

Коей коснувшись, я немею.

Отпустите — отдам её.

Больше ничего не скажу, и то не враньё!

— То есть ты хочешь сказать, что может быть фиал, который вернёт мне красоту, и у тебя есть один из его осколков?!

Эмилия была крайне взволнована. Задавая вопрос, её голос сильно дрожал. Солнечный Лут утвердительно закивал головой.

— Давай его сюда, и мы тебя больше не тронем!

Лепрекон развёл маленькие ручки в стороны и сильно хлопнул в ладоши. У него на коленях оказался светящийся кристалл льда размером в пять дюймов. Книзу загнутый и отшлифованный, он имел наверху и по бокам неровные края скола. Солнечный Лут протянул его колдунье.

— Где искать другие фрагменты?! Сколько их всего?! Как их соединить между собой?! — посыпала вопросами Эмилия, принимая ледяную непрозрачную пластиночку, но маленький человечек стал растворяться в воздухе. Как шёпот донеслись последнее четверостишие:

— Купил свою я жизнь у вас!

Теперь отправлюсь пить свой квас,

Ищи-ищи! Но как найти?

Исходишь многие пути...

Издав стон, Эмилия села на могучий корень вяза. Ей хотелось выведать у Солнечного Лута всё, что тот знал о чудодейственном фиале. Но, поселив в душе надежду на исцеление, проходимец-лепрекон скрылся. Я погладил колдунью по волосам.

— Обещаю, что как только мы разделаемся с Десницей Девяносто Девяти Спиц, то сразу займёмся поисками осколков. Я тебя не брошу! Ты и я, вместе мы магию свернём!

Эмилия подняла на меня мокрые глаза.

— Я знаю, мой сморщенный гриб, что ты всегда будешь рядом. Давайте побыстрее

закроем червоточины и примемся за действительно важные вещи!

Улыбки озарили лица друзей. Почему-то мне показалось, что не только Грешем захочет присоединиться к нам в походе за утраченной красотой Эмилии. Глаза Серэнити блеснули, моя подруга стала ей небезразлична.

— Если вы все не против, я отойду пополнить запасы провизии, а то скоро мне придётся голодать. Последнюю бутылку я допил сегодня, — говоря это, вампир старался не смотреть на Великого инквизитора.

— Иди, конечно, а мы пока посмотрим в какую сторону нам надо двигаться, — ответил я.

Выбравшись из колдовской лощины, мы оказались на небольшом пригорке. Впереди молчаливыми гигантами нависали горы. Наша дорога лежала в Эльпот, наместнический город провинции Хильд, от которого мы, пользуясь указателями, отправимся вниз к перевалу, находящемуся под опекой гномьих бастионов.

Эмилия прижимала к груди заветный кусочек фиала. Я обратил внимание, как посинели её пальцы, сжимающие волшебный лёд. Казалось, колдунья совсем этого не замечала.

— Эй, подружка, разве ты хочешь заработать обморожение руки? Положи его в сумку, а то, не дай Вселенная, ещё кое-что восстанавливать придётся. Как я понял, этот лёд не может растаять, а вот заморозить что-нибудь ему вполне по силам, так что нечего его так стискивать!

Эмилия перевела на меня задумчивый взгляд. Вероятно, она слушала меня в пол-уха.

— Да, конечно!

Моя подруга спрятала осколок в сменные колготки.

— Ты прав, я не хочу помимо красоты потерять ещё и то, на чём ношу браслеты.

— Кстати, как управимся с твоим личиком, с меня будут причитаться серьги и перстень! — подбодрил я колдунью.

— Будет достаточно одного золотого колечка.

— Без всяких драгоценных камней? Ты же любишь изумруды!

— Калерб, я хочу от тебя обычное золотое кольцо. Вот сюда.

Эмилия показала мне безымянный палец.

— Без украшений и гравировок. Даже пусть оно будет серебряное, медное или из чего угодно сделанное, но только на этот палец!

— Ну, хорошо!

— Калерб, нехорошо! Я хочу, чтобы ты преподнёс его не в честь моего преобразования!

Не понимая, куда клонит моя подруга, я заинтриговано приподнял бровь.

— А в честь чего?

— Если мне повезёт, — ты сам догадаешься когда-нибудь, хотя я уже практически отчаялась, что это случится.

— Эй, да ты говоришь загадками, прямо как Солнечный Лут!

— Куда уж мне.

— С чего вы решили, что лепрекону можно верить? — вклинилась в наш разговор Серэнити, перекидывая за спину щит и сумку.

— Это сложный вопрос, — промычал я.

— Мне кажется, его трели о фиале могут быть кисельным враньём.

— У нас случилось некое состязание, где мы одержали победу. За это Солнечный Лут откупился тем, что, по его мнению, нам нужно. Вряд ли он стал бы лгать, балансируя на

черте жизни и смерти. К тому же для магических существ уговор всегда священен. Проиграл — исполняй.

— И всё-таки он мог надуть нас, хитро надавив колдунье на самое больное место. На что только не пойдёшь, чтобы сохранить свою шкуру целой. Вдруг то, что получила Эмилия, не более, чем побрякушка, зачарованная быть вечно холодной.

— Маловероятно. Сухой Лёд, как назвал его лепреккон, без сомнения является кусочком того, что раньше было целым. Он не подвержен влиянию тепла, а ведь даже истинная форма стихии Мороза, находясь в непривычной для себя среде, постепенно разлагается на водяной пар. Нет, в осколке есть сила и она дремлет, мне, как магу, это видно. Согласен, что радоваться рано, но, скорее всего, лепреккон сказал правду.

Серэнити вздохнула:

— Ладно. Я просто не желаю обнадёживать Эмилию понапрасну. Этот червяк исчез слишком быстро и не дал нам возможность всё обстоятельно выспросить.

Помолчав, Великий инквизитор перевела взгляд направо.

— Надо сказать, что благодаря Нифиль мы срезали большую часть пути. Я узнаю эти места. Здесь Шелковица сворачивает в сторону холмов Карака. Если отсюда будем двигаться на восток, то выйдем на одну из торговых дорог, которая непременно приведёт в Эльпот.

— И сколько нам потребуется идти? — спросил вернувшийся Грешем.

— Неделью, может меньше, — отозвался я. — Мы находимся на самом юге провинции.

— Руки в ноги и — вперёд? — улыбнувшись, предложила Эмилия.

В сердце колдуньи теперь жил маленький светлячок, делающий её настроение лучше.

— Вначале перекусим. На дорожку нужно что-то кинуть в желудок! Чем я хуже Грешема? Тоже есть хочу! — заикался я.

Серэнити закатила глаза, но промолчала. Мы побросали рюкзаки и принялись собирать хворост. Отметив, что сумка вампира брякнулась об землю тяжелее прочих, я порадовался, что он наполнил бутылки, и теперь долго не будет голодать. Мы наскоро сообразили костерок и, рассевшись возле него кружком, стали ждать, когда снег в котелке превратится в кипящую воду. Чаю хотелось ужасно. Вороша палочкой молодые угольки, я подумал, что давным-давно не оказывался в таких приключениях. Кровь кипела, я чувствовал себя молодым, полным сил, способным совершать подвиги. Однако в рамках Вселенной моя жизнь не более, чем вспышка света ясным днём; нельзя переоценивать себя. И если бы не Грешем, мы бы все сегодня оказались марионетками лесного человечка. Я посмотрел на ученика.

— Кстати, спасибо, что спас нас! Без тебя мы бы точно пропали!

— Да, спасибо большое! Теперь у меня есть надежда вернуть былую красоту!

— Спасибо, вампир. Лучше путешествовать с тобой, чем угождать сусликам на фуршете у крота.

От похвал Грешем раздулся, словно индюк. Его рыжие усы стали гармонично сливаться с покрасневшей кожей.

— Я! Это... Конечно! Всегда, пожалуйста!

— Между прочим, скажи, почему на тебя не подействовали лепрекконские чары, как на нас? — поинтересовался я.

Вампир поскрёб бок и недоумённо заморгал:

— Даже не знаю. Может, секрет в том, что я лучше, чем люди, переношу магию? Ну, говоря иными словами, обладаю к ней природной сопротивляемостью, как огр или астралы?

— Мне с каждым разом видятся явные плюсы быть кровопивцем. Надо над этим задуматься!

— Нечего об этом думать, если не хочешь попасть на инквизиторский эшафот, — злобно отозвалась Серэнити.

— Весомый довод.

Вскипевшая вода разлилась по кружкам. Держа между ладоней дымящийся напиток, я смотрел в сторону Железных Гор. В прошлом я неоднократно гостил у гномов, в тех кланах, что мелкой россыпью огибают края намного западнее Эльпота. Тогда меня вели приключения, и я нигде подолгу не останавливался. Теперь же, перед тем как взбираться на отроги, не худо бы припомнить, как надо вести себя с гномами. Есть золотые правила, которым необходимо следовать, чтобы было всё «тип-топ», а именно: говори разумно и сдержанно, проявляй почтительность и ни в коем случае не обращай внимания на их низкий рост, тем более, не дай Вселенная, назвать гнома карликом или коротышкой — большей обиды нанести невозможно. К тому же гномы считают себя размером в самый раз и очень обижаются на людей за их, подчас, глупые шутки.

Попивая из кружки, я похлопывал Снурфа по панцирю. Таракан родом из этих мест, возможно путешествуя, мы встретим его родню. Обрадуется ли он этому? Снурф, несомненно, считает себя единственным в своём роде. Наверное, увидев собратьев, он испытает большой шок. Поживём-увидим. Я подмигнул Грешему, впереди у нас была длинная дорога.

Глава 14. Мёртвые да восстанут

Нет ничего лучше продолжительной прогулки на свежем воздухе. Это полезно для здоровья и укрепления организма в целом, но когда странствуешь многие дни в зимнюю пору, то невольно начинаешь мечтать оказаться в тепле и уюте, хочется развалиться на мягком диванчике, и чтобы никуда не надо было идти. Вырвавшись из лап лепрекона, мы шестой день шли по направлению в Эльпот. Не найдя дороги, наш отряд плёлся наугад, преодолевая сугробы и снежные насыпи. Парочку раз я проваливался в снег по самую шею, однако не только мне так везло; Эмилия, Серэнити и Грешем поочерёдно оказывались на моём месте. Когда кто-нибудь из нас скрывался под снегом с головой, то приходилось бросаться на помощь и надеяться лишь на то, что товарищ не провалился под лёд скрытого пруда. Местность вокруг была самая разнообразная, и если бы не вечное движение вперёд, то я смог бы по достоинству оценить красоту провинции. Низенькие, разлапистые деревья перемешивались с громадными соснами и пихтами. Множество замёрзших крохотных озёр капельками рассредоточились по холмистому неровному ландшафту Хильда. Животных попадалось мало, в основном это были лисы, волки, зайцы и другие некрупные звери. Впрочем, встречались и кабаны. Не решаясь напасть на нас первыми, они злобно хрюкали и выставляли свои клыки. Зная о свирепом нраве этого родственника свиньи, мы старались обходить их стороной. Кое-где росли не боящиеся холодов растения. Я сорвал несколько белых неизвестных мне цветов, намереваясь на досуге разузнать, есть ли у них какие-нибудь интересные свойства. На ходу зарисовывая цветы в блокнотик, я услышал весёлый голос:

— Это же белобрысок! Ты что, никогда не видел такого? — удивлённо засмеялась Эмилия. — Я тебе все про него расскажу. Он — полезный цветочек. Если смешать его с листьями воровайки и ягодами цивилуса, то получится отличная мазь от бородавок! На себе

проверяла в детстве! А ещё вот знаю один рецепт: возьми три пера острокрыла, добавь пять клубней белобрысика, замешай в мраморной чаше в ночь на седьмое число пятого месяца и будешь иметь великолепный настой от тошноты!

— Что-то слишком сложно будет приготовить это зелье! Тошнота пройдёт раньше, чем я дождусь нужного дня и месяца! — саркастически заметил я.

— Не без этого, но мы же не ищем лёгких путей в решении простых задач? — пожалала плечами колдунья. — Конечно, легко смешать клиновы́й лист вместе с крупницей красной пыли, чтобы получить тот же самый настой, но разве так интересно?

— А какое самое сложное зелье ты готовила в своей жизни? — заинтересовался Грешем, тоже подбирая слабо пахнувший белобрысик.

— О-у-у-у! — Эмилия задумалась.

— Как-то раз я сидела в своём доме в Лунных Вратах и пила вишнёвый сок, как вдруг — бабах, на кухне послышался треск разбившейся вазы. Я бросилась на шум и увидела, что ко мне в комнату через неприкрытое окно забрался человек, страшно покусанный пчёлами. Я сразу поняла, что жить ему осталось час или два от силы. Он хрипел и умолял о помощи, а у меня сердце не железное, вот и пришлось проявить все своё природное мастерство зельеварения.

— Разве так сложно сварить настой, чтобы смягчить укусы насекомых? — спросила Серэнити, подстраиваясь под наш шаг.

— От яда обычной полосатой мошкеры снадобье приготовить легко, однако покусавшие беднягу пчёлы были древним волшебным родом, живущим в сердцевине Лунных Врат. Вероятно, человек попытался украсть Золотые Соты, по легенде дарующие нескончаемые запасы мёда, но был атакован бдительными защитниками улья и ели живой дополз до меня. Чтобы спасти бедолагу, я затратила двадцать пять разных составляющих, в которые входили такие ценные вещи как рога двухвостой змеи, печень синезуба, эфирное масло милинамика и корень оттюра.

— И как он отблагодарил тебя за спасение? — хмыкнул я.

— Хм, тот парень был бы рад сказать мне спасибо, но, к сожалению, от укусов он умер раньше, чем я закончила варить зелье.

— Ого! Значит, ты не знаешь, сработало бы оно или нет?

Эмилия глубоко вздохнув, посмотрела на меня осуждающе.

— Я проверила его свойства, когда настой был готов. Раны от укусов затянулись, остались лишь маленькие красные следы, однако дышать парня это уже не заставило. Я сильно расстроилась в тот день. Я хотела вызволить его из когтей смерти, но не успела.

— Не кори себя, значит, так было надо. Урах принял его в свои объятья. Ты сделала все что смогла, — негромко утешила Серэнити,

— Бывало у тебя такое же... Ну, что ты не успевала спасти человека магией Света?

Великий инквизитор раздумывала, отвечать на вопрос колдуньи или нет. Наконец она негромко заговорила:

— Когда я только начала проходить обучение магии вместе с избранными адептами Братства Света, в один из погожих весенних дней аббат-опекун привёл нас в казармы, чтобы мы на своём опыте узнали, какие раны нам предстоит исцелять. Этот небольшой гарнизон Карака находился у самой границы с Великим Лесом, и живорезы частенько совершали набеги на него. Ту ночь я запомнила на всю жизнь. Стоило мне переступить порог лазарета, как прозвучал сигнал тревоги. Я выбежала во двор и увидела, как через невысокие стены

перепрыгивали безволосые обезьяны. Тогда я впервые столкнулась с живорезами лицом к лицу. Аббата, находившегося в тот момент ближе всего к укреплениям, разорвали почти сразу. Воины кинулись отбивать атаку, зазвенела сталь, я бросилась в эпицентр сражения, не зная жалости. Победа досталась нам дорогой ценой. Из всех светлых братьев и сестёр выжила только я. Стоны о помощи десятков обращённых ко мне людей с того дня навсегда поселились в моей памяти. Я металась от одного солдата к другому, пытаясь использовать силу Света, но у меня не получалось, я ещё не знала, как это делать. Они умирали на моих руках, и я не могла их сберечь.

Серэнити замолчала и посмотрела вдаль. Казалось, сейчас её стальные глаза видят ту страшную картину.

— После того дня я поклялась себе, что не будет никого в целом мире, кто знал бы магию Света лучше меня.

— Ты — молодец! — искренне выдохнул Грешем, внимательно слушавший рассказ. — Ты спасла меня от жутких ран, оставленных бандитами! Ты настоящий мастер своего дела!

— Мне не нужны похвалы от сына Назбраэля, — коротко бросила Великий инквизитор через плечо.

— Как скажешь, но думаю, ты говоришь так просто потому, что тебе не нравится слышать в свой адрес что-то хорошее, а не из-за того, что это сказал тебе именно я. Ты — перекасти-поле, несчастная, благодаря своим искажённым представлениям о зле и одинокая в своей гордыне. Есть хоть одна душа на этой земле, кому ты действительно рада?

— Тебя это не касается. — Горящий взгляд Серэнити впился в Грешема. Тонкие пальцы сжались в кулаки. — Держи своё плешивое мнение при себе, потому что оно может привести тебя на шаткий мостик посреди бурлящей реки. Твоё общество мне глубоко противно и, видит Урах, ныне я сдерживаю себя, но как только мы покончим с демоническими воротами, то снова окажемся по разным сторонам баррикад... И тогда берегись.

Последние слова Великий инквизитор произнесла шипящим шёпотом.

— Я не хочу становиться тебе врагом, и никто из нас этого не хочет! Ты считаешь, что если я вампир, то я — зло. Да, я пью кровь, но сейчас я стал другим, не таким как прежде. Я питаюсь только злодеями, теми, кто отбирает, грабит и насилует! Я, так же, как и ты, очищаю мир от грязи! Так чем я хуже тебя?

Грешем вплотную подошёл к Серэнити и едва не касался её своим носом. Если бы случайный наблюдатель увидел эту сцену, то он наверняка сказал бы, что здоровенный рыжий мужик в капральском камзоле вот-вот схватит хрупкую замызганную грязью девушку, но я-то знал, что моему ученику не тягаться в силе с великим инквизитором. Вставая между Грешемом и Серэнити, я ощутил две мощные волны противоположной энергии.

— Да как ты смеешь, отретье тьмы, ставить меня и себя на одну планку! Ты — лишь чёрное пятно на светлой скатерти мира! Кем ты себя возомнил?! Я тебе так скажу, нежить, не переходи мне дорогу, иначе твой учитель найдёт от тебя лишь обугленный остов!

Намеренно задев Грешема плечом, Серэнити стрелой пошла вперёд. Я укоризненно уставился на ученика.

— Зачем ты цепляешь её? Ничего хорошего из этого не выйдет. В один момент, когда тебе понадобится поддержка в битве, она сделает вид, что не заметила этого, и тебя убьют. Думай, прежде чем говорить с ней. Путешествуя с нами, Серэнити испытывает колоссальный дискомфорт, который, впрочем, успешно преодолевает. Не подливай масла в

огонь. Она уже не раз спасла наши жизни и доказала, что с ней лучше дружить нежели, чем иметь её врагом.

— Вообще-то она первая начала склоку! Разве по-честному отчитывать меня за это? Почему вы всегда становитесь на её защиту? Что? Бойтесь сказать ей лишнее слово?

— Хватит, мальчики, — опережая меня с гневным ответом, вмешалась Эмилия. — Каждый прав по-своему, но ругаться не надо. Я бы хотела иметь такую подругу, как Серэнити. Она сильная, правдивая и смелая, однако у меня пропадает всяческое желание водить с ней дружбу, когда её заносчивость даёт понять кто мы, а кто она.

— Мы ещё хлебнём с ней горя, — упрямо проворчал Грешем.

— Возможно, всё будет совсем наоборот. Она рычит на тебя, потому что в её душе прорастают семена, разрушающие кремень её непогрешимых суждений. Мы становимся ей ближе. Серэнити уже осознает это и поэтому пытается вытравить из себя чувства, кажущиеся ей кощунственными по отношению к её мировоззрению. Дайте Великому инквизитору время, и она в полной мере увидит, что мы — хорошие ребята. Задумываясь над многими твоими словами, Эмилия, я прихожу к выводу, что в конечном итоге у нас с Серэнити возникнет самая невообразимая и прочная дружба. Один толчок, и у всех нас сломаются барьеры предрассудков.

— Ты забыл добавить, милый, если только этот толчок произойдёт, — улыбнулась Эмилия.

— Я предвижу, что он не заставит себя ждать. Этого хочет Вселенная, — пробормотал я, глядя в след удаляющейся светлой фигуре. Чуть громче я добавил:

— Давайте продолжим идти, а то потеряем её из виду.

Пробираясь следом за Серэнити, я невольно поднял голову вверх. Ветер быстро гнал с гор надутые грозные тучи. Поднималась метель. Снег, подгоняемый рьяными порывами воздуха, больно кусал лицо. Защищаясь от пробирающегося внутрь холода, я накинул капюшон и подхватил воротник рукой. Белый вихрь усиливался, делая каждый шаг труднее предыдущего. Нужно было переждать непогоду. Забившись под каменный навес, мы дрожали и, пытаясь согреться, жались друг к другу. Великий инквизитор демонстративно ни на кого не смотрела. Я вглядывался в снежный туман и старался понять, в какой стороне дыбятся золочёные башни Эльпота. Может, где-то там? Над теми серыми облаками? Какие у них поразительные формы! Вот по небу несётся рогатый бык, а это что-то похожее на орла — клюв чётко вырисовывается на мутной перистой картине. Рядом с ним, растопырив лапы и открыв хищный рот, скалится крупный дракон. Наблюдая за художествами надзвёздной сферы, я вдруг на миг увидел вдали всполох блеснувшего света. Лишь на одно мгновение вспышка озарила молочную пелену, а затем потонула в непроглядном мареве.

— Вы видели это?

— Что видели? — спросила Эмилия, отрывая голову от коленей.

— Там! Что-то внизу засияло, а потом исчезло!

— В той низине Эльпот, — глухо объяснила Серэнити. — Мы сейчас на широком плато, за которым начинается спуск к городу. Торговый Тракт остался немного западнее. Я поняла это час назад, когда заметила, что земля уходит под уклон. Через день мы приблизимся настолько, что сможем различить стены и бойницы.

— Значит, мы близко! — воодушевился Грешем.

— Не настолько, чтобы так радоваться, — усмехнулся я. — Если вьюга не утихнет, а такое не редкость в этих местах, то пробираться до цели придётся не одни сутки.

На горизонте вновь пробилась жёлтая искорка. Смелым лучиком она пронзила тенета капризной зимы и больше не погасла.

— Это — сигнальный маяк, — сказала Великий инквизитор, сдвигая брови. — Его зажигают, только когда случается крупный пожар или приходит другая беда. Видимо, Эльпот в опасности.

— При такой пурге вряд ли может что-то загореться, — отметил я, подпирая подбородок кулаком.

— Это орды Десницы Девяносто Девяти Спиц штурмуют столицу провинции, — ахнула колдунья. — Мы должны быстрее туда добраться!

Серэнити печально посмотрела на мою подругу.

— Если мы пойдём прямо сейчас, то, скорее всего, выбьемся из сил и ляжем умирать в одном из глубоких сугробов. Переждём шторм, а потом двинемся дальше.

Великий инквизитор окинула взглядом наше вынужденное убежище.

— Снегом нас точно не засыплет. Нужно пользоваться моментом и хорошенько отдохнуть. Скоро нам понадобится каждая капелька силы.

— Тогда давайте перекусим! — согласился я с доводом Серэнити.

Отряхнув оледеневшие мешки, мы принялись передавать друг другу припасы. Холодный окорок плохо лез в горло без горячего чая, но деваться было некуда. Закусив его сыром и парочкой сушёных яблок, я стал мечтать о дымящемся, только что приготовленном супе с кусочками разваристого картофеля, рыжими монетками моркови и колечками порея. Пытаясь отогнать мысли о вкусном блюде, я сосредоточился на своих знаниях об Эльпоте.

Этот город сияющих фонтанов и многоголосных площадей, как и все остальные наместнические центры Соединённого Королевства, является сосредоточением величия и мощи. Выстроенный в незапамятные времена на благодатной равнине, он имеет внушительные крепкие стены и грозную армию. Когда-то в знак доброй воли и в аванс будущих отношений с людьми Хильда, гномы перебрали всю каменную кладку и возвели в стратегически важных точках практически нерушимые укрепления и фортификации. В центре города, как и положено, располагается замок, увенчанный множеством круглых башенок. Снабжённый поясом контрфорсов, арок и хитроумных парапетов, он не напоминает о поре, когда защита правителя была его основной задачей. Вокруг замка гранитными иззубренными блоками и подвесными мостами растянулась вторая линия обороны. В её пределах обитает основная масса жителей. Ворота на север, запад, юг и восток открывают проходы к пригородам, в которых обосновались более бедные обитатели Эльпота или те, кто предпочитает быть поближе к природе и подальше от суеты оживлённых кварталов.

В моей памяти Эльпот отпечатался веретеном дивных улиц, сложенных под влиянием культуры гномов. Его скульптуры, парки, двухскатные крыши и блистающие мостовые таят в себе какую-то чопорность и непривычную глазу строгость линий. Здесь нельзя увидеть причудливых шпилей и изящных завитков Гельха или заметить королевскую роскошь Шальха. Архитектура Эльпота обстоятельная и приземистая. Дома крепкие, а крыши толстые. Под их навесом не страшны ни вихри, ни удары града.

Помимо некой визуальной эстетики Эльпот знаменит дюжиной гильдий и десятком артелей. Две громадных академии ремесленного зодчества выпускают из своих пенатов, пожалуй, самых лучших кузнецов, кожевенников и каменотёсов. Так же город по праву гордится своими целителями и лекарями. Именно под его покровительством находиться

старейшее, повитое мхом, куполообразное здание Алхимикус Деторум, в котором проходила обучение Эмилия. Сколько бы раз мы не посещали Эльпот, она всегда тянет меня в розарий, разбитый у входа в её альма-матер. Мы сидим на лавочке, едим мороженное и предаёмся воспоминаниям прошлого. Это прекрасно, но что-то мне подсказывает, что в этот раз нам не удастся посетить столь любимое местечко. Хотя, кто знает?

Дожевав кусочек хлеба, я плотнее закутался в шерстяное одеяло. Моя голова опустилась на плечо Грешема. Сон — вот единственное спасение от этого пробирающего до костей холода. Поодаль от меня Серэнити, сняв стальные перчатки, ожесточённо тёрла ладони. Белые тонкие пальцы её были похожи на прозрачные сосульки. Великий инквизитор что-то тихо зашептала, дунула на руки, а затем плотно их сомкнула. Из-под сжатых ладоней заструилось волшебство. Жёлтый шарик, похожий на кусочек сливочного масла, плавал из стороны в сторону, повинувшись порывам ветра. Заслоняя желток от летящего снега, Серэнити молча прикоснулась своей сияющей рукой ко лбу каждого из нас. Внутри меня заструилось тепло. Оно находило самые промёрзшие участки тела и наполняло их жарким дыханием магии. Я благодарно посмотрел на Серэнити.

— Спасибо! Так намного лучше! Мне показалось, что ещё чуть-чуть, и я перестану ощущать свой нос!

Эмилия согласно кивала моим словам.

— Не благодари, некромант, я просто не хочу, чтобы ваш сон здесь стал последним. Ночевать на снегу не самая хорошая идея, но ничего не поделаешь, надеюсь, что завтра погода отнесётся к нам более благосклонно.

— Думаю, так и будет.

Я кивнул в сторону облаков.

— Снега становиться меньше, к полуночи стихнет.

— Тогда до этого момента спим, а потом сразу выдвигаемся. Сердцем чувствую, что сигнальный маяк зажгли не просто так.

Эмилия чихнула. Покопавшись в сумке, она достала платок, чтобы вытереть нос. Подхватить простуду сейчас можно на раз-два. Я очень хотел добраться до города, а там заночевать в самой настоящей постели. Грешем посапывал, уткнувшись носом в меховую подкладку камзола. Вернув голову на его большую ручищу, я заснул. Сонные видения оплели мой разум и уволокли в невообразимые чертоги.

Звёздное пространство тянется в бесконечность. В нём как попало устроенные двери, а я — где-то рядом с ними. Пожелай, и окажешься возле любой. Я повернулся кругом — светящийся простор с входами-выходами. Мне надо выбрать: какую дверь открыть? Я как бы зашагал, но ощущения движения не было. Кажется, время застыло. Где я нахожусь? Я наугад взялся за ручку и потянул вниз. Щелчок шпингалета, бесшумно отворяется створ, а за ним чудо из чудес — мир, полный огня. Бурлят океаны. Они раздираются потоками лавы, выплёскивающимися из недр рокочущих вулканов. Птицы летят по багровому небу. Они голоса и камнем падают в яростную жижу стихии. Катастрофа или обновление? Что я увидел? Я плотно закрыл дверь и переместился к другой. Юдоль солнечных мазков. Зайцы пляшут в обнимку с лесными феями. Из-за толстого дерева выглядывает мудрый олень, глаза чёрные, внимательные. Сильно раздувая ноздри, он с присвистом тянет воздух. Вот он качнул мощной головой и скрылся в тени. Идиллия? Мир без страха? За следующей дверью — лишь голая растрескавшаяся земля без единого признака жизни. Красно-оранжевый закат обрамляют два огромных неизвестных солнца. Голубое вытянутое, красное — с маленькими

кольцами. Кажется, что веретено Бытия никогда не придёт сюда. Что это? Равновесие? Я направился дальше. Какую? Какую? Вот эту. Я резко остановился и дёрнул ручку вправо. Через проём я сверху смотрю сам на себя. Порывом магии меня затащило внутрь. Зависнув в воздухе, я оглядываю нашу компанию. Вот он я, присыпанный снегом, обнимаю Грешема и Снурфа, вот мне в шинель уткнулась Эмилия, Мурчик греет её спину и живот Серэнити, примостившейся подле него. Поток силы меня потащило ввысь, где я принялся рассматривать свой мир. Зрение расширилось, и мне во всей красе предстал тысячеокий храм Шальха, а за ним Весёлые Поганки и мой родной Шато! Я сфокусировался и увидел как Птикаль с Башни Заката безумно пялится на подножие горного кольца. Он бормочет и заламывает пальцы. Что его так взволновало? У самой кромки Моря Призраков, там, где вода облизывает твердь скал, раскинув пятнистые щупальца, зияет дыра Десницы Девяносто Девяти Спиц. Отвратительные мохнатые гусеницы выползают из её чрева. Они медленно тянутся к моему замку, оставляя за собой следы едкой слизи. Вскрикнув, я всей душой подался к трясущемуся Птикалю. Я практически возле него, но не тут-то было! Меня выдёргивает, разворачивает и тащит вспять на сотни миль, туда, где горит маяк Эльпота. Единным духом я пронёсся над равнинами, реками и лесами. Я парю над городом. Красные от крови парапеты покрыты слоем сажки. Сразу две червоточины выплёскивают неистовые легионы орущих существ. Солдаты под знамёнами сокола защищают стены, которые берутся штурмом. Ярким пятном среди общей массы выделяется человек в белых одеждах великого инквизитора. Размахивая светящимся молотом, он гонит перепуганную нечисть обратно к демоническому portalу. Возгласы, радостные и горькие, слов не разобрать.

Меня крутануло в воздухе, и ракурс обзора сменился. Тот самый козел, встретившийся нам в Эрменгере, сейчас наблюдал за ходом сражения, стоя у дымящегося дома. Его прямоугольные зрачки горели исступлённым огнём насилия. Издав гортанно-блеющий звук, он, не торопясь, двинулся к городским воротам. Вихри подхватили моё невесомое сознание и понесли к разверзнувшемуся небесам, а через них в пространство, из которого я вначале выпал. Теперь я стоял на полу, вымощенным бело-синими квадратами. Все двери померкли и отошли за грань досягаемого. Осталось всего две, и они были подле меня. Я знал, куда ведут их испещрённые вязью проёмы. В мерцающей и живой тьме Вселенная предлагала сделать выбор. Спасти то, что дорого мне, или помочь выжить тысячам людей, оказавшимся в ловушке. Молчаливый вопрос как топор завис над моей головой. Я понимал, что каждая секунда промедления навсегда обрывает чью-то судьбу.

— Зачем ты показываешь мне это?! Проверяешь меня?! Что ты?! И... Кто ты?!

Ответа не было, да и не могло быть. Я почувствовал понуждающую вибрацию.

— Я не хочу выбирать! Слышишь?!

Двери распахнулись, давая шагнуть мне в одну из них. Догадка озарила меня, и от этого я покрылся холодной испариной. Вселенной было абсолютно всё равно, что я сейчас решу. Мириады миров, уходящих по коридору вдаль, уже когда-то сталкивались с Десницей Девяносто Девяти Спиц. Где-то они побеждали её, а где-то терпели поражение. Это случалось в прошлом, будущем и настоящем, сверху, снизу и сбоку. Вселенная награждала героя своим вниманием и выводила его на арену, где игра проводилась на одних только ей удобопонятных условиях. Раскладывая карты и перемешивая их, она создавала меняющуюся реальность, удобную её непостижимому Замыслу. Я безумно обхватил голову руками. Если мой вывод верен, то и неважно — за какой порог мне ступить. Хотя, погодите! Нет! Я здесь! Я живу! И люди, которые сражаются под стенами Эльпота, хотят жить! И Птикаль тоже!

Если я вернусь в Шато, то спасу свой дом, но что тогда будет со всеми остальными? Нет, я не могу обречь на смерть тех, кто молится о надежде и спасении. Прости меня, мой милый Птикаль, уверен, ты поступил бы так же. Простите меня все мои домочадцы. Я искренне люблю вас и ныне, принося ваши души в жертву ненасытной утробе Деснице Девяносто Девяти Спиц, моё сердце обливается кровью. Мне никогда не смыть боль за сие деяние, но я отомщу. Да, я отомщу, и ничто не удержит мой праведный гнев! Ты требуешь определения? Так вот оно! Твёрдой рукой я толкнул полуприкрытую дверь вперёд. Волшба подхватила меня и стремительно швырнула обратно в моё тело. Перед глазами красными углями плавали руны ничуть не похожие на мерзкую письменность живорезов, которой я уже грезил, однако они были не менее гадкими и интуитивно понятными. Руны гласили — «Ты сделал свой выбор».

Несколько раз моргнув, я резко поднялся, перепугав спящих друзей. Подхватив Грешема под локоть, я заставил подняться и его. Эмилия и Серэнити уже стояли на ногах и непонимающе таращились на меня.

— Сейчас Десница Девяносто Девяти Спиц во всеоружии атакует содрогающийся Эльпот! Нет времени объяснять, как я это узнал, просто верьте мне, надо как можно скорее прийти к нему на помощь!

— Калев, так мы только за, но метель...

Слова застыли на губах Эмилии. Ветер, нещадно ревуший до этого момента, вдруг стих и рассеялся. Хлопья снега угомонились. Тучи с поразительной скоростью разлетелись, а ночное небо озарилось россыпью звёзд. Вмешательство Вселенной? Пусть так, мне безразлично, каким образом она собирается подкинуть в мой карман козырь. Плата слишком велика.

Не понимая, что творю, я произнёс слова само собой пришедшего на ум наговора. Нас обволокло пульсирующими красными нитями магии.

— Вперёд!

Подхватив сумку и походный мешок, я изо всей мочи побежал на ясный огонь далёкого маяка. Казалось усталость не ведома мне. Любой бегун давно бы уже упал, не находя в себе сил продолжать движение дальше, но я нёсся вперёд, не чувствуя даже сбившегося дыхания. Друзья не отставали. Они, как и я были окрылены мигающими покровами божественного провиденья. Наши сапоги не тонули в сугробах, не цеплялись за коварные корневища деревьев и не отпечатывали следов. Слово по мостовой в летний денёк, я летел, не ведая измора. Сколько так продолжалось? Час? Два? Четыре? День? Не знаю. Мой напряжённый организм отключил разум и подчинил все имеющиеся у себя ресурсы только одному — деятельности мышц. Слово в дурмане я разобрал очертания громадного города. Зарево локальных пожаров смешивалось с неясной дымкой наступающего дня. Стали попадаться дома. Это лица? На них удивление? Миновав речку, я взобрался на пригорок. Осознание реальности вновь вернулось ко мне. Внизу копошились полчища зверолодей. Одним муравейников они облепили арки сопредельных врат. Выжатый как тряпка, я повалился на снег и заплакал. Меня выворачивало и сжимало, мистические силы покидали своё местоположение, теперь я должен действовать сам. Рядом повалилась Серэнити. Её грудь бешено поднималась и опускалась в такт сокращениям измотанных лёгких. Я закашлялся и сплюнул кровавый сгусток. Тяжело отдуваясь, к нам подошли Грешем и Эмилия, а за ними показался Снурф и всклокоченный Мурчик.

— Не знаю, что ты там наколдовал и как мы преодолели всю эту дорогу, но во мне как

будто пробудился фонтан неиссякаемой энергии, — задыхаясь, сказала Великий инквизитор.

— Ах... кхм... фу, сейчас он как будто обмельчал, — едва слышно отметила колдунья, кое-как натягивая сбившийся капюшон. — Калерб, что это было? Что за чародейство ты применил?

— Чудесам будем удивляться позже, — отозвался я, практически полностью придя в себя. — Давайте попробуем пробиться в Эльпот!

— Не нужно торопиться, — осадил меня вспотевший Грешем. Зорким зрением он осматривал стены города. — Битва не идёт. Кругом затишье. Вероятно, у Десницы Девяносто Девяти Спиц оказались руки коротки, взять Эльпот внезапным приступом. Сейчас твари перебазируются, подтаскивают брёвна к дозорным кострам и что-то варят в стальных бочках.

— Что ещё ты видишь? — спросила Серэнити.

Приложив к глазам ладонь козырьком, вампир сузил зрачки и отрывисто заговорил:

— Люди укрепляют разбитые бастионы. За блиндажами расположились лучники. Они держат под прицелом недосыгаемых врагов. К парапетам подтаскиваются котлы со смолой и баллисты. Белая фигура ходит туда-сюда, видимо отдаёт указания.

Серэнити довольно кивнула головой.

— Белая фигура? Слава Ураху, это наверняка Ваял Диянги! Если он жив, то возможно ещё не все потеряно!

— Кто он такой? Первый раз слышу, чтобы ты так уважительно отзывалась о ком-то, кроме королевы, — усмехнулся Грешем. Словив от меня суровый взгляд, он стушевался.

— Он — Великий инквизитор и настоятель Хильда. Из шести инквизиторов Соединённого Королевства Ваял — самый опытный. Если ему случится разгадать в тебе вампира, то долгих церемоний не жди. Огонь, поленья и едкий дым составят компанию твоим крикам боли, — холодно и как-то отрывисто ответила Серэнити.

— Это касается только меня или к некромантам и ведьмам Ваял относиться более доброжелательно?

— Вам всем одна дорога! Всех вас нужно сжечь!

Я предупреждающе дёрнул Эмилию за подол платья.

— Не злись на Серэнити. Она нарочно расковыривает свою ненависть к нам, чтобы заглушить нарастающее чувство преступной дружбы, — прошептал я на ухо подруге, кладя руки на её плечи.

— Да поняла я, — так же шёпотом ответила колдунья, втискиваясь в мои объятия поплотнее. — Погрей меня немножко, а то я вся продрохла.

— А если он узнает, что Великий инквизитор Иль Градо путешествует в компании приспешников Тьмы и периодически залечивает им раны, что тогда? — тем временем продолжал наседавать Грешем.

— Ты вздумал мне угрожать, вампир? Кому поверят? Тебе? Или мне?

Стальные перчатки угрожающе сжались в кулаки.

— Вопрос в другом: кому поверишь ты. Ваялу? Тогда ответь, почему он не воспрепятствовал перевороту власти в провинции? Почему он свободно расхаживает по укреплениям, а не сидит в казематах? Какова его роль в расколе Соединённого Королевства? Ну, скажи мне! Что замолчала?

Серэнити приблизилась к вампиру, и мне стало очевидно, что столкновения не миновать. Однако Великий инквизитор не оправдала моих опасений. Она опустила руки и,

отойдя к трухлявому заборчику, поставленному здесь невеста когда, проговорила:

— Как не печально это признавать, но твои слова справедливы. Мне не ведомо, какие цели преследует Ваял Диянги.

Помедлив, великий инквизитор добавила:

— Когда я встречу с ним, узнаю.

— Давайте пока отложим политику и обратим взор на насущные проблемы.

Я указал посохом на Эльпот:

— Что думаете? Как нам лучше всего миновать несметное полчище монстров и пробраться в город?

— Прежде чем перебирать варианты, нужно обмозговать то, что мы имеем, — по-деловому отозвалась Эмилия. — Внизу тысячи озверелых тварей подпирают высокие стены. Ворота при этом, естественно, заблокированы. Попасть через них в Эльпот не получится. Что нам остаётся? Под прикрытием «Плща Массовой Невидимости» подобраться к одной из башен, а там, используя левитацию, перебраться на ту сторону.

— Ты забыла добавить, что заклинание «Массовой Невидимости» очень нестабильно. В неподходящий момент оно может само собой развязать нити энергии, что выставит нас на всеобщее обозрение, как лучникам Эльпота, так и топорникам Десницы Девяносто Девяти Спиц. Мы даже не успеем сказать «ой», а нас уже изрубят на мелкие кусочки.

— Риск велик, — согласилась моя подруга. — Но других идей пока не прозвучало.

— Подождите.

Грешем посмотрел на меня.

— Вы когда-то рассказывали, что гномы принимали участие в строительстве Эльпота. Могли ли они по заказу бургомистра прорубить тайные ходы, ведущие из замка в укромное место, находящееся за территорией города?

— Вполне вероятно. Но нам их никогда не найти, — печально ответил я. — Подгорный народ отлично знает, как замаскировать выходы из секретных лабиринтов.

— Но должен же быть обходной путь!

— И он есть.

Серэнити внимательно смотрела вдаль:

— Все храмы Ураха имеют катакомбы, они-то и проведут нас прямо к центру Эльпота. По преданию, один монах после смерти не нашёл покоя и стал бродить по коридорам мёртвых, ища лазейку, чтобы выбраться наружу и попросить Ураха взять его заблудшую душу. Не сумев отворить тяжёлой плиты, ведущей в молельню, он встал на каменный гроб и раскопал ногтями ямку, через которую и вылез. Всеотец увидел его и забрал в Мир Света, оставив после вознесения только чистую рясу. В память об этом каноническом сказании, вот уже сотни лет все погребальни снабжены скрытыми тоннелями к поверхности земли. Если мы подойдём достаточно близко к городским стенам, то я постараюсь их найти.

— Тогда вперёд, искать это замаскированное место! Мертвецов я не боюсь!

Серэнити одарила меня брезгливым взглядом.

— Я и не сомневалась в этом.

Спускаясь со склона, мы прятались за густыми зарослями хвойных деревьев, которые хорошо скрывали нас от ненужного внимания воинов Десницы Девяносто Девяти Спиц. Пробираясь, я часто приседал и боязливо осматривался по сторонам. Справа, не так уж далеко от меня, стояли часовые. Шумно вдыхая воздух рылами, они перегавкивались на своём грубом, извращённом наречии. Стараясь ступать как можно тише, мы, как зайцы,

перепрыгивали от одного ствола дерева к другому. Серэнити, словно тень, крадась первой, за её плащом петляла Эмилия, потом я, за мной в полуприсяде шёл Грешем, а вереницу замыкали Мурчик и Снурф. Пройдя незамеченными через три патруля и совершив значительный переход вдоль редколесья, мы направились к одиноко стоящему домику, ветхие двери которого были сорваны с петель и лежали у крыльца. Соблюдая осторожность, наша компания обошла дозорный пост Десницы Девяносто Девяти Спиц, а затем просочилась вовнутрь заброшенного здания. Как я и ожидал, интерьер цвёл запустением и сыростью. Всюду валялись груды старых заплесневевших досок. Перевернутый, без ножки, стол примостился в углу. Пара стульев да не пойми откуда взявшийся громадный камень составляли всё убранство помещения. Чтобы наблюдать за появлением возможного врага, Грешем припал к раме выбитого окна. Эмилия отрешённо чесала за ухом напыжившегося кота. Вид у колдуньи был обманчив, много путешествуя с ней, я знал, что она сейчас напряжена и готова в любую секунду обрушить смертоносное заклинание на шкуры псов Десницы Девяносто Девяти Спиц. Я опёрся на валун, покрытый корочкой вечнозелёного маха, и едва слышно спросил:

— Куда дальше, Серэнити?

— В Эльпот, конечно, — ответила Великий инквизитор, блеснув глазами.

— Шутишь? Я спрашиваю, куда нужно двигаться, чтобы найти вход в катакомбы.

Остановившись возле меня, Серэнити поглаживала чуткими пальцами поверхность камня.

— Мы уже на месте.

Где-то внизу послышался хруст. Валун, на который я облокотился, плавно отодвинулся в сторону. Под ним чернел проход, покрытый толстой сеткой паутины. Я восторженно посмотрел на Великого инквизитора.

— Откуда ты знала, что вход в склеп будет именно в этом доме?!

— Я не знала, пока не зашла сюда и не увидела монолит с печатью Братства Света.

Серэнити постучала облупившимся ногтем по каменной тверди. Ну конечно! На боку у валуна была выцарапана белая волнистая звезда с крошечными бутонами.

— Как ты его сдвинула? Ты, конечно, сильная, но не настолько! — заохал я, кося под простофилю.

Начав спускаться вниз, Серэнити остановилась и посмотрела на меня, как на трёхлетнего ребёнка. Есть! Слопала приманку!

— Ты, конечно, не обделён некоторым багажом знаний, но иногда я дивлюсь тому, что ты не понимаешь самых очевидных вещей. Секретная пластина, только и всего!

Естественно, я догадался, что великий инквизитор использовала потайной механизм для перемещения каменюки, и мне жутко хотелось понять, как он выглядит. Наверняка все остальные катакомбы королевства были снабжены подобными устройствами. Если я уясню общую суть их действия, то потом, исключительно когда все прихвостни Десницы Девяносто Девяти Спиц будут побеждены, я навещу усопших братьев света, чтобы они могли с превеликим удовольствием поделиться тайнами, которые скрывают в себе их истлевшие черепа.

— Погоди! Покажи мне, где он находится!

— Зачем?

— На тот случай если с тобой случится нечто непоправимое, а нам нужно будет совершить вылазку и вернуться обратно!

— Не беспокойся понапрасну, со мной ничего не произойдёт.

Серэнити сделала пару шагов по лестнице и вдруг остановилась под моим ожидающим взглядом.

— Я что, похожа на дуру, чтобы вот так вот взять и выложить некроманту, как быстрее добраться до тел упокоенных здесь братьев и сестёр?

— Вот ты какого обо мне мнения? Надо учиться доверять людям, с которыми сражаешься бок о бок, Серэнити! — выпалил я раздосадованный своим провалом.

Великий инквизитор усмехнулась.

— Не принимай это так близко к сердцу. Я подозреваю всех и каждого, а особенно тех, кто не брезгует для осуществления своих целей пользоваться богомерзкой магией. Кроме лёгкого способа, как тебе попасть к Назбраэлю, ты ничего от меня не узнаешь, Шаттибраль.

Состроив насмешливую гримасу, Серэнити больше не останавливалась. Она продолжила нисходить во тьму. Подхватив Мурчика под задние лапы и последовав за великим инквизитором, Эмилия одарила меня улыбкой. Конечно, она сразу догадалась, для чего я интересуюсь, как открыть погреб. Во всём её виде читалось: «Эту красотку тебе не облапошить. Остался ты с носом, старый гриб». Да, подружка, ты права! Грешем обнажил клинки и, окинув в последний раз тревожный взором дверной проём, заторопился за колдуньей. Покинутый всеми, я быстро обошёл камень вокруг. Ни одной подковырки на шероховатой поверхности мне обнаружить не удалось. Подползший Снурф ткнулся в мою ногу бронированной головой.

— Фнизш!

— Да, иду-иду!

Ещё дважды наскоро ощупав валун, я опечаленно развёл руками. Я пытался! Обещаю, когда всё закончится, я вернусь сюда для подробного изучения каждой пяди этого покосившегося дома! Потрепав таракана за усы, я пустил его спускаться вперёд себя, после чего сконцентрировался и вызвал три шарика света. Самый крупный из сгустков я отправил к Серэнити, другой — к Эмилии, а последний оставил у себя освещать неровную череду каменных выступов. Тот, кто делал эту лестницу, совершенно не задумывался о том, будет ли легко подниматься и спускаться по ней людям. Кривые ступеньки имели разную длину, ширину и высоту. Я оступился и, чуть не падая, нечаянно наступил ногой на Снурфа. Безмолвие пронзило негодующее шипение. Я тут же наклонился и поглаживаниями попытался привести любимца в хорошее настроение. Глаза — бусинки смотрели на меня обиженно. Но я же не нарочно! Кое-как разогнувшись, я продолжил спускаться дальше. Покрытые вязкой грязью перила ломались от прикосновения рук и, чтобы не повалиться повторно, мне приходилось держаться за сырые стены. Наконец, после череды витков, стал виден пол. Добро пожаловать, достопочтенный Калерб, на самый нижний ярус гробницы Братства Света! За месяц я уже второй раз навещаю подобные места. Красота!

Я различил лица ждущих меня друзей. Где-то сверху послышался скрип ставшего на место камня. Серэнити закрыла проход, надавив пальцами куда-то над безнадежно испорченной лампадой. Я глубоко вдохнул затхлый воздух, пропитанный нотками разложения. Мне никогда не нравился этот запах, но чтобы привыкнуть к нему, проще всего сразу впустить его в свои лёгкие. Великий инквизитор уверенно направилась по извивающимся коридорам. Снопы пыли, увивавшиеся за её серой хламидой, мягко высвечивались в лучах магических шаров. Потолок над головой был вырезан ровно настолько, чтобы макушка едва не касалась перекатанного свода. Свернув несколько раз

направо, мы оказались в длинной галерее. В стенах находились грубые ниши, вероятно выбитые в незапамятные времена. В них, скрестив на груди чёрные высохшие руки, лежали древние монахи, облачённые в пластичные доспехи. В погребальных обрядах Братства Света, не кремируя, хоронят только боевых жрецов и высшие чины Орденов. Остальные монахи и монахини, их жёны и мужья находят своё место в глиняных погребальных урнах. Почему такое разделение? Не знаю, но справедливости тут мало. Представим, что я не некромант, а обычный монах света, трудившийся всю жизнь во славу Ураха. Я годами переписывал нудные тексты писания и молился за спасение грешных душ. Я был благочестив, но меня не спасло это от болезни. Она сковала моё брненное тело, и я умер. Однако вместо того, чтобы мумифицировать меня, со мной поступают иначе — поленья, искра, та-дам-парам-пам-пам, и я стал горсткой пепла, которую помещают в коричневую вазу, и вот, на этом всё. Жалкое окончание скучной жизни. Лучше бы меня развеяли по ветру, нежели чем обрекли на вечное хранение в стылом погребке. И всё же такого исхода требуют непоколебимые догматы. Однако почему они щадят боевых жрецов? Может их служение не заканчивается после смерти, и они ждут, когда прозвучит призыв встать на защиту веры? Размышляя над этими вопросами, я машинально считал захороненных здесь людей. Десять, двадцать, сорок, восемьдесят. Такое количество сойдёт за маленькую армию! Серая спина Серэнити вновь исчезла в одном из поворотов. В какой-то момент полки в стенах стали меньше и на них, вместо упокоенных рыцарей, появились урны. Значит выход близко! Я обратил внимание на друзей. У Эмилии усыпальница вызывала чувство дискомфорта. Моя подруга никогда не любила проводить время в подобных местах. Она шла за великим инквизитором, стараясь не смотреть по сторонам. Грешем напротив, задумчиво разглядывал в полутьме орнамент на запечатанных вазах. Миновав несколько развилок, дорога повела нас вверх. Спустя какое-то время Серэнити подала сигнал, и мы остановились.

— Прямо над нами храм Ураха. Когда поднимемся, говорить буду я. Предупреждаю, что открывшийся погреб напугает находящихся внутри прихожан. Может статься так, что они нападут на нас. По возможности отбивайте удары и ни в коем случае не убивайте их, — произнося эти слова, великий инквизитор жёстко посмотрела каждому в глаза. — Однако, я надеюсь, что ничего подобного не произойдёт... В любом случае я постараюсь всё урегулировать. Вы готовы?

— Подожди секундочку! Мне нужно сконцентрироваться!

Зрачки Серэнити наливались гневом.

— Я же сказала: никаких убийств!

— Не все заклинания направлены на отнятие жизни! Я просто хочу так, про запас, создать чары «Замедления»! Они безвредны!

— Используй их только в случае крайней необходимости.

Приложив руки крестом к двум кирпичам на стене, великий инквизитор заставила внушительные двери явить за собой проход в обитель Всеотца. Ступая по грубому камню порошков, она стала подниматься вверх. Шагая следом, я шурился и едва различал обстановку вокруг. Насыщенные краски нещадно резанули по глазам ослепительным светом. После бархатной полутьмы это было до жути неприятно. Выход из катакомб ознаменовался небольшой комнаткой, в которой никого, кроме нас, не было. Изъеденные молью гобелены и пыльные капли цветных стёкол наталкивали на мысль о том, что сюда вообще редко кто-то заходит. Толкнув резные ворота, мы оказались в продолговатом нефе. У алтаря стоял престарелого вида мужчина в белых одеждах великого инквизитора. Его седые волосы,

аккуратно забранные в пучок, висели сзади коротким хвостиком. Человек что-то запальчиво говорил сидящем напротив него боевым жрецам. После того как мы вошли, все взгляды собравшейся братии само собой обратились к нам. Как и предвидела Серэнити, монахи, принявшие нас за пособников Десницы Девяносто Девяти Спиц, с криками посрывались с лавок и кинулись избавлять святая святых от внезапного осквернения. Неукоснительно сокращая расстояние между нами, они неслись, держа наперевес разнообразное оружие внушительного размера. Я собрался кинуть чары в приближающегося боевого жреца, но меня опередила Серэнити. Расставив широко руки, она выдохнула заклинание Света, и все бежавшие люди попадали на пол. Как ни в чём не бывало, на ногах остался лишь человек в белой рясе. Хлопнув в ладоши, он поспешил встать между нами и грузно поднимающимися братьями света.

— Стойте! Стойте! Они — не враги! Отец Небесный! Серэнити, ты ли это?

Разведя руки в объятьях, старик подался вперёд.

— Девочка моя, как же ты сюда попала? Видит Урах, ты пришла в роковой для нас час.

Не давая притронуться к себе, Серэнити отступила на шаг. Воспользовавшись всеобщим замешательством, я принялся рассматривать великого инквизитора Хильда. Он был высоким, поджарым, с внимательными коричневыми глазами и седой бородой, которая делала его похожим на строгого мудреца. Я чувствовал силу, скрывающуюся в нем. На крючковатых ухоженных пальцах застряло несколько золотых колец.

— Рада видеть тебя, настоятель Ваял! Много вопросов нужно обсудить нам, но времени на это нет. Я узнала, что Эльпот окружён нечестивыми демонами и пришла помочь остановить расползающуюся скверну.

Серэнити указала на меня, и цепкие карие глаза сразу впились в мои зрачки. Я ощутил, как через зрительный контакт Ваялу Диянги становится ясно, кто находится перед ним.

— Со мной маг, призванный королевой Констанцией...

Тут великий инквизитор осеклась, но быстро собравшись, снова продолжила:

— Призванный королевой Констанцией Демей для защиты Соединённого Королевства от порчи Десницы Девяносто Девяти Спиц. Он разбирается в оккультных науках и умеет закрывать порталы. Для того, чтобы город...

Серэнити не успела договорить, Ваял Диянги прервал её тоном, не терпящим пререканий:

— Что ты мне зубы заговариваешь? Ты думаешь, я ослеп и не вижу чёрную душу колдуна, изрыгающуюся через впадины его век? Мне уже давно известно, что королева сошла с ума и окружает себя такими выродками!

— Постой! Ты...

— Я?! Нет, не я! Ты! Ты представляешь мне соумышленником Тьмы, потому как не пожелала уберечь Констанцию Демей от таких, как он!

Великий инквизитор Хильда обвинительно ткнул перстнем в грудь Серэнити.

— Неужели ты потворствуешь злу в Иль Градо и плодишь его? Что с тобой случилось, сестра?! Зачем, на самом деле, ты притащила сюда этого изверга?!

— Почему ты судишь, не разобравшись?! Почему выступил против Короны?! Почему поддержал выскочек, захвативших власть в провинции?! — закричала в ответ Серэнити, сжимая кулаки в стальных перчатках.

Ваял удивлённо выпятил толстую губу, а затем важно произнёс:

— О каких выскочках ты говоришь, девочка? Я единолично управляю Хильдом. Никто

лучше меня не знает, что хорошо для провинции, а что плохо.

— Что это значит?!

— Мне стоит рассказать тебе хотя бы для того, чтобы ты убедилась в грандиозности проблемы, свалившейся на мои плечи, и прониклась тем, как я с блеском, в пику бесовским козням, преодолеваю её.

— Заканчивай со вступлением и переходи к сути!

Приказной тон Серэнити поколебал равновесие Ваяла Диянги. Его опрятное лицо скрючилось гримасой бешенства, однако крайнее возмущение вмиг сменилось маской хладнокровия. Великий инквизитор Хильда неторопливо заговорил:

— Спешу удовлетворить твой аппетит неведенья. Не так давно, от Шарлиз, вернувшейся из Шальха, ко мне птицей долетели головокружительные вести. Минуя тебя, и теперь мне ясно почему, Мерзкое Урочище, выношенное Назбраэлем, пробралось в королевские покои, где обосновалось и стало вить свои тенета. И без того слабые и безвольные монархи, приведшие за последний век страну к упадку, оказались поработаны силой столь страшной, что Шарлиз не смогла одолеть её и в ужасе бежала из-под скрежещущих сводов червивого логова. Твоё попущение как Великого инквизитора, или лучше сказать потакание крошечному мраку привело к смерти Вильгельма, а как следствие, к разорению страны и демоническому нашествию.

Серэнити потрясённо качала головой, а Ваял, говорил дальше:

— На одном из богослужений меня посетило видение, ниспосланное Урахом. Оно указало мне, что я должен сделать. Война, суровая и безжалостная, только она сорвёт с Соединённого Королевства саван паразитирующей и всеразъедающей гнили запредельного зла.

— Послушай себя! Ты сошёл с ума! — заорала Серэнити, бледнея от гнева.

— С ума сошли вы! Никчёмный Алан Вельстрассен и всё духовенство Иль Градо бродят в потёмках и иллюзиях собственной значимости! Урах отвернулся от вас! Прозрение замогильных аспидов более не ведомо вам, потому что вы погрязли в блаженстве и себялюбии! Вы забыли, для чего живёте! Но близится время, когда вы вспомните! Я напомню вам, что есть истина, а что ложь! Мечом и огнём я раскрою заскорузлую оболочку греха и впущу в ваши затравленные сажеей сердца Свет! Пришла пора перерождения! Пора, в которой Всеотец при помощи меня отделит проклятых сквернавцев Назбраэля от алчущих благодати праведников Ураха! Я истреблю нечисть, угнездившуюся в Шальхе, и провозглашу начало новой эры!

Голос Серэнити зазвучал расплавленным серебром:

— Я поняла! Когда погиб Вильгельм Тёмный, и открылись порталы, ты усмотрел для себя удачный шанс посеять Смуту, которая ввергнет Соединённое Королевство в пучину феодального дробления. После всех перипетий она, направляемая твоими манипуляциями, выстелет тебе сладкое и, без сомнения, желанное тобою местечко. Твоё нынешнее положение и неустанное мелькание на театре боевых действий, приправленное складно придуманным враньём о поручении Ураха, в конечном итоге ниспошлёт тебе королевский венец!

— Родилась несмышлёной и живёшь бестолочью. Где в моих речах ты усмотрела тягу занять трон?

Серэнити таким презрительным взглядом удостоила Ваяла, что я неосознанно порадовался, тому что не мне пришлось его снести.

— Ты всегда был хитрым, Ваял. По всей вероятности, тебе удалось одурачить большинство местных гарнизонов и Орденов. Скорее всего, ты так же, через Шарлиз Орик, которая как мне доложили, теперь всю носит титул верховного понтифика, заручился поддержкой Гильберта Энтибора. Ты подмял под себя Хильд и Плавень! Впереди договор с Кераном, а потом уничтожение Иль Градо, Карака и Вельдза. Опьянённые преступной братоубийственной резней, палачи принесут трон к твоим ногам. Другого кандидата на престол не будет. Толпа выберет тебя, и ты, для вида нехотя, согласишься.

Ваял оглянулся на собравшихся подле него боевых жрецов. Ему надо было что-то ответить в противовес обличающей тираде Серэнити.

— Это не более чем огульные домыслы, продиктованные пеленой, застилающей твои глаза. Я пекусь только об интересах людей, их судьбах и жизнях!

— Вздор! — Серэнити перевела взор на собравшуюся братию. — Он пользуется вами, чтобы достичь запретного могущества над народом Соединённого Королевства! Внемлите мне! Ни один служитель Братства Света, занимай он хоть какую высокую должность, не имеет права налагать на себя заботы вне полномочий храма, и уж тем более, верховодить мирскими делами с наместнического ложа! Урагу это противно и оскорбительно!

По залу пролетел шёпот переговаривающихся жрецов. Его оборвал рык Ваяла:

— Не поддавайтесь на её провокации! Вы знаете, на чьей стороне находится благодать Всеотца!

— Так и на чьей же?! Объясни, Ваял! — рывкнула Серэнити.

— Кому? Тебе? Ты бредишь! И своим бредом пытаешься заразить окружающих!

— Ты предатель и лгун!

Вопреки нападкам Серэнити, Ваял неожиданно сменил общую суровость на напускное отеческое расположение. Он обратился к боевым жрецам:

— Братья мои! Серэнити тяжело больна! Однако надежда на выздоровление ещё есть! Мне, избраннику нашего всемилостивого Бога Света, под силу вытравить из неё тени, коими она одержима! Серэнити вновь станет сама собой и займёт пост Великого инквизитора, но не в пропитанном грязью Иль Градо, а у нас, в достославном Хильде!

Раздались одобрительные возгласы. Монахам понравилось предложение Ваяла, который с ухмылкой, видной только нашей компании, мягко промолвил:

— Ты всегда была мне как дочь, Серэнити! Поэтому я прошу тебя, давай забудем всё, что сейчас было сказано, и предадимся совместному восхвалению Всеотца. Я проведу ритуал, и ты, вырванная из когтей Тьмы, воспрянешь обратно к Свету!

Елейное, наполненное смертельным ядом увещание, раскалило Серэнити, словно чайник. Она прошипела:

— Ты белены объелся, Ваял?! Поражаюсь, как ты только язык себе не прикусил, называя меня дочерью!

— Успокойся, моя хорошая.

— Ты преподносишь меня как умалишённую, но на самом деле разум потерял ты! Я провижу иссушающую жадность в твоих глазах! Она сглодала тебя изнутри! Цинично думая о всевластии, ты опорочил Братство Света! Скажи, где оказались те, кто не захотел лицезреть тебя в качестве наместника? Где магистры и маршалы Орденов?! Где генералы и командиры? Что с ними стало?!

— Их головы насажены на пики, — спокойно ответил Ваял Диянги.

— О, Урах! Какое же ты чудовище!

— И твоя голова будет там, если ты сию же секунду не принесёшь мне клятву верности. Рука с перстнем протянулась для поцелуя.

— Я поклялась служить лишь Всеотцу! — прорычала Серэнити, отбивая холёную длань в сторону.

— Дура набитая! Сейчас ты сама подписала себе смертный приговор!

Ваял извлёк из воздуха искрящийся молот, а Серэнити сняла щит и достала булаву.

— Отнюдь! Сегодня умрёшь ты! Завтра — мерзавка Шарлиз, а послезавтра сгинет Десница Девяносто Девяти Спиц! Благослови Урах, моя рука не дрогнет!

— Прикончите их! — взревел Ваял. — Но её не трогайте! Я сам разберусь с этой заносчивой оборванкой!

До сего дня стены храма ни разу не обагрившись кровью и не осквернялись убийством, но всё ведь бывает впервые, не так ли? Серэнити и Ваял Диянги закружились в смертоносном танце, совершенно не обращая внимание на то, что происходило вокруг. Молот старика, грохнувшись о щит, огласил зал пронзительным скрежетом. Отбив удар, Серэнити едва не достала булавой самоуверенную голову. Больше я ничего не успел заметить, так как мне угрожала опасность сразу от пятёрки боевых жрецов. Метнув сконцентрированное заклинание «Замедления», я попал в троих. Движения у опутанных чарами людей стали не быстрее, чем у черепахи. Сверкнула сталь, алые крапинки на клинке подсказали мне, что Альдбриг, направленный в горло, угодил точно в цель. Мгновение, и Ночь Всех Усопших принял на себя всю мощь обрушившегося топора. Сгруппировавшись, я с кошачьей ловкостью треснул кристаллом перерубленного древка об непокрытую макушку жреца. Спелая хурма бы так не разлетелась, как эта лысая голова, только что лишившая меня магического оружия! Я метнул взгляд налево. Эмилия создала изумрудно сферу блокирования — с ней всё было хорошо. Перевёл глаза направо: Грешем орудовал клинками. Комбинацией перекрёстных взмахов он рассёк грудь раскрывшегося противника, но отвлёкшись, сам получил в ухо железным молотом. Отлетев к гипсовым статуям и разбив их, вампир больше не шевелился. Я иступлено закричал и бросился на убийцу моего ученика. Ярость, поднявшаяся внутри меня, выплеснулась в произвольный призыв огня. Рокошущая стрела вылетела из моих сомкнутых ладоней и, угодив в доспех монаха, объяла его красным пламенем. Злость комком давила на сознание. Она кидала меня от одного врага к другому, и я не ведал пощады. Искры летели из-под моих пальцев при мысли, что Грешема больше нет.

— Берегись!

Крик Эмилии заставил меня обернуться. Я судорожно вдохнул, и лезвие неприятеля вошло в мою печень. Кровь подступила к горлу. Рубанув из последних сил мечом, я поверг наземь пронзившего меня жреца. Падая на колени, я заметил Снурфа, прыгнувшего на перекошенное лицо грузного монаха. Короткий вопль, и из его артерии забил красный фонтан. Выдернув из себя кинжал, я отбросил его в сторону. Бессильно сползая по гладкой колонне, я поразился ясности, с которой воспринимало происходящее моё надломленное тело. Эмилия размахивала раскалённым Людвирбингом перед двумя пригнувшимися боевыми жрецами. Один из них вскоре пал жертвой испепеляющей вспышки. Я перевёл взгляд на Серэнити. Её бой всё ещё продолжался. На лице Ваяла больше не сияла усмешка победителя. Под натиском великого инквизитора Иль Градо его включенная борода моталась взад-вперёд. Мне стало ясно, что несгибаемая Серэнити одержит верх в этом сражении. Ваял Диянги устало дышал, было видно, что силы старика на исходе, и он тянет время, ища возможность нанести удар исподтишка. Неожиданно клубок голубых полосок в

руках Ваяла превратился в луч. Он замерцал и врезался в грудь Серэнити. Охнув, она перелетела через скамью и, шмякнувшись копчиком о ризницу, закрылась щитом от подоспевшего Ваяла. Раз, два, три — блистающий молот забарабанил по легендарному артефакту, не давая Серэнити провести контратаку. Давай, Шаттибраль, напрягись напоследок, белокурый великий инквизитор нуждается в этом! Зацепившись пальцами за громоздкую вазу, я встал. Мир качнулся, но я знал, что иного момента изменить ход событий у меня не будет.

— Эй, козья борода, любишь сосульки?

Остроконечный болид льда, закручиваясь по спирали, засвистел в разгорячённого старика. Он понял всё слишком поздно. Стихия воды обожгла его конечность страшным холодом. Ваял завизжал и воззрился на почерневшее, рассыпающееся запястье. Этой заминки хватило, чтобы Серэнити толкнула его ногами в живот. Ваял не удержал равновесия и упал на пол. В следующий миг череп старика лопнул под нажимом булавы. Карие глазки укатились за подсвечник, фитильки на котором потушил пришибленный Эмилией жрец. Бой был окончен.

Я устало закрыл глаза и приготовился к смерти. Боль, до этого затаившаяся где-то далеко, сейчас выворачивала меня наизнанку. Я уловил едва различимый аромат шоколада, смешенного с потом. Здравствуй, Серэнити, да, это я тут отдыхаю! Руки-то какие холодные! Зачем ты трогаешь рану пальцами? ... Постепенно нахлынувшее помутнение рассудка сходило на нет. Улыбнувшись уголком губ, Великий инквизитор отошла к распластавшемуся Грешему. Что она для него сделает? Я ощупал место, куда попал клинок. Толстый шрам на память — чепуха, у меня таких больше десятка! Эх, вырвала меня Серэнити из-под могильной плиты! Что же, придётся воевать дальше! Я и не рассчитывал на лёгкий конец! Тем временем мой ученик зашевелился. Под воздействием магии Света его разорванная кожа стягивалась. Он был оглушён и теперь медленно приходил в себя. Серэнити водила над ним амулетом Ураха и неслышно читала заклинания. Наконец вампир начал подниматься, и я последовал его примеру.

— Это ужасно, — сокрушённо промолвила Серэнити, стоя посреди груды трупов.

— Ты сделала то, что должна была. Ваял стал изменником, разжигателем войны, и ты его наказала. Ты — настоящий Великий инквизитор, и я тобой горжусь! — ответил я.

— Вы были вместе со мной... Без вас бы всё сложилось иначе, но я...

Серэнити постояла над поверженным телом Ваяла, а затем подошла к заляпанному кровавыми брызгами алтарю. Опустившись на колени, она сложила руки ладонями вместе.

— Всеотец, сегодня чёрный день для Братства Света. Я запятнала Твой Пресветлый Храм кровью, я убила Ваяла Диянги. Взгляни внутрь меня! Если в первом я раскаиваясь и ищу прощения то во-втором — я приношу свои чувства на Твой Суд. Ваял Диянги был мудрым и опытным инквизитором, но его помыслов коснулась жажда наживы и сопутствующей ей грязи. Где он свернул не туда? Почему так вышло? Как мне избежать того же? Урах, дай мне ответы и прости меня! Дай мне сил преодолеть себя и не отступить от задуманного! Сделай меня справедливой! Укрепи моё сердце! Дай не убояться зла, дай побороть его! Придержи...

Послышались звуки колокола. Звонили громко. Крики на улице могли говорить только об одном. Начался новый штурм Эльпота. Помедлив, я прикоснулся к великому инквизитору.

— Нужно спешить! Без нас сражение может обернуться поражением!

Серэнити оторвалась от молитвы, кивнула и, разгладив складки измятой рясы, встала с

колен. Открыв разукрашенные двери храма, мы оказались на хорошо знакомой мне улице. Каменные дома, как крепкие грибы, усеивали её выпуклыми крышами и лесом печных труб. Между зданиями сломя голову бежали люди. Они направлялись к крепости на пригорке. Из шума, доносившегося со всех сторон, я понял, что северные ворота разрушены, и вот-вот воины Десницы Девяносто Девяти Спиц сомнут последних защитников и хлынут в город. Людская давка, вызванная страхом гибели, выглядела поистине ужасающе. Стоя, как колосок под гнётом бури, я судорожно думал, как найти выход из положения. Тик-тик-тик, — струнка надежды задёрнула мои извилины. Да, невероятно, однако это может сработать! Затащив друзей обратно в храм, я стал излагать пришедшую в голову мысль.

— Со смертью Ваяла Диянги нам не удастся взять под командование гарнизон Эльпота. Ворота снесены, и с минуты на минуту мы будем окружены тварями из сопредельного мира. Звучит худо, положение критическое, но я думаю, что отчаиваться рано. Мы ещё можем потягаться с Десницей Девяносто Девяти Спиц за столицу провинции! Для этого я гальванизирую всех мумифицированных рыцарей Света, находящихся в катакомбах!

Уловив взгляд собирающейся разразиться триадой Серэнити, я продолжил, чуть повысив голос:

— Я знаю, что это против правил! Но если мы этого не сделаем, город сгорит дотла, а его жителей будет ожидать ещё более страшный конец! Под моей волей боевые жрецы восстанут на самое чистое и значимое дело в своей жизни — на истребление демонов бездны! Всеотец простит нас, ведь мы потревожим мёртвых во имя сохранения живых! Вызвав зомби, я окружу нас стеной бесстрашных воинов, с помощью которых мы невредимыми доберёмся до портала! Для его закрытия мне понадобится вся имеющаяся у меня сила. Поэтому там я скину свой контроль над светлой братией. Оказавшись полностью беззащитным, я буду волшбой корчевать разрыв реальности, а вы станете прикрывать меня сталью! Вместе мы разобьём Десницу Девяносто Девяти Спиц и выкинем её огнедышащее нутро обратно в пустоту! Ну что? Вы согласны?!

Эмилия воинственно вздёрнула носик.

— Думаю у нас получится! Я уже начинаю чувствовать прилив энергии, как в Эрменгере. Где-то по Эльпоту рыщет тот козёл, предвестник Десницы Девяносто Девяти Спиц! Теперь он так просто не отделается! Рогатая образина заплатит за то, что сделал со мной! Я покажу ему, что такое настоящая магия!

— Моё ухо это не вернёт, но срубив парочку волчьих голов я хотя бы пар выпущу, — горько усмехнулся Грешем. — Я с вами, учитель, как и всегда!

— Мне кажется, я схожу с ума, но я согласна! Властью, дарованной мне Братством Света, я даю тебе право призвать боевых жрецов, дабы они исполнили свой вековечный долг и смыли нечисть благословенным железом.

Великий инквизитор трагикомично рассмеялась.

— Действуй, некромант, спаситель Эльпота и всего Соединённого Королевства! Да убережёт нас Урах!

Дважды меня просить не пришлось. Кинувшись в катакомбы, я на бегу прислушивался к пульсации тела. Да, флюиды магии, заполнившие воздух, вливались в меня, подобно реке в пересохшее русло. Тлетворный козёл рядом, я содрогаюсь, однако вместе с этим и укрепляюсь. Ведь именно он невольно даёт мне силу противостоять его разрушению! Скотившись кубарем по ступенькам в склеп, я стал настраиваться на призывание почивших

монахов. Ещё пару минут назад мне бы для этого потребовались аккумулировать все доступные ресурсы организма, но с непрерывным притоком энергии этого не требовалось. Я с лёгкостью заставил старые кости обрести былую подвижность. Из недр усыпальницы потянулись полуразложившиеся братья света. Латы тускло сверкали серебром. Заржавевшие мечи глухо лязгали о ромбовидные щиты с тусклой звездой. Глаза призванных горели колдовским огнём. Первый раз в жизни мне показалось, что мёртвые все слышат, знают, помнят и чувствуют. Повинуясь необъяснимой потребности, я заговорил перед стоящем строем зомби:

— Я потревожил ваш бесконечный сон, чтобы вы сразились против Десницы Девяносто Девяти Спиц, который претендует на наш мир. Исполните сегодня волю Ураха, укройте меня непробиваемой кольцом и доставьте к северным вратам Эльпота! Там я выкину мерзких тварей за Грань Бытия и отпущу ваши души на заслуженный покой!

Мысль-приказ. Словно паук, я потянул за собой древних боевых жрецов. Остановившись возле Ваяла Диянги, я с кривой усмешкой поднял великого инквизитора. Держа рунический молот наперевес, он возглавил колону незнающих страха воинов. Когда моя маленькая армия вышла на улицу, я стал возле друзей и скомандовал:

— Круг!

Мертвяки заключили нас в ощерившуюся сталью сферу.

— Слишком погожий денёк, чтобы умирать, — пошутила Эмилия.

— Предпочитаешь ливень и град на своих похоронах?

— Я не задумывалась над этим.

— Вот и не думай, потому что мы не умрём.

Я подбадривающе подмигнул колдунье.

— Покажем тварям, чего стоят Эмилия, Калев и их друзья?

— Как всегда! — улыбнулась моя подруга. — Веди нас к победе, мой дорогой и отважный гриб!

— Да! Начистим им копыта! — поддержал Грешем.

— Тогда — вперёд!

Я направил наш отряд навстречу опасности. Не прошло и минуты, как из-за передней линии зомби стали слышны крики, рычание и скрежет оружия. Древние жрецы света схлестнулись с исчадиями тьмы. Переступая через разрубленных косматых существ, павших от клинков моих мертвецов, я мимолётно поздравил себя с отличным планом. Однако напряжение нарастало с каждым шагом. Вот под ногами я увидел растерзанные одежды Ваяла. Под бешеным нажимом зверолодей мы стали нести значительные потери. Отрубленные предплечья, запястья и стопы вперемешку принадлежали как врагам, так и восставшим боевым монахам. Отсечённые головы поднятых мертвецов мерцали затухающим волшебным светом. По правую руку от меня Эмилия подняла Людвирбинг. Из его изумрудного навершия в небо сорвалось пять зелёных капель. Пронёсшись по дуге, они распались на крупы и кислотным дождём оросили беснующееся зверье. Дикий вой боли возвестил о том, что магия попала туда, куда надо. Неожиданно внутрь нашего круга впрыгнул высоченный полуграч. В его руках возбуждённо подрагивала зазубренная палица, которой он собирался воспользоваться, чтобы пришибить кого-нибудь из нас. Грешем отреагировал быстрее всех. Толкнув демона локтем в клюв, он рассёк угольный живот от самого пупа до волнистых перьев толстой шеи. Сипло каркая и заливая кровью все вокруг, полуграч мешком брякнулся на землю. Для надёжности Снурф тыкнул лапкой в

заплывающие белки глаз. Квартал, ещё квартал! Медленно шествуя на север, мы теряли силы и бойцов. В какой-то момент сквозь просвет кольчуг я увидел вдали сокрушённые колдовством шпили оборонительных башен. В нашем отряде осталось чуть больше двадцати боевых жрецов, и это очень беспокоило меня. Сможем ли мы осуществить задуманное, или нам уготовано погибнуть, так и не приблизившись к червоточинам? Безмолвные мертвецы продолжали сражаться со всё нарастающим гнётом Десницы Девяносто Девяти Спиц. Над головой миновала арка городских ворот. Красные своды облупились и потрескались. Покрасит ли их кто-нибудь после сегодняшнего дня? Пудовый шлепок когтистой лапы свалил наповал предпоследнего зомби, стоящего передо мной. В открывшейся брешии я встретился взглядом с голым человеком, имеющим львиную морду и хвост. Серэнити сделала выпад и размашисто приложила его булавой. Рыжая грива отделилась от пятнистых плеч.

— Вон они! — громко возвестила Великий инквизитор, указывая куда-то влево.

Проследив за движением руки, я заметил то, к чему мы шли. Два неподалёку стоящих друг от друга портала изрыгали из своих недр полчища Десницы Девяносто Девяти Спиц. От увиденного у меня защемило сердце. С такой армией мы не сможем тягаться. Как будто в ответ на моё предчувствие, демоны обступили нас плотным кольцом и взяли в тиски. Больше куда-либо двигаться мы не могли. Началась бойня.

Забирая с собой двух трёх воинов Десницы Девяносто Девяти Спиц, боевые жрецы один за другим, падали грудями костей. Не теряя управления над остатком войска, я метнул в противников «Цепной Молнией», после которой запах опалённого меха ударил в нос едкой струёй. Моя магическая атака повергла существ в ещё большую свирепость. Топчась по горячему праху своих братьев, они с удвоенным усердием навалились на нашу оборону, и их усилия имели всё больший успех. Вот уже пал последний зомби, прикрывающий Грешема. Вампир вступил в бой, и теперь только его короткие клинки отделяли меня от ревущего сонмища оскаленных пастей.

Когда, казалось бы, смерть уже дышала нам в затылок, зычный рожок прорвал шум соприкасающихся лезвий. Из-за холмов, к полю брани приближались белые точки. Я понял кто это, но разум отказывался верить в неожиданное счастье. Это были гномы верхом на своих излюбленных животных, снежных барсах! Разя точно и без пощады, они клином вошли в живое море Десницы Девяносто Девяти Спиц. Оттопырив изогнутый хобот, полуслон находившийся ближе всего ко мне, дрогнул. Его дубинки замедлили свой ход, и вслед за этим Альдбриг по рукоятку воткнулся в морщинистые складки между рёбер.

Пользуясь всеобщей сумятицей, мы надавили на пошатнувшихся тварей и принялись прорубаться к зияющим оранжевыми бликами потусторонним вратам. Неожиданно нерешительность и смятение противника переросло в бегство. Забыв обо всем на свете, ватага полулюдей бросилась к спасительным червоточинам. Сияющими звёздами гномы настигали улепётывающих прихвостней зла. То, что не доделывали их молоты, завершали снежные барсы. Вцепляясь в горла, они рвали клыками артерии и вены.

Пробравшись сквозь побоище, мы каким-то чудом оказались подле порталов. Грешем и Эмилия стали впереди меня, Серэнити, Мурчик и Снурф позади. Больше никому из нашего отряда добраться сюда не получилось. Зомби исполнили свою миссию, продержав защиту, ровно столько, сколько было нужно. Поблизости от нас остановилось несколько гномов. Подозрительно смерив меня взглядом, они что-то прокричали на своём гортанном языке, а затем ринулись к Эльпоту. Я глубоко вдохнул и наперекор всему происходящему закрыл

глаза. Мне надо было сконцентрироваться. Словно пустая бутылка под струёй воды, я набирал витающую в воздухе энергию. Сформировав магический шар силы, я послал его в самую середину бурлящего жерла. Вспышка. Меня откинуло прямо на Серэнити. Да! Есть! Один из двух сопредельных разрывов осыпался градом раскалённых камней. Поднимаясь на ноги, я почувствовал Его! Чуть поодаль от меня, из столба голубого света возник козёл с пылающим двуручным мечом. Его прямоугольные зрачки, выискивали причину обрушения врат, источая практически осязаемую злобу. Найдя глазами то, что искал, он страшно заблеял. Переступая с копыта на копыто, козёл не торопясь пошёл ко мне. От его приближения по моим конечностям пробежали судороги, которые спустя миг переродились в паралич. Колдовское поветрие затронуло не только меня, как и в тот раз, в Эрменгере, мои друзья обратились в изваяния, которые едва могли шевелить руками и ногами.

— Жалкий червь под моим ногтем, неужели ты думаешь, что сможешь переиграть меня? Я сдеру с тебя кожу и сделаю барабан!

Невольно пятясь назад и готовясь к самому худшему, я стискивал Альдбриг и обломок Ночи Всех Усопших.

— Скажи своё имя! А то мы так и не познакомились!

Мой рот ели открывался и произносил слова по слогам. Кажется, это позабавило козла, рассмеявшись блеющим смехом, он произнёс:

— Что тебе в том, букашка? У меня много имён, но издыхание прекрасно, когда знаешь от кого его принял. Меня зовут Таурус Красный Палач. В Деснице Девяносто Девяти Спиц я Первый из Круга Смерти.

Подойдя ближе, козёл занёс пылающий меч над моей головой. Вот и всё? Белая вспышка сбила Тауруса в грязь. Хищные зубы снежного барса оросила демоническая кровь. Вопль боли сопровождался шустрым взмахом полыхающего оружия из преисподней. В последний момент гном в серебристых доспехах прыгнул с огромной кошки, и остриё так и не достало его горла. Кувыркком встав на копыта, Таурус простёр волосатую руку на бесстрашного бородача, потрясающего молотом. Обрушив на столбенеющего гнома основной поток магии, Первый из Круга Смерти непреднамеренно снял с нас чары оцепенения, всего на секунду, но нам этого хватило. Опередив взметнувшуюся булаву Серэнити, посох Эмилии и короткие клинки Грешема, я послал в Тауруса заряд сжигающей энергии. Нагрудник на козле стал пунцово-белым. Жутко заблеяв, он скинул с себя плавящуюся броню, оголив под ней неприкрытую женскую грудь. Мучительно извиваясь, Таурус бросился ко мне. От пылающего меча меня спас легендарный щит вовремя подставленный Серэнити. Соприкосновение. Оглушительный взрыв. Я вверх тормашками отлетел на ствол дерева, ещё чуть-чуть и приземлился бы прямо на воткнутую рядом пику. Везение! Виски щемило, в ушах стоял звон, но я был жив, а Таурус исчез вместе с порталом! Поднявшись, и не веря тому, что всё закончилось, я подбежал к распростёртой Серэнити. Уста великого инквизитора наполнила кровь, а рука, на которую пришёлся удар, заметно посинела. Приподняв светловолосую голову, я бережно положил её к себе на колени. Она была ещё жива, ещё дышала. Как мне помочь ей?! Как?!

— Эмилия!!!

Да где же она?! Я оторвал взгляд от скоропостижно бледнеющего лица и стал искать свою подругу. Скользя глазами по взъерошенному вампиру и удивлённому произошедшим гному, я обнаружил её выбирающейся из-под большущего сугроба. Заметив мои призывные махания перчаткой, она заспешила ко мне. Добравшись до нас, колдунья села рядом на

обломок доски. Проводя пальцами по белоснежным прядям, она пристально всматривалась в стекленеющие ледяные зрачки. Немного погодя Эмилия достала из кармашка пузырёк с бесцветной жидкостью и, открутив пробку, бросила несколько капель на язык Серэнити. Почти сразу кашель затряс тело Великого инквизитора. Кровь, смешенная со слюной, ручьём потекла с разомкнутых губ. Судорожно набирая в лёгкие воздух, она корчилась и крутилась. Синяя жилка забилась на виске пульсирующей ниточкой. Я держал её и, как дурак, приговаривал:

— Сейчас, сейчас все пройдёт! Потерпи!

Я просто хотел, чтобы Серэнити перестала страдать. Эмилия вцепилась в запястья тонких рук. Она тёрла их и что-то шептала. Постепенно, вопреки моим неутешительным ожиданиям, Великий инквизитор стала приходить в себя. Её дыхание успокоилось и выровнялось, глаза обрели осмысленное выражение, а лихорадка отступила.

— Спасибо, я... Со мной все в порядке, — прохрипела Великий инквизитор.

— Что ты ей дала?

Эмилия откинулась назад, и, устало облокотившись на выставленные за спину руки, покачала головой.

— Я не знаю, что это! То есть это снадобье ещё в Шальхе дала мне сама Серэнити. Она сказала использовать его только в крайнем случае, или если её не станет...

— Это Живая Вода, — прошептала с моих колен Серэнити. — Она может вернуть даже с порога смерти, но цена, взимаемая за новую жизнь не маленькая...

Сзади меня кто-то прокашлялся. Я обернулся и увидел, как гном снимает с себя отполированный шлем. Его густая коричневая борода слегка вилась, волосы на голове имели цвет чуть темнее бороды, толстые руки упирались в бока, а на шее, поверх великолепного доспеха, висел золотой медальон наковальни. Он делано кивнул стоявшему возле него Грешему, а затем подошёл ко мне.

— Меня зовут Дурнбад. Я из рода Надургх. Сегодня мы спасли друг другу жизни.

Голос гнома был низким, так мог бы говорить столетний дуб или вековечный камень.

— Кровь к крови! Не убоявшись врага, ты ринулся в бой, не зная страха. Сегодня и до конца дней я рад приветствовать тебя как брата!

Дурнбад протянул мне руку, которую я поспешил пожать. Стиснув пальцы в крепкой хватке, гном чуть не сломал моё запястье.

— Да снизойдёт на тебя благословение скал и милость гор! Отныне и до конца, мы — братья! — ответил я, своевременно вспомнив легендарный ответ подгорного народа. — Рад познакомиться, Дурнбад! Меня зовут Калёб Шаттибраль. Ты пришёл на выручку очень кстати, в тот момент, когда я уже висел на волосок от гибели. Скажи, как гномы узнали, что Эльпот был взят в осаду?

— Двое суток назад, когда луна только скрылась с неба, клан Надургх увидел сигнальный огонь на маяке людского города, дружного нам. Я собрал три сотни воинов и, спустившись с Будугая, двинулся на выручку соседу. Мы неслись во весь опор, и при подходе к Эльпото'одо, я увидел горючие арки, проросшие сквозь землю. Они плодили мерзость, и у меня не осталось сомнений, куда я должен направить удар гномов. Усеяв мягкую почву костями нечисти, я заметил, как демон с рогатой головой собирается убить вас. Тогда я развернул Клака и, направив его на козла, вырвал ваши фа'ера из предрешённого потока судьбы!

— Получается, ты — командир гномов? — спросила заинтригованная Эмилия.

Нахмурившись, Дурнбад важно ответил:

— У гномов нет командиров. Я — сын главы клана и старейшина войны, ведущий свой народ туда, где его ждут родичи, друзья и враги.

Эмилия сложила ладони вместе.

— Господин Дурнбад, от лица всех жителей Эльпота, я хочу сказать клану Надургх большое спасибо за оказанную военную помощь! Но битва ещё не закончена! Сотни тварей остались в городе и пытаются сейчас взять крепость на холме! Нужно остановить их!

— И впрямь так!

Приложив два пальца к губам, гном пронзительно засвистел. Словно белая тень, к нам подскочил снежный барс с закованным в тяжёлый доспех седоком. Перекинувшись с Дурнбадом пятёркой фраз на языке гномов, именуемым в Железных Горах «лундулум», бородач, дёрнув коленями своё животное, направился в сторону Эльпота. Попутно трубя в рожок, он призывал следовать за ним. Один, два, десять, пятьдесят гномов на спинах грациозных кошек, выстроившись трезубцем, ворвались в город через остов исковерканных ворот. Над моим левым плечом раздался глухой рык. И кто бы это мог быть? Я повернул голову, и нос к носу столкнулся с усатой мордой снежного барса. Оголив клыки, он внимательно следил за моими движениями. Возле ног Эмилии испуганно зашипел Мурчик. Видимо до сего дня он никогда не видел настолько больших представителей своего семейства. Дурнбад легонько хлопнул по подрагивающему хвосту, и оскал гигантского кота стал более приветливым. Запрыгнув в пустое седло, старейшина войны посмотрел на нас сверху вниз.

— Я должен быть впереди войска! Увидимся у крепости!

Примяв наколенниками бока осёдланного хищника, гном стал быстро нагонять своих воинов. Проводив его глазами, я облегчённо подумал, что нынче Вселенная благоволила мне. Но что меня ждёт в будущем? Какие трудности и невзгоды она мне подкинет завтра, послезавтра, спустя год? А будет ли этот год? Что толку гадать, чему суждено быть — того не миновать. От раздумья меня отвлекла высвободившаяся из моих рук Серэнити. Сильно качаясь, она распрямилась в полный рост, а затем, подобрав щит, спросила:

— Он спас мне жизнь, но почему произошёл взрыв, когда Таурус ударил в него? Он погиб? Портала нет и его тоже! Значит всему конец? Да? Как всё это объяснить?

— Не думаю, что такой сильный демон, как он, мог пасть от столь незначительного хлопка, — ответил я, направляясь к Эльпоту. — Нет, чтобы его уничтожить, нужно использовать что-то более внушительное и масштабное. Скорее всего, Таурус исчез вместе с червоточиной из-за того, что щит Нолда Тёмного является неким символом Порядка, а огненный меч, наоборот, проявлением чистой природы Хаоса. При столкновении двух различных противоборствующих величин произошло завихрение пространства, которое повлекло за собой энергетический коллапс, случайно выкинувший Первого из Круга Смерти прямо во врата, а так как козёл, я уверен, служил эпицентром магического сосредоточения, то с его пропажей червоточина перестала здесь существовать. Она возникла в другой реальности, выплюнув Тауруса в каком-нибудь захолустье сопредельных миров.

— Растолковывая запутанные вещи, вы в конечном итоге запутываете их для нас ещё надёжнее, — хмыкнул вышагивающий Грешем. — Как у вас это получается?

— Спасибо за комплимент! Тебе давно было пора понять, что твой учитель не абы что! Загадки материи, небесные конусы, метафизика и прочее, прочее, прочее для меня всего лишь орешки без скорлупы. Перенимай каждое моё слово, подражай и записывай изречения!

Взяв за привычку всюду носить карандаш и бумагу, ты сэкономишь знания, которые сейчас вылетают через твои уши шустрее, чем песок убегает сквозь сито.

— О, Вселенная, только вот не надо тут этого, дорогой, — рассмеялась Эмилия. — Ты раздулся, как жаба! Твоё эго вот-вот лопнет!

— Не эго, а самомнение! И оно не лопнет, потому что оно заслуженно!

— Да, да! Сам себя не похвалишь — никто не похвалит!

— Почему — никто? А ты? Иногда мне от тебя перепадает тёплое словечко.

— Такое как «старый гриб»?

— Именно, а ещё мухомор, квакша, а так же позабытые, но ранее бывшие в фаворе — зашарпанная перечница, прохудившийся бурдюк, разорванный носок и облезлая мочалка.

— Ты что обижаешься, сиплый клещ? Я же люблю!

Я улыбнулся подруге.

— Да знаю. Ты у меня с юмором, и за это я тебя люблю!

— Любишь?

— Ну да, а разве нет?

— Кстати, мне жаль твой посох, — резко поменяла тему Эмилия.

Я повертел в руках сломанное древко. Алюминий едва блестел магическим блеском. Сейчас, без специального оборудования, починить Ночь Всех Усопших не представлялось возможным. Эх, печально-печально.

— Всю оставшуюся дорогу придётся положиться на Альдбриг и заклинания малой мощности, — понуро согласился я.

— Не переживай, это не самое страшное, что могло произойти за последние пару часов, — сказала Эмилия, засовывая в рот пригоршню чистого снега. Глядя на неё, я только сейчас понял, как хочу пить и есть. Последовав примеру колдуньи, я зачерпнул пушистого снежку и комком отправил в горло. Наслаждаясь влагой, я вдруг воззрился на белые пряди волос.

— Серэнити, а что это за Живая Вода, которую ты дала Эмилиии на непредвиденный случай?

Великий инквизитор повернула ко мне своё суровое осунувшееся лицо.

— Эта панацея способна на многое... исцелять, восстанавливать увечья, разжигать искру жизни в умирающем теле...

— Ты что-то говорила про плату после использования Живой Воды?

Покатав желваками, Серэнити, внешне спокойная, отрывисто ответила на мой вопрос:

— Есть некая вира за спасение. Испивший зелья не вылечивается в буквальном смысле. Живая Вода только даёт человеку авансом некий срок, разумно распорядившись которым, он может завершить свои дела. Когда действие снадобья закончится, я умру.

Меня как в прорубь опустили. Я ослышался? Не желая всеми фибрами души воспринимать прозвучавшие слова на веру, я почти закричал в ухо Великому инквизитору:

— Это не может быть правдой! Твои раны не были смертельны! Ты не можешь умереть!

Серэнити приподняла губы в подобии улыбки.

— Выпивший Живую Воду обречён расстаться с жизнью независимо от того, насколько он был близок к смерти. Своего рода это медленный яд, именно поэтому я сказала Эмилиии применять панацею, когда другого выхода не будет.

Побледневшая колдунья схватила Великому инквизитору за плечо и развернула к себе.

— Сколько тебе осталось?! Скажи, сколько?!

— Я не знаю, на каждого Живая Вода действует по-разному. Может, я проживу только этот день или неделю, возможно месяц или даже год. Лишь Всеотец теперь ведаёт, когда закроются мои глаза.

Видя наши опущенные взгляды и серые лица, Серэнити на миг дрогнувшим голосом спросила:

— Вы будете... Сожалеть? Обо мне?

— Глупый вопрос! — запальчиво ответил я. — Конечно не будем, потому что ты не умрёшь! Нельзя сдаваться! Мы найдём средство, как вытащить тебя из могилы! Не будь я Калёб Шаттибраль, если у меня не получится обойти воздействие треклятой Живой Воды! Наверняка кто-то уже сталкивался с такой проблемой и решил её!

— Мы ни за что не бросим тебя! — пылко поддержала меня Эмилия. — Ты не такая, как все, и Урах знает, что ты достойна жить! Вот увидишь, он даст нам время, чтобы отыскать то, что заглушит и сведёт на нет негативные последствия Живой Воды! Мы не дадим тебе покинуть нас! Никогда! Слышишь? Ты стала нам другом, а друзей, как известно в беде не оставляют!

— Я не маг и не алхимик. У меня нет большого ума и научного понимания, поэтому мне вовек не додуматься, как составить противоядие, однако я хочу, чтобы ты знала — я ценю тебя и помню каждый твой поступок.

Грешем прямо посмотрел в глаза Серэнити.

— Кто вызволил нас из застенков инквизиции? Ты. Кто отбил нас от семейки людоеда? Ты. Кто отважно прикрывал нас своей булавой от бандитов, тварей Десницы Девяносто Девяти Спиц и ещё невесть кого? Ты. Кто сотню раз грозился нас убить, а вместо этого залечивал все ссадины? Это была ты.

Мой ученик торжественно положил ладонь на рукоятку клинка.

— Называй меня, как тебе угодно, брезгуй мной и попрекай. Мне всё равно. Я благодарен тебе за то, что ты делаешь для нас, и пока ты жива, я буду биться и защищать тебя до последнего вздоха.

Слеза скатилась по щеке Серэнити. Сейчас она была похожа на обычную девушку, попавшую в беду. Под сорванным покровом Великого инквизитора ныне просматривалась открытая и ранимая душа, не представляющая, что такое любовь родного человека. В этот миг я рассмотрел её всю — сильная во всем, она была лишь оболочкой для широко распахнутых доверчивых девичьих глаз, спрятавшихся глубоко внутри. Робко выглядывая из-за непроницаемой ширмы, они боялись, что разгадают их секрет и нанесут сокрушительный удар. Всегда во всех сомневающаяся, Серэнити не осмеливалась допустить того, чтобы кто-то стал ей настоящим другом, и вот, это произошло. Те, против кого она сражалась, и кого ненавидела, — некромант, ведьма и даже вампир заняли место в её сердце, сломав бесконечные доводы разума. Постигнув эту истину, я обнял Серэнити и прижал к груди. Тёплые мокрые дорожки поползли под воротом моей шинели. Успокаивающе поглаживая Великого инквизитора по плечам, я увидел, как к нам подобрались Снурф и Мурчик. Всё понимая и разделяя наши чувства, они тыкались мордами в одежду, скреблись, мяукали и стрекотали. Выплакавшись, наверное, первый раз с детской поры, Серэнити отстранилась и утёрла мокрые глаза подолом рясы. За пеленой красноты в её льдистых зрачках вновь обнаружился привычный алмазный блеск.

— Вы... Вы думаете обо мне как... Друг?

— Как Друг. Да.

— Весь отмерянный мне срок я посвящу спасению Соединённого Королевства. Ура, я в твоих дланях, и мои желания перед тобой. Что должно, то пусть будет, я со смирением приму всё, что ты мне ниспослѣшь.

Серэнити поцеловала амулет, а затем грозно нахмурилась.

— Прошу вас только об одном — не делайте из меня мученицу! Пока я не умерла, мои силы при мне. Пойдѣмте, столица провинции нуждается в нашей помощи!

Великий инквизитор сорвалась с места и бегом отправилась в Эльпот, а мы пустились следом за ней. За это путешествие я сызнава приловчился быстро передвигать ногами. Объем моих лёгких значительно расширился, и теперь, как и в молодости, утомляемость подолгу не брала меня. Необходимость укрепила расхлябанные мышцы и добавила здорового румянца. Кстати, кажется, не только я ощутил на себе плоды длительного пребывания на свежем воздухе. Эмилия резво неслась впереди, а Грешем, хоть и весь потный, виду, что уморился, не подавал.

Мы миновали обгоревшие ворота и помчались по кривым улочкам с каменными зданиями и грудями навеки замерших людей и тварей Десницы Девяносто Девяти Спиц. Окровавленные мостовые провели нас по улице Вознесения мимо разбитых минаретов Капитолия Страждущих и дальше к храмовому комплексу многочисленных Орденов Братства Света. За переплетением примкнувших друг к другу башенок высился пирамидальный собор Всеотца. Его яркие витражи переливались в лучах заходящего солнца. Двери были широко распахнуты. Здесь от руки Серэнити погиб великий инквизитор Ваял Диянги. Свернув вправо, мы попали на рыночную площадь. На магазинных козырьках лежали столбики снега. Под прилавочным брезентом сгрудились, покрытые лёгкой изморозью овощи. Рыба, мясо и молоко, нетронутыми, ждали, когда вернѣтся хозяин «Продуктов Тедди». Я покачал головой и направился вверх по мощѣной бульжником дороге. Среди убитых стали попадаться гномы. Из-под их доспехов торчали застрявшие чѣрные сабли и топоры. На площади Четыре Угла нас встретили погибшие снежные барсы, их наездники и десятки рассечѣнных и изгрызенных полужверей. На востоке от замка всё ещё доносился шум сечи, и мы заторопились принять в ней участие. Поднимаясь на холм по крупным ступенькам, я понял, что битва за оборону Эльпота подошла к концу. У погнутых, опалѣнных решѣток бастиона яблоку негде было упасть. Клан Надургх и солдаты Эльпота сообща расталкивали коченеющих демонов. Они извлекали из-под них раненых товарищей, а затем тащили к синим аркам непострадавшего Алхимикус Деторум. В центре всего действия стоял Дурнбад и высокий человек в чешуйчатом доспехе и пурпурном плаще расшитым соколами. Когда я подошёл к ним, старейшина войны размашисто хлопнул меня по животу.

— Это он! Калѣб, мой брат по крови! Тот, о ком я сейчас тебе говорил!

Шлем покинул голову, и я увидел красивого юношу с ясными серыми глазами и чѣрной копной всклокоченных волос. Улыбнувшись, он протянул мне руку.

— Меня зовут Гривольд Дукунат, я сын наместника Эвельса Дукуната.

— Приятно познакомиться, Гривольд, — сказал я, сжимая горячую ладонь в рукопожатии.

— Дурнбад вкратце рассказал мне, кому мы обязаны своими жизнями! Для Эльпота ты и твои друзья — настоящие герои! Уничтожение порталов и низвержение верховождящего ими рогатого беса — рассказы об этих подвигах будут передаваться в Хильде из поколения в поколение!

— Никакие мы не герои! Без клана Надургх наша отчаянная попытка закрыть врата

потонула бы втуне, а так с приходом Дурнбада, удачи и...

Я не успел договорить, так как меня прервали железным, требующим немедленного ответа, голосом.

— Я — Серэнити, Великий инквизитор Иль Градо и примас Братства Света! Покуда не будет избран новый настоятель Хильда вместо погибшего Ваяла Диянги в соответствии со старшинством чинов и преемственностью Братства Света, ныне я являюсь старшим должностным лицом, несущим волю Ураха в этой провинции. Отвечайте, молодой человек, где наместник Эвельс?! Я хочу видеть его сию же минуту!

— Великий инквизитор мёртв?

Гривольд сплюнул и отступил на шаг. Его губы согнулись змейкой ненависти.

— Моего отца казнили боевые жрецы за то, что он не захотел сложить полномочия и признать Ваяла правителем вместо него! Ты пришла требовать того же, Серэнити?!

Последние слова сопровождались выниманием из ножен меча. Воины вокруг Гривольда последовали его примеру. Ситуация неожиданно стала напряжённой до предела. Не обращая на это никакого внимания Серэнити надменно спросила:

— Значит твой отец убит? А ты, как ты тогда остался жив? Как стал руководить этими войсками?

— После смерти отца и череды жреческих самосудов в Братстве Света, меня и большинство негодной знати сразу же кинули в тюрьму. Мы томились в ней, ожидая худшего. Однако когда несколько дней назад на город напали, все боевые жрецы покинули острог. И тогда вернулись стражники. Они освободили нас и попросили принять власть в свои руки. Мы сразили не успевших скрыться прихвостней Ваяла и заняли весь замок.

Гривольд Дукунат выставил меч перед собой.

— Тебе, если ты пришла требовать признать себя правителем Хильда, для начала придётся убить здесь всех нас! Мы преданы Королевскому Дому! Ты ничего не получишь!

— Успокойся.

Тон Серэнити стал мягким.

— Мне не нужны никакие регалии, и я рада тому, что Ваял не успел погубить всех людей, верных Короне. Сейчас я сделаю с тобою то, что ты заслужил. Приклони колени, рыцарь!

Поколебавшись, Гривольд опустил на одно колено и склонил голову. Серэнити прикоснулась к его лбу амулетом Ураха.

— Именем королевы Констанции Демей и данной мне властью, я нарекаю тебя временным наместником Хильда. Твоё назначение действует с сего момента и до избрания официального наместника провинции. Отныне на тебе лежит бремя заботы о поданных, находящихся под твоей опекой и руководством. Так сказала я, Серэнити, Великий инквизитор Иль Градо и уполномоченный примас Братства Света. Да будет слово моё нерушимо как твоя преданность Соединённому Королевству! Встань, рыцарь!

Расправив плечи Гривольд произнёс:

— До самой смерти!

— Благослови Урах твои начинания, наместник, — отозвалась Серэнити, сакрально складывая пальцы левой руки. — Теперь выслушай свои первостепенные обязанности. То, что случилось сегодня, непременно повторится вновь, и до того, как это произойдёт, ты должен укрепить город как можно лучше.

Великий инквизитор говорила хорошо поставленным повелительным голосом, так,

чтобы слышно было её всем.

— Десница Девяносто Девяти Спиц вторглась в наш мир, и поражение под этими стенами не остановит её омерзительной поступи. Она вернётся. Но провинция, подготовленная твоими стараниями, поприветствует его градом стрел, выстрелами из катапульта и рядами натренированных гвардейцев. В отдалённых деревнях и сёлах ты усилишь патрули и дозорные наряды. Ты создашь дополнительную сеть разведчиков и наблюдателей, которые будут отчитываться лично тебе. Ты подготовишь плацдармы, перестроишь форты и заготовишь провизию. Помимо этого над тобой будет висеть топор политики. От границ Плавения, и возможно Керана, к тебе потянутся послы с лживыми посулами. Вероятно, вспыхнут локальные конфликты, или грянет открытая война. Сразу настрой себя на трудности и жди весточку из Шальха.

— Я не подведу!

Гривольд Дукунат обвёл взглядом собравшуюся вокруг него толпу.

— Мы не подведём!

Отовсюду послышались восторженные крики. Напуганный народ с радостью встретил речь Великого инквизитора и ответ их новоиспечённого управителя.

— Очень хорошо! Мне нравится твой пыл, однако есть то, чем нам надо заняться безотлагательно, а именно врачеванием. Сейчас же собери мне всех преподавателей Алхимикус Деторум, выживших целителей Капитолия Страждущих и сестёр Ордена Креста Раненых много, и у нас впереди будет длинная ночь.

Серэнити направилась к неувядающему розарию древней академии, а за ней, отдавая на ходу распоряжения, застучал сапогами Гривольд. Смотря на удаляющуюся фигурку, Дурнбад улыбнулся в бороду:

— Такая тонкая и хрупкая, а палец в рот не клади! Она могла родиться отличным гномом!

— О, да! — рассмеялся Грешем. — Это ещё плохо сказано!

— Ты что, хочешь сказать, что гномом быть плохо? — тут же насупился старейшина войны.

— Да нет! Нет, конечно! Я имел в виду, что она могла бы стать одним из лучших гномов во всем мире!

— Ну, это ты перегибаешь, парень! Лучше гнома может быть только гном, да и то не всякий!

— Именно это я и имел в виду, — пробормотал Грешем, стусевавшись под многочисленными взглядами уроженцев гор.

— Что, Дурнбад? Погостишь недельку в городе? — поспешил я увести разговор из опасного русла. — Уверен, что в честь тебя и твоих вояк устроят пышное торжество. Вино, фейерверки и лепестки роз хорошо скрасят вечера, пока вы не решите отправиться домой.

— Нет, мы не останемся. Зарамзарат ждёт нашего возвращения. Надургх вызволил Эльпото'одо из пагубы, всё спокойно. Засим здесь нам делать больше нечего, поэтому, как только соберём всех павших в битве братьев, так и тронемся. Гному нельзя быть похороненным в земле. В Будугае мы возведём каменные гробницы, в которых воины клана найдут прибежище, пока Владыка Гор не призовет их на свой пир в конце времён.

— А ты можешь взять нас с собой? Нам очень нужно попасть в Железные Горы!

— Ты стал мне кровным братом, Калев! Подгорный дворец гномов Надургх с большим удовольствием примет такого гостя! Я приглашаю!

— И я с огромной охотой принимаю твоё щедрое приглашение, только уж не сердчай, надолго задержаться в твердыне твоего клана я не смогу, мне надо как можно скорее добраться до племени Караз.

Надувшись, старейшина войны важно спросил:

— Что тебе до племени Караз, когда тебя зазывает Надургх? Иль у них эль темнее, или хоромы глубже?

— Моя причина гораздо серьёзнее. Ты видел, как пару часов назад я закрыл портал? К сожалению, он не единственный в своём роде. Врата из иных миров открылись по всему Соединённому Королевству, и орды демонов, вываливающиеся через них, грозят нам полным истреблением. Я хочу этому помешать. В библиотеке Шальха я отыскал способ, как исторгнуть Десницу Девяносто Девяти Спиц, так зовут себя эти твари, обратно в универсум, но чтобы его осуществить, мне необходимо достичь места под названием Пик Смерти. Я вычитал, что гномы Трузда в стародавние времена знавали до него дорогу, а значит и сейчас где-то в хранилищах Караз могут пылиться сведенья или карты, которые выведут меня к туманной цели.

Поглаживая бороду серебристой перчаткой, Дурнбад глубоко задумался. Повернувшись в полоборота к горам, гном посмотрел в неизвестные мне дали. Когда он наконец заговорил, его голос приобрёл певучие нотки:

— Мне доводилось слышать про Пик Смерти. В истёртых сказаниях, дошедших до Надургха, он упоминается не раз и не два. На нём обретался древний вампир Эмириус Клайн, которого Буль Золотобородый вызвал на легендарный поединок, закончившийся для гномов потерей короля, крахом Каменного Королевства и братоубийственными, тёмными столетиями Поры Слез и Предательств.

Ага! Моя догадка о том, что Эмириус Клайн жил в Железных Горах оказалась верной! Я многозначительно глянул на Эмилию.

— А в преданиях не упоминаются какие-нибудь ориентиры или природные особенности, которые могли бы подсказать, где расположен Пик Смерти?

— Нет, ничего такого я не припомню. Гномы, обитающие возле Пика Смерти, постепенно покинули свои подгорные дома и растворились в других племенах. Беженцам не хотелось возвращаться обратно и, зная о недобрых суевериях, витавших над их кланом, им приходилось помалкивать, откуда они родом. Поэтому летописи Надургха не сохранили никакой конкретики. Я очень сомневаюсь, что и мудрецы Трузда, захоти они того, смогут выведать из пыльных архивов, где выются затерянные тропы к грозному обиталищу зла. Мне кажется, что никто из ныне живущих не укажет тебе, в какой стороне лежат забытые чертоги наших предков. Будугай тянется, пока хватает глаз, и даже если ты заберёшься на самую высокую вершину, ты не увидишь ничего, кроме кряжей. Найти серебряную стружку в кузнице, полной металлических обрезков, будет нелегко.

— Нет ничего невозможного в этом мире, и поэтому я, так или эдак, попытаюсь прийти, куда задумал. Сможешь, когда мы прибудем под кров Надургх, попросить картографов составить для меня подробную схему Железных Гор, по которой я сумею дойти до Трузда?

— Будугай не приемлет тех, кто не был рождён среди его высот. Он станет испытывать тебя лавинами, камнепадами и ложными расщелинами. В метель бумажки с чернилами бесполезны, неверный шаг — и ты погиб. Нет, я сам отведу тебя до ворот Трузда, — ответил Дурнбад, стискивая молот. — Узы крови обязывают меня это сделать.

Я улыбнулся благородному гному.

— Ты мне ничего не должен. Ты спас жизнь мне, а я — тебе, мы квиты.

— Это дело не меняет! Я сказал своё слово и не изменю ему! Встретимся завтра на этой площади!

— До скорого!

Мой взгляд проводил удаляющегося крепыша. В бликах новорождённой луны его доспех отливал желтизной. Как маленький факел, вспыхнувший в ночи, он вселял в меня надежду. Я потянулся и, уперевшись руками в зубчатый парапет, посмотрел вниз. Сколько жизней оборвалось сегодня? Сколько страданий ещё успеет перенести народ Соединённого Королевства прежде, чем я предстану перед Эмириусом Клайном? Однако с чего я решил, что он захочет мне помогать? А если его нет или он умер? Что тогда? Пока не поднимусь на Пик Смерти — не узнаю, а когда узнаю, буду думать, как быть дальше. Помотав головой, отгоняя мрачные мысли, и усмехнувшись неясностям судьбы, я подмигнул россыпи звёзд. Где моя ещё не пропадала?

Глава 15. Белые лапы, тёмные пятна

Попрощавшись с Дурнбадом, мы вместе со стражей отправились прочёсывать закоулки города. Не обнаружив ни одной выжившей твари Десницы Девяносто Девяти Спиц, наша дружная четвёрка пошла проведать раненых в Алхимикус Деторум. Обойдя кучу аудиторий с измученными людьми, мы наткнулись на крепко спящую Серэнити. Престарелая сестра из Ордена Креста шёпотом рассказала, что Великий инквизитор не давала себе присесть, пока последний из покалеченных людей не получил помощь. Накрыв сверху нашу уставшую подругу тонким пледом, я попросил сестру проводить нас в замковую столовую. Пройдя через вереницу оранжерей, мы вышли на улицу с примыкающим подвесным мостом, за которым располагался замок. Завидев тех, о ком вот уже несколько часов не смолкала молва, охрана тут же подняла алебарды. Наша компания торжественно прошла за крепкие двери. Идя по широким коридорам за сгорбленной старушкой, я сравнивал убранство покоев Шальха и Эльпота. В столице Соединённого Королевства всё было выполнено с грациозной красотой, здесь же чувствовалась нечто иное. Куполообразные своды потолков обрамляли незатейливые фрески из жизни гномов и людей. Изысканной мебели я не увидел. Простые, но искусно вырезанные деревянные столы и стулья, глиняные, без золота и красок статуи, гобелены, расшитые коричневыми и пурпурными соколами, каменные арки с кружевной вязью и мраморные полы с прожилками всевозможных оттенков зелёного составляли интерьер цитадели. Сестра из Ордена Креста привела нас в небольшую залу, оказавшуюся обеденным помещением. Попрощавшись, мы разместились за выщербленной столешницей возле питьевого фонтанчика. Немного погодя к нам подошёл человек в фартуке повара. Лучась улыбкой, он пообещал накормить спасителей Эльпота так, как никто и нигде до этого. По мановению его белой перчатки, не пойми откуда, посыпались поварята. Они подносили яства, большинство из которых были национальными блюдами, свойственными только этой части королевства.

Стоит рассказать, чем нас угостили. На первое подали гороховый суп-пюре. Тягучий и густой, он с радостью был принят моим желудком. Галантин из утки был бесподобен. В глубоких стеклянных блюдах принесли салаты — из индейки с мандаринами и киви, мясной с яйцами и зеленью и ещё один, с курицей, ананасами, сыром и сухариками. Последний был

полит оранжевым соусом. Затем мы отведали перепелов, запечённых с трюфелями, рыбные кнели с соусом бешамель и — гордость Эльпота — их знаменитые сосиски с капустой, тушёной в сливочном соусе. На десерт нам подали желе, на дне которого сквозь малиновую дымку проглядывались половинки абрикосов, черешня и мороженое с фруктами. Нам предложили на выбор светлое пиво, вино из ягод смородины и клюквенный морс. Про Мурчика и Снурфа тоже не забыли. Перед ними водрузили огромные миски, полные варёного мяса. Шипя и мяукая от удовольствия, наши фамильяры накинулись на еду. Как всегда единственным, кто не восхищался кухонными изысками, был Грешем. Он пил из кубка то, что сам налил себе из бутылки. Поглаживая рукой под столом полосатого кота, вампир неторопливо болтал кровь по стенкам фужера, давая ей немножко подышать.

Утолив голод, мы все, как один, заклевали носами. Глаза слипались. Силы покидали моё измученное тело. Подозвав щупленького веснушчатого поварёнка, я попросил, чтобы он привёл кого-нибудь проводить нас до спальных мест. Он убежал, сверкая подошвами серых сандалий, и вернулся вместе с пожилой женщиной, представившейся гувернанткой. Сделав реверанс, она позвала следовать за ней. Мы покинули столовую и, поднявшись по лестнице на два этажа, преодолели коридорчик, растянувшийся по кругу. Остановившись возле непримечательных деревянных дверей, гувернантка пожелала нам доброй ночи, после чего немного прихрамывая, удалилась. Выпуклая приёмная наших апартаментов была поделена на пять узких комнат. Выбрав крайнюю, я стянул с себя грязное белье, а затем плюхнулся на чистую накрахмаленную наволочку. Засыпая на бесподобной мягкой кровати, я не мог не думать о Серэнити. По её словам, отведав Живой Воды, она теперь обречена умереть. Но так ли это? Завтра я навещу древнюю библиотеку Эльпота и поищу трактаты, повествующие об этом. Вдруг да я найду какую-нибудь строчку, которая подскажет, как противостоять пагубному воздействию Воды. Шансов, конечно, мало, но сидеть сложа руки я тоже не собираюсь! Держись, Серэнити, я вызволю тебя... Сон ласково опустился на мои веки. Сбрасывая с меня бесконечные думы, он увлёк мой разум в мир грёз.

Я проснулся, когда солнце уже давно взошло. Я широко зевнул и, опустив ноги на пол, нащупал ими махровые тапочки! Вот это роскошь! Похлопав по спине притаившегося под кроватью Снурфа, я вышел из комнаты. В холле меня поприветствовала Эмилия. Поджав коленки под себя, она сидела на диванчике и работала пилкой для ногтей. На голове у неё было мокрое полотенце, затянутое в тугий бант. При свете дня, не скрытая капюшоном изуродованная часть её лица выглядела неестественно, прямо как безобразная маска, игриво приклеенная по случаю празднования Дня Всех Святых.

— За той сиреневой дверью самая настоящая ванная! Сейчас в ней плещется Грешем, но как он выйдет, она станет твоей!

Минуту спустя из-за проёма показалась рыжая голова вампира. Вымытая с мылом, она отливала медными красками. От моего ученика шёл запах земляники.

— Я там немножечко напарил, — пробасил он. — Так что не поскользнитесь!

— Попробую! — отозвался я, переступая мраморный порог.

Посередине небольшого помещения, широко расставив птичьи лапы, возвышалась ванная, вырезанная из цельного куска речного камня. На тумбочках вокруг неё теснились всевозможные пузырьки с мыльными гелями, притирками, лосьонами и благоухающими экстрактами. Я поднёс к носу желтовато-зелёный флакончик. Лимон! Давненько мы с тобой не встречались! Я открыл вентиль крана и с нетерпением стал ждать, когда горячая вода наполнит беловатое горло причудливого резервуара. Затем, вылив лимонную эссенцию в

булькающее дно, я плюхнулся в облака пены. О, да! Только ради этого мига блаженства стоило бы преодолевать морозы и холода! Сняв с крючка мочалку, я принялся оттирать грязную, местами задубевшую кожу. Лимонная пена приняла серовато-коричневый оттенок. Одного омовения после столь длительного путешествия оказалось явно не достаточно. Я спустил грязную воду и наполнил ванну заново. Остановив в этот раз свой взор на ярко-жёлтой бутылочке, я старательно прошёлся её пахучим содержимым вдоль шеи. Я плескался до тех пор, пока в дверь не забарабанили, и голос Эмилии не возвестил о том, что если я не выйду, то она сама съест принесённый завтрак. Я заспешил выйти из ванной, полной пара. О, что это? Я чую аромат кофе?! Да, это он! Я подсел к подруге, которая уже возилась возле подноса, заставленного всевозможной снедью, — кофейник, тосты, колбаса, шарики сливочного масла, паштеты, варёные яйца, сыры и разноцветные пластинки джема на хрустящих вафлях. Эмилия передала мне бутерброд.

— Когда еду доставляют в номер, у меня сразу поднимается настроение! — проговорил я, наливая себе и колдунье кофе.

— Не могу не согласиться с этим, — отозвался Грешем, поддерживая бокал двумя руками. — Но мне, к сожалению, никого на завтрак не привели.

— Думаю, мало бы кто из людей согласился по своей воле составить компанию твоему желудку, — рассмеялся я.

— То-то и оно, хотя поднимаясь на этаж, я заметил одну дородную кухарку...

— Ты серьёзно? — изумилась Эмилия, вынимая тост изо рта.

Мой ученик прикрыл губы рукой.

— Я сказал кухарку? Я имел в виду цесарку, дородную курочку цесарку.

Колдунья грозно свела брови дугой.

— Грешем!

— Ну ладно, ладно, я же вампир? Иногда мне свойственно смотреть на деликатесы. Это — моя природа, от неё не уйдёшь.

— Ты её караулил?!

— О, нет! Конечно, нет!

— Не беспокойся за кухарку, два твоих бочка выглядят для него куда аппетитнее.

После шутки я раздался оглушительным хохотом, а Эмилия закатила глаза к потолку.

— Очень смешно, старый гриб! Прямо обхохочешься!

— Чёрный юмор всегда в моде при любой погоде! — сказал я, обнимая немного обиженную подругу. — Ты такая хорошенькая, что будь я вампиром, то и сам бы польстился на тебя!

— Правда?

Эмилия отстранилась и внимательно посмотрела мне в глаза. Её лицо, искажённое как бы грибной плесенью и изрезанное морщинами, приобрело заострённые черты.

— Даже когда я стала такой, ты по-прежнему продолжаешь считать меня... хорошенькой?

— Не понимаю, почему я должен менять своё мнение, сложившееся годы назад? — искренне удивился я. — Ты для меня всегда была и остаёшься красотка.

— Это хорошо, потому что...

— Потому что надо было давным-давно всё рассказать ему о своих...

Порывом магии Грешема сорвало с кресла и он, перелетев через себя, упал на разложенные пуфики.

— Что ты творишь, Эмилия?! — взволнованно воскликнул я.

— Только мне решать, когда и что ему рассказывать, и если ты ещё раз попробуешь таким образом влезть в мою... в наш разговор, то после того ни курочки, и ни кухарки тебе попробовать больше не придётся. Ты меня понял?! — цедя каждое слово, прошипела моя подруга.

— Я же хочу, как лучше! — завопил вампир. — Для вас лучше!

— Да о чем вы вообще?! — спросил я, переводя взгляд то на каштановые волосы, то на рыжие усы.

В этот момент дверь отворилась и к нам вошла вчерашняя гувернантка. Толкая перед собой тележку, она объявила, что у неё для нас новая одежда. Всунув каждому в руки увесистый свёрток, гувернантка пошаркала к выходу. Я проводил её и когда вернулся обратно, увидел, что остался один. Друзья разошлись по своим комнатам. Я пожал плечами и принялся разворачивать бумажную обёртку. Взамен истрепавшихся лохмотьев Эльпот презентовал мне темно-зелёный камзол с соколом и такого же цвета брюки, а также серые сапоги, которые пришлись очень кстати, потому что подошва на моих уже давно имела дырку размером с мелкую монетку. В довершении всего к гардеробу прилагался подбитый мехом чёрный плащ с капюшоном. Эмилия показалась через полчаса, а Грешем почти сразу за ней. Они делали вид, что ничего не произошло, а я, рассматривая их обновки, тоже быстро позабыл о дурацкой перепалке. На моей подруге теперь было удобное платье с подштанниками и бежевое пальто, а вампир помимо новой одежды получил стальной нагрудник и поножи. Я осмотрел орнамент на сверкающей броне, постучал по ней костяшками пальцев и сообщил ученику, что на нём надета вещица гномов, у людей не хватит мастерства такое сделать.

Допив остывший кофе, мы отправились на поиски Серэнити. Моё чутье повело нас в Совецательный Зал, где, как я и думал, обнаружилась наша подруга. Ослепительно белая, с лёгкой кольчугой поверх рясы, она, нахмурившись, слушала Гривольда, отчитывавшегося о проделанной за ночь работе. Заметив нас, Великий инквизитор слегка улыбнулась.

— Вы как раз вовремя! Я убедилась, что провинция остаётся в надёжных руках.

Серэнити кивнула в сторону молодого наместника.

— Всё, что нужно будет сделать для Хильда, будет сделано в кратчайшие сроки. Моё сердце спокойно, и теперь я предлагаю обдумать, как нам лучше взойти на Железные Горы.

— У нас все схвачено! Дурнбад согласился провести нашу компанию аж до самого Трузда, правда с маленьким условием: придётся посетить подземный дворец его народа.

— Хорошая новость! Когда отправляемся? — спросила Серэнити, жестом отпуская Гривольда заниматься городскими делами.

— Дурнбад сказал, что уйдёт в горы сразу, как только соберёт всех погибших гномов. Мне кажется, надо быть готовыми где-то к вечеру.

— Что же! Тогда я пока займусь повторным осмотром раненых, инструктажем командиров и инспекцией того, что осталось от Братства Света. Встречусь с вами в шесть.

Кивнув всем, Серэнити вышла из зала быстрым шагом. Перед отправкой в царство гномов, она собиралась сделать для жителей Эльпота всё, что было в её силах. Промедление, лень или неуверенность были чужды Великому инквизитору. Отдавая всю себя на благо королевства, она являлась олицетворением долга. Посмотрев ей вслед, я подошёл к массивному циклопическому столу и, потеряв подбородок, проговорил:

— Я хочу зайти в библиотеку. Кто со мной?

— Только не я, мой хороший! Я, пожалуй, прогуляюсь; найду к цирюльнику подровнять локоны, обновлю запас зелий, проведу кое-кого из старых знакомых, в общем, у меня и без тебя много дел.

Эмилия озарила меня привычной улыбкой, перешедшей на сторону Грешема.

— Пойдёшь вместе со мной? Вдвоём нам будет веселее, мы поболтаем о том о сём. Например, о недоразумении за завтраком.

Почему мне кажется, что зелёные глаза моей подруги как-то не по-доброму сузились?

— Нет, сегодня я откажусь. Я присоединюсь к Серэнити. Хочу совершить обход замка, поговорить с солдатами и посмотреть оружейную, — нервозно отозвался вампир. — В нашем разговоре можно поставить точку. Я всё понял.

— Надеюсь.

Колдунья поманила к себе полосатого любимца.

— Иди сюда, моя лапушка, мы покидаем этих скучных мужчин!

Мякнув, кот выбрался из-за занавески. Его усы насмешливо топорщились, хвост подрагивал: Мурчику хотелось проветриться. Потянувшись, он поскрёб лапами ножку стула. Уцепив кота за толстый загривок, Эмилия оттащила его от приятного занятия и повлекла за собой.

— Встретимся в шесть! — крикнула моя подруга через плечо.

— С незнакомцами не общайся и конфеты ни у кого не бери! Знай, тебя ждут дома! — имитируя ворчливый тон, крикнул я в след.

— Как скажешь, папочка! — донеслось из-за закрывающейся двери.

Когда звук шагов стих, я испытывающе посмотрел на своего ученика.

— Что произошло за завтраком?

— Не знаю.

— То есть?

— Зато вы знаете.

— Я?

— Да, вы.

— Грешем, хватит говорить загадками! Почему Эмилия вlepила тебя в стену? Что ты не смог договорить?

— Вы хотите, чтобы она меня убила?

— Ты не можешь ответить прямо?

— Да.

— Тогда скажи завуалировано, так, чтобы мне можно было покумекать.

Вампир тяжело вздохнул.

— Вам известно, что Эмилия уже дважды при мне отделяла вам курицу от костей?

— И что?

— А то, что она каждый раз наматывает волосы на пальчик, когда говорит с вами. Вы обращали на это внимание?

— Вроде бы, да, и что?

— А помните ли вы, кто вас всегда укрывает одеялом, когда вы дрожите от холода? Кто бежит греть чай, чтобы вы не простыли?

— Эмилия?

— А теперь ответьте, зачем вы так глупо переминаетесь с ноги на ногу, когда колдунья подходит к вам близко?

— Неужели? Никогда не замечал этого за собой.

— А почему вы стараетесь постоянно отдавать ей свою порцию сладостей?

— Ну! Она сладкоежка!

— А из-за чего ваши рассказы о походах в театры, музеи и просто любых приятностях почти всегда связаны с Эмилией?

— Из-за чего же?

— Потому что вы рождены быть друзьями, — натянуто улыбнулся Грешем.

— И к чему это ты клонишь?

— Поверьте, я уже сказал больше, чем нужно. Просто сложите два плюс два.

Вампир развернулся и чуть ли не опрометью заторопился к двери. Что за околёсицу я только что услышал? Уж не поводел ли он меня за нос? Хотя зачем ему это? Да, мы с Эмилией друзья и всегда помогаем друг другу, и заботимся друг о друге. Что в этом такого? Однако почему у меня на душе заскребли кошки, откуда взялось чувство, что самый большой дурак во Вселенной сейчас смотрит на свои перчатки? Я стиснул виски большими пальцами. Как бы там ни было, это подождёт, у меня есть дела поважнее... или нет ничего важнее того, что Эмилия очищает мне курицу от костей? Нет! Всё потом! Где тут библиотека?

Выйдя в фойе, я остановил проходившего мимо слугу в синей ливрее. Разузнав у него направление к житнице знаний, я перебрался в соседнее крыло замка. Преодолев две лестницы и коридор с линией стеклянных витрин, я очутился возле створов старого архива. Когда я их открыл, на меня дохнуло воздухом залежавшейся бумаги и клея. Огромный зал был заставлен стеллажами, наполненными инкунабулами, пергаменами, рукописями и свитками. Идя меж рядов деревянных полок, я прикасался к твёрдым корешкам книг. Пыль, остающаяся на пальцах, недвусмысленно намекала на то, что сюда давненько никто не заходил. С чего бы начать? И целой жизни мало, чтобы впитать в себя всю учёность, собранную здесь! Я посмотрел на солнце через мутное витражное окно: до встречи с друзьями у меня в запасе довольно много времени. Обводя глазами бесконечные книжные шкафы, я вдруг почувствовал себя счастливым. Действительно, где ещё может быть так хорошо магу, как не в абсолютно безлюдной библиотеке! Что меня интересует? Во-первых, Живая Вода, во-вторых, любые упоминания о проклятии старения, в-третьих, информация, касающаяся легенд о приходе Десницы Девяносто Девяти Спиц, и, в-четвёртых, новые чары, мистерии и способы сплетения энергии, ещё неизвестные мне. Обширный список! Что-то из этого непременно должно попасться мне в руки. Я пошёл вдоль шкафов, читая названия фолиантов. Какой только литературы здесь не было! Прямо на любой вкус! Толстенные издания о путешествиях в разные уголки Соединённого Королевства, заметки об особенностях разведения домашнего скота, истории бардов в стихах, руководства по изготовлению оружия, любовные романы и романы о невообразимых предательствах, сказки лесных троллей, труды по растениеводству, философские трактаты о познании самого себя, пожелтевшие рецепты шоколадных пирогов, лечебники, анатомические пособия! И это лишь верхушка айсберга! Самое главное, что тот, кто расставлял книги по полкам, не имел ни малейшего представления о таком понятии, как порядок! Никакой системы! Всё было перемешано, и мои поиски не приводили к успеху. Через несколько часов блужданий по книжному лабиринту я, отчаявшись, сел на стул возле сопящего под ворохом листов Снурфа. Пытаясь дотянуться до усов таракана, я мимолётно прочёл название лежавшего на полу небольшого томика: «Трагедия Роберто де Ильги».

— В чем это он так трагичен? — нехотя пробормотал я.

Передумав будить Снурфа, я лениво подобрал потрёпанную книгу в синей обложке. Написанная странным прихотливым почерком, она повествовала об алхимике Роберто де Ильги, сильно любившем свою дочь Вакку, которая по печальному стечению обстоятельств оказалась на пороге смерти. Заботливый отец готовил ей снадобье за снадобьем, и вот одно, прозрачное, как роса, на короткий срок вернуло Вакке утраченное здоровье. На этом месте, позабыв о рассеянности, владевшей мной до этого, я впился в книгу глазами. Как бабочка, вспорхнула Вакка со смертного ложа, но Роберто де Ильга был хмур, зная, что это ненадолго. Её жизненные тенета могли разорваться в любую минуту, и он ломал голову, как исцелить своё дитя. Перепробовав все доступные ему травы и припарки, алхимик обратился к ведьме из древнего леса. Она практиковала чёрную магию и была сведуща во многих таинствах. Ведьма приняла Роберто и, выслушав рассказ о его печали, протянула ему животворящую кровь эльфа, способную излечить любую хворь. Но, прежде чем уродливая рука отпустила пузырьёк, Роберто де Ильги получил страшное предостережение. «Выпивший крови дивного рода да познает муки неотступные и непрекращающиеся! Таково заступничество сгинувших альвов». Не было у алхимика другого выбора, и он согласился взять кровь за цену своей жизни, которую ведьма потребовала взамен драгоценному пузырьку. Позже Вакка вкусила из хрустального кубка жидкость, благоухающую запахами леса. Её лицо исказилось, судорога прошла по телу, окостенели пальцы, боль вечной маской застыла на челе прекрасной девы. Жизнь стала ей невыносима и, не находя покоя, она кинулась с обрыва. Похоронив Вакку, Роберто де Ильги в глубокой депрессии пришёл к ведьме. Ему некого было винить в смерти дочери, кроме самого себя. Смотря на занесённый над его горлом ритуальный нож, алхимик с облегчением понял, что сейчас он освободится от тяжёлых оков горя, стискивающих его душу огненным кольцом.

Положив книгу себе на колени, я стал думать. В прочитанной истории описание самого зелья и его свойства были очень похожи на Живую Воду, восстанавливающую здоровье на неопределённый отрезок времени. Но Роберто ли де Ильги придумал этот настой? Используемая в этой истории как противоядие кровь эльфов мне никогда не встречалась, и это неудивительно. Утончённые создания исчезли задолго до моего рождения. Следовательно, взять её сейчас уже не откуда. Даже если предположить, что заветная кровь оказалась бы у меня, то разве дал бы я Серэнити выпить из чаши? Секундная смерть или вечная боль? Кто вправе сделать такой выбор за другого человека?

Пора обеда давно минула, и солнце клонилось к закату. Поколебавшись, я решил пока ничего не говорить Великому инквизитору о своих догадках. Удлиняющиеся тени и опускающиеся сумерки напоминали мне о скором отправлении в Железные Горы. Они прекрасно были видны из окна. Белые шапки снега украшали неприступные горные пики, тянувшиеся, покуда хватало глаз. Где-то там обитают многочисленные кланы гномов, бесконечно делящих богатства подземного мира. Рубины, сапфиры, алмазы, изумруды — мне ничего этого не нужно! Желая лишь добраться до Эмириуса Клайна и положить всему конец.

Мне не хотелось покидать библиотеку. С трудом заставив себя подняться со стула и пойти к выходу, я бесшумно закрыл за собой двери. Кое-как найдя путь в столовую, я попросил чего-нибудь поесть у перепачканного в муке повара. Показав толстым пальцем на одного из поварят, он распорядился, чтобы мне принесли разогретый куриный суп, мучные витушки с мясной подливкой и стакан горячего молока. Для Снурфа падали отдельную пиалу с телячьей печенью. Я ел не спеша, наслаждаясь последними часами покоя. На белом

дне тарелки, под витушками виднелся милый рисунок — искусно выписанное дерево, а внизу — заросли мяты, цветки душистого горошка и люпин. Белобрысый мальчик сидел на дереве ел грушу. Сколько усилий было вложено, чтобы изобразить такое? Труд, не связанный с магией, войной или обретением могущества. На мгновение мне захотелось стать художником, выписавшим на посуде этого курносого мальчишку, и прожить самую обычную жизнь, имея семью, слыша звонкий детский смех и ощущая тепло родных рук. Для героев, избранных судьбой, этого ничего нет. Обречённые вершить судьбы мира, мы всегда остаёмся в одиночестве. Это плата за славу, за подвиги и за пролитую кровь. Честно ли это? Не знаю.

Разобравшись с запоздалым принятием пищи, я развернул сумку. Немым напоминанием о вчерашнем дне в ней лежал обломанный посох. Теперь я не смогу фокусировать через него свою силу воли. Конечно, он не стал полностью бесполезным, но служить, как раньше, он уже не будет.

Я перекинул котомку через плечо и, поблагодарив повара за еду, стал спускаться к выходу из замка. На площади толпились готовые выступить в поход гномы. Дурнбад ходил взад-вперёд у длинной вереницы выстроившихся снежных барсов и переговаривался с их седоками на лундулуме. В хвосте пушистого строя стояли три запряжённые лошадьми телеги. Накрытые чёрными полотнами, обмётанными золотыми звёздами и соколами, они повезут тех, кто уже никогда не увидит блеска Железных Гор.

Моих друзей на оговорённом месте не было, и я сжал губы в тонкую линию. Не люблю непунктуальных людей! Вздохнув, я подошёл к Дурнбаду и поинтересовался, скоро ли отбытие.

— Мы собрались! Наши бороды расчёсаны, а секиры наточены! Осталась лишь формальность: принять от людей Эльпото'одо виру за смерть павших братьев. Кстати, ты когда-нибудь ездил на снежных барсах?

Я отрицательно покачал головой.

— Плохо, — нахмурился старейшина войны. — Я должен научить тебя! Не пристало брату по крови не уметь такого дела! Твои приятели поедут в телеге, а ты — рядом со мной!

Перспектива трястись на спине здоровенной клыкастой кошки меня не прельщала, но отказ от высокой чести мог быть принят Дурнбадом как оскорбление его благородного порыва, поэтому я поспешил заверить, что с удовольствием научусь править снежными барсами. Старейшина войны хохотнул и хлопнул меня чуть ниже плеча — туда, собственно говоря, куда достал со своего небольшого роста. Вдруг послышались фанфары, и замковые ворота торжественно отворились. Гривольд Дукунат вышел первым, а за ним Серэнити, Грешем, рыцари и вельможи. Наместник держал в руках продолговатое серебряное блюдо, на котором стояла деревянная шкатулка, обитая золотом и инкрустированная красными драгоценными камушками. Поднеся её Дурнбаду, Гривольд громко произнёс:

— Народ Хильда и всё Соединённое Королевство от имени королевы Констанции Демей, благодарит клан Надургх за неоценимую помощь, оказанную при обороне города! Да не померкнет слава гномов, купивших своими жизнями жизни людей! Нет ничего, что смоет печаль потери, но наша память сохранит ваш подвиг в веках! За храбрость, за мужество и героизм на поле брани, прими, о, старейшина войны и сын главы клана Надургх, этот дар, и да не разорвётся наш союз никогда!

Серэнити открыла маленькую крышечку, и я увидел зелёное колечко, лежавшее на розовой подушечке. Серьёзно? Кольцо и — всё? Я несколько усомнился в ценности подарка,

но моё недоумение быстро прошло, когда я обратил внимание на глаза гнома. Они пылали, как две свечи, колыхавшиеся под дуновением морозного ветра. Сняв шлем, Дурнбад полный благоговения осторожно принял шкатулку.

— Поистине нет большей радости для рода Надургх, чем получить от Эльпото'одо кольцо короля Буля Золотобородого! Фа'ера братьев уплачены с лихвой!

Не могу сказать, как и почему всё это время такая важная для гномов вещь хранилась в Эльпоте. Однако заимев кольцо, клан Надургх несомненно станет важной фишкой на политической доске подгорных семейств. Вполне вероятно, нежданно появившийся символ власти может сыграть злую шутку со всеми, кто живёт в Железных Горах. Стоявшие рядом со мной гномы ликовали. Сильно коверкая слова, они били себя кулаками в грудь и клялись в нерушимости дружеских уз между ними и всеми жителями провинции.

— Кажется, я пропустила что-то интересное, — прямо в ухо выдохнула мне неизвестно откуда взявшаяся Эмилия.

— Вот не надо так подкрадываться! У меня сердце всего одно! Где ты так долго пропадала?

Моя подруга захлопала ресничками.

— Ну, я же сказала, где я буду. Я попробовала вкусных пирожных в кондитерской Шарля, прошлась по магазинчикам, сделала маникюр и причёску. Мне идёт?

Колдунья показала мне на свои бесподобно уложенные локоны и сиреневые ногти.

— Ты как всегда изумительна, — улыбнулся я.

— Ой, спасибо, дорогуша!

Эмилия взяла меня под локоть.

— А ты? Разнюхал что-нибудь важное в своей книжной норе?

— Не совсем, — уклончиво ответил я.

— Эй, Калерб, пора и в путь! Садись на Джизи, он подле меня! — донёсся до меня призыв Дурнбада.

Повернул голову, я заметил, что старейшина войны уже взобрался на снежного барса в самом начале колонны.

— Иду! — отозвался я, после чего посмотрел на свою подругу и высокопарно проговорил:

— Вам повезло намного меньше, чем мне! Вы едете в телеге, а я — верхом на белой кошке!

Колдунья звонко расхохоталась.

— Я сейчас прямо лопну от зависти! Как жаль, что не мне выпала такая честь! Ох, ох! Ну да ладно, переживу как-нибудь! Гляди, чтобы тебя по дороге случайно не съели! Я слышала, что снежные барсы чрезвычайно прожорливы.

— У меня и есть-то толком нечего! Одна кожа да кости! — сказал я уже совсем другим тоном, не имеющим ничего общего с уверенностью.

— Вот и проверим это, старая перечница!

Показав мне язык, Эмилия пошла к экипажу, в котором уже успели расположиться Грешем и Серэнити, кот и таракан.

Немного надувшись, я зашагал к нетерпеливо ожидавшему меня Дурнбаду. Гордо выпрямившись в седёлке, он держал Джизи за кожаный ошейник и улыбался в бороду. Громадная злющая морда с двумя белоснежными клыками недоверчиво осмотрела меня и издала глухой рык, который я истолковал как «ведь я могу и тяпнуть». Гном чуть дёрнул

ошейник на себя, принуждая огромного кота обратить на него внимание.

— Это твой гуу'хар.

Дурнбад ткнул в меня пальцем.

— Следи за ним Джизи, чтобы ни один волосок с его головы не упал, он мне брат по крови. Ты умный барс. Я знаю тебе дважды повторять не надо.

Синий язык лизнул руку гнома. Повернув ко мне морду, снежный кот едва слышно замурчал и пригнулся.

— Залазай, не бойся! Джизи отличный парень!

Дурнбад шмякнул рукой по пятнистой шкуре.

— До вчерашнего дня он возил моего кузена, который предпочёл возвращаться под сени Будугая на телеге. Что же, удача воина изменчива! По приезду выпьем хмеля за него!

На спине Джизи было закреплено седло, похожее на те, что используются на лошадях. Сделанное из оленьей кожи, оно нисколько не стесняло движений мягких лап. С учащённым биением сердца я прикоснулся к меху снежного барса. Ах, какой он шелковистый, податливый и невероятно тёплый! Вот это шуба! С такой можно в любой мороз спать на снегу! Вскарабкавшись на Джизи, я с ужасом понял, что при езде мне не за что будет держаться, кроме как за маленькую ручку седла. Наблюдая за моей растерянной физиономией, Дурнбад по-доброму усмехнулся:

— Не трусь! Если он захочет, то сбросит тебя, а если нет, то ты ни за что не упадёшь. Все будет хорошо!

Подняв руку вверх, гном махнул молотом, и сразу чуть позади заливисто затрубил рожок. Неожиданно сорвавшись с места, мой снежный барс понёсся вперёд с невероятной скоростью. Ледяной ветер ожёг лицо, и вокруг замелькали обгорелые дома, скрюченные деревья, замелькали люди и животные. Намертво вцепившись в седло, я никак не мог расслабиться, понимая при этом, как это важно не свалиться от перенапряжения. Мышцы огромными буграми ходили по мощным бокам Джизи. Быстро перебирая лапами по промёрзшей дороге, он, казалось, совсем не ощущал моего веса, хотя это и нестранно, если учесть, что раньше снежный барс возил на себе закованного в броню гнома.

Осмелившись обернуться, я увидел, что скачущие кошки выстроились в линию по три в ряд. Во главе боевого порядка ехал Дурнбад, за ним, слева, — я, по центру трубач, а справа какой-то невероятно важный гном с длиннющей бородой и знаменем Надургх, — наковальня с двумя пересекающимися молотами. С каждой секундой, проведённой на закорках Джизи, Железные Горы становились всё ближе. Их кряжи уходили высоко в ночное небо и терялись в густой шапке облаков. Иссиня-чёрные, эти безмолвные гиганты, испещрённые выступами, сколами и коркой вековой наледи выглядели поистине внушительно. Никогда неослабевающие морозы, опасные лавины и крутые обрывы для неподготовленного человека делают горы местом неминуемой смерти. Я радовался, что судьба свела меня с Дурнбадом. Неизвестно как бы всё сложилось, если бы он не взял нас с собой. Вполне возможно, что низкорослые стражи границы могли бы не пропустить нас в свои владения, и что тогда? Пришлось бы взбираться по отвесным скалам? Я никогда этого не узнаю, и так даже лучше: пусть мне хоть пока немножко везёт.

Джизи негромко заурчал, а потом чихнул. Струя пара вырвалась из пасти несущегося по долам пятнистого кота. Как подгорному народу удалось приручить этих, во всех смыслах грациозных и благородных животных? Ума не приложу. О снежных барсах я знаю совсем немного. Обитая чаще всего на солнечных сторонах гор, они живут небольшими прайдами,

состоящими из десяти-пятнадцати особей, где главной всегда является самая сильная и ловкая самка. Питаются снежные барсы горными козлами и прочими копытными, в изобилии водящимися в этом крае. Размножаются они медленно, раз в три — четыре года, принося одного или двух котят. Их клыки подобны лезвиям, глаза — халцедону, а рефлекс — урагану. Перекусить толстое бревно для них — плёвое дело, не говоря уже о хрупких человеческих костях. Гномы верят, что снежные барсы являются олицетворением богини Фридии, которая по легенде вывела первый приплод из своего чрева. Несколько скудно, но вот, пожалуй, и все мои познания, которые я наверняка расширю за эту поездку.

Время, проведённое на Джизи, дарило незабываемые ощущения. Если быть точным, седло изрядно натирало мою пятую точку. От ёрзанья и подсакивания на нём я чувствовал себя крайне некомфортно. Мои непривычные тяготы закончились, лишь когда небо стало светлеть, и Дурнбад подал знак сделать привал. Рожок, пропевший два раза, оповестил об этом всех гномов в колонне. Тормозя, Джизи по инерции пробежал чуть дальше, чем остановился снежный барс старейшины войны. Перевалившись на левый бок, я с трудом сполз с моего кошачьего носильщика. Дурнбад понимающе кивнул, когда заметил мою ковыляющую походку:

— У всех так поначалу, потом привыкаешь! Я же говорил, что научу тебя ездить верхом! Правда, здорово?

— Не хватит всех слов мира, чтобы описать тот восторг, который я сейчас испытал, — делая серьёзное лицо, пошутил я. — Скоро ли начнутся земли Надургх?

Дурнбад приложил руки к глазам и, щурясь от света начинающегося дня, ответил:

— Не терпится увидеть подгорные хоромы Зарамзарата? К ночи уже будем сидеть у стола и стучаться кружками за победу! Обещаю, что дома угощу тебя на славу, а пока пошли перекусим тем, что имеем!

Расположившись под сенью сосен и разбившись на группки, бородачи принялись раскидывать холщовые скатерти прямо на снегу. Раскладывая на них еду, они шумно переговаривались и смеялись. Я, как и друзья, подъехавшие к нам значительно позже, оказался в числе тех, с кем ел Дурнбад. Каждому была выделена одинаковая порция сухарей, баранины, сыра и подогретого на огне терпкого вина. От предложенных нами продуктов гномы отказались, сказав, что это мы у них гости и угощать пристало им, а не нам. Громко вгрызаясь в сухарик, старейшина войны пускал крошки во все стороны, изрядная часть которых оседала на его бороде. Молча рассматривая нас без всякого стеснения, он через какое-то время спросил:

— Почему ты не ешь наших продуктов, Грешем? Почему пьёшь своё вино, а не наше? От чего не морщишься при порывах холодного ветра? А? Уж не вампир ли ты часом?

Я аж поперхнулся от такого рассудительного предположения. Эмилии пришлось хлопать меня по спине, чтобы сухарь, попавший не в то горло, вышел наружу. Когда я перестал кряхтеть и выпучивать глаза, Грешем с улыбкой ответил:

— Вампир? Я? Ну, нет. Не хочется тебя обижать, но ты, наверное не знаешь, как выглядят вампиры? У них есть клыки, длинные когти и красные зрачки. Такими их в книжках рисуют, да-да! К тому же всем известно, что вампиры жуть, как бояться света, а я, как можешь заметить, им быть не могу, так как сижу перед тобой весь овеванный лучами солнца.

— В своё время мне доводилось встречаться с кровунами.

— С кем?

— Кровунами. Так мы называем вампиров. От слова «кровотор» кровь и «унабар», что на лундулуме означает мёртвый, — задумчиво объяснил Дурнбад, исподлобья глядя на Грешема. — Те кровуны, конечно, были гномы, а не люди, как ты, но...

— Ты видел гномов-вампиров? — удивлённо воскликнул я, нарочно сбивая с мысли старейшину войны.

— Да.

Взгляд Дурнбада помрачнел.

— Они — отродья Эмириуса Клайна, налёты которого не прошли для нас даром. Много их было в дни его могущества, а некоторые ещё живы до сих пор. Ныне кровуны таятся в глубоких шахтах и ждут, когда их повелитель вновь распространит своё мерзкое влияние.

Старейшина войны покатал желваки.

— Один раз, будучи ребёнком, я играл с отцовской киркой у старого колодца. Уронил случайно, с кем не бывает, но не мог же я вернуться к отцу без неё. Как видите, я не робкого десятка, да и тогда не тушевался, обвязал себя верёвкой, да и стал спускаться потихоньку вниз. Вдруг чувствую, схватил меня кто-то за ногу и тянет, а глаза красные-красные, что те угли в костре. При себе у меня тогда был ножичек для резьбы по мягкому камню, вот им-то я и спас свою жизнь. То была моя самая первая драка насмерть. Смутно её помню. Вроде бы бил, что есть мочи, пока свет красных глаз не погас. Кровун пытался достать меня зубами, однако, дай Будугай моему предку покоя, надетая прадедовская кольчужная рубашечка меня защитила. Вот так вот.

— Ну и дела! Как ты потом вылез наружу?

— Кто я тебе, по-твоему? Нет такой шахты или пещеры, из которой бы не выбрался гном, имея кирку, — усмехнувшись, ответил мне Дурнбад.

— Я так чувствую, что это был не единственный кровун, попавшийся под твой молот, — добавляя в голосе уважительности, — польстил я.

— Что-то вроде того. Потом мне ещё не раз доводилось столкнуться с этими тварями в разных уголках гор. Жалкие на вид и вечно голодные, кровуны на самом деле наделены огромной силой, доставшейся им в наследство от своего пращура. Страшные противники в оборванных доспехах.

Подняв взгляд на моего ученика, старейшина войны добавил:

— Гномам лучше живётся в полумраке. Ночь нам ближе, чем утро, поэтому, надо думать, и кровунам свет не мил.

— Кровуны то или вампиры, мне всё равно! Если я наткнусь на них в Железных Горах, то знаю, что сделаю, — хищно заявила Серэнити, поглаживая булаву. — Будь то нежить, демон иль иной, всему должно обратиться в прах, а праху без остатка надлежит развеяться по миру. Так сказано в писании Братства Света, и будь уверен, Дурнбад, я исполню предписанное с превеликой радостью.

— Эти слова мне по душе! — засмеялся старейшина войны. — Не перевелись ещё крепкие нутром люди на земле!

— Ну а то! — подтвердил я. — Великий инквизитор Иль Градо кому хочешь надаёт оплеух! Некроманты, ведьмы, вампиры, все бегут перед её грозным ликом! Я сам видел!

Серэнити посмотрела на меня так, что я сразу понял — шутку по достоинству не оценили. Виновато улыбнувшись, я незаметно подмигнул ей.

— Прежде чем мы попадём в Железные Горы, в твой дом, нам бы всем хотелось побольше узнать о клане Надургх, — сказала Эмилия.

— И вообще обо всех гномах в целом. Как нам надо себя вести, какие обычаи соблюдать и что говорить или, наоборот, о чём не упоминать? Расскажи, пожалуйста, что считаешь нужным, — попросил Дурнбада Грешем.

— То, о чём вы вопрошаете, стоит не одного и даже не двадцати одного часа беседы, ведь толкование обычаев и история подгорного народа не предмет скороспелых объяснений, — нахмурившись, ответил старейшина войны, однако видя искреннюю заинтересованность в наших глазах, продолжил:

— Что рассказать? Мой клан испокон веков живёт возле северных пределов и является одним из самых старых и уважаемых родов, берущих своё начало от первых, заселивших горы гномов. Сейчас Будугаем правят десять крупных племён, имеющих строго очерченные границы, которые кое-как, но сохраняются под присмотром Гхага, верховного совета, состоящего из глав кланов, в котором каждый глава вправе созвать Нчурдан или Даарчурдан в зависимости, от того, что предстоит обсудить, — добрую войну или худой мир. Многие умеет подгорный народ: добывать и обрабатывать камень, строить и ваять, делать оружие и доспехи, различные инструменты и приспособления! Похвастаться мы можем и своим ратным ремеслом. Говорю это с гордостью, как избранный старейшина своего клана! Что ещё? Столицей гномов Надургх является город Зарамзарат. Его глубокие чертоги тянутся к корням древних гор, запруженных неисчислимым количеством драгоценных кристаллов, платины, золота, серебра и других металлов. Живём мы долго, друзей обретаем медленно, врагам ничего не забываем. Спасшие друг другу жизни гном и человек, как мы с Калобом, становятся братьями по крови. Это навсегда. Надургх теперь друг вам! Спрашивайте, что непонятно, не стесняйтесь, но будьте осторожны с гномами других кланов, для которых вы — никто, а возможно даже меньше.

Кивнув бородой своим словам, Дурнбад поднялся на короткие толстые ноги.

— Точа ляды, мы порядком засиделись, а между тем нам давно пора двигаться дальше! Садитесь в телегу, а ты, Калоб, седлай Джизи! Скоро будем дома!

Когда я подошёл к снежному барсу, то не смог с уверенностью сказать, что он совсем меня не ждал. Внутри светлых глаз затаилось желание пошалить. Уж не собираешься ли ты, приятель, меня укунить за мягкое место? Все коты, какого бы размера они не были, одинаково любят коробки, поспать и поиграть. Я думал, что Джизи — взрослый барс, что он не будет плохим мальчиком и не станет чинить мне каверзы. Я ошибался. Дождавшись, когда я усядусь в седло, Джизи встал на задние лапы и сбросил меня в снег. По счастью я упал в сугроб, а не на ледяные валуны и поэтому не ушибся. Всё лицо и руки облепили кусачие снежинки. Протирая глаза, я ощутил, как две мохнатые тяжёлые лапы легли мне грудь. Морда с серповидными клыками оказалась прямо у незащищённой шеи. Внутренне сжавшись и инстинктивно зажмурившись, я неожиданно почувствовал липкое горячее прикосновение к щеке. Джизи облизал меня. Этот здоровенный снежный барс не собирался меня есть. Своим поступком он как будто говорил: «Смотри, как весело можно провести со мной время! Давай поборемся, покатаемся и поваляемся! Я хочу играть!»

— Ах ты, толстый усатый разбойник! Сам напросился! Я тебе покажу, что такое забавы! — прокряхтел я, почему-то безбоязненно ухватывая кота за гладкий загривок.

Если бы в таком положении оказалась Серэнити, я уверен, она бы перевернула снежного барса на бок, мне же этого, конечно, сделать не удалось. Джизи гортанно зарычал и пуще прежнего упёрся в меня мощными лапами. Сколько же ты вешишь, малыш? Это становится не смешно, так ты меня раздавишь! Как же быть? Звать на помощь? А магия мне

на что? Левитацию кто недавно тренировал? Вот именно! Я! Расслабившись и обмякнув, я стал оплетать снежного барса сетью чар. Приподнимающийся хвост нервно задёргался, когти удивлённо царапнули воздух, Джизи взлетел, но, правда, ненадолго. Из-за большой грузности левитируемого объекта мои энергетические линии порвались, и снежный барс практически сразу опустился вниз. Раздалось пронзительное «мяу!». Вскакивая на ноги, я приготовился отразить новую игривую атаку, однако её не последовало. Не Джизи уже смотрел на меня, но гномы. Они образовали плотный круг и явно ждали, чем закончиться наша дружеская схватка. Как только я выпрямился, отовсюду послышались крики. Ничего не понимая, я нашёл глазами Дурнбада.

— Не положено гному ездить верхом, если он слабее своего снежного барса. Не взяв грубой силой, ты превозмог его колдовством и это похвально, потому что на войне любые средства хороши! Джизи расчухал, кто из вас двоих тут главный, и теперь будет признавать твой авторитет и команды! Молодец, брат по крови!

— Эвон как! — воскликнул я, обнимая голову Джизи, просунувшуюся мне под руку.

Я погладил светлый мех и почесал за ушком. Надеюсь, больше неожиданных испытаний не предвидеться. Помахав смеющимся друзьям, я взобрался на покорного большого кота.

— Джизи только что сказал мне, что хочет есть!

Я склонился к морде снежного барса.

— Эй, парень, как насчёт вон той девушки в бежевом пальто? Она сочная! Обещаю, что ты не пожалеешь, если схрумаешь её!

— Ой, ой, все разбегайтесь и бейте в колокола! Калёб — сутулый гриб оседлал льва, чтобы охотиться на благонравных девиц! — тоненько пропела Эмилия, театрально подхватывая подол платья и убегая к повозке.

Затрубил рожок — пора двигаться дальше.

Доверив Джизи полностью отвечать за мою устойчивость при передвижении, я в этот раз не стискивал пальцами седло, а лишь легонечко касался ими кожного ободка. Обуявший вначале страх вывалиться на полном ходу, теперь вначале уступил место спокойствию, а затем и безмятежности. Я продолжал сидеть без всяких рук! Это просто потрясающе! Снежный барс хорошо чувствовал моё равновесие и не давал свалиться. Наверное, процесс овладения столь экзотической ездой можно сравнить с обучением плаванию. Пока плавать не умеешь, всё время кажется, что вот-вот пойдёшь ко дну, а там и захлебнёшься. Чтобы не допустить этого, приходится постоянно махать руками и разгребать гребешки волн, тратить силы на борьбу с водой. Однако стоит только самостоятельно начать плыть, и все приобретает совершенно другие краски! Из моря за уши не вынешь! Будешь нырять, плескаться и делать длительные заплывы! Так и здесь. Я прочувствовал Джизи, и мне вдруг страшно понравилось путешествовать на нём! Как мальчишка, я наслаждался свистящим воздухом, скоростью и прытью могучего зверя!

Ехавший рядом со мной гном-трубач весело ощерил рот в улыбке, и я ответил ему тем же. Наконец мне представилась возможность рассмотреть мелькающую перед глазами местность. Наш отряд двигался по обочине запорошённой дороги, по которой лошади, везущие в последний путь гномов и моих друзей, едва поспевали за не ведающими усталости снежными барсами. Деревьев вокруг росло довольно много, но не настолько много, чтобы назвать их лесом. Пихты, сосны и незнакомые мне низенькие кустарники с иголками синего цвета составляли большинство хвойных растений, а низкие разлапистые дубы и каштаны без единого намёкана листочки, чёрными пятнами разбавляли бело-зелёный пейзаж. Дважды

мне на глаза попадались одиноко стоящие домики. Похожие как две капли воды на те, что строят в Эльпоте, они исторгали из печных труб серые клубы дыма и манили зайти погреться. Знают ли люди, живущие в них, какая беда обрушилась на королевство? Вряд ли. Да так даже и к лучшему.

Солнце перевалило за полдень, и мне стало казаться, что я слышу странную музыку, нисходящую с Железных Гор. Нет, симфония не струилась с подножья великанов, она была во мне. Моё сердце трепетало перед той громадой и красотой, что открывалась всё больше и наполняла меня прекрасным. Созерцание природы и осмысление её величия всегда так действует на мою философскую душу.

Где-то там, над горизонтом, чётко вырисовывался подъём наверх. Два тонких ровных столбика между отрогами скал, должно быть, и есть пограничная застава Надургх. Мы практически у порога в подгорные царства, и лишь последняя стоянка для обеда разделяла нас и их кручи и бездонные глубины.

Дурнбад остановил отряд в удобной пещерке, хорошо защищающей от поползновений суровой непогоды. Но лошади не могли взобраться к ней. Погонщики из Эльпота изрядно продрогли, и я, не менее замёрзший, вызвался присмотреть за животными, пока их хозяева будут греться под каменными сводами. Как я и полагал, ко мне присоединились друзья. Заглянув в телегу, предназначенную для нашей компании, я обнаружил сжавшегося под лавкой Мурчика. Любимцу Эмилии снежные барсы показались страшными чудовищами. Не желая вылезать ни под каким предлогом, он твёрдо решил остаться в своём убежище до конца поездки.

— Ну, вот чего ты боишься, лапушка-смешнушка? Ты и сам не маленького размера, поэтому не понимаю, чем тебя напугали эти белые кисы? Выползай скорее, я тебя на ручки возьму!

Потянувшись за полосатым хвостом, моя подруга резко отдернула руку из-под лавки. Капельки крови, выступившие на кончиках пальцев, яснее ясного говорили о настроении Мурчика.

— Ух, противный какой обормот! — сказала колдунья, прикладывая ранку к губам. — Вон, даже Снурф не побоялся показать свои усы, а ты — трусишка зайка серенький! В кого ты у меня такой? Явно не в мамочку!

— Будь я котом, то тоже спасовал бы, увидев снежных барсов, — заступился за Мурчика Грешем.

— Ты и так не подходишь к ним ближе, чем на десять футов. Мне думается, что ты такой же отважный, как и мой лежебока, — шутливо отозвалась Эмилия.

— Ты слышал, полосатый?

Вампир заглянул в убежище кота.

— Твоя мамочка считает, что мы с тобой из пугливых, а я говорю ей, что просто мы не хотим быть съеденными на ужин! Да, да! У меня и у тебя есть, за что подержаться! Не то, что у этих тростинок!

— Да, розовощёкий, пухленький, с мясистыми щёчками, наверняка ты придёшься по вкусу одному из этих белоснежных мурлык! — кивнула колдунья.

— Именно так!

Грешем попытался поскрести Мурчика за подбородком, но тоже был укушен.

— Эй, а меня-то за что? Я вообще-то на твоей стороне! — обиженно закричал мой ученик.

— Не обращай внимания! Пусть себе сидит там бука-злюка хоть всю зиму, проголодается — вылезет. Да, Мурчик-Огурчик? Пойдёмте-ка лучше вкусненько поедим! У гномов есть колбаска, мясо и удивительно нежная баранья ножка, прямо так всё и тает во рту!

Подав знак соблюдать тишину, Эмилия увлекла нас от телеги в кусты, где мы и затаились в ожидании кота. Через несколько минут Мурчик, недоумевающий, почему его все покинули, осторожно выглянул из своего укрытия. Зелёные глаза внимательно осматривали пространство вокруг, розовый нос пытался уловить запахи колбасы, которую собирались есть без него. Обойдя телегу на цыпочках, колдунья неожиданно выскочила и проворно схватила своего фамильяра под ребра.

— Ах ты, прожорливое брюшко! Решил, что мамочка без тебя обедать собралась, обиделся и носик свой сразу показал! Пойдём, квакушка, я тебя сейчас угощу чем-нибудь!

Разведя костёр недалеко от дороги, мы принялись обедать. Порывы ветра с южной стороны раздували красные угольки. Закутавшись в плащ и держа в руках кружку чая, я отметил, насколько тёплая на мне одежда. Как холод не старался, а добраться до моего тела у него не получалось. Фантастика! Мысленно поблагодарив народ Хильда за комплект белья, я подкинул парочку хвойных веток в гулко потрескивающие язычки пламени. Снурф, подползший к самому краю огня, грел свой панцирь. Он жевал кусочек мяса и попутно ощупывал усиками сапоги Серэнити. Великий инквизитор не замечала этого, она смотрела вдаль. Каково это знать, что в любой момент можешь заснуть и уже никогда не проснуться? Думает ли Серэнити об этом, или все её помыслы сосредоточены на войне с Десницей Девяносто Девяти Спиц? Она молода, красива и свежа, я не верю, что она скоро умрёт. Этого просто не будет. Ответь, Вселенная, почему Серэнити стала мне так близка?

Из пещеры, опираясь на боевой молот, спустился Дурнбад. Подсев к нашему лагерю, он указал пальцем на два едва различимых шпиля, замеченных мною ранее.

— Смотри, брат по крови! Эта застава именуется Дозорная Нгваля. Она принадлежит гномам нашего клана. Никогда ранее не проходили через неё люди, и вы будете первыми, кому окажут эту честь.

— Спасибо, Дурнбад, но разве караваны между провинцией и подгорными общинами двигаются не по этой дороге?

— Нет. Торговый Тракт и Вьючная Колея лежат много восточнее. Этой тропой и летом-то редко кто пользуется, а зимой тут и подавно никого не встретишь. Загодя обходят её люди, потому что медведи водятся в этих краях, волки охотятся стаями. Есть, чему испугаться. Это сейчас нас много, и мы верхом на снежных барсах, а так, одному, шататься по этим местам очень рискованно. В неприятности здесь попасть на раз-два, хоть и кажется что все вокруг мирно и тихо. Ан нет, это обманчиво, и коварная погибель поджидает из-за каждого куста.

— Это большая удача, что ты любезно пригласил нас посетить Зарамзарат. Под щитом Надургх мы доберёмся до Железных Гор, минуя все опасности, — поблагодарила Эмилия. — Хочешь подогретого вишнёвого вина? Оно родом из Житницы Солнца, а там, как известно, делают лучшее вино во всём Соединённом Королевстве! Вот, попробуй и оцени!

По случайности перепутав греющееся у костра вино с кровью, колдунья взяла бутылку, лежавшую у ног Грешема. Пытаясь привлечь внимание подруги, дабы указать на непростительную ошибку, я усердно замотал головой, но было поздно, темно-алая жидкость была налита в чарку гнома.

— Благодарю.

Дурнбад поднял руку и стал подносить глиняную чашку ко рту, но непоправимого не случилось, потому что смыслённый Снурф резко запрыгнул к нему на колени. От неожиданности старейшина войны дёрнулся, и еда вампира без остатка пролилась на снег.

— Вот напужал, зараза черномазая! — выругался гном, отбрасывая таракана обратно к огню.

У меня отлегло от сердца. Второй раз за день Дурнбад мог догадаться, что кто-то из нас под личиной человека скрывает самого настоящего кровопивца. Не уверен, что после этого он стал бы сопровождать нас дальше. Выручил Снурфи, молодчина! С меня причитается парочка засахаренных яблок! Краем глаза я заметил, как Грешем одарил Эмилию пронзительным взглядом, а затем незаметно убрал свою бутылку в сумку.

— Ты понравился ему, вот он и решил немножко поиграть с тобой. Вот как Джизи со мной, понимаешь? Он хотел, чтобы ты его погладил!

— Хорошенького ты себе любимца завёл, брат по крови, ничего не скажешь. У нас с такими обычно разговор короткий, — проворчал Дурнбад отирая бороду перчаткой. — Много тараканов водится в заброшенных шахтах. Они вьют гнезда и множатся несметно. Я поначалу-то и не подумал, что он твой, кхм, питомец и чуть не расквасил усача. Надо его как-то обезопасить, а то каждый гном Зарамзарата завидев, — как ты его там кличешь? — Снуха, захочет вышибить ему мозги.

— Снурфа, — поправил я. — Точно-точно, я совсем не подумал об этом!

— У меня есть оранжевый мелок, — виновато сказала Эмилия, стараясь никому не глядеть в глаза. — Если натрём им панцирь, то все будут видеть, что он — таракан особенный, и кому-то из нас принадлежит!

— Хорошая идея, — одобрила Серэнити. — Покажи, насколько он яркий.

Достав из котомки светло оранжевый камушек, колдунья подозвала к себе Снурфа, а когда тот подполз, провела им по его броне. Полоса, скорее бардовая, нежели оранжевая, броско выделялась на подогнанных пластинах моего любимца. Таракану, однако, подобное обращение с ним не понравилось, и он зашипел.

— Не по нутру ему пришлось, вы только подумайте! — нахмурился Дурнбад. — А оказаться под кузнечным молотом тебе больше придётся по вкусу?

— Нит! — прошелестел Снурф, осознавая сгущающиеся над ним тучи.

— Он что, говорящий?!

— Немножко, — улыбнулся я.

Снурф повернулся к Эмилии задом и послушно дал себя разукрасить. Водя мелком вдоль спинки, колдунья, прежде чем закрасить его полностью, не устояла перед искушением нарисовать небольшую картину. На чёрной поблёскивающей глади появились перистые облака, летящие над пропастью гор, и девушка с парнем, держащиеся за ручки. Да, Эмилия не только хорошо стряпает и готовит яды, но и недурно рисует! Она очень талантлива! Моя подруга дала немножко полюбоваться на свою работу, а потом размазала всё ладошкой. Теперь Снурф выглядел невероятно примечательно. Он стал похож на исполинского лесного жука.

— Вот так вот лучше! Нынче ни один, даже слепой на оба глаза гном не промажет по цели, — развеселился Дурнбад. — Не обижайся, таракан, я шучу! Никто тебя не тронет!

Старейшина войны положил руку мне на плечо. Я сидел, а он успел встать, поэтому у него это получилось.

— В дорогу, брат по крови, седлай Джизи, а то он там наверно места себе не находит, ждёт размять лапы по хрустящему снежку!

Взобравшись вместе с гномом в пещерку, я нашёл свернувшегося в клубочек снежного барса возле таких же кошек, как и он. Различить Джизи среди прочих пятнистых комков мне помогла полоска шрама, сползающая от самой ключицы к заострённым ушам, я заметил её ещё в Эльпоте. Усы подрагивали, когти то появлялись, то снова убирались в ножны. Джизи спал, и, вероятно, ему снился какой-то весёлый сон, потому что он едва слышно помурлыкивал. Я протянул руку и коснулся толстенького бочка. Приоткрыв один глаз, Джизи тут же закрыл его обратно, перед ним был не чужак, волноваться нечего.

— Эй, пора в путь! — неуверенно сказал я, рассматривая нос, покрытый тонким слоем белёсого пушка.

Рядом со мной коренастый гном что-то бормоча, бесцеремонно схватил своего осёдланного кота за хвост. От раздавшегося рыка все снежные барсы повскакивали на лапы. Джизи потянулся и широко зевнул. Потормошив его по всклоченной груди, я вновь сел ему на спину. Затрубил рожок. Выпрыгнув из пещеры, мы пристроились в самом начале колонны.

К вечеру воздух стал заметно холоднее. Втягивая его в себя, я наполнял лёгкие ледяной чистотой. Всплыли воспоминания... Точно так же дышалось и у меня в Весёлых Поганках. Этот горный воздух ни с чем не спутаешь, не хватает только ноток моря, так хорошо ощущаемых дома. Дома? Есть ли он у меня теперь, мой дом? После того сна, посетившего меня накануне сражения в Эльпоте, я сильно сомневался в этом. Твари, выползшие из червоточины, могли уже сто раз разрушить его до основания. Целые города падают под натиском Десницы Девяносто Девяти Спиц, что уж тут говорить о моем Шато? Пара десятков зомби вместе с Катубом точно не станут для демонов серьёзным препятствием. Надеюсь, Птикаль успел куда-нибудь скрыться. Хотя куда ему бежать? В Нави? Затвор его ворот отпирается заклатьем, для Птикаля это ловушка. Бедный мой, он зажат. Наверное, был зажат... Есть ли мне смысл потом возвращаться на пепелище родных стен? Да и смогу ли я вернуться? Вот вопрос.

Дорога стала уходить ввысь, и почва обзавелась каменистым настилом. По сигналу снежные барсы переместились на серую тропу, по которой ехали лошади. Во главе отряда бессменно был Дурнбад, остальные разбились по двое. Следуя прямо за старейшиной войны, я оказался в связке все с тем же гномом-трубачом. Начался подъём в горы. С каждым скачком пружинистых лап деревья внизу уменьшались в размерах. Махая мне снизу ветками, они понуро перешёптывались о давно забытых днях.

Дурнбад сбавил шустрый темп своего снежного барса Клака, и Джизи тут же подстроился под жоака. Нестись по равнине — это одно, а скакать по каменюкам — это совсем другое. Проведя рукой по шкуре Джизи, я ощутил влагу. Он вспотел. Язык высунулся наружу. Потерпи, приятель, мы уже практически добрались.

Две башенки показались и вновь спрятались за горным уступом. Мы огибали его по кольцу, всё ближе подступая к выплывающей луне. Более окатанная и большая, чем у подножья Железных Гор, она венчала собой мириады мерцающих звёзд. Я засмотрелся на неё и не уследил, как аванпост, расположенный над обрывом, замаячил прямо перед глазами. Его тяжёлые каменные створы распахнулись раньше, чем колонна снежных барсов успела затормозить. Влетая белой стрелой в ворота, гномы, приветствуя соплеменников, стоящих на часах Дозорной Нгваля, на ходу размахивали стальными рукавицами. Поёт

рожок, вероятно, Дурнбад предпочёл заночевать уже в подгорном городе и решил не задерживаться на перевале. Мы протрусили ещё с час и, миновав гряду высоких скал, вывернули к исполинской горе. Удивительно светлая, она состояла из бесчисленных красно-жёлтых точек, освещающих дремлющих по соседству каменных великанов. Мне не сразу стало понятно, почему из горы исходит свет, но потом до меня дошло: это же выдолбленные в скале окна! Перед нами во всей своей красе высился Зарамзарат! Трубоч приложил рожок к губам и издал три пронзительные трели, которые отозвались эхом и усилились ответными звуками со стороны города. Длинный узкий мост вёл нас через обрыв прямо в огромные раздвигающиеся ворота. На секунду я вообразил себе, какого же размера должен быть дверной механизм, чтобы открыть такую махину! Наверняка вращающиеся шестерёнки, приводящие в движение всю систему, поистине невероятных размеров!

Когти Джизи скребанули по гладкой отполированной поверхности пола. Снежный барс нагнулся, мы приехали. Вокруг горели тысячи огней. Зарамзарат встречал нас закованными в полный боевой доспех стражниками. Ударив палицами о щиты в знак уважения к слезающему Дурнбаду, они впились в меня совсем недружелюбным взглядом глубоко посаженных глаз. Самыми последними в город въехали экипажи с павшими в битве воинами. Спрыгнув с телеги, Серэнити изумлённо выдохнула, и ведь было чему дивиться! Высоченные мраморные столпы уходили в непроглядную высь, поддерживая сферические ярусы, а соединяющие их между собой перемычки с прихотливыми парапетами и изысканными контрфорсами создавали многочисленные дорожки, по которым гномы беспрестанно торопились по своим делам. Видя смятение на наших лицах, старейшина войны громко рассмеялся:

— Впечатляет? Ну а то! Это наш великолепный Зарамзарат! Пойдёмте, я познакомлю вас со своим отцом, главой великого клана Надургх!

Потрепав на прощание Джизи, я как зачарованный двинулся по замысловатым галереям. Попадающиеся по пути гномы низко кланялись Дурнбаду, при этом их бороды касались причудливых туфель с бубенчиками. Шествуя среди тех, чей рост не превышал пяти футов, я чувствовал себя настоящим громилой, и видимо мои друзья испытывали нечто схожее. Миновав зал скульптур, посвящённый как богам, так и героям, я ступил на лестницу, охраняемую почётным караулом, одетым в тяжёлую броню и шлемы с мордами зверей. Преодолев ступеньки, покрытые красным ковром с золотой росписью, я поднялся на этаж выше. Здесь деревья, уместившись в пандусы вдоль ониксовой дорожки, переплетались коричневыми сучьями и образовывали живые арки. Их зелёные и жёлтые листья едва качались под слабым ветерком, струящимся откуда-то сверху. Вот это да! Невообразимо! Искусственный парк в самом центре горы! Среди зарослей я заметил бусинки глаз. Чёрный грач с любопытством, свойственным пернатым, сверлил меня взглядом. Я подмигнул ему и посмотрел на потолок. Своды высокого зала покрывал слой золота со вставками крупных прозрачных кристаллов горного хрусталя. Или то алмазы? Нет, не они. Гномы, конечно, народ богатый, но не настолько же! Опустив голову вниз, я чуть не врезался в Дурнбада, который остановился у трона.

Седые волосы, нос с большой горбинкой, голубые глаза, руки в многочисленных мозолях, привыкшие держать кирку или топор, лицо изрезано морщинами, — таким я увидел главу клана Надургх, сидевшего на резном каменном стуле возле пустующего престола. Абсолютно прямая спина и поднятый вверх горделивый подбородок старца о многом сказали мне. Речь, зазвучавшая на людском наречии, подчёркивала благожелательное

отношение к нашей компании.

— Глава клана Надургх, твой старейшина войны вернулся и готов предоставить доклад!

— Дозволяю тебе это, сын рода Надургх, говори передо мной и перед предками.

Голос старца был похож на тембр сына, такой же тягучий и раскатистый.

— Во имя чести!

Дурнбад хлопнул себя по нагруднику.

— Видимый нами четыре цикла назад возгоревшийся маяк Эльпото'одо был запален не просто так! Он призывал прийти на помощь! Следуя давним традициям дружбы народов, и с твоего благословения, я повёл триста гномов под стены города, в который пришла страшная и неожиданная беда. Потусторонние захватчики, кличущие себя Десницей Девяносто Девяти Спиц, во всей своей омерзительности явились из глубин Тьмы, чтобы уничтожить вертоград людей. Сойдясь в схватке с их главным рогоносцем, я был всего на шаг от смерти, и точно бы погиб, если бы не вот этот человек по имени Калев Шаттибраль. Он спас мне жизнь в самый последний момент, как и я ему за мгновения до этого. На поле брани он стал для меня братом по крови.

Дурнбад официально стиснул мой локоть, на что я ответил ему тем же.

— Устрашившись клинков, не ведающих жалости, твари бежали от нас, но победа далась дорогой ценой — многие гномы возвратились в Зарамзарат не на снежных барсах, а на погребальных колесницах людей. Радость и печаль сплелись для нас в жерновах одного дня, однако первое возобладало над вторым, так как за павших в сече братьев, Эльпото'одо воздал нам кольцо Буля Золотобородого!

Когда Дурнбад открыл шкатулку, глаза главы клана расширились и стали похожи на два блюдца.

— Мальчик мой, грядут большие перемены. Теперь Надургх скажет своё слово на Гхаге! Но то мы обсудим после.

Сверкающие голубые глаза обратились на меня.

— Представляюсь. Меня зовут Дунабар. Будучи главой клана Надургх и всего Зарамзарата, я рад приветствовать тебя, Калев, и твоих друзей. Отныне ты брат нам по крови, а мы — тебе! Да не рухнет эта связь, пока дышишь ты и последний гном Надургха.

— Для меня огромная честь познакомиться с тобой, Дунабар.

Я поклонился.

— Титул же, полученный мною, буду носить с гордостью, оберегая от пятен позора!

— Мне нравится твой настрой.

Оперевшись на ручку стула, Дунабар встал.

— Завтра, когда луна только войдёт в свои права, будет пир. На нём мы возрадуемся отдохновению Эльпото'одо, помянем храбрецов и воздадим почести Владыке Гор за возвращение кольца короля Буля! Сегодня же отдыхайте, спите, ешьте, приводите тело в порядок.

Сказав это, старый гном взял шкатулку в руки и медленно, но твёрдо, пошёл к маленькой двери, расположенной за тронем. Двое гномов последовали за ним.

— Вот оно что, брат. Мы все порядком устали за этот день, поэтому я спрошу: сразу пойдём спать или пропустим по маленькой? Я знаю в Зарамзарате отличное местечко, где золото на эль меняют не впустую. Я, конечно, угощаю.

Я посмотрел на друзей; Грешема явно клонило в дрему, но он держался, стараясь не показывая этого, Серэнити переминалась с ноги на ногу, всё ещё смущённая необычной

обстановкой, а Эмилия была на диво бодр.

— Я, пожалуй, выпью стаканчик на сон грядущий, — наконец ответил я. — Кто-нибудь из вас пойдёт с нами?

— Примете в свою компанию одинокую даму?

— Только если она не упадёт в обморок от трёх капель! — расхохотался Дурнбад. — Ты как? Крепкая?

— Уж покрепче, чем ты думаешь, — улыбнулась колдунья.

— Тогда замётано!

— А вы? — я обратился к Серэнити и Грешему.

— Урах порицает пьянство, — покачала головой Великий инквизитор. — Так что идите без меня.

— И я на боковую, — тоже отказался вампир. — Расскажите потом, как время провели.

— Обязательно, — кивнул я. — Доброй ночи!

— Подождите, сейчас я кликну кого-нибудь, чтобы вас уложили баиньки.

Распорядившись проводить Грешема и Серэнити в отведённые для них комнаты, Дурнбад, сверкнув глазами, повлёк меня и Эмилию за собой. Выйдя из тронного зала, старейшина войны повёл нас по узким улочкам Зарамзарата. Мы шли и шли, пока в одном из перекрестий проулков не попали в таверну. В заведении было очень уютно: драпировка — зелёный бархат, по кругу — базальтовые столы, в стенах — низенькие светильники, по центру — стойка с толкущимися на полках изогнутыми бутылками. Сумрачный гном с раздвоенной бородой, если и удивился нашей компании, то вида не подал. Плюхнувшись на низкую лавку, Дурнбад заказал нам пива. Чтобы быть за столом на одном уровне с гномом, мы с Эмилией сели прямо на пол. Принесли три кружки светлого шипучего напитка. Чокнулись. Я отхлебнул. Вот это вкус! Давненько такого не отведал! Ячменные нотки крайне хорошо гармонируют с какой-то отдалённой горечью. Это сено, что ли? Осушив одну кружку, я принялся за вторую. Это пиво было более тёмное, изжелта-коричневое. Чувствовалось, что его варили с добавлением мёда. Стукнув кружкой по щербатой поверхности камня, я взял новую, налитую до краёв бордово-красной пузырящейся жидкостью. О! Ого! Такое мне нравится, в меру кислое, клюквенное! Четвёртую кружку я держал уже двумя руками. Запах солода приятно щекотал ноздри. Что за диво? Классическое! К пятой чарке мой разум заметно затуманился, мы болтали с Дурнбадом о жизни, смеялись и пели песни вместе с Эмилией. И вот, шестая кружка выросла перед моим лицом. Она предлагает осушить себя до дна? Что же, не буду ей отказывать! Это голова идёт кругом или мир кружится, словно юла? Седьмая кружка! Вот так дела! Пьём! Восьмая или десятая? Дурнбад говорит, — сделано по фирменному рецепту, проверенному веками, главный козырь этого... этого — чего? Сейчас отведаем...

Глава 16. Защитник Железных Гор

Я проснулся с жуткой головной болью. Виски и затылок давило так, что мне чудилось, будто на меня надели какое-то орудие пытки. Я приоткрыл глаза и тут же получил порцию нестерпимо-яркого света. Так, этого делать не стоило. Я сощурил воспалённые веки в тоненькую линию, а затем чуть слышно вздохнул. Что случилось? Где я? Почему мне так плохо? А, надо думать мы засиделись в таверне несколько дольше, чем было бы нужно...

— Я знаю, что ты не спишь, исчадьё тьмы. Я всего за жизнь навидалась, но такого...

Чей это такой донельзя знакомый голос? Между тем, пока я соображал, слова всё лились откуда-то сверху.

— Вчера, значит, хотя нет, сегодня, в пятом часу ночи, два сизых носа заявили сюда с желанием продолжать грешный разгул. Горланя непристойные четверостишия про всяких гнусных созданий, они, поливая всё вокруг вонючим вином, пустились в безудержный пляс.

Я смутно стал догадываться, кто это говорит, но глаза открыть второй раз побоялся.

— Однако этой вакханалии господам развесёлым показалось мало, и они вдруг решили выяснить — у кого лучше получится жонглировать шариками огня...

Что-то всколыхнулась в памяти — стою напротив Эмилии, подкидываю магическую сферу.

... из твоих неуклюжих рук вылетел сгусток пламени и упал прямо на голову хохочущей, как бешеная кобыла, Грэхольм. Знаешь, что было дальше, демон? Магия моментально сожгла пропойце клок волос и весь её задор сразу как ветром сдуло. Такого истощного вопля женской обиды мне ещё не доводилось слышать. Наверное, к нам сбежались все гномы с этого этажа. Твоя обезумевшая подруга выхватила у кого-то горняцкий молот и одним махом припечатала тебя к стене, по которой ты сполз, словно раздавленное желе.

Голос приобрёл ещё более враждебные интонации.

— Я не знала, куда мне деться от позора! Ты — забулдыга-чернокнижник, удостоенный чести стать братом по крови клану Надургх, и балагурка Грэхольм опозорили своим поведением всё Соединённое Королевство! Будь моя воля, я бы за то, что вы так вели себя, подвесила бы вас за пятки к потолку. Жаль, что тут нет скоб, а то видит Урах, я бы претворила свою угрозу в жизнь.

Наконец я смог разлепить оба заплывших глаза. Серэнити сидела на низеньком стуле, а я, по-видимому, лежал в кровати в крайне неудобном положении. В то время как мои руки сложились под спиной, ноги касались холодной плитки пола. Ко всему этому великий инквизитор зачем-то держала над моим лбом сияющую лампаду.

— Ох! Теперь понятно, почему так болит голова! Моя дорогая Эмилия, будь она неладна, выместила на мне... ик! Я же не хотел... Ик!

— Чего ты не хотел? Устраивать кавардак посреди ночи?!

— Прошу тебя, убери ты эту светящуюся гадость! Мой череп и без неё готов вот-вот взорваться! — плаксиво промычал я, ощущая набухшую шишку над правой бровью.

— Что? Не нравится? Глазки режет?

Тон Серэнити стал ядовитым.

— А мне, думаешь, доставило удовольствие разнимать вас, после того как ты восстал из мёртвых, и с воплем «сейчас я покажу тебе, как нужно чихвостить заигравшихся девиц» кинулся щекотать Грэхольм ребра!

— Прямо щекотать? Эмилия очень боится щекотки, я на такое в здравом уме и твёрдой памяти не отважился бы! Это чревато...

— Чревато?! Да, чревато! Она визжала, как резанная! Словно ей иголки под ногти засовывали! Вы сцепились, как два кота, и всё это, заметь, под гвалт гномов, которые не решались к вам подойти.

— О, Вселенная, скажи, что ты пошутила, и этого ничего не было, — простонал я, борясь с дурнотой. — Пожалуйста, излечи меня, а то я сейчас умру у тебя на руках!

Казалось, что Серэнити не расслышала моей скорбной просьбы.

— Потом явился взвинченный гуляка в серебристых доспехах. Не разобравшись в

ситуации, этот вдрызг пьяный индивид, ещё недавно бывший старейшиной войны, подумал, что его брата по крови обижают. И что он предпринял? Правильно, он стал мутузить своих ни в чем не повинных соплеменников, а кулак у него оказалось тяжёлый...

Я сфокусировал взгляд на Серэнити. У неё под глазом вились фиолетовые прожилки синяка.

— Даже тебе? ... Это сделал он? Я... или она?

Чтобы спрятаться от светлых обвиняющих глаз, я, задавая вопрос, попытался накрыться одеялом с головой, но у меня не вышло. Рука Великого инквизитора цепко держала шерстяной угол покрывала.

— Стыдно?

— Ещё как!

Серэнити скривила губы.

— Ты думаешь, я поверю в эту ложь?

— Ты во всём права, и мне, правда, очень стыдно... и плохо! Помоги мне!

— Помочь тебе избавиться от похмелья и ушибов, вызванных грехопадением?

— Да! Будь добра! Пожалуйста!

— Я добра к тебе, и только поэтому ты ещё живой. Лежи, страдай и думай о своих нечестивых поступках.

Вставая со стула, великий инквизитор поставила лампаду на тумбочку так, чтобы её лучи продолжали резать мне глаза и напоминать о вчерашнем разгуле. Шурша белыми одеждами, Серэнити удалилась из поля зрения. Где-то лязгнул замочек закрывающейся двери, она ушла. Пытаясь подняться, я как червяк, завозился на измятой перине. Ох, как не просто! Высвободив из-под себя руки, я упёрся ими в простыню. Раскачиваясь подобно сломанному маятнику, я, спустя несколько неудачных попыток, всё же принял сидячее положение. Жутко хотелось пить! Есть здесь где-нибудь графин с водой? Я осмотрел комнату, в которой ночевал. Достаточно просторная, она вмещала в себя много изысканной мебели. Шкафы, лавки, сундуки, картины и прочее убранство так и лучилось помпезностью и роскошью. Вскоре моё внимание привлекло треножное трюмо у дальнего угла. Груда пустых тар на нём подсказала, что всю жидкость я выпил ещё вечером. Беда, беда, придётся подняться и найти то, что спасёт горло от засухи.

Собравшись с силами, я кое-как обул сапоги. Спасибо, хоть разулся перед сном! Или кто-то снял сапоги с меня? Трясаясь и икая, неровной походкой моряка, я вышел из спальни. Пройдясь по устланному шкурами оленей коридору, я попал в овальный холл, посреди которого расположился обитый коричневой кожей диван. Его покатые края практически дотягивались до стола, увенчанного рядом вогнутых кресел-лодочек. Эмилия, Серэнити, Грешем, Мурчик, Снурф и Дурнбад, — все были тут. На колдунье красовалась повязка из бинта. Она обхватывала всю макушку и перетягивалась под подбородком маленьким узелком. Волосы, всегда бывшие визитной карточкой моей подруги, сейчас представляли из себя жалкое зрелище. Похожие на пчелиные соты, они спутанными обгоревшими прядями обрамляли осунувшиеся плечи. Вампир и гном выглядели помятыми. Один задумчиво крутил в толстых пальцах гранёный кубок, а другой что-то пил из чашки.

— Всем доброго утра! — поздоровался я, вымучено улыбаясь. — Все хорошо выспались?

— Эгей! Брат по крови! Хорошенечко мы вчера посидели в «Полной Вагонетке», да?! Я же говорил, что брисовое пиво только на вкус как сироп, а забирает-то как, а? Мощно! А

как мы с тобой соревновались, кто больше выпьет рюмок с «Неййли-пеййли»? Да?! Как ты только потом на ногах устоять смог? Вот это я понимаю — удаль! Ну, садись, садись, хлебни чайку из горных трав, он всю ломоту-перехмурную мигом прогонит.

— Да, Дурнбад, ручаюсь, что «Неййли-пеййли» запомнится мне надолго, — согласился я, опускаясь на свободное кресло.

— Ты настаивал, что сдюжишь принять на грудь больше любого гнома, а я оспаривал.

— И мы, конечно, устроили небольшую проверку?

— Ну да! И ты проиграл мне! Но сражался достойно! Где ты так научился заливать за воротник?

— У меня была бурная молодость, — отозвался я, переводя взгляд на изумрудные глаза. — Эмилия, те «Неййли-пеййли», щекотка, шарики огня и волосы... Я... Прости меня, пожалуйста.

— Сама виновата, — отозвалась моя подруга тоном, по которому я понял, что она не держит на меня зла. Обрадованный этим, я принялся к приятному запаху, исходившему из кружки, всунутой мне старейшиной войны. Мята и лимон? Я отпил терпкий напиток и, как по волшебству, мне стало легче. Воодушевившись возвращением жизненных сил, я взял с общей тарелки бутерброд с беконом и яйцо.

— Поражаюсь, что после всего этого у тебя ещё не пропал аппетит, — сморщила нос Эмилия. — Мне так вообще кусок в горло не лезет.

— То-то оно и понятно, — засмеялся Дурнбад. — Шампанским после пива тоску разгоняет не каждая девица. Вы с Калобом стоите друг друга. А обнимались-то как вчера! Вы случайно не сладкая парочка?

— Нет!

— Мы — друзья!

В один голос и почему-то краснея, выпалили мы.

— Да? Ну, мне получается, показалось!

Старейшина войны бессовестно нам подмигнул.

— Они настолько давно приятельствуют, что стали уже как брат и сестра, — снял своим уверением неловкий момент Грешем. Затем он продолжил, обращаясь ко мне:

— Завалились вы, значит, сюда ночью не разлей-вода и давай припираться, кто из вас лучше разбирается в хитросплетениях неведомого, у кого заклинания серьёзнее и познания шире! Уткнулись рогами, да так громко, что я вышел вас немножко успокоить. Так вы меня с ног до головы вином облили и подушками закидали!

— Серэнити рассказала мне в двух словах, что было дальше, — промямлил я, глядя на ухмыляющегося в бороду Дурнбада.

— Я это, покумекал в таверне да решил проверить, как вы нашли путь до своих комнат. Поднимаюсь на ваш ярус, а тут кругом крики, и шум стоит несусветный! Бегу, расталкиваю своих и вижу: мой брат по крови ничком на полу распростёрся, подруга его вся в ссадинах и ожогах, а мои родичи целой кучей над ними нависают! Хмель ударил мне по темечку, и я пришёл к выводу, что вас хотят убить. Раскидал того, второго, третьего, да на жрицу белую в пылу драки и наткнулся. Понимаете, рука у меня горячая, не остановился вовремя и прямо в глаз ей зарядил.

Дурнбад приложил ладонь к груди.

— Прости, Серэнити, бородой клянусь, что не хотел по тебе попасть!

— Осознавший ошибку — впредь не споткнётся, — без тени улыбки промолвила

Великий инквизитор.

— Уже потом, когда все во всём разобрались, когда все друг перед другом извинились, а раны обработали, Эмилия завалилась спать на диван, Дурнбад лёг вон на то кресло, а вы удалились в спальню, сказав, что не веселились так с прошлого столетия, — завершил пересказ вчерашних приключений Грешем.

— Меня и правда, не так часто звали на вечеринки последнее время, — ухмыльнулся я.

— Надеюсь, что больше никогда и не позовут, — фыркнула Серэнити.

— Где-где, а в Зарамзарате Калеба на посиделки пригласят всегда! — рассмеялся Дурнбад. — Не забывайте, что сегодня ближе к восьми грянет пир, посвящённый Жизни, Смерти и Богатству! Там пива и «Неййли-пеййли» не будет, но марочное вино подадут отменное! Я вам перед выходом из «Полной Вагонетки» дал с собой попробовать бутылочку, не дурное же?

— Им вчера было всё равно, что пить, лишь бы горело, — снова подковырнула Великий инквизитор.

— Думаешь, не распробовали на мутный глаз? Тогда придётся повторить дегустацию.

Старейшина войны, кряхтя, встал с кресла и направился к дверям.

— Увидимся, брат по крови!

— Подожди, а есть у клана Надургх библиотека или что-нибудь подобное?

— Знамо, что имеется! Читальдум на третьем ярусе. Однако если ты плохо понимаешь письменность гномов, то там тебе делать нечего — на людском языке мы хронологии не ведём, только на лундулуме.

— Ну, кое-что я перевести смогу и сам, а кое-что помогут словари и учебники вашего языка, они-то точно должны быть в архиве, — улыбнулся я.

— Ведь и то верно, — согласился Дурнбад. — Людей в читальдум не пускают, а о нашем побратимстве будет официально объявлено отцом лишь на банкете. Поэтому скажи стражникам у ворот, что зайти тебе разрешил лично я.

— Хорошо, спасибо!

Кивнув в бороду, старейшина войны вышел из зала.

— Пока вы, отравленные алкоголем, беспробудно спали, я прошлась по этажу и хочу сказать, что он огромен! Гномы выстроили подгорную твердыню впечатляющих размеров! Мне никогда не доводилось видеть ничего подобного! — сказала Серэнити, закидывая ногу на ногу.

— Насколько я знаю, столицы кланов по типу Зарамзарата не уступают в размерах Эльпоту или тому же Шальху, а Трузд должен быть не меньше Гельха, — ответил я, растирая всё ещё поднывающий затылок. — Если бы не срочность нашего задания, я бы с удовольствием остался на недельку побродить по каменным залам Надургха!

— Через семь дней ты бы здесь окончательно спился, — злорадно отметила Великий инквизитор. — Завтра нужно выдвигаться в сторону гномов Караз.

Эмилия подпёрла рукой подбородок.

— Согласна с тобой. Дурнбад обещал нас проводить до ворот Трузда. Не забудь ему напомнить об этом, Калев.

— Не думаю, что он мог забыть, но так и быть, сделаю, как ты просишь! — пообещал я подруге. — Итак, мои дорогие, я поел и готов прогуляться до читальдума. Кто из вас хочет составить мне компанию?

— Мой ответ категоричное «нет», — страдальчески выдохнула колдунья. — Почему в

последнее время ты приглашаешь меня в самые скучные места, которые только возможно найти? Пойдём лучше походим по подземным паркам и садам? Я книг в Алхимикус Деторум начиталась на две жизни вперёд, и сейчас сидеть и переводить иероглифы Надургха меня ну ни капельки не прельщает!

Моя подруга повернулась к вампиру и великому инквизитору.

— Как и старый гриб, предлагаю вам отправиться вместе со мной. Моя культурная программа порадует вас лёгкой ненавязчивой прогулкой по достопримечательностям Зарамзарата с заворотами в магазины, рынки и музеи. Помимо этого, я порассказываю вам занятные факты про гномов и Железные Горы. Ну и, конечно, сходим попробовать местные сладости в одну из кафешек. Рахат-лукум гномов — это что-то с чем-то!

— Эй, так не честно! — шутливо воскликнул я. — Ты так всех переманишь к себе!

— Она уже это сделала, — впервые за утро улыбнулась Серэнити.

— А ты, Грешем? — обратился я к своему ученику. — Не желаешь поучить лундулум?

— Пожалуй, что нет, — ответил вампир, поглаживая Мурчика. — Я осознаю, что мне надо перенимать ваши знания и всё такое, но когда я ещё окажусь в Зарамзарате? Я не хочу упустить шанс осмотреть его величественные колоннады, исполосованные затейливыми канелюрами, диковинные барельефы, неописуемо светящиеся золотом аркады и могучие контрфорсы. Здесь всё совсем по-другому!

— Почему-то я не удивляюсь вашим предпочтениям.

— Было бы странно, если бы самый занудный разорванный носок во Вселенной удивлялся тому, что он как всегда остался с носом.

— Мой нос при мне!

— Тогда назначай нам время встречи, мистер пунктуальность.

— В семь часов на этаже скульптур. Они предшествуют деревьям в ящиках, помните?

— Помним. Ты, конечно, придёшь туда уже в шесть двадцать?

— Эмилия, твоими подколками мою толстую кожу не пронять!

Моя подруга чмокнула воздух, и я расплылся в улыбке. Скормив Снурфу остатки бекона, я попрощался со всеми, а затем покинул овальный холл. Припоминая нетрезвый разговор с Дурнбадом, я упорядочивал появившиеся у меня познания о его соплеменниках и гномах как таковых.

Зарамзарат, ставший домом для клана Надургх, имеет восемь ярусов. Четыре из них полностью жилые, а остальные делятся между различными хозяйственными службами. Например, шестой ярус включает в себя военные палаты, кузнечные артели и распорядительные подряды. Сердцем горы служит сокровищница. Находясь под неусыпным надзором караульчиков, она примыкает к тронному залу, в котором обсуждаются самые важные и насущные вопросы.

Все гномы всех племён разграничены на сословия. После гибели Буля Золотобородого и распада Каменного Королевства на самой верхушке пирамиды стоит не король, а глава клана и верные ему старейшины. Чуть ниже располагаются воины и жрецы. Середину иерархической лестницы занимают рудокопы, каменщики, оружейники, лекари и писцы. Следующая, наибольшая по численности ступень принадлежит разнообразным ремесленникам, торговцам и заготовщикам пищи. Линию сословий замыкает каста «отверженных» или обесчещенных семей. Им препоручается наиболее грязная и тяжёлая работа в штольнях. Перебраться из худшего класса в лучший практически невозможно. Профессии передаются из поколения в поколение, поэтому гнома, имеющего в роду одних

гончаров, вряд ли назначат старейшиной, а вот важный жрец, замеченный в краже золота из храма Владыки Гор, легко может шагнуть к отверженным, и провести остаток жизни, отделяя пустотелый камень от потолка нового строящегося коридора.

Интересна так же и торговля гномов. Добираться от города одного клана до другого крайне сложно. Огромные расстояния и трудности пути всегда мешали товарообороту в Железных Горах. Поэтому некогда по взаимной договоренности, вынесенной на великом совете Гхага, Трузд, возведённый на удобной развилке скалистых дорог, обзавёлся Великим Базаром, в искрящейся шири которого собираются торговцы всех кланов. Несомненно, что вынужденное решение неимоверно обогатило гномов Караз, и год от года влиятельные подгорные семьи поглядывают на их чертоги со всё возрастающей завистью, которая, по мнению Дурнбада, когда-нибудь выльется в широкомасштабную и кровавую войну. «Владыка Гор мне не даст соврать, главное хранилище Трузда уже не может вместить в себя все то, что Караз получил со всего Будугая. Эта пчелиная матка так распухла, что скоро треснет, или её треснут. Так много мёда в этом улье, что его нужно разделить или переложить в более широкий карман». Так он вроде бы сказал?

Размышляя, я не заметил, как добрался до спуска, ведущего на другие ярусы. Я сбавил темп и, подстроившись под боязливое царапанье Снурфа, стал неспешно переступать с порожка на порожек. Затяжной виток, ещё следом такой же, и вот, я — на нужном этаже. Широкая, выложенная красным мрамором мостовая была полна гномов. Их цветастая одежда рябила перед глазами, а перезвон колокольчиков, закреплённых на ботинках, создавал подобие несмолкающей музыки. Они шагали по своим делам и изредка на ходу мне кланялись. «Вараз чалук! Вараз Зарамзарат!» — слышалось из-под длинных бород — «добро пожаловать, человек», «добро пожаловать в Зарамзарат»! Я меж тем отвечал помянутой по старым дням отговоркой «кудун о мурудан, тап галах», что дословно означает «моё почтение тебе, благородный гном». Повторяя фразу и заглядывая в приоткрытые медные двери, я тщетно искал читальдум. Тут верстаки, там магазин, здесь алтарь, а что за тем проходом? Я завернул за угол и увидел две соединённые колонны, поддерживающие шапками выточенную сову — символ мудрости в Железных Горах. Наверняка это то, что мне нужно! Устремившись через арку, я достаточно быстро дошёл до небольшой комнатки с одним единственным столом, за которым сидел престарелый гном. Он читал гранитную табличку через очки с огромными стёклами, а за его спиной подпирали стенку два сучающих стражника.

— Ты потерялся, человек? — неожиданно спросил старый гном на чистом диалекте Соединённого Королевства.

Облегчённо вздохнув, я радостно развёл руками.

— Я давно не пользовался лундулумом, поэтому то, что ты говоришь на моём языке, для меня большая удача. Я ищу читальдум.

— В самом деле? Ты его нашёл.

Гном показал пальцем через плечо.

— Он за той дверью, но полагаю, тебя туда не пропустят.

— Несколько дней назад Дурнбад назвал меня кровным братом, а сегодня он гостеприимно разрешил мне посетить читальдум, так что с твоего позволения я...

Двигаясь к дверному проёму, я чуть было не лишился уха от молниеносно скрестившихся алебард. Обернувшись на свист рассекающего воздух оружия, старик посмотрел на меня чуть насмешливо.

— Я ничего не слышал о том, чтобы Надургх нарекал кого-то из людей братом по крови.

— Но это так! Я не лгу!

— И даже если это так, то где письменное разрешение от главы клана? Уж не надумали юный старейшина войны, что его слова достаточно для того, чтобы я пустил чужеземца рыться в знаниях нашего народа?

— У меня нет разрешения, но...

— Никаких «но», человек.

Гном укоризненно помотал седой головой.

— Я думаю, разговор окончен. Возвращайся, когда будешь иметь нужную табличку.

Делать было нечего. Последний раз окинув взором резную дверь, скрывающую за собой древние клинописные книги, я поплёлся обратно к лестнице. Конечно, я очень жалел, что мне не позволили зайти в читальную, однако уныние недолго владело мною. Будучи созерцателем по натуре, я провёл оставшееся в моём распоряжении время, скитаясь по ярусам Зарамзарата. В каждой улочке и в каждой витиеватой галерее, коих тут было множество, я видел величие и искусность гномов. Прихотливые вырезы камня и где-то угловатые, а где-то и мягкие переходы вертикалей массивных строений приводили меня в восторг. Архитектурная фантазия мастеров Надургх дышала монолитностью, единением и завершённостью. Особенно меня поразил длинный мост. Разверзший свои уста над пропастью, он зигзагообразно льнул к украшенной парапетами террасе. Изрезанная квадратами плитки, она служила пристанищем для мифических животных. Потрогав рельефного кабана за базальтовый клык, я был готов поклясться, что статуя чуть подалась вперёд. Зачарованные хранители? Возможно.

Где-то сверху запел рожок, призывая собраться на пир. Циферблат гигантский ярусных часов показывал шесть тридцать, пора поворачивать на оговорённое место встречи. Поднявшись к аллее с каменными фигурами, я принялся ждать своих товарищей. Шесть пятьдесят, семь, семь пятнадцать... Ну наконец-то! Идут! Ох, как я не люблю, когда кто-нибудь запаздывает! Мою сердитую физиономию Эмилия встретила хохотом и пересказом случая, когда я по её милости проторчал под дождём полдня. Бурля как закипевший чайник, я подхватил её под руку и со всех ног бросился на соседний этаж, всеми фибрами души желая не оказаться на мероприятии самым последним. Преодолев витиеватый подъём с застывшим почётным караулом, мы оказались у деревьев с пандусами. Там, где раньше виднелась мраморная дорожка, теперь тянулся широкий стол, затянутый красно-белой скатертью. Приглашённые гномы в большинстве своём уже успели расположиться по местам. Они держали в руках столовые приборы и нетерпеливо осматривались. Так, а где же нам сесть? О, вот и Дурнбад! Одетый в просторную белую рубашку и чёрные штаны, он горделиво выпячивал грудь, на которой болтался всё тот же медальон в виде золотой наковальни. Широко улыбнувшись через элегантно уложенную бороду, старейшина войны повлёк меня за собой в самое изголовье стола, где нашу компанию поджидали низенькие удобные креслица, делающие нас едва ли выше гномов вокруг. Заиграла музыка. Вначале грянули барабаны, затем выступил стройный ряд флейт, а потом, сохраняя торжественный ритм, мелодию дополнили мелизмы арфы и бряцанье цимбал. Вместе с этими звуками в моё сердце проникало что-то волнующе-величественно-скорбное. Не отдавая себе отчёта, я выпрямился и воззрился на пустующий трон. Когда фанфары достигли своего апогея, из внушительных ворот вышел глава клана. На волосах Дунабара возлежал серебряный веночек, в листьях которого

поблѣскивали крупные горошины сапфира. Весь вид гнома излучал силу и власть. Он встал справа от незанятого престола, поднял кубок и в наступившей тишине громко заговорил на лундулуме. Его речь была запальчивой и полной внутреннего достоинства. После того как она подошла к концу, зал разразился ликующими криками. Выждав какое-то время, Дунабар воздел руку вверх, призывая к молчанию. Гул голосов тут же стих, и старик, не опуская кубка, посмотрел на меня.

— Моё фа'ера рядом с теми, кто потерял близких и родных. Я скорблю по воинам, сложившим головы на защиту отчего дома. Пусть Урах заберёт героев в свои чертоги. Я печалюсь за братьев, навеки уснувших в каменных гробницах, — пришедшие по древнему зову дружбы, они ценили честь превыше всего. Пролиты слёзы, но должно им высохнуть! Я пью за победу, одержанную под стенами Эльпото'одо! За человека, в пыли сражения ставшего братом по крови для клана Надургх! За кровавую виру, кольцо короля Буля Золотобородого, по праву вернувшееся под сени Зарамзарата! Я пью за нерушимый союз гномов и людей!

Дунабар поднёс кубок к губам и, не останавливаясь, осушил до дна. Гномы, а вместе с ними и мы, последовали его примеру. Надо отметить, что такого хорошего вина я не пил давным-давно, и вчерашний день был не в счёт! Какого оно года? Думаю, лет десять ему точно есть. С удовольствием отхлебнув из заново наполненного кубка, я восхитился тонкими нотками горных винных ягод, оттеняющих главную тему букета. Такой игры вкуса ещё достигнуть надо! Красота!

Стоило только мне перевести внимание от чудесного красноватого нектара к пустому столу, как, словно по волшебству, он стал заполняться всевозможными яствами. Надо непременно упомянуть о том, что я попробовал на празднике в Зарамзарате! Удивительно пахнувший горшочек с тушёным мясом, картофелем и зеленью произвёл истинный фурор! Выскребав его дочиста, я потянулся за бараньими рёбрышками, прожаренными до хрустящей корочки. Потом настала очередь коричневого риса с изжаренными на вертелах индейками, выдержанными в винном соусе и фаршированными белыми грибочками, крохотными кусочками ветчины, тушёным красным луком и паприкой. Не смог я обойти вниманием и говяжий язык в сливочном соусе, и заливное из телятины, и салаты — индейка, каперсы, брынза, зелень, кружки лука, соус; гусь, имбирь, чеснок, листовой салат, лук-порей, в соус добавлен вермут; телятина, морковь, яблоки, маринованные огурцы, крошеные яйца, соус; свекла, чеснок, твердый сыр, соус; куриная печень, свекла, сыр, сельдерей, соус. Сначала салаты показались мне невыразительными, но распробовав, я срочно подложил себе добавки. Маринованные огурчики, грибочки и заквашенная до хруста капуста, щедро политая маслом, дополняли стол. Однако больше всего мне понравился хлеб. Тяжёлый, как бы сырой, абсолютно чёрный, с крупными ржаными зёрнышками. Я ел его просто так, ну или укладывая сверху толстый пласт буженины. Единственное, чего не было совсем — так это рыбы, что, впрочем, неудивительно. Речную гномы не любят, а свежую морскую в этих краях не достать. Зато на пиру присутствовало любимое гномами жаркое из летучих мышей. Прекрасно приготовленное, прижаристое, оно соблазнительно красовалось на тарелках. Но мы не рискнули попробовать, а гномы такое угощение просто смели.

Мои челюсти работали так интенсивно, что вскоре их стало сводить судорогой. Какой-то важный гном, сидящий ближе всего к Дунабару, заметил это и, зычно расхохотавшись, ткнул Дурнбада, который разразился ещё большим смехом.

— Это мой старший брат, Дубунар, — представил мне незнакомца старейшина

войны. — Он не так бегло калякает по-вашему, поэтому просит передать, что у тебя аппетит как у истинного гнома!

— Скажи ему, что я очень рад познакомиться, и что съел бы ещё, если бы плотно не пообедал перед пиршеством, — улыбнувшись, ответил я Дурнбаду.

Наклонившись к своему брату, старейшина войны перевёл мои слова. После чего новый взрыв смеха сотряс двух гномов. Пока они гоготали во всю глотку, я украдкой приподнял скатерть, чтобы подкормить Снурфа и Мурчика. Протягивая им кусочки мяса, я понял, что они и без моих подачек успели переест. Гномы едят неаккуратно, и их еда сыплется, куда ни попадя, так что таракан и кот старались выбирать только самые сочные кусочки, в изобилии усеявшие пол. Усмехнувшись, я опустил скатерть и посмотрел на подруг. В отличие от меня, Эмилия и Серэнити ели, как настоящие леди — малюсенькими порциями. У колдуньи на тарелке лежали две кабаньи отбивные и немножко салата из зелени, а Великий инквизитор ограничилась горстью горошка и котлеткой с ложечкой пюре из капусты. Вот кому-кому, а ей-то как раз надо бы набрать пару-тройку фунтов! Грешем тоже наложил себе еды, но он ковырялся в ней только для вида. Сидящий между двумя девушками, вампир был скрыт от подозрительных взоров.

— Дурнбад, — обратился я к гному, спорящему о чем-то с Дубунаром.

— Чего тебе, брат по крови?

— Завтра мы должны отправиться в Трузд.

Старейшина войны сумрачно кивнул и единым махом опорожнил свой кубок.

— Я помню данное тебе обещание стать провожатым и не отступлю от него. Хоть моё сердце и противится твоему скорому уходу из Зарамзарата, но я понимаю, что медлить нельзя.

Услышав наш разговор, глава клана перегнулся ко мне через румяного кабанчика с яблоками.

— Если ты утолил первый голод, то мне есть, что сказать тебе. Выйдем ненадолго из-за стола?

— Конечно, как тебе будет угодно, — поспешил я заверить Дунабара.

— Ты тоже пойдёшь с нами, Дурнбад.

Незаметно от всех, кроме друзей и Дубунара, я покинул пиршество. Стража расступилась, и мы зашли в комнату за тронем, которая, по-видимому, была личными покоями главы клана. Обитая изнутри светлой древесиной, она очень колоритно смотрелась в сравнении с каменными чертогами Зарамзарата. Большая карта Железных Гор занимала практически всю правую стену, к ней-то и повёл меня Дунабар.

— Я не умею ходить вокруг да около. Поэтому скажу прямо: до меня дошли плохие новости. Несколько часов назад из крепости, что стоит на рубеже Ничейных Взгорьев, отделяющих нас от Караз, я получил от дозорного вот это.

Дунабар показал на тонкую табличку, лежавшую на столе.

— Читай вслух, Дурнбад.

Старейшина войны взял её, пробежал глазами, а затем, хмурия брови, стал читать:

— Я, Догараг, глава клана Караз, сообщаю, что мой народ пал жертвой мора. Болезнь поразила гномов в моих владениях и сотнями собирает кровавую жатву для ненасытной смерти. Во избежание распространения заразы на другие кланы я закрываю город и перевалочные бастионы для всякого посещения извне. Все, кто сейчас находится в стенах Трузда, да не покинут его, дабы не оказаться переносчиками заболевания. Мне искренне

жаль твоих соплеменников, ставших жертвами обстоятельств и злого рока. По прошествии поветрия за каждого погибшего от болезни гнома Зарамзарата я вышлю тебе золото и другие поминальные дары. Да смилуется над нами Владыка Гор. С уважением к главе клана Надургх, Дунабару Строгому.

Дурнбад глянул на отца.

— Вот оно значит, как. Получается, поход в Трузд равносильно самоубийству?

— Я рад, что ты понимаешь это, мой мальчик, — вздохнул Дунабар.

— Значит, я на него пойду. Без меня брат по крови не сможет добраться до клана Караз.

— Я не могу запретить идти туда человеку, ставшему нам братом по крови, но не один гном Зарамзарата не пересечёт границу Надургх ведущую в Караз...

— Повторяю!

— ...а тебя, старейшину войны, отвечающего за ратный подвиг, я и подано не отпущу!

Дунабар скрестил жилистые руки.

— Ты услышал моё слово, и оно нерушимо!

— Я не хочу, чтобы из-за данного мне обещания ты нарушал запрет главы клана, — проговорил я, вглядываясь в тёмные глаза Дурнбада. — Покажи мне, пожалуйста, на карте, каково расстояние до Трузда, и какой из дорог, по твоему мнению, будет наиболее удобно совершить к нему переход. Завтра мы покинем Зарамзарат.

— Нет! Клятва на крови для гнома дороже его жизни! Я буду с тобой и разделю все превратности пути! — рявкнул старейшина войны, сжимая пудовые кулаки. — Меня не испугает какая-то вшивая болячка, стрекающая только слабаков да женщин!

Распалённый гном стукнул себя в грудь и повернулся к главе клана, который тихо, но властно заговорил:

— Если ты ослушаешься моего прямого приказа и попытаешься уйти с Калобом, тем самым подвергнув себя глупой опасности заражения, а весь Надургх, который останется без своего военачальника, военной угрозе, я заточу тебя в темницу. И знай, не будет у меня больше сына. На Совете Старейшин я отрекись от тебя и сошлю в самые нижние ярусы Зарамзарата, где ты до конца своих дней будешь тупым напильником ломать сталактиты. Но это не всё. Знай также и то, что если ты скроешься от погони, то обратно тебя никто не примет, и вечное скитание по лысым промёрзшим скалам Будугая станет твоим уделом. Я сказал.

Багровея, Дурнбад впился глазами во внешне бесстрастное лицо Дунабара. Маленькая жилка вспухла и забилась на виске старейшины войны, отмеряя бешеные удары сердца, колотящегося под его белой рубашкой. Наконец совладав с собой гном сквозь стиснутые зубы проворчал:

— Если такова твоя воля, глава клана, то я подчиняюсь ей.

— Я знал, что ты благоразумен. Ведь договариваясь со старшинами караулок Караз о проходе за черту карантина, ты можешь подхватить от них инфекцию и, не дойдя до Трузда, погибнуть. Я же к твоему сведенью не желаю под старость лет потерять и старейшину войны, и сына сразу, — выдохнул Дунабар, непроизвольно выдавая владеющее им напряжение. Посмотрев на меня, глава клана добавил:

— Я буду просить Владыку Гор, чтобы ты и твои друзья достигли Трузда целыми и невредимыми. Поутру вас будут дожидаться мешки с едой, тёплые вещи и моё благословение. Сейчас Дурнбад расскажет тебе, как не заплутать в горных тропах, а завтра я предоставлю тебе самую точную схему ландшафта со всеми таящимися на ней преградами.

На этом и порешим. Как со всем разберётесь, возвращайтесь обратно к столу.

Закончив говорить, Дунабар вышел из комнаты. Оставшись вдвоём, мы недолго помолчали, прислушиваясь к музыке и обрывкам песен, пробирающимся через неплотно закрытую дверь. Обратившись лицом к карте, Дурнбад щёлкнул пальцем в жёлтую наковальню, нарисованную чуть повыше коричневого замка с соколами.

— Это Зарамзарат. От его ворот гномы Надургх выложили Свистящий Тракт дс Шагрока, дозорной крепости, за которой начинаются Ничейные Взгорья. На их своевольных и лихих просторах часто случаются обвалы и ледяные сходы. Запомни, тут опаснее всего. Держись пологих уступов и природных навесов, пока не замаячит Небесный Мост. Он огромный, ты его не пропустишь. Как перейдёшь через пропасть, окажешься близ заставы Караз, а от неё до Трузда рукой подать.

— Спасибо, Дурнбад! Ты много сделал для нас и — знаешь, что? Дунабар, прав, запрещая тебе идти вместе с нами. Являясь главой клана, он прежде всего должен думать о процветании и защите своего народа. Случись что, не дай Вселенная, кто поведёт воинство Надургх на сечу, когда тебя не будет? Есть ли, кто сможет заменить тебя? Вот именно — нет! Так что не кручинься понапрасну: твоё место — здесь. Будучи братом по крови, я прошу тебя воспринять мои слова не в обиду, но в добро.

— Возможно, ты прав, — задумчиво протянул гном, взявшись за бороду. — Возможно, прав...

Дружески похлопав старейшину войны по плечу, я отвлёк его от раздумий. Мы оставили покой Дунабара и заняли ранее покинутые кресла на всеобщем празднике, который по моему наблюдению находился в самом разгаре. После того как покончили с основными блюдами, Дурнбад и Дубунар нас покинули, а под бой барабанов грянули пляски! Разбившись на пары, гномы весело запрыгали в неимоверно шустрой присядке. У них получалось это так задорно, что я, постукивающий по столешнице в такт восклицаниям «хуг», «нуг», «руг», «мей-ай-нодуг», сам захотел размять ноги. На смену дроби тамтамов и литавр пришла нежная арфа и виолы.

Подмигнув Грешему, я галантно пригласил Эмилию на танец. Соглашаясь, она ответила реверансом. Сцепив руки ладонь к ладони, мы прошествовали на середину зала. Я взял подругу за талию и стал медленно вести её по кругу. Без остатка отдаваясь чувству единения, я с головой погрузился в расслабляющие движения. Ах, как же давно, моя дорогая, мы с тобой так хорошо проводили время! Изумрудные глаза колдуньи были неотрывно прикованы к моим. Я тонул в их очаровании и в той душе, что скрывалась за ними. Эмилия, ты всё так же прекрасна, как и в тот самый день, когда мы вместе открывали бал выпускников Алхимикус Деторум. Тогда на тебе было чёрное платье с блёстками, а на мне — строгая атласная мантия. Юность весны дышала в тебе со всем своим жаром, да, я помню это, я не могу забыть. Сейчас ты стала другой, но та девочка никуда не ушла, она по-прежнему живёт в тебе. Моя подруга, моя милая Эмилия, что я безотчётно искал в каждом прожитом с тобою дне? Твои ресницы? Твой смех? Твои мимолётные взгляды? Что, кружась, среди глубинных хором Зарамзарата, я стал понимать? Кто ты для меня?

Когда переливы музыки угасли, и Эмилия отстранилась от меня, я увидел, что мы единственные стоим в центре сияющего факелами зала. Аплодисменты гномов обрушились на нас, словно камнепад. Смущаясь и краснея, мы, пользуясь паузой между композициями, поспешили к улыбающемуся во весь рот Грешему и сдержанно кивающей Серэнити.

Между тем часы пробили одиннадцать раз. Настала пора сменить вино на травные

напитки. Гномы в белых фартучках принесли заварнички, благоухающие лимоном, имбирём и земляникой. На десерт каждый из нас съел по необъёмному треугольнику фирменного торта — гордости гномьих поваров. Гигантский торт представлял собой гору со сладкими фруктовыми сокровищами, скрытыми внутри неё и залитыми потоками благоухающего крема (фрукты — гордость садоводов гномьих оранжерей, имеют не самый яркий цвет, но вкус у них, безусловно, отменный). На пирожные, представлявшие собой миниатюрные горы, облитые разноцветными кремами и украшенные сияющим сахарным жемчугом, у нас уже не хватило духа. Орудя маленькой десертной ложкой, я помог Грешему расквитаться с его долей сладкого угощения. Эмилии торт необыкновенно понравился, но вторую порцию она есть отказалась. Завистливо глядя, как я поглощаю шоколадный корж, моя подруга посетовала на то, как трудно следить за сохранением фигуры в таких нечеловеческих условиях. Я был с ней согласен. Чуть не лопаюсь от переедания, я, развалившись на кресле, принялся рассматривать слабую половину подгорного народа.

Чуть ниже, чем мужчины, дамы не уступали им в плечах. Широкие скулы и близко посаженные глаза делали женщин Надургха чрезвычайно колоритными. Все в золоте и драгоценных камнях, они гордо восседали рядом со своими мужьями, отцами и братьями. Нельзя не подчеркнуть, что шутка про то, что гном выбирает себе жену по длине её бороды, является банальной выдумкой. У обитательниц горных чертогов нет ни одного намёка на лишнюю растительность в области губ и щёк.

За наблюдениями я не заметил, как меня стало клонить в сон. Да и не только меня. Все, кроме Серэнити, уже давно клевали носами. Мурчик так и вообще сопел, взобравшись на пустой стул. Мы пожелали гномам спокойной ночи, а затем, изрядно поправившиеся, потопали в овальный зал, выделенный нам для ночлега. Оказавшись в своей комнате, я лёг на кровать и, вытянувшись всем телом, накрылся одеялом по самые уши. Скрежет, подобно маятнику, исходивший от Снурфа, который никак не мог угнездиться под матрасом, вгонял меня в дрёму. Нырряя в сновидения, я вдруг уловил лёгкий шорох со стороны двери. Это ещё что? Я приоткрыл один глаз и увидел крадущуюся фигуру. Страх невольно сжал моё сердце. Кто этот незванный господин? Вряд ли его привели ко мне благие намеренья. «Концентрируйся!» Насилу уgomонив разыгравшиеся нервы, я вызвал в руке малюсенькую капельку огня. «Иди сюда, голубчик, я пошлю тебе на встречу горячую штучку!» Когда стало можно различить хриплое дыхание, я увеличил зарницу пламени до размера мяча. «Пора!» Я откинул одеяло и послал клокочущую сферу во врага. Пролетев всего в дюйме от серебристого шлема, она бухнулась об потолок.

— Тише ты, тише со своим окаянным колдовством! Это я, Дурнбад!

— Что ты здесь делаешь? Ты испугал меня! А если бы я в тебя попал? Почему ты пришёл тайком?

— Все вопросы потом. Собирайся, брат по крови, нам нужно немедленно покинуть Зарамзарат.

— Но я только лёг! К чему такая спешка? Дунабар сказал, что мешки с едой приготовят к утру.

— Не беспокойся за снесь. Она собрана и ожидает у западного крыла. Я иду вместе с вами.

Окончательно протерев глаза, я понял, что старейшина войны стоит в полной боевой броне с молотом за спиной.

— Нет, не идёшь!

— Без меня ваша компания пополнит список тех, кто без вести пропал в Ничейных Взгорьях. Поверь, не имея опытного сопровождающего у вас нет ни одного шанса увидеть Трузд живьём, — отозвался Дурнбад, рывком стаскивая меня с кровати. — У нас очень мало времени. Пойдём, разбудим остальных.

— Никого будить не нужно. От твоего скрежета проснулись все, кроме этого глухого мага, — сказала появившаяся в дверях Серэнити.

— Поведай мне, силач, зачем ты подкрадывался к Калебу? — добавила, входящая Эмилия. Её заряженный Людвирбинг трещал изумрудными искрами.

— Дурнбад хочет нарушить запрет отца и пойти с нами. Он говорит, что мы без него пропадём, — ответил я за гнома.

— Ты, конечно, понимаешь, на что идёшь, и что теряешь? — спросила великий инквизитор.

— Я всё обдумал, — кивнул старейшина войны. — Меня подталкивает на сей поступок не только данное мною обещание крови, но и желание раз и навсегда отсечь Деснице Девяносто Девяти Спиц плешивые кудри. Если демонам дать уничтожить Соединённое Королевство, то их следующей целью станут подгорные города. Понимаете, о чём я? Мы, как и вы, будем втянуты в разрушительную и, скорее всего, гибельную катастрофу. Я предвижу это, и потому, мой долг — остановить Десницу Девяносто Девяти Спиц, пока она ещё не набрала силу. Калев говорит, что на Пике Смерти кроется секрет успеха. Принимайте меня в свою команду, и я, от имени всех гномов Будугая, помогу вам его отыскать.

— Ты принят, — улыбнулась Серэнити. — Твои убеждения и моральные ценности достойны самой высокой похвалы. Из тебя мог бы получиться хороший паладин Братства Света.

— Братство Света? Мне было бы больше по душе стать паладином Братства Эля, есть у вас такое? — расхохотался Дурнбад. — Теперь к делу.

Гном понизил свой глубокий голос почти до шёпота.

— Бежать из Зарамзарата придётся на снежных барсах, другого выхода нет. Я знаю, что вы не умеете ими управлять, но надеюсь, что в дороге научитесь. Я выбрал самых спокойных и выносливых кошек из всех, что у нас есть. За нами непременно последует погоня. Отец захочет меня поймать, поэтому будем надеяться, что выигранные за ночь часы дадут нам определённую фору. После пиршества залы Зарамзарата пусты, так что если мы сейчас поторопимся, то выберемся из горы никем незамеченными.

— Есть что-то в тебе, чего я не разглядела с самого начала, — улыбнулась Эмилия, глядя на гнома сверху в низ.

— И только я здесь считаю, что это плохая идея? — насупившись, осведомился Грешем. — Почему из вас никто не думает о том, что станет с Дурнбадом, после того как мы взберёмся на Пик Смерти? Мы не можем предсказать, получится ли у нас уговорить Эмириуса Клайна отвести беду от Соединённого Королевства, а вот то, что старейшина войны не сможет вернуться под сени Зарамзарата — известно наперёд. Надургх отвернётся от него. Дурнбад превратится в отшельника, и вся его жизнь пойдёт коту под хвост. Не смотри так на меня Мурчик, я не про тебя.

— На лопастях весов лежит моя судьба, а в противовес ей — тысячи судеб других гномов. Владыка Гор даёт мне возможность повлиять на будущее, которое увидят гномы уже этого поколения. Каким оно будет? Мрачным и страшным или умиротворённым и благоденствующим? Пусть это будет стоить мне жизни, но я избираю жребий доблести, ведь

то, что не зачтётся мне в брэнности, стократ воздастся по ту сторону Ворот Духов. Я — герой и смельчак, мой удел — сгореть в бою, а не на вонючей койке!

Дурнбад выпятил грудь колесом.

— Однако хватит обо мне, надо трогаться в путь.

— Не верю я во все эти посмертные почести, — пробормотал вампир в рыжие усы.

— Потому что ты уже мёртв, — чуть слышно пошутил я.

— Да направит нас Урах, — громко воскликнула Серэнити, специально перебивая моё шипение.

— Воистину, — смиренно отозвался я под пристальным взглядом Великого инквизитора.

Выйдя из комнаты, я плотно прикрыл за собой дверь. Спасибо за гостеприимство, Зарамзарат! Мне здесь понравилось! Особенно, конечно, запомниться «Полная Вагонетка» с её «Неййли-пеййли» и брисовым пивком! Эх, жалко таких заведений нет в Соединённом Королевстве!

Один за другим мы вереницей последовали за Дурнбадом, прекрасно знающим все лабиринты и туннели Зарамзарата. В мягком свечении закреплённых в стены фонарей я на ходу рассматривал проплывающие мимо величественные мраморные колонны. Поблёскивая перламутровыми, бирюзовыми и красноватыми оттенками, они навсегда запечатлели в себе красоту отшлифованного камня. Запертые на ночь круглые двери желтели мутными пятнами бронзы и меди. Проходя вдоль широкого зала с фонтаном, я не смог отказать себе в удовольствии напоследок зачерпнуть горсть холодной воды. Поднеся ладони к губам, я выпил её одним глотком. На подгорных улицах и в переплетениях извилистых галерей нам попадались лишь стражи. Прижимаясь стенам, мы пропускали их отряды идти по привычным караульным маршрутам. Воздух в Зарамзарате не был затхлым, но сейчас, поднимаясь по лестнице, увёртывающейся длинной змейкой ступенек всё выше и выше, мне показалось, что где-то неподалёку гуляет свежий ветер. Наконец, преодолев последний резной приступок, мы оказались внутри сторожевой башни. Среди стеллажей с оружием нас поджидали пять снежных барсов. Каждый из них имел снаряжённое седло и прикреплённые к нему туго перетянутые мешки. Сквозь прорези бойниц на ночном небе проглядывал бисер звёзд. Обращая к ним взгляд, я боковым зрением заметил гнома в накинутом капюшоне. Кутаясь в чёрный плащ, Дубунар стоял у самой кромки наблюдательного поста и вглядывался в темноту. Оторвавшись от своего занятия, он подошёл к брату, чтобы заключить его в крепкие объятия. Перекинувшись с Дурнбадом фразами на лундулуме, Дубунар разжал хватку, а затем, не оборачиваясь, ушёл в спуск лестничного пролёта.

— Рискуя всем, Дубунар помог организовать тебе побег? — уважительно спросила Серэнити.

— Мы с братом слиты из единого сплава и всегда заодно. Дубунар задержит погоню, насколько сможет.

— Надеюсь, что глава клана не узнает о вашем заговоре, — покачала головой Эмилия.

— Кто в шахту не сойдёт, тот алмаз не подберёт, — ответил поговоркой старейшина войны. — Клак, ко мне! Калерб, ты на Джизи! Серэнити, тебя повезёт Норка, вон она! Грешем, тебе тот толстяк с характером — Габба. А ты, Эмилия, поедешь на Вьюне. Седлайтесь!

Приблизившись к Джизи, я погладил косматую морду. Чуть сморщившись, снежный барс замурлыкал и боднул меня головой. Дурнбад уже успел залезть на Клака и теперь в

нетерпении ждал, когда мы последуем его примеру. У нас, однако, возникла серьёзная проблема — Мурчик ни в какую не хотел садиться на пятнистую спину собрата. Упираясь лапами, он шипел и мяукал, а так как сам Мурчик вырос размеров не маленьких, и был очень сильным, сражаться с ним было непросто. Вьюн, которому выпало счастье везти на себе Эмилию и её любимца, смотрел на них крайне подозрительно. Не придумав ничего лучшего, кроме как схватить упирившегося Мурчика за шкурку, колдунья с моей помощью забралась в седло. Грешем, до того наблюдавший за этой картиной с почтительного расстояния, медленно пошёл к наиболее упитанному зверю. Лениво дёргая хвостом, Габба безразлично оглядел вампира, затем фыркнул и нехотя присел на лапы, подставляя белый бочок.

— Мы с тобой подружимся! Я знаешь, как хорошо с полосатыми лапу? Вот где тебя почесать? Под подбородком или за ушком? Как приятнее? — спросил Грешем, с опаской садясь на животное сверху.

По рыку, раздавшемуся из глубин Габбы, можно было понять, что он пока не хочет обсуждать эти вопросы.

Последняя не занятая снежная кошка предназначалась для Серэнити. По виду она была самая молодой среди пушистой братии. Плавно и грациозно Норка сама подошла к Великому инквизитору. Лизнув открытую ладонь, она завалилась на плитку и подставила живот, явно показывая свою благосклонность. Опустившись на колена, Серэнити провела рукой вдоль вздрагивающего пуза.

Дурнбад замахнулся на развалившуюся кошку кулаком.

— Эй, Норка, вставай! Кому говорю! Вставай, блохастая подстилка!

Вскочив на мягкие лапы, Норка прогнулась и вытянула когти из ножен. Пользуясь моментом, великий инквизитор легко запрыгнула в седло и вставила ноги в стремяна. Я тем временем устроился на Джизи и прижал к себе Снурфа. Таракан не сопротивлялся. Его заострённые крючковатые царапки крепко обхватили мне грудь. Он что-то застрекотал, и я стал успокаивающе тереть ему рыжий панцирь. Вскоре мы все были готовы начать путешествие. Критически оглядев нас, Дурнбад показал пальцем вдаль.

— Перво-наперво доберёмся до той горы, Сахарного Утёса. Там сделаем короткий привал и снова двинемся в путь. К концу дня, если нас не нагонят, то, считайте, пронесло. Мы будем бежать очень быстро, поэтому предупреждаю — не хватайтесь за мех пальцами со всей силы, барсам это не нравится! Иногда из-за этого они могут сбросить седока. Падение на скорости чревато ушибами, переломами и смертью. Также не стискивайте их ребра сапогами — этого они ещё пуще не любят. Мой вам совет: расслабьтесь, или в противном случае поездка многие недели будет отзывать ломотой и болью. Уяснили? Ну, вперёд!

Белой молнией Клак сорвался с места, увлекая за собой усатых товарищей. Ветер обжог моё лицо холодным поцелуем, в ушах засвистело. Сбегая по узенькой тропке, мы по кругу огибали башенку. Закончив спуск, снежные барсы со всех лап понеслись по направлению к величавой горе. Где-то позади раздалось жалобное мяу — это Мурчик никак не мог смириться со своей судьбой. Я повернул голову и кинул взгляд на отдаляющийся Зарамзарат. Колеблющиеся огоньки прорубленных оконцев тысячами глаз провожали нас в неизвестность. Я немного печалился, что не смог достойно попрощаться с Дунабаром. Наверняка он теперь будет держать меня за предателя, который не остановил, а возможно и подбил его сына на неразумный поступок. Захочет ли глава клана убить меня за это, или всё обойдётся разрывом кровных уз? В любом случае отныне мне не стоит рассчитывать на тёплый приём у Надургха. А Дурнбад? Неужели его обесчестят и лишат всех титулов?

Дунабар не вечен. Когда-нибудь он навсегда заснёт в каменной гробнице, и Дубунар, ставший главой клана, вновь очистит имя брата от грязи. Но будет ли так? Ответ на это даст лишь время. На пути к Эмириусу Клайну Вселенная заставляет делать выбор не только меня, но и моих друзей, попавших под колесо Её случайности.

В испещрённой звёздами ночи доспех Дурнбада неведомым образом впитывал в себя свет неба и преобразовывал его в собственное сияние серебра. Как светлячок, он освещал дорогу нашей неугомонно мчащейся пятёрке. От мерной тряски на снежном барсе Снурф стал похрапывать. Улыбнувшись, я с завистью приложил щеку к хитиновой пластине своего любимого фамильяра. Вот у кого из нас всё прекрасно: спи да ешь, куда хозяин — туда и ты — знай себе шевели лапками! Ну что за мысли? Не совестно? Каждому хорошо быть на своём месте и в том облики, в котором родился.

Джизи поднимался на устланную рукотворным камнем возвышенность. Город гномов остался далеко позади, а впереди открывались бескрайние дали высоких просторов, где плеядами ровных треугольников росли ввысь исконные жители Будугая — горы. От этого зрелища захватывал дух, и спирало дыхание. Когда мы оказались на верхушке склона, я посмотрел вниз. По меркам вздымающихся рядом исполинов высота была мала, но тонюсенькая ниточка Свистящего Тракта, верёвочкой заворачивающаяся по склонам и выбоинам оскаленного взгорья, произвела на меня не менее сильное впечатление.

Притормаживая, Джизи размашистыми скачками понёс меня к подножию. Мой снежный барс явно отличался сообразительностью. Предварительно оценивая ситуацию, он мог неожиданно перестроиться и уйти от ложных, схожих с дорогой, участков, которые вели к обрывам. Вместе с первыми лучами робкого солнца мы спустились в ложбину, находящуюся аккурат между тремя заснеженными пиками, ближайшим из которых был Сахарный Утёс. Издалека заметив несколько деревьев, Дурнбад потряс сомкнутым кулаком, оповещая о привале.

Соскользнув с пригнувшегося снежного барса, я принялся массировать затёкшие голени. Как и я, другие наездники вкушали последствия продолжительной поездки. Грешем, вероятно, изрядно натёрший себе с непривычки бёдра, колодой плюхнулся на снег. Дородный Габба тут же этим воспользовался. Он без обиняков положил на грудь вампира свою клыкастую морду и зажмурил глаза. Растрёпанная Эмилия выпустила из рук обезумевшего Мурчика и, со вздохом облегчения, упёрлась ладонями в колени. Кот между тем попробовал забиться под корягу. Однако его пухлый зад отказался поместиться в укрытие, оставив тем самым серо-жёлтые штаны на виду. Серэнити, немного пошатываясь, села на вздыбленный корень, пробивающийся прямо из горной породы. Я не удивился тому, что Великий инквизитор сразу присела — передвижение на лошади кардинально отличается от скачек на снежных барсах, к такому надо привыкнуть. Дурнбад расстегнул один из мешков и достал предварительно нарезанный хлеб и кусочки бекона. Разводить костёр гном не разрешил — нас могли заметить по поднимающемуся дыму, поэтому пришлось обойтись без чая. Грешем, как всегда, предпочёл откусать из своей бутылки.

— Эй, приятель, дай-ка мне попробовать, что ты там пьёшь. А то я в этой спешке ничего не прихватил нам из спиртного.

— Мне кажется, оно скисло, — внезапно скривился Грешем. — Не хочу тебя обижать, но тебе оно не придётся по вкусу.

— Я всякую кислятину пил, — прицепился старейшина войны. — Мне всего-то глоток сделать надо, в горле пересохло — жуть.

— Пожалуй, что не дам.

Дурнбад выглядел оскорблённым. Уперев руки в пояс, он, подбоченившись, подошёл к вампиру.

— Не люблю я жадных гномов, а уж людей и подавно. Подозрительный ты какой-то, скрытный. Я следил за тобой вчера на празднике. Ты ковырялся вилкой в мясе, а в рот так ничего и не взял. Как ты можешь быть таким толстым, если совсем ничего не ешь, а?

— Это обидно и оскорбительно! Нельзя так открыто порицать людей за их болячки! — взъерепенился Грешем. — Я склонен к полноте, и даже малюсенький кусочек брокколи накидывает мне фунт. Чтобы избавиться от лишнего веса я вынужден каждодневно употреблять специальное вино с добавлением множества ингредиентов, которые обычному человеку могут обернуться свищом или язвой.

— Что человеку плохо, то гному хорошо!

— Ты отравишься!

— Враки!

— Нет, не враки!

— А я говорю, что враки! Твоё вино...

Перепапку прервало отдалённое эхо поющего рожка.

— Быстрее запрыгивайте на барсов! Мои сородичи близко! — закричал Дурнбад.

Схватив Снурфа под твёрдый панцирь, я вмиг оказался на Джизи. Серэнити, следующая, с успехом уселась на Норку. Грешему повезло меньше. Он споткнулся и кубарем повалился на своего тучного барса, которому не показалось это забавным. Габба зарычал и подвёл морду к лицу моего ученика: «Не надо так со мной! Укушу!» Чертыхаясь на свою неловкость, Грешем кое-как взмогился на рассерженного представителя кошачьего семейства. Вроде всё, но — нет! Эмилия никак не могла вытащить забившегося под корягу Мурчика. Он втиснулся под неё целиком, однако выбраться обратно ему было так же сложно, как и залезть. После того как колдунья со всей силы потянула его за загривок, Мурчик перешёл с истощного мяуканья на угрожающее шипение. Мою подругу это не испугало, но, к сожалению, её потуги не приводили к должному результату — застрявший кот по-прежнему находился в ловушке. Ситуацию разрешил Дурнбад. Отцепив боевой молот, он с размаху опустил его на повалившееся дерево. Бабах! Переломив ствол, гном бесцеремонно схватил извивающегося кота за заднюю часть. Такое в высшей мере некультурное поведение стоило Дурнбаду двух глубоких царапин на подбородке. Не обращая на них внимание, старейшина войны вручил Эмилии её питомца. Соскочив с Джизи, я помог подруге совладать с Норкой и разместить на ней Мурчика. Сколько мы потеряли драгоценных минут, рассаживаясь на спинах могучих кошек? Наверное, немного, однако заминка стоила нам дорого. Несясь во весь опор, к нам приближались гномы. Как они так быстро нас догнали? Не знаю. Мы помчались как ветер, но от преследователей уже было не уйти. Почуввав охвативший меня страх, Джизи ещё больше прибавил ходу. Снежная поволока россыпью колючих мошек застила мне глаза. Ничего не видя, я услышал сдавленный вскрик. Я оглянулся и с ужасом обнаружил, что мой ученик вывалился из седла. Дурнбад, частенько поглядывающий назад, тут же направил Клака на выручку Грешему. Повинуясь вожаку, снежные барсы повернули вспять. Первым, добравшись до барахтающегося в снегу вампира, старейшина войны выдернул его из сугроба.

— Габба! Луундук ваар'ан дук! — донеслась до меня ругань Дурнбада бесстрашно вцепившегося в зашеек снежного барса.

Не знаю, что уж там старейшина войны такого сказал своему толстому коту, но это возымело действие! Габба поджал хвост и негромко рыкнув, сам подбежал к Грешему. Тем временем преследователи приближались. Когда мы возобновили путь, я уже отчётливо видел их развивающиеся бороды. Дурнбад свернул в низкую прогалину, и Джизи прыгнул за ним вниз. Карательное воинство Зарамзарата неотвратимо надвигалось. Принять бой старейшина войны решил на полянке усыпанной мелкими и очень острыми обломками скал. Здесь гномам придётся спешиться, чтобы снежные барсы на бегу не поранили лапы. Я слез с Джизи и, выхватив из ножен Альдбриг, встал лицом к врагу. Сосредоточиваясь для заклинания, я машинально пересчитал гномов — тридцать против пятерых, что же, проверим насколько крепкая броня у подгорного народа.

— Дурнбад! — крикнул я. — Бьёмся на смерть или как?

Гном помрачнел. Он надеялся уйти от погони и даже мысли не допускал, что этого не получится сделать. Дурнбад не хотел крови соплеменников и печаль от предстоящего сражения нестерпимо терзала его душу.

— Думаешь, они пощадят нас? — снова выкрикнул я.

— Для начала они пожелают поговорить, — прозвучал в ответ полный досады голос.

Запел рожок, предупреждая о непредвиденном препятствии. Бряцая тяжёлыми доспехами, гномы покинули сёдла и полукольцом направились к нам. Оружие у всех было разным: палаши, палицы, топоры, молоты, у некоторых имелись небольшие щиты. Растолкав впереди стоящих воинов, из середины вышел гном в золотом шлеме. Растянув руки в разные стороны, он остановил надвигающуюся на нас волну бородачей.

— Старейшина войны! Дунабар велел привезти тебя обратно живым или мёртвым. Если ты раскаешься в том, что ослушался приказа и будешь умолять меня о пощаде, то я, по древнему обычаю, всего-навсего выколю тебе глаз, а затем притащу на суд правящего совета. Ну, а если ты проявишь свою вездесущую тупую упёртость, то не обессудь — могилой твоим костям станут эти камни, а их поминальщиками — прожорливые вороны. Поторопись определиться, на раздумья я даю тебе ровно десять секунд.

Гном стянул с головы золотой шлем, под которым играла хищная улыбка неприязни.

— Пока часики делают тик-так, я скажу кое-что и тебе, человеку, поправшему гостеприимство Надургх и вовлékшему Дурнбада в глупую авантюру. Глава клана посылает твоему фа'ера тройное проклятие и пожелание скорейшей гибели. Отныне и навсегда, тебе, Калебу Шаттибралю, и твоим друзьям запрещено появляться в Зарамзарате и сопредельных ему землях. За нарушение распоряжения вас будет ждать смерть через сбрасывание со скалы.

Я промолчал, а Дурнбад, в свойственной ему манере, пробасил:

— Вот как? Глаз значит? А посылая за нами, отец не сказал, что возможно из вас никто не вернётся под сени города?

— Собираешься убивать своих собратьев? Я и не надеялся получить от тебя другого ответа. Что может изречь тот, кто обесчестил себя воровством кольца короля Буля!

Я как зачарованный посмотрел на Дурнбада. Зачем он похитил дар от людей Эльпота? Гном же продолжал:

— Но не переживай, об этом никто не узнает, потому что на самом деле я не собирался оставлять тебя в живых. Будет лучше, если тебя просто не станет, а кольцо окажется у меня в кармане. Дунабару я скажу, что так и не смог тебя догнать, а когда старик умрёт, то я разделаюсь с твоим плюгавым братцем и сам стану править Зарамзаратом! Под моим началом Надургх достигнет тех высот, коих действительно заслуживает!

— О горы и недра! Твоё сердце, Каравар, черно, как самая глубокая штольня! — взревел Дурнбад. — Что за змею отец пригрел на своей груди! Приёмный сын оказался с червивым нутром! Недаром мы с братом называли тебя слизнем! Ты, крамольник и гнус, всегда действовал исподтишка, словно трусливая баба!

— Эти слова я затолкаю тебе в глотку! — прогремел Каравар. — Живых не брать! Бейте всех! Кавад ам Дурнбадо кадун! Кавад ама Надургх мену!

После такого возгласа мне сразу стало понятно, что порешить всё мирно теперь не получится. Предугадывая манёвр противника, я метнул огненный шар в ближайшего гнома. Железный доспех вспыхнул, как осенняя трава под искрой. Пламя объяло бороду и слилось в единое целое со страшным воплем агонии. Каравар и Дурнбад, словно два лесных жука, забодались увесистыми орудиями смерти. Увернувшись от нацеленного мне в печень топора, я отразил второй удар мечом. Я прижался спиной к дереву и, парируя выпады левой рукой, выжидал подходящий момент для последнего приготовленного заклинания. Сейчас моим преимуществом был рост, если бы мне пришлось схлестнуться в поединке с людьми, то, скорее всего, кто-то бы из четверых нападающих уже достал бы меня клинком, а так как гномы были значительно ниже меня, мне кое-как удавалось отбивать их яростные атаки. Резко выставив перчатку вперёд, я поразил молнией раскрывшегося бородача. Чёрный дым и копоть повалившие изо рта, понесли его душу к Владыке Гор. В следующую секунду, встретившись с острой сталью, два моих пальца левой руки отделились от запястья. Горячая боль пронзила мне конечность. Заливая все вокруг кровью, я продолжал отбиваться и отступать по иззубренной поляне вверх. Где-то неподалёку сверкнула зелёная вспышка, а за ней, с серебристым свечением солнца, на миг блеснула булава. Бьющийся о сталь и плоть булат, заполнил уши какофонией жутких звуков. В пылу сражения я совершенно потерял друзей из виду. Прижимая искалеченную культю к животу, я слабел и пятился. Меня затошнило, но я стойчески продолжал бороться с дурнотой и почуявшими слабинку гномами. Когда, казалось бы, ситуация практически поставила на мне крест, на выручку пришёл Джизи. Не знаю, каким образом он пробрался по крошке остроконечных игл, но его появления было как нельзя кстати. Напрыгнув на одного из гномов, снежный барс стащил зубами шлем и впился в незащищённое горло. Алые капельки заморосили с белых клыков на чистый снег. Растопырив лапы и взъерошив холку, Джизи двинулся на другого гнома, явно испуганного только что произошедшей расправой.

— Ну-ну, давай, подходи! — подбодрил я светлородого воина. — Такой маменькин сыночек, как ты, для Джизи неровня!

Выругавшись на лундулуме, гном, однако, не струсил. Он встал в боевую стойку и затряс топором перед носом у снежного барса. Сил защищаться у меня уже не было никаких. Потеря пальцев вывела меня из строя, и только Джизи сейчас стоял между мной и могилой. Неожиданно на гнома вылетел Снурф, до этого таившийся в снегу. Инстинктивно прикрывая лицо руками, светлородый пропустил два удара когтистых лап и в следующее мгновение перестал дышать.

— Спасибо, ребята, — согнувшись пополам, поблагодарил я животных. — Бой ещё не закончен, пора прийти на выручку друзьям!

От потери крови голова кружилась, меня шатало, но я не мог бросить тех, кого любил! Плачевнее всего было положение Эмилии. С покалеченными коленями и порезанным бедром, она отбивалась Людвирбингом сразу от трёх гномов. Рванувшись к ней на помощь, я краем глаза увидел, как Грешем и Серэнити медленно, но верно побеждают своих врагов.

— Эй, гномики, спорим на сто золотых, что я играючи вколочу ваши рябые макушки под землю? — крикнул я, отвлекая внимание нападающих на Эмилию гномов.

Сработало! Сверкнув глазами, ко мне двинулись двое из трёх бородатых воинов. Оценивая свои возможности здраво, я, лишённый сил для создания заклинания, был сейчас жалким противником. Видимо, примерно так же подумали и гномы. Наверняка они решили быстренько разделаться со мной, чтобы потом, ни на что больше не отвлекаясь, вернуться к моей подруге. Выставив Альдбриг впереди себя, я попытался достать им до глаз гнома. Лязгнув по шлему, клинок съехал в сторону, так и не задев цель. Я остушился и дал неприятельскому топору полоснуть себя по животу. Удар разорвал одежду и наградил меня бурой полосой неглубокого пореза. Парируя новый выпад, я повалился в снег, и тут мне должен был бы настать конец, но Вселенная хранила своего героя. Появившийся сзади Грешем отделил бородатую голову от тела так, как фермер скидывает протухшую капусту в мусорное ведро. Вторую самоуверенную «думалку» раздробила отдувающаяся Серэнити, а Эмилия, несколькими позже, прикончила последнего заматавшегося гнома изумрудным валом. Сражающихся осталось только двое — Каравар и Дурнбад.

— Зададим ему!

— Нет! Дурнбад сказал не вмешиваться! Это поединок чести! — воскликнула Серэнити, хватая меня за окровавленную руку. — Дай взгляну, что это с тобой!

Я протянул великому инквизитору искалеченный обрубок.

— Грешем, не хочешь перекусить, пока тёплая? Льётся прямо как из фонтана, знай себе только рот подставляй, — пошутил я.

— Очень смешно, — закатил глаза мой ученик. — Здесь и без ваших трёх капель еды навалом.

Под волнами магии Света мои раны активно стягивались, боль уходила, а голова прояснялась. Хромая, к нам подошла Эмилия. Серэнити как раз закончила лечить меня и переключилась на неё. Колдунью ужаснуло состояние моей руки, и она прижала ладонь ко рту.

— Ну что ты так страдальчески на меня смотришь? Лучше поздравь своего друга! Теперь я уж точно не запутаюсь, какими пальцами держать ложку!

— Действительно, — отозвалась моя подруга, наблюдая за тем, как её бедро обретает былую целостность. — Было десять — стало восемь — вам мужчинам одним больше — другим меньше.

— Да! Нам кольца носить не нужно! — смеясь, подтвердил я.

— Ладно вам шутки шутить, пойдёмте лучше поддержим Дурнбада! — сказал Грешем, направляясь к месту сечи.

Пятачок, где происходил бой между старейшиной войны и воином в золотом шлеме был утоптан в подобие круга. От напряжения оба гнома изрядно вспотели. Стекая с висков, горячие капельки ползли по щекам, а потом хрустальными льдинками оседали в складках усов. У Каравара была рассечена бровь, что мешало ему видеть, а Дурнбад подволакивал правую ногу, заметно пригибаясь к земле. Молот против топора. И то, и другое оружие имеет как свои преимущества, так и свои недостатки. Я смотрел на схватку, ощущая себя болельщиком гладиаторских боёв, проводимых на Арене Колесничего в Гельхе. Выкрикивая советы, как нужно Дурнбаду атаковать, я ему, конечно, только мешал. Каравар, на мой взгляд, был менее опытным бойцом, но зато обладал большей ловкостью, которая давала ему возможность противостоять нападкам старейшины войны. Сделав обманное движение

рукой, Каравар умудрился пнуть Дурнбада ногой, который после этого потерял равновесие и чуть не упал. Пролетевший со свистом топор срезал у старейшины войны половину бороды и лишь по случайности не достал до горла. Грешем рванулся вперёд и я еле удержал его, понимая, что честь для гнома превыше его жизни. В самый последний миг взметнувшийся молот отбил сверкающую сталь. Мне показалось, что Каравар нащупал слабое место в обороне Дурнбада и теперь целенаправленно в него метил. Взмах топора, ещё один, и ещё. Под гнѐтом ударов старейшина войны медленно отступал. Видя мнимое превосходство, Каравар, воодушевившись успехом, позабыл о безопасности и стал действовать нахрапом. Этого, видимо, и дожидался Дурнбад, который после очередного блокирования вдруг подался на своего врага всем телом и пихнул его на камни. Молот плющит золотой шлем — и всё кончено. Старейшина войны обвѐл невидящими глазами красную от крови поляну. Он закрыл лицо руками и упал на колени. Слезы полились через сомкнутые мозолистые пальцы. Дурнбад оплакивал погибших в сече соплеменников. Никто из нас не решился подойти к нему, пока он сам не встал на ноги.

— Их надо похоронить как истинных воинов Надургха, — тихо сказал старейшина войны.

— Я знаю только один способ воздать должное павшим, когда нет времени на долгие обряды, — ответил я. — Это огонь.

Поморщившись, Дурнбад кивнул.

Таскать павших гномов оказалось очень муторно. Я, было, подумал о том, чтобы гальванизировать мѐртвых и позволить им самим уложиться в правильный квадрат, но быстро откинул эту идею, так как по понятным причинам старейшине войны это бы не понравилось. Спустя час, когда всё было готово к сожжению, Серэнити присоединилась в прощальной молитве к единственно выжившему гному. Дождавшись окончания сакрального обряда, я со скорбным видом запалил заклинанием тот хворост, что нам удалось собрать в округе. В морозном воздухе костѐр зарделся красно-оранжевыми всполохами. В его треске я уловил обещание развеять прах воинов Надургха по всем Железным Горам.

Старейшина войны считал, что больше нас никто преследовать не будет, поэтому мы вновь раскинули импровизированный лагерь, чтобы отдохнуть от битвы. Меряя шагами прогалину, я искал в снегу свои отсечѐнные пальцы. Так. Вот деревце, где вроде бы произошло несчастье. Точно, это было здесь. Внимательно водя глазами вдоль корневища, я наконец заметил то, что ещё недавно принадлежало мне. Холод сохранил мои пальцы. Я подобрал их и стал думать. Никогда прежде я не испытывал чудеса некромантии на себе, но ... Что мне мешает попробовать? Грешему-то я даже ребра латал. Хотя он вампир, как говорится, не совсем живой, а я, наоборот, в полной мере под это определение подхожу. Что будет со мной, если я приделаю себе пальцы обратно? Могу ли я получить заражение крови или сгнить заживо? Какова вероятность такого невезения? Хотя кто вообще сказал, что у меня получится повернуть подобный эксперимент? Мне стало любопытно. В конце концов я учёный, люблю экспериментировать, ставить опыты. Пусть это будет опыт на себе. Попытка не пытка!

Взяв пальцы в левую руку, я сосредоточился на искалеченной культе. Сама некромантия похожа на лепку из пластилина. Силой воли я разминаю нужную мне часть, а затем соединяю её с недостающим фрагментом. Сейчас трёхпалую кисть ужасно жгло, и мне было непонятно, связано ли это с воздействием колдовства, или с тем, что я оголил кинжалом краешки залеченных ран. Закрыв глаза, я поднёс пальцы к обрубкам фаланг. Ну, была не

была! Боль двумя раскалёнными иглами вонзилась мне в суставы. Я почувствовал, как горячая кровь заструилась вниз по локтю. Уж не чудится ли мне? Разлепив веки, я залился громким смехом! Они снова со мной! Сгибаются, как и раньше! Мои ненаглядные! Мизинец и безымянный! Я уже успел соскучиться по вам, малыши! На мой неумный гогот сбежались все друзья.

— Что случилось, Калев? — спросила Эмилия. — Ты смеёшься так, словно сошёл с ума!

— Я хочу показать вам один фокус, — ответил я, лучезарно улыбаясь. — Смотрите, вот моя правая рука, я подвожу к ней кулак и прикладываю к обрубку. Сейчас вы видите только три пальца, верно? Отнимаю левую руку и — вуаля! Теперь их снова пять!

— Где ты так научился?! — закричал Дурнбад. — Что это за шарлатанство? Даже жрецы Уноля не могут отращивать себе отсечённые пальцы, а ты — раз — и вновь целая рука! В чём секрет?!

— Фокусники не раскрывают своих секретов!

Серэнити склонила голову на бок. Она, как и все кроме гнома, поняла, с помощью чего было обретено мною единство тела. Взвешивая каждое слово, Великий инквизитор сказала:

— Я рада узнать, что ты обладаешь трюками, позволяющими тебе прятать и вновь являть конечности, однако цирковая магия, которой ты воспользовался, может пагубно отозваться на твоём здоровье. Сообщи мне, если станешь себя плохо чувствовать.

— Спасибо, Серэнити, я буду иметь в виду! — ответил я, переводя взгляд на снежных барсов гномов, посланных за нами. — Вы только поглядите, они там так и стоят, не уходят!

— Да, они преданы нам, — протянул старейшина войны. — Я могу повелеть им вернуться в Зарамзарат, но, когда там увидят, что снежные барсы воротились без своих седоков, за нами отправится вся армия Надургх, а с ней уж, как говорится, — шутки плохи. Пожалуй, я отпущу их на волю. Да, так будет лучше.

Гном спустился к началу осколочной поляны и что-то зычно произнёс на лундулуме. Снежные барсы разом встрепенулись и выстроились в длинную шеренгу. По очереди подходя к каждому пятнистому коту, Дурнбад отцеплял сёдла и сбрасывал их в снег. Когда последний снежный барс был освобождён от подруг, старейшина войны громко хлопнул в ладоши, и все как один мохнатые хвосты исчезли в ледяной дымке.

— Вот и всё, — оповестил подошедший Дурнбад. — Отныне они предоставлены лону природы.

— Это самое лучшее, что мы могли для них сделать, — одобрила Эмилия.

— Фридия позаботится о своём выводке, — кивнул гном, вынимая из прихваченного мешка овал землистого цвета. — Среди поклажи соплеменников я нашёл пару фляжек с отличным бренди! Но вам, мистер рыжий скаредник, я не буду предлагать разделить со мной чарку.

— Ну и не надо мне вашего! — ответил Грешем, стараясь казаться обиженным. — С этого дня пьём только свои напитки!

— Да будет так, господин жадина! — подытожил гном.

Улыбнувшись вампиру, я с охотой принял протянутую мне фляжку с благородным бренди. Что за запах! Аж мурашки по коже! От носа я переместил флягу ко рту. Глоток. Ох, это приятное чувство жара, раскатывающееся от пищевода до желудка. Как же хорошо! Ноги слегка подкосились, крепкая штука! А, может, я просто устал?

Глава 17. Через Будугай

Просидев на полянке несколько часов, мы снялись со стоянки и отправились на юг. Качаясь на закорках у Джизи, я от всей души благодарил своего спасителя. Ведь если бы не он, я бы сейчас валялся с разрубленным напополам черепом. Почему Джизи пошёл против гномов? Почему он решил защитить меня? Я понравился ему? Загадка! Мне захотелось её разгадать. Я не использовал телепатию с Лунных Врат, где птичка привела нас к домику Эмилии. Расслабившись, я попытался пробиться в сознание могучего зверя. Едва лишь тронув бешеный водоворот мыслей, я тут же отступил. Не умеешь — не берись, такому учатся всю жизнь. А я, в отличие от Альфонсо Дельторо, в телепатической магии практически дилетант. Наверное, моим уделом навсегда останутся незатейливые мысли-вспышки таких животных, как полёвка, воробей и жаба. Немного расстроившись из-за неудавшегося телепатического контакта, я сразу возжелал дать себе обещание научиться как следует понимать животных, однако осёкся. Ещё неизвестно, буду ли я жив к следующему восходу, так что нечего строить долгоиграющие планы, нужно жить здесь и сейчас. Вселенная, веди меня.

Я повернул голову и увидел поравнявшуюся со мной Серэнити. Её лицо сияло восторгом. Она получала удовольствие от езды на снежном барсе. Глаза Великого инквизитора горят жизнью, но долго ли так будет? Живая Вода, Живая Вода, ты не даёшь мне покоя...

Заставляя себя подавить нахлынувшие мысли о неминуемой смерти Серэнити, я обратил внимание на то, что мы оказались на тропе под самой сенью горы. Посмотрев ввысь, я понял, как опасно здесь находиться. Малейший обвал, и — поминай, как звали! Счастливо миновав сложный отрезок пути, я облегчённо вздохнул. Дорога стала уходить круто вверх, и весь оставшийся день мы провели, взбираясь к иззубренной вершине. К ночи Дурнбад сделал привал. Ютясь на клочке ровной поверхности, наша компания тряслась от пронизывающего насквозь холода. Чтобы согреться, мы кутались в одежду и жались друг к другу спинами. Дурнбад был похож на старого волшебника. Облепивший бороду снег сделал её абсолютно белой. Развязав седельные сумки, старейшина войны выдал каждому коту положенную ему порцию мяса. Управившись с кормёжкой снежных барсов, он достал флягу и, отпив маленький глоточек, промолвил:

— Отсюда, конечно, не видно, но на том отроге стоит застава Надургх, тот самый Шагрок, о котором я говорил тебе, Калерб. За ним начинаются Ничейные Взгорья. После того, как мы оставим Шагрок позади, нам предстоит определиться, по какой дороге мчаться к Небесному Мосту, ведущему в Трузд. Собственно говоря, выбор-то невелик: Полярный Тракт или Проход Безнадёжности. По одному ходят все, кому не лень, а по-другому — только сумасшедшие.

— Лёгкая дорога и трудная дорога, так? — поинтересовалась Серэнити.

— Да.

— Как я догадываюсь, у трудной дороги есть какие-то преимущества?

— Её козырь — это разница во времени. Обычным гномам не в жилу рисковать в вероломных и лавиноопасных сходах Прохода Безнадёжности, поэтому на путешествие от Трузда до Зарамзарата, они, скача по Полярному Тракту, тратят по две, а то и три недели. Смелчаки же — иного покроя. Торопящиеся по одним только им ведомым делам, они, чтобы не делать умопомрачительный крюк, сигают напрямик и через день безостановочной езды оказываются на землях Караз или Надургх. Естественно, что Проход Безнадёжности

покоряется далеко не каждому, и большинство из безрассудных авантюристов, понадеявшихся на авось, чаще всего становятся жертвами коварного льда. Я знаю, что ваша, а теперь и моя миссия невероятно ответственна, и потому предлагаю решить, что важнее: тише да дальше или быстрее, но смертоноснее.

— Проход Безнадёжности! Звучит-то как мило! — заметила Эмилия.

— Это лишь одно из его имён.

Дурнбад принялся загибать пальцы.

— Гнев Богов, Ледяные Могильники, Седая Коса. Каждый клан по-разному кличет это легендарное место.

— А ты бы сам что предпочёл? Короткую или длинную соломинку? — спросил я.

— Если бы под Зарамзаратом бесновались орды Десницы Девяносто Девяти Спиц, то я бы без колебания взял короткую, — хмыкнул старейшина войны. — Я — рискованный парень.

— Не стоит говорить о том, что у нас нет в запасе лишних недель, но я бы не хотел расстаться с жизнью из-за какого-то снежного обвала, — буркнул Грешем.

— Поддержу усатого моржа, — кивнула моя подруга. — Вероятность погибнуть слишком велика, надо идти в обход.

— Я чувствую, что нам необходимо как можно скорее оказаться на Пике Смерти, — вполголоса сказала Серэнити, потрянув водопадом белых волос. — Если Урах явит свою волю, то мы преодолеем Проход Безнадёжности целыми и невредимыми.

Не высказался только я. Два голоса против двух, моё мнение станет постановляющим. Как поступить? Более четырнадцати дней скакать по долам иссушающих морозных гор, или испытать судьбу в роковом переходе? Я знаю, что сделаю. Я подкину монетку и доверю Вселенной избрать мой путь. Достав из кармана свой «счастливый» медяк, я подбросил его в воздух. Оборот, два, три, оп! Я словил монетку и перевернул кулак. На ладони скалился лев, а на другой стороне осталось насупленное лицо Манфреда Второго. Ухмыльнувшись, я объявил свой вердикт:

— Идём через Проход Безнадёжности.

— Я знал, что мой брат по крови не трус! — хохотнул Дурнбад.

Эмилия одарила меня мрачным взглядом, а Грешем угнетающе промолчал. Друзьям многое пришлось пережить со мной, и новая перспектива расстаться с жизнью им ничуть не улыбалась. Коротко вздохнув, моя подруга сдёрнула с головы капюшон, и нам на обозрение предстало её изуродованное лицо.

— Мне особо-то и терять нечего, если я умру, — спокойно сказала колдунья. — Калерб, старый мой гриб, куда ты, туда и я. Так уж сложилось, так уж суждено моим глупым сердцем. Главное, что я буду с тобой.

— А я с тобой, — проговорил я, обнимая подругу. — Согласись, ты бы заскучала, будь у тебя другой лучший друг.

— Который бы не ввязывал меня в неприятности?

— Именно.

— Эх, Калерб...

Серэнити положила руку на колено Эмилии.

— И терять тебе есть, что. Всё будет хорошо. Вот увидишь.

— Спасибо за поддержку.

— К тому же ты запомнила про Сухой Лёд лепрекона, — добавил я. — Начало положено, мы вернём тебе красоту!

— Я не забыла про фиал! Я думаю о нём практически ежеминутно!

— Мы соберём его! Осколок к осколочку!

— Обещаешь?

— Разве может быть иначе? Разве я когда-либо не сдержал своего слова? Так что — выше нос, моя дорогая Зеленоглазая Весна!

Эмилия наконец улыбнулась.

Не оставляя дозорных, мы легли спать. В эту ночь ко мне приходили странные цветные видения. То я лысой птицей летел над бескрайними дюнами песков, то рыбой скользил по морскому дну, выискивая съедобных рачков, то, обернувшись волком, выл на кромке леса. Казалось бы, всё идёт своим чередом, однако внешняя умиротворённость мешалась с внутренней напряжённостью тех животных обличий, в коих я побывал. Всюду чувствовался разлад. Скверна и гниль заполняли мироздание. Они безжалостно вонзали свои истлевшие клешни в землю, воду и воздух. Там, где проползал их тлетворный палантин, жизнь обрывалась или видоизменялась так, что сама суть естества преобразовывалась в угоду гниению. Неожиданно во сне я задался вопросом — а что есть Десница Девяносто Девяти Спиц? Вопрос разросся и обзавёлся корнями. Откуда берутся её бессчётные орды? Где их прародина? Почему они клокают дикой злобой разрушения? Чья воля гонит тварей Десницы Девяносто Девяти Спиц убивать всех без разбора? А, может, они орудия самоочищения? Вдруг это сама Вселенная манипулирует первозданной мощью, дабы избавиться от ненужных ей миров? Думая об этом, я показался себе букашкой, рассуждающей о глубине вечного Замысла. Моё сознание болезненно надулось, а затем лопнуло мыльным пузырьком. Часто дыша, я вскочил с мехового одеяла, и мои пробудившиеся друзья перепугано заозиралась.

— Простите, — пролепетал я одеревеневшим языком. — Просто дурной сон.

— Это нормально, — пробасил Дурнбад, протирая тёмные глаза. — На высоте мало воздуха, поэтому в дрёмах часто грезится кавардак и невообразимая ахинья.

— Мне как раз сейчас нечто подобное снилось, — широко зевнул Грешем.

Подняв глаза к небу, я стал свидетелем грандиозной картины рассвета. Солнце огромным золотым шаром выплывало из-под туманных шапок гор. Дух захватывает, как это грандиозно! Только ради такого момента стоило бы оказаться в этих краях! От рождения я люблю наблюдать за коловоротами природы. Их цикличность и гармония всегда пихали мне под нос пытливые желания, неизменно начинающиеся со слов «как», «что», «где» и «почему». Вот и теперь, неотрывно следя за восходом, я выудил из головы старый, не дававший мне покоя многие годы вопрос — Земля ли крутится вокруг Солнца, или Солнце кружит вокруг Земли? Среди учёных людей бытуют разные мнения на этот счёт, но визуально более правдоподобен первый вариант.

— Эй, брат по крови, чего стоишь, как громом поражённый? Садись завтракать! — позвал Дурнбад, втискивая мне в руку склизкий кусок бекона.

Ненавижу, когда жир касается моей кожи! Неужели так сложно было обернуть еду салфеткой? Я же не провожу салом по его бороде!

Окончив трапезу, мы, вслед за лучами солнца, вновь двинулись вперёд. Дорога хоть и была хорошо выложена камнем, но больше предназначалась для тех, кто предпочитает передвигаться пешком. На её узкой кладке снежные барсы взяли средний темп бега, и те из нас, кто ещё не до конца приноровился к своеобразной поездке верхом, смогли немножко расслабиться.

К полудню замаячили остроконечные шпили Шагрока, которых мы достигли лишь во втором часу ночи. Завидев снежных барсов, наблюдатель открыл сторожевые ворота. Когда гномы поняли, что к ним явился сам старейшина войны, они выстроились в три ряда и громко ударили в щиты оружием. Впереди войска встал бывалый смотритель Шагрока. Отсалютовав Дурнбаду, он смешно тряхнул седой бородой и пригласил войти в бастион, в котором нас приняли с большим почётом. Разместившись в одном из тёплых казарменных залов, мы все едва не упирались головой в потолок, а Грешем так и вообще пару раз нехило счесал себе макушку. Мастера, возводившие эту крепость, явно не предполагали, что в ней когда-нибудь станут принимать людей. Узнав свежие новости о ледяных сходах, Дурнбад удовлетворённо кивнул. Буквально вчера Проход Безнадёжности сотряс огромный снежный оползень, и, вероятно, в ближайшие дни там будет тихо. Конечно, это не могло не порадовать нашу компанию.

Изрядно отужинав сочным козлиным окороком, я соорудил из одеял нечто похожее на лежанку и повалился спать. Еда и жар натопленного камина мигом забрали меня в беспробудный сон. За ночь я хорошо выспался и к утру был полон сил. Мне очень не хотелось менять тепло стен на холод гор, но Эмириус Клайн сам себя не отыщет, и потому я, скрепя сердце, помахал дозорным гномам рукой.

Мчась на Джизи за хвостом Клака, я понял, отчего здравомыслящие гномы не отваживались ходить по Проходу Безнадёжности. Две горы вросли в промёрзшую землю так близко друг к другу, что их соседство создало естественный туннель, который, как мне показалось, был длиною в бесконечность, по крайней мере, я не видел ему конца. Дурнбад остановил Клака у самого начала зияющей сумерками дыры.

— Вот, брат по крови, это он, Проход Безнадёжности, он же Седая Коса и Гнев Богов. Погляди на те белые валики, скопившиеся на склонах Иштыра и Прудунугара. Видишь? Они-то и есть наша погибель. Но мы не робкого десятка, да?! Пролетим по острию ножа и не заметим!

— Честно сказать, Калёб, у меня кровь стынет в жилах, как представляю, что вся эта громада на нас обрушится, — вздрогнула Эмилия.

— Не робей! — воинственно рассмеялся гном. — Если ныне нам предначертано умереть, то мы умрём, а если нет, то будем жить дальше!

— Твоя солдатская премудрость по-трагичному смешна! — надломленным голосом отозвалась моя подруга.

— Не будем испытывать фортуны своей нерешительностью. Веди, Дурнбад! Мы постараемся не отстать, — сказал я, перебарывая нахлынувшую хандру.

— Дважды просить меня не надо! Если что, то рад был познакомиться! — хмыкнул гном. — Поговорим теперь на той стороне! Вперёд!

Рьяно приподнявшись на задних лапах, Клак понёс своего седока в таинственную горловину, образованную сросшимися Иштыром и Прудунугаром. Мы с Джизи рванулись в полутьму вторыми. Аккуратно уклонялся от острых каменных краёв, торчавших из серо-чёрной породы, мой верный снежный брас, подобно пятнистой молнии, помчался по неровной базальтово-молочной насыпи. Подняв голову к сомкнутым скалам, я увидел едва различимую полоску неба. Хороводы теней насылали воображению ложные посулы. Мне чудилось, что мы вот-вот влетим в неизвестно откуда взявшуюся преграду. Кроме спины Дурнбада и двух изрезанных веками стен, я ничего разглядеть не мог.

Ползли минуты и наматывались часы, а Проход Безнадёжности вёл нас всё дальше

вглубь своих недр. От долгого нахождения в одном положении у меня затекли ноги и руки. Мне было тяжело сидеть, и я не представлял, как Джизи выдерживает такие умопомрачительные нагрузки, находясь в постоянном движении.

День только кажется, что проходит незаметно, на самом деле это совсем не так. Иногда он растягивается в одно сплошное ожидание чего-то нехорошего. До того момента, как я не услышал какой-то шум, у меня не было страха смерти. Однако, когда гул стал нарастать, я не на шутку струхнул. Где-то точно сыпался снег! Впереди или сзади? Где?! Рёв тысячи рассерженных драконов не показался бы столь громким по сравнению с безразличным капризом природы. Горы выли, гудели и тряслись. Клак, Джизи, а за нами и все остальные снежные барсы перебирали лапами со скоростью урагана. Всем нам хотелось жить.

Грохот усилился, и теперь я точно смог определить, что лавина идёт за нами по пятам. Обезумевший ветер рвал мои волосы, но не было и речи, чтобы попытаться накинуть капюшон. Прижимая Снурфа к груди, я вновь оказался на волосок от гибели. Здесь всё и закончится?! Нет, погодите, там что-то блеснуло, или мне показалось? Глаза слезились, а звук осыпающегося льда рвал мои барабанные перепонки. Всё превратилось в один застывший во времени миг.

Вначале я не понял, что произошло. Свет ласково обнял меня со всех сторон, а ветер, до этого грозившийся сорвать лицо, сейчас лишь нежно целовал щеки горячими бусинками снежинок. Мы выбрались! Джизи остановился, только отбежав от туннеля на почтительное расстояние. Самым последним из Прохода Безнадёжности появился Грешем, за которым лёд и камень сомкнулись единой стеной. В голове стучала лишь одна мысль — мы выжили! Выжили! Соскочив со снежного барса, я не мог поверить в то, что провёл на нём целые сутки, не слезая. Лишившись своей ноши, Джизи повалился в снег и высунул язык. Я потрепал вымученного кота по свалывшемуся мокрому меху.

— Эге-гей! Мы прошли! — громоподобно возвестил шатающийся Дурнбад.

— Мне не верится, — отозвалась Эмилия, опуская Мурчика на лапы. Кот дрожал всё телом и таращил глаза.

— Поразительно! — согласилась растрёпанная Серэнити.

— Это тот самый Небесный Мост, про который ты говорил? — спросил Грешем, указывая вдаль на ровную чёрточку между двумя горами.

— Он, родимый. Небесный Мост — великолепное произведение искусства ранних гномов. Как подойдём поближе, увидите, о чём я говорю. Кстати! За ним начинаются владения Караз!

Старейшина войны приложил руку ко лбу.

— Вон там вьётся Полярный Тракт, по которому мы могли бы ползти сюда полмесяца! Но он не про нас! Мы — отчаянные ребята!

Гном стукнул себя по серебристому доспеху.

— Тут больше уместно слово «безумцы», — отметила моя подруга. — Давайте разобьём лагерь, я готова прямо сейчас упасть на эти валуны и заснуть.

— Нет, здесь оставаться опасно, — помотал бородой Дурнбад. — Новая лавина может зайти за кромки Прохода Безнадёжности и смести нас, как солому. Однажды мне пришлось стать очевидцем того, как разогнавшаяся снежная насыпь едва не поглотила отроги возле Шагрока! Так что не будем гневить Владыку Гор. Тормозите своих барсов, отдохнём подле Небесного Моста.

— Легче сказать, чем сделать, — пробормотал я, подходя к Джизи.

Я деликатно потряс пятнистого кота, успевшего погрузиться в сон. Угрожающее рычание и не менее устрашающий взгляд из-под белёсых ресниц заставили меня отступить на шаг.

— Послушай, если мы сейчас не уберёмся отсюда, внезапный оползень может накрыть нас с головой, и такого красавца, как ты, ведь тоже, — принялся я уговаривать снежного барса. — Пожалуйста, давай пробежимся ещё чуть-чуть! Я обещаю, что потом ты будешь спать, сколько тебе угодно!

Джизи прижал уши и показал острые клыки, но затем подставил бочок для того, чтобы я перекинул ногу. Благодарно похлопав снежного барса по загривку, я запрыгнул в седло. Внутренняя сторона бедра свело болезненной судорогой. Я и сам мечтал поскорее прилечь на свой плащ. Вздохнув, я перевёл взгляд на Грешема. Мой ученик безрезультатно взывал к Габбе, который никак не хотел подниматься. В конце концов, вампир достал уставшего снежного барса и тот пихнул его лапой. Однако это не остановило Грешема. Преодолев страх быть укушенным, он сел лежавшему Габбе на спину. Толстый кот измученно чихнул и, видимо, поняв, что от него не отстанут, встал рядом со своими усатыми родственниками. Экономя последние крупицы сил, снежные барсы затрусили прочь от Прохода Безнадёжности.

Мои ожидания скорого привала не оправдались. Нам пришлось двигаться ещё около двух часов, прежде чем Дурнбад подал сигнал тормозить. Не скрывая радости, что столь длительный переход наконец закончен, я вытянул ноги, усевшись на промёрзлый камень. Внизу склона брал начало Небесный Мост. Погода, утихомирившая свой вздорный нрав, милостиво давала рассмотреть серую громаду, повисшую посередине пропасти. Массивные треногие подпоры поддерживали мост по разные оконечности гор. Через равные промежутки его затейливые перила, стискивались в каменные столбы, которые становились всё выше по приближению к входу, обрамлённому аркой. У арки, на облупившихся постаментах, в извечном дозоре стояли существа с головами людей и туловищами птиц. Скрестив острые когти на груди, они казались почти живыми. Мне никогда не доводилось лицезреть такие необычные скульптуры. Кто они? Выдумка зодчих гномов, или канувшие в лета обитатели Железных Гор? Видя мой интерес к исполненным достоинства фигурам, Дурнбад поведал небольшую легенду, связанную с ними.

— Давным-давно, — повёл свой рассказ старейшина войны, — когда гномы только стали заселять Будугай, им повстречались странные и горделивые создания, обитающие на заоблачных высях. Они величали себя нирфами. Мы же прозвали их детьми неба. Благородные лицом и сердцем, нирфы без неприязни приняли новых поселенцев гор, мудро рассудив, что места хватит всем. Многие века не было вражды между соседями. Одни правили в небе, другим принадлежала твердь. Всё изменилось, когда некий гном-кузнец по случайности узнал о таинственном металле, который можно было добыть только с верхушек гор. Лёгкий, как перо, и твёрдый, как алмаз, то был мифический квазальд. Как принято считать, правивший в то время король гномов Дюрнац Сердитый сначала предложил нирфам выменять жильные разработки квазальда на чистые, как слеза, драгоценные камни. Дети неба с должным почтением выслушали посланца подгорного народа, но отказались совершить сделку, сказав, что для них металл является священным. Злость и алчность овладели душой Дюрнаца: как так, ему, королю всех гномов, сказали «нет»? Собрав Гхагу, он объявил о тайной мобилизации войск. В день зимнего солнцестояния ничего не подозревающие нирфы без объявления войны, были атакованы по всему Будугаю. Кровь

полилась рекой по белоснежным вершинам. Стойко защищались дети неба и безошибочно разили воинов противника своими кристаллическими мечами. Однако к той длинной, роковой сече они были не готовы. Гномы хоть и с трудом, но вышли из неё победителями. Размахивая алыми секирами, они пробилась к королю нирфов и со всей жестокостью, свойственной лишь берсеркерам и безумцам, изрубили несчастного на куски. Умирая, крылатый правитель проклял моих жадных праотцов. В писаниях сказано, что стоило только его глазам закрыться, как посыпался град, который не утихал месяцы напролёт, а когда он наконец прошёл, и рудокопы поднялись на пики Будугая, оказалось, что весь квазальд, словно по волшебству, превратился в пустую руду. Дюрнац Сердитый остался с носом.

— Вот это история! — присвистнул я. — Думаешь, всех нирфов перебили?

— Никто не знает, — глубокомысленно ответил Дурнбад. — Нирфов не видели тысячи лет, а вот память о той поре продолжает жить. Когда стали строить мост между кланом Караз и Ничейными Взгорьями, один из последних королей — Струд Каменный Воротник — повелел назвать его в честь детей неба и украсить их изваяниями, дабы потомки не забывали о своём кровавом прошлом.

— Получается, что весь квазальд пропал? — спросил Грешем, сонно зевая.

— Видимо так, — кивнул Дурнбад. — Но честно сказать, мне кажется, что он ещё есть где-то там.

Старейшина войны махнул рукой вверх.

— Впрочем, кто сейчас в здравом уме станет его искать? Забраться на Зарамзарат, и то дело нелёгкое, а, поди, попробуй, залезь на вон ту отвесную скалу. Что? Кишка тонка? То-то же.

— Ну, странно, — протянул вампир, теребя рыжие бакенбарды. — Вы же гномы! Должны уметь преодолевать препятствия под землёй! Могли бы взять да и прорубить ходы к верхушкам гор.

— Поражаюсь, как ты просто рассуждаешь, парень! Вот возьми кирку и помаши ею часок, а потом я посмотрю, сколько сил в тебе останется. Ни один глава клана не отправит свой народ на такое бесполезное и долговременное задание.

— Мальчики, кто-нибудь из вас будет обедать? — встряла в разговор Эмилия, нарезаая хлеб.

— Пожалуй, откажусь, — ответил я.

— Тогда разведи костёр, старый гриб, я хочу выпить чаю, — попросила колдунья, упираясь двумя руками в спину.

— Сию минуту, мадам! — отозвался я уставшим голосом.

— Давай, давай, я тоже не нанялась постоянно лепить вам бутерброды!

Превозмогая ломоту, я нехотя встал с камня. Поиск дров в Железных Горах — задача не из повседневных, но мне повезло: я заметил небольшое деревце у самой кромки Небесного Моста. Вздыхая и охая, как старик, я зашагал к намеченной цели. Проходя мимо статуи нирфа, я задержался, чтобы восхититься искусством мастера, придавшего изваянию столь правдоподобную грацию линий. Создавалось впечатление, что стоит лишь мне отвернуться, как фигура, встряхнув крыльями, воспарит в небо. Я потёр заскорузлый коготь безмолвного стража, а затем стал аккуратно подбираться к дереву. Не могу сказать, что боюсь высоты, но после того, как я посмотрел вниз, моё сердце сжалось в быстро бьющейся комочек. Крепко ухватившись за толстую ветку левой рукой, правой я обламывал мелкие сучья и откидывал их в сторону. Насобирав для костра достаточное количество хвороста, я хотел было

возвращаться к друзьям, как вдруг поскользнулся на льду. Больно шмякнувшись на «энное» место, я по инерции понёсся к бездонному обрыву. Лишь по чистой случайности мне удалось ухватиться за выпирающий из-под земли крючковатый корень дерева. Повиснув над зияющей пастью скал, я истошно закричал, призывая товарищей на помощь. Эхо, прокатившееся по горам, усилило голос стократ. Корень предательски затрещал, и я с ужасом стал оглядываться, ища, куда бы вцепиться соскальзывающими пальцами. Магия — мелькнуло в голове! Однако я прекрасно знал, что, находясь в критической ситуации, я не сумею сосредоточиться. Вот такой бесславный конец? Я разобьюсь о твердь Железных Гор и стану пищей голодных птиц? В последний момент, когда я уже был готов попроситься с жизнью, моё запястье сжала холодная рука Серэнити. Одним рывком она подтянула меня на уровень груди, и я закинул ногу через край. О, Вселенная, всё позади! Счищая с белого одеяния налипший снег, Великий инквизитор криво улыбнулась:

— Не знала, что ты умеешь так громко кричать. С такими мощными лёгкими из тебя выйдет отличный ярмарочный зазывала. Подумай об этом.

— Это не я, это эхо! Эй! Ты где шутить научилась? Не замечал раньше за тобой склонности к юмору!

— С кем поведёшься, от того и наберёшься, — озвучила древнюю пословицу Эмилия. — Прошу тебя, Калерб, не пугай так меня больше, сердце до сих пор колотится! Если другой раз решишь спрыгнуть, то заклинаю — прыгай молча!

— Я учту твои пожелания, — сказал я, состроив подруге противную гримасу. Повернувшись к Серэнити, я добавил:

— Спасибо большое, ещё секунда — и мне бы представилась замечательная возможность по достоинству оценить прелесть свободного полёта.

— Не за что, — откликнулась великий инквизитор. — Пойдёмте, разведём костёр и погреемся, не зря же ты рисковал жизнью.

Снова очутившись на пригорке, я укутался в походное одеяло. Грешем сложил принесённые ветки шалашиком и теперь старался разжечь их чарами огня.

— Так ты тоже маг? — удивился гном, глядя на нахмуренное лицо вампира.

— Только учусь, — ответил Грешем, отводя взгляд от хвороста.

— А-а-а-а, — протянул Дурнбад. — И ничего не получается?

Уловив в вопросе старейшины войны насмешливые нотки, мой ученик нахохлился.

— Это не так легко, как кажется! Хочешь, сам попробуй? Я расскажу, что нужно делать.

— Грешем, ты сможешь так говорить, только когда материя будет возгораться от призрачного дуновения твоих мыслей, а пока не отвлекайся, — вмешался я.

Возобновляя магические потуги, вампир кинул на меня сумрачный взгляд. Смотри на него, я вспомнил, как сам когда-то овладевал азами магии. У меня не было учителя, готового подсказать, как правильно направить энергию. Всему приходилось учиться на своём опыте. Я знаю, что в обучении самое главное — это терпение и труд. Нужно тренироваться каждый день. Это правило самое важное. Если взять его за основу, то в один прекрасный момент результат оправдает затраченные усилия. Сколько бессонных ночей я провёл, формируя в потных от напряжения ладонях шарик света? Боюсь даже подумать.

Огонь весело затрещал над чёрной древесиной. Грешем отёр со лба скопившуюся испарину.

— Вот молодец! Ведь можешь, когда очень захочешь! — похвалил его я. — Отныне ты назначаешься ответственным за розжиг костров! Теперь это будет строго твоя обязанность.

Гордо приосанившись, вампир принялся раздувать красно-рыжие язычки пламени, на которые моя подруга поставила котелок, набитый снегом. Когда из него повалил пар, Эмилия засыпала в нутро заварки, а Серэнити раздала кружки и выдала бутерброды. Еда и горячее питье — разве есть что-то лучше этого?

Удлиняя тени нирфов и погружая Небесный Мост в чарующую поволоку загадочности, солнце клонилось к закату. Отходивший накормить снежных барсов, Дурнбад сел возле меня.

— Я хотел тебя спросить, — обратился я к нему. — Тот гном, которого ты сразил на поляне, он кем-то тебе приходился?

— Каравар? Он был мне неким подобием брата.

— Он сказал, что ты украл кольцо короля Буля. Зачем ты это сделал?

Дурнбад глубоко задумался. Его тёмные глаза смотрели на гору, увенчанную последними лучами багрового солнца.

— Так себе поступок на первый взгляд, да? Но разве ответ не очевиден. Отец не допустит распространения слухов о том, что кольцо исчезло. Если в Совете Старейшин пронюхают о его пропаже, то безупречная репутация нашей семьи сильно пострадает. Когда придёт время, я, надрав зад Деснице Девяносто Девяти Спиц, тайно ворочусь к отцу, чтобы поведать о своих подвигах и отдать реликвию. Вернее, не отдать, а обменять её на возможность вернуться в Зарамзарат, так сказать, из «длительного секретного похода».

— В каком смысле — секретного? Ты говоришь так, как будто в Зарамзарате не знают, куда ты делся.

— Именно, что не знают. Для Надургха я — всё тот же старейшина войны, а ты — брат по крови, потому как о том, что произошло ночью, со смертью Каравара и его телохранителей теперь известно только двоим — брату и отцу.

— И что с того?

— То, что отец больше никому на свете не откроет того факта, что я покинул клан не по его воле. Скорее всего, какая-нибудь правдоподобная история, объясняющая моё отсутствие, уже вовсю гуляет по галереям города. Впоследствии, если я не объявлюсь через год или два, будет объявлено, что мой отряд, например, защищающий отдалённые прииски Надургха от горных троллей, пропал без вести в лабиринте туннелей.

— Лихо ты всё разложил по полочкам, — обронил Грешем. — Но как по мне, в картине много незакрашенных мест.

— Ты о чём? — поинтересовался Дурнбад.

— Белые пятна — их видно. Подумай, ведь Дунабар может мыслить иначе, чем ты. Вдруг, когда ты предстанешь перед ним, тебе будет грозить опасность?

Дурнбад закусил губу, а я добавил:

— Что помешает ему придерживаться заданного курса? Я имею в виду — ты так красиво придумал про троллей и рудники...

Поглаживая Мурчика, Серэнити жёстко скомпоновала наши завуалированные вопросы:

— Проще говоря, почему ты так уверен в том, что, завладев кольцом Буля, Дунабар оставит тебя в живых?

— Я знаю своего отца. На низость он не пойдёт, — немного помолчав, ответил гном.

— В пёстром саду догадок я ясно вижу цветок с чёрной окаёмкой — любовь и доверие Дунабара ты потерял навсегда, — промолвила Великий инквизитор, водя тонкими пальцами по полосатой шерсти кота.

— Подчас, чтобы преодолеть зло, приходится чем-то жертвовать, — вздохнул Дурнбад.

— Ты не жалеешь, что пошёл с нами? — спросил Грешем.

— Нисколько. Ныне мой долг и желание слились воедино.

— Ох и наплачется Десница Девяносто Девяти Спиц из-за того, что ты присоединился к нашей компании, — улыбнулся я.

— Ей не укрыться от моего молота!

— Твои благородные порывы меня восхищают, — одобрительно кивнула Великий инквизитор.

— Я из клана Надургх! Благородство у меня в крови! — пророкотал гном, раздувая ноздри.

— О, благородный Дурнбад из благороднейшего клана Надургх, от чего же ты так громок? Я практически заснула! — сонно пролепетала прижавшаяся ко мне Эмилия.

— Вздремнуть нам и правда не мешает, — более тихим голосом отозвался старейшина войны.

— Этот день вымотал даже меня, — согласилась Серэнити, укладываясь возле колдуньи.

— Тогда все на боковую, — заключил я, обнимая подругу за плечи. — Доброй ночи.

Устраиваясь поудобнее, я поднял глаза вверх. Звезды ярко блестели на чистом морозном небе. Ночь выдалась спокойной и ясной. Охватывая события минувшего дня, я невольно содрогнулся, вспомнив о том, как гремел лёд в Проходе Безнадёжности. Что вывело меня из его всесокрушающей утробы? Счастливый случай, предопределённость Судьбы или Вселенское Провиденье? Что толку гадать, я дышу, и это главное. Стиснув под панцирь пробравшегося ко мне Снурфа, я стал грезить о беззаботном прошлом, которое ещё так недавно было для меня нормой.

Мой Шато, мой любимый дом, как я скучаю по тебе. Находясь непомерно далеко и не зная, сохранился ли ты, я лелею в памяти твои залы и мансарды, парапеты и уютные комнатки, твоих обитателей и милые взору вещи. Бывало, дождь барабанит по окну, а я сижу в кабинете и не спеша пишу книгу, посвящённую изучению природы Весёлых Поганок. Удастся ли мне закончить свой труд, или большинство страниц так и останутся пустыми? Чьи руки когда-нибудь поднесут недописанную книгу к глазам? Безымянный путник, забравшись в опустевший и разграбленный холл, поднимет с пола пыльный фолиант. Что он там найдёт? Наблюдение за цветением стеклянного корня? Умозаключения о пенных барашках Моря Призраков? Домыслы о взаимовыгодном симбиозе грибов и деревьев? Кому это нужно? Моя книга полетит в угол, а потом истлеет и рассыплется в прах. Скорее всего, так будет, если я умру, но пока я жив, мою душу пронизывают полупрозрачные ниточки веры. Я верю, что всё будет хорошо... Вселенная, я верю...

Унося от всех переживаний и невзгод, сон окутал меня светящимся покрывалом. На короткий миг я сбросил с себя цепи Бытия и ушёл в душистое поле куманики.

Я проснулся сильно продрогшим. Друзья ещё спали, и я, стараясь их не разбудить, выбрался из-под заиндевевшего одеяла. Как согреться? Зарядка мне в помощь. Приседая, махая руками и подпрыгивая, я возвращал телу естественную для него подвижность. Удовлетворившись результатом физкультурных упражнений, я принялся тереть снегом не вымытые с вечера кружки и ножи.

Наш лагерь постепенно оживал. С первыми лучами солнца поднялась Эмилия, а за ней Серэнити, Грешем и Дурнбад. Начались привычные для каждого утра заботы. Наломать

веток в этот раз вызвался старейшина войны. Легко подхватив молот, он отправился к тому треклятому месту, где я вчера чуть не упал с обрыва. Колдунья и великий инквизитор на пару стали готовить завтрак. Вампир взялся накормить снежных барсов, ну а я скатал спальные покрывала в тугие валики.

Управившись с делами, мы вкусно позавтракали холодным окороком, хлебом и сыром. У Дурнбада оказался с собой мешочек изюма, которым он поделился со всеми желающими. Я не входил в их число. Как и Грешем, я вежливо отказался от своей доли, зато Эмилия взяла сразу две горсти, одну для себя, а вторую для Мурчика. Как оказалось, кот очень любил засохший виноград. Он уплетал угощение и довольно мурлыкал. Ради интереса я решил предложить пару изюмин Снурфу. Мой любимец долго обнюхивал коричневые бусины, а затем заявил категоричное «нетъф».

Попрятав провизию в котомки, мы оседлали снежных барсов и двинулись по Небесному Мосту. Джизи, хорошо отдохнувший за ночь, теперь неутомимо нёсся вперёд. Перед моим взором мелькали изваяния нирфов. Запечатлённые древними резчиками в различных правдоподобных позах, они смотрели на нас с царственным безразличием. Вот нирф расправил крылья — он готовится взлететь, другой прижал к животу инструмент, похожий на дудочку — он застыл в ожидании, третий, с всклокоченными перьями из-под нагрудника стискивает идеально прямой меч — он страж. Ловя глазами уносящиеся за спину статуи, я дивился тому, как хорошо они выглядят. По всей видимости, время не имело власти над творениями предков Дурнбада. Это потрясающе!

Небесный Мост всё не заканчивался и не заканчивался. Пустынный, из-за разразившейся в Трузде эпидемии, он казался мне монументом, выплывшим из позабытых сказок сгинувшей цивилизации. Мне чудилось, будто не гномы, а нирфы вырезали сами себя в память о днях седых тысячелетий.

Путаясь в смешанных чувствах, я постепенно стал различать пятно массивной арки, обозначающей конец переправы. Сомкнутые в объятиях нирфы бесстрастно взирали нам вслед. Небесный Мост остался позади, а впереди нас ждал крутой спуск. Следуя по мощёной бульжником дороге, мы стали объезжать гору по кругу. Где-то посередине каменной громады Дурнбад вильнул за утёс, и я не увидел его знака о привале. Гном затормозил Клака, и Джизи, едва не влетев в своего пятнистого собрата, выбросил меня из седла. Чтобы предотвратить столкновение, Вьюн и Норка заскрежетали выпущенными когтями по промёрзшему граниту. Зашипев друг на друга, снежные барсы стали выяснять отношения. Кошачий спор оборвал толстый Габба. Он показался из-за поворота и с грацией упитанной хрюшки повалил своих усарых приятелей в снег. Грешем, словно катапультный снаряд, низвергнулся с Габбы, чтобы попасть в самую середину фыркающего и мяукающего клубка шерсти. Растащив кошек за хвосты, гном помог вампиру вылезти на волю. Уже привычными движениями разминая суставы, я поинтересовался у Дурнбада далеко ли до Трузда.

— Сейчас сложно ответить на твой вопрос. В землях Караз горы не менее шаловливы, чем во владениях Надургх, поэтому всё будет зависеть от того, какая дорога не замечена снегом и не покрыта льдом. Думаю, к вечеру мы доберёмся до заставы Хакальд, а там узнаем, какого пути нам придерживаться.

— Как понимаю, нас могут и не впустить за пограничные ворота, — заметил я. — Вспомни весточку, которая пришла твоему отцу от главы клана Караз. В ней было ясно сказано, что перевальные бастионы закрыты для всех. И, если следовать логике, то стражи не только не подскажут нам, как легче пройти до Трузда, но и вообще не позволят зайти на

карантин.

— Это мы ещё посмотрим! Я высокорождённый и старейшина войны! Мне, и тем, за кого я поручаюсь, открыта дорога в любую точку Будугая! При любых обстоятельствах!

— Однако ты самоуверен — меры нет, — хмыкнула Серэнити. — Мне вот что любопытно — как ты собираешься провести нас в сам Трузд.

— Я решаю все дела постепенно!

Гном положил руки на ремень и вызывающе поглядел на Великого инквизитора.

— Не сомневайся, когда будет надо, я найду способ!

— Вот такие мужчины на вес золото, — расхохоталась Эмилия. — Сказал — сделал!

— Да! Я такой! Напористый! — подтвердил Дурнбад широко расставляя ноги и выпячивая грудь колесом.

Быстренько перекусив, мы отправились дальше. Дурнбад больше не спрашивал у Грешема про его рацион питания. Конечно, странно видеть, что человек пьёт вино и совершенно не притрагивается к другой пище, но, вероятно, гном решил, что мой ученик и правда сидит на какой-то особой диете. Отчасти так оно и было. Запасы крови у Грешема подходили к концу. Его последняя бутылка была едва полной. Если в ближайшее время на нас не нападут враги, или не подвернётся кто-то из животных, то ему придётся голодать. Беспокоясь о вампире, я посетовал на то, что он не набрал себе запас еды после сражения с гномами. Как быть в этой ситуации? Где в этих безжизненных высотах найти пропитание для Грешема? И как не потревожить подозрение Дурнбада? Эти и подобные им дилеммы мучили меня вплоть до самого Хакальда.

Когда ноздреватая луна вышла из мути налетевших ночных облаков, наша дорога пошла вверх. Постепенно сужаясь, она вывела к обрыву, на котором разместилась крепость, возведённая гномами Караз. В слепых прорезях бойниц не брезжил свет, и если бы Дурнбад не показал на Хакальд перчаткой, то я бы мог пропустить его, так хорошо он сливался с серым камнем горы. Постучав молотом в базальтовые ворота, старейшина войны нахмурился.

— Оглохли что ли?! — закричал Дурнбад, сотрясая ударами несокрушимые створы.

— Такое чувство, что в Хакальде никого нет, — сказал я, пытаюсь сообразить, как войти через ворота.

— Этого не может быть, — отмёл моё предположение Дурнбад. — Хакальд является важнейшим наблюдательным постом. Здесь несут вахту и днём, и ночью. Неужели всех воинов пожрала болезнь?

Почесав бороду, гном оглядел вышину стен.

— Попытаемся перепрыгнуть.

Взобравшись на Клака, Дурнбад отвёл его вниз по дороге, а затем пустил со всей скоростью на ворота. Как молния снежный барс пролетел мимо меня. Его мягкие лапы оторвались от земли и... Дурнбад в Хакальде!

Лязгнул дверной засов, старейшина войны открыл створ ворот. Мы заспешили протиснуться во двор крепости. Внутри нас встретила темнота и какая-то гнетущая тишь. Первое впечатление было такое, что я попал в заброшенную века назад твердыню. Поднимаясь на укрепления, я отметил, что снег на порожках уже давно не трогали ногой. Предчувствуя что-то недоброе, я создал шарики света, которые разместил над друзьями. Пихнув незапертую дверь, я застыл в проходе. Мне не нужно было видеть, чтобы понять, что стало с гномами Хакальда. Из мрачного зала, вместе с теплом, на меня обрушился едкий

запах могильного зловония. Направив шарик света вперёд, я обнаружил десятки разлагающихся тел. Их вздутые чёрные конечности, вытекшие прорези глаз, распухшие языки, язвы и восковые лица без слов кричали о той муке, что им довелось испытать. За моей спиной остановился Дурнбад. Зажав нос, он поводил глазами по унылому разгулу праздника смерти.

— Здесь нам делать нечего, — просипел гном, выходя на свежий воздух. Я спустился следом за ним.

— Ты видела? — обратился я к Великому инквизитору, которая в этот момент выходила из башенки, примостившейся между двух крепких стен.

— Кругом мертвецы.

— Я произвёл беглый осмотр и могу сказать, что болезнь скосила гномов почти моментально.

— За сутки или около того.

— Вполне возможно.

— Это чума, Шаттибраль.

— Ты уверена?

— Более, чем. Пару лет назад мне довелось столкнуться с ней в глухой деревеньке. Все жители были покрыты гнойными пузырями и струпьями. Мне страшно вспоминать их сумасшедшие глаза и перекошенные рты. Они тянулись ко мне и просили об исцелении.

— Им повезло, что ты оказалась поблизости.

— Было слишком поздно.

— Как это?

— Я уже ничего не могла для них сделать, кроме одного.

— Чего? — полюбопытствовал Грешем.

— Я дала их душам освободиться от оков страдающей плоти.

— Говоря иными словами, ты их убила? — изумился мой ученик.

— Я проявила милосердие, — без тени смущения ответила Серэнити.

— А я думал, что ты умеешь врачевать любые раны и увечья! — воскликнул я.

— Многие мне подвластно, это так, — отозвалась Великий инквизитор, устремляя взгляд на меня. — Однако я не всесильна, и, если кому-то из вас снесёт голову, я не приделаю её обратно.

Я удручённо поглядел на Эмилию. Моя подруга постучала ноготками по Людвирбингу, а потом выразила мысль, которая теперь витала над каждым из нас:

— В спешке мы не учли самого очевидного, того, что нам придётся как-то противостоять моровому поветрию. Теперь, видя размах опасности, самое время помозговать, каким образом в дальнейшем не потерять наши жизни. В чертогах Трузда, как известно, чума — царица положения, и рано или поздно, она заявит на нас свои права.

Мы все повернулись к Серэнити, которая, не замечая этого, погрузилась в раздумье. Беззвучно шевеля губами, она теребила подвешенные к её рясе чётки. Спустя минуту Великий инквизитор заговорила:

— Некогда, я посетила отдалённое аббатство, находящееся под руководством Ордена Стального Кулака. Многие месяцы там правила лихорадка, и я бесстрашно ухаживала за больными паладинами. Так продолжалось, пока на очередной перевязке я не упала в обморок. У меня поднялась температура, и показалась сыпь. Я заразилась и должна была умереть, но этого не произошло, так как по счастливой случайности мимо монастыря

проезжал эскорт магистра Хемши, ныне причисленного к лику святых. Ведомый Урахом, он всегда чувствовал, где нужна его помощь. В ту ночь моей предсмертной агонии восьмидесятилетний Хемши выдернул меня из Тьмы на Свет. Покуда он творил ритуал, я бессознательно запоминала его. Когда я поправилась и поблагодарила Хемши, он неожиданно позвал меня с собою на тихое деревенское кладбище. Прогуливаясь среди поросших травой холмиков, он поведал мне, что ему было видение, в котором Всеотец отметил моё чело своим благословением. Хемши считал, что отныне болезни не тронут меня и оказался прав: до сего дня так и было. К чему я рассказала вам это. Завтра я впервые попытаюсь воспроизвести обряд старого магистра. Он направлен на восстановление, но я буду молиться, чтобы Урах преобразовал его в защиту, и если на то снизойдёт Его воля, то чума Железных Гор не возьмёт вас.

— Звучит ободряюще! — хлопнул в ладоши Дурнбад. — Я знал, что такая умная жрица как ты что-нибудь да придумает!

— Пока рано радоваться, господин гном, у меня может ничего не получиться, — печально улыбнулась Серэнити. — Но сейчас даже не это главное. Нам надо покинуть это место, так как сам воздух здесь источает пары смерти. Давайте переберёмся немного южнее.

Предложение Великого инквизитора было разумным, и мы тут же согласились его выполнить. Оседлав снежных барсов, наш маленький отряд покинул зачумлённый Хакальд и переместился в полукольцо скал. Там мы разбили импровизированный лагерь и устроились на ночлег. Не легла спать только Серэнити. Она уселась недалеко от костра и в его отблеске стала рисовать тоненькой палочкой знаки Силы. Расчертив замысловатый круг, Великий инквизитор принялась водить руками над узорным снегом и негромко читать заклинания. Монотонность звуков вгоняла меня в сон, а колышущаяся в так словам хрупкая фигурка Серэнити лишь способствовала моему погружению в его недра. Глаза слипались. Зачарованный мерными покачиваниями плеч, я в конце концов задремал. Листопады, стрекозы и фантомные пейзажи сменяли друг друга веретеном небылиц, пока под утро меня не потревожила беспардонная щекотка. Это Снурфи твёрдой лапкой перебирал мои рёбра.

— Ты что это себе такое позволяешь, насекомое?! — завопил я, осоловело провожая глазами убегающего таракана.

— Это я попросила его разбудить тебя, — серьёзно ответила Серэнити на мой вопрос. Под её покрасневшими глазами набухли синие мешки.

— Поднимайся, всё готово.

Я поспешно скинул одеяло и встал рядом с уже проснувшимися друзьями. Великий инквизитор по очереди брала нас под локоть и устанавливала на лучи нарисованной на снегу звезды. Когда мы заняли положенные места, Серэнити, приманив к себе Мурчика и Снурфа, встала в центр круга-перекрестия. Что мне напоминают эти линии? Точно! Мы внутри гигантского символа Ураха! Широко раскинув руки и запрокинув голову, Великий инквизитор протяжно запела на древнем языке Мощи. Её голос сотрясал. Моё нутро трепетало. Но вопреки этому, я чувствовал умиротворение. Все страхи и горести уходили из меня. Я освобождался и обновлялся, умирал и рождался вновь. Внезапно только что взошедшее над горами солнце направило лучи прямо сквозь переплетённые пальцы Серэнити. Набирая яркость, свет превращался в две белоснежные капельки огня. Серэнити сложила ладошки вместе, и капельки из двух рук соединились в единое целое. Закрыв глаза, великий инквизитор подкинула искрящийся шарик вверх. Зависнув на мгновение в голубизне неба, он разорвался мириадами искорок, а затем пролился на нас золотистым дождём магии.

Как мне показалось, Мурчик получил золотинок больше всех. Недовольно отряхнувшись, кот полизал лапку.

— Всеотец снизошёл к нашим душам, — благоговейно выдохнула осунувшаяся Серэнити. — Бич Трузда не причинит нам вреда.

Как бы в подтверждение Божественного Вмешательства, руны на кругу подёрнулись переливчатой синевой и медленно-медленно поползи по снегу. Боясь нарушить их перемещение, я не двигался. Краска вылилась через углубления и, растёкшись, вновь застыла ледяным знаком Ураха. Немыслимо! Это и есть Высшая Магия Света! Сакрально приложила руку к груди, Великий инквизитор разрешила нам сойти с пульсирующих точек. Я шагнул в сторону и тут понял — тепло, призванное Серэнити не пропало! Впитавшись через кожу, огонь теперь жило во мне! Множеством игл пламя бродило по моим венам!

— Это чувство! Оно прекрасно! — сказал Грешем, ошеломлённо переступая с ноги на ногу.

— Насколько хватит этой... этого Благословения? — спросила Эмилия, отдирая от подола пальто развеселившегося Снурфа.

— Не знаю. Верша ритуал, я умоляла Всеотца обратить на нас взор и защитить от чумы гномов. Как видите, мои недостойные прошения были услышаны. Бог Света явил нам чудо из чудес, и, наверное, я смею надеяться, что покуда мы не уйдём из Караза, щит Ураха станет преградой чёрному зловонию всепожирающей эпидемии.

Серэнити опустила на колено.

— Всеблагой Отец Наш, ты вручил нам щедроты Свои, и мы не уроним их чести. Руководи нами и управляй по своему разумению. Направь нас на истребление врагов твоих и благослови завершить начатое. Через нас Ты исполнишь Свою волю и воздашь каждому по делам его. Да сгинет Десница Девяносто Девяти Спиц от Твоего Всеблагого Дыхания и наших недрогнувших рук. Дай нам найти пленённого Твоим светом Эмириуса Клайна, дай дойти до него, дай вразумить его обугленную душу, помочь нам низвергнуть злые отродья обратно в бездну. Пусть всё будет к Славе Твоей и Твоему Величию. Светись вечно.

Закончив воздавать хвалу, Серэнити выпрямилась. Дурнбад, который впервые стал очевидцем таких речей, уважительно поклонился Великому инквизитору.

— Теперь я понимаю, почему твой Бог прислушивается к тебе! Из всех жрецов вашего племени ты достойна этого больше всего!

— Наверное, ты мало кого видел из нашей братии, есть куда более скромные и... незапятнанные особы, нежели я, — откликнулась Великий инквизитор.

— Не принижай свою ценность! — пророкотал Дурнбад.

— Моя ценность не более значима, чем твоя. Я рада, что смогла решить нашу проблему, но на горизонте, к сожалению, она не одна. Скажи, как нам дальше идти к Трузду? Ледяные обвалы страшны ничуть не меньше мертвящих спор, и как их избежать, знаешь только ты.

— Кстати об этом, — согласился старейшина войны. — Испросить у покойников какую дорогу нам избрать, мне не дано, и поэтому я поведу нас по кратчайшему пути.

— Почему меня не удивляет твой выбор? — риторически осведомилась моя подруга. — Короткая — не значит надёжная, но за отсутствием какой-либо информации я думаю, что это лучший вариант из имеющихся.

— Вот так мог бы сказать я! — рассмеялся Дурнбад.

— Я тебя и спародировала, — колдунья подмигнула гному.

— Давайте перекусим! — предложил Грешем. — У меня после магии Серэнити что-то

аппетит разыгрался не на шутку!

— Так достань пробку — поешь да попей! — отозвался старейшина войны. — Тебе как раз мороки-то немного!

— Я предпочитаю один не есть.

— А что у нас осталось из съестного? — вставил я, глядя на Эмилию.

— Серэнити тут с высшими силами связывается, печётся о нас, а вы вдвоём с этим совершенно не считаетесь — вам всё равно, вы норовите в тарелку залезть! Два сапога пара! — возмутилась моя подруга. — Мурчик, и тот деликатнее! Хоть бы спасибо для начала сказали за то, что теперь не станете жертвами чумы!

— Я очень признателен тебе, правда, — поспешил я уверить Великого инквизитора. — Хочешь, я всем нарежу бутерброды?

— Без тебя справимся, Шаттибраль.

— И знаешь почему? — осведомилась Эмилия.

— Почему?

— Да потому, что ты так толсто режешь ветчину, что кусок в рот не лезет! В твоих сэндвичах мясо такого же размера, как и хлеб!

— Так вкуснее! Вы просто толком не распробовали прелести такой сервировки! — ответил я улыбаясь.

За разговорами мы быстренько сообразили завтрак из чёрствых ломтиков сухарей и брикета сливочного масла. Не могу сказать, что являюсь поклонником такого лакомства, но сейчас это было то, что нужно. В небольших количествах масло отлично стимулирует работу мозга и придаёт энергию. Прохрустев сухариком, я жадно запил его сладким чаем. Поел — пора и в путь!

По привычке вскарабкиваясь на Джизи, я обратил внимание, что он какой-то вялый. Странно. Может съел что-то не то? Тропа, по которой вёл нас Дурнбад, шла зигзагами и проходы меж серой породы то расширялись, то становились уже. Так было до самого вечера, а потом и до второго. Спустя три дня после того, как наша компания ушла из Хакальда, я, поднявшись на очередную возвышенность, осознал, какую длинную цепочку гор мы преодолели за последнюю неделю. Впереди дыбилась громада Трузда. Я сразу узнал его. Торговая столица всех Железных Гор и главная резиденция клана Караз даже с почтительного расстояния поражала своей красотой и великолепием. От едва различимых ворот во все стороны скользили прекрасно вымощенные дороги, а на шапке подгорного города я рассмотрел тонкие волоски смотровых башенок. В отличие от заливающегося свечением Зарамзарата, иссиня-чёрный монолит Трузда прибывал во тьме. Только благодаря одутловатой луне, да тройке сигнальных маяков я имел возможность насладиться ночью тем величием, что стало заложником опустошающего фатума.

Укладываясь спать в ущелье, обнаруженного нами в непосредственной близости от Морозного Тракта, мы решили выставить часовых. Мало ли, кто бродит вокруг охваченного бездольем Трузда? Моё дежурство пришлось под утро: зевающая Эмилия потрясла меня за голень. Уступая подруге нагретое место, я потянулся и, превозмогая истому сна, уселся на камень. Скорее всего, завтра, мы доберёмся до подгорного города, а что дальше? Об этом я всерьёз не задумывался, а стоило бы. Каждый раз, вспоминая о том, что у меня нет пригодного плана действий, я гнал эти мысли прочь, резонно говоря себе: до Трузда ещё топтать и топтать, и — вот, он стоит прямо передо мной, а это значит, что отступать уже некуда. С чего начнём? Перво-наперво необходимо попасть в саму гору, а там найти

читальдум или что-то вроде того. Однако с какой стати я возомнил, что мне вообще дадут зайти в архив? Даже если предположить, что гномы Караз более сговорчивы, чем гномы Надургх, и я всё-таки уговорю их пропустить меня в читальдум, то кто сказал, что в подгорных запасниках Трузда окажется карта, указывающая на Пик Смерти? Серьёзно, Калёб, у тебя тут существенный изъян! Вдруг среди нескончаемых гранитных табличек с выбитым на них лундулумом, я ничего не отыщу? Ведь ужас, что будет.

Подперев голову руками, я погрузился в размышления о правильности своих изначальных суждений. Лучше всего представить себе ситуацию в виде некой абстрактной задачи. Что мы имеем? Цель поисков: Эмириус Клайн. Неизвестное: маршрут к нему. Исходное: Гугодун — ведущий Мальта по Железным Горам был родом из клана Караз. Несомненно, что многие легенды королевский посол услышал непосредственно от своего сопровождающего, и из этого вытекает, что Гугодун был образован, а значит, умел читать и, как следствие, писать. Получается, что по возвращению в Трузд, он гипотетически мог составить очерк о совместном путешествии с посланцем из далёкого Соединённого Королевства. Следовательно, есть некая вероятность того, что мои прошлые умозаключения верны, и хоть задача и не была решена, но её основы пополнились положительными аспектами! Я облегчённо вздохнул — возможно, всё не так безнадёжно, как мне показалось спросонья.

По полутёмному небу пролетела яркая точка. Оставив позади себя едва различимый искрящийся хвост, она растворилась в тяжёлой поступи надвигающихся облаков. В простонародье ходит поверье, гласящее, что при виде падающей звезды нужно загадать желание, которое обязательно сбудется при удачном расположении зодиакального бестиария. Я не успел сразу придумать, что попросить у Мироздания, поэтому попробую сделать это сейчас. «Вселенная, я хочу, чтобы все мои друзья в конце этого похода остались живы. Не прошу за себя, а прошу за них, потому что я и так задержался на этом свете. Если нужно будет делать выбор, кого из нас взять в страну вечного сна, то бери меня — я не боюсь». Ответом мне стал отдалённый птичий крик. Я досидел остаток своего часа и встретил ранний восход.

Протерев лицо снегом, я поднял голову и сошёл взглядом с жёлтыми зрачками горного козла, забравшегося к нам на стоянку. Как ты тихо подобрался, братец. Боясь спугнуть новоявленную добычу, я медленно двинулся к парнокопытному. Поведя носом, козёл счёл меня опасным. Он взбудоражился и сиганул вниз с тропы, однако в полёте обмяк и рухнул в сугроб — его настигло закливание молнии. Смертельное свидание окончилось быстро и бесшумно — мои действия никого не разбудили. Склонившись над дымящейся тушей, я провёл перчаткой по ветвистым рогам. Закрученные в подобие восьмёрки, они напомнили мне плешивую макушку Тауруса Красного Палача. Меня передёрнуло. Фу, гадость! Я оставил козла и подошёл к Грешему. Прикоснувшись к нему, я поднёс палец к губам:

— Шшшшш! У меня для тебя есть подарочек.

Поманив вампира за собой, я показал ему свой улов.

— Он не очень сочный, но и у тебя бутылки не безмерные, — улыбнувшись, прошептал я. — Что стоишь? Беги — наполняй!

Столько благодарности в глазах Грешема я не видел очень давно.

— Тут одним спасибо не отделаться!

— То-то же! Я присмотрю за Дурнбадом, а ты, уж будь добр, постарайся все сделать без

проволочек. Да и потом, не забудь спрятать его куда-нибудь.

— Я мигом!

Когда мы вернулись в лагерь, я сел возле храпящего старейшины войны, а мой ученик, вооружившись рюкзаком, отправился пополнять запасы провианта. Как он и обещал, долго ждать его не пришлось. Спустя не больше получаса Грешем показался из-за светлеющих скал.

— Я правду сказать уже крепко голодал, — доверительно заявил Грешем. — Я даже, нет-нет, а поглядывал то на Эмилию, то на вас с Мурчиком. Есть хотелось жутко.

Я изобразил на лице выражение испуга.

— Эй! Так если бы мне не подвернулся козёл, то я мог бы стать твоим обедом? Ну, спасибо, вырастил ученика!

— Знаете, как говорится? Голод не тётка! А вы такой вкусенький на вид! — осклабился вампир.

Похлопав Грешема по плечу, я разбудил остальных друзей. По накатанному обычаю каждый из нас захлопотал над повседневными заботами, которые оборвались из-за жалобного вскрика старейшины войны, понёсшего снежным барсам утреннюю порцию еды. Мы побросали свои занятия и побежали к нему. Забежав за бугорок, я понял, что вызвало стон Дурнбада. Все снежные кошки заразились чумой. Вялость, которая преследовала Джизи после Хакальда, была не чем иным, как симптомом болезни. Широко раскрыв пасти, снежные барсы едва дышали.

— Ты вылечишь их? — с надеждой в голосе спросил Дурнбад.

— Мне жаль, — ответила Великий инквизитор после того, как осмотрела пятнистые шкуры. — Под мехом надулись опухоли.

— Но хоть попытайся! — взмолился гном.

— Прости, но у меня не хватит сил, чтобы повторить ритуал, а жить им осталось... Возврата уже нет, — печально промолвила Серэнити, усаживаясь подле умирающей Норки. — Лучше им уснуть, не мучаясь... Кто это сделает? Ты или я?

— Уснуть? Ты говоришь о... Нет, я не смогу, я растил их с молодых когтей! Видел, как они были крошечными пищащими котятками! У меня не поднимется рука. Понимаешь?

Старейшина войны всхлипнул и спрятал глаза в бороде. Крупные слёзы закапали на лёд через спутанные волосы.

— Дай мне свой меч, Грешем.

Вампир нехотя достал клинок из ножен и передал великому инквизитору.

— Вы думаете мне это нравится? Лучше пусть страдают? — осведомилась Серэнити, глядя на нас в упор.

Мы осознавали, что она права, и вместе с тем осуждающе молчали. Кто вправе решать такое? Я последний раз посмотрел на снежных барсов, а затем отвернулся. Свист стали рассёк воздух. Эмилия заплакала и сжала мою руку. Всё было кончено. Накрыв пятнистых кошек одним из одеял, я воспламенил его шариком огня. Джизи, Вьюн, Клак, Габба, Норка, я буду скучать по вам. Спасибо, что вы донесли нас до Трузда и простите, что так вышло. Пусть Вселенная позаботится о ваших душах. Спите спокойно.

Идти пешком по снежной насыпи оказалось очень сложно. Там, где мягкие лапы скользили по белому покрывалу зимы, я проваливался по грудь. Часто делая привалы, мы только к вечеру выбрались из ущелья и ступили на прямую дорогу, ведущую к вратам подгорного города. Присмотрев большущий окатанный ветром валун, наша понурая компания

устроилась возле него на ночлег. Я прижался спиной к холодному камню и с надеждой подумал, что завтра, если повезёт, меня перестанет терзать беспощадный мороз Железных Гор. Весь следующий день мы, не переставая, шли к Трузду. Шагая по широкой мостовой, я дивился гигантским статуям у обочины и растущим в округе карликовым деревьям. Пупырчатые, с серебристо-пурпурными листочками, они показались мне занимательными. Я достал свой блокнотик и сделал пару набросков, надеясь обсудить их потом с Эмилией. Серэнити, которая, как и я, обратила внимание на причудливый окрас крон и переплетения веток, тихо проговорила:

— Они напоминают мне символику Ордена Святого Естества.

— О чём ты? — повернула голову Грешем.

— Ни о чем.

— Серэнити? — окликнул я.

— Что?

— Ты сейчас упоминала какой-то Орден, и я подумал, что много раз слышал от тебя истории про аббатов, маршалов, монахов и настоятелей, но кто из них — кто? И в ком какая разница? — я не понимаю.

— И?

— И вот, пока мы идём, решил попросить тебя рассказать мне про Братство Света.

Серэнити выгнула бровь.

— Ты интересуешься устройством храма? Что-то новенькое.

— Я люблю узнавать, то, чего раньше не знал, — улыбнулся я.

Видя, что Эмилия смотрит на нас с интересом, и Дурнбад подошёл поближе, Великий инквизитор вздохнула:

— Ну, хорошо, но ты сам напросился.

Серэнити отцепила от рясы чётки, а затем начала:

— От века к веку рождаются люди с сияющими звёздами на ладонях. Это знамение радости всегда случается в канун большой скорби. Урах благословляет чистую душу на служение верховным понтификом — высочайшим из высоких в Братстве Света. Сейчас вот уже семьдесят лет им является Алан Вельстрассен. Когда он почит, и если Всеотец ниспошлёт милость, его место займёт младенец. Он станет учиться, и в своих успехах, а впоследствии и в решениях, будет опираться на шестерых настоятелей, которые составляют преосвященный совет «Архиурат». Настоятель провинции — это старшее должностное лицо в отведённом ему регионе. Он несёт волю Ураха от имени верховного понтифика, разрабатывает и выносит законы на рассмотрение Архиурата, а также следит за тем, как руководители Орденов выполняют предписанные им обязанности. Настоятелем не может стать человек младше тридцати пяти лет, связанный узами брака, и не достигший главенствующего звания в своём Ордене. Например, до своей смерти настоятелем Хильда был Ваял Диянги.

— То есть он совмещал два поста сразу?

— Получается, что ты подчиняешься только настоятелю Иль Градо? Так?

Одновременно полюбопытствовались Эмилия и Грешем.

— Ваял был настоящим фанатиком, который не мог препоручить титул Великого инквизитора Хильда кому-то ещё. До своего умопомешательства, а по-другому я это назвать не могу, он, как угорелый, метался между родным Орденом и проблемами провинции.

— О! — глубокомысленно изрекла моя подруга.

— Теперь отвечу на твой вопрос Грешем. Во-первых, в Иль Градо сейчас нет настоятеля. Кеатони Пресветлая трагически погибла при обнаружении портала, а во-вторых, я нахожусь на особом положении и отчитываюсь только Алану Вельстрассену.

Серэнити выпрямила спину.

— С высшими, управляющими и законодательными органами жреческой власти все ясно? Да? Тогда перейдём к структуре храма. Братство Света состоит из Орденов, которые в свою очередь подразделяются на: духовные, монашеско-военные и обособленные. Духовные занимаются обрядами, молебнями, исцелениями и прочими неомрачёнными сталью делами. Монашеско-военные Ордена нужны для поддержания порядка и осуществления защиты мирного населения от происков зла. В частности капитул Ордена Железного Орла вот уже тысячу лет сдерживает натиск живорезов у границ Вельдза, а Орден Креста врачует раны в Хильде и Керане. Обособленные же Ордена — это отдельные крылья храма, выполняющие, так сказать, специфические функции. Помимо Ордена Инквизиции их учреждено всего два, а именно Орден Странствующих Светоносцев и Орден Белой Лилии.

Серэнити обвела нас испытывающим взглядом.

— Теперь поговорим об иерархической системе храма. У духовников самый старший чин это — магистр, у монашеско-военных Орденов — маршал, а у особистов — Великий инквизитор, преосвященный скиталец и белый капуцин. Не думаю, что вам это пригодится, но, чтобы ответ был полным, возьмём для разбора рангов мой Орден Инквизиции и Орден Святого Естества. Снизу вверх, по степеням в Ордене Инквизиции идут: мирянин, младший клирик, клирик, инквизитор, старший инквизитор, инквизитор-брат, инквизитор-рыцарь, инквизитор-куратор, инквизитор-судья, гонитель ереси и Великий инквизитор. В Ордене Святого Естества градация такова: мирянин, посвящённый, монах-служка, монах-чтец, монах-целитель, монах-исповедник, монах-ментор, церемониймейстер, монах света, аббат и в конце магистр.

— Ну ничего себе! — присвистнул Дурнбад. — У вас сам Владыка Гор ногу сломит!

— И это ещё не всё, — уведомила Серэнити. — В Братстве Света есть так же почётные и административные должности такие как: примас света, прелат света, казначей и хранитель реликтов света, герольд света, собиратель и распределитель света и полководец света. Рассказать вам про них?

— Если ты не устала, то мы с удовольствием послушаем, — отозвался я, переваривая для себя новую информацию.

— По решению Архиурата примасом света назначена я, — продолжила повествовать Серэнити. — Я обладаю правом допроса и творением судов над всеми чинами и рангами Братства Света, исключая лишь руководителей Орденов и настоятелей провинций, на которых могу влиять только по особому позволению верховного понтифика.

Серэнити откинула одну бусину с чётков.

— Полководец света — это военный лидер храма. На Архиурате он даёт клятву нести ответственность за монашеско-рыцарскую армию и военные действия, с нею связанные.

Ещё бусина полетела вниз по верёвочке.

— Прелат света — это личный помощник и телохранитель верховного понтифика, который приставляется к нему Архиуратом до совершеннолетия и дальше, если на то даст соизволение сам верховный понтифик. Его роль в становлении юного мальчика или девочки в главу Братства Света переоценить трудно. На плечи прелата света ложатся задачи по опеке, воспитанию и учёной муштре богоотмеченного ребёнка. По чину прелат света

приравняется к инквизитору-судье или монаху света.

Чётки перевернулись.

— Казначей и хранитель реликтов света ведаёт денежным мешком и некими артефактами храма, а собиратель и распределитель света — продуктовой и хозяйственной частью. Оба эти человека, для удобства всей братии, издревле прибывают в Гельхе, откуда поставляют в приходы необходимые вещи и жалование.

Последняя бусинка упала на сомкнутый кулак.

— Герольд света или как его ещё называют глашатай Ураха — Труба и Глас Братства Света. Его слова — слова Архиурата и верховного понтифика. Чтобы передать весть герольд Света может беспрепятственно заходить в любую лачугу и дворец.

Серэнити вернула чётки на пояс.

— Если вкратце, то это, пожалуй, всё.

— Сложно-то как! Лестница на лестнице! Этот за этим, а тот за тем! Прямо как муравейник! — сказал Дурнбад, почесав бороду.

— Скорее, как соты, — поправила Великий инквизитор. — В муравейнике всё движется, а у нас ячейка покоится на ячейке.

— Спасибо большое, что поделилась своими знаниями, — поблагодарил я. — Если надумаешь узнать про энергетические бури или коллапсы ментальных цепей, то я к твоим услугам.

— Я запомню это, — хмыкнула Серэнити.

Между тем испещрённый бастионами и башнями Трузд уже заслонял собою полнеба. Его громадные парапеты всё чётче выделялись на грандиозной основе камня. Мы миновали пустынную площадь с рунными обелисками и приблизились к высоченным дверям. Удивительно, но они не были плотно захлопнуты. Посреди их створов имелся просвет, ровно такой, чтобы в него мог зайти средних размеров гном. Благодаря всех богов за такую неожиданную удачу, мы по одному протиснулись вовнутрь города.

Глава 18. Что посеешь, то и пожнёшь

Я в Трузде! Наконец-то! Как быстро летит время! Вчера я был там, а сегодня уже здесь! Не успеешь глазом моргнуть, как вся жизнь пройдёт! Наша компания оказалась в непомерно огромном зале. Видимо, он предназначался для заезжающих сюда торговых караванов. Первое, на что я обратил внимание это то, что отсутствовал неприятный запах, который окутывал Хакальд. Может чума забрала своё и ушла восвояси? Странно. Откуда-то сверху лился тусклый магический свет. В его колыхающихся лучах я увидел пять разветвляющихся лестниц.

— Дурнбад? Ты случайно не знаешь, какая из них ведёт в читальдум? — спросил я.

— Чего не знаю, уж того не знаю, однако хочу заметить, что прежде, чем искать читальдум и копаться в его табличках, нам необходимо получить на это разрешение у главы клана, или если он погиб, то у старейшины чтецов. Пока предлагаю направиться в тронный зал, там то мы точно отыщем кого-нибудь из выжившей верхушки Караз.

— Потому что там находится сокровищница? — осведомилась Эмилия.

— Именно! — подтвердил Дурнбад. — Последнее, что гном бросит — так это свой добро!

— Ого! Это должно быть интересным! — улыбнулся Грешем. — Хочу посмотреть на

кучу золота!

— Угомони свои желания, парень, а то они могут стоять тебе головы, — осёк вампира старейшина войны. — Не забывайте: мы не у себя дома и даже не в гостях. На нас могут напасть и пуще того — попытаться убить. Лично я бы так и поступил, углядев в Зарамзарате неизвестных мне гномов, не говоря уж про людей. Держите ваше оружие наготове и соблюдайте тишину. Вам ясно?

— Да, — кивнула Серэнити. — Веди нас вперёд.

Задумавшись на миг, Дурнбад направился к левому крылу зала. Взойдя по лестнице, мы прошли по длинному коридору и очутились у большого перекрестия туннелей. Полушёпотом гном объяснил, что перед нами центральная развилка Трузда, которая называется «Трон, Горн, Звон, Сон, Торг». На верхних ярусах размещались Королевские Чертоги, Оружейные Палаты, Великий Базар, и прочие службы города, а на нижних — жилые кварталы и шахты. Избрав дорогу к верхушке горы, мы затопали по ступенькам. Окончив один подъём, наша компания прошествовала сетью галерей и приступила ко второму. По пути нам никто встречался, город словно вымер. Поднявшись по нескончаемым прямоугольным выбоинам на три этажа, я изрядно вспотел и остановился передохнуть. Опираясь на перила и вглядываясь в сумерки прохода, я вдруг отчётливо услышал, как где-то поблизости лязгает металл. Тихонечко окликнув друзей, я направился на звуки, которые, готов поклясться, были не чем иным, как отголосками битвы.

Прибавив ходу, мы свернули за угол и, преодолев длинную череду колонн, вышли на круглый балкончик. Внизу, среди роскоши мрамора и богатого интерьера, около двадцати гномов махались секирами не на жизнь, а на смерть. Зачарованный сражением, я разделил их на две команды. Первая, в серебристо-черных доспехах с гербом кирки на щитах, вторая — в разноцветных нагрудниках без символики. Бородачей в чёрном заметно теснили. В живых их осталось всего четверо. Сомкнувшись «черепашкой», они парировали удары и медленно отступали к глухой стене. Было яснее ясного, что зажатая со всех сторон четвёрка доживает свои последние минуты. Всё это я лицезрел считанные мгновения, так как Дурнбад, протиснувшись к парапету последним, едва увидев, что гномов в чёрном практически сломали, с зычным криком «Зарамзарат маах гадал! Надургх ай Караз дум!» сиганул с балкончика в самую гущу схватки. Цветная команда явно не ожидала того, что на их головы свалится старейшина войны. Ошеломлённые и сбитые с панталыку, гномы в разномастных доспехах кинулись наутёк. Воодушевившись дотоле нечаянной подмогой, закованная в чёрное четвёрка с рёвом бросилась проламывать черепа убегающим врагам. Стряхнув с себя замешательство, Серэнити прыгнула к Дурнбаду, а за ней и я. Приземлившись на липкий от крови пол, я сразу же поскользнулся и ощутимо ударился затылком о низкую вазу. Кряхтя, я поднялся и обозрел поле битвы. Команда с кирками на щитах одержала фантастическую победу. Дурнбад уже беседовал с вояками, и я поспешил подойти к нему. Я плохо понимаю лундулум, и поэтому быстрая гортанная речь подгорного народа мне ничего не поведала. Я просто стоял и слушал, пока старейшина войны не перешёл на язык Соединённого Королевства.

— Перед вами войны Трузда, несущие дозор в этом чертоге. Они говорят, что практически весь народ Караз выкосила лихорадка и большинство ярусов стали полностью необитаемы. Тысячи и тысячи гномов слегли в могилу впервые же дни поветрия.

— С кем они сейчас сражались? — спросила Эмилия.

Дурнбад нахмурил брови.

— Грабители. Как только глава клана разослал письма, сообщающие о несчастье, то тут же нашлись стервятники, решившие поживиться на мертвечине. Бессчётное множество искателей приключений и сорвиголов Будугая рванулись в Трузд за лёгкой наживой. Действуя поначалу разрозненно, они, в конце концов, объединились в шайку шакалов, грабящих опустевшие палаты дотоле процветающего города.

Помолчав Дурнбад добавил:

— Стражники очень благодарны за то, что я, старейшина войны Надургх, пришёл к ним на помощь так вовремя. Они хотят отвести нас к главе клана, чтобы тот воздал мне должные почести.

— Отличное предложение, мы, собственно говоря, к нему и собирались, — одобрил я. — Пускай проводят нас.

— Я тоже думаю, что так будет лучше всего, — согласился гном.

Обменявшись со стражниками пятёркой фраз на лундулуме, Дурнбад пошёл за ними. Кинув ему в спину взгляд, я запалил шарик света и сел на корточки возле убитого гнома в бирюзовом доспехе. Кошмар! Я брезгливо передёрнулся. Всё лицо погибшего покрывали язвы и гноящиеся фурункулы. Значит, мародёры в Трузде нашли не только драгоценности, но и то, что искать не собирались. С чумой не забалуешь.

Поджав губы, я встал и поспешил догнать ушедших вперёд друзей. Изогнутая горловина узкого прохода расширилась, и мы оказались на одном из открытых уровней Трузда. Я шествовал по идеально подогнанной плитке и смотрел на каменную симфонию выдолбленных над головой этажей. Замкнутые в полукольцо, они подобно амфитеатру, дугами спускались к низу огромной площади, на которой под мириадами магических огней раскинулись покинутые ряды Великого Базара. Мы отделились от балюстрады и вильнули в лестничный пролёт, притаившийся между двух столбов с потухшими жаровнями. Лестница, не менее протяжённая, чем и предыдущие, привела нас к аллее с фосфоресцирующими в полутьме цветами и выдолбленными в горе продолговатыми зданиями. Кто спроектировал это чудо архитектуры?! Что за гений корпел над созданием подгорного шедевра?! Мы миновали плеяду чинных статуй и повернули к длинной мостовой, по которой добрались до толстенных ворот, охраняемых десятком гномов. Как я и ожидал, к нам отнеслись крайне подозрительно. На нас тут же наставили алебарды и зазвонили в колокол. Находясь в кругу ощеренной стали, спасённые Дурнбадом воины громко заговорили, и спустя пару минут мы с почётом прошли сквозь отверзутые створы.

Улица, представшая перед моими глазами, имела то, что и во сне было бы вообразить сложно, а именно: бульжную кладку из чистого золота! Я, конечно, подозревал, что богатства Трузда непомерны, но такого! Вероятно, от увиденного у меня непроизвольно отвисла челюсть, потому что Дурнбад ухмыльнулся и кивнул на обелиски, увенчанные алмазной россыпью. Да, теперь я понимаю, почему разбойники не убоялись чумы. Интересно, что же такого хранится в сокровищнице, если золотом здесь выложена обычная дорога? Взойдя на пандус, наша компания очутилась на величественной эспланаде с фонтаном в центре. Мы прошли мимо почётного караула и остановились перед дверями грандиозного здания. Дюжего вида гном переговорил с нашими провожатыми, а затем пропустил нас вовнутрь. Помпезность тронного зала поразила меня! Но ещё больше я был ошеломлён аскезой комнаты, в которую мы попали после того, как пересекли вычурные и пышные анфилады. Ощущение того, что я попал во дворец, сразу улетучилось. Интерьер комнаты состоял из потёртых шкафов с разнообразными безделушками, стола с кипой

гранитных табличек, стульев и низкого дивана, на котором сидел дряхлый гном с явными признаками начинающейся болезни. Он без удивления оглядел наш отряд выцветшими зелёными глазами и, не перебивая, выслушал доклад робеющего воина. После непродолжительного молчания стражник был отпущен, а нас жестом пригласили сесть.

— Меня зовут Догараг, — представился гном на наречии Соединённого Королевства. Он проглатывал окончание слогов, по-видимому, из-за того, что давно не использовал наш язык.

— Как я понимаю, вы пришли в Трузд не для того, чтобы грабить мой народ, и то, что вы расправились с бандитами — тому доказательство. Однако, что вас привело сюда? Я знаю молодого старейшину войны Надургха, сидящего предо мной, а вас, людей, я вижу впервые. Попробуйте мне разъяснить, а я постараюсь уразуметь, для чего вы появились в столице Караз в тот час, когда всякое здравомыслящее и не обуреваемое жадностью создание предпочтёт держаться от неё подальше. Неужели страх смерти чужд вам, или вы не слышали о том, что у нас произошло?

— Мы очень рады познакомиться с тобой, Догараг. Меня зовут Калерб, это Эмилия, Серэнити, Грешем, Мурчик и вон тот, прячущийся за моей ногой таракан, Снурф. Твои вопросы справедливы и, чтобы не обременять тебя долгими рассказами, я перескачу львиную долю повествования и перейду сразу к сути нашего визита. На земли Соединённого Королевства обрушилась беда, и чтобы её остановить, нам нужно найти Пик Смерти. В библиотеке Шальха я отыскал шнурок к верной дороге — книжку Мальта, королевского посла. Века назад, во время путешествия по Железным Горам, он случайно наткнулся на место, где по легенде Буль Золотобородый сражался с Эмириусом Клайном. Об этом Мальту поведал Гугодун, проводник из Трузда. Этот маленький нюанс навёл меня на мысль о том, что древние гномы Караз знали, как добраться до Пика Смерти. Я полагаю, что в хранилищах Трузда до сих пор пылятся сведения или карты, способные подсказать в какой стороне нам двигаться дальше.

— И ты хочешь, чтобы я дал добро открыть для вас читальдум?

— Это всё, о чем мы мечтаем.

— Вы ничего не нароете в нём!

— Почему ты так в этом уверен?

— Потому что я знаю!

Догараг раздался хриплым кашлем. Когда приступ прошёл он продолжил:

— Впрочем, мне интересно узнать другое — каким это образом злое урочище поспособствует решению проблемы в вашем королевстве? Мне кажется, вы затеваете опасную аферу, за которую расплачиваться, возможно, придётся не только вам.

— Вероятно, что так, но выхода у нас нет. Мы проделали огромный путь, и сворачивать назад уже поздно.

— Удивительно, и ты думаешь, что чума выпустит вас из Трузда живыми?

— У неё нет выбора, на нас лежит благословение Ураха. Тлен не тронет наши тела.

— Вот как? Фавориты могущественного бога... чем Владыка Гор... почему ты бросил нас... использовать... — едва слышно пробормотал глава клана Караз, постукивая мизинцем по подлокотнику. После заминки, длившейся всего несколько секунд, Догараг вновь громко заговорил:

— Очевидно, что в другое время я бы просто-напросто солгал вам, сказав, что Пик Смерти и битва короля с великим вампиром — это всего лишь поросшая былью сказка, а

очерк Мальта не более чем выдумка, основанная на сказаниях нашего народа. Однако правда такова, что проклятое место, которое вы ищете, действительно существует, и я знаю того, кто хранит тайну его точного расположения.

Догараг обвёл нас твёрдым взглядом.

— Но я не раскрою вам секрет бесплатно. Я вижу, что вы ребята не промах, трудности вас не пугают, и поэтому предлагаю заключить сделку. Вы — мне, а я — вам.

— Мы все во внимании, — сказал я, предвещая что-то неприятное.

— Мой народ сейчас находится в безвыходной ситуации. Мы гибнем, но не только болезнь уничтожает клан Караз. Пользуясь нашим бедственным положением, мародёры атаковали Трузд, словно кирка серебряную жилу. Внезапно взломав восточные ворота, они проникли в один из нижних уровней. Мы, естественно, быстро прижали вырождков и заставили их захлебнуться собственной кровью, однако пока проходила карательная операция, нами был пропущен удар по южным проходам. После этого множество мелких банд растворилось по пустынным улицам города. Началась игра в кошки-мышки. Мы находили и уничтожали их, а они в свою очередь действовали исподтишка, нападая в самый неожиданный момент. Все изменилось, когда мародёры объединились под властью одного выскочки, называющего себя Кувалдой. Они стали организованной и сильной. Не успели мы оглянуться, как нас выдавали на самые верхние ярусы.

Глава клана Караз разразился новым приступом удушливого перхания.

— Я хочу, чтобы вы принесли мне голову мерзавца, — сквозь спазмы просипел гном. — Лишившись вожака, грабители станут лёгкой добычей для моих воинов. Мы выгоним оккупантов из нашего дома, а вы станете обладателями нужной вам информации.

— Почему, имея в своём распоряжении армию, ты не сделаешь это сам? Как мы добьёмся успеха в том, где сотни гномов потерпели поражение? — спросил я, вскидывая бровь. — Нас всего пятеро.

— Если я отправлю на отлов Кувалды секирщиков, то этот и другие этажи останутся беззащитными перед кознями затаившихся в тени бандитов. Когда грянет битва, они выползут из своих нор и учинят расправу над теми, кто не может за себя постоять: над женщинами, детьми и стариками. Было бы безумием менять жизнь изверга на их смерти. Нет, там, где большому подразделению задача окажется непосильна, маленькому отряду она придётся по плечу. Спрятанные во тьме, вы проберётесь в пристанище Кувалды и оборвёте его гнойное дыхание раз и навсегда.

— Почему-то я чувствовал, что просто так нам никто не скажет, где находится Пик Смерти, — вздохнул я.

— Вы согласны на мои условия? — спросил Догараг.

Ещё одно убийство ради достижения цели? Наверное, идущая за нами Смерть не успевает грузить трупы в свою колесницу. Когда это всё закончится? Я посмотрел на друзей. Эмилия слегка кивнула мне. Серэнити нацепила маску невозмутимости. Грешем скрестил руки у пояса, а Дурнбад поглаживал пальцами верхушку молота и улыбался.

— Да, мы их принимаем, — ответил я. — Расскажи нам всё, что ты знаешь о Кувалде.

— Вот, что мне нравится в людях, так это то, что в отличие от гномов, они могут быстро перестроиться на конструктивный лад, — одобрил Догараг. — Итак, к делу. Кувалда. Кто он и где он? Мы установили, что его логово располагается на седьмом ярусе, то есть на четыре пролёта ниже, чем этот. Выжившие после столкновения с Кувалдой воины описывают его как опытного ихладнокровного лидера, обладающего выдержкой и умением командовать.

Сам он на рожон не лезет, предпочитает отсиживаться. Кувалда возглавляет налёты, только когда полностью уверен, что победа будет у него в руках. Выглядит мерзавец как все гномы, правда с некими отличительными чертами: он рыжий — это первое, второе — его левая щека отмечена шрамом, нисходящим к шее, третье — он всегда носит шлем с двумя короткими рожками. Так же надо заметить, что, скорее всего, имя Кувалда — не настоящее, а всего лишь прозвище, полученное им за хорошее владение дробящим оружием.

Глава клана Караз чихнул.

— По нашим приблизительным оценкам его шайка насчитывает около трёх тысяч секир. При том, что две трети из них рассредоточены по всему Трузду и не находятся при нём постоянно. Большинство разбойников заражены чумой, и поэтому терять им нечего. Если встретите их на пути, забудьте о жалости и бейтесь со всей свирепостью.

— Три тысячи секир? — охнула Эмилия. — Держу пари, что Кувалду охраняют как зеницу ока.

— Придётся повозиться, — согласился Дурнбад.

— Как нам пробраться на нужный уровень, не поднимая лишнего шума? — спросила Серэнити.

Догараг поднял палец вверх.

— Ты угодила вопросом в основание камня! Как спланировать подобную вылазку? Я долго думал над этим, и в конце концов меня посетила идея — прокопать туннель между этажами. Конечно, это технически сложно, но не невозможно. Пару дней назад я в строжайшей секретности отправил лучших шахтёров Караза на шестой ярус. Вчера проход должен был быть готов, однако вестей об этом я так и не получил. Я подозреваю, что шахтёры либо пожухли от чумы, либо вблизи их укрытия рыскают бандиты, и мои гномы боятся выходить наружу. Впрочем, я практически уверен, что Кувалда не догадывается о строящейся шахте, и потому она является идеальной отмычкой к остановке его сердца.

— Ты не упомянул, где конкретно на шестом ярусе замаскирована шахта, — указал я.

Догараг отпил из кубка, стоящего перед ним на тумбочке.

— Верно подмечено, молодой человек. Как спуститесь на уровень, следуйте к его западным палатам. Там вам нужно будет найти дом, напротив которого стоит статуя Джеллы.

— Дурнбад, — обратился Грешем к гному. — Ты знаешь, как выглядит Джелла? Мы её не пропустим?

— Это не она, это он! Хромой Бог-Кузнец, один из главных покровителей подгорного народа, — ответил старейшина войны. — Конечно, мы не прозеваем его!

— Отлично.

Кивнув Дурнбаду, я повернулся к Догарагу.

— В принципе, мне всё понятно. Однако перед тем, как мы приступим к заданию, нам необходимо отдохнуть и хорошенько выспаться. Путь до Трузда выдался тяжёлым, и бросаться сейчас на амбразуру у нас нет никаких сил.

Глава клана Караз отставил пустой кубок.

— Разумеется. Я распоряджусь, чтобы вам предоставили всё необходимое.

Догараг хлопнул в ладоши, и входная дверь тут же отворилась. Показался юный гном в парадной ливрее. Подойдя к нам, он застыл в ожидании поручения. Наскоро переговорив с ним Догараг произнёс:

— Это Киф, он покажет вам куда идти. Сегодня переведите дух и отдышитесь, а завтра

возьмитесь за то, о чём мы с вами условились.

— Без промедлений и проволочек, — пообещал я. — Время важно не только для тебя.

Догараг утомлённо вздохнул.

— Я буду ждать вашего возвращения.

Следуя за юным лакеем, мы вышли из дворца и пересекли эспланаду. Вышагивая по широким улицам подгорного города, я всматривался в завёрнутые платками лица прохожих. У многих жителей Трузда имелись чёрные отметины развивающейся болезни. Почему жрецам гномов не удаётся сдержать натиск эпидемии? Неужели весь клан Караз вымрет, и его сокровища рассеются по всему Будугаю? Или нет? Вон тот обезображенный бородач с телегой явно выздоравливает. Его язвы стягиваются, а под буграми струпьев просвечивается розовая плёночка нарождающейся кожицы. Получается, что кое-кто из гномов всё-таки совладал с чумой. Это — хороший знак.

Преодолев три кручёных квартала, наша компания остановилась перед зданием, украшенным резными рыбками. Дурнбад и юный гном затараторили на лундулуме, а мы уселись на низенькую скамеечку. Когда поток из «дум», «хум», «зулум», «гард», «ухад» и «марад» стих, старейшина войны хлопнул лакея по плечу и тот, улыбнувшись, пошёл восвояси.

— Эй, хватит рассиживаться! — задорно гикнул Дурнбад. — Заходите вовнутрь! Не пожалеете!

Поднявшись по порожкам и пройдя сквозь двери с морским орнаментом, я оказался в настоящей парилке. Из глубокого, выложенного отполированной плиткой квадрата, бил горячий источник! Зал приятно окутывали клубы солёного пара. С радостью ребёнка я стал скидывать одежду прямо на пол! О, как я давно мечтал о ванне! Оставшись в исподнем белье, я спохватился, что нахожусь не только в мужской компании. Виновато глядя на девушек, я изрядно покраснел.

— Ну и кто тебя тут смущает? Продолжай-продолжай!

— Эмилия!

— Уверяю, тебе стесняться там нечего, — бесстыдно заверила моя подруга.

— Эмилия! Тебе-то об этом почём знать?!

— Ой, ну ладно, тянется он к своим грязным штанам.

Колдунья указала пальцем мне за плечо.

— Погляди. Вон вторая комната. Вы тогда, мальчики, купайтесь здесь, а мы, девочки, займём те апартаменты.

— Договорились! — крикнул я, прыгая в kloкочущий источник.

Вселенная, подчас нет в мире ничего лучше, чем прогреть заиндевелые кости в сауне, находящейся в утробе древней горы. Под воздействием обжигающей воды моё тело, истерзанное суровыми зимними ветрами и холодом беспощадного мороза, моментально покраснело. Каждая частичка моего существа трепетала под влиянием исцеляющей силы природы. Пока я нырял и плескался, мои друзья, обременённые лишним весом и доспехами, только готовились почистить свои перья. Покончив с многочисленными застёжками жилета, Грешем с шумом ударился о пенящуюся гладь, а затем прильнул к бортику. Как толстенький довольный поросёнок, он фырчал и тёр рыжую макушку руками. Вероятно, вампир первый раз в жизни видел горячий источник. Его карие глазки наполнились удивлением и любопытством. Между тем низкорослый Дурнбад нашёл себе местечко помельче. Он устроился на приступочке и негромко запел. Его борода колыхалась в такт напору

вырывавшихся из-под земли пузырями.

Перегнувшись через край, я обрызгал не пожелавшего присоединиться ко мне Снурфа. Под моросью капель на оранжевом панцире проступили привычные для взгляда чёрные пластины. Недовольно шипя и стрекоча, таракан засеменил под наваленную кипу наших вещей.

— Вот и зря! Тебе было бы полезно погреть свои лапы! — попенял я ему.

— Нит! Бытьф рыший у гномоф домфа!

— Ты переживаешь, что твоя броня потеряет цвет? Брось, братец! У Эмилии ещё полным-полно оранжевого мела! Она тебя натрёт, да так, что ты сам себя не узнаешь!

— Нит!

— Но ты же любишь водные процедуры!

— Нит! Нит! Нит!

— Ну а почему тогда, скажи на милость, ты всегда так резво бежишь к пруду или болоту?

— Сочфный Уткиф! Нямф — нямф! Уткиф! Уткиф! Уткиф!

— Все с тобой ясно, маленький прожора! — сказал я, отталкиваясь обратно в негу бурлящего потока.

Мурчик не находился в нашей мужской компании, Эмилия забрала кота с собой. Интересно, полосатый при виде воды повёл себя так же, как и Снурф? По протяжным кошачьим воплям я догадался, что колдунье всё-таки удалось затащить своего любимца помыть свалывшуюся шерсть.

Напарившись вволю, я вылез из пенной толчеи. Моё настроение заметно поднялось, и, вопреки всем кривотолкам Судьбы, я, как и Дурнбад, стал насвистывать незатейливый мотивчик. Практически полностью одевшись, я услышал, как меня зовёт Эмилия.

— Калерб, старый гриб, принеси нам полотенца! Они остались в вашей комнате!

— Где? Я их не вижу! — отозвался я, осматривая стенки.

— За гранитным постаментом висят!

— А! Вот они!

— Неси, давай! Мне холодно!

— Так залезь обратно в воду! — ответил я, вытирая голову своей находкой.

— Не хочу! Я уже вылезла!

— Держи! — я протянул руку в прорезь открытой двери.

— Ай-й! Калерб!

Послышался всплеск. Эмилия в опасности — стрельнуло у меня в голове. Ворвавшись в зеленоватую залу, я обнаружил колдунью в полном здравии. Она просто поскользнулась и брякнулась обратно в источник.

— Фу, ненормальная! — принялся я отчитывать подругу, отводя взгляд от её обнажённой спины. — Ты напугала меня! Я подумал, что на тебя кто-то напал!

— Я не нарочно! — без особой вины в голосе проговорила Эмилия, начиная медленно подниматься из пульсации волн.

Поспешно отвернувшись от ничем неприкрытой подруги, я нос к носу встретился с выходящей из-за колонны Серэнити. Облачённая лишь в майку и короткие штанишки, она грозно смотрела на меня.

— За полотенца, конечно, спасибо, но вот так вот врваться к дамам, принимающим омовения, недопустимо! Кто на нас тут может напасть?! Мочалка и мыло?! — строго

спросила Великий инквизитор, тряхнув россыпью влажных волос.

При виде Серэнити я остолбенел. И дело было вовсе не в изяществе всем известных форм. Просто до этого момента туника всегда скрывала её руки от моих глаз. Сейчас я уставился на многогранную вязь синих символов, которая узором покрывали кожу Серэнити от косточек кистей до самых плеч.

— Эмилия вскрикнула, и я прибежал, — промямлил я охваченный нахлынувшими мыслями.

— Обычно, на меня так смеют пялиться только те, кого я приговорила к смерти.

— Прости.

Я заворожённо протянул полотенце.

— Эти рисунки... такие идеальные, такие ровные... Что они значат?

— Я не знаю, — с какой-то странной интонацией откликнулась Великий инквизитор.

Она натянула рясу, после чего добавила:

— Я родилась с ними.

Родимые пятна? Нет, конечно, нет! Здесь кроется нечто незаурядно-магическое! Как уговорить Серэнити показать мне свои руки вновь? Из секундного раздумья меня выудили мокрые объятия.

— Калерб, и мне дай полотенце! Я вся дрожу! — промурлыкала мне на ухо, подошедшая сзади колдунья.

— Тут не настолько холодно, чтобы покрываться мурашками, — отметила Серэнити, поджимая губы. — Когда раздетая незамужняя женщина льнёт к мужчине, у меня возникает желание поговорить с ней о её благонравии. Братство Света осуждает и наказывает подобное распутство!

— Вот, вытрись, пожалуйста!

Перекинув через плечо махровую стопку, я предпринял попытку высвободиться из переплетённых пальцев подруги. Однако сделать это мне не удалось. Теперь не нежные ладони лежали на моей груди, но стальные тиски огибали рёбра.

— Распутство? Ты знаешь, что мною движет.

В словах Эмилии хрустел лёд.

— Он мой... друг, и я хочу...

— Да, но не так и не здесь, — укорила Серэнити.

— Уж это я получше тебя знаю!

— Эмилия, ты меня сейчас задушишь, — прокряхтел я, не понимая, почему мою диафрагму так стискивают.

— Ой, извини, дорогой!

Моя подруга ослабила хватку, но не разорвала её окончательно.

— Эти разговоры о...

Из-за угла показалась зажмуренная голова Грешема.

— Вы ещё долго тут будете?

— А что? — спросила колдунья.

— Дурнбад зовёт вас откусать!

— А сам он где?

— На улице.

— Мы придём через десять минут, — заверила Великий инквизитор.

— Может пятнадцать — двадцать. Нам с Серэнити надо пощебетать о завидной

девичьей доле, многолетней выдержке и запретном грехе — присовокупила Эмилия, выпуская меня на волю. — Отдаём вам пока полотенценосца, которому подобный трёп слушать противопоказано.

— Ну и темы у вас! — присвистнул вампир, скрываясь за арочным сводом.

— Благодарю, что избавляете меня от подобных бесед, — облегчённо выдохнул я.

Не оборачиваясь, я покинул зал и вместе с Грешемом вышел к скучающему Дурнбаду. Дожидаясь колдунью и Великого инквизитора, мы провели на лавочке около получаса. Когда наконец они показались, изрядно проголодавшийся старейшина войны вскочил на ноги.

— У меня желудок крутит, что твой камень у ювелира! Пойдёмте скорее есть!

— Ты знаешь, куда идти? Где Эмилию ждут белоснежные салфетки и скатерть без единого пятнышка? — весело спросила колдунья. Мне показалось, что после разговора с Серэнити она как-то посвежела. Хоть может быть то была заслуга горячего источника?

— Я не уверен насчёт скатерти, однако Киф сказал, что нам накроют стол в «Золотой Кирке». Она где-то поблизости.

— Тогда давайте доверимся обонянию, — заключил я. — Слышите? Слышите? Я чувствую запах запекающегося мяса!

— Несомненно, это он, — согласился старейшина войны. — Тянет с той стороны.

Дурнбад оказался прав. Мы перешли в соседний квартал и оказались у порога харчевни. Зайдя внутрь, я сел за стол и огляделся. «Золотая Кирка» заметно отличалась от «Полной Вагонетки», которую я посетил в Зарамзарате. Светлые фиолетовые тона мебели, шторы с мягкими кисточками и высокие канделябры создавали почти домашний уют. Постоянные «клиенты» заведения — гипсовые изваяния горных яков дружелюбно глядели на нас через пустующий зал. К нам подошла хозяйка в белом переднике. Мило улыбаясь, она раздала здоровенные кружки с янтарным пивом. Отхлебнув облачко пены, я блаженно откинулся на спинку кресла. Ух, как же хорошо! Не успел я толком насладиться моментом, как всё та же женщина принесла блюдо с жареной картошкой и шашлыком. Накинувшись на еду, мы остановили челюсти, только когда последний кусочек был старательно пережёван. Вот теперь бы и поспать не помешало! Как оказалось, под эту нужду нам по распоряжению Догарага выделили весь второй этаж. Шикарно! Я пожелал всем спокойных снов и завалился в опрятную, но несоразмерную мне опочивальню. Короткая кровать? Это мелочи жизни! Повалившись на мягкую перину, я подобрал под себя ноги и провалился в сон. Проснулся я под биение настенных часов. Раз, два, три... Молоточек бил по наковальне. Четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять ... Пора вставать — впереди меня ждёт ухабистый день! Я потянулся и полез проверить, как переночевал Снурф. Отодвинув край одеяла, я пошарил под кроватью рукой. Так! Вот кончики усов! Я ухватился за них и потащил на себя. Из-под полога послышалось гневное шипение, таракан не хотел покидать своё убежище. Я решил пойти ему навстречу и дать немножко подремать. Пригладив волосы, и оставив дверь приоткрытой, я спустился вниз.

Из всей нашей компании в холле находилась только вечный жаворонок Серэнити. Она пила чай и ела яичницу. Отрезая ножом тонкие ломтики, Великий инквизитор накалывала их вилкой, а затем макала в чашечку с белым соусом. Она ела так аппетитно, что у меня потекли слюнки. К счастью, моя порция завтрака не заставила себя долго ждать. Помимо разнообразных бутербродов хозяйка мне выдала чашку кофе, чему я несказанно обрадовался. Орудую столовыми приборами, более подходящими куклам, нежели людям, я то и дело кивал

подтягивающимся к столу сонным друзьям. Дурнбад вместо чая попросил налить ему пива. Выдержав неодобрительный взгляд Серэнити, он, улыбнувшись во всю бороду, сказал:

— Это чтобы вылазка удачно прошла!

— Только не перестарайся, а то всю силу растеряешь на хмельной глаз, — откликнулась великий Инквизитор, хмуря брови.

— Я? Да я в любом состоянии фору, кому угодно дам! Кого хочешь, уложу! Вот хоть голыми руками! По удали мне нету равных во всём Будугае! — обиделся Дурнбад, напрягая внушительные мышцы.

— Поборемся? — предложил Грешем, ставя локоть на гладкую поверхность стола. — Давно хотел проверить, кто кого сделает!

Раздувая ноздри и хватая вампира за запястье, старейшина войны громогласно захохотал:

— Вот это мне по душе! Только просто так неинтересно! Давай, если я выиграю, то ты сбреешь себе эти заячьи усики! Они тебе не идут!

— Договорились, — отозвался Грешем. — Но если победу одержу я, то ты начистишь мне сапоги! Да так, чтобы я в них видел своё отражение!

— Хоть корону Каменного Королевства попроси, тебе не совладать со мной! — взревел Дурнбад. — Попрощайся со своими рыжими щётками! Скоро они окажутся в мусорном ведре!

Усевшись друг напротив друга, соперники приготовились к состязанию. Пышная борода к встопорщенным усам. На кого бы из них я поставил? Трудный выбор! Конечно, старейшина войны очень силен даже по меркам гномов. Он вполне оправдывает своё звание лучшего воина Зарамзарата. Его телосложение говорит само за себя. Атлет! Камень переломит и «ох» не скажет. Вроде бы исход очевиден? Нет, нет и ещё одно нет! Грешем только кажется неповоротливым толстяком. На самом деле это не так. Он обладает мощью вампира, которая зачастую превосходит силу смертных в несколько раз. Этот поединок однозначно достоин внимания!

Положив ладонь на два стиснутых кулака, Эмилия крикнула:

— Начали!

Дёрнувшись, руки так и остались пребывать в том же положении. Если бы не побелевшие пальцы участников, то можно было бы ошибочно допустить, что состязание так и не началось. Сморщив переносицу, Грешем стал заметно краснеть. Наливаясь цветом, он являл собою наглядное пособие по созреванию помидоров. Вот мой ученик розовый, вот алый, а вот уже и тёмно-красный. Это называется «переспел». Дурнбад в свою очередь покрылся крупными каплями пота. Вероятно, он не ожидал того, что ему придётся так долго уламывать вампира. Как бы ни так! Этот пухляк не лыком шит! Медленно-медленно рука гнома двинулась по направлению к столешнице. Раздувая щеки, словно парус, Грешем жал старейшину войны к проигрышу. Вены-то как вздулись! Наверное, любой из этих достойных персонажей меня раскатал бы в три секунды. А как насчёт Серэнити? По моему мнению, Великий инквизитор способна повалить всех нас вместе взятых.

Животный крик, вырвавшийся из груди Дурнбада, страшно повис в тишине «Золотой Кирки». Вкладывая всю имеющуюся у него силу, гном помаленьку отвоёвывал потерянную позицию. Его кулак выровнялся, а потом устремился дальше гнуть руку вампира к поражению. Настал черёд Грешема не сдерживать в себе эмоции. Шипя по-змеиному и выпучивая карие глазки, он сопротивлялся с упорством обречённого. Впрочем, это ему не

помогло. Старейшина войны низверг его кисть на стол! Бамс! Слава победителям и горе побеждённым! Я захлопал в ладони и мои овации подхватила Эмилия! Кстати, является ли сей триумф полноправным? Вдруг, выпив обратное зелье, Грешем лишился большей части своего природного преимущества? Или Дурнбад настолько дюжий гном, что и вампир ему неровня?

— Горы и пропасти! — гаркнул Дурнбад, разминая помятую руку. — Ты первый, с кем я возился больше трёх секунд! Будь ты мощнее раза в два, то смог бы одолеть меня! Что не говори, а ты крепкий орешек, Грешем!

— Сегодня из нас лучший ты, но я надеюсь на реванш! — ответил вампир.

— Хорошо, кликни меня, когда настроишься повторить поединок. Я с радостью раздавлю тебя вновь! — гордо согласился старейшина войны. — Как ни крути, а с усами придётся расстаться! Уж больно они у тебя кислые!

— С охотой сдержу данное мною слово, — отозвался Грешем печальным голосом.

— Только не надо это делать прямо сейчас! У нас есть дела поважнее, чем бритье верхней губы! — оборвала беседу Серэнити.

— Она права, — сказал я. — Пора найти Кувалду.

— У меня уже руки чешутся молотом помахать, — хохотнул Дурнбад. — Старина Грешем задал мне жару! На вид тюфяк тюфяком, а получается, что по одежке судить его не пристало!

— Одежка у меня и правда, так себе, — ухмыльнулся вампир. — Кожаная броня сидела на мне куда лучше...

Поблагодарив хозяйку за еду, мы покинули «Золотую Кирку» и устремились к воротам, через которые нас вчера привели стражи. Лабиринт кварталов расширился и сменился эспланадой. До чего же дивно и затейливо выглядят эти столбы с алмазами. А своды, теряющиеся в свете огней? А бордюры? А цветы, не подозревающие о лучах солнца? Трузд очень красив, однако его жемчужина — это не коридоры и не золотые бульвары. Главная ценность города — это бородатые лица, смешные валики щёк, глаза-колодцы, картошкообразные носы и ботиночки с бубенчиками. Я надеюсь, что чума попустит свои терзания, и клан Караз вновь возродиться во всём своём великолепии.

Толстые створы раскрылись, чтобы моментально захлопнуться. Как только я услышал щелчок запирающегося засова, я инстинктивно напрягся. Этот поход научил меня быть начеку и ждать неприятностей сразу после того, как моя нога покинет дружеский очаг. Стараясь идти бесшумно, мы беспрепятственно добрались до лестницы, ведущей к развилке «Трон, Горн, Звон, Сон, Торг». Ступая по порожкам и прислушиваясь к каждому шороху, наша компания спустилась на три уровня ниже. Улица, представшая моему взору, была ужасна. Разбросанное военное снаряжение, разрушенные колонны и отбитые куски плитки говорили о том, что здесь многократно велись боевые действия. Кое-где валялись обезображенные трупы, источающие из себя миазмы смерти. Пригибаясь, мы перебежками двигались от одного здания к другому. Присев на корточки возле покрытой серебристым лишайником ротонды, Дурнбад показал пальцем на статую посреди площади. Джелла выглядел как мускулистый гном с бородой до колен. В правой руке он держал молоток, в левой — клещи, перед ним стоял кузнечный горн. Почему-то я его так себе и представлял. Подгорный народ изобразил своего покровителя похожим на самого себя. Единственный дом, разместившийся напротив Джеллы, имел бочкообразный вход, к нему-то нас и повлёл старейшина войны.

Я перешагнул через полукруглый порог и оказался в самой обыкновенной гостиной. Тапочки, стулья, вешалки, посуда и прочие бытовые вещи лежали так, как будто их владелец пользовался ими всего пару часов назад. Где же тут замаскирован вырытый туннель? Всё так чисто вокруг, нет и намёка на горняцкий труд. Может мы что-то напутали и не туда пришли? Между тем Эмилия водила пальцами вдоль развешанных гобеленов. Подмигнув мне, она вдруг продавала растянутую материю прямо в стенку. Вот оно! Колдунья приподняла полог и нырнула во тьму. Мы в свою очередь заторопились следом за ней. Лаз, который прорубили гномы, был узким. Согнувшись в три погибели и цепляясь головой за скосы потолка, я враскорячку тащился за светящимся зеленью Людвирбингом.

— Эй, куда ты пропала?

— Там углубление!

Я спрыгнул в яму и зажал нос платком. Кое-как сконцентрировавшись для создания шариков света, я явил нашим глазам страшную картину. Окостенелые тела шахтёров воняли настолько сильно, что у меня потекли слёзы. Кирки и мотыги, зажатые в стылых руках, безмолвно свидетельствовали о желании гномов выполнить свою задачу на столько — на сколько это будет возможно. Дурнбад, прощупывая борозды раздроблённой породы, присвистнул:

— Они практически всё сделали. Тут работы максимум на полдня осталось! Вон, там уже виднеется основание подпоры! Её обойти и всё — дело в шляпе!

— Если мы будем дробить камень и одновременно дышать этой гадостью, то непременно задохнёмся! — сказала Эмилия, пряча лицо в складках капюшона.

Моя подруга знала, о чём говорит — по своей природе трупный газ невероятно ядовит. Я слышал чудовищные рассказы о древних виалах Рунного Королевства, которые, боясь разграбления своих пышных могил, завещали хоронить себя вместе с живыми слугами. Вскрывая подобный склеп и вдыхая витающие в нём пары, незадачливый расхититель гробниц чаще всего погибал, не успев даже толком обыскать карманы усопшего. Я не хотел присоединиться к числу тех, кто так нашёл свою смерть.

— Брат по крови, жхни-ка в ту трещину магией! — пробасил Дурнбад, вспомнив о том, что я колдун.

— Чтобы всё здесь обвалилось?

— А ты легонько.

— Боюсь, что так не получится.

— Так-таки? Ты настолько сильный маг?

— Ну, я не то, чтобы впереди всех и вся, но моя...

— Он тебе сейчас нажужжит в уши о своих незаурядных талантах, — перебила меня подруга. — Суть в том, что даже самый малый ледяной или огненный взрыв может привести к незапланированному микросейсмическому сдвигу, каменному обвалу и кончине всех присутствующих. Калев не хочет рисковать.

— Именно это я и собирался сказать, — подтвердил я.

— Тогда...

— Моё вино для похудения содержит в себе эссенцию толстолистного бадана, из-за которого многие отравы меня не берут, — прервал нашу дискуссию Грешем. — Посидите у входа, а я пока попробую пробить дыру на седьмой ярус.

Верно. Будучи вампиром, Грешем имеет иммунитет к самым разнообразным токсинам и ядам. Вдыхание зловония, наполняющего пяточок гибельными испарениями, ему не

принесёт никакого вреда.

— Ты точно в этом уверен, парень? — недоверчиво спросил Дурнбад. — Такой смрад и мёртвого поднимет.

— Либо уложит в гроб, — добавила Серэнити. — Мы с благодарностью примем твоё усердие, однако не задерживайся надолго, иначе сам знаешь, что случится.

— Я постараюсь побыстрее, — отозвался Грешем подбирая зазубренную кирку. — Дурнбад, покажи, куда надо долбить.

Выбираясь из незавершённого секретного прохода, я услышал глухие удары шахтёрского инструмента. Не теряя времени, мой ученик принялся колотить сероватый гранит. Достигнув гобелена, мы сошлись на том, что в гостиную выползть не разумно. Я пригасил все магические шары, при этом оставив один для Грешема, а второй, тусклый, для нас. Сидя на холодной выбоине между Серэнити и Эмилией, я погрузился в плавное течение минут. Остановка? Пора поспать! Так видимо мерил своё существование Снурф. Он забрался мне под коленки и тихонечко засопел. Его полосатому другу в этом месте нравилось намного меньше. Мурчик прижал уши и уткнул морду в плечо колдуньи. Я потрепал хмурого кота за лапку, а потом обратился к Великому инквизитору:

— Серэнити, твои руки...

— Что мои руки?

— Я таких никогда не видел. Можно мне посмотреть ещё раз?

— Зачем тебе это?

— Ты сказала вчера, что родилась такой, но это невероятно, потому что линии и изгибы на твоих локтях и плечах образуют геометрические фигуры! Это удивительно! Ведь в мире нет ничего ровного и прямого! Вселенная стремится к творчеству, но не к созданию правильных углов! Твои руки надо изучить и попытаться найти ключ к их разгадке!

— И что мне это даст?

— Пока не знаю, — серьёзно ответил я.

— Ему просто интересно всё то, с чем он раньше не сталкивался, — встряла в разговор Эмилия. — Калёб вечно суёт свой нос, куда его не просят. Правда, милый?

— Думаешь, Серэнити не желает понять, что за ромбы и овалы обитают на её коже?

— Я, в отличие от тебя, не лезу в чужую жизнь, когда меня не просят, — съязвила Эмилия.

— А я так в этом первоклассный спец?

— Получается!

— Твои обвинения беспочвенны, красотка!

— Красоткой я была раньше...

— Мне хорошо знакомы твои чувства, — проговорила Серэнити, закатывая рукав. — В детстве мне внушали, что я уродина. Девочки сторонились меня, а мальчишки дразнили. Я была изгоем не только среди ребятишек, но и среди взрослых. Мои страдания увели меня из... дома, и я пришла в женский монастырь Ордена Креста. Там меня отвели к аббатисе, которая, едва взглянув на мои руки, сказала, что, то есть благословение Ураха, и я должна остаться служить Богу Света. С того дня начался мой жреческий путь.

— Ого! Значит, ты изначально была прихожанкой Ордена Креста? — спросил я заинтригованный тем, что Серэнити приоткрыла дверь в свою жизнь. — Какими судьбами тебя потом занесло в Святую Инквизицию?

— Это длинная история, — сухо ответила Великий инквизитор. — Ты будешь смотреть,

или нет?

— Ой, да, конечно!

Я подвёл магический шар к хрупкому запястью. Бледная, с синими полосами разнообразных узоров рука, озарилась светом. Есть такое искусство под названием «татуирование». Мастер макает иглу в чернила, а затем мелко-мелко колет кожу, точка за точкой, выводя на теле всяческие картины. Хочешь, медведя выбьет на спине или кабана на груди, чтобы все знали какой ты смелый охотник, а попросишь, то и лису с пушистым хвостом оставит жить на бедре. Все ограничивается лишь фантазией человека и опытом мастера. Однако поразительно сложная визуализация, окатанных и загнутых в сферы синих нитей Серэнити, не была татуировкой! Под воздействием волшебного света рука едва-едва замерцала прожилками магической энергии! Феноменально! Может именно благодаря этому странному орнаменту великий инквизитор обладает столь невероятной силой? Я провёл пальцами по кругу с маленькой снежинкой в середине. Что-то очень знакомое. Закрыв глаза, я попытался явить подобный образ в воображении. Осколки багряных кувшинов, болотистые свечи, вбитые в пол кандалы, скамьи-лари из костей. Осторожно держа холодную руку Серэнити на весу, я вдруг вспомнил, где мне довелось повстречать подобный оттиск. В года далёкие, с энтузиазмом школяра, желающего узнать всё обо всём, я обследовал заброшенное логово ядовитогубых причмокивателей. Вопреки всеобщей разрухе и засилью гнилостных ганглий в тёмных лабиринтах, их древнее святилище не выглядело одичалым. По каким-то непостижимым причинам на измаранной сажей жаровне, вместилищу кровавой подати, сияли руны. Я долго их осматривал и... да, одна из них была точно такой же, как у Серэнити. Неужели живорезы каким-то образом приложили свою мерзкую паклю к Серэнити, когда та ещё ютилась в чреве матери? Вот это поворот событий! Я задумчиво поскрёб подбородок. Кровное родство? Мне приходилось читать мрачные рукописи, где экивоками излагались отвратительные и противоестественные ритуалы Великого Леса. Иногда жрецы Хрипехора похищали женщин и мужчин не для того, чтобы принести их в жертву идолам... вернее сказать — не сразу.

— Серэнити, а где твои родители? Ты с ними общаешься? — спросил я.

— У меня их нет и это всё что тебе нужно знать, — неожиданно враждебно прошипела великий инквизитор, выдёргивая свою руку из моих.

— Ты потеряла их в юности или раньше, в младенчестве? — допытывался я, зная, что начинаю играть с огнём. — Кем они были?

— Никем! — отрезала Серэнити. — Если мои отметины перестали тебя занимать, и ты захотел направить разговор в другое русло, то знай — твой выбор пал на плохую тему. Она не подлежит обсуждению!

— Эй, мне кажется, я перестал слышать звуки кирки, — насторожился Дурнбад.

И правда, не считая наших голосов, вот уже несколько минут стояла полная тишина. Повернув голову в сторону прохода, я напряг слух — моё сердце успело отсчитать тридцать ударов прежде, чем до меня долетело отдалённое шарканье. В полумраке показалась рыжая шевелюра Грешема. Отдуваясь, вампир сел возле гнома. Проведя ладонью по потному лицу и сделав несколько глотков из бутылки, он поговорил:

— Всё, я закончил! Осталось хорошенечко пихнуть, и ярусная препона рухнет!

— Ай, да молодец! Ай, да удалец!

Дурнбад шмякнул моего ученика по лодыжке.

— Переведи дух! Он понадобится тебе, чтобы махать мечами!

Когда Грешем передохнул, мы вновь двинулись к братской могиле шахтёров Караза. Спрыгнув в яму, я увидел свежую грудку размолотого камня — вампир поработал на славу! И это в одиночку, и так быстро! Горжусь им!

— Все готовы? — осведомился гном, нацеливаясь молотом на изрезанную мотыгой породу.

— Вполне, — кивнула Серэнити.

— Тогда посторонитесь!

Натужно гаркнув, старейшина войны приложился оружием к пестрящему щелями полу.

Выдержав первый сокрушительный толчок, со вторым чёрное основание хрустнуло и осыпалось вниз. После того, как поднявшееся облако пыли улеглось, я заглянул за край дыры. Лаз был пробит возле гигантской декоративной колонны, прямо над домом, кладка которого практически вращалась в твердь скалы. Всего два фута отделяли нас от крыши. Удачно! Даже левитацию применять не нужно! Спрыгнув, я протянул руки к Эмилиии. Следом за колдуньей спорхнула Серэнити. Ловко перекатившись через спину, Великий инквизитор заняла оборонительную позицию — как я понимаю — бережёного Урах бережёт. Как только вся команда оказалась в сборе, Грешем потянул на себя кольцо люка. Недовольно заскрипев, тугой створ явил под собой маленькую лесенку. Дурнбад пошёл по ней первым. Как истинный джентльмен, пропуская всю компанию вперёд, я концентрировал заклинание «Молнии». Смертоносная энергия объяла перчатку, и я заторопился догнать друзей. В пустующем доме царил кавардак. Видимо, в поисках наживы мародёры прошлись по нему вдоль и поперёк. Переступая через разбросанные кастрюльки, я подошёл к манящей меня Эмилиии. Приложив палец к губам, она показала на крошечное окошко, выходящее на улицу. Я прислонился к стеклу, но не увидел ничего подозрительного: золотистая площадь, на ней кинутое тряпье, поодаль лиловые кусты, а там ряд зданий — вот и всё. Стоп! Одежда сама по себе не шевелится! Это что-то, или вернее кто-то живой! Да, то издыхающие от чумы грабители. За чужое богатство они расплачиваются с чумой своими жизнями. Невыгодная сделка — как по мне.

— Посмотрите, если все вояки Кувалды похожи на этих, то мы играючи прорубимся к нему в логово, — прошептал я, пропуская к окошку друзей.

Серэнити сдвинула брови.

— Ты рано обольщаешься, Шаттибраль. Будь всё так просто, Догараг сам бы справился с Кувалдой.

— Давайте тихонечко подойдём к тому умирающему бедолаге, — предложил Грешем. — Ему терять нечего. Вдруг, да расскажет что о Кувалде.

— Рекомендуешь нам понадеяться на ответы загибающегося бандита? — усмехнулась Эмилиия. — Думаешь, он прямо так возьмёт и растрезвонит, не пойми, кому, где сидит его вожак, и сколько у него под боком пособников?

— Наверное, у тебя есть идея получше? — оцетинилась вампир.

— Пока нету, — развела руками моя подруга.

— Что толку переливать из пустого в порожнее, да гадать, так или эдак подступиться к врагу? Мой молот проторит дорогу, куда угодно! — прорычал Дурнбад.

С этими словами старейшина войны распахнул дверь и вышел наружу, глупо, но решительно. Мы последовали за ним. Все, кто попадался нам по пути, были либо мертвы, либо очень близки к этому состоянию, и говорить с ними не имело никакого смысла. Ведя нас по сумеречным проулкам, Дурнбад вдруг затормозил и рывком поднял какого-то

облезлого страдальца. Повелительно, но негромко старейшина войны обратился к нему на лундулуме. Складывалось впечатление, что если он отпустит ворот чахоточника то, тот моментально рухнет на пол. Гном что-то ответил, потом закашлялся, да так и поник в железной хватке Дурнбада. Лицо старейшины войны подёрнулось пеленой брезгливости. Он отшвырнул бездыханное тело на бочки, а затем сказал:

— По уверению этого отброса, в северном крыле возведена разделительная стена, за которой бытует весь здоровый костяк шайки. Всех заразившихся вышвыривают сюда: так распорядился Кувалда.

Старейшина войны надвинул серебристый шлем поглубже на голову.

— Сурово и беспощадно, — вздохнула Эмилия.

— Ничего необычного, — пожал плечами Дурнбад. — Закон войны. Хочешь жить и сражаться — не ночуй с мёртвыми под одной крышей. Видите вдаль вон ту груды валунов? Мне кажется это то, что нам нужно. Пойдёмте, разведаем.

Прижимаясь к фасадам домов, мы практически вплотную подобралась к баррикаде. По её периметру тянулись наскоро состряпанные дозорные башенки. Мародёры на парапетах скусающе поглядывали на пустынные кварталы. Как же нам перебраться на ту сторону незамеченными? Укрытые навесом овальной беседки, мы стали совещаться, где лучше всего совершить диверсионное проникновение. Выбор пал на левую оконечность преграды. Прошмыгнув под носами наблюдателей, наша компания остановилась в тени внушительной стены. Высотой в три моих роста, она без сомнения служила непреодолимым барьером для иссыхающих от чумы гномов. Вскарabкавшись по шероховатым выступам, мы, никем необнаруженные, попали на территорию Кувалды. Спрятавшись с друзьями на заднем дворе брошенной грибной фермы, я стал осматриваться и думать: где среди этих подгорных бульваров расквартировался рыжеволосый гном? Наверняка субъект, овеянный большими амбициями и жадной наживы, подберёт для себя наиболее роскошное и притязательное жилище. Например, тот двухэтажный особняк с кариатидами и карликовыми деревьями очень выделяется на общем фоне. Кувалда может быть в нём.

Изложив в тесном кружку сомкнутых голов свои мысли и получив согласные с ними кивки, я с товарищами направился к замысловатому фронту предполагаемого обиталища главы всеобщего террора. Соблюдая максимальную осторожность, наша компания заюлила меж строений. Мышками, обогнув очередную пятёрку беседующих гномов, мы добрались до тележки с сундуками. Я выглянул из-за приподнятой кверху крыши. Прямо по курсу палисадник, а за ним нужный нам вход. Сделав рывок, я забежал в тёмный зал. Шаг, два, что это за шум? Хлопнули створки закрывающихся дверей! Над потолком зажглись сотни фонарей, и я увидел, как вокруг нас сомкнулся строй мародёров! Это ловушка! Мы в западне! Сколько их?! Десять?! Двадцать?! Попались, как мухи в варенье! Послышался издевательский смех. Я поднял голову и встретился глазами с Кувалдой. Я сразу признал его по шраму и всколоченной огненной бороде. Он сидел на инкрустированном драгоценными камнями троне и ухмылялся. Грудь рыжеборода защищал дорогой доспех, а на пальцах во множестве ютились кольца. Посередине его широко расставленных ног примостилась пудовая кувалда с наконечником в виде заострённого клюва орла. Всмотриваясь в наши изумлённые лица, гном повторно разразился громким смехом. С трудом подбирая слова, он заговорил на людском наречии:

— Я вижу, вы слегка озадачены. Что-то вышло не так, верно? Мне нравится удивлять! Весь ярус наполнен затаёнными соглядатаями, а вы, я хочу заметить, не слишком хорошие

лазутчики. Я бы прихлопнул вас ещё два часа назад, но всё же решил помедлить и спросить: что вы делаете у меня дома, а? Людишки-то так глубоко в Будугай забредают нечасто, а если учесть то, что сейчас в Трузде не самая гостеприимная обстановка, то шансы того, что вы пришли сюда по случайности — равны нулю.

— Догараг прислал нас за твоей головой, — поднимая молот, бесстрашно заявил Дурнбад. — И уйдём мы отсюда только с ней!

Кувалда насмешливо выпятил губу.

— А! Значит, тряпка-отец не может сам справиться со мной и нанял убийц из-за границы?

— Мы и не догадывались, что ты — его сын, — отозвался я.

— Он в принципе тоже не знает об этом, — гадливо осклабился Кувалда. — Вернее будет сказать, что папаша не думает, что я жив. Рождённый от служанки из самого низшего класса, я стал ему словно кость в горле. Его белоснежная честь оказалась под угрозой позорного клейма!

Рыжебородый гном сплюнул.

— Догараг решил избавиться от меня и мамы. Глава клана Караз и порочная связь! Нет-нет! Это не про него! В строжайшей тайне его прихвостни провезли нас через все Ледяные Топи и у границы Ноорот'Кхвазама бросили умирать прямо в снег! Но я выжил! Да, выжил! Многие годы, прибившись к магам Минтаса, я вынашивал план отмщения, и вот — он подвернулся! Владыка Гор услышал мои молитвы, и я вернулся в Трузд, чтобы взять то, что принадлежит мне по праву!

— Ты объявил себя сыном Догарага! Вот почему так много гномов перешло на твою сторону! — воскликнула Серэнити. — Бандиты углядели в тебе выгодную возможность облечь свой разбой в благородные одежды праведного гнева и надуманно-законных требований! Ты же в свою очередь подцепил шанс отомстить и вместе с тем стать новым главой клана Караз! Однако его Величество Симбиоз надо подпитывать! Готова поклясться, что ты уже давным-давно пообещал раздербанить бездонную сокровищницу Трузда на клочки и прянички!

— В одном ты не ошиблась — я честно разделю богатства между теми, кто поддерживает мои высоконравственные намеренья сместить отца и занять трон Трузда. Взамен старому сгнившему укладу жизни, основанному на сословности и предвзятости выбора, я возведу совершенно иной, справедливый и объективный фундамент, который будет зиждиться на равноправии! Те гномы, женщина, которых ты назвала бандитами, займут в этом обществе самые лучшие места, и поэтому, дабы их не оскорблять, заberi свои слова обратно. Даю тебе три секунды. Одумайся, или твои миленькие губки начнут страстно целовать чумных мертвецов.

— Скорее ты станешь свежей засечкой на моем молоте, бастард! — исступлённо закричал Дурнбад, раскалывая ближайший череп своим оружием.

Кусочки мозга упали мне на сапоги. Не могу сказать, правильно ли поступил импульсивный старейшина войны затеяв драку, но эффект первого хода положительно сыграл свою роль. Не успел Кувалда толком сообразить, что произошло, как ещё несколько голов отделились от плеч под клинками Грешема. Началось жуткое побоище, из которого, по моему мнению, вероятность выйти живыми у нас была крайне мала. Послав заряд молнии в стоящих передо мной гномов, я кое-как отбил Альдбригом летевшую мне в бок секиру. Чтобы держать оборону от града обрушившихся на нас ударов, мы стали спина к спине.

Среди лязга стали, я услышал громкий голос Кувалды, несомненно, желающего самолично руководить битвой. Вдоль моей руки прошло лезвие топора. Упав на пол, я почувствовал, как горячая кровь заструилась вниз по локтю. Превозмогая острую боль и заслоняясь мечом от нацеленной в горло алебарды, я перекатился к стене. Мяу! Р-р-р-р-р-р! Растопырив когти, Мурчик набросился на гнома, едва не доставшего меня палицей. Наши дела складывались крайне плачевно. Зажатые среди мародёров в маленьком зале, мы были обречены погибнуть, однако Вселенная распорядилась иначе. Мои барабанные перепонки заложило от визга десятка перепуганных гномов. Безумно вопя, они кинулись от нас как от огня, и причиной тому был Грешем! Действие оборотного зелья подошло к концу в самый удачный момент! Надо отметить, что превращение толстого мужика в вампира — зрелище не для слабонервных. Кожа на моём ученике обвисла тягучей жидкостью, его глаза расширились и покраснели, скулы и лобные доли деформировались, а из челюсти полезли клыки. Вот это мой Грешем! Добро пожаловать, старина! Вцепившись зубами в парализованного от ужаса гнома, спустя секунду вампир выплюнул кусок растерзанной шеи.

— Ох, как же я скучал по своему телу! — расхохотался он, слизывая с подбородка бардовые капельки.

Дурнбад и Серэнити наблюдали трансформацию, словно окаменевшие. Конечно! Не каждый день такое увидишь! Придя в себя, Великий инквизитор продолжила разить улепётывающих мародёров. Из всех разбойников Трузда не дрогнул только один Кувалда. На лице бастарда играла сумасшедшая улыбка, говорящая, что сегодня умрёт либо он, либо мы все. Избрав свой мишенью колдунью, он направил хищный клюв оружия прямо ей в сердце. Нет! Эмилия! В самый последний миг мою подругу заслонил щит Серэнити. Сзади Кувалды показался Дурнбад. Пролетев по дуге, молот старейшины войны проломил вычурную кирасу рыжеборода и сломал ему хребет. Брякнувшись навзничь, сын Догарага захрипел, а потом умолк навсегда.

Я обвёл глазами мокрую от крови комнату — у врага четырнадцать убитых, а у нас — без потерь! Нам фартит! Тем временем Дурнбад явно собирался нанести следующий удар по Грешему. Серебристый взмах! Вампир ловко увернулся, и молот цапнул воздух. Движения моего ученика стали более плавными и уверенными.

— Иди сюда, кровун, пожравший моего приятеля изнутри! — заорал Дурнбад не собиравшийся так просто отступить от своих попыток поймать вампира.

— Стой, стой! — закричал я, хватая старейшину войны за доспех. — Это — Грешем! Я хотел тебе сказать, да все никак момент не подворачивался!

— Ты, верно, помутился рассудком! Грешема больше нет! — гном извернулся и пихнул меня в сторону. — Кровуна надо убить, пока он не сбежал!

— Послушай! Да, я вампир! У тебя когда-нибудь были друзья вампиры? Нет? Сюрприз! Вот он и появился! Разве от того, что я стал немного по-другому выглядеть, я стал хуже? Глупости! Давай обнимемся и забудем, что до этого между нами пролегал небольшой секрет! Он же ерундовый! Наверняка ты тоже нам не все о себе рассказал, но мы тебя и не торопим! Личное пространство — это святое, а скелеты в шкафу есть у каждого! — затараторил Грешем, опуская клинки.

— Обнимемся?! Да я скорее изрублю тебя на мелкие кусочки! — взревел Дурнбад, пытаясь вырваться из рук подоспевшей Серэнити.

— Успокойся уже! — громко крикнула Эмилия. — То, что Грешем вновь обрёл свой истинный облик, спасло нам жизни!

— Ладно, ладно! Отпусти меня! — сердито гаркнул Дурнбад, высвобождаясь из тисков Серэнити. — Объясните мне одно! Как у вас тут всё так получилось? Как маг, вампир и... светлая жрица тихо-мирно путешествуют вместе?! Кто вы?! Такие же?! Кровуны?!

— Это сразу несколько вопросов, — вздохнул я, протягивая Серэнити повреждённую руку для лечения. — Нет, мы не вампиры. Однако тебе пора узнать о нас чуть больше. Я — некромант, а Грешем — мой ученик. Под моим началом он уже около года овладевает чародейством. Эмилия — моя лучшая подруга и выдающаяся колдунья, а Серэнити, правда, светлая жрица, отправленная с нами на задание королевой Констанции Демей. Как и ты, она вначале с подозрением отнеслась к нам и не слишком жаловала своим добрым отношением.

— Да, — подтвердила Серэнити. — Не скрою, что в первые дни знакомства я жаждала убить эту троицу. Они находились в моей власти, и только прямой приказ королевы сдерживал мою длань от расправы. Так вышло, что меня обязали идти с ними в поход, и то было не иначе, как провиденьем Ураха. Я злилась, но дни совместных невзгод и неприятностей меняли мою злость на нечто иное. На то, что раньше я не испытывала.

Серэнити тяжело давались слова.

— От ненависти я перешла к брезгливости, от брезгливости — к холоду, от холода — к пониманию, а от понимания — к теплоте и... тому, что за ней следует. Я осознала, что не каждый маг, занимающийся некромантией, хочет уничтожить мир...

Великий инквизитор прервалась, но затем, глядя гному в глаза, твёрдо договорила:

— И что не всякий вампир несёт в себе зло. Грешем пошатнул мои прежние убеждения, и теперь я знаю, что могущество Всеотца настолько всеобъёмно, что и Тьма под его милостью иногда обращается в Свет.

Обхватив голову руками и безумно уставившись на Грешема, старейшина войны вдруг рассмеялся:

— Жил-не тужил, послали мне вас боги в наказанье! Эй, парень, ты хочешь сказать, что тебе больше не нужно сбривать рыжие усики? Так? Провёл Дурнбада!

Все облегчённо выдохнули, напряжение, царившее в воздухе, постепенно рассеивалось. Подняв секиру и отделив ею рыжеволосую макушку Кувалды, гном поискал глазами, куда её можно положить. Присмотрев туго перевязанный мешочек, Дурнбад высыпал из него золотые монеты, а затем засунул в нутро кровавый трофей.

— Вот, значит, ты какой на самом деле, — протянула Серэнити, прищурившись рассматривая Грешема.

— Я симпатичный, правда? — улыбнулся вампир.

— Ты такой же прекрасный, как моя жизнь, — пошутил я. — Не надо теперь всё время так скалить свои клыки, хорошо? Дай людям привыкнуть к твоей новой внешности. Такие ухмылочки могут быть неправильно интерпретированы.

— Ладно. Я понял.

— Голова у нас? Тогда давайте отнесём её Догарагу, — предложила Эмилия, поправляя причёску. Моя подруга всегда остаётся женщиной, даже после вот таких вот сражений.

— Хорошая идея. Чем дольше мы здесь торчим, тем больше подвергаемся неоправданному риску, — согласилась Серэнити.

Толкнув дверь ногой, Грешем выбежал на улицу. Просторная одежда, уже без скинутого доспеха, забавно висела на его жилистых плечах. Как у пугала, слезшего с морковной грядки, — усмехнувшись, подумал я. На золотистой мостовой мы оказались одни. Видимо, слух о жутком чудовище, вылезшем из человека, успел облететь весь уровень за считанные

минуты. Не встретив никаких препятствий, наша компания добралась до баррикады. Грешем без труда уцепился бледными пальцами за откос и играючи перенёс гибкое тело за стену. Только поглядите, какой живчик стал! У меня так не получится! Кряхтя, как старый пенёк под упитанным селезнем, я забрался за ним следом.

Пройдя мимо погибших от чумы гномов, мы нашли здание, над крышей которого имелся потайной ход. Поднимаясь по ступенькам и запрыгивая в разлом дыры, я думал, как объяснить Догарагу необычный вид Грешема.

— Ты наколдовал, да и всё тут, будешь ещё выдумывать небылицы, — подсказала мне Эмилия.

А что? Коротко и ясно. Колдунья порой шевелит мозгами куда лучше меня. Недаром Альфонсо Дельторо некогда нарёк её «Весенний Шторм». Прозвище может и так себе, зато оно точно отражает суть моей подруги. Быстро, смертоносно, свободно, остроумно, изящно, красиво и свежо — это всё про неё.

Преодолев вырубленный шахтёрами туннель и раздвинув края гобелена, я очутился в доме напротив внушительной статуи Желлы. Надо заметить, что пока я пробирался в каменном коридоре, мне дважды становилось дурно. Трупный запах, исходящий из ямы, дышал мне в спину удушливым поветрием. Если бы не светлая магия Серэнити, то чума бы уже сто раз прибрала меня к себе. Спасибо, Вселенная, за то, что послала нам Великого инквизитора!

Постоянно осматриваясь, мы пошли к лестнице, ведущей на различные ярусы Трузда. Следуя по зигзагам улиц, я представлял, как ещё совсем недавно здесь кипела жизнь. Пространство наполнилось голосами. Гномы спорили, ругались, распевали песни, делились новостями, рассуждали и сплетничали. Всё оборвалось, когда в гости к подгорному народу постучались две сестры — Война и Болезнь. За какие-то пару недель процветающий торговый город превратился в склеп. Сколько времени потребуется клану Караз, чтобы залезть раны? А сможет ли он это сделать? Вдруг пандемия и мародёры поставят на нём крест? То, что кажется незыблемым и вечным, зачастую рушится прямо на глазах, оставляя после себя только руины да обугленный остов. И как же быть, когда потерял семью и некуда больше идти? Я отвечу — вопреки всему — бороться, не сдаваться, грести против течения, надеяться и жить. Мне хочется верить, что, испив горькую чашу юдоли, гномы Трузда переварят её и сызнава расцветут лепестками благоденствия. Впрочем, есть и другой ракурс, с которого иногда нужно смотреть. Как некромант я знаю, что без смерти нет обновления. Новое всегда прорастает из корневища старого, так было и так будет всегда.

Порожки. Топ, топ, топ, вверх и вверх. Я очнулся от философских рассуждений, лишь когда ступил на этаж, подконтрольный Догарагу. Преодолев сеть проулков и пройдя через площадь скульптур, мы остановились у дозорных ворот. Подавшись вперёд, старейшина войны трижды постучал кулаком в их твердь. Увидев Дурнбада в караульное оконце, гномы принялись отпирать двери, но едва створы раскрылись, как в поле их зрения попал Грешем — и тут же затрубил рожок! Отовсюду послышались возгласы «Кровуна'эра унабар! Кровуна'эра табах!». Терпеливо дождавшись пока нас окружают, Дурнбад гулко заговорил на лундулуме, показывая пальцем то на меня, то на Грешема. Наконец с задних рядов кто-то крикнул — «граман». Гномы опустили оружие, и мы зашли внутрь фортификации. Повинуясь инстинкту, я обернулся. За нами двигался солидный эскорт охраны. Ну, а кто в здравом уме и твёрдой памяти оставит без присмотра жуткого бледного кровуна? Правильно — никто! Миновав алмазные столбики и светящиеся фосфором кусты, мы взошли на

эспланаду. Бьющей на ней фонтан потянул меня к себе. Зачерпнув ладонями студёную воду, я поднёс её к лицу. У меня ведь с самого утра ни капельки во рту не было! Напившись и наполнив флягу, я старательно потёр виски и шею. Да, так намного лучше! На террасе громадного здания нашу компанию допросили повторно. Дюжий стражник сомневался, стоит ли пускать нас к Догарагу вместе с Грешемом. Посмотрев на маячившую за нашей спиной свору секир, он облегчённо вздохнул и скрылся испросить разрешение на аудиенцию. Вернувшись, стражник повёл нас к главе клана. Догараг принял нашу семёрку, все так же сидя. Да и вставал ли он вообще, пока мы отсутствовали? Чувствую, что нет. Смерив вампира насмешливым взглядом, гном выжидательно сложил руки на впалой груди.

— Пусть тебя не обманывает новая личина моего ученика. Я применил магию и изменил его форму для того, чтобы разбойники узнали, что такое настоящий страх. Пройдёт пару дней, и он снова станет самим собой.

— Меня не интересуют твои методы. Обращай друзей хоть в кровунов, хоть в химер, хоть в прочую нечисть, если подобные фокусы помогут тебе достигнуть цели, то действуй — я буду только «за». Ликвидация Кувалды — это единственное, что меня заботит, — прохрипел Догараг.

— Мы это помним и поэтому пришли не с пустыми руками, — хохотнул Дурнбад, развязывая мешок и вытряхивая его содержимое наружу. — Принимай гостя! Сейчас Кувалда расскажет тебе, где и как обретался, покуда не встретился с моим молотом!

Догараг уставился в заплывшие глаза своего непризнанного сына.

— Значит, всё окончено?

— Да, — твёрдо сказал я. — Наша часть сделки у твоих ног, а это значит, что и тебе пора сдержать слово.

— Хорошо, хорошо, вы заслужили это...

Гном прокашлялся.

— С чего бы начать? Два с лишним тысячелетия назад в читальдуме Трузда обрушился картографический купол. Все гранитные таблички побились. Большинство из них, конечно, воссоздали вновь, но вот дорогу к сумрачному Пику Смерти никто заново перечерчивать не стал. Зачем потомкам знать, где таиться праотцовское зло? Сорвиголов хватает всегда, а не тронешь, как говорится, не вспыхнет. Через несколько поколений народ Караз позабыл, как добираться до Эмириуса Клайна, а спустя века неурядицы, войны и другие невзгоды истёрли в пыль четыре крупных клана, так или иначе связанных с Пиком Смерти. На сегодняшний день возможно уже никто не скажет, где спит предвечный кровун.

— Получается, что ты соврал нам? — Губы Серэнити гневно задрожали.

Заперхавшись, Догараг случайно зацепил пальцем язву на щеке.

— Выбирай выражения! Главы клана Караз никогда не опускались до лжи, и я тому не исключение! Вчера я сказал вам, что знаю того, кто хранит тайну месторасположения Пика Смерти, и это действительно так. Ныне он перед вами. Удача привела вас сюда или ваш могучий Бог — мне постигнуть не дано, однако Судьба распорядилась так, чтобы вы шли дальше, к добру то будет или к худу. Та история про королевского посла, которую ты мне, Калерб, вкратце описал, хорошо известна моему роду. Всё оттого, что Гугодун, сопровождавший Мальта на кряжах Будугая, — это мой предок по материнской линии. Чаще всего гномы выбивают записи на камне, так надёжнее, но мой прапрадед, долго проживший в Эльпото'одо, предпочитал бумагу. У меня сохранился дневник, который Гугодун вёл многие годы, вот, держи, теперь он твой.

Догараг протянул мне потрёпанную книжку.

— В самом конце есть раздел, посвящённый его странствиям с Мальтом. В нём ты отыщешь карту Будугая с отметкой «Пик Смерти».

— Я понимаю, что ты отдаёшь нам не только долг и реликвию своей семьи, но и туманное будущее Железных Гор. Тебя тревожат мысли о том, что может произойти, если Эмириус Клайн восстанет из хладного сна. Поэтому к благодарности мне должно присовокупить следующие — я бы охотно пообещал тебе, что древний вампир не тронет подгорные города, однако не могу этого сделать. Только Вселенной ведомо, куда выльются наши чаяния... Тем не менее, мне жутко не хочется подвергать гномов опасности, и я приложу все силы, чтобы сказания о вашем главном враге не пополнились ужасами яви.

Перестав чихать, Догараг внимательно посмотрел мне в глаза.

— Твоя честность и благонамеренность побуждает меня вознаградить вас советом. Даже скорее не советом, а размышлениями. Видите ли, пока вас не было я, перечитал дневник и понял, что восточные дороги, по которым двигался Мальт, уже не существуют, а обходной путь займёт у вас многие месяцы.

— Не самая приятная новость за минувшие сутки, — вздохнула Эмилия.

— Девочка, почему ты позволяешь себе перебивать меня? — возмутился Догараг. — Разве я чешу языком просто так?

— Не обращай на неё внимание, продолжай, пожалуйста, — сказал я, предупреждая наступая подруге на ногу.

Больной гном упёрся затылком в подушку.

— К Пикку Смерти есть иная тропа. Нехоженная с Эпохи Королей. Под самыми нижними этажами Трузда, в блеске немеркнущих огней, покоятся заброшенные шахты, а за ними — проходы, затопленные подземными водами. Если вы умеете надолго задерживать дыхание, то можете попытаться переплыть их, чтобы попасть в Залы Странствий, где в седой давности клан Караз разместил венец подгорного труда — «Железный Путь». Оснащённый механическими устройствами — тачанками на колёсах, он некогда позволял очень быстро переправлять гномов в различные города Будугая. Так вот, если вам посчастливится добраться до тачанок, то садитесь в них и следуйте прямо, никуда не сворачивая. Когда упрётесь в стену — вылезайте, вы прибыли в нужное место — в престольный Яварх, покинутую и преданную забвению столицу Каменного Королевства. Уже без малого, как вечность, Яварх стоит напротив Пика Смерти.

— Значит, когда-то гномам не надо было покрывать многие мили по склонам гор?! — воскликнул я. — Это восхитительно!

— Именно! Под Будугаем пролегает сеть туннелей, которая издревле соединяет все крупные поселения между собой.

— Следовательно, мы могли бы попасть в Яварх даже из Зарамзарата? — поинтересовалась у Дурнбада Серэнити.

— Нет. Во времена ожесточённой грызни за опустевший трон Каменного Королевства, клан Надургх предусмотрительно завалил спусковые лестницы и сломал опоры галерей ведущих в Залы Странствий.

— Для чего? — удивился Грешем.

— Неужели не ясно? — изумился Дурнбад. — Для безопасности! В те дни зачастую вместо товаров племени отправляли друг к другу закованных в доспехи секирщиков. Уничтожить безалаберного соседа, дабы присвоить его богатства, и сейчас-то у некоторых

кланов считается нормой, что уж говорить о Поре Слез и Предательств.

— Приятно, что подрастающее поколение не забывает о трагических событиях нашего прошлого, — хмыкнул Догараг. — Каменное Королевство трещало по швам, и многие кланы по примеру Надургха благоразумно запечатали или завалили входы и выходы Залов Странствий. То, что не сделали наши предки, довершили землетрясения и обвалы. Своды над тачанками порушились, и истёрлись дороги, приводящие к ним. Всего через каких-то сто лет после смерти Буля Золотобородого Железный Путь смолк навсегда.

— Но если это так, то где гарантии, что ваши тачанки не засыпаны камнем? — осведомился Грешем. — Ты спускался к ним? Вдруг они сломались или, того хуже, как и туннели, погрузились в толщу воды?

— Народ Караз всегда отличался здоровой предусмотрительностью, которую лучше всего охарактеризовать поговоркой — «не выкидывай поношенный тулуп, стукнет холод — оденешь». Вместо того чтобы крушить Залы Странствий, наши старейшины повелели инженерам направить к ним поток Алмазницы, реки, бегущей под Труздом. Когда коридоры заполнились водой до нужного уровня, Алмазницу перекрыли. Наш Железный Путь был установлен на плато с искусственным навесом. Шанс того, что механизмы пришли в негодность, крайне мал. Однако он, конечно, есть. Ни одна нога не ступала в Залы Странствий с момента их закрытия — что там сейчас творится, ведаёт только Владыка Гор.

— Стало быть, ты рекомендуешь нам отправиться к Пику Смерти на тачанках? — уточнила Эмилия.

— Я не рекомендую, а всего лишь указываю на альтернативу, о коей вы наверняка не знали. Воспользоваться картой Гугодуна или положиться на Железный Путь — решать вам. Я за голову Кувалды уплатил сполна.

— Мы очень признательны за то, что ты поделился с нами столь драгоценной информацией, — сказал я, слегка поклонившись. — Если мы выберем путь под горами, подскажи, где нам будет нужно спуститься, чтобы попасть к тачанкам?

— Мне нравится твоя хватка, Калерб, — похвалил меня глава клана Караз. — В Трузде полным-полно выработанных шахт. Те, что примыкают к Залам Странствий, находятся в западной части самого нижнего яруса.

— Мы попадём туда через развилку Трон, Горн, Звон, Сон, Торг? — задал вопрос Дурнбад.

— Да! Идите по ней к третьему уровню. Как снизойдёте в холл, круто развернитесь и следуйте по ответвлению меж ромбовидных амфор — они приведут к Садам Симметрии, где среди листвы выдолблены порожки Выверта Дзоля. Ступив на них, вы начнёте свой путь к корневищам Трузда.

— Спасибо, мы запомним, — сказал я.

— Вам спасибо, — ухмыльнулся Догараг, сжимая кулаки. — Сняли проблему с моих плеч. Теперь я живенько раздавлю мошек, позарившихся на чужой хлеб. Уже сегодня грянут первые карательные операции, которые положат конец бесчинству мародёров.

Глава клана Караз отлепил платок от растревоженной язвы.

— Когда Трузд расцветёт вновь — возвращайтесь, будем беседовать не о тревогах, а о природе, музыке и гармонии. Ну, а пока поешьте, поспите, да отправляйтесь, куда наметили. И — спасибо!

— Приглашение принимается, — ответил я чахлому гному. — До свидания, Догараг.

Покидая комнату, Эмилия остановилась, чтобы пропустить Мурчика вперёд. После того

как его полосатый хвост вышел за дверь, колдунья процедила:

— Та голова, что мы принесли в мешке, попала сюда из-за тебя. Она принадлежала твоему обзлённому сыну, которого ты кинул умирать в Ледяные Топи. Только ты виноват в том, что народ Караз помимо чумы хлебнул боль ещё и с ножа.

Глаза Догарага впились в лицо, так похожее на его собственное. Губы главы клана беззвучно зашевелились. Проведя дрожащей рукой по слипшимся рыжим волосам, он сморщился и тихо заплакал. Сейчас гном выглядел жалким и слабым, отчасти мне было его жаль.

— За ошибки молодости всегда расплачивается старость, и хорошо, если деньгами, а не кровью своих близких, — жёстко заключила моя подруга, с грохотом закрывая за собой дверь. Догараг и его горе остались наедине.

— Может, не стоило ему говорить про Кувалду? — спросил я у Эмилии, направляясь к «Золотой Кирке». — В конце концов, это, как ты недавно подметила, — не то дело, куда просят совать свой нос.

— Ты о чём, Калерб? — рассердилась колдунья. — Он сходил налево, взял своё, а потом словно чаю попил: вывез младенца и его мать к границе Ноорот'Кхвазама! В снег! Только вдумайся, что эндориты могли сделать с беззащитным ребёнком! Догараг — бессердечный убийца, его слёзы — фальшь, и, извини, я не могу об этом молчать!

— Ладно, ладно, ты права! Я знаю, что ты добрая душа!

— Как бы дико это не звучало, но у нас принято урегулировать дразги, связанные с честью, при помощи тайны и топора, — вмешался в разговор Дурнбад. — Если бы гномы Караза прознали, что их глава клана крутит интрижку со служанкой и тем более имеет от неё сына, то весь его род был бы опозорен. Всех родственников Догарага сослали бы на добычу руды, а его самого лишили бы титула и выгнали за пределы Трузда. Так что он, хоть и совершил непростительную ошибку, однако пожертвовал малым. Потому что супружеская измена у подгорного народа является одним из семи пороков, за который высокорождённому полагается суровое наказание.

— Просто под юбку не надо лезть, чтобы не идти ни на какие жертвы! — ответила Эмилия, гневно раздувая ноздри.

— Дети не должны страдать из-за пороков родителей, — поддержала мою подругу Серэнити. — Однажды я совершенно случайно стала свидетелем того, как женщина скинула нежеланного младенца в сточную яму. Я вытащила малышку, а потом поволокла ту безумную в кельи инквизиции, где щипцами...

— Серэнити, прошу тебя, хватит! Я не хочу об этом слышать! — взмолился я. — Мы уже у порога харчевни. Давай не будем портить друг другу аппетит подробностями истязаний. Моё воображение может помешать мне насладиться трапезой.

— Я и не подозревала, что у тебя такой впечатлительный желудок, — приподняла бровь Великий инквизитор.

— И не только он, — отозвался я, устало садясь за стол.

Издали увидав Грешема, хозяйка выронила поднос с чашками. Она сдавленно вскрикнула и, держась за сердце, сползла по стенке. Горячий картофель весело шлёпнулся на каменный пол. Найдя там прибежище, он поманил к себе усы моего оголодавшего питомца. После того как Серэнити вернула женщину в сознание, Дурнбад принялся ей терпеливо втолковывать, что мой ученик — не вампир, а всего лишь видоизменённый магией человек, который её есть ни за что не станет. Кое-как отойдя от шока, хозяйка вновь

подала нам ужин. Она поставила угощения на краешек стола, а затем тут же удалилась. О, долгожданная еда, я приветствую тебя! Наши челюсти взялись исполнять положенную им службу. Следя за тем, как старейшина войны уплетает баранью отбивную, мой ученик предлагающе поднёс свою бутылку к его стакану.

— Так как насчёт бокальчика вина, господин гном? В этот раз оно не кислит, и я готов разделить с тобой его букет.

— Уж точно не надо. Дай, кстати, ты попробовать мне его раньше, то я бы разбираться не стал — размазал бы тебя молотом, да и всё тут, — прорычал Дурнбад, не оценив юмора.

— Теперь понимаешь, почему я так изворачивался, когда ты уламывал меня поделиться спиртным? Я не хотел быть раздавленным! — улыбнулся Грешем, притягивая к себе тару.

— Угу.

— Дурнбад?

— Что такое?

— Сейчас и я хочу тебя кое о чём попросить.

— Надеюсь, речь пойдёт не о моей крови?

— Нет, совсем нет!

Мой ученик растянул полы своей мешкообразной одежды.

— Видишь? Ходить так не слишком удобно. Штаны и кофту надо ушить, а для этого мне потребуется иголка и нитки.

— И я тут при чём? Думаешь, под моей бородой скрыт игольник?

— Опять мимо. В твоей великолепной бороде игольника точно нет, зато у нашей хозяйки он наверняка имеется. К чему я клоню — не будешь ли ты столь любезен попросить его для меня?

— Сам попроси, — буркнул гном, усердно работая вилкой и ножом.

— Но я не знаю, как говорить на вашем языке! — отозвался Грешем, удивлённо прижимая заострённые уши к макушке.

То ухо, отбитое в Эльпоте, было на месте!

— Горы и недра! — воскликнул Дурнбад, откидывая столовые приборы и возводя глаза к потолку. — Кровун, ещё пару часов назад бывший Грешемом, обращается ко мне за помощью! Кровун! И я его не убиваю! Даже напротив — мирно беседую с ним и вспоминаю, как чуть не хлебнул крови! Что со мной происходит?!

— Да ничего с тобой не происходит, — покачал головой вампир. — Во-первых, я и сейчас Грешем, а во-вторых, мы же уже решили: я — твой друг, а друзей, как известно, не лишают жизни только из-за того, что они вдруг меняют цвет волос или длину ногтей.

— Со временем ты притерпишься к нему, — пообещал я. — Грешем — не такой, как остальные вампиры.

Старейшина войны тяжело посмотрел на меня.

— Мы братья по крови, Калерб. Я тебе верю и только поэтому, хоть это и чокнутая затея, попробую принять твоего ученика таким, каков он есть.

— Спасибо, Дурнбад, большего мне и не нужно.

— Так что там с моим малюсеньким желаньцем? — вкрадчиво напомнил Грешем.

— За твоими нитками я не пойду.

— Тогда я сам схожу к хозяйке и поведаю ей о своих нуждах. Научи меня, как правильно изъясниться по-вашему.

— Да ну?

— Только говори по слогам, я так лучше воспринимаю незнакомые слова.

— Никуда ты не пойдёшь, — запретила Великий инквизитор. — Если та бедная женщина увидит тебя вновь, её нервы не выдержат, и она умрёт от страха.

— И как мне тогда быть? — растерянно заморгал мой ученик.

— Никак, — отрезала Серэнити. — Ходи, в чём есть.

— Очень остроумно! — обиделся Грешем.

— Примерно так же, как и потчевать Дурнбада кровью, — холодно ответила Великий инквизитор, скрепя руки на груди.

— Вы тоже это заметили? — вклинилась Эмилия. — Шутки Грешема и прибаутки Калеба зачастую схожи. Туповатые, иногда обидные, но не злые.

Колдунья повернулась ко мне молодой частью лица.

— Уроки глупого комизма ты преподаёшь блестяще. Да, милый?

— Ты слышал, Грешем? Нам сделали комплимент! — рассмеялся я, вставая со стула и направляясь в коморку поварихи.

Я обнаружил женщину за раскаткой теста. Жестами и вспомнившимися словами лундулума, я объяснил ей, что мне нужно получить. Уже через две минуты я вернулся за стол с массивным мотком крепких коричневых ниток и тонкой иглой. Протягивая вампиру необходимое ему добро, я проговорил:

— Никого не слушай, будь собой.

— Он-то пусть будет, а вот ты мог бы обратить внимание на то, что у твоей подруги давным-давно стоит пустой бокал!

— Спешу исправиться, мадам! — отвечивал я, подливая Эмилиии шипучего кваса. — Ещё кому-нибудь обновить?

— Только не мне, — сказала Серэнити, протерев губы салфеткой. — Я — спать.

— Меня тоже маленько разморило, — поддакнул гном, наблюдая, как я достаю из сумки дневник Гугодуна. — Вряд ли ты поймёшь в нём что-то без моего участия, а я по ночи, да после сечи и путного пива плохо разберу древние руны своего народа. Отложи ты лучше его до утра, а там мы вместе покумекаем.

— Я не буду долго засиживаться, — уверил я старейшину войны, нащупывая пяткой дремлющего под столом Снурфа. — Доброй ночи!

— Тогда и я, пожалуй, отправлюсь в комнату — займусь штопаньем, — как-то быстро добавил Грешем, поднимаясь со своего места. — Спасибо за пряжу, учитель!

— Не за что! — откликнулся я, провожая глазами удаляющегося вампира.

— Вот мы и остались одни, старый гриб.

— Тебя ещё не клонит в сон?

— Ни капельки.

— Тогда подсаживайся поближе, полистаем дневник вместе.

— Хорошо.

Эмилия пододвинула свой стул вплотную к моему.

— Так-с! Я думаю, начнём с того, что...

Рука колдуньи легла на фолиант.

— Подожди, Калёб.

— Что?

— Я хочу шоколадный кекс.

— Прямо сейчас?

— Да, и пусть он будет полит сгущённым молоком!

— О, Вселенная!

— Да, да, иди и найди мне его.

— Я схожу на кухню, но если его там нет, то...

— И не забудь присовокупить к нему горячий чай, обязательно с лимоном, — перебила меня подруга.

— Грэххольм!

— Достань хоть из-под земли!

— Но...

— Ты у меня самый лучший, грибочек! — проворковала колдунья, повисая у меня плечах. — Ну, всё-всё, твоя кошечка ждёт подношений!

Иногда на Эмилию, что-то находит. Я называю это женским «вынь, да положи». Марципановые конфеты, бананы, зефир, клубника среди зимы, сыр с плесенью, черничное мороженное, анчоусы, солёные огурцы, варёные яйца аям чемани, тефтели, апельсины с корицей, медовые орехи, — да что угодно порой может стать предметом моих активных поисков. Считаю ли я себя подкаблучником или тряпкой, когда на всех парах несусь подруге то, что она хочет? Абсолютно нет. Ведь это Эмилия. Моя Эмилия. Моя... Я сделаю всё, чтобы она была счастлива, а она точно так же сделает это для меня. Помню, как-то я сильно заболел, и колдунья целый месяц не отходила от моей постели — таскала мне всякие вкусности, готовила целебные отвары, читала мне вслух скучные, по её мнению, книги... Она всегда заботится обо мне. Всегда... Когда только отдаёшь — это одно, а когда точно так же и принимаешь — это совсем другое. Это называется дружбой? То нарекают... Нет! Я не имею права так думать, пока мы находимся в постоянной опасности! Потом... как все закончиться. Обещаю, я скажу ей о том, как много мне стало понятно за последнее время...

В этот раз я пошёл к хозяйке «Золотой Кирки» без всякой надежды на успех. Вернее сказать, я переступил порог её кухни с намерением взять хотя бы чай, однако, к моему изумлению, помимо раскрасневшегося чайника на плите стоял ещё и самый настоящий шоколадный кекс! Видимо Эмилия случайно увидела, что стряпает повариха, и решила попросить кусочек для себя. При моём появлении женщина улыбнулась. Она сама пододвинула ко мне сдобу, на что я благодарно поклонился. Порезав кекс на ломтики, смазав его малиновым джемом (увы, сгущённого молока не оказалось), и налив кружку душистого зелёного чая с бергамотом, я вернулся обратно. Кроме гипсовых яков и сопящего Снурфа в зале никого не было. Эмилия ушла. Но почему? Поставив добытые яства на стол, я сел на прежнее место. Возле дневника Гугодуна лежало маленькое мармеладное сердечко. Я повертел его в руках, а затем положил в рот. Да, подруга, всю жизнь я только тем и занимался, что жевал да переваривал, жевал да переваривал... Дурак.

Дотронувшиеся до потёртой книги, пальцы, видимо существующие в такие моменты сами по себе, оборвали поток моих сентиментальных мыслей. Я сосредоточился и, отпив чаю, оглядел обложку. Некогда белая, она ныне пожелтела и обзавелась серыми пятнами. Мелкие трещины избороздили фолиант вдоль и поперёк. Очень старая вещь и к тому же уникальная. Осторожно открыв дневник, я принялся его листать. Как и предупреждал Дурнбад, передо мной замелькали вереницы древних символов. Лундулум в целом мне знаком, и я могу с грехом пополам кое-что в нём разобрать, но эти знаки, выведенные поблёкшими фиолетовыми чернилами, были далёким предком современной письменности гномов — что смотри, что не смотри, без словаря не переведёшь, возможно Бертран бы

справился, но не я. В самом конце дневника я обнаружил сложенную вчетверо карту Железных Гор. Именно ей когда-то пользовался Гугодун, чтобы вести Мальта по заснеженным кряжам. Я развернул находку. Так, точка по центру — это Трузд. От него тянутся выцветшие артерии-нити к важным городам гномов. Едва приметная линия, подписанная с боку «Малтус», обрамляла путь королевского посла зелёной подводкой. Проходя между скал со всевозможными нечитаемыми названиями, она дотягивалась аж до Абрикосового Моря, где делала крюк на север, но это уже неважно, потому что у самой кромки нарисованных волн мой мизинец застыл на острой иззубренной метке, похожей на меч. Скорее всего, это и есть Пик Смерти. Но если это так, то чтобы до него добраться потребуются месяц, а то и больше! Где взять это время? А холод? А лавины? А обрывы? Жуть! Как преодолеть такое расстояние и не погибнуть? Под залпы вопросов я откусил уголок шоколадного кекса.

Железные Горы коварны, и их ловушки могут поставить жирный крест на всём нашем предприятии. Впрочем, даже если откинуть непредсказуемость Судьбы, надо учесть ещё и то, что сказал Догараг — многие из этих голубых чёрточек-дорог разрушены, ведут в тупик или засыпаны камнем. Как знать тогда, какую из них выбрать, чтобы сэкономить утекающие в небытие недели и пройти к Эмириусу Клайну напрямик? Дурнбад подскажет? А вдруг ошибка? Она обойдётся нам ой, как дорого. Что же нам остаётся? Неужели загадочный и затерянный в веках Железный Путь — это путь единственный и верный? Но мне о нём ничегошеньки неизвестно! Нельзя сигать головой в омут, не зная его глубины! Потянувшись за кексом, я взял лишь крошки. Досадливо поглядев на пустую тарелку, я продолжил думать.

Тачанки? Что они из себя представляют? Гномы всегда тяготели к изобретениям, и вполне вероятно, что в Залах Странствий содержатся механизмы, способные развить невероятную скорость. Я почувствовал, как во мне просыпается научный интерес. Ну, правда, что мы потеряем, если туннели окажутся полностью затопленными? Максимум пару дней. А что выиграем, если предположить, что тачанки в рабочем состоянии? Месяц, а то и два! Они стоят того, чтобы попытаться!

Я закрыл дневник и, потормошив посвистывающего Снурфа, указал ему на лестницу.

— Пойдём наверх, мы с тобой спим там!

— Нит! Здефь сфи!

— Я не хочу ночевать на стуле.

— Пофему?

— Это вредно для осанки.

— Пофему?

— Потому что позвоночник искривляется.

— Нит!

— Что — нет? Пойдём, тебе говорю.

— Нит! Нит!

— Видишь вон ту швабру с грязной тряпкой?

— Даф!

— Если хозяйка харчевни наткнётся в темноте на дремлющего Снурфика, то, скорее всего она её схватит.

— Зафем?

— Чтобы пройти ей по панцирю Снурфика.

— Нит! Нельфя такф!

— Тогда пошли со мной. Я тебя, если что защищу и от швабры, и от тряпки.

Недовольно шипя, Снурф пополз следом за мной. Оказавшись в своей комнате, я сбросил сапоги на пол и улёгся на мягкую перину. Где-то над Труздом солнце совершило оборот, и в прошлое канули двадцать четыре часа. Пока секундная стрелка двигалась вперёд, мы освободили народ Караз от влияния Кувалды и обрели ключи, ведущие к Эмириусу Клайну. Не так и плохо! Надо лишь воспользоваться имеющейся информацией и совершить последний рывок, который освободит меня от пристального взгляда Вселенной. Чувство избранности берedit мне душу с того самого момента как я нашёл Пророчество Полного Круга. Маленький звоночек внутри меня цокает и цокает о неуязвимости, о предрешенности, и о восстановлении равновесия. Кто дёргает его? Кто опекает меня? Кто хранит от вездесущей Смерти? И кто показывает лазейки в непроходимых стенах? Вселенная? У неё нет разума, по крайней мере, такого, каким мы его себе представляем. Фундаментальные законы, неизменно действующие во всём Мироздании — вот, наверное, наиболее близкое описание, которое я могу дать её Сознанию. Вселенная не мыслит по-человечески, её суть — это вечная череда математических задач. Но иногда в задачах встречаются ошибки, и вот тогда укрытый на заднем плане малюсенький минус, худощавый плюс или крохотный множитель выделяется, пухнет и разрастается вширь. Изменяясь, формула, однако не прекращает искать значок, который вернёт ей стройность. Может я и есть тот самый значок, способный перечеркнуть минус, стереть плюс и вернуть преопределённое решение?

Засыпая, я улыбнулся в подушку — математика никогда не была моей сильной стороной.

Глава 19. Усатое полчище

Меня разбудил стук. Бам-бам-бам! Да кто хоть там? Скинув ноги с крохотной кровати, я заспешил открыть дверь, которую вовсю сотрясали быстрые короткие удары. На пороге стояла Эмилия.

— Ты что — решил полдня проспать? — с ходу начала моя подруга. — Мы уже все давно встали! Один ты, прохуdivшийся бурдюк, изволишь прибывать в объятиях грёз!

— И тебе доброе утро, — зевая, отозвался я. — Который сейчас час?

— Я не знаю, из моего окна плохо видны смены дня и ночи, — пожала плечами колдунья.

— Почему ты ушла вчера? Мне пришлось съесть твой кекс.

— Калев! Ты хотел, чтобы я осталась и перед сном умяла сладкую ватрушку? Серьёзно? Скажи на милость, как бы я потом в дверь смогла пролезть?

— Но ты же сама попросила её найти! Где логика?

— Нигде. Мы, девушки, странные создания.

Эмилия вдруг заинтересовалась картиной на стене.

— Кстати... ты видел мармеладное сердечко?

— Да.

— Оно было последним. Я хранила его с самого Шальха.

Я озадаченно посмотрел на спину колдуньи.

— И отдала мне?

— Было вкусно?

— Очень.

— Тогда немедленно принеси мне пакет такого же мармелада!

— Эмилия! Клянусь, тебе конец!

Я схватил подушку и попытался достать ей свою хохочущую подругу.

— Не поймаешь, не поймаешь!

— Ну, ты погоди!

Моё мягкое оружие всё-таки достало мягкое место Эмилии, когда она с визгом выбегала за дверь.

— Жду тебя внизу, мой мармеладный рыцарь! — донеслось из коридора.

Я улыбнулся и принялся приводить себя в божеский вид. Снурф между тем что-то шипел насчёт еды. Завтрак является основой основ, и мой питомец это отлично знает. Ох, и мой желудок тоже! Ну, зачем же так урчать? Бегу-бегу! Наскоро застегнув рубашку и напялив сапоги, я, обуреваемый голодом, вышел к друзьям. Поздоровавшись с ними, я налил себе крепкого кофе и положил в тарелку несколько глазков яичницы. Вкусненько! Иди сюда, Снурфи, вот тебе колбаска! Таракан принялся жевать, а я рассматривать Грешема. Его одежда сидела как влитая. Штаны по ноге, камзол по плечу, всё как надо!

— Слушай, да ты великолепно шьёшь! — сообщил я ему.

На бледных щеках вампира заиграла улыбка.

— Вы знаете, я ведь вчера так и не занялся штопкой белья. Пришёл и что-то подумал — а дай прилягу на полчаса. Закрыв глаза и всё тут — заснул, а когда проснулся, то увидел, что всё готово! Стежок к стежку! Да как аккуратно! Уверю вас, это магия! Может быть, в Трузде обитают какие-то добрые феи?

Дурнбад ощерился.

— Добрые феи? В Трузде? Ха!

— Помогающие хорошим вампирам? — добавил я, понимая, куда вечером не отведав кекса, ушла Эмилия. Конечно, и почему я только сразу не догадался? Ну, вот как бы Грешем зашил себе брюки? Да абы как! А я? Да и я бы точно так же справился. Мы мужчины — тяп-ляп-сойдёт. Колдунья по мере сил присматривает за нами, за что ей огромное спасибо!

— Смеётесь? — опечалился мой ученик. — Считаете, что я всё выдумываю?

— Вовсе нет, — отозвался я, поглядывая на смущённую Эмилию. — Одна из фей сидит прямо за этим столом.

— Это Серэнити, что ли, постаралась для него? — старейшина войны повернул голову к копне белых волос. — Вот так новость! А что ещё ты умеешь?

— Многое, — задумчиво ответила Великий инквизитор. — Я, разумеется, больше не хочу убить Грешема... однако латать дырки ему на грязных носках я тоже не собираюсь.

Я подмигнул Грешему.

— Дурнбад промазал. Надеюсь, ты хоть попадёшь.

— Эмилия, я очень признателен тебе! Даже не передать, как! — благодарно произнёс мой ученик, устремляя красные глаза на колдунью. — Ты, наверное, всю ночь корпела над моей одеждой!

— Я потратила не больше сорока минут, так что не переживай и носи на здоровье.

— Вот она — настоящая фея Трузда, — улыбнулся я, обнимая подругу за плечи.

— Маленькое заклинание в умелых девичьих руках творит чудеса, — ответила Эмилия, прижимаясь ко мне спиной.

— Я-то подумал, что ты сама, иголкой, как все обычные девушки!

— Калёб, я что, по-твоему, похожа на швейную машинку? Попробуй-ка ручную

обметать этот ворох тряпья!

— Бытовые чары! Это восхитительно! Ты станешь прекрасной супругой!

— Кому?

— Кому-нибудь.

— Ладно.

Эмилия натянула капюшон, отстранилась от меня, а затем ровным голосом осведомилась:

— Так что там с дневником? Тебе есть, что нам рассказать?

— Вообще-то да, есть, — серьёзно ответил я, разворачивая карту Гугодуна. — Мне кажется, я обнаружил Пик Смерти, Дурнбад, посмотри.

Я ткнул пальцем в бумагу.

— Прямо у Абрикосового Моря.

— Это он, — подтвердил старейшина войны, изучая руническую вязь над клинообразной отметиной. — А эта гора напротив него — город Яварх.

— А мы тут где? — спросил Грешем.

Дурнбад указал в центр Железных Гор.

— Здесь.

— Ничего себе! Как далеко!

— Уж не близко, — сумрачно согласился гном.

— Насколько быстро мы сможем достигнуть Абрикосового Моря? — поинтересовалась Серэнити.

Дурнбад поскрёб бороду.

— Отсюда? Зависит от многого.

— Бери в расчёт самый удачный расклад.

— Ну! Если бы у нас были под боком снежные барсы, не запорошённые и, самое главное, целые дороги, то навскидку я бы сказал — месяца полтора-два, а там как фишка ляжет.

— Кошмар, — ужаснулась Эмилия.

— И это ещё без учётов обвалов и лавин, потому что они и Будугай вещи неразрывные.

— Этот переход будет опаснее сотни разъярённых химер, — протянул Грешем.

— По-моему мнению, прежде чем отправляться покорять горы, нам надо попробовать добраться до тачанок и проверить в каком они состоянии, — изрёк я. — Кстати, Дурнбад, что из себя представляет Железный Путь? Поведай, что знаешь.

Старейшина войны засветился гордой улыбкой.

— О! Железный Путь! В седобородые века мои предки изобрели тележку. Пришедшая на смену мозолистому горбу, она сильно упростила перевозку руды, но не сделала её лёгкой. Тогда острый ум придумал рельсы — две балки с перемычкой, на них поставили тележку с вогнутыми колёсами. Сея модернизация продвинула наш народ намного вперёд. Недра непрерывно копались, и в один судьбоносный день шахтёры соседствующих кланов повстречались в прорытом туннеле — непосредственно с этого исторического момента берёт своё начало величайшая стройка моего народа. По велению короля Балдуина Объединителя гномы разных племён принялись целенаправленно долбить друг к другу ходы, которые снабжались укреплёнными рельсами и видоизменёнными тележками — тачанками. Многомильные подгорные коридоры Балдуин Объединитель окрестил Железным Путём. Первые запуски были неудачными — тачанки слетали с рельсов или разбивались о стену.

Однако со временем неполадки устранили, и между городами наладилось постоянное сообщение — Каменное Королевство вошло в пик своего расцвета.

— Рельфы, — прошипел Снурф, услышав новое неизведанное слово.

— Не понимаю. Каким образом тачанка катилась по рельсам? Кто её толкал? — спросила Серэнити.

— Вся соль в том, что ходы прорубались так, чтобы гном, путешествующий по Железному Пути, начинал свой собственный путь, скатываясь с крутого обрыва — тяжёлая тачанка набирала скорость под собственным весом, а затем неслась сквозь корни Будугая к нужному городу.

— Звучит не слишком надёжно. Держу пари, что пассажиры частенько вываливались за борт, — сказала Эмилия.

— Ну, а где несчастных случаев не бывает? — пророкотал Дурнбад. — От смерти никто не уберёжен.

— Ты не уточнил, как тормозит тачанка, — отметила великий инквизитор.

— И не уточню, потому что не знаю, — пожал плечами старейшина войны. — Я могу предположить, что мои предки прокладывали рельсы не просто так, а с учётом подземного ландшафта. Видимо тачанка сама останавливается, когда достигает положенного места.

— Даже если допустить, что Железный Путь Трузда каким-то чудом ещё не рассыпался в прах, то остаётся вопрос — как нам его достичь?

Серэнити посмотрела на меня.

— Тебе по силам что-то придумать, чтобы мы не захлебнулись в затопленных туннелях?

— Есть заклинание «Жидкого Дыхания», однако распространить его действие на нас на всех будет нелегко.

— Ты сможешь или нет?

— Мы сможем, — ответила за меня Эмилия. — В отличие от левитации, чары «Жидкого Дыхания» у меня получаются отлично. Я и Калёб разделим нагрузку пополам. Я, например, возьму на себя Дурнбада, Мурчика и Снурфа, а он тебя и Грешема.

— Хороший план! Вдвоём мы справимся играючи! — одобрил я.

— А как быть с вещами, оружием и мной? — спросил Грешем. — Надеюсь, вы забыли, что я не умею плавать!

Я постучал пальцами по кружке.

— Вероятно, настал тот знаменательный час, когда тебе волей-неволей придётся научиться перебирать руками под водой.

— Мне кажется, я знаю, как быть с вещами, — протянула Эмилия. — Заклинание «Щита».

— Причём здесь заклинания «Щита»?

— Ты ещё не дослушал, милый, а уже натягиваешь на лицо кислую мину, — попеняла мне подруга. — Ты или я создадим вокруг сумок защитное поле, ну на подобие того, что огородило нас от стрел Братства Света.

— Если мы станем расходовать силу воли на подобную энергозатратную глупость, то на «Жидкое Дыхание» нас не хватит.

— Хватит. Надо просто сделать защитное поле очень слабым, таким чтобы внутрь него не попадала вода.

Колдунья обвела ложкой по каёмке моей кружки.

— Это будет воздушный пузырь, который поплывёт следом за нами.

— В принципе эта идея ничем не хуже других, — согласился я не без сомнения в голосе.

Грешем поскрёб длинными когтями по ладони.

— Так и что? Спускаемся в Залы Странствий?

— Всегда мечтал посмотреть на тачанки, — откликнулся старейшина войны. — Я — за.

— Я тоже.

Серэнити обвела нас льдистыми глазами.

— Я так понимаю, возражений не будет? Тогда дело за малым — пополним запасы еды и — вперёд. Дурнбад, попросишь нашу хозяйку об этом одолжении?

— Положись на меня.

— Только не проси сухари! Вдруг заклинание порвётся, и они размокнут!

Мой голос прозвучал несколько капризно.

— Ничего там не порвётся, тебе просто надоело их грызть, — засмеялась Эмилия. — Вот же нежный грибок попался! Не нравится ему жевать чёрствый хлеб!

— Может, и так! — не стал юлить я. — Давайте собираться!

Услышав от Дурнбада, что наша компания уходит, женщина не стала скрывать облегчённой улыбки. Больше её сердце не будет колотиться от страха, а клыкастый Грешем останется лишь полузабытым воспоминанием. Набив наши мешки разнообразной снедью, хозяйка помахала нам на прощанье белым платочком. Мы покинули «Золотую Кирку» и направились на Трон, Горн, Звон, Сон, Торг. Миновав заставу, наша неустрашимая семёрка беспрепятственно добралась до центральной лестницы и стала спускаться вниз. Несколько раз нам попадались гномы, не знаю, были ли то бандиты или мирные жители, но никто из них вступать в драку не захотел. Придерживая бороды руками, они разбегались словно мыши, пытаясь спрятаться от нас в любом укромном месте. Следуя указаниям Догарага, мы достигли третьего уровня, а в нём — Садов Симметрии, этаким величавый парк под бессолнечным куполом горы. Многие растения и мхи на его аллеях фосфоресцировали пурпурными и оранжевыми цветами. Эмилия полезла к приглянувшемуся ей папоротнику, но я её осёк — не до ботаники сейчас.

За увитыми плющом колоннадами обнаружился Выверт Дзоля — гигантская воронка, нисходящая по окружности в глубины Трузда. Наступая на гладкие порожки, я потерял счёт времени. Ярус сменялся ярусом, однако прорубленные уступы всё не заканчивались. Мне казалось, что Выверт Дзоля будет тянуться бесконечно. Повсюду висели паучьи сети и чем ниже мы опускались, тем толще становились их нити и грандиознее узор. Когда последний раз здесь ступала нога гнома? Наверное, ещё до моего рождения. Постепенно воздух из свежего и прохладного превращался в спёртый и горячий. У меня на лбу выступил пот. Что же это так жарит? А что вообще может жарить в корневищах гор? Магма. Вероятно, где-то поблизости проходят каналы, по которым течёт природная кровь земли. Неужели под Труздом спит вулкан? Жаль, что я лишён возможности подтвердить свою догадку! Эх, время, время, сколько открытий ты не дало мне совершить из-за постоянной беготни! Виток, ещё виток, последняя ступенька! В неярком свете магических шаров мы пошли по заброшенным улицам столицы клана Караз. Дойдя до площади с восьмью ответвлениями, Дурнбад счистил пыль с медной таблички указателя. Нужная нам стрелка показывала вправо. Двинувшись в заданном направлении, мы оставили позади множество домов, а после упёрлись в проход, над которым прямо в камне были выбиты руны.

Здесь начинались выработанные рудники гномов. Мы сделали привал и перекусили.

Говорить никому не хотелось и поэтому тишину нарушало только эхо неустанно падающей в отдалении капли. Немного погодя наша компания углубилась в темноту коридора. Часто убирая голову от свисающих с потолка сталактитов, я полуприсядью двигался по кривому и низкому лабиринту Трузда. Уверен, что до Залов Странствий некогда имелся более приемлемый путь, но Догараг либо его не знал, либо не стал открывать. Ощутимо хлопнувшись носом о притаившийся в тени сталактит, я решил создать несколько дополнительных шариков света. Когда мой сапог зачавкал по мокрому полу, я понял, что мы близки к своей цели. Прохладная вода облизывала нам пятки, пока коридор резко не ушёл под откос — здесь, в хтоническом тысячелетнем провале принявшим в своё лоно застывшую Алмазницу, начнётся наш заплыв к Железному Пути и его тачанкам. Остановившись, я, овеянный хороводом теней и таинственных горных вибраций, стал концентрироваться для вызова заклинания. Само по себе «Жидкое Дыхание» не требует постоянного энергетического контроля — наложенная магия действует минут десять, однако если эффект необходимо обратить на кого-то ещё, то тут в игру вступают другие законы — реснички-нити, исходящие из колдующего, будут нуждаться в непрерывной силовой подпитке. Смежив веки, я представил, как серебристой рыбкой скольжу в тёмных водах рудника — в них хорошо, в них покойно и уютно. Настраивая силу воли на лёгкие, я ощутил знакомое жжение. Всё — я готов погрузиться в Алмазницу. Настала очередь Грешема и Серэнити. Прикоснувшись к друзьям кончиками пальцев, я связал их со своей внутренней энергией. Изумлённые глаза великого инквизитора лучше всяких слов сказали мне, что заклинание стало действовать. Эмилия, уже успевшая оплести чарами Мурчика и Снурфа, положила руку на грудь Дурнбаду. Едва шевеля губами, она накладывала на гнома своё колдовство. Пока моя подруга занималась старейшиной войны, я обволакивал наше снаряжение и оружие тонким магическим пузырьём. Когда края едва мерцающего круга сомкнулись, я мысленно потянул его на себя. Плюх-плюх! Вещи сухие и не тонут! Шикарно придумано, Эмилия!

— Вот и все, — объявил я. — К каждому из вас я прикреплю шарик света — он поможет нам не потерять друг друга из вида и ориентироваться в непроглядной тьме.

Я положил мокрые руки на спину Снурфа, притаившегося возле Эмилии.

— Теперь спуститесь в воду и вдохните её в себя. Постарайтесь сделать это резко — так вам не покажется, что вы захлёбываетесь. Сразу предупреждаю — приятного в этой процедуре мало. Снурфи сейчас первым покажет, как любит претвориться жуком-плавунцом.

Рывком я стащил ошарашенного таракана в воду и надавил на панцирь. Барахтаясь и извиваясь, Снурф больно цапнул меня за лодыжку. Стиснув зубы, чтобы не закричать я отпустил его только тогда, когда он успокоился и как ни в чём не бывало зашевелил усиками.

— Выглядело это так, словно ты решил его утопить, — язвительно сказала Серэнити, бесшумно входя в водную гладь. — Увидимся на том берегу, если он, конечно, там есть.

И прежде, чем я успел что-то ответить, великий инквизитор нырнула и заскользила вперёд. Каскад белых волос подобно электрическим разрядам ушёл за ней следом.

— Надеюсь, мой молот не заржавеет после коротенькой ванны, — хмыкнул Дурнбад, макая бороду в воду.

— Не беспокойся, ни одна капля не проберётся к нему.

— Предупреждаю, если что, тебе придётся вернуться в Зарамзарат и достать мне точно

такой же!

— Хорошо.

— Ох, уж мне эта магия! — проворчал гном, окончательно погружаясь с головой.

— Грешем, — обратился я к своему нерешительно перетаптывающемуся ученику, — сама Вселенная предоставляет тебе отличную возможность наконец научиться плавать. Суть проста. Вытягиваешься всем телом в струнку, а затем начинаешь мерно перебирать ногами — так, как будто бы шагаешь, только лёжа на животе. Руки здесь играют ключевую роль. Выверни ладони и отталкивай ими воду в разные стороны. Движения должны исходить ото лба — влево и вправо. Плавно. Вот так. Когда почувствуешь, что стало получаться, выбери для себя оптимальный темп. Не торопись, экономя силы и не нервничай, я буду неподалёку.

Я хлопнул вампира по плечу.

— Желаю удачи!

— Попробую воспользоваться вашими советами на практике, — вздохнул Грешем.

— Не дрейфь!

Кинув на меня взгляд полный скептицизма, мой ученик опустил в омут затопленной шахты. Делая беспорядочные взмахи руками и ногами, он, в конце концов, выровнялся и стал грести за отдаляющимися друзьями. Ну и ну! Не думал, что у него так быстро получится! Вот же молодец! Благосклонно кивая, я повернулся к Эмилии, которая вела ожесточённую борьбу со своим мохнатым фамильяром. Дело в том, что Мурчик ни в какую не хотел мочить лапки в затхлой жиже. Кот шипел и мяукал, а также периодически награждал мою подругу острыми когтями. Вся основательно поцарапанная, Эмилия попросила меня подсобить. Общими усилиями мы скрутили извивающегося Мурчика и опустили его морду под воду. Мощные задние лапы больно заскребли по моим бёдрам и локтям. Ну, зачем же ты рвёшь мне штаны и куртку? Думаешь, хозяйка зашьёт? Кот долго не хотел сдаваться. Он потчевал нас все новыми ранами и кровавыми бороздами. Однако в один момент наша взяла вверх. Мурчик обмяк и сам шмыгнул под воду. На дне он примостился подле замершего Снурфа. Мы с Эмилией переглянулись. Поклонившись не хуже вышколенного камердинера, я пропустил подругу вперёд себя. Закатив глаза, колдунья шумно захлопала навстречу подводному путешествию. Она прыгнула так, чтобы непременно меня обрызгать. Шалунья! Ну что же? Я остался последний. Сев на корточки, я всецело оказался в водах Алмазницы. Перед глазами стояли мутные очертания шахты. Я выпустил весь имеющийся во мне воздух, секунду помедлил, а потом втянул носом жидкость. Лёгкие загорелись, как будто в них налили кипящего огня. Ох, как я этого не люблю! На миг мне показалось, что я вот-вот потеряю сознание, но этого не случилось — заклинание работало как надо. Сделав пару-тройку взмахов руками, я ощутил, как за мной тянется заколдованный пузырь. Оказалось, что плыть и одновременно тащить пожитки совсем нетяжело. Так-так, а где же мой баловник? Я оглядел пол. Снурф перебрался к обломкам камней и затаился среди них. Двигаться дальше он никуда не хотел, видимо дурачок подумал, что теперь будет жить под водой. Как бы ни так! Я поймал таракана за усы и повлёк за собой.

Фут за футом я опускался всё глубже и глубже. Темнота и семь тусклых пятен света. Вдруг мной овладел страх, что энергия, разделённая на троих человек и вещи, уходит из меня слишком быстро. Разволновавшись, я принялся ускоряться. Конечно, это одна из самых непростительных ошибок. Удерживая заклинание нельзя совершать резких движений и уж тем более переживать — в противном случае концентрация нарушится, а это в свою очередь приведёт к печальным последствиям. Человек должен без остатка отдаваться магической

опеке, только так и никак иначе он сможет удерживать власть над установленными им чарами. Я перестал бултыхаться и попробовал расслабиться. Помогло. Сердце до этого бешено стучавшее, стало потихоньку приходить в свой естественный ритм. Моя внутренняя сила обрела твёрдость, и я продолжил движение. Пристроившись чуть позади Грешема, я подивился тому, как он с каждой минутой всё увереннее овладевал плаванием, похожим даже на какой-то стиль. Хлоп-хлоп-хлоп — загребали бледные руки. Вампир стал потихоньку догонять Эмилию. Конечно, имея рельефную мускулатуру, он не обогнал нас всех лишь потому, что ещё толком не приноровился к непривычному для себя виду перемещения.

Достигнув самого низа погребённых под Алмазницей рудников, я обнаружил зависшего в воде Дурнбада. В голове промелькнула мысль, что заклинание перестало действовать, и гном утонул. Предчувствуя ужасную беду, я стремглав оказался возле него. Нет, гном был жив — он просто остановился посмотреть на окислившуюся табличку указателя. Борода Дурнбада смешно парила, напоминая щупальца осьминога. Неуклюже развернувшись ко мне лицом и ткнув пальцем в ответвление коридора, старейшина войны пробарахтался в узкий проём. Теперь наша дорога пошла вверх и это не могло меня не радовать. Однако радость вскоре уступила место истощению. Десять, двадцать минут, о Вселенная, целая вечность! Я так устал держать нити колдовства, что едва шевелил ослабевшими ногами. Во мне стало нешуточно зреть желание снять выматывающую магическую опеку — не обрубить ли кислород друзьям, чтобы спасти себя? Я очень захотел это сделать. Я же не железный... Паника. Я держусь. Держусь. Может, хотя бы они доберутся, но не я... Перед глазами появился шарик света. Чьи это белоснежные очертания? Серэнити? Великий инквизитор продела руку под мой локоть. Она потащила меня ввысь. Я перестал предпринимать хоть какие-то усилия к самостоятельному передвижению и положился на неё. Моего плеча коснулись иглы. словно во сне я повернул голову и увидел, что Грешем пристроился справа от меня. Видимо он собирался помочь Серэнити волочить её ношу.

Как мы выбрались к поверхности, я не помню. Я раздал всю энергию. Всю до последней крупинки. Но я справился! Да! Справился! Мы преодолели затопленный участок выработанных шахт! Голова страшно болела, во рту стоял привкус чего-то отвратного. Меня затошнило. Вода высвободилась из закутков моего желудка. Я потерял сознание и очнулся уже на коленях Эмилии. Людвирбинг неярко освещал мокрый пол серого камня.

— Все целы? — услышал я свой сиплый голос.

Липкие пряди волос коснулись моего подбородка, тонкая рука легла на лоб.

— Тебе нужен отдых, — тихо проговорила Эмилия.

— Вы уже разведали обстановку? — спросил я, приподнимая голову с бёдер подруги. —

Что вокруг нас?

Приглушённый бас гнома прозвучал откуда-то справа.

— Без твоих светляков нам ничего не видать. Как придёшь в себя, то зажги парочку.

— Я..., да, дайте мне пару минут, и тут станет светло, как в храме Ураха, — откликнулся я, внимая к дрожи своего тела. Энергия постепенно возвращалась ко мне.

— Не богохульствуй!

— Да, прости, Серэнити.

Я вновь откинулся на сырое платье колдуньи.

— Как ты себя чувствуешь, Эмилия?

— Лучше, чем ты. Мы с тобой совершили ошибку.

— Какую?

— А такую: мы забыли, что выпитое когда-то мною зелье усиливает воздействие магии и облегчает её творение. Это мне надо было взять под контроль вещи, Серэнити и Грешема, а тебе оставить Дурнбада и фамильяров. Перегруз вышел явно не в твою пользу.

— Уверен, что ты всё помнила! — закашлявшись, обвинил я подругу. — Я чуть не потонул в вонючей воде!

Мои щёки обхватили пять холодных пальцев.

— И что? Я в этом виновата?! Знаешь, как я испугалась, Калерб, когда выбралась сюда и поняла, что ты всё ещё там?!

Я хотел ответить, но пальцы крепко держали мой подбородок.

— Я ринулась обратно, однако не успела — тебя уже вытащили.

— Эмили...

— Ты что думаешь, я нарочно взяла на себя кого полегче, а тебе скинула кого потяжелее?! Ты всегда был сильнее меня в магии!

На моё веко упала капелька.

— Ты говоришь, что я помнила, но это неправда! Я бы не за что в жизни так не поступила...

Моя подруга разрыдалась.

Ну вот, зачем я вначале говорю, а потом думаю? Совершенно незаслуженно довёл до слёз самого дорого мне человека. Ну, кто я после этого? Свинья!

— Плохо вы о ней... — попрекнул меня Грешем.

Я оторвал руку колдуньи от своего рта.

— Эмилия, солнышко, я не то хотел сказать...

— То! Ты считаешь, что я умышленно не позаботилась о тебе!

— Нет же! Клянусь, нет! Послушай, я опять сморозил глупость!

— Вот именно, что опять!

— Эмилия, прости меня! Кто-кто, а ты уже тысячу раз доказала мне, что я тебе небезразличен!

— А ты только и можешь, что ругаться и не замечать этого!

Я прижался лицом к животу подруги.

— Нет, я всё вижу, просто язык мой — враг мой.

— Я — твой враг!

— Ты — мой друг и даже больше...

— Больше?

Слезы Эмилии прекратились.

— Ты сказал «больше»?

— Да, сказал.

— И кто я для тебя?

О, Вселенная, я очень хотел произнести..., но не мог. Почему? Возможно, потому что раньше я никогда не придавал особого смысла этому слову, а сейчас оно обрело для меня совершенно иной окрас. Не пойми где, не пойми в чём, не подготовившись, нет... К тому же я не знаю, как она воспримет моё откровение. Вдруг отвергнет? И что тогда? Дружба закончится, и на её осколках будет царить вечная боль? Я не могу этого допустить. Нет, я должен... удостовериться, что я тоже для неё что-то значу. Что я больше, чем друг. Только как мне прощупать почву, чтобы она меня не заподозрила? Я для Эмилии открытая книга,

поэтому придётся как-то изворачиваться...

— Ты всё для меня.

— Что это значит, старый гриб?! Объяснись немедленно!

Такого требовательного повеления я давненько не слыхивал из уст моей подруги. Уж не вложила ли она в него колдовство? Право, я чуть не выплеснул все чувства...

— Не сегодня! — выдавил я, кое-как отстраняясь от Эмилии.

— Не знаю о чём вы, но мне кажется, что если ты продолжишь на него давить, то он лопнет. Причём не словесно, — пробасил Дурнбад.

— Да, наверное.

В интонации колдуньи запрыгали тёплые нотки.

— Ты правильно говоришь, дорогой, — не сегодня, но скоро... Я поняла.

— Что ты поняла? — спросил я с учащённым сердцебиением.

— Поняла, что ты, старый мухомор, снова меня обидел.

— Эмилия...

— Я тебя прощаю.

Я облегчённо выдохнул. Ходить по лезвию ножа не простая задача — она чуть не раскусила меня.

— Спасибо! Впредь я так больше не буду!

— Да уж конечно!

— Если вы покончили с выяснением отношений, то давайте перейдём к делам насущным, — вклинилась Серэнити.

— К тому, что мы переправились и готовы действовать? — осведомился Дурнбад.

— Именно, — подтвердила Великий инквизитор. — Теперь надо отыскать тачанки.

— Посмотрим на них, и, если они не работают, поплывём обратно, — вставил Грешем.

— Я смотрю, тебе понравилось плавать, — мрачно заметил я. — Очень надеюсь, что Железный Путь всё ещё функционирует, и нам не придётся вновь пробираться по затопленным туннелям.

— А потом лезть в ледяные горы, — добавил вампир.

— Как метко ты нынче обнажаешь неприятные факты, — проворчал я.

— Просто стараюсь быть похожим на вас, — со смешком откликнулся мой ученик.

Я рассмеялся.

— А я-то голову ломал, что за негодяй наставляет тебя на путь сарказма!

— Вы, вы!

— Грешем! Не переигрывай!

— Весомое замечание. Везде должна быть золотая середина, — напущено серьёзно согласился вампир.

— В шутках так особенно!

— Ещё бы! Помните, как вы немного перегнули с заклинанием «Заикания» и Катуб...

— Ну, сейчас они начнут припоминать, как и какой зомби икал мыльными пузырями, — простонала Эмилия. — Мальчики, вам сколько лет? Десять?

— Одиннадцать! А тебе девочка?

— Девять!

Мы дружно расхохотались.

Собравшись с силами, я вызвал вначале один пурпурный шарик, а потом ещё два — зелёный и оранжевый. На большее меня пока не хватило. Теперь, когда свет заструился по

стенам, мы смогли распаковать сумки и подкрепиться. Разделавшись с кусочком запечённого мяса и ломтиком душистого хлеба, я попросил Серэнити обработать порезы, доставшиеся от когтей Мурчика. Кот сидел на руках у колдуньи и, как ни в чем не бывало, лизал лапку. Всем своим видом он говорил — вы сами меня спровоцировали.

— Тебе повезло, что у меня есть привычка оборачиваться назад. Я заметила, как ты собрался отдать душу Урагу, и поспешила на помощь, — сказала Серэнити, врачую неглубокие, но саднящие раны. — Когда находишься под водой, время идёт на секунды. Хорошо, что плыть оставалось недолго.

— Спасибо!

Я оглядел стянувшиеся полоски шрамов.

— Как ты думаешь, если бы я утонул, Урах принял бы меня в Мир Света?

Глаза Великого инквизитора налились сталью.

— Мир Света закрыт для тебя на все замки.

— Совсем?

— Нет... Лучик надежды всё ещё пробивается сквозь замочную скважину...

Серэнити впала в раздумья.

— Я видела, сколько тебе пришлось пережить во имя Всеотца и поэтому... Я... Я буду молиться о том, чтобы, когда ты умер, Урах сжалился над тобой и не обрекал бы на вечную муку Мира Тьмы. Возможно, ты заслуживаешь обновления... Бог Света всемилостив — найди сквозь черноту своей души дорогу к нему — раскайся, и он простит тебя. Его прощение станет для тебя величайшим даром — через многовековые мытарства в его чистилище ты обретёшь новую, чистую, незапятнанную жизнь. Ты родишься вновь, и у тебя появится второй шанс стать иным, светлым. Откинув нечестивую практику, преступное долголетие и ночь разума, ты выйдешь в день, на закате которого тебя будет ждать Мир Света.

— Попробую пока в этой жизни собрать побольше добрых дел, — улыбнулся я. — Вдруг потом многовековые мытарства сменятся на многомесячные.

— Подход правильный, — одобрила Великий инквизитор. — Но я сильно сомневаюсь, что ты сможешь искупить все свои грехи в этом облики. Нет. Ты слишком грязный.

— Эй! Ты тоже, знаешь ли, давно не орхидея!

— Я образно.

— Ладно. Спасибо, что теперь не считаешь меня полностью пропавшим.

— Не благодари. Я — за справедливость.

Отдохнув, взвалив сумки на плечи и подпоясавшись оружием, мы двинулись по неприветливым коридорам рудника. Часто под ногами попадались старые проржавевшие кирки и мотыги. Кое-где валялись обломки необработанной руды, скорее всего, серебряной. Воздух был влажным и давно застоявшимся. Перебирая лапками, Снурф беспрерывно чихал, отчего его усы смешно подрагивали. Наша компания достигла развилки без каких-либо опознавательных знаков. Все призадумались. Куда идти дальше? Конечно, можно довериться удаче и пойти наугад, но смысла в этом мало. Дурнбад чесал бороду и водил глазами от одного прохода к другому. Принюхавшись, гном наконец объявил, что ему кажется будто бы с левой стороны воздух менее затхлый, и, вероятно, что проследовав туда, мы выйдем к тачанкам. Начертая крест над облупившейся аркой, я на всякий случай отметил, что мы здесь побывали. Предусмотрительность не повредит! Выработки гномов ветвисты, можно в два счета запутаться в лабиринте их ходов и больше никогда не увидеть дневной свет.

Я топал, сильно пригнувшись. Народ Караз строил шахты, исходя из своего роста, и уж никак не из роста людей. очередной раз, приложившись макушкой об шероховатый потолок, я вдруг ощутил, как по моим венам разливается едкая тревога. На меня нахлынул испуг замкнутого пространства. Клаустрофобия! Ты хоть откуда появилась во мне?! Ноги подкосились, а ладони сделались влажными. Ой-ой-ой! Я нахожусь глубоко-глубоко под землёй, и существует большая вероятность того, что наша компания может потеряться в древнем руднике или не найти из него выхода! Вся мощь гор навалила на мои плечи, заставляя сесть и не двигаться. Меня раздавит! Да, вот прямо, как коровью лепёшку лопатой скотника! Сглотнув вязкий комочек слюны, я принялся бороться с заставшим меня врасплох страхом.

— Дыши, Калёб, дыши! Ты здесь из-за тачанок! — шёпотом уговаривал я себя.

Когда всеми силами сосредотачиваешься на чем-то одном, другие мысли волей-неволей отступают на второй план. Спустя оборот секундной стрелки боязнь покинула дрожащие лодыжки, и я снова двинулся вперёд. По моим подсчётам мы шли уже не меньше часа, когда у меня под сапогом что-то хрустнуло. Склонившись, я поднял осколки трухлявого черепа: а вот это уже не к добру. Рассказав друзьям о находке, я попросил всех удвоить бдительность. Хотя чего нам опасаться? Я излишне мнителен? Пыльную простыню здесь нарушаем только мы. Длинный изгиб грубой плитки неожиданно привёл нас к тупику. Из-под наваленной груды камней торчало несколько скелетов в шахтёрских касках — видимо обвал застал бедолаг совсем не вовремя. Наверное, очень грустно обрести могилу в таком месте.

Посоветовавшись, наша компания разместились на привал. Я уселся неподалёку от истлевших останков и облокотился на стену. Хотелось есть и спать. Сколько мы уже бродим по этим низким катакомбам? На всякий пожарный случай было решено выставить часовых — Серэнити заявила, что у неё нехорошее предчувствие, и я разделял её ощущения — уж больно всё тихо вокруг, всё нетронуто и слишком спокойно.

Первой, вопреки обыкновению, нести вахту вызвалась Эмилия. Пожелав всем приятных сновидений, она удобно устроилась на пологий камень и уставилась во тьму. Одежда мы с собой не взяли — они объёмные, могли при подводном переходе перенапрячь энергетическую связь. Предполагалось, что если мы не сможем найти тачанки, то перед походом в горы заберём их из «Золотой Кирки». Я сжался и обхватил тёплого Снурфа двумя руками. На заметку: прижатый к груди таракан отлично сушит сырую одежду и согревает продрогшую кожу. Подложив под голову сумку, я закрыл глаза. Поддерживать магический свет в грёзах я не умел, и поэтому, как только они овладели мной, шахта тут же погрузилась в сумерки, отделяющие их от ночи только посохом моей подруги. Правда, я этого не увидел. Разбудила меня крепкая мозолистая ладонь, привыкшая часто держать оружие. Нависшая борода произвольно пощекотала мне ноздри. Потерев нос, я встал и естественно со всего размаху ударился темечком об потолок. Перед глазами заплясали оранжевые искры. Ух, как же больно! Охая и держась за макушку, я расположился на том же камне, что и Эмилия. В моей перчатке затрепетал красный шарик. Чтобы не слепить никому глаза, я повелел ему мерцать в четверть силы. Я зевнул и поёжился. Как скоротать час дежурства? Пороюсь, пожалуй, в сумке — уж очень давненько я в неё не заглядывал. Она была тяжёлой, и я собирался избавиться от части ненужных вещей, которые гнули мне позвоночник. У волшебников всегда так — понаберём чего не попадая и таскаем с собой, пока лямки отрываться не начнут.

Итак, что же такого у меня в ней лежит? Сверху — дневник Гугодуна. Отложив его в

сторону, я принялся вынимать остальное барахло, вот какое: фолиант с Пророчеством Полного Круга из библиотеки Шальха, увесистый том «О Железных Горах и о населяющих их гномах» от скрупулёзного Мальта, сломанный Ночь Всех Усопших, книга «Прикладная магия. От новичка до мастера» — я не открывал её с самого Шато. В ней описываются базовые заклинания и кое-какие серьёзные ритуалы, большинство из которых на пустых страницах дописал лично я. Возможно, когда-нибудь она будет принадлежать Грешему. Продолжив рыться в многочисленных кожаных карманах, я извлёк: флягу, остатки орехов, кинжал гномов, взятый как сувенир из логова мародёров, и четыре пузырька с зельями. Чем я руководствовался, беря с собой в путешествие настой для улучшения пищеварения? Ах да, я же думал, что это будет непринуждённая прогулка до королевского двора и обратно. Мои пальцы коснулись продолговатого предмета и овала — ступка и пестик — их я точно выложу. Эмилии они не пригодятся, так как она приобрела собственные на Толкучке, а я вряд ли захочу воспользоваться ими завтра или послезавтра. На самом дне сумки покоились два свёртка: в одном было Узилище Ярости, а в другом Хиловиса — веточка таинственного дерева. Аккуратно положив их на книги, я, взявшись за края опустошённой котомки, вытряхнул на землю размоловшиеся в порошок «Пальцы Грешников». Ныне безвозвратно испорченные, эти корешки, от так называемого Греховного Кедра, являются обязательной составляющей ко многим заживляющим настоям. Жаль, что они потеряли свою целостность — можно было бы отдать их Эмилии. Ну да ладно.

Я притянул к себе Хиловису и развернул обмотанную вокруг неё тряпицу. Узловатый кусочек дерева в пол фута длиной казался живым, только что оторванным от ствола. Я случайно купил его на Беломраморном Форуме города-центра Карака — Ильварете у одного старого и обнищавшего вояки с татуировкой кабана на плече — отличительным знаком войск западной провинции. Когда же это было? Лет эдак... тогда Манфред Второй ещё в ползунках ходил, а правил его батюшка Клакацин Тёмный. Дряхлый вояка уверял, что Хиловиса дорога ему как память и он бы ни за что не продал её кабы не нужда-поганка. От него изрядно разило виски, и я предложил ему обменять «его память» на парочку бутылок «забвения». Мы пожали руки, и я забрал приобретение с небольшим, но красочным рассказом, который шёл к нему в подарок. Дословно не помню, только общую суть — в молодости он был бравым воином и не кем-нибудь, а капитаном! После череды нападений безволосых обезьян на мелкие приграничные деревеньки наместник Карака приказал ему и ещё трём офицерам организовать ответную вылазку в Великий Лес. Все шло хорошо, обезьян застали врасплох в том месте, что и планировалось. Дали бой и погнали обезумевших от страха живорезов вглубь чащобы. Однако азарт сыграл с рыцарями дурную шутку. Благосклонный лик победы преобразился в оскаленную гримасу поражения. Уж слишком далеко они зашли в зелёный высокоствольник. Их окружили оморы — завсегдатаи союзники безволосых обезьян. Трое из четырёх капитанов пали, а мой рассказчик сплотил выживших солдат и благоразумно дал дёру. Каким-то чудом, выбравшись на опушку Великого Леса, он увидел, что к его коню прицепился труп омора — шамана. Вроде бы и что такого? А вот нет. У шамана через плечо висел футляр с затейливой вязью, которая под пристальным взглядом сложилась в слово — Хиловиса. Как предполагал вояка, его рыцари, вероятно, наткнулись на отряд оморов, сопровождавший некую реликвию, которая по воле случая попала к нему в руки. Чтобы не искушать судьбу погоней, он заложил Хиловису за пазуху, а потом кинул раскрытый футляр подле коченеющего шамана — мол, содержимое вывалилось по дороге. По возвращению домой его приставили к награде «За храбрость», а странная диковинка

заняла почётное место в серванте — как дань уважения тому сумасшедшему дню. «Наверняка отставной капитан чуть-чуть приукрасил свою басню, ну а мне-то что с того? Главное, что Хиловиса действительно обладает какой-то неуловимой магической составляющей. «Может, мне повезло, и это — волшебная палочка?» — подумал я тогда. Однако ошибся. В загадочной деревяшке не было заряда или он иссяк. Я закинул Хиловису на антресоль, пообещав себе в свободную минутку покопаться в её тайне, и как-то у меня водится — благополучно позабыл. И вот, собираясь с Грешемом в дорогу, зомби напомнил мне о ней. Я взял Хиловису, чтобы показать её Альфонсо Дельторо. Альфонсо мой друг живущий в Энгибаре, священной роще друидов и рейнджеров близ Шальха. Он, Эмилия Грэхольм и Бертран Валуа — мои самые родные люди. Вместе со мной их трио образует «Грозную Четвёрку». Альфонсо Дельторо прекрасно разбирается в необычных почках, цветочках и саженцах. Когда-то он исходил много троп в Великом Лесу, и я надеялся, что его знания помогут мне раскрыть секрет неувядающей Хиловисы. Увы, из-за того, что в столице всё так закрутилось, я не смог повидать закадычного приятеля, и распутывание загадки вновь отложилось на потом.

Обведя глазами разложенные вещи, я принялся укладывать их обратно. Попрошавшись со ступкой и пестиком, с зельями и книгой Мальта, я взвесил похудевшую сумку на вытянутой руке. Значительно легче! Теперь её можно заново набивать невесть чем! Как только я закончил разбираться со своим имуществом, мне показалось, что я слышу знакомый скрежет. Повернув голову к Снурфу, я увидел, что он спит, прижавшись бочком к Грешему. Тогда вот логичный вопрос — кто издаёт этот звук? Я затаил дыхание и прислушался получше. Шум исходил из стены за моей спиной. Приложив ухо к холодной поверхности, я уловил отдалённые постукивания твёрдых ножек. Тараканы... Ну кто же ещё? Родственники Снурфа облюбовали покинутый ярус Трузда. Беда, беда... В малых количествах и на открытой местности тараканы не представляют серьёзной угрозы. Однако если оказаться в логове этих огромных насекомых, то ничего, кроме смерти, в нём найти будет нельзя. У Снурфа острые зубки и мощные лапки — его соплеменники выглядят точно так же. Снурф любит мышей, рыбу и мелкую дичь, но почему бы тараканам, обитающим здесь, не отведать мяса понежнее? Меня прошиб холодный пот. Встретиться лицом к лицу с выводком голодных тараканов меня совсем не прельщало! Я постарался разбудить друзей как можно тише. В двух словах рассказав о своих подозрениях, я, а следом и все остальные, покинули заваленный проход. Никто из нас не хотел быть съеденным. В полумраке я видел, как хмурится Дурнбад. Он держал молот в боевой готовности, собираясь размазать им любого, кто посмеет на него накинуться. Без препятствий мы добрались до развилки, где я оставил начерченный известняком крест. Какой коридор выбрать? Тот или этот? Перейдя в смежное ответвление, мы напряжённо зашагали вперёд. Царапанья усиливались, и это меня пугало. Усы у ползущего рядом со мной Снурфа слегка подёргивались. Он был возбуждён и издавал несвойственные ему чириканья и скрипы.

— Ты что это так разнервничался? Чувствуешь свою родню? — спросил я на ходу.

— Даф!

— Они близко?

— Блифко!

— С какой стороны нам ждать неприятностей?

— Нит!

— Что значит «нит»? — разозлился я. — Ты хочешь, чтобы твоего хозяина слопали и

тебя вместе с ним? Как думаешь, ты вкусненький?

— Нит! Нит! Ониф фсюфу!

— Фсюфу? — переспросил я, не понимая, что он имеет в виду.

— Даф! Фсюфу! Фсюфу! Фсюфу! — бешено заладил Снурф. — Ониф блифко!

— Он говорит, что они всюду, — подсказала мне Эмилия, опасливо оглядываясь через плечо. — Давайте быстрее выбираться отсюда! Я вижу, что позади нас что-то шевелиться!

Обернувшись, я посмотрел назад. Тьма за моей спиной была словно живая. Я переместил шарик света и чуть не закричал от ужаса — к нам приближалась беспокойная волна тараканов! Шустро семена, они сплошным потоком лились вдоль пола и потолка. Эти насекомые отлично чувствуют пищу на огромных расстояниях, что уж говорить о том, когда еда оказывается под самым носом! Сражаться с этой бесчисленной сворой в узком проходе было совершенно бессмысленно, нас попросту облепят и сгрызут. Нам оставалось только бежать, что мы и сделали. Вселенная, ты подкидываешь мне в огонь дровишек! Совершая невероятный кросс в полусогнутом положении, я, спустя десяток вдохов и выдохов, увидел, как туннель стал расширяться и перерастать в огромные чертоги. В их стенах один к одному липли чёрные кляксы других ходов, извергающих из себя всё новые и новые полчища тараканов. Казалось, ещё совсем чуть-чуть, и нам не скрыться. Скорее всего, от меня даже косточек не останется — печально подумал я, уже в полный рост, несясь мимо колонн, вырубленных прямо в горной породе. Грешем, обладающий из нас самым острым зрением, на бегу ткнул когтистым пальцем вдаль.

— Там! Они там! Мы должны успеть!

— Что там?! — едва смог выкрикнуть я.

Мои лёгкие работали, словно кузнечные меха, в голове свихнувшимся ритмом булькала кровь.

— Тачанки! — единым духом выпалил вампир. — Поднажмите!

И мы поднажали. Через несколько минут шарики света достигли Зала Странствий. В их красноватых магических лучах затрепыхались тени высоких тележек. Целый ряд загадочных механизмов, поставленный колёсами на массивные балки! Глазам не верю! Выжимая из себя последние капли сил, я кое-как добежал до начала Железной Дороги. Я затормозил и лишь по случайности не свалился в зияющую пропасть. Балансируя на краю, я разглядел внизу длинную полосу рельс. Пытаясь не упасть, я судорожно взмахнул руками и уцепился за какой-то рычаг. Раздался щелчок и цепи, держащие колёса, притянулись в отъехавшую нишу. Подоспевший Дурнбад схватил меня за капюшон и оттащил от обрыва. Тем временем сонмище тараканов надвигалось единой уничтожающей лавиной. Возможно, сейчас бы струсил даже Таурис, а мы так тем более души в пятках не чаяли!

— Скорее, запрыгиваете вот в эту! — завопил я не своим голосом, забрасывая Снурфа через железную перегородку. Вдогонку за ним отправился истошно мяукающий Мурчик. Подхватив полы юбки, Эмилия, перекинув ножки через борт, очутилась на дне тачанки.

— Теперь ты! — громко оповестила Серэнити хватая низкорослого Дурнбада.

— Эй, дамочка, я так не привык! — запротестовал старейшина войны, приподнимаясь в воздух на несколько футов. Толстенная голень пропала за барьером и — бабах! — доспех гнома ударился о металлическое дно. Он на месте!

— Твоя очередь, Шаттибраль!

— Только не как Дурнбада!

— Буду я ещё с тобой церемониться!

Недолго думая, Великий инквизитор присела, обняла меня под бедра и словно пушинку оторвала от земли. Воспользовавшись помощью Серэнити, я спрыгнул вниз на широкое сиденье. Встав на него ногами, я увидел, как две пары рук упёрлись в основание тачанки. Серэнити и Грешем жали что есть мочи, а тараканы, неистово клокоча, готовились к королевской трапезе. Бицепсы вампира забугрились под обтягивающей одеждой. Казалось, он вот-вот лопнет! Давайте, родные, давайте! Я почувствовал, как мы начали сдвигаться. Толчок! Всё зашаталось, и я растянулся на полу. Сверху неожиданно на меня свалился Грешем. Мы точно ехали и очень-очень быстро набирали скорость! А где Серэнити?! Здесь её нет! Неужели она осталась там?! Что это за белые линии облепили карниз тачанки? Сообразив, что это пальцы, я моментально поднялся на ноги и, перегнувшись через край, схватил Великого инквизитора за запястье. Словно флаг, Серэнити развевалась за набирающей обороты тачанкой. Ужаснувшись от вида данной картины, я, объединив силы с подоспевшим Грешемом, затащил её вовнутрь.

Мы сделали это! Сбежали от тараканов и едем!.. Куда едем?... Отдуваясь, я сел на мягкое сиденье, похожее на архаичное кресло с подлокотниками. По бокам пуфиков были прикреплены две эластичные верёвки с петельками на концах. Я потянул за них. Петельки резко высунулись и туго обхватили мой живот наподобие двойного ремня. Это ещё зачем нужно? Ответ пришёл незамедлительно! Тачанка подскочила, а вместе с ней и все её пассажиры. Только чудом Эмилия успела поймать полосатый хвост Мурчика, который собрался вылететь за борт.

— Забирайтесь в кресла и опоясывайтесь верёвками, пока снова не подкинуло вверх! — заорал я, вцепившись в изогнутый поручень перед собой.

На секунду я успел увидеть дугу рельсов, резко уходящую вправо.

Дважды предлагать не пришлось. Оперативно рассевшись по местам, друзья принялись сцеплять ремни. Я успокоился и вновь вернулся к фантомно возникшему вопросу: куда мы движемся? Из-за этих дурацких тараканов мы не смогли прочитать руны на тонких медных табличках! Наверняка все тачанки имеют разные маршруты, а это значит, что, возможно, наша бравая компания мчится совсем не в том направлении! От этой мысли мне стало тошно. Ведь говорила Серэнити, что у неё дурное предчувствие! Чтобы обрести вновь утраченное спокойствие, я пошарил глазами по спинке сиденья напротив меня. На ней имелся ряд замысловатых рычажков. Для чего они? Я передвинул один из них в сторону — ничего не произошло. Уже собираясь попробовать другой рычажок, я осёкся. Часть металлического корпуса со скрежетом подалась в бок, являя под собой стеклянное окошко! Заглянув в него, я удивлённо раскрыл рот. Мимо моего взора проплывали рельсовые пути. Кое-где они пересекались, создавая между собой кресты. А как я это увидел? Все было подсвечено! Сотни огоньков неизвестного мне происхождения, находясь под самым потолком, ярко освещали пространство вокруг! Огромные беловатые кристаллы утыкивали своды гигантского полукруглого туннеля! Красотища! Я такого даже вообразить себе не мог!

Вернувшись к рычажкам, я дёрнул теперь сразу за два. Повсюду натужно залязгали раздвигающиеся панели. Теперь запylённые окна проступили по всему периметру тачанки, но самое интересное было не это — носовую часть обдало каким-то паром, и она стала полупрозрачной! С этого момента мы могли смотреть, как под нашими колёсами мелькают рельсовые крепежи. Дорога то резко уходила вниз, заставляя поджилки трепетать от страха, то поднималась кверху. На наивысшей точке подъёма тачанка практически останавливалась, и тогда мне казалось, что мы вот-вот покатаемся обратно. В общем, этот

способ передвижения не для слабонервных, и уж точно не для тех, кто недавно плотно отобедал. Мой желудок стонал и пытался покинуть меня то через горло, то стыдно сказать, через что. Меня тошнило, и я радовался, что вся еда успела перевариться во мне до того, как я отправился по Железному Пути. Превратные взлёты, стремительные падения и расшатанные ими нервы вскоре побудили меня закрыть окна. Я вернул рычажки в исходное положение, но из этого ничего не вышло. Вероятно, что-то заклинило в старом механизме, и он больше не хотел сдвигать ставни. Виновато посмотрев на друзей, я развёл руками. Говорить не имело смысла, мы так разогнались, что ревуший ветер делал нас чуть ли не полностью глухими. Кстати, рычажки на спинке сиденья присутствовали только у меня. Может, я занял место капитана корабля? Тогда лучше будет здесь ничего не трогать. Потому что Догараг сказал, что мы достигнем Яварха только в том случае, если будем ехать прямо... А то вдруг, буду тыкать кнопки и пружины, и мы слетим со шпал или врежемся в стену?! Очень надеюсь, что нет.

Уже примерно как час моя голова кружилась вместе с бликами, расплывчатыми формами и нескончаемыми рельсами. После очередного невероятного скатывания я закрыл глаза. Постепенно мной стала овладевать дрёма. Измождённое тело нуждалось в отдыхе, и я собирался использовать предоставленную возможность, чтобы подарить ему кратковременное забвение. Повиснув на сцепляющих верёвках, я погрузился в сон...

Мне снилось, что я снова маленький мальчик. Я стою на холме возле дома, в котором живу со своими родителями. Рядом покуривает трубку папа. Он смеётся, и его седые усы при этом смешно топорщатся. Отец закрыл мне руками глаза и куда-то повёл. Я подглядываю через плохо сомкнутые ладоши. Мы идём по тропинке к дереву, на сучьях которого висят качели! Руки сползают с глаз, и я радостно бегу к долгожданному подарку! У меня сегодня день рождения! Нынче мне исполнилось четыре года! Да-да, я уже большой! Мама держит в руках ароматный пирог с четырьмя свечками, прыгает собака, пытаюсь лизнуть мои острые мальчишечьи коленки. Я раскачиваюсь взад и вперёд! Мир вокруг такой прекрасный! Такой свежий! Я всё смогу! Я буду беречь своих родителей до глубокой старости, потому что я очень люблю их! Вдруг из рук мамы выпадает пирог, её взгляд становится испуганным. Что случилось, мама? Почему ты больше не улыбаешься? Отец сдёргивает меня с качелей, и я начинаю реветь. Чем я провинился, папа? Схватив меня подмышки, он бежит в дом, мама едва поспевает за ним, я трясусь ногами, пытаюсь вырваться. Папа открыл дверь, и на меня дхнуло запахом полевых цветов и сладкой сдобы. Прижимая меня одной рукой к себе, отец поднимает ковёр — под ним погреб, где мы держим картошку. Папа развернул меня, теперь он смотрит в мои мокрые глаза. Отец говорит, что это — игра, и я должен спрятаться. Я должен сидеть тихо-тихо пока он не вернётся. Я киваю и лезу по большим ступенькам вниз. Я прижимаю к груди плюшевого медведя, мама сшила его той зимой. Крышка погреба закрывается, я ничего не вижу. Темно и страшно, но я молчу, папа раньше никогда не играл со мной в эту игру, и мне немножко интересно, что будет дальше. Найдя укромный уголок между мешками с картошкой, я жду. Крик! Это кричит мама! Она тоже играет? Что-то тяжёлое упало на пол. Потом второй раз. Тишина. Папа, когда ты придёшь за мной? Свет стал проникать через щели! Папа убрал ковёр! Медленно-медленно крышка поднимается, я жмурюсь, что-то красное и тягучее капает по ступенькам. Я выглядываю из-за угла, мишка выпадает из моих рук...

Я очнулся. Тонкая рука, повернутой в пол-оборота Серэнити, соскользнула с моего лба. Мы продолжали катиться сквозь Железные Горы. Пока я спал, носовая часть тачанки вновь

стала непроницаемо-стальной. Может быть, закончилось действие того загадочного пара, или заработал один из передвинутых мною рычажков. Наклонившись к окну, я поглядел на проносящиеся мимо столбы. Мы двигались по относительно ровному участку дороги с уклоном вниз. Ветер едва обдувал моё осунувшееся лицо. Кроме меня и Великого инквизитора все дремали.

— Во сне ты метался и пытался выбраться из верёвок. Я испугалась, что ты можешь ненароком отстегнуться. Чтобы успокоить тебя, мне пришлось проникнуть в твои сновидения и оборвать их.

Серэнити устремила на меня ясные глаза.

— Не знал, что ты умеешь такое, — проговорил я, отводя взгляд. — Эта был всего лишь кошмар.

— Нет, тебе не скрыть этого.

— Чего не скрыть?

Серэнити вздохнула.

— Боль. Твоё воспалённое сознание ненароком показало мне занозу. Старая, заскорузлая и очень колючая, она плотно засела в тебе, и обычными щипцами её не достать.

— Это моя заноза.

— Я могу её вытащить.

Я горько усмехнулся.

— Из меня её не вытянуть даже калёным железом.

— А ты пытался?

— Нет.

— Тогда доверься мне.

— Зачем? Может, я хочу, чтобы она всегда сидела во мне.

— Это неправда.

— Откуда тебе знать?

— Многое ведомо мне о человеческих душах, и ещё больше я прозреваю за пеленой их покровов. Лишь внешне твоя рана не имеет шрама, но внутри она не заживает и гниёт. Безлунными ночами, когда ни одна звезда не проникает к тебе своим светом, ты попадаешь во власть безжалостных отголосков прошлого.

Как она догадалась? Событие, произошедшее века назад, не оставляло мою память и по сей день. Трагические и совсем недетские переживания иногда выползают из омута моих воспоминаний. Чаще всего мне удаётся изгнать их, но бывает, что они проникают в сны, и тогда я дрожу всем телом. Может, настала пора перестать удерживать их в себе? Вырвать, разрезать, выкинуть и предать забвению? Время пришло?

— Я расскажу тебе, как всё было, а ты погладишь меня по плечу и заверишь, что такого больше никогда не повторится? — не глядя на Серэнити спросил я. — Поверь, я не нуждаюсь в словах утешения.

— Я действительно буду слушать тебя, а ты говорить, но несколько иначе, чем ты себе это представляешь.

— Я не понимаю тебя.

Боковым зрением я уловил на губах Серэнити бледную улыбку.

— Я введу тебя в транс и заставлю вновь оказаться в том сыром погребе. Все повторится, только в этот раз я буду рядом с тобой. Нет преград для Света, и Тьма всегда падёт перед ним. Вместе мы сокрушим оковы твоего печального прошлого и изгоним ужас,

что держит их звенья сомкнутыми.

— Тебе действительно такое по силам?

— Ты, верно, забываешь, кто я.

— Такое не забудешь!

Я смог заставить себя посмотреть на Серэнити. В её льдистых глазах я увидел затаённые огоньки. Что, если всё не так? Сомнения овладели моим разумом. Я слишком долго живу и знаю, что люди, проявляющие доброту и заботу, подчас преследуют совершенно иные цели. Что помешает Серэнити сыграть на моей доверчивости и использовать магию Света в угоду своим убеждениям? Вдруг она принудит меня податься в монастырь или вообще внушит выпрыгнуть из тачанки? Некроманта в расход — дух на небосвод, вернее в чистилище — туда мне дорога, как считает великий инквизитор. Неужели она, правда, собирается освободить меня от страданий, или это всё ложь? Должен ли я открывать себя тому, кто лишь недавно грозился умертвить меня сотней изошрённых приспособлений? Эти и другие вопросы разбились об один единственный ответ, имевшийся у меня в защиту Серэнити — она мой друг, я верю ей, и чувствую, что так надо.

— Итак?

— Я согласен.

Я нервно улыбнулся.

— Прошу только не забирайся в мою черепушку дальше, чем нужно. Мне не хочется, чтобы ты увидела мой первый поцелуй или что-то в этом роде.

— Не беспокойся. Я не стану ворошить угли твоей юношеской любви.

— Пообещать мне это очень мило с твоей стороны.

Я набрал в грудь воздуха.

— Действуй, я готов.

— Тогда закрывай глаза.

— Хорошо. Встретимся во сне.

Я откинулся на спинку сиденья и сложил руки на коленях.

— Ты расслабляешься, тряска убаюкивает тебя, ты поглощаешься мерным шумом... — зашептала Серэнити мне над ухом. Холодный амулет Ураха коснулся моего лба. Носом я уловил едва различимый аромат пекущегося хлеба. Где-то рядом зазвучали голоса родителей. Я ощутил нежные прикосновения пальцев. Кому они принадлежат? Маме или Серэнити? На меня дохнуло теплом летнего дня. Перестук катившейся тачанки слышен всё невнятнее...

Папа! Он улыбается мне в седые усы. Я тянусь к нему маленькими ладошками. Обнимая отца, я вижу за его спиной какую-то женщину в ослепительно белых одеждах. Кто она? Женщина стоит у дома и приветливо машет мне рукой, от неё веет нежностью и заботой. Папа кладёт мне руки на лицо. Через щёлочки я вижу, что мы идём к качелям! Ах, как долго я ждал этого подарка! У меня сегодня день рождения! Мне — четыре! А вот и мама! Она держит пирог! Мой любимый! С клубникой! Ткнувшись носом маме в передник, я бегу к деревьям. Ах, как хорошо раскачиваться взад и вперёд! Я счастлив! Ноги совсем не касаются земли! Я вытягиваю их как можно дальше, а сам откидываю голову назад! Чувство полёта восхитительно! Я смеюсь! Весь мир кружится в танце! Вдруг папа резко останавливает качели и, перекинув меня через плечо, бегом направляется к дому. Я начинаю реветь. Папа, почему? Что я сделал не так? Слышу взволнованный голос мамы. Распахнув двери, папа ставит меня на пол. Отодвигает край ковра. Отец смотрит мне в заплаканные глаза, он

просит, чтобы я посидел в погребке. Это такая игра, я спрячусь, а папа скоро меня отыщет. Я киваю. Мне немножко страшно спускаться в погреб, здесь мы храним картошку на зиму. В руках у меня мишка Медок. Мама сшила его для меня. Я люблю его. Что здесь делает эта тётя в белых одеждах? От неё идёт свет! Она тоже играет с нами? Почему папа не сказал об этом? Мне она понравилась, от неё вкусно пахнет шоколадом. От моей мамы тоже вкусно пахнет, но иначе. Женщина протягивает мне руки и я, смеясь, прячусь за её ногами. Что это за крик? Это мама? Что-то упало! Я любопытно выглянул из-за белой юбки. Тишина. Шорох. Я слышу, как папа оттаскивает ковёр! Он поднимает крышку погреба! Яркий свет проникает вовнутрь, я тру ладонями глаза. Красные капли падают на деревянные порожки. Кто там? Женщина в белых одеждах не дала мне увидеть! Она накрыла мою голову платком! Я ничего не вижу! Что это за звуки? Кто-то дерётся? Папа, это ты?...

Мои глаза покраснели от слез, но этого не видно из-за проливного дождя. Я держу за руку друга папы, а папы больше нет и мамы тоже. Эти два холмика теперь будут домом для моих родителей. Белая женщина сидит на коленях возле могил. Она молится. Друг папы говорит, что небеса забрали моих родных, потому что они были очень и очень хорошими, и без них там не справятся. Я чувствую горячую морщинистую руку. Он стар, борода до самых колен. Теперь я буду жить с ним. Больше никого у меня не осталось, кроме собаки. Можно, я возьму Винограда с собой? Друг папы смотрит на моего продрогшего пса. Он разрешил. Что это стучит вокруг? Почему мои волосы сухие? Что так раскачивает землю под ногами? Внезапно я осознал, что вышел из транса. Глубоко вздохнув, я посмотрел на Серэнити. По щекам великого инквизитора текли прозрачные ручьи. Смахнув маленькие капельки, она заговорила:

— Я все поняла... Ты больше никогда не увидишь эти сны. Для твоего блага я вынула из твоей памяти то, что тебе довелось пережить. Отныне твоя заноза навсегда останется со мной.

Я ошарашенно пытался вспомнить, как погибли мои родителями... и не мог. Вернее, я знал, как они умерли, но зрительные образы того лютого дня покинули меня. Их пустое место заняли картины... не мои картины, чужие, принадлежащие Серэнити: аляповатый гриб под сосной..., ласковая беременная кошка на подоконнике приюта..., чистая ряса и кадило..., свечи..., роса на листьях клёна..., речка и старинные часы..., ограда в плюще...

— Я не знаю радоваться мне теперь или нет, — ответил я, настороженно прислушиваясь к своим ощущениям. — Кажется, мне стало легче!

— Твоё восприятие ещё оголено. Оно ищет недостающие фрагменты...

— И наталкивается на солнечные лучи, просачивающиеся сквозь слюдяные оконца и кулёк земляники, — сказал я улыбнувшись.

— Счастливые моменты моего детства. Считаю, мы поменялись.

— Неравноценный обмен.

— Не думай так.

Помолчав, Серэнити спросила:

— Его звали Квиль Лофирндваль?

— Да. Легендарный чародей, друг папы и мой спаситель.

Мои глаза затуманились, и я отвернулся.

— Он приехал к нам погостить за неделю до того рокового утра. В мой день рождения Квиль отправился на рыбалку, а возвратившись, подарил мне жизнь во второй раз. Жаль, что он опоздал на десять минут, а то бы его подарок был бы куда более весомым... Люди в

масках напали на наш дом. Зачем? За что? Почему? Старик Квиль, наверное, раскидал их... не помню. Он взял меня и... родителей к себе, последнее, скорее всего, было сделано, чтобы я мог приходить к ним. Шесть лет я провёл в башне у Квиля.

— Почему всего шесть?

— Однажды он заснул и больше не проснулся.

Я замолчал.

— А дальше?

— Когда я вышел на крыльцо, его башня выцвела, а потом буквально растворилась в воздухе. Я оказался предоставлен сам себе.

— Думаешь, он мог бросить тебя?

Вопрос Серэнити надавил на ещё одну болезную мозоль. Сотни раз я размышлял над тем, куда подевался заколдованная башня и её великий обитатель. Мой приёмный отец мало уделял мне внимания. Да и о чём ему было говорить со мной? Не о чем. Мог ли он устать от маленького, вечно всюду лезущего мальчишки? Конечно. Я достался ему как бы между прочим и... и когда я достиг более-менее сознательного возраста меня выставили за порог? Но почему он тогда не просыпался? Вряд ли бы Квиль Лофирндваль стал инсценировать собственную смерть, чтобы отделаться от меня. Глупости, ведь верно?

— Квиль бы так не поступил.

— Хочется верить в лучшее.

— Да.

— Шаттибраль?

— Что, Серэнити?

— Почему ты стал некромантом?

— Так вышло.

— Ты искал башню, да?

— Я хотел найти Квиля.

— И не только его?

— К чему ты клонишь?

— Их не вернёшь.

— Кого?

— Вместе с башней исчезли и могилы?

На моё сердце упал пудовый камень.

— Я не хочу об этом говорить.

— Отпусти себя и отпусти их.

— Я никого не держу.

— Держишь, все эти годы держишь, а так нельзя.

Меня забил озноб.

— Серэнити, пожалуйста!

— Хорошо, — уступила Великий инквизитор. — Пусть Урах помилует тебя и... приласкает их.

Я выдохнул и посмотрел на дремлющего в соседнем кресле Грешема.

— Мне надо отдохнуть.

Великий инквизитор собиралась что-то сказать, но передумала. Она кивнула и, скрестив руки на груди, отвернулась к окну. Серэнити отсекала от меня опухоль, да, но между тем её меткие суждения прожгли моё нутро пуще тысячи раскалённых игл. Загадочные

убийцы в масках, Квиль Лофирндваль, башня, одиночество, мама и папа, желание вернуть их... Она вскрыла меня без ножа. О, Вселенная, я не могу об этом думать! Дай мне вновь погрузиться в воды небытия! Спустя тридцать пронёсшихся мимо столбов я уснул...

Проснувшись, я уловил настойчивые песнопения желудка. Я хотел есть и пить. Хорошо ещё, что в задней части тачанки располагалась как бы миниатюрная комнатка для прочих естественных потребностей... От скрюченной позы, в которой я сидел, у меня ныли спина и шея. Конечно, лучше терпеть затёкшие конечности, нежели пробираться между ледяными пиками гор, однако я предпочёл бы избежать и того и другого. Когда движение тачанки замедлилось, я посетил причудливую уборную, а потом вытащил из сумки бутылку вина и кусочек хлеба. Сделав несколько глотков прямо из горла, я передал бутылку Эмилии. Пока пила, колдунья пролила несколько капель на Мурчика, который растянулся у неё на коленях. Недовольно посмотрев на хозяйку, кот принялся слизывать с шерсти бордовую россыпь. Всем своим видом его морда говорила о том, какой гадостью мы себя пичкаем. Покончив с чисткой, Мурчик высунул язык и уставился на меня. Я высунул ему язык в ответ.

Глава 20. Зов крови

Секунды складывались в минуты, минуты в часы, часы в дни, а те в недели? У меня всегда сбивается ориентир времени, когда я не вижу, в какой точке на небе находится солнце или луна. Я то засыпал, то просыпался, то ел, то негромко болтал с друзьями. Я почти успел привыкнуть к постоянной тряске, как вдруг начался самый большой спуск за всю нашу поездку. Разгоняясь, тачанка дребезжала, дёргалась и норовила соскочить с проложенных под нею рельсов. Освещающие путь фонарики превратились в одну светлую линию. Никогда прежде я не мчался на лошади так быстро, как летели мы теперь. Обезумевший ветер попытался сорвать с меня лицо и уши. Жуть какая! Достигнув максимально низкой точки, мы подпрыгнули, а потом погнались наверх, постепенно сбавляя скорость. Неожиданно тачанку сотряс мощный толчок. Я испугался, что мы врезались в торчащие отовсюду кристаллы, и приготовился к падению с высоты. Но нет. Наша вцепившаяся в поручни компания продолжала неспешно катиться вперёд. И вот, спустя не пойми, сколько и чего, под днищем что-то истошно закрипело. Нестройные качания туда-сюда. Остановка! Передняя загородка тачанки с шумом упала на камень — облако поднявшейся пыли первым приветствовало нас в неизвестном городе.

Мы высвободились из верёвок и, покинув тачанку, уселись сверху вороха мешков — сил стоять у нас не было. Шарики света на потолке тускло поблёскивали разными цветами. Где мы? Кому принадлежат эти Залы Странствий? Я повертел головой — слева и справа ряды тачанок уходили вглубь. Куда идти, или, может, быть ехать? Маленько переведя дух после столь необычного путешествия, Дурнбад поманил нас пройти вдоль древних механизмов. Я сотворил три зелёные сферы и потопал за ним. Гном счищал с медных табличек вековечный налёт и читал выдавленные на них названия городов.

— Зарамзарат! — объявил старейшина войны.

— Твой дом, — кивнул я.

— Давненько в него не ходили тачанки, — хмыкнул Дурнбад.

— Может ещё наступят золотые деньки, и Залы Странствий Надургха вновь наполнятся торговыми экипажами, — улыбнулась Эмилия.

— На моем веку такому не бывать.

— А вдруг.

— Исключено, — отозвался гном. — Сейчас кланы не доверяют друг другу, и я считаю, что правильно делают. Гхага кое-как остужает те или иные горячие порывы, но за всем не углядишь, и периодически случаются конфликты, которые выливаются в локальные войны. Нет, без единой власти тачанки станут лишь средством уничтожения.

— Вам нужен король, — утвердила Серэнити.

— Не просто король! Он должен быть из рода Надургх!

— А если он не будет принадлежать к вашему племени? — вскинула бровь Великий инквизитор. — Что тогда?

— Голова с плеч, — рассмеялся Дурнбад.

— Приму это за шутку.

— Думай так, но Будугай любит звон оружия.

— Тогда вам никогда не обрести нового правителя.

— Про что я и толкую.

— Эй, смотрите! — крикнул Грешем, указывая на арочный свод. — Там лестница, а над ней руны!

Глаза вампира! Как они остры! Прежде чем увидеть, о чём говорит мой ученик, я отмерил шагов тридцать. Видимо, то подъём в город. Остановившись перед кучей мелких порошков, Дурнбад сощурился.

— Посередине скол — перевести невозможно, — уведомил гном, задумчиво рассматривая растрескавшуюся вязь иероглифов. — Первая буква точно «я», вторая «в», а вот последняя толи «т», толи «г».

— Яварх? — с надеждой в голосе осведомилась Эмилия.

— Может он, а может и не он.

Дурнбад почесал бороду.

— Ныне в Будугае крупных городов начинающихся с «яв» нет.

— Значит мы в обиталище какого-то погибшего клана, — предположил я.

— «Яв» «яв» «яв», — забормотал Дурнбад, — Явмарт? Он обрушился ещё при короле Шдуфре и не был восстановлен. Отпадает. Явнархг? Слишком незначителен для того, чтобы иметь Железный Путь. Явхог? Он? Допустим. Явмиит? Тоже допустимо. Ну и Яварх, и принципе.

Гном обвёл нас взглядом.

— Да. То либо Яварх, либо Явмиит, а то и Явхог или любой другой неведомый мне город.

— В общем, шанс, что мы очутились там, где нужно, есть? — подтолкнул к выводу Грешем.

— Небольшой.

— Тогда, чтобы удостовериться предлагаю обойти оставшиеся тачанки и просмотреть все таблички.

— Мыслишь верно, брат по крови, — пробасил Дурнбад. — Однако как ты сам видел, многие указатели истёрлись, и не понять, куда они ведут.

— И всё же давайте поглядим.

Я выставил указательный палец вдаль.

— Начнём с того края.

— Да хоть с этого, — рассмеялся старейшина войны. — Здесь все края в нашем

распоряжении.

Вернувшись в самый конец Залов Странствий, мы поочередно прошли все двадцать семь тачанок. На восьми из них надписи не сохранились, а у двоих таблички были оторваны вовсе. Нам повстречался Явмиит, но Явхога и Яварха мы не обнаружили. Плохо конечно, что не все медные рамки уцелели, и если этот город окажется не Яварх то, что нам останется? Кататься в безымянных направлениях? И врагу такого не пожелаешь. Хотя всё-таки паниковать рано. Поднимемся по лестнице — вот, кстати, и она, а там уже если выясним, что нелёгкая занесла нас в какой-нибудь «Яв — язык сломаешь — гх», то станем кумекать и выдумывать, как быть дальше.

Снимая толстый слой паутины, наша компания стала восходить по серому камню. Я очень и очень надеялся, что мы не упрёмся в обвал, ведь тогда пиши пропало... Ноги шли и шли, и на четвёртом витке я бросил считать порожки. Ни входов, ни выходов, только один похожий на свечу ствол, уходящий ввысь. Как долго его прорубали? Уму непостижимо. Взявшись за ониксовый поручень, я наградил перчатку вековой перстью. Интересно, тронет ли ещё чья-нибудь рука эти перила? Такое чувство, что нет. Дабы немного отвлечься от мыслей и монотонного шарканья сапог, я чуть слышно забубнил себе под нос шутивную песенку:

Мой близнец — недотёпа маг!
Вся его магия — полный крах!
Вместо струи огня
Наколдует трухлявого пня.
Улитку зачаровать он пытался —
Лишь носок на нём остался!
Радугу сделать хотел однажды —
Молнией стукнуло его дважды!
Микстуру от кашля приготовить он взялся —
Без бровей потом долго слонялся.
Эмилия в полголоса подхватила:
Мой близнец — недотёпа маг.
Магия — словно его личный враг.
Что не возьмётся он колдовать —
Не получается это опять!
Лоханку с водой он в лёд обращал —
Бум-барабам — сам он статуей стал.
Гаданьем на картах он как-то занялся —
С ожившей колодой едва не подрался!
Абстракты по небу читал он раз —
Звездой ему чуть ли не выбило глаз!
Мой близнец — недотёпа маг!
Вся его магия — это дуршлаг!
Он магией брюки заштопать собрался —
Трах-барабах — галстук тут же взорвался!
Раз с чародеем в дуэль ввязался —
Ох, синяков сколько он нахватался!
Стал левитировать на балконе —

И вверх ногами он встал на газоне!
Мой близнец — недотёпа маг!
Вся его магия — стухший очаг!
Мышь он задумал учить говорить —
Сам по-мышьиному начал бубнить!
Сердце красотки себе ворожил —
Только в свинью свои чары вложил!
Тайну вулкана постиг на неделе:
Что же открыл он: ожоги на теле!
Мой близнец — недотёпа маг!
Вся его магия — скользкий овраг!
С сиреной намылился дружбу водить —
Уши больные устал он лечить.
Из бочки он замок себе колдовал —
Только грибами людей закидал!
Взялся он магией вырастить вяз —
Тут же в корнях он проросших завяз!
Мой близнец — недотёпа маг!
Вся его магия — жуткий зигзаг!
Я здесь — маг, а он — там!
Зеркало — да! — улыбается нам!

— Ничего так песенка! Бодренькая! — одобрил Дурнбад идя следом за мной.

— Мы тебе с Калобом таких можем сотню спеть.

— Причём не одну, — добавил я.

— Про незадачливых колдунов, добросердечных гоблинов, утончённых великанов и образованных огров, — вставила Эмилия. — Репертуар у нас разнообразный. Если хочешь, то...

Мы достигли конечной точки — лестница упёрлась в закрытые ворота. Переглянувшись с друзьями, я потянул за кольцо, вставленное в пасть нирфа. Створы не поддались, и после того, как телекинез на них тоже не сработал, мне пришлось уступить место знаменитым силачам нашего отряда. Вначале попробовал Дурнбад. Он напряг мускулы и запыхтел в бороду. Гном долго тужился, но всё-таки не справился и нехотя признал своё поражение. С озорной клыкастой ухмылочкой за дело принялся Грешем — ему не терпелось взять реванш за кулачное состязание. Я был практически уверен, что у него получится. Высунув кончик бледного языка, вампир вцепился в кольцо двумя руками. Я поморщился, когда его длинные когти скребанули по каменной поверхности. Впрочем, как Грешем не старался, но и ему отпереть двери не удалось. Настала очередь Серэнити. Хрупкая на вид, великий инквизитор обладала почти мифической силой, и я подозревал, что это может быть связано не с благословением Ураха, а с непосредственным вмешательством жрецов Хрипехора. Все закончилось тем, что Серэнити вырвала кольцо из обсидиановой пасти. По инерции Великий инквизитор полетела вниз, и мне едва удалось поймать её. Эмилия все это время стояла в сторонке и улыбалась.

— Вот скажи, что тут смешного? — раздражённо спросил я у подруги, садясь на порожки. — У нас на горизонте маячат две перспективы: первая — остаться здесь навеки и ждать, когда дверь сама откроется, а вторая — вернуться в Трузд, чтобы возобновить свой

поход по снегам Железных Гор. Тебе что больше по душе?

— Вот ты так всегда, — прощепетала Эмилия. — Впадаешь в уныние раньше срока.

— Приложить магией? Да? А случись обвал? Нас всех погребёт под камнем.

— Я не про магию сейчас говорю.

— А про что?

— Открыть тебе маленький секрет?

— Как понимаю, в твоём вопросе кроется подвох? — проворчал я, заинтриговано поднимая глаза.

— Вот, смотри!

Эмилия поднесла слабо светящийся Людвирбинг к стене. Моему взору предстала замаскированная щеколда. Колдунья легко потянула за петельку — раздался щелчок отъезжающего засова. Повинуясь воздушному прикосновению, створы распахнулись.

— Что же ты молчала, пока мы все тут надрывались! — не выдержал Грешем, вплотную подойдя к Эмилии.

— Разве я могла отнять у мужчин возможность помериться силой? — запорхала ресничками моя подруга. — Калерб, старый гриб, в этом состязании ты, кстати, занял почётное последнее место.

— Первый с конца тоже неплохо, — хмыкнул я, направляясь вперёд.

Серэнити недовольно скривилась, но промолчала.

Зайдя вовнутрь, я оказался в вытянутом зале с двумя ровными рядами постаментов. Что они мне напоминают? Ну, конечно. Саркофаги. Неужели мы попали в склеп? Если да, то почему он вырублен у входа в Зал Странствий? Странно. Я снял перчатку и провёл ладонью по ближайшей плите. По коже побежали лёгкие уколы магии. Некромантия подсказала мне, что внутри находится нечто неестественное, не живое и не мёртвое. Как будто тот, кто заключён в этой гробнице, прибывает в анабиозе, в состоянии длительного сна. Это не зомби и не скелет — те не распространяют такие волны энергии. Но кто же там? Ответ очевиден. Там вампир. Задумчиво потеревив ремень, я подошёл к другой плите — под ней тоже обнаружился кровопивец. Сколько здесь гробов? Десять, двадцать, тридцать и там ещё, много. Как их называл Дурнбад? Кровуны? Раньше мне никогда не доводилось видеть усыпальниц гномов-вампиров. Что же, упущение восполнено.

Я решил не оглашать своё открытие, логично предполагая, что Серэнити не останется равнодушной к такого рода информации. Великий инквизитор наверняка захочет уничтожить нежить, а я всегда предпочитаю избежать драки, если это осуществимо. Начни мы вскрывать саркофаги — вампиры проснутся, и тогда столкновения не миновать, а в мои планы не входит тягаться в удали со столь сильным противником.

Покинув безмолвную крипту, мы вышли на ромбовидную площадь с двумя скульптурами. Ближняя ко мне замахивалась молотом на наковальню. Джелла. Что-то с ним было не так. Я присмотрелся повнимательней, и меня как обухом по затылку ударило! Этот, вытесанный тысячелетия назад Джелла, имел сходство с Нолдом Тёмным! В Трузде его более молодое воплощение выглядело иначе. Видимо с течением лет каменотёсы стали изображать Бога-Кузнеца более гномоподобно. Пока мои друзья осматривались и решали, куда идти дальше, я вынул из сумки книгу с Пророчеством Полного Круга. Так-так-так, вот та страница, где говорится о том, что Нолд Тёмный учил гномов кузнечному ремеслу. Все сходится! Джелла — это и есть Нолд Тёмный! Я восхищённо и совсем иначе посмотрел на Хромого Бога, который частично заслонял собою вторую скульптуру. Сохранившаяся не

полностью, она стояла возле пустого фонтана. У фигуры отсутствовали голова и руки, но зато крылья за спиной выделяли великолепные взмахи. Очень похоже на нирфа.

Дурнбад тем временем зашагал налево и я, окинув на прощание взглядом резные перья, отправился за ним. Хотя почему — на прощание? Если это не Яварх, то я сюда ещё вернусь. Где же искать ответы? В читальдуме или тронном зале? На свежем воздухе! Ведь Яварх стоит напротив Пика Смерти! Нам надо выбраться из города!

Пропетляв по пустым улицам и безжизненным кварталам, мы спустя час или два добрались до лестницы, ведущей на другие этажи. К несчастью, нам удалось подняться по ней всего на два уровня — выше ступеньки упирались в каменный завал. Наскоро перекусив, мы двинулись по широкому коридору, переходящему в причудливые чертоги с колоннами. На потолке перемигивались шарики света. Их сияние отражалось от жёлтой громадной кучи, наваленной у дальней стенки. Неужели... Да, это золото! Самое настоящее богатство! О, Вселенная, тут хватит на тысячу безбедных жизней! Вероятно, наша компания наткнулась на золотые запасы канувшего в лету клана! Фантастика! Достигнув сверкающей горы, я ошеломлённо остановился. Дурнбад тихонько присвистнул. Его глаза сузились и набрались какой-то истомы. Я зачерпнул горсть монет и пересыпал их из одной руки в другую. Что это за красные подтёки на мраморном полу? Кровь? Рядом со мной появилась Серэнити. Её губы прошептали мне на ухо:

— Я чувствую Тьму. Она — близко, и она знает, что мы здесь.

Рука Великого инквизитора как бы невзначай легла на рукоять булавы. Страх комком собрался у моей гортани. Кровуны почуяли наше присутствие?! Как это возможно?! Они же спали! Что их побеспокоило?!

— Мне кажется, я забыл сообщить вам кое-что важное о тех продолговатых плитах, — промямлил я, всматриваясь в кольшущиеся тени. Язык обмяк и перестал меня слушаться. Из коридора, по которому мы только что пришли, потянулась вереница гномов, закованная в потускневшие доспехи. Наверняка золото, наваленное здесь, было не более, чем приманкой для незадачливых искателей приключений. Да, они восстали все — их тут больше полусотни. Значит, я умру, высосанный до дна этими низкорослыми зубастыми мертвецами? Какая прелесть! Кровуны приближались длинной шеренгой, отрезая все доступные для бегства пути. В предвкушении обеда их глаза горели голодными красными угольками. Я принялся судорожно подготавливать заклинание «Цепной Молнии».

— Если это то, о чем ты забыл сказать, некромант, то, когда я разделаюсь с этой мерзостью, видит Урах, я примусь за тебя!

В голосе Серэнити я прочитал откровенную угрозу. Выставив перед собой щит, великий инквизитор приготовилась к сражению.

— Давно я не встречал здесь кого-то из нашего племени.

Из сумрака показался гном, его жёлтая борода и огромные клыки сильно выделялись на пепельно-белой коже. На человеческом языке он говорил чисто и без запинок.

— Мне вот что хочется знать — ради чего ты забрался в сокровищницу древнего народа, брат?

— Золото нам не нужно, — спокойно ответил Грешем. Появление кровунов его почему-то ничуть не испугало. — Мы ищем Пик Смерти.

Вероятно, услышанное застало желтобородого гнома врасплох. Он дал знак надвигающимся кровунам остановиться, а потом пристально посмотрел на моего ученика.

— Зачем ты разыскиваешь это место? И почему ты говоришь «мы»? Разве это стадо не

твой корм?

— Ты кого кормом назвал, гниль?! — закричал Дурнбад, становясь в боевую стойку. — Сейчас я раскрою твой мерзкий череп на тысячи осколков!

Казалось, что кровун не обратил никакого внимания на угрозу старейшины войны. Наверняка он думал, что мы — просто еда Грешема, которая не заслуживает того, чтобы разговаривать с ней или вообще как-то реагировать на неё.

— Нет. Я не питаюсь их кровью — они мои друзья, — проговорил Грешем, подходя ко мне. — На Пике Смерти находится усыпальница Эмириуса Клайна. Если он спит, то должен пробудиться от нескончаемого сна и узнать, что в земли, лежащие за Железными Горами, пришла Десница Девяносто Девяти Спиц — враг из бездны, способный сокрушить как недолговечных людей, так и бессмертных вампиров. Только Эмириус Клайн сможет остановить топор, занесённый над миром.

Грешем положил ладонь мне на плечо.

— Если тебе что-то известно, расскажи это ему. Человек, стоящий перед тобой, избран Судьбой. Его Бремя — нести ответ за Жизнь, нынешнюю и будущую.

Переведя взгляд на меня, желтобородый гном склонил голову чуть набок.

— Меня зовут Калев, — поспешил представиться я. — Скажи, это Яварх?

— Прежде, я никогда не слышал, чтобы вампир говорил о неподобающем себе как о равном ему. Видимо, ты — необычный человек, раз заручился поддержкой одного из нас, — отозвался гном, оценивая меня прищуренными красными глазами. — Можешь называть меня Восставший.

Печально вздохнув, кровун продолжил:

— Яварх ли это? Когда-то этот город действительно был им. Здесь пели птицы сказочными голосами. Здесь умели радоваться и горевать. Здесь жили короли и королевы. Здесь цвели небывалой красоты подземные сады. Теперь здесь ничего нет. И это всё по вине Эмириуса Клайна. Своим проклятьем она обрекла наш род служить ей до конца времён.

— Так значит, вы ненавидите его? — спросил я, удивлённо отмечая то, что кровун отозвался о Эмириусе Клайне как о женщине. Или я ослышался?

— Вовсе нет, — плотоядно улыбнулся Восставший, скрещивая на груди латные перчатки. — Матрона Тьмы дала нам гораздо больше, чем мы потеряли: силу, способную крошить горы, скорость, позволяющую бежать быстрее ветра, мудрость, наполняющую знаниями прошлого. Лишившись смертной жизни, мы обрели гармонию вечности. Согласись, Калев, мы совершили выгодный обмен.

— Возможно, что так, — уклончиво согласился я, перескакивая на другой вопрос. — В одном прочитанном мною сказании о знаменитом сражении Буля Золотобородого и Эмириуса Клайна упоминалось, что после гибели короля герои гномов желали отомстить за его смерть, однако, сколько бы они не пытались взобраться на Пик Смерти — всякий раз поднимался жуткий буран, который закидывал их льдом и гнал восвояси. Очевидно, что ты живёшь в Явархе не одно столетие, а Пик Смерти высится напротив и... Видел ли ты что-нибудь подобное?

— Видел и не раз. Погода в Будугае переменчива, то тут подует, то там...

— Значит, снежные вихри над Пиком Смерти не имеют колдовского начала?

— Я такого не говорил, — усмехнулся Восставший. — В каждой старой легенде есть свой отголосок правды, и эта не исключение. Опутав Пик Смерти сетью кровавых чар, Эмириус Клайн позаботилась о том, чтобы навязчивые мушки не мешали её покою. Только

избранные способны пройти сквозь ледяной шторм и узреть великолепие Матроны Тьмы.

— Как стать этим избранным?

На щеках кровуна заиграла хищная улыбка.

— Подставь горло, и я открою тебе дорогу.

Вот это поворот! Я, конечно, хочу спасти мир и всё такое, но обращаться в кровопивца? Ну, уж нет! Извольте!

— Наверняка должна быть «кривая», позволяющая взойти на Пик Смерти в обход вампиризма, — отозвался я, принуждая голос звучать буднично и непринуждённо.

— Пожалуй, что есть такая, — загадочно согласился Восставший, пряча лицо в тень.

— Тебе никогда не приходил в голову вопрос — как Буль преодолел град и хлад волшебного подъёма? Вижу, что нет. Последний король гномов имел при себе амулет — своеобразный пропуск через магический барьер зимы. Как-то утром Буль нашёл его у себя под подушкой, а вместе с ним письмо.

Восставший говорил тихо, будто вспоминая события давно минувших дней.

— Что же было в письме? Ах, да, Эмириус Клайн приглашала владыку Каменного Королевства воспользоваться амулетом и посетить Её Твердыню для заключения нерушимого перемирия. Матрона Тьмы писала, что устала от зыбкости бытия, и что она собирается навеки отправиться в страны мистических снов. Лживые увещания проглядывались в каждой строчке, и Буль, конечно, не купился на них, но изюминка была в том, что коварный расчёт делался на нечто иное. Юный и импульсивный король гномов попался в ловушку своих переоценённых возможностей. Не слушая советников, он решил, что, имея амулет, он сможет поразить недостижимого врага в его же логове! Глупо, очень глупо. Буль надел свой лучший доспех и направился к Эмириус Клайн, ну а дальше ты знаешь.

Восставший ударил кулаком в ладонь.

— Бабах! Он упал к подножью гор. Сокрушённые горем гномы подобрали изломанное тело Буля. Они омыли его, содеяли над ним надлежащие обряды, а затем с великими почестями и злосчастливым амулетом захоронили в отдельной гробнице недалеко от Яварха.

— Так получается, нам нужно отыскать гробницу Буля и забрать амулет! — воскликнул я, радуясь тому, что мне необязательно становиться вампиром. — Ты знаешь, где нам лучше начать поиски?

Из полумрака послышался смешок.

— Конечно, знаю. Я даже могу точно указать место, куда вам следует идти. Однако... вы уже ничего не найдёте там. Гробница пуста. Перед тем, как сбросить Буля вниз, Эмириус Клайн наградила его поцелуем в шею. Ударившись о скалы, король не умер, а лишь погрузился в глубокий сон перевоплощения. Спустя какое-то время он очнулся в каменном гробу и... возликовал. Для него началась новая жизнь, наполненная смыслом и служением. За считанные годы Яварх, как и желала того Эмириус Клайн, погрузился во тьму.

— Получается, что Буль Золотобородый здесь? В Явархе? Он один из вас? — спросил я, обводя глазами кровунов.

И тут до меня дошло, с кем я разговариваю. Как будто в ответ на мою догадку из тени на свет вынырнула жёлтая борода, а за ней и грудь, на которой покачивался тоненький вырезанный из голубого камня амулет. Буль улыбался, и между тем демонстрировал устрашающие клыки.

— Вот тебе и второй способ, Калёб, как попасть к Эмириус Клайн. Сняв его с меня, ты

сможешь безопасно преодолеть волшебную метель и достигнуть вершины Пика Смерти. Ну же! Смелее!

Протянув руку к опущенной голове Буля, я получил резкий шлепок по запястью. Падший владыка Каменного Королевства рассмеялся демоническим смехом:

— Ты что, правда, решил, что я позволю тебе вот так вот просто завладеть даром моей повелительницы? Кто ты такой, чтобы лицезреть саму Эмириус Клайн? Жалкий червяк!

Последний король гномов небрежно подобрал прислонённый к сундуку топор. Я стал медленно отступать назад.

— Когда до меня донёлся скрип остаивающейся тачанки, я понял, как давно был голоден. Мне плевать на то, что какая-то Десница Девяносто Девяти Спиц заявила в этот сгнивший мир! Она меня не накормит, а вот вы, вы — совсем другое дело! Вначале я переломаю вам все кости, а потом напьюсь горячей крови! А тебя жалкий выродок, предавший наше племя, — обратился Буль к Грешему, — я буду вечно терзать в казематах Яварха!

— Посмотрим, тварь, как ты запоёшь, когда по частям отправишься на суд к Урагу! — закричала Серэнити, обрушивая смертоносную булаву на подкрадывавшегося кровуна. Пуффф! Кровопивец превратился в облачко праха. По всей вероятности, оружие Великого инквизитора умело отлично справляться с нежитью. Опрокинув другого гнома щитом, Серэнити кинулась в атаку! Альдбриг едва успел отпарировать удар Буля. Спрятавшись за спину Грешема, я выпустил на волю «Цепную Молнию». Белая вспышка мигнула у виска желтобородого гнома. Мимо! Она отскочила от пола и рикошетом зарядила в группу кровунов — пепел из них посыпался не хуже, чем от воздействия заговорённой булавы. Я быстро повернул голову вправо. Дурнбад заслонил собой Эмилию. Он вертел молотом и не давал врагам подойти к колдунье, которая в свою очередь выпускала из Людвирбинга изумрудные шары. Хорошая тактика — маги — сзади, воины — спереди. Мне показалось, что мы с ходу взяли инициативу в свои руки. Я досадно заблуждался.

Кровуны, поначалу растерявшиеся от неожиданного отпора, скинули с себя пелену оцепенения и обступили нашу компанию со всех сторон. Нас всего пятеро, плюс Мурчик и Снурф, а их десятки — исход очевиден, не правда ли? Буль Золотобородый, смеясь, сделал шаг назад. Конечно, зачем мараться? Пусть лучше всю грязную работу сляпают за него. Три бледных гнома нешуточно насели на Грешема. Бешено крутя короткими клинками, мой ученик постепенно отступал к золотой куче, а я — вместе с ним. Я попытался сконцентрироваться — дохлая затея — слишком нервная обстановочка. В последний момент я заметил приближающуюся секиру. Бзынь! Я отбил её и перекатился к Серэнити. Вселенная, как нам выбраться из этого отчаянного положения?! Внезапно меня осенила мысль. Я рывком открыл сумку и запустил руку на дно. Вот оно! Я кинул тряпицу на пол. Поспешно стащив перчатку, я надел Узилище Ярости на безымянный палец. Волна жара сразу охватило моё запястье, а палец словно погрузили в кипяток. Стиснув зубы, чтобы не завопить от боли, я сосредоточил все помыслы на терзающем меня кольце. Давай! Яви свою силу, магия тебя побери! Когда Узилище Ярости раскалилось добела, я заорал как резанный. Держась за колено, рядом упал Грешем. Его нога была жутко покалечена молотом.

И тут всё произошло. Узилище Ярости сорвалось с распухшего пальца и устремилось ввысь. Подобно яркой звёздочке кольцо стало раскручиваться и расширяться. Битва остановилась — разрастающийся золотой круг приковал к себе все взоры. Здравствуйте, и — нате вам! Сопредельный разрыв с сюрпризом! После того, как он достиг в диаметре футов

шесть-семь, его края подёрнулись всполохами оранжевых рун. Из непрозрачной чёрной глади показалась оскаленная бордово-рыжая голова голема! Легко перепрыгнув из своего мира в наш, элементаль огня тут же схватил пламенными лапищами ошарашенного кровуна. Леденящий душу визг заполнил сокровищницу Яварха. Повинуясь приказу Буля, гномы ринулись на голема всей оравой. Тут ты допустил непростительную ошибку, приятель! Ты остался раскрытым и практически без свиты! Бой переместился на соседний фланг — сейчас или никогда! Мы совершили рывок к падшему королю. Он разгадал наш план, только когда Эмилия сотворила полупрозрачную зелёную стену между ним и его вампирами. Дурнбад, сцепившись с тремя зубастыми гномами, дал Серэнити подойти к Булю вплотную. Скривив рот в брезгливой ухмылке, Великий инквизитор обрушила на Буля Золотобородого град ударов. Блокируя секирой выпады, падший владыка Каменного Королевства, вдруг ловко отпрыгнул и спрятался за рядком колонн. Серэнити рванулась за ним. В это время элементаль огня уверенно побеждал своих противников. Отбиваясь горящими руками от топоров и молотов, он попутно крошил кровунов молниеносными выпадами. Толчок! Я упал навзничь. Боль полоснула по плечу двумя острыми иглами. На меня насел торжествующий Буль. С клыков вампира стекала кровь! Моя кровь!

— Добро пожаловать в семью, ничтожество! — прошептал он, мерзко пуская слюну по моей шеи.

В следующую секунду меня осыпало прахом. Благословенная булава Серэнити попала в Буля, разметав его жёлтую бороду по всему залу.

— С тобой все в порядке? — громко спросила Великий инквизитор.

— Я цел!

— Тогда вставай! Бой ещё не закончен!

Истинно так! Хоть Буль Золотобородый и отправился к праотцам — кровуны всё ещё были в большинстве! Им посчастливилось отрубить одну из рук голема и теперь они старались достать оружием до огненного лица. Серэнити и Дурнбад, накинувшись на гномов с тыла, взяли их в тиски! Слева элементаль, а справа — старейшина войны и Великий инквизитор — не позавидуешь! Кислотный дождь Эмилии и два моих энергетических разряда стали для кровунов последней каплей. Их командный дух сломался, и они обратились в бегство. Голем покрутил головой и вперила пылающие глазницы в единственного оставшегося перед ним вампира. Ну, разумеется! Как я только мог упустить это из вида?! Мой ученик тоже имеет клыки! Не мешкая, элементаль направился прямо к обездвиженному Грешему. Сообразив в чём дело, Серэнити и Дурнбад попытались задержать огненного монстра — к сожалению, все их атаки играючи отбивались, голем продолжал своё наступление. Что же делать?! Я кинул взгляд на матовый диск Узилища Ярости. Да! Нужно разрушить сопредельный разрыв! Я подбежал к светящемуся чернотой кругу и со всей силы рубанул Альдбригом по руническому краю. Появилась трещина. Ещё удар, ещё одна трещина. Взмахом лапищи, голем откинул стоящую на его пути Серэнити и побежал ко мне. Лишь чудом мне удалось перерубить Узилище Ярости раньше, чем элементаль успел заключить меня в расплавленные объятия. Прогредел взрыв. Сшибленный ударной волной, я брякнулся на грудь золота. Ох, моя спина! Это что, кубок мне впился в копчик? Мои глаза смотрели в потолок. Магические шарики весело подмигивали и тускло переливались разноцветными лучами света.

— Нечего разлёживаться — ты сюда приехал не золотые ванны принимать, — сказал я себе, поднимаясь.

Среди разбросанных сокровищ и тел кровунов устало ковыляла мои друзья. В голове шумело. Качаясь и скрипя, как проржавевший маятник, я подошёл к сидящему на полу Грешему. Его колено представляло из себя нечто вроде разбитого в пух и прах фарфорового стакана. Жуткое зрелище. Не будь он вампиром, наверняка бы уже скончался от болевого шока. Кровь тонкой струйкой стекала ему в сапог. Чем же тебя подлатать, мой родной? Материала навалом!

— Все живы? — спросила Эмилия, вытаскивая Мурчика из укрытия. Когда началось сражение, кот спрятался в бочке, обитой пластинами серебра.

— Вроде, да, — отозвалась Серэнити, склоняясь над Грешемом.

— Подожди, не залечивай рану, — попросил я великого инквизитора. — Я его сам... того.

Встретившись с Серэнити взглядом, я добавил:

— Когда найду подходящую кость.

— Тогда давай палец осмотрю или тоже сам справишься?

— Будь любезна, затяни рану.

— Эй, уважаемые, может в начале меня отремонтируете, — слабо возмутился Грешем.

— Потерпи немножко, — ответил я, протягивая искалеченную кисть Серэнити. — С целыми руками мне будет сподручнее тебя поставить на ноги.

Под воздействием магии Света палец обзавёлся тоненькой плёнкой кожи. Боль прошла. В память о себе Узилище Ярости оставило на фаланге мелкозернистую сеть шрамов — пойдут в копилку к прочим рубцам. Только я хотел приняться за Грешема, как вдруг Серэнити схватила меня за плечо. Её стальная перчатка угадила ровно на укус Буля.

— Ты заражён! — с отвращением и болью в голосе вскрикнула Великий инквизитор. — От этой заразы нет лекарства, и моя магия здесь бессильна. Мне жаль. Тебя не спасти.

Восклицание Серэнити привлекло ко мне Дурнбада и Эмилию. Глаза моей подруги округлились. Приложив руки к щекам, она спросила:

— Сколько у тебя есть времени?

— Сама знаешь, это происходит по-разному. На обращение уходит от трёх недель до месяца, — печально ответил я.

— А потом?

Эмилия прижалась к моей груди и тихонечко зарыдала.

— Что потом?

Я погладил каштановые волосы подруги.

— Ну не расстраивайся ты так! Раз Буль Золотобородый мёртв, то теперь я должен занять его место. Я буду охранять золото и поджидать на ужин вкусеньких авантюристов. Научусь шипеть и таиться в тени. В конце концов, чем Яварх хуже Шато?

— Калёб, почему ты такой дурак!

— Ну-ну, Эмилия, я не самый твой глупый знакомый.

— Шаттибраль, твои шутки омерзительны, — холодно отметила Серэнити. — Я надеюсь, что Урах сжалится над твоей чёрной душой.

— Мне не хочется трансформироваться в вампира, однако механизм уже запущен, и назад ничего не вернёшь. Нужно жить дальше, — отозвался я, отстраняясь от Эмилии, чтобы выломать топором берцовую кость гнома.

— Поверьте, это не так и плохо, — улыбнулся Грешем, наблюдая за тем, как я начал колдовать над его коленом. — Вы обретёте силу огра, рефлекс тигра и... Что там ещё из

наших достоинств перечислял Буль?

— Мудрость, кажется.

— А, да, точно! Мудрость совы! — кивнул мой ученик. — Смотрите, сколько плюсов!

— Закачаешься.

Дурнбад, до этого хранивший молчание, положил молот на холмик монет, а потом заговорил, с трудом подбирая слова:

— Если ты это... захочешь, чтобы я покончил с тобой, когда полезут клыки, то скажи... Я сделаю всё быстро. Ты даже не почувствуешь, заснёшь и всё... И это, не думай... Ты мне навсегда останешься братом по крови.

— Хм, — промычал я, не зная с ходу, что ответить на такое предложение. — Спасибо большое, Дурнбад, я тронут тем, что ты так обо мне заботишься.

— Не стоит благодарности, — сурово отсек старейшина войны. — Это мой долг помочь брату.

Не скрою: нависшие надо мной изменения повергли меня в уныние. Я не хотел обзаводиться острыми зубами, когтями, удлинёнными ушами и другими небезызвестными атрибутами вампиров. Спать в гробу, принимать обратное зелье, чтобы показаться на люди и пить кровь вместо чая — разве об этом я мечтал? Кошмар! Как Грешем с этим живёт? А Эмилия? Она примет... такого друга? Нет. Забудь. Нельзя так с ней. Я поковырял забившуюся под ногти грязь. Много печального ожидает меня, но... если осветить это, с другой стороны, то, чего уж там юлить, мне будет любопытно испытать на своей шкуре, какого это — переродиться в кровопивца. Как настоящий учёный я с удовольствием стану отмечать каждый новый симптом неизлечимой болезни. Что там первое идёт по списку? Появляется сухость во рту и пропадает аппетит. Затем? Бледнеет кожа и улучшается зрение. Дальше? Деформируются челюсти и нарастают мышцы. Ну а остальное по накатанной — краснеют глаза, истончаются волосы и прочее, прочее, прочее. Я ухмыльнулся. Правильно ли я помню последовательность стадий? Вскоре узнаю.

Я подошёл к тому, что осталось от правителя Каменного Королевства — ни доспеха, ни ботинок — только прах. Откуда ни возьмись выпрыгнул Снурф — прятался, наверное, в золотых запасах. Таракан зашевелил усиками, и я ободряюще погладил его бронированный бочок.

— Где же ты был всё это время, малыш? Я уж подумал, что всё — ушёл от меня мой любимчик!

— Нит!

Я оторвал взор от чёрных глаз-бусинок и пошарил рукой по серой горке, которая ещё недавно была Булем Золотобородым. Уцелел ли амулет? Да! Булава его не уничтожила! Вот он! Сомкнув пальцы на твёрдом кругляшке, я вытащил его из всё ещё дымящейся кучки. Вырезанный из голубого камушка, он играл оттенками синего и фиолетового. В маленьком кружке застыли семь звёздочек разного размера. Поднявшись с колен, я отряхнул с себя трупную золу.

— Можно посмотреть?

Серэнити протянула перчатку за моей находкой.

— Держи.

Задумчиво повертев амулет между стальных пальцев, Великий инквизитор сжала его в кулак.

— На Пик Смерти пойду я. Случись что — ни у кого, кроме меня не хватит сил

противостоять Эмириусу Клайну. Наверняка у этих тварей где-то прорыт прямой ход к своему кровавому властелину! Надо немедленно начать поиски!

Развернувшись, Серэнити собиралась отойти от меня, но я поймал её за локоть. Великий инквизитор была вынуждена обернуться. Одна её бровь вопросительно приподнялась ко лбу.

— Подожди, — вздохнул я. — Скажи, ты сможешь сдержать свой гнев и не напасть на Эмириуса Клайна, если он откажется нам помогать? Нет. Ты набросишься на него и погибнешь, как и все те, кто желал ему смерти до тебя. Я не хочу, чтобы ты умерла. Но я так же не хочу, чтобы погиб и он... или она. Если тебе повезёт, и ты всё-таки убьёшь Эмириуса Клайна, то Пророчество Полного Круга не сбудется и мир будет обречён потонуть в жерле Десницы Девяносто Девяти Спиц.

Серэнити нахмурилась, а я всё продолжал:

— Мне терять нечего. Я прожил долгую и полную впечатлений жизнь. У тебя же всё ещё впереди. Твоя забота и искусство светлой магии нужны народам Соединённого Королевства. Без тебя Констанция Демей не справится с трудностями, выпавшими на долю её правления. Я прошу тебя не рисковать собой и жить во имя других. Позволь мне поговорить с Эмириусом Клайном. Я обещаю, что постараюсь подобрать нужные слова и тронуть его тёмное сердце.

После долгого молчания Великий инквизитор кивнула.

— Я подумаю над тем, что ты мне сейчас сказал. Давай отыщем проход к Пику Смерти, а там поговорим.

— Хорошо, — согласился я.

Обойдя сокровищницу вдоль стен, мы не обнаружили ни одного сохранившегося бокового ответвления. Наверняка кровуны специально устроили завалы, чтобы попавшая сюда жертва не сумела убежать. Вернувшись через единственный коридор к лестнице, наша компания спустилась на уровень ниже. Руины некогда жилого квартала поприветствовали нас многовековой пылью. Побродив по кривым улицам, мы спустя час вышли к крутому обрыву с остатками обрушенного моста. Можно, конечно, попробовать перебраться на ту сторону с помощью левитации, хотя... вдруг я не удержу Дурнбада или Эмилию? И что тогда? Они полетят в самую глубь гор? Такой вариант меня, естественно, не устраивал. Должен быть другой выход! Все эти тысячелетия гномы же как-то попадали в Яварх? Ответ ожидал на ярусе, расположившемся над Залами Странствий. Врата, через которые искатели приключений проникали в древний город, оказались уничтожены землетрясением. Арка прохода была полностью засыпана обвалившейся породой. Не зная, что делать, мы решили вернуться в сокровищницу и хорошенько выспаться. В дозор первым пошёл Дурнбад — кровуны побеждены, но кто им мешает взять реванш?

— Горы и недра! — бормотал Дурнбад, усаживаясь на инкрустированное алмазами кресло. — Буль Золотобородый всё это время... здесь.

— Да уж, так себе дополнение к знаменитой легенде, — согласился я.

— Теперь он, наконец, мёртв, — отозвался старейшина войны, вертя в руках похищенное из Зарамзарата кольцо.

— Тебе не даёт это покоя?

— Мысль о том, что король Каменного Королевства многие эпохи жил, как разбойник, и пускал своему народу кровь ради удовлетворения кишки, вызывает у меня отвращение.

— Ты расскажешь об этом своим соплеменникам? — поинтересовалась Эмилия.

— Нет. Во-первых, мне никто не поверит, а во-вторых, я хочу, чтобы Буль Золотобородый навсегда остался в памяти как храбрый воин, а не как сгнивший во зле кровун, — мрачно ответил Дурнбад.

— Ты прав, красивая история не должна пополниться подобными фактами, — кивнула моя подруга.

— Её герой и дальше будет героем, но уже не для меня — вздохнул Дурнбад, пряча кольцо за пазуху. — Спице, мне надо всё это переварить.

— Внимательной тебе ночи, — пожелала Эмилия.

— Спасибо. У меня под носом мышь не проскочит.

— Это приятно слышать, — хмыкнул Грешем.

— Серэнити, разбуди меня после себя, — попросил я.

— Договорились.

Я по привычке подтолкнул под голову сумку и провалился в беспокойные сновидения. Распихала меня, однако не великий инквизитор, а Снурф, его лапка настойчиво теребила мне штанину. Я кинул взгляд на спокойно сидящую Серэнити, а потом недовольно перевёл его на фамильяра.

— Ну что такое? Зачем ты дёргаешь хозяина после такого тяжёлого дня? У тебя совесть есть? Потерпи немножко, поешь со всеми!

— Нит! Тамф!

— И что же там? — сонно спросил я, прикрывая глаза и откидывая голову обратно на сумку. Я решил, что Снурф тянет меня показать красивый камень или блестящую безделушку.

— Тамф лаф!

— Что такое лаф? Я не понимаю.

— Лаф, лаф, лаф! Яф нафол! — застрекотал таракан, крутясь на одном месте.

— Снурф, я сплю!

— Нит! Лаф!

— Это очень важный «лаф», и ты не отстанешь, ведь так?

— Даф!

— О, Вселенная, ну пошли, поглядим на твой «лаф», — прокряхтел я, вставая с пола.

Топая за Снурфом, я помахал насторожившейся Серэнити.

— Ничего такого, — сказал я, проходя по горе золота мимо великого инквизитора. — Снурф собрался мне показ...

Я не смог договорить предложение так как, наступив на монеты, провалился в дыру! Вот что таракан хотел мне сказать! Не «лаф», а лаз! Здесь секретный лаз кровунов! Я поднял голову и увидел довольные глазки таракана. Шевеля усиками, Снурф уступил просвет Серэнити. Её брови-ласточки поползли вверх.

— Что ты там видишь?

— Проход, по росту чуть выше гнома, — ответил я, создавая шарик света. — Я схожу, посмотрю, куда он ведёт!

— Стой, Шаттибраль! Я пойду с тобой! — заявила Серэнити. — Только Эмилию подниму!

— Нет, вдвоём нам тут не уместиться, а если кто-то на нас нападёт, мы будем только мешать друг другу. Не беспокойся, я быстро, туда и сразу назад.

Мой ответ Серэнити не понравился. Поджав губы и скрестив руки на груди, она

обронила:

— Попробуй на этот раз не вляпываться в неприятности.

— Неприятность — моё второе имя!

— А первое — безрассудство!

Улыбнувшись Великому инквизитору, я отправился вглубь коридора. Мотки липкой паутины мешали продвижению. Я срывал её и комками бросал под ноги. Видимо, лазом давненько никто не пользовался — это хорошо. Идя вдоль гладких стен, я заметил, как у меня изо рта стали вырываться струйки пара. Холодало. Кое-где на шершавом камне появились подтёки наледи. Я поёжился и плотнее закутался в полы мехового плаща. Как же мне надоело передвигаться по этим туннелям в полусогнутом положении. Кто бы знал! Стоит мне только согнуться пополам, как спина тотчас начинает ныть. Гномы могли бы рыть свои норы чуть выше и чуть шире! Почему я должен страдать из-за высокого роста? Я пыхтел, отдувался и сетовал на архитектурные особенности и недоработки подгорного народа, пока вдали не замаячило белое пятно. Ну, неужели! Лучи полуденного солнца! Вот она — дорога из Яварха! Я прошёл через грубый свод, выбитый в породе. Пришлось зажать глаза руками — столько света после продолжительной темени! Меня буквально ослепило. Постепенно я перестал жмуриться и осмотрелся, как надо.

Я стоял на парапете неподалёку от узкого моста, ведущего к огромной и острой, как клинок, горе. Во всей своей грозной красоте передо мной вздымался Пик Смерти. Запрокинув голову как можно выше, я увидел, что его верхушка теряется в шапке облаков. Дело за малым — забраться наверх и найти Эмириуса Клайна! Проще простого, правда? Я шагнул по направлению к Пику Смерти, но тут же остановился — дальше идти опасно, неизвестно, где на этом мосту может появиться волшебная метель. Надо вернуться и оповестить друзей, что наше путешествие практически подошло к концу. Я набрал полную грудь воздуха и медленно-медленно выдохнул. Это было самое безумное приключение, в котором мне довелось поучаствовать. Я вновь полез в секретный лаз. Всё-таки Снурфи у меня молодчина! Своими тараканьими усами он нащупал дыру и сообразил, что хозяин её ищет! Ай, да умный, ай, да разумный! С меня будет причитаться! Прежде, чем я добрался до сокровищницы, моя макушка по славной традиции тройку раз поздоровалась с потолком. Меня встретили Серэнити и Эмилия. Протянув руку, великий инквизитор помогла мне выбраться наружу.

— Калерб, ну говори уже! — сразу потребовала колдунья, пытливо смотря на меня зелёными глазами.

— Холод. Свет. Высоченная гора.

Я расплылся в улыбке.

— На той стороне Пик Смерти.

— Вы слышали?! — радостно закричала моя подруга, подбегая к спящему гному и вампиру. — Калерб отыскал дорогу к Пику Смерти!

— Не я, а Снурфи!

— Вот так новость, — протянул Дурнбад, протирая кулаком глаза. — Я давно сплю? Теперь надо определить, кто из нас поднимется к Эмириусу Клайну и поведает ему о бедах вашего королевства.

Я посмотрел на Серэнити. Великий инквизитор нехотя протянула мне цепочку с амулетом.

— Надеюсь, что за столетия он не потерял своей волшебной силы и тебя не скинет с

Пика Смерти внезапным порывом ветра. Я желаю тебе удачи. Я желаю удачи нам всем. Помни, что тысячи жизней находятся в твоих ладонях. Да благословит тебя Урах.

Я перекинул через шею тонкую серебряную цепочку и скрыл амулет под одеждой.

— Спасибо, Серэнити, я не подведу.

Великий инквизитор улыбнулась уголком рта.

— Я знаю.

Подойдя к Эмили, я обнял её за плечи.

— Вот мы и дошли, подружка... Многое пришлось пережить тебе в эту зиму по моей вине, но скоро всё закончится и встанет на свои места. Когда я спущусь с Пика Смерти мы, не откладывая, примемся разыскивать осколки фиала.

— Да уж, Калерб, хлебнула я с тобой горя, — согласилась Эмилия, уткнувшись мне носом в грудь. — Ну, а на что ещё нужны друзья? Помогать выпутываться из проблем, конечно! Возвращайся обратно! Будем теперь бегать по моим делам. Играть в спасителей мира мне до ужаса наскучило!

Отстранившись от колдуньи, я протянул руку Дурнбаду. Схватив моё запястье, старейшина войны сжал его в медвежьей хватке.

— Я с тобой не прощаюсь, — пробасил гном. — Иди и сделай то, что должен. Только поступки отличают юнца от настоящего мужчины. Я горжусь, что ты стал мне братом по крови.

— С меня — «Неййли-пеййли», — подмигнул я.

— И пинта пива!

— Замётано!

Не успел я высвободиться из тисков Дурнбада, как возле меня встал Грешем.

— Только не говорите, что пойдёте туда без меня! Если вы забыли, то я, между прочим, вампир, и магия Пика Смерти мне не страшна! Вам может там понадобится помощь! Я единственный среди всех нас не нуждаюсь в амулете короля Буля!

— Грешем, я не могу забыть, что ты вампир, хотя бы потому что об этом мне напоминают твои великолепные клыки. Кстати, в ближайшем будущем у меня появятся такие же, а может даже и побольше, — улыбнулся я. — Пойми, некоторые вещи человек должен делать один. Судьба вела меня сюда, и я обязан до конца исполнить свою роль. Когда-нибудь я смогу объяснить тебе это. Сейчас же просто поверь, что так нужно.

— Надеюсь, что вы знаете, о чём говорите, — проворчал Грешем, опуская голову.

— Не сомневайся. Впереди у тебя длительное обучение, за которое ты узнаешь не только секреты магии, но и поймёшь, что всё во Вселенной взаимосвязано, и есть обстоятельства, где ты являешься главной фигурой на шахматной доске.

Я хлопнул ученика по спине, после чего наклонился к таракану.

— Снурфи, папочке надо ненадолго уйти.

— Нит! Яф с тофой!

— Со мной нельзя.

— Пофему?

— Там куда я иду очень холодно, ты обморозишь лапки.

— Нит!

— Это не обсуждается, маленький проказник.

— Брофаешь Снурфа?

— Нет, конечно, нет! Я никогда не брошу тебя! Слышишь? Никогда! Я буду

отсутствовать день, от силы два.

— Многоф!

— Я согласен, что много. Кстати, у меня есть для тебя очень ответственное задание, которое я не могу поручить другим.

— Какофе?

— Ты точно готов узнать, какое?

— Даф!

— Тогда скажи: ты у меня бравый таракан?

— Даф!

— Ты ответственный?

— Даф!

— Ты отважный?

— Даф! Даф! Снурф отфафный!

Я посмотрел на подругу.

— Раз так, я назначаю тебя защитником прекрасной Эмилии! Пока я не приду, ты будешь её опорой и поддержкой!

— Даф! Даф!

— Я не ослышался? Ты справишься? Убережёшь её от кровунов и прочей нечисти?

— Снурф смефый! Снурф всеф рафгонит!

— Вот так страж у меня появился! — улыбнулась колдунья. — За Снурфом и Мурчиком я буду как за каменной стеной!

— Даф! Даф! — таракан гордо прошествовал к Эмилии. — Снурф спрафифся!

— Вот и славно! Мурчик, моё почтение!

Я почесал кота за ушком, взял немного еды из общей сумки и больше не оглядываясь, потопал к Пику Смерти. Согнувшись знаком вопроса, я вторично преодолел приземистый коридор, и когда показался из арки, солнце уже клонилось к закату. Я нащупал под жилеткой амулет. Была не была? Я двинулся по мостику к каменной туманной игле. Мост приходился примерно на середину горы и внизу открывался вид, достойный кисти художника. Абрикосовое Море лениво лизало чёрный берег у подножья Яварха. Там, на севере, лежат холмы Керана и хрустальные минареты его гордого города-порта Хафлана. На тачанках под корнями Железных Гор мы покрыли колоссальное расстояние! Это восхитительно! На серо-голубом небе я различил несколько малюсеньких вихляющихся точек. Это птицы выделявали неровные восьмёрки. Мне показалось, что я слышу их отдалённые крики.

Дойдя до конца моста, я оказался возле лестницы, выдолбленной в породе Пика Смерти. Широкая и старая, как само Время. Кто прорубил её? Гномы? Вампиры? Или некто другой? Топая по рябым порожкам, я продумывал, что скажу Эмириусу Клайну. А вдруг он не захочет меня слушать? Вдруг он слопаёт меня? Горячая пища пришла сама, почему бы и нет? С жизнью я расстаться, конечно, не хочу, но даже не это сейчас самое страшное... если его, или всё же исходя из слов Буля Золотобородого — её, там не будет, то что? Все наши старания окажутся тщетными?

Завыл ветер. Ещё недавно спокойное небо полностью затянулось чёрными облаками. Повалили мелкий колючий снег. Предвещалась жуткая метель. Цепляясь за выступы, я продолжал упрямо подниматься вверх. Внезапно на меня налетел вихрь. Лишь Вселенной известно, как я удержал равновесие и не покатился кубарем по ступенькам. Мной овладел

страх. Почему буря пытается меня сбить? Амулет не работает? Он предназначался только для Буля Золотобородого? Поздно думать об этом, надо идти дальше. Я выиграл у непогоды два витка, однако на третьем удача устала выгораживать меня. Я поскользнулся, упал на бок и, словно бочка, покатился обратно. Ох, бедные мои ребра! Все болит. Надеюсь, я себе ничего не сломал? Проведя ладонью по лицу, я очистил его от налипшего снега и капелек крови — мой нос очень чувствителен к ушибам. Что, этот жалкий сквознячок станет для меня серьёзным препятствием? Вот ещё! Сцепив зубы, я выпрямился. Вот порожек, а вот ещё один! Давай Калёб, ты справишься, ты не можешь не справиться! Из-за россыпи мельтешащих снежинок я практически ничего не видел. Всё вокруг было белым-белом. Ветер ревел так, что уши грозились отделиться от тела, как, впрочем, волосы и капюшон. Грудь между тем что-то щипало. Инстинктивно я полез рукой за пазуху. Пальцы коснулись амулета — он был горячим. У меня мелькнула мысль — а может, его нельзя держать под одеждой? Я быстро потянул за цепочку и повесил амулет поверх развевающегося плаща. Звезды на нём всюду сверкали синими и фиолетовыми красками!

Буря поубавила ярости. Снег больше не забивал глаза, а падал крупными хлопьями. Облака, застывшие небеса, потянулись в сторону моря. Вот оно, колдовство! Широко улыбнувшись, я уже без труда перепрыгивал сразу через две ступеньки. Я шёл и шёл — час, три, четыре, а уступы всё не прекращались и не прекращались. В какой-то момент я выдохся и решил присесть, чтобы отдохнуть. Пора перекусить. Я достал из сумки завернутые в тряпицу ветчину и хлеб. Челюсти принялись отбивать такт, а я — смотреть на опускающуюся ночь. Желудок набит? Тогда вперёд! Я продолжил свой путь. Древние бастионы Яварха укрыло одеяло тумана. Да, Пик Смерти куда осанистее младшего брата. Здесь свет рассеивался и как бы просачивался сквозь мутную пелену. Я забрался на большую высоту! Дышалось тяжело. Из-за влажного воздуха хотелось вздохнуть поглубже. Чтобы не спотыкаться каждые три секунды, я создал парочку магических шариков. Свет упал на щербатый круг приступков, и в его сиянии я увидел скелет, облачённый в изумительный доспех. Сама собой рука потянулась к кирасе с выдавленным разлапистым деревом. Чей это герб? Почему-то мной овладела уверенность, что кираса сделана из панциря эголоцепа. Кто ты, о, безмянный герой прошлого, что носил на своих плечах столь драгоценный груз? Ради какой цели ты взбирался на Пик Смерти? Что двигало тобой? Никому уже не открыть твоей тайны. Я покинул останки и устремился ввысь.

Лестница приобрела перила. Появились постаменты со статуями горгулий. По легендам эти мифические существа могли обращаться в камень. Наделённые огромными серповидными когтями, зубастыми мордами и злобными характерами они вписали себя во многие истёртые сказания. Мне всегда нравилось читать захватывающие истории о сражении могущественных магов и смертоносных горгулий. Наверное, хорошо, что я не жил в ту безумную пору. Сам бы я вряд ли победил такую гадину. Задумчиво осмотрев ощерившуюся в сардонической ухмылке горгулью, я отметил, что пьедестал, на котором она стояла, имел глубокие борозды, схожие с царапинами. Как они тут очутились? Я подавил в себе желание дотронуться до устрашающего рта и благоразумно оставил скульптуру в покое. Немного погодя, я, наконец, миновал последнюю ступеньку.

Вот и всё, я на вершине. Передо мной раскинулось ровное плато, окружённое кольцом скал. По его центру длинным шпилем дыбилось куполообразное здание. Врастающее задней стеной в гору, оно не имело окон. Единственная дверь — и всё. Я потянул за ручку, и створы легко распахнулись. Внутри было светло. Семь магических звёздочек-светильников

расположились на потолке, образуя серп. Моему взору предстал продолговатый стол, на котором покоился абсолютно чёрный ящик из отполированного камня. Обсидиан? Вряд ли. С учащённым сердцебиением я подошёл к столу. Я возложил ладони на крышку и попытался прощупать, кто или что находится под ней. Магия ничего не сказала мне. Хотя это ещё не значит, что там пусто. Я собрался с духом и потянул за верхний край саркофага. Это оказалось сложной задачей. Физически мне, конечно, далеко до Дурнбада, Грешема и тем более Серэнити, но обычный человек все же уступит мне по силе. Годы некромантии, включающие в себя практику по отрыванию у скелетов и зомби костей, сделали мои мышцы твёрдыми. Нещадно потея, я стащил крышку на пол. Фух! Я утёр рукавом лоб и заглянул вовнутрь. Я не сразу поверил тому, что увидели мои глаза. Два больших белоснежных крыла обрамляли стан фантастически красивой девушки. Её тонкие руки были закованы в цепь и сложены на груди крестом. Прямые пепельно-серые волосы доходили до плеч. Чуть вздёрнутый носик и волевые черты лица. Одета девушка была в чёрную тунику с белым знаком Ураха. Дабы не издать вопль восхищения, я зажал рот рукой — так ошеломил меня вид этой внеземной красавицы. Вот значит, как ты выглядишь Эмириус Клайн. В своей голове я рисовал тебя несколько иначе. Даже лучше сказать — совсем иначе! Как же теперь тебя разбудить? Просто потрясти за плечо? Для начала неплохая идея! Давай, Калев, не трусь! Туда-сюда и всего-то! Я неуверенно дотронулся до плеча — оно тёплое! Почти нежно я потормошил Эмириус Клайн. К сожалению, никаких намёков на то, чтобы она очнулась от сна, я не уловил. Добавив в свои действия силы, я повторил попытку. Бархатные крылья затрепетали, однако больше ничего не произошло. Как же вытащить тебя из вечного транса? Я облокотился на стол двумя руками. Должен же быть какой-то выход! Как-то же ты иногда просыпаешься! И тут я понял, как заставить Эмириус Клайн подняться из гроба. Я вынул из сумки кинжал. Запястье — я жертвую тобой. Я кольнул руку, и кровь весело забрызгала на плиты. Я перенаправил каплю на алые губы. Неожиданно рот разомкнулся, и кровь стала попадать прямо в горло. Глаза распахнулись. Радужки их были синими, как море, а белки не белыми, а чёрными. Есть! Она пробудилась! Я сделал шаг назад и бабам — упал. Видимо, оступился. Перекинув замшевые сапожки через край саркофага, Эмириус Клайн спрыгнула подле меня. Затем она расправила крылья и потянулась всем телом. Цепи на её руках переливчато зазвенели.

— Грёзы вечности... как хорошо в них...

Голос Матроны Тьмы был мягким, как горный ручей.

— На тебе амулет Буля... Кто ты, дитя?

Поднявшись на ноги, я оказался лицом к лицу с Эмириус Клайн. Она улыбнулась мне, продемонстрировав два длинных, неестественно белых клыка.

— Меня зовут Калев Шаттибраль... — начал я.

— Ты либо слишком храбрый, либо слишком глупый, а может быть и всё вместе, раз осмелился оторвать меня от бесконечного сна, — перебила Матрона Тьмы. — У тебя есть ровно три секунды, чтобы назвать мне причину моего пробуждения... и, возможно, остаться в живых или получить быструю смерть.

— Пророчество, причина в нём.

— Пророчество? Интригующе... добавлю тебе ещё пять секунд, продолжай.

Немного отстранившись от Эмириус Клайн, я торопливо заговорил:

— Всё произошло несколько месяцев назад. От королевы Элизабет Тёмной я получил загадочное письмо с призывом явиться ко двору Соединённого Королевства. Я — маг, и мои

услуги могли понадобиться по разным вопросам, однако... всё обернулось гораздо серьёзнее. Во время путешествия в Шальх мне встретился портал, из которого выползали гигантские скорпионы. Тогда я ещё не понимал, в чем дело, но вскоре, кое-что прояснилось. По прибытию в столицу я узнал, что король Вильгельм Тёмный убит, его сын, принц Фабиан, похищен вместе с Коронай Света, а демонические порталы, из которых твари, клокочущие название своей армады — Десница Девяносто Девяти Спиц, как заразная болезнь распространяются по просторам провинций. Мне поручили расследовать эти роковые события... На месте убийства Вильгельма Тёмного я обнаружил руны Хрипехора и книгу с описанием Пророчества Полного Круга, в котором рассказывалось о наступлении черных дней для Соединённого Королевства и древних героях, способных остановить бесчинства, призвав Ураха, Бога Света. В ту ночь мне приснился необычный сон. Даже не сон, а Отклик Мощи, вызванный сильнейшей трансцендентной нестабильностью. В нём Нолд Тёмный указал мне мечом путь на горы. Обеспокоенный этим видением, я перерыл всю библиотеку Шальха, и мои поиски увенчались успехом: в мемуарах о Железных Горах мне попало упоминание об одном из тех героев, он... вернее, она обосновалась на Пике Смерти. Проанализировав ситуацию, я пришёл к выводу, что мир в огромной опасности, и сама Судьба явила мне Своё Откровение. Убедив королеву Констанцию Демей в том, что найти Эмириус Клайн — наше единственное спасение от бед, я и группа моих друзей отправились на поиски легендарного прародителя вампиров. Наша дорога пролегла через Эрменгер и... когда я увидел вместо него обугленные стены и трупы людей, то утвердился в правильности своих суждений. В том дымящемся городе я столкнулся с главарём-демоном Десницы Девяносто Девяти Спиц по имени Таурис Красный Палач. Он заявил мне, что убьёт Ураха и обратит Соединённое Королевство в пепел. С того дня я преодолел множество невзгод, и все они сопровождалась свирепством Тауриса. Его сила растёт, и без должного отпора орды Десницы Девяносто Девяти Спиц поглотят нас... С благословения Вселенной я смог выполнить свою миссию — разыскать тебя и поведать о надвигающейся катастрофе.

— Мне ничего не говорят имена королей и королев. Когда я просыпалась последний раз, их и в помине не было, — растянута промолвила Эмириус Клайн. Присев на край стола, она попросила:

— А этот Таурис, расскажи мне о нем поподробнее.

— Я видел его дважды. Он похож на козла с человеческими руками. Его голову венчают перекрученные в восьмёрку рога, а прямоугольные зрачки рдеют углями. Когда Таурис оказывается поблизости — все немеют, словно статуи. Я предполагаю, что это как-то связано с огромным потоком энергии, струящейся через него. Если настроиться на эту энергию, то можно творить заклинания практически неограниченной силы. Таурис назвал себя Первым из Круга Смерти. Думаю, что Десница Девяносто Девяти Спиц замедлит своё продвижение или уйдёт обратно в бездну только после того, как он погибнет. Мне кажется...

— Довольно! Я не спрашивала о твоих догадках, — холодно осекла меня Эмириус Клайн, взмахнув крыльями.

— Но Пророчество Полного Круга!..

Странные глаза Матроны Тьмы сузились. Её перебили.

— Мне ничего не известно о Пророчестве Полного Круга. Если таковое и было, то Урах явил непостоянную грань Будущего лишь Нолду Тёмному. Мне нет дела до того, что Вседержитель не открыл лично мне. Миры разрушаются и куются вновь. Это — закон

Вселенной. Если этой земле пришла пора потонуть в огне, то так тому и быть. Пусть Таурус или любой другой предвестник Колеса Времени сотрёт старое ради начала нового.

Слушая безразличный ответ, я непроизвольно затрясся. Нет, меня затрусил не от страха, вернее он, конечно, присутствовал, но попятился перед кое-кем покрупнее. Во мне закипала злость. Я прошёл от Шато до Пика Смерти, терпя голод, холод и боль, чтобы узнать, как Эмириус Клайн равнодушно обрекает всех нас на пожизну старухи с косою?! Ярость пронзила инстинкт самосохранения. Я закричал:

— Не может быть! Ты! Ты плюёшь на нас всех! Сейчас ты затягиваешь петлю на шею у невинного! Да не у одного, а у миллионов невинных! Из-за твоей ледяной отрешённости, гордости или не знаю чего там, мы все падём под когтями Десницы Девяносто Девяти Спиц! Ты говоришь, что мир выкуется вновь? Нет! Он не обновится! Зато покроется отвратительной коркой скверны. Она сожмёт его и обратит в темницу для мириады душ. Ты носишь одежду с вышитым знаком Всеотца, но ты не достойна её! Ты предала Ураха и всех его детей! Ничего! Ещё не все потерянно! Пусть я пройду через мороз и жар, пусть я снизойду в преисподнюю и на небеса, пусть против меня будут суккубы и инкубы, пусть! Я не боюсь! Я не остановлюсь и дойду до других героев древности! Цхева, Джед Хартблад Нолд Тёмный — уверен, они помогут оставить прожорливую пасть Десницы Девяносто Девяти Спиц, а ты... ты ложись в свой ящик и спи. Надеюсь, тайфун разломит Пик Смерти и твоё гнилое сердце сплющит камнем и скалами!

Выпалив всё это на одном дыхании, я с вызовом посмотрел на Матрону Тьмы. Мимолётного взгляда сине-чёрных глаз хватило, чтобы моя доблестная решимость сменилась ужасом предстоящей расправы. Плавно оттолкнувшись от стола, Эмириус Клайн набросила мне на ворот цепь и притянула к себе. Запредельная сила — вот что я могу сказать. Она исходила из неё не хуже, чем из Тауруса. Все моё существо сжалось и оцепенело.

— В твоих словах лишь доля истины, — прошептала Эмириус Клайн, сжимая мои волосы в кулак. — Кто есть предатель, а кто не более, чем инструмент? Наверное, тебе будет интересно узнать, что Урах, которого ты так превозносишь и называешь Богом Света, на самом деле является Князем Девяносто Девяти Спиц. Тысячелетия назад за жуткие деяния Вседержителя преследовали гончие его братьев. Однако ему удалось оторваться от них и затаиться в этом уголке Вселенной. Для Ураха потянулись тоскливые годы вечности. Эндориты, виалы, мягкошёрсты, мириды и прочие твари его не забавляли и... Он решил скрасить своё одиночество кем-то отчасти похожим на него... Воздействуя чарами Девяносто Девяти Спиц на материю, Урах проникал в параллельные реальности и похищал для себя людей, гномов и эльфов... Представляешь, сколько радости было на лицах ваших праотцов, когда их вытолкнули сюда и объявили, что теперь здесь новый дом и пути назад нет? А я тебе отвечу. Они дрожали, как осина под порывом ветра, боялись голову поднять без разрешения.

Видя моё полное замешательство, Эмириус Клайн как-то печально улыбнулась, а затем оттолкнула меня назад. Повернувшись ко мне белоснежными крыльями, Матрона Тьмы продолжила:

— Народы поклонялись ему, да, но поклонение из вечного страха Вседержителю быстро наскучило. Он захотел обожания, слепой безотчётной любви. Тогда Князь Девяносто Девяти Спиц принял благородное обличие. Он вознамерился поиграть в доброго и мудрого творца, спасающего своих отпрысков от тлетворных монстров. Намеренно удалившись со

сцены, он тайно расположил своих слуг около молодых государств. Мой жребий пал на Каменное Королевство. По велению Ураха я очистила Пик Весны от нирфов, а потом веками мытарила Железные Горы налётами. Гномы стонали под моим гнётом... однако каждые сто-триста лет находился рыцарь, колдун, шаман, да неважно — кто. Ведомый Богом Света — Владыкой Гор, он шёл сюда с клятвой на устах — убить мерзкого вампира и избавить подгорные кланы от зла! Тонко, не правда ли? Я умерщвляла его и погружалась в сон, пока Князь Девяносто Девяти Спиц не вырывал меня в Бытие своим беспощадным приказом — вершить для него кровавую жатву. Нолд Тёмный устраивал дразги среди людей. Цхева плодила в морской пучине тварей невиданных размеров, а Джед Хартблад смотрел за тем, чтобы немногочисленные эльфы не имели недостатка во врагах. Впрочем, всякий раз, когда кто-то побеждал чудовище, когда крупницы земли соединялись в каплю под общим флагом, когда на время прекращала литься кровь, находился тот, кто с пеной у рта уверял — всё изменения к лучшему произошли по благодати Ураха. Этот спектакль затянулся надолго, очень долго. А потом образовалось Братство Света, и всё пошло по накатанной. Наша роль перестала быть важной. Никто уже и помыслить не мог, что Всеотец когда-то сам способствовал насилию и страданиям. Нас удалили в тень, давая умам вспоминать события прошлого под нужным углом. Князь Девяносто Девяти Спиц достиг того, чего хотел.

Ошеломлённый откровением Эмириус Клайн я не знал, что говорить. Язык прилип к гортани и не желал меня слушаться. Кое-как я выдавил из себя:

— Значит всё, во что верили люди не более, чем ложь? Все книги не соответствуют действительности? Все песни и сказания о Всеотце всего лишь красивые сказки и выдумки? Нас обдурили? Облапошили?

Эмириус Клайн покачала головой.

— На твои вопросы нет чёткого ответа, потому что их грани сильно размыты. Чёрное и белое часто перемешивается. Смелчаки и впрямь совершали подвиги, а в королевствах наступали периоды спокойствия. Урах всегда стремился к беспорядку и вместе с тем, равновесия он вождеделел не меньше. Такова его безумная природа.

— А как же Пророчество Полного Круга? Приход Десницы Девяносто Девяти Спиц и её предсказанное низвержение — это игра Ураха? Он сам её выдумал и ведёт, как ему вздумается?

— Я не знаю. Да и кто скажет, что на уме у Бога? — отозвалась Эмириус Клайн становясь напротив меня. — Пророчество Полного Круга может оказаться лишь театральной постановкой, которую Урах крутит для поддержания статуса божественности — это как один из вариантов. Возможно, что Вседержитель действительно провидел, что Князя Девяносто Девяти Спиц разыщут его и постараются уничтожить — вот тебе другой вариант. Третий — всё является частью непостижимого плана. Четвёртый, пятый, шестой и седьмой — придумай сам. Урах раскладывает колоду и требует, чтобы мы действовали в соответствии с выпавшей картой.

— Для меня это ничего не меняет, — сказал я, опуская взгляд. — Я хочу жить дальше вне зависимости от того, нахожусь ли я во власти Ураха или нет. Я смертен. Мои потребности просты. Что Князь Десницы Девяносто Девяти Спиц уготовил для нашего мира? Неизвестность. Вдруг ему надоели старые игрушки? И что тогда? Нас всех ждёт неотвратимая гибель? Всему настанет конец? Пусть Урах не открывал тебе Пророчества Полного Круга, но только ты сейчас можешь повлиять на то, куда качнётся чаша весов. Убей меня, как заведено, и дай Таурусу обратить каждую пядь земли в огненные руины. Или

попытайся отыскать Нолда, Джеда и Цхеву, чтобы закрыть червоточины и вновь увидеть мирное небо над головой. Что из этого угодно Ураху, а что — нет? Как тебе следует поступить? Я бы мог на коленях молить тебя о сострадании и помощи, но понимаю, что это не имеет никакого смысла. Ты всё равно сделаешь так, как считаешь нужным.

Я поднял глаза и посмотрел на Эмириус Клайн.

— Я только спрошу — способна ли ты разорвать оковы Судьбы или Повелительный Зов, что исходит из Живой Пустоты, безвозвратно сокрушил твою волю?

После долгого молчания Матрона Тьмы тихо ответила:

— Да, я могу воспротивиться... Когда-то мне уже пришлось выбирать сердцем... Видишь, к чему это привело?

Эмириус Клайн развела руки в стороны — её цепь растянулась до предела. Казалось, что звенья вот-вот лопнут под мистической силой вампира, но этого не произошло. Со звоном опустив сверкающие браслеты вниз, Матрона Тьмы блёкло улыбнулась:

— Это подарок за неповиновение. Следующая цепь навсегда закроет мой саркофаг, и я никогда не увижу света.

— Невообразимо быть запертым на так ... Я бы мог поменяться с тобой? Возлечь в него... за тебя?

— Кaleb, мальчик, ты думаешь Урах замурует в саркофаг первого, кто ляжет в него? — рассмеялась Матрона Тьмы. — Князь Девяносто Девяти Спиц — не слепец, он выдернет меня откуда угодно.

— Неужели у меня нет ни одного шанса взять твою ношу на себя?

— О твоём поступке никто и никогда не узнает. Ты обратишься в ничто, и победа не будет иметь для тебя никакого смысла.

— Я растворюсь, да, но цветы не увянут. До последнего вздоха я буду представлять себе поле колхикума... и с ним уйду.

Эмириус Клайн смежила веки и, как будто прислушиваясь к внутреннему голосу, заговорила:

— В твоих словах столько желания жить, что моя холодная кровь наполнилась теплом... Не за себя, за других ты готов пойти на заклятие. То есть высшая, незапятнанная благодетель и я... даже если это будет наперекор Ураху, я помогу тебе, потому что устала... Мои грехи не смыть всей водой Океана Безнадёжности, и видимо, только вечный сон сделает меня счастливой.

— Значит... Значит ты не оставишь нас?! — закричал я, не веря своим ушам.

— Да. Не оставлю.

Глаза Матроны Тьмы открылись, и не было больше в них прежней леденящей смерти. В этот момент всё перевернулось. Мне страшно захотелось рассмеяться. Я сдержал свой порыв, вдохнул полной грудью и украдкой посмотрел на Эмириус Клайн. Её идеально красивое лицо тронула улыбка.

— Прежде чем мы обдумаем, как нам быть дальше, я погляжу на то, что ты мне рассказал.

Эмириус Клайн коснулась моего лба кончиками пальцев. Мне сразу страшно захотелось спать.

— Как ты и хотел, можешь ненадолго занять моё ложе, — сказала Матрона Тьмы, отходя к стенке.

Едва не свалившись в саркофаг, я увидел, как раздвинулись плиты здания — морозный

ветер ворвался в тёплую обитель.

— Я был не один, — промямлил я засыпая. — Мои друзья...

— Вы скоро встретитесь, — заверила Эмириус Клайн, шагнув в пропасть. Через секунду два белых крыла устремились в ночные небеса. Я упал в мрачный омут без сновидений.

Глава 21. Самый противный пират из всех противных пиратов

— Как думаете, он всё ещё спит?

— Нет, он вас слышит.

— Калев! Очнись!

Кто-то приоткрыл мой глаз. Светлое пятно. Не буду вставать. Так удобно и сладко спать в этой постельке! Мне хорошо. Мне тепло. Позавтракать можно и попозже.

— Брат по крови!

— Ты что, нашёл себе лежбище по вкусу? Так я тебя сейчас встряхну!

Чьи-то холодные руки пролезли под шею и ноги. Меня оторвали от земли. Оп, куда-то усадили. Сознание перестало расплываться. Я сидел на порожках, а вокруг столпились друзья — вид их был крайне озабоченным. Снурф запрыгнул ко мне на колени и звонко зашипел. Осоловело погладив таракана по спине, я попытался собраться с мыслями. Я находился на Пике Смерти. Здесь Серэнити, Эмилия, Грешем, Дурнбад, Мурчик и Снурф, а где же Эмириус Клайн? Я поводит головой — Матроны Тьмы нигде не было.

— Как вы тут оказались? — наконец спросил я.

— О! это захватывающая история, — отозвалась Эмилия. — Тебе как её рассказать? Всю целиком или сжатый вариант?

— Покороче, — ответил я, всё ещё прибывая в некоем дурмане.

— Ну, — протянула колдунья, внимательно изучая меня взглядом зелёных глаз, — мы, как и договорились, ждали твоего возвращения. Прошёл день или два и тут — бабах! Кусок горы отваливается и в проёме, залитым солнечными лучами, появляется она! Крылья белые, как серебро! В руках меч! Хороша — глаз не оторвать! Первое, что я подумала — у Калеба получилось! Это Урах ниспослал нам вестника сказать, что мир спасён! Она приземлилась на кучу золота и засверкала, как бриллиант! Представляешь, каково это выглядело? Очень внушительно! А потом всё обернулось несколько иначе... вернее, не так, как я предполагала. Клыки на фарфоровом лице повергли нас в ужас. Серэнити и Дурнбад сразу решили, что Эмириус Клайн убила тебя и теперь пришла разделаться с нами. Не стовариваясь, они кинулись мстить за твою смерть старым проверенным способом. Грешем поддержал их клинками, а я магией, однако долго нам сражаться не пришлось. Эмириус Клайн раскидала нас, как котят. Надо отдать ей должное — к мечу она не прибежала, только руками... Когда все немного успокоились и поутихли, вампир рассказала, что ты разбудил её, и она на нашей стороне. Повелев нам ступать на Пик Смерти, Эмириус Клайн поднялась к облакам.

— И что было дальше?

— Наши мнения разделились, — отозвался Дурнбад. — Перед нами встал вопрос: стоит ли доверять Эмириус Клайн? Я и Серэнити были против того, чтобы лезть в гору. Сам посуди, волшебная метель не берет только вампиров, а мы, за исключением Грешема, кровь не пьём.

— Состоялся долгий спор, — кивнул мой ученик. — Перебрав все доводы за и против, мы пришли к выводу, что если бы Эмириус Клайн хотела нас убить, то сделала бы это сразу.

Зачем давать нам возможность сбежать? Чтобы потом преследовать? Глупо же. Мы побороли липкий страх и последовали указанию Владыки Тьмы...

— Матроны Тьмы, — поправил я. — Так её звал Буль Золотобородый.

— Да? Хорошо. Матрона Тьмы. В общем, к вечеру наша компания взошла на Пик Смерти, — продолжил Грешем. — Кстати, никаких препятствий при подъёме мы не обнаружили. Погода стояла чудесная, небо чистое пречистое, никакой вьюги или бурана не было и в помине.

— Конечно, всё могло, и ещё может сложиться по-другому, — промолвила Серэнити, весело посмотрев на Грешема. — Нужно ли говорить, что Эмириус Клайн хитра и не ведает жалости? На её совести убийств больше, чем у Дурнбада волос в бороде!

— А борода у меня густая! — согласился старейшина войны.

Великий инквизитор сдвинула брови.

— Я считаю, что наше положение очень шатко. Нельзя полагаться на ложное добросердечие. Матрона Тьмы могла нас специально заманить сюда. Мы не знаем, каковы её мотивы, и что ею движет.

Серэнити придвинулась ко мне поближе.

— Как ты понимаешь, нас снедают вопросы, на которые Эмириус Клайн не потрудилась дать ответы. Что она пообещала тебе, Шаттибраль? Она возьмётся осуществить Пророчество Полного Круга? Где сейчас другие герои древности? Состоится ли призвание Ураха? Что будет с Соединённым Королевством? Порталы закроются? Мы можем поворачивать в Шальх, чтобы принести Констанции Демей долгожданные новости?

Я выдохнул облачко пара. Лучи восходящего солнца отражались от крышки саркофага и били мне в лоб. Друзья замерли в ожидании объяснений, а я не знал, что сказать. Вчерашняя правда покачнула мои представления о добре и зле. Нужно ли мне целиком пересказывать разговор с Эмириус Клайн, или можно ограничиться самым основным? Преподнести зубодробительную истину о том, что Урах не Бог Света, а Князь Десницы Девяносто Девяти Спиц? И что он сам вполне вероятно заварил всю эту кашу с порталами? Нет, когда Серэнити услышит такое, то подумает, что Матрона Тьмы оплела меня чёрной магией и ни к чему хорошему это точно не приведёт. Правильным будет сообщить им ровно столько, сколько того требует ситуация.

Звонкий голос Эмилии выдернул меня из дум.

— Калерб, ты что заснул? Или язык проглотил? Почему ты молчишь?

— Простите, просто немного задумался, — откликнулся я вздыхая. — Эмириус Клайн ничего не знала о Пророчестве Полного Круга. Оказывается, Урах не пожелал поделиться своим откровением ни с кем, кроме Нолда Тёмного. Поначалу Матрона Тьмы скептически отнеслась к моему рассказу о Деснице Девяносто Девяти Спиц, но мне удалось её переубедить и уговорить не бросать мир на произвол судьбы. Эмириус Клайн улетела посмотреть, что Таурис и его демоны успели натворить, пока её сковывали Грэзы Забвения. Ничего конкретного она пока не обещала — сказала только, что поможет. Мы договорились подумать о том, как нам действовать дальше, когда она вернётся обратно.

— Так значит, есть вероятность, что мы снова отправимся искать неведомо кого и неведомо где? — опечаленно спросила Эмилия, быстро хлопая ресницами. — Разве мы уже не сделали то, что должны? Мы нашли и разбудили Эмириус Клайн. Всё. Дело за ней. Пусть теперь она ломает голову, как осуществить задумку Ураха! В конце концов, ни обо мне и ни вас даже слова в Пророчестве Полного Круга нет, наша работа завершена! Настал черёд тех,

о ком слагают легенды!

— Мне кажется, или какая-то зайка сейчас прижимает свои трусливые ушки? — недобро прищурилась Серэнити. — Уж не собираешься ли ты сбежать в самый ответственный момент?

— Что, если и собираюсь? Кто меня остановит? — с вызовом ответила Эмилия. — Сколько можно рисковать своей жизнью? У меня нет крыльев, чтобы летать, и силы, чтобы разрушать камни ударом меча! Меня сотни раз пытались убить, пока я пробиралась сюда через тролль знает что! В этом походе я потеряла всё! Моя красота истлела, а в Лунных Вратах меня ненавидят! Так почему я должна куда-то идти дальше, а? Ну скажи мне, Великий инквизитор Иль Градо, разве я кому-то чем-то обязана?! Нет!

— Обязана? Нет, нет! Ты не обязана! Просто некому больше за нас тянуть это ярмо, и ты об этом прекрасно знаешь! — сплюнула Серэнити. — Однако я тебя не держу, беги и спрячься под кустом — потеря не велика, всё равно такие малышки, как ты, умеют лишь плакать да гадать на кофейной гуще!

— А ты умеешь только черепа ломать да кишки выпускать! В тебе вообще нет ничего от женщины! Хоть бы волосы в порядок привела, не говоря уж про ногти! Носишься вечно со своим Богом Света! А где он? Почему он ещё не спустился с небес и не покарал демонов? А? Где твой застенчивый Урах? Стесняется носик показать? Ему Пророчество Полного Круга подавай? Ай-ай-ай, как всё запущенно!

— Ах ты, выдра лохматая! Я живо заставлю тебя пожалеть о сказанном! — закричала Серэнити, сжимая кулаки. — Никто не смеет при мне порочить Ураха!

Раскалённые изумруды одних глаз встретились с блеском айсберга других.

— Эй, вот только не надо ссориться! — попытался вмешаться Дурнбад, вставая между двух взвинченных девушек. — Горы и недра! Остыньте!

Слова старейшины войны не возымели никакого результата. Словно две кошки, решившие раз и навсегда выяснить, кому принадлежит соседский забор, колдунья и великий инквизитор медленно сближались. Посох Эмилии вспыхнул зелёным пламенем. Мурчик прижал уши и зашипел. Скривив губы в усмешке, Серэнити достала из-за спины щит и положила руку на булаву. Что же делать?! Столкновение неминуемо! Мои пальцы сами собой начертали знак, а сконцентрированная мысль наделило его формой — я вызвал заклинание «Замедления».

— Дурнбад, прыгай вправо! Я их остановлю!

Конечно, все слышали мой вопль, но рассерженные красотки были так поглощены друг другом, что попросту не успели отреагировать с должной прытью. Гном откатился всего за секунду до того, как сеть моих чар сцапала Эмилию и Серэнити в энергетический капкан. Едва шевелясь, они обе стали поворачивать головы ко мне. Ох, эти приветливые взгляды! Сколько в них ласки и мягкости, мне аж страшно!

— Не смотрите так на меня! Это для вашего же...

Воздух сотрясли шумные взмахи белоснежных крыльев. Залетев в зал, Эмириус Клайн опустилась рядом со мной. Матрона Тьмы была облачена в чёрный пластичный доспех с белым клеймом Ураха. Сквозь её серые волосы вился обруч из семи золотых звёзд, звёздное остриё образовывало изящную корону. В латных перчатках Эмириус Клайн держала огромный двуручный меч.

— Я могу узнать, что здесь происходит? — вкрадчиво осведомилась вампир, насмешливо оглядев моих скованных подруг.

— Ничего особенного, просто две влюблённые девушки никак не разделят оборожительного парня, — картинно пожал плечами Грешем. — Моё сердце не может принадлежать сразу двоим, а быть с одной и ранить другую я не смею. Ныне их вождение достигло своего апогея, в бой пошли взаимные оскорбления и негативные эмоции. Чтобы дамы не испортили свои локоны в дружеских объятьях, мне пришлось применить колдовство.

Грешем? Ты в своём уме? Твоя жуткая шутка подписала тебе сразу два смертных приговора! Тебе что, жизнь не дорога? Кто, интересно, первый до тебя доберётся, когда спадут чары? Серэнити или Эмилия? Туговато тебе придётся, парень!

Эмириус Клайн между тем благосклонно улыбнулась.

— Я и не знала, что у моих порождений есть чувство юмора. Расскажи мне о себе, малыш.

Мой ученик перемялся с ноги на ногу.

— Я Грешем. Младенцем меня подкинули на порог к престарелой чете. Когда я был ещё совсем мальчишкой, то сам того не ведая, в одну из ночей проснулся вампиром. Я долго жил у Леса Скорби, разбойничал, потом подался в ученики к некроманту. Вот вроде и всё.

Грешем почесал когтями щёку, у Эмириус Клайн они, кстати, были обычной длины.

— Да будет тебе известно, что когда люди становятся вампирами, их возраст перестаёт подвергаться изменениям, — сказала Матрона Тьмы, задумчиво глядя в красные глаза. — Дети навсегда остаются детьми, а старики стариками. Однако у тебя рост взрослого мужчины. Ты мне врёшь, получается?

— Нет, он говорит правду, — вступился я за ученика. — У меня есть теория, согласно которой признаки вампиризма могут проявляться через поколения. До поры они спят в организме-носителе, а когда просыпаются — преображают его. При этом сохраняются некоторые из человеческих особенностей — например, способность к росту.

— Твоё предположение интересно, — лениво протянула Эмириус Клайн, всё пристальнее всматриваясь в моего ученика. Ответив мне, Матрона Тьмы вновь обратилась к Грешему:

— На тебе имелись следы клыков, когда ты проснулся той ночью?

— Точно нет, но вот шеи моих приёмных родителей были растерзаны. Думаю, это я убил их во сне, не осознавая, что делаю.

— В тебе может скрываться намного больше, чем кажется на первый взгляд. Как жаль, что у меня нет времени выяснить, что скрывается за тайной твоей трансформации.

Матрона Тьмы воздела руку к потолку, последовала короткая вспышка, и моё облако замедления рассеялось. Эмилия и Серэнити стали свободны.

— Милые леди, я попрошу вас ненадолго отложить делёжку жениха и послушать меня.

В голосе Эмириус Клайн проскользнула неприкрытая издёвка.

Недавно обездвиженные соперницы гневно раздули ноздри. Их взгляды прожгли в начале меня, а затем Грешема. На губах застыли слова злости, но они так и не были произнесены. Обе девушки понимали, что сейчас лучше помолчать.

Эмириус Клайн фыркнула, сложила за спиной крылья, после чего заговорила, глядя на меня:

— Много подтвердилось из того, что ты мне поведал. Десница Девяносто Девяти Спид действительно рассекла пелену материи. Её порталы выплёскивают орды демонов. Они воют и вершат разорение. Война захлестнула землю. Кровь льётся рекой, и почва жадно вбирает

её в своё лоно. Когда придёт весна, и льды поползут к морю, здесь не останется ничего кроме пепелищ, руин, да мёртвых полей, засеянных костями страдальцев. Я предвижу, что волна Смерти не успокоится до тех пор, пока последняя капля Жизни не будет ею выпита до дна.

Матрона Тьмы глубоко вдохнула.

— Я сказала тебе, что помогу, и я не отрекаюсь от своих слов. Пророчество... я исполню его. Только у Ураха хватит сил остановить расползающуюся скверну. Однако одна я не успею оповестить троих повязанных с Ним о том, что час Замысла пробил — гнев Десницы Девяносто Девяти Спиц опередит меня. Поэтому мы с вами разделимся. Я займусь поисками Нолда Тёмного, а вы отправитесь к Цхеве, Владычице Вод.

— Ты знаешь, где её искать? — спросил я, внутренне трепеща.

Эмириус Клайн подошла к обрыву и снежинки закрутили её волосы.

— Конечно. Её дом — это вода. Но есть место, где она бывает и на суше. Оно называется Блики Тишины. Это хитроумный лабиринт, расположенный на острове недалеко от Леса Скорби. Чтобы туда попасть, вы возьмёте мой корабль — Клинок Ночи. Капитан корабля — старый морской волк, он знает куда плыть. Когда окажетесь в центре лабиринта, отыщите Чашу Призыва и положите в неё амулет Буля. Тогда Цхева явится на зов.

Эмириус Клайн постучала по амулету, весящему на моей груди.

— Цхева будет ждать меня, а увидит тебя. Понимаешь, что это значит? Будь осторожен. Передай Владычице Вод, что я встречу её в Килкваге.

Я снял с себя амулет и спрятал в сумку.

— Килквага?

— Это замок в Великом Лесу, он принадлежит Джеду Хартбладу. Там мы совершим ритуал, и там Пророчество Полного Круга обретёт форму. Наши противоположности стянутся и заполнят пространство Божественной Сущностью. Кстати, ваше присутствие в Килкваге тоже обязательно.

— Зачем мы там нужны? — спросила Эмилия.

Матрона Тьмы повернула голову к моей подруге.

— Зачем? Потому что без вас нельзя. Пока Калев спал, я изучила его книгу с Пророчеством Полного Круга. «И глас отмеченных Мною смертных должен вторить вам» — эта строчка тебе о чём-нибудь говорит? Нет? Плохо, Эмилия Грэхольм, очень плохо — она безгранична важна. На всех, кто здесь находится, лежит Перст Божий — это кристально ясно мне. В то время, как четвёрка бессмертных станет созидать предначертанное, вы — судьбоносные и подвластные угасанию, будете молить Вседержителя снизойти к вашим мукам. Без этого крохотного нюанса, без преклонения коленей, Урах не явит свой лик, и Десница Девяносто Девяти Спиц проществуем победоносным маршем.

— От Леса Скорби до Великого Леса месяцы пути! — воскликнула Серэнити. — Нам ни за что не преодолеть такую дорогу быстрее!

Матрона тьмы смерила Великого инквизитора презрительным взглядом.

— Цхева — искусная колдунья. Я уверена, что она найдёт способ, как доставить вас в Килквагу намного раньше, чем ты думаешь.

Эмириус Клайн поманила меня тонким пальцем.

— Подойди сюда, Калев.

Я встал над пропастью. Внизу всё такое крошечное! Лёгкое головокружение — как ты некстати! Эмириус Клайн взяла меня под локоть, её горячее дыхание полоснуло моё ухо.

— Не стоит бояться высоты. Если упадёшь, смерть настанет мгновенно.

— Умереть впустую я всегда успею, а пока у меня остались ещё незавершённые дела, — едва слышно ответил я.

— Не впустую... Для людей есть Мир Света и есть Мир Тьмы — кому как повезёт... Меня же постигнет Забвение. Иногда я жалею, что не родилась человеком. У тебя в отличие от меня всегда есть простой путь решения проблемы.

Отстранившись, вампир показала на Абрикосовое Море.

— Видишь? Это — гавань. Спускайся немедленно. Я предупредила капитана, чтобы он подготовил корабль.

Улыбнувшись, Эмириус Клайн добавила:

— Пусть Урах наполнит паруса своим Святым Ветром.

— Мы ещё увидимся, — пообещал я, направляясь к выходу из зала.

Мне померещилось, что я услышал лёгкий вздох печали. Я закрыл за собой старые двери и молча запрыгал с порожка на порожек. Друзья, не отставая, следовали за мной. Пророчество Полного Круга. Оно висит надо мной. Над нами. В тот момент, когда я нашёл его, оно завладело мной. Отметило меня. Нас. Урах повесил его на наши плечи или Вселенная? Неважно. Важно то, что Судьба не отпускает, ведёт дальше к... развязке? Мы станем свидетелями триумфа, но... чьего? Бога Света или Князя Десницы Девяносто Девяти Спиц? Моя мелкая роль заднего плана выдвигается на космическую орбиту. Буду ли я достоин оваций в конце выступления? Если да, то главное, чтобы они не звучали над моей могилой. Странствия продолжаются!

Где-то на середине спуска мы сделали привал. Мост, ведущий к Яварху, тонул в желтизне солнца, стремившегося скрыться за шапками каменных исполинов. Прижавшись спиной к скале, я жевал горький кусок хлеба. Раньше он не прикидывался таким гадким! Мне казалось, что я чувствую вкус зерна и липких дрожжей. Спасибо тебе, Буль Гнилозубый, за неожиданный подарок для моего тела! Организм перестраивается. Скоро ли он взбунтуется против нормальной пищи? Вероятно, да. Аппетит пропадает. Всё верно. Интересно, когда я попрошу у Грешема его матовую бутылку? Я никогда не думал, что стану вампиром. Забавно. Наверное, с этой мыслью нужно свыкнуться. Пройдут века... если пройдут, конечно, и я даже не вспомню, что когда-то был человеком. На моём лице появилась ухмылка. Нет, ну а что? Плакать теперь, что ли? Я поднялся на ноги. Начинался снегопад. Белые комочки падали на мой капюшон. Собрав скудные остатки пищи, мы двинулись к основанию Пика Смерти. Опускаясь виз, я все отчётливее различал запах зимнего моря, не добиравшийся к вершине иглообразной горы. Пик Весны — так тебя окрестили древние нирфы? Держу пари, что тысячелетия назад тут было более гостеприимно. Я медленно вдохнул, затем выдохнул. Вон и подножие уже туман не застит. Конец близок. К глубокой ночи я переступил последнюю ступеньку великой лестницы. К этому моменту мы все порядком продрогли и хотели спать. Рядом с Пиком Смерти росла парочка деревьев. Они пришились очень кстати, потому что наши одеяла остались в Трузде, а околеть во сне не так уж и весело. Наломанных веток с лихвой хватило для отличного костра. Греясь возле трескучего пламени, каждый из нас кумекал о чём-то своём. Мои думы витали над приближающимся путешествием по морю.

Жители Соединённого Королевства боятся беспокойного Абрикосового Моря. Жёлто-песочное, оно не менее бурливо и своенравно, чем Море Призраков. Только коренные уроженцы Керана отваживаются ловить в нем рыбу и снаряжать редкие

экспедиции к котам Бархатных Королевств и магам Минтаса, витающим в облаках на городе-диске, возле Ноорот'Кхвазама. Выходя в море, капитаны судов подвергают свою команду огромному риску. Шквалистый ветер и высоченные волны могут налететь так внезапно и стремительно, что корабли идут ко дну быстрее, чем успевают убрать паруса. Если сесть в одном из портовых трактиров и послушать рассказы моряков про огромные водовороты и подводные вулканы, сотрясающие недра тёмной бездны яростными толчками, то сердце вообще уйдёт в пятки. Впрочем, не только стихия потчует людей солёной смертью. Есть ещё те, кто делает это не бездумно, но целенаправленно, а именно: разнообразные глубоководные гадины, такие как гигантские спруты, кальмары и медузы. Одним махом щупалец они способны переломить киль и обречь на погибель всю несчастную команду гордой каравеллы. Мне не раз приходилось кочевать по бездонной глади и разбросанным по ней островам. Сжимая кулаки на удачу перед отправлением, я всегда облегчённо выдыхаю, когда корабль бортом касается причала. Умереть в пучине очень легко, поэтому я всегда преодолеваю внутреннее содрогание и хорохорюсь. Так же и теперь. Что Абрикосовое Море уготовило мне на этот раз? Милость? Гнев? Неведомо.

Поглощённый раздумьями, я не заметил, как ко мне подошёл Мурчик. Кот боднул меня головой. Я сразу понял, чего он хочет — в моих руках был кусочек зажаренной ветчины, который так и не попал мне в рот. Я разделил мясо. Одну половинку я отдал Мурчику, а вторую ткнул под усы дремлющему Снурфу. Таракан поглотил свою долю и, не открывая глаз, прошелестел:

— Патибо!

— Ты совсем ничего не съел. Так от тебя скоро кожа да кости останутся, — попеняла мне Эмилия.

— Девочка, ты потерялась в этом страшном лесу? — театрально спросил я. — Твоя шейка такая розовая, такая бархатная! Пойдём со мной вон за тот уголок, я тебе кое-что покажу!

— Кaleb! Что за гадости? Я тебе серьёзно!

— Ну, прости, не удержался. Ветчина показалась мне резиной.

— Грязная болезнь грешников и невинных, — скривилась Серэнити. — Чума, пробирающаяся тайком в тёплый дом. Если ты покусаешь кого-нибудь из нас ради утоления голода, мне придётся оборвать твою осквернённую жизнь.

— Хорошо, когда Великий инквизитор на твоей стороне, — согласился я. — Я надеюсь, что по дружбе ты подаришь мне лёгкую смерть.

— Не сомневайся.

— Хотите попробовать? — предложил Грешем, протягивая мне пузатую тару.

— Наверное, пока нет. А у тебя большие запасы?

— Не очень, — отозвался мой ученик, после того как покопался в своей сумке. — Всего три целых бутылки осталось.

— И надолго тебе их хватит? — поинтересовался Дурнбад, выставляя ноги к огню.

— Дней на восемь, может, десять, — пожал плечами Грешем. — Вампиры по-другому устроены, нежели люди или гномы. Нам не надо есть три раза в день. Иногда я могу не есть целые сутки и не испытывать особых неудобств.

— Ежели кровосос вообще перестанет питаться, то попросту впадёт в спячку, пока кто-то не разбудит его, — добавил я.

— Разве такие дураки бывают?

— Время от времени встречаются, — ответил я старейшине войны. — Буль тогда нам хорошо описал прелести вампиризма. Помнишь?

— Вроде бы, да. Бессмертие и всё такое. Оно, конечно, и хорошо, только без этих вот клыков и злобы.

— Да они как-то не мешают, — дал свою оценку Грешем.

— Это ты про что сейчас, вампир, про клыки или злобу? — осведомилась Серэнити.

— Эм? Про клыки, естественно.

Великий инквизитор брезгливо поморщилась.

— Кстати, Эмилия, почему ты ещё сидишь с нами? Насколько я помню, ты вроде бы собиралась покинуть отряд и пустить нос по ветру.

Я посмотрел на подругу. Она сидела, поджав под себя ноги. Капюшон порванного плаща уже привычно закрывал обезображенную половину лица. Рядом крутился изрядно исхудавший Мурчик. Буду ли я против, если ты захочешь уйти? Я не имею права просить тебя остаться. Эмилия, я желаю, чтобы ты была счастлива. Увы, находясь рядом со мной, ты — стойкая, отважная и добрая девушка, терпишь лишь одни страдания. Почему ты никогда меня не бросала? Почему, стиснув зубы, терпела все выпадающие на мою долю невзгоды? Почему я задаю себе эти вопросы только сейчас? Почему я был слепцом, и только в этом походе понял, как сильно тебя...

— Если тебе надоело моё общество, то так и скажи, — горечь проскользнула в словах колдуньи. — Хотя куда мне идти? Да и зачем? Самый дорогой мне человек находится здесь... и вы. Я не могу бросить друзей, зная, что, возможно, больше никогда их не увижу. Кaleb... ты, Грешем, Дурнбад, малыш Снурфи пойдёте к демону на рога, а я буду прятать хвост? Нет. Я не из тех девочек, что увивают от драки. Просто... те мои слова вызвала обычная человеческая усталость. Я устала от этого мертвящего холода и бесконечных тревог... Знай, Серэнити, я — твёрже кремня, и я не сверну.

Великий инквизитор примиряюще улыбнулась.

— Я не ошиблась, когда сказала, что в тебе есть Свет. С нами всё будет хорошо. Я не дам тебя в обиду, верь мне и храни надежду в душе.

Я обнял Эмилию за плечи.

— Ты самая крепкая девушка, которую я знаю.

— Кaleb, если это комплимент, то он так себе!

— Тогда выражусь иначе — для меня ты — эталон дружеской верности.

— Женской верности.

— Чем женская верность отличается от дружеской?

— Тем и отличается, старый гриб.

Колдунья высвободилась из объятий и подбоченившись воззрилась на моего ученика.

— Говоря о верности, я тут вспомнила, что уже якобы пообещала её некому ловеласу, которого, к сожалению, никак не отвоюю у Серэнити. Грешем, ты случайно не видел того милого сердцееда? Я хочу ему немножечко накостылять!

— Не смотри так на меня! Это не я! Я не знаю, куда делся тот парень!

Грешем артистично обернулся за плечо.

— Он был тут, но видимо ушёл!

— Ах, ушёл?

— Ушёл! — подтвердил мой ученик, медленно пятясь назад от надвигающейся колдуньи. — Я и сам удивился, как сильно он на меня похож!

— Прямо не отличить!

— Именно!

— А сколько в нём безумия?! — грозно добавила Серэнити, вставая с коряги. — Обвинить Великого инквизитора в... симпатии к вампиру! Нет, ну вы слышали?!

— Вот уж правда, нахал из нахалов! — поддакнул Грешем.

Его теснили уже с двух фронтов, и он изрядно нервничал.

— Да я тебя за такое! — закричала Серэнити, прыгая на моего ученика под дикий хохот гнома. — Я тебе покажу любовь Света и Тьмы!

Вампир метнулся в сторону, и Великий инквизитор упала напрямик в снег. Однако этим дело не закончилось. Эмилия совершила рывок — её пальцы ухватили лишь воздух, так и не дотянувшись до цели.

— Пойдите! Я всё могу объяснить! — выкрикнул Грешем, убегая от колдуньи.

— Непременно объяснишь! Когда я тебя догоню!

— Вот этого я и боюсь!

— И правильно делаешь, красавчик!

Пронёсшись мимо меня, Грешем завернул за угол лестницы. За ним, словно две всклокоченные мегеры, последовали Эмилия и Серэнити. По жалобным возгласам я понял, что мой ученик попал в западню. Его сцапали.

— Тяжело признавать, но мне нравится этот парень, — прислушиваясь к звукам грозной беседы, сказал Дурнбад. — Он знает, что такое дружба и поддержка. Хорошо, что я не прихлопнул его, как древесного клеща, когда он на моих глазах обратился вампиром! А ведь я мог не сдержаться и отправить Грешема к праотцам!

— Ему крайне повезло, — кивнул я.

Грешем, как ужаленный, вылетел из-за каменной кладки.

— Ну, всё! Ну, всё! Простите меня, любезные дамы! Я беру все свои слова назад!

— Это точно? Или твоё седалище всё-таки надо познакомить с Людвирбингом? — полюбопытствовала Эмилия.

— Нет, не надо! Я не достоин ни одной из вас! Даже половинки! Да что там половинки! И четверти не достоин!

— Думаю теперь он понял, что поступил опрометчиво, — обратилась колдунья к насуспенной Серэнити.

— Будем считать, что так.

Великий инквизитор подошла к костру.

— Садись уже! Не тронем мы тебя, горе-обольститель!

— Если вы позволите, то с удовольствием!

Все расселись по своим местам. Красные глаза моего ученика светились шаловливым огоньком — ну а кто ожидал, что он раскается? Пройдоха! За ушами у вампира ещё стояли столбики снега — видимо пару минут назад его окунули в сугроб. И вполне заслуженно! Ещё хорошо отделался! Я перевёл взгляд на Серэнити. Да, она кардинально изменилась. Наша дружба крепла день ото дня, и Великий инквизитор старалась скрыть это, однако у неё не получалось — сквозь покровы равнодушной маски — всё чаще проглядывались забота и переживания. Мы стали дороги ей. Но не о таких товарищах она мечтала. Серэнити стыдилась своих чувств, и я отчасти её понимал. Когда ты служишь Богу Света, ты не имеешь права сближаться с такими персонажами как мы. Но так случилось, и уже поздно раздумывать — хорошо это или плохо.

Эмилия достала расчёску пригладить растрепавшиеся волосы. Грешем перебрался поближе ко мне, и я не преминул прислониться к его плечу — так хоть немного теплее. Глаза слипались. Под треск огня и облачка дыма я погрузился в сон.

Я проснулся от того, что коснулся лицом холодного панциря Снурфа. Солнце только-только выбиралось из-за гор. Неуверенно трогая первыми лучами снег, оно не собиралось останавливаться на достигнутом. Тёмные небеса приобрели красные отметины, похожие на угли нашего тлеющего костра. Толстая сухая ветка шмякнулась в центр притихших язычков пламени — голодные искры моментально обволокли угощение. Я поднял глаза. Мне показалось, что передо мной стоит существо с туловищем барана и головой гнома. Я попятился. Туша зверя приземлилась на лёд.

— Иногда я люблю вставать ни свет, ни заря, побродить, подумать. Ну, вот и сегодня что-то не спалось и, как говорится, очень кстати. За теми кустами я повстречал стадо его братьев. Молоток я швыряю метко. Прямо в яблочко с десяти футов — бац и готово! — весело прогудел Дурнбад.

— Как вовремя ты заглянул за те кусты, — улыбнулся я. — Нас ожидает роскошный завтрак!

— Состряпаешь его? Я кухарничать не шибко обучен.

— Что-нибудь придумаю!

— Вот и отлично! Я тогда пока веток нарублю.

Вначале я распихал Грешема, чтобы тот наполнил свои, а впоследствии, скорее всего, наши бутылки. Когда с этим было покончено, мы освободили барана от потрохов и порубили его на куски. Подыскав несколько подходящих палок, я насадил на них ломтики мяса, а затем подставил к костру.

— Ты посолил? — спросила Эмилия, сонно зевая.

— Так нету же соли.

— Это у тебя её нету, а у меня есть.

Моя подруга извлекла из сумки малюсенький свёрток.

— На, держи!

Я поймал его, развернул и применил к делу.

На живот колдуньи запрыгнул Мурчик. Наевшийся обрезков, он мелодично мурлыкал.

— Мамочке тяжело, ты уже давно не котёночек! — сказала колдунья, стряхивая с себя кошачьи лапы и подходя ко мне. — Конечно, начинать утро с жирного барашка вредно для фигуры, но, пожалуй, нынче я поступлюсь этим правилом.

— И знаешь почему, моя милая и обворожительная подруга?

— Почему? — отчего-то смущаясь, спросила Эмилия.

— Да потому что этого барашка сейчас приготовит непревзойдённый мастер кулинарного искусства! Он сделает его нежным и тающим на языке! Мягким и сочным!

Я обошёл вокруг подруги и поклонился.

— Эмилия Грэхольм, в этот предрассветный час, вам выпала уникальная возможность посетить ресторан под открытым небом. Его название волнующее и животрепещущее!

Я снова наворачивал круг и громко возвестил:

— Рады приветствовать вас в «Ядовитых Грибах»! В меню, правда, выбор невелик — всего одна позиция, но уверяю, она божественна! Пальчики оближете! Ваш покорный слуга Калёб Шаттибраль ручается за это своим поварским колпаком!

— Ох, ох, мне, наверное, нужно приодеться к столу! — подыграла колдунья, деликатно

отпихивая меня бёдрами и принимая на себя работу о скворчащей еде. — Я слышала, что к вечеру в «Ядовитые Грибы» приедет сама королева Элизабет Тёмная! Она — давняя поклонница вашей стряпни, лорд Шаттибраль!

Я подмигнул Эмилиии.

— И не только стряпни! Поговаривают, что она положила глаз на мои рельефные мускулы!

— Фу, Калерб! Как ты можешь! Ей же под девяносто!

— О чем вы, леди? Королеве зарезервировано место с шикарным видом на кладбище!

— Это уже точно перебор! Королеву надо сажать к цветам или к журчащей реке, но никак не к покойникам!

— Но она сама попросила расположить её поближе к друзьям! К тому же разве на кладбище мало цветов?

— Вам не кажется странным, что Серэнити так и не проснулась? — вмешался Дурнбад в наш словесный каламбур.

— Как?! — в один голос воскликнули мы с Эмилией.

Скрестив руки на груди, Великий инквизитор все ещё лежала на плаще. Почему наши громкие разговоры не разбудили её? Подействовала Живая Вода?! Она умерла?! О, нет! Я схватил Серэнити за кольчугу и что есть мочи стал трясти. Её глаза открылись, а я её ударом ноги отправился разведывать, что скрывается в ближайшей снежной куче.

— Прости, ты напугал меня, — просипела Серэнити, извлекая меня из белой насыпи. — Что это у вас тут такое готовится? Пахнет восхитительно!

— Извинения принимаются, ноздри же радуется запекающийся барашек. Просим тебя вымыть руки с мылом и садиться к общему столу!

Удостоверившись, что баран дошёл до кондиции, Эмилия позвала нас завтракать. После трапезы сил сразу прибавилось. Поедая мясо, я отметил, что оно не показалось мне невкусным или противным. Это порадовало меня. Мне хотелось как можно дольше оставаться человеком и употреблять обычную пищу.

После поимки зверя наши сумки стали значительно объёмнее. Перекинутая через плечо лямка ощутимо давила, но я не тяготился грузом, зная, как быстро эта ноша исчезнет в ненасытном желудке, хотя, наверное, не в моем и, уж точно, не у Грешема...

Мы собирались обогнуть Пик Смерти, чтобы выйти к Абрикосовому Морю, а там пойти на восток по скалистому пляжу, пока не увидим гавань. По моим расчётам идти нам придётся не слишком далеко. Взяв достаточно бодрый темп ходьбы, наша компания двинулись вокруг грозной горы. Старая дорожка, вымощенная серым камнем, вела нас в нужном направлении. Хорошо, когда не надо пробираться через сугробы величиной чуть ли не с твой рост. Знай себе топай да и топай. Тропинка привела нас к разбитой временем лестнице. Спустившись по ней, мы встали на прибрежную гальку. Абрикосовое Море колыхалось под натиском сердитых волн. Шумно отходя и наступая вновь, они слизывали опадающий с неба снег. Матовая, лимонно-коричневая вода пенилась и выбрасывала на сушу целые охапки спутанных водорослей. Вдыхая солёный воздух и глядя на море, не знающее ни начала, ни конца, я вдруг ощутил себя песчинкой, которая старается повлиять на Вселенскую механику. Как-то тоскливо. По правую руку от меня Грешем подобрал парочку окатанных камешков. Он подержал их в кулаке, а затем зашвырнул в налетевший прибой. Его действия переиначили мою тоску в какую-то набухшую, но всё ещё закрытую философскую мысль о тщетности Бытия. Ступая вдоль мокрой косы, я силился сформулировать то, что

Эмили и Грешему, бесцветные зрачки остановились на мне.

— Я — капитан Клауд.

Голос звучал достаточно чётко.

— Ты маг, что зовёт себя Калобом?

— Это я, — небрежно ответил я. — Немедленно двигай «Клинок Ночи» к Бликам Тишины.

— Это мой корабль! — неожиданно громко заявил Клауд, топая деревянным обрубком. — И только я отдаю здесь приказы, тебе ясно?!

До этого момента я никогда не думал, что зомби способны проявлять характер или злиться! Связанные магией своих хозяев этот тип нежити делал только то, что ему велели. Неужели Эмириус Клайн каким-то образом сохранила этому мертвяку его изначальный темперамент? А мыслительный процесс? Он мыслит самостоятельно? Клауд что-то вроде очеловеченного Катуба? Надо это выяснить! Подойдя к зомби, стоявшему ближе всего к краю палубы, я резким ударом ноги отправил его за борт. Мертвяки недоумённо закрутили головами.

— Если «Клинок Ночи» сейчас же не отправиться в путь, то следующим кормить рыб полетишь ты, — отозвался я, недвусмысленно ухмыляясь.

Ярость зажглась в глазах Клауда. Я не боялся его, и к моему удивлению он прекрасно осознавал это. Злобно стиснув челюсти до хруста, капитан дал отмашку начинать движение. Мёртвый ворон-альбинос протяжно каркнул и взмыл в хмурые небеса. Навалившись на огромную шестерёнку с рукоятками, зомби потащили из моря цепь, каждое звено которой было размером с неостриженную овцу. Когда якорь в виде расколотого черепа притянулся к борту, гниющая команда корабля заспешила развязывать паруса. Клауд, тем временем, прошаркал на капитанский мостик и встал к штурвалу. Его синие руки поглаживали рулевое колесо, а глаза следили за действиями трухлявых матросов. Вдруг «Клинок Ночи» дёрнуло, и зомби, развязавший на верёвке последний задубевший от соли узел, плашмя упал об палубу. Карминовые паруса надулись — под порывом стонущего ветра на них заплясали скрещенные кости. Мы стали отдаляться от Железных Гор. Казалось, что Клауд совершенно не собирается обращать на меня внимание. Перебирая штурвал, он вглядывался в туманную дымку облаков. Ворон-альбинос кружил где-то над нами. Я подошёл к деревянной спине молящейся девы и, облокотившись на перила, посмотрел вниз. На корпусе судна, у самых волн, застыло чёрное пятнышко. Опустив в воду две тоненькие палочки, оно ждало. Ни с того ни с сего мне в лицо прилетела здоровенная рыбина. Бултыхая хвостом, она жадно хватала губами воздух. Следом на палубу шмякнулось ещё пять рыбёшек. Я недоуменно уставился на этот сюрприз. Всё стало ясно, когда из-за кромки корабля показались усы Снурфа. Он с шипением выплюнул к моим ногам осьминога, дотоле находящегося у него во рту.

— Куфать сочный рыбфа! — гордо объявил мне мой любимец.

— Как ты только посмел так близко подобраться к Абрикосовому Морю?! — заорал я, хватаясь за сердце. — Что, если бы ты не удержался?! Если бы соскочил в жёлтую муть?! Что тогда я тебя спрашиваю?!

— Снурф хорофый, но голофный! Хозяинф холофный! Снурф кормифть хозяфина! — обиженно прострекотал таракан, прячась в пустую бочку.

— Хорофый, — передразнил я, нагибаясь и заглядывая в его укрытие. — Поражаюсь, как тебе только не стыдно такие фокусы выкидывать! Запомни — лучше быть голодным, но

живым, нежели сытым, но дохлым! Заботясь о животе, ты мог погибнуть под машиной корабля!

Усы опустились. Глазки бусинки виновато заблестели.

— Снурфи, ты очень-очень меня расстроил! Ты понимаешь это?

— Даф!

— А чем ты меня расстроил, ты понимаешь?

— Нит!

— Тем, что чуть не погиб!

— Какф?

— Ты издеваешься надо мной?!

— Нит!

— Перестань его распекать, — укорила меня Эмилия. — Он больше так не будет.

— А как он не будет? — всё ещё трясась, спросил я. — А? Как ты не будешь?!

— Никакф!

Моя подруга села на корточки и протянула руки в бочку. Вынув Снурфа наружу, она прижала его к груди.

— Ты хотел поделиться уловом, а глупый хозяин кричит без дела.

Таракан обнял Эмилию и мелодично защёлкал. Видя такую милую картину, я тут же перестал сердиться. Я погрозил Снурфу пальцем, а затем вернулся к Клауду.

— Долго нам плыть до Бликов Тишины? — спросил я.

— Плынут испражнения, а мы идём!

Откуда только такие нахалы берутся?! Ну, ничего, сейчас он у меня попляшет! Не зря же я потратил свои лучшие годы на изучение некромантии! Сосредоточившись, я попытался оплести капитана энергетической вуалью, но у меня ничего не вышло. Как будто невидимый барьер защищал Клауда от моей ворожбы. Мертвяк оторвался от своих наблюдений и повернул ко мне голову с мерзкой ухмылочкой.

— Не тебе, сухопутный червяк, тягаться в колдовстве с Матроной Тьмы.

— Вижу, что наше общение началось не с того конца, — вкрадчиво отметил я, меняя тон разговора. — Я — некромант, и привык, что зомби беспрекословно выполняют мои указания. Ты же отличаешься от своих собратьев. Эмириус Клайн видимо оставила тебе разум, поэтому будем говорить на равных. Ответь, когда мы доберёмся до Бликов Тишины? Пожалуйста.

— Как повезёт, — после долгого молчания просипел Клауд. — Ты торопишься?

— Вообще-то да, а почему ты спрашиваешь?

— Есть две дороги до Цхевы, короткая и длинная, какая предпочтительнее?

— Здесь кроется какой-то подвох? — насторожился я.

— Для тебя оба пути неизвестны, поэтому разницы, как двигаться нет, — глубокомысленно отозвался капитан. — Моё дело доставить тебя, и я это сделаю.

— Тогда давай придерживаться самого короткого курса, — решил я. — Чем быстрее мы окажемся на острове, тем будет лучше.

— Ты выбрал, — кивнул треуголкой Клауд. — Видишь ту тучу?

Зомби ткнул пальцем в низко нависшее облако.

— Там зарождается шторм, и если ты не уйдёшь в трюм через десять минут, то велика вероятность, что немного подмочишь свои штанишки водой, а может и не только ею.

Расхохотавшись, капитан крутанул штурвал и направил «Клинок Ночи» прямо на

грозовые всполохи.

— Надеюсь, ты делаешь это не специально.

— Так и если выяснится, что специально, то что? Ты расплачешься?

— Моё предложение накормить акул твоими потрохами никуда не делось.

— Дудки! У тебя девять минут, малёк!

Клауд хрипло затянул песню:

В одном порту девица жила.

Угораздило ей полюбить моряка.

Кличка моряка была — Пила!

Любил горячо он море!

Ё-хо-хо! Ё-хо-хо! Любил горячо он море!

Однажды Пила покинул порт,

Подал своё судно на север.

К Пиле, между тем, проникла на борт

Та кукла, что по нему сохла!

Ё-хо-хо! Ё-хо-хо! Та кукла, что по нему сохла!

Он это скрывал — Пила был пират —

Грабёж и разбой — его мама...

Моего лица коснулась влага. Начинался дождь, да не просто дождь, а ливень! Я подавил желание взгреть распевавшегося капитана и поспешил к друзьям. Попутно рассказывая о предупреждении Клауда, я потащил их вовнутрь корабля. Открыв люк, мы гурьбой скатились по частым порожкам. Вокруг стояла непроглядная тьма, пахло сыростью и плесенью. Чтобы осветить пространство, я вызвал магические шарики. Несколько деревянных столов, покрытых пылью, мешки, бочки, разбросанные бутылки и кружки составляли колорит каютки. В дальнем углу виднелся проход вглубь «Клинка Ночи» — там сновали мертвяки, неуклюже спускающиеся с другого конца палубы. Я закрыл дверь на задвижку и тем самым лишил их возможности попасть к нам. Серэнити села на скамейку рядом со мной, на колени ей тут же запрыгнул Мурчик. Корабль сильно зашатало. Побледневший Дурнбад схватился за губы рукой — его тошнило. Меня, по правде говоря, тоже укачивало. Голова кружилась, а желудок жалобно просил так не шутить. Что это? Морская болезнь? Не замечал за собой такого! Как-то прям дурно! Борясь с настойчивым желанием выложить перед собой съеденную за день еду, я тяжело уставился на Снурфа, который видимо не испытывал мук тряски, так как безмятежно вкушал выловленную рыбку. Усы затрепетали. Таракан на секунду задумался. Его лапка отделила от кучи две рыбины и подтолкнула к Мурчику. Вот это по-дружески! Пригласил приятеля к столу! Кот спрыгнул с колен Великого инквизитора и вцепился зубами в мокрый чешуйчатый хвост.

— Я не понимаю, как можно вообще что-то грызть, когда эту треклятую посудину так качает! — простонал старейшина войны. — Обжоры! Готовы набивать брюхо от заката до рассвета!

— Такими их сделала природа, — сказала Эмилия, пытаясь словить кончик полосатого хвоста. — Животные лучше приспособлены к разным встряскам. Для них жизнь — это движение, а еда зачастую сама не просится в тарелку, поэтому нет ничего странного в том, что мой Мурчик всегда имеет хороший аппетит.

Услышав своё имя, кот оторвался от трапезы и поднял морду.

— Кушай, кушай, мой сладенький, не отвлекайся!

Однако слова колдуньи подействовали на Мурчика иначе. Вместо того, чтобы продолжить трапезу, он схватил недоеденную рыбу и плюхнул её на пальто Эмилии. Теперь моя подруга будет долго пахнуть, как обитатель морских глубин.

— Вы только посмотрите, что этот джентльмен принёс своей мамочке! — засюсюкала Эмилия. — Ты делишься со мной, сладенький? Ты мой золотой! Спасибо большое! Иди сюда, мамочка тебя погладит!

Моя подруга принялась чесать кота по подбородку. Прижав уши, Мурчик громко замурлыкал. Тут из-под люка полилась вода. Попадая на панцирь Снурфа, она разбрызгивалась капельками по всему полу. Таракан недовольно зацокал и поспешил укрыться под моими ногами. Я снял перчатку и протёр оставшуюся на нём влагу. Послышался жуткий раскат грома, от которого нутро корабля жалобно заскрипело. Куда безумный Клауд гонит «Клинок Ночи»? Уж не прямиком ли в бездну?! Хочется верить, что его короткий путь отличается от длинного только расстоянием и никаких неприятностей не предвещает. Смешно, да? Надо скрестить пальцы, чтобы мы выдержали нападки Абрикосового Моря и прибыли к Бликам Тишины в целости.

В закрытую дверь легонько постучали. Переглянувшись с друзьями, я встал со скамейки.

— Пароль? — спросил я, зная, что зомби туго понимают юмор.

— Паааарррроооолль?

— Да, пароль. Это новое правило капитана, скажи кодовое слово и сможешь войти!

Я уловил улыбку на лице Дурнбада.

Мертвяк по ту сторону двери крепко призадумался. Я был готов усесться обратно, как вдруг осипший голос просвистел:

— Ссспппрууууууттт?

— Нет, осталось две попытки!

— Ррроооооммм иииллии ссссиииидддррр?

— У тебя последний заход.

— Пооооррттоооваааяя крыыысссаа?

— Перестань, Калев, а то его мозги скоро лопнут, — расхохоталась Эмилия.

— Ччуууулллкиии сссстааарруууухххиии?

— И снова мимо!

— Это что своеобразный способ развлечься? — сердито осведомилась Великий инквизитор. — Ради спасения Соединённого Королевства я сдерживаю себя и мирюсь с тем, что нам приходится плыть на корабле, полным нечисти... Однако подобные игры выводят меня из хрупкого равновесия. Открой дверь, и я отправлю его измаявшуюся душу на очищение к Урагу.

— Чёёёёёрррнаааяя мммеетккккааа? — не унимался зомби.

— Я даже не представляю, чего стоит твоя выдержка. Честно, я думал, что ты бросишься крошить всех направо и налево сразу, как мы поднимемся на борт, — искренне ответил я. — Если тебе не приятны такие шутки, то я, конечно, перестану валять дурака.

— Зооооллооотттииишшшкккооо?

Я отодвинул собачку засова и дёрнул ручку на себя. Зомби. Я пихнул его в тамбур, чтобы он не попался на глаза Серэнити.

— Внимание на меня! Зрительный контакт, отлично. За моей спиной находится Великий инквизитор Иль Градо и она очень нервничает, что ты отвлекаешь нас своим стуком. Связь чувствуешь? Тогда побыстрее излагай цель визита.

— Каааапппийитаааннн пппррроооссссииттт вввааассс пппооддднняятттьсссяя кккк ннннеееммууу. Эээтттооо вввааажжжнооо.

— Ты мог бы сообщить мне это через дверь!

— Каааапппийийитттаанн скааазззааллл пппеерррееддааттт лллиичччнннооо.

— Молодец, ты сделал это, а теперь иди и собери на корабле все бутылки. Затем рассортируй их и сложи ровной пирамидкой. Как закончишь — придёшь доложить. Свободен!

Я закрыл дверцу перед носом зомби.

— Кккаакккк пррииккаааажжнеееетеее, — донеслось из-за створки.

— Вы все слышали, — сказал я, подходя к люку, ведущему на палубу. — Схожу узнать, что там такое важное требует моего безотлагательного внимания.

— Погодка за окном немного ретивая, так что постарайся не потерять шляпу, — крикнул Дурнбад.

— Шляпа-то с ней ладно, а вот себя не потеряй, а то залюбуешься ещё, каким красивым бывает море во время шторма и — тю-тю! — добавила Эмилия.

— Обещаю, что непременно воспользуюсь вашими советами.

Я приподнял крышку — на меня сразу обрушился поток ледяного дождя. Бодренько! Абрикосовое Море бурлило. Высоченные волны колыхающейся стеной молотили «Клинок Ночи». Едва не слетев с корабля, я схватился за верёвку от паруса и потихоньку направился к неподвижно стоящему Клауду. Как он только не падает?! Держась за всё, до чего только дотягивались руки, вскоре я смог ответить на свой вопрос. Икры капитана обхватывали две толстые натянутые цепочки. Именно эта особенность давала ему возможность оставаться у штурвала. Завидев меня, Клауд поправил треуголку. Из прорези его отсутствующего носа вылетел комок зелёной слизи.

— Нас преследуют!

— Кто?! — заорал я, стараясь перекрыть рёв ветра.

— Рыба!

— И что?! Если ты хочешь предложить мне развернуть «Клинок Ночи» и малость порыбачить, то выбрал неподходящее время!

— Якорь мне в бухту, парень! Это она рыбачит на нас!

— Значит, речь идёт не о маленькой и безобидной рыбке? — напряжённо завопил я.

— А ты проницателен для колдуна! Беги в конец судна и посмотри своими глазами! — засмеялся Клауд. — Я лавирую, но без тебя мне от гадины не оторваться! Тебе придётся использовать магию! Жажни по ней чем-нибудь!

— Жажнуть?!

— Жажнуть! Залепить! Пригвоздить! Отгоняй её, куда хватит сил! «Клинок Ночи» скоро будет на месте!

— Ты что-то путаешь! Каким это образом корабль достигнет Бликов Тишины, когда мы только что отчалили?! Ты точно понял, куда нам надо?

— Ты всегда такой любопытный? Это не твоя забота! Хотя если ты не перестанешь здесь торчать, то мы и впрямь никуда не попадём!

— Но!..

— Никаких «но», щупальца ты кривая, действуй или мы все окажемся в кишке у толстого тунца!

Клауд нетерпеливо топнул деревянной ногой. Потревоженный резким движением, из-за

пазухи капитана высунулся белобрысый ворон. Острый клюв раскрылся — вне сомнений мерзкое карканье предназначалось для меня. Я замахнулся на птицу кулаком, и та исчезла в недрах позолоченной одежды.

— Да чтоб тебя! Нам вот-вот откусят ягодицу, и это будет по твоей вине!

— Не подгоняй меня, чучело!

Клауд сострепал насмешливую гримасу.

— Ба! Вы поглядите, какой он изнеженный!

Достоинства, конечно, в этот момент во мне было не больше напёрстка, но я постарался удалиться с поднятой головой. Где это видано, чтобы мертвяк мной помыкал?! Ладно, видимо, ситуация сейчас требует того, чтобы я отложил своё негодование и взялся за эту рыбину... Стараясь не потерять баланс тела и не брякнуться в Абрикосовое Море, я заскользил в самый зад корабля. Мимо меня перекатился зомби. Он ухватился за перила, но кость не выдержала, оторванная кисть повисла на деревянном изгибе, а всё остальное плюхнулось за борт. Я проводил взглядом незадачливого моряка. Ударом волны меня опрокинуло, и я чуть не нырнул следом за пропавшим из вида зомби. Более не позволяя себе обращать внимание на разгул стихии, я поднялся и потопал дальше. Не без кульбитов, шмякания и плюхания на скользкую палубу я преодолел все препятствия и добрался до кормы. То, что испугало Клауда, меня привело в неопишуемый ужас. Неподальёку от «Клинка Ночи» двигалось нечто настолько громадное, что я замер, как вкопанный. Нет, то не мираж, Кaleb, это вполне материально! Над водой показался серый тупой нос. Рыбина распахнула пасть, ох-ох, зубы размером с мачту! Красноватый язык полез вперёд, собираясь подцепить обречённое лакомство. Чем же тебя шлёпнуть, демон?! Молнией?! Соберись! Соберись! Я стал судорожно подготавливать заклинание. Сомкнувшиеся челюсти, не доставали до «Клинка Ночи» каких-то паршивых двадцать-тридцать футов! Разрушительная энергия заструилась промеж моих пальцев. Куда же метнуть заряд?! Я выбрал лупоглазые зрачки. Моргнул белый луч. Чары отскочили от воды и угодили в плавник. Душераздирающий писк сотряс мои барабанные перепонки. Запах жареной трески сопровождался густым паром, который был виден даже через пелену дождя. Однако мой испепеляющий разряд не охладил пыл чудовища, а напротив — ещё пуще разогрел его! Отвратительная морда вновь показалась над поверхностью моря. Ам! Клиновидные клыки сомкнулись так близко, что я только и подумал — прощайте все!

Страхнув с себя замешательство, я очистил разум от лишних мыслей. Концентрация! Она и только она имеет ключ к этой проблеме! Я набрал в лёгкие влажный воздух. Медленный выдох. По моим ладоням забегала глобула, основывающаяся на огне, но с некромантическо-мертвящей затравкой. Опытные маги уверяют, что мешать ворожбу плохо, это якобы ослабляет воздействие заклинания. А по мне, так в умелых руках экзотика работает намного эффективнее! Я выпустил сгусток в сторону надвигающегося врага. К моему разочарованию монстр резко ушёл в бок, и пламенно-тёмная смесь поразила очередной вал Абрикосового Моря. Что за нечестные манёвры?! Впрочем, рыбина или «толстый тунец», как назвал её Клауд, по неизвестной причине передумала потчевать себя «Клинком Ночи». Она отдалялась от нас с невообразимой скоростью. Да что происходит? Мне показалось, что корабль перестал двигаться прямо, а переместился на траекторию дуги. Мои колени подкосились. Нас затягивало в водоворот! Вот почему тварь не пообедала нами! Хотя есть ли разница, где погибать — в брюхе рыбы или на дне морском? Прозаично! Воронка, способная поглотить с десятков кораблей, кружилась гигантским волчком. Мне на

плечо легла костлявая рука. Я обернулся с Альдбригом наизготовку.

— Полегче махай своим смычком! — недовольно закричал Клауд. — Нам предстоит чудесно провести ближайшие пару минут!

— Ты спятил?! Почему ты покинул пост капитана?! Вернись обратно! — во всю глотку проорал я. — Уводи «Клинок Ночи»! Ты слышишь?! Он несётся в пропасть!

Не отвечая на мои эмоциональные вопросы, мертвяк отсоединил одну из своих болтающихся цепей, лихо перекинул её через бедро, после чего сомкнул браслет на моей щиколотке.

— Что ты делаешь, грязь грязная?! Я не хочу быть скованным с тобой до конца времён!

— Чтоб я ещё раз повёз на своём борту такую девку! — сплюнул Клауд. — Если хочешь остаться живым, то перестань паниковать и цепляй крюк к вон той уключине!

— Клянусь, я найду лазейку в защитном барьере Эмириус Клайн! И тогда ты у меня попляшешь! — огрызнулся я, тем не менее, крепя цепь за скобу в полу.

«Клинок Ночи» сокращал амплитуду. Раз виток, два виток, мы двигались по кругу, а рядом в бешеном хороводе мелькали жители моря и выпавшие с судна зомби. Круговерть надвигалась всё ближе и ближе. От более, чем шустрого вращения, я дезориентировался и впал в протрацию. Ноги обмякли, и нахлынувшая волна смыла меня с «Клинка Ночи». Я уже было собрался захлебнуться в жёлтой пучине, но до воды не долетел. Звякнула цепь, и мою щиколотку сдавило невыносимой болью. Не хуже циркового акробата, я изогнулся, сцапал стальную змейку, а затем принялся подниматься по ней вверх. В середине пути пальцы соскользнули, и я вновь повис на одной ноге. Жёлоб водоворота оказался перед моим лицом. Из него на меня смотрела не чернота смерти, а отражение солнечного дня! Бухнувшись в Абрикосовое Море, я так и не успел осмыслить произошедшее. Отчасти это было похоже на перемещение в Лучезарных Скорлупках, в которых Нифиль переправила нас по Оленьей реке и Шелковице. Корабль стремглав опустился на дно, прочесал брюхом о песок и тут же взмыл обратно. Впрыгнув из гейзера, «Клинок Ночи» мирно поплыл в сторону алеющей полоски земли. Принудительная ванна едва не утопила меня. Я кашлял и перхал. Кто-то потащил мою цепь. Стонущая лодыжка коснулась палубы. Зомби деловито отцепил меня от оков.

— Впереди нужный тебе остров!

Клауд выжал промокшую треуголку.

— За скорость с вашего мягкотелого ансамбля причитается сто золотых монет!

— Всего сто? Ты не продешевил?

— Я пират, а не грабитель.

— И, наверное, к тому же благородный? — усмехнулся я.

— Истинно так! Деньги подготовь к вечеру!

— Думаю, я обойдусь тем, что предоставлю Эмириус Клайн твой отрезанный язык — он лично спросит с неё всю сумму. Как думаешь, к вечеру письмецо долетит до адресата?

— Кошку тебе в пятку!

— Из-за чего ты ругаешься? Заказчик мероприятия хорошо тебе заплатит.

Я улыбнулся.

— Хоть ты и премерзейший тип, но всё равно заслужил слова благодарности — спасибо за столь отчаянное путешествие.

— Оставь свои спасибо при себе, — фыркнул Клауд. — Я всего лишь сделал свою работу.

Я пожал плечами.

— Как знаешь. Будь любезен, становись к штурвалу и следи за тем, чтобы мы не налетели на какой-нибудь риф!

— Ты что, пресноводный моллюск, забыл, кто тут капитан?! — взъерепенился зомби. — Дома у себя будешь командовать!

— У тебя, по-видимому, вот этот малютка лишний, — осклабился я, отрывая у Клауда мизинец. Бросив его в Абрикосовое Море, я добавил:

— Было десять — стало девять, ещё нагрубишь и вообще останешься с тремя на каждой руке. Тебе понятно?

— Чтоб тебя стошнило ядовитой медузой!

— Вот и умничка!

Оставив Клауда пребывать в мрачном расположении духа, я направился к друзьям. Люк прилип к полу, и мне пришлось изрядно потрудиться, прежде чем он поддался. Скользкие порожки привели меня на всю ту же скамеечку, на которой я до этого сидел.

— Калев несносный гриб, где тебя носило?! Я уже вся извелась! Что за срочность там была у этого Клауда? — накинулась на меня с вопросами Эмилия.

— Ничего особенного.

Я придал своему лицу скучающее выражение.

— Нас чуть не сожрала рыбина размером с замок, и мы угодили в волшебный водоворот, но благодаря мне все обошлось. Теперь до Бликов Тишины рукой подать, Клинок Ночи плывёт к острову на всех парусах!

Моя подруга широко раскрыла глаза.

— Ты сейчас шутишь?

— Ни в коем разе.

— Нас перекинуло к Бликам Тишины? — воскликнула Серэнити. — Так быстро?

— Именно так. Короткая дорога оказалась и впрямь короткой.

— Вот это да! — поражённо воскликнул Грешем, доставая из мешка одну из своих бутылок. — Как вам удалось со всем этим управиться?

— Тебе давно пора привыкнуть, что твой учитель человек необычный, — важно отозвался я. — Следи за каждым моим шагом, лови всякое невзначай оброненное мною слово, записывай и запоминай любую произнесённую мною мысль. Если ты не будешь лениться, то, когда к тебе придёт старость, ты сможешь сказать — вы знаете Калеба Шаттибраля? Да-да, того самого легендарного мага! Это его наставничество привело меня к оглушительному успеху!

— Ох, только не начинай опять, ладно? — зацокала колдунья. — Твоё чувство собственного достоинства секунду назад заполнило весь кубрик.

— Но ведь заслуженно!

— Я не спорю, милый. Кому-нибудь надо начать писать о тебе книгу.

— А что? Неплохая идея!

Моя улыбка сменилась лёгкой обидой.

— Эй, это был сарказм, да?

Колдунья положила голову мне на плечо.

— Вовсе нет. Твои дырявые носки достойны этого.

— У меня не дырявые носки!

— Я всё видела! На правом носке у тебя прореха!

— И как ты только умудряешься подмечать такие нюансы, — проворчал я, пошевелив пальцем сквозь прорванное отверстие.

— Я постоянно слежу за тобой.

— Вот так новость!

— Давайте перекусим, пока нас не стало шатать, словно руду в вагонетке, — предложил Дурнбад.

Серэнити улыбнулась краем губ.

— Теперь и господин гном не против отобедать?

— А после того, как поедим, неплохо бы завалиться спать, — тряхнул бородой старейшина войны. — Надо пользоваться моментом пока всё более-менее спокойно.

— Хорошо придумано, — кивнул Грешем.

После того как единственный стол был протёрт от бурой плесени и пыли, мы разложили на нём кусочки зажаренного барашка. Я жевал мясо и параллельно размышлял о неприятном зуде, поселившемся в моей верхней челюсти. Ох, как же корни зубов сводит. Ощущения, честно говоря, гадкие, но вместе с тем... мякоть-то от жил отделяется как-то проще. Я провёл языком по резцам. Размеры они оказались ещё того же, что и раньше, однако немного заострились. Над комодом с отвалившейся дверцей висело треснувшее зеркало. Я подошёл к нему и раскрыл рот. У меня всегда были хорошие зубы, Серэнити правда лишила меня парочки... стоп! У меня выросли новые! А эта улыбка! Она ослепительна! От вампиризма есть толк — это конечно горький юмор, но гоблин побери, о таком блеске можно только мечтать! Вот бы так всё и осталось, без всяких там изменений! Клыки? Нет, извольте, меня устраивает старая длина. Я оторвался от созерцания тридцати двух идеальных жемчужин, чтобы провести анализ своего преобразования. Прошло не больше четырёх дней с той минуты как Буль Золотобородый укусил моё плечо. Я оттянул веко — глаза нормальные, не красные. Кожа. Вот она стала бледнее на отенок-два.

— Калерб, ты, что там красуешься? — поинтересовалась Эмилия.

— Да так, решил вспомнить, как выгляжу, — отозвался я, возвращаясь на своё место.

— Очень привлекательно, как по мне.

— Особенно привлекателен мой дырявый носок!

— Ну, будешь теперь дуться!

Эти фразы о моей симпатичности... Она говорила мне их тысячи раз...

— Нет, не буду и... знаешь, Эмилия?

— Что?

— Ничего... Давай спать.

Моя подруга сощурила глаза.

— Ты не то хотел сказать.

— То.

— Калерб!

— Хорошо, — я нервно вздохнул. — Ты...

— Что я?

— Ты...

— Ну! Что я!

Эмилия подалась вперёд.

— Ты мне...

— Говори, Шаттибраль!

Все взоры обратились на нас.

— Ты мне не поможешь стянуть сапоги? — выпалил я. — У меня спину заклинило от холодной воды!

— Тьфу ты, ну ты! — ударил по коленке Грешем.

— Эй, что вы так пялитесь на меня?

Друзья сразу отвернулись.

— Тебе показалось, — глухо проговорила Эмилия, берясь за мой мокрый сапог.

— Спасибо!

— Не за что.

Странная ситуация произошла. Я снял с себя сырую одежду и, развесив её сушиться, завернулся в плащ колдуньи. Где бы лечь? У той деревянной полки. Я уместился на пол и мгновенно заснул.

Мне снились женщины, которые вместо ног имели рыбы хвосты. Они плыли по морскому дну и трубили в ракушки. Пузыри воздуха вырывались из раковин и поднимались к поверхности. Девушки были прекрасны. Они водили между собой непонятные танцы. Белые тонкие руки, увенчанные браслетами из бирюзы, то сплетались, то расплетались, покидая дружеские объятия. Я захотел присоединиться к этим весёлым девам. Я парил где-то над ними и в тоже время был среди них. Одна из женщин заметила меня и помахала рукой.

— Для человека видеть игры русалок к счастью, — шепнуло у меня в голове.

Зелёные волосы и такие же глаза, чешуя золотистая. Она протянула мне ракушку. Когда я принял дар, дева повлекла меня за собой. Я спускался все глубже и глубже в морскую бездну. Рыбы вокруг никогда не видели дневного света. Некоторые из них имели на головах фонарики, которые причудливо поблёскивали у зубастых пастей. Мимо промелькнул гигантский осьминог. Размеренно работая щупальцами, он искал, чем бы набить свой голодный живот. Мы ему были не интересны. Русалка уводила меня дальше. Вот и дно, заполненное морскими деревьями — это кораллы, их разноцветные каменные ветки имели тысячи пупырышек. Дева влекла меня к песку, усеянному галькой и водорослями. Она раздвинула горку ила, а затем показала, что я должен сделать так же. После нескольких взмахов я различил огненную руну. Она искрилась жаром и нагревала воду до кипятка.

— Плыви вперёд и познаешь, — отчётливо зазвенело в ушах.

Тело обрело самостоятельность. Руки и ноги заработали против моего желания. Русалка исчезла. Я остался один. Странные магматические знаки вели меня в пещеру. Я понимал их смысл и не мог произнести в голове, чтобы сохранить в памяти. Вытянувшись в струнку, я преодолел своды пещеры. Сила потянула меня вверх, и я оказался в воздушном кармане. Разбитая плитка и несколько колонн намекали на то, что это место когда-то было криптой. По облупившимся стенам тянулись замысловатые арабески. Посередине стоял белый сундук. Я знал, что моя цель именно он. Крышка имела ручку. Я потянул её на себя. Внутри, на подушке, лежала моя отрубленная голова. Закатившиеся глаза вернулись на свои орбиты и посмотрели на меня. Я хотел кричать и не мог вымолвить ни слова. Ужас парализовал моё естество. Голова отвратительно почмокала синими губами, как бы пробуя свои возможности.

— Ты — это секунда, а я — это вечность, ты и я, мы хорошо знакомы.

Голова заговорила моим голосом, эхо отражалось от стенок грота.

— Я не знаю тебя!

— Во многих обличиях я забираю то, что надлежит. Ныне близится и твой черёд.

— Какой черёд? — спросил я, пытаюсь отойти назад, но ноги, наоборот, шли ближе к голове. — Что тебе от меня нужно?

— Кое-что нужно мне. Кое-что будет нужно тебе.

— Что?

— Всему своё время.

— Зачем я здесь?

— Ради меня. Ради себя. Возможно, ради других.

— Я не понимаю! Ты говоришь загадками!

— Разве не загадки ты любишь больше всего?

Я практически соприкасался носом с отрубленной головой. Я смотрел в свои глаза и видел в них безымянные провалы.

— Что я должен сделать для тебя?

— Остаться жить.

— Но я живу!

— А потом?

— Я не знаю! Мы все когда-нибудь умрём! — закричал я.

Мои губы едва не касались губ головы.

— Только не ты. На грани между До и После я поймаю тебя...

Отрубленная голова поцеловала меня. Мир закрутился. Я превратился в искорку, влекомую через скопления звёзд. Я уносился в необъятное и непостижимое пространство.

Глава 22. Без права на ошибку

Я подскочил и с размаха приложился лбом о деревянную полку. В глазах заплясали фиолетовые и золотые бабочки. Через распахнутый палубный люк лился свет. Кроме Снурфа вокруг никого не было. Я подобрал одежду — она практически просохла, только сапоги оставались все такими же влажными. Сетую на то, что придётся ходить в сырой обуви, я вспомнил сон. Руки сами собой потянулись к шее. Пальцы ощупали горло и поползли выше, всё в порядке. Облегчённо вздохнув, я поднялся по ступенькам на палубу. Остров находился примерно в половине мили от нас. «Клинок Ночи» кинул якорь и свернул паруса. Абрикосовое Море сменило гнев на милость и теперь лишь чуть бултыхалось. Гребешки волн не спеша облизывали хорошо различимый берег. Низкие серые облака сыпали густым снегом.

— Ты проснулся? Самое время!

Из-за спины показалась Серэнити.

— Час назад мы прибыли к острову. Если бы не Грешем, уверяющий что учителю нужно выспаться как следует, то я бы тебя уже давно тебя растолкала.

Я потёр лицо ладонями.

— Вот как, значит. Сколько я проспал?

Великий инквизитор сложила руки на груди.

— Достаточно, чтобы солнце успело сесть и вновь встать. Все ждут только тебя.

— Меня посетил сон, где я...

— Давай потом обсудим твои грёзы, — перебила меня Серэнити. — Бери свой рюкзак и дуй обратно, а я пока поищу капитана — скажу ему, чтобы подготовил нам лодки.

— Если он не даст тебе их, то постарайся не убить его до моего прихода. Клауд

обладает ухабистым нравом и может заартачиться выполнять твою просьбу.

— В самом деле? Я могу проявить терпимость, но тогда тебе придётся поторопиться.

— Я мигом!

Я вновь отправился к люку, из которого недавно вышел. Восьмая ступенька проседает, а двенадцатая трещит. Вызвав шарики света, я спустился вниз, перекинул через плечо сумку и закрепил на поясе меч.

— Снурфи, Снурфи, Снурфи, — позвал я. — Выползай, проказник, мы уходим!

Из-под кучи трухлявых деревяшек показалась бронированная спина моего фамильяра. Перебирая лапками, он прытко засеменял ко мне. Только я собрался уходить, как отчётливо услышал тук-тук. Ну как тут удержаться? Я быстро подошёл к двери и спросил:

— Кто там?

— Яяяяяяяяяя.

Я захихикал в кулак.

— Кто я?

— Ссссссввооооооииии.

Видимо мертвяк назвал своё имя, но не подшутить над этим было просто невозможно.

— Свои все дома сидят! Скажи конкретно имя!

— Яяяяяяяяяя Ссссввооооооииии.

— Ну ладно, зачем стучишь?

— Яяяяяя ррраааассттттааавввииллл бббууттттыыылллккиии!

— Ого! — сказал я, отпирая замок. — Тогда показывай!

Да, пол-лица съедено солью, нос набекрень, раздутая щека, тот самый зомби, которого я тогда видел. Свои кивнул, развернулся и потопал по трюму. Плюх — из пыльного воздуха вынырнула сфера, на этот раз красная. Дополнительное освещение никогда не бывает лишним. Я последовал за мертвяком, по пути рассматривая его немногочисленных, ничем не занятых товарищей. Кто-то из зомби упёрся головой в стенку и что-то шептал, кто-то ходил туда-сюда, выставив перед собой руки. Всё, как всегда. Зомби, они везде одинаковы. Тяжёлый морской запах, смешанный с разлагающимися телами и плесенью, составлял особенный колорит этому кораблю. Противно, но терпеть можно. Остановившись возле одной из кают, Свои жестом пригласил меня войти. Моему взгляду предстала горка пустых засаленных флаконов, тар и бутылок. Хитроумно сложенные, они образовывали ровную пирамиду, на самой верхушке которой покоилась фляга. Не успел я как следует насладиться шедевром искусства, как Снурф топтавшийся до этого позади Свои, решил пролезть вперёд, а так как он у меня толстенький таракан, то протискиваясь через мои ноги не рассчитал силу и влетел прямо в бутылочный холмик. Звон бьющегося стекла. Недоуменно отпадающая челюсть зомби повергла меня в хохот. Подбирая флягу, упавшую с верхушки, я подивился её весу. Полная. Интересно, что в ней? Заберу с собой, а там посмотрю, годится ли напиток в употребление. Снурф, пошевелив усами, сделал вид, что ничего не произошло. Вот ведь хитрюга! Покидая усыпанный осколками трюм, я захотел дать Свои ещё одну весёленькую задачу.

— Раз случилась такая беда, то я поручаю тебе собрать кусочки и склеить из них капитана. Как будет готово — сообщишь.

Оставив зомби с новым творческим занятием, я заспешил вернуться к друзьям. Где-то наверху Клауд ругался с Серэнити. Плохо различая слова, я прибавил шагу и вылез на палубу.

— ... это мой корабль, здесь ты можешь только просить, женщина, и уж никак не

требовать! Я выполнил волю Эмириус Клайн — остров перед вами, прыгай в воду и плыви! Надеюсь, акулы наслаждаются твоей печенью!

— Знай с кем говоришь, нежить! Я Великий инквизитор Иль Градо! Если ты сейчас же не выделишь нам лодки, то это станет твоим последним решением в... жизни!

— Фок-грот-брамсель мне в левое ухо, если я так поступлю! — закричал Клауд.

— Я считаю до десяти, а затем начинаю ломать тебе трухлявые кости!

Мертвяк высморкался едва, не задев подол Серэнити.

— Ага! Разбежалась! На камбузе такое пой! Там твоё место!

Стальная перчатка стиснула булаву.

— Раз!

— Думаешь, я боюсь?!

— Два!

— Да как ты смеешь мне угрожать, мошь худосочная?!

— Три!

Булава поползла вверх.

— Я помогу тебе, окунеобразная! Четыре! Пять!

— Шесть! — согласилась Серэнити, надвигаясь на Клауда.

— Разрази меня гром, вот и твой друг явился! Объясни ей, недомерок палубный, кто тут капитан, а кто всего лишь тухлый груз осетрины!

Удивительно. Разве Клауд успел позабыть наш последний разговор? Или он начисто лишён инстинкта самосохранения? Понимая, что мы гораздо сильнее его, зомби все равно продолжает хамить и нарываться на конфликт. Почему он кочевряжится? Почему зажилит жалкие лодки? Вон их сколько! Дал бы две, мы бы попрощались и разбежались, кто куда.

— Клауд, ну что такое? Разве нужно доводить дело до критической точки? — спросил я, опускаясь на ящик. — Ты же хочешь, чтобы мы тебя оставили? Так зачем нагнетать обстановку? Сделай для нас последний подарок, и мы больше тебя никогда не побеспокоим.

— Может, мне для вас ещё устриц наловить? Нет?

— Прислушайся ко мне, иначе Серэнити потопит корабль, и твои останки будут бултыхаться в Абрикосовом Море, пока не настанет конец света.

— Я не люблю, когда зелень подкильная обращается ко мне неуважительно!

— Я сейчас тебя вполне нормально попросил.

— Где там твоё «нормально»?! Ты должен произносить моё имя шёпотом и кланяться ниже пояса! Я — известный пират десяти морей и океанов!

Угнездившейся на мачте ворон-альбинос истошно закаркал, подтверждая слова хозяина. Дурнбад, Эмилия и Грешем, до этого находившиеся у бизани, подошли на громкий шум голосов.

— Это тебе что ли мы должны кланяться, сопляк одноногий? — прорычал старейшина войны.

— Чему ты удивляешься, крыса бочковая? — отозвался Клауд. — Это — твоя обязанность!

— Время собирать камни и их разбрасывать! — взревел гном, замахиваясь молотом.

Я хотел крикнуть «нет!», но пудовое оружие меня опередило. Опустившись на зомби, оно разmozжило его на составные части. Ошмётки разлетелись в разные стороны, некоторые из них посыпалась за борт. Однако не прошло и пары секунд как разбитые потроха Клауда вновь поползли друг к другу. Капитан обретал цельный вид! Из воды повыскакивали

недостающие элементы скелета. Расправив плечи, мертвяк подобрал треуголку, оглядел наши изумлённые лица, а затем зашёлся диким смехом.

— Вы что...

Договорить ему не удалось, так как булава Серэнити описала в воздухе дугу. Бабах! Результат Дурнбада повторён. Эмилия принялась спихивать ногой кости в море, но это не помогло. Клауд опять собрался. Я заметил, что на его руках было десять пальцев!

Зомби оскалил зубы.

— Греть вам вечность якорями! Эмириус Клайн сделала меня бессмертным! Меня нельзя уничтожить!

— Это мы ещё посмотрим! Нет ничего, что не раскрошит мой молот! — неистово закричал гном, подаваясь корпусом вперёд.

— Стой, каракатица мохнатая, третьего раза не нужно! Берите лодки и проваливайте с «Клинка Ночи»! Пусть вас пожрёт ненасытное море!

— Спасибо за пожелание, — поблагодарил я.

— Я тебе таких ещё сотню дам!

Капитан прошаркал к подчинённым. После соответствующих указаний и действий, подвешенные за тросы лодки закачались на уровне борта. Мы разместились в них. Когда мертвяк в робе попытался влезть следом, я отправил его обратно на корабль.

— Ты не сядешь на вёсла, отныне они принадлежат нам.

Затрещали бобины. Мы стали опускаться вниз. Через минуту наверху показалась плешивая голова Клауда. Его мерзкая улыбка не предвещала ничего хорошего.

— Рубите канаты! Нечего любезничать с дохлой рыбой!

Последнее слово капитан оставил за собой. Два глухих удара, а затем ещё два. Отсечённые концы тугих верёвок взметнулись к небу. Клауд, свинья, я ненавижу чувство свободного полёта! Лодки жёстко хлопнулись об Абрикосовое Море и едва не перевернулись. Что за всплеск?! Брызги накрыли нас холодным веером. А где Грешем?! Свалился в воду! Отреагировав на это событие быстрее всех, Эмилия сунула весло в колыхающиеся волны. Деревяшка, предназначавшаяся для спасения утопающего, пришлась вампиру прямо по макушке. Вместо того чтобы ухватиться за конец весла, Грешем начал уходить в солёную муть. Пришлось скинуть с себя плащ, оцепить Альдбриг и кинуться за ним. Вероятно, случайная оплеуха оглушила Грешема, такое бывает, если девичьи руки обладают определённой физической силой. Вдохнув поглубже, я окунулся в Абрикосовое Море. Серебристым лучом рядом пронеслась Серэнити. Чёрное пятно вампира медленно скользило к коралловой колонии. Вскоре мы настигли Грешема. Подцепив его под локти, наше трио проследовало к поверхности. С виноватым видом колдунья затащила моего ученика к себе на лодку. Лёгкие Грешема сотряс кашель. Он поднялся и осоловело выплюнул что-то наподобие мидии. Пряча глаза, Эмилия вставила весло в уключину — её лодка поплыла в сторону берега. У нас гребцом стал Дурнбад. Предварительно отстегнув пластичный доспех, он принялся догонять мою подругу.

Я между тем разглядывал остров. Полукольцо невысоких скал защищало сушу от приливов моря. Длинная полоска мокрого песка терялась среди голых деревьев, над которыми кружилась стайка пронзительно кричащих чаек. Возле каменных утёсов застыл потрёпанный остов корабля, напоровшегося на рифы. Корма судна скрывалась в толще пенных кудряшек, а переломанный нос смотрел на солнце. Какой-то искатель приключений вытянул из колоды не ту карту. Мог ли он избежать своей судьбы? А я? Что ожидает меня?

Задумчиво уставившись на облака, я понял, что дрожу и стучу зубами. Отлов Грешема измочил меня до нитки, и ледяной ветер лишь усугублял незавидное положение. Так! Подождите! Та фляга с упавшей пирамиды придётся сейчас очень кстати! Вынув из сумки матовый непрозрачный сосуд, я на свой страх и риск приложился к его содержимому. Однако на язык попало вовсе не спиртное — твёрдые зёрнышки засыпали моё горло. Хорошо, что я ничего не проглотил. Тьфу! Что это такое? Я высыпал содержимое фляги на дно лодки. Россыпь блестящих отшлифованных камушков смешалась с налетевшим снегом. Дурнбад оторвался от гребли, чтобы поднести одну горошину к глазам.

— Алмазы. Идеально чистые, — подтвердил мою догадку старейшина войны. — В таре то оказалось кое-что получше, чем виски, да, брат по крови? Находка, достойная короля!

— Откуда у тебя эта бутылка? — вскинула брови Серэнити. — Её содержимого хватит на много, очень много добрых дел!

— Я случайно подобрал флягу среди пустых склянок на «Клинке Ночи». Мне подумалось, что в ней будет ром или портвейн, вот и прихватил с собой, — ответил я, пожимая плечами. — Мне алмазы не нужны, если хотите, забирайте себе.

— Ты часом не заболел? — нахмурился Дурнбад. — Кто, будучи в здравом уме, откажется от такого богатства?

— Что мне с ним делать? — улыбнулся я, заталкивая камушки обратно в сосуд. — Окружить себя роскошью и слугами? Нет, это не по мне. Я — маг, и сокровища для меня нечто иное. Уединение и изучение колдовских наук — вот, что мне по-настоящему дорого.

— И ты отдаёшь её нам? — ещё раз осведомился Дурнбад.

— Да, берите. Я уверен, что вы найдёте алмазам должное применение.

Поколебавшись, гном и спрятал запечатанную флягу к себе за пазуху.

— Ты предлагаешь только нам, но в той лодке плывут ещё два твоих друга — им тоже будет причитаться. Когда разберёмся с Десницей Девяносто Девяти Спиц, то поделим богатство поровну. Надеюсь, что к тому моменту ты одумаешься и захочешь иметь не только место, где будешь пускать искры и читать книги. Вместо этих лохмотьев тебе бы очень пригодилась новая мантия, а портные, как водится, бесплатно не шьют, — заявил старейшина войны. — Я, так и быть, возьму у тебя флягу, но только для того, чтобы ты её ненароком не посеял. За вашим братом колдуном нужен глаз да глаз.

Мне показалось, что Великий инквизитор как-то странно посмотрела на гнома.

— Урах претит мне обзаводиться излишним обилием, поэтому свою долю я потрачу на бедных. Каждый брошенный ребёнок в Иль Градо узнает, что такое хлеб и тёплая постель.

— Тогда пускай моя часть алмазов достанется тебе, — кивнул я. — Я знаю, какого это — расти на пустой желудок и не иметь крыши над головой.

— С каждым днём ты удивляешь меня все больше и больше, Шаттибраль... Ты — адепт Тьмы, но ты не такой, как все, кого я встречала.

Великий инквизитор сжала амулет Ураха.

— Я помолюсь за то, чтобы твоя щедрость не осталась незамеченной.

— Спасибо! Приятно знать, что перед небесными силами за меня есть кому замолвить словечко.

— Святые смотрят на твои деяния.

— Тогда им точно известно, что я — хороший парень!

— Твоё насмешливое отношение к религии не даёт тебе встать на путь духовного очищения, — вздохнула Серэнити, откидывая мокрые волосы за спину.

— Жаль, что я не собираюсь меняться.

— Думаю, дыба заставила бы тебя изменить взгляды на жизнь.

— Конечно, под воздействием этого устройства и ему подобных, любой, даже самый закоренелый преступник, будет кричать о том, что от него хотят услышать. Причём кричать громко! — поспешил согласиться я.

— При проведении допросов с пристрастием сердце Ордена Инквизиции скрипит и содрогается от жалости, но суровые времена требуют суровых методов. Если мы ослабим хватку, то зло восторжествует.

— Звучит как-то мрачно.

— Сейчас чёрное правит белым, однако так будет не всегда. День возобладает над ночью.

— А пока раскалённые прутья продолжают клеймить еретиков.

— Сарказм обнажает душу.

— Моя душа в порядке.

— Напротив, она страдает и ищет покаяния.

— Я этого не чувствую.

— Ты просто не хочешь чувствовать.

— Меня ведёт Вселенная, а не Боги.

— Но ныне только Всеотцу подвластно спасти мир. Может он и есть твоя Вселенная, да только ты об этом не догадываешься, да?

— Ты задала вопрос, требующий размышлений, — отозвался я, уносясь мыслями в правду, открытую мне Эмириус Клайн. Урах, он же безумный Князь Десницы Девяносто Девяти Спиц, лживый Бог, использующий обращённые к нему помыслы, надежды и сомнения ради грязных игр и интриг. Наверное, Урах улыбается, когда пахарь возносит ему хвалу за обильный урожай, а на следующий день громко смеётся, потому что все посева за ночь сжирает саранча. Пример, конечно, выдуманный, но... разве так не происходит? Люди — это всего лишь инструмент, который не даёт заскучать кукловоду, пока эпоха сменяет эпоху. Значит, мы в плену? Все или только избранные? На кого распространяется божественное внимание? Вопросы, вопросы и ещё раз вопросы. Они не дают мне покоя и, вероятно, ещё долго будут терзать мой разум. Хотя, постойте. Почему это я воспринял на веру всё, что мне сказала Матрона Тьмы? Почему я безоговорочно согласился с тем, что Урах одобряет разрушение и смерть? Почему я сразу перевернул медаль блёклой стороной? Вернём глянец обратно. Жрецы Братства Света врачуют раны магией. Откуда они черпают свою силу? Из Таинства Всеотца. А герои? Я знаю десятки легенд, где они просили помощи у Ураха, обретали её, а затем счастливо доживали свой век. Ну не может быть всё сплошным обманом! Это не укладывается в рамки моего восприятия! Как мошка, бьющаяся об окно, я пытаюсь осмыслить Замысел Вселенной и чем больше нахожу ответов, тем больше запутываюсь.

Корма ударилась о песчаное дно. Дурнбад откинул весла и соскочил в море. Ухватившись за нос лодки, гном подтащил её к берегу. Грешем и Эмилия, успевшие вперёд нас достигнуть острова, уже закидывали на плечи рюкзаки. Мурчик хмуро мялся лапками по зелёным водорослям, раскиданным вдоль берега. Прежде чем спрыгнуть в воду и подсобить Дурнбаду, я предварительно снял сапоги. Они, конечно, и так мокрые, но выжимать их второй раз за час мне не хотелось. Серэнити накинула на плечи меховой плащ. Она предпочла остаться сидеть и доверить нам сделать мужскую работу. Когда лодка оказалась

на суше, я помог Великому инквизитору выбраться на песок. Рядом весело защёлкал жвалами подползший Снурф. Ему в клешни попала взбухшая медуза. Видимо, мёртвая. Пошевелив усами, таракан признал её пригодной к употреблению. Ом-ом-ом! Прозрачное тельце стало пропадать в утробе моего любимца. Дождавшись, когда Снурф откусает, я пошёл в сторону выбеленных солью деревьев.

— Эй, там тропа!

Остроглазый Грешем показал когтём направо. Мы присмотрелись. Среди голых стволов осин и папоротников пролежала узкая линия, вымощенная прибрежным камнем. Повернув в указанном направлении, наша компания потопала к началу дороги. Шириной не более трёх футов, черта уводила вглубь редкой посадки. Она шла то зигзагом, то дугой. Одолев несколько вогнутых ложбинок, мы наткнулись на ракушку невиданной величины. Что за моллюск таскал её на себе?! Изгибы раковины отливали перламутром. Её нутро имело дыру, ведущую куда-то вниз. Я наколдовал парочку шариков света. В их сиянии из покрова тьмы вырвались очертания лестницы.

— Ну и домик у Цхевы! — сказала Эмилия, оглядывая причудливые спирали.

— В морском стиле, — отозвался я. — Колокольчик кто-нибудь видит?

— Ни колокольчика, ни коврика для ног, — хмыкнул Дурнбад. — Наверное, здесь любят внезапных гостей.

— Если учесть, что порожки, скорее всего, сделаны из скреплённых между собой костей, то можно предположить, что ты прав, — ответил я, рассматривая белёсые бруски.

— Не люблю я вот так вот без приглашения заявляться на ланч, — вздохнул Грешем.

— Кто бы говорил, — улыбнулся я.

— Нет, я серьёзно!

— Придётся на этот раз переступить через свои принципы, — отметила Серэнити, двигаясь вперёд. — За мной!

— Почему я уверен в том, что этот непререкаемый тон отпугивает от неё потенциальных ухажёров? — пробормотал Грешем, следуя позади меня.

— Думаешь? — обернулся я. — Может быть, она иногда ведёт себя немножечко по-капитански, однако если брать картину в целом, то в институте семьи это подчас ценное качество.

— Чего?

— Ну, ты и она, романтический вечер, неожиданно вспыхнувшая страсть...

— Смешно — меры нет!

— Нет, ты покумекай над этим.

— И вы тогда тоже.

— О чём вы там шепчитесь? — спросила Эмилия.

— Да так, о том о сём.

— Фу, старый гриб, что за секреты!

— Мужские!

Моя подруга надула губки. Я показал ей язык, а потом углубился в раковину. Кости или что-то очень похожее на них слегка хрустывали под нажимом ног. С каждым шагом в моей голове нарастал гул. Такой обычно издаёт духовая труба в руках неумелого музыканта. Что за наваждение? Последняя ступенька, и — вот, я оказался перед широким проходом в пещеру. Над аркой свода прилипла нефритовая змея, пожирающая собственный, сплетённый из слов, хвост. «Выбирая дорогу — выбирай её правильно. Цена ошибки — жизнь». Хорошее

предупреждение — понятное предупреждение. Казалось, что я перестаю слышать окружающие звуки. Я повернулся к друзьям, намереваясь что-то сказать, но осёкся, заметив, как Дурнбад гневно открывает и закрывает рот. Прямо как рыба, подумал я. Мы стали немыми и глухими. Это магия Бликов Тишины. Теперь ясно, что означает само название. Делать нечего, придётся довериться глазам, благо, что они не потеряли свою способность видеть. На всякий случай я решил подготовить заклинания «Огня». Однако из-за постоянного шума у меня не получалось сосредоточиться, как надо. Пламя появлялось, и тут же затухало, не находя во мне должной концентрации. Очень надеюсь, что шарики света не погаснут. Ходить вслепую не входит в список моих излюбленных занятий. На плечо мне легла стальная перчатка Серэнити. Мягко удерживая меня на месте, Великий инквизитор вновь встала во главе отряда. После того как булава и щит приняли боевую позицию, их обладательница устремилась в неизвестность. Всегда первая, всегда номер один. Неужели она не ведает страха? Долг для неё превыше безопасности. Серэнити — удивительная девушка, но возвращаясь к шутке над Грешемом, я понимаю, что её удел — одиночество. Хотя кто знает? Вселенная изредка вытворяет такое, что уму непостижимо.

Минут через десять узкий тоннель привёл нас на развилку. Здесь начинался лабиринт, ведущий к нашей цели — Чаше Призыва. Два абсолютно одинаковых коридора предлагали выбрать один из них. Как узнать, какой верный, а какой наверняка гибельный? Должны быть подсказки! Чтобы заняться осмотром стен и потолка, я притянул все шарики света к себе. Поиск принёс свои плоды. На истрескавшейся кладке я обнаружил два рисунка, на первом была запечатлена обнажённая женщина, пронзённая стрелами, а на втором голый мужчина, терзаемый страшными чудовищами. Что сие означает? Думая над загадкой, я тёр переносицу. Вой в голове изрядно мешал серому веществу оперировать исходными данными. Ответ скребся на самой поверхности, но это «вууууу вуууу!» раздражает! Так, тут мёртвая женщина, а здесь мужчина, значит, безбоязненно сюда могут идти только Эмилия и Серэнити, а в соседний проем я, Грешем и Дурнбад! Точно! Чтобы избежать неминуемой смерти нам нужно разделиться! Девочки — налево, мальчики — направо, а фамильяры, так как про них нет ни слова — куда угодно! А вдруг я ошибся? Как всегда, выползают эти извечные сомнения. Если всё не так, то тогда — как? Глупости. Ради чего карябать изображения с тонким двойным смыслом? Нет, я правильно решил. Не имея возможности говорить, я как мог, жестами, растолковывал колдунье и Великому инквизитору, что мы должны разойтись. На лице Эмилии отразилась тревога. Половина, изуродованная Таурисом, сплюснулась печёным яблоком, тогда как другая, прекрасная, привычно нахмурилась. Где лежат осколки фиала, которому подвластно исцелить твою кожу? Клянусь, я найду их все. Только потерпи, родная, потерпи, мы обязательно удалим это гадкое клеймо...

Зелёный ареол от посоха Эмилии хорошо освещал дорогу, но я все же прикрепил к Серэнити парочку колдовских светлячков. Когда девушки скрылись из вида, наша мужская половина зашла в соседний проход. Моя догадка оказалась верна. На стенах, под разными углами зияли десятки отверстий. Пол представлял из себя мешанину из стрел, доспехов, истлевших тряпок и человеческих останков. Я приподнял мечом выцветшую юбку. Дама, некогда носившая её, получила стальной болт в бедро. Сомнительное приобретение! Я скинул с острия прорванную одежду и двинулся дальше. Мы шли до тех пор, пока не упёрлись в новый перекрёсток. Эмилия, Серэнити и Мурчик уже поджидали нас. Убедившись, что с подругами и котом все нормально, я запрокинул голову. Над шестью разветвлениями приглушённо мерцали символы природы. Я сел на пыльный камень, подпёр

подбородок руками, затем стал думать. Сакральный смысл знаков мне как магу был понятен. Капля — это вода, три сплетённых язычка — огонь, параллельно струящиеся волны — ветер, замкнутый треугольник — земля, снежинка — мороз, изломанная палочка — молния. Осталось смекнуть, как эти руны относятся к тому, куда я должен пойти? Предположим, что каждая метка обозначает то, из чего я создан. Нелепо, ведь, я не элементаль. Предрасположенность к определённому типу энергии? Нет, слишком специализированно, вопрос должен быть широким... Так, что же, что же, что же? Массовое, большое, обширное... Именно! Олицетворение! Головоломка про олицетворение! Какая стихия абстрактно воплощает в себе ту или иную расу! Это логично и схоже с предыдущей шарадой. Несомненно, что издревле копающиеся в недрах гор гномы — это земля. Исчезнувшие эльфы были быстры и неуловимы — это ветер. Мороз — не ведающие хлада виалы. Эндориты? Наверняка, молния. Мягкошёрсты боготворят воду — капля — они. Остаётся человек. Он чаще других тянется к странствиям, и его короткая жизнь сгорает, как фитиль в свече. Для всех, кроме Дурнбада, подходит коридор с выбитым пламенем.

Подойдя к старейшине войны, я ткнул в оранжевый треугольник. Дурнбад сурово мотнул головой и крепче взял молот. В свете магический шаров его доспех тускло серебрился. Хлопнув меня по поясу, он смело вошёл в черноту. Надеюсь, я ничего не перепутал и полюбившийся мне гном не сложит свою бороду под напалмом всесокрушающего волшебства. Я махнул рукой и, не без трепета в сердце, повлёл остальных друзей за собой. Коридор почти полностью облепляла сажа и копоть. Стерев со стены налипший пепел, я обнаружил ловушку «Огня». Под прикосновением она отозвалась вялым красным миганием. Вероятно, застывшая во времени магия срабатывала на индивидуальную пульсацию жизни. К моему облегчению ловушка прибывала в состоянии сна и никак не реагировали на нас. Можно облегчённо выдохнуть и относительно безбоязненно идти к следующему интеллектуальному препятствию, что мы и сделали. По пути нам встречались обугленные черепа. Любопытный Снурф частенько залазил лапками в их пустые глазницы. Не найдя ничего интересного в очередной черепной коробке, таракан переломил её напополам и, явно негодуя, отшвырнул в сторону. Крупный осколок угодил мне в висок.

— Будь внимательнее Снурфи! Ты так не один тут ползёшь!

Сказал я это или подумал, не знаю, в данной ситуации всё едино. От какофонии свистов, гудения и пучков несвязных мыслей меня отвлекло оружие. Его сплавившиеся куски цепляли мои и без того потрёпанные сапоги. Поддав ногой энный по счёту топор, я остановился, чтобы поднять его к глазам. Работа гномов. А это что? На полотне сверкнула наковальня — клеймо Надургха. Кто-то из родичей Дурнбада обрёл покой вовсе не в Зарамзарате. Я вернул топор на его место. После этого я подобрал ещё пять или семь различных предметов. За исключением серебряного «налапника», принадлежащего мягкошёрсту, все они были родом из Железных Гор. Маленькая победа моего ума. Мы не сгорели заживо. Впрочем, главное не обольщаться.

Мы шли и шли, то вверх, то вниз, то наискосок. Наконец вдали забрезжил свет. Зачарованный кристалл заливал распутиё тёплой желтизной. Теперь ходов я насчитал аж десять. По их же количеству было и постаментов с прозрачными квадратами. Под стеклом находились чучела животных и птиц. Кабан, сокол, заяц, лис, лось, медведь, ворон, волк, ягуар и попугай. Мини музей какой-то. Я огляделся. Дурнбад явно отставал от нас. Переживать, конечно, пока рано, но... Скоротаем минуты делом. К чему здесь разместили братьев наших меньших? Эмилия задумчиво обходила экспонаты, прикасаясь пальцами к их

крышкам. Серэнити и Грешем выжидательно застыли рядом со мной. О, Вселенная, это сипение, оно когда-нибудь смолкнет?! Дайте сообразить. Животные. Птицы. А мы тут каким боком? Где хоть какая-то конкретика? Ну ладно, примем во внимание ту идею, которая наклёвывается самой первой — нам надо соотнести себя со зверями. По характеру? По зодиакальному bestiарию? По внутренней силе? А — как? Я, например, ощущаю себя вороном, потому что люблю думать и всегда весь такой загадочный и себе на уме. Эмилия? Ну, она кошечка. Ягуар. Красивая и грациозная. Хотя лисица ей тоже подходит. Грешем — тут и гадать нечего — волк, мощный и ловкий. Серэнити? С ней посложнее. Великий инквизитор может быть как ягуаром, так и соколом, но так как она тяготеет к небесам, то её метафора всё же хищная птица. А Дурнбад? Вон, между прочим, и он. Яростный, импульсивный, задиристый — старейшина войны — медведь. Эмилия указала Людвирбингом на ворона, а затем на меня. Мы с ней пришли к одинаковому выводу! Отлично! Расхождения у нас вызвала только Серэнити. Моя подруга тыкала на ягуара, а я соответственно бил ладонью по четырёхугольнику сокола. В конце концов, мы подвели великого инквизитора к двум скалящимся существам, чтобы она сделала выбор сама. Сокол! Цап-царап — и мышки нет! Всё верно! Мы распределились по проходам. Пять магических шариков колыхались у резных арок. Я ободряюще кивнул Эмилии. С посохом наизготовку, колдунья притянула Мурчика поближе к себе. Перед тем как пропасть из вида, она улыбнулась. Мой черёд. Натужно вздохнув, я шагнул вперёд. Ничего не произошло. Я не воспламенился, не рассыпался от холода и меня не атаковали разномастные гады. Значит, снова в яблочко!

Преодолев змейку тоннеля, я вышел к круглому залу, по центру которого расположилась мраморная плита, испещрённая мелкими буквами. Споткнувшись о подлезшего под ноги Снурфа, я посмотрел на друзей. Они все были в сборе. Живые! Ура! Эмилия нетерпеливо потянула меня к обелиску. Мастер, создавший его, использовал очень неудобный язык древних альфазацких кудесников. Некогда, они жили на острове Альфизия и поклонялись водяному божеству Цхеранусу. На заре времён природная катастрофа низвергла Альфизию в Абрикосовое Море, оставив в память о её странных чародеях лишь пару десятков замысловатых рукописей. Так вышло, что мне довелось повидать не только их копии, но и сами оригиналы. Воскрешая в памяти истлевшие манускрипты, я завёл нижнюю губу за верхнюю. Альфазацкий язык состоит из пятидесяти четырёх непарных слогов — таким в обиходе не попользуешься. Читать на нём трудно, а говорить так и подавно не сахар. По молодости мы с Эмилией выучили его, чтобы утереть нос Бертрану Валуа, который всегда мнил себя королём полиглотов. Бесконечный клёкот фанфар не давал мне как следует вникнуть в смысл стародавнего писания. От этого можно сойти с ума! Всем флейтам, свирелям и органам — категорическое нет! Бессрочно! Я выпустил из лёгких воздух, затем опять воззрился на плиту. Она имела шесть столбцов с выпуклыми словами. На расчерченной верхушке были выбиты вопросы. Видимо при ответе надо надавить на нужное слово и тем самым в конце составить предложение. Занятно! Обожаю такие ребусы! Эмилия поднесла Людвирбинг поближе к иероглифам. Я почесал подбородок. Что будет, если ошибёшься и угодишь пальцем не туда? С высоты упадёт огромный камень? Я задрал голову к мозаичным сводам. Никакой нависающей глыбы. Да и вокруг вроде бы ничего примечательного. Даже костей нигде не видно. Не нравится мне эта ложное спокойствие. Нутром чувствую, что беды не миновать. Ладно, переживать буду, когда разразится гроза! Я занялся переводом рун на первой выбитой колонке.

— Имея два лица и два сердца перворождённый пожертвовал всем ради судьбы. Истинный и неподдельный. Изменённый и изменяющий. Закрытый в клетке и свободный от неё. Он исцеление и боль. Он калека и совершенство. Его глаза видят звёзды, как они есть, — прочитал я про себя.

Прямо метафизика какая-то! Так-так, а вот и варианты ответов: Джелла, Назбраэль, Урах, Ямбоготот, Ворг, Фистус, Ливан, Сирвилла, Стиксорат. Это всё названия богов. Джелла, как я понял, — это Нолд Тёмный, его отбрасываем. Назбраэль — это олицетворение чистого зла, так что тоже не годится по той причине, что он никогда и ничем не жертвовал. Урах — покровитель всех людей Соединённого Королевства, по летописям умеет принимать разные формы. Подходил бы противоречивый Ямбоготот, если бы не одно «но». По сказанию его низверг в небытие Фистус — владыка сновидений и извечный заключённый радужных грёз. Ворг и Ливан — идола Хрипохора. Эльфийских владык Сирвиллу и Стиксората, кажется, создал кто-то из других, непредставленных здесь демиургов, так что это не они. И что в итоге? Это Урах? Если быть разумным, и учесть то, что я нахожусь в Бликах Тишины, а Цхева связана с Всеотцом, то, пожалуй, остановимся на этом. К тому же разве не Урах всё это затеял? Если к загадке присовокупить речи Эмириус Клайн, то все становится на круги своя! Я уверенно дотронулся до слова в плите. Оно прогнулось и легко зашло вовнутрь. На потолке загорелся синий сгусток света. Земля не разверзлась, а значит всё правильно, идём дальше!

Окрылённый успехом я принялся за второй столбец.

— Что мать говорит любимому сыну на прощание? Что отходчивый отец даёт дочери перед неуютным брачным союзом? Что бедный старик преподносит внуку в качестве последнего дара перед смертью? Чего не дожждётся на суде провинившийся монах? И чего заслуживает нераскаившийся убийца, следуя на эшафот?

Читая список возможных пожеланий, Эмилия сузила глаза: нежность, благословение, порицание, напутствие, презрение, проклятье, равнодушие, совет.

Надо порассуждать. Жаль мне придётся это делать с самим с собой, а не с колдуньей. О человеческих повадках она знает куда больше, чем я! Я с надеждой взглянул на свою подругу, но та лишь покачала головой. Придётся брать ответственность на себя. Я беззвучно вздохнул и задумался. Я представил, как женщина стоит на пороге дома, а её зацелованное дитя издали машет платком. Мужчина, насупившись, смотрит на испуганное лицо девушки под фатой. Старик лежит на деревянной лавке, а над ним склонился долговязый парнишка. Лысый мирянин нервно крутит чётки в присутствии суровых настоятелей. Скованный железными наручниками человек преклонил колени перед палачом. Как по мне этих людей объединяет одна особенность. Кто-то уходит, а кто-то остаётся. При этом в каждом отдельном взятом случае в душе могут кипеть самые разнообразные чувства, но только не равнодушие. Преступнику ни к чему советы и уж точно он не получит нежности — значит минус два. Что касается монаха, то по кодексу Братства Света при наложении епитимьи его полагается, как порицать, так и напутствовать. Остаётся три пункта. В тексте мать, отец и старик не испытывают к своим чадам антипатии, поэтому презрение и проклятие отпадают. Следуя логике, это — благословение! Оно применимо ко всем ситуациям!

Я нажал на выемку. На высоте вынырнул ещё один светящийся шар, только ярче и крупнее. Грешем несколько раз свёл друг с другом ладони. Аплодисменты? Премного благодарен, цветы несите в гримёрку. Смахнув со лба пот, я занялся третьей задачей. Она звучала так:

— Для бодрых и не знающих грусти она бывает часто полна, хоть и не является таковой. Для унылых и серых в ней подчас ничего нет, но и это заблуждение. Короли и святые, грешники и еретики одинаково пользовались ею. Она спокойна и непритязательна. Красота и шик, бедность формы и аляповатость ничего для неё не значат. Она лишь сосуд того, кем мы являемся.

Серэнити просунулась между мной и Эмилией. По широко распахнутым глазам Великого инквизитора я сообразил, что она не понимает волшебного языка. И то неудивительно, в светлых залах Инквизитика Конопус ему не научат.

Я вернулся к расшифровке символов. На этот раз ключами к загадке стали: чаша, душа, любовь, мысль, боль, вера, ревность.

Интересно, что только одно из семи слов обозначает предмет, другие относятся к нематериальным вещам — это раз. Мы ищем чашу и вполне вероятно, что при составлении целого предложения она там должна фигурировать — это два. Что до третьего, то... Додумать я не успел. Прочитав вопрос вперёд меня, Эмилия нажала на «любовь».

Из обелиска вырвалась красная сфера. Она заюлила по кругу, быстро набирая свечения. Я сощурился. Сфера слилась с голубыми шарами и громадной искрящейся каплей упала возле меня. Последовал бесшумный взрыв света. В бок меня что-то резко пихнуло. Я выронил Альдбриг и отлетел прямо на Дурнбада. Визг в ушах достиг оглушительных высот. Я вскочил на ноги и уставился на причину моего падения. По спине побежали струйки мокрого страха. Существо, отшвырнувшее меня словно пёрышко, было знакомо мне по головокружительным приключениям юности. Яшмовый гомункул — химера, с телом, передними лапами и хвостом ягуара, копытами и головой быка, и запястьями человека. Шрам под левой лопаткой когда-то достался мне именно от этого фантастического монстра. Кольцо в носу, узкие злобные глазки, заострённые рога и мощные руки-придатки, сжимающие топоры — это всё он. Серэнити и Грешем окружили яшмового гомункула с разных сторон. Действуя в паре, они то вместе, то поочередно принялись наносить удары по существу. Однако его защита была непробиваема. Бзынь, бзынь, бзынь! Яшмовый гомункул отбивался с невиданным проворством и как бы прицеливался. Вдруг он сделал выпад, который едва не снёс Великому инквизитору голову. Целая прядь белых волос шмятком упала на пол. Ну же, Калев, выжми из себя хоть чуть-чуть боевой магии! Пока я мучился в безрезультатных попытках сконцентрироваться, Дурнбад подкрался к яшмовому гомункулу с тыла. Копыто резко извернулось — подкова бахнула по шлему гнома. Старейшина войны оловянным солдатиком брякнулся на землю. Тут изумрудной стрелой мелькнул посох Эмилиии. Раскалённый до рези в глазах, Людвирбинг прошёлся по ноздрям бестии. Вырванное колечко отскочило куда-то ввысь. Клинки Грешема вовремя отвели топор вправо. Нарушив изначальную траекторию полёта, неприятельское оружие плашмя стукнуло вампира по корпусу. Мой ученик болезненно согнулся, но в последнюю секунду юркнул под щит великого инквизитора и таким образом избежал верной смерти. Сокрушительная атака переключилась на Серэнити. Удар, второй, ещё удар! Топоры забряцали по легендарному артефакту Нолда Тёмного. Памятуя о судьбе Дурнбада, я, подобрав меч, осторожно подбирался с бока. Серэнити между тем согнула колени. Её булава звездой взмыла к рогам чудища. Ответное нападение обломило большую часть одного из них. Яшмовый гомункул открыл пасть, из которой показались черенки желтоватых зубов. Нагнув кустистую голову, он изогнулся и боднул Великого инквизитора в грудь. Следом топор и... Альдбриг, выбив искру, спас Серэнити от рассечения напополам. Яшмовый гомункул прогнулся, шмякнул

меня рукояткой в висок и бешено развернулся. Агония терзала его пятнистый крестец зелёным пламенем. Страшилище ринулся на Эмилию. Полосатый комок и чёрное пятно бесстрашно встали на пути мифического зверя. Мурчик и Снурф были несопоставимо малы перед нависшей скалой мышц, но беспримерная храбрость заполняла их сердца. Когти прошлись по глазам яшмового гомункула, а лапки вонзились в шейные артерии — моя подруга отпрыгнула назад. Мурчик отлетел к стене, а за ним и Снурф, однако скидывая с себя последнего, яшмовый гомункул споткнулся. Не удержавшись, он рухнул на колени, где и принял на череп всю мощь молота Дурнбада и булавы Серэнити. Это стало концом битвы.

Как же ноет голова. Я смахнул с волос капельки крови — гадина счесала мне кожу, впрочем, ничего серьёзного. К моему удивлению, распластавшийся яшмовый гомункул замигал бессчётными вспышками. Его тело разделилось на три сгустка света — два голубых и один красный. Они втянулись в обелиск. Всё померкло. Выпуклые слова вернулись на свои места. Ко мне подошла Серэнити. Под её ладонями мои ссадины растворились в лучах светлой магии. Я поднял большой палец вверх. Великий инквизитор направилась к Грешему, а я пошёл к плите с расчерченными вопросами. У нас появился второй шанс исправить оплошность, но будет ли третий? Кинув на Эмилию предупредительный взгляд, я надавил на известные мне выемки. Мои ожидания оправдались. Чаша — верный ответ. Три сферы теперь исполняли круговерть под потолком. Колдунья сложила ладони вместе. Её жест означает — я прошу прощения за поспешные выводы? Конечно, никто не застрахован от неверной трактовки текста, и винить Эмилию в том, что мы чуть не погибли, было бы нечестно. Следующим могу ошибиться я, и тогда нам так же придётся столкнуться с демонами Бликов Тишины. Резь в ушах немного спала, и я занялся четвёртым столбцом. Пока у нас есть словосочетание — «Урах благословил чашу». Что же дальше?

— Есть те, кто знают о нём, но не пользуются им. Есть те, кто пользуются им, но не придают значение его важности. Есть те, кто радуется ему и те, кто ненавидят его. Он милостив и вместе с тем жесток. Он бестелесен и вместе с тем все ощущают его присутствие и отсутствие.

Водя пальцами по буквам я, проговаривая про себя переведённые надписи: дыхание, наказание, свет, истина, ложь, тьма.

Попытаемся отбросить лишнее. Наказание не может быть одновременно обращено и на добро, и на зло — его задача нести справедливость. Истину, как и ложь, порой нельзя прощупать сразу — так что они не верны. Не дышат лишь мёртвые и разумные стихии, это отчасти подходит, однако... Слепые не видят света, тьма же всегда с ними. Свет нагревает кожу, и мы ощущаем его тепло. Он причина засухи и без него не взойдут поля. Да, это свет.

К голубым шарам присоединился сиреневый. Мы близимся к финалу!

— Не знает времени. Не знает бытия. Это невозможно разрушить и скрепить заново. Этого нет ни у кого, и есть у всех. Попробуй осмыслить и потерпишь поражение. Недра не видят конца и всё-таки есть те, кто видел начало.

Так и хочется узнать, на какой возраст рассчитаны эти загадки? Точно не на подростковый! Неудивительно, что с момента создания мраморной плиты никто не смог её открыть. Я старчески вздохнул. Итак, из чего будем исходить на этот раз: любовь, замысел, вечность, слово, пустота, энергия.

Любовь как-то не вяжется с общим смыслом. Хотя она и встречается уже второй раз в столбцах, но это скорее совпадение. Можно предположить, что она не знает времени. Молод или стар — любви подвластен каждый. А вот разрушить её вполне реально, как, впрочем, и

склеить осколки. Замысел? Вероятно, он сошёл бы за данное определение, однако, по моему мнению, замысел, как и слово — это Вселенная, а она творит себя сама, так что вряд ли кто-то мог бы узреть, с чего у неё всё начиналось. Вечность — что-то подсказывает мне, что это она, ведь пустота — это нечто аллегоричное, а энергия, как элемент, неотделима от мира.

Я показал Эмилии, что собираюсь выбрать в качестве ответа. Колдунья покрутила рукой, словно болтала в бокале вино. Она сомневалась, но свой вариант предлагать не стала. Хитрая какая, не хочет второй раз опростоволоситься! Криво усмехнувшись и сжав на всякий случай Альдбриг, я приложил перчатку к «вечности». К шарам добавилась величавая пурпурная сфера. Последний вопрос и что-то произойдёт!

— Созданная не по желанию — она всегда прекрасна, хоть многие так и не считают. Высший дар и высшая благодать. Отними её, и кто-то скажет спасибо, а кто-то горько заплачет. С одной стороны — её цена ничто, а с другой — всех алмазов мира будет мало, чтобы купить её.

Опустив глаза на колонку, я охнул. Понять было ничего нельзя. Топор яшмового гомункула раскрошил слова в пыль. Прямоугольники имели размытые границы. Оставалось положиться наудачу и ткнуть в любой из них. Кто из нас самый большой везунчик? Кому доверить испытать судьбу? Я повернулся к друзьям. Дурнбаду? Гном облокотился на молот. Он добровольно принял на себя войну с Десницей Девяносто Девяти Спиц. Однако вопреки всем заверениям о долге перед кланами Железных Гор, я думаю Дурнбад здесь только потому, что его ведут узы брата по крови. Грешему? Вампир стоял ближе всех к проходу. Скрестив руки на груди, он напряжённо катал желваки. Нет, ученик не должен подставляться под удар, пока рядом есть учитель. Эмилия? Вся перепачканная и измазанная, со включенными волосами и ошпаренным гнилью лицом... Она красива. Придерживая Мурчика за загривок, колдунья смотрела на меня изумрудными глазами. Подруга дней моих суровых. Такая близкая и такая далёкая... Сегодня с тебя хватит крутить колесо фортуны. Серэнити? Великий инквизитор Иль Градо как всегда строга. Белые волосы, непреклонный взор, булава и щит в стальных перчатках. Ты не ведаешь страха, ты сама несёшь его в ряды противников. Ты ведома Урахом и в твоей жизни нет места случайностям. Остаюсь я. Да, я и только я. Любимец Вселенной. Я дёрну за ниточку и дверь откроется. Я знаю это. Нахлынувшее откровение рассмешило меня. Не глядя я зажал большим пальцем ямку сбитого камня. От плиты отделился жёлтый круг. Он долетел до верха и там заплясал вместе со своими собратьями. Собравшись воедино, они ударились о своды и проступили искрящимся предложением древних альфазацких магов — «Урах благословил чашу светом вечной жизни». Тут же какофония звуков покинула мои уши. Я вновь слышу! Монумент завертелся по часовой стрелке. Провалившись под землю, он вернулся с глиняной чашей наполненной синеватой жидкостью. Неужели если испить из неё, то никогда не умрёшь? Достойный приз! Вот ради чего сюда веками стекались герои! Я захотел зачерпнуть влагу и поднести ко рту... Ведь если подумать — я же ничего не теряю? Я потянулся губами к синеве... Сильная рука оторвала меня от краёв чаши.

— Ты что, некромант, с дуба рухнул?

Голос Серэнити звучал непривычно глухо.

— Зачем ты собрался пить, не пойми что?! Хочешь превратиться в слизня или того хуже — помереть?

— Калёб всегда любил эксперименты и его никогда не пугало, что у него может

вырасти хвост или парочка новых ушей, — качнула головой Эмилия. — Только вот сейчас это совсем не к месту, милый. Кидай амулет — мне не терпится повидать мадам с полным отсутствием музыкального вкуса.

— Я...

— Из-за чего ты медлишь, брат по крови? Швыряй в омут блестушку Буля, — проворчал Дурнбад, — Чем скорее мы закончим ритуал, тем быстрее отсюда выберемся! Поторопись, пока не возобновился весь этот писк и визг!

— Даже меня пронял скрежет и душевнобольные рефрены, — согласился Грешем. — Ещё час, и я бы точно рехнулся! Видели когда-нибудь безумного вампира? И хорошо, что не придётся!

— Серэнити, ты должна испить из Чаши Призыва, — сказал я, неожиданно вспомнив про отведённый ей срок. — Тогда Живая Вода перестанет действовать! Ответ на загадку и есть дар Ураха! В сосуде плещется бессмертие!

Наступило молчание. Привлекательно знать, что тлен никогда не тронет тело. Мы с Эмилией практически не стареем, Грешем и того пуще, у Дурнбада впереди лет сто пятьдесят, а вот у Серэнити... Великий инквизитор приподняла бровь.

— Да? Это действительно так?

— Все сводится к тому.

Серэнити сжала чётки.

— Имея власть над временем, я возвышусь. И даже меня... Искушение победит. Мне станут поклоняться и воздавать почести. Я стану очень сильна и, возможно, меня даже обоготворят. Мои указы будут вершить судьбы... Я не хочу этого. Моя жизнь — это служение. Урах — мой немеркнущий ориентир, и другого мне не надо. Когда я подойду к черте, то с радостью переступлю её и войду в Мир Света. Пусть сосуд остаётся полным до прихода того, кто его поистине достоин.

— Ты бестолково обрекаешь себя на гибель! — пробасил Дурнбад, расправляя усы. — Но раз ты отказываешься, то почему бы нам, — старейшина войны огляделся, — не сделать каждому по глотку и не продлить несправедливо короткий век? Лично я хочу протянуть подольше! В конце концов, что я — зря что ли прошёл через все препятствия чокнутого лабиринта? Кукиш с маслом!

Гном двинулся к чаше.

— Подожди!

Грешем перегородил Дурнбаду дорогу.

— Задумайтесь на секунду! А что, если это обман, и выпившего воды ждёт нечто страшное? Вдруг это следующее испытание Бликов Тишины?

— Вот мы и проверим это! Я привык идти на риск! Частенько это того стоит! — хохотнул старейшина войны отталкивая вампира.

В моей голове мелькнуло — а ведь Грешем прав. Кто докажет, что здесь налит не яд? Почему я позволил себе решить, что в сакральном сосуде именно эссенция долголетия? Только из-за проступивших на потолке пространных надписей? Видимо я и впрямь с дуба рухнул. Слова уничтожены и на колонне могло быть написано что угодно! Дурнбада надо остановить!

Прыгая на брата по крови, я ненароком пихнул колдунью. Она налетела на постамент и едва не окунулась лицом в глиняную ёмкость.

— Чтоб у тебя кирка погнулась! — ругнулся Дурнбад, падая на спину.

— Это исключительно в твоих интересах! — прохрипел я придавленный доспехом.

— Уверен? Я в поддавки играть не буду!

— Дурацкое дело не хитро!

Старейшина войны по-борцовски стиснул моё бедро. Я ойкнул, но хватки не ослабил. Гном давил мне на болевые точки, а я ему на талию. Скорее всего он даже не чувствовал этого — пластичная броня защищала надёжно.

— Пойми, у меня в горле пересохло!

— Я дам тебе фляжку!

— Немедленно прекратите этот балаган!

Эмилия крикнула так громко, что мы тут же отпустили друг друга.

— Посмотрите, что из-за вас со мной произошло!

Густые каштановые волосы моей подруги приобрели изящную белую прядь. Наверное, она выбилась из причёски и окунулась в синеву.

— Ты знаешь, тебе даже идёт! — сказал я, отряхиваясь и пряча улыбку. — Всё тёмненькое, а здесь светленькое. Мне нравится! Если ты явишься в таком ампула к королевскому двору, то непременно привлечёшь внимание кокеток и обзаведёшься титулом законодательницы мод! Вот увидишь, все знатные дамы будут окрашивать волосы точно так же!

Эмилия подошла ко мне вплотную. Её ноздри гневно раздувались.

— Шаттибраль! Что за ирония скользит в твоём голосе?!

— Никакой иронии!

— Волосы — моё всё! Не надо над ними шутить! Ты понял?

— Да! — откликнулся я, предусмотрительно делая шаг назад.

— Куда ты пятишься, старая каракатица? Я с тобой ещё не закончила!

— У какого животного я видел белую полоску посреди меха? — задумчиво протянул Грешем, рассматривая Эмилию.

— У скунса! — злобно отозвалась моя подруга, переключаясь на новую жертву.

— Точно! — радостно воскликнул вампир, но тут же стушевался. — Я не хотел сказать, что ты похожа на скунса, от тебя вообще плохо не пахнет!

— При чём тут запахи?! Почему ты о них заговорил?! Намекаешь на то, что мне пора принять ванну?!

— Никто из нас не благоухает розами, — улыбнулась Серэнити.

— Да, кроме меня. Вампиры не потеют!

— Кто тебе сказал такую глупость? — спикировала Эмилия.

— Как кто? Подмышки всегда сухие! Пощупай!

— Делать мне больше нечего!

Я между тем вернулся к обелиску.

— Друзья, если вы закончили обсуждать ароматы тела, то прошу вас — соберитесь, я кидаю амулет Буля в Чашу Призыва!

— Дурнбад, ты не будешь дурить? — строго спросила Серэнити.

Старейшина войны почесал под бородой.

— Пускай окунёт, а там посмотрим.

— Приготовьтесь!

Разговоры моментально прекратились. Обнажив оружие, друзья обступили постамент. Я достал из сумки амулет. Бульк! По синей глади прошла рябь. Стены загудели, с потолка

посыпалась пыль. Пол затрясли подземные толчки. Внезапно Чаша Призыва стала наполняться влагой. Выбравшись за края, густая жидкость полилась нам под ноги. Мы расступились и неосознанно двинулись к выходу из зала. Раздался щелчок — коридор перекрыла упавшая сверху плита. Дурнбад взревел и навалился на неё всем весом.

— Отойди! — крикнула Серэнити.

Булава обрушилась на каменную преграду. Искры, искры и не одной вмятины! Удары — что мёртвому припарки. То наверняка проделки магии. Как их снять? Прощупать связующие нити? Слишком долго...

— На ней чары!

Великий инквизитор схватила меня за ворот.

— Придумай что-нибудь, Шаттибраль!

— Я пытаюсь, но идея не приходит!

— Так поторопи её!

— Смотрите! — воскликнула Эмилия.

Дойдя нам до колен, необычная вода вдруг отхлынула. Её часть собралась в непрозрачный кокон, в котором что-то шевелилось. Мы напряжённо застыли. Я занялся подготовкой заклинания «Огня». Из кокона вышла фигура. По-собачьи отряхнувшись, она сбросила с себя матирующий покров. Перед нами стояла женщина — зелёная чешуя, руки в червонном золоте, на бёдрах красная материя, расшитая жемчугом. Её грудь скрывали две плоские ракушки, перемотанные водорослями. Но вот голова... плечи плавно переходили в тупорылую морду змеи, шеи не было. Раздвоенный язык затрепетал. Жёлтые глаза, не мигая, вперились в меня.

— Ты! — прошипела Цхева. — Ты не Эмириус Клайн! Как посмел ты будоражить саму Владычицу Вод! Кто ты, ничтожество? Я всё узнаю!

И прежде чем я успел ответить, Цхева неуловимым всплеском оказалась подле меня. Влажный язык прошёлся по моему горлу. Пальцы сомкнулись на висках, я провалился в желтизну зрачков...

Я находился в просторной комнате. Точнее, сидел на стуле. Из окна мне на лицо падали лучи света. Весенний воздух забирался сквозь открытые ставни и щекотал нос благовониями распускающихся цветов. Напротив меня расположился стол, а за ним преподаватели Магика Элептерум! Нетерпеливый шелест мантии. Неужели я умудрился заснуть на вступительном экзамене! Вчера я очень переутомился и...

— Молодой человек, мы так и будем вас ждать целый день? Когда вы, наконец, сообразите показать нам свой... талант.

— Не дави на мальчика, Драт, он должен настроить себя, — мелодично промолвила пожилая колдунья в бирюзовом плаще, застёгнутом фибулой в виде разложенного шатра.

— Мне и так всё видно, Лорина.

— И всё же второго шанса у него не будет, поэтому прояви снисхождение.

Колдунья, ту которую звали Лорина, поманила меня пальцем.

— Иди сюда и не волнуйся, эмоции мешают сосредоточиться.

Я встал со стула и вышел на середину зала. Спиралевидный подсвечник на высокой ножке отвешивал мне поклон погнутой свечой. Я должен был её зажечь. Тревога о возможной неудаче предательски сосала под ложечкой. Я глубоко вдохнул и выдохнул. Пожалуйста, загорись! Пожалуйста, вспыхни! Всем естеством я потянулся к обугленному фитилю. Пожалуйста, свершись! Пожалуйста, воспламенись!

— Облекай желание в мысленный приказ, — тихо подсказывала Лорина. — Есть только ты и свеча, ты и свеча, и больше ничего!

Гори! Гори! Стихия огня, снизойди ко мне! Переметнись на свечу! Воспылай на ней! Я повелеваю тебе! Я — твой хозяин! Испепели свечу!

— Мы зря теряем время. Этот парень пуст, как бутылка у солдата. В нём нет ни капельки энергии, — долетели до меня слова Драта.

Свершись! Гори! Пылай! Действуй! Я призываю тебя!

— Ты ему мешаешь!

— Я? А пол под ногами ему не мешает?

Огонь! Огонь! Свеча! Огонь! Огонь! Свеча! Пламя!

— Из-за твоей постоянной спешки у нас уже двенадцатый год подряд нет ни одного ученика. Будь добр, дай мальчику чуть больше, чем тридцать секунд.

— Оно того не стоит.

Свеча! Стихия! Снизойди! Зажги! Свеча!

— Очевидно, ты хочешь остаться единственным магом в Соединённом Королевстве.

— Всё лучше, чем плодить недоучек!

— Ты просто болтун, Драт.

Жар! Горячо! Жар! Свеча! Огонь! Горячо!

У меня на лбу выступили крупные градины пота. Рубашка взмокла. На самом кончике скрученной верёвочки показался призрачный дымок.

— Ещё немного! Держись! Ты практически у цели! — поддерживала меня Лорина.

Огонь! Огонь! Огонь! Свеча! Огонь! Пламя! Гори! Гори! Гори!

От перенапряжения я рухнул на колени.

— О чём я и говорил.

Я поднял голову — свеча была по-прежнему холодна. Драт презрительно фыркнул, надел перчатки и вместе с другими учителями подался к выходу. Я уже никого не занимал. На меня больше не обращали внимания — что есть, что нет. Зал Испытаний быстро опустел. Сидя на коленях, я горько заплакал. Ну почему?! Почему провал?! На душе жутко скребли кошки, только что я упустил свой счастливый билет. На смену слезам пришла ненависть. Проклиная себя и весь мир, я сжался в комочек. Скрипнула дверь. Что? Стража Магика Элептерум явилась выкинуть меня на улицу? Пусть волокут, я им помогать не буду! Моих волос коснулась костлявая рука. Я оторвал лицо от мокрой рубашки. Это была Лорина, подмышкой у неё застряла толстенная книга. Она подобрала полы мантии и по-старчески тяжело опустилась ко мне. Пальцы мягко потянули мой подбородок вверх. Колдунья заставила меня смотреть в её фиалковые глаза.

— Ты потерпел поражение, и отныне ворота Магика Элептерум закрыты для тебя навсегда. Есть чему огорчиться, но нечему отчаиваться, потому что жизнь — это череда преград, которые надо преодолевать. То, что не сломает тебя сегодня — завтра сделает сильнее. Не смей отказываться от мечты. Слышишь? Не смей забросить её в тёмный ящик! Да, твой путь к ней не будет лёгким — тебе не принесут знания на блюдечке и не покажут, как правильно владеть разумом, однако это ещё не значит, что ты не сможешь научиться всему самостоятельно. Вот. Она направит тебя.

Колдунья сунула мне в руки книгу «Прикладная магия. От новичка до мастера».

— Запасись терпением, устройся на работу, научись читать и начни движение к цели. Помни, главное — это концентрация и чёткая формулировка мыслей. Вырабатывай силу

воли и тренируйся, тренируйся и ещё раз тренируйся. И тогда пройдя через «я не могу» и сквозь «я не умею» — ты достигнешь «я преодолел себя», а за ним будет успех. Больно, трудно, порой отчаянно, но осуществимо. Количество непременно перерастает в качество — это фундаментальный закон природы. Когда овладеешь основами, то поймёшь, к какой школе магии тебя больше тянет — защита, разрушение, изменение, мистицизм, иллюзии и прочие. Выбери то, к чему лежит душа и отточь мастерство. Я верю, что у тебя получится.

— Вы... возьмите меня в ученики!

— Нет.

— Но почему вы не хотите?! Я буду стараться!

Лорина тепло улыбнулась.

— Я верю тебе, мальчик, но дни мои сочтены. Мука приближающейся смерти не позволит мне стать хорошим наставником. Вместо меня твоим обучением займётся Жизнь. Слушай её внимательно, не перебивай и не сердись понапрасну. Она расскажет тебе то, что ты не узнаешь в стенах академии. Подчас уроки могут показаться тебе суровыми — стисни зубы, сожми кулаки и иди вперёд. Рассчитывай только на себя, но не забывай друзей и уж тем более не предавай их в угоду амбициям. Цени искренность и взаимовыручку. За любовь — бейся, за деньгами не гонись. И последнее, наверное, самое важное... заруби себе на носу: ты — человек и должен им оставаться. Между милосердием и жестокостью всегда выбирай милосердие. Не дай злу заполнить твоё сердце, иначе все к чему ты будешь стремиться — обратится в прах. А теперь иди, и пусть Вселенная благословит тебя.

Я встал с колен и, посмотрев сверху вниз на старую колдунью, сказал:

— Спасибо вам, я обещаю, что не подведу.

— Я знаю.

Я повернулся, и мои глаза встретились с жёлтыми прорезями змеи.

— Выходи наружу, выливайся, освобождай тело, дай стать собой.

Розовая дымка подёрнула края сознания. Пелена тумана рассеивалась. Я стоял в центре лабиринта, напротив Цхевы. Из моих ушей и рта текла синяя вода. Я закашлялся и в растерянности огляделся. С друзьями происходило нечто подобное. Они, как и я, только что вышли из транса. Непонимание, удивление и отрешённость застыли на их лицах.

— Что ты с нами сделала? — наконец смог спросить я.

— Вопрос не в том — «что», вопрос в том — «зачем?» Я раскрыла вас, словно дождь лилию. Пока вами владели воспоминания прошлого, я узнала, что вы пришли ко мне из-за Пророчества Полного Круга, — прошипела Владычица Вод. — Ваша дерзость прощена.

— Эмириус Клайн улетела искать...

— Не пересказывай мне то, что я уже выяснила. Я отправляюсь к Джеду Хартбладу, не взять вас с собой не могу. Десница Девяносто Девяти Спиц уже давно терзает морские глубины, и все силы моей магии, направлены на её сдерживание. Вам придётся по-иному добираться до Килкваги.

— Как? — выдавил я.

— Сейчас увидишь.

Язык Цхевы вильнул и снова скрылся в клыкастой морде. Она отошла к обелиску, а там распростёрла руки в стороны. Последовала голубая вспышка, а затем появился куб, состоящий из Вселенских символов. Руны заискрились, и на боках геометрической фигуры проступило изображение сумеречного леса. Посреди него возвышалась необычная гора. Она как бы состояла из искусственно выбитых террас. Каменные пласты, от большего к

меньшему, слагались пирамидой. По периметру расположились причудливые башенки — внизу тонкие, а кверху раздутые как грибные шляпки. Куб запульсировал — картинка поменялась. Теперь нашему вниманию предстал коридор, в котором ничего не было, кроме сотен зеркал. Сфокусировавшись на одном из них, куб показал стеклянную поверхность со сколом в виде молнии.

— Что ты понял из увиденного? — поинтересовалась у меня Цхева.

— Чаща похожа на Лес Скорби.

— Он и есть, — подтвердила Владычица Вод. — Что скажешь про цитадель?

— Мне незнакома.

— А познакомиться придётся. Это Оплот Ведьм. Ближайший путь в Килквагу лежит через него.

— Надо полагать, зеркала нам тоже не просто так продемонстрировали, — отметила Эмилия.

— Именно. Что, колдунья, тебе известно о ворожеях?

— Они веками живут в Оплоте Ведьм, — задумчиво протянула моя подруга. — Их магические способности очень высоки. Множество удивительных предметов было создано ими...

— ... однако величайший лишь один, — подхватила Цхева. — На заре своего могущества ворожеи сотворили Чертоги Отражения — зыбкую реальность, построенную из зеркал. Заглянув в отполированное нутро, можно многое узнать о будущем или о прошлом, найти ответы на сокровенные вопросы и обрести необходимые знания. Но не все зеркала раскрывают секреты. Некоторые из них своего рода окна в разные концы земли. Когда будете там — ищите то, что имеет сбитый уголок. Зеркало приведёт в Великий Лес, где вас встречу я, Эмириус Клайн или Джед Хартблад.

— Эти ворожеи, они пропустят нас к зеркалам или придётся помахать секирой? — осведомился Дурнбад, прищурившись глядя на Владычицу Вод.

— А ты бы пустил их в сокровищницу Надургха?

— Значит, придётся, — угрюмо хмыкнул старейшина войны.

— Твои суждения прямы и фатально безрассудны.

Цхева раздалась утробным шипением, вероятно, так она смеялась.

— Все гномы, всех кланов не одолеют ворожей в их исконных владениях. Оголи оружие и окажешься в могиле.

— Тогда что ты посоветуешь нам? — спросил я.

— В Оплоте Ведьм много тёмных ниш и скрытых ложбин. Таитесь. Наблюдайте. Считесь. Окружите себя уловками. Выждите момент, и под прикрытием мглы неприметной струйкой вползите в Чертоги Отражения.

— Предположим, нас схватят, — сказала Эмилия.

— В таком случае попробуйте договориться. Ворожеи не станут убивать вас сразу. По их обычаям пленников приносят в жертву только по определённым числам. В этом месяце они уже прошли, поэтому у вас будет время уговорить оракула пощадить ваши жизни в обмен на что-то другое.

— Например, на что? — подала голос Серэнити.

— Люди часто выполняют для ворожей разнообразные задания. Какое может стать вашим — не знаю.

— Хорошо, когда кровавые церемонии происходят не каждую неделю, — нервно

усмехнулся Грешем. — И ещё лучше то, что ворожеи склонны к переговорам. Пообещаем, что нужно, и поминай как звали.

Морда Владычицы Вод ослабилась.

— Честный лжец верит в сказанное. Тут это важно.

— Что ещё мы должны знать о петле, в которую скоро засунем голову? — спросила Серэнити.

— То, что с недавних пор вся вода в Лесу Скорби осквернена и пить её ни в коем разе нельзя. Поддавшегося жажде ждёт долгая и мучительная смерть. Там, где река с чернотвольника впадает в море, рыба плавает брюхом кверху. Запаситесь водой на острове. Когда выйдете из Бликов Тишины, следуйте направо — среди деревьев бьёт пресный источник.

— Как насчёт животных? Они не испорчены? — обеспокоился Грешем.

— Те невзгоды терпимы, что выпадают на полную тарелку, — изрекла Цхева старую мудрость. — Если дичь окажется тебе не по вкусу, то выбери на обед кого-нибудь из своих спутников.

— Я не такой. Я товарищей не ем, — возмутился мой ученик.

— Все вы не такие. Что ещё может сказать отпрыск Эмириус Клайн, когда у него под боком свежая добыча? — прошипела Владычица Вод. — Волк под личиной овцы забрался в стадо. Ему нравятся быть своим, но его древние инстинкты сильнее.

— Зря ты так о нем, — вступилась Эмилия. — Грешем ни разу не давал нам повода усомниться в его дружбе. Он из тех вампиров, про которых говорят — исключение подтверждает правило.

— Ты думаешь так, потому что внимание твоё убаюкано. Он опытный охотник. Речи его неказисты, а поступки нескладны, но это только для отвода глаз. Безобразный лик крови не портит. Она по-прежнему сладка и чиста. Прикоснись к шейке и убедись, что его приязнь не более, чем мираж.

Моя подруга нехотя завела руку за волосы. Спустя мгновение её затрясло. Серэнити обхватила Эмилию за талию и резким движением откинула каштановые локоны назад. Чуть ниже мочки уха атели две отметины. Это не был укус, скорее царапины. Великий инквизитор порывисто развернулась. Стальная перчатка стиснула горло Грешема. Сопrotивления не последовало. Шипение. Цхева уселась в воду. Вид довольной змеиной морды вызывал отвращение. Владычица Вод радовалась посеянному семенам раздора. Мне сразу вспомнилась Эмириус Клайн, которая чинила распри в угоду Урагу.

Метнувшись к Серэнити, я вцепился в её запястье. Великий инквизитор вперила в меня пылающий взор.

— Прочь, некромант!

— Ты задушишь его! — заорал я. — Дай ему сказать!

— Он уже всё сказал!

Мои мускулы вздулись. Я что есть мочи потянул на себя тонкую руку.

— Я так не считаю!

— Его место в преисподней!

— Серэнити, дай ему слово! Я должен знать, что произошло! Может, это ошибка!

— Ошибка — это он!

Грешем захрипел.

— Довольно! Остановись! — выкрикнула моя рыдающая подруга.

Хватка ослабла.

— Я могу всё объяснить, — просипел Грешем.

— Говори, не говори — всем понятно, что ты чудовище! Надо было прикончить тебя ещё в Шальхе, — сплюнула Великий инквизитор.

— Да, я собирался укусить её...

Красная пелена застила мой разум. Ярость. Не дослушав, я заорал:

— Грешем, как ты мог?! Это же Эмилия!

— ... но не сделал этого!

— Сейчас ты расскажешь нам сказочку о том, как сжалилось твоё сердце, которого нет? — изогнула губу Серэнити.

— Зачем?! Скажи зачем?! — стал допытываться я, беря Грешема за грудки. — Зачем?!

— Всё совсем не так, как вы думаете!

— А как?!

— Мне нужно залезть в сумку!

— Тебе нужно залезть на костёр!

— Отпустите его! Он никуда не убежит! — попросила колдунья.

Серэнити поглядела на Эмилию через плечо.

— Хорошо.

Стальная перчатка перебралась с кадыка на булаву.

— Один фокус, и тебе конец, — предупредила Великий инквизитор.

— Учитель?

Я убрал руки.

— Я очень надеюсь, что в твоей сумке лежит оправдание.

— Поверьте, оно там!

— Я жду.

Грешем принялся копаться в своих вещах. За его спиной как бы невзначай примостился Дурнбад. Гном ловил взгляд Великого инквизитора. При необходимости он собирался действовать с ней на пару. Мне это всё крайне не нравилось. Я до сих пор не верил в то, что Грешем способен на такое! Не найдя то, что искал, мой ученик вывалил содержимое сумки в синюю воду. Среди тяжело поплывших бутылок, носков и платков была дюжина пожелтевших листов. Грешем судорожно вылавливал их и складывал по порядку. Слабые волны прибили к моей штанине отслоившуюся обложку. Я поднял её. «Отчёт о произошедшем в доме Риварров». Что это такое? Чернила неровными кляксами расплзались под пальцами моего ученика. Текст портился прямо на глазах. Смекнув, что дело плохо Грешем, откинув три листа, стал быстро читать вслух:

— В доме Риварров царил весёлый ажиотаж. В тот день несравненная Милена Риварр выходила замуж. Меня как главу отделения инквизиторов пригласил лично лорд Олколик Риварр. На подобных мероприятиях я всегда испытываю крайнюю неловкость. Однако просил сам лорд, и я не смог ему отказать. Я явился в назначенный час, а именно в четверть двенадцатого. Одетый скромно, я старался не выделяться среди толпы разношёрстной знати. Меня скорее можно было принять за слугу, нежели чем за видную персону. Я подсел к пожилому судье Причарду и занялся разглядыванием новоиспечённых супругов.

Не покривлю душой, если скажу, что невеста была настолько хороша, что напомнила мне нашу прекрасную королеву Эведенс, благослови Урах её душу и дай ей тысячи лет жизни. Рюшки, фата, пышное платье — загляденье. Жених бледный и худой, с чёрными

вьющимися волосами. Имя его — Курвуш. Он переехал откуда-то с беспокойных рубежей Карака. На тот момент это было все, что я о нём знал. Молодожёны показались мне прекрасной парой. Юны и решительны. Она — улыбается, он — напускает серьёзный вид. Она — красавица и радушная хозяйка, он — защита и опора, всё как полагается. Я проговорил с Причардом весь праздничный обед, обсуждали в основном его подагру, урожай и прихоти погоды. Надо отметить, что я с наслаждением окунулся в мирские заботы старого человека.

В четыре по полудню настала пора дарить подарки. Вереница людей потянулась к белоснежному столу. Букеты цветов, золотые подвески, милые животные, меха и духи — были для неё, а изящное оружие, вычурные трости, карманные часы и картины — для него. Когда первая, самая бойкая волна гостей засвидетельствовала молодым своё почтение и отдала дань традициям, я вместе с судьёй направился к Милене и Курвошу, чтобы, так же, как и прочие, пожелать крепкого счастья и здоровых детишек. Слушая мои слова, Миленка держала в руках привлекательную шкатулку. Прямо передо мной её передал некто, покрытый капюшоном. После поздравления и коротенького полуофициального наставления от лица храма, я поцеловал Милену в щёку, обнял Курвоша и было двинулся обратно, как вдруг произошло непредвиденное. Шкатулка негромко хлопнула. Её крышка отлетела, а из красного бархата вырвалось что-то похожее на дым. В мгновение ока розовые ручки в тонких кольцах почернели и пошли волдырями. Кто-то не смог смириться со счастьем Риварров и подсунул мерзкий сюрприз.

Одного взгляда мне хватило, чтобы понять — Милену поразило «Проклятие Увядания». Высшая Чёрная Магия. Даже магистры-целители не в силах совладать с её последствиями. На празднестве поднялся такой шум, которого не слышали в нашей округе многие десятилетия. Я привёл в чувства упавшую в обморок Милену и как смог успокоил Курвоша. Лорд Олколик Риварр чуть ли не на коленях просил, чтобы я пришёл на утро поддержать его семью и главное, бедняжку дочь. Я обещал. Минула ночь. Наскоро разобравшись с повседневными обязанностями, я заспешил в поместье Риварров. Меня встретил лорд. Его трясло. Неразутого, Олколик Риварр молча потащил меня в гостиную. Переступив её порог, я ахнул. На Милене не было и следа вчерашнего проклятия! Её рукам, груди и лицу вернулась прежняя красота! Готовый возгласить о величии Ураха, я осёкся. Миленка и Курвош сидели закованные в цепи! На мой вопрос «почему?» лорд Риварр отбросил волосы дочери, и я обомлел — два пятна от укуса клыков. Курвош спокойно открыл рот, и я увидел неестественно продолговатые зубы. Поразительно, что вампир выглядел точно так же, как мы! Ни когтей, ни красного блеска глаз, ни асимметрии тела, ничего, только зубы, которых вчера было не видно! Курвош улыбнулся мне, а затем нараспев произнёс: «Будь то человек, гном или эльф поражён проклятием времени — есть выход ему из коварной петли. Если неувядающий род помажет его своей благодатью, то снимутся чары и воссияет чело как в молодости». Выдав мне кровососа и осквернённую страдальицу, лорд Олколик Риварр поступил по всем правилам добропорядочного гражданина и верного последователя Всеотца, поэтому я счёл возможным применить тринадцатый пункт из кодекса «О высшем сословии, формах его наказания и принципах прощения».

Моим указом дело получило гриф «Особо конфиденциально». Допускаю мысль, что я поступил мягкосердечно, но дом Риварров — образцовый дом. Неминуемый позор и простонародная хула уничтожили бы его суть, я же свято верю, что невиновные не должны нести груз порицания. Вампиризм — это клеймо, и оно не смывается ни золотом, ни

высоким положением в обществе. С моего позволения лордом Олколиком Риварром была выдумана легенда, которая деликатно объясняла, куда делись Милена и Курвош — свадебное путешествие, родственники в Караке и всё такое. Тем же вечером упомянутая пара в строжайшей секретности была доставлена к нам в Орден. Ими занялся старший инквизитор Джованни Капруцини. Его доклад, включающий в себя допрос и выписку о казни, присовокуплён ниже. Сюда же я прилагаю рапорты, поданные мне братьями, которые содействовали Джованни Капруцини в его труде. Список: Алтори Моно — младший клирик, Ракур Блазье — младший клирик, Джерард Сидо — клирик, Анарета Штау — инквизитор Вакарди Прихард — инквизитор. Больше добавить мне нечего. Отчёт составлен для гонителя ереси Мирабеллы Ключи. Подписываюсь под вышеизложенным, милостью Ураха инквизитор-рыцарь Вивальд Стасюир.

Закончив читать, Грешем посмотрел на переставшую плакать Эмилию.

— Теперь ты понимаешь?

— Где ты взял эти рукописи?

Серэнити вырвала мокрые листки из пальцев моего ученика.

— Я нашёл их в Эльпоте! Помнишь, мы обходили гарнизон и наткнулись на капитана стражи, который из-за раны в боку ели стоял на ногах?

— Припоминаю.

— Пока ты оказывала ему помощь, моё внимание привлекла комната с кучей шкафчиков. По надписям я понял, что попал в замковый архив Братства Света.

— Архив Братства Света всегда находится в храме Ураха, чтобы ты знал.

— Там, над проёмом, было написано «настояния, там-дам-дам писания света» или что-то вроде того.

— Настоятикус Полаци, Эрванда Светлум — покои настоятеля провинции. Ты наткнулся на кабинет Ваяла Диянги.

— Наверное, я плохо разбираю ваши официальные словосочетания, — согласился Грешем. — Я побродил между заставленных невесть, чем полук, а затем пошёл обратно к тебе. Однако на выходе я случайно задел клинками тумбу. Из неё выдернулся ящик с кипой бумаги. Я машинально задвинул его и тут встал как вкопанный. Картотека называлась — «загадки вампиризма». Ну как я мог пройти мимо? Вновь выдвинув ящик, я вытащил из него первую попавшуюся книжку. Уже в Железных Горах, во время дежурства, я ознакомился с её содержимым. История, изложенная Вивальдам Стасюиром, изумила меня до глубины души.

— То есть ты хотел обратить меня в вампира только для того, чтобы вернуть мне красоту, а не затем, чтобы набить своё пустое брюхо? — всхлипнула Эмилия.

— Да! Да и ещё раз — да! Даже умирая от голода, я бы ни за что не польстился на тебя! Точнее — ни на кого из вас!

Грешем отчаянно мотнул головой.

— Я желал избавить тебя от магии Тауруса и всё никак не решался! Способ казался мне радикальным и я... Чтобы за мной не начали следить, я хранил его в секрете... и я... я...

— Грешем, болван! Чёрная магия и магия Десницы Девяносто Девяти Спиц — это две разные вещи! То, что описано в книге и то, что Таурус проделал с Эмилией — не одно и то же! — иступлённо заорал я.

— Дальше! — потребовала Серэнити.

Грешем судорожно вздохнул, покосился на меня, а потом продолжил:

— В конце концов, я собрался с духом и безлунной ночью, подле Пика Смерти,

подобрался к лежаку Эмилии. Однако до того, как мои клыки совершили непоправимое, я остановился.

— Почему? — спросила моя подруга.

— Потому что только ты вправе определять свою судьбу.

Мой ученик робко дотронулся до колдуньи.

— Стать прекрасным вампиром... или искать иное средство снять эту... маску.

Я хлопнул ладонью по обелиску.

— Маска! Маска! Какой же ты дурак! Твоя забота едва не обернулась катастрофой! С твоего посула Эмилия превратилась бы в кровопивца, и не более того! Хорошо, что у тебя хватило ума, и ты не отведал её крови!

Я ткнул пальцем Грешему в грудь.

— Впредь потрудись сообщать мне обо всех своих глупых догадках! Они могут быть в корне неверными!

— Я понял вас!

Умоляюще сложив руки, мой ученик обратился к Эмилии:

— Прости меня, пожалуйста! Мною двигали мысли о твоём счастье... Ты и учитель... ну, а там...

Колдунья приблизилась к Грешему.

— Не надо, я знаю, что ты хочешь сказать. Я не злюсь на тебя, но больше никогда так не делай!

На секунду задумавшись, Эмилия добавила:

— Хотя будь я на твоём месте, то, возможно, что поступила бы так же.

— Я рада, что ты не поддался хищным инстинктам своего племени. Однако отныне я не спущу с тебя глаз, — медленно проговорила Серэнити.

— И я, — кивнул Дурнбад.

— Красивая развязка. Я ожидала другую, впрочем, меня позабавила и эта, — прошипела Цхева, понимаясь на ноги. — Встретимся за Чертогами Отражения! — с этими словами Владычица Вод распалась на тысячи капель. Плиту, загораживающую проход, притянуло к потолку.

— Спектакль одного зрителя окончен, — проворчал я. — Давайте выбираться наверх, нас ждёт весёлая прогулочка!

Шлёпая сапогами по синим лужам, наша компания заспешила к выходу.

Глава 23. Ночные охотники

Преодолев подъём по лестнице, мы вышли из Бликков Тишины. В свете заходящего солнца перламутровые стенки моллюска играли фиолетовым и красным. Я с наслаждением вдохнул свежий воздух. После затхлого лабиринта он был по-настоящему вкусным. С неба валило что-то среднее между дождём и снегом — крыша над головой пришлась очень кстати. Мы не хотели оставаться в логове злокозненной Цхевы, но отдых был нам необходим. Еда и долгий сон — звучит отлично? Однако жареное мясо я съел практически через силу. Желудок недовольно урчал и меня подташнивало. Организм перестраивался с завидной быстротой, и я понимал, что идя против течения новых потребностей, добьюсь лишь проблем со здоровьем. Чтобы отвлечься от противных дум, связанных с рационом питания, я прижал к себе Снурфа.

— Тёпленький маленький таракан, ты в курсе, куда мы завтра отправимся?

— Нит!

— В Лес Скорби.

— Леф?

— Очень древний и мглистый. Рассказать тебе о нём?

— Даф!

— Лес Скорби приблизительно такой же большой как Хильд, Плавень и Керан.

— Этоф многоф?

— Ещё бы! Своё название Лес Скорби получил в те времена, когда мир был юн и Соединённое Королевство, в котором мы все живём, только-только образовалось как государство.

— Пофему Леф Скофи?

— Терпение, мой друг, терпение. Когда-то давным-давно правил король Харальд. Он приходился соратником Нолду Тёмному — основателю Соединённого Королевства. У Харальда была семья — красавица жена Линда и четверо детишек — Хирц, Лия, Прицир и Клавдий. Пока все более-менее ясно?

— Даф! Корольф и королефа!

— И их дети, — кивнул я. — Однажды вся королевская чета приехала в Вельдз, а точнее в Гричинг. Харальд занялся неотложными делами, а его домочадцы пошли прогуляться по опушке. К ночи уставший Харальд покинул совещательный зал...

— Он разбирался с поставками зерна, — склонилась к нам Эмилия.

— Зерфна?

— Гильдия торговцев Вельдза не выплатила Плавеню обещанные деньги, и крупный обоз вернулся обратно в центральную провинцию, — объяснила моя подруга.

— Не обременяй нас излишними подробностями, — улыбнулся я. — Материал сложный.

Колдунья обняла меня за плечи.

— Пардон! Не смею прерывать!

— Спасибо!

Я вновь обратил взор на чёрные бусинки Снурфа.

— Как я сказал — Харальд оставил рабочие апартаменты и пошёл спать. У опочивальни стражник доложил ему, что Линда и дети так и не появились. Харальд обеспокоился. Он оседлал коня и с эскортом рыцарей-плютеранцев ринулся туда, где видели его супругу последний раз.

— К лефу?

— Именно, Снурфи, к лесу. Найти королеву оказалось нетрудно, гончие легко взяли её след по платочку. На опушке, в зареве факелов и шариков света, Харальду открылась жуткая картина — отсечённые головы телохранителей, как маячки, вели в перепутанные дебри.

— Королефу убифи?

— Жестоко.

— Зафем?

— Ответ был вырезан на её теле.

— Плата за Полдень Игл, — прошептала Эмилия.

— Чтоф?

— В молодости Харальд и эльф Легия вместе сразили великого демона Дроторогора,

одного из живых богов-идолов Хрипохора. В Червонном Капище не забыли этого и отплатили той же монетой, — пояснила моя подруга.

— Амф!

— Вся королевская чета была распята, — продолжил я. — Вроде бы принц Гирц ещё дышал, когда его ручки отделяли от гвоздей. Промучившись несколько часов, он умер от кровопотери. Чары рыцарей-плютеранцев не смогли её остановить.

— Жальф детеныфа!

— Несомненно, жаль. С тех пор пошла традиция, в знак траура по истерзанной семье монарха, говоря о лесе, всегда добавлять слово «скорбь», например — «в скорбном лесу растут дивные грибы» или «не ходи к высокоствольной прогалине, тебя скорбь заберёт», а потом так и стали именовать Лес Скорби. Харальд не оборвал свой род, только по одной причине: его новорождённая дочь Лия приболела, и Линда препоручила её лекарям Гричинга.

— Лифя фыфала?

— Выжила. Династия Харальда не прервалась исключительно благодаря ей.

— Пофему?

— Харальд поздно женился, и Лия стала его финальным аккордом.

— Какиф аккорфом?

— Он не мог больше иметь детей, — ответила Эмилия.

— Пофему?

— Потому что состарился, — отозвался я.

— Фффф!

Таракан уморился. Он залез мне усиками под пальто и сонно защебетал.

— Твои истории располагают ко сну, — улыбнулась Эмилия.

— Снурф любит засыпать под что-нибудь эдакое, — хмыкнул я.

— У нас в Надургхе про Лес Скорби только краем уха слышали, — между тем пробасил Дурнбад. — И раз уж ты начал про него толковать, то и не заканчивай на середине.

— Что ты хочешь узнать? — осведомился я.

— Кто там и что там.

— Первый школяр пал смертью храбрых, делаем ставки господа — как долго второй школяр выдержит на себе речь нудного мага!

— Эмилия! Меня вообще-то попросили!

— Молчу, молчу, мой грибочек!

Гном усмехнулся в бороду.

— Золотой, что продержусь десять минут.

— Два, что семь! Ты просто не знаешь, на что идёшь!

— Эмилия!

— Мой рот на замочке!

Я прочистил горло, укоризненно глянул на подругу, а затем начал:

— Раз уж мы благодаря Эмилии на своего рода уроке, а время урока, как всем известно, не безгранично, то все основополагающие темы будут обобщены и затронуты вскользь. Призматические завихрения, охватывающие чашу, нисходят...

— Накидываю ещё серебряный! — расхохоталась колдунья. — Уж очень ты оборотисто повёл, господин гном сдюжит не более трёх минут!

— Эмилия, сейчас ты сама будешь просвещать Дурнбада! — сказал я с небольшой

обидой в голосе.

— Мой хороший, ты же не перед коллегией магов выступаешь, убери чародейскую требуху — она лишняя.

Моя подруга указала пальчиком направо.

— И кстати, в классе скоро яблоку будет негде упасть.

Я не заметил как Серэнити и Грешем подо двинулись к нашему кружку.

— Э-э-э? Ну, ладно! Раз про название и площадь вы теперь знаете, перейдём к бестиарию. В Лесу Скорби водится множество разнообразных тварей. Суровая среда обитания снабдила их жвалами, клешнями, клыками, щупальцами и жалами. Конечно, не все из существ злые, но подавляющее большинство именно таково. Помимо слуг Хрипехора, вездесущей нежити Назбраэля, зверей и птиц, в Лесу Скорби каким-то образом уживаются пять разумных рас: крохоши — могучие медведи, мириды — змеи, лапридоны — мотыльки-кровопийцы, балаги — рогатые зебры и ворожей — о них чуть позже.

Я нарисовал на песке широкую линию с ниточками-ответвлениями.

— Через сумеречные просторы течёт река Мухоморка. Её десять притоков — Абарам, Старам, Катюц, Лимфимида, Грацирда, Велья, Стандра, Жвиль, Крама и... Подскажи, Эмилия?

— Пирцера.

— Да. Пирцера. Так вот, её десять притоков снабжают Лес Скорби пресной водой. Жвиль делать сгиб прямо у границы Вельдза. Отмечу, что с каждым годом Жвиль видно всё меньше и меньше, дело в том, что Лес Скорби разрастается. Его черностволье постепенно поглощает незанятые пяди земли. Попытки сократить мрачный массив пожаром или вырубкой ни к чему не приводят. Чёрная древесина горит плохо, и пламя не перекидывается на соседние стволы. Если же срубить дерево, то на его месте уже через неделю вырастает новое. Среди умных мира сего ходит молва, что Лес Скорби обладает неким регенеративным интеллектом, который возмещает полученный ущерб и двигает посадку вперёд. Как бы там ни было, но люди Вельдза сильно обеспокоены этим парадоксом — непобедимый, маячащий за окном таинственный сосед не располагает к умиротворению.

— Ворожей, — напомнила мне Эмилия.

— Эта обаятельная барышня никогда не даст мне забыть о главном.

— Ну а кто, если не я?

— Точно, — улыбнулся я. — За непроходимыми болотами и скрюченными ветками где-то в Лесу Скорби скрывается Оплот Ведьм. Мифическая твердыня, в которой издревле живут ворожей. Внешне они напоминают людей. Две руки, две ноги, голова, да, пожалуй, и всё — на этом сходство заканчивается.

— Какие же у них отличительные черты? — спросила Серэнити.

— Мраморная кожа, пальцы с серповидными когтями, мелкие острые зубы в два ряда и глаза непременно разного цвета: жёлтый — сиреневый, красный — коричневый.

— Симпатичные какие, — отметил Грешем.

— В твоём вкусе, — пошутил я. — Самое занятное, что из-за врождённого искривления позвоночника ворожей перемещаются исключительно на карачках.

— Действительно забавно, — хохотнул Дурнбад.

— Короля или королевы у ворожей нет, — продолжал я. — Каждые сто лет в Оплоте Ведьм избирают оракула. Оракул — это лицо, наделённое властью, однако докуда простираются его полномочия, мне не ведомо.

— Силы, — подтолкнула Эмилия.

— Невообразимые. Колоссальные. Запредельные. Природные способности ворожей к творению заклинаний, мягко говоря, впечатляют. Их источник энергии заключён в них самих. Научившись управлять телом и аккумулировать из него заряд, они могут без лишних усилий вызвать «Ледяной Шторм» или «Пляску Молний». В общем и целом, ворожеям доступна весьма солидная магия.

— Вы сталкивались с ними в поединках? — задал вопрос Грешем.

— Случай мне не представился.

— А мирно общались?

— Нет.

— То есть все ваши познания о ворожей почерпаны только из книг?

Я нахмурился.

— Мне не нравится твой тон, ученик, в нём скользит сомнение! Помимо информации из книг у меня есть устные пересказы странствующих колдунов, которым довелось-таки испытать на своей шкуре чародейство ворожей.

— Я...

— И скоро у тебя, дорогой мой Грешем, появится возможность подтвердить или опровергнуть мои слова.

— Я просто спросил.

— Я же просто ответил.

У меня на груди заёрзал Снурф. Он сонно перевернулся брюшком кверху, а потом захрапел. Я потрогал его идеально подогнанные пластины брони. Лапки задёргались — таракан сопел, как чайник. У Эмилии на коленях безмятежно дремал Мурчик. Мы засиделись до глубокой ночи.

— На этой ноте объявляю занятие закрытым, — зевнула моя подруга.

Дурнбад потянулся.

— Я встану на часы. Мне темень привычна.

— Я следующая, — кивнула Серэнити.

— Идёт, — крикнул старейшина войны. — Эй, Эмилия, с тебя два золотых и один серебряный.

— Ты требуешь долг с девушки? Как неприлично!

Колдунья наигранно прикрыла рот рукой.

— Калерб, старый гриб, рассчитайся с жадным гномом!

— За репетиторство клан Надургх обещал мне солидный гонорар, — доверительно сообщил я Дурнбаду. — Как только он будет у меня в кармане, я сразу же покрою задолженность сей легкомысленной особы.

— Горы и недра! Да вы это на ходу сочиняете!

— На самом деле все фразочки у нас... — пробормотала Эмилия, прижимаясь к Мурчику лицом.

— ...отрепетированы, — окончил я.

— Вы — руда одной вагонетки, спите!

Что значит его последняя фраза? Неужели мы с Эмилией похожи, и это видят другие? Вряд ли, в нас всё разное: характеры, привычки, интересы... Я откинулся спиной на стенку ракушки. Грёзы моментально завладели моим изнурённым мозгом. Тот ещё денёчек выдался... Прошло десять минут или больше, не представляю. Я хотел спать и одновременно

не мог, такое бывает, когда переутомишься. Я приоткрыл веки. Блеск. Там, подле гнома. Согнувшись в три погибели, старейшина войны чем-то занимался. Звёздное сияние отражается от них... Пальцы перебирали искрящиеся крупицы. Сквозь пелену полузабытья я догадался — Дурнбад пересчитывает алмазы. Это что, своеобразный способ снять стресс? Надо будет завтра у него узнать — сколько же драгоценных камней в бутылке... Окончательно опускаясь в негу сна, мне вдруг показалось, что горсть мерцающих зёрнышек исчезла за пазухой гнома... сонный морок... Он бы так не поступил.

Утром меня разбудил настойчивый запах рыбы. Не размыкая глаз, я перелёг на другой бок. Фу, ну что же так несёт? Я зажал нос, но и это не помогло мне спастись от вездесущего аромата. Он рядом, крутится и крутится, как облачко... Ох, надавили на рёбра! Я тяжело вздохнул, неужели Снурфи вознамерился забраться на меня? Знает же безобразник, что хозяин не любит баловства спозаранку! Я открыл глаза и обнаружил на себе вовсе не таракана, а кота! Из усатой морды Мурчика вывалился рыбий хвост. Видимо, он решил угостить меня частью своего завтрака. Спасибо, премного благодарен! Мурчик лизнул меня мокрым языком, а затем направился к притаившемуся у дальней расщелины Снурфу. Подле таракана громоздилась целая горка освеженных костей и плавников. Наевшись до отвала, он лениво шевелил усами. Кроме нас в ракушке больше никого не было. Не успел я сообразить, куда подевались мои друзья, как ответ пришёл сам собой. Из-за раковины моллюска показался Дурнбад. Гном тащил пузатый котелок, доверху наполненный водой.

— Эгей, брат по крови!

Я помахал рукой.

— Он что, ещё спит? — послышался голос Эмилии.

— Проснулся!

— Калерб, сонный плющ, вставай и разведи костёр!

— Три секундочки!

— Мы за углом!

Я потёр ладонями лицо. Новый день! Как он прекрасен! Чашечка кофе, яичница... Мечты!

— Калерб!

Я обогнул перламутровое убежище. На удобной полянке с покатыми камнями всюду шло приготовление завтрака. Брюнетка и блондинка что-то раскладывали по глиняным мисочкам. Пока я спал, друзья отыскали родник, а возле него — удобные фляги, компактную посуду, тёплые одеяла, кое-что из одежды и запас провизии. Присмотревшись, я понял, что еда состоит исключительно из морской продукции: сушёные кальмары и мясо краба, шматки тунца и похожие на орехи съедобные водоросли — всё было завёрнуто в прозрачную материю. Наверняка это Цхева позаботилась о нас, больше просто некому.

Хворост, огонь, котелок. Держа кружку чая, я кутался в шерсть дарованного пледа. Дымок от горячего напитка был едва различим на фоне низколетающего серого неба. В желтоватой дали стоял полный штить. Цхева не только снабдила нас необходимыми в дороге вещами, но ещё и усмирила буйный нрав Абрикосового Моря. Надо перебраться на материк, пока действуют её чары.

Закончив с чаепитием и поделив между собой поклажу, наша компания двинулась к лодкам. Облепленные красными рачками, они покорно ждали, пока ими вновь воспользуются. Мы покидали в них сумки и сели на вёсла. Где-то там, на горизонте, чернел Лес Скорби. Есть шанс, что плыть придётся не меньше суток... Абрикосовое Море

качнулось. Волна подхватила лодки и стремительно понесла вперёд. Вероятно, грести не придётся — волшебство Цхевы всё сделает за нас. Из пучины к нам выпрыгнул осьминог. Он извивался и безумно хотел попасть в родные пенаты. Почему бы и нет? Я отпущу тебя. Однако чайнъям осьминога было не суждено сбыться, ловкий Снурф опередил мои пальцы. Радостно урча, таракан принялся уплетать внезапный сюрприз. Прости, приятель, я правда хотел, чтобы твоя жизнь сложилась иначе.

Облака постепенно рассеивались. Чёрная полоса разделилась на бесконечные столбики. Волна тормозила. Толчок! Лодки брякнулись и по инерции проехали по снежно-песочной смеси. Всё, приехали. Я переступил через корму. Передо мной предстал гнетущий пейзаж. Художник, страдающий депрессией, мог бы снискать здесь неисчерпаемое вдохновение. Редкие скалы, исполинские деревья, спускающие корни в тёмно-оранжевое море, хмурое небо и надрывные крики чаек — рисуй да плачь. До полного антуража не хватает только скалящегося черепа под истёртым валуном. Накинув съехавший набекрень капюшон, я зашагал к Лесу Скорби. У опушки колыхались тени, и струился туман. Мы вошли под сень каббалистических деревьев. Практически сразу я перестал видеть солнце. Оно как бы застряло среди высоченных крон. Лучи еле просачивались сквозь увядающие листья. Царил полумрак. Эмилия зажгла Людвирбинг — временно ограничимся его светом, магические шарiki могут привлечь к нам ненужное внимание.

Огибая дубы и вязы, я соображал, в какой стороне может находиться Оплот Ведьм. Куда идти? Влево, вправо или не сворачивая? Почему я не спросил направления у Цхевы? Тоже мне — умнейший из умных! Так, а нет ли тут поблизости какой-нибудь птички? С помощью телепатии я мог бы расспросить пернатого о верной дороге... Я огляделся. Ни птиц, ни животных. Только сплошной лес, подёрнутый налётом снега. Угнетающе и... необычно. Вокруг нет сугробов, по всей видимости, зима, как и солнце, имеет в чаще лишь поверхностные права.

Спустя несколько часов бесцельных скитаний мы остановились, чтобы перекусить. Последний кусок баранины достался колдунье, другие принялись жевать солёную рыбу. От первого же ломтика мне страшно захотелось пить. Раскупорив новую флягу, я сделал два долгих глотка. Дурнбад подхватил мою эстафету. Теперь всё понятно, как будто мне случая с Грешемом не хватило... Цхева обожала вести двойную игру. Она дала нам воду, да, это хорошо, а вот рыба была преподнесена не от чистого сердца. Соль заставит нас быстренько опустошить фляжки. А так как в Лесу Скорби пить нельзя, то уже в ближайшем будущем мы станем мучиться от жажды. Я ухмыльнулся — тонкий подход у змеи! Серэнити, перебирая чётки, тихо промолвила:

— Я слышу отчаянные крики.

— Где? — насторожился Дурнбад.

— Повсюду. Души стенают и молят о пощаде, лес — их тюрьма. Навечно запертые здесь, они обречены блуждать в тёмной глуши.

Гном стал оглядываться.

— Повсюду, говоришь? Но я никого не вижу!

— Увидеть слабые формы дано не всякому, однако сильных ты заметишь наверняка.

— А-а!

— Древняя магия тяготеет над этим местом. Нарушая незыблемый порядок и извращая суть Бытия, она подчиняет эфирные образы своей воле. Этим... несчастным некуда деться. Загнанные в нерушимые рамки, они чувствуют пульсацию жизни и нестерпимо завидуют её

обладателям. Будьте бдительны... Их тянет к нам словно магнитом.

— Я вот что скажу — пусть только сунутся! Старейшина войны Надургха не из пугливых маменькиных сыночков! Мой молот загонит их обратно бездну!

— Отваги у тебя не занимать, — улыбнулся я.

Гном стукну кулаком в грудь.

— Храбрость и честь!

— Если бы я не знал Серэнити, то решил бы, что она несёт какую-то околёсицу. Я всегда думал, что пленить можно тело, но не дух! — воскликнул Грешем глядя на меня как на эксперта по загробному миру.

— Почему же ты так думал? — осведомился я, иронично выгибая бровь.

— Потому что дух нематериален! Как его удержать?

— Ну вот, не прошло и дня, — вздохнула Эмилия. — Лекцию заказывали?

Я подёргал подругу за локон.

— Будь любезна, милочка, воздержись сегодня от ставок, а то я ещё за твой предыдущий проигрыш не расплатился.

— Это не мои проблемы, голоштаный гриб!

Я по-отцовски погрозил колдунье пальцем, после чего заговорил:

— Итак, Грешем. Есть узкоспециализированные спиритические ритуалы, позволяющие магу связать себя с потусторонней субстанцией на неограниченный срок. Расскажу тебе о двух самых простых: первый — отделяем от усопшего фаланги пальцев, высушиваем их, растираем в порошок, смешиваем с чернилами, а затем выбиваем себе татуировку с его именем. Второй — толчём зубы покойника в ступке, добавляем туда эссенцию камелии и прах. Полученную кашицу втираем под свою нижнюю губу.

— Держи своё мерзкое чернокнижье при себе! — брезгливо поморщилась Серэнити.

— Замечание принимается. В ускоренном темпе мы перелистываем весь параграф и спускаемся к абзацу с выводом. Он звучит так: «Посмертное заключение бестелесного «я» в оковы личного пользования, хоть и трудоёмкая, но вполне выполнимая задача». Однако рассматриваемая нами глава не посвящена исключительно человеку. Единицы, кующие цепи для эктоплазмы, бывают разные. Чтобы полностью разобрать тему, перенесёмся к разделу «Чужеродное и недоступное пониманию». Сейчас я прошу тебя, Грешем, вспомни, как мы сражались в Лунных Вратах с Дромбильхвалем.

— Склон, бешеные звери, ночь, какие-то полупрозрачные призраки, кружащиеся над вами.

— Они защищали меня, — кивнул я. — В Лунных Вратах и Лесу Скорби всё подвешено на иной уровень «ресурсообеспечения и энергоёмкости», да, эти слова подойдут. Каждый живой субъект здесь оказывается произвольно втянут в чары невиданного размаха. Внешне оно незаметно, но стоит только умереть и — бамс — ловушка захлопнулась! Протуберанцами безумия чаща моментально переиначит пойманное естество на свой лад. Отныне участь субъекта рабски потакать желаниям Невообразимого Оно.

— Получится ли отказаться?

— От чего?

— От службы.

— Выполняй или непрерывно агонизируй.

— То есть призраки могут чувствовать боль?

— Не так как ты себе это представляешь. Их мучает: бесконечный шум, резкий свет,

непроглядная тьма, вековое молчание, не стихающая тишина, сумасшедшие грёзы наяву, испепеляющее одиночество, замкнутое пространство и другие нефизические величины. Рычагов воздействия уйма, была бы фантазия.

— Любопытно, — пробормотал Грешем. — А как Лес Скорби ну, или Лунные Врата определяют, каким типом нежити я должен стать? Их же много.

— С твоего позволения, я избавлю заданный мне вопрос от смысловой грубости и перефразирую его так: «Когда я протянул ноги, Лес Скорби обратил меня в то, во что обратил. Почему я такой?» Отвечаю. Как ты правильно подметил, существует множество видов того, что большинство величает призраком: фантом, цапаш, хирко, липачи, айгуб, каха, всех и не перечислишь. После смерти индивидуум представляет собою нечто в виде квинтэссенции сознания, которое несёт в себе груз витальных аспектов. При выполнении ряда условий в сакральной местности душа не возносится на небеса. И тогда по витальным аспектам формируется новая личина. Был сильным как огр и глупым как пробка? Отныне ты цапаш. Был ловким и хитрым? Теперь ты липачи. Был мудрым и рассудительным. Вжик — и ты хирко. Был бездарным и искал у моря погоды? Поздравляю, ты — каха. Было в тебе всего понемногу? Обернись фантомом. Изюминка преобразования, конечно, в доступном могуществе. Например, каха может насыпать на людей только беспокойные видения. Липачи вызывают приступы трусости и удушья, а цапаш причиняет телесные повреждения. То есть в зависимости от того «кто ты», будешь уметь «что-то».

— Я не совсем понял, что такое витальные аспекты.

— Витальные аспекты — это некое руководство по эксплуатации, которое невозможно перебить в угоду зачарователя. Никак из мёртвого пьяницы не изваять «дохо». Хоть ты тресни, по окончанию преобразования он будет каха.

— Это фундаментальный принцип?

— Фундаментальнее некуда.

— Значит, он распространяется и на Лес Скорби?

— А вот этого твой учитель не знает...

— Калерб, я, наверное, ослышалась! — рассмеялась Эмилия. — Разве есть что-то, чего ты не знаешь?

— Не знаю, но имею кучу тезисов в доказательство как «за», так и «против». Хочешь их послушать?

— Мой дорогой, девочкам не нравятся долгие рассуждения о мертвецах и зловещих церемониалах. Нам подавай истории о любви и приключениях.

— И обязательно с хорошей концовкой? — улыбнулся я.

— Ну, разумеется, старый гриб, а с какой ещё? Плохого и так хватает.

Грешем, было принявшийся точить клинки о плоский камень, отложил своё занятие в сторону.

— Ваши научные умозаключения нашли отклик в моём прошлом...

— В твоём рассказе будет что-нибудь про любовь или приключения? — перебил я.

— Нет... Наверное, нет.

— Хотя бы счастливый конец там присутствует?

— Тоже нет. Он... обычный.

Я театрально всплеснул руками.

— Эмилия, затыкай уши!

— Фу, Калерб, до чего же ты противный!

Моя подруга ущипнула меня за ляжку.

— Грешем, запомни, щепотка юмора для женщины как поток свежего воздуха, без него они вянут и сохнут... Ай!

Я получил ещё один щипок.

— Продолжай, пожалуйста, — попросил я, потирая зудящую кожу, коготки у Эмилии острые.

— С чего?.. Ах, да. Когда-то Лес Скорби был моим прибежищем. Я жил не в самой чаще, а на периферии, однако и там мне довелось повидать уйму странных и необычных вещей. Однажды, когда я уже был вхож в разбойничью шайку, мы скрывались от солдат Вельдза. Тремя днями ранее наши парни замахнулись на проезжающий экипаж одной из фрейлин...

— Всех псов на дыбу! — прорычала Серэнити.

Грешем благоразумно отсел от Великого инквизитора.

— ... её стража отбилась, а затем, надо полагать, экипаж поспешил в ближайший форт, где был поднят по тревоге весь личный состав. На нас объявили настоящую охоту...

— Правильно сделали!

От греха подальше вампир перебрался ко мне.

— Так вот, наш главарь порядком струхнул, да и мы тоже! Сотня мечей на хвосте, как ни как. Выбор у нас был небольшой — встретить врага лицом к лицу и, несомненно, умереть или забраться вглубь черноствольника. Идти в Лес Скорби никому не хотелось, но на тот момент это казалось нам меньшим из двух зол.

— Зло вы несли в себе!

— Переходи к сути, — сказал я, видя, как закипает Серэнити.

— Эм? Кхм.

Грешем кашлянул в кулак.

— Подгоняемые страхом, мы забрались довольно далеко. Деревья слева и справа смыкались единым строем. Листья прикрывали наши чёрные одежды и помогали слиться с вездесущим сумраком. Мы немного успокоились и легли спать под большим дубом. Ночь погрузила нас в абсолютную темноту, которую спустя час или два прорезал хохот. Мы повскакали со своих мест и вопреки всему запалили факелы. Нет, то не был довольный капитан с эмблемой ворона, смеялся наш товарищ. В отблеске огня его глаза лезли из орбит, а от непрерывного гогота челюсть съехала вниз и перекосилась. Он исторично размахивал саблей, пока случайно не перерубил себе лезвием горло. Сабля выпала из рук, а смех сменился хрипом... и тут он начал плясать, заливая всё вокруг кровью. Выверенным ударом я усмирил его. Сошёл с ума, с кем не бывает? — подумал я, но вдруг увидел, как из окровавленного носа вытекает тоненькая молочная струйка похожая на дым. Струйка издавала притягательную мелодию. Она явно завлекала меня склониться над трупом. Невероятным усилием я поборол морок. Подувший ветер подхватил молочную нить. Истончаясь и музицируя, она растворилась в дебрях. Думаю, это был призрак, но какой-то особенный, умеющий вселяться в живых людей. Я прав?

— Как я могу сказать тебе — да или нет? Я не был там, не видел этого. В мире полным-полно древних духов, которым вполне по плечу проникнуть за разделяющую вуаль и овладеть телом животного, человека и даже чудовища. Это невероятно опасные противники, и, если мы напоремся на них, неприятностей не избежать. Не знаю, справлюсь ли я с ними.

Я поднял сумку с земли.

— Не волнуйся, Шаттибраль, если понадобится, я покажу Тьме истинную силу Света, — заявила Серэнити, сжимая стальные перчатки.

— Когда ты так говоришь, мне становится как-то спокойнее, — искренне ответил я.

Дурнбад затоптал маленький костерок, и мы вновь отправились в тенистые заросли. В полумраке я изредка видел огоньки следящих за нами глаз. Они вспыхивали красными пятнами то за камнем, то за стволом дерева, а то и вовсе мигали откуда-то сверху. Кто это или что это? Живорезы? Разгадать мне так и не удалось. Раздвинув очередные кусты и никого не обнаружив, я бросил эту затею. За нами наблюдали, но не трогали... Пока не трогали. Зачем торопиться? Скоро мы в конец заблудимся, может, растеряемся и останемся порознь... Обитатели Леса Скорби умеют ждать.

Снурфу в чаще не нравилось. Он часто задирает усы к лиственному небу и посматривал по сторонам.

— Вернуфа назаф! — прошипел таракан, семена у моих ног.

— Мы не повернём обратно.

— Пофему?

— У хозяина здесь дело.

— Какофе?

— Важное.

— Нит!

— Да.

— Потомф егоф делафть!

— Потом не могу, надо сейчас.

— Пофему?

— Я уже тебе объяснил.

— Фдефь профифно!

— Что тебе противно?

— Птифы!

— Снурфи, я не вижу ни одной птицы

На всякий случай я огляделся.

— А! Ты голоден?

— Нит! Нит! Нит!

Таракан нервно застрекотал.

— Птифы, птифы, птифы! Больффффыыыееее!!!!

— Да где они?

— Фдефь! Ряфом! Фдефь! Уфффф!

Снурф боязливо прижался к сапогам. Памятуя о том, как он почувствовал своих сородичей в Трузде, я моментально обнажил меч и крикнул друзьям приготовиться. Став плечом к плечу, мы застыли в боевых стойках. По моей ладони забегали иголки молний. Минута, две, десять. На нас никто не нападал. Тишь да гладь... Лишь редкие снежинки подсмеивались над нашим переполохом. Развевая заклинание, я с укоризной посмотрел на фамильяра.

— Скажи честно, ты выдумал про птиц?

— Нит!

— Точно? Ты не хотел, чтобы я напугался?

— Зафем?

— В надежде, что из-за страха я сверну своё важное дело.

— Нит! Птифы былиф! Ониф уфлефели! — обиженно проскрежетал Снурф, залезая под валун.

Эмилия покачала головой — мол, что обвиняешь зря, бдительность не повредит. Колдунья держала Людвирбинг в постоянном силовом напряжении. Конечно, на подпитку посоха требуется меньше энергии нежели, чем на поддержание заклинания в руках, однако подобную расточительность волевого потенциала я категорически не одобряю. Если маг будет находиться в состоянии пассивной концентрации, то он быстро перегорит. Это в большей мере относится к крупным заклинаниям, хотя такие чары как «Шары Света» или «Сопrotивляемость к Элементам» со временем тоже могут иссушить до дна. Раздумья, раздумья, раздумья, они не покидают меня ни на секунду...

Зацепившись за всклокоченный корень, мой плащ обзавёлся широченной дырой. Досадно. Я посмотрел через неё на свою подругу.

— Прореха на одежде, а не в боку, — отметила она.

— Если так судить, то это мелочь, но вообще мне жалко плащ. Он верой и правдой скрывал меня от холода и мороза.

— Его рана не критична. Будет свободный часок, заштопаю.

— Спасибо, Весенний Шторм.

— Калёб!

— Что?

— Грозная Четвёрка!

— Давно она не собиралась вместе, — улыбнулся я. — Когда ты последний раз виделась с Альфонсо или Бертраном?

— С Рыжей Колючкой пару зим назад. Он был проездом, очень спешил... Переночевал и сразу уехал. Какая-то срочность в Магике Элептерум.

— И всё?

— Что — и всё?

Бертран Валуа, медноволосый красавец с закрученными усиками и опрятной клиновидной бородкой, он — великолепный иллюзионист, непревзойдённый рубака на шпагах и один из лучших моих друзей... Ему всегда нравилась Эмилия... как девушка. Ухаживания Бертрана принимались Эмилией с доброй сестринской иронией. Весенний Шторм держала Рыжую Колючку на расстоянии, но всё же не отталкивала до конца... Что это? Врождённое женское кокетство или нежелание причинить боль близкому человеку? В ту пору я поддерживал Бертрана... но теперь обстоятельства кардинально поменялись.

— Калёб! Что и всё?

— Он... Он приглашал тебя куда-нибудь?

— Куда-нибудь, куда?

— Просто скажи: да или нет.

— С чего вдруг я должна тебе говорить?

— Потому что!

— Потому что, что?

— Эй, хватит меня передёргивать!

— А ты задай вопрос нормально.

— Бертран звал тебя в Магика Элептерум?

Эмилия остановилась, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Да.

Я отвёл взгляд.

— И ты согласилась?

— Ответ за ответ.

— С каких пор мы торгуемся?

— С этих самых.

Я облизал губы.

— Хорошо, спрашивай.

— Не сегодня, — улыбнулась колдунья. — Я приберегу свой вопрос до урочного дня.

— Так нечестно!

— Мы не обговаривали временные рамки.

— И всё равно!

— Я сказала ему «нет».

— Почему?

Эмилия повернулась ко мне спиной.

— Причина тебе известна.

— Ты до сих пор любишь другого! — выпалил я.

— Да.

— Думаешь, он осознает... и вернётся?

— Я... Я отчаялась его ждать.

— Но ты всё ещё ждёшь?

— Жду.

Моё сердце упало.

— Надеюсь, он придёт.

— И я.

Странный диалог у нас вышел... наверное, из-за меня. Валуа... человек из прошлого... секрет... чувства... мне есть, над чем подумать. Отстранившись от Эмилии, я молча зашагал дальше.

Спустя час на земле появилось что-то наподобие тропы. Меня она порадовала и одновременно насторожила. Кто пользуется ею? В любом случае, если пойдём по ней, то куда-нибудь да выйдем, а это значит, что у нас появиться шанс разнюхать, где расположен Оплот Ведьм. Вытоптанная полоска вела на восток. Иногда её контур прерывался. На таких участках я муторно выискивал, где начинается потерянный конец. Вперёд, вперёд, вперёд...

На Лес Скорби опускалась ночь. Я так и не рискнул зажечь шарики света, поэтому зелёный фонарь Эмилии был нашей единственной путеводной звёздочкой. Видимость постепенно сходила на нет. Очертания деревьев сливались в густую гуашь. Настал момент, когда тьма стала непроницаемой. Больше двигаться не имело смысла... Надо продержаться до восхода солнца. В перешёптывающемся мраке нам удалось отыскать покатуую ложбинку — в ней и остановились. Ради безопасности колдунья погасила Людвирбинг. Естественно, мы остались не в лучших условиях, но где гарантии, что изумрудный маяк не привлёк бы к нам монстров со всей округи? Тут уж выбирать приходится или то, или это. Ложиться спать было страшно. Что открыты глаза, что закрыты — чернота. Дежурить условились в паре. Я вызвался нести вахту дважды. Распределились так: Эмилия — Серэнити, я — Грешем, Дурнбад и снова я и фамильяры. Прислушиваясь к каждому вздоху и дуновению ветерка, я мучился от ожидания неприятностей. Наверное, это был самый нервный дозор в моей

жизни. Я казался себе мухой, попавшей в сети к жирному и большому пауку. Он видит, как дёргается паутина, и знает, кто в ней. Перебирая лапками белые струны, паук даёт нам запутаться посильнее. Он — король положения, и его добыче ни за что не вырваться.

Сквозь покрывало черноты прорвался хрупкий лучик. Он задержался на лбу Мурчика, а затем переполз на Серэнити. Тьма смягчала хватку. Словно через мелкое сито свет упрямо пробирался в Лес Скорби. Пришла заря, а это значит, что мы пережили ночь! Это обнадеживает!

Наш завтрак, как и ужин, состоял всё из той же непомерно солёной рыбы. Не следя за расходом воды, мы умудрились выпить уже треть запасов! Две пустые фляги легли мне в рюкзак. Положение пока не бедственное, но без жёсткого ограничения оно неминуемо станет таковым.

Наша компания покинула ложбинку и вновь вернулась к тропе. Следуя по ней целый день, я отметил для себя интересный факт — лапами так поверхность не стопчешь, дорогой явно пользуются те, кто умеет ходить в обуви. Ни одна из пяти живущих в Лесу Скорби расботинки не носит, поэтому можно предположить, что... да — что? Любая теория подойдёт.

К глубокому вечеру тропинка неожиданно оборвалась. Поиски её продолжения неожиданно вывели нас к малюсенькой полянке. С каким же наслаждением после бесконечной мглы я стал взирать на звёзды. Их бисерный калейдоскоп озарял небосклон яркими огоньками. Ноздрей коснулся приятный аромат. Так пахнет горькая полынь и... гардения? Взгляд скользнул вниз. Вот и ответ. Вся поляна была засыпана чудесными лиловыми цветами. Я вдохнул глубже... как приятно... Что?! Сознание подёрнулось пеленой. Руки обмякли, а подбородок дотронулся до плеча. Эти прелестные создания благоухают здесь не просто так! Друзья... Где они? Я попытался открыть рот, но с моих губ сорвалось лишь невнятное бульканье. Я обмяк и завалился прямо в цветник. Муть, сплошная муть в голове. Может, я сплю? Нет, чьи-то лапы обхватили мой торс! Я оторвался от земли и взмыл в небеса. Два перепончатых крыла били по воздуху, набирая высоту. Дурман медленно покидал моё тело. Когда пальцы снова стали меня слушаться, я потянулся за мечом. На шею мне недвусмысленно надавил коготь. Тот, кто меня схватил, знал, какие фокусы могут выкинуть люди. Лес Скорби превратился в сплошное пятно. Я нёсся с поражающей скоростью. Так кто же мой похититель? Кое-как я изогнулся и посмотрел вверх. Нетопыри. Три слева и пять справа. Гигантские летучие мыши несли пленников... наверное, в своё логово, а куда ещё? Без движения мои руки и ноги изрядно затекли. Побуждаемый рефлексом я заёрзал, давление на горло сразу увеличилось. Писк противно резанул барабанные перепонки. Нетопыри принялись снижаться. Пока они плавно опускались к лесу, мне посчастливилось увидеть вздымающуюся над деревьями пирамиду! Именно её Цхева показывала в волшебном кубе! Значит Оплот Ведьм теперь под самым носом! Обрадованный этим открытием, я едва не засмеялся. Меня сдержало лишь осознание нашего плачевного положения. Разум, наконец, очистился настолько, что я смог вызвать заклинание «Цепной Молнии». Давайте, образины, приземляйтесь, я вам устрою бабах-тарабах-бабах.

Строй веток шархнул меня по лицу. Из рассечённой брови потекла кровь. Заливая глаз, она мешала мне видеть. Мы залетели в громадную пещеру. Не церемонясь, нас скинули на каменную возвышенность. Я бухнулся неудачно, на выставленные локти. Что-то хрустнуло, от предплечья до запястья руки сдавило невыносимой болью, моё заготовленное заклинание вмиг распалось. Рядом тихо застонала Эмилия. Мурчик упал прямо на неё. Где-то позади меня шевелились Дурнбад и Серэнити, Грешем — ещё дальше, сбоку. Корчась от колющих

спазмов, я встал на ноги. Мы оказались в гостях у крылатых кровопийц. Разбросанные вокруг кости прозрачно намекали на то, что нас ожидает в ближайшем будущем. Среди белых черепов, рёбер и тазобедренных суставов копошились те, для кого я и был сюда доставлен. Время обеда! Как понятно — не моего! Детёныши нетопырей имели коричневый окрас шерсти. По размеру каждый из них превышал средний человеческий рост примерно в два раза. Приплюснутые рыла возбуждённо принюхивались. Нет, ребята, я ни чуточку не вкусный! В предвкушении скорого пира поднялся невообразимый писк. Я огляделся — взрослых летучих мышей в пещере не осталось. Вероятно, снабдив голодных малышей свежим мясом, они отправились искать прокорм для себя. Что же, значит, родители уверены, что их деткам ничего не угрожает? Ой, зря! Нам есть чем удивить ночное семейство!

Прежде чем челюсти сомкнулись на моём бедре, я успел перекатиться вправо. Вытянутая вдогонку царапка прошла по плечу. Я вскрикнул — вместе с одеждой разорвалась кожа. Я вытащил из ножен Альдбриг, но не удержал его. Гулким лязгом он поприветствовал неровный пол. Руки висели как две плети и совершенно не желали меня слушаться. А между тем овальные глаза жадно осматривали моё тело, красный язычок трепетал, а зубы скалились. Сразу три молодых нетопыря, расправив перепончатые плащи, двинулись на меня. Так, а там что? Обрыв. Невысоко, однако, прыжок к подножию может стоить мне сломанной шеи. Ам! Уродливая пасть едва не сцапала мою лодыжку.

— А ну отойди от него, тварь!

Мохнатую морду опалил сгусток зелёного пламени.

— Попробуй вначале со мной справиться!

Не обращая внимания на вопли гнева и дзиньканье клыков, Эмилия приближалась к зажавшим меня у обрыва монстрам. Посох колдуньи пульсировал. Исходящий из него жар заставил нетопырей отшатнуться.

— Калёб, ты как?! — крикнула моя подруга, становясь между мной и повизгивающими врагами.

— Отлично! Люблю передраги!

— Что-то по твоему голосу так и не скажешь! Почему он дрожит?

— Тебе кажется, я рычу, как лев! — откликнулся я, прячась за колдунью. — Спасибо, что пришла на выручку!

— Львица знает, когда нужно подсобить льву, — хмыкнула Эмилия, тесня растерявшихся летучих мышей Людвирбингом.

Серо-жёлтая тень прошмыгнула у подола моей подруги. Подпрыгнув, Мурчик вцепился в одну из оскаленных макушек. Его мощные лапы занялись скальпированием лёгкого пушка. Ко мне подполз Снурф. Указав усиками перед собой, он многозначительно произнёс:

— Птифы!

— Прости, что не поверил тебе!

— Фффф! У ниф фкуфный мофг!

После сего высказывания таракан спружинил на промешкавшегося нетопыря. Серповидные клешни фамильяра заработали над зрачками, полными страха.

Дурнбад, Серэнити и Грешем сражались в двадцати футах от нас. Молот импульсивного гнома безошибочно разил цели. При каждом попадании старейшина войны зычно выкрикивал боевой клич «Надургх!». Он буквально рвался в драку. Великий инквизитор прикрывала его с фланга, а мой ученик подкреплял дело немислимыми финтами. Его

короткие мечи творили чудеса!

Ловко уйдя от атаки, вампир оттолкнулся от камня и, сделав сальто, перерубил два крыла. Нетопырь тут же свалился замертво. В след за этим разгорячённый гном получил укус в наплечник. На серебристом доспехе появилась вмятина. Нетопырь отшвырнул Дурнбада, и тот, падая, сбил собою Грешема. Несколько летучих мышей поспешили впиться им в шею. Великий инквизитор резко прогнулась, произвела серию ударов по двум нетопырям, а потом ринулась на других трёх. Бах! Бах! Булава размозжила грудную клетку. Бах! Бах! Из туловища страшилища вылетел позвоночник. Поднявшись, Дурнбад и Грешем стали уничтожать неприятелей чуть поодаль. Здесь, Эмилия выпустила в пищащий клубок едко-зелёную сферу, а там Серэнити, перекинув за спину щит, стальной перчаткой схватила за вывернутое ухо. Притянув к себе ошеломлённое существо, она без всякой жалости опустила булаву на череп. Хрусь! Серэнити не привыкла мешкать. Отбросив от себя обмякшую тушу и вновь оснастившись щитом, Великий инквизитор пустила в ход всё своё мастерство — печень, почки, селезёнки — эти и прочие вывалившиеся из нетопырей органы затагнули пол склизкой кашицей.

Казалось, что удача на нашей стороне... Пока в логово не забралась гигантская тень взрослого кровопийцы. Придя в ярость от увиденного побоища, летучая мышь спикировала на самого слабого в нашем отряде, то бишь на меня. Сноровисто отбив брошенные Грешемом клинки, нетопырь простёр длинную лапу. Попался! Меня зажало в тиски. На живот надавили острые ножи. Я завопил, не в силах терпеть лютую боль. Ужас неотвратимой смерти лишал рассудка. Я паниковал! Вдруг внутри нетопыря что-то громко щёлкнуло и спустя мгновение, меня оглушил вой. Когти разжались, и я свалился в подставленные руки Серэнити. Летучая мышь иступлённо билась о своды пещеры. Из её рта, вместе со слюной и кровью, сыпались громадные малахитовые искры. С каждой секундой, как будто его кто-то надувал, нетопырь неестественно раздавался вширь. Дойдя до невероятных объёмов, он лопнул. Феерично, конечно, но мне больше нравится, когда с неба сыплются лепестки роз, а не кишки. Битва завершилась, мы были живы, нетопыри — нет.

— С чего бы это он так внезапно взорвался? — недоуменно пробормотал я, позволяя Великому инквизитору заняться моими ранами и животом.

Улыбнувшись, Серэнити показала на Эмилию.

— Это ты его разорвала?!

Заправив выбившуюся прядь волос в общий хвост, моя подруга устало промолвила:

— А что ты так удивляешься?

— Мощно!

— Ты мне должен, старый гриб. Я сегодня дважды вытащила тебя с того света.

Я тепло посмотрел на колдунью.

— У меня не заржавеет повторить — большое спасибо! С меня два билета в театр карликов, а в антракте — молочный коктейль с заварным пирожным.

— Ты знаешь, чем откупиться, — рассмеялась Эмилия.

Постепенно я обретал контроль над переломанными конечностями, что, естественно, было заслугой Серэнити.

— Только вот что не пойму, каким заклинанием ты воспользовалась?

Эмилия сделала вид, что не услышала мой вопрос. Она проводила взглядом Грешема, который волок летучую мышь за уступ. Вампир явно собирался пополнить запасы провианта.

— Что его так распёрло? Какова структура чар? — не унимался я. — Первый раз вижу, чтобы ты вытворяла такое!

Колдунья принялась рассматривать свои сапожки.

— Эмилия! Тебе не получится меня игнорировать! Я тут! Я рядом!

Моя подруга вздохнула.

— Ты ведь теперь не отвяжешься от меня, верно?

— Само собой очевидно!

— Это моё секретное оружие, больше я ничего тебе не скажу.

— Но почему? Почему ты скрываешь от меня эту тайну! — заканючил я. — Я всегда делился с тобой магическими знаниями!

— Да, неужели? А рецепт изготовления Золотой Пыльцы? Он у тебя!

— О чём ты?

— Можешь не строить из себя дурачка! Мне лягушка наквакала, что ты разыскал его!

Эмилия обвинительно ткнула пальчиком мне в щеку.

— Ты — жадный противный гриб, который не словом не обмолвился о своём приобретении!

— Как...

— Тебе прекрасно известно, что алхимия — моя страсть и формула Золотой Пыльцы в ней краеугольный камень долгих исследований!

— Эмилия...

— Я молчала и молчала, надеялась на то, что ты вспомнишь об этом!

Моя подруга обиженно всхлипнула.

— Прости, я не сдержалась, потому что ты задел меня за живое. Не обращай...

— Я собирался преподнести тебе рецепт Золотой Пыльцы на твоё трёхсотлетие!

Моё признание подействовало не так, как я рассчитывал. Вместо того, чтобы обрадоваться, колдунья разозлилась. Неповреждённая сторона её лица залилась пунцовой краской.

— Ну вот, благодаря тебе теперь все присутствующие знают мой возраст!

Эмилия гневно сжала кулаки, и я предпринял отчаянную попытку реабилитироваться в её глазах.

— На самом деле ей немногим за девяносто, даже восемьдесят восемь!

— Так триста или восемьдесят восемь? — осведомился Дурнбад, протирая молот тряпочкой.

— Шаттибраль!

— Восемьдесят восемь! — поспешил я уведомить гнома.

— Получается, что ты на тридцать лет старше меня, — отозвался старейшина войны, осматривая колдунью. — Я-то думал тебе не больше двадцати семи. Надо же! Восемьдесят восемь! Хорошо смотришься!

— Кaleb, я тебя убью! — простонала Эмилия. — Дурнбад считал, что мне двадцать семь!

— Да, это он погорячился, так-то ты выглядишь на двадцать пять! — простонал я, предвидя надвигающуюся бурю негодования.

— Тогда почему, плешивый пень, ты не сказал двадцать пять с самого начала?!

— Я... я... погоди!

Моя подруга угрожающе надвигалась, а я пятился.

— Тебе не улизнуть от меня!

— Перестань вести себя как четырнадцатилетняя девчонка! — выкрикнул я, отбегая к стене.

— Нет!

— Отложите вашу грызню на потом! Нетопыри могут скоро вернуться! — призвала к благоразумию Серэнити.

— Надо уходить, пока не поздно! — поддержал я.

— Нет!

— Что за шум, а драки нет? — подошёл с вопросом Грешем. С его подбородка падали красные капельки. Он пообедал и чувствовал себя превосходно.

— Мы отгадываем, сколько кому лет, — ответил я, подбирая Альдбриг.

— Так как за вами по пятам следует Эмилия, смею предположить, что вы назвали немножечко неправильную цифру.

— О, а ты не слышал, какую? — прошипела колдунья, пытаясь ухватить меня за лацкан.

— Нет, не слышал.

— Предположи.

Удивлённо приподняв заострённые уши, Грешем посмотрел на Эмилию, которой всё-таки удалось загнать меня в угол.

— Я могу ошибаться, поэтому — от двадцати четырёх до двадцати восьми! Ну как? В цель?

Конечно, Грешем понимал, что двадцатилетием тут и не пахнет, но он был тактичным вампиром, за что я его и любил.

Призрачную улыбку моей подруги стёр с губ прямолинейный гном.

— Мимо! — задорно гаркнул старейшина войны. — Восемьдесят восемь! Один в один как моему братцу!

— Дурнбад! — в сердцах воскликнула Серэнити.

— А разве не так?

— Нет! — хором отозвались мы.

— Вы путаете меня! — взревел старейшина войны. — Значит триста!

— Ну, зачем ты так? — покачала головой Великий инквизитор, но гном уже и сам сообразил, что дал маху, потому как Эмилия уткнулась в шерсть Мурчика и разразилась горьким плачем. Когда я сел рядом с ней, кот злобно зашипел. Тысячу раз я уже успел пожалеть о том, что завязал этот дурацкий разговор, и теперь хотел загладить вину. Все мужчины должны знать, что для девушек за тридцать с хвостиком возраст становится нежелательной темой, тем паче, если барышне близиться к трёмстам, эту тему лучше вообще не поднимать.

— Эмилия, можно я тебе кое-что скажу?

— Ты самый невыносимый гриб в моей жизни!

— Для меня неважно, когда ты родилась, я...

Колдунья оторвала заплаканное лицо, чтобы пронзить меня испепеляющим взглядом.

— То есть тебе ещё и плевать, когда у меня день рождения?!

— Нет, о, нет! Ты не так меня поняла!

— Я всегда понимаю тебя не так!

Видя, как Эмилия распалась всё больше, друзья благоразумно двинулись к краю обрыва.

— Ты вечно мелешь, что ни попадя, а я потом реву!

— Милая...

— Не надо! Не трогай меня! Во мне бушуют эмоции и сейчас они опасны для тебя!

— Хорошо.

Я убрал руку с плеча подруги.

— Прости, я не хотел тебя обидеть.

— Я тебя прощаю.

— Нам пора уходить.

Эмилия встала. Вместе мы подошли к щербатому склону.

— Давайте к нам! — крикнула Серэнити, подхватывая сползающего Снурфа.

— Лезь первым, — распорядилась моя подруга. — Я хочу посмотреть, как ты не удержишься и сорвёшься вниз.

— Твои шутки ложатся на моё сердце, словно бальзам, — улыбнулся я, ища ногой выбоину. — Да, тебе не девятнадцать, но и в свои триста ты легко дашь фору любой красотке!

— Тебе на руку наступить? Мне ещё нет трёхсот!

— Прости, прости, я помню! — отозвался я, чувствуя, что меня опять повело не туда.

— Калёб?

— Да? — я поднял голову.

— Ты, правда, собирался подарить мне рецепт Золотой Пыльцы на день рождения?

— Правда.

— Тогда слова насчёт падения беру обратно.

— Теперь я нужен тебе живой?

— Именно!

Мы оба рассмеялись.

Глава 24. Треснутое сердце

Кое-как я спустился на дно пещеры. Следом роковое плато покинула Эмилия. Поединок выпил из моей подруги всю энергию, и её посох, до того ярко светившийся, ныне едва сиял. Я вызвал две магических сферы. Их оранжевые и синие лучи разорвали тьму. Всюду громоздились останки крупных животных, людей и нелюдей. Быстро перешагивая через них, мы направились к громадным сводам. Я вздохнул свободно только после того, как логово нетопырей осталось далеко позади.

В Лесу Скорби занимался новый день. Я рассказал друзьям, что во время полёта видел Оплот Ведьм. Эта информация была принята с большим энтузиазмом. Всем хотелось покинуть неприветливую чащу как можно скорее. Поразмыслив, я пришёл к выводу, что нам нужно двигаться на север.

Спустя несколько миль наш путь перегородила Мухоморка. Я угадал, что это она, а не её приток, по величавой широте разлива. Оглядывая камышовые берега, я доложил в мозаику недостающий пазл. Округу усеивали кучи гниющих трупов. Лисы, крохоши, волки, медведи, мириды, барсуки, еноты, лоси, лапридоны, вороны, зайцы, все, все, все были тут. Жуть. Вонь стояла невообразимая. Разные стадии разложения, но общая причина.

Зажав нос, я наклонился к воде. Дохлая рыба, хвост к хвосту, неспешно дрейфовала под дуновением ветерка. Что же так отравило реку? Что погубило всю экосистему чернолесья?

Сложно представить, какой силой должен обладать яд, чтобы натворить таких дел!

Грешем потянул меня за рукав. Он привлёк внимание к чёрточке, проходящей через Мухоморку. По уверению вампира это был мост. Его зрение не подвело. Потратив на дорогу не меньше часа, наша компания добралась до бревенчатой конструкции. Её опоры были такими хлипкими и дряхлыми, что, казалось, вот-вот обрушатся. Дабы не рисковать понапрасну, мы пересекали речной поток по одному. Когда нога замыкающего вереницу гнома ступила на землю, мост накренился, а затем рухнул в воду. На последнем издыхании он исполнил свой долг. Кто знает, сколько бы мы без него искали путь в обход. Отойдя от Мухоморки, я продолжил придерживаться выбранного курса. Чередуя короткие стоянки с длительными переходами, мы двигались вперед, а наши сапоги неумолимо топтали сыроватую почву. Строй деревьев то смыкался, то становился реже. Валуны во мху и вечнозелёные кустарники отбрасывали загадочные тени. Мы обогнули утыканый вязами холм. Мама дорогая, да это самый настоящий домик! Кому он принадлежит? Сомкнутые ставни украшала причудливая резьба. Дверь была чуть приоткрыта. Чтобы разглядеть дом получше, Эмилия вновь зажгла Людвирбинг. Глубокие трещины щедро избороздили фасад, став пристанищем для неприхотливого плюща. Я поднялся на крыльцо. Тишина. Конечно, это не очень вежливо, но нам необходимо убежище... Я толкнул дверь. На гнилом креслице сгорбился коричневый скелет. Его анатомическое строение резко отличалось от человеческого. Воспылавши научным интересом, я принялся за осмотр: по семь пальцев на руках и по восемь на ногах, грудная клетка состоит из двенадцати пар рёбер, череп завёрнут в спираль. Что ты за существо? Я потёр подбородок. Прости, кем бы ты ни являлся, эта штука тебе больше не понадобится. Разжав сомкнутые фаланги, я извлёк из ладони продолговатую коробочку. Я отряхнул её от пыли, а затем потянул за собачку. Под крышечкой, на мягкой подушечке покоились два пузырька. Жидкость одного отливала розовым, другого голубым. Ни записок, ни приписок, как узнать, что там налито? Ладно, потом разберусь. Я сунул находку в сумку.

Серэнити между тем отодвинула нехитрую мебель к стенам, а Грешем запер дверь и проверил окна. Безопасность превыше всего! Пользуясь случаем, передохнём сегодня здесь, а с рассветом двинемся дальше. Эмилия предложила перекусить. Я обернул её одеялом, за что получил улыбку и кусок сушёного кальмара. Фу! Чистая соль! Пить! Грешем учтиво передал мне фляжку. Я поблагодарил его, после чего сделал глоток. В рот мне попала совсем не вода. Ого, как сочно! Я округлил глаза. Вдруг желудок нестерпимо сдавило. Через секунду меня стошнило на крутившегося рядом Мурчика. Кровь потекла по полосатым штанам. Кот принялся испуганно отряхиваться. Брызги раскрасили белые волосы Серэнити в красную крапинку. Серdito посмотрев на моего ученика, она достала платочек.

— Зачем ты дал Шаттибралю выпить из своей бутылки? Ждёшь не дождёшься, когда он превратится в такого же монстра, как ты?

— Мне показалось, что учитель больше не можете употреблять обычную пищу, — ответил вампир, виновато глядя на меня. — Его так крючит...

Серэнити швырнула в Грешема пробкой.

— От твоего поила любого скрючит!

— Я ценю твою заботу, однако я ещё в состоянии жевать картошку, — отозвался я отплёвываясь.

— Осталось недолго, — уверил вампир. — Вы бледнеете. Глаза меняются. Организм перестраивается.

— Я знаю, но пока... Пока я форме. Не надо мне подсовывать свою фляжку. Договорились? Я сам попрошу её...

— Хорошо. Только скажите!

— Мерзость какая! — воскликнула Серэнити.

— Не мерзость, а необходимость, — не согласился мой ученик, закручивая во флягу пойманную пробку.

— Мне противно это слышать!

Начинающуюся перепалку прервал сильный стук в дверь. Мы настороженно переглянулись. Кто это решил проведать векового скелета? Выгнав из головы все мысли, я сосредоточился на заклинании «Льда». Снежная сфера закружилась над перчаткой. Забарабанили с удвоенным усердием. Крадучись, Серэнити подошла к дверному проёму. Булава над головой. Я знал эту позу, великий инквизитор приготовилась к сокрушительному удару. Грешем слева, Эмилия и Дурнбад справа. Я занял позицию за опрокинутым комодом. Скрип дверной ручки, сквозняк... Это произошло так быстро, что я даже охнуть не успел! Минуя запоздалую атаку Серэнити, за стол шмыгнуло существо. Вернее, не существо... На стуле подле скелета уселась старая сморщенная старуха. Она обвела нашу компанию маслянистыми глазами, а затем пронзительно высоким голосом заявила:

— Я — Фчифчи, а вы — гадкие разбойники и воришки!

— Позволь мне...

Меня перебил Дурнбад. Он пророкотал:

— И что же мы украли у тебя, карга?!

— Украли! Украли! Вы, гномы, от природы куркули, вечно тянете, что криво лежит! — визгливо ответила Фчифчи.

— Не смей хаять подгорный народ! — прогремел старейшина войны, выпячивая грудь колесом.

— Вот и смею! Вот и смею!

Старуха раздалась сумасшедшим смехом. Она так гоготала, что у неё изо рта вывалилась няжняя челюсть. Возвратив потерянную часть тела на прежнее место, Фчифчи обратилась ко мне:

— Верни то, что взял у Джейкоба, выскочка-волшебник! Без спроса! Без спроса! Это мой подарок! Ни Джейкоб, ни я не давали тебе позволения забирать его себе!

— Ам... Ты говоришь об этой вещице?

Я достал из сумки коробочку с пузырьками.

— О ней, колдунишка, о ней!

Выхватив коробку из моих рук, Фчифчи засунула её обратно в растопыренные суставы Джейкоба.

— Отойдешь на пять минут — воды набрать, а он тут как тут! Грабит тебя среди белого дня! Уверена, что всему виною блестящий гном! Подбил дуралея на худое дело!

— Что?! Я?!

Дурнбад угрожающе набычился.

— Что ты ерепенишься?! Что басышь?! Он сам! Не ты! Гномы — не такие! Гномы — рудокопы! Гномы себе на уме! Гномы — пройдохи и жулики!

Серэнити стиснула локоть закипающего Дурнбада, а Фчифчи замахала на меня желтоватой салфеткой.

— Почему ты тянешь в карман чужое? Да потому, что в детстве тебе во всём

отказывали! Стыд и позор твоим родителям! Воспитали, невесть кого! Пороть надо было тебя и поощрять! Поощрять и пороть, но больше пороть, нежели поощрять!

— Я думал, что коробочка ничейная, — смущённо отозвался я.

— Ну да, ничейная, на блюдечке тут лежит — бери, кто пожелает!

Фчифчи злобно ударила пяткой по полному ведру, которое принесла с собой.

— Она чистая? — полюбопытствовала Эмилия.

— Хочешь умыться, замарашка? И не проси! Тебе одного ведра не хватит, здесь сотня нужна!

Моя подруга улыбнулась.

— Ладно, не буду, но взамен ты мне кое-что расскажешь.

Старуха исполнила губами непристойную трель.

— Лисица тебя выносила! Рассказать? Да, расскажу! Мне интересно то, что тебе интересно!

— Твою воду можно пить?

— Ещё бы! Только она не про тебя!

— А где ты её берёшь? Насколько нам известно, Мухоморка сейчас не пригодна для питья.

— Я хожу к Древнему Источнику.

— Он находится где-то за Лесом Скорби? — спросил я.

— Сдурел ты, что ли? Я — пожилая женщина! Отправляешь меня, невесть куда! Туточки он, неподалёку.

— Тогда почему твой Древний Источник не отравлен?

Смерив меня подозрительным взглядом, Фчифчи принялась ковыряться в носу. Появившюся из ноздри зелёную козявку, она вытерла об ножку стола.

— Не отравлен для меня.

— А для других? — не отставал я от старухи.

— Кого ты имеешь в виду? Бобров? Перепелов? Каракатиц?

— Людей.

— Что — людей? Мне не нужно никаких людей! Я самодостаточна! Да, Джейкоб! Я и без тебя проживу! Пустомеля!

Наш разговор зашёл в тупик, однако я не хотел его заканчивать. Фчифчи могла что-нибудь знать об Оплоте Ведьм. Надо было разговорить чокнутую старуху, втереться в её доверие...

— Ты упомянула, что подарила Джейкобу коробочку, — сказал я, лишь бы не молчать.

— Ну да, подарила, это его шкатулка. Ценная, между прочим!

Я покосился на унылый скелет с футляром в кистях.

— Он, наверное, прыгал от радости, когда получил её, ведь она такая... Такая этакая! Наверняка Джейкоб тоже не остался в долгу и вручил тебе за неё нечто не менее значимое.

— Этот скряга-то? Он за минувшую тысячу лет даже цветка мне не сорвал! Сидит сутки напролёт да в стену пялится! Лентяй! Палец о палец не ударит, чтобы жене что-то приятное сделать! Ух, флегма!

Фчифчи обиженно хлопнула по закрученному черепу.

— Говорила мне мама — выходи замуж за Шоб-Коб-Дуба! Сам он парень видный, красивый, хоть и мерзавец редкостный! Подговаривает меня уйти от Джейкоба! Никак не примет, что у нас любовь! А последнюю выходку, какую провернул, знаешь? Знаешь?

— Нет, — заинтриговано ответил я.

— Все знают, а ты нет? — сощурилась старуха.

— Сплетни разные ходят, — нашёлся я.

— Сплетни сплетням рознь! Не верь белкиным байкам, я тебе скажу всё, как есть! Ничего не утаю! Шоб-Коб-Дуб вызвал Джейкоба на дуэль, да не просто так, а за мою руку и сердце! Вот оно как! Моё солнышко сразу задрожал, занервничал. Он у меня, посмотри, силёнкой-то не вышел. Куда ему тягаться с таким оболтусом?

Фчифчи погладила супруга по вогнутому позвоночнику.

— Звучит серьёзно, — промолвила Эмилия, пряча улыбку. — Ты, естественно, защитишь мужа?

— Зачем мне это? — нахмурилась Фчифчи. — Мальчики должны без девочек решать свои проблемы.

— Так поединок всё-таки состоится? — поднял бровь Грешем.

— Тебе-то что? Тоже собираешься потягаться с Джейкобом? Вас так мужиков так и тянет на замужних! Знаете, где ягодка повкуснее цветёт!

— Нет-нет, ты что!

Вампир отстранился от уродливой старухи.

— Я женат! Да! Женат!

— Как будто это когда-то кого-то останавливало!

Фчифчи погрозила Грешему грязным кулаком.

— Смотри мне, гнойный прыщ, я — девушка занятая! Так, кстати, я и сказала Шоб-Коб-Дубу при той нашей встрече!

— По всей вероятности твои слова его сильно ранили, — сочувственно покачала головой Эмилия.

— Ещё как! Нет ничего хуже, чем неразделённая любовь, милочка! Я не виновата, что Вселенная сделала меня такой красоткой!

Фчифчи потёрла своё довольно устрашающее лицо.

— Шоб-Коб-Дуб получил моё категорическое «нет», и теперь заливается бесконечным потоком слёз. Видели бы вы, какая он плакса! Никогда не думала, что мужчины могут так реветь!

— Так зачем ты ходишь к Шоб-Хоб — как его там? — насупился Дурнбад. — Ты же вроде бы любишь эту рухлядь!

— Потному карлику не понять, что женщину на такие унижительные встречи часто толкает необходимость! Приходится поступаться гордостью! Мой милуша Джейкоб должен пить, и я не могу отказать ему в этом!

Достав из комода засаленную кружку, Фчифчи окунула её в ведро. Пока чарка тянулась к черепу, её содержимое нещадно расплёскивалось. Наконец трясущаяся рука поравнялась с распахнутыми зубами, — оп, через челюсти вода устремилась прямо на пол. Под костяными ногами образовалась аккуратная лужица. Наступив на неё порванным носком, Фчифчи капризно посмотрела на нас.

— У себя-то, небось, разуваетесь на коврике, у входа, а тут не моё — не жалко! Давай топтаться, где хочу! Развели грязи! Позанесли сырости! Убирай теперь за вами неделю! Правильно говорят, что незваные гости хуже чумы! Особенно гномы! Ух, карлики вонючие!

Серэнити так и не отпустила локоть Дурнбада, и это оказалось очень кстати. Старейшина войны, по-видимому, собирался разразиться гневной триадой, но Великий

инквизитор снова его сдержала.

— Раз уж ты назвала нас гостями, то разреши воспользоваться твоим гостеприимством. Мы валимся от усталости и невероятно хотим спать. Можно нам переночевать у тебя? Только одну ночь!

Я наклонился к старухе.

— Обещаю, что сохраню твою тайну.

— Тайну? Какую тайну?

Фчифчи доверительно придвинулась.

— Самую важную, самую желанную!

— Какую, какую?!

— Таковую, что здесь, в этом доме, живёт прекраснейшая дева!

Я артистично вздохнул.

— Хотя нет, о чём я? Мы, наверное, пойдём! Так будет лучше для всех!

— Почему? Почему ты уходишь?

— Если ты позволишь нам остаться, то я не смогу сомкнуть глаз! Ах, твоя красота пленит меня, и я не буду знать, как мне быть!

Говоря заключительную фразу, я постарался вложить в голос всё имеющееся обаяние. Подействовало. Фчифчи зарделась краской. Она подбоченилась, выпрямилась, а потом вдруг начала выговаривать скелету:

— Ты слышал, Джейкоб? Этот мальчик заигрывает со мной! Он, не стесняясь, заявляет, что твоя жена хороша, как весенний дождик! Ну? Где комплименты от тебя? Дубина, я их достойна, как никто другой! Молчишь? Молчишь, как рыба? А ну, ответь! Ревнуешь меня к юнцу? Ха! Вижу, что ревнуешь! Аж бесишься! Назло тебе пусть ночуют у нас! Будет тебе наука! Что говоришь? Что — я? Ветреная? Следить надо за своим бубенчиком, чтобы его никто не уволок в тёмный уголок! Твоя удача, что я верная, с такой образиной как ты жить никому не пожелаешь! Тиран! Лиходей! Надо было уйти от тебя давным-давно. К кому? Да не поверишь, есть к кому! Вот хоть к тому же Шоб-Коб-Дубу! Люблю просто тебя, дурака!

Повернувшись ко мне, Фчифчи пошамкала губами.

— Так уж и быть. Спице у двери, а на утро чтоб вас и след простыл. Я хочу, чтобы этот негодник понял, что должен научиться доверять мне! А то он считает, что все хотят меня охмурить! Вот ведь болван! Кроме него мне никто не нужен, и я честно тебе скажу — твоя сахарная речь годна лишь для таких, как она.

Фчифчи ткнула в Серэнити.

— У неё пушок на щеках, и она поверит, а меня таким не проймёшь!

Я сильно засомневался в утверждении Фчифчи. По моему мнению, на свете ещё не родился тот, кому бы удалось сладким слогом захомутать Великого инквизитора Иль Градо. Между тем, я выдохнул:

— Спасибо, нашей благодарности нет границ!

Пока мы перетаскивали сумки в указанное место, Фчифчи не переставала сетовать на супруга. Когда поток обвинений и укоров достиг предела абсурда, я подумал, что, скорее всего Джейкоб умер от того, что старуха проела ему всю плешь. Фчифчи распекала его на все корки, однако говорить без умолку тяжело — ей волей-неволей пришлось сделать коротенькую передышку, которой я тут же воспользовался, чтобы осторожно коснуться интересующей меня темы.

— Хм, Фчифчи?

— Я занята, не видишь? Отдыхаю! Джейкоб из меня всё соки выпил!

— Вижу, но мне нужен твой совет.

— Блины пекутся легко, если в закваску кинуть два яйца.

— Я вообще не про то хотел спросить, — улыбнулся я.

— Зачем тогда блинами мне голову морочишь?

— Забудем про них. Я направляюсь в Оплот Ведьм, чтобы навестить троюродную тётушку по линии двоюродного дяди моего отца, так вот, подскажи, пожалуйста, какую мне лучше выбрать дорогу, чтобы туда попасть.

— Я сразу заметила, что ты не здешний, выговор у тебя тяготящийся, одежда воронья.

Старуха захихикала в кулачек.

— Иди от моего дома наискосок. Как упрёшься в здоровенный камень, поверни налево, к тропке. Держись её и никуда не сворачивай, пока не дойдёшь до Куркумных Болот. Двигайся там по кромке. Оплот Ведьм торчит между двумя топами, ты не пропустишь.

— Есть ли путь в обход главных ворот? Понимаешь, я собираюсь сделать тётушке сюрприз.

— Она не ожидает твоего визита?

— Точно!

Фчифчи помотала уродливой головой.

— Другого пути нету.

— Жаль.

— Я собираюсь заварить питательный отвар из еловых шишек. Будешь?

Старуха принялась подтаскивать поленья к обгорелой печи.

— Нет, я такое не пью, — ответил я, помогая засунуть в жёлоб сырые деревяшки.

— Гурман какой! Не пьёт он!

— А что, если двинуть через топи, огибающие Оплот Ведьм?

— Напрямик?

— Да.

— Балда! Ты утонешь, разбухнешь и всплывёшь! Куркумные Болота такие! Даже мой Джейкоб, на что уж дубина стоеросовая, и то, не приближался к ним. Наступишь в жижу, и вроде — твёрдая почва, а шагнёшь вперёд, так сразу с головой уйдёшь. Захлебнёшься, и магия ворожей обратит тебя в призрака. Такую бесплотную, вечно злую и несчастную тварь. Надо оно тебе?

— Не очень.

— То-то же.

Фчифчи щёлкнула пальцами. Из её напёрстка выскользнула капелька синего огня. Я сразу догадался, что она необычная старуха. Несмотря на то, что древесина отсырела, после соприкосновения с волшебством она как ни в чём ни бывало зарделась весёлым пламенем. Комната наполнилась теплом и светом. Вдруг я ощутил груз утомительного дня. Веки стали смыкаться. Я прижался к Снурфу и мгновенно уснул.

Мне снилось, что я показываю Птикалю как правильно дробить дверью орехи. Раз орех, два орех, скорлупу — в ту мисочку, ядра — в эту ... Меня потрясли. Беззаботные грёзы исчезли вместе с Птикалем. Надо мной стояла Эмилия. Она сунула мне под нос кружку с чаем и многозначительно посмотрела на Фчифчи. Перед старухой стоял гагатовый самовар. Ловко работая сухопарыми руками, она разливала кипяток по чашкам. Я ни с чем не спутаю аромат земляники и жасмина. Помимо чая нам был предложен непонятно откуда взявшийся

капустный пирог. Он немного засох, но шёл на «ура». Фчифчи сказала, что его пару дней назад испёк Джейкоб, а так как она не любит, когда еда несвежая, то по доброте душевной решила скормить нам то, что заведомо собиралась выкинуть. Все съели по куску пирога с большим аппетитом. Оказывается Джейкоб — неплохой кулинар. Ухмыльнувшись, я угостил Снурфа частью своей порции. Мурчику тоже досталось от Эмилии. Мы никогда не забываем о наших любимцах и делим с ними не только горести, но и вкусы.

Сердечно поблагодарив Фчифчи за приют, мы вышли из её домика. Следуя инструкциям старухи, я быстро нашёл тропку, что вела к Куркумным Болотам. Поросшая пучками неувядающей травы, она петляла по ухабам тёмного леса. То тут, то там громоздились замшелые каменюки. Из-под них выглядывали грибные шляпки. Эмилия, естественно, сорвала парочку рыжих грибов. Довольная, она, не сбавляя шага, тёрла их подолом пальто — видимо очищала от грязи. Колдунья что-то оживлённо бурчала себе под нос. Я прислушался.

— ... толстенький! Как раскрыть тебя? Конечно, высушить и растолочь! Использование? Использованию рознь! Что крутится на языке? Припомним: если взять одну долю золотоцвета и добавить две вымоченные шляпки горбатого рыжика, то что мы получим? А? Микстуру Аламастара? Забыла! Для неё нужна щучья молоко. Причём щука должна быть выловлена не позднее третьего дня третьего месяца. Только с её молоком Микстура Аламастара приобретет весь спектр положительных свойств. Про негатив запомнила! Негативные аспекты убираются отдельно. Рвота, жар, сыпь, непроизвольное мочеиспускание, всё это расплата за то самое, но выпаривание...

Пристрастие к алхимии у Эмилии велико. Она знает сотни рецептов и тысячи ингредиентов. Ради неизведанного цветка или необычного корня, колдунья пойдёт на всё. Иногда, чтобы добыть что-то редкое, она забирается в такие труднодоступные места, что мне не верится, что человеческое тело способно принимать столь экзотичные позы. Вот и сейчас, когда наши ноги зачавкали по мокрой глиняной земле, Эмилия направилась к вонючей жиже, среди которой плавала огромная кувшинка диковинного цвета. Мы достигли Куркумных Болот даже раньше, чем я думал.

Отлично! Какой путь выбрать? Левобережный? Там вроде бы почва потвёрже... В это время моя поглощённая мыслями подруга целенаправленно хлопала к размашистым листьям. Её ватные панталончики приобрели мокрые разводы. Руки тянулись к заветному соцветию, пальцы близко и... вдруг Эмилия вскрикнула! Её голова окунулась в зелёную воду! Кто отреагировал первым? Конечно, Серэнити. В три прыжка она оказалась там, где пропала колдунья. Нагнувшись, великий инквизитор нащупала утопающую Эмилию. Крупные пузыри затеребили коварную топь. Наконец болото надрывно хлопнуло и из него показалось перепуганное лицо моей подруги. С тinou на волосах и ушах, вздыхая и охая, Эмилия при помощи Серэнити и опередившего меня Грешема выбралась на более-менее крутой холмик. Пока моя подруга приходила в себя и отплёвывалась попавшими в рот улитками, Дурнбад как-то странно жестикулировал. Гном корчил гримасы и притопывал сапогами. С ним творилось что-то неладное. Когда я подошёл поближе мои самые плохие ожидания оправдались. В старейшину войны вселился призрак. Подняв голову, я увидел, как над нами плещется туман из бледных фигур. Пламень наших жизней привлёк мертвецов Куркумных Болот. Они беззвучно кричали, выискивая незащищённые бреши разума. Туманная хмарь опускалась всё ниже и ниже. Что я, мастер-некромант, могу сделать в этой ситуации? Подчинить нежить своей воле, а потом отдать ей приказ улететь как можно

дальше? А когда мои силы иссякнут? Они вернуться вновь? Или как в Лунных Вратах уберутся восвояси? Ах! Хватит думать, пора действовать! Призрачную пелену разорвала белоснежная вспышка! Что?! Это не я! Я даже сконцентрироваться не успел! Я оглянулся. Из Серэнити выходил поток пульсирующей энергии. Она превратилась в подобие звезды, которая безжалостно разгоняла ночь. Призраки и фантомы бежали от её мощи, как от огня! Вот она — истинная сила Света! Небо очистилось. Серэнити потухла, после чего измождённо рухнула на колени. Однако я кинулся не к ней, а к Дурнбаду. Из рта гнома текла пена. Его глаза обернулись незрячими бельмами. Каменные мышцы исходили в конвульсиях. Сняв с гнома шлем, я положил руку на его голову. Чтобы освободить старейшину войны из-под влияния духа, я намеревался применить тёмное искусство.

— Подержи его! — крикнул я Грешему. — Только крепко! Он будет вырываться!

Сцепив на груди у гнома руки замком, вампир широко расставил ноги. Он хмурился. Мой ученик знал, какой силищей обладает Дурнбад.

— Он не должен мне помешать!

— Да понял я! Начинайте!

Я закрыл глаза. Отсчёт настраивает на необходимый лад, вот так, от одного до десяти. Абстрагировавшись от окружающего мира, я магией создал ментальный щуп, которым потянулся к сущности, что вцепилась в сознание моего друга. Напряжение. Барьер. Я — внутри Дурнбада. Я проник очень тихо, но потусторонний паразит всё равно почувал меня. Где-то там он растёкся, облачился в тень, а затем просочился куда-то вглубь. Мне пришлось разделить щуп на щупальца. Я принялся обыскивать каждую пядь мозга. Отмечу, что это занятие крайне кропотливое. Приходится сталкиваться с кучей обрывочных воспоминаний, знаний и желаний. Они, как снежинки на стекле, мешают смотреть и отвлекают своим узором. Сам процесс похож на открывание и закрывание дверей в бесконечном коридоре. Вот Дурнбад такой маленький, что даже усов нет. Вот он побольше, учится, как правильно держать кирку. Вот принимает венец старейшины войны. Что-то шевельнулось и заскользило вбок. Я устремился следом. Дурнбад пьёт вино на празднике. Нет, не сюда. Это галерея с эмоциями. Окрашено в разнообразные оттенки красного. Другого я и не ожидал, гном обладает взрывным характером. Проскользнув мимо меня, тень юркнула в щёлку. Зараза, упустил! Отдалённо я чувствовал, как по моему лбу катится пот. Тяжело. Сложно. Хрупко. Такое колдовство отнимает много энергии. Стержень ментального щупа дрогнул. Напряжение возросло. Нельзя терять над собой контроль, надо расслабиться. Я позволил себе отпустить нить поисков и поплыть по течению мелькавших мыслей. Река образов поглотила меня, она успокоила и дала возможность сконцентрироваться вновь. Вот и они, слабые отпечатки. Как кошка на охоте, я медленно крался по их дымчатому оттиску. Двери за паутиной в конце коридора. Это чёрный участок. Дурнбад запретил себе здесь появляться. Жадность — алый, вождение — ярко-коричневый, алчность — пурпурный, похоть — розовый, высокомерие — фиолетовый. Эти и другие оголённые пороки настойчиво манили меня к себе... Я встряхнулся.

Несомненно, в этой растлевающей каше дух чувствует себя, как дома. Я смело вошёл в центральные ворота. Он был там. Купаясь в саже, дух примерял на себя личины насилия и пьянства. Заметив меня, он тут же обернулся тенью. Поздно, приятель! Ментальные щупальца сомкнулись в шар. Дымчатые руки бессильно забились по прутьям чародейской клетки. Я потянул шар на себя. В его мерцающих глазах стояла невыносимая тоска и боль, смешанная с ненавистью. Я коснулся буйка своего восприятия. Назад! Водоворот, и я опять

вернулся в себя. На моей ладони плясала сфера, а в ней трепыхался стонущий призрак. Я мог раздавить его, оборвать жалкую жизнь, но мне захотелось поступить иначе. Я вынул из сумки кинжал гномов. Откуда в такие моменты берётся эта мрачная ухмылка? Ха! Кончик моего пальца прошёлся по идеально сбалансированному лезвию. С подушечки сорвалась капелька крови. Она упала на сферу с запертым внутри призраком. Сжав магическую ловушку в кулак, я поболтал её, а затем втёр в клинок. Он зашипел и раскалился. Сжав костяную рукоятку, я прочитал про себя заклинание:

— Навеки вечные ты мой,
Навеки ты уйдёшь со мной,
Навеки ты в моих руках,
Навеки воля твоя — прах.

Злоба утихла. Наступило смирение и осознание конца. Кинжал для духа стал нерушимой тюрьмой. Больше ему никогда не выбраться из застенков острой стали.

Дурнбад постепенно отходил от того, что с ним произошло. Глупо поглаживая бороду тремя пальцами, он вил из неё небольшие кудряшки. Грешем устало упёрся руками в коленки. Он только что отпустил гнома. Старейшина войны не давал ему спуска весь ритуал.

— Кузница меня побери! Что за червь сейчас побывал в моей голове?! Во мне как будто дырок наделали! По ним лазали! Трогали меня! Ощупывали!

Дурнбад был похож на сову, проснувшуюся посреди яркого дня.

— И ты там тоже участвовал, — продолжал гном, — вертел каким-то прозрачным лассо!

— Прости, пришлось немножко покопаться в твоих мозгах, — улыбнулся я. — Тобой овладел призрак, но теперь всё хорошо, я вынул его.

— Горы и недра! Одержимость! У меня! Арг-х!

Старейшина войны сердито хрюкнул.

— Но ты! Но ты не сдрейфил, да? Выловил гада своей магией-шмагией?

— Подсёк, словно рыбку. Вертлявую рыбку.

— Значит ты опять спас брата по крови!

— Не благодари, я уже сбился со счета, сколько раз твой молот дробил черепа моих врагов.

— Верно! — расхохотался гном, стискивая мне пятерню. — Расскажи, куда там тебя занесла нелёгкая? В юности я наворотил делов! Ты видел? Отец звал меня забиякой!

— Забияка или пай-мальчик? — засмеялся я в ответ. — Кто так мило собирал из камушков замок? Кто играл с тележками и носил фартучек с троллем? А кто хотел стать хлебопёком?

— Довольно! — шутливо взревел Дурнбад. — За то, что ты знаешь, мне придётся тебя убить!

— Не марай руки, Лес Скорби так и норовит разделаться с нами, — сказала подошедшая Серэнити.

— Оплот Ведьм уже близко, — ободрила Эмилия.

— Кстати, про него, — обронила Великий инквизитор. — Я прозреваю цепи напавших на нас призраков. Чернокнижие, что держит их, исходит из-за болот.

— Думаешь, за атакой стоят ворожеи? — спросила колдунья, всматриваясь в лесной сумрак.

— Возможно, — кивнула Серэнити. — Даже если они не посылали призраков лично, то

это ничего не меняет. Теперь в Оплоте Введьм знают, что подле их цитадели есть опасные враги.

— Но мы не враги! — воскликнул Грешем.

— Духам это объяснять бесполезно, — горько усмехнулся я.

— Они вернутся, как только напитаются силой Тьмы, — промолвила Великий инквизитор. — И произойдёт это очень скоро.

— То есть, прятаться не имеет смысла? — озабоченно спросила Эмилия.

— Боюсь, что так, — вздохнула Серэнити. — Надо быть готовыми к нападению.

— Раз пробраться в Оплот Введьм незамеченными у нас не получится, то остаётся только одно, — проговорил Грешем, поднимая коготь вверх.

— Что? — гаркнул Дурнбад. — Разнести всё в щепки?

— Нет!

Грешем осуждающе посмотрел на гнома.

— Встретится с ворожеями открыто. Лицом к лицу.

— Чтобы добровольно отдаться их мозгоедам! Чушь!

— Подожди, — попросил вампир у гнома, и я стал понимать, куда он клонит. — Всё произошло, когда Эмилия вошла в топь, так? Чары Куркумных Болот могли сработать случайно! Как некий защитный и вместе с тем предупреждающий механизм! Если моя догадка верна, то ворожеи будут держать призраков на коротком поводке.

— Зачем это им?

— Из любопытства, — развёл руками мой ученик. — Такая разно-шёрстная семёрка нечасто путешествует вместе. Ворожеям наверняка захочется узнать, для чего мы заявили в их логово.

— Помяни мои слова — события будут развиваться совсем не так, как ты нам их разрисовал, — пробасил Дурнбад.

— С боем или без него, но мы достигнем Оплота Введьм. Наверняка там нас будут ждать. На своей земле ворожеям нечего бояться измученных странников. И тут Грешем прав, с нами захотят поговорить. Я постараюсь состряпать какую-нибудь жалостливую историю, объясняющую, зачем нам понадобилось попасть в Чертоги Отражения. Я где-то читал, что ворожеи высоко ценят самоотверженность и самопожертвование. Постоим на этом.

— Но что нам делать, если твоя сказочка не подействует? Что если нас попытаются схватить? — осведомилась колдунья.

— Тогда мы заставим ворожей горько пожалеть об этом! — рыкнул Дурнбад.

— Звучит кровожадно, — поморщилось Эмилия.

— Жизнь — это борьба, и побеждает в ней сильнейший.

Гном надел шлем.

— Нам нужно зеркало, и мы его получим. Подобрю или поздорову — разберёмся на месте.

— Мне бы твою уверенность, — улыбнулся я.

— Отважная мышь кошку за хвост таскает!

— Этот поговорку стоит запомнить!

— По этой поговорке надо жить, брат по крови! Вперёд к опасностям, и пусть враги содрогнутся от нашей поступи!

Обходить Куркумные Болота оказалось очень муторно. Дабы не сбиться с пути, мы шли по самому краю каверзного берега. Скучное освещение и обманчивые кочки то и дело

уводили наши ноги в вязкую глину. Очередной раз, вытягивая ступню из месива, я едва не оторвал подошву сапога. На Лес Скорби опускалась кромешная ночь. Прижавшись спиной к гигантскому дубу, мы с учащённым сердцебиением стали дожидаться рассвета. Глаз из нас никто не смыкал. Неподальёку витали призраки, а на болоте помигивали таинственные фонарики. Сжимая амулет Ураха, Серэнити зорко следила за сверхъестественным маревом. Однако я чувствовал, что между нами и мёртвыми есть какой-то сдерживающий барьер. Его тонкие линии практически не осязались, но для призраков он был непреодолим. Неужели ворожеи взяли нас под защиту? Или это капкан? Я провёл рукой там, где по моим соображениям заканчивались энергетические струны. Свободно. Я могу выбраться. Всё равно подозрительно. С мечом на коленях я просидел до самого утра.

Разбуженный робким лучиком солнца, Снурф вылез из-под моих коленей. Я напоил его, а затем сам приложился к фляге. Воды осталось совсем чуть-чуть. Если мы срочно не пополним её запасы, то сухость во рту станет нашим постоянным спутником... или причиной смерти.

Через полдня тяжёлого перехода наша компания вышла к небольшой прогалине, уводящей к центру Куркумных Болот. Вскоре прогалина превратилась в полноценную каменную дорогу. Слева и справа от неё, под напором пузырей, пучилась топь. Видя, как Грешем шарается от каждого хлопка, я разъяснил ему, что это не козни ворожей, а природное явление. В любых стоячих водоёмах из-за гниения ила и остатков растительности образуется газ, который в силу своей плотности стремится вырваться наружу. Моё объяснение хоть и уняло тревогу вампира, но не сняло её полностью. Заложив за щеку камышовый прутик, мой ученик беспрестанно обегал глазами зелёную тину.

Вдали замаячили фортификации. Тёмные и неприветливые, они внушали нам — тут вам не рады. Дорога вильнула, и мы ступили на плиты. Они оказались волшебными. Почти сразу нас окутала густая молочная пелена. Сзади она смыкалась стеной, а впереди обзор ограничивался пятью-шестью футами. Плечом к плечу мы шли так час, а может и все три, время в этой мгле подчинялось иным законам. Просвет! Покинув колдовскую завесу, я остановился у внушительных ворот. Надо мной во всём своём величии нависал Оплот Ведьм. Одинокая фигура в синем плаще медленно выползла к нам на встречу. Спустя минуту она выпрямилась. Два разных глаза, голубой и красный, ярко сверкали на исхудавшем лице. Я заметил на ворожее явные признаки обезвоживания. Судя по всему, жить ей оставалось недолго.

— Чужаки из солнечного мира, духи нашептали нам о вас. Поднимайтесь, оракул уже зажгла свечи.

— У...

— Не мне. Ей. Свечи горят.

Ворожея опустила на карачки, после чего по-рачьи перебралась в сторону. Проход в Оплот Ведьм испускал загадочный дым. Пожав плечами, я перешагнул широкий порог — за ним начиналась лестница. Мелкие ступеньки, базальтовые балюстрады, на возвышенностях плывущие в тумане плато с ротондами... Сами собой ноги несли меня вверх и вверх. За стволами выпирающих башенок мелькали мистические огоньки. Это глаза живой полутьмы или шарики света? Чьи это очертания? Видения? Тени? Магия этого места велика. Она проникает сквозь плоть, шуршит древними заклинаниями, впитывается и отдаёт Вселенские экстракты. От этих ощущений становилось не по себе. Не идём ли мы напрямиком на заклятие? Вторые ворота растаяли в воздухе. Пряча лица в балахоны, рядом проскользнули

две ворожеи. Их туники исчезли в иззубренной нише. Ступеньки сузились. Вершина представляла собою двор с колоннами, упирающимися в треугольную крышу. В её глубине, перед золотыми створами, расположились мраморные троны, а на них худые, как смерть ворожеи. Подул ветер, и троны пропали — стража пропустила нас дальше. Там, где сверкало золото, теперь зияла дыра. Проём дышал приторным ароматом разложения. Эмилия зажала нос и вопросительно посмотрела на меня. Покачав головой, я зашёл вовнутрь. Пещеру, переделанную под зал, пронизывали мириады светящихся крупиц, так выглядит ночное небо в безоблачную ночь. У геометрических фигур, созданных из эфира, ожидала ворожея. Не вставая на ноги, она жестами повлекла нас за собой. Коридор, а за ним арки, арки, арки. Стараясь не наступить на проводника, я с интересом оглядывался. Убранство комнат состояло из несметного количества цветов, грибов, папоротников и карликовых деревьев. Оплот Ведьм хранил в себе невообразимый сад! Он цвёл тысячами нежных бутонов, но всё-таки не мог заглушить запаха вездесущего тлена. Я прошёл мимо застывшей ворожеи. Синие губы, почерневшие ногти, сбитые в кучу волосы, брызги на недвижимом челе. Она умерла у крохотного фонтанчика. Почему её никто не заберёт? Часто ли здесь такое происходит? Как в Оплоте Ведьм поступают с усопшими? Их хоронят? Сжигают? Бросают? Пока я размышлял, анфилада переросла в туннель, который завершился тупиком с парящими табличками. Ворожея перевернулась на спину. По мановению когтя к ней слетелись пять табличек. Морщинистая ладонь приложилась к чистой поверхности — проступили руны. Таблички слиплись, а затем прислонились к тупику — стена померкла, за ней проявился зигзагообразный ход. Его извивающуюся дорожку покрывали лепестки белокрыльника.

— Свечи горят. Идите, — промолвила ворожея.

И мы пошли. Из пространства появились прямоугольники, которые преобразились в глухой камень. Назад пути не было. Мне показалось, что я услышал плач. Дурнбад насупился и многозначительно положил перчатку на рукоять молота. Я разделял его тревогу. По мере того, как мы продвигались вдоль заросшего мхом коридора, нам все лучше становился виден маленький огонёк. Он разрастался и, в конце концов, превратился в огромную свечу, висящую над потолком амфитеатра. По его высоким бортам, которые я оценил в три человеческих роста, были расставлены десятки скрюченных фитилей. Все они полыхали разноцветным пламенем.

— В пертурбациях фата-морганы я узрела, как вы боролись с призраками, — донёсся с вершины бесстрастный голос.

Я сощурился — говорила ворожея с венцом на голове. Она была старой, кожа свисала с неё за края мягкого ложа.

— Вы победили, и призраки бежали от вас, бежали, чтобы непременно вернуться и взять своё. Я не позволила им сделать это. Я смирила чары Куркумных Болот, потому что увидела большую надежду в ваших сердцах. Предопределённости миг свершён. Испытания преодолены. Вы — тут, и я жду осмысленности. Что привело вас в нашу Обитель?

Ворожея сделала секундную паузу.

— Прежде всех слов должно вам знать, что я — оракул, и имя моё — Петраковель. Отвечайте мне честно, и я отблагодарю вас тем же.

— Меня зовут Калёб Шаттибраль, и для всех нас, — я обвёл друзей рукой, — огромная честь познакомиться с оракулом ворожей.

Отвесив лёгкий поклон, я, задрвав голову, продолжил:

— Дорога сюда была непроста, о могущественная Петраковель. Невзгоды, вот уже как

сотню лун, горячо дышат мне в затылок. Но они ничто по сравнению с тем, что я оставил позади. Я — преуспевающий маг, семью которого жестокий демон Кварцарапцин уволок в морозную бездну. Кварцарапцин поставил мне условие — он отдаст мне жену и детей, если я раздобуду для него секрет изготовления волшебного зеркала. В Минтасе, откуда я родом, хорошо известны сказания о ворожеях и их Чертогах Отражения. Поставив на карту всё, я покинул Ледяные Топи и отправился в Оплот Ведьм. Лишь благодаря поддержке верных друзей я смог осуществить задуманное — оказаться перед тобой, оракул. Теперь я прошу, нет, я умоляю тебя — открой для меня Чертоги Отражения. От твоего решения зависят жизни самых близких мне людей, и я готов на всё, чтобы их спасти!

Петраковель шумно втянула носом воздух.

— Соглашусь, что броситься в омут тягостных испытаний ради близких, которые стали заложниками демона, — возвышенно и благородно. Жаль только, это не про тебя!

Ворожея хлопнула в ладоши, и огромная свеча раздалась белой вспышкой. Меня ослепило. Спустя мгновение свет утих. Оторвав руки от лица, я обнаружил, что друзья исчезли!

— Эмилия! Грешем! Серэнити! Где вы?! — закричал я, вытаскивая Альдбриг.

— Одним глазом ворожея видит реальность, которая есть здесь и сейчас, а другим осязает энергетические каналы, что проходят через всё сущее. Твоя аура воспалена, в ней нет гармонии. За личиной правды рдеет обман. Ты посмел солгать мне, и за то те, кто по-настоящему тебе дорог, отныне будут сидеть в темнице. Так я приближу твой рассказ к истине. Было бы справедливее, конечно, наказать тебя, но, к сожалению, я вынуждена даровать тебе свободу...

— Свободу?! — выпалил я, пытаюсь сообразить, как вытащить друзей из лап ворожей.

Петраковель смерила меня всезнающим взглядом.

— Даже не думай об этом. Никакой Кварцарапцин не освободит их против моей воли. Однако... Оплот Ведьм нуждается в тебе, человек, не меньше, чем ты в нём. У тебя есть возможность расплатиться за хитрость и обрести то, что тебе необходимо. Я отпущу твоих друзей и разрешу посмотреть на зеркала... в обмен на услугу.

— Какую? — быстро спросил я.

Петраковель соединила кончики пальцев — сияние центральной свечи сошло до минимума. Амфитеатр погрузился в сумерки. Оракул подползла к краю перил. Её глаза, белый и оранжевый, тлели углями природной мощи.

— В Лес Скорби заявили сама Смерть. Она давно не была тут лично, но сейчас жатва оказалась достойна её появления. Коса и Череп постучались в каждую нору, в каждую берлогу и дупло — Оплот Ведьм не стал исключением. Древний Источник, что вливается во все реки и родники был отравлен. Именно он вызвал Смерть. К сему моменту чернолесье лишилось более половины своих обитателей, и, если ничего не предпринять, оно скоро потеряет их всех. Не выдерживая мук, ворожеи бросаются к ручейкам, где с утолением жажды приходит и конец. Наша Обитель пустеет.

Петраковель провела пересохшим языком по губам.

— Я хочу, чтобы ты прогнал Смерть и пробудил Жизнь.

— Смерть? — сглотнул я. — Она же не сама... В Лесу Скорби?

— Сама. Её обличие — яд.

— Где мне искать Древний Источник? И почему ворожеи самостоятельно не могут очистить его от заразы? — осведомился я, понимая, что Петраковель говорит метафорами.

— Тебе ничего не придётся искать самому. Ты оседлаешь Юнивайна — призрачного коня Обителя и понесёшься в земли Деревянного Гиганта. Там — Древний Источник, там — воды разбегаются во все уголки Леса Скорби, там — корень всех несчастий. Давным-давно ворожеи вели войну с Деревянным Гигантом. Она завершилась миром и клятвой — не переступать границ друг друга. Чтобы договор обрёл вечность, было сотворено Великое Волшебство — непреодолимый барьер встал между нашими владениями. Единственные, кому позволено пересекать его — это люди.

Волнение переполняло меня.

— Почему я должен верить тебе? Где гарантии, что после выполнения твоего задания я увижу друзей живыми и невредимыми?

— У тебя нет иного выхода, кроме как поверить мне.

Петраковель воздела руку.

— Ступай же, Калёб Шагтибраль, вызволи Лес Скорби из злключения, загладь вину и получи заслуженную награду.

Ворожея запела, и мои ноги оторвались от пола. Я полетел вверх. Заклинание «Левитации» несло меня в зубчатый свод. Ух! Я разобьюсь! Удара не последовало. Чернота. Я как будто вжался в перину. Что-то мягкое и пушистое обволокло меня со всех сторон. Круговерть серого. Холод задул под капюшон плаща. Калейдоскоп красок. Пальцы нащупали сырость — это мокрые пожухлые листья. Я лежал у ворот Оплота Ведьм. Надо мной склонился конь, совершенно невообразимый и немыслимый. Он заржал и ткнул в меня синей прозрачной мордой. Синева прошла через мой лоб. Брр! Мороз-то какой от тебя, приятель! Поднявшись, я попытался погладить Юнивайна, но тщетно — ладони проходили насквозь через клубящийся стан. Руки словно в прорубь окунули. Единственное, что было, по-видимому, осязаемо, так это седло. Смастерённое из коричневой кожи, оно плотно прилегало к спине коня. Деваться некуда, друзья в беде, и, как указала мне Петраковель, — в неё их привёл я! Но кто мог предположить, что так всё обернётся?! Я вытащу вас! Вытащу!

Решительно вставив ногу в стремя, я сел сверху. Призрачный конь потоптался, а затем сорвался вперёд. Бесплотные копыта практически не касались земли. Ветер рвал уши воем. Деревья, болото и тьма превратились в размытое зелёно-чёрное пятно. Мы неслись, подобно арбалетной стреле, однако я совершенно не боялся упасть. Я почему-то знал, что Юнивайн меня не сбросит.

Болтающийся меч бил по ляжке. Понадобиться ли он мне там, куда я скачу? Кто такой этот Деревянный Гигант? Придётся ли мне с ним драться, чтобы подойти к Древнему Источнику? А яд? Каков он, и как его нейтрализовать? Эх, жаль, что Эмилиии нету рядом! Без неё разгадать формулу противоядия будет... сложно. Как ты там, моя дорогая? Где тебя держат? В каких подземельях ты томишься? Страх за тебя разрывает мою душу... Грешем? Серэнити? Дурнбад? Снурфи? Мурчик? Клянусь, что если хоть один волос упадёт с ваших голов, то я такое устрою Оплоту Ведьм, что камня на камне не останется!

Мрачные думы терзали меня, покуда призрачный конь не стал сбавлять темп. С галопа он перешёл на лёгкую трусцу. Пейзаж обзавёлся очертаниями. Справа журчала Лимфимида — узкий приток Мухоморки, имеющий в русле характерные базальтовые гребни, а слева громоздились клёны и вязы. В Лесу Скорби все деревья как на подбор исполины, но те, что растут на периферии чащи, не идут ни в какое сравнение с теми гигантами, что обосновались здесь. Огромные стволы и длиннющие ветки делают их похожими на доисторических страшилищ. Я поёжился — в Лунных Вратах и Терракотовых Бурьянах таких

не встретишь. Мимо промчался исхудавший олень.

— Не пей из Лимфимиды! — зачем-то крикнул я ему вслед.

Через некоторое время Юнивайн остановился. Помотав головой, он присел — приехали, значит. Я слез с его дымящегося крупа. Чуть поодаль от мшистых валунов колыхалась нечто напоминающее серебристую вуаль. Она брала своё начало у запорошённого снегом вереска и поднималась до непроглядного неба. Вот он, волшебный барьер. Я направился к его бликам. Не доходя до серебра трёх шагов, я осторожно протянул палец. От моего прикосновения ничего не произошло. Тогда я глубоко вдохнул и... пересёк черту.

На Лес Скорби матовым колпаком оседала ночь. Присоединив к витающему шарiku света ещё два, я двинулся по разросшемуся бурьяну. Вокруг царила абсолютная тишина. Я брёл и брёл и постепенно до моего обострившегося слуха стали доходить странные звуки. Наверное, мне туда. Предварительно вызвав заклинание «Огня», я, раздвинув кусты, вышел на изумрудную поляну. От увиденного я разинул рот.

Над опрятным озерцом застыл Деревянный Гигант. Вырезанный словно из невиданного полена, он был отдалённо похож на человека. Незавершённые линии и грубые формы навели меня на мысль о том, что его ваял какой-то сумасшедший краснодеревщик, который после потери вдохновения забросил свою работу в долгий ящик. Если руки деревянного гиганта были сформированы полностью, то ноги обозначались лишь двумя раздвоенными корневищами. Между тем из лунообразных глаз непрерывным ручьём текли слёзы. Рыдания деревянного гиганта были такими душераздирающими, что вопреки всему я сразу проникся его горем. Я замер. Мне хотелось приблизиться к страдальцу, но я не решался. Пока жалость владела моими чувствами, память отчаянно скреблась. Сбросив нахлынувшую сентиментальность, я обратился в себя. Ну конечно! Древний Источник! Я хлопнул по колену. Это же Шоб-Коб-Дуб, которого отвергла Фчифчи! Это из-за неё он плачет! Я нахмурился и тут меня осенило. Слезы ядовиты! Они капают в озеро, смешиваются с его водами, а затем по подземным артериям разносятся по всему Лесу Скорби! Что же предпринять? Как заставить деревянного гиганта унять свои нюни?!

Я тихонечко подошёл к Шоб-Коб-Дубу. Когда я уже было подумал, что он меня не замечает, раздался глубокий, полный тоски голос:

— Она, как звёздочка на ночном небе, как солнышко посреди ясного дня! Её красота невероятна! Листья и почки, яблони, цветочки — ничто по сравнению с её кожей! Ах, как она прекрасна! Моя Фчифчи! Мой расточек, мой клубень, мой побег! А как она смеётся? Птицы не защебечут, как она! Её волосы подобны молодым травам на лугу, а губы — медовым сотам!

Вдруг в интонации проявились злобный оттенок.

— Но она предпочла выбрать не меня, а этого оборванца Джейкоба! Этого трухлявого пня! Этого сморщенного мухомора! Ну чем я хуже?! Почему — он?! Почему не я?! Он её совсем не ценит! Внимания не обращает! А она хорохорится, говорит — «всё совсем не так», но я-то знаю, как! Фчифчи его терпит! Вот скажи мне, букашка-замарашка, почему любовь так жестока, и мы не можем быть с теми, с кем хотим?

Так как в округе больше никого не было, я понял, что обращаются ко мне.

— Это очень философский вопрос. Многие прославленные мудрецы ломали над ним головы, но ответа так и не нашли, — отозвался я, присаживаясь на крупную корягу. — Кстати, я — Каллеб!

Не прекращая обливаться слезами, Шоб-Коб-Дуб высморкался в листву, что росла у него на ладони.

— А я знаю ответ, знаю! Девушкам нравятся негодяи, а хорошие парни всегда остаются в стороне! Девыцы хотят острых ощущений! Им подавай скандалов! Ссор! До поры до времени спокойная жизнь вертихвосткам не интересна! Но стоит только пестикам-тычинкам отцвести да пылу поутихнуть, и их начинает тянуть к тем, кого они раньше не замечали, к тем, кого не воспринимали всерьёз! Да поздно! Потому что в молодости поторопились молодухи! Поспешили квакушки! Одели кольца, нарядились в фату! Теперь супружеский долг — никуда не денешься! Обязательства! Надуманная любовь!

— Догадываюсь, что пример почерпнут из личного опыта...

— Так произошло с моей Фчифчи! Джейкоб — хитрая стервятница, наобещал с три короба, затащил под венец росинку-колосинку, первую блёсточку леса, а как свадьбу отыграли, так и показал своё истинное лицо! Молчун, домосед, короед и бездарь, каких свет не видывал, хоть бы раз вывел свою жену на прогулку! Так нет! Сидит на кресле да пыль собирает. Я уверен, Фчифчи бросила бы его, да не может! Воспитание не позволяет! Честь! Ух-ух-ух, как она расскажет мне, что он вытворяет, так я аж со злости зеленею! Я даже к этому оболтусу заскорузлomu весточку отправлял! Призывал быть мужчиной! Выйти со мной на честный бой! Но он испугался! Этот клоп даже носа не высунул из своей хибары! Боится, что я все ему выскажу!

— А ты не допускал мысли, что Фчифчи правда любит Джейкоба и жалуется тебе на него только потому, что ты хороший друг?

— Любит этого худого мотылька?! Эти дряхлые жабы перепонки?! Эти...

— Горгульи ошмётки, — подсказал я. — Если Фчифчи скажет тебе прямым текстом, что у вас с ней ничего не выйдет, то ты смиришься?

Шоб-Коб-Дуб почесал разбухшую от постоянной влаги кору. Внезапно мутные потоки хлынули из глаз с удвоенной силой.

— Нет, я не отойду от неё! Не покину своего одуванчика! Как она не понимает, что только я один по-настоящему её люблю!

— Но тебе же дорого счастье Фчифчи, верно? Подумай, может всё-таки лучше отпустить её из своего сердца? Зачем лить слёзы напрасно?

— Напрасно?! Отпустить?!

— Нельзя стать милым насильно.

— Нет! Нет! Нет! Тебе не испить боли влюблённого! Уходи, мушка-попрыгушка! Оставь меня! Оставь! Я несчастен! Несчастьеен!

Я медленно встал и направился к призрачному коню. Ситуация была, мягко говоря, нестандартная. Есть Фчифчи. Она любит скелета, которого зовут Джейкоб. И есть дерево-мутант Шоб-Коб-Дуб. Он без ума от Фчифчи, которая периодически приходит к нему за водой. Видимо, недавно страсть деревянного гиганта достигла максимума, и он решил сыграть ва-банк, но старуха дала ему отворот-поворот, что повлекло за собой жуткие последствия. Их, возможно, и не было бы, если бы Джейкоб и Шоб-Коб-Дуб могли бы ходить. Но, увы, один, вероятно, никогда не умел этого делать, а второй уже многие века как мёртв. Из этого вытекает, что встретиться и обсудить проблему у них никак не получится. Значит, что? Нужно уговорить Фчифчи прийти к Древнему Источнику и ненадолго претвориться, что Шоб-Коб-Дуб ей не безразличен. Но как упросить спятившую старуху поучаствовать в маленьком спектакле? Идей пока у меня нет.

— Знаешь ли ты, где живёт Фчифчи? — спросил я у Юнивайна, засовывая ноги в стремена.

Клубы пара, из которых состояла лошадиная голова, утвердительно заплясали.

— Тогда отвези меня к ней, — шепнул я.

Лес Скорби огласило звонкое ржание. Мы понеслись вдоль течения Лимфимиды. Через какое-то время река вильнула, а потом значительно расширилась — здесь Лимфимида впадала в Мухоморку. Не сбавляя скорости, призрачный конь ринулся через её волны. Копыта замелькали над мутными барашками. Не вплавь, а прямо по воздуху я пересёк главную водную дорогу чернолесья. После того как перед глазами промелькнула по меньшей мере тысяча деревьев, из-за пригорка показался знакомый домик. Я слез с Юнивайна и вошёл в распахнутую дверь. Джейкоб по-прежнему занимал кресло и всё так же апатично пялился в стену перед собой. Фчифчи где-то шлялась, поэтому я сел на стул. Подожду!

— Ну, здравствуй, старина! — поздоровался я со скелетом. — Пока ты тут скучал, твоя жена умудрилась стать яблоком преткновения. Представляешь, Шоб-Коб-Дуб подбивает твой брак клинья. Он прямо-таки спит и видит, чтобы Фчифчи оставила тебя и ушла к нему.

— Да? Прекрасная новость! Пусть подавится ей!

Голос исходил из моей сумки.

— Кто это говорит?! — закричал я, отбрасывая от себя кожаную спутницу.

— Как кто? Это я! Джейкоб!

— Ты в моей сумке?

— Да, парень, благодаря тебе я в ней. А ты, должно быть, рядом с моим телом или с тем, что от него осталось?

— Именно так, — подтвердил я.

— Будь любезен, развяжи узел, достань кинжал и вставь мне его в руку, если, конечно, она у меня есть.

— Так это тебя я заключил в клинок! Там у Куркумных Болот это ты напал на Дурнбада! — воскликнул я, сообразив, что к чему. — Ага! Ну, разумеется! Всё дело в Законе Юджина! Ты можешь разговаривать, только если находишься в непосредственной близости от своей старой оболочки. В данном случае это скелет!

Я приложил кулак к подбородку.

— В пределах трёх футов останки всегда узнают своих фантомных хозяев и, несмотря ни на что, формируют для них уникальный канал взаимосвязи. Ты скреплён нерушимым заклятием, однако поле кинжала не может не взаимодействовать с аурой, исходящей из скелета. Энергетические импульсы непрерывно прыгают то к тебе, то в вещественный мир. Выходя из кинжала, они произвольно прихватывают с собой твои мысли, которые под напором магического завихрения обретают звучание.

— То, что ты колдун, я понял сразу, а вот то, что ты ещё и зануда, так сходу и не разглядел!

Джейкоб откашлялся.

— Так что там, на счёт моей просьбы?

Я рассмеялся.

— Джейкоб, пройдоха, кого ты хочешь надуть? Я занимаюсь некромантией сотни лет. Если я вставлю острый кинжал в запястье скелета, то ты тут же обретёшь над ним власть и вполне вероятно попробуешь вспороть мне брюхо. Будет глупо давать тебе шанс отомстить за вечное заточение.

Я откинулся на спинке стула.

— Настоящий подарок судьбы! Теперь я уломаю Фчифчи плясать под мою дудку! Я обменяю тебя на парочку её тёплых слов Шоб-Коб-Дубу. Пускай она пустит ему пыль в глаза, да? Пускай охмурит его! Пока Деревянный Гигант будет замороженно улыбаться Фчифчи, я освобожу друзей и навещу Чертоги Отражения. Отличный план, ты не находишь?

— Ты что хочешь отдать меня этой кошёлке?!

В голосе послышались панические нотки.

— Проси всё что угодно, только не делай этого!

— Чего ты испугался? — хохотнул я. — Взять хоть Шоб-Коб-Дуба. Он из коры вон лезет только бы быть с твоей женой!

— И скатертью ему дорога! Он ещё не знает, каково это, каждый день выслушивать нравоучения! То это не то, то-то не так! Там не убрал за собой, здесь наследил. Не помог маме вскопать картошку, не почистил рыбу, не залатал дырку в крыше, поздно пришёл домой, выпил с друзьями по кружечке пивка и всё в том же ключе! Честно, когда я преставился, у меня прямо гора с плеч свалилась! Поверь, даже принять форму клинка не так плохо, как быть мужем столь жёлчной старухи!

— А вот в этом я тебе верю, — хмыкнул я. — По меланхоличному виду твоего скелета я так сразу и подумал.

— Послушай, парень, ты же хочешь, чтобы Фчифчи полюбезничала с Шоб-Коб-Дубом? У меня есть к тебе деловое предложение.

— Продолжай, — ответил я, заинтриговано подвигая сумку поближе.

— Я сам разберусь со старухой. С моей подачи она поворкует с деревянным дурачиной, а ты за это возьмёшь меня с собой. Я стану тебе верным оружием! Будем вместе крошить твоих врагов направо и налево! У тебя же наверняка есть соперники-колдуны или надоедливые родственники, которые докучают визитами каждое нечётное утро? Да? В точку? Я готов перерезать их глотки совершенно бесплатно! Ударим по рукам? Согласись, ты, как не крути, остаёшься в выигрыше!

— Где? Я не вижу твоей руки! — пошутил я.

— Это речевой оборот! Фраза! Так говорят, когда намереваются состряпать сделку!

— Вот как? — улыбнулся я. — До меня дошло!

— И твой ответ?

— погоди, Джейкоб, стегая коней, ты упускаешь из виду важные обстоятельства.

— Какие? Их нет!

— Нет, есть. Я предпочитаю пользоваться мечом, а не кинжалом и поэтому в путешествии ты окажешься не востребуемым. Я сомневаюсь, что перспектива денно и ночью валяться у меня в сумке, тебя устроит. К тому же твой скелет с нами не пойдёт, а это значит, что ты умолкнешь навсегда. Подумай, разве жизнь с супругой не будет для тебя более... разнообразной? Только представь: долгий зимний вечер, на столе румяные булочки с маком, вы ведёте неспешную беседу о том, что теперь от тебя гораздо больше пользы, чем раньше, ведь лучок, морковочку и огурчики отныне ты нарезаешь с невиданным мастерством. Ну, скажи, разве это не то, о чем ты всегда мечтал?

— Я непременно сойду с ума от всего того, что ты сейчас описал!

— Было бы забавно это увидеть.

— Очень!

Я перекинул ногу за ногу.

— Нет. Ты меня не убедил. Если я доверюсь тебе, то подвергну предприятие риску. Так что не обессудь, я проверну всё без тебя.

— Ты заблуждаешься! Твоя затея прогорит! Если ты попробуешь втоухать меня Фчифчи, то клянусь, я не пророню ни слова. И что тогда? Она подумает, что ты пытаешься её надуть, и после этого уж точно не пококетничает с Шоб-Коб-Дубом! Разве этого ты хочешь добиться?

— Это называется шантаж! — рассмеялся я.

— Не понимаю, почему ты такой упрямый. Тебе что, лишний кинжал помешает? На худой конец продашь меня на рынке. Уверен, что тебе дадут хорошую цену! Потратишь денежки, как считаешь нужным, уверяю, я не возьму ни монетки!

Голос стал жалобным.

— Ну же, парень, не совершай ошибку, о которой потом будешь долго сожалеть! Я, правда, тебе пригожусь!

Я прикусил губу. Мольбы Джейкоба сейчас трогали меня меньше всего, но я не мог отрицать, что он в состоянии испортить предстоящую встречу с Фчифчи.

— Меня она послушает, а тебя — нет! Потому что я — её муж, а ты — не пойми кто! — продолжал уверять металлический голос.

Не исключено, что Джейкоб и впрямь знает, на какие рычаги надо нажать для того, чтобы старуха поломала перед деревом комедию. Неужели в сложившейся ситуации положиться на него будет лучшим решением?

— Парень! Прошу тебя, не молчи! Скажи — «да»!

— Ох, ладно, будь по-твоему. Твои аргументы пробили броню моего отказа! Уж слишком кудряво ты расписал мои преимущества от владения тобою.

— Ура!

— Тогда близится время проявить себя в деле. Когда придёт Фчифчи, заставь её признаться Шоб-Коб-Дубу в любви. Если всё пройдёт как по маслу, смело заноси свой кинжал в список моих бесценных предметов. Обещаю тебя лелеять и всячески оберегать от ржавчины.

Я подложил сумку под ноги скелета.

— Ради безопасности старухи я не буду вынимать тебя наружу. Вдруг ты затаил на неё некую неприязнь... Понимаешь, гномы хорошо затачивают сталь.

— Ты думаешь, я такой дурак, что променяю секундное удовольствие на тысячелетия, проведённые под какой-нибудь корягой? Не смейся! Ты же выкинешь меня, если я подставлю тебя! Мне нет резона кромсать её... Хотя, что скрывать? Я никогда не забуду обиды, которые она мне наносила! Знаешь, парень, это не я звал её замуж. Я вообще не собирался жениться, пока мне не стукнет хотя бы лет эдак пятьсот. Все подстроила мать Фчифчи. Заманила на горячие блинчики с бренди. Рюмка, одна, вторая. А я был молодой. Усекаешь? Вот так и получилось, что Фчифчи повлекла меня в свою комнату. Ну, а потом из ниоткуда возникла её мать, которая заявила, что раз я сорвал розу, то недурно бы теперь попросить у её дочурки руку и сердце. Я, было, заартачился, но меня припугнули клеветой и всеобщим поруганием. Лес Скорби, знаешь ли, не такое обширное местечко. Тут сова ухнет, на том конце лиса подхватит, если бы отказался — жизни бы не увидел... Пришлось встать на колени и преподнести колечко, вырезанное из винной пробки.

Я нахмурился.

— Странно. Мне кажется, я слышал какую-то другую басню. Разве матери Фчифчи

Шоб-Коб-Дуб нравился не больше, чем ты?

— Куда там! Эй! Ты потешаешься надо мной?

— Нет.

— Не знаю, откуда ты родом, парень, но здесь никто в здравом уме и твёрдой памяти не согласится бы обручить свою дочь с поленом-переростком. Что бы, по-твоему, она с ним делала? Поливала бы его ствол из лейки в разгар засухи или очищала бы корни от весенних паразитов?

Джейкоб залился горьким смехом.

— Как жаль, что так не вышло, и эта горькая «конфетка» досталась мне!

— Тихо! — крикнул я, приподнимаясь со стула.

Через порог проковыляла Фчифчи. На спине она тащила крупную авоську, в которой лежали грецкие орехи. Старуха кинула ношу возле двери и, недовольно причмокивая, направилась к столу. Усевшись напротив скелета, она во всю плотку чихнула. Моё присутствие её нисколько не удивило.

— Я знала, что ты вернёшься. Все всегда возвращаются поболтать с такой красоткой, как я. Ну что? Навестил троюродного деда по линии пятиродного брата твоего отца?

— То была тётушка, — улыбнувшись, поправил я.

— Что у меня ушей, что ли нет? Ты точно говорил про деда! Про дряхлого сутулого деда, что живёт рядом с Горбатым Логовом живорезов! Он тебе ещё в детстве собачек из дерева вырезал!

— Вот кстати о деревьях, — подал голос Джейкоб. — Давно ты ходила к Шоб-Коб-Дубу?

— Чего это ты так громко орёшь сегодня? Потихе нельзя? Ишь, раскричался, образина! Я же не глухая!

Старуха сжала палец скелета.

— Тебе-то что, когда я у него была? Решил главу семьи включить? Я тебе сто раз говорила, что у меня с ним ничего нет! Когда ты уже утомонишься-то?

— Ты должна навестить Деревянного Гиганта как можно скорее!

— Какого рожна ты меня к нему посылаешь? Я же только что пришла! Я устала! Собирать целый день орехи для твоей ненасытной утробы занятие очень изматывающее! Заварил бы жене хоть чаю! Ишь, бездельник, на шею сел да ноги свесил! Верно, мне пеняла мать — нечего тебе с этим Джейкобом якшаться, горюшка хлебнёшь — да под родительское крыло назад воротишься. Как в воду родная глядела. Сидишь — все штаны уже протёр! Толку от тебя ноль!

— Завтра отдохнёшь, голубушка, завтра! Есть дело исключительной важности! — торжественно провозгласил кинжал. — Собирайся немедленно, ты пойдёшь к Шоб-Коб-Дубу и скажешь, что он любовь всей твоей жизни! А знаешь зачем?

Фчифчи любопытно нагнула голову.

— Зачем?

— Потому что так просит твоя дорогая матушка. Пока ты бродила по лесу в поисках гнилого фундука и дралась с белками за миндаль, она наведальась ко мне и поведала грустную историю. Как ты знаешь, для сохранения молодости твоя мать варит отвар долголетия, главной составляющей которого являются листья Шоб-Коб-Дуба, да не простые, а бледно-жёлтые, те, которые распускаются на его кроне один раз в десять высокосных лет. Раньше Деревянный Гигант сам насыпал охапку, когда она приходила, но сейчас отказался

это сделать. Шоб-Коб-Дуб поставил условие. Он отдаст необходимые листья, только если ты бросишь меня и уйдёшь к нему. При этом всё надо обставить так, как будто ты всегда мечтала кинуться ему в объятия, а я был тебе не более, чем обузой. Ради твоей матери, которую безгранично люблю и уважаю, я готов поступиться гордостью. С болью в душе я расстаюсь с тобой и призываю — лети к Шоб-Коб-Дубу и будь с ним отныне навсегда!

— О, Джейкоб! Мой герой! Мне стыдно за то, что мамочка так плохо о тебе отзывалась! Ты жертвуешь своим счастьем в угоду чужому!

Фчифчи принялась пылко целовать череп супруга. Её слюни потекли по кости, а затем в пустые глазницы.

— Раз другого выхода нет, и мама находится на краю гибели, я просто обязана немедленно покинуть тебя! Но я обещаю, что никогда не забуду твоей жертвы! О, мой фитилёк! Я никого не смогу полюбить так же, как тебя!

— Какая великая трагедия! Два любящих сердца разрываются на веки вечные!

Я покачал головой.

— Как тут остаться в стороне? Невозможно! Я должен помочь тебе хотя бы за то, что ты приютила меня на ночь! На крыльце стоит мой конь. Он с удовольствием довезёт нас до Шоб-Коб-Дуба! Вперёд! Дорога каждая секунда!

— Вы оба такие благородные, прямо как два рыцаря-плютеранца, победившие льва, напавшего на прекрасную принцессу! Побольше бы на свете таких людей рождалось! Дай небеса вам здоровья! — всхлипнула Фчифчи, семена к двери. — Мой милый Джейкоб, до свидания!

— Нет, солнышко, правильнее сказать — прощай! Прощай навсегда!

Я подобрал сумку и, пряча улыбку, отправился следом за старухой. На пороге я обернулся, чтобы глянуть на странного скелета. Наверно при жизни Джейкоб был тот ещё проныра. Так подобрать слова... всё-таки досадно, что теперь с ним будет нельзя поговорить.

Подхватив старуху под мышки, я усадил её в седло, а затем сел сам. Фчифчи прижалась ко мне спиной. Аромат её давно немытого тела напомнил носу, что от меня наверняка пахнет не лучше. Последний раз я принимал ванну аж в Трузде, а зубы чистил... чистил когда-то.

Юнивайн тронулся. Быстрее, быстрее, быстрее. Скорость увеличивалась и, перед тем как мои глаза заполонили расплывчатые пятна мелькающих вязов, я увидел существ со свинными рылами. Странно, что приспешники Хрипохора не попались мне на пути раньше. Лес Скорби — исконное место их обитания. Здесь они должны встречаться на каждом шагу. Куда же подевались все живорезы? Их выкосила отравленная вода, или тут кроется иная, более страшная причина? Нутром чую — Хрипохор готовится к чему-то грандиозному... грандиозно плохому.

Мы миновали Мухоморку, а потом побежали вдоль клыкастого русла Лимфимиды. По-моему мнению, из всех величин, свет — самая шустрая материя, но сейчас пурпурные шарики, привязанные ко мне, едва успевали освещать сгущающуюся тьму. Однако... там серебристый туман! Деревья... вроде бы огибаем холм...

Призрачный конь резко остановился. Хрусь! Я ударился челюстью в голову Фчифчи. Старуха заохала, всё лошадиное племя и я получили кучу лесных прилагательных. Замысловато извиняясь, я подал ей руку. Длинные ногти царапнули по запястью. Почему Фчифчи их не стрижёт? Прямо как Грешем!

Между тем старуха заспешила через серо-голубой барьер. Она шла уверенно — дорога до Древнего Источника была хорошо ей знакома. Подцепив крючковатыми пальцами шляпку поганки, Фчифчи засунула её в рот. Смачно жуя ядовитый гриб, она предложила мне нечто похожее на галерину окаймлённую, но я тактично ответил, что не голоден. Спасибо, упасть замертво я пока не желаю.

Ворча под нос ругательства про жирных нахальных белок, заполонивших лес, Фчифчи продолжала раздвигать заросли кустов. Отодвинув очередной пук сцепившихся колючих веток, мы вышли на поляну Шоб-Коб-Дуба. С того момента как я его покинул, не изменилось абсолютно ничего: Деревянный Гигант содрогался от рыданий. Шипя и дымясь, слёзы падали в нутро озера, обрекая на смерть каждого, кто сделает из него хотя бы глоток. По-хозяйски оглядев своего будущего кавалера, Фчифчи топнула ножкой.

— А ну, прекращай пускать сопли, плакса-вакса! Посмотри на себя! Совсем заплыл! Где это видано, чтобы мужчины так себя вели? Я тут, значит, к нему пришла вся такая из себя белладонна, а он голосит, как младенец!

Услышав голос Фчифчи, Шоб-Коб-Дуб накрепился вперёд. На неказистом лице показалась улыбка. Деревянный Гигант рассмеялся и едкие капельки, бегущие по его растрескавшимся щекам, сразу высохли. Глаза засияли обожанием.

— Мотылёк! Синичка! Жаворонок! Я не верю своему счастью! Прямо здесь, прямо сейчас ты стоишь рядом! Я весь дрожу! Ох, как ты пленительна! Твоя шейка, словно лебяжий пух, твои очи, как огненные тюльпаны! Чем я заслужил такую удачу?! Надолго ли ты у меня, травинка? Или, как всегда, минутку-две скрасишь моё серое существование, наберёшь изящными ладошками водицы и обратно подашься к своему сквернавцу? Он все соки из тебя выжал! Скоро ты засохнешь и завянешь! Эх, дотянутся-доберутся до него когда-нибудь мои руки! И ты меня не остановишь!

— Полно тебе! Изливаешься, как петух над курятником! Знаешь же, что мне твоя голосистость не по нраву! Я люблю, когда характер видно, а не эти всхлипы девичьи!

— Ты...

— Тихо!

Шоб-Коб-Дуб умолк, а подбоченившаяся Фчифчи заявила:

— Все, ушла я от Джейкоба! Вот так вот — бац и ушла! Сказала, что мы больше не пара! Ой, только не начинай реветь снова! Джейкоб хоть и скряга, но не такой мягкотелый! Придётся мне заняться твоим воспитанием! А то ещё будут тыкать на меня пальцем и смеяться в кулачок — «такая красotka, а променяла шило на мыло! Один был никчёмный, да и второй такой же! Не везёт ей в любви!». Ты же не хочешь, чтобы так обо мне говорили?

— Нет! Конечно, нет! Я поменяюсь, исправлюсь, переделаюсь! Ягодка-клубничка, любимка-ежевичка! Заживём с тобой настоящей деревянной семьёй! Как две осины у пруда, как две рябины в саду! Я стану тебе защитником и опорой! От холода, зноя, жара и мороза я укрою тебя своими ветками! Заслоню от ветра листьями! Отгоню корнями дровосека! Ох, чувства меня переполняют! Я ощущаю себя тоненьким прутиком, что познал отраду взаимности!

— Но, но!

Фчифчи предупреждающе выставила руки.

— Не так всё просто, древесина! Отныне у тебя появятся супружеские обязанности! Уж не успел ли ты случайно подумать, что вся твоя жизнь отныне будет состоять только из сладеньких кусочков брусничного пирога? Есть каждодневные заботы и быт, который

способен съесть даже самую крепкую любовь! Брак — это тяжёлый труд, где должны прилагать усилия, как мужчина, так и изредка женщина! Но всё это в далёком будущем. Перво-наперво поближе познакомись с моими родителями. Заявишь о своих намерениях. Я — девушка приличная, хоть ты тресни посередине ствола, а без благословения мамы и папы за тебя не пойду.

— Как скажешь, золотушка, как пожелаешь! Я всё устрою! С мамой и папой! С бабушкой и дедушкой! С братом и сестрой! С грядкой и росой! Я получу одобрение, а потом с удовольствием оповещу всех и вся о нашем венчании! Лес Скорби загудит! Лес Скорби запоёт! Лес Скорби затрясёт! Я организую пир на весь мир и позову на него всех-всех, кроме змеюки Джейкоба!

Шоб-Коб-Дуб потянул руки к Фчифчи. Меня же что-то в разговоре стало отдалённо смущать... Что?

— Ух, груша моя, ух, бабочка!

— Ты обозвал меня бочкой?!

Фчифчи откинула трепещущие ветки в сторону.

— Напекаешь на то, что я толстая, да? Не по размеру вышла? Фу ты, грубиян! Задира. Правильно мама мне однажды сказала — «Шоб-Коб-Дуб, только корчит из себя паиньку, а на деле он — лиходей!»

Видя, что Деревянный Гигант готов вновь захныкать, я решил вступить за него.

— Ты ослышалась, ничего подобного Шоб-Коб-Дуб не говорил. Он назвал тебя бабочкой, а не бочкой!

— Я сама разберусь, что сболтнул мой парень! — капризно отозвалась Фчифчи. — Кто вообще дал тебе право присутствовать при наших тёплых объяснениях? Ты тут — третий лишний! Давай, дуй отсюда!

— А вы не поругаетесь, если я уйду? — опасливо спросил я.

— Ну, если и поругаемся то, что? Помирился всем известным способом!

Старуха сложила руки на впалой груди.

— Когда ты уже оставишь нас наедине?

— Последний вопрос, и я вас покину.

— Задавай.

— Ты больше не вернёшься к Джейкобу?

Фчифчи свела губы в тонкую нить. Через некоторое время она ответила:

— Да ну его, он мне порядком надоел. Хоть он и хороший малый, но больно занудный, и повод, что подвернулся его бросить, пришёлся очень кстати! К тому же жить с дураком, надо заметить, та ещё радость! Как можно забыть, что моя мама использует для отвара листья не Шоб-Коб-Дуба, а его брата Коб-Шоб-Дуба? Я ему пятьсот раз повторяла, что это две разные личности!

— Мой братец в хороших ладах с матушкой Фчифчи и женат, кстати, на её сестре Чифчиф! Каждый год он отрывает от своей макушки жёлтые листья и передаёт их тёще для эликсира молодости!

Деревянный гигант опустил голову.

— У меня-то на кроне не желток, а бирюза!

Осматривая яркую листву, я крепко стиснул зубы, чтобы не закричать. Как мог Джейкоб промахнуться и перепутать, кто из братьев даёт матери Фчифчи свои жухлые побеги! Предприятие висело на волоске! Эх, выбросить бы кинжал в Мухоморку, да обошлось вроде

как всё. Даже не обошлось, а сложилось как нельзя лучше! Шоб-Коб-Дуб больше не плачет! Древний Источник чист, а значит, Лес Скорби скоро оживёт! Моя миссия исполнена!

— И действительно, за ушами у тебя зелень отливает синевой! Но это лишь красивее! — сказал я. — Что же, не смею вас более задерживать своим присутствием! Всего вам самого доброго! Живите счастливо и не грызьтесь по мелочам! Они того не стоят! Надеюсь, что когда-нибудь снова с вами увижусь!

— Приходи на нашу свадьбу, — благодушно позвал Деревянный Гигант.

— А когда она состоится?

— Бу-бу-бу, лет через сто, может раньше, если всё успеем подготовить. Да, думаю, мы уложимся в девяносто восемь!

Шоб-Коб-Дуб почесал бугристый нос.

— Я пришлю тебе весточку, Шмалеб. В каком лесу ты, кстати, растёшь?

— Калерб, — поправил я, наполняя опустевшую флягу в озере. — Мой дом... Мой дом находится в Весёлых Поганках, что над Лунными Вратами у северных берегов Моря Призраков. Присылайте официальное приглашение в замок Шато. Я буду с нетерпением его ждать!

— Пока-пока! Но пока не пока!

Фчифчи хихикнула.

— Дам тебе совет на прощание — когда будешь выбирать себе вторую половинку, обязательно познакомься с её мамой. Если она пухлая — значит и дочурка со временем округлится, а если потенциальная тёща худа, как жердь, то и жить тебе всю жизнь с плоскодонкой. Запомни, дети — это отражение родителей! Вот посмотри на меня — я — красotka и маманя у меня такая же! Ничего лишнего! А характер какой? Золото!

— Что есть, то есть! — закивал Шоб-Коб-Дуб. — Ты у меня во всем — лучшая из лучших!

— Спасибо, что поделилась столь важным секретом! Я обязательно воспользуюсь им при подборе пассии, — улыбнулся я, смотря на уродливое лицо старухи. — Однако знаешь, не размеры и не красота самые главные достоинства женщин. Душа — именно к ней нужно тянуться в первую очередь.

— Почему?

— Потому что на небо можно забрать только то, что ты есть.

Фчифчи вдруг выпрямилась и несвойственно мягко проговорила:

— Душа твоей избранницы нежнее облаков. Береги её и себя.

— Эмилия... — прошептал я.

Поляна потонула в тумане. Я понял, что за образом старухи таится совсем другой человек. Мудрый. Всеведающий. Кто она, эта Фчифчи? Наверное, я никогда не узнаю... Я накинул капюшон — пора возвращаться к Петраковель.

Глава 25. Гамбус

Мне только что удалось распутать клубок любви. Его нити были такими перекрученными и колючими, что всюду, где он прокатился, остались раны. Но теперь они затянутся! Лес Скорби обновится! Всё придёт в норму!

Я сел на призрачного коня.

— Неси меня в Обитель!

Мы поехали, но не быстро. Юнивайн как бы приглядывался, и я вместе с ним. Что-то стремительно менялось. Чаща наполнилась звуками. То тут, то там мне на глаза попадались животные. Они торопились напиться из реки. Ведь как-то же узнали, что вода больше не несёт в себе отравы. Хотя думаю, такие известия распространяются скорее пожара. Наверное, какая-нибудь птичка сейчас летит по чернолесью и щебечет о том, что она увидела, как Шоб-Коб-Дуб счастливо хлопает в ладоши, потому что Фчифчи ушла ради него от Джейкоба.

Огромный дикий кабан, хрюкая, опустил розовый пятак в Мухоморку. Рядом с ним пристроился олень, а много правее — длиннохвостые волки то лакали, то довольно выли. Лес Скорби сбрасывал с себя саван изнурительной лихорадки. Синим дымом я пронёсся мимо лепрекона. Он специально забрался на высокий камень, чтобы снять передо мной котелок с пришитым к нему клевером. Я обернулся, пыль из-под копыт запорошила улыбающееся личико. Совершенно не обращая на это внимание, человечек продолжал мне махать рукой в след. Бешеные хлопки над ухом! Я вздрогнул, ко мне на руку приземлилась пушистая, коричневая сипуха. Жёлтые зрачки, хищный клюв, а в нём... на мою ладонь выпала медная брошка. Ухнув два раза, сова покинула свой импровизированный насест. Я даже не успел понять, в какую сторону она упорхала. Сжав в кулаке подарок, я сам того не ведая, громко рассмеялся. Лес благодарил своего спасителя. Всё живое знало, кому обязано прекращением кошмара. Иногда, очень редко, приятно быть в центре внимания!

Призрачный конь свернул направо. Мы ловко двигались между разлапистых деревьев. Спустя час появились камыши. Коварные Куркумные Болота, окружающие Оплот Ведьм, раскинулись на многие мили вперёд. Сзади суетливо мельтешили потревоженные духи. Время от времени шары света высвечивали их размытые лики. Десятки голодных красных глаз жадно прожигали мне затылок. Однако на большее они были не способны — меня хранила магия ворожей.

Налево показалась дорога, та самая, которая напрямую вела к Оплоту Ведьм. Она так расширялась, то практически смыкалась в узкую тропинку измятой листвы. Бойницы и минареты Обители встречали меня разноцветными огнями. Дорога сменилась волшебными плитами. Туман сомкнулся над головой. Когда он рассеялся, я увидел широко распахнутые ворота и... друзей. Их позы и лица отражали их мысли. Дурнбад хмурился. Нервно озираясь, он крепко вцепился в боевой молот. У Эмилии уголки губ были приподняты вверх. Сидя на корточках, она поглаживала Мурчика. Грешем привалился спиной к дереву. Он казался расслабленным. Привычно заложив руки в подмышки, Серэнити чуть щурилась. К её белой разорванной рясе жался Снурф.

Я соскочил с призрачного коня и громко сказал:

— Привет!

Первым ко мне кинулся мой любимец. Потешно стрекоча, он принялся тереться о мою ногу. Таракан явно скучал без меня. Я наклонился, чтобы пожать его цепкие лапки. Согнуться до конца, правда, я не успел... Эмилия заключила меня в горячие объятия.

— Шаттибраль! Плешивый гриб! Ты здесь!

В голосе моей подруги я услышал неподдельное облегчение.

— Ты хоть соображаешь, как я волновалась?! Как переживала за тебя?! Я думала, что умру от тревоги!

— Вот и я, — отозвался я, поглаживая Эмилию по волосам. — Что с вами произошло?

— После того как свеча мигнула вспышкой, мы оказались в глубокой темнице.

Ворожей, ползающие сверху клетки, поведали, что покуда ты не разберёшься с водяным мором, свободы нам не видать, как своих носов.

Колдунья отстранилась, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Лёгкое ли поручение — найти противоядие от не пойми, какого яда! Они, я смотрю, такие умные — отыщи то, не знаю что! Даже самые великие алхимики могут годами подбирать нужные составляющие! Ты... ты... Не представляю как, Калев, но у тебя получилось! Час назад явилась Петраковель. С большим почтением она выпустила нас на волю. Оракул рассказала, что тебе удалось исполнить её поручение, но подробности она опустила. Мы все сгораем от любопытства, что за фокус ты провернул на этот раз!

— Это длинная история для посиделок с хорошим марочным вином и плесневым сыром, — ответил я устало улыбаясь. — Если вкратце, то мне выпала честь побыть в роли свахи. Помните, Фчифчи и Шоб-Коб-Дуба, которого она упоминала в своих бессвязных монологах? Так вот этот Шоб-Коб-Дуб оказался гигантским деревом. Он вздыхал пс старухе и от безысходности безостановочно рыдал. Плакал он не простыми слезами, а ядовитыми, и не абы куда, а прямо в Древний Источник, над которым рос. Все несчастья Леса Скорби были именно из-за него. Чтобы Шоб-Коб-Дуб унял свой слёзный поток, мне пришлось изрядно попотеть, но затраченные усилия окупились с торицей!

— Ты говоришь загадками, брат по крови.

Дурнбад выпятил подбородок.

— Что же ты сделал?

— Моими стараниями вышло так, что Фчифчи и Шоб-Коб-Дуб теперь пара. И более того! Они подумывают пожениться! Дерево в восторге, и как итог — вода вновь пригодна для питья!

— Бедняга Джейкоб! Наверное, он умер от горя, когда узнал, что его жена уходит к другому! Кто нынче позаботься о нём? Кто нальёт кружку через терзаемые жаждой челюсти? Ай — ай — ай, какой беспорядок! — заохал Грешем. — Ах, простите, я совсем позабыл, что Джейкоб — очень скромный парень и возражать крутым поворотам судьбы не в его правилах. Он лучше ещё посидит парочку тысячелетий да на стеночку поглазеет.

— Что не говори, а тележка с рассудком у старухи давно слетела с катушек. Мне одного взгляда хватило, чтобы понять — эта хрычовка не от мира сего. Пожила со скелетом, поживёт и с деревом. Главное, что её сумасшествие сыграло нам на руку!

Вампир рассмеялся.

— Да ну, она вполне себе нормальный человек... с маленькими странностями. Впрочем, у кого, скажите, из нас их нет? Кто-то с плюшевым мишкой в обнимку спит, а кто-то с костями разговаривает. Что в этом такого?

— Хоть это шутки, но ты прав, такое иногда случается, — вставила Эмилия. Чтобы окончательно не сойти с ума от потери любимого мужа, Фчифчи некогда заставила себя поверить в то, что Джейкоб до сих пор жив. Своего рода это — защитная реакция организма.

— Твой конь, — вмешалась в обсуждения Серэнити. — Откуда он у тебя?

— Это мистическое животное принадлежит Обители. Только благодаря ему я успел побывать в столь многих местах за короткое время. Он неумолимее и быстрее всех скакунов, что мне доводилось видеть.

Я поглядел на дымчатый силуэт.

— Наверняка его породила магия ворожей.

— Чародей!

Голос позвал откуда-то снизу.

— Оракул ждёт тебя, дабы воздать за труды!

Говорившая ворожея показалась из-за створки ворот. Её единственный, светло-коричневый глаз подслеповато смотрел мимо меня. Второго зрачка она не имела. Тонкая мраморная кожа закрывала пустую глазницу.

— Хорошо, проводи меня.

Ворожея развернулась. Синхронно переставляя руки и ноги, она как паук поползла на вершину Оплота Ведьм. В этот раз идти до самого конца не пришлось. Где-то на середине тонущего в мареве подъёма мы отошли от лестницы к террасе с перголой. Множество арок, соединённых между собой поперечными брусьями, гармонично сочетались с рядами чинных скульптур. Нас повели к двери, скрытой между колонн. Отворив её, мы попали в сад. Всюду пели птицы, по траве прыгали зайчики, из камня тёк ручей. Петраковель ждала меня. Она расположилась на лиловой подушке с золотыми кисточками. Перед ней лежал футляр. Я был готов поклясться, что он один в один похож на тот, что держал в пальцах скелет Джейкоба.

— Прошу, садитесь на пуфики, что позади вас.

Когда мы разместились, Петраковель церемонно продолжила:

— Калев Шаттибраль! Сегодня ты изгнал из черноствольника Смерть, спас Оплот Ведьм от неминуемой гибели и вернул в Лес Скорби испугавшуюся Жизнь. Ты совершил практически невозможное, и за то я нарекаю тебя «Ведьмаком» — вечным побратимом Обители. Отныне и навсегда для нас и всего Леса Скорби ты стал героем. Обещаю, что история о тебе будет записана в Цикл Бытия. Память сохранит то, что не сбережёт время. Когда твои кости обратятся в прах, легенда о Нежданном Избавителе не поблёт никогда. Но тебя, конечно, интересует не это. Слава и известность тебе чужды. Мы условились, что я пропущу тебя в Чертоги Отражения. Я сдержу слово, хоть и не знаю какова твоя цель... Однако, какова бы она ни была, я считаю, что этого мало. За твой подвиг я хочу преподнести тебе несколько подарков. Вот первый:

Петраковель протянула мне золотой орех. Он имел четыре туго приплюснутых створки, украшенные сапфирами.

— Это Кампри — камень-призыватель. Когда тебе понадобится призрачный конь — просто кинь его об землю. По собственной воле Юнивайн согласился стать тебе другом. Знай, мы не обязывали его к этому.

Я встал с подушки, чтобы поклониться.

— Спасибо большое!

— Мой второй дар.

Оракул постучала когтём по коробочке.

— Дар выбора.

Длинные пальцы сдвинули крышку. Внутри было пять флаконов с разноцветной жидкостью. Глаза Петраковель стали источать колдовской свет.

— Я предлагаю тебе решить, какой из этих сосудов ты заберёшь с собой. Определяясь, руководствуйся как чувствами, так и здравым смыслом. В самом крайнем содержится то, что излечит тебя от вампиризма. Да, пока ты полностью не обратился в кровопивца, есть шанс всё исправить. Выпей из сосуда и метаморфозы останутся. Ты останешься человеком. Зов крови перестанет иметь над тобой власть, но бледность, заточившиеся зубы и частые боли в желудке уже никуда и никогда от тебя не уйдут.

Меня кинуло в жар. Неужели... я сниму с себя эти цепи... Петраковель между тем

говорила:

— Вот в этой, с жёлтым стеклом, снадобье с двойным эффектом. Если твоя подруга вкусит его, то её красота и здоровье поменяются местами. Внутреннее обернётся внешним, а внешнее внутренним. Она вновь станет прекрасной, зато немощной и больной. У привлекательности высокая цена.

Эмилия охнула. Перспектива обрести прежнюю молодость загорелась в ней ярким пламенем.

— Здесь, — палец коснулся тёмной бутылочки, — кое-что особенное. Если ночной хищник употребит амброзию, то погрузится в тяжёлый сон, который отверзнет двери в недра его памяти. Блуждая по коридорам разума, он вспомнит кто он и откуда. Однако получив знание, вампир может забыть, какая дорога ведёт обратно в сознание. Тогда он потеряется и больше не проснётся. Во веки вечные.

Кулаки Грешема сжались. Он очень хотел найти своих настоящих родителей. Понять, за что они так с ним поступили... Риск его не пугал.

— Голубой сосуд наполнен специфическим чутьём и страстью. Он для гнома. Зелье поможет ему раскрепостить древние инстинкты, которые поведут его к квазальду. Если залежи легендарного металла до сих пор существуют, то гном отыщет их, а если их нет... то одержимость сведёт его с ума.

Я покосился на Дурнбада. Он побагровел. Да, старейшина войны многое бы отдал за то, чтобы узнать, где сокрыт квазальд... возможно даже слишком многое.

— В последнем сосуде налито то, что должно помочь белокурой девушке. Если она осушит его до дна, то избавиться от сакральных пятен богов Хрипехора. Впрочем, вместе с ними из неё уйдёт и вся сила, и вся ловкость, и вся выносливость.

— Вздор! Ты лжёшь! То, что ты называешь пятнами Хрипехора на самом деле знаки Всеотца! Он отметил меня своим благословением!

Серэнити свела губы в гневную линию.

— Я ни за что не захочу их удалить!

— Ворожеи никогда не врут, — серьёзно ответила Петраковель. — Ты отмечена, да, но не только Урахом.

— Я убеждена в обратном!

— Почему?

— Ты спрашиваешь — почему?! Да потому что ты считаешь Назбраэля! Совершаешь жертвоприношения! Плетёшь нечестивые ритуалы присущие Червонному Капищу Хрипехора! Как после всего этого можно принять твои слова за истину?! — забыв об осторожности, в сердцах выкрикнула Великий инквизитор.

Однако к моему облегчению Петраковель не смутилась.

— Назбраэль, Рифф, Юкцфернандон, Харо и Урах — Творцы Вселенной. Кровь одним, цветы другим — алтари наши славят всех поровну. Мы открыты к племенам Тьмы, так же, как и к народам Света. Мы — между вами. Мы — над вами. Не суди стандартами, за гранями Бытия их нет.

— В пекло добро и зло! — не выдержав, гаркнул Дурнбад. — Квазальд! Он есть?!

— Может да, а может и нет, — пространно ответила оракул, переводя свои удивительные глаза на гнома.

— Что это значит?!

— Я ощущаю его, но в прошлом или настоящем сказать не берусь.

— Снадобье! — повернувшись ко мне, выпалил старейшина войны. — Оно нужно мне!

— Та склянка нужна мне не меньше, — вклинился Грешем. — Мама и папа, где-то в моей голове! Я хочу их вспомнить! Я хочу их разыскать! Я хочу с ними поговорить!

— Если ты выпьешь её, то, скорее всего не очнёшься! Всё! Тебе будет каюк! — упёрся Дурнбад.

— А у тебя крыша поедет не хуже, чем у Фчифчи!

— Мне плевать!

— Мне тоже!

С каждой секундой гном и вампир распалились всё пуще и пуще.

— Квазальд!

— Семья!

Петраковель между тем невозмутимо промолвила:

— Итак, какой из пяти сосудов ты возьмёшь?

Эмилия пихнула меня под рёбра.

— Скажи жёлтый пузырьёк, скажи его, — зашептала мне на ухо колдунья. — Посмотри, ты предотвратишь назревающую драку, только если никому ничего из них не дашь. Серэнити сама отказалась очистить руки, а ты и с клыками останешься милашкой. Ну же! Появилась возможность избавить меня от этой уродливой бахромы! Больше никаких капюшонов! Никаких плащей! Я вновь стану сама собой! Ты же сделаешь это ради меня, правда, Калеб? Возьмёшь второй слева? Мне во что бы то ни стало нужно вернуть своё обаяние!

— Нет, Эмилия!

Я ответил так резко, что разгорающийся спор Дурнбада и Грешема мигом унялся.

— Монета состоит из двух сторон, а ты видишь лишь одну! Под воздействием эликсира ты опять засияешь, но... Чем придётся расплатиться за чудо? Слабым сердцем? Дырявым желудком? Хилыми лёгкими? Или смертью? Нет, слышишь, и не проси, я не пойду на это.

— Ты — тюфяк, Калеб Шаттибраль! — с горечью воскликнула Эмилия. — Сейчас ты отнимаешь у меня самое сокровенное! Мою мечту на нормальную жизнь! Может, я не хочу влачить жалкое существование в этом страшном обликии? Ты никогда не думал об этом? Нет? Я знаю тебя как облупленного! Твои мысли крутятся о чём угодно, но только не обо мне!

Эмилия уткнулась мне в плечо и громко разрыдалась.

— Я не могу так больше, пойми, это хуже пытки!

— Сухой Лёд, — напомнил я, обнимая подругу за плечи. — Он ключ к твоему преображению. Не унывай, мы соберём фиал, и проклятие падёт. Я обещаю тебе — всё наладится.

Эмилия вылезла из моих объятий. Рукавом, она отёрла мокрые щёки.

— И почему я всегда тебе верю!

Я улыбнулся.

— Потому что я — твой старый гриб.

— Старый противный заскорузлый гриб!

— Именно.

— Твой выбор, — повторила Петраковель, пододвигая коробочку поближе ко мне.

Я посмотрел на Серэнити. Нахмуренная, она покачала головой. Тогда я перевёл взгляд на Грешема.

— Вы... Простите меня. Я словно обезумел, когда услышал, что смогу...

Мой ученик вздохнул.

— Из сосуда необходимо выпить вам. Пока не поздно... В общем, пейте! Нечего вам в вампира превращаться!

— Грешем дело говорит, — смущённо подхватил Дурнбад. — Даже за гору квазальда я бы не согласился стать таким, как он... Давай, откупоривай! Второй кровун в отряде нам точно ни к чему!

— Эмилия?

Моя подруга решительно кивнула.

— Извини, что я закатила тебе истерику. Я поступила как эгоистка и... Если хорошенько подумать, то гнить изнутри ничуть не лучше, чем снаружи. Бери... свой. Ты заслужил его.

— Но!..

— Я буду очень рада тому, что ты не перейдёшь в общество любителей Кровавой Мэри. По моему мнению, клуб ценителей морковки, курочки и картошки тебе подходит намного больше.

Я оглядел друзей. Они перебороли себя ради меня.

— Действуй! — подтолкнула Серэнити.

— Спасибо вам, — тихо сказал я, вынимая из коробочки сосуд.

Пять пар глаз прильнули ко мне. Я откупорил тугую деревянную пробку. Струйка пара побежала через край бутылочки. Поднеся нос к горлышку, я уловил отдалённый запах винограда. Что, если там яд, и я собственноручно отправлю себя в мир иной? Вряд ли... я же теперь Ведьмак, друг ворожей, зачем меня умерщвлять? Я поднёс ёмкость ко рту. Что сказать? Настои, приготовленные не мной и тем более не Эмилией, я пить не люблю. Мало ли, кто и что там намешает — ходи потом полжизни мимо горшка. Я сделал глоток. Тягучая жидкость по вкусу напомнила мне рагу из кабачков. Я сморщился. Гадость полнейшая. Дурнбад, глядя на мою скорченную физиономию, что-то сочувственно крякнул на лундулуме. В желудке кольнуло. Боль! Схватившись за живот, я упал на траву. Меня затошнило. Я отполз в кусты... К моему удивлению, рвота прекратилась так же внезапно, как и началась. Мне страшно захотелось есть. Сарделек, пюре и грибков! Да! И нарезку из овощей, пожалуйста! Петраковель загадочно улыбнулась.

— Вижу, что ты проголодался. Так и должно быть. Ты вернулся к своим истокам. Все дары кроме одного — преподнесены. Завтра с утра ты войдёшь в Чертоги Отражения.

Оракул щёлкнула пальцами.

— Но сейчас ещё ночь, и я приглашаю вас отведать праздничный ужин, устроенный в честь Калеба Шаттибраля!

— С превеликой охотой подниму бокал за Оплот Ведьм и Лес Скорби! — ответил я, глотая непрерывно выделяющуюся слюну. — Но что насчёт моих друзей? Я не могу зайти в Чертоги Отражения один...

— Хорошо, будь по-твоему, — после некоторого раздумья скрепила ворожея. — Расплачиваться — так расплачиваться сполна. Идите все.

— Твоя щедрость не имеет предела!

— Как и твоя самоотверженность, Ведьмак.

Петраковель хлопнула в ладоши. Послышалась музыка. Под её тихую и ненавязчивую мелодию мы прошли вглубь сада. За внушительной посадкой вязов нас дожидался накрытый стол. Сервированный синей посудой, он вмещал в себя огромное количество яств! Что

интересно, столешница имела привычную, человеческую высоту. Петраковель подползла к стулу, выпрямилась в полный рост, а затем села. Мы последовали её примеру. Меня порадовало то, что для Снурфа и Мурчика тоже были места — с горкой подушек. В предвкушении пира, таракан, умастившийся подле меня, довольно задёргал усами.

Теперь о том, чем в Оплоте Ведьм нас потчевали. Вся еда была приготовлена исключительно на пару. В овальных блюдах лежали овощи. Капуста, морковь, кукуруза, свёкла, тыква, редис, перец — всё дымилось и дышало жаром. В мисках с оранжевой каёмочкой были разложены индюшачьи окорока, заячьи тушки и, по-видимому, оленина. Между разнообразных канапе с оливками и маслинами громоздились фруктовые салаты. Один мне приглянулся больше прочих. В нём — сочная дыня, порезанная крупными кусочками, перемешивалась с мягким сыром, зеленью и королевскими креветками. Где ворожеи, живя в самом центре Леса Скорби, достали обитателей моря — ума не приложу. Так же на столе толпились различные каши. На них изрядно поднажали Эмилия и Серэнити. Девушки, что с них взять? Ни дюйма к фигуре! Хотя о каких дюймах речь, когда мы так оголодали? Я уплетал отварной язык, огурчики, помидорчики и, конечно, хлеб. Белый с неровными дырками, он таял на языке как изысканное пирожное. Наверное, я умял не меньше буханки.

Забавно... Набивая брюхо, я вдруг задумался, что едва не перешёл на питание кровью. Кстати, о ней. Возле Грешема возвышался хрустальный графин. Кто в нём? Животное? Крохош? Балаг? Или... Знать не хочу. Мой ученик пил с нескрываемым восхищением. Остальные смаковали вина. Сухое было сделано в самом Оплоте Ведьм, а полусухое и полусладкое имели потёртые ярлычки Плавеня.

Нашим фамильярам перепали здоровенные крысы. Мне было немножко стыдно за Снурфа. Он в отличие от Мурчика громогласно чавкал. Кот же вёл себя галантно. Подцепляя лапкой крысу за розовый хвост, он вначале предлагал её Эмилии, а после получения отказа ел сам.

Когда трапеза подошла к концу, Петраковель повлекла нас за собой. Мы миновали коридор и прошли по залу с эфирными ромбами. За галереей с парящими в воздухе свечками оракул свернула к проходу с дверями. Толкнув одну из них, Петраковель запустила нас вовнутрь. В комнате было пять кроватей и два лежачка. Пуховые одеяла, свёрнутые в рулончики, так и манили поскорее ими воспользоваться. Прежде чем удалиться, оракул нажала на рычажок. Часть стены отъехала в бок. За отгороженной секцией находился круглый фонтан. На его гранитном основании сгрудились мыльные принадлежности. Поодаль, на шкафу, крючки унизывали полотенца. Чтобы не смущать друг друга, мы решили, что в начале ополоснутся девочки, а потом мальчики.

Вернувшись в комнату, я заметил, что из-под подушки торчит краешек материи. Я потянул его на себя. Оказалось, что это чистая одежда. У меня в руке была белая блузка, явно предназначавшаяся для Серэнити. Так и есть, у тумбы примостились ботиночки её размера. Мои обновки прятались на кровати напротив. Раскладывая их на простыне, я подивился качеству ткани. Мне досталась чёрная мантия, рубашка и штаны с кожаным ремнём. Подкладки на всех изделиях состояли из меха шиншиллы. Вместо моей замызганной и истёртой обуви я получил замшевые сапоги.

Я бурчал ворожеям благодарности, пока рядом не вскрикнул Грешем. Подняв глаза, я прямо-таки задохнулся от смеха. По случайности вампир вытянул из-под покрывала лифчик. Сгорая от стыда, Грешем пытался отделаться от интимного женского белья, но сделать это у

него никак не получалось. Бретелька зацепилась за коготь! Мой ученик в отчаянии крутил бюстгальтером в разные стороны. Картина стала полной, когда стена отошла и на пороге показались наши распаренные подруги.

— Что здесь происходит? — строго спросила, Серэнити освобождая Грешема от кружева.

— Я... я... взял, а там это! Я не знаю, как...

Язык Грешема прилип к гортани и не желал выговаривать слова правильно. Я уверен, что сейчас он мечтал провалиться под землю.

— Ты что, игрушку себе нашёл?

Великий инквизитор продолжала буравить взглядом сконфуженного вампира.

— Нет, нет, всё не так! Оно само! Клянусь! Ну, вот эта вот вещь на резинке! Она приклеилась!

— Что значит приклеилась? Ты вертел им, словно веером!

— Грешем хочет сказать, что лифчик напал на него сам, а он, не зная как с ним бороться, запаниковал, потому что жизнь его к такой оказии не подготовила, — захохотал я. — Ну а если честно, то ворожеи пошили для нас новую одежду. Она была припрятана в постелях, и Грешем ненароком наткнулся на один очень важный дамский атрибут.

— Идите, купайтесь уже, а то балуются они тут, чем ни попадая, — улыбнулась Эмилия.

Ни на кого не глядя, вампир схватил свои вещи — изумительный комплект хитиновой брони и кинулся к фонтану. Дурнбад, посмеиваясь, вальяжно проследовал за ним. Я подмигнул подруге. Она нетерпеливо ждала, пока мы все удалимся. В её руках успело появиться фиолетовое платье с кружевными панталончиками. Эмилия хотела примерить всё это как можно скорее, а мы, понятное дело, мешали этому.

Когда защёлка отделила мужскую компанию от женской, я сбросил на пол надетое на мне тряпье. Перешагнув через бортик, я окунулся в горячую воду. Меня посетило настоящее блаженство. Отвинтив крышку от выпуклой бутылки, я вылил на ладонь малиновую жидкость. О, да! Жидкое шёлковое мыло! Я грезил о тебе во снах! Неподалёку старейшина войны вовсю взъерошивал бороду. Пена от его интенсивных взмахов разлеталась воздушными комками. Грешем тоже не дремал. Орудя красной мочалкой, он дотошно выскабывая грязь со ступней. Я выбрал себе губку в форме маленькой летучей мышки. Обильно смазав её зелёную макушку шёлковой жидкостью, я занялся своей спиной.

Пока я принимал водные процедуры, возле меня крутился Снурф. По сути, таракан вообще не нуждается в помывке — он сам себя чистит, когда считает нужным. Впрочем, я решил, что сегодня Снурфи не помешает прополоскать лапки. Я наполовину вылез из фонтана и подманил любимца к себе. Когда чёрные усы оказались в поле досягаемости, я ухватил бронированное тельце. Сам Снурф довольно тяжёлый. Если резко поднять таракана, потом не избежать болей между лопатками, поэтому к воде я подтащил его медленно. Круговыми движениями я принялся натирать панцирь пахучей смесью с ароматом имбиря. Ванную залу огласило недовольное шипение. Снурфу подобная растирка пришлась не по вкусу. Не видя из положения иного выхода, он плюхнулся в бурлящую негу. Таракан достал дна, а потом заспешил к поверхности. Недовольно отплёвываясь, он вылез на другом конце фонтана.

Приведя себя в порядок, мы поспешили занять на кроватях горизонтальное положение. Измученные длинным и вовсе непростым днём, Эмилия и Серэнити уже спали. Пожелав Грешему и Дурнбаду доброй ночи, я завалился на свою койку. Перина нежно обняла меня.

Душистая подушка приняла форму головы. Я засыпал и в то же время, как водится, думал. Завтра, если повезёт, я окажусь в Великом Лесу. Куда именно выведет зеркало, и куда мне надо будет идти? Как Эмириус Клайн или Цхева узнают, что меня пора встречать? Какие опасности встанут у меня на пути?

Великий Лес не зря носит своё имя. Его площадь так обширна, что матросы корабля, держащего курс на Бархатные Королевства, увидят за кормой переливы Радужного Моря и пески вместо деревьев только спустя два-три месяца плавания. Если на севере, востоке и западе границы Великого Леса более-менее очерчены, то, где они оканчиваются на юге, толком не знает никто. Некогда Альфонсо Дельторо уверял меня, что высокоствольник доходит до Ледяных Топей, а, возможно, и вовсе аж до Ноорот'Кхвазама. В милях такое расстояние посчитать немыслимо...

Через Великий Лес протекают две реки. По крайней мере, нам известно о двух, а сколько их на самом деле... Одна называется Гнилая, а другая — Рыжая. Где-то между ними пролегает огромное пресное озеро Кристальное Одиночество. Легенда гласит, что изначально оно было облюбовано кланами безволосых обезьян, но что-то большое и могучее отогнало их далеко за его пределы.

Ландшафт Великого Леса неоднороден. Холмы, пригорки и даже зелёные горы гармонично переплетаются с глубокими болотами, расщелинами и водопадами. Красота и смертоносность Великого Леса схожа со змеей. Чарующая раскраска и идеальность изгибов таят в себе гремучий яд. Стоит только зазеваться, и ствол какого-нибудь сухого дерева бесшумно обрушится на шею, нога угодит в зыбучую трясиину, а то и в логово прожорливого паука. Великий Лес не переносит слабаков — выживи или умри.

Помимо природных ловушек во враждебной чаще искателей приключений подстерегают живорезы. Великий Лес — их родина. Отсюда они растеклись во все уголки мира. Оморы, гоблины, безволосые обезьяны, ядовитогубые причмокиватели, бесы, гиганты, огры и другие безжалостные твари с превеликой радостью растерзают заплутавшего человека. Однако даже в самом чёрном-пречёрном месте всегда найдётся пятнышко света. Встарь наиболее яростными противниками вскормленников Хрипыхора были эльфы. Среди зелёного сонма они жили в городе-дереве Тумиль'Инламэ. Тысячелетия назад нескончаемая война подошла для эльфов к концу. Они пропали. Ослепительный Тумиль'Инламэ погрузился во тьму. Вероятнее всего, что эльфов больше нет, но мне кажется, что где-то там ещё скрываются последние отпрыски этого удивительного народа...

Хрипыхор — это корявые боги-идолы, беспрестанно взывающие к своим племенам утолить их кровавую жажду, поэтому при отсутствии врагов из Королевств живорезы грызутся между собой. В Великом Лесу этому потекают цирвады — низкие, смуглые, коренастые гуманоиды, смахивающие на безбородых гномов с рожками посреди лба. Они ненавидят оморы (клыкастых уродцев с костяной бронёй вместо кожи) и убивают их всюду, где придётся. Цирвады издревле обитают в пещерах. Шазбармах — самая большая из них.

Я перевернулся набок и упёрся носом в стеночку. Постепенно мысли сменились сновидениями. Я заснул, и мой разум получил долгожданный отдых. Мне снился Шато, Птикаль и Эмилия с венком из лавра...

В дверь тихо постучали. Кто бы это мог быть? Я открыл глаза и мигом вскочил с кровати. Друзья отреагировали подобным образом. После того, как все собрались, я отворил внутренний засов. У порога стояла молодая ворожея. Пока мы одевались, она успела встать в полный рост. Заложив руку за спину, я отвесил ей полупоклон. В глазах, фиолетовом и

синем, заплясали искорки смеха и мушки неподдельного интереса.

— Значит, ты и есть тот самый Калёб Шаттибраль, Ведьмак, которому мы обязаны своей жизнью? Я представляла тебя несколько иначе.

— Надеюсь, что не разочаровал тебя, — ответил я.

Улыбка озарила зеленоватое лицо.

— Я Велимарта, хранитель зеркал. Оракул повелела мне отвести вас в Чертоги Отражения, как только первые лучи солнца пройдут через листву. Утро пришло, и я здесь. Вы готовы?

— Приятно познакомиться с тобой, Велимарта. Да, мы готовы. Веди, хранитель, а мы постараемся от тебя не отстать.

Удовлетворённая моими словами, ворожея кивнула. Она опустилась на колени, а затем шустро поползла вперёд. Её серая мантия с блёсточками струилась по полу, словно дым. Мы пошли вдоль длинного коридора, в конце которого попали в один из многочисленных палисадников. Там Велимарта свернула в холл с волшебными табличками. Я ожидал, что ворожея станет ими манипулировать, но этого не произошло, она повлекла нас дальше. Оставив позади оранжерею, наполненную карликовыми кустарниками, мы остановились возле железных ворот. Когда они распахнулись, на меня дыхнуло разложением. Теперь я понял, из-за чего в Оплоте Ведьм так пахнет... У каймы базальтовой дороги росли исполинские красные цветы. Из их бутонов торчали руки, ноги и головы. Мёртвых сестёр и братьев ворожеи скармливали хищным растениям. От увиденного у Серэнити задёргалась бровь. Но погребальному обряду поразила не только Великий инквизитор. Украдкой переглянулись мы все. Тут ближайший к нам цветок испустил из себя бархатное облачко. Пуфф! В мои ноздри проникли мускус и гниль. Я закашлялся, глаза заслезились, а подбородку потекли сопли. Вытирая лицо платком, я услышал, как Велимарта церемониально пропела:

— То, что вышло из земли,

В неё и вернись:

Кости к костям, семя к семени!

Совершится круг, обретётся единство,

Познавший, да переродишься вновь.

Она повторяла этот ритуальный наговор до развилки, возле которой внезапно смолкла. К счастью, мы не стали идти через все вонючее поле. Ворожея свернула на тропинку, которая привела нас к спиралевидному спуску. Так как поручни и порошки отсутствовали — идти было неудобно. Прижимая ладони к стене, мы кое-как добрались до низа, где нас уже поджидала Велимарта. Она замерла у отполированной глыбы, похожей на лёд.

— Мы пришли. За обелиском начинаются Чертоги Отражения, — объявила ворожея. — Я прошу вас проявить почтение к созданиям наших рук, мыслей и душ. Живое и неживое, правда и вымысел, будущее и прошлое, всё находится здесь, и здесь же должно остаться. Как хранитель, я должна вас предостеречь — на зеркалах лежат чары защиты. Если вы коснётесь их, то ваша плоть обратится в прах. Долго смотреть в одну гладь тоже нельзя. Если пренебречь этим правилом, разум затянется в зазеркалье, а тело, лишённое надзора, быстро зачахнет и умрёт. И главное — во все времена герои искали мудрость в Чертогах Отражения, но находили её лишь единицы, потому что реально лишь то, что является таковым, — не верьте всему, что увидите. Я не стану вас сопровождать далее. Петраковель даёт вам свободу созерцания. Найдите ответы и возвращайтесь обратно. Я буду ждать вас снаружи.

Велимарта кинула на обелиск пригоршню серебристой пыли. На льдистой поверхности проступили геометрические формы. Коготь хранителя прочертил по ним замысловатый узор — линии отозвались приглушённым светом. Примерно через полминуты сияние усилилось и стало нестерпимым. Я прикрыл глаза. Обелиск пошёл рябью, задымился, а затем исчез.

— Путь ваш перед вами.

— Спасибо, Велимарта, — поблагодарил я, устремляясь в проём.

Тоннель целиком и полностью состоял из круглых, плотно подогнанных серых плит. Когда я ступил на них, они промялись, а потом медленно закрутились по часовой стрелке. Движению это не мешало, зато давило на сознание. От непрерывного круговорота мне почудилось, что плиты стали принимать более блестящий вид. Я помотал головой. Нет, не показалось. Под растворяющейся серостью проступали наши размытые очертания. Чем дальше мы шли, тем отчётливее видели себя в скользящем отражении. Неожиданно всё вокруг озарилось блеском. Нас поглотил голубой огонь. Под его воздействием я, безболезненно, но неотвратимо, распадался на мириады частичек. В следующий миг мне довелось испытать странное ощущение. Меня как будто растянули в тонюсенькую ниточку. Сила понесла меня вперёд. Я не видел, не слышал и не осязал, только чувствовал, что лечу с невообразимой скоростью. Темнота...

Я оторвал лицо от мантии и непроизвольно охнул. Я, вот он я, не разделённый, не расщеплённый — весь! Рядом мои друзья, тоже вроде бы не распались по дороге. Мы очутились в месте, где не было ничего, кроме двух рядов одинаковых зеркал. Закованные в обсидиановые рамы, они, выстроившись друг напротив друга, составляли импровизированный коридор. Каменную твердь над головой заменило ночное небо. С его покрывала на нас мигали звёзды. Они висели так низко, что создавалось впечатление — захоти и достанешь до яркого краешка. За спиной плавал подвешенный в пространстве круг. По-видимому, это из него нас выдавил голубой луч. Под ногами валялась разноцветная галька. Присмотревшись, я понял, что это не что иное, как рубины, сапфиры и алмазы. Дурнбад задумчиво поднял один из камушков, чтобы поднести к глазам.

— Мы в Чертогах Отражения, — сказал я.

— Милый, ты забыл прибавить «наконец». Мы, наконец, в Чертогах Отражения.

— Точно. Спустия все перипетии.

Я направился вдоль ряда зеркал.

— Смотрите внимательно! Нам нужен скол в виде молнии!

— Чтобы не крутить головой туда-сюда, будет разумно разделить наши силы, — отозвалась Серэнити. — Я, например, и Дурнбад пойдём по этой стороне, а ты, Эмилия вместе с Грешемом по той.

— Хорошая идея, — одобрила моя подруга. — Однако ты ничего не сказала о Калебе. Он вряд ли согласится идти только по одной линии. Да, протёртый носок? — обратилась колдунья ко мне. — Ты ведь по-любому захочешь все контролировать лично?

— Доверяй, но проверяй! У меня значительно больше опыта в подобных загадках и...

Я не договорил, меня перебила Великий инквизитор.

— Вот потому-то я и не стала его упоминать. Разве Шаттибраль сможет удержаться, чтобы не осмотреть всё сразу? Конечно, нет! Вдруг мы пропустим сбитый кусочек, а он будет тут как тут!

В голосе Серэнити скользил неприкрытый сарказм.

— И когда это вы успели меня так хорошо узнать? — проворчал я, бегая глазами от

рамы к раме.

— Тебя и узнавать нечего. Такие кислые и педантичные грибы, как ты, видны на полянках без всяких очков!

Эмилия показала мне язык. Она стояла за моей спиной, и я увидел её в зеркале. Неожиданно у правого плеча моей подруги возник мохнатый демон с загнутыми когтями. Я схватился за рукоятку Альдбрига и резко обернулся. Колдунья непонимающе на меня уставилась. Сзади неё никого не было.

— В нём.

Я показал на зеркало.

— Сзади тебя стояло чудище.

— Странно, — откликнулась Эмилия, всматриваясь в своего двойника. — Я вижу только тебя и меня.

— Наверное, мне привиделся мираж.

Колдунья деловито поправила причёску.

— Эх, где все мои лосьоны. Без них волосы стали такими ломкими.

— Эгей! Только поглядите! У меня на голове корона!

Грешем горделиво выпятил грудь.

— Мантия! Какая на мне мантия! Король бы позавидовал! Я веду войско! Трубы звенят, собаки лают, мне подносят щит! А со мной... со мной... девушка! Она прекрасна! У неё бледная кожа и... клыки! Она такая же, как я — вампир!

Эмилия подошла к Грешему.

— Ничего подобного здесь нет! Ты выглядишь, как всегда! Никаких собак, и уж тем более бледнолицей красотки! Пусто!

— Говорю тебе: не пусто! Девушка никуда не пропала! Она рядом со мной! У неё в руках необыкновенный арбалет!

— Ага! Может надо смотреть с какого-то определённого ракурса, — предположила колдунья. — Дай-ка я стану на твоё место.

Пока Эмилия и Грешем топтались возле одного зеркала, Серэнити неотрывно пялилась в другое.

— О, Урах! Вы... Вы здесь!

Великий инквизитор подняла булаву и шагнула вперёд.

— Теперь вы заплатите сполна!

— Стой! Не трогай! Велимарта предупреждала! Ты умрёшь!

Каким-то чудом я успел отпихнуть Серэнити в противоположную от творения ворожей сторону. Завывая как рассерженная кошка, Великий инквизитор, падая в драгоценные камни, умудрилась схватить меня за шиворот. В два счета она оказалась на мне, а её латный кулак над моим носом. Я зажмурился. Боль? Да, но не моя. Мне на лицо упала капелька. Пс цекам Серэнити текли слёзы.

— Они не настоящие! Сёстры монастыря! Они обман! Мои мучители — их нет! И меня там нет! — прорыдала великий инквизитор, уткнувшись мне в воротник. — Тот жуткий день в Ордене Креста... Их снедала жажда крови... Из всех выжила только я!

— Это в прошлом, в прошлом. Ну же... прекращай, я с тобой...

Я прижал Серэнити к себе.

— Они измывались, а потом убивали...

— Успокойся, успокойся, ты справилась...

Серэнити сделала над собой усилие.

— Спасибо! Всё... я... Всё хорошо!

Великий инквизитор слезла с меня и подала руку.

— Чертоги Отражения — это сплошной капкан! Теперь мне ясно, что имела в виду

Велимарта, когда говорила не разглядывать зеркала подолгу! — взволнованно сказал я. — Эй! Нельзя направлять взор в середину, только в углы! Они — наша цель!

Как оказалось, меня услышала только Серэнити. В это время Грешем отчаянно боролся с Дурнбадом. Сбить гнома с ног нам удалось только втроём. По возгласам старейшины войны я догадался, что лживое зеркало посулило ему бороду до пяток, и он не в какую не желал расставаться с этим в высшей мере почётным атрибутом. Ведь чем длиннее у гнома борода, тем выше его гордость!

Спесь спала с Дурнбада так же быстро, как и нашла. Он успокоился и прокряхтел, что-то о плешивой магии. Между тем Эмилия ушла от нас достаточно далеко. Когда мы добежали до неё и всей гурьбой навалились, она обиженно промычала, что умеет себя контролировать. Мельком взглянув на тающую картину, я увидел Эмилию в белом платье и знакомые очертания спины... Бертрана Валуа! Что, тролль разбери, ей привиделось?! Что... почему? Ладно, обдумаю потом. Сейчас необходимо сосредоточиться на поиске!

Таинственные чары Чертогов Отражения продолжали тяготеть над нами. С продвижением по бесценной дорожке завлекательные посулы и жалобные картины пропали, но монстры никуда не делись. Они как будто смекнули, что надо поменять тактику. Их жуткие рожи часто мерещились в краешках зеркал.

В какой-то момент путь через блестящие ряды стал казаться мне нескончаемым. От напряжения у меня разболелись глаза. Я постоянно моргал и тёр их пальцами.

Неожиданно одна из рам с грохотом упала, сжалась и обернулась сундуком. Крышка распахнулась — под ней во множестве сгрудилось занятные вещицы. Чего тут только не было: лупы, волшебные палочки, книги, мраморные перья, гадальные карты, шкатулки, свитки, астролябии, циркули, колбы и ещё куча всего. Эмилия расхохоталась, и я вслед за ней.

— Чего вы гогочете? — нахмурившись, спросил Дурнбад. — Свихнулись либо?

— Нет, мой милый гном, мы смеёмся над Чертогами Отражения.

— С чего бы? — осведомился старейшина войны, всё более прищуриваясь.

— Да с того, что Они или Оно, не знаю, решили, что все колдуны жадные до разного барахла. Это конечно так, но учитывая, что это такое...

— Попытка слабоватая! — фыркнул я. — Мимо!

— Убери руки! — крикнула Эмилия, остерегающе взмахивая Людвирбингом. — Это не топор, это смертельное зеркало, только переделанное под материальную иллюзию.

— Горы и недра! — выдохнул Дурнбад, тут же отскакивая от алмазной секиры.

— Пойдёмте дальше, — сказала Серэнити, холодно скользнув взглядом по сокровищам.

Следующим препятствием, скорее смешным, нежели страшным или коварным, стал дождь из капусты. Кочаны валились с небес и глухо раскалываясь у наших ног. Одна из капустин бахнула мне по макушке. Как обухом огрели... Повезло ещё, что маленькая, а то не равен бы час, пришибла. Найти кончину не от могущественного волшебного демона, а от капусты — прозаично, но не эпично!

Как только овощи сменили гнев на милость и перестали падать, нас наводнили кролики. Морекроликов. Всюду только и раздавалось — хрум-хрум-хрум! Зубки работали,

не жалея сил. Пробираясь сквозь копошащийся массив, разделяющийся с кочерыжками и зелёными листьями, я старался никого не раздавить. Всё диковинное пиршество закончилось так же внезапно, как и началось. Кролики доели капусту и разбежались. Единственным напоминанием о себе они оставили спутанные клока облезлой шерсти. Что это только что было? Я вновь переключился на зеркала. Где-то тут... или там, или за теми десятью...

Спустя часы безрезультатного скитания по Чертогам Отражения нам наконец-то попало то, что мы так упорно искали. Зигзагообразный скол чётко выделялся на стеклянной поверхности. Я присел на корточки, чтобы получше его рассмотреть. Пока я обследовал сбитый край, зеркало под нашими взглядами принялось раздаваться вширь. Оно продолжало увеличиваться, покуда не поглотило двух товарок. Его гладь засеребрилась. Контуры заходили волнами и подёрнулись красками. Перед нами возникла заваленная невесть, чем комната. Носки, штаны, бочки, скорлупа от яиц, статуэтки все это вперемешку валялось на полу. Полки на шкафах покрывала паутина. Колдовские светильники над потолком помаргивали жёлтым светом.

— Это было легче лёгкого, — в обычной своей манере пошутил я.

— Перед нами падут любые стены! — воинственно гаркнул Дурнбад, воспринимая мои слова в серьёз. — Лес Скорби, вшивые Куркумные Болота, Оплот Ведьм — мы им неровня!

— Стоит только учесть то, что нас сто раз чуть не уколошили, — отметила Серэнити.

— Чуть-чуть не считается! — расхохотался гном, поднимая молот. — Давайте вперёд!

— Не торопись, — попросил я, активно раздумывая над тем, опасно ли вот так вот просто взять и пройти через портал.

— Занятое местечко, — пробормотала Эмилия, внимательно изучая зелёными глазами интерьер комнаты.

— Более чем, — согласился я. — Интересно, кто тут живёт.

— Какой-то грязнуля? — предположила моя подруга.

— Грязнуля из Великого Леса, — уточнил Грешем.

— А это значит, что он может быть опасен, — кивнула Эмилия. — Калерб, ловушки.

— Прощупаем мистерию зеркала вместе? — предложил я.

— Думаю вдвоём мы управимся за полдня.

— Отлично, ты тогда...

— Полдня! — взревел нетерпеливый Дурнбад. — Полдня в этой дыре с толстобрюхими кроликами, тухлыми кочанами, хитрыми сундуками и бесовскими тенями! Нет! Хватит с меня! Лучше битва! Двинем!

— Нет! — заорал я, но Дурнбад уже шагнул через раму. Раздалось громкое бульк — живой и невредимый старейшина войны очутился за магической вуалью. Дурнбад — умный гном, однако иногда темперамент ставит на его здравомыслии жирный крест. Всегда, подчеркну — всегда, намереваясь совершить перемещение объекта из одной плоскости в другую, субъект должен удостовериться, что магия, которую он будет сплести для этого сверхтрудного ритуала, не нанесёт ему вреда. Проверь ошибки, исключи подвохи и наложи на себя экранированную броню — так звучит золотое правило призыва существ и предметов внешних планов Бытия. Что уж тут говорить о сомнительно-самостоятельном переходе сквозь универсум. Для Дурнбада всё обошлось, однако энергия Вселенной могла повести себя и по-другому — например, сжать его до размера горошины или разорвать напополам. Символ удачи — татуировка подковы на кулаке гнома — сегодня вполне себя оправдал.

— На практике мой отважный брат по крови подтвердил, что Пеленик Атригинальтикум Каспа или в учёном простонародье Местный Сопредельный Разрыв не содержит в себе кислотных, морозных, огненных или иных скрытых чар, поэтому прошу — все за мной!

— Разве нельзя было сказать менее затейливо? Допустим — всё в порядке, — вздохнула Серэнити. — Зачем эти непонятные обороты?

— Среди всех зануд — Калерб первый зануда, — улыбнулась Эмилия. — Сознаться, старый гриб, любишь поумничать?

— Ты и так знаешь, что люблю, — усмехнулся я, становясь в проёме обсидиановой рамы.

Я собирался изучить свойства зеркала до того, как кто-то бы из нас его преодолел... Теперь же делать этого не нужно. Гном провёл все эксперименты и за меня, и за Эмилию. Я окунул руку в вертикальную волну. Ощущение было такое, словно я опустил запястье в воду. Пора! До свидания Фчифчи, Шоб-Коб-Дуб, Велимарта и Петраковель! Здравствуй, Великий Лес и новые невзгоды! Подхватив под мышку шипящего Снурфа, я миновал колдовской барьер, а за мной его переступила и вся остальная компания. Я покрутил головой. Мы оказались в круглом, изрядно замусоренном зале без окон и дверей. Пообтёртая пентаграмма и почерневший котелок с остатками приварившихся ингредиентов навели меня на мысль, что это дом какого-то кудесника.

Я приблизился к столу, доверху нагромождённому мензурками, ретортами, ступками, перегонными устройствами и свитками. Некогда белые листки заметок ныне цвели желтизной ушедших столетий. Выцветшие чернила сообщили мне, что кудесник пытался сделать зелье достаточно заковыристого свойства, а именно: за предварительно очерченной границей пространства оно должно было полностью разрушить привычное трёхмерное восприятие и вместе с тем создать непреодолимый щит от чар, воздействующих на разум. Я передал рукописи Эмилии. Моя подруга быстро пробежала их глазами, а затем пожала плечами. Коктейль эффектов, как и пожелание кудесника сотворить их, нам обоим показался удивительным. Впрочем, колдунья сунула стопу исписанной бумаги себе в сумку. Я не сомневался, что Эмилия, положившая жизнь на зельеварение, потом непременно разберёт каждый записанный рецепт.

Между тем по порталу побежала морось геометрических фигур. Спустя мгновение она подобно водовороту закрутилась в середине магических волн. Вспышка и... вместо портала мы увидели давным-давно разбитое зеркало. Теперь надо поправиться — не до свидания, Оплот Ведьм, а прощай! Дороги назад больше нет, и раз — так, то пора найти отсюда выход.

Я прошёлся вдоль нестройного ряда причудливых шкафов. Где же механизм, отмыкающий проход на следующий уровень дома? У пересохшего фонтана? Нет. У циклопического верстака? То же нет. У гирлянды колокольчиков? Опять промах... Перещупав, по моему мнению, сотню подходящих предметов, я устало сел на маленький стульчик. И о, чудо! Пол затрещал и раздвинулся. Под плитами пряталась лестница. Толстый слой пыли обильно покрывал кривые порожки — это наблюдение обнадёжило меня. Может, мы тут одни...

Спускаясь вниз, я услышал тихий звон. Он мог значить всё что угодно, поэтому я решил приготовить заклинание «Огня». Пропустив Серэнити вперёд себя, я сконцентрировался. На ладони привычно затрепетал шарик пламени. Щелчок — это Великий инквизитор отцепила от пояса булаву. Дурнбад с молотом наперевес пристроился от меня справа. Эмилия с

раскалённым Людвирбингом, Мурчиком и Снурфом — позади, а Грешем и два его коротких меча — в конце отряда. Черета приключений научила нас действовать как единое целое. Сплочённой, прикрытой с флангов командой, мы медленно сошли по ступенькам до самого низа.

На высоком пьедестале, в центре зала, покоилась хрустальная сфера. Из неё-то и исходил этот загадочный звук.

Я бегло огляделся: врагов вроде бы не было, хотя... Массивные колонны и затенённые ниши дают неплохой шанс устроить засаду...

Серэнити отделилась от отряда и осторожно пошла по периметру. Все спокойно... После её кивка я направился к пьедесталу. Что это за штука? Не доходя до зудящей сферы нескольких шагов, я остановился и уставился в её нутро. Под хрустальной оболочкой происходили непрерывные изменения. Там клацали молнии и стелились снежные туманы. Дождевые облака то собирались, то рассеивались, то обращались мириадами малюсеньких листьев. В этих краткосрочных явлениях было что-то притягательно-чарующее. Я с увлечением наблюдал, как метаморфозы взбалтывают палитру красок, заключённую в миниатюрные рамки природы. В сфере выглянуло полуденное солнце. Покрасовавшись две-три секунды, оно потонуло в синеве моря. Пена забурлила и окрасилась в чёрный цвет. На смену воде выбирались кроваво-красные сгустки бегущей из полутьмы лавы. Зрелище так поглотило меня, что я не заметил, как подобрался к kloкочущей сфере и... Видимо я дотронулся до неё кончиком любопытного носа. Волной энергии меня откинуло на трухлявый комод. Я застонал. Лицо горело так, как будто на него вылили ушат крутого кипятка. Кисточки белых прядей и льдистые глаза. Как я боялся их тогда и как радуюсь им сейчас. Серэнити. Её руки нежно исцеляли мою повреждённую кожу. Приятная прохлада прогоняла боль...

Внезапно великий инквизитор вскрикнула и кубарем перелетела через меня. С воплем «Ты руда, а я кирка!» Дурнбад бросился за ближайшую колонну. Не знаю, что там произошло, но не успел я встать на ноги, как гном всем весом рухнул на меня сверху. Вылезая из-под кряхтящего Дурнбада, я увидел в действии пульсирующий Людвирбинг. Из посоха Эмилии вылетали изумрудные звёзды. На расстоянии примерно в три фута они склеивались между собой и зависали в воздухе. Колдунья сотворила над нами «Магический Щит». Залу огласил безумный смех, и хрустальная сфера изрыгнула из себя струю серого пара. Она бухнулась в защитное заклинание Эмилии, но не пробила его. Сдерживая натиск, колдунья покрылась мелкими зёрнышками пота.

— Калёб! Помогай!

Из-за угла показалась фигура, закутанная в синюю тунику. Из-под капюшона торчала длинная седая борода. Незнакомец сжимал в руках чёрный посох с навершием в виде черепа.

— Никому не одолеть Милтара Бризза! — пророкотал кудесник, уверенно приближаясь к Эмилии.

— Погоди, скоро ты запоёшь иначе! — пообещал я взбешённый нападением на подругу.

Ярость не дала мне точно прицелиться, пущенный шар огня врезался в гравюру, совершенно не задев самонадеянного Милтара Бризза. И вновь смех.

— И это все, что ты умеешь?! Слабак! Смотри, как надо!

Проведя ладонью, Милтар Бризз легко рассеял чары Эмилии. В это время укрытый тенями Грешем подкрался к кудеснику со спины. Два клинка взмыли вверх, но Милтар Бризз почувствовал неладное. Он ловко отклонился и с разворота пнул вампира сапогом в живот.

Перепрыгнув через отколовшийся кусок камня, он взмахом посоха играючи отразил мой новый шар огня и изумрудную стрелу Эмилии.

— Лику Эбенового Ужаса не страшны ваши жалкие искры!

— Тогда как насчёт булавы!

Милтар Бризз едва не попал под сокрушительный удар Серэнити. Дурнбад, покачиваясь, заходил с тыла, а Грешем отрезал последний путь к отступлению. Оценив своё, казалось бы, плачевное положение, Милтар Бризз хохотнул и хлопнул в ладоши. Вот он был и вот, его уже нет. Я недоумённо впился взором в пустое место. Заклинание «Невидимости»? Оно? Взрыв смеха донёсся с середины зала. Милтар Бризз стоял у пьедестала и расслабленно поглаживал сферу. Как он там возник?! Телепортация на короткие дистанции? Сколько на это требуется энергии? Наверняка уйма!

— Дурачье! Я вам не по зубам!

— Скажи это на ушко моему молоту! — гаркнул Дурнбад, надвигаясь на кудесника.

— Пошепчи ему сам! — засмеялся Милтар Бризз.

Из сферы выстрелил мерцающий луч. Угодив в оружие, он вырвал его из рук старейшины войны, круганул, а затем припечатал по серебристому шлему. Дурнбад сполз по колонне на пол.

— Ты — покойник! — взревел Грешем, со всех ног несясь на Милтара Бризза.

Короткие мечи практически достали шеи кудесника. Практически. Молния из хрустальной сферы пригвоздила вампира к земле. Второй зигзаг мелькнул к Серэнити, но не под силу ему было продырявить легендарный щит Нолда Тёмного. Скрикошетивший разряд прожог Милтару Бриззу дыру в мантии, а колючая булава лишь по случайности не поцеловала его седую голову. Натиск Альдбрига кудесник заблокировал Ликом Эбенового Ужаса, который выполнив серию спасительных комбо, стремительно ушёл в бок, где настиг висок Эмилии. Выронив Людвирбинг, колдунья налетела на канделябр. Меч и булава против посоха. Я прогнулся и нанёс удар по касательной. Серэнити поддержала меня дробящим выпадом. Бамц! Бамц! Отлитый из чёрного металла Лик Эбенового Ужаса отбил наши атаки. Отскочив обратно к пьедесталу, кудесник выпустил в Серэнити напалм серого огня. Обогнув щит, языки пламени лизнули латные перчатки. Великий инквизитор поморщилась, однако не отступила. Мы кружили в булатном танце, танце смерти. Кем бы ни был Милтар Бризз — технику боя он знал ничуть не хуже чародейского ремесла. Уйдя из-под моего хитрого нижнего укола, он в ответ остриём посоха рассёк мне голень и, скрестив появившийся из рукава кинжал с булавой, процарапал Серэнити плечо. Пляска стали продолжалась. Вжик! Вжик! Вжик! С кинжалом Милтар Бризз стал вести себя более нахраписто. Впрочем численный перевес всё же был на нашей стороне — четыре руки и две — разница есть. К тому же к нам спешили очухавшиеся Грешем и Дурнбад. Эмилия, подобрав Людвирбинг, концентрировала силы. Тут, прятаясь и дотоле выжидающие удачного момента, Мурчик и Снурф на пару выскочили из-за горшка с карликовым деревом и вцепились зубами в тело злого кудесника. Истошно завопив, Милтар Бризз магическим порывом скинул с себя наших фамильяров.

— Мне надоела эта мышьяная возня! Пора с вами кончать! — уже без прежнего задора заорал Милтар Бризз, отступая под градом ударов к громадной вазе.

Череп на посохе кудесника зарделся красным. Свечение переросло в энергетический всплеск. Все семеро мы рухнули у концертного рояля. Смех победителя перекрыл наши охи и ахи.

— Умирите в муках!

Милтар Бризз засвистел в хрустальную сферу и тихий звон тут же перерос в вой. Порывы ветра взвили к потолку обрывки страниц. Из хрустальной сферы выбрался самый настоящий смерч... а за ним ещё, и ещё один. Вбирая в себя всюду валяющийся мусор, смерчи единой стеной двинулись на нас. Под надрывный смех кудесника мы пятились назад. Что это за странное волшебство?! Я обернулся и вовремя! Проход к лестнице загородили вихри. Мы окружены! Не придумав ничего лучшего, я заставил себя сосредоточиться. Мне привычно манипулировать магией Стихии, потому что она пряма и незамысловата. Однако иногда обстоятельства требуют от меня воспользоваться тёмным искусством — это несколько иная ипостась сакрального созидания. Энергия по-прежнему черпается из Вселенной, но её источники меняются. Они берут своё начало глубоко в недрах земли, в удушливой бездне Назбраэля, где грешники обречены страдать до скончания мира. Когда я вбираю в себя их агонизирующие хрипы и перековываю в разрушение — мной овладевает отвращение... как к себе, так и к ним. Лик Эбенового Ужаса справился с огнём, посмотрим, как он воспримет Это! Вместо молнии в мой перчатке образовался бордовый ком. Он клубился и дышал разладом. Заклинание «Потустороннего Террора» пронзило завесу смерчей и, попутно отодрав клочок седой бороды, обрушилось на пьедестал. Не этого я надеялся достигнуть, но... Пьедестал изрезался сетью трещин, а затем рухнул. Хрустальная сфера соскользнула с разбитого основания и покатила к нам. Милтар Бризз с проклятиями побежал за ней. Смерчи, оставшись без силовой подпитки и контроля, моментально стихли. Болтающиеся по кругу вещи попадали на плитку. Возле меня шмякнулась старая дырявая шляпа. По случайности она накрыла собой звенящую беглянку. Подняв глаза, я пересёкся взором с запыхавшимся кудесником. Его зрачки пылали вожделением, страданием и паническим страхом.

— Почему ты пожелтел? У тебя обострилась язва? — поддавая шляпу пяткой, спросил я. Кудесник взвыл, теперь от хрустальной сферы его отделял мой меч.

— Ты не понимаешь, что творишь!

— Тогда объясни!

Однако вместо объяснений Милтар Бризз размахнулся посохом. Лик Эбенового Ужаса сошёлся с Альдбригом. Два удара и кинжальный тычок! Я отпрянул, но кровь у меня уже текла не только из голени — своё получила подмышка.

— Он мой! Мой и только мой!

И тут мои друзья взяли Милтара Бризза в кольцо. Затравленно озираясь, наш противник стал вертеть оружием в разные стороны. Однако круг неукротимо смыкался. На ногах, руках и груди кудесника уже проступили многочисленные порезы. Царапины от когтей и следы от зубов — были подарочками Снурфа и Мурчика.

— Где твой смех, приятель? Мне его не хватает! — осклабился Грешем, подсекая клинком сухожилие Милтара Бризза.

— Мне кажется, он наложил в штаны! — гикнул Дурнбад, напирая на врага.

— Я плюю на ваши могилы! — отозвался Милтар Бризз, подкрепляя плевком удачным попаданием кинжала в бедро Серэнити.

Стиснув зубы, Великий инквизитор контратаковала. Целясь морозным кубом в опалённую бороду, я неожиданно догадался — Милтар Бризз потерял своё превосходство! Сорвавшись с пьедестала, хрустальная сфера разорвала невидимые нити, что связывали её с кудесником. Мощь, что непрерывно вливалась в старческое тело, отныне свернула свои

каналы. Энергетический шок лишил Милтара Бризза умения колдовать. Он был обречён.

Людвирбинг сверкнул изумрудным блеском.

— Бывали у меня ощущения и приятнее... — удивлённо и как-то спокойно заявил кудесник.

Из-под синего капюшона с мерзким хлюпаньем вывалился дымящийся мозг. Колдунья поставила точку в жизни Милтара Бризза.

— Его как тележкой переехало, — пробасил Дурнбад, уважительно косясь на Людвирбинг.

— Никому не одолеть Эмилию Грэхольм! — выдохнула моя подруга.

— По праву теперь это твоя фразочка, — нервно улыбнулся я.

— Идите все ко мне, — устало позвала Серэнити. — Я обработаю ваши раны.

— Что бы мы без тебя делали, — благодарно откликнулся я, подходя к Великому инквизитору.

— Разве покойники могли бы что-то делать?

— Ещё как! Эй, веет чёрным юмором!

Я с акцентированием повторил:

— Чёрным!

— Никакого юмора, Шаттибраль, голая истина.

— А легко ли этому научиться? — поинтересовался Грешем, наблюдая за тем, как моя лодыжка принимает прежний, здоровый вид.

— Этому чему?

— Магии Света.

Великий инквизитор тяжело посмотрела на вампира.

— То, что ты видишь, умеют единицы.

Грешем задумался, а Эмилия, вверяя разбитый висок в руки Серэнити, спросила:

— Зачем Милтар Бризз напал на нас?

— Разве всегда должна быть причина? — вопросом на вопрос ответил я.

— Чокнутый, — кивнул Дурнбад. — Чародеи такие через одного.

Засмеявшись, я положил ладонь на сердце.

— Раз.

— Противный гриб! Ты что ждёшь, чтобы я сказала «два»?

— Твоя очередь, — подтвердил я, ища глазами шляпу. — Та хрустальная сфера...

Неподалёку от меня возник конус дыма. Предвещающая новую опасность, мы приняли боевые стойки. Хорошо, что Серэнити управилась с нашими повреждениями до очередного сражения — мелькнуло у меня в голове. Дым набух и обзавёлся молниями — из него вышел вытянутый и невероятно худой гуманоид с абсолютно лысой головой. Его бриллиантовые глаза над острым носом излучали сияние. Голубая мантия с закатанными рукавами и жезл. Колоритно.

Пальцы потянули шляпу за помятый кончик...

— Гамбус!

Несимметричное лицо озарила синезубая улыбка.

— Я знал, что рано или поздно это произойдёт, — оповестил долгопалый гуманоид, поднимая переливающуюся всеми цветами радуги сферу. — Представляешь, Милтар, ты мёртв! Неужели ты решил, что умнее меня! Ха! Жалкий червь! Долго же мне пришлось ждать, пока кто-нибудь выпустит твои кишки наружу! Как досадно, что это сделал не я!

Гуманоид пнул бездыханное тело.

— Хотя признаю: некоторым талантом ты обладал. Сумел-таки, прохвост, придумать, как все эти века не пускать меня в свою вонючую конуру. Это же надо так вывернуться? Взять под контроль Гамбус, напитаться его энергией, а затем уничтожить чувство реальности и создать преграду к магии разума! Ох, уж эти вихри над твоей лачугой! Как они мне надоели! Не подступиться, не постучаться в дверь! Смекалисто! Ты как чувствовал, что я тебе не земляники принести хотел. С того дня...

— Кто ты? — вклинился я в рассуждения.

— Я?

Гуманоид казался искренне удивлённым.

— Всего каких-то пару тысячелетий назад у тебя, малыш, не возникло бы такого вопроса. Моё имя гремело от одного края Великого Леса до другого. Мягкошёрсты Бархатных Земель, эндориты Ноорот'Кхвазама, лицегрудые виалы Рунного Льда и люди Соединённого Королевства боялись меня пуще огня! А эльфы? Они трепетали! Тогда даже подумать было немыслимо, что меня кто-то не узнает! Эх, как же быстротечна река времени! Легенды гаснут, уходят в прошлое, а ты остаёшься немым напоминанием о днях минувших! Как последняя черепаха, лениво и бесцельно ползёшь вперёд навстречу с морскими пучинами. Вместе с тем, не всегда все так категорично. Я снова нужен. Впрочем, не могу сказать, что я рад этому.

— Так кто же ты? — переспросил Грешем, не опуская клинков.

— Неужели здесь никто не умеет читать между строк?

Гуманоид добродушно улыбнулся.

— Куда вас вела судьба? Где ваша конечная точка в этом представлении?

— Ты — Джед Хартблад, — почтительно сказала Эмилия.

— Именно, девочка! Видимо ты тут самая смышлёная. Чтобы разгадать загадку, тебе больше одной подсказки не требуется. Это хорошо. Наверняка в детстве ты ела много фруктов. Они благотворно влияют на формирование обоих полушарий мозга.

Джед Хартблад обернул хрустальную сферу подолом мантии. Её он назвал Гамбус — щёлкнуло у меня в голове.

— Скоро нам с вами предстоит вдохнуть жизнь в этот запачканный мир. Очистить его от побегов ереси и заковать зло в кандалы. Ощущаете, как это возвышенно звучит?

Над лысой головой материализовался клочок испещрённого молниями тумана. Постепенно он стал окутывать Джеда Хартблада и Милтара Бризза.

— Увидимся в Килкваге, зайчата! И мой вам совет — лучше поторопитесь — за промедление Урах сдерёт с вас кожу, сделает из неё воздушные шарики, а потом раздарит их детям на празднике весны. Согласитесь, это не так уж и мило! Ну, всё! Пока-пока!

Глава 26. За чертой

Последние слова Джеда Хартблада донеслись из сияющего воздуха. Он, прихватив с собой Гамбус и Милтара Бризза, исчез так же внезапно, как и появился. Сотни вопросов, что я намеревался ему задать, так и не покинули моего рта. Только мы повернулись друг к другу, чтобы обсудить произошедшее, как послышался страшный скрежет. Со стен посыпались куски камня. Пол под ногами просел, закрутился и разъехался. В образовавшуюся воронку полетел весь хлам. Потолок отчаянно загудел. Огромная оторвавшаяся от свода глыба лишь

по случайности не накрыла полосатый хвост Мурчика.

— Быстрее! Туда! — крикнул Грешем, показывая на оголившуюся лестницу.

Я подобрал Лик Эбенового Ужаса, что добру пропадать зря, и вприпрыжку ринулся по ступенькам вниз. Миновав несколько пролётов, мы выбежали через настежь распахнутые ворота. После постоянного пребывания в полутьме солнечный свет практически ослепил меня, но сомкнуть глаза я себе не позволил. Дубы, вязы, клёны и ели величаво раскинули ветки над нашими головами. А сзади... Стройная башня, в которую мы перенеслись из Чертогов Отражения, кренилась то вправо, то влево. В итоге она рухнула и едва не погребла нас под обломками.

— Хозяин башни умер, и она разрушилась, — задумчиво промолвил я, разглядывая Лик Эбенового Ужаса. — Однажды я уже такое видел... Правда, тогда она исчезла.

— Ты сейчас вспомнил про Квиля Лофирндваля? — осведомилась Эмилия, отряхиваясь от пыли.

Я кивнул.

— Видимо после смерти волшебника его дом в каком-то смысле тоже умирает. Энергия, что...

— Это всё, конечно, очень интересно, но давайте поговорим о другом, — перебила Серэнити. — Мы в Великом Лесу, так?

— Более, чем, — снова кивнул я.

— Не понимаю, почему Джед Хартблад не проводил нас до Килкваги? — вздохнул Грешем, нервно озираясь. — Почему мы должны искать замок и самостоятельно до него добираться? Цхева обещала, что за нами придут!

— Ты ей так и поверил? — хмыкнул Дурнбад. — Она — змея!

— Великий Лес наполнен живорезами ничуть не меньше, чем Абрикосовое Море запружено рыбой, — продолжал мой ученик, не обращая внимания на колкость гнома. — Мы пока живы, но это «пока» может скоро закончиться.

Грешем посмотрел на меня.

— Куда нам идти?

— Килквага может быть где угодно, — отозвался я, облизывая губы.

— Известно одно — в какую сторону не пойдёшь — сражения не избежать! — пророкотал Дурнбад, потрясая молотом. — Там, где Великий Лес наступает на Железные Горы, мои сородичи рубят живорезов и днём и ночью. От клана Умбрдун в Надургх периодически приходят всякие вести. Так вот, эта чаща — сосредоточение зла! Помяните мои слова — бой близок!

— Надо постараться его избежать, — сказал Грешем.

— Пойдём в открытую!

— Разумнее держаться теней.

— Сеча! — рявкнул Дурнбад.

— Тише вы! — шикнула Эмилия.

Она и Серэнити уже какое-то время прислушивались.

— Вы слышите это? — спросила Великий инквизитор.

— Похоже на бой барабанов, — откликнулся я, прикладывая руку к уху.

— Звук доносится из-за того холма, — показала моя подруга.

Украдкой мы придвинулись к плотному скоплению кустарников. Я лёг на живот и, раздвигая колючие заросли, пополз на возвышенность. То, что я увидел, достигнув вершины,

не могло мне присниться даже в самом страшном сне. Огибая покосившиеся стволы деревьев, струилась живая река живорезов: огры с дубинками, тролли с отравленными дротиками, безволосые обезьяны, ядовитогубые причмокиватели, гоблины с кинжалами и многие другие. Из всех демонических рас больше всех выделялись закованные в броню клыкастые оморы. Они держались обособленно и не разделяли строй. Их барабанщики без умолку перестукивались победоносной дробью. Тум-турум-тум-ум, а в ответ там-тарам-там-там. Вечно разобщённых существ ныне вела единая воля. В какое место движется эта армада Хрипохора, и кто её ведёт? Неужели Таурус Красный Палач подмял Великий Лес под себя? Если это так, то Соединённое Королевство обречено!

Тяжело вздохнув, Серэнити прошептала:

— Сотни знамён. Сердцем чувствую — они идут на Ильварет.

— Думаешь, он устоит? — так же шёпотом спросил я.

— Без подмоги шансы невелики, — ответила Серэнити, внимательно изучая боевые порядки. — Стены Ильварета крепки, и Алан Вельстрассен там, но... агрессия Плавеня не даст королеве Констанции отреагировать должным образом. Смута, что воцарилась после смерти Вильгельма Тёмного и исчезновения принца Фабиана, уже всюю пожимает свои плоды. Нет Архиурата, нет объединённой армии. Каждый сам за себя и я... Я молюсь, чтобы у нас получилось, и Пророчество Полного Круга сбылось.

— Вселенная... Урах нас не бросит.

— Ты изменился, Шаттибраль.

— Я такой и был, а вот ты... Ты стала другой.

— Я...

— Тсс!

Вдоль переругивающегося строя пронёсся десяток огромных псов. Огненные пасти и свисающие алые языки — это кхатры, охотники и любимцы идола-бога Кхароторона. По преданиям самые злые и безумные из них стерегут врата в Червонном Капище. Одна из собак оторвалась от основной массы. Она остановилась у прогалины и втянула носом воздух. Злобные глазёнки впились прямо туда, где скрывалась наша компания. Протяжно завыв, кхатор бросился к здоровенному оморю в болотно-зелёном панцире. Серая, испещрённая шрамами морда оскалилась гримасой животной радости. Затрубил рожок! Река живорезов тут же всколыхнулась и поменяла своё русло — она направилась к нам!

— Мы пропали! — резко бледнея, воскликнула Эмилия.

— Я возьму на себя половину! — заорал Дурнбад, ударяя себя в грудь.

— Дурак! — обозвал гнома Грешем.

— Бежим! — крикнул я, увлекая за собой неустрашимого брата по крови.

Мы кубарем скатились с пригорка и помчались прочь. Куда меня несли ноги? Просто куда-то. Желание спастись затуманивало разум. Оставив позади руины башни, мы выскочили на тропинку, которая уходила вниз. Ветки деревьев отчаянно хлестали меня по лицу, а сапоги цеплялись за вывернутые корни. Гомон погони нарастал с каждой секундой. За нами попятая неслось объединённое воинство Хрипохора.

Второе дыхание, как ты кстати!

Преодолев посадку древних вязов, мы оказались на голом, засыпанном снегом плато — в его конце высился выбитый над пропастью замок!

— Поднажмите! — задыхаясь, подбодрила Серэнити.

Собрав остаток сил, мы кинулись к мрачной твердыне. Наши лёгкие работали как

кузнечные меха, но, увы, на середине пути нас окружили. Смотри Смерти в лицо, я выдернул из ножен Альдбриг. В правой руке череп Лика Эбенового Ужаса вспыхнул красным. Изумрудным всплеском ему вторил Людвирбинг Эмилии.

— Сегодня я не посрамлю своих предков! — безумно сверкая глазами, прогремел Дурнбад.

— Встретимся на том свете! — обречённо рассмеялся Грешем, обнажая клинки.

— Будем пить «Нейли-пейли»!

— До скончания веков!

Две девушки, вампир, гном, кот, таракан и я, вместе, мы, прижавшись спина к спине, приготовились дорого продать свои жизни. Скаля пасти и улюлюкая твари, смыкали круг. Никаких стрел и копий. Рукопашная. Так веселее. Ядовитогубые причмокиватели плевались, оморы рычали, а тролли приплясывали, предвкушая сочный и, несомненно, питательный обед из наших потрохов.

Вдруг шум разом утих. Клыкастый омор обратил пятак к перистым облакам... По синему полуденному небу скользила крохотная точка. Она росла и стремительно приближалась к нам. По воздуху били белоснежные крылья, чёрный доспех изящно облегал тонкую талию, а пепельные волосы трепетали под порывами ветра. Эмириус Клайн как ястреб спикировала вниз. Как же она великолепна! Несмотря на то, что мои дела были хуже не придумаешь — я не мог не отметить весь эффект сего зрелища. Матрона Тьмы приземлилась на одно колено. Её двуручный клинок наполовину ушёл в промёрзшую землю. Эмириус Клайн подняла опущенную голову и насмешливым взглядом смерила замолчавшую орду. Все как один живорезы отпрянули назад. Круг западни увеличился, но не пропал. Твари пихали друг друга под рёбра. Эмириус Клайн пугала их так же, как и они нас, но добычу терять им не хотелось.

— И почему я не удивлена, что Джед всегда забывает о важных мелочах?

Матрона Тьмы, как ни в чём не бывало опёрлась о рукоятку меча.

— Если ты говоришь сейчас о нас, то мы имели честь увидеться с ним, — сказал я, безостановочно вертя головой.

— Я знаю это. Именно поэтому я здесь. Джед забрал Гамбус, а вас оставил в Мил'Саак башне Милтара Бризза. Ему невдомёк, что не все могут перемещаться из одного места в другое по щелчку пальца.

— Спасибо, что не бросила нас, — поблагодарила Эмилия. — Без тебя бы мы...

— Молчи! Я бы не стала мараться, не завись от ваших мимолётных жизней Судьба Мира.

Эмириус Клайн сделала почти неразличимое движение. В её чёрной шипованной перчатке оказалось горло тролля. Стена из гоблинов и оморов отшатнулись ещё на пару футов.

— Отпусти! — прохрипел тролль.

— Умоляй.

— Отпусти меня, пожалуйста!

— Плохо стараешься.

— Пожа-а-а...

Блеснули зубы. По прекрасному подбородку потекла кровь. Бездыханное тело тролля полетело в толпу.

— Вы все!

Эмириус Клайн обвела клинком пособников Хрипохора.

— На колени!

Мелодичный голос содержал в себе такую власть и силу, что ноги и лапы живорезов сами собой притянулись к снегу. Я и сам чуть не бухнулся на карачки.

— Джед вас избаловал. Ничего. Теперь тут я.

Эмириус Клайн улыбнулась, широко расправила крылья, а потом промолвила:

— Пора покинуть этот никчёмный сброд. Время — приступить к ритуалу.

— Замок... — заикнулся я.

— Килквага, — подтвердила Матрона Тьмы.

Сложив руки лодочками, Эмириус Клайн возвела их к небу. Где-то там раздался рык... Вдалеке, от малюсенькой крыши Килкваги оторвалась часть кровли и взмыла в воздух. Она всё расширялась и расширялась... Нет, это не кровля... Крылья, хвост, продолговатое тело и изогнутая шея с зубастой мордой — это самый настоящий дракон! Когда я понял, что летящий ящер целиком состоит из костей — мой восторг перерос в рабелепный трепет. Он был нежитью! Что за невообразимая магия пробудила к жизни столь могучую сущность? О, Вселенная, какой громадный!

Гигантская машина с красными светящимися глазами зависла над нами и глухо зарокотала. Из пасти дракона-лича посыпался град бардовых молний. Там, где они падали, возникали глубокие воронки. Что тут началось! Крики, стоны, вопли! Смертельно испуганные живорезы бросились в рассыпную. Дракон-лич грузно приземлился. Его посадка сопровождалась хрустом ломающихся хребтов — десяток гоблинов были раздавлены белоснежным остовом.

— Это Фарганорф, Искривитель Реальности и Старейший Вирм Севера — представил дракона-лича Эмириус Клайн. — На себе он доставит вас до Килкваги. Садитесь к нему на шею и оцените величие момента! Полёт и осознание первородной мудрости — разве есть наслаждение, равное этому?

— Мне было бы больше по вкусу идти на своих двоих, нежели трястись на закорках у этого монстра, — едва слышно пробормотал Грешем.

— Прикуси язык, или твоё желание сбудется, — практически не раскрывая рта, шикнул я. — Лучше отправиться на нём, чем провести вечерок на тарелке у тролля.

Между тем Фарганорф молча накренился на бок и подставил крыло. Как по лестнице мы взобрались на жёсткие позвонки Старейшего Вирма Севера. Прижавшийся к моей груди, Снурф изрядно нервничал. Он мельтешил усами и пугливо шипел. Не меньше таракана беспокоился и вампир. Он стиснул колени и намертво вцепился в белый стан дракона-лича. Чтобы его успокоить, я ободряюще похлопал его по плечу.

— Расслабься!

— Вам легко говорить!

— Нет, но что...

— Мамочки! — закричала Эмилия, когда Фарганорф подпрыгнул.

Крылья расправились! Мы взмыли в облака! Чувство свободы поглотило меня. Ещё несколько минут назад я бы сказал, что драконы не более, чем вымысел трухлявых книжек да странствующих бардов. Оказалось всё не так... Меня несёт вирм! Потрясающе!

Фарганорф поднимался всё выше. Я посмотрел вниз. Кроны заснеженных деревьев раскинулись вдаль на сотни миль... Великий Лес не имел ни начала, ни конца. Я перевёл взор на надвигающуюся Килквагу. Джед Хартблад выстроил замок на отвесной скале. От его

укреплённых ворот до кромки земли протянулся длинный иззубренный мост. Остроконечные шпили и круглые башни, как грибы после дождя, усеивали пространство над внушительными стенами.

По правую лапу от дракона-лича с нами поравнялась Эмириус Клайн. Она махнула мечом указывая Фарганорфу, где лучше нас высадить. Старейший Вирм Севера зарычал, а затем принялся планировать на широкую площадку. После двух витков он смог сбавить скорость и наконец, сесть. Пригнув шею к плитам, дракон-лич дал нам слезть. После перелёта все, кроме вечно бледного Грешема, обзавелись зелёными лицами. Даже Серэнити имела крайне нездоровый вид. Великий инквизитор держалась за желудок и что-то шептала.

Фарганорф сложил крылья и положил голову на чудовищные когти. Из его ноздрей, так же, как и из глаз, закружились струйки красного дыма. Дракон-лич равнодушно уставился на меня ничем не выражающим взглядом. Я ощутил мощный толчок побуждающей энергии. По рукам и пяткам забегали мурашки. Загадочность, исходящая из пляшущих глазниц Искривителя Реальности, манила к себе. Я заворожённо вглядывался в красные всполохи орбит и... Сам того не ведая, я направился к голому черепу...

— Меня схватили за ремень.

— Стой, глупенький.

Фарганорф фыркнул и наваждение прошло. Со спины ко мне прижалась Эмириус Клайн. Её горячее дыхание согревало мне ухо...

— Нельзя смотреть Фарганорфу в глаза. Он подчинит тебя своей воле и разберёт на части. Плоть его не интересует, ему нужны только твои кости. А знаешь зачем? Ну же, ответ на самой поверхности!

Я постарался отстраниться. Матрона Тьмы не возражала. Её клыки были обнажены в улыбке.

— Примерно за тем же, что и мне запасные суставы для неуклюжих скелетов, — поморщившись, предположил я.

— В точку! Используя материал, Фарганорф ремонтирует прорехи в своём корпусе. Чем-то вы с ним похожи.

Эмириус Клайн отворила на двери тугой засов.

— Добро пожаловать в Килквагу!

— Калерб, этот дракон умер тысячи лет назад, но все ещё продолжает жить! Представляешь! — в полголоса восхищалась Эмилия, спускаясь по лестнице за Эмириус Клайн. — Я думала, что вирмы — это выдумка, сказка! Невероятно! Они есть! Вернее были Фарганорф, скорее всего, единственный в своём роде. Но все же он когда-то состоял из кожи и мяса! Значит, легенды не врут!

— Видимо так, — тихо откликнулся я.

— Фарганорф вдвойне уникален, — продолжала моя подруга, — он не только воплощение древней мощи, но и прецедент величайшей магии. Уму непостижимо! Кто-то смог гальванизировать дракона! Понимаешь? Не быка и не медведя, а целого дракона! Как такое возможно?

— Не знаю. Всё, что я могу сказать — Фарганорф не является безмозглой нежитью. Я осознал это, когда он пытался меня... приманить. Дракон действовал, исходя из собственных помышлений. Он разумен и высокоорганизован.

— В летописях Братства Света есть упоминания о драконах, — сообщила Серэнити мне в затылок. — Много их было злых и совсем мало добрых. В эпохи, покрытые мраком, они

безраздельно владели всеми небесами, морями и землями. Старые Боги неустанно сражались с ними, но проигрывали — так было, пока не пришёл Урах. Любовью своей Всеотец перетянул к себе на сторону семь наиболее мудрых и справедливых вирмов. С их помощью Урах истребил драконов-узурпаторов и изгнал Старых Богов в запредельные дали. Вероятно, Фарганорф один из этой семёрки.

— Не похоже, чтобы он был хорошим парнем, — еле слышно сказал Грешем.

— Верно подмечено, — согласился Дурнбад. — От этого костяного мешка так и тянет могилой.

— Что возвращает нас к вопросу Эмилии: как существо, благословлённое дланью Ураха... стало таким? — промолвила Великий инквизитор.

— Чтобы сломить силу — нужна сила, — прошептал я.

— Бог Тьмы — извечная противоположность Бога Света, — подхватила мою мысль колдунья. — Может это он надругался над Фарганорфом?

— Теория ничем не хуже других, — ответил я, снимая с капюшона налипшую паутину.

Серэнити задумчиво сдвинула брови. Поразмыслив не более минуты, она вновь нарушила молчание:

— Да. Только у Назбраэля хватило бы порочности и смелости надсмеяться над творением Ураха. В нём лежит корень всего извращённого и исковерканного. С ним Всеотец повелел Братству Света бороться, не зная жалости. Нынешний Фарганорф — это наверняка его работа.

— Меня восхищает то, что ты рассуждаешь как истинный фанатик своей веры, — громко произнесла Эмириус Клайн, не сбавляя темпа. — Поразительно, ты выносишь суждения, подстраивая их под заранее заготовленный шаблон. Для тебя нет заблуждений и сомнений — есть только белое и чёрное. Урах — хороший, Назбраэль — плохой. Отчасти это правильно, однако ты не видишь весь спектр цветов — ведь существуют ещё и такие оттенки как: синий, красный, фиолетовый, жёлтый и зелёный. Твоя дорога пряма, а разум — кристально чист. Ты идеальное, послушное орудие. До поры...

Матрона Тьмы осеклась и резко остановилась возле Серэнити.

— Ты и я — мы служим Урагу. Это наш долг и наша святая обязанность. Тем не менее, между нами лежит пропасть — мне ведома его суть, и я знаю, чего он хочет, а ты намеренно затыкаешь уши и закрываешь глаза, лишь бы не впустить в себя то, что изменит тебя раз и навсегда, то, что уничтожит в тебе слепую преданность к... добродетельному Богу. Однако в каждой, пусть и самой глухой стене рано или поздно появляется трещина. Я предвижу — твоё невежество рухнет, и тогда ты вспомнишь мои слова.

— Не пытайся сбить меня с толку своими лживыми предсказаниями, вампир, — процедила Серэнити сквозь сжатые зубы. — Я думаю, что Всеотец пленил тебя и посадил в клетку, нерушимую клетку, из которой всемогущественной Эмириус Клайн ни за что не выбраться. Носить на груди знак Ураха для тебя не почесть, а наказание. Ты не можешь отступить от Его воли, и всё что тебе остаётся — это хитрить да выворачиваться. Мне неизвестно, зачем Урах привязал тебя к Себе — для Пророчества Полного Круга или для чего-то другого. Зато я знаю — ты, прародитель пороков, в конце концов, лишь приблизишь триумф Света. Сейчас это случится или потом — неважно, главное, что в час икс твои цепи не дадут тебе иного выбора.

— Твоя уверенность граничит с сумасшествием!

Я почувствовал, как в Эмириус Клайн закипает гнев.

— Раньше за такую дерзость я бы не раздумывая убила бы тебя. Теперь же большей карой мне кажется оставить тебе жизнь, наполненную страданиями, исканиями и несбыточными надеждами. Ты предашь всех, а в первую очередь саму себя. Под звездопад и слезы ты упадёшь в бездонный колодец самобичевания и никто, слышишь, никто не вытащит тебя из него — потому что все, кто мог бы это сделать, все, кто тебе дорог, будут мертвы от твоей руки. Ты обречена. На твоём челе уже всюю зреет семя Раздора.

— Посмотрим.

Эмириус Клайн отвесила Серэнити звонкую пощёчину.

— Никудышная дрянь!

— Свет хранит меня.

Я исподлобья глянул на Великого инквизитора. Она была белой, как мел, однако её глаза не опустились и смотрели без страха. Когда-то давно Серэнити выбрала путь, которому посвятила себя всю без остатка. Её не переубедить. Она — алмаз, что не сточит ни вода, ни огонь, ни время.

Неосознанно мы все придвинулись к Серэнити. Вторая пощёчина будет стоить дорого... всему миру.

Прекрасный лик Матроны Тьмы неожиданно разгладился. Она рассмеялась:

— Я всегда ценила командный дух. Вот так вот в едином порыве встать на защиту своей подруги... Молодцы.

Эмириус Клайн продолжила спуск.

— Я горжусь тобой, ты сдержалась, — одними губами сказал я Серэнити.

— Ради Соединённого Королевства, — так же ответила мне Великий инквизитор. — Спасибо, что был рядом.

Порожки закончились, и мы вошли в пыльный, задрапированный коричневым бархатом зал. Кое-где роскошное убранство проела моль. Длинные вереницы столов и стульев укрывал зелёный саван плесени. Повсюду валялась посуда, вилки и ножи. Миновав унылую трапезную, мы прошли по коридору. Эмириус Клайн толкнула створы — за ними начиналась кузнечная мастерская. У овального горна растопырили ножки низенькие тумбочки, на которых в изобилии валялись гайки, молотки, клещи, винты, прутья и трубы. Куча инструментов без всякого порядка громоздилась у непонятной конструкции, имевшей стальную голову. Из шеи недоделанного механизма сочилось масло. Мне захотелось хоть на секундочку задержаться, чтобы осмотреть диковинную вещь, но Матрона Тьмы непреклонно шагала вперёд, поэтому я вздохнул и пошёл дальше. За вогнутыми дверями нас ждал дендрарий. Его размерам позавидовал бы сам Алхимикус Деторум. Сотни растений деревьев, папоротников, цветов и кустарников были разделены по секциям. На ходу я читал таблички — растения ядовитые, целебные, редкие, круглогодичные, морозостойкие, теплолюбивые, с двойным эффектом... С потолка свисали горшки с малиновыми и фиолетовыми лианами. Воздух благоухал приятными ароматами. Жужжание... Это пчёлы, выписывая причудливые пируэты, курсировали от цветка к цветку. Вдоволь набрав на лапки пыльцы, они грузно возвращались в дупло клёна, где облюбовали себе дом. Толстые бабочки и мотыльки облепили Снурфа, от этого его панцирь стал похож на раскрашенный камень. С усика таракана повисла гусеница.

— Поворачивай назад, — сказал я ей.

Ам! Гусеница пропала во рту моего фамильяра.

— Зря ты меня не послушала.

Мурчик вприпрыжку гонялся за кузнечиками. Кот так увлёкся, что Эмилии пришлось схватить его за шкурку. Мяуканье не разжалобило мою подругу — она отпустила полосатый загрибок, только когда мы вышли через приземистую арку. Здесь коридор разветвлялся — Эмириус Клайн устремилась наверх. Вокруг никого... Неужели Килквага — это замок одного жителя? Матрона Тьмы свернула направо. Мои глаза загорелись — библиотека! В полукольце, состоящего из уровней помещения, выстроились шкафы до отказа забитые книгами. Пустое пространство посередине огораживали выпуклые руны. В их центре возвышался столбик из оникса. На его основании, в тон драгоценному камню, темнел Гамбус. Хрустальную сферу наполняла непроглядная ночь. Никаких изменений погоды в ней не происходило. Поодаль от Гамбуса разместились пять кресел. В одном из них сидела Цхева. Под спину Владычицы Вод были подоткнуты подушки. В её увенчанной кольцами чешуйчатой руке лениво вертелся бокал вина. Раздвоенный язык изредка опускался во влагу. Джед Хартблад отстранённо постукивал жезлом по резным перилам лестницы. Набухшая жилка на его лбу пульсировала в такт биению сердца. Маг находился в глубокой задумчивости. На наше появление он не обратил никакого внимания.

— Эмириус!

Цхева хищно улыбнулась.

— У нас для тебя плохие новости.

— Тогда поспеши их выложить, — рыкнула Матрона Тьмы, подходя к пьедесталу.

— Ритуал под угрозой срыва, — встрепенувшись, отозвался Джед Хартблад. — На Гамбус наложено индивидуальное заклинание «Запрета». Оно действует на меня, на тебя и на Цхеву. Нам никогда не пройти сквозь выставленный заслон. Это чародейство, несомненно, выпило у Нолда все силы. Впрочем, оно того стоило. Он вне досягаемости.

— Я знала, что твоё хвалёное умение колдовать не стоит и выеденного яйца! — заорала Эмириус Клайн, оскаливая зубы.

— Попробуй сама, только пальчики не обожги — Гамбус стрекается, — усмехнулся Джед Хартблад.

— Фарганорфу его магия будет нипочём, — уже более спокойно промолвила Матрона Тьмы.

— Моё мнение на счёт вирма остаётся прежним.

— Теперь он единственный ключ к Нолду.

Джед Хартблад всплеснул руками.

— Вероятно, есть и другие.

— Но этот самый действенный.

— Ты воин, Эмириус, и война зовёт тебя.

— Проволочка может дорого нам стоить, Джед, очень дорого.

— Так же, как и ошибка. Если бы за неё крылья оторвали только тебе — мне было бы плевать.

— Ты — трус.

— Ха! Лучше быть трусом, чем покойником!

— Джед, вертлявый сардинопс, мы долго тянули! Пророчество Полного Круга должно исполниться сейчас! — возбуждённо пробулькала Цхева.

Бриллиантовые глаза сузились.

— Это глупо.

— Но всё же ты с нами? — прошипела Владычица Вод.

— Без меня вы обречены на провал.

— У него просто нет иного выбора. Он знает это и оттого дрожит.

— В отличие от тебя мне есть, что терять.

— Поговорим об этом после того, как всё завершится, — улыбнулась Эмириус Клайн, разворачиваясь ко мне.

— Каллеб, настало время узнать правду, которую я утаила от тебя в начале нашего знакомства. Понять её сразу — будет сложно, поэтому я отойду к точке, от которой волна повлекла за собой плеяду непредсказуемых событий. Эта точка — таинственное исчезновение Нолда Тёмного.

— Что? Я не...

— Слушай и не перебивай.

Матрона Тьмы повела плечами.

— Итак. Добившись для Соединённого Королевства благоденствия, Нолд Тёмный уступил трон Харальду — об этом талдычат летописи, но на деле всё было иначе. По приказу Ураха Нолд держал Соединённое Королевство в агонии провинциальных конфликтов пока в одночасье не пропал.

Кулаки Серэнити сжали подол рясы.

— Мы — я, Цхева и Джед подумали, что Вседержитель прибрал свою пешку для того, чтобы страна вновь развалилась, однако наше предположение оказалось неверным, и открывшаяся спустя годы истина поразила нас.

— О, да! — прихрюкнула Владычица Вод.

— В Нолде Тёмном проснулось сострадание. Погрязший во всех смертных грехах, он, переборов в себе ужас неминуемой кары, решил выйти из закулисной игры и прекратить сеять зло в угоду Ураха. И у него получилось. Нолд Тёмный, непревзойдённый мистификатор, умудрился обмануть своего жестокого повелителя. Сотворив Гамбус — некий мир внутри мира, он подался в бега.

— Что ты несёшь! Это ложь! Ложь! — не своим голосом закричала Серэнити.

— Так было, — прошелестела Цхева.

— Нет! Не смейте клеветать на Ураха!

Я положил руку на булаву Великого инквизитора, а Джед Хартблад заулыбался синеватыми зубами:

— Какая миленькая! Ещё чуть-чуть, Эмириус, и её колючая погремушка проломит тебе голову!

— Если вы не дадите мне закончить, я вырву вам языки, — холодно осекла присутствующих Матрона Тьмы. Она отошла от ониксового пьедестала, села в кресло, а затем продолжила:

— Сбежавший с определённого ему Урахом места, Нолд Тёмный понимал, что его будут искать, и нуждался в надёжном укрытии. Я предполагаю, что изначально он держал путь в Бархатные Королевства, пребывающие под протекторатом Кашеака и его кошачьего пантеона. Однако пробираясь через Великий Лес, Нолд Тёмный неподалёку от Килкваги, наткнулся на Мил'Саак. Башня и её амбициозный обитатель — ученик Джеда Хартблада приглянулись хитроумному беглецу: он нашёл то, что хотел. Обещаниями могущества Нолд Тёмный быстро переманил Милтара Бризза на свою сторону, после чего вошёл в хрустальную сферу и запер её изнутри. Гамбус стал для него тюрьмой, но вместе с тем и спасением от тирании Вседержителя. Когда Урах прознал о бунте Нолда Тёмного, он

пришёл в ярость. Веками Джед, по указанию свыше, пытался прорваться в Мил'Саак, но раз за разом терпел поражение. Теперь секрет непобедимости Милтара Брицца у нас на ладони — он не только подпитывался от Гамбуса, но и дезориентировал себя, тем самым проявив завидную смекалку.

— Значит, ты с самого начала знала, где находится Нолд Тёмный и... что до него не добраться? — ошеломлённо спросил я. — Ты обманула меня!

— Дослушай, а потом обвиняй, — покачала головой Эмириус Клайн. — Мне было известно, что Милтар Брицц, до того как стал учеником Джеда, хорошо ладил с ворожеями. Некогда они звали его — Ведьмак и пускали бродить по Оплоту Ведьм. Я подозревала, что Милтар, много чего разнюхавший о зеркалах, мог создать индивидуальный портал, ведущий из Чертогов Отражения в Мил'Саак и обратно. Спустя бесчётные коловороты светила шпионы подтвердили мою догадку, и тогда я крепко задумалась. Ворожеи, от природы наделённые способностью видеть всё наизнанку, ненавидят нас, фаворитов Ураха, за деяния прошлого. Отвращение — та же преграда. Оракул, предвосхищая подвох, не согласился бы даже на переговоры с нами, а захоти мы прорваться в Чертоги Отражения силой, то захлебнулись бы в собственной крови — никому не одолеть ворожей в их исконном доме.

Эмириус Клайн налила себе вина.

— Менялись зимы и вёсны, я то спала, то бодрствовала, но размышления не покидали меня ни в яви, ни в грёзах. Я чувствовала, что обязана...

— Мы все чувствовали, — поправил Джед Хартблад, за что словил странный взгляд сине-чёрных глаз.

— Да, этого нельзя было не чувствовать... Надо было что-то предпринять, как-то пробраться в Оплот Ведьм, но мы всё откладывали...

Матрона Тьмы выдержала паузу.

— И тут явился ты, Калерб Шагтибраль. Ты поведал мне о грядущем Пророчестве Полного Круга, и я поняла, что действовать нужно немедленно. По ходу нашего диалога у меня созрел отчаянный план. Когда ты уходил с Пика Смерти, я не сказала, что специально посылаю тебя к Цхеве. Если бы расклад выпал удачно, то ты бы убил двух зайцев сразу — добыл бы нам Гамбус и спас бы мир от разрушения. Я не прогадала — ты оказался тузом среди сонма шестёрок.

— Амулетом ты позвал меня в Блики Тишины, — прошипела Цхева. — Над твоей головой порхало незримое послание от Эмириус. Сотканное из магии, ветра и льда, оно поведало мне, куда я тебя должна направить.

— Пророчество Полного Круга не стало для тебя неожиданностью. Конечно, как ты могла быть не в курсе столь грандиозного предсказания...

Мысли вспыхивали одна за одной. Я говорил, подбирая каждое слово.

— Получается, что ты, нет, вы использовали меня!

— Да, я воспользовалась тобой, — не стала отрицать Эмириус Клайн. — Но лишь затем, чтобы осуществить Пророчество Полного Круга.

— Но почему ты не рассказала мне всё сразу? Как есть! Зачем устроила этот спектакль? Соединённое Королевство стоит на грани гибели, и я...

— Ты? Что — ты? Подумай хорошенько — скажи я тебе, что Нолд Тёмный пребывает в каком-то стеклянном шарике, и единственная дорога к нему лежит через полный опасности Лес Скорби, где гибель поджидает на каждом шагу, ты бы мне поверил? Нет. А принял бы за чистую монету то, что у меня, Великой Матроны Тьмы, не достаёт сил сразить каких-то

жалких ворожей? Тоже нет. Ты бы сложил своё мировоззрение и мою откровенность, после чего пришёл бы к выводу, что я хочу от тебя отделаться, или вовсе погубить — слишком много информации не уложилось бы в твоей голове: Урах, Князя Девяносто Девяти Спиц, Гамбус, Нолд Тёмный, Милтар Бризз, Оплот Ведьм. Нет, я не могла рисковать. Если бы ты ушёл с Пика Смерти неведомо куда, мне бы пришлось столкнуться с огромной проблемой — в кратчайшие сроки найти того, кто сумеет проникнуть в Оплот Ведьм до окончательной победы Десницы Девяносто Девяти Спиц. Согласись, задача не из простых. Самый подходящий кандидат тогда стоял передо мной, и я не собиралась от него отказаться.

Крылья Матроны Тьмы дрогнули, и на пол упало белое перо. Мурчик осторожно потянул его лапкой на себя.

— Теперь ты знаешь, почему я не вскрыла карты — я боялась, что тонкий волосок, на котором подвешены миллионы жизней, нечаянно оборвётся. Тем не менее, всё обошлось. Хрустальная сфера у нас, и очень скоро мы приступим к Пророчеству Полного Круга.

— Но — как?

Вспоминая завязку разговора, я посмотрел на Джеда Хартблада, который с отрешённым лицом крутил свой жезл.

— Фарганорф. Он вытащит Нолда Тёмного из Гамбуса?

— Не совсем так, — сказала Эмириус Клайн. — Выстраивая свою защиту, Нолд Тёмный многое предусмотрел, однако, не всё... Фарганорф станет для него досадной неожиданностью. Я разыскала его, чтобы подстраховаться и, как видно, не зря! Дракон недаром носит прозвище Искривитель Реальности — ему подвластно то, что недоступно нам. Своим духом Фарганорф распахнёт врата в Гамбус и... вместе с тобой проникнет за его грани.

Я опешил.

— Со мной?!

— С тобой, — подтвердила Эмириус Клайн. — Никто из нас троих не может перейти ограждающую черту Гамбуса, поэтому Нолда в Килквагу доставишь ты.

— Каким образом? — воскликнул я, осознавая самоубийственность возлагаемого на меня задания, — Нолд Тёмный такой же, как вы... герой! Может с Фарганорфом он ещё повозится, но я-то ему и в подмётки не гожусь! Не пройдёт и трёх секунд, как я упаду, пронзённый его мечом!

— Здесь ты не прав, — прошипела Цхева. — Нолд Тёмный уже тот, что раньше. Гамбус выжег большую часть его мощи. Сейчас он представляет из себя лишь скомканную обёртку от съеденной конфетки. Под красивым фантиком сохранился лишь запах шоколада, а самого лакомства уже давно нет. Пусть тебя не напугает гром, потому что молнии ты не увидишь.

— К тому же без поддержки мы тебя не оставим, — добавил Джед Хартблад буравя меня бриллиантовыми глазами. — Хоть Фарганорф и не будет непосредственно вступать в битву, зато он станет проводником — через него к тебе заструится наша энергия. Конечно, сквозь хрустальную сферу пройдут только крупницы силы, но уверяю тебя — их с лихвой хватит для того, чтобы Нолд потерпел сокрушительное поражение. Ты скрутишь его в бараний рог и перетачишь в Килквагу, ну а дальше мы возьмём инициативу в свои руки — брыкаться при воплощении Пророчества Полного Круга у него точно не получится.

— Вы что? Посылаете Калеба в Гамбус одного? Так не годится! Перекиньте вместе с ним хотя бы меня! — громко потребовала Эмилия.

— Или меня! — вставил Дурнбад, поднимая молот.

— Любого из нас, — кивнула Серэнити.

— Мы не бросим его, — дополнил Грешем.

Друзья встали за моей спиной, и я почувствовал, как много они для меня значат. Так спаял нас голод и холод. Так раны и шрамы, приобретённые в совместных сражениях, сцепили наши жизни воедино. Трудности, невзгоды и конфликты честно старались сломить нас — да всё впустую! Мы преодолели их, а самое главное себя, чтобы сплотиться в то, что не купишь ни за какие деньги — в семью.

Я гордился тем, что Эмилия, Серэнити, Дурнбад, Грешем, Мурчик и малыш Снурфи были сейчас со мной. Не хватало только Бертрана и Альфонсо — с ними бы моя колода стала полной. Моё сердце упоённо выбивает дробь — ты у последней грани, но ты не одинок. Перед страшной развязкой я отыскал в себе оазис спокойствия.

— Чтобы перебраться в Гамбус вместе с Калэбом, Фарганорфу потребуются все его силы — к сожалению больше никого из вас ему не поднять, — помотал лысой головой Джед Хартблад.

Эмириус Клайн встала с кресла и мягко проговорила:

— Не беспокойтесь, мы будем контролировать ситуацию, и при малейшей неприятности вернём Калэба в Килквагу.

Матрона Тьмы заглянула мне в глаза.

— Ты наш последний шанс обуздать Десницу Девяносто Девяти Спиц.

— Я ещё не дал своего согласия, — заявил я, не отводя взгляда от Эмириус Клайн. — У меня есть вопросы!

— Твои волнения вполне обоснованы. Я постараюсь дать тебе наиболее исчерпывающие ответы, — отозвался Джед Хартблад, закладывая левую ладонь в подмышку.

— Что такое Гамбус?

— Гамбус — это мир-парадокс, созданный Нолдом Тёмным из кровоточащей души и уникальных метафизических субстратов, очевидно украденных из Червонного Капища. Он — неисчерпаемый источник энергии и карманная Вселенная. По сути, в Гамбусе Нолд Тёмный одновременно является как демиургом, так и заключённым. Я бы назвал хрустальную сферу узилищем, где реальность неотличима от нашей, а всемогущество ограничено рамками невидимого потолка. Изнутри Гамбус может выглядеть как угодно: лес, наполненный древними деревьями, луг с бескрайними зелёными просторами, горы — с бисером звёзд, или нестерпимо жаркие пески пустыни.

— Выходит, что Гамбус огромен?

— Так же, как и твоё воображение, — хмыкнул бриллиантовоглазый гуманоид.

— Это — безумие! Как мне обнаружить иголку в стоге сена? Нолд Тёмный может быть там, где угодно!

— Именно так — где угодно, а возможно даже и дальше, но для Фарганорфа это не имеет значения. Магия вирма приведёт тебя точно к цели.

— Где бы эта цель ни скрывалась, — плотоядно добавила Цхева.

— Когда я встречу Нолда Тёмного как... Что мне делать?

— Я лучше скажу тебе, чего не делать — не говори с ним. Если ты поведёшься на обескураженный вид и восклицания — «кто ты», «зачем пришёл» и «я тебе сейчас всё объясню», то потеряешь очки внезапности, которые будет сложно восполнить в последующие минуты, — промолвил Джед Хартблад.

— И всё-таки.

Маг хлопнул жезлом по причудливым арабескам.

— Заткни уши и бей первым! Не дай Нолду опомниться! Навяжи ему свои правила! Я не уверен в том, что поединок будет лёгким, однако его результат сомнений у меня не вызывает — дракон наденет на тебя венки победителя.

— Как это произойдёт?

Нескладный гуманоид свёл брови над переносицей.

— Почему ты не запоминаешь то, что тебе говорят? Вирм станет энергетическим мостом между тобой и нами. Ты настроишься на поток и опугаешь им Нолда. После чего не мешкая запрыгнешь на Фарганорфа и уберёшься из Гамбуса. Ничего сверхневыполнимого.

— Что, если Нолд Тёмный возьмёт надо мной верх?

— Мы постараемся не допустить этого, — заверила Эмириус Клайн, наливая мне бокал вина. — Но, тем не менее, как ты заметил, обстоятельства могут сложиться и не в нашу пользу. Если в Гамбусе тебя постигнет смерть, то она будет настоящей. Как здесь, так и там — она неотвратима. Поэтому обостри интуицию, предвосхити угрозу, а в нужный момент заблокируйся костяными чарами Фарганорфа — клинку Нолда не пробиться сквозь их мистирию.

— Чтобы не произошло — не паникуй и не пугайся, мы будем поблизости, — протявкала Цхева.

— В ожидании твоего решения Мир затаил дыхание.

Матрона Тьмы в упор смотрела на меня.

— Ты готов его спасти?

Я оглянулся на друзей и их взгляды многое поведали мне. Буря наших чувств не нуждалась в речах. Я отставил предложенный бокал, а потом тихо произнёс:

— Что же. Либо сегодня моё имя войдёт в легенду, либо всё обратится в прах — другого не дано.

Переведя взгляд на высоко подвешенный волшебный светильник, я добавил:

— Вселенная, я иду к тебе.

— В нём есть огонёк, — засмеялась Владычица Вод. — Вы слышали, сколько драматизма в его словах? Это — великолепно! Он преисполнен отваги и героизма! Как кит, уводящий касаток от своей стаи, он вот-вот выбросится на берег!

— Я бы предпочёл, чтобы на берег выбросилась ты, — усмехнулся Джед Хартблад, снимая Гамбус с хрустального постамента.

— Или я? — осклабилась Эмириус Клайн, направляясь к полуоткрытым дверям.

— Лучше бы вы обе.

Матрона Тьмы рассмеялась.

— Скоро Вседержитель воздаст нам с Цхевой полные чарки милости, а тебе, Джед, достанется лишь капля.

— Тогда и поговорим, — прошипела владычица вод, переплетая чешуйчатые руки.

Гуманоид в голубой мантии промолчал.

Все вместе мы покинули библиотеку через противоположный выход. Пройдя по изгибающемуся коридору, мы упёрлись в широкую лестницу. Этаж за этажом ступеньки повели нас наверх. Подъём оказался продолжительным. Мои икры уже всю просили пощады, когда я ступил на плоскую крышу одной из башен Килкваги. Солнце клонилось к закату. Я глубоко вдохнул морозный воздух. Редкие снежинки падали на мои непокрытые волосы. Джед Хартблад установил Гамбус на тонкую каменную ножку, которая торчала

посередине трёх испещрённых символами жаровен. Вне стен мрачной цитадели хрустальная сфера приобрела дымчато-розовый цвет. Эмириус Клайн подняла руки и прошептала имя дракона. Фарганорф не заставил себя ждать. Махая крыльями, он показался из-за гряды укреплений. Грузно приземлившись, вирм безразлично оглядел всех собравшихся. Его полыхающие, неземные глаза упёрлись в Мурчика. Шерсть у кота тут же встала дыбом. Жалобно мяукая, он поспешил укрыться от гиганта за плащом хозяйки. Между тем белый череп повернулся к Эмириус Клайн.

— Старейший Вирм Севера! Ты здесь, чтобы исполнить своё предназначение! — торжественно провозгласила Матрона Тьмы. — Перед тобой возложен Гамбус, с которого надлежит снять колдовские покровы. Примени умение, дарованное тебе Урахом, и открой врата в запечатанную сферу!

Фарганорф издал рык и привстал на задние лапы. Из его когтей посыпались разряды молний. Стукаясь друг об друга, они образовывали на груди у вирма грозовую тучу. Дракон накренил голову, и непроглядное искрящееся облако медленно поползло к Гамбусу. Жаровни вспыхнули, и в мгновение ока руны на них раскалились докрасна. Облако окутало сферу, а потом впиталась в неё. Под хрусталём заскреблась чёрная рябь. Она собралась в одну точку и бешено закрутилась. Я увидел, как через Гамбус протиснулась крохотная ниточка. Извиваясь, словно змейка, она потянулась к Фарганорфу. Опутывая белоснежные кости, нить распухла и становилась толще. Это действие продолжалось до тех пор, пока весь дракон не превратился в огромный блестящий клубок. Его контуры подёрнулись дымкой. Развоплощаясь, Искривитель Реальности притягивался к Гамбусу.

— А теперь возьми этого человека и разыщи Нолда Тёмного! — повелела Фарганорфу Эмириус Клайн. Затем она коснулась моего лба.

— Ты на пороге величайшего свершения, Калед. Иди, настало твоё время.

Я кивнул, улыбнулся друзьям и принялся взбираться на проминающуюся спину Фарганорфа. Пока я карабкался, потусторонние ленты оплели меня с головы до ног. Я почувствовал, что таю. Добравшись до длинной шеи, я превратился в нечто эфирное. Я сливался с драконом в единую, однородную массу. Всё померкло, только разум оставался ясным.

— Я не прощаюсь! — то ли сказал, то ли подумал я.

— Да придёт с тобой Урах! — как бы в ответ дошло до сознания напутствие Серэнити.

Я втянулся внутрь Гамбуса.

Переход был чем-то похож на короткий бессвязный сон. Я обратился в нечто даже более бестелесное, чем призрак. Черно-белыми липкими струйками я проник за твердь хрустальной сферы. Как только это произошло, меня словно встряхнули. Я находился на спине Фарганорфа и мчался в заоблачной выси яркого дня. Ветер бил мне по лицу освежающей струёй. Сжав ноги в коленях, я осмелился посмотреть вниз. Под нами от души смеялся летний лес. Зелёные кроны вязов и каштанов по-соседски беззаботно перешёптывались. Их сочные листья трепетали. Справа тоненькая речка звонко напевала свой вечно молодой мотив. Вирм огляделся, затем снизил высоту. Его брюхо стало цеплять выступающие ветки деревьев и с хрустом их обламывать. Мы пролетели несколько бочкообразных домиков. Люди, работающие в саду, оторвались от своих занятий и удивлённо проводили нас взглядом. Дракон открыл пасть и оглушающее проревел. Этот громогласный рык едва не оглушил меня. Морщась от звона в ушах, я прижался к жёстким

позвонкам. Фарганорф сманеврировал и поменял направление полёта. Мы понеслись в сторону быстрорастущего монумента. По мере приближения я смог рассмотреть его в подробностях. В пятнистой серо-голубой гранитной скале был вырезан гигантский человек, в перекрещенных руках которого лежало сердце. На груди у статуи искрился волнистый пульсар, а голову ей заменяло пламя. Монумент Ураха покрывали наросты мха и птичьи гнёзда.

Старейший Вирм Севера выпятил задние лапы, и мы тяжело сели на полянку. Я соскочил с вытянутого крыла. Вблизи каменный Бог Света оказался намного больше, чем я предполагал. Он возвышался надо мной, как башня. Я оценил его футов в сто-сто десять. Под ногами у Всеотца имелся постамент, в основании которого я обнаружил золотую дверь. Привычно положив голый череп на лапы, Фарганорф указывал мне точно на неё. Я пожал плечами. И так понятно, куда я должен идти. Собравшись с духом, я дёрнул за резное кольцо. Дверь открылась, и в ту же секунду по мне пробежал холодок мощного магического заряда. Он заполнял меня, и я жадно черпал его силу. Как измученная от засухи земля, я напивался колдовскими соками этого потока. Осознание собственного могущества вскружило мне голову. Вот тот энергетический мост, о котором говорил Джед Хартблад. Обо мне не забыли, меня поддерживают! Не концентрируясь, я создал в руке огромный шар огня. Он закатался на ладони, источая нестерпимый жар. Понимаю — серьёзное заклинание! С таким мне — море по колено! Я рассмеялся и окрылённо шагнул в тёмный провал. Внутри меня встретила изгибающаяся петлёй лестница. У каждой ступеньки парили пучки колдовского света. Я ступил на подъём. Он завораживал. На его стенах, в удивительных фресках, мне приотворялись древние подвиги Ураха. Кто запечатлел их здесь? От созерцания и мерного движения меня оторвала нежная музыка. Сначала едва слышная, она набирала звучание. Расслабленность. Как хорошо. Музыка успокаивала меня и навевала воспоминания о приятных событиях минувших дней. Тем не менее, моё подсознание оставалось начеку, оно сигнализировало — впереди что-то нехорошее. Когда я преодолел последнюю ступеньку, во мне всё перевернулось верх дном. Наплывшее блаженство уступило место ужасу, и вот почему. Посередине громадного зала была расчерчена звезда Ураха, но не такая, как та, что нарисовала в Железных Горах Серэнити, а какая-то извращённая и измаранная. Внутри её линий стояли четыре обсидиановых столба и одна круглая, напоминающая собой прозрачный аквариум чаша, в которой завораживалась рубиновая восьмёрка бесконечности. Три столба с оковами пустовали, а к четвёртому был прикован согбенный старик. Из-под его разбитых губ вывалился сухой язык. Он чуть дышал. Неужели... Я оторвал от него изумлённый взгляд... Жёлтые глаза. Закрученные рога. Таурус Красный Палач держал в руках хрупкую арфу. Перебирая струны, он тихонечко подвывал нечестивым демоническим хрипом. Тлетворный козёл добрался до Нолда Тёмного раньше меня. Облезлая кожа, рваная одежда, обезображенное лицо — вот каким стал величайший герой древности. Как и Эмилию, Нолда Тёмного поразило заклинание «Не снимаемой порчи».

Внезапно мной овладело уже знакомое оцепенение. Меня парализовало, я обратился в безвольного истукана. Подобное уже происходило со мной в Эрменгере и под бастионами Эльпота. Таурус закончил музицировать и громко заблеял. Его прямоугольные зрачки горели животной яростью.

— Вот и ты, букашка. Бледная моль, что считает себя избранной. Прежде чем сделать из твоего желудка мешок, я расскажу тебе, какую роль ты исполнил в моём плане. Удивлён?

Неужели, ты и правда, решил, что действовал по собственному разумению? Разве устрица выбирает, на чей стол её подадут? Конечно же, нет.

Я дёрнулся. Шквал энергии, что бушевал во мне, искал выхода наружу. Сделав пару трелей на арфе, Таурус продолжил:

— Я тысячелетиями выслеживал Ураха. Сжимая время и раздвигая звёзды, я читал знаки Бытия. По крошечному кусочку, по хрящечку они складывались в образ вашего, отвратительно-цветущего мира. Пройдя через Великий Разлом, я осознал, как близко нахожусь к своей цели. Урах! Он был тут! Я отыскал его и погнал словно побитую псину! Однако в последний момент, когда мои руки уже проминали ему нутро, он исхитрился ускользнуть в своё трусливое Пророчество Полного Круга! В нём он разделился на части, а затем вселился в четыре сосуда-хранителя. Это взбесило меня! Теперь, чтобы вынуть у Ураха душу, я должен был в начале сцапать его козявок. Я понял, что должен действовать осторожно, почти любовно. Если бы в попытке захватить сосуда-хранители, я бы ненароком разбил хоть один из них — Урах бы сразу упился победой, так как навсегда остался бы запечатанным по ту сторону Действительности.

Масло в огонь подливало ещё и то, что дотоле разобщённые сосуда-хранители вдруг объединились и, под шумок, затеяли свою собственную чехарду. Во главе с плюгашкой-задавашкой Эмириус Клайн, они, почувствовав, как со сковороды пахнет жареным, решили использовать бултыхающегося у них в животиках повелителя совсем не так, как тот им завещал. Стремясь оградиться от Десницы Девяносто Девяти Спиц, нажиться и возвеличиться, замухрышечки быстренько осопливились клятвопреступной идеей. Перешёптываясь друг с другом оробелыми губками, сосуда-хранители стали днями и ночами обдумывать, как бы незаметно миновать мои тенета, да добраться до Гамбуса, в котором, жирным прыщом, засел их мятежный собрат. С помощью силы, содержащейся в Пророчестве Полного Круга, они вознамерились переварить божественный ихор, лишить меня законной добычи и стать на одну доску с Бессмертными Духами! Мышиная возня! Она и невозможность всех и вся изжарить доводили меня до белого каления! Мне, Таурусу Красному Палачу, Первому из Круга Смерти, вместо открытого всеуничтожения пришлось впервые идти на хитрость! И что же я предпринял? Я ввёл в игру тебя — такую неприметную пылинку, убеждённую в своей космической значимости. Ты выступил привлекательной приманкой, которую большая рыбка жадно заглотила. Манипулируя тобой при помощи снов и вливания Вселенской энергии, я принудил Эмириус Клайн поверить, что ты являешься идеальным ключом к замку её страстного желания — снять подаренные Урахом браслетики. Дура! Очень скоро её поглотит хлябь кошмарнее самой Бездны!

Козёл довольно рыгнул.

— Я добыл вот эту курочку и с помощью тебя, Калев, с минуты на минуту словлю её товарок.

Таурус просунул толстые пальцы в ноздри Нолда Тёмного и приподнял его голову. — Сейчас три птенчика сцепят свои лапки и потянут их к тебе, о достопочтенный король Соединённого Королевства. Когда это произойдёт, я поймаю за шнурок, разобью твои хилые чары «Затвора» и выдерну их сюда. Ловушка захлопнется! После этого я заставлю пойманных мошек плясать под мою дудку. Вместе, мы изменим ритуал Пророчества Полного Круга так, как угодно мне — Урах лишится остатков сил и выпадет из своей скорлупы к моим копытам! Я схвачу его, распотрошу и отведаю горячих кишок!

Теребя струны лютни, Таурус подошёл ко мне. Его смрадное дыхание было настолько

едким, что из моих глаз брызнули слёзы. Первый из Круга Смерти схватил меня за плечо и отшвырнул в сторону. Я упал возле диковинной чаши, и уставился в потолок. С каждой секундой напряжение во мне нарастало все больше. Меня затрясло, как в лихорадке. И тут монумент Бога Света сотряс мощнейший взрыв. Купол над нами проломился и в дыре показался Фарганорф. Дракона окутывала красная пелена энергии. Она отделилась от вирма и лучом уткнулась в меня. Чары, что удерживали моё тело обездвиженным — рассеялись. Я вскочил на ноги и швырнул в Тауруса огненный шар, который все ещё вертелся у меня на руке. Козёл ловко уклонился и с блеющим хохотом высоко подпрыгнул. Его шерстяная ладонь ухватилась за луч, исходящий из дракона-лица. Вирм издал крик боли и переломанной грудой костей свалился на лестницу. Череп Фарганорфа широко раскрылся. Из пасти повалил красный туман, из которого материализовались трое предателей Ураха.

Во мне все ещё бились неизрасходованные запасы магии. Я отбежал за ониксовый алтарь и приготовил заряд молнии. В это время Таурус сотворил Высшие Чары. Над ним засветился полупрозрачный серебристый шар. Джед Хартблад взмахнул жезлом — рой белых сгустков забарабанил по светящейся сфере козла. Защитная плёнка прогнулась, но осталась целой. Красный Палач подхватил валяющийся возле Нолда Тёмного меч. Стремительным движением он отразил сокрушительный удар Эмириус Клайн. Клинок Матроны Тьмы скользнул по стали врага и отсек ветвистый рог. Таурус взвыл, шмякнул кулаком по морде подбирающуюся Цхеву и запел душераздирающую песню. Мои ноги сами собой согнулись, и я повалился на пол. Музыка сводила меня с ума. Я распластался на плитке, отчаянно вдавливаясь лицом в локоть. Блеющий смех оповестил меня о том, кто одержал верх в этой короткой, но ожесточённой схватке. Кое-как я поднялся на колени и выглянул из-за своего укрытия. Таурус стоял ко мне спиной. Он будто бы вырос. Как колосс, он возвышался над прикованными к столбам вершителями Пророчества Полного Круга. Над сосудами-хранителями нестерпимо сияло покрывало Первозданной Магии. Куцые знаки Десницы Девяносто Девяти Спиц жгли чашу с рубиновой восьмёркой. Всё блестело и дымилось. В мареве я разглядел, как с крыла Матроны Тьмы стекает дорожка крови. Капли падали на цепь и дальше, на чёрные сапоги. У Цхевы не хватало двух клыков. Она беспрерывно отплёвывала скапливающийся во рту яд. Джед Хартблад вместе с Нолдом Тёмным находился в бессознательном состоянии. Сломленные герои ждали смерти. Эмириус Клайн встретила со мной глазами. На её бледном, прекрасном лице показалась обречённая улыбка. Она обманула меня, и эта ложь много раз могла стоить мне жизни, но сейчас это уже не имело никакого значения. Эмириус Клайн так же, как и я, оказалась не удел. Все дёрганья за верёвочки, интриги и хитросплетения были напрасны. Таурус — вот кто стоял за всем этим действием. Он — кукловод, который отлично знает, как нужно расставить болванчиков, чтобы получить нужную концовку. Я не злился. Эмириус Клайн, Урах, Вселенная, я... нас всех провели вокруг пальца и потрепали за нос. Злодей ты или праведник, преследовал интересы мира или свои личные — это неважно, итог для всех вышел один.

— Сладострастный момент! — провозгласил козёл, поворачивая ко мне злобную морду. — Ползи ко мне, таракашка, сейчас ты станешь свидетелем того, что никто, будь он даже Вседержителем, не сможет уйти от возмездия Десницы Девяносто Девяти Спиц. Против воли мои согнутые ноги заспешили выполнять приказ Тауруса. На карачках я добрался до начала ритуальной звезды, где и оцепенел. Красный Палач воздел руки к пробитой в потолке дыре. Небо озарилось огненными всполохами. Струя пламени

низверглась с небес и окутала козла рыжим плащом. Он засветился как тысячи факелов. Потянулись монотонные слова чародейства Десницы Девяносто Девяти Спиц. На их призыв из пустоты возникли таблички, испещрённые кривыми символами, от одного взгляда на которые хотелось кричать. Они вертелись и перемигивались разрядами молний. Чаша с рубиновой восьмёркой заворочалась и обратилась в ужасную змею. Творилось Осквернённое Пророчество Полного Круга.

— Все ещё можно исправить, — отчётливо прозвучало в моей голове. — В Гамбусе я не в силах противостоять Таурусу. Перелёт в сферу опустошил меня, я ослаб. Но ты, искорка, разожжёшь костёр за меня!

Краем глаза я увидел красный язычок дыхания поверженного Фарганорфа.

— Я переешлю тебе то, что ещё принадлежит мне — мою жизнь. Ты заберёшь её и преобразуешь в энтропию. Приготовься, я посылаю тебе свою Суть.

Старейший Вирм Севера глубоко вдохнул, а затем с шумом выдохнул. Глазницы дракона погасли навсегда. Алые струи покинули его изломанный остов и устремились ко мне. В мгновение ока я стал эпицентром выжигающего импульса. Он уничтожил меня и обращал в ничто.

— Приди, мы нуждаемся в тебе, — прошептал я.

Теряя зрение и слух, я выплеснул из себя лавину силы. Неукротимой стихией она промелькнула над исчадьем Десницы Девяносто Девяти Спиц и врезалась точно в широко раскрытые глаза Эмириус Клайн. Весь чертог озарил первозданный свет. Нечто сотканное из свечения и запредельного Разума кинулось на Тауруса. Оно вошло в него и стало им. Недоумение, а затем страх отразился на звериной роже. Козёл истошно заблеял. Распадаясь на мельчайшие песчинки, он своей смертью ломал саму материю мира. Выжигая дыру в пространстве, Таурус погружал всё вокруг в непроницаемую тьму. Она подхватила меня и погрузила в свои беспредельные воды. Я пропадал. Я испарялся. Я заканчивал путь. Представляя собою лишь бестелесное дыхание, я в глубине Вселенной встретил Его. Вдалеке, немеркнувшей звездой, меня манил Мир Света.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ.